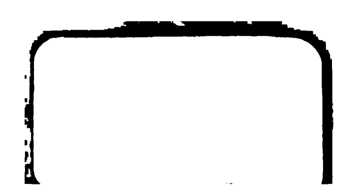

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ

ЖУРНАЛОВЪ СОВѢТА

Кіевской Духовной Академіи

за 1904—1905 учебный годъ.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38.
1905.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ

ЖУРНАЛОВЪ СОВѢТА

Кіевской Духовной Академіи

за 1904—1905 учебный годъ.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1905.

Печатано по постановленію Совѣта Кіевской Духовной Академіи.
Ректоръ Академіи *Епископъ Платонъ*.

1904 года 17 августа.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ ординарнаго профессора В. Завитневича, экстраординарныхъ профессоровъ Д. Богдашевскаго и Н. Маккавейскаго, не возвратившихся еще изъ каникулярнаго отпуска, и заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея I. Королькова, не бывшаго въ собраніи по личнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 15 іюля сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 10 іюля 1904 года за №6790: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе настоятеля церкви при Кіевской Дегтеревской богадѣльнѣ, священника Михаила Стельмашенко, окончившаго съ дипломомъ 1-й степени курсъ историко-филологическихъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра, о разрѣшеніи ему поступить вольнослушателемъ въ Кіевскую Духовную Академію на III курсъ, съ правомъ подвергаться испытаніямъ по предметамъ, невходящимъ въ курсъ университетскихъ наукъ, и подавать сочиненія для полученія ученыхъ степеней. Приказали: Принимая во вниманіе, что священникъ Михаилъ Стельмашенко, по окончаніи въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра курса историко-филологическихъ наукъ, оставленный при Университетѣ въ качествѣ профессорскаго стипендіата по

каѳедрѣ всеобщей исторіи для занятій по исторіи христіанскихъ церквей, преимущественно у славянскихъ народовъ, нуждается для успѣха этихъ занятій въ изученіи соотвѣтствующаго курса богословскихъ наукъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить названнаго священника, въ видѣ изъятія изъ общихъ правилъ и не въ примѣръ другимъ, къ слушанію въ теченіе двухъ лѣтъ академическихъ наукъ съ правомъ сдавать испытанія по тѣмъ изъ нихъ, кои не входятъ въ кругъ университетскихъ наукъ, и подать сочиненіе на полученіе ученой богословской степени, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Священника Михаила Стельмашенко допустить къ слушанію въ теченіе 190⁴/₅ и 190⁵/₆ учебныхъ годовъ тѣхъ изъ богословскихъ наукъ академическаго курса, кои не входятъ въ кругъ университетскихъ наукъ, предоставивъ ему право сдавать испытанія по нимъ вмѣстѣ со студентами Академіи и подать сочиненіе на соисканіе ученой богословской степени вмѣстѣ со студентами IV курса въ 190⁵/₆ учебномъ году.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 16 іюля сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 12 іюля 1904 года за № 6811: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 13 минувшаго іюня за № 1132, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ удостоеніи хранителя Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, магистра богословія Сергѣя Бѣлокурова степени доктора церковной исторіи. Приказали: Принимая во вниманіе многочисленные ученые труды магистра богословія Сергѣя Бѣлокурова въ области церковной исторіи и археологіи, выдающіеся по своей научной цѣнности и важности, Святѣйшій Синодъ,

согласно представленному Вашимъ Преосвященствомъ ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи, опредѣляетъ: удостоить Сергѣя Бѣлокурова, на основаніи § 143 Уст. дух. акад., степени доктора церковной исторіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Изготовить для С. Бѣлокурова дипломъ на степень доктора церковной исторіи и по изготовленіи препроводить по назначенію.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 17 іюля сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 14 іюля 1904 года за № 6851: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 апрѣля сего года за № 701, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи преподавателя Псковской Духовной Семинаріи Александра Замятина въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Покаяніе и его значеніе для нравственной жизни христіанина" и 2) отзывъ Преосвященнаго Тульскаго, отъ 4 минувшаго іюня за № 2158, о названномъ сочиненіи. Приказали: Преподавателя Псковской Духовной семинаріи, кандидата богословія Александра Замятина, удостоеннаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи за означенное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства, и отзыву Преосвященнаго Тульскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Изготовить для А. Замятина магистерскій дипломъ и по изготовленіи препроводить по назначенію.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 15 сего ав-

густа указъ Святѣйшаго Синода отъ 12 августа 1904 года за № 7741: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: Предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24 минувшаго іюля за № 19893, по ходатайствамъ южно-славянскихъ уроженцевъ о принятіи ихъ въ духовно-учебныя заведенія, съ назначеніемъ на содержаніе синодальныхъ стипендій. Приказали: Болгарскаго уроженца Бончо Иванова допустить, послѣ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія, къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Кіевскую Духовную Академію, съ назначеніемъ ему, въ случаѣ принятія въ Академію, стипендіи изъ духовно-учебнаго капитала; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Сданные Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 16 сего августа указы Святѣйшаго Синода:

а) отъ 12 августа 1904 года за № 7751: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе окончившаго Миссіонерскіе курсы при Казанской Духовной Академіи сиро-халдейца Авраама Іосифова объ опредѣленіи его въ составъ Урмійской Духовной Миссіи. И, по справкѣ, Приказали: Согласно ходатайству окончившаго курсъ ученія на миссіонерскихъ курсахъ въ городѣ Казани сиро-халдейца Авраама Іосифова, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить его, Іосифова, въ составъ Православной Духовной Миссіи въ Урміи. Вмѣстѣ съ симъ, уволивъ іеромонаха Мелхиседека (Паевскаго), назначеннаго на должность члена Урмійской Миссіи, отъ таковой должности, опредѣлить на его мѣсто кандидата Кіевской Духовной Академіи іеромонаха Пимена (Бѣлоликова). О чемъ послать указы: Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому и Вашему Прео-

священству и Начальнику Православной Духовной Миссіи въ Урміи, а въ Хозяйственное Управленіе и Учебный Комитетъ передать выписки изъ настоящаго опредѣленія".

б) отъ 13 августа 1904 года за № 7790: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о замѣщеніи нѣкоторыхъ должностей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Приказали: На основаніи бывшихъ разсужденій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить кандидата Кіевской Духовной Академіи, выпуска 1904 года, іеромонаха Іоанна (Поммера) преподавателемъ священнаго писанія въ Черниговскую духовную семинарію; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Увѣдомленія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 10 іюля сего года за № 5445: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 30 іюня 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Михаилъ Вадковскій опредѣленъ на должность преподавателя священнаго писанія въ Орловскую духовную семинарію".

б) отъ 10 іюля сего года за № 5449: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 1 іюля 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Викторъ Фаминскій опредѣленъ на должность преподавателя гомилетики съ соединенными предметами въ Екатеринославскую духовную семинарію съ 16 августа 1904 года".

в) отъ 5 сего августа за № 6153: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 29 минувшаго іюля до-

кладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Анатолій Мышкинъ опредѣленъ, съ 16 сего августа, на должность преподавателя обличительнаго богословія, исторіи и обличенія русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ въ Красноярскую духовную семинарію".

г) отъ 12 сего августа за № 6322: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 5 сего августа докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидаты Кіевской Духовной Академіи Александръ Гомеровъ и Николай Арнольдовъ опредѣлены, съ 16 сего же августа, учителями латинскаго языка въ духовныя училища: Гомеровъ—въ Вятское (въ параллельные классы), а Арнольдовъ—въ Соликамское".

д) отъ 12 сего августа за № 6326: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 5 сего августа докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидаты Кіевской Духовной Академіи Михаилъ Бѣльскій, Ардаліонъ Дѣвицкій и Владиміръ Андріевскій опредѣлены, съ 16 сего же августа, учителями русскаго языка въ старшіе классы духовныхъ училищъ: Бѣльскій—Ишимскаго, Дѣвицкій—Чебоксарскаго и Андріевскій—Усть—Медвѣдицкаго".

е) отъ 12 сего августа за № 6337: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 5 сего августа докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Василій Чудновцевъ опредѣленъ на должность учителя греческаго языка въ Озургетское духовное училище".

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія".

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора всѣмъ поименованнымъ кандидатамъ послано извѣщеніе объ опредѣленіи ихъ на должности преподавателей.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Прошеніе исправляющаго должность доцента Кіевской Духовной Академіи В. Экземплярскаго, отъ 16 сего августа, на имя Преосвященнаго Ректора: „Представляя при семъ шестьдесятъ экземпляровъ моего печатнаго сочиненія „Библейское и святоотеческое ученіе о сущности священства", почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство дать дальнѣйшій ходъ дѣлу о представленіи мнѣ степени магистра богословія".

Справка: Сочиненіе исправляющаго должность доцента Академіи В. Экземплярскаго „Библейское и святоотеческое ученіе о сущности священства" въ рукописи Совѣтомъ Академіи 4 іюня сего года признано было удовлетворительнымъ для степени магистра богословія. Представленные В. Экземплярскимъ печатные экземпляры его своевременно розданы были членамъ Совѣта и другимъ преподавателямъ Академіи. Въ настоящемъ собраніи присутствовавшими членами Совѣта даны одобрительные объ этомъ сочиненіи отзывы.

Постановили: Исправляющаго должность доцента Академіи, кандидата богословія Василія Экземплярскаго допустить къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, назначивъ оффиціальными оппонентами при защитѣ экстраординарныхъ профессоровъ А. Булгакова и Н. Маккавейскаго, время же самаго коллоквіума предоставить назначить Ректору Академіи.

VIII. Прошеніе помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, кандидата богословія Павла Красина, отъ 12 сего августа: „Представляя при семъ шестьдесятъ экземпляровъ своего печатнаго сочиненія „Государственный культъ Израильскаго (десятиколѣннаго) царства", Совѣтомъ Академіи признаннаго въ качествѣ магистерской диссертаціи, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дать дѣлу дальнѣйшее движеніе".

Справка: Сочиненіе кандидата П. Красина „Государственный культъ Израильскаго (десятиколѣннаго) царства" въ рукописи Совѣтомъ Академіи 17 марта сего года признано

было удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и печаталось на счетъ особо ассигнуемой 17 ст. штата дух. акад. суммы. Представленные П. Красинымъ печатные экземпляры его своевременно розданы были членамъ Совѣта и другимъ преподавателямъ Академіи. Въ настоящемъ собраніи присутствовавшими членами Совѣта даны одобрительные объ этомъ сочиненіи отзывы.

Постановили: Помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, кандидата богословія Павла Красина допустить къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, назначивъ оффиціальными оппонентами при защитѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго и доцента, священника А. Глаголева, время же самаго коллоквіума предоставить назначить Ректору Академіи.

IX. Прошеніе преподавателя Калужской духовной семинаріи Ивана Четверикова, отъ 17 сего августа: „Представляя сочиненіе свое подъ заглавіемъ „О Богѣ, какъ личномъ Существѣ“, покорнѣйше прошу Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи принять его на разсмотрѣніе въ качествѣ магистерской диссертаціи“.

Постановили: Представленное преподавателемъ И. Четвериковымъ сочиненіе передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору П. Линицкому и исправляющему должность доцента П. Кудрявцеву.

X. Прошеніе дѣйствительнаго студента Академіи Асада Якуба, отъ 16 сего августа, на имя Преосвященнаго Ректора: „Покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство разрѣшить мнѣ представить, исправленное по указаніямъ г.г. профессоровъ-рецензентовъ, сочиненіе для соисканія степени кандидата богословія, а также допустить къ дополнительнымъ устнымъ экзаменамъ для той же цѣли“.

Справка: Асадъ Якубъ окончилъ курсъ Кіевской Академіи въ іюнѣ 1904 года съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ аттестатѣ его успѣхи по литургикѣ, исторіи философіи и греческому языку отмѣчены баллами неудовлетворительными. Написанное имъ на IV курсѣ для полученія кандидатской степени сочиненіе Совѣтомъ Академіи 4 іюня сего года признано неудовлетворительнымъ для сей степени.

Постановили: Разрѣшить дѣйствительному студенту А. Якубу держать испытанія по литургикѣ, исторія философія и греческому языку въ текущемъ августѣ мѣсяцѣ, для полученія степени кандидата богословія, и представить для этой же цѣли сочиненіе.

XI. Прошеніе студента 1 курса Академіи іеродіакона Іова (Зуммера), отъ 20 іюня сего года, на имя Преосвященнаго Ректора: „Не имѣя возможности, по болѣзни, держать экзаменовъ для перехода на второй курсъ даже въ августѣ мѣсяцѣ сего года, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство оставить меня на томъ-же курсѣ на второй годъ“.

Постановили: Студента Академіи іеродіакона Іова по болѣзни оставить на I курсѣ на второй годъ съ сохраненіемъ за нимъ казеннаго содержанія.

XIII. А) Отношенія Правленій 22 духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ назначенныхъ ими къ отправленію въ составъ новаго академическаго курса воспитанниковъ:

1. Владимірской семинаріи—Снѣгирева Викторина.
2. Вологодской семинаріи—Ѳетисова Николая.
3. Волынской семинаріи—Абрамовича Семена.
4. Воронежской семинаріи—Карманова Григорія.
5. Донской семинаріи—Васильева Александра.
6. Калужской семинаріи—Чистякова Василія.

7. Кишиневской семинаріи—Куршунжи Димитрія.
8. Курской семинаріи—Никитскаго Виктора.
9. Литовской семинаріи—Павловича Василія.
10. Нижегородской семинаріи—Безобразова Сергѣя.
11. Новгородской семинаріи — Великославинскаго Александра.
12. Оренбургской семинаріи—Дмитровскаго Михаила.
13. Рязанской семинаріи—Колосова Сергѣя.
14. Самарской семинаріи—Соболева Валеріана.
15. Симбирской семинаріи—Ласточкина Николая.
16. Ставропольской семинаріи—Кудрявцева Сергѣя
17. Таврической семинаріи—Тихвинскаго Виктора.
18. Тамбовской семинаріи—Каменскаго Владиміра.
19. Тверской семинаріи—Никитина Николая.
20. Тульской семинаріи—Вознесенскаго Виктора.
21. Уфимской семинаріи—Петрова Виктора.
22. Холмской семинаріи—Громадскаго Александра.

Б) Отношенія Правленій Кіевской, Минской и Тифлисской духовныхъ семинарій о томъ, что предназначенные ими къ отправленію въ Академію воспитанники не могутъ явиться къ пріемнымъ испытаніямъ по разнымъ причинамъ.

В) Прошенія 27 окончившихъ съ успѣхомъ семинарскій курсъ воспитанниковъ о допущеніи ихъ къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ I курса, съ приложеніемъ необходимыхъ для сего документовъ:

1. Архангелова Григорія, студента Ставропольской семинаріи.
2. Астрова Сергѣя, студента Тульской семинаріи.
3. Викторовскаго Григорія, студента Волынской семинаріи.
4. Вишневскаго Митрофана, студента Тамбовской семинаріи.
5. Власовскаго Ивана, студента Харьковской семинаріи.

6. Гладкаго Александра, студента Подольской семинаріи.
7. Діомидова Сергѣя, студента Орловской семинаріи.
8. Елеазаровскаго Ивана, студента Архангельской семинаріи.
9. Ефремова Митрофана, студента Воронежской семинаріи.
10. Илюхина Николая, студента Тамбовской семинаріи.
11. Карумидзе Давида, студента Тифлисской семинаріи.
12. Кедрова Павла, студента Новгородской семинаріи.
13. Леонидова Николая, студента Кіевской семинаріи.
14. Маньковскаго Николая, студента Подольской семинаріи.
15. Матусевича Леонида, студента Холмской семинаріи.
16. Митроцкаго Михаила, студента Холмской семинаріи.
17. Новоденскаго Владиміра, студента Новгородской семинаріи.
18. Олтаржевскаго Григорія, студента Кіевской семинаріи, бывшаго студента I курса Кіевской Духовной Академіи.
19. Павловскаго Григорія, студента Архангельской семинаріи.
20. Попова Василія, студента Воронежской семинаріи.
21. Преображенскаго Василія, студента Тульской семинаріи.
22. Раевскаго Вячеслава, студента Орловской семинаріи.
23. Садовскаго Евгенія, студента Кіевской семинаріи.
24. Сасина Михаила, студента Оренбургской семинаріи.
25. Соболева Леонида, студента Ставропольской семинаріи и Юрьевскаго Университета.
26. Уловича Филимона, студента Волынской семинаріи и Варшавскаго ветеринарнаго Института.
27. Шебатинскаго Константина, студента Харьковской семинаріи.

Г) Прошеніе студента Тифлисской духовной семинаріи Карумидзе Давида о возвращеніи ему обратно представленныхъ имъ документовъ вслѣдствіе невозможности для него держать пріемныя испытанія въ Академіи по измѣнившимся семейнымъ обстоятельствамъ.

Справка: 1. Указами Святѣйшаго Синода отъ 5 и 12 ноября 1903 года за №№ 10353 и 10712 разрѣшено Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить въ началѣ наступившаго учебнаго года къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію сирійскихъ діаконовъ Григорія Абу-Хатаба, Антонія Мубайеда и Василія Сидауи и румынскаго подданнаго Николая Еня. Всѣ поименованныя лица прибыли въ Академію.

2. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 марта сего года за № 3062 опредѣлено, чтобы поступающимъ въ Академію воспитанникамъ пріемныя испытанія производились, въ предѣлахъ семинарскаго курса, по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, какъ двумъ отдѣльнымъ предметамъ, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до раздѣленія церквей) и по одному изъ древнихъ языковъ по выбору экзаменующихся; кромѣ того экзаменующіеся должны написать на заданныя темы сочиненія: одно по богословскимъ предметамъ и другое по философскимъ предметамъ, съ написаніемъ одного поученія.

3. Документы студента Д. Карумидзе, согласно его прошенію, по распоряженію Преосвященнаго Ректора возвращены.

Постановили: 52 воспитанниковъ (въ томъ числѣ 22 назначенныхъ семинарскими начальствами къ поступленію въ составъ новаго академическаго курса и 30 прибывшихъ съ тою же цѣлью по собственному желанію) допустить къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ I курса. Предварительно подвергнуть ихъ медицинскому освидѣтельствованію состоянія ихъ здоровья. Пріемныя испытанія произвести съ 19 по 27 сего августа въ слѣдующемъ порядкѣ: на 19 ав-

густа назначить сочиненіе богословскаго содержанія, а для чтенія его—заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Олесницкаго и и. д. доцента В. Экземплярскаго, на 20 августа—сочиненіе философскаго содержанія, поручивъ чтеніе его ординарному профессору В. Завитневичу и доценту С. Песоцкому; на 21 августа—поученіе, а чтеніе его поручить заслуженному экстраординарному профессору Ѳ. Покровскому и экстраординарному профессору священнику Ѳ. Титову. Устныя испытанія произвести съ 23 по 27 сего августа въ пяти одновременно дѣйствующихъ комиссіяхъ, раздѣливъ общее число экзаменующихся на пять группъ. Испытаніе по священному писанію ветхаго завѣта произвести въ комиссіи изъ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго, экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго и доцента, священника А. Глаголева. Въ составъ комиссіи для производства испытанія по священному писанію новаго завѣта назначить заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго, ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго и экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго. Испытаніе по догматическому богословію произвести въ комиссіи изъ исполняющаго обязанности инспектора, заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова, экстраординарнаго профессора А. Булгакова и доцента Н. Мухина. Для производства испытанія по всеобщей церковной исторіи назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Н. Петрова, А. Розова и С. Голубева. Въ составъ комиссіи для испытанія по древнимъ языкамъ назначить заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова и заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова. По окончаніи же пріемныхъ испытаній имѣть сужденіе о зачисленіи экзаменовавшихся въ составъ новаго академическаго курса.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „31 августа 1904 г. Читалъ“.

1904 года 17 августа.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ ординарнаго профессора В. Завитневича, экстраординарныхъ профессоровъ Д. Богдашевскаго и Н. Маккавейскаго, не возвратившихся еще изъ каникулярнаго отпуска, и заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея I. Королькова, не бывшаго въ собраніи по личнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона:

„Совѣтъ Академіи 4 іюня минувшаго 1903 года, обсудивъ вопросъ о замѣщеніи вакантной каѳедры по общей церковной исторіи, за перемѣщеніемъ доцента I. Бродовича на службу въ Харьковскій Университетъ, постановилъ, въ виду отсутствія въ то время соотвѣтствующихъ кандидатовъ, замѣщеніе вакантной каѳедры общей церковной исторіи отложить до будущаго времени, временное же преподаваніе этого предмета въ теченіе минувшаго 190³/₄ учебнаго года поручить заслуженному ординарному профессору С. Голубеву съ производствомъ ему положеннаго вознагражденія. Предлагаю Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса о замѣщеніи вакантной каѳедры общей церковной исторіи.

Постановили: За отсутствіемъ соотвѣтствующихъ кандидатовъ, замѣщеніе вакантной каѳедры общей церковной исторіи отложить до слѣдующаго учебнаго года. Временное преподаваніе этого предмета въ наступившемъ 190⁴/₅ учебномъ году опять поручить заслуженному ординарному профессору С. Голубеву, съ производствомъ ему съ 16 августа сего года, вознагражденія, согласно § 60 уст дух. акад., въ размѣрѣ, не превышающемъ жалованья доцента, о чемъ представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высоко-

преосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „31 августа 1904 г. Утверждается“.

1904 года 31 августа.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, а также доценты, приглашенные на основаніи примѣчанія къ 79 § Уст. дух. акад. Не были въ собраніи: заслуженный экстраординарный профессоръ М. Олесницкій по причинѣ болѣзни и экстраординарный профессоръ Н. Маккавейскій, не возвратившійся еще изъ каникулярнаго отпуска по семейнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: 1 Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона:

„Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, снова пожертвовалъ на академическія нужды 1200 рублей, распредѣленіе которыхъ предоставилъ на мое усмотрѣніе. Сообщая о семъ Совѣту Академіи, съ чувствомъ особеннаго удовольствія предлагаю Совѣту Академіи выразить нашему Владыкѣ за его всегдашнее попечительное отношеніе къ Академіи глубокую благодарность“.

Постановили: Почтительнѣйше выразить Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Кіевскому и Галицкому Флавіану, глубокую благодарность.

II. Предложеніе Ректора Академіи: „Согласно § 81. а. 3. Уст. дух. акад., программы, представляемыя ежегодно наставниками Академіи, подлежатъ утвержденію Совѣта Академіи. Предлагаю, поэтому, составить для ихъ разсмотрѣнія коммиссіи, которыя имѣютъ представить свои отзывы къ одному изъ слѣдующихъ засѣданій Совѣта".

Постановили: Программы преподаваемыхъ въ Академіи наукъ, въ видахъ большаго удобства разсмотрѣнія ихъ, раздѣлить на группы: философско-богословскую, историческую и филологическую, а для разсмотрѣнія каждой группы образовать коммиссіи изъ двухъ профессоровъ Академіи, при чемъ разсмотрѣніе программъ составляющихъ коммиссіи профессоровъ предоставить Ректору Академіи. Такимъ образомъ поручить разсмотрѣніе программъ: 1) профессору П. Лопицкому и М. Ястребову—по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, священному писанію ветхаго и новаго завѣта, нравственному богословію, патристикѣ и пастырскому богословію съ педагогикой, психологіи, исторіи философіи; 2) проф. Н. Петрову и А. Розову—по библейской исторіи, древней общей гражданской исторіи, русской гражданской исторіи, общей церковной исторіи, исторіи русской церкви, исторіи и разбору западныхъ исповѣданій, исторіи русскаго раскола, церковному праву, церковной археологіи и литургикѣ; 3) проф. В. Пѣвницкому и протоіерею І. Королькову—по русскому языку и исторіи русской литературы, еврейскому языку и библейской археологіи, латинскому языку съ его словесностью, нѣмецкому, французскому и англійскому языкамъ; 4) Ректору Академіи—по логикѣ и метафизикѣ, догматическому богословію, теоріи словесности съ исторіей иностранныхъ литературъ, новой общей гражданской исторіи, гомилетикѣ съ исторіей проповѣдничества и греческому языку съ его словесностью.

III. Расписаніе лекцій на 1904—1905 учебный годъ.

Постановили: Расписаніе лекцій на 1904—1905 учебный годъ, составленное согласно требованіямъ §§ 118—120 Уст. дух. акад. и сообразно съ проэктомъ учебнаго плана, внесеннымъ въ Совѣтъ 14 іюня 1885 года, утвердить, по силѣ § 81 а. 2 Устава, и привесть его въ извѣстность между наставниками и студентами Академіи.

IV. Докладъ секретаря Совѣта: „Согласно §§ 123—125 Уст. дух. акад., Совѣтъ Академіи назначаетъ ежегодно число и сроки семестровыхъ сочиненій и проповѣдей для студентовъ Академіи. О семъ имѣю честь доложить Совѣту для зависящихъ распоряженій".

Постановили: Согласно съ требованіями Устава и настоящими потребностями Академіи, назначить на $190^4/_5$ учебный годъ:

а) на 11 октября 1904 года проповѣди студентамъ всѣхъ курсовъ Академіи одновременно, чтеніе же проповѣдей поручить—I курса экстраординарному профессору, священнику Ѳ. Титову, II курса и. д. доцента Ѳ. Мищенко, а III и IV курсовъ заслуженному ординарному профессору В. Пѣвницкому;

б) кромѣ того сочиненія:

въ I курсѣ:

1) по исторіи философіи съ 11 октября по 10 декабря 1904 года;

2) по священному писанію ветхаго завѣта съ 10 декабря 1904 года по 23 февраля 1905 года;

3) по русскому и церковно-славянскому языку (для студентовъ литературной группы) и по русской гражданской исторіи (для студентовъ исторической группы) съ 23 февраля по 8 апрѣля 1905 года;

во II курсѣ:

1) по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ съ 11 октября по 10 декабря 1904 года;

2) по педагогикѣ съ 10 декабря 1904 года по 23 февраля 1905 года;

3) по логикѣ и метафизикѣ съ 23 февраля по 8 апрѣля 1905 года;

въ III курсѣ:

1) по нравственному богословію съ 11 октября по 10 декабря 1904 года;

2) по священному писанію новаго завѣта съ 10. декабря 1904 года по 23 февраля 1905 года;

3) по догматическому богословію съ 23 февраля по 8 апрѣля 1905 года.

Студентамъ IV курса назначить одно сочиненіе на ученую степень къ 8 апрѣля 1905 года.

V. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 18 сего августа за № 6488: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 12 августа 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Николай Онтликъ опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Тверскую духовную семинарію, съ 16 августа 1904 года“.

б) отъ 18 сего августа за № 6491: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 12 сего августа докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Алексѣй Силинъ опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Рославльскаго духовнаго училища“.

в) Отъ 26 сего августа за № 6682: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 19 сего августа докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Сергѣй Путилинъ опредѣленъ съ 1 сентября сего года, на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Владикавказскаго духовнаго училища".

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія".

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора всѣмъ поименованнымъ лицамъ сообщено объ опредѣленіи ихъ на службу.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Докладъ секретаря Совѣта: „Студенту II курса Академіи іеромонаху Мисаилу (Пантеличу), въ маѣ сего года по болѣзни не державшему переходныхъ экзаменовъ по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, по священному писанію ветхаго завѣта, по исторіи и обличенію русскаго раскола и по новой общей гражданской исторіи, Совѣтомъ Академіи 4 іюня сего года предоставлено было сдать экзамены по указаннымъ предметамъ въ текущемъ августѣ мѣсяцѣ. О. Мисаилъ до настоящаго времени въ Академію не явился. О семъ честь имѣю доложить Совѣту".

Постановили: Студента іеромонаха Мисаила (Пантелича) оставить на второмъ курсѣ на второй годъ.

VII. а) Отношеніе Кіевской Духовной Косисторіи, отъ 2 іюля сего года за № 18896, на имя Правленія Академіи: „Кіевская Духовная Консисторія долгъ имѣетъ увѣдомить Правленіе Академіи, что резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 27 минувшаго іюня за № 3067, священникъ Ольгинской церкви г. Кіева Савва Петрунѣвичъ, согласно прошенію, допу-

щенъ къ слушанію академическихъ лекцій въ качествѣ вольнослушателя съ настоящаго учебнаго года".

б) Заявленіе священника Кіево-Ольгинской церкви Саввы Петрунѣвича, отъ 19 сего августа, на имя Преосвященнаго Ректора: „Резолюціей Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, (Ук. Кіев. Д. Конс. отъ $^{2}|_{VII}$ 1904 г. за № 18998), согласно прошенію, мнѣ разрѣшено слушаніе лекцій въ Кіевской Духовной Академіи въ качествѣ вольнослушателя, о чемъ имѣю честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнія Вашего Преосвященства и всепокорнѣйше просить Ваше Преосвященство считать меня съ наступающаго учебнаго года вольнослушателемъ ввѣренной Вашему Преосвященству Академіи".

Постановили: Священника Савву Петрунѣвича допустить къ слушанію академическихъ лекцій съ наступившаго учебнаго года.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „10 сентября 1904 г. Читалъ".

1904 года 31 августа.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, а также доценты, приглашенные на основаніи примѣчанія къ 79 § Уст. дух. акад. Не были въ собраніи: заслуженный экстраординарный профессоръ М. Олесницкій по причинѣ болѣзни и экстраординарный профессоръ Н. Маккавейскій, не возвратившійся еще изъ каникулярнаго отпуска по семейнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: I. Донесеніе комиссіи изъ профессоровъ С. Голубева, В. Малинина и доц. С. Песоцкаго, отъ 30 сего августа.

„Долгъ имѣемъ донести Совѣту Академіи, что, исполняя его порученіе, мы разсмотрѣли учено-богословскіе труды наставниковъ Академіи, помѣщенные въ нашемъ академическомъ журналѣ за 1903 годъ, и нашли заслуживающими премій

I. по предсмертному завѣщанію Макарія, митрополита Московскаго, по 250 рублей, ученыя работы:

1) профессора В. Ѳ. Пѣвницкаго: а) „Христіанскій взглядъ на скорби и страданія, насъ постигающія". Въ этой своей статьѣ почтенный профессоръ съ присущимъ ему ораторскимъ искусствомъ говоритъ о неизбѣжности скорбей и страданій во все продолженіе жизни человѣческой, поднимаетъ вопросъ о происхожденіи скорбей и разъясняетъ, гдѣ христіанинъ долженъ искать утѣшенія и успокоенія отъ одолѣвающихъ его печалей житейскихъ. По силѣ доводовъ, по искреннему глубокому чувству и художественному изложенію эта статья нашего профессора производитъ неотразимое впечатлѣніе. Такова же по характеру и достоинствамъ своимъ другая статья профессора Пѣвницкаго б) „О загробной жизни". Здѣсь авторъ обосновываетъ самое существованіе загробной жизни, начертываетъ образъ жизни и дѣятельности души за гробомъ, говоритъ объ общеніи разлученныхъ отъ насъ смертію душъ съ оставшимися въ живыхъ, о ходатайствѣ за насъ почившихъ праведниковъ и оказываемой ими намъ помощи, о силѣ нашихъ молитвъ за умершихъ, о мѣстѣ обитанія душъ праведныхъ и грѣшныхъ, о взаимномъ общеніи душъ между собою, о сохраненіи мужскаго и женскаго половъ въ загробной жизни, о состояніи душъ младенцевъ, объ образѣ взаимнаго общенія душъ между собою, о переходѣ души изъ здѣшняго міра въ загробную жизнь, о послѣднемъ, страшномъ судѣ,—обосновывая и уясняя все это свидѣтельствами Св. Писанія, ученіемъ св. отцовъ, данными изъ исторіи христіанской церкви и изъ житій святыхъ, далѣе—основаніями психологическими и историческими, даже сужденіями

представителей раціоналистической науки. По полнотѣ и основательности обозрѣнія, по самой оригинальности постановки такого жгучаго, жизненнаго вопроса, какъ вопросъ о загробной жизни, указанная статья профессора Пѣвницкаго заслуживаетъ глубокаго вниманія.

2) профессора П. И. Линицкаго: „Значеніе философіи для богословія". Изъ этой обширной статьи въ 1903 году помѣщены отдѣлы объ отношеніи между вѣрою и научнымъ изслѣдованіемъ, о вѣрѣ въ сверхъестественное, объ откровеніи, о теоретическомъ и практическомъ взглядахъ на религіозную вѣру. Установивъ взглядъ на философію, какъ на помощницу богословія въ дѣлѣ обсужденія важнѣйшихъ и основныхъ вопросовъ о предметахъ вѣры, авторъ говоритъ объ основномъ необходимомъ содержаніи религіозной вѣры, какъ вѣры въ сверхъестественное, даетъ понятіе объ откровеніи въ различныхъ его видахъ и уясняетъ сущность религіозной вѣры съ точки зрѣнія практической. Важность указанныхъ предметовъ для христіанскаго богословія и имя автора, давно пріобрѣвшаго себѣ почетную извѣстность своими философскими трудами, сами собою говорятъ о томъ научномъ интересѣ, какой должна возбуждать означенная статья во всѣхъ занимающихся вопросами теоретическаго богословія.

3) профессора А. И. Булгакова: а) „Церковь и ея отношеніе къ прогрессу". Авторъ рѣшаетъ поставленный вопросъ указаніемъ на внутреннюю жизненную силу церкви и уясняетъ то отношеніе, въ какомъ находятся между собою жизнь церкви и такъ называемый прогрессъ человѣчества, т. е. непрерывное послѣдовательное развитіе человѣкомъ данныхъ ему отъ Бога силъ какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ, опровергая и возраженія, дѣлаемыя по поводу будто бы отрицательнаго отношенія церкви къ тому, что иногда называется прогрессомъ,—къ прогрессу чисто матеріальному, культурному. Избранный авторомъ для изслѣдованія предметъ принадлежитъ къ числу животрепещущихъ вопросовъ, подвергаемыхъ въ настоящее время

разностороннему обсужденію и въ литературѣ и во многихъ кругахъ образованнаго общества. Понятно, поэтому, что статья профессора Булгакова, представляющая собою основательное рѣшеніе поставленнаго въ заглавіи ея вопроса, не можетъ не возбуждать къ себѣ живаго интереса и своею современностью и тѣми серьезными данными, какія привлечены авторомъ къ наилучшему обоснованію избраннаго имъ сложнаго по содержанію своему предмета. Въ другой своей статьѣ б) „Предположеніе о принятіи еще одного догмата въ римско-католическую догматику“ профессоръ Булгаковъ излагаетъ исторію католическаго ученія о тѣлесномъ вознесеніи Богоматери на небо, доведеннаго въ католицизмѣ до степени догмата, и разбираетъ самыя основанія этого ученія съ точки зрѣнія догматической и исторической. Значеніе вопроса, рѣшеніе котораго пост·влено авторомъ на обстоятельную научную почву, очевидно для каждаго православнаго богослова. Въ третьей статьѣ в) „Современное франкмасонство въ его отношеніи къ церкви и государству“ профессоръ Булгаковъ говоритъ о сущности, задачахъ и цѣляхъ современнаго франкмасонства, объ устройствѣ его общинъ, о различныхъ степеняхъ франкмасоновъ, объ ихъ обрядахъ. Пользуясь новѣйшей лучшей литературой о франкмасонствѣ, авторъ выясняетъ сущность его въ отношеніи національномъ, религіозномъ и государственномъ. Каждый читатель прочтетъ эту обстоятельную статью съ большимъ интересомъ.

4) профессора М. Ф. Ястребова „Соглашеніе библейскаго сказанія о міротвореніи съ научными данными и выводами естествознанія“. Объ общемъ содержаніи этой статьи говоритъ уже самое заглавіе ея. Авторъ разбираетъ существующія гипотезы соглашенія библейскаго сказанія о міротвореніи съ данными науки и обосновываетъ историческую достовѣрность этого сказанія данными геологіи, астрономіи, физики и химіи. И если принять во вниманіе, что вопросъ, затронутый авторомъ, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ вопросовъ въ богословской наукѣ, то нельзя не признать, что предложенное профес-

соромъ Ястребовымъ обстоятельное рѣшеніе его на основаніи обширнаго научнаго матеріала должно быть съ благодарностію принято каждымъ, интересующимся догматическими и апологетическими богословскими вопросами.

5) и. д. доцента П. П. Кудрявцева „Къ вопросу объ отношеніи христіанства къ язычеству". Авторъ касается взгляда современныхъ намъ писателей Мережковскаго и Розанова на бракъ въ связи съ общимъ сужденіемъ ихъ объ отношеніи христіанства къ язычеству. Подвергая критическому разбору сужденія указанныхъ представителей современной литературы объ отношеніи христіанства къ язычеству и въ частности сужденіе ихъ по вопросу о бракѣ, авторъ устанавливаетъ правильное христіанское воззрѣніе на бракъ. Вопросъ о бракѣ въ послѣднее время вызвалъ большое возбужденіе въ нѣкоторыхъ кругахъ нашего образованнаго общества и въ нѣкоторыхъ органахъ періодической печати и обсуждался съ особеннымъ оживленіемъ. Понятно, какой интересъ должна вызвать собою и указанная статья г. Кудрявцева, отличающаяся къ тому же большою основательностью по содержанію и художественностью въ изложеніи.

II. По второй юбилейной преміи преосвященнаго Макарія, Митрополита Московскаго, по 200 рублей, ученыя работы:

1) Профессора Н. М. Дроздова „Прототипъ Академій". Въ этой статьѣ авторъ обращаетъ вниманіе на происхожденіе самаго названія „Академія" и знакомитъ читателей съ мѣстоположеніемъ, строемъ и исторіей того древне-греческаго учрежденія, которое впервые получило это названіе и послужило въ той или въ другой мѣрѣ прототипомъ для позднѣйшихъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій. Написанная съ большою научною обстоятельностію, статья профессора Дроздова, затрогивающая всѣ возможныя частности быта и строя древне-аѳинской Академіи и вліянія ея на позднѣйшія высшія учебныя и ученыя учрежденія, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

2) профессора Н. К. Маккавейскаго: а) „Къ вопросу о религіозномъ воспитаніи въ нашей средней общеобразовательной школѣ". Авторъ касается одного изъ жизненныхъ вопросовъ современной педагогики—вопроса о религіозно воспитательномъ элементѣ въ нашей средней общеобразовательной школѣ; отрицая совершенное отсутствіе воспитательнаго элемента въ нашихъ школахъ, авторъ уясняетъ причины недостаточной силы воспитательныхъ воздѣйствій школы и останавливается на дѣятельности законоучителя школы, ея задачѣ, путяхъ выполненія ея, начертываетъ и желательныя улучшенія въ обычныхъ условіяхъ для дѣятельности законоучителя. Практическій интересъ предмета въ виду совершающейся въ настоящее время реформы нашей средней общеобразовательной школы и основательность сужденій автора по этому вопросу даютъ настоящей статьѣ несомнѣнную цѣну въ ряду начертываемыхъ въ обществѣ и литературѣ проэктовъ объ улучшеніи школьнаго воспитанія нашего юношества. Другая статья профессора Маккавейскаго б) „Древнееврейская школа" уже чисто историческаго рода. Авторъ имѣетъ въ виду школы, появившіяся у древнихъ евреевъ послѣ плѣна вавилонскаго, говоритъ о времени возникновенія высшихъ еврейскихъ школъ, ихъ устройствѣ и порядкѣ занятій въ нихъ, о времени возникновенія собственно народныхъ школъ у евреевъ, ихъ внѣшней организаціи и преподаваніи въ нихъ, объ ученикахъ и учителяхъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и о значеніи народныхъ школъ въ исторіи воспитанія у евреевъ: Составленная по первоисточникамъ, на основаніи лучшихъ современныхъ пособій, эта статья профессора Маккавейскаго должна занять замѣтное мѣсто въ общей научной исторіи воспитанія.

3) профессора В. П. Рыбинскаго: а) „Вавилонъ и Библія". Эта статья профессора Рыбинскаго написана по поводу рѣчи съ такимъ же заглавіемъ извѣстнаго ассиріолога Ф. Делича, находящаго въ новѣйшихъ открытіяхъ на почвѣ древней Ассиро-Вавилоніи полную параллель библейскимъ повѣствова-

ніямъ и воззрѣніямъ и потому проводящаго мысль даже о генетической зависимости древнееврейскихъ религіозныхъ представленій отъ вавилонскихъ. Профессоръ Рыбинскій критически разбираетъ тѣ основанія, какія выставляетъ Деличъ въ защиту своего мнѣнія, и тѣмъ защищаетъ не только самостоятельность библейскихъ сказаній и представленій, но, конечно, и богодухновенность ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Статья написана съ большою научною основательностію и, конечно, въ виду новѣйшаго научнаго движенія, особенно въ западной богословско-исторической наукѣ, по вопросу объ отношеніи Вавилона къ Библіи, имѣетъ современный научный интересъ и значеніе. Въ другой своей статьѣ б) „Къ изъясненію 22 стиха XXXI главы книги пророка Іереміи" профессоръ Рыбинскій указываетъ разнообразные опыты объясненія этого труднѣйшаго мѣста ветхозавѣтныхъ писаній и предлагаетъ свое пониманіе этого стиха, наиболѣе оправдываемое контекстомъ рѣчи XXXI главы книги пророка Іереміи. Въ статьѣ в) „Юнилій Африканскій и его руководство къ изученію Библіи" профессоръ Рыбинскій предлагаетъ свѣдѣнія о самомъ Юниліи Африканскомъ и о его сочиненіи „De partibus legis divinae", пользовавшемся всегда большимъ уваженіемъ со времени появленія своего въ VI вѣкѣ; авторъ касается обстоятельствъ происхожденія этого сочиненія Юнилія, его состава и внутренняго содержанія, давая и критическую оцѣнку этому древнему руководству, полезному для экзегетовъ и нашего времени.

4) доцента священника А. А. Глаголева: „Древнееврейская благотворительность". Авторъ кратко касается вопроса о древности благотворительности вообще, затѣмъ переходитъ къ вопросу о благотворительности собственно древне-еврейской, говоря о ней главнымъ образомъ на основаніи данныхъ Св. Писанія и еврейскихъ талмудическихъ писаній, и, наконецъ устанавливаетъ отношеніе, въ какомъ стоитъ древнееврейская благотворительность къ благотворительности христіанской. Написанная на основаніи многихъ источниковъ и научныхъ пособій,

указанная обширная статья о. Глаголева представляетъ собою цѣнный ученый трудъ въ области вопросовъ библейско-археологическихъ.

III. по завѣщанію преосвященнаго Михаила, епископа Курскаго,—статью профессора Ѳ. Я. Покровскаго „Военачальникъ Давидовъ Іоавъ". Въ этой статьѣ начертывается жизнь и дѣятельность военачальника Давидова Іоава, уясняется отношеніе его къ Давиду, указываются заслуги его своему отечеству. Съ полною научною основательностію и обстоятельностью авторъ изслѣдуетъ свой предметъ, критически относясь къ высказывавшимся въ научной литературѣ мнѣніямъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, связаннымъ съ исторіею жизни и дѣятельности Іоава. А изображеніе внѣшняго и внутренняго состоянія іудейскаго царства въ одно изъ самыхъ, можно сказать, свѣтлыхъ временъ его исторіи дѣлаетъ очеркъ профессора Покровскаго интереснымъ не для однихъ только спеціалистовъ-богослововъ.

IV. преміи преосвященнаго Сильвестра, епископа Каневскаго,—статьи профессора А. А. Дмитріевскаго: „Современное русское паломничество въ Св. Землю". Съ большою художественностію, на основаніи главнымъ образомъ личныхъ своихъ непосредственныхъ впечатлѣній и наблюденій въ Палестинѣ, Египтѣ, на Синаѣ, на Аѳонѣ, въ Бари, Римѣ и другихъ мѣстахъ, авторъ послѣ краткой общей исторіи паломничества въ Іерусалимѣ, говоритъ о путешествіяхъ современныхъ намъ русскихъ людей въ Св. Землю, о бытѣ русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ, о положительныхъ сторонахъ русскаго паломничества на Востокѣ, о нравственной атмосферѣ, окружающей русскаго паломника въ Іерусалимѣ и окрестныхъ мѣстахъ, о научныхъ путешествіяхъ въ Св. Землю, о паломничествахъ учащагося юношества и о желательныхъ улучшеніяхъ въ дѣлѣ паломничества русскихъ людей въ Св Землю. Авторъ касается

предмета, близкаго сердцу русскаго православнаго человѣка, и его художественный очеркъ отъ начала до конца читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.—б) „Служебникъ-книга таинственная". Въ этой статьѣ профессора Дмитріевскаго идетъ рѣчь объ особенномъ значеніи книги Служебникъ въ кругѣ богослужебныхъ книгъ православной церкви и о чинѣ литургіи, его исторіи и составѣ, а затѣмъ дѣлается разборъ XXXIX и XL главъ романа Л. Толстого „Воскресеніе", гдѣ этотъ писатель подвергаетъ безпощадному осмѣянію и кощунственному надругательству святѣйшее таинство евхаристіи, составляющее существеннѣйшій актъ христіанскаго богослуженія и главное содержаніе Служебника. Написанная съ большимъ одушевленіемъ и чувствомъ, авторомъ-спеціалистомъ, эта статья профессора Дмитріевскаго производитъ на читателя глубокое впечатлѣніе.

Справка: 1. По § 2 Положенія о посмертныхъ преміяхъ митрополита Московскаго Макарія изъ процентовъ съ пожертвованнаго на этотъ предметъ капитала назначается ежегодно пять премій за сочиненія наставниковъ Академіи, по 250 рублей каждая.

2. По 2 и 3 §§ Положенія о второй юбилейной преміи имени преосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго, изъ процентовъ съ капитала въ 22300 руб. назначаются четыре преміи для наставниковъ Академіи, по 200 руб. каждая, за ихъ наиболѣе выдающіяся по своему достоинству статьи, помѣщаемыя въ академическомъ журналѣ.

3. По 3 § Положенія о преміи епископа Курскаго Михаила и 4 § Положенія о преміи епископа Каневскаго Сильвестра, размѣръ ежегодныхъ премій имени епископовъ Михаила и Сильвестра опредѣляется количествомъ получаемыхъ съ того и другого преміальнаго капитала процентовъ.

4. По смѣтѣ 1904 года ассигновано на выдачу преміи епископа Михаила 277 р. 40 к., а на выдачу преміи епископа Сильвестра 114 руб.

5. По 8 и 9 §§ Положеній о преміяхъ митрополита Макарія и епископа Сильвестра и 2 § Положенія о преміи епископа Михаила, присужденіе премій происходитъ въ собраніи Совѣта Академіи и представляется на утвержденіе Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго.

Постановили: Согласно съ донесеніемъ комиссіи, удостоить отмѣченные ею, помѣщенные въ академическомъ журналѣ за истекшій годъ, труды профессоровъ: В. Пѣвницкаго, П. Линицкаго, А. Булгакова, М. Ястребова, и. д. доцента П. Кудрявцева наставническихъ Макарьевскихъ премій, по 250 руб.,—статьи профессоровъ Н. Дроздова, Н. Маккавейскаго, В. Рыбинскаго и доцента священника А. Глаголева премій имени митрополита Московскаго Макарія по положенію о второй юбилейной преміи его имени, по 200 руб.,—статью профессора Ѳ. Покровскаго преміи епископа Курскаго Михаила въ 277 р. 40 к., а статьи профессора А. Дмитріевскаго—преміи епископа Каневскаго Сильвестра въ 114 руб., о чемъ и представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи премій по принадлежности.

II. Представленные: а) штатнымъ врачемъ Академіи списокъ явившихся для поступленія въ Академію воспитанниковъ съ отмѣтками его о результатахъ произведеннаго имъ освидѣтельствованія состоянія здоровья; б) экзаменаціонными комиссіями списки съ обозначеніемъ въ нихъ балловъ, полученныхъ явившимися въ Академію лицами на повѣрочныхъ испытаніяхъ, какъ устныхъ—по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи и одному изъ древнихъ языковъ, такъ и письменныхъ—по нравственному богословію, по философіи и на поученіи; в) особою комиссіею общую табель сихъ балловъ, составленную ею по

окончанія пріемныхъ испытаній на основаніи экзаменныхъ списковъ.

Справка: 1. По свидѣтельству академическаго врача, всѣ явившіеся для поступленія въ Академію воспитанники оказались вообще неимѣющими физическихъ недостатковъ или болѣзней, могущихъ препятствовать или затруднять для нихъ продолженіе образованія, кромѣ назначенныхъ семинарскимъ начальствомъ для поступленія въ Академію студентовъ семинарій—Волынской Семена Абрамовича и Воронежской Григорія Карманова и явившагося къ пріемнымъ испытаніямъ по собственному желанію студента Тамбовской семинаріи Митрофана Вишневскаго, оказавшихся, по медицинскому освидѣтельствованію, страдающими хроническими болѣзнями, требующими серьезнаго леченія и прекращенія всякихъ кабинетныхъ занятій, и дѣлающими для нихъ жизнь въ общежитіи положительно вредною. Пріемныхъ испытаній поименованные студенты не держали.

2. Иностранные уроженцы Ивановъ Бончо, іеродіаконъ Іосифъ (Николовъ), Милошъ Магазиновичъ и Александръ Сандовичъ, назначенные Святѣйшимъ Синодомъ къ поступленію въ Кіевскую Духовную Академію въ началѣ наступившаго учебнаго года, къ пріемнымъ испытаніямъ въ Академію въ августѣ мѣсяцѣ не явились.

3. По 111 § Уст. дух. акад., желающіе поступить въ Академію принимаются въ нее не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи въ ней повѣрочнаго испытанія. По указу же Святѣйшаго Синода отъ 7 апрѣля 1876 года за № 1003, экзаменующіеся для поступленія въ число студентовъ Академіи должны имѣть удовлетворительныя отмѣтки по каждому предмету не ниже „3"; снисхожденіе же можетъ быть оказано въ отношеніи къ получившимъ одинъ баллъ „2" и при томъ когда отмѣтка „2" покрывается удовлетворительнымъ балломъ по другому однородному предмету.

4. 49 воспитанниковъ, державшіе всѣ повѣрочныя испытанія въ Академіи, по сравнительному достоинству полученныхъ ими балловъ, заняли въ спискѣ мѣста въ такомъ порядкѣ:

1. Куршунжи Димитрій, назнач. Кишиневской семинаріи.
Власовскій Иванъ, вол. Харьковской сем.
Ласточкинъ Николай, назнач. Симбирской сем.
Громадскій Александръ, назнач. Холмской сем.
5. Каменскій Владиміръ, назнач. Тамбовской сем.
Новоденскій Владиміръ, вол. Новгородской сем.
Митроцкій Михаилъ, вол. Холмской сем.
Тихвинскій Викторъ, назнач. Таврической сем.
Великославинскій Александръ, назнач. Новгородской сем.
10. Ѳетисовъ Николай, назнач. Вологодской сем.
Маньковскій Николай, вол. Подольской сем.
Безобразовъ Сергѣй, назнач. Нижегородской сем.
Петровъ Викторъ, назнач. Уфимской сем.
Кудрявцевъ Сергѣй, назнач. Ставропольской сем.
15. Вознесенскій Викторъ, назнач. Тульской сем.
Чистяковъ Василій, назнач. Калужской сем.
Леонидовъ Николай, вол. Кіевской сем.
Никитскій Викторъ, назнач. Курской сем.
Шебатинскій Константинъ, вол. Харьковской сем.
20. Павловичъ Василій, назнач. Литовской сем.
Снѣгиревъ Викторинъ, назнач. Владимірской сем.
Преображенскій Василій, вол. Тульской сем.
Матусевичъ Леонидъ, вол. Холмской сем.
Уловичъ Филимонъ, вол. Волынской сем.
25. Никитинъ Николай, назнач. Тверской сем.
Олтаржевскій Григорій, вол. Кіевской сем.
Астровъ Сергѣй, вол. Тульской сем.
Васильевъ Александръ, назнач. Донской сем.
Павловскій Григорій, вол. Архангельской сем.
30. Колосовъ Сергѣй, назнач. Рязанской сем.

Илюхинъ Николай, вол. Тамбовской сем.
Архангеловъ Григорій, вол. Ставропольской сем.
Садовскій Евгеній, вол. Кіевской сем.
Сасинъ Михаилъ, вол. Оренбургской сем.
35. Соболевъ Валеріанъ, назнач. Самарской сем.
Кедровъ Павелъ, вол. Новгородской сем.
Діомидовъ Сергѣй, вол. Орловской сем.
Ефремовъ Митрофанъ, вол. Воронежской сем.
Гладкій Александръ, вол. Подольской сем.
40. Абу-Хатабъ Григорій (сиріецъ) діаконъ.
Викторовскій Григорій, вол. Волынской сем.
Елеазаровскій Иванъ, вол. Архангельской сем.
Дмитровскій Михаилъ, назнач. Оренбургской сем.
Раевскій Вячеславъ, вол. Орловской сем.
45. Мубайедъ Антоній (сиріецъ) діаконъ.
Сидауи Василій (сиріецъ), діаконъ.
Поповъ Василій, вол. Воронежской сем.
Еня Николай (румынъ), вол. Ясской сем.
49. Соболевъ Леонидъ, вол. Ставропольской сем. и Юрьевскаго Университета.

Изъ нихъ Елеазаровскій Иванъ, Мубайедъ Антоній діаконъ (сиріецъ) имѣютъ по одному неудовлетворительному баллу, Раевскій Вячеславъ, Поповъ Василій, Еня Николай (румынъ) по два неудовлетворительныхъ балла и Соболевъ Леонидъ три неудовлетворительныхъ балла по разнымъ предметамъ.

6. По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ $\frac{4\ мая}{3\ іюня}$ 1887 года за № 830 въ Кіевской Академіи положено 120 казеннокоштныхъ студентовъ, слѣдовательно по 30 на каждый курсъ. На казенное содержаніе, по 112 § Уст. дух. акад., зачисляются лучшія изъ выдержавшихъ испытанія, а остальные принимаются своекоштными, съ помѣщеніемъ, по 113 §, въ зданіи Академіи въ качествѣ пансіонеровъ; внѣ зданій Академіи дозволяется жить только у родителей.

7. Кромѣ 30 казенныхъ вакансій студентамъ I курса можетъ быть предоставлено пять свободныхъ въ настоящее время стипендій, а именно три юбилейныхъ стипендіи, одна Митрополита Кіевскаго Іоанникія и одна Кіевскаго духовенства.

Постановили: А) Изъ допущенныхъ къ пріемнымъ испытаніямъ воспитанниковъ принять въ составъ I курса Академіи 45 воспитанниковъ: Д. Куршунжи, Ив. Власовскаго, Н. Ласточкина, А. Громадскаго, В. Каменскаго, В. Новоденскаго, М. Митроцкаго, В. Тихвинскаго, А. Великославинскаго, Н. Ѳетисова, Н. Маньковскаго, С. Безобразова, В. Петрова, С. Кудрявцева, В. Вознесенскаго, В. Чистякова, Н. Леонидова, В. Никитскаго, К. Шебатинскаго, В. Павловича, В. Снѣгирева, В. Преображенскаго, Л. Матусевича, Ф. Уловича, Н. Никитина, Г. Олтаржевскаго, С. Астрова, А. Васильева, Г. Павловскаго, С. Колосова, Н. Илюхина, Г. Архангелова, Е. Садовскаго, М. Сасина, В. Соболева, П. Кедрова, С. Діомидова, М. Ефремова, А. Гладкаго, діакона Григорія Абу-Хатаба, Г. Викторовскаго, М. Дмитровскаго, діакона Антонія Мубайеда, діакона Василія Сидауи и Николая Еню. Воспитанникамъ С. Абрамовичу, Г. Карманову, М. Вишневскому, И. Елеазаровскому, В. Раевскому, В. Попову и Леониду Соболеву отказать въ пріемѣ—первымъ тремъ по болѣзни, остальнымъ по неподготовленности ихъ къ прохожденію академическаго курса. Документы непринимаемыхъ въ Академію воспитанниковъ возвратить по принадлежности.

О Ивановѣ Бончо, іеродіаконѣ Іосифѣ (Николовѣ), Милошѣ Магазиновичѣ и А. Сандовичѣ имѣть сужденіе по прибытіи ихъ въ Академію.

Б) Изъ 45 вновь принимаемыхъ студентовъ зачислить: а) на 30 казеннокоштныхъ вакансій слѣдующихъ: Д. Куршунжи, И. Власовскаго, Н. Ласточкина, А. Громадскаго, В. Каменскаго, В. Новоденскаго, М. Митроцкаго, В. Тихвинскаго, А. Великославинскаго, Н. Ѳетисова, Н. Маньковскаго, С. Безо-

бразова, В. Петрова, С. Кудрявцева, В. Вознесенскаго, В. Чистякова, Н. Леонидова, В. Никитскаго, К. Шебатинскаго, В. Павловича, В. Снѣгирева, В. Преображенскаго, Л. Матусевича, Ф. Уловича, Н. Никитина, Г. Олтаржевскаго, А. Васильева, С. Колосова, В. Соболева и М. Дмитровскаго; б) на юбилейныя стипендіи—С. Астрова, Г. Павловскаго и Н. Илюхина; в) на стипендію Митрополита Кіевскаго Іоанникія Г. Архангелова; г) на стипендію Кіевскаго духовенства—Е. Садовскаго; д) иностранныхъ уроженцевъ—Н. Еню, діаконовъ Антонія Мубайеда, Василія Сидауи и Григорія Абу-Хатаба оставить на спеціальныхъ стипендіяхъ съ помѣщеніемъ ихъ въ академическомъ общежитіи; е) затѣмъ М. Сасину, П. Кедрову, С. Діомидову, М. Ефремову, А. Гладкому и Г. Викторовскому предоставить проходить академическій курсъ на своемъ содержаніи съ помѣщеніемъ въ зданіяхъ Академіи за установленную плату.

В) О послѣдствіяхъ пріемныхъ испытаній представить установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду, съ приложеніемъ именного списка всѣхъ допущенныхъ къ пріемнымъ испытаніямъ воспитанниковъ и табели полученныхъ ими баллов.

III. а) Отзывы о сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи Асада *Якуба* подъ заглавіемъ: „Нравственность и искусство. Опытъ рѣшенія вопроса съ христіанской точки зрѣнія", представленномъ на соисканіе кандидатской степени.

а) И. д. доцента В. Экземплярскаго:

„Сочиненіе, представленное дѣйствительнымъ студентомъ Кіевской Академіи г. Асадъ-Якубомъ для полученія степени кандидата богословія, написано на ту же тему и по тому же плану, какъ и его первое сочиненіе. Но этимъ и ограничивается сходство двухъ представленныхъ имъ сочиненій, и безъ преувеличенія можно сказать, что настоящее сочиненіе по содержанію и формальной обработкѣ не имѣетъ ничего общаго съ

первымъ, по времени подачи, сочиненіемъ. Вмѣсто крайней неаккуратности и неточности въ указаніи источниковъ, какими пользовался авторъ при написаніи своего сочиненія, что наблюдалось ранѣе въ сочиненіи г. Асадъ-Якуба, мы теперь встрѣчаемъ полную добросовѣстность въ указаніи такихъ пособій и достаточную точность въ передачѣ чужихъ мыслей. Вмѣсто полной путаницы въ расположеніи матеріала, полнаго отсутствія раздѣльности и послѣдовательности въ изложеніи, доходящихъ до нерѣдкихъ противорѣчій автора самому себѣ, мы встрѣчаемъ здѣсь полное, въ общемъ, господство автора надъ матеріаломъ, логически правильное теченіе и послѣдовательное развитіе мыслей автора. Вмѣсто, наконецъ, негладкой, а иногда и не вполнѣ грамотной рѣчи, теперь мы читаемъ сочиненіе, написанное правильнымъ языкомъ, нерѣдко встрѣчаемъ даже довольно красивую, образную рѣчь. Если можно указать, какъ на существенный недостатокъ настоящей работы, на ея далеко неполную самостоятельность и нѣсколько поверхностный характеръ, не могущій удовлетворить научнымъ требованіямъ глубины и всесторонности изслѣдованія, то этотъ недостатокъ нельзя, однако, поставить въ вину автору, если принять во вниманіе краткость имѣвшагося въ его распоряженіи времени и ничтожную помощь, какую могло оказать первое сочиненіе. Въ виду этого я полагаю, что означенное сочиненіе можетъ быть признано достаточнымъ для полученія авторомъ его кандидатской степени".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Олесницкаго:

„Признаное раньше неудовлетворительнымъ и представленное вновь сочиненіе Асада Якуба имѣетъ лучшій прежняго видъ. Планъ остался тотъ же, но въ содержаніи много измѣненій, и мысли изложены яснѣе, отчетливѣе, безъ прежнихъ противорѣчій и странностей. Языкъ также удовлетворительнѣе.

Въ виду этого сочиненіе Якуба можно признать удовлетворительною кандидатскою диссертаціей".

б) Актъ испытаній: „1904 года 26 и 27 августа подвергнутъ былъ испытаніямъ по литургикѣ, исторіи философіи и греческому языку, для полученія степени кандидата богословія, дѣйствительный студентъ Кіевской Духовной Академіи Асадъ Якубъ и получилъ на испытаніяхъ слѣдующіе баллы: по литургикѣ 3 (три), по исторіи философіи 3 (три), по греческому языку 3 (три)".

Справка: Асадъ Якубъ окончилъ полный курсъ наукъ Академіи въ іюнѣ сего года съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ полученія степени кандидата по представленіи удовлетворительнаго для сей степени сочиненія и по выдержаніи испытанія по литургикѣ, исторіи философіи и греческому языку.

Постановили: Сочиненіе дѣйствительнаго студента Асада Якуба, согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для кандидатской степени и какъ за это сочиненіе, такъ и за оказанные имъ на дополнительномъ испытаніи и въ теченіе всего академическаго курса успѣхи и поведеніе, удостоить его степени кандидата богословія, о чемъ, на основаніи § 81. б. 10 Уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи выдать Асаду Якубу кандидатскій дипломъ съ извѣщеніемъ о семъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

IV. Прошеніе преподавателя Новгородской духовной семинаріи, кандидата богословія Димитрія Знаменскаго, отъ 17 сего августа, на имя Преосвященнаго Ректора: „Почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство разрѣшить мнѣ переработку моего кандидатскаго сочиненія на тему: „Ученіе св. Апостола Іоанна Богослова въ четвертомъ евангеліи о Лицѣ Іисуса Хри-

ста" для представленія его въ качествѣ магистерской диссертаціи".

Справка: 1. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюня 1895 года за № 2567 предписано, чтобы академическіе Совѣты дозволяли удостоеннымъ степени кандидата богословія передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертаціи съ большою осторожностію и не иначе какъ съ особаго разрѣшенія епархіальнаго архіерея.

2. При обсужденіи прошенія кандидата Знаменскаго указанная имъ тема признана пригодною для магистерской диссертаціи.

Постановили: Просить Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Флавіана, о разрѣшеніи кандидату Знаменскому переработки его кандидатскаго курсового сочиненія въ магистерскую диссертацію примѣнительно къ указанной въ его прошеніи темѣ.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „10 сентября 1904 г. Утверждается".

1904 года 9 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ С. Голубева, В. Малинина и заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Олесницкаго, не бывшихъ въ собраніи по причинѣ болѣзни, и заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпускѣ.

Слушали: Коллоквіумъ, на которомъ подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Флавіана, въ присутствіи членовъ Совѣта, доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи и служащихъ при ней лицъ, а также постороннихъ лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ Академіи на основаніи 136 § Уст. дух. акад.,—преосвященнаго Агапита, епископа Уманскаго, намѣстника Кіево-Печерской Лавры, архимандрита Антонія, начальниковъ и наставниковъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній, священниковъ Кіевскихъ городскихъ церквей, и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія,—исправляющій должность доцента Кіевской Духовной Академіи, кандидатъ богословія Василій Экземплярскій защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „Библейское и святоотеческое ученіе о сущности священства". Оффиціальными оппонентами при защитѣ были экстраординарные профессоры А. Булгаковъ и Н. Маккавейскій. Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей поясненіе предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженія со стороны оффиціальныхъ оппонентовъ и неоффиціально возражавшаго заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова, на которыя магистрантомъ даны были надлежащіе отвѣты или объясненія. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ Академіи призналъ удовлетворительною.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ Василіемъ Экземплярскимъ сочиненія его: „Библейское и святоотеческое ученіе о сущности священства", и на основаніи признанной 17 августа сего года удовлетворительности самаго сочиненія для степени магистра богословія, удостоить автора его этой степени и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи Васи-

лія Экземплярскаго въ степени магистра богословія, на основанія § 81. в. 6. Уст. дух. акад.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „13 сентября 1904 г. Согласенъ“.

1904 года 22 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго и экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, не бывшихъ въ собраніи по причинѣ болѣзни, и заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпускѣ.

Слушали: Коллоквіумъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Флавіана, въ присутствіи членовъ Совѣта, доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи и служащихъ при ней лицъ, а также постороннихъ лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ Академіи на основаніи 136 § Уст. дух. акад.,—преосвященнаго Агапита, епископа Уманскаго, намѣстника Кіево Печерской Лавры, архимандрита Антонія, настоятеля Кіево-Выдубицкаго монастыря, архимандрита Евлогія, начальниковъ и наставниковъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній, священниковъ Кіевскихъ городскихъ церквей и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія,—помощникъ инспектора Харьковской духовной семинаріи, кандидатъ богословія Павелъ Красинъ защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочи-

ненie подъ заглавieмъ: „Государственный культъ Израильскаго (десятиколѣннаго) царства". Оффицiальными оппонентами при защитѣ были заслуженный экстраординарный профессоръ Ѳ. Покровскiй и доцентъ священникъ А. Глаголевъ. Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей поясненie предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженiя со стороны оффицiальныхъ оппонентовъ, на которыя магистрантомъ даны были надлежащiе отвѣты или объясненiя. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненiя Совѣтъ Академiи призналъ удовлетворительною.

Постановили: Вслѣдствie признанiя удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ Павломъ Красинымъ сочиненiя его: „Государственный культъ Израильскаго (десятиколѣннаго) царства" и на основанiи признанной 17 августа сего года удовлетворительности самаго сочиненiя для степени магистра богословiя, удостоить автора его этой степени и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кiевскаго Флавiана, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденiи Павла Красина въ степени магистра богословiя, на основанiи § 81. в. 6. Уст. дух. акад.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кiевскимъ Флавiаномъ, положена резолюцiя: „30 сентября 1904 г. Согласенъ".

1904 года 26 сентября.

Въ собранiи Совѣта Кiевской Духовной Академiи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ экстраординарныхъ профессоровъ М. Ястребова, М. Олесницкаго, экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, не бывшихъ въ собранiи по причинѣ болѣзни, и заслу-

женнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова, не бывшаго по причинѣ нахожденія въ отпускѣ.

Слушали: Предложеніе Ректора Академіи: „Сегодня отъ 1 до 3 часовъ дня въ актовой залѣ Академіи состоялось торжественное собраніе личнаго состава ея, подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Флавіана, въ присутствіи преосвященныхъ Антонія, епископа Волынскаго и Житомірскаго, Сильвестра, епископа Канѣвскаго, и Агапита, епископа Уманскаго, Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Сенатора В. К. Саблера, временно командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта В. А. Сухомлинова, командира 21 армейскаго корпуса, генералъ-лейтенанта П. В. Кононовича-Горбацкаго, предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты А. А. Мейсснера, Кіевскаго вице-губернатора Ф. А. Штакельберга, ректора Университета св. Владиміра Н. В. Бобрецкаго, г. Городского Головы В. Н. Проценко, начальника Кіевскаго военнаго училища Д. С. Шуваева и другихъ представителей разныхъ учрежденій въ Кіевѣ и многихъ любителей духовнаго просвѣщенія. Въ этомъ собраніи доцентъ Академіи С. Песоцкій произнесъ составленную имъ рѣчь подъ заглавіемъ: „Идея избавленія и Избавителя у древнихъ культурныхъ языческихъ народовъ“, а членъ Совѣта и Правленія, заслуженный ординарный профессоръ В. Пѣвницкій прочелъ краткое извлеченіе изъ составленнаго имъ отчета о состояніи Академіи за 1903—1904 учебный годъ“.

Постановили: О состоявшемся въ установленномъ порядкѣ годичномъ актѣ записать въ протоколъ настоящаго собранія. Рѣчь и Отчетъ напечатать для общаго свѣдѣнія въ академическомъ журналѣ; по напечатаніи же представить Отчетъ на основаніи 90 § Уст. дух. акад. въ Святѣйшій Синодъ.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „13 октября 1904 г. Читалъ".

1904 года 12 октября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпускѣ, экстраординарнаго профессора А. Булгакова, не бывшаго въ собраніи по причинѣ болѣзни, ординарнаго профессора В. Завитневича и экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго, не бывшихъ по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающихся ихъ дѣлъ.

Слушали: 1. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 19 сентября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 15 сентября 1904 года за № 8923: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: о принятіи нѣкоторыхъ иностранныхъ уроженцевъ въ русскія духовно учебныя заведенія и о назначеніи имъ на содержаніе синодальныхъ стипендій. Приказали: 1) По вниманію къ ходатайству состоящей при 1-мъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Комиссіи по образованію въ Россіи южныхъ славянъ, допустить македонскихъ уроженцевъ Ефрема Лучича и Даніила Колаковича въ установленномъ для иностранцевъ порядкѣ къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія ихъ въ Кіевскую Духовную Академію, и 2) назначить названнымъ иностранцамъ въ случаѣ принятія ихъ въ Академію, а также обучающемуся въ IV классѣ Кіевской духовной семинаріи сербскому уроженцу Александру Димитріевичу синодальныя стипен-

дія въ установленномъ размѣрѣ, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Справка: Вслѣдствіе резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей на приведенномъ указѣ, Совѣтомъ Академіи 23 сего сентября послано увѣдомленіе въ Правленіе Кіевской духовной семинаріи о назначеніи воспитаннику ея Димитріевичу синодальной стипендіи.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Увѣдомленія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 7 сентября сего года за № 6959: „По утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 26 августа 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Евгеній Февралевъ опредѣленъ на должность преподавателя обличительнаго богословія, исторіи и обличенія русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ въ Черниговскую духовную семинарію".

Отъ 17 сентября сего года:

б) за № 7222: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 11 сентября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Леонтій Страшкевичъ опредѣленъ на должность учителя греческаго языка въ Павловское духовное училище".

в) за № 7243: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 11 сентября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Германъ Ивановскій опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Витебскую духовную семинарію".

г) за № 7245: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 11 сентября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Акаде-

мія Николай Смирновъ опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Казанскую духовную семинарію".

д) отъ 6 сего октября за № 7671: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 30 сентября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Сергѣй Переверзевъ опредѣленъ на должность преподавателя словесности и исторіи русской литературы въ Екатеринославскую духовную семинарію".

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія".

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи всѣмъ поименованнымъ лицамъ сообщено о состоявшемся опредѣленіи ихъ на должности.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Заявленія профессорскихъ стипендіатовъ:

а) іеромонаха Анатолія (Грисюка) отъ 24 августа сего года, на имя Преосвященнаго Ректора: „Честь имѣю заявить Вашему Преосвященству, что предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій въ настоящемъ учебномъ году я избираю общую церковную исторію".

б) Митрофана Инсарскаго отъ 9 сентября сего года: „Честь имѣю заявить Совѣту Академіи, что предметомъ своихъ стипендіатскихъ занятій на предстоящій 1904—5 академическій годъ я избираю догматическое богословіе".

Постановили: Сдѣланный профессорскими стипендіатами іеромонахомъ Анатоліемъ и М. Инсарскимъ выборъ предметовъ для спеціальнаго занятія одобрить, а руководство ихъ въ занятіяхъ поручить—о. Анатолія заслуженному ординарному профессору

С. Голубеву, а Инсарскаго—заслуженному экстраординарному профессору М. Ястребову.

II. Отзывы о рукописномъ сочиненіи преподавателя Воронежской духовной семинаріи, кандидата богословія Василія Попова подъ заглавіемъ: „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)“, представленномъ на степень магистра богословія.

а) Доцента Н. Мухина:

„Обширное по своимъ размѣрамъ (XLVIII+704 стр.) сочиненіе г. Попова состоитъ изъ введенія и двухъ частей, обнимающихъ, въ своей совокупности, восемь главъ.—Во введеніи авторъ говоритъ о пробужденіи интереса съ конца 60-хъ годовъ прошлаго вѣка къ изученію послѣплѣнной эпохи іудейской исторіи, доказываетъ значеніе первой части (I—VI глл.) первой книги Ездры и книгъ пророковъ Аггея и Захаріи, какъ источниковъ для исторіи іудейскаго народа въ послѣплѣнное время, опровергаетъ взглядъ отрицательной критики, умаляющей значеніе этихъ книгъ, какъ историческихъ документовъ, разъясняетъ задачу, методъ и планъ своего изслѣдованія и, наконецъ, указываетъ литературу предмета. Въ первой части, обнимающей четыре главы, авторъ раскрываетъ первую половину своей темы, входитъ въ обстоятельное обслѣдованіе вопроса о томъ, при какихъ обстоятельствахъ произошло возвращеніе іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна. Такъ, въ I главѣ авторъ говоритъ объ освобожденіи іудеевъ изъ плѣна. Во II главѣ выясняетъ, кто былъ предводителемъ перваго каравана освобожденныхъ изъ плѣна іудеевъ и первымъ областеначальникомъ персидской провинціи Іудеи. Третья глава посвящена разъясненію вопроса о томъ, когда и какъ выступили іудеи изъ Вавилоніи, какъ пришли и поселились въ Палестинѣ. Въ IV главѣ авторъ излагаетъ гипотезу Костерса о неисторичности факта

возвращенія іудеевъ изъ плѣна при Кирѣ и подвергаетъ ее критической оцѣнкѣ. Вторая часть изслѣдованія, обнимающая остальныя четыре (V—VIII) главы, посвящена раскрытію второй половины темы, трактуетъ о первыхъ годахъ жизни іудеевъ въ Палестинѣ по возвращеніи изъ плѣна до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.). Частнѣе, въ V главѣ выясняются отношенія возвратившейся изъ плѣна общины къ сосѣднимъ народамъ, и изображается устройство ея политическое и религіозное. Въ VI главѣ говорится о сооруженіи возвратившимися іудеями жертвенника и основаніи ими храма, въ связи съ исторіей его сооруженія до второго года царствованія Дарія Гистаспа. VII глава заключаетъ въ себѣ дальнѣйшую исторію сооруженія храма, со времени возобновленія работъ въ немъ во второй годъ правленія Дарія до окончанія ихъ включительно. VIII глава обнимаетъ собою періодъ іудейской исторіи отъ окончанія храма до прихода Ездры въ Іерусалимъ. Таково вкратцѣ содержаніе изслѣдованія г. Попова.

Авторъ даетъ широкую постановку своей работѣ. Ближайшею задачею его было воспроизвести исторію возвращенія іудеевъ изъ плѣна и первыхъ лѣтъ ихъ жизни въ Палестинѣ, какъ изображаютъ ее библейскіе и другіе источники. Но авторъ не ограничивается такою постановкою дѣла и значительно раздвигаетъ рамки своего изслѣдованія, въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ западной библейской исторической литературѣ, съ конца 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, съ легкой руки Шрадера, стали появляться изслѣдованія, умалявшія значеніе первой книги Ездры, какъ источника по исторіи послѣплѣннаго періода жизни іудейскаго народа. Съ теченіемъ времени въ литературѣ стали раздаваться все болѣе и болѣе смѣлые голоса противъ этого источника, и, наконецъ, стали излагать послѣплѣнную исторію іудейскаго народа въ иномъ освѣщеніи, въ иной смѣнѣ событій, чѣмъ какъ она представлена въ Библіи. Авторъ задается цѣлію защитить значеніе первой книги Ездры и другихъ библейскихъ книгъ, какъ историческихъ документовъ,

и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что представленная имъ, на основаніи этихъ источниковъ, исторія послѣплѣннаго періода жизни іудейскаго народа—единственно достовѣрная. Намѣченная авторомъ задача выполнена успѣшно. Авторъ привлекаетъ къ дѣлу богатую литературу на иностранныхъ и русскомъ языкахъ и входитъ въ обстоятельное всестороннее обслѣдованіе поставленнаго темою вопроса. Онъ не оставляетъ безъ разсмотрѣнія ни одной болѣе или менѣе важной стороны жизни послѣплѣннаго іудейства, съ любовію, достойною высокой похвалы, входитъ въ разъясненіе всѣхъ условій и обстоятельствъ жизни іудейскаго народа, и представленная имъ исторія этого народа, въ указанный періодъ, оставляетъ въ читателѣ впечатлѣніе обстоятельнаго, всесторонне развитаго, вполнѣ научнаго труда. Со вдумчивостію, характеризующею умѣлаго наблюдателя, онъ устремляетъ свой взоръ въ историческое прошлое іудейскаго народа, и направляемые имъ въ эту даль лучи исторической правды озаряютъ ее (даль) въ истинномъ свѣтѣ, предъ которымъ меркнетъ искусственное освѣщеніе, въ какомъ старается представить это прошлое іудейскаго народа отрицательная критика. Доводы автора отличаются основательностію. Онъ ничего не принимаетъ на вѣру и, раскрывая извѣстное положеніе, старается дойти до его послѣднихъ основаній. Проходящая чрезъ все сочиненіе полемика съ отрицательной критикой ведется авторомъ умѣло и потому не утомляетъ читателя. Съ спокойствіемъ, свойственнымъ человѣку, увѣренному въ правотѣ своего дѣла, авторъ, разъясняя тѣ или другія обстоятельства изъ жизни послѣплѣннаго іудейства, попутно излагаетъ мнѣнія отрицательной критики и, при свѣтѣ научныхъ данныхъ, разоблачаетъ несостоятельность ея притязаній. Авторъ владѣетъ глубокими познаніями въ области ветхозавѣтной библіологіи и, въ борьбѣ съ раціонализмомъ, выступаетъ во всеоружіи науки. Мысль его основательная, послѣдовательная въ своемъ развитіи, способная къ глубокому анализу и широтѣ обобщеній. Облечена она въ вполнѣ литературную форму. Тонъ

сочиненія серьезный, соотвѣтствующій достоинству обслѣдуемаго предмета.

Но при всѣхъ, отмѣченныхъ нами, достоинствахъ, сочиненіе не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ.—Такъ, планъ сочиненія не во всѣхъ своихъ частяхъ отличается надлежащею выработанностію. Стройный въ общемъ, планъ этотъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, нарушается въ своемъ послѣдовательномъ раскрытіи. Въ III главѣ авторъ разрѣшаетъ, между прочимъ, вопросъ о времени выхода іудеевъ изъ Вавилоніи (стр. 126—131). Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна падаетъ на 2-й годъ правленія Кира. Этому же самому вопросу, только въ нѣсколько иной постановкѣ его, авторъ посвящаетъ слѣдующую (IV) главу своего сочиненія. Авторъ придаетъ возможное значеніе гипотезѣ Костерса о неисторичности факта возвращенія іудеевъ во 2-й годъ правленія Кира и критическій разборъ ея, въ связи съ положительнымъ рѣшеніемъ вопроса о времени возвращенія іудеевъ изъ плѣна, помѣщаетъ въ особой, довольно обширной главѣ. Такимъ образомъ объ одномъ и томъ же предметѣ авторъ почему то находитъ необходимымъ говорить въ двухъ главахъ своего сочиненія. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ IV главѣ встрѣчаются повторенія того, что сказано было о времени выхода іудеевъ изъ Вавилоніи въ III главѣ. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы авторъ объединилъ матеріалъ, обработанный имъ въ III и IV главахъ, въ одной главѣ, удѣливъ болѣе мѣста положительному рѣшенію вопроса о времени возвращенія іудеевъ изъ плѣна, чѣмъ полемикѣ съ отрицательными воззрѣніями по данному предмету. При такой постановкѣ дѣла, сочиненіе, въ указанныхъ своихъ частяхъ, выиграло бы въ стройности и уменьшилось бы въ своемъ искуственно раздутомъ объемѣ. Не находитъ же авторъ возможнымъ выдѣлять въ общую главу критическій разборъ гипотезы Шрадера о неисторичности разсказа книги Ездры о построеніи жертвенника (стр. 386 и слл.) и храма (стр. 422 и сл.), не смотря на несомнѣнно важное значеніе сужденій

Шрадера и ихъ вліяніе на западную историко-библейскую литературу?!... Въ VI главѣ своего изслѣдованія авторъ даетъ положительное рѣшеніе вопроса о сооруженіи возвратившимися изъ плѣна іудеями жертвенника и храма и попутно раскрываетъ несостоятельность взгляда Шрадера по этому вопросу. Почему же авторъ отступаетъ отъ этого вполнѣ естественнаго плана, когда касается сужденій Костерса по указанному нами вопросу? Далѣе, намъ кажется неумѣстнымъ трактовать въ III главѣ о пожертвованіяхъ іудеевъ на храмъ (стр. 197—206). Вопросу о сооруженіи возвратившимися изъ плѣна іудеями храма авторъ посвящаетъ особую (VI) главу, гдѣ умѣстнѣе всего было бы говорить и о пожертвованіяхъ на сооруженіе храма. Отъ этого перемѣщенія указаннаго матеріала изъ одной главы въ другую выигралъ бы въ естественности своего построенія планъ сочиненія.—Нельзя также одобрить слѣдующаго пріема изслѣдованія автора. Въ видахъ полемики съ мнѣніями отрицательной критики автору необходимо было предварительно входить въ изложеніе этихъ мнѣній. Разумѣется, излагать сужденія отрицательной критики автору надлежало въ такой мѣрѣ, въ какой онъ предполагалъ войти въ критическое обслѣдованіе ихъ, въ какой это было необходимо для цѣлей полемики автора,—не больше. Къ сожалѣнію, авторъ не всегда соблюдаетъ чувство мѣры въ данномъ отношеніи. Иногда онъ подробно излагаетъ взгляды отрицательной критики, а самъ ограничивается лишь общимъ опроверженіемъ ихъ. Когда авторъ приводитъ мнѣнія отрицательной критики о писателѣ книги Ездры, онъ старается представить обстоятельную аргументацію ихъ, когда же, въ противовѣсъ критикѣ, высказываетъ свои сужденія о томъ же, ограничивается простымъ утвержденіемъ защищаемаго положенія или ссылается на голосъ преданія церкви (см. введеніе, стр. VIII—XXII и сл.). Авторъ пространно излагаетъ мнѣнія ученыхъ, видящихъ въ Шешбацарѣ и Зоровавелѣ имена двухъ различныхъ лицъ (стр. 72—80), а отъ болѣе или менѣе обстоятельной критики этихъ мнѣній

отказывается, ограничиваясь лишь бѣглыми замѣчаніями о нихъ (стр. 89). Автору не слѣдовало бы удѣлять много мѣста изложенію мнѣній указанныхъ ученыхъ. Иногда авторъ почему то считаетъ необходимымъ знакомить читателя съ тѣмъ или другимъ взглядомъ отрицательной критики, уклоняясь совершенно отъ оцѣнки его. Авторъ останавливаетъ свое вниманіе на попыткѣ Эвальда примирить показанія первой книги Ездры (I, 8—11) о числѣ сосудовъ, полученныхъ іудеями при возвращеніи изъ плѣна, называетъ эту попытку искусственною (стр. 61—62), но не подвергаетъ ея критическому разбору, не разъясняетъ даже въ общихъ чертахъ, въ чемъ состоитъ эта искусственность.—Изложеніе подлежащихъ оцѣнкѣ взглядовъ страдаетъ у автора, по мѣстамъ, растянутостію, безъ нужды увеличивающею и безъ того внушительный объемъ сочиненія. Къ чему, напр., автору понадобилось, послѣ обобщенія мнѣній Сменда, Берто, Штаде и Бертолета о томъ, что Іисусъ, ближайшій сотрудникъ Зоровавеля, не былъ облеченъ властію первосвященника непосредственно послѣ освобожденія іудеевъ изъ плѣна,—приводить сужденія объ этомъ Сменда, Штаде (стр. 354—360)? Новаго они ничего не приносятъ и являются, въ сущности, излишнимъ для сочиненія балластомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ считается лишь съ обобщеніемъ ихъ. Еще одинъ примѣръ. Авторъ въ довольно пространномъ обобщеніи говоритъ о томъ, на какомъ основаніи библеисты прежняго времени видѣли въ упоминаемыхъ въ книгѣ Ездры (IV, 6—23) Ахашверошѣ и Артакшаштѣ имена персидскихъ царей Камбиза и Лжесмердиза (стр. 602—603). Оставалось только подъ строкой процитовать сочиненія этихъ изслѣдователей и перейти къ разбору ихъ взгляда. Не то мы находимъ у автора. Послѣ указаннаго обобщенія онъ приводитъ пространныя выдержки изъ сочиненій всѣхъ этихъ изслѣдователей и излишними повтореніями лишь утомляетъ вниманіе читателя (стр. 603—606).—Не всегда также удачно авторъ обращается къ обобщеніямъ разсматриваемыхъ имъ взглядовъ тѣхъ или

другихъ изслѣдователей. Авторъ приводитъ несложныя возраженія отрицательной критики противъ книги Ездры, излагаетъ простые сами по себѣ доводы, на основаніи которыхъ Костерсъ отрицаетъ фактъ возвращенія іудеевъ изъ плѣна при Кирѣ, или же излагаетъ несложную гипотезу Селлина о возвышеніи и паденіи Зоровавеля послѣ окончанія храма и вслѣдъ за этимъ дѣлаетъ обобщеніе отрицательныхъ взглядовъ на книгу Ездры (XIV стр.), представляетъ резюме сужденій Костерса (стр. 223) и Селлина (стр. 654—655, ср. также стр. 550—551). Подобныя обобщенія необходимы въ томъ случаѣ, если они не предполагаются сами собою, если они слѣдуютъ за сложными и потому трудными для усвоенія памятью разсужденіями. Въ такомъ случаѣ они облегчаютъ усвоеніе подлежащаго обслѣдованію матеріала. Тамъ же, гдѣ эти выводы сами собою предполагаются, гдѣ они слѣдуютъ за несложными, не требующими напряженія памяти, разсужденіями, какъ у автора, въ отмѣченныхъ нами мѣстахъ, тамъ они являются безцѣльнымъ повтореніемъ предыдущаго.—Нельзя не поставить также въ вину автору того, что при изображеніи матеріальнаго быта возвратившихся въ Палестину іудеевъ, онъ отдаетъ предпочтеніе догадкамъ, предположеніямъ относительной цѣнности предъ несомнѣнными историческими свидѣтельствами. Авторъ замѣчаетъ, что пророки Аггей и Захарія „даютъ намъ нѣкоторыя черты для освѣщенія заботъ плѣнниковъ (?) объ устройствѣ матеріальнаго положенія (стр. 298)“, и тѣмъ не менѣе, при изображеніи матеріальнаго положенія возвратившихся изъ плѣна іудеевъ, авторъ не пользуется свидѣтельствами этихъ пророковъ, а обращается къ разнаго рода догадкамъ (стр. 299—301). Мы не отрицаемъ того, что догадки эти имѣютъ значительную долю вѣроятія, но въ силѣ доказательности онѣ уступаютъ несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Автору слѣдовало прежде всего воспользоваться этими свидѣтельствами, восполнивъ недостающее предположеніями, догадками.—Нельзя не упрекнуть автора также за то, что, при воспроизведеніи нѣко-

торыхъ обстоятельствъ изъ жизни іудеевъ, онъ нарушаетъ законы исторической перспективы. Нѣкоторымъ событіямъ въ исторіи послѣплѣннаго іудейства онъ придаетъ несоотвѣтствующій ростъ, а другія событія умаляетъ, какъ бы затушевываетъ. Авторъ впадаетъ въ преувеличеніе, когда описываетъ впечатлѣніе, произведенное на плѣнныхъ іудеевъ эдиктомъ Кира. „Едва ли можно и описать, говоритъ авторъ, какое возбужденіе произвелъ среди плѣнниковъ эдиктъ Кира, позволявшій имъ не только возвратиться въ Палестину, что составляло постоянный предметъ ихъ желаній и пророческихъ обѣщаній, но и построить при помощи царскихъ суммъ ихъ разрушенное святилище—этотъ религіозно-національный центръ ихъ жизни и исторіи. Картина прежней жизни ихъ отцовъ въ землѣ обѣтованія должна была ясно пройти предъ мысленнымъ взоромъ плѣнниковъ послѣ объявленія царскаго эдикта, и еще въ болѣе привлекательныхъ чертахъ должна была имъ представляться картина будущей исторіи, когда опять начнется національно-теократическая жизнь съ относившимися къ ней радостными пророческими предсказаніями и мессіанскими надеждами (стр. 54)". Читая эти строки, можно подумать, что эдиктъ Кира произвелъ на плѣнныхъ іудеевъ такое неотразимое впечатлѣніе, что они безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, снялись съ ненавистныхъ имъ мѣстъ поселеній и направились въ страну своихъ отцовъ. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, дѣло было не такъ. Многіе изъ плѣнныхъ іудеевъ—и нельзя сказать, что бы это была худшая часть ихъ—не пожелали воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ переселенія въ Палестину, а другіе, хотя и воспользовались имъ, но значительно позднѣе. Авторъ (съ умысломъ или безъ умысла—не беремся судить) затушевываетъ это обстоятельство. Онъ только вскользь, мимоходомъ, при исчисленіи драгоцѣнныхъ сосудовъ, доставшихся возвратившимся изъ плѣна іудеямъ, упоминаетъ, что непожелавшихъ возвратиться въ Палестину было много (стр. 65), а въ другомъ мѣстѣ, уже въ

слѣдующей главѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи, дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о числѣ неножелавшихъ покинуть Вавилоніи іудеевъ и о мотивахъ, побудившихъ ихъ къ этому (135—136 стр.).—Слабую сторону сочиненія составляетъ также наклонность автора къ многословію. Авторъ любитъ усnащать свою рѣчь выдержками изъ иностранныхъ авторовъ въ ихъ подлинникѣ (нисколько не типичными, впрочемъ, что бы стоило ихъ приводить) и въ переводѣ на русскій языкъ. Такъ, мы у него читаемъ: „nach Esra—послѣ Ездры (стр. X и XXII)", „всего поразительнѣе—dangerous (стр. XIII)", „вскорѣ послѣ прибытія каравана въ Палестину—unmittelbar nach der Kücker ehe die Karawane sich auflöste (стр. 139)", опорный пунктъ—point de vue—Standort (стр. 252)", „предписаніе—Vorschrift", „требованіе — Forderung (стр. 311)", „такъ можетъ показаться—So könnte es scheinen (стр. 426)", „непосредственныя свидѣтельства — unmittelbare Zeugnisse (стр. 678)", „несомнѣнно мы не имѣемъ никакого историческаго замѣчанія о возвышеніи Зоровавеля—Dass wir keine unmittelbare historische Notiz über Erhebung und Sturz Serubbabels besitzen, ist gewiss (стр. 680)". Авторъ многорѣчивъ тамъ, гдѣ можно было бы быть кратче и, напротивъ, онъ упорно хранитъ молчаніе тамъ, гдѣ слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя разъясненія. Неоднократно приводимый имъ терминъ „Ichstücke" (стр. XII, XXII, 154), употребляемый нѣкоторыми нѣмецкими авторами, не настолько простъ, что бы не нуждался въ соотвѣтствующихъ разъясненіяхъ. Тѣмъ же характеромъ многословія запечатлѣна и цитація автора. Въ концѣ введенія у автора приведенъ полный перечень пособій, которыя у него были подъ руками. Поэтому въ сочиненіи онъ могъ ограничиться лишь самыми краткими указаніями на труды авторовъ, которыми онъ пользовался. Вмѣсто этого, мы встрѣчаемся у него, каждый разъ, съ подробнѣйшими цитатами, какъ будтобы онѣ приводятся у него лишь впервые.—Встрѣчаются въ сочиненіи промахи въ области исторіи, хронологіи и географіи, объясняю-

щіеся, на нашъ взглядъ, простымъ недосмотромъ со стороны автора. Саргона и Сеннахерима авторъ считаетъ персидскими (?) царями (стр. XXVII). При Димитріи II Никаторѣ въ Палестинѣ, по автору, было ассирійское (?) господство (стр. 191). За 537 годомъ до Р. Хр. слѣдовалъ, по автору, 538 (?) годъ (стр. 438). Вавилонскую монархію авторъ помѣщаетъ на территоріи Малой (?) Азіи (стр. 12).—Переписка сочиненія также оставляетъ желать многаго. Чтеніе сочиненія затрудняется отсутствіемъ, по мѣстамъ, знаковъ препинанія, описками, пропусками (стр. 77, 78) и смѣшеніемъ (вм. „внѣшней" написано „внутренней", стр. 104; вм. „іудейской"—„персидской", стр. 104; вм. „возвращеніе партіями"—„партійное возвращеніе", стр. 205; вм. „статистикъ"—„статистъ", стр. 166) словъ. Очевидно, авторъ отнесся къ переписчику съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ онъ того заслуживалъ.

Отмѣченные нами недостатки сочиненія могутъ быть до нѣкоторой степени оправданы обиліемъ матеріала, подлежавшаго обслѣдованію. При печатаніи сочиненія, дефекты эти, на нашъ взглядъ, могутъ быть устранены, и, своими указаніями на нихъ, мы желали придти на помощь автору въ этомъ дѣлѣ, но отнюдь не имѣли въ виду умалять научную цѣнность его труда, несомнѣнныя достоинства которaго даютъ автору его безспорное право на полученіе степени магистра богословія".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Соотвѣтственно темѣ сочиненіе г. Попова состоитъ, кромѣ введенія, изъ двухъ частей изслѣдованія. Во *введеніи*, послѣ указанія современнаго интереса предмета сочиненія, говорится объ источникахъ, задачѣ, методѣ и планѣ сочиненія и въ концѣ сообщается перечень важнѣйшихъ пособій. Въ *первой* части изслѣдованія говорится о возвращеніи іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна, именно, объ освобожденіи іудеевъ изъ вавилонскаго

плѣна Киромъ (гл. 1), о предводителѣ перваго каравана освобожденныхъ отъ плѣна іудеевъ и первомъ областеначальникѣ персидской провинціи Іудеи (гл. 11), о выступленіи іудеевъ изъ Вавилоніи, ихъ приходѣ въ Палестину и поселеніи въ ней (гл. III); заканчивается первая часть критическимъ разборомъ гипотезы Костерса о неисторичности факта возвращенія іудеевъ при Кирѣ (гл. IV). Во *второй* части говорится о первыхъ годахъ жизни іудеевъ въ Палестинѣ по возвращеніи изъ плѣна до прибытія Ездры въ Іерусалимъ, именно: объ отношеніи возвратившейся общины къ сосѣднимъ народамъ и устройствѣ ея политическомъ и религіозномъ (гл. V), о сооруженіи возвратившимися іудеями жертвенника и основаніи ими храма въ связи съ исторіей его постройки до второго года царствованія Дарія Гистаспа (гл. VI), о возобновленіи работъ по постройкѣ храма во 2-й годъ Дарія Гистаспа и постройкѣ его съ этого момента времени до окончанія (гл. VII) и наконецъ о періодѣ іудейской исторіи отъ окончанія храма до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (гл. VIII).

Уже изъ этого голаго перечня заголовковъ главъ видна содержательность разсматриваемаго нами сочиненія. Она еще виднѣе изъ болѣе подробнаго обозначенія содержанія, предпосылаемаго авторомъ каждой главѣ изслѣдованія. Интересъ изслѣдуемыхъ авторомъ вопросовъ о возвращеніи іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна и первыхъ годахъ ихъ жизни въ Палестинѣ не подлежитъ сомнѣнію. Сами по себѣ трудные для рѣшенія, по причинѣ скудости нужныхъ свѣдѣній, указанные вопросы теперь еще болѣе затрудняются рѣшеніемъ ихъ въ значительной части современной библейско-исторической литературы. Съ легкой руки Шрадера, помѣстившаго въ журналѣ „Theologische Studien und Kritiken“ за 1867 г. статью „Die Dauer des zweiten Tempelbaues“, въ которой онъ доказывалъ, что основаніе вторaго храма положено было не во 2-годъ по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна при Кирѣ, а во 2-й годъ царствованія Дарія Гистаспа, конецъ плѣна вавилон-

скаго и послѣплѣнный періодъ библейской исторіи нашли большое число изслѣдователей, при чемъ въ результатѣ оказалось отрицаніе подлинности библейскихъ источниковъ свѣдѣній объ этомъ времени, книгъ Ездры и Неемін, и полная перестановка описанныхъ въ нихъ событій: вмѣсто общепринятаго порядка: а) возвращеніе іудеевъ изъ плѣна при Кирѣ, б) построеніе храма и в) построеніе стѣнъ Іерусалима при Нееміи, теперь ставятъ: а) построеніе храма оставшимися отъ плѣна въ странѣ іудеями, б) возстановленіе стѣнъ Іерусалима при Нееміи и в) приходъ іудеевъ въ Палестину съ Ездрою (возвращеніе іудеевъ при Кирѣ съ Зоровавелемъ и первосвященникомъ Іисусомъ во главѣ отрицается). Мы не говоримъ уже о болѣе частныхъ вопросахъ, рѣшаемыхъ новѣйшими критиками иначе, чѣмъ какъ они должны рѣшаться на основаніи библейскихъ данныхъ. Такое положеніе дѣла должно было естественно остановить на себѣ вниманіе автора. И онъ дѣйствительно останавливается на немъ съ полною внимательностію. Такъ уже во введеніи онъ защищаетъ подлинность книгъ—1-й Ездры и Нееміи, особенно первыхъ шести главъ книги Ездры. Окончаніе плѣна вавилонскаго и послѣплѣнный періодъ, въ отмѣченныхъ его темою рамкахъ, онъ представляетъ согласно съ общепринятымъ на нихъ взглядомъ, опирающимся на библейскія данныя. Но такъ какъ почти каждое его положеніе встрѣчаетъ иное рѣшеніе со стороны критики, то онъ приводитъ возраженія критики и именно сначала болѣе полно, а потомъ въ общихъ положеніяхъ, послѣ чего и подвергаетъ ихъ самому тщательному критическому разбору. Такое веденіе дѣла можетъ, пожалуй, навлечь на автора обвиненіе въ частыхъ повтореніяхъ себя; но зато оно помогаетъ хорошо читателю понять сущность возраженій, а съ тѣмъ вмѣстѣ легче судить и о силѣ отвѣта на нихъ. Полнота возраженій, приводимыхъ авторомъ, говоритъ о хорошемъ его знакомствѣ съ литературою предмета сочиненія, а критика возраженій и защита своихъ положеній, свидѣтельствуя о томъ же, говоритъ и о хорошемъ

знакомствѣ съ источниками и сильной критической мысли. Каждое положеніе автора проходитъ чрезъ такое горнило испытанія. Благодаря этому читатель получаетъ изъ сочиненія автора не только положительное представленіе о времени и событіяхъ, въ немъ разсматриваемыхъ, но и знакомятся съ отрицательными взглядами на нихъ и именно въ критическомъ ихъ освѣщеніи. Хотя чрезъ все сочиненіе проходитъ такимъ образомъ критика непринимаемыхъ авторомъ взглядовъ, тѣмъ не менѣе тонъ сочиненія вездѣ спокойный и ровный, вполнѣ приличный ученому изслѣдованію. Языкъ сочиненія хорошій; неудобоваримыя иностранныя слова, въ родѣ—ichstücke, встрѣчаются очень рѣдко. Можно пожалѣть о томъ, что переписчикъ допустилъ, а авторъ просмотрѣлъ достаточное количество всякаго рода описокъ, которыя впрочемъ легко могутъ быть исправлены при печатаніи. Можно указать нѣкоторыя, впрочемъ, незначительныя фактическія неточности.

Какъ освѣщающее хорошо одинъ изъ наиболѣе темныхъ періодовъ библейской исторіи, сочиненіе г. Попова вноситъ собою значительный вкладъ въ русскую библейско-историческую литературу. Авторъ его заслуживаетъ вполнѣ удостоенія его ученой степени магистра богословія".

Справка: В. Поповъ окончилъ курсъ наукъ Академіи въ іюнѣ 1902 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, по переработкѣ, согласно указаніямъ рецензентовъ, написаннаго имъ курсового сочиненія.

Постановили: Рукописное сочиненіе преподавателя Воронежской духовной семинаріи, кандидата богословія Василія Попова „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)", согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и, на основаніи указа Св. Синода отъ 27 іюля 1884

года за № 2482, напечатать его на счетъ особо ассигнуемой 17 ст. штата дух. акад. суммы, съ тѣмъ, чтобы при печатаніи онъ исправилъ свое сочиненіе согласно съ сдѣланными въ отзывахъ замѣчаніями. По напечатаніи означеннаго сочиненія и заслушаніи въ Совѣтѣ одобрительныхъ со стороны членовъ Совѣта отзывовъ допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, послѣ чего имѣть окончательное сужденіе объ удостоеніи его магистерской степени, на основаніи § 136 Уст. дух. акад."

V. Отношеніе Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, отъ 17 сентября сего года за № 2564: „За присланные мнѣ 10 экземпляровъ продолженія изданія: Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи (Отдѣленіе II. Т. I. Часть II)—выражаю Академіи мою глубокую благодарность.

Радуюсь, что изданіе подвигается впередъ.

Съ своей стороны препровождаю въ Совѣтъ Академіи продолженіе моего денежнаго взноса (500 р.) на расходы по изданію".

Постановили: Жертвуемые Высокопреосвященнымъ Димитріемъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, пятьсотъ рублей въ дополненіе къ 5000 рублей, пожертвованнымъ имъ уже на изданіе Актовъ по исторіи Академіи и ученаго академическаго Синодика, принять на расходы по предположеннымъ изданіямъ. О полученіи означенныхъ денегъ увѣдомить Высокопреосвященнаго Димитрія съ выраженіемъ глубокой благодарности.

VI. Докладъ секретаря Совѣта: „По 91 § Уст. дух. акад., Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія Академіи, въ которомъ читается извлеченіе изъ отчета, составленнаго однимъ изъ членовъ Совѣта и Правленія, и произносится однимъ изъ наставниковъ Академіи рѣчь. О семъ имѣю

честь доложить Совѣту для назначенія дня торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1905 году и для избранія лицъ, на которыхъ возложено будетъ составленіе къ тому времени актовой рѣчи и отчета о состояніи Академіи за текущій учебный годъ".

Постановили: Для торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1905 году назначить 26 сентября. Составленіе къ этому времени годичнаго отчета возложить на члена Совѣта и Правленія Н. Петрова, а составленіе рѣчи поручить исправляющему должность доцента В. Экземплярскому, которому и сообщить о семъ съ поясненіемъ, что онъ какъ тему, которую изберетъ для своей рѣчи, такъ и самую рѣчь, по изготовленіи ея, заблаговременно долженъ представить Ректору Академіи.

VII. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи

въ сентябрѣ текущаго года:

А) по болѣзни: а) по догматическому богословію исполняющимъ обазанности инспектора, заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 3 л. (24, 27 и 29 ч.); б) по логикѣ и метафизикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ П. Линицкимъ 2 л. (15 ч.); в) по русскому языку и исторіи русской литературы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Малининымъ 2 л. (21 ч.); г) по психологіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Олесницкимъ 3 л. (25, 27 и 28 ч.); экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ по педагогикѣ 2 л. (23 и 25 ч.) и по пастырскому богословію 1 л. (27 ч.); Б) по нахожденію въ отпускѣ: по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ, протоіереемъ І. Корольковымъ 10 л. (16, 21, 23, 28 и 30 ч.): В) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ

ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 2 л. (17 ч.); б) по священному писанію ветхаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ В. Рыбинскимъ 2 л. (17 ч.)".

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

VIII. Докладъ секретаря Совѣта: „Въ 100 § Уст. дух. акад. поименовано 11 наукъ, обязательно изучаемыхъ всѣми студентами, а изъ прочихъ предметовъ академическаго курса въ 101 § составлены двѣ параллельныя группы—литературная и историческая, предоставленныя выбору студентовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ одного изъ двухъ древнихъ и одного изъ трехъ новыхъ языковъ. Вслѣдствіе сего канцеляріей Академіи сданы были особые листы для собственноручной записи студентовъ I курса на одну изъ двухъ параллельныхъ группъ наукъ съ обозначеніемъ также избираемаго для изученія одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

По группамъ наукъ студенты I курса распредѣлились такимъ образомъ:

На *первой* или литературной группѣ 25 студентовъ: Архангеловъ Григорій, Астровъ Сергѣй, Васильевъ Александръ, Викторовскій Григорій, Власовскій Иванъ, Гладкій Александръ, Громадскій Александръ, Діомидовъ Сергѣй, Дмитровскій Михаилъ, Еня Николай, Колосовъ Сергѣй, Кудрявцевъ Сергѣй, Ласточкинъ Николай, Матусевичъ Леонидъ, Митроцкій Михаилъ, Новоденскій Владиміръ, Павловскій Григорій, Преображенскій Василій, Садовскій Евгеній, Сасинъ Михаилъ, Снѣгиревъ Викторинъ, Соболевъ Валеріанъ, Тихвинскій Викторъ, Чистяковъ Василій, Ѳетисовъ Николай.

На *второй* или исторической группѣ 23 студента: Абу-Хатабъ Григорій діаконъ, Безобразовъ Сергѣй, Великославинскій Александръ, Вознесенскій Викторъ, Евѳимій (Сапунджіевъ)

іерод., Ефремовъ Митрофанъ, Ивановъ Бончо, Илюхинъ Николай, Іосифъ (Николовъ) іерод., Каменскій Владиміръ, Кедровъ Павелъ, Куршунжи Димитрій, Леонидовъ Николай, Маньковскій Николай, Мубайедъ Антоній діаконъ, Никитинъ Николай, Никитскій Викторъ, Олтаржевскій Григорій, Павловичъ Василій, Петровъ Викторъ, Сидауи Василій діаконъ, Уловичъ Филимонъ, Шебатинскій Константинъ.

По классамъ древнихъ языковъ расположились такъ:

а) на *греческій* языкъ записалось 24 студента: Абу-Хатабъ Григорій діаконъ, Архангеловъ Григорій, Власовскій Иванъ, Гладкій Александръ, Громадскій Александръ, Діомидовъ Сергѣй, Дмитровскій Михаилъ, Евѳимій (Сапунджіевъ) іерод., Ивановъ Бончо, Илюхинъ Николай, Іосифъ (Николовъ) іерод., Кедровъ Павелъ, Куршунжи Димитрій, Ласточкинъ Николай, Маньковскій Николай, Митроцкій Михаилъ, Мубайедъ Антоній діаконъ, Олтаржевскій Григорій, Садовскій Евгеній, Сидауи Василій діаконъ, Тихвинскій Викторъ, Чистяковъ Василій, Шебатинскій Константинъ, Ѳетисовъ Николай.

б) на *латинскій* языкъ 24 студента: Астровъ Сергѣй, Безобразовъ Сергѣй, Васильевъ Александръ, Великославинскій Александръ, Викторовскій Григорій, Вознесенскій Викторъ, Еня Николай, Ефремовъ Митрофанъ, Каменскій Владиміръ, Колосовъ Сергѣй, Кудрявцевъ Сергѣй, Леонидовъ Николай, Матусевичъ Леонидъ, Никитинъ Николай, Никитскій Викторъ, Новоденскій Владиміръ, Павловичъ Василій, Павловскій Григорій, Петровъ Викторъ, Преображенскій Василій, Сасинъ Михаилъ, Снѣгиревъ Викторинъ, Соболевъ Валеріанъ, Уловичъ Филимонъ.

На классы новыхъ языковъ записались:

а) на *нѣмецкій* языкъ 30 студентовъ: Архангеловъ Григорій, Великославинскій Александръ, Викторовскій Григорій, Власовскій Иванъ, Вознесенскій Викторъ, Гладкій Александръ, Діомидовъ Сергѣй, Дмитровскій Михаилъ, Ефремовъ Митрофанъ, Ивановъ Бончо, Куршунжи Димитрій, Ласточкинъ Ни-

колай, Леонидовъ Николай, Маньковскій Николай, Матусевичъ Леонидъ, Митроцкій Михаилъ, Никитинъ Николай, Никитскій Викторъ, Новоденскій Владиміръ, Олтаржевскій Григорій, Павловичъ Василій, Павловскій Григорій, Петровъ Викторъ, Преображенскій Василій, Сасинъ Михаилъ, Снѣгиревъ Викторинъ, Тихвинскій Викторъ, Уловичъ Филимонъ, Чистяковъ Василій, Шебатинскій Константинъ.

б) на *французскій* языкъ 17 студентовъ: Абу-Хатабъ Григорій діаконъ, Астровъ Сергѣй, Васильевъ Александръ, Громадскій Александръ, Евѳимій (Сапунджіевъ) іерод., Еня Николай, Илюхинъ Николай, Іосифъ (Николовъ) іерод., Каменскій Владиміръ, Кедровъ Павелъ, Колосовъ Сергѣй, Кудрявцевъ Сергѣй, Мубайедъ Антоній діаконъ, Садовскій Евгеній, Сидауи Василій діаконъ, Соколовъ Валеріанъ, Ѳетисовъ Николай.

в) на *англійскій* языкъ 16 студентовъ: Астровъ Сергѣй, Безобразовъ Сергѣй, Великославинскій Александръ, Вознесенскій Викторъ, Громадскій Александръ, Димитровскій Михаилъ, Каменскій Владиміръ, Кудрявцевъ Сергѣй, Куршунжи Димитрій, Никитинъ Николай, Павловичъ Василій, Петровъ Викторъ, Преображенскій Василій, Уловичъ Филимонъ, Шебатинскій Константинъ, Ѳетисовъ Николай.

Постановили: Подписные листы пріобщить къ дѣламъ, сдѣлавъ предварительно соотвѣтствующія отмѣтки въ общемъ алфавитномъ спискѣ студентовъ I курса. Затѣмъ таковой списокъ отпечатать въ потребномъ количествѣ для г.г. наставниковъ, для экзаменаціонныхъ комиссій и для разныхъ потребностей инспекціи и канцеляріи Академіи на четыре учебныхъ года.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 октября 1904 г. Читалъ“.

1904 года 12 октября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея I. Королькова, находящагося въ отпускѣ, экстраординарнаго профессора А. Булгакова, не бывшаго въ собраніи по причинѣ болѣзни, ординарнаго профессора В. Завитневича и экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго, не бывшихъ по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающихся ихъ дѣлъ.

Слушали: 1. Отзывъ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина о сочиненіи ординарнаго профессора В. Завитневича подъ заглавіемъ: „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ" (Кіевъ, 1902 г.), представленномъ на соисканіе первой юбилейной преміи имени Митрополита Московскаго Макарія:

„Разсматриваемый трудъ, по собственному признанію автора, есть плодъ десятилѣтней работы и вызванъ попыткой „ознакомиться съ положеніемъ въ наукѣ вопроса о значеніи первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія народности и самобытности" (Введ. I). Ближайшее изученіе не замедлило убѣдить автора въ исключительномъ положеніи Хомякова въ ряду не только первыхъ, но и послѣдующихъ славянофиловъ во первыхъ по трудности „пониманія его", во вторыхъ по тому, что у него наблюдается „цѣльное, округленное міровоззрѣніе съ своей особой гносеологіей и онтологіей, въ тѣсной, органической связи съ которыми" находятся „его богословскія и соціально-историческія воззрѣнія" (Ibid). Въ свою очередь тщательное изученіе литературы предмета и особенно первоисточниковъ выяснило, что о славянофилахъ и ихъ міровоззрѣніи досель существуетъ въ наукѣ лишь смутное понятіе, доходящее до искаженія основныхъ положеній ихъ ученія, напр. ихъ отношенія къ религіи и къ западноевропейской образованности. Утверждали, что „славянофилы ненавидѣли западъ и западное про-

свѣщеніе, что они не цѣнили успѣховъ матеріальной культуры, что они восхваляли все свое старорусское и цѣликомъ отрицали реформы Петра Великаго, что они требовали возвращенія къ старымъ формамъ жизни и проч. и проч." (Ibid стр. VI). По мнѣнію автора, недоразумѣнія этого рода могутъ быть разсѣяны только основательнымъ изученіемъ каждаго отдѣльнаго представителя славянофильства, его дѣятельности и ученія. Авторъ дѣлаетъ посильный починъ этой работы, остановившись, по указаннымъ причинамъ, на изученіи дѣятельности и міровоззрѣнія А. С. Хомякова. Таковы причины и обстоятельства возникновенія разсматриваемаго сочиненія проф. Завитневича.

Соотвѣтственно своей задачѣ изслѣдованіе должно состоять изъ двухъ томовъ, изъ которыхъ первый долженъ въ свою очередь состоять изъ трехъ книгъ. Такимъ образомъ все изслѣдованіе должно состоять изъ четырехъ книгъ, изъ которыхъ вышло въ свѣтъ доколѣ лишь двѣ книги перваго тома, слѣдовательно около половины предположеннаго. Впрочемъ и напечатанное представляетъ собою трудъ, почтенный уже по своему объему, всего 1422 страницы кромѣ введенія и оглавленій.

Въ каждомъ изслѣдованіи существенное значеніе имѣетъ планъ. Отъ него не рѣдко зависитъ не только достоинство изложенія предмета, но и самого изслѣдованія; такъ какъ при томъ или иномъ планѣ могутъ выступать въ ненадлежащей полнотѣ частности и затушевываться существенное. Проф. Завитневичъ замѣчаетъ, что въ основу плана имъ „положено два начала: хронологическая послѣдовательность въ изображеніи событій и группировка данныхъ по ихъ внутреннему содержанію". Онъ не находитъ возможнымъ употребить „обычный біографическій методъ", во первыхъ въ слѣдствіе крайней скудости данныхъ біографіи Хомякова, во вторыхъ въ слѣдствіе тѣсной связи между жизнію, общественною и научно-литературною дѣятельностію его и наконецъ въ слѣдствіе крайняго разнообразія этой дѣятельности, на основаніи чего „сочиненіе,

посвященное изученію жизни и трудовъ Хомякова, построенное по одному хронологическому методу, представляло бы изъ себя нѣчто въ родѣ механическаго набора фактовъ, въ хаосѣ которыхъ вообще трудно было бы разобраться" (стр. IX введ.) и „ускользнула бы отъ вниманія самаго внимательнаго читателя" „идейная сторона дѣятельности Хомякова", заслуживающая наиболѣе вниманія серьезнаго историка (Ibid). Послѣднее безспорно; но первая аргументація не вполнѣ удовлетворительна. Если дѣятельность Хомякова, какъ писателя, непосредственно сливается съ его жизнію, то біографическій способъ изложенія наиболѣе примѣнимъ. Что касается до данныхъ научно-литературной дѣятельности, то изложеніе ея содержанія соотвѣтственно біографіи, кромѣ трудности установить всякій разъ хронологію этихъ данныхъ, можетъ повести къ повторенію, котораго впрочемъ можно избѣжать.

Послѣ введенія, составляющаго 16 страницъ особаго счета, слѣдуетъ обстоятельный обзоръ „источниковъ и литературы предмета". На первомъ мѣстѣ названы воспоминанія современниковъ, обычно очень благопріятныя для памяти А. С. Хомякова. Исключеніе составляетъ отзывъ извѣстнаго историка С. М. Соловьева. Нельзя сказать, чтобы проф. Завитневичъ отнесся къ этому отзыву очень мягко,—на что, какъ намъ кажется, давали право заслуги Соловьева,—ни того, что не благопріятный взглядъ Соловьева на Хомякова получилъ достаточное объясненіе. Замѣчаніе, что Соловьевъ принялъ на себя въ данномъ случаѣ роль „великосвѣтской кумушки", настолько сильно, что его слѣдовало непремѣнно подтвердить разборомъ личныхъ отношеній Соловьева и Хомякова и свойствомъ нравственной личности „знаменитаго историка", какъ называетъ его проф. Завитневичъ. Это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать, что съ тѣмъ вмѣстѣ точнѣе и полнѣе установилась бы нравственная сторона изучаемаго писателя.

Наиболѣе важный источникъ для біографіи А. С. Хомякова и оцѣнки его личности составляютъ сочиненія его, стихо-

творныя и прозаическія. Проф. Завитневичъ замѣчаетъ, что стихотворныя сочиненія чаще всего предшествовали прозаическимъ и писались, какъ у истинныхъ поэтовъ, по вдохновенію, подъ вліяніемъ потребности минуты" (I, стр. 12). Отсюда вытекаетъ важность ихъ для біографіи Хомякова. Полнаго собранія стихотворныхъ сочиненій Хомякова доселѣ не имѣется. Изъ болѣе или менѣе безспорныхъ стихотворныхъ сочиненій изучаемаго автора проф. Завитневичу извѣстно 93 (I, стр. 51—58) и до 10 вѣроятныхъ (Ibid. стр. 58).

Второй важный источникъ для изученія жизни и дѣятельности Хомякова представляютъ его письма, которыхъ сохранилось свыше 130, если отнести къ ихъ числу трактаты по разнымъ предметамъ, писанные также въ формѣ писемъ. Это несомнѣнно не все, что дѣйствительно написано Хомяковымъ при всей его извѣстной лѣни и папирофобіи. Кое что утрачено по обычной небрежности къ сохраненію писемъ, а кое что и притомъ наиболѣе существенное зачитано было знакомыми и пріятелями лицъ, съ которыми Хомяковъ состоялъ въ перепискѣ. Но самымъ важнымъ источникомъ безъ сомнѣнія являются прозаическія сочиненія Хомякова, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ его Семирамида или Записки о всеобщей исторіи, представляютъ трудъ обширный по объему. Ни одинъ изъ указанныхъ источниковъ до указаннаго времени не былъ изученъ надлежащимъ образомъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является неустановленность взгляда на личность и дѣятельность Хомякова, даже прямое искаженіе его воззрѣній. Это искаженіе тѣмъ легче и естественнѣе, что у Хомякова встрѣчаются мысли и выраженія парадоксальныя. Поэтому при добромъ желаніи можно подобрать достаточно выдержекъ, подтверждающихъ самыя ошибочныя сужденія по поводу тѣхъ или иныхъ воззрѣній Хомякова.

Введеніе заканчивается перечнемъ стихотворныхъ сочиненій Хомякова, его писемъ, прозаическихъ сочиненій, вошедшихъ и не вошедшихъ въ собранія его сочиненій.

Первая глава знакомитъ съ біографіей Хомякова. Задача автора состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи имѣющихся данныхъ, воспоминаній, свидѣтельствъ современниковъ и переписки Хомякова съ родными и близкими людьми возстановить его дѣтство и постепенное образованіе его нравственной личности и міровоззрѣнія. Всего менѣе мы узнаемъ о раннемъ дѣтствѣ Хомякова, его воспитаніи въ семьѣ. Видно только, что на образованіе и воспитаніе его было обращено должное вниманіе; видно также, что преобладающее вліяніе принадлежало умной и энергичной матери, представлявшей собою прекрасный типъ русской женщины—патріотки, которая сохранила „вѣру въ Россію и любовь къ ней... болѣла и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ“ (I, стр. 82). Мечтательный отъ природы, молодой Хомяковъ отдается впечатлѣніямъ общественной и политической жизни, 17 лѣтъ бѣжитъ изъ родительскаго дома съ 50 рублями ассигнаціи въ карманѣ, чтобы отправиться въ Грецію и принять участіе въ борьбѣ грековъ за свободу. Но видна въ немъ и очень молодая сдержанность. Такъ, хорошо знакомый съ декабристами: Рылѣевымъ и Одоевскимъ, онъ отнесся совершенно отрицательно къ ихъ замысламъ. Не безъ вліянія мечты, нужно полагать, опредѣлилось поступленіе въ военную службу, гдѣ молодому человѣку грезилось безсмертіе въ потомствѣ путемъ славныхъ подвиговъ вмѣсто безславной смерти отъ старости. Но истинной охраной Хомякова въ жизни было твердое религіозно-нравственное воспитаніе и широкое образованіе, пріумноженное исключительною начитанностію. Благодаря одному и другому, Хомяковъ съ ранней молодости отличался нравственною выдержкою и могъ поддерживать тѣсныя дружескія отношенія съ представителями тогдашней интеллигенціи и занять среди нихъ почетное мѣсто, поражать обширностью познаній и независимостью сужденій. Отсутствіе свидѣтельствъ о томъ, что внутренно переживалъ Хомяковъ въ пору молодости, авторъ восполняетъ разборомъ стихотвореній и производитъ

этотъ разборъ тщательно и искусно; но опускаетъ изъ виду, что матеріаломъ этого рода нужно пользоваться осмотрительно. Не все въ стихотворныхъ произведеніяхъ имѣетъ безспорное автобіографическое значеніе, какъ писанное въ подражаніе и въ принятомъ направленіи не только мысли, но и чувства. Вотъ почему ни въ письмахъ самого Хомякова, ни въ воспоминаніяхъ друзей его мы не находимъ тѣхъ указаній на внутреннюю жизнь и борьбу, о которыхъ встрѣчается свидѣтельство въ его стихотвореніяхъ. Самъ проф. Завитневичъ признаетъ, что скорбь и разочарованіе въ жизни, мало извѣданный поэтомъ жизненно, явились у него плодомъ историческихъ наблюденій (I, стр. 125—126). При такомъ пониманіи дѣла объяснится свидѣтельство современниковъ, что Хомяковъ не измѣнялся въ жизни, что онъ „въ молодости былъ тѣмъ, чѣмъ они знали его потомъ въ зрѣломъ возрастѣ" (I, стр. 130—131). Сознательная вѣра періода написанія богословскихъ трактатовъ была только послѣдовательнымъ разъясненіемъ содержанія твердаго религіознаго чувства, воспитаннаго въ дѣтствѣ. Толкованіе стихотвореній не обходится и безъ натяжекъ. Такъ, разбирая стихотвореніе Хомякова „Клинокъ", писаннаго въ 1829 году, авторъ въ заключеніи его находитъ указаніе на мысль поэта „объ освобожденіи русской жизни отъ покрывающей ея поверхность блестящей иноземной мишуры и необходимости возвращенія ея къ началамъ простой, но крѣпкой своею внутреннею силою родной старины" (I, стр. 144). Ни одинъ безпристрастный читатель, не заинтересованный нарочито въ этомъ выводѣ, не сдѣлаетъ его изъ слѣд. стиховъ:

Такъ не бросай клинка стальнаго
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

Достаточно сопоставить это стихотвореніе съ стихотвореніемъ того же Хомякова „Россія", гдѣ онъ выражается: „не

вѣрно злато, сталь хрупка", чтобы потерять право подъ стальнымъ клинкомъ разумѣть Русь.

Нельзя назвать счастливою и защиту трагедіи Хомякова „Ермакъ". Художественнаго значенія она не имѣетъ никакого; несомнѣнно въ ней и вліяніе Шиллера, какъ вѣрно отмѣтилъ это не одинъ Бѣлинскій, но и Погодинъ. Если можно указать здѣсь вѣрную психологическую черту, то развѣ довѣрчивость высокой благородной души, неспособной на мелкую подозрительность. Преувеличивается вашимъ авторомъ и достоинство „Димитрія Самозванца", второй трагедіи Хомякова. Что здѣсь авторъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ версификаціи, въ обрисовкѣ отдѣльныхъ лицъ,—это безспорно; но все же трагедія истинно художественнаго значенія не имѣетъ, рѣчь не утратила напыщенности и риторичности; характеры обрисованы слабо; замыслы Самозванца страдаютъ сочиненностью и скорѣе отражаютъ идеалы самого автора, чѣмъ дѣйствительность; рѣчи дѣйствующихъ лицъ страдаютъ натянутостью и растянутостью. Какая разница между „Димитріемъ Самозванцемъ" Хомякова и „Борисомъ Годуновымъ" Пушкина, хотя обѣ піесы близки по своему содержанію!

Гораздо интереснѣе попытка автора прослѣдить зарожденіе и выработку взглядовъ Хомякова на отношеніе Россіи къ славянству, на достоинство самой Руси, особенно древней, и на отношеніе къ западной Европѣ и къ ея просвѣщенію.

На отношеніе Хомякова къ славянству не осталось безъ вліянія его путешествіе за границу, предпринятое имъ въ 1825—1826 гг. На обратномъ пути онъ объѣхалъ земли западныхъ славянъ (I, стр. 105). Это знакомство было существенно восполнено въ Турецкую войну, которой онъ былъ непосредственнымъ участникомъ. Впечатлѣнія этой встрѣчи съ славянами были воспроизведены самимъ Хомяковымъ много позже въ письмѣ 1847 года, гдѣ онъ бытъ славянъ находитъ близкимъ къ русскому, а отношенія славянъ къ нему лично братскими (I, стр. 107). Въ „Одѣ", написанной по случаю поль-

скаго мятежа (1831 г.), Хомяковъ негодуетъ на Западъ, вручившій славянскимъ братьямъ мечъ противъ славянъ, и мечтаетъ о времени, когда славянскіе орлы образуютъ твердый союзъ, но мощную главу склонятъ предъ старшимъ—Сѣвернымъ орломъ (I, стр. 180). Въ стихотвореніи слѣдующаго (1832) года „Орелъ“ картина шире: Россія указана высокая миссія—ободрить своимъ призывнымъ голосомъ разсѣянныхъ и порабощенныхъ славянъ, согрѣть ихъ „любовью жаркой“, питать ихъ „пищей силъ духовныхъ“ доколѣ „окрѣпнутъ ихъ крылья и подростутъ младые когти“ (I, стр. 181). Сама Россія, „красная земля Владиміра“, какъ выражается Хомяковъ, рисуется въ воображеніи поэта землею необъятною, землею внутренней силы, мощи, неисчерпаемаго разума, праваго, неподкупнаго суда (I, стр. 182—183). Это величіе родины выступаетъ еще выразительнѣе при сравненіи съ другими европейскими странами. На Западѣ, по мнѣнію поэта

„Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ“.

(Стихотвореніе „Мечты“ 1834 г.) Одинъ островъ на западѣ еще приковываетъ вниманіе поэта. Но и эта страна за гордыню и лукавство, за попраніе церкви Божіей у подножія власти суетной земной должна будетъ по Божію велѣнію уступить свое мѣсто „другой странѣ смиренной, полной вѣры и чудесъ“ (стихотв. „Островъ“ 1836 г.) (I, стр. 216—217). Онъ только боится, какъ бы лесть и похвала ея величію и могуществу не лишили ея высокаго и исключительнаго мірового призванія:

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
И правду, и безкровный судъ (I, стр. 218).

Значеніе указанныхъ стихотвореній состоитъ и въ томъ, что они являются существеннымъ восполненіемъ біографіи Хомякова за время между 1832—1840 гг. въ виду отсутствія другихъ источниковъ его біографіи, каковы воспоминанія его друзей и собственныя учено-литературныя произведенія Хомякова и его переписка.

На этомъ періодѣ жизни Хомякова и оканчивается его біографія. Съ стр. 236 начинается систематическое обозрѣніе разнообразной дѣятельности Хомякова. Проф. Завитневичъ исчисляетъ до 15 формъ проявленія дѣятельности Хомякова, но замѣчаетъ, что это еще не все, въ чемъ она въ дѣйствительности проявлялась (I, стр. 235). Какъ помѣщикъ, онъ изобрѣтаетъ сѣялку, судьба которой впрочемъ неизвѣстна,—изобрѣлъ катокъ для укатыванія снѣга, очень практичный, но никѣмъ повидимому не принятый,—трудился надъ улучшеніемъ прибора для выгонки сахара изъ свекловицы, именно 35 фунтовъ кристаллическаго сахара изъ 10 пудовъ свекловицы. О плодахъ этихъ опытовъ намъ ничего неизвѣстно. Онъ же открылъ машину съ сугубымъ давленіемъ, названную имъ „безмолвнымъ двигателемъ", представилъ ее на выставку въ Лондонъ, такъ какъ въ самобытной Россіи не нашлось ея цѣнителей, выхлопоталъ привилегію, по модели сдѣлалъ въ Лондонѣ же самую машину, испускавшую такой шумъ и раздирательные звуки, что сосѣди, чуть не цѣлый кварталъ, грозили подать жалобу въ парламентъ. „Безмолвнаго двигателя" пришлось переименовать въ „Московку", при чемъ машина, имѣвшая дѣйствительное значеніе по новости принципа, осталась безъ практическаго примѣненія. Хомякову принадлежитъ также изобрѣтеніе ружья, которое оказалось очень сильнымъ, пробивало на 500 саженъ щитъ четырехъ вершковъ толщины; но въ военномъ вѣдомствѣ изобрѣтеніе не встрѣтило поддержки, отчасти вѣроятно въ слѣдствіе своей тяжеловѣсности: оно вѣсило 22½ фунта, почему было не пригодно для стрѣльбы съ руки.

Какъ бы впрочемъ ни было, по справедливому замѣчанію проф. Завитневича, изобрѣтенія „несомнѣнно свидѣтельствуютъ о серьезной научной подготовкѣ ихъ виновника“ (I, стр. 245).

Въ пору страшной холеры 1848 г. Хомяковъ нашелъ себя обязаннымъ вступить съ нею въ борьбу и, опираясь на народную медицину, изобрѣлъ, по его мнѣнію, дѣйствительное средство, добивался хотя бы повѣрки его опытовъ со стороны тогдашнихъ медиковъ и пришелъ къ выводу, что у насъ и лѣчить и морить можно только по патенту.

Борьба съ холерой была вызвана его положеніемъ, какъ помѣщика. Тоже положеніе неизбѣжно наталкивало его на самый существенный вопросъ тогдашняго строя русской жизни—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вопросу этому и тому или иному его рѣшенію Хомяковъ справедливо придавалъ совершенно исключительное значеніе, говорилъ, что при рѣшеніи его ставится на ставку все будущее Россіи. Правительство само понимало важность его. Въ борьбѣ съ польскимъ мятежемъ 1831 года русское правительство обѣщало крестьянамъ свободу отъ помѣщиковъ, но обѣщанія своего не сдержало. По мнѣнію лучшихъ людей того времени это было крупной ошибкой, которую правительство старалось поправить путемъ введенія инвентарей, точнаго опредѣленія отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Система эта не удовлетворила ни помѣщиковъ, ни крестьянъ, а потому еще больше обострила ихъ взаимныя отношенія. Отсюда ясно, что правительство не могло уже идти этимъ путемъ въ рѣшеніи крѣпостного вопроса на сѣверѣ.

Хомяковъ принадлежалъ къ числу немногихъ русскихъ людей, ясно понимавшихъ вредъ крѣпостного права и не только для крестьянъ, но еще больше для помѣщиковъ. Въ способѣ рѣшенія крѣпостного вопроса оказалась существенная разница: одни хотѣли освобожденія крестьянъ лишь личнаго, безъ земли, какъ это освобожденіе совершилось въ западной Европѣ и въ Остзейскомъ краѣ; другіе настаивали на освобожденіи крестьянъ

съ землей. Хомяковъ присоединился къ послѣднимъ и доказывалъ, что по воззрѣнію самихъ крестьянъ земля, на которой они сидятъ и которую обработываютъ, принадлежитъ не только помѣщику, но и имъ,—что освобожденіе безъ земли вызоветъ недовольство правительствомъ и помѣщиками. Самъ онъ лично еще до отмѣны крѣпостного права, до которой не дожилъ, отказался отъ барщины и посадилъ крестьянъ на оброкъ послѣ добровольнаго ихъ на то согласія и на условіяхъ, выработанныхъ сообща съ крестьянами. Изложеніемъ воззрѣній Хомякова на общину оканчивается вторая глава сочиненія проф. Завитневича.

Третья глава начинается общей характеристикой научно-теоретическихъ трудовъ Хомякова. Авторъ пользуется для этого выдержкою изъ характеристики А. Ѳ. Гильфердинга, лично хорошо знавшаго Хомякова. Гильфердингъ высоко цѣнилъ въ немъ многосторонность, цѣльность и независимость мысли. Обширное знакомство съ западноевропейской наукой повело къ заключенію объ ея односторонности и съ тѣмъ вмѣстѣ къ вѣрѣ, что устранить и восполнить эту односторонность призвана Россія, свободная „отъ тѣхъ предразсудковъ и предубѣжденій, отъ того раздвоенія мысли, наконецъ, отъ той гордости прошлымъ, которые обусловливаютъ односторонность взгляда у западныхъ народовъ“ (I, 367). Эту характеристику проф. Завитневичъ восполняетъ указаніемъ на то, что Хомяковъ, по собственному признанію, не любитъ авторитетовъ (I, 367).

Самый разборъ научно-теоретическихъ трудовъ Хомякова начинается обстоятельнымъ знакомствомъ съ „Семирамидой“ или его Записками о всеобщей исторіи. Работа эта имѣетъ настолько отличительныя особенности, что проф. Завитневичъ считаетъ долгомъ познакомить читателя съ условіями его происхожденія. Дѣло началось съ того, что друзья Хомякова, пораженные обширностью, глубиной и своеобразностью его сужденій по разнымъ вопросамъ міровой исторіи, просили его записывать то, что онъ говорилъ во время совмѣстныхъ дружескихъ собесѣдо-

ваній. Разумѣется, разговоръ въ такихъ случаяхъ не могъ имѣть системы, а потому Хомякову пришлось выработать свою систему, основныя начала міровой исторіи, какъ онъ представлялъ ее, многое долженъ былъ измѣнить, восполнить сравнительно съ говореннымъ.

Хомяковъ рѣшительно недоволенъ существующими трудами западноевропейскихъ ученыхъ по исторіи. Лучшіе труды по его мнѣнію принадлежатъ нѣмецкимъ ученымъ; но и эти ученые страдаютъ односторонностью: то апріорностію построенія, какъ Гегель, то излишнею фактичностью, подавляющею идею. Поэтому Хомяковъ не обинуясь называетъ историческую систему Гегеля безплодною и пустой (I, 392). Въ свою очередь „Англія закована въ цѣпяхъ прошедшаго и въ сухо-ученой односторонности, которая убиваетъ въ ней способность сочувствовать остальному міру и понимать чужую мысль"... „Франція, веселая, остроумная, щеголеватая, вѣчно самодовольная въ своей ученой посредственности и художественномъ ничтожествѣ... требуетъ еще долгихъ и великихъ уроковъ смиренія, прежде чѣмъ въ ней вовсоздастся чувство человѣческое, способное понимать человѣческую истину и сочувствовать ей" (I, стр. 388). Вообще А. С. Хомякова нельзя заподозрѣть въ излишнемъ смиреніи.

Въ своей исторической системѣ Хомяковъ былъ поборникомъ такъ называемой „исторической школы". Проф. Завитневичъ готовъ думать, что Хомяковъ былъ даже родоначальникомъ этой школы у насъ на Руси. По крайней мѣрѣ первой работой въ этомъ направленіи онъ называетъ работу ученика Хомякова Д. А. Валуéва о мѣстничествѣ, вышедшую въ 1845 году одновременно съ книгою Соловьева „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ", но разрѣшенную къ печати еще 27 августа 1844 года. Но проф. Завитневичъ хорошо знаетъ, что ученыя работы исполняются не легко и не быстро, а потому нужно допустить, что сочиненія Валуева и Соловьева писались одновременно и независимо одно отъ другого. Отсюда можно сдѣлать и дальнѣйшее заключеніе, что русская историческая наука,

на ряду съ западно-европейской и не безъ вліянія послѣдней, дошла послѣдовательно до „исторической школы". Самъ Хомяковъ съ этимъ направленіемъ историческихъ трудовъ западноевропейскихъ ученыхъ былъ хорошо знакомъ, хотя и не былъ ими удовлетворенъ.

Къ особенностямъ историческихъ пріемовъ Хомякова относится и его взглядъ на значеніе въ процессѣ работы „чувства поэта и художника". По его взгляду „ученость можетъ обмануть, остроуміе склоняетъ къ парадоксамъ: чувство художника есть внутреннее чутье истины человѣческой, которое ни обмануть, ни обмануться не можетъ" (I, стр. 393). Въ этомъ опредѣленіи особаго чутья въ постиженіи сущности и неуловимыхъ особенностей предметовъ и явленій, усвояемаго поэтамъ, несомнѣнно сказалось настроеніе мысли времени и можетъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ и спорамъ. Внутреннее постиженіе сущности предметовъ и явленій, о которомъ говоритъ Хомяковъ, не составляетъ исключительнаго преимущества поэтовъ, а свойственно всѣмъ людямъ высокаго дарованія, какой-бы области ни была посвящена дѣятельность этихъ избранниковъ. Проф. Завитневичъ, какъ историкъ, хорошо знакомый съ выработанными методами научнаго изслѣдованія, замѣчаетъ, что внутреннее чутье „можетъ понести такой вздоръ, отъ котораго наукѣ не поздоровится (I, стр. 409).

Не ясно для насъ и различіе, которое нашъ авторъ старается установить между „исторической школой" Хомякова и его противниковъ. Хомяковъ стремился къ уразумѣнію „живыхъ началъ, которыя управляютъ жизнію человѣчества", (I, стр. 405). Стремленіе это общее, и если съ тѣмъ вмѣстѣ идетъ тщательное изученіе „оффиціальныхъ столбцевъ исторической лѣтописи", то потому, что тщательнымъ изученіемъ этихъ столбцовъ надѣются если не уразумѣть, то подготовить уразумѣніе живыхъ началъ жизни народовъ и цѣлаго человѣчества.

Особенности понимания Хомяковымъ задачъ историческаго изслѣдованія рѣшительнымъ образомъ вліяли на его Записки о всеобщей исторіи. Здѣсь кроется причина того, почему онъ мало придавалъ значенія хронологіи; здѣсь же нужно искать объясненія недостаточнаго вниманія къ точнымъ историческимъ даннымъ и, какъ дальнѣйшаго слѣдствія этого, поспѣшности обобщеній.

По мнѣнію Хомякова, истинный предметъ исторіи составляетъ „не дѣла лицъ, не судьбы народовъ, но общее дѣло, жизнь всего человѣчества", „картина всего человѣчества, раздѣленнаго по высшему признаку его духовнаго развитія" (I, стр. 432). Этимъ высшимъ признакомъ, основой жизни человѣчества, по мнѣнію того же Хомякова, служитъ религія. „Въ ней будущность его (человѣка), личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія разумнаго и всемірнаго" (I, стр. 433). Выньте христіанство изъ исторіи Европы и буддизмъ изъ исторіи Азіи, и вы уже не поймете ничего ни въ Европѣ, ни въ Азіи. Этотъ неоспоримый фактъ повторялся съ большею или меньшею силою на цѣломъ земномъ шарѣ въ продолженіе всѣхъ вѣковъ. Мѣра просвѣщенія, характеръ просвѣщенія и источники его опредѣляются мѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры" (I, стр. 433). Оказывается однако, что чистую первоначальную религію въ настоящее время возстановить не возможно. Видно съ тѣмъ вмѣстѣ, что свойства религіи отдѣльныхъ народовъ находятся въ сильной зависимости отъ характера народа, условій его быта и отношеній къ сосѣдямъ. Въ этомъ смыслѣ исторія человѣчества должна оставаться безъ начала. Когда получается возможность различать особенности міровыхъ религій, то среди нихъ выдѣляются два коренныхъ направленія, или начала, называемыя Хомяковымъ иранскимъ и кушитскимъ. Иранское состоитъ въ духовномъ поклоненіи свободно творящему духу и съ тѣмъ вмѣстѣ въ единобожіи, кушитское—„въ признаніи вѣчной органической необходимости, производящей въ силу неизбѣжныхъ логи-

ческихъ законовъ... Свобода и необходимость составляютъ то тайное начало, около котораго въ разныхъ образахъ сосредоточиваются всѣ мысли человѣка" (I, стр. 445). Родиной кушитства Хомяковъ считаетъ эѳіопію. Первобытный характеръ этой религіи—кроткое, но безстыдное повиновеніе всѣмъ вещественнымъ склонностямъ. Главные отдѣлы его: шиваизмъ—поклоненіе царствующему веществу, и буддизмъ—поклоненіе рабствующему духу, находящему свою свободу только въ самоуничтоженіи (I, стр. 446).—Иранизмъ мѣстомъ происхожденія имѣлъ восточный Иранъ, котораго центръ Кавказско—Араратская твердыня (I, стр. 447). Это—религія духа, и характеръ ея состоитъ въ строгомъ и гордомъ отчужденіи отъ вещественности, легко переходящемъ въ фанатизмъ, но возвышающемъ и очищающемъ душу отъ чувственныхъ склонностей (I, стр. 448). Изъ словесныхъ памятниковъ, въ которыхъ иранизмъ нашелъ свое выраженіе, первое мѣсто принадлежитъ письменности Израиля, второе мѣсто памятникамъ браманизма и третье—Зердушта. Хомяковъ думаетъ, что кушитство и иранизмъ имѣли особую систему письма: первое—образную, второе гласовую, т. е. звуковую (I, стр. 448). Отсюда должно заключить, что Хомяковъ наклоненъ былъ считать одну и другую систему письма одинаково древними (I, стр. 449).

Въ своемъ чистомъ видѣ обѣ системы вѣры не удержались, а слились въ разныхъ мѣстахъ путемъ разныхъ уступокъ. Посредствующею системою послужила система эманацій, представляющая „что-то неопредѣленное и безхарактерное, принимающее всякій смыслъ по желанію толкователя. Въ эманаціи было торжество начала кушитскаго въ формѣ нѣсколько просвѣщенной" (I, стр. 453). Этотъ взглядъ на сліяніе началъ иранскаго и кушитскаго Хомяковъ прилагаетъ къ Греціи и Риму. На основаніи научнаго мнѣнія о мѣстѣ первоначальнаго поселенія индо-европейскихъ народовъ можно было думать, что религіи Греціи и Рима будутъ воплощеніемъ начала иранскаго. Преданіе Ирана, по мнѣнію Хомякова, дѣйствательно про-

никло сюда, воодушевляло лучшіе и благороднѣйшіе умы; но осложнилось началомъ кушитскимъ. Здѣсь „возникло искусство въ чудной полнотѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Кушита съ словеснымъ началомъ Ирана“ (I, стр. 455). Еще осязательнѣе господство кушитства въ Римѣ. По мнѣнію Хомякова „религія въ смыслѣ богопознанія или вѣрованія рѣшительно не существовало въ Римѣ при Августѣ“. По мнѣнію лучшихъ римлянъ „религія есть обрядъ государственный, полезный, но вполнѣ условный, обязательный для гражданъ, но не имѣющій никакихъ данныхъ для самобытнаго существованія, или правъ на безусловное вѣрованіе“. (I, стр. 461). „Торжество грубо политическаго начала обозначало окончаніе мысленнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигъ вѣнчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій“ (I, стр. 465). Отсюда невольно возникаетъ вопросъ, во имя чего двигалась бы дальнѣйшая исторія Европы, когда сокрушенная и упраздненная религія перестала бы служить движущимъ началомъ. Но на смѣну древнихъ религій является христіанство. По мнѣнію Хомякова, „міръ ученія иранскаго получилъ свой вѣнецъ въ христіанствѣ и уже внѣ его не имѣетъ никакого смысла“ (I, стр. 468). Однако и самъ Хомяковъ понимаетъ, что рядомъ съ религіей существуютъ и другіе направители исторической жизни народовъ. „Римъ и Эллада, воинственная дикость германца и тѣсный бытъ славянской семейственности“, по мнѣнію Хомякова, „имѣли столько же вліянія на исторію новѣйшую, сколько и христіанство (I, стр. 471). Если таково было дѣйствіе указанныхъ силъ въ эпоху христіанства; то еще рѣшительнѣе было вліяніе ихъ въ пору язычества. Отсюда произошло то, что съ принятіемъ христіанства, какъ религіи государственной, древній Римъ продолжалъ разсматривать его, какъ учрежденіе, освященное государственнымъ закономъ, какъ явленіе государственное и слѣдовательно подчиненное государству, а не господствующему надъ

нимъ (I, стр. 478—479). Такой взглядъ на религію и церковь древній Римъ завѣщалъ западнымъ народамъ, явившимся на смѣну его и усвоившимъ начало римскаго государственнаго права (I, стр. 480). „Поэтому главная задача западнаго міра, главное его требованіе, выразившееся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, было построеніе церкви въ государственную форму“ (I, стр. 481). Отсюда особое значеніе на западѣ соборовъ, явившихся не столько выраженіемъ мнѣнія церкви, сколько явленіемъ государственнаго права, не подлежащимъ никакому суду (I, стр. 481); отсюда же объясняется особое положеніе римскаго патріарха, постепенно воплотившаго въ себѣ полноту власти церкви и ставшаго выше соборовъ. Само протестантство, явившееся отпоромъ крайностямъ католицизма, подчинялось воздѣйствію наиболѣе важной изъ этихъ крайностей—раціонализму католицизма. „Его формы, его строгого логическій ходъ были торжествомъ раціонализма, который выступалъ впередъ явно и сознательно изъ римскаго ученія, въ которомъ онъ заключался безсознательно и тайно. Его подвигъ сдѣлался яснѣе, послѣдовательнѣе и строже. Скоро были разорваны пеленки, въ которыхъ скрывалось его достоинство, и Фейербахи нашего времени начали свою разрушительную работу въ лицѣ Цвингліевъ и Карлштатовъ XVI в.“ (I, стр. 492). „Лютеръ, или, лучше сказать, реформа разрушила внутреннее спокойствіе духа въ Германіи, подкопавъ не только вѣру, основанную на односторонности авторитета, но самое чувство вѣры, брошенной произволу частной критики“ (I, стр. 494). Напрасно Германія искала опоры для своего духовнаго мира въ философіи своихъ великихъ мыслителей, въ Кантѣ и Гегелѣ. „Кантъ былъ прямымъ и необходимымъ продолжателемъ Лютера“, какъ Гегель въ свою очередь былъ завершителемъ школы Канта.

Общій выводъ Хомякова о западѣ и его образованности крайне безутѣшенъ. Западъ утратилъ „начала духовныя“ и въ особенности вѣру, безъ которой человѣкъ жить не можетъ

(I, стр. 499—500). Явленіе это тѣмъ болѣе печально, что Западъ не понимаетъ и не чувствуетъ своего положенія. Нашъ авторъ послѣ краткаго резюме только подтверждаетъ мысль Хомякова о безотрадномъ положеніи западно-европейскаго общества, неспособнаго болѣе къ возрожденію. Глава эта оканчивается указаніемъ на отношеніе Хомякова къ разнымъ народностямъ Запада не только на основаніи „Семирамиды", но и на основаніи другихъ сочиненій Хомякова, напр. его письма объ Англіи.

Глава четвертая имѣетъ своимъ предметомъ уясненіе особенностей воплощенія христіанства въ исторіи Византіи и славянъ.

Направленіе и полнота эллинской мысли и равенство просвѣщенія въ разныхъ областяхъ имперіи, іерархическое равенство патріарховъ спасли Византію отъ односторонности въ усвоеніи христіанства и мѣстнаго сосредоточенія его, какъ это случилось на Западѣ. Отсюда произошло изумительное богатство на Востокѣ церковной словесности, глубина мысли, сила и роскошь краснорѣчія, „стремленіе къ опредѣленности понятій. соединенное съ всесторонностію, исключающею преобладаніе сухой разсудочности" (I, стр. 562). „Но и Византіи *не суждено было осуществить понятіе о христіанскомъ государствѣ... указать своимъ примѣромъ новый и высшій путь человѣчеству*" (I, стр. 563—564). Произошло это отъ того, что византіецъ былъ эллинъ по просвѣщенію и римлянинъ по гражданству. Здѣсь было тоже господство римскаго права, „понятіе о государствѣ оставалось въ тѣхъ упорныхъ формахъ, которыя были даны Римомъ" (I, стр. 564—565). „и христіанство почти не проникало въ каменный капитолій юристовъ: тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества" (I, стр. 565). Поэтому „*христіанство не могло разорвать сплошной сѣти злыхъ и противухристіанскихъ началъ.* Оно удалилось въ душу человѣка, оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь

общественную и произнося только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества; ибо самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ понятіи Рима, не могли еще уразумѣть ни всей лжи римскаго общественнаго права, ни безконечно трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ. Ихъ благодѣтельная сила разбивалась о правильную и слитную кладку римскаго зданія" (I, стр. 566—567). Но если Византіи *„не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества"*, то *„ей было дано великое дѣло уяснить вполнѣ христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ*. Сама имперія падала все ниже и ниже... но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей, хранились до конца *чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала"* (I, стр. 568—569). Одно и другое и было передано по наслѣдству славянству и особенно святой Руси.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, проф. Завитневичъ знакомитъ съ древнѣйшей баснословной исторіей, какъ представляетъ ее себѣ Хомяковъ, съ границами начальнаго распространенія славянства въ Европѣ, доходившими до береговъ Атлантическаго океана на западѣ и Средиземнаго моря на югѣ. У славянъ была „письменность, которой древность, вѣроятно, равняется самымъ древнимъ" (I, стр. 579); славяне были „древніе просвѣтители Европы... брахманы Запада, но брахманы не мудрствовавшіе, а бытовые, не сплотившіеся нигдѣ въ жреческую касту... хранившіе въ формѣ мелкихъ общинъ или большихъ семей преданія и обычаи человѣческіе, принесенные ими изъ своей Иранской колыбели" (I, стр. 579). Какъ народъ земледѣльческій, славяне ближе къ общечеловѣческимъ началамъ, чужды аристократическаго презрѣнія къ другимъ людямъ, и въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ германцевъ. Этотъ этнографическій типъ славянина служилъ прекрасной почвой для

принятія христіанства, когда славяне столкнулись съ Византіей на Балканскомъ полуостровѣ: „Изъ стѣнъ Византіи, изъ горныхъ монастырей, изъ малыхъ семей славянскихъ, уже принявшихъ христіанство, выступали кроткіе завоеватели, вооруженные благовѣствованіемъ вѣры. Съ радостною покорностью были они приняты въ вольныхъ общинахъ славянскаго міра. Изъ дома въ домъ, изъ области въ область, на востокъ и западъ и дальній сѣверъ шла проповѣдь Евангелія, торжествующая въ духѣ любви и говорящая словомъ народнымъ. Болгары и хорваты, чехи, моравцы и ляхи вступили въ одно церковное братство. Безпредѣльная, новорожденная Русь, связанная еще только условнымъ союзомъ единоначалія въ дружинѣ, получила въ единствѣ вѣры сѣмя жизненнаго единства, выраженнаго именемъ Руси Святой" (I, стр. 588—589). „Свѣжая земля, не закованная въ формы уже опредѣлившагося общества политическаго, не испорченная завоеваніемъ, быть можетъ, по основамъ своей народной жизни и по сравнительной мягкости нравовъ" .. Русь „едва озарялась лучемъ истиннаго ученія, какъ *уже стала безконечно выше Византіи*" (I, стр. 594). При всемъ томъ Хомяковъ не согласенъ съ И. В. Кирѣевскимъ, когда послѣдній говорилъ, что *„христіанское ученіе выражалось въ чистотѣ и полнотѣ во всемъ объемѣ общественнаго и частнаго быта древнерусскаго"*. Хомяковъ возражалъ: „Нѣтъ, велико это слово, и какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошедшей, сказать его объ ней я не могу и не *смѣю*. Не было ни одного народа, ни одной земли, ни одного государства въ мірѣ, которому такую похвалу можно бы было приписать хотя приблизительно; и конечно, она *уже слишкомъ непомѣрна для земли*, которой князья не только безпрестанно губили ее своими междоусобіями, но еще безъ стыда и совѣсти опустошали ее мечемъ, огнемъ и разбоемъ союзниковъ, магометанъ и язычниковъ" (I, стр. 597—598). Этому осуществленію полноты христіанскаго начала въ жизни мѣшала раздвоенность земли, происходившая изъ раз-

ности ея племенного состава, изъ разности стремленій общерусской дружины и духовенства съ одной стороны и областной земщины съ другой (I, стр. 607). При этомъ Хомяковъ указываетъ на важныя заслуги Москвы, какъ объединительницы Руси, хотя замѣчаетъ, что выполненіе этой исторической задачи сопровождалось великой борьбой и кровью (I, стр. 613). Но это начало было бы не достаточно, если бы на помощь ему не явилась высшая объединительная сила—христіанство съ его ближайшимъ воплощеніемъ—церковью. „Другія земли новѣйшей Европы въ своей цѣлости созданы вещественною силою завоеванія и завоевательныхъ племенъ, принявшихъ впослѣдствіи христіанскую вѣру. *Наша старая Русь создана самимъ христіанствомъ*" (I, стр. 616—617). „Св. митрополитъ Алексѣй и основатель Троицкой лавры св. Сергій, великіе подвижники міра духовнаго, болѣе содѣйствовали единенію Русской земли, чѣмъ вся хитрая политика Симеоновъ, Димитріевъ и Іоанновъ". „Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дѣла. Церковь возстановила это единство, нарушенное междоусобіями". (I, стр. 622). Причина такого сильнаго воздѣйствія церкви заключалась въ томъ истинно христіанскомъ отношеніи, въ какомъ она находилась на Руси къ государству. Для опредѣленія этого отношенія Хомяковъ пользуется формулой Кирѣевскаго: „Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею или пріобрѣтать себѣ власть правительственную". Съ своей стороны Хомяковъ прибавляетъ: „не только никогда не искала она насильственнаго управленія надъ людьми, но и не могла его искать, ибо для такого управленія она должна бы отдѣлиться отъ людей, т. е. отъ своихъ членовъ, отъ самой себя. Такое отдѣленіе церкви отъ человѣчества возможно и понятно при юридическомъ раціонализмѣ западныхъ опредѣленій и совершенно не возможно при живой цѣлости православія" (I, стр. 623).

На вопросъ о томъ, въ какой полнотѣ при руководствѣ церкви усвоенъ былъ древней Русью христіанскій законъ, Хомяковъ отвѣчаетъ: „Онъ вполнѣ признанъ древнею Русью; но по недостатку истиннаго просвѣщенія, по темному понятію о вѣрѣ, которое оставалось въ значительной части народа, принявшей болѣе ея обрядъ, чѣмъ полноту ея духа,—внутренняя бесѣда въ душѣ человѣка и озареніе области гражданской свѣтомъ области духовной было не возможно. Безъ сомнѣнія благодѣтельная жизнь христіанскаго начала не переставала дѣйствовать и выражаться въ явленіяхъ высокихъ и утѣшительныхъ; но обобщеніе такихъ явленій, какъ сознаннаго закона, было не возможно: для этого въ обществѣ не доставало христіанскаго просвѣщенія“ (I, стр. 627—628).

На вопросъ о томъ, почему христіанское просвѣщеніе не достигло въ древней Россіи надлежащей высоты, Хомяковъ отвѣчалъ указаніемъ четырехъ причинъ: 1) внутренней общественной разъединенности, происходившей отъ сопоставленія и противопоставленія дружины и земщины; 2) противорѣчія между естественнымъ стремленіемъ къ мѣстному объединенію и высшимъ стремленіемъ къ общему единенію; 3) недовольно глубокаго проникновенія православной вѣры въ нашу старую Русь и наконецъ 4) того, что „въ древней Руси разуму недоставало сознанія“ (I, стр. 633—634). Дѣйствіе указанныхъ причинъ выясняется взглядомъ Хомякова на условія успѣха просвѣщенія: онъ возможенъ только при наличности единства и согласія въ жизни и дѣятельности всѣхъ государственныхъ и общественныхъ силъ.

Такъ какъ взглядъ Хомякова на нашу древнюю Русь имѣетъ исключительное значеніе, то проф. Завитневичъ въ заключеніе главы старается опредѣлить мѣсто трудовъ Хомякова въ общей разработкѣ нашей допетровской исторіи. Выводъ его таковъ: „Хомяковъ въ методологическомъ отношеніи, въ области теоретической былъ у насъ однимъ изъ завершителей того круга идей, которыя поставили русскую исторіографію на совре-

менную намъ высоту" (I, стр. 655—656). Что касается до самыхъ работъ по русской исторіи, то онѣ выразились лишь въ нѣсколькихъ трактатахъ, важныхъ для пониманія основныхъ воззрѣній Хомякова на древнюю Русь. Съ этими воззрѣніями проф. Завитневичъ въ общемъ согласенъ; согласенъ онъ съ тѣмъ, что вѣра православная была и остается основою въ исторической жизни русскаго народа, приводитъ доказательство изъ послѣдующей русской исторіи, даже личныя наблюденія надъ русскимъ народомъ и только старается ограничить мысль Хомякова указаніемъ на то, что кромѣ православія были и другія причины, вліявшія на опредѣленіе исторической судьбы русскаго народа,—чего впрочемъ не отрицалъ и Хомяковъ.

Глава пятая начинается рѣшеніемъ важнаго вопроса объ отношеніи народной стихіи къ стихіямъ иноземнымъ. Въ начальномъ періодѣ русской исторіи, по взгляду Хомякова, *„стихія народная не враждовала съ общечеловѣческимъ даже тогда, когда общечеловѣческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ"* (I, 720). За это говоритъ изученіе иностранныхъ языковъ въ древней Руси, приглашеніе иностранныхъ художниковъ, вліяніе западнаго искусства на новгородскую иконопись, принятіе многихъ западныхъ сказокъ и проч. Отношеніе существенно мѣняется, какъ кажется Хомякову, со времени Флорентійской уніи, но особенно послѣ 1612 года, ознаменованнаго борьбою не только государственною, но и духовною. Но не исчезаетъ и стремленіе къ сближенію съ Западной Европой, которое проходитъ черезъ весь XVII в. вплоть до Петра. По мнѣнію Хомякова, Петръ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ и едва ли не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись". „По какому-то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова *государства, онъ ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза"* (I, стр. 722). Средства, употребленныя имъ, были грубыя, но не слѣдуетъ забывать, что онъ бо-

ролся „съ цѣлою, нѣсколько *закоснѣвшею* жизнію, и онъ боролся съ нею во всѣхъ направленіяхъ. Онъ вводитъ всѣ формы Запада, всѣ, даже самыя неразумныя... *но ему это было необходимо. Онъ хотѣлъ потрясти вѣковой сонъ, онъ хотѣлъ пробудить спящую русскую мысль посредствомъ болѣзненнаго потрясенія*" (I, 722—723). Поэтому Хомяковъ думаетъ, что по суду послѣдующей исторіи „*направленіе, котораго онъ* (Петръ) *былъ представителемъ, не было совершенно неправымъ*: оно сдѣлалось неправымъ въ своемъ торжествѣ, а это торжество было полно и совершенно" (I, стр. 723). Усвоенныя сознательно однимъ человѣкомъ (Петромъ), формы европейской жизни усвоялись въ большинствѣ случаевъ безсознательно, а потому не принесли съ собою истиннаго просвѣщенія. Такое просвѣщеніе бываетъ обычно плодомъ назрѣвшихъ и сознанныхъ потребностей жизни. У насъ сознаніе это было слабо. Отсюда—подражательность въ наукѣ, въ литературѣ и формахъ общежитія: отсюда безплодность нашего новаго послѣпетровскаго просвѣщенія: „въ этомъ мы можемъ и должны сознаться съ смиреннымъ убѣжденіемъ. Весь этотъ блескъ ума едва ли выдумалъ порядочную мышеловку" (I, 732). Это потому, что внѣ связи съ жизнію, по мнѣнію Хомякова, не можетъ быть ни науки, ни творчества, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ всемірная исторія. „До сихъ поръ, сколько ни было въ мірѣ замѣчательныхъ художественныхъ явленій, всѣ они носили явный отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ которыхъ возникли: всѣ они были полны тою жизнію, которая дала имъ начало и содержаніе" (I, стр. 739). „Высшее художественное явленіе греческой и, можетъ быть, всемірной словесности творенія, носящія имя Гомера, были пѣснію народною" и проч. (I, стр. 740). „Художникъ не творитъ собственною своею силою: духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому очевидно, что всякое художество должно быть и не можетъ не быть народнымъ" (I, стр. 741). Проф. Завитневичъ искусно развиваетъ мысль Хомякова въ его борьбѣ съ сторонниками

антинаціонализма, какъ онъ выражается, и доказываетъ, что, по взгляду Хомякова, истинное просвѣщеніе и успѣхъ науки русской внѣ общенія съ народностью русскою не возможны. „Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми отличила его природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія“ (I, стр. 757). Поэтому изъ русскихъ писателей и художниковъ проявили высоту своего творчества лишь тѣ, которые слились съ народною жизнію. Таковы Пушкинъ и особенно Гоголь въ поэзіи, Глинка—въ музыкѣ, Ивановъ въ живописи.

Конецъ главы занятъ разъясненіемъ отношенія Хомякова къ славянству, при чемъ съ нарочитою подробностію разобрано дѣйствительно замѣчательное посланіе его къ сербамъ.

Книга вторая перваго тома посвящена „трудамъ Хомякова въ области богословія“ и состоитъ изъ четырехъ главъ: VI, VII, VIII и IX. Но глава шестая еще не касается богословскихъ трудовъ Хомякова, а представляетъ „общій анализъ и оцѣнку историческаго міровоззрѣнія“ его, обстоятельно изложеннаго въ послѣднихъ трехъ главахъ (III—V) первой книги перваго тома. Новаго въ освѣщеніе работъ Хомякова по исторіи глава эта ничего не привноситъ, а потому мы и не останавливаемся на ея изложеніи.

Приступая къ разбору и освѣщенію содержанія богословскихъ трудовъ Хомякова, проф. Завитневичъ замѣчаетъ: „Хомяковъ не былъ профессіональнымъ богословомъ, т. е. онъ не готовился ни къ занятію богословской каѳедры, ни къ спеціальной разработкѣ богословской науки: богословіемъ занимался онъ потому, что этого требовало его вѣрующее сердце и пытливый умъ“ (II, 966). Намъ думается, что къ указаннымъ причинамъ нужно прибавить еще одну: направленіе мысли того времени, мучительно искавшей разрѣшенія основныхъ

вопросовъ вѣры и нравственности христіанской, какъ объ этомъ говорятъ свидѣтельства современниковъ.

Проф. Завитневичъ знакомитъ насъ съ обстоятельствами жизни Хомякова, обусловливавшими направленіе его религіозной мысли, и съ кружковыми собраніями, вліявшими на опредѣленіе и выработку его богословскихъ воззрѣній; называетъ (на основаніи письма) книги по церковной исторіи, съ которыми былъ знакомъ Хомяковъ, какъ напр. Флёри, Неандера, Гфрёрера, Мосгейма, Гаазе и проч. (II, стр. 969—970). Нельзя не пожалѣть, что ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ проф. Завитневичъ не прослѣдилъ, какъ воспользовался этими книгами Хомяковъ. Отзывы его о нашихъ отечественныхъ богословахъ очень суровы, особенно о Макаріи (Булгаковѣ) (II, стр. 972—973). Тѣмъ интереснѣе было бы прослѣдить способъ пользованія западной богословской литературой, хотя бы въ границахъ его собственныхъ ссылокъ и указаній.

Центральнымъ въ кружковыхъ собраніяхъ былъ вопросъ о церкви, „отношеніе церкви къ обществу и государству, о страданіи, молитвѣ, чудесахъ и проч. (II, стр. 980—981). Наиболѣе авторитетнымъ считалось и было мнѣніе Хомякова. Эти же кружковыя собранія вызвали появленіе нѣкоторыхъ богословскихъ трактатовъ Хомякова. Другимъ лицомъ, хорошо освѣдомленнымъ въ тѣхъ же вопросахъ, былъ Ю. Ѳ. Самаринъ, для котораго вопросъ о церкви имѣлъ важное значеніе при написаніи имъ диссертаціи о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Стефанѣ Яворскомъ. Отсюда неизбѣжно возникалъ вопросъ, кто изъ названныхъ славянофиловъ, Хомяковъ или Самаринъ, занималъ въ вопросѣ о церкви положеніе руководителя. Путемъ тщательнаго разбора обстоятельствъ написанія Самаринымъ диссертаціи и писемъ послѣдняго проф. Завитневичъ приходитъ къ выводу, что не Самаринъ, а А. С. Хомяковъ содѣйствовалъ православному рѣшенію вопроса о церкви, что Самаринъ съ своей стороны былъ ученикомъ его (II, стр. 1000—1007). Путемъ устныхъ бесѣдъ съ Хомяковымъ и переписки съ нимъ

Самаринъ уяснилъ надлежащимъ образомъ и отношеніе философіи къ религіи. Но Хомякову предстояла болѣе широкая задача—водворить истинное понятіе о церкви среди русскаго образованнаго общества. Задачу эту Хомяковъ признавалъ настолько существенной, что отъ посильнаго исполненія ея, по его мнѣнію, никто изъ могущихъ уклониться не въ правѣ (II, стр. 1034). Такъ явился на свѣтъ его *катехизическій трактатъ*, озаглавленный въ рукописи: „Церковь одна". Проф. Завитневичъ не касается содержанія этого трактата, очевидно, имѣя въ виду исполнить это позже, а обстоятельно излагаетъ любопытную исторію попытокъ къ его напечатанію. Оказывается, что о напечатаніи этого трактата въ Россіи нечего было и думать. Поэтому Хомяковъ хочетъ напечатать его за границей, въ Германіи, въ надеждѣ, что нѣмцы скорѣе другихъ обратятъ на его книгу вниманіе. Но и это Хомякову не удалось. Такимъ образомъ трактатъ о церкви явился въ печати уже по смерти его (II, стр. 1034—1043). Проф. Завитневичъ въ заключеніе приводитъ отзывы о книгѣ Хомякова русскихъ богослововъ: А. В. Горскаго и проф. Казанскаго.

„Исповѣданіе" или трактатъ Хомякова о церкви легло въ основу переписки его съ англичаниномъ Пальмеромъ,—о чемъ идетъ рѣчь въ VIII главѣ второй книги. Изъ писемъ Хомякова къ Пальмеру сохранилось въ настоящее время 12, отъ Пальмера къ Хомякову всего 8 (II, стр. 1052). Переписка эта вызвана была намѣреніемъ Пальмера принять православіе и оказать возможное содѣйствіе къ соединенію англиканской церкви съ православною церковью восточною. Такъ какъ попытки послѣдняго рода были и раньше, то проф. Завитневичъ на основаніи трудовъ Образцова, Булгакова, Михайловскаго и Соколова представляетъ краткую исторію такихъ попытокъ съ указаніемъ основаній, ихъ вызвавшихъ (II, стр. 1053—1059).

Съ цѣлію ближайшаго ознакомленія съ догматическими и обрядовыми особенностями русской церкви Пальмеръ прибылъ въ Россію и, опираясь на рекомендательныя письма англій-

скаго посла при русскомъ дворѣ и президента коллегіи св. Магдалины при Оксфордскомъ университетѣ Мартина Рауса, вошелъ въ сношенія съ выдающимися представителями духовной и свѣтской власти и русскаго общества: Митрополитомъ Филаретомъ, Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода графомъ Протасовымъ, министромъ Муравьевымъ, протопресвитеромъ Кутневичемъ и др. Явившись въ Россію, Пальмеръ заявилъ, что онъ „приходитъ къ каѳолической, православной, апостольской церкви“, какъ „каѳолическій православный христіанинъ“, а потому проситъ „права общенія таинствъ“ (II, стр. 1066). На церкви православную и англиканскую Пальмеръ смотрѣлъ, какъ на два совершенно равноправныхъ члена одной вселенской церкви (Ibid.), а потому съ пріѣздомъ въ Россію считалъ для себя обязательнымъ подчиненіе мѣстной юрисдикціи церковной, съ тѣмъ вмѣстѣ считалъ себя въ правѣ на общеніе съ русскою церковію въ таинствахъ (II, стр. 1066—1069). Въ прибавленія къ символу вѣры Filioque онъ видѣлъ только разность словеснаго выраженія между отцами, писавшими на разныхъ языкахъ (II, стр. 1070), разъяснялъ въ православномъ духѣ ученіе о пресуществленіи св. даровъ, утверждалъ, что англиканская церковь не отрицаетъ молитвъ за усопшихъ, хотя и выпустила ихъ изъ чина литургіи (II, 1071). Труднѣе было объяснить и согласить съ ученіемъ православной церкви члены (39-ть) англиканскаго исповѣданія. Изъ этихъ членовъ митрополитъ Филаретъ отмѣтилъ Пальмеру слѣд.: XIX, которымъ признается существованіе въ Іерусалимской, Александрійской и Антіохійской церквахъ заблужденія на ряду съ римской,—XXI, которымъ признается возможность заблужденій въ области вѣры со стороны вселенскихъ соборовъ и XXII, который называетъ выдумкой поклоненіе и почитаніе св. иконъ и мощей и молитвенное призываніе святыхъ (II, стр. 1074—1075). Поэтому Пальмеръ не былъ допущенъ къ общенію таинствъ безъ формальнаго отреченія отъ англиканства.

24 іюля 1841 г. Пальмеръ оставилъ Россію, но не оставилъ намѣренія войти въ общеніе съ православною церковью. Онъ достаетъ „представительную грамоту“ отъ англиканскаго епископа Матѳея, который съ своей стороны находитъ „исповѣданіе вѣры“ Пальмера согласнымъ „съ истиннымъ смысломъ апостольскаго символа“ и проситъ епископовъ русской церкви допустить его къ общенію въ таинствахъ. Въ октябрѣ 1842 года грамота была представлена при прошеніи въ Св. Синодъ. Ясно, что и теперь Пальмеръ остается при взглядѣ на англиканскую церковь, какъ на діоцезъ вселенской на ряду съ церковію русской. Но Св. Синодъ теперь, какъ и прежде, остался при взглядѣ, что ни Пальмеръ, ни „церкви британскія не могутъ вступить въ дѣйствительный духовный союзъ съ православною каѳолическою восточною церковью, пока соборно не отвергнутъ всѣхъ заблужденій, противныхъ православному исповѣданію вселенскихъ патріарховъ“ (П, стр. 1077—1079). Въ отвѣтъ на опредѣленіе Св. Синода Пальмеръ проситъ назначить исповѣдника, который доказалъ бы ему неправославіе англиканской церкви и указалъ форму перехода его, Пальмера, отъ неправославія къ каѳолической церкви (П, стр. 1080). Такимъ исповѣдникомъ назначенъ былъ протопресвитеръ Кутневичъ. Бесѣды съ послѣднимъ и изученіе извѣстнаго Адама Зерникова по этому вопросу привели Пальмера къ убѣжденію въ истинности православнаго ученія. При всемъ томъ присоединенія къ православію не послѣдовало, въ 1843 г. Пальмеръ оставляетъ Россію и прекращаетъ оффиціальныя сношенія съ представителями русской церкви (П, стр. 1082—1083).

Но съ этого времени начинаются сношенія съ частными лицами изъ русскихъ и въ первомъ ряду съ А. С. Хомяковымъ. Знакомство съ послѣднимъ у Пальмера началось при посредствѣ извѣстнаго проф. Рѣдкина (II, стр. 1084). Открывается продолжительная переписка, любопытная и важная для освѣщенія личности какъ Пальмера, такъ особенно Хомякова. Содержаніе этой переписки проф. Завитневичъ дѣлитъ на три

вида: 1) на отрывочныя замѣтки біографическаго характера; 2) на разсужденія богословскія и историческія, важныя для изученія богословскаго міровоззрѣнія Хомякова и 3) на сужденія объ условіяхъ соединенія церквей. Въ настоящей части своего труда проф. Завитневичъ подвергаетъ разбору лишь разсужденія послѣдней категоріи. Намъ нѣтъ надобности подробно слѣдить за этимъ разборомъ, обширнымъ и обстоятельнымъ, а достаточно отмѣтить лишь главнѣйшіе пункты, которыхъ касается переписка друзей. Переписка эта дышетъ искренностью, особенно со стороны Хомякова, но съ тѣмъ вмѣстѣ сдержанностью, тщательнымъ обходомъ того, что можетъ оскорбить другого. По справедливому замѣчанію проф. Завитневича переписка носитъ полемическій характеръ, но „эта полемика существенно отличается отъ той, съ какою встрѣчаемся во многихъ старинныхъ литературныхъ состязаніяхъ христіанскаго Востока и Запада“, когда „каждая сторона, ставя своею задачею открыть у противника какъ можно больше заблужденій, старается прежде всего на этихъ заблужденіяхъ построить обвинительный приговоръ“ (II, стр. 1232). Различіе это вытекало какъ изъ школы, полученной полемистами, такъ изъ цѣлей полемики: искренняго желанія достигнуть примиренія путемъ безпристрастнаго разъясненія особенностей православной и англиканской церквей. Поэтому полемика постоянно колеблется между защитою одной и другой церкви и указаніемъ ихъ слабыхъ сторонъ. Была однако существенная разница въ положеніи друзей-полемистовъ: Пальмеръ ищетъ истинную церковь, Хомяковъ знаетъ ее и видитъ единственно въ православіи, въ которомъ родился и воспитался. Не маловажно и то, что переписка началась въ то время, когда Пальмеръ хорошо былъ знакомъ съ православіемъ. Отсюда ясно, что на основаніи переписки Хомякова и Пальмера мы не можемъ возстановить полностью того пути, которымъ послѣдній дошелъ до признанія истиннаго православія. Въ этой перепискѣ поэтому съ наглядностью выступаютъ ко-

нечныя сомнѣнія, въ силу различныхъ причинъ приведшія Пальмера въ лоно римской церкви.

Когда началась разсматриваемая нами переписка, христіанство переживало 19-й вѣкъ своего существованія; но теперь, какъ и въ X вѣкѣ для русскихъ славянъ, были два источника, откуда шелъ свѣтъ христіанства: Римъ и Востокъ, въ составъ котораго входитъ православная Русь. Пальмеръ искалъ истинную христіанскую церковь искренно, горячо, мучительно переживая всякое свое сомнѣніе, колебаніе. Ему казалось, что кромѣ искренности въ этихъ поискахъ ничего болѣе и не требуется. Хомяковъ понималъ дѣло гораздо глубже и шире. Для него было ясно, что для народовъ Запада, принявшихъ христіанство изъ Рима, и теперь естественнѣе возвращаться въ лоно римской церкви, потому что къ этому съ необходимостію вела исторія этихъ народовъ, правовой порядокъ, условія общественности, развитія образованности и наконецъ то чувство превозношенія, которое послѣдовательно выработалось у народовъ Запада въ отношеніи къ Востоку. Весьма существенно было и то, что Римъ въ дѣлѣ союза церковнаго шелъ на всякаго рода уступки, подобныя южнорусской уніи, между тѣмъ какъ Востокъ зналъ только полное единеніе въ духѣ любви. Для Пальмера совокупное дѣйствіе этихъ причинъ выяснилось только тогда, когда, искренно и вполнѣ убѣжденный въ вѣроисповѣдномъ превосходствѣ восточной церкви, слѣдомъ за другими онъ принялъ католицизмъ. Въ пору долговременнаго исканія истинной церкви, онъ искренно хочетъ слѣдовать указанію своего ума и сердца и старательно стремится выработать критерій для опредѣленія истинной церкви.

Догматическія разности между православіемъ и католицизмомъ, очевидныя для Пальмера, не требовали со стороны Хомякова усиленныхъ разъясненій. Но и въ этомъ пунктѣ Пальмеръ услышалъ новое освѣщеніе предмета, котораго онъ какъ бы не предчувствовалъ, когда Хомяковъ указывалъ ему, что въ прибавленіи къ символу Filioque сказалось прежде

всего самовластіе, нарушеніе вѣковыхъ традицій, пренебреженіе къ своимъ восточнымъ братьямъ по вѣрѣ, составившее потомъ общую черту отношеній Запада Европы къ Востоку (П, стр. 1090—1091). „Нововведеніе было торжественно принято. Для этого не созывали собора и не только не обращались къ восточнымъ епископамъ для испрошенія ихъ согласія, но даже не предупредили ихъ о случившемся... Поступокъ этотъ былъ, конечно, самымъ ужаснымъ преступленіемъ и проявленіемъ самой отвратительной гордости, самаго наглаго презрѣнія" (П, стр. 1117). И Пальмеръ вполнѣ признаетъ „*незаконность и безнравственность* того, какъ поступилъ Западъ, когда сдѣлалъ вставку въ символѣ" (П, стр. 1123); но находитъ необходимымъ, въ интересахъ единенія, не обострять отношеній, а всячески содѣйствовать взаимному примиренію (П, стр. 1106—1107).

Но признавая преимущество православія въ сохраненіи догматовъ въ апостольской чистотѣ, Пальмеръ дѣлаетъ упрекъ восточной церкви „въ недостаткѣ христіанскаго рвенія и энергіи, въ явномъ равнодушіи къ дѣлу распространенія истиннаго ученія" (II, стр. 1110). Нельзя сказать, чтобы защита Хомякова была въ этомъ пунктѣ особенно счастлива. Онъ старается оправдать Грецію и Россію неблагопріятными историческими условіями существованія въ прошломъ, относительною скромностію нашего просвѣщенія. „Что могли бы мы сказать Западу"? спрашиваетъ онъ. Какую новую вѣсть понесли бы мы туда? Какой новый источникъ знанія открыли бы мы Европѣ и въ особенности Англіи?.. Оксфордъ не такой ли центръ науки, съ которымъ мы соперничать не можемъ? Что же понесли бы къ вамъ наши миссіонеры"? (II, стр. 1110—1111). Но Пальмеръ видитъ иной источникъ этого равнодушія къ проповѣди своего ученія—внутреннее сознаніе, что „ваша церковь только частная церковь и что не она одна составляетъ церковь каѳолическую и что Западъ, хотя можетъ быть и впавшій въ заблужденіе, тѣмъ не менѣе не отпалъ отъ вѣры кореннымъ

и существеннымъ образомъ“ (II, стр. 1122). „Я утверждаю лично отъ себя“, говоритъ Пальмеръ, „что никогда до сихъ поръ еще не встрѣчалъ ни одного члена восточной церкви, ни свѣтскаго, ни священника, ни епископа, который высказывалъ бы малѣйшій признакъ истиннаго убѣжденія въ томъ, что его церковь одна истинная. Я не встрѣчалъ ни одного, который не призналъ бы, при настоящей постановкѣ вопроса, что римская латинская церковь живетъ истинною церковною жизнію. Я не встрѣчалъ ни одного, который приглашалъ бы меня обратиться, движимый внезапнымъ порывомъ собственной вѣры, а еще менѣе такого, который употреблялъ бы для этой цѣли ревностные доводы или мольбы, какъ это обычно самымъ бѣднымъ и простымъ римскимъ католикамъ“ (II, стр. 1128; см. также 1131). Хомяковъ признаетъ это превосходство ревности Рима въ области пропаганды, но замѣчаетъ, что онъ не можетъ ею восхищаться въ виду того, что эта ревность впадала не рѣдко въ противорѣчіе съ духомъ христіанства, что воодушевленіе это создавало „скорѣе гонителей, чѣмъ мучениковъ“; прибавляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что православный Востокъ не рѣдко былъ счастливѣе въ успѣхахъ проповѣди, чѣмъ Западъ, какъ напр. при обращеніи славянъ (II, стр. 1140—1141). Второй упрекъ Пальмера восточной церкви—ея готовность единенія съ латинствомъ „на самыхъ снисходительныхъ условіяхъ“, при чемъ дѣлается ссылка на св. Марка Ефесскаго. Этотъ доводъ легко было обратить противъ самого Пальмера,—что Хомяковъ и сдѣлалъ (II, стр. 1142—1143). Третій упрекъ Пальмера восточной церкви—отсутствіе въ ней обрядового единства, какъ напр., существованіе неканоническаго обычая перекрещиванія уже крещенныхъ христіанъ, подобно тому, какъ въ римской церкви существуетъ продажа индульгенцій. Отсюда Пальмеръ дѣлалъ выводъ, что Вселенская церковь можетъ подпадать временнымъ заблужденіямъ (II, стр. 1144—1145). На это Хомяковъ отвѣчалъ, что перекрещиваніе есть временный и мѣстный обычай, не нарушающій незапятнанной чистоты

Вселенской церкви. Иное дѣло продажа индульгенцій. „Это грѣхъ всей римской церкви, ибо оно не только одобрено непогрѣшимою главою церкви, но прямо имъ указано, отъ него исходило“ (II, стр. 1145—1146). Послѣдній упрекъ Пальмера собственно русской церкви—отсутствіе въ ней свободы и зависимость отъ государства. Греческій народъ отталкиваетъ Пальмера недостаткомъ религіозной жизни, въ русскомъ народѣ наоборотъ есть много такого, что должно привлечь къ нему всякую христіанскую душу: но преобладаніе въ Россіи государства надъ церковію представляется Пальмеру горою, сдвинуть которую ему лично представляется невѣроятнымъ (II, стр. 1192—1194). Хомяковъ подвергаетъ этотъ доводъ обстоятельному разсмотрѣнію.

Пальмеръ принялъ католицизмъ, ссылаясь главнымъ образомъ на требованіе отъ него греческихъ патріарховъ перекрещиванія (II, стр. 1216), но въ дѣйствительности отъ историческаго тяготѣнія Англіи къ Риму, и ближайшимъ образомъ потому, что въ бытность его, Пальмера, въ Римѣ избранный богословъ (о. Пассагліо) *неожиданно* облегчилъ ему обращеніе, заявивъ, что, *сохраняя свои скорѣе греческія, нежели латинскія убѣжденія* относительно нѣкоторыхъ важныхъ спорныхъ вопросовъ, онъ тѣмъ не менѣе можетъ быть принятъ въ лоно католицизма, если согласится не утверждать ничего противнаго общественнымъ догматамъ римской церкви. Не маловажно было и то, что, по признанію Пальмера, *гораздо пріятнѣе быть на сторонѣ наиболѣе сильнаго, чѣмъ примкнуть къ слабѣйшему* (II, стр. 1238). Такимъ образомъ переписка Хомякова съ Пальмеромъ не имѣла желаннаго успѣха; но и не была безплодна. Пальмеръ писалъ, что письма Хомякова посланы ему какъ бы самимъ Провидѣніемъ и достойны сами по себѣ получить большую степень извѣстности, чѣмъ та, которую они могутъ имѣть прочитанныя только имъ и сложенныя въ портфель. Могу прибавить, что не одинъ человѣкъ, прочитавшій ихъ, признавался мнѣ, что они во многомъ

измѣняли его прежнія предубѣжденія противъ восточной церкви (II, стр. 1158).

Глава девятая второй книги перваго тома посвящена разбору французскихъ брошюръ о западныхъ исповѣданіяхъ и богословскихъ трудовъ послѣднихъ лѣтъ жизни Хомякова (II, стр. 1250—1422). Первая брошюра вызвана статьею извѣстнаго Тютчева въ Revue des deux Mondes подъ заглавіемъ: „Римскій вопросъ и папство", на которую послѣдовалъ отвѣтъ Лоранси, издателя Revue. Въ этомъ отвѣтѣ Хомяковъ усмотрѣлъ клевету на православную церковь, а потому и не могъ оставить этого отвѣта безъ обличенія. Проф. Завитневичъ съ тѣмъ вмѣстѣ знакомитъ съ трудностями при напечатаніи этой брошюры (II, стр. 1277—1286). Брошюра имѣла успѣхъ между прочимъ и при русскомъ дворѣ. Вторая брошюра была вызвана окружнымъ посланіемъ парижскаго архіепископа Сибура по поводу Севастопольской войны и носила заглавіе: „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ" (II, стр. 1187—1312). Объ этой второй брошюрѣ проф. Завитневичъ замѣчаетъ, что „она служитъ болѣе обстоятельнымъ развитіемъ многихъ вопросовъ, лишь затронутыхъ въ „Исповѣданіи вѣры" (II, стр. 1308).

Третья французская брошюра была издана въ 1858 году въ Лейпцигѣ Брокгаузомъ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. По поводу разныхъ сочиненій латинскихъ и протестантскихъ о предметахъ вѣры". Брошюрѣ предпослано письмо къ издателю, въ которомъ опредѣляется основная идея Хомякова о тожествѣ романизма или католичества и протестантства въ ихъ зародышѣ. Сочиненія, вызвавшія третью брошюру, были: 1) Брошюра неизвѣстнаго, вышедшая въ 1856 г. въ Брюсселѣ: „Нѣсколько малоизвѣстныхъ фактовъ, относящихся къ русской церковной исторіи; 2) Брошюра извѣстнаго іезуита изъ русскихъ, князя Гагарина, вышедшая въ томъ же 1856 году подъ заглавіемъ: „Будетъ ли Россія католической"? 3) Сочиненіе окатоличив-

шагося грека Пацини́оса подъ заглавіемъ; „Восточная церковь“, вышедшее въ Римѣ въ 1855 году; 4) Брошюра Капфа изъ Штутгарда подъ заглавіемъ: „О религіозномъ состояніи евангелической Германіи съ свѣтлой и темной ея стороны“; 5) Рѣчь Сталя „О вѣротерпимости съ критикой на нее Бунзена“. Эта разнородность сочиненій, вызвавшихъ третью брошюру Хомякова о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, была причиною разнообразія ея содержанія. Въ виду того, что указанныя брошюры не представляютъ новаго по содержанію, мы не касаемся этого содержанія.

Сверхъ этихъ брошюръ перу Хомякова принадлежатъ и разбираются проф. Завитневичемъ нѣкоторыя мелкія его сочиненія изъ области богословія и церковной жизни, какъ его статья „О библейскихъ трудахъ Бунзена, письмо къ редактору L' Union chrétiènne о значеніи словъ „каѳолическій“ и „соборный“, по поводу рѣчи іезуита Гагарина и др.

Въ заключеніе главы проф. Завитневичъ дѣлаетъ по обычаю общій обзоръ богословскихъ трудовъ Хомякова съ указаніемъ ихъ основныхъ положеній и выводовъ. Такимъ образомъ имъ исполнена обширная, предварительная историко-критическая работа, предназначенная служить основою для систематизаціи богословскаго міровоззрѣнія Хомякова.

Таково содержаніе обширнаго труда проф. В. З. Завитневича. Онъ далеко еще не оконченъ, но и напечатаннаго совершенно достаточно для сужденія о тщательности изученія обширныхъ и разнообразныхъ сочиненій Хомякова и о достоинствѣ научныхъ пріемовъ изслѣдованія и изложенія. Понятнымъ становится и то, почему проф. Завитневичъ предметомъ своего многолѣтняго труда избралъ именно сочиненіе А. С. Хомякова.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на Хомякова, на основы его міровоззрѣнія, на его богословскія, историческія, философскія и другія сочиненія, несомнѣнно, что онъ представляетъ собою личность богато одаренную отъ природы, своеобраз-

ную по своему умственному и нравственному складу. Изученіе его сочиненій поэтому полезно и поучительно. Помимо общаго интереса проф. Завитневича несомнѣнно влекло къ этому изученію а собственное пониманіе прошлаго и настоящаго въ судьбахъ Россіи и западной Европы. Для насъ не можетъ имѣть существеннаго значенія вопросъ, въ какой мѣрѣ это воззрѣніе нашего автора опредѣлялось ранѣе изученія славянофильства вообще и въ частности сочиненій А. С. Хомякова; одно безспорно, что сходство воззрѣній проф. Завитневича съ основными воззрѣніями Хомякова рѣшительнымъ образомъ вліяло на существенныя особенности разбираемаго сочиненія.

Хорошо извѣстно почти неизбѣжное явленіе, что долговременное изученіе какого-либо писателя ведетъ къ той или иной степени увлеченія имъ. Увлеченіе это должно увеличиться, если долговременное изученіе находитъ себѣ опору въ единствѣ основныхъ воззрѣній изучаемаго и изучающаго. Отсюда возникаютъ достоинства и недостатки трудовъ, являющихся плодомъ такого изученія. Любящее отношеніе къ изучаемому писателю помогаетъ уясненію и болѣе глубокому пониманію многихъ особенностей, способныхъ ускользнуть отъ вниманія при иномъ отношеніи къ дѣлу, но и невольно можетъ закрыть глаза отъ нѣкоторыхъ и даже существенныхъ недочетовъ.

Проф. Завитневичъ изучалъ свой предметъ добросовѣстно и основательно, съ любовію къ дѣлу; въ изложеніи воззрѣній Хомякова онъ не ограничился главными и существенными изъ нихъ, но старался отмѣчать и частности въ развитіи его мыслей. Поэтому получается обстоятельное знакомство съ міровоззрѣніемъ Хомякова въ границахъ исполненной авторомъ работы. Съ цѣлію наиболѣе живого ознакомленія не только съ мышленіемъ, но и слововыраженіемъ Хомякова проф. Завитневичъ старается въ границахъ возможнаго говорить его словами. Пріемъ этотъ цѣлесообразенъ, но мѣстами страдаетъ излишними подробностями выписокъ. Если принять во вниманіе, что однѣ и тѣ же мысли Хомякова раскрываются во многихъ его произведеніяхъ;

то въ интересахъ дѣла лучше было-бы сдѣлать собственными словами краткое изложеніе не разъ высказаннаго Хомяковымъ. Только принятымъ пріемомъ изложенія слѣдуетъ объяснить, что проф. Завитневичъ нашелъ необходимымъ рядомъ съ подробнымъ разборомъ тѣхъ или иныхъ воззрѣній Хомякова представить собственную сжатую формулировку ихъ. И формулировка эта, обычно искусная, дѣйствительно полезна для читателя, особенно если онъ не имѣетъ возможности ознакомиться съ полнымъ собраніемъ сочиненій Хомякова.

Въ свою очередь согласіе проф. Завитневича съ основными началами міровоззрѣнія Хомякова ведетъ къ тому, что мы рѣдко встрѣчаемся въ его книгѣ съ критическими замѣчаніями. Обычный тонъ его рѣчи хвалебный, даже восторженный, не всегда впрочемъ отвѣчающій дѣйствительному положенію дѣла. Онъ напр. защищаетъ лингвистическіе труды Хомякова противъ Гильфердинга, хотя и самъ видитъ ихъ недостатки (I, стр. 570 и слѣд.). Выводы Хомякова не оставляютъ сомнѣнія, что съ научными основами индоевропейской фонетики онъ былъ знакомъ недостаточно. Поэтому нѣкоторые его выводы поражаютъ неожиданностью, напр. о мѣстѣ латинскаго языка въ ряду сѣверныхъ и южныхъ европейскихъ языковъ, или домыслъ о томъ, что славянскія нарѣчія лежатъ въ основѣ всѣхъ европейскихъ языковъ. Не возможно также согласиться съ проф. Завитневичемъ, когда онъ старается защитить сближеніе Хомяковымъ глаголицы съ чертами и рѣзами Храбра; потому что по точному смыслу послѣдняго свидѣтельства черты и рѣзы не представляли изъ себя алфавита.

Существеннымъ недостаткомъ историческихъ трудовъ Хомякова служитъ то, что они писались на память, безъ ссылки на источники и пособія, которыми онъ пользовался при ихъ написаніи. При всей колоссальности памяти Хомякова, о которой сохранились современныя свидѣтельства, такой пріемъ писанія не могъ пройти безнаказанно. Въ этомъ пріемѣ нужно искать объясненія неточностей хронологіи и смѣшенія историческихъ

событій. Хомяковъ напр. говоритъ, что французъ Ногаре далъ оплеуху папѣ, тогда какъ эту оплеуху далъ папѣ Бонифацію VIII итальянецъ Колонна. Смѣшеніе это не имѣло бы значенія, если бы Хомяковъ не дѣлалъ отсюда весьма существеннаго вывода, что „Франція была представительницей жизни чисто мѣстной и условной, съ адвокатскою сухостію мысли". Проф. Завитневичъ напрасно видитъ въ этомъ случаѣ бевсознательную метаморфозу, совершившуюся подъ вліяніемъ поэтическаго увлеченія (стр. 411—412). Еще важнѣе то, что отсутствіе ссылокъ на источники и пособія лишаетъ изслѣдователя возможности возстановить, въ какой мѣрѣ и съ какимъ искусствомъ Хомяковъ воспользовался ими, что почерпнуто изъ однихъ и что изъ другихъ. Отсюда же происходитъ то, что изслѣдователь, безъ затраты громаднаго труда, не можетъ прослѣдить, въ какой мѣрѣ Хомяковъ былъ самостоятеленъ въ своихъ выводахъ и въ какой мѣрѣ онъ воспользовался наличностью работъ по исторіи, особенно западноевропейскихъ ученыхъ. Поэтому и проф. Завитневичъ не указываетъ источниковъ сочиненій Хомякова, даже не ставитъ своей задачей попытки это сдѣлать, предоставляя выполненіе этой наиболѣе трудной и необходимой работы последующему времени. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ уклонился отъ такого кропотливаго труда, который значительно облегчился бы, если бы Хомяковъ, требовавшій отъ историка точности и кропотливости, самъ послѣдовалъ примѣру хотя бы того же Соловьева, котораго онъ такъ мало щадилъ въ своей критикѣ. Трудъ этотъ для будущаго историка могъ бы значительно облегчиться, если бы ознакомить науку по крайней мѣрѣ съ библіотекой Хомякова,—въ чемъ повидимому нѣтъ особенной трудности въ виду всегдашней готовности сына оказывать возможное содѣйствіе людямъ, изучающимъ сочиненія его отца. Проф. Завитневичъ и самъ сознаетъ это, но осуществить своего желанія не имѣлъ, очевидно, случая. (См. I, стр. 968 прим.).

Не совсѣмъ понятно, по крайней мѣрѣ для насъ лично,

что проф. Завитневичъ нигдѣ не ставитъ своею задачею установить надлежащую связь воззрѣній славянофиловъ вообще и Хомякова въ частности съ воззрѣніями ихъ близкихъ и отдаленныхъ предшественниковъ, стоявшихъ за самобытное развитіе Россіи и за религіозную основу русскаго просвѣщенія. Сущность дѣла, конечно, не въ томъ, какую кличку носили въ то или иное время поборники русскаго самобытнаго просвѣщенія.

Необходимо однако оговориться, что при неоконченности сочиненія трудно говорить о томъ, чего ему не достаетъ, такъ какъ недостающее легко можетъ оказаться впереди.

Еще одно несущественное замѣчаніе. Въ V главѣ, въ которой рѣчь идетъ объ отношеніи славянофиловъ къ западноевропейской образованности, затронутъ вопросъ объ отношеніи Хомякова къ славянству. Намъ думается, что послѣдній вопросъ слѣдовало бы выдѣлить въ особую главу по исключительной важности его въ міровоззрѣніи Хомякова и потому, что послѣдній строго выдѣлялъ славянство изъ остальной Европы. Въ свою очередь сказанное въ III главѣ объ отношеніи Хомякова къ отдѣльнымъ западно-европейскимъ народностямъ, между прочимъ и анализъ письма его объ Англіи, лучше было бы помѣстить во второй половинѣ V главы. Отъ этого, какъ намъ думается, выиграла бы цѣльность изложенія и однородность содержанія.

Настоящія указанія сдѣланы, конечно, не съ цѣлію ослабить безспорныя достоинства труда проф. Завитневича. Первое достоинство его изслѣдованія—самостоятельность. Никто изъ писавшихъ о Хомяковѣ не привлекалъ къ изученію такого обширнаго матеріала, какъ это сдѣлано проф. Завитневичемъ. Поэтому ему пришлось заново не пересмотрѣть, а именно изучить все, дѣйствительно написанное Хомяковымъ, или усвояемое ему: опущенія крайне незначительны. Второе достоинство—полнота изслѣдованія. Предшественники проф. Завитневича обычно разсматривали міровоззрѣніе Хомякова по частямъ, по отдѣльнымъ вопросамъ, по которымъ ему приходилось выска-

зываться; проф. Завитневичъ старался охватить по возможности всю полноту содержанія мысли этого несомнѣнно выдающагося мыслителя. Благодаря этой полнотѣ задачъ изслѣдованія и изложенія получилась возможность болѣе точнаго знакомства съ такими существенными особенностями міровоззрѣнія Хомякова, какъ отношеніе его къ западно-европейской образованности, къ древней Руси, къ реформѣ Петра Великаго и періоду русской исторіи, слѣдовавшему за этой реформой.

Методъ изслѣдованія въ свою очередь обнаруживаетъ въ авторѣ опытнаго работника въ области науки. Самая спеціальность его—русская исторія существенно помогла ему разобраться въ сложномъ матеріалѣ, заключающемся въ сочиненіяхъ Хомякова и освѣтить этотъ матеріалъ при помощи современныхъ выводовъ исторической науки. При разборѣ отдѣльныхъ трактатовъ Хомякова авторъ обычно воспроизводитъ обстоятельства времени и личной жизни Хомякова, при которыхъ тѣ или другіе трактаты писались. Такой пріемъ существенно помогаетъ выясненію особенностей содержанія и формы сочиненій Хомякова и служитъ для нихъ хорошимъ научнымъ комментаріемъ.

Въ виду указанныхъ достоинствъ своихъ сочиненіе проф. В. З. Завитневича вполнѣ заслуживаетъ награды полною преміею митрополита Макарія".

Справка: 1. По 2 § Положенія о первой преміи (лит. А) имени преосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго, учрежденной при Кіевской Духовной Академіи въ память ея юбилея въ 1869 году, изъ суммы годовыхъ процентовъ съ преміальнаго капитала опредѣляется ежегодная имени митрополита Макарія большая премія въ 800 рублей, которая можетъ быть раздѣлена на двѣ меньшія преміи, въ 400 рублей каждая.

2. Преміи, по 4 § того же Положенія, назначаются за сочиненія по всѣмъ предметамъ академическаго курса, писанныя

какъ въ отвѣтъ на какую либо задачу, предложенную Академіей къ разрѣшенію, такъ и на темы, избранныя самими авторами. Сочиненія на темы по собственному избранію могутъ быть представлены на Макарьевскую юбилейную премію только авторами, принадлежащими къ составу Академіи.

3. Присужденіе премій, по 18 § того же Положенія, журналомъ Совѣта представляется на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго.

4. По 20 § того же Положенія, за разсмотрѣніе представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій, рецензенты какъ удостоенныхъ, такъ и не удостоенныхъ преміи или почетнаго отзыва сочиненій вознаграждаются, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, изъ годичныхъ процентовъ на преміальный капиталъ.

5. По заслушаніи отзыва и обсужденіи дѣла, Совѣтомъ Академіи признано возможнымъ удостоить сочиненіе ординарнаго профессора В. Завитневича большой юбилейной Макарьевской преміи.

Постановили: Сочиненіе ординарнаго профессора В. Завитневича: „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ" удостоить большой юбилейной имени митрополита Макарія преміи въ 800 р., профессору же В. Малинину за рецензированіе означеннаго сочиненія присудить вознагражденіе въ 218 р. 75 к. Настоящее постановленіе представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи и вознагражденія по принадлежности.

II. Представленіе заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго отъ 8 сего октября: „Въ „Трудахъ" Академіи за настоящій годъ напечатано сочиненіе нынѣ окончившаго курсъ

студента Академіи Алексѣя Діанина на тему: „Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII вѣка (по пунктамъ малороссійскаго духовенства, представленнымъ въ Екатерининскую Комиссію для составленія новаго уложенія)", рекомендованное для печати профессоромъ священникомъ Ѳеодоромъ Титовымъ и вышедшее отдѣльною брошюрою. Въ сочиненіи использованъ весьма интересный и важный историческій матеріалъ. На основаніи его, авторъ умѣлою рукою изобразилъ положеніе малороссійскаго духовенства во второй половинѣ XVIII вѣка, поясняя, гдѣ нужно, документъ, послужившій основаніемъ его работы, историческимъ комментаріемъ.

Цѣня достоинство работы Діанина, нахожу справедливымъ увѣнчать его сочиненіе Евгеніе-Румянцевской преміею, выдаваемою за сочиненія студентамъ по русской исторіи и археологіи, о чемъ честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи".

Справка: Совѣтомъ Академіи 29 ноября 1896 года было постановлено: образовать изъ годичныхъ процентовъ съ Евгеніе-Румянцевскаго капитала двѣ ежегодно выдаваемыя Евгеніе-Румянцевскія преміи по 200 р. каждую, за кандидатскія сочиненія воспитанниковъ Академіи по русской исторіи и древностямъ, а остальную сумму отъ ежегоднаго дохода выдавать за редактированіе премируемыхъ сочиненій тѣмъ наставникамъ Академіи, къ спеціальности коихъ относятся эти сочиненія.

Постановили: Согласно съ представленіемъ профессора В. Пѣвницкаго удостоить сочиненіе бывшаго воспитанника Академіи Алексѣя Діанина подъ заглавіемъ: „Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII вѣка (по пунктамъ малороссійскаго духовенства, представленнымъ въ Екатерининскую Комиссію для составленія новаго уложенія)" Евгеніе-Румянцевской преміи въ 200 р., а профессору священнику Ѳ. Титову за редактированіе означеннаго сочиненія при печатаніи его выдать въ вознагражденіе 100 р., о чемъ, примѣни-

тельно къ § 81 б. 12 Уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи премія и вознагражденія по принадлежности.

III. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 31 августа сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 27 августа 1904 года за № 8292: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложеженіе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 15 августа сего года за № 64082, по сообщенію Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ о неимѣніи препятствій къ прибытію въ Россію окончившаго курсъ въ Константинопольской болгарской духовной семинаріи іеродіакона Евѳимія (Сапунджіева) для поступленія въ Кіевскую Духовную Академію, 2) представленное при рапортѣ Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, отъ 11 сего августа за № 6820, ходатайство Митрополита Тирскаго и Сидонскаго Мисаила о принятіи арабскаго уроженца Хабиба Ризига, Константина, окончившаго курсъ въ Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ, для продолженія образованія въ Кіевскую духовную семинарію. Приказали: 1) Разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить въ установленномъ порядкѣ къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Кіевскую Академію окончившаго курсъ ученія въ Константинопольской болгарской духовной семинаріи іеродіакона Евѳимія (Сапунджіева), съ содержаніемъ на стипендію изъ средствъ болгарской экзархіи, 2) продолжить арабскому уроженцу Хабибу Ризеку, Константину, въ случаѣ принятія его въ установленномъ порядкѣ въ Кіевскую духовную семинарію, назначенную ему на содержаніе въ Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ стипендію на счетъ остатковъ отъ доходовъ съ имѣній

греческихъ монастырей въ Бессарабіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Справка: Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей на приведенномъ указѣ, копія сего указа отправлена 2 сентября сего года въ Правленіе Кіевской духовной семинаріи.

б) Прошенія окончившихъ курсъ Болгарской духовной семинаріи въ Константинополѣ, болгарскихъ уроженцевъ, іеродіаконовъ Евѳимія (Сапунджіева) и Іосифа (Николова) о допущеніи ихъ къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію, отъ 4 сентября сего года, на имя Преосвященнаго Ректора Академіи.

в) Акты пріемныхъ испытаній окончившихъ курсъ Болгарской духовной семинаріи въ Константинополѣ, болгарскихъ уроженцевъ іеродіаконовъ Евѳимія (Сапунджіева) и Іосифа (Николова) и окончившаго богословское училище въ Софіи, болгарскаго уроженца Иванова Бончо.

Справка: Указами Св. Синода отъ 8 іюля и 12 августа сего года за №№ 6698 и 7741 разрѣшено было Совѣту Академіи допустить къ пріемнымъ испытаніямъ въ началѣ текущаго учебнаго года болгарскихъ уроженцевъ іеродіакона Іосифа (Николова) и Бончо Иванова.

Постановили: Болгарскихъ уроженцевъ іеродіакона Евѳимія (Сапунджіева), іеродіакона Іосифа (Николова) и Бончо Иванова, сдавшихъ пріемныя испытанія въ Академіи, принять въ число студентовъ Академіи, о чемъ, на основаніи § 81 б. 1 Уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

IV. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „По 89 § Уст. дух. акад., журналы Совѣта по дѣламъ, относящимся до ученой дѣятельности Академіи, могутъ быть печатаемы, вполнѣ или въ извлеченіи, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго. По 17 статьѣ штата дух. акад. назначена и особая сумма на печатаніе журналовъ Совѣта. Въ настоящее время извлеченіе изъ журналовъ Совѣта за 1903—1904 учебный годъ окончено печатаніемъ и канцеляріей Академіи приготовляется къ печати извлеченіе изъ журналовъ за 1904—1905 учебный годъ. О семъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи".

Постановили: Просить Его Высокопреосвященство о разрѣшеніи печатанія журналовъ Совѣта Академіи за 1904—1905 учебный годъ.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 октября 1904 г. Утверждается".

1904 года 12 октября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпускѣ, экстраординарнаго профессора А. Булгакова, не бывшаго въ собраніи по причинѣ болѣзни, ординарнаго профессора В. Завитневича и экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго, не бывшихъ по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающихся ихъ дѣлъ.

Слушали: 1. Предложенie Ректора Академiи объ избранiи въ почетные члены Академiи высокопреосвященнаго Iакова, архiепископа Ярославскаго и Ростовскаго, во вниманiе къ его плодотворному архипастырскому служенiю церкви и Кiевской Академiи, въ бытность предсѣдателемъ существующаго при Академiи Богоявленскаго Братства,—преосвященнаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, во вниманiе къ его плодотворному просвѣщенному архипастырскому служенiю церкви,—настоятеля русской посольской церкви въ Берлинѣ, протоiерея Алексѣя Петровича Мальцева, во вниманiе къ его выдающейся многоплодной ученой и церковно-общественной дѣятельности,—бывшаго экстраординарнаго профессора Кiевской Духовной Академiи Θеодора Степановича Орнатскаго, во вниманiе къ его двадцатипятилѣтней педагогической и учено-литературной дѣятельности въ Академiи.

Постановили: Соглашаясь съ предложенiемъ преосвященнаго Ректора, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденiи высокопреосвященнаго Iакова, архiепископа Ярославскаго и Ростовскаго, преосвященнаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, настоятеля русской посольской церкви въ Берлинѣ, протоiерея Алексѣя Петровича Мальцева и бывшаго экстраординарнаго профессора Кiевской Духовной Академiи Θеодора Степановича Орнатскаго въ званiи почетныхъ членовъ Кiевской Духовной Академiи.

II. Отзывы о сочиненiи магистра богословiя, преосвященнаго Арсенiя, епископа Псковскаго и Порховскаго, подъ заглавiемъ: „Изслѣдованiя и монографiи по исторiи Молдавской церкви“ (С.-Петербургъ, 1904), представленномъ на степень доктора церковной исторiи.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Учено-литературная дѣятельность преосв. Арсенія началась давно. Еще въ бытность студентомъ нашей Академіи онъ, въ каникулярное время совершивъ двухкратное путешествіе на Аѳонъ, изложилъ свои паломническія наблюденія и впечатлѣнія въ довольно обширномъ „Дневникѣ студента-паломника на Аѳонъ“ (Кіевъ, 1886 г.; оттискъ изъ Трудовъ Кіев. Дух. Академіи), удостоенномъ Совѣтомъ Академіи Макарьевской премія. За этимъ добрымъ началомъ непрерывною цѣпью слѣдуетъ длинный рядъ произведеній нашего автора. Въ сихъ произведеніяхъ, посвященныхъ выясненію разнообразныхъ богословскихъ и церковно-историческихъ вопросовъ, замѣчается уже явственное тяготѣніе автора, преимущественно, къ изученію прошлаго православной Румынской (Молдо-Валашской) церкви. Наиболѣе цѣнною работою за этотъ періодъ учено-литературной дѣятельности преосв. Арсенія была его обширная магистерская диссертація: „Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ Молдо-Влахійскій (1808—1812 г.г.) и митрополитъ Кишиневскій (1813—1821 г.г.). Кишиневъ, 1894 г.“—Для ознакомившихся съ этимъ трудомъ становилось яснымъ, что авторъ прекрасно спеціализировался въ исторической области Румынской церкви и наша наука вправѣ ожидать отъ него новыхъ и новыхъ трудовъ по предмету его спеціализаціи. Ожиданія эти весьма успѣшно оправдываются. Представленная преосвященнымъ Арсеніемъ для соисканія ученой степени доктора церковной исторіи книга заключаетъ въ себѣ рядъ капитальныхъ изслѣдованій и монографій по исторіи Молдавской церкви.

Исторія Молдавіи и Валахіи (какъ церковная, такъ и гражданская) очень долгое время почти вовсе не разрабатывалась. Зависѣло это отъ крайне неблагопріятныхъ политическихъ условій, въ какихъ находились эти господарства. Но послѣ того какъ Румынія стала королевствомъ, у румынъ явилось сильное стремленіе къ изученію прошлаго своей родины.

Издается множество матеріаловъ, хранящихся въ монастырскихъ архивахъ, и появляется цѣлый рядъ изслѣдованій по гражданской и церковной исторіи, касающихся или отдѣльныхъ лицъ или же крупныхъ событій и эпохъ. Таковы многочисленные труды именуемыхъ авторомъ въ „предисловіи“ ученыхъ: Романскаго епископа *Мелхиседека*, румынскаго академика *К. Ербичану*, епископа Румничскаго *Геннадія Еначану*, профессора *Евсевія Поповича*, *Денсушіяну*, *Предяну*, *Григоріу* и многихъ другихъ.—Что касается до нашей ученой литературы, то хотя и здѣсь начали появляться труды по церковной и гражданской исторіи Румыніи (Н. И. Петрова, Ѳ. А. Курганова, А. И. Яцемирскаго и друг.), но они не многочисленны и отрывочны. Трудъ же извѣстнаго ученаго проф. Е. Е. Голубинскаго: „Краткій очеркъ исторіи Румынской или Молдо-Валашской православной церкви“, изданный въ 1871 году, долженъ быть признанъ значительно устарѣвшимъ.

Поэтому, имѣя въ виду малодоступность для большинства нашихъ ученыхъ румынскихъ первоисточниковъ и литературы, преосв. Арсеній правъ, когда говоритъ: „Съ румынами мы издавна находились въ политическихъ и церковныхъ сношеніяхъ; но о нихъ-то мы меньше всего и знаемъ“ (XXI). Между тѣмъ „изученіе современнаго состоянія православныхъ помѣстныхъ церквей въ видахъ ихъ взаимообщенія“ является „насущною потребностію“. По возможности удовлетворить указанной цѣли по отношенію къ церкви Молдавской и поставляетъ своею задачею нашъ авторъ.

Книга преосв. Арсенія раздѣляется на *двѣ* части. Первая изъ нихъ имѣетъ такое заглавіе: „Исторія Молдавскихъ епархій и ихъ святители, со времени основанія господарства и до нашихъ дней“,—и состоитъ изъ шести главъ.

Во *вступительной* главѣ (стоящей внѣ счета шести) авторъ приводитъ различныя мнѣнія по вопросу о началѣ христіанства въ придунайскихъ областяхъ на территоріи нынѣшней

Румыніи [1]) и, раздѣляя мнѣніе, относящее означенный фактъ ко II вѣку, научно обосновываетъ оное. Далѣе трактуетъ объ юрисдикціонныхъ отношеніяхъ дакійскихъ епископовъ къ церквамъ Западной и Восточной Римскихъ имперій, а затѣмъ къ Первой Юстіанѣ, Охриду и Константинопольской патріархіи. Глава заканчивается указаніемъ на отсутствіе правильной церковной организаціи до основанія самостоятельнаго молдавскаго господарства. Рѣчи въ этой небольшой главѣ краткія, сжатыя, почти конспективныя.

Въ первой главѣ трактуется о *молдавской митрополіи*. Съ основаніемъ въ началѣ второй половины XIV вѣка Молдавскаго господарства, естественно, явился вопросъ объ организаціи въ немъ церковной іерархіи. До этого времени Молдавская церковь въ своихъ каноническихъ отношеніяхъ зависѣла отъ Охрида, а затѣмъ (послѣ перехода Охрида подъ власть Сербіи) стала стремиться къ самостоятельности, но встрѣтила при этомъ противодѣйствіе со стороны властолюбивой вселенской патріархіи. Возгорѣлась борьба между Константинополемъ и Молдавскою церковію, окончившаяся „учрежденіемъ въ 1401 году Молдавской митрополіи“.—Рѣчи автора по затронутымъ вопросамъ, не всегда одинаково освѣщаемымъ въ наукѣ, обстоятельныя, свидѣтельствующія о силѣ критической мысли. Такимъ же достоинствомъ отличаются и дальнѣйшія трактаціи автора въ этой главѣ, касающіяся какъ первыхъ митрополитовъ, такъ и организаціи церковной жизни въ Молдавіи. Особенное вниманіе обращаетъ здѣсь критическое отношеніе автора къ существующимъ спискамъ или каталогамъ Молдавскихъ митрополитовъ (констатируется ихъ невѣрность) и удачная попытка представить свой „преемственный списокъ митрополитовъ до половины XV вѣка“. Глава оканчивается перечнемъ въ послѣдова-

---

[1]) О происхожденіи румынскаго племени (вопросъ о чемъ „до сихъ поръ не рѣшенъ въ наукѣ вполнѣ точно“) свѣдѣнія сообщаются въ „предисловіи“.

тельномъ порядкѣ послѣдующихъ молдавскихъ митрополитовъ съ половины XV вѣка съ замѣчаніями о жизни и дѣятельности болѣе выдающихся изъ нихъ.

Остальныя главы первой части содержатъ въ себѣ исторію епархій Молдавской церкви какъ существующихъ въ настоящее время, такъ и прекратившихся, потому что въ прежнее время количество и объемъ епархій измѣнялись отчасти отъ территоріальныхъ измѣненій Молдавіи, отчасти отъ разныхъ политическихъ обстоятельствъ. Именно, во 2-ой главѣ данъ историческій очеркъ *Романской* епархіи, существующей до настоящаго времени; въ 3-ей главѣ—епархіи *Радоуцкой*, прекратившей свое существованіе въ 1777 году (по присоединеніи Буковины къ Австріи), при чемъ сообщаются краткія свѣдѣнія и о дальнѣйшей судьбѣ областей, входившихъ въ составъ епархіи; въ 4-й главѣ—епархіи *Хушской*, существующей до настоящаго времени; въ 5-й главѣ—епархіи *Проилавской*, существовавшей съ перерывами до 30-хъ г.г. прошлаго столѣтія; въ 6-й—епархіи *Нижне-Дунайской*, существующей до настоящаго времени. Изложивъ исторію каждой изъ указанныхъ епархій, авторъ представляетъ затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ списки ея святителей, отмѣчая тѣ или иныя стороны дѣятельности наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ (опредѣляется значеніе ихъ для церкви и государства, указывается литература предмета и т. п.).

Вторая часть книги преосв. Арсенія носитъ такое заглавіе: „Главные моменты и важнѣйшіе дѣятели Румынской церковной жизни въ XIX столѣтіи“,—и тоже распадается на шесть главъ.

Въ первой главѣ трактуется „о положеніи православнаго приходскаго духовенства въ Румыніи въ XIX вѣкѣ“.

Этотъ довольно обширный трактатъ, основанный на трудахъ Романскаго епископа Мельхиседека, „синодальныхъ отчетахъ“ и разныхъ статьяхъ, появлявшихся въ различныхъ румынскихъ періодическихъ изданіяхъ, представляетъ обстоятельную и яркую картину положенія румынскаго приходскаго духо-

венства за рассматриваемое время. Кинувъ общій взглядъ на положеніе сего духовенства въ XIX вѣкѣ и констатировавъ, что оно „недостаточно образовано, недостаточно обезпечено, въ нравственномъ отношеніи заставляетъ желать очень многаго, вслѣдствіе чего и не можетъ имѣть надлежащаго просвѣтительнаго вліянія на общество“,—авторъ выясняетъ причины такихъ печальныхъ явленій. Говоря о невысокомъ уровнѣ образованія духовенства, причину этого онъ видитъ въ слабой организаціи учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ и ненормальномъ подчиненіи ихъ свѣтской власти, а также печальномъ положеніи окончившихъ семинарію, слѣдствіемъ чего является бѣгство ихъ изъ духовнаго званія. Открытіе въ 1884 году православнаго богословскаго факультета при Букурештскомъ университетѣ сопровождается пока еще результатами, по мнѣнію преосв. Арсенія, сомнительными. Говоря объ упадкѣ нравственности въ средѣ румынскаго духовенства, авторъ самымъ распространеннымъ порокомъ среди него, влекущимъ за собою другіе пороки, считаетъ взяточничество и подкупы, благодаря чему продажа священныхъ должностей дошла здѣсь до крайнихъ предѣловъ.— Бѣдственное положеніе приходскаго духовенства въ матеріальномъ отношеніи объясняется зависимостью его отъ коммунъ и злоупотребленіями коммунальныхъ старшинъ.

Такое ненормальное и крайне плачевное состояніе духовенства обратило на себя вниманіе правительства и 29 мая 1893 года изданъ былъ „Новый Церковный Законъ въ Румыніи“, значительнымъ образомъ измѣняющій прежнее—умственное, нравственное и матеріальное—положеніе православнаго, преимущественно, приходскаго бѣлаго духовенства. Но законъ этотъ—мечъ обоюдоострый. При своихъ достоинствахъ, сводящихся, главнымъ образомъ, къ упорядоченію приходовъ, онъ по общему своему направленію содержитъ въ себѣ не мало и вреднаго для церкви, предоставляя слишкомъ большой просторъ вмѣшательству въ дѣла церковныя свѣтской власти. Выясненіемъ значенія этого закона во всѣхъ отношеніяхъ авторъ

и заканчиваетъ свой трактатъ по затронутому вопросу. Въ концѣ трактата приложенъ, въ переводѣ на русскій языкъ, и самый „Новчй Церковный Законъ въ Румыніи 1893 года“.

Вторая глава второй части книги преосв. Арсенія посвящена „секуляризаціи имуществъ Нямецкаго монастыря, въ связи съ секуляризаціею другихъ молдавскихъ монастырей и состояніемъ Молдавской церкви въ половинѣ XIX вѣка“.

„Нямецкій монастырь—говоритъ авторъ—имѣетъ такое же значеніе для Молдавіи, какъ Троице Сергіева и Кіево-Печерская лавры для Россіи. Основанный въ самомъ началѣ XV вѣка, въ теченіе пяти вѣковъ онъ былъ центромъ религіознаго просвѣщенія въ Молдавіи, воспитавъ многихъ румынскихъ святителей—епископовъ и митрополитовъ, самоотверженно защищавшихъ родную вѣру отъ ея враговъ: ислама, протестантства и католичества. Для народа онъ служилъ лучшею школою нравственности, представляя въ лицѣ своихъ иноковъ великіе образцы подвижничества и преданности православію. Въ годины тяжкихъ политическихъ испытаній... и другихъ народныхъ бѣдствій къ нему тянулась вся православная Румынія, находя здѣсь матеріальную и духовную помощь. Монастырь этотъ находилс [illegible] ѣсномъ духовномъ общеніи и съ Россіею и даровалъ Русской церкви нѣсколькихъ іерарховъ (Григорій Цамблакъ и друг.). Вслѣдствіе такого значенія монастырь, благодаря щедротамъ жертвователей, располагалъ большими матеріальными средствами.

Авторъ, какъ онъ выражается, не задается грандіозною задачею написать полную исторію монастыря, такъ какъ это возможно только въ связи съ исторіею церкви и отчасти политической жизни Молдавіи. Онъ имѣетъ въ виду изобразить послѣдніе моменты славной исторической жизни монастыря, окончившіеся секуляризаціею монастырскихъ имуществъ, а вмѣстѣ—и утратой прежняго значенія. Изложеніе этихъ событій, по справедливому замѣчанію автора, важное для исторіи монастыря, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ яркою иллюстраціею для ха-

рактеристики религіозной жизни Молдавіи въ половинѣ прошлаго вѣка, а также—для объясненія настоящаго печальнаго состоянія Румынской церкви.

Въ нашей литературѣ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ въ Румыніи. Нѣсколько болѣе вниманія удѣлено этому вопросу учеными румынскими. Разсматриваемый трактатъ нашего автора значительно преимуществуетъ предъ прежними, однородными по содержанію трудами, не только потому, что преосв. Арсеній съ присущимъ ему историческимъ талантомъ воспользовался данными этихъ трудовъ, но главнымъ образомъ потому, что имѣлъ возможность изложить эпопею послѣднихъ дней жизни Нямецкаго монастыря на основаніи собственноручныхъ записей, на молдавскомъ языкѣ, очевидца этихъ событій—архимандрита Андроника, скончавшагося въ 1893 году въ Ново-Нямецкомъ монастырѣ, игуменомъ котораго онъ состоялъ.

Мы не будемъ передавать содержанія этого въ высшей степени интереснаго трактата. Отмѣтимъ только взглядъ автора на секуляризацію церковныхъ имуществъ. „Подъ секуляризаціею церковныхъ имуществъ,—говоритъ онъ,—вообще разумѣется отчужденіе отъ церкви имуществъ и обращеніе ихъ въ государственную собственность. Какъ ни понимать ее и ни оправдывать, она есть нарушеніе каноническихъ правъ церкви и объясняется многими причинами, въ числѣ которыхъ самою главною является упадокъ религіознаго чувства и враждебное отношеніе правительства къ церкви".—Съ послѣднимъ едва-ли можно вполнѣ согласиться. Вообще же вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ или—если смотрѣть на дѣло шире—вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству—одинъ изъ сложнѣйшихъ и щекотливѣйшихъ вопросовъ нашего каноническаго права.

Въ концѣ разсматриваемаго трактата помѣщены слѣдующія (въ переводѣ на русскій языкъ) приложенія: I) Уложеніе господаря Михаила Стурдзы для Нямецкаго монастыря и II—IV)

три грамоты господаря Григорія Гики, касающіяся секуляризаціи монастырскихъ имуществъ.

Послѣднія четыре главы (III—VI) второй части книги преосв. Арсенія посвящены біографіямъ святителей Молдавіи—митрополита *Веніамина Костаки*, епископовъ *Неофита и Филарета Скрибановъ*, Романскаго епископа *Мелхиседека* и Хушскаго епископа *Сильвестра*. Послѣдніе три—воспитанники нашей Академіи. Всѣ означенные святители имѣли громадное значеніе въ исторіи Молдавской церкви.

Дѣятельность перваго изъ нихъ Веніамина Костаки (1803—1842 г.г.) относится къ тому времени, когда стремленіе румынъ къ освобожденію отъ національнаго ига путемъ пробужденія чрезъ школу и церковь составляло главный предметъ заботъ со стороны патріотовъ. Въ этомъ отношеніи митрополиту Веніамину Костакѣ принадлежитъ одна изъ первыхъ и главныхъ заслугъ. „Это—по отзыву одного изъ румынскихъ ученыхъ—былъ *пастырь добрый*... Болѣе великаго митрополита въ евангельскомъ духѣ не имѣлъ румынскій народъ; не многихъ, подобныхъ митрополиту Веніамину патріотовъ, съ такою любовію относившихся къ своему народу и наслѣдію предковъ имѣла наша страна... Для него церковь и отечество составляли одно слово, одно понятіе; произнося одно слово, онъ въ то же время разумѣлъ другое".

Дѣятельность святителей Неофита и Филарета Скрибановъ, вызванная неблагопріятными для румынской церкви узаконеніями молдо-влахійскаго господаря Кузы, заслужила имъ титулъ *защитниковъ православія;* а политическая дѣятельность ихъ, тѣсно связанная съ такъ называемымъ уніостическимъ движеніемъ, во главѣ котораго они стояли, заслужила имъ титулъ *великихъ патріотовъ*.

Преосвященный Мелхиседекъ былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ Румынской церкви. „Какъ епископъ,—характеризуютъ его румынскіе ученые,—онъ краса нашей церкви. Просвѣщенный голосъ его никогда

не умолкалъ, если того требовали обстоятельства церкви. Съ авторитетомъ и божественною ревностію онъ возставалъ на защиту попираемыхъ правъ церкви, и къ его голосу прислушивались. Какъ пламенный патріотъ и безпристрастный гражданинъ, онъ принималъ участіе въ возрожденіи нашей страны и единеніи родственныхъ, но разъединенныхъ княжествъ. Какъ академикъ, онъ возбуждалъ удивленіе своею поразительною ученостію и ерудиціею въ области церковной исторіи и археологіи. Какъ писатель, онъ является единственнымъ послѣ знаменитаго Досиѳея".

Значительно скромнѣе дѣятельность послѣдняго святителя, преосвящ. Сильвестра; но и имъ оставлены замѣтные слѣды какъ въ мірѣ педагогическомъ, такъ и въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго улучшенія подчиненныхъ ему пастырей и вообще пасомыхъ.

Мы нарочито привели характеристику упомянутыхъ святителей, дабы видѣть, что дѣятельность ихъ, разсматриваемая въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій ихъ времени (а такъ именно и поступаетъ нашъ авторъ), можетъ дать и въ талантливомъ изложеніи преосв. Арсенія дѣйствительно даетъ яркія картины церковно-исторической жизни Молдавской церкви, и означенныя біографіи святителей не безъ основанія могли бы быть авторомъ объединены подъ общимъ заглавіемъ: „Очерки Молдавской церкви за XIX столѣтіе въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ представителей".

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемой нами книги.

Въ предисловіи къ ней преосв. Арсеній предъощущаетъ нѣкоторые недостатки въ своемъ трудѣ—матеріальные и формальные. Самую обширность работы онъ склоненъ считать недостаткомъ. Послѣднее отчасти справедливо, особенно если имѣть въ виду первую часть его книги. Когда обслѣдуются обширные, въ нѣсколько столѣтій, историческіе періоды, при томъ въ области мало разработанной, то ошибки и дефекты не

избѣжны. Подобныя ошибки не десятками, а цѣлыми сотнями можно насчитать въ такихъ капитальнѣйшихъ трудахъ, каковы церковно-историческіе труды преосв. Макарія, проф. Е. Е. Голубинскаго, не говоримъ уже о другихъ. Разумѣется, есть дефекты и въ книгѣ нашего автора. Такъ говоря о заведеніи типографіи въ Яссахъ, онъ не имѣетъ въ виду старопечатныхъ изданій того времени и нѣкоторыхъ уже обнародованныхъ данныхъ, уясняющихъ это дѣло. Сообщая свѣдѣнія о Георгіи V Могилѣ, не соглашается съ мнѣніемъ проф. Голубинскаго, предполагающаго, что сей митрополитъ былъ сторонникомъ уніи,—не соглашается по основаніямъ ненадежнымъ и опуская изъ вида извѣстія о Могилѣ въ реляціяхъ папскихъ нунціевъ. Не разъясняетъ: замѣчательная рѣчь, произнесенная Скрибаномъ на выпускномъ экзаменѣ въ Кіевской Академія (рѣчь, которую, по мнѣнію автора, *долженъ выучить всякій иностранецъ, получающій образованіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ)*, принадлежитъ перу его или же (какъ не безъ основанія полагаютъ нѣкоторые) профессору Амфитеатрову. Замѣчаются пробѣлы въ извѣстіяхъ объ отношеніяхъ Молдавской церкви къ русской и южно-русской.

Подобныхъ сему замѣчаній при добромъ желаніи можно сдѣлать значительное количество. Но всѣ они не могутъ затѣнить выдающихся достоинствъ капитальнаго труда преосвященнаго Арсенія.

Имѣя въ виду отмѣтить эти достоинства, я припомнилъ оцѣнку учено-литературной дѣятельности преосв. Арсенія, сдѣланную нашимъ незабвеннымъ профессоромъ, а моимъ наставникомъ, покойнымъ И. И. Малышевскимъ, какъ извѣстно, очень опытнымъ и тонкимъ цѣнителемъ ученыхъ работъ. Я имѣю въ виду рецензію И. И. Малышевскаго на магистерскую диссертацію нашего автора.

Вотъ существенная часть этой рецензіи.

„Къ достоинствамъ труда г. Стадницкаго (теперь преосв. Арсенія), какъ ученаго изслѣдованія, относится прежде всего

широкое изученіе тѣхъ изданій и сочиненій на русскомъ и румынскомъ языкахъ, которыя могли служить ему источникомъ свѣдѣній по предмету сочиненія, а также тщательныя изысканія по тому же предмету въ мѣстныхъ архивахъ. Затѣмъ по оцѣнкѣ и обработкѣ сообщаемаго этими путями матеріала оказывается у автора основательность изслѣдующей мысли и критики исторической, простирающейся какъ на равные общіе вопросы въ предметѣ сочиненія, такъ и на многія частности и подробности. На всемъ сочиненіи автора отражается зрѣлость его сужденій, опытность въ авторской работѣ и выработанность пріемовъ дѣльнаго учено-литературнаго изложенія".

Эта вдумчивая характеристика учено-литературной дѣятельности преосв. Арсенія, вызванная его магистерскою диссертаціею, вполнѣ приложима и къ настоящей его докторской диссертаціи, съ слѣдующимъ добавленіемъ: такъ какъ послѣдняя диссертація имѣетъ своимъ предметомъ болѣе широкую область, то и ерудиція автора выступаетъ здѣсь въ болѣе широкихъ размѣрахъ; затѣмъ, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ (магистерская диссертація появилась въ 1894 году) преосв. Арсеній неустанно продолжалъ свои ученыя работы, то—восходя отъ силы въ силу—усугубилъ и авторскую свою опытность.

Безъ сомнѣнія, книга преосв. Арсенія будетъ настольною у интересующихся судьбами Молдавской церкви, и какъ трудъ многолѣтній, основанный преимущественно на первоисточникахъ и пособіяхъ мало доступныхъ большинству нашихъ ученыхъ, какъ трудъ богатый содержаніемъ, многосторонне обхватывающій изслѣдуемые предметы и нерѣдко освѣщающій ихъ съ новыхъ сторонъ,—книга эта даетъ автору *полное право* на полученіе ученой степени доктора церковной исторіи".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Цѣль, задача и объемъ сочиненія указаны въ предисловіи. Авторъ задумалъ обширное изслѣдованіе о Румынской церкви,

раздѣлявшейся на Молдавскую и Валашскую, и въ настоящемъ I-мъ томѣ излагаетъ преимущественно исторію Молдавской церкви, хотя въ предисловіи и во второй части этого тома говоритъ и вообще о судьбахъ всей Румынской церкви, а не одной только Молдавской. Прежде всего, онъ касается сложнаго и запутаннаго вопроса о происхожденіи румынъ, считающихся потомками римскихъ колонистовъ, переселенныхъ императоромъ Траяномъ въ завоеванную имъ Дакію, и туземнаго дакійскаго населенія. Въ концѣ II и въ началѣ III вѣковъ даки вытѣснены были изъ своихъ начальныхъ жилищъ, по мнѣнію однихъ, за Дунай, въ Авреліанову Дакію, на Балканы, а по мнѣнію другихъ—въ Карпаты, въ Банатъ и Трансильванію. Авторъ придерживается второго мнѣнія, какъ общепри нятаго въ настоящее время, и утверждаетъ, что съ XIII вѣка румыны вновь стали спускаться съ Карпатъ на первоначальную свою родину и образовали два румынскихъ княжества Валахію и Молдавію, которыя, однако, скоро покорены были турками и возродились и объединились между собою уже въ XIX вѣкѣ.

По исповѣданію, значительное большинство румынскаго королевства и отчасти внѣ его принадлежитъ къ православной церкви и слѣдовательно единовѣрно Россіи. Эта вѣроисповѣдная связь и непосредственное сосѣдство Румыніи и особенно Молдавіи съ Россіей опредѣляли собою какъ историческія отношенія Россіи къ румынскимъ княжествамъ, такъ и выборъ пред мета авторомъ.

Въ настоящемъ 1-мъ томѣ, обнимающемъ преимущественно исторію Молдавской церкви, двѣ части: первая заключаетъ исторію епархій Молдавской церкви, а вторая—Очерки по новѣйшей исторіи Румынской церкви.

Первая часть содержитъ въ себѣ шесть главъ, излагающихъ исторію Молдавскихъ епархій, какъ существующихъ и до настоящаго времени, такъ и упраздненныхъ вслѣдствіе территоріальныхъ измѣненій Молдавіи и разныхъ политиче-

скихъ обстоятельствъ. Съ самаго начала существованія Молдавской церкви учреждены три епархіи: Молдавская митрополія и двѣ епископіи Романская и Радоуцкая. Затѣмъ, въ концѣ XVI столѣтія учреждена была и епископія Хушская. Въ половинѣ XVII вѣка, по особымъ обстоятельствамъ, возникла Проилавская епархія, существовавшая съ перерывами до 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія; большая часть ея вошла впослѣдствіи въ Нижне-Дунайскую епархію. Радоуцкая епархія, въ составъ которой входила Буковина, прекратила свое существованіе для Молдавской церкви по присоединеніи ея къ Австріи въ 1777 году. Отъ нея остался только нынѣшній Хотинскій уѣздъ Кишиневской епархіи, который составлялъ Хотинскую епархію до 1812 года, когда и послѣдняя прекратила свое существованіе, по присоединенія Бессарабіи къ Россіи.

Такимъ образомъ, въ первой части сочиненія даны историческіе очерки слѣдующихъ епархій: Молдавской, Романской, Радоуцкой, Хушской, Проилавской и Нижне-Дунайской. Излагая исторію той или другой епархіи, авторъ представляетъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ святителей ея, при чемъ на болѣе выдающихся обращаетъ преимущественное вниманіе, отмѣчая тѣ или иныя стороны ихъ жизни и дѣятельности, опредѣляя значеніе ихъ для церкви и государства, указывая литературу предмета и т. д. Онъ удачно воспользовался мыслію о существованіи въ первыя времена Молдавской церкви двухъ параллельныхъ митрополій Сочавской и Романской для устраненія путаницы въ спискахъ Молдавскихъ митрополитовъ и установилъ ихъ подлинную хронологію. Къ болѣе замѣчательнымъ Сочавскимъ митрополитамъ относятся: Іосифъ 1 Мушатъ, какъ основатель національной Молдавской іерархіи; Ѳеоктистъ болгаринъ (1453—1477 гг.); Варлаамъ II (1632—1654 гг.), при которомъ былъ созванъ Ясскій соборъ 1642 года и учреждена была школа; Досиѳей (1675—1691 г.г.), церковный писатель, извѣстный своими сношеніями съ Русскою церковію; Іаковъ Путнянскій (1750—1752 г.г.); Гавріилъ II Банулеско-

Бодони (1792 и 1808—1812 г.г.); Іаковъ Стамати (1792—1803 г.г.); Веніаминъ Костаки (1803—1810 и 1812—1842 г.г.) и др. Изъ Романскихъ митрополитовъ или епископовъ наиболѣе извѣстны: Григорій Цамблакъ (1432—1441 г.г.), Макарій IV, авторъ славяно-молдавской лѣтописи (1531—1558 г.г.) и др.

Вторая часть сочиненія носитъ заглавіе „Главные моменты и важнѣйшіе дѣятели румынской церковной жизни XIX столѣтія" и заключаетъ въ себѣ шесть очерковъ въ шести главахъ. Первые два очерка изображаютъ „Положеніе православнаго приходскаго духовенства въ Румыніи въ XIX вѣкѣ" и „Секуляризацію монастырскихъ имуществъ". Остальные четыре очерка посвящены біографіямъ святителей Молдавіи—митрополита Веніамина Костаки, епископовъ Неофита и Филарета Скрибановъ, Романскаго епископа Мелхиседека Стефанеску и Хушскаго епископа Сильвестра Баланеску, какъ имѣвшихъ громадное значеніе въ ея исторіи. Представляя изъ себя цѣлое и вполнѣ законченное, каждый очеркъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находится въ тѣсной связи съ предыдущими и послѣдующими очерками. Объединяющимъ пунктомъ для всѣхъ этихъ отдѣльныхъ очерковъ служитъ идея возрожденія и объединенія румынской народности, румынскаго государства и румынской церкви. Сама по себѣ симпатичная, эта идея въ своемъ историческомъ развитіи нерѣдко выражалась въ стремленіи румынъ обособиться отъ своихъ православныхъ единовѣрцевъ грековъ и русскихъ славянъ и подчиниться вліянію инославнаго запада. Тогда какъ въ первыхъ двухъ очеркахъ второй части изображается развитіе и примѣненіе этой идеи румынскимъ правительствомъ къ бѣлому и монашествующему духовенству путемъ правительственнаго ограниченія ихъ правъ и преимуществъ и подчиненія свѣтской власти,—въ отдѣльныхъ біографіяхъ румынскихъ святителей этого періода изображаются важнѣйшіе борцы за эту идею и за очищеніе ея отъ сторонних нечистыхъ примѣсей. То были борцы за единство и политическую и церковную самостоятельность румынскаго племени, но въ

союзѣ его съ другими православными народами, особенно съ русскимъ народомъ, и потому естественнымъ образомъ боровшіеся съ западническими стремленіями свѣтскаго румынскаго правительства Первый изъ этихъ борцовъ, молдавскій митрополитъ Веніаминъ Костаки, жилъ въ заключительный періодъ эпохи управленія румынскими княжествами грековъ-фанаріотовъ и въ началѣ національнаго возрожденія румынъ, которому онъ больше всѣхъ и содѣйствовалъ учрежденіемъ румынскихъ національныхъ школъ и особенно Сокольской семинаріи, учрежденіемъ румынской типографіи, изданіемъ румынскихъ книгъ, введеніемъ румынскаго богослуженія и т. п. Онъ имѣлъ утѣшеніе дождаться возстановленія въ 1822 году права румынъ избирать себѣ господарей изъ своихъ соотечественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ огорченіе видѣть посягательство господаря Стурдзы на права церкви въ вопросѣ объ управленіи епархіальными монастырскими имуществами и въ 1842 году добровольно удалился на покой. Преемниками его дѣятельности были ученики его, братья Неофитъ и Филаретъ Скрибаны. Они собственно были педагогами, сначала преподавателями, а потомъ преемственно и ректорами Сокольской семинаріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимали видное дѣятельное участіе и въ политической и въ церковной жизни своей родины. Послѣ того, какъ на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года положены были основанія для соединенія румынскихъ княжествъ въ одно государство,—братья Скрибаны всѣми своими силами пропагандировали идею политическаго и церковнаго объединенія Румыніи. Когда же первый князь объединенной Румыніи Куза, учредивъ единый синодъ, объявилъ Румынскую церковь независимою отъ Константинополя, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ подчинить ее гражданской власти и управлять ею въ духѣ западныхъ протестантскихъ идей,—то братья Скрибаны вступили съ нимъ въ борьбу, въ защиту каноническихъ началъ и особенно противъ предпринятой княземъ Кузой секуляризаціи монастырскихъ имуществъ. При ихъ содѣйствіи въ 1872 году

изданъ былъ новый законъ, болѣе благопріятный для Румынской церкви и учрежденъ каноническій Румынскій Синодъ. Ученикъ братьевъ Скрибановъ, епископъ Мелхиседекъ Стефанеску, тоже былъ рьянымъ поборникомъ государственной уніи и избранія единаго для Румыніи князя и тоже боролся съ пагубными западническими теченіями католическимъ, протестантскимъ и соціалистическимъ; но его дѣятельность была уже по преимуществу организаторская, такъ что и самая борьба его съ противоправославными теченіями нерѣдко служила исходнымъ пунктомъ для болѣе прочной организаціи Румынской церкви въ отношеніи духовнаго образованія, улучшенія матеріальнаго быта духовенства и т. п. Онъ же первый положилъ серьезное начало изученію исторіи Румынской церкви. Послѣдній изъ намѣченныхъ авторомъ церковныхъ румынскихъ дѣятелей, епископъ Хушскій Сильвестръ Баланеску, очерченъ сравнительно слабо, что, по нашему мнѣнію, зависѣло не столько отъ личныхъ качествъ этого епископа, сколько отъ времени, въ которое ему привелось жить и дѣйствовать. Въ это время политическое и церковное объединеніе румынскихъ княжествъ стало совершившимся фактомъ, церковная румынская жизнь мало по малу стала приходить въ обыкновенное русло,—и преосвященному Сильвестру оставалось только плыть по ея теченію, слегка лишь направляя ее въ ту или другую сторону. Онъ вновь ввелъ нѣкоторыя церковныя учрежденія, напр., церковно-археологическій музей и епархіальную библіотеку, повидимому, по образцу подобныхъ русскихъ учрежденій, заботился о румынскихъ школахъ и объ улучшеніи быта румынскаго духовенства и продолжалъ борьбу противъ католической пропаганды въ Румыніи. Такимъ образомъ, представленныя во второй части сочиненія біографіи наиболѣе извѣстныхъ румынскихъ архипастырей XIX вѣка въ сущности излагаютъ важнѣйшіе моменты изъ исторіи Румынской церкви за это время.

Чтобы опредѣлить значеніе труда преосвященнаго Арсенія, для этого нужно имѣть въ виду, что цѣльной исторіи

Румынской церкви до сихъ поръ нѣтъ не только на русскомъ, но и на румынскомъ языкахъ. Нѣсколько опытовъ русскихъ ученыхъ въ этомъ родѣ, начиная съ „Краткаго очерка исторіи Румынской или Молдаво-Валашской православной церкви“ профессора Е. Е. Голубинскаго, 1871 года, или уже устарѣли въ научномъ отношеніи, или же касаются отдѣльныхъ сторонъ и періодовъ жизни Румынской церкви, и притомъ всѣ они, въ большей или меньшей мѣрѣ, основаны не на румынскихъ первоисточникахъ, недоступныхъ русскимъ уроженцамъ, а на второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ источникахъ и пособіяхъ. Послѣднее нужно сказать даже о такомъ капитальномъ изслѣдованіи, какимъ является сочиненіе профессора Курганова „Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи Румынской православной церкви“, печатавшееся въ „Запискахъ Казанскаго университета“, а нынѣ появившееся особой книгой. Важное преимущество сочиненія преосвященнаго Арсенія состоитъ въ томъ, что авторъ его, будучи уроженцемъ Бессарабіи, съ дѣтства изучилъ румынскій языкъ и слѣдовательно имѣетъ ключъ ко всей румынской ученой литературѣ, которымъ онъ вполнѣ и воспользовался въ своемъ сочиненіи. Преосвященный Арсеній, насколько намъ извѣстно, уже съ 1887 года сталъ печатать статьи и изслѣдованія по исторіи Румынской церкви, неоднократно совершалъ ученыя поѣздки по Румыніи, основательно изучилъ печатные первоисточники на румынскомъ языкѣ и даже пользовался нигдѣ доселѣ неизданными матеріалами, напр., „Исторіей Нямецкаго монастыря“ архимандрита Андроника. Поэтому разсматриваемый трудъ долженъ занять видное мѣсто не только въ русской ученой церковно-исторической литературѣ, но и въ самой румынской.

Но въ трудахъ преосвященнаго Арсенія есть и такія достоинства, какихъ мы не находимъ у румынскихъ свѣтскихъ и даже церковныхъ историковъ. Мы не говоримъ уже о прежнихъ церковно-историческихъ трудахъ на румынскомъ языкѣ, напр., преосвященнаго Мелхиседека Стефанеску, какъ значительно

устарѣвшихъ въ настоящее время. Но и новѣйшіе труды румынскихъ ученыхъ по румынской церковной исторіи, напр. преосвященнаго Арджескаго Геннадія Еначану, окончившаго воспитаніе въ Кіевской Академіи, имѣютъ едва-ли не болѣе крупные недостатки особаго рода. Недостатки эти вытекаютъ главнымъ образомъ изъ узко-націоналистическаго направленія нѣкоторыхъ представителей возрожденія румынской народности, которые, подъ вліяніемъ увлеченія Западомъ, стали враждебно относиться къ народностямъ нелатинской расы, особенно къ единовѣрнымъ грекамъ и славянамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ историческихъ судьбахъ румынскихъ княжествъ. Отсюда, съ одной стороны, почти всеобщее у румынъ враждебное отношеніе къ грекамъ, съ именемъ которыхъ связывалось представленіе о тяжеломъ фанаріотскомъ игѣ, тяготѣвшемъ надъ Румыніею болѣе 100 лѣтъ; отсюда же, съ другой стороны, непріязненный взглядъ свѣтскихъ и нѣкоторыхъ церковныхъ румынскихъ историковъ на славянъ и въ частности на Россію и на славянскій элементъ въ румынской исторіи и въ церковномъ богослуженіи. Особенно недовольны румыны присоединеніемъ къ Россіи Бессарабіи, которая является для нихъ чѣмъ-то въ родѣ Romania irridenta. Понятно, что у преосвященнаго Арсенія немыслимо искать даже и слѣдовъ такихъ шовинистскихъ воззрѣній румынскихъ патріотовъ. Напротивъ, онъ постоянно борется съ подобными шовинистскими воззрѣніями румынъ и особенно старается обѣлить Россію въ ея историческихъ и современныхъ отношеніяхъ къ Румыніи. Такимъ образомъ, преосвященный Арсеній, представляя въ своемъ трудѣ послѣднее слово науки въ изученіи румынской церковной исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ отличается отъ румынскихъ церковныхъ историковъ сравнительною широтою и объективностію своихъ историческихъ воззрѣній.

Нѣкоторую невольную уступку воззрѣніямъ румынскихъ историковъ преосвященный Арсеній допускаетъ развѣ въ томъ только отношеніи, что, пользуясь румынскими источниками и трудами румынскихъ историковъ, иногда довольно мрачными,

сгущенными красками изображаетъ фанаріотскій періодъ въ жизни румынскихъ княжествъ и румынской церкви и въ этомъ отношеніи значительно расходится съ профессоромъ Кургановымъ. Не вездѣ также авторъ обрисовываетъ съ желательною полнотою русско-румынскія отношенія, повидимому предполагая ихъ общеизвѣстными для читателя изъ другихъ сочиненій по румынской исторіи, напр. изслѣдованія г. Яцимирскаго о Григоріи Цамвлакѣ, или же изъ прежнихъ трудовъ самого же автора, напр. о митрополитѣ Гавріилѣ Бануленску—Бодони.

Обѣ части сочиненія неравномѣрно развиты и не имѣютъ строгаго соотношенія между собою. Положимъ, весьма естественно, что вторая часть сочиненія, обнимающая наиболѣе интересный періодъ въ исторіи Румынской церкви и имѣющая обильные для себя источники, втрое обширнѣе первой части: первая часть заключаетъ въ себѣ только 132, а вторая 438 страницъ. Но важнѣе внутреннее несоотвѣтствіе между частями. Первая часть заключаетъ въ себѣ исторію однихъ только молдавскихъ епархій и ихъ святителей, со времени основанія господарства и до нашихъ дней, тогда какъ вторая часть обозрѣваетъ главные моменты и жизнь важнѣйшихъ дѣятелей не одной Молдавской, а всей Румынской церковной жизни въ XIX столѣтіи. Такимъ образомъ выходитъ, что эта часть не вполнѣ соотвѣтствуетъ общему заглавію сочиненія, имѣвшему въ виду исторію одной только Молдавской церкви. Не соотвѣтствуетъ содержаніе этой части и ея собственному спеціальному заглавію, такъ какъ не исчерпываетъ всей новѣйшей исторіи Румынской церкви, опуская изъ виду Валашскихъ святителей. Для объясненія этого несоотвѣтствія нужно имѣть въ виду, что преосвященный Арсеній предполагаетъ издать второй томъ, который имѣетъ заключать исторію епархій Валашской церкви и по плану своему долженъ вполнѣ соотвѣтствовать теперешнему первому тому. Очевидно, общій планъ составленъ для обоихъ томовъ, теперешняго перваго и предполагаемаго втораго. Въ первыхъ частяхъ каждаго тома планъ этотъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ его выполненію, такъ какъ до 1859 года оба румынскія княжества и церкви Молдавская и

Валашская существовали раздѣльно, со своими особыми, независимыми другъ отъ друга митрополитами. Но когда, послѣ фактическаго объединенія румынскихъ княжествъ въ 1859 году, въ 1864 году учреждена была въ Румынской церкви Центральная Синодальная власть,—Молдавская и Валашская церкви входятъ въ одно общее русло румынской церковной исторіи, и различать съ того времени въ румынской церковной жизни отдѣльныя теченія Молдавское и Валашское намъ представляется крайне неудобнымъ.

Кстати замѣтить, что, по нашему мнѣнію, естественнѣе слѣдовало бы начать „Изслѣдованія и монографіи" съ исторіи Валашской церкви, какъ древнѣйшей по времени своего учрежденія, а не Молдавской, какъ болѣе поздней. Авторъ началъ съ послѣдней, кажется, потому, что исторія Молдавской церкви въ своемъ развитіи имѣла гораздо больше точекъ соприкосновенія съ исторіею сосѣдней Русской церкви, чѣмъ исторія Валашской церкви.

Отдавая полную справедливость выбору для перваго тома „Изслѣдованій и монографій" болѣе интересной для русскихъ исторіи Молдавской церкви, мы закончимъ свой отзывъ искреннимъ пожеланіемъ, что бы поскорѣе вышелъ въ свѣтъ и второй томъ „Изслѣдованій и монографій", касающійся исторіи Валашской церкви. Присужденіе автору степени доктора церковной исторіи было бы и достойною наградою за выполненный уже обширный и многополезный трудъ, и поощреніемъ къ окончанію сего труда".

Постановили: Сочиненіе магистра богословія, преосвященнаго Арсенія, епископа Псковскаго и Порховскаго, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви" (С.-Петербургъ, 1904), согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени доктора церковной исторіи и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи преосвященнаго Арсенія въ степени доктора церковной исторіи, на основаніи § 142 и 81 в. 6 Уст. дух. акад.

III. Отзывы о сочиненіи экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи, магистра богословія Димитрія Богдашевскаго подъ заглавіемъ: „Посланіе святаго Апостола Павла къ Ефесянамъ" (Кіевъ, 1904), представленномъ на степень доктора богословія.

а) И. д. доцента В. Экземплярскаго:

„Предметомъ своего сочиненія профессоръ Димитрій Ивановичъ Богдашевскій избралъ посланіе святаго апостола Павла къ Ефесянамъ. Такъ какъ до настоящаго времени въ нашей русской богословской литературѣ не существовало строго научнаго изслѣдованія объ этомъ посланіи апостола Павла, то нельзя не привѣтствовать отъ души появленіе труда Д. И. Богдашевскаго, тѣмъ болѣе, что посланіе къ Ефесянамъ отличается необыкновенною глубиною содержанія и представляетъ, говоря словами автора разсматриваемаго нами изслѣдованія, какъ бы христіанскій катихизисъ (стр. 122, 207). Если при этомъ принять въ соображеніе, что посланіе къ Ефесянамъ отличается не только богатствомъ содержанія, но и во многихъ случаяхъ представляетъ значительныя трудности для истиннаго его пониманія; далѣе, что на Западѣ существуетъ богатая литература, посвященная этому посланію, которая поражаетъ крайнимъ несогласіемъ не только въ пониманіи отдѣльныхъ выраженій посланія, но и въ ученіи объ его происхожденіи и первоначальномъ назначеніи; наконецъ, что ни одно посланіе апостола Павла, кромѣ пастырскихъ, не подвергается такимъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны новѣйшей отрицательной критики, какъ именно посланіе къ Ефесянамъ, то для насъ будутъ еще болѣе несомнѣнны какъ настоятельная нужда въ появленіи научнаго изслѣдованія, посвященнаго посланію къ Ефесянамъ, такъ равнымъ образомъ и громадный трудъ, какой долженъ былъ выпасть на долю того богослова, который пожелалъ бы представить подобное изслѣдованіе. Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ въ данномъ случаѣ для нашей богословской науки Д. И. Богдашевскій. Его изслѣдованіе распадается на двѣ главныя части: исагогическую и экзегетическую; намъ есте-

ственно начать обозрѣніе съ первой части, въ нѣсколькихъ главахъ говорящей о происхожденіи посланія.

Въ первой главѣ этой части изслѣдованія авторъ рѣшаетъ вопросы о мѣстѣ и времени написанія посланія. Эти вопросы рѣшаются авторомъ путемъ сопоставленія посланія къ Ефесянамъ съ посланіями къ Колоссянамъ и Филимону, написанными Апостоломъ, какъ выясняетъ авторъ, въ однѣхъ и тѣхъ же узахъ. Вопросъ и состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы опредѣлить, въ какихъ узахъ написаны эти посланія—въ кесарійскихъ или римскихъ. Д. И. Богдашевскій признаетъ, что нѣтъ твердыхъ, опредѣленныхъ данныхъ для рѣшительнаго утвержденія о происхожденіи посланія въ тѣхъ или другихъ узахъ (стр. 5), но лично все же склоняется къ предположенію, что мѣстомъ написанія названныхъ посланій былъ Римъ, а временемъ—первыя римскія узы Апостола. Свое предположеніе авторъ обосновываетъ и положительнымъ, и отрицательнымъ путемъ. Въ первомъ случаѣ онъ приводитъ свидѣтельства изъ церковнаго преданія, равно какъ нѣкоторыхъ переводовъ и рукописей, указывающихъ на Римъ, какъ мѣсто написанія посланія къ Ефесянамъ. Такого рода внѣшнія свидѣтельства подтверждаются анализомъ самаго содержанія посланія, въ связи съ извѣстною изъ книги Дѣяній Апостольскихъ и посланій дѣятельностію апостола Павла. Въ этомъ случаѣ авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя черты и маленькіе, незамѣтные на первый взглядъ, оттѣнки и штрихи въ содержаніи названныхъ посланій, которые даютъ возможность скорѣе предположить, что Римъ, а не Кесарія былъ мѣстомъ ихъ написанія (стр. 7—14). Отрицательнымъ путемъ эта же мысль доказывается авторомъ посредствомъ тщательнаго разбора возраженій противъ такого предположенія (стр. 15—20) и доказательствъ въ пользу происхожденія посланія въ Кесарійскихъ узахъ (стр. 20—22). Слѣдующій вопросъ, который необходимо было рѣшить автору, это вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи времени написанія посланія къ Ефесянамъ, въ какой именно періодъ первыхъ римскихъ узъ оно написано. Опредѣлить это время авторъ при-

знаетъ наиболѣе удобнымъ путемъ сравненія обстоятельствъ, сопутствовавшихъ происхожденію посланій къ Ефесянамъ и къ Филиппійцамъ. Послѣднее несомнѣнно написано въ Римѣ (стр. 24—28) и притомъ послѣ написанія посланія къ Ефесянамъ (стр. 29—34). Эти данныя позволяютъ автору точнѣе опредѣлить время написанія посланія къ Ефесянамъ между 61—63 годами (стр. 35). Въ послѣднемъ отдѣлѣ главы (стр. 35—42) авторъ попутно затрогиваетъ вопросъ о томъ, являются ли три названныя посланія (къ Ефесянамъ, Колоссянамъ и Филимону) происшедшими одновременно, или же только близкими по времени происхожденія. Авторъ склоняется къ послѣднему предположенію, не касаясь пока вопроса о томъ, какія изъ названныхъ посланій появились раньше и какія позднѣе. Таково въ общемъ содержаніе первой главы и тѣ выводы, къ которымъ пришелъ авторъ. Вся эта глава читается съ громаднымъ интересомъ, нерѣдко поражаетъ силою доводовъ, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе высказанныхъ имъ предположеній, основанныхъ на глубокомъ проникновеніи въ содержаніе посланія и прекрасномъ знаніи существующей по даннымъ спорнымъ вопросамъ литературы. Одинъ только спорный вопросъ вовсе не затронутъ авторомъ, это вопросъ о такъ называемыхъ вторыхъ римскихъ узахъ апостола Павла. Какъ видно изъ сказаннаго и какъ положительно открывается далѣе, авторъ признаетъ существованіе вторыхъ римскихъ узъ апостола (напр. стр. 251) и изслѣдуемое посланіе считаетъ написаннымъ въ первыхъ римскихъ узахъ. Такое предположеніе имѣетъ у автора рѣшающее значеніе для опредѣленія времени написанія посланія, что въ свою очередь чрезвычайно важно для выясненія его отношенія къ другимъ писаніямъ св. апостола Павла. Между тѣмъ, самый вопросъ о существованіи вторыхъ римскихъ узъ, вопросъ крайне спорный въ наукѣ, не разбирается подробно Д. И. Богдашевскимъ, указывающимъ (стр. 251) лишь нѣкоторыя свидѣтельства церковнаго преданія въ пользу существованія вторыхъ узъ. Безспорно, въ задачу автора не входило непосредственно заниматься рѣшеніемъ такого сложнаго, побочнаго для главнаго предмета, вопроса; если мы указываемъ

на желательность подобнаго изслѣдованія, то лишь въ виду его громаднаго значенія для христіанскаго экзегета, для котораго безъ признанія вторыхъ узъ очень трудно объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ посланій апостола Павла.

Вторая глава изслѣдованія (стр. 43—126) посвящена вопросу о назначеніи посланія. Этотъ вопросъ, обыкновенно легко рѣшаемый относительно другихъ посланій апостола Павла, представляется чрезвычайно сложнымъ относительно посланія къ Ефесянамъ. Несмотря на то, что вся христіанская древность единогласно считаетъ это посланіе написаннымъ Ефесской церкви, въ научной богословской литературѣ существуетъ крайнее разнообразіе взглядовъ на этотъ предметъ и, какъ говоритъ Д. И. Богдашевскій, въ настоящее время „трудно указать изслѣдователей, считающихъ первоначальными читателями посланія именно Ефесянъ" (стр. 49). Въ подтвержденіе этого положенія западные богословы приводятъ доводы и внѣшніе и внутренніе и притомъ доводы довольно убѣдительные на первый взглядъ. Въ виду такого положенія вопроса въ наукѣ авторъ такъ опредѣляетъ свою задачу: подвергнуть эти доводы возможно обстоятельному разбору и этимъ самымъ защитить церковное преданіе о назначеніи посланія (стр. 49). Осуществляется авторомъ эта задача такимъ путемъ. Сначала онъ приводитъ и разъясняетъ свидѣтельство церковнаго преданія о назначеніи посланія Ефесской церкви (стр. 43—48). Затѣмъ онъ подвергаетъ обстоятельному разбору тѣ возраженія противъ такого назначенія посланія, которыя утверждаются на внѣшнихъ свидѣтельствахъ древнихъ кодексовъ и церковныхъ писателей. Что касается первыхъ, то слова ἐν Ἐφέσῳ отсутствуютъ въ кодексахъ Синайскомъ, Ватиканскомъ и cod. 67; мѣста же церковной письменности, дающія поводъ западнымъ богословамъ сомнѣваться въ первоначальномъ назначеніи посланія Ефесской церкви, находимъ въ писаніяхъ Тертулліана, Оригена, св. Василія Великаго, Іеронима и нѣкоторыхъ другихъ. Авторъ строго послѣдовательно и тщательно разбираетъ всѣ эти мѣста древнецерковной письменности, констатируетъ присутствіе слова ἐν Ἐφέσῳ во всѣхъ древнихъ спискахъ и переводахъ, за исклю-

ченіемъ названныхъ трехъ; со всею очевидностью показываетъ невозможность читать 1 гл. 1 ст. безъ этихъ словъ и, на основаніи всего этого, приходитъ къ выводу о согласномъ свидѣтельствѣ церковной древности въ пользу существованія въ апостольскомъ подлинникѣ словъ „въ Ефесѣ“ (стр. 49—74). Единственно, что остается не вполнѣ понятнымъ, это отсутствіе данныхъ словъ въ такихъ авторитетныхъ кодексахъ, какъ Синайскій и Ватиканскій. Объяснить это со всею доказательностію невозможно, и Д. И. Богдашевскому пришлось высказать по этому поводу лишь простое предположеніе (стр. 110). Доводы внѣшняго характера, дающіе основаніе отрицать первоначальное назначеніе посланія Ефесской церкви, восполняются доводами въ пользу такого же предположенія, заимствуемыми изъ самаго содержанія посланія. Эти, такъ сказать, внутреннія основанія опираются, главнымъ образомъ, на нѣсколько отвлеченномъ характерѣ посланія, будто бы не соотвѣтствующемъ тѣмъ близкимъ, сердечнымъ отношеніямъ, въ какихъ находился апостолъ Павелъ къ Ефесской церкви. Указываютъ даже такія мѣста посланія, которыя, повидимому, заставляютъ предполагать, что Апостолъ и не зналъ лично вѣрующихъ, которымъ писалъ посланіе (I, 15—16; III, 1—2; IV, 20—21). Д. И. Богдашевскій посредствомъ анализа текста посланія съ непререкаемою убѣдительностью показываетъ, какъ недостаточны всѣ эти доводы внутренняго характера для того, чтобы на основаніи ихъ можно было сомнѣваться въ назначеніи посланія именно Ефесской церкви (77—102). Далѣе, авторъ доказываетъ полную насостоятельность тѣхъ гипотезъ, какія были созданы для объясненія иного назначенія посланія къ Ефесянамъ. Здѣсь опровергаются двѣ главнѣйшія гипотезы: о назначеніи посланія Лаодикіи и цѣлому округу малоазійскихъ церквей, равно какъ показывается невозможность объяснить существованіе словъ ἐν Ἐφέσῳ во всѣхъ, за указанными ранѣе исключеніями, древнихъ кодексахъ (стр. 103—122). Доводы автора тѣмъ убѣдительнѣе, что онъ не отрицаетъ ни, до извѣстной мѣры, общаго характера посланія, не

того, что, хотя оно ближайшимъ образомъ назначалось Ефесянамъ, но могло читаться и въ другихъ церквахъ (стр. 110). И здѣсь авторъ попутно рѣшаетъ одну изъ труднѣйшихъ проблемъ относительно того, что разумѣется подъ посланіемъ „отъ Лаодикіи", упоминаемомъ въ посланіи къ Колоссянамъ (IV, 10). Послѣ предварительнаго разбора нѣкоторыхъ важнѣйшихъ гипотезъ о данномъ посланіи, авторъ высказываетъ интереснѣйшее свое предположеніе, что это посланіе отъ Лаодикіи и есть именно наше къ Ефесянамъ, которое было написано раньше посланія къ Колоссянамъ и, по порученію Апостола, было передано Лаодикійской церкви. Заключается глава указаніемъ конкретнаго повода къ написанію посланія.—Самъ Д. И. Богдашевскій указалъ въ началѣ главы, что задача его въ этой главѣ „весьма сложна и трудна". Вполнѣ соглашаясь съ этимъ и, отчасти, показавъ эту трудность, мы позволимъ себѣ только прибавить, что эта задача, безъ преувеличенія можно сказать, прекрасно выполнена профессоромъ Богдашевскимъ. Большей глубины анализа текста посланія и древнецерковныхъ свидѣтельствъ, болѣе добросовѣстнаго отношенія къ мнѣніямъ и доводамъ противниковъ, большей самостоятельности въ рѣшеніи трудныхъ частныхъ вопросовъ нельзя, кажется, и представить. Если и осталось что-либо не вполнѣ яснымъ (отсутствіе словъ „ἐν Ἐφέσῳ" въ 3-хъ кодексахъ) или предположительно высказано (посланіе „отъ Лаодикіи"), то необходимо признать, что для науки это, по крайней мѣрѣ пока, неразрѣшимыя со всею очевидностію проблемы.

Слѣдующая третья глава посвящена вопросу о подлинности посланія къ Ефесянамъ. Уже предшествующей рѣчью о назначеніи посланія авторъ предупредилъ одно изъ возможныхъ и нерѣдко высказываемыхъ возраженій противъ подлинности посланія, опирающееся на томъ, что будто бы нельзя понять, кому и по какому поводу могъ апостолъ Павелъ написать такое посланіе. Но, какъ мимоходомъ отмѣтили мы ранѣе, въ западной богословской литературѣ раздается множе-

ство голосовъ противъ подлинности этого посланія, притомъ изъ среды умѣренно-отрицательныхъ богослововъ. Защиту подлинно-апостольскаго происхожденія посланія къ Ефесянамъ и беретъ на себя третья глава. Свою защиту авторъ начинаетъ съ указанія и перечисленія древне-церковныхъ свидѣтельствъ прямыхъ и косвенныхъ, говорящихъ о принадлежности этого посланія апостолу Павлу (стр. 126—138), а затѣмъ переходитъ къ опроверженію сужденій отрицательной критики, начиная съ Шлейермахера и кончая сужденіями современныхъ богослововъ. Изложенная авторомъ исторія вопроса о происхожденіи посланія къ Ефесянамъ въ раціоналистической наукѣ (стр. 139—148) наглядно изображаетъ всю противоположность сужденій объ этомъ посланіи западнаго богословія и этимъ несогласіемъ его въ самыхъ основныхъ пунктахъ достаточно свидѣтельствуетъ о слабости изложенныхъ отрицательныхъ теорій. Въ частности авторъ выдѣляетъ въ послѣднихъ три главныхъ группы доказательствъ противъ признанія подлинно-апостольскаго происхожденія посланія къ Ефесянамъ. Первая группа возраженій утверждается на мнимо существенномъ отличіи богословія въ посланіи къ Ефесянамъ сравнительно съ другими, несомнѣнно принадлежащими апостолу Павлу, писаніями. Вторая группа возраженій заимствуется изъ сравненія посланія къ Ефесянамъ съ посланіемъ къ Колоссянамъ. И, наконецъ, третья группа возраженій исходитъ изъ различія языка и стиля этого посланія, сравнительно съ другими Павловыми. Противъ первой группы возраженій авторъ предлагаетъ сравнительный обзоръ богословскаго ученія въ посланіи къ Ефесянамъ съ ученіемъ св. апостола Павла въ другихъ его посланіяхъ. Авторъ касается частнаго ученія о церкви, ея единствѣ, о Христѣ, какъ Главѣ церкви, о Христѣ, какъ Искупителѣ, о второмъ пришествіи Христовомъ, примиреніи въ церкви іудеевъ и язычниковъ, демонологіи и ангелологіи, о служеніяхъ въ первенствующей церкви (стр. 149—177). Нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразнымъ избранный авторомъ путь за-

щиты противъ возраженій первой названной нами группы. Читатель потерялся бы совершенно во множествѣ частностей и мелочей, если бы авторъ опровергалъ порознь доводы отдѣльныхъ критиковъ въ пользу несогласія ученія въ посланіи къ Ефесянамъ съ несомнѣнно Павловымъ богословіемъ. Теперь же предъ читателемъ раскрывается картина такого поразительнаго сходства въ общемъ и частностяхъ, существующаго между ученіемъ посланія къ Ефесянамъ и ученіемъ, раскрываемымъ въ другихъ Павловыхъ посланіяхъ, что всѣ возраженія отрицательной критики блѣднѣютъ предъ этой картиной и не въ силахъ поколебать глубокаго убѣжденія въ единствѣ апостольскаго ученія. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ со всею силою обнаруживаетъ свое глубокое знаніе и проникновеніе въ духъ апостольскихъ писаній; главная же убѣдительность доводовъ автора утверждается на отсутствіи въ его сравнительномъ обзорѣ всякихъ натяжекъ, всякаго искусственнаго навязыванія тексту апостольскихъ посланій чуждой имъ мысли. Мѣста, выбираемыя авторомъ для сравненія, такъ просты и ясны, что всегда говорятъ сами за себя, не требуя искусственной ихъ подтасовки.—Вторую группу возраженій противъ подлинности посланія представители отрицательной критики заимствуютъ, какъ мы уже отмѣтили, изъ сопоставленія посланія къ Ефесянамъ съ посланіемъ къ Колоссянамъ. Большинство отрицательныхъ критиковъ признаетъ посланіе къ Ефесянамъ не инымъ чѣмъ, какъ только передѣлкой и именно расширеніемъ посланія къ Колоссянамъ (De-Wette, Baur, Hilgenfeld, Pfleiderer, Klöpper, Soden, Holtzmann и др.). Въ доказательство этого приводятъ и таблицы параллельныхъ мѣстъ, будто бы доказывающія безусловную зависимость посланія къ Ефесянамъ отъ посланія къ Колоссянамъ. Д. И. Богдашевскій въ своемъ изслѣдованіи приводитъ 2 подобныхъ таблицы, принадлежащія De-Wette и Holtzmann'у. Отмѣтивъ разногласіе въ самыхъ этихъ таблицахъ, Дим. Ив. послѣдовательно разбираетъ всѣ указываемыя параллельныя мѣста и приходитъ къ выводу, что нѣкоторая часть ихъ, будучи

сходною по выраженію, существенно различается по мысли (Еф. 1, 21,—ср. Кол. 1, 16; Еф. II, 16 и Кол. I, 20 и др.), иногда, наоборотъ, сходныя мысли различно выражаются (Еф. II, 15—Кол. II, 14); въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываемыя критикою параллели вовсе не имѣютъ для себя опоры ни въ мысли, ни въ выраженіи (Еф. III, 1. 13, ср. Кол. I, 24), или же утверждаются на сходствѣ одного только слова въ выраженіи (Еф. II, 12—Кол. I, 21; Еф. IV, 26—Кол. III, 8). Авторъ не отрицаетъ существованія дѣйствительнаго, иногда буквальнаго даже, сходства разсматриваемыхъ посланій, но справедливо указываетъ и на существенное ихъ различіе, на полную оригинальность обоихъ посланій и по предметамъ ученія и по формѣ раскрытія истины. Самое сходство посланій авторъ вполнѣ основательно объясняетъ намѣреніемъ самого апостола Павла, раскрывающаго въ обоихъ посланіяхъ родственное ученіе соотвѣтственно нуждамъ церквей Ефесской и Колосской, хотя и отклоняетъ предположеніе объ одновременности отправленія обоихъ посланій (стр. 177—189). Попутно авторъ обнаруживаетъ полную несостоятельность теоріи Гольцмана, осужденной и многими свободомыслящими представителями западнаго богословія (напр., Soden, Klöpper и др.), по которой посланіе къ Ефесянамъ является передѣлкой подлиннаго посланія къ Колоссянамъ, а наше посланіе къ Колоссянамъ интерполировано писателемь посланія къ Ефесянамъ. Съ полнѣйшей основательностію авторъ показываетъ фантастическій произволъ Гольцмана въ попыткахъ возстановить первоначальный текстъ посланія къ Колоссянамъ и этимъ подтвердить свою теорію (стр. 189—196).—Наконецъ третью группу возраженій противъ подлинности посланія къ Ефесянамъ заимствуютъ, какъ мы уже сказали, изъ различія языка и стиля этого посланія, сравнительно съ другими Павловыми писаніями (Baur, De-Wette, Ewald, Renan, Soden, Holtzmann, Klöpper, Dawidson и др.). Стиль посланія отличается будто бы растянутостію періодовъ и обиліемъ родительныхъ падежей. Авторъ справедливо

признаетъ бездоказательность подобныхъ указаній ссылками на другія посланія апостола Павла, въ которыхъ встрѣчаются подобные же и періоды, и сочетанія родительныхъ падежей, а самыя особенности стиля посланія къ Ефесянамъ объясняетъ замѣчательною широтою и многообъемистостію его содержанія (стр. 197—200). Что касается языка посланія, то авторъ, вопреки сужденіямъ отрицательной критики, доказываетъ полное согласіе языка этого посланія съ языкомъ другихъ Павловыхъ посланій. При этомъ авторъ значительно сокращаетъ таблицу словъ, которыя могутъ быть признаны ἅπαξ λεγόμενα въ посланіи къ Ефесянамъ (стр. 201—204). Въ этомъ небольшомъ отдѣлѣ мы уже встрѣчаемся въ лицѣ автора съ тѣмъ глубокимъ знатокомъ подлиннаго языка новозавѣтныхъ писаній, какимъ онъ со всею ясностію выступаетъ далѣе, въ экзегетической части своего труда. Третью главу авторъ заключаетъ сильнымъ словомъ, что „всѣ усилія критики поколебать церковное преданіе о происхожденіи посланія должны быть признаны безусловно тщетными“, и что „не даромъ ея аргументы нѣкоторые называютъ простыми баснями“. Такой рѣзкій, но справедливый выводъ дѣйствительно позволяетъ автору сдѣлать его предшествующій критическій разборъ сужденій отрицательной критики, разборъ, со всею очевидностію показавшій явно тенденціозный характеръ подобныхъ сужденій и отсутствіе у критики даже одного какого-либо твердаго исходнаго пункта.

Четвертая глава изслѣдованія находится въ тѣсной связи съ третьею, такъ какъ касается вопроса объ отношеніи посланія къ Ефесянамъ къ 1 посланію св. апостола Петра, какое отношеніе нерѣдко понимается отрицательной критикой, какъ прямая зависимость одного посланія отъ другого, причемъ такая зависимость признается или за 1 Петровымъ посланіемъ (Holtzmann, Klöpper, Harnack, Zeller) или же, наоборотъ, за посланіемъ къ Ефесянамъ (Ewald, Hilgenfeld, Pfleiderer, Soden, Dawidson). При этомъ интересно, что даже среди изслѣдователей, признающихъ апостольское происхожденіе обоихъ

названныхъ посланій, существуетъ взглядъ объ относительной зависимости одного изъ посланій отъ другого, причемъ зависимость 1 Петрова отъ посланія къ Ефесянамъ защищаютъ одни (Weiss, Fronmüller), а обратную зависимость другіе (Huther, Hofmann, Schmidt, Bleck, Hort, Zahn и др.). Такая постановка вопроса объ отношеніи названныхъ посланій въ наукѣ дѣлаетъ его одною изъ интереснѣйшихъ новозавѣтныхъ проблемъ, разрѣшеніе которой можетъ имѣть довольно существенное значеніе и для вопроса о происхожденіи посланія къ Ефесянамъ. Авторъ приступаетъ къ рѣшенію проблемы съ попытки опредѣлить даты происхожденія обоихъ посланій. Дата происхожденія посланія къ Ефесянамъ уже была опредѣлена авторомъ ранѣе (61—63 годы по Р. Х.). Здѣсь онъ рѣшаетъ трудный вопросъ о времени происхожденія I посланія св. апостола Петра. Для этого оказалось необходимо прежде всего выяснить вопросъ о томъ, кому назначалось посланіе—язычко-христіанамъ или іудео-христіанамъ, и откуда оно написано. Авторъ признаетъ, вопреки нѣкоторымъ древне-церковнымъ мнѣніямъ (Оригена, Евсевія, Дидима, св. Епифанія, бл. Іеронима), что апостолъ Петръ не проповѣдывалъ въ перечисляемыхъ I стихомъ мало-азійскихъ областяхъ, гдѣ были основаны церкви апостоломъ Павломъ и его учениками. Такъ какъ эти церкви, насколько извѣстно изъ книги Дѣяній, были по преимуществу языко-христіанскія, то авторъ и считаетъ языко-христіанъ ближайшими читателями посланія, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ древнихъ (Икуменій, Θеофилактъ) и новыхъ (Weiss, Kühl, Fronmüller, Kredner и др.) изслѣдователей. Свое мнѣніе авторъ утверждаетъ, прежде всего, на нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго посланія, которыя понятнѣе при предположеніи, что посланіе назначалось не іудео-христіанамъ, а языко-христіанамъ (I, 14, 18; II, 10; IV, 3). Но такъ какъ защитники противоположнаго взгляда приводятъ изъ этого же посланія мѣста, говорящія въ пользу назначенія посланія именно іудео-христіанамъ, то авторъ подвергаетъ критическому разбору эти

мѣста и доказываетъ примѣнимость ихъ и къ языко-христіанамъ (I, 1; III, 6); сюда же надо отнести и богатство выдержекъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, приводимыхъ въ I посланіи апостола Петра (стр. 210—229). Какъ приведенныя авторомъ мѣста въ пользу назначенія посланія языко-христіанамъ, такъ и приводимыя имъ же выдержки изъ этого посланія, указываемыя защитниками противоположнаго взгляда, по нашему мнѣнію, доказываютъ только невозможность на основаніи такихъ выдержекъ судить о первоначальныхъ читателяхъ посланія. Такая недостаточность предшествовавшаго разбора соотвѣтствующихъ мѣстъ, повидимому, признается и самимъ авторомъ, который далѣе обращается къ другимъ даннымъ для подтвержденія защищаемаго имъ мнѣнія. Онъ именно съ этою цѣлію подвергаетъ критическому разбору мнѣніе о существованіи въ перечисляемыхъ апостоломъ Петромъ мало-азійскихъ областяхъ іудео-христіанскихъ общинъ и отвергаетъ это мнѣніе, какъ не подтверждаемое книгой Дѣяній Апостольскихъ (стр. 229—233). Не отрицая серіозности дѣлаемыхъ авторомъ въ данномъ случаѣ возраженій, мы однако находимъ достаточно серіозными и соображенія обратнаго характера, напр., какъ они высказываются Вейсомъ (стр. 229—230 настоящаго изслѣдованія). И вообще мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что защищаемый авторомъ взглядъ о первоначальномъ назначеніи перваго посланія св. апостола Петра языко-христіанамъ не можетъ быть признанъ доказаннымъ имъ со всею опредѣленностію и убѣдительностію, по крайней мѣрѣ, мы лично все же склонны предполагать, что посланіе было написано именно іудео христіанамъ. Мы, конечно, не беремъ на себя смѣлости вступать по данному вопросу въ полемику съ авторомъ спеціалистомъ, но однако позволимъ себѣ указать нѣкоторыя данныя, побуждающія насъ лично склониться къ противоположному сравнительно съ взглядами автора, мнѣнію о первоначальныхъ читателяхъ посланія. И книга Дѣяній Апостольскихъ, и прямое свидѣтельство апостола Павла (Гал. II, 7) говорятъ намъ о томъ, что спе-

ціальной миссіей апостола Петра всегда признавалась въ первенствующей церкви проповѣдь іудеямъ разсѣянія. Поэтому, если допустить положеніе, что св. апостолъ Петръ проповѣдывалъ Христа лично въ перечисляемыхъ имъ областяхъ, то скорѣе всего именно іудеямъ. Если же вмѣстѣ съ авторомъ склониться къ предположенію, что апостолъ Петръ не проповѣдывалъ читателямъ своего посланія и что въ перечисляемыхъ имъ областяхъ церкви состояли изъ учениковъ апостола Павла и по преимуществу языко-христіанъ, то для насъ представляется вовсе непонятнымъ, по какому поводу и побужденію могъ писать апостолъ Петръ свое первое посланіе ученикамъ и духовнымъ дѣтамъ апостола Павла. Далѣе, мы не согласны съ авторомъ и въ томъ отношеніи, что будто бы по содержанію своему посланіе скорѣе могло быть назначено языко, а не іудео-христіанамъ. Думается, что основной темой I посланія св. апостола Петра надо признать раскрытіе той глубокой мысли, что ветхозавѣтныя обѣтованія іудеямъ исполняются въ христіанской церкви, въ жизни новаго Израиля. Основной темѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ и самый способъ раскрытія Апостоломъ истины. Какъ извѣстно, въ I посланіи апостола Петра весьма много выдержекъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ или буквальныхъ или почти буквальныхъ, какъ вообще много ссылокъ на ветхій завѣтъ, причемъ всюду предполагается основательное знаніе читателями ветхозавѣтныхъ писаній. Безспорно, авторъ имѣлъ основаніе видѣть нѣкоторое объясненіе этой отличительной черты I посланія апостола Петра не въ назначеніи его іудеохристіанамъ, а въ лицѣ его писателя-апостола Петра (стр. 227). Но однако думается, что указанный характеръ посланія апостола Петра скорѣе можетъ быть объясненъ предположеніемъ, что посланіе назначалось именно іудео-христіанамъ, иначе непонятенъ будетъ ни основной его предметъ, ни самый способъ раскрытія избраннаго предмета. Точно также пониманіе авторомъ начальнаго надписанія посланія: „избраннымъ пришельцамъ разсѣянія“ въ томъ смыслѣ, что здѣсь языко-хри-

стіане названы „духовнымъ разсѣяннымъ Израилемъ“, представляется намъ нѣсколько искусственнымъ. Правда, мы уже упомянули, что авторъ указываетъ и такія мѣста въ посланіи, которыя будто бы вовсе не приложимы къ читателямъ іудео-христіанамъ (1, 14, 18; II, 10; IV, 3). Но, по нашему мнѣнію, такія выраженія вполнѣ могли быть приложены къ каждому народу и лицу, не знавшему или отвергавшему Христа. А что касается IV, 3, гдѣ Апостолъ говоритъ о хожденіи въ прежнее время читателей его посланія по языческой волѣ, то въ отношеніи іудеевъ разсѣянія, жившихъ въ ближайшей связи съ языческимъ міромъ, это вполнѣ приложимо. Впрочемъ, мы не хотимъ выдавать принимаемаго нами предположенія за нѣчто безусловно доказанное въ наукѣ; мы вполнѣ соглашаемся, что со строго научной точки зрѣнія вопросъ не можетъ считаться въ настоящее время уже окончательно рѣшеннымъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Но, слѣдовательно, и утверждаться единственно на такомъ или иномъ рѣшеніи этого вопроса при дальнѣйшихъ выводахъ, быть можетъ, не слѣдовало бы. Между тѣмъ авторъ, соотвѣтственно защищаемому имъ взгляду, дѣлаетъ весьма важный выводъ, что посланіе не могло быть написано ранѣе 56—57 г., т. е. послѣ третьяго уже благовѣстническаго путешествія апостола Павла. Къ точнѣйшему опредѣленію времени написанія авторъ приходитъ при посредствѣ анализа самаго его содержанія, причемъ рѣшающее значеніе авторъ усвояетъ указанію на мѣсто написанія даннаго посланія—Вавилонъ (V, 18). Вопросъ о томъ, что разумѣется подъ церковію въ Вавилонѣ, какъ извѣстно, издавна привлекалъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей и рѣшался различно. Авторъ останавливается на разборѣ трехъ наиболѣе естественныхъ въ данномъ случаѣ предположеній. По первому изъ нихъ здѣсь надо разумѣть Вавилонъ на Евфратѣ (Кюль, Фронмюллеръ, Гутеръ, Кейль и др.). По второму—Вавилонъ Египетскій (Вольфъ, Пирсонъ, Гугъ, еп. Михаилъ). Авторъ со всею очевидностію раскрываетъ необоснованность подобныхъ предположеній и лично

склоняется къ третьему, можно сказать, господствующему теперь рѣшенію вопроса въ томъ смыслѣ, что Вавилономъ иносказательно называется въ данномъ случаѣ Римъ (Корнели, Гофманъ, Цанъ, Хортъ, Бейшлягъ, Кегель, Шляттеръ, Кремеръ, Гарнакъ). Этотъ взглядъ, по свидѣтельству Евсевія, раздѣлялся и нѣкоторыми древними церковными писателями (Hist. E. II, 15) Георгіемъ Синкелломъ, Өеофилактомъ Бол., Икуменіемъ, равно какъ и многіе минускульные кодексы имѣютъ добавленіе „ἀπὸ Ῥώμης" (стр. 233—245). Несмотря на то, что разумѣть подъ Вавилономъ Римъ является не болѣе, какъ предположеніемъ, невольно приходится склоняться къ послѣднему. А если такъ, то и время написанія посланія надо опредѣлять въ связи съ временемъ пребыванія апостола Петра въ Римѣ. Согласно съ древними свидѣтельствами, нельзя отрицать возможности пребыванія апостола Петра въ Римѣ и въ царствованіе Клавдія (Евсевій); но авторъ, въ силу ранѣе сдѣланнаго имъ вывода о времени написанія даннаго посланія, не можетъ допустить происхожденія посланія въ это время (такъ какъ оно согласно прежнему выводу автора не могло появиться ранѣе 56—57 г.) и поэтому обращается къ свидѣтельству Лактанція о пребываніи апостола Петра въ Римѣ въ царствованіе Нерона, а главнымъ образомъ къ тщательнѣйшему анализу новозавѣтныхъ апостольскихъ посланій, свидѣтельствующихъ отрицательнымъ путемъ о томъ, что до написанія апостоломъ Павломъ посланія къ Филиппійцамъ не могло быть написано изъ Рима 1 посланіе Петра, равно какъ не было въ Римѣ этого Апостола и при написаніи 2 посланія къ Тимоөею. Слѣдовательно посланіе появилось не ранѣе 63 года (послѣ появленія посланія къ Филиппійцамъ). Молчаніе объ апостолѣ Петрѣ во 2 посланіи Тимоөею для автора, какъ признающаго вторыя римскія узы апостола Павла, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Итакъ 1 посланіе Петра произошло не ранѣе 63 года. А такъ какъ посланіе къ Ефесянамъ появилось нѣсколько ранѣе (61—63 г.), то, если и можетъ быть рѣчь о зависимости по-

сланій одного отъ другого, такъ только о зависимости I Петра отъ посланія къ Ефесянамъ. Авторъ могъ бы удовлетвориться такимъ выводомъ, такъ какъ этимъ защищена независимость посланія къ Ефесянамъ отъ I Петра, но онъ этимъ не ограничивается и обстоятельно доказываетъ полную оригинальность обоихъ посланій и по содержанію. Немногія дѣйствительныя параллели посланій авторъ склоненъ объяснять не литературною зависимостью ихъ одного отъ другого, но простымъ знаніемъ апостолами посланій другихъ апостоловъ, что со всею несомнѣнностію открывается изъ 2 Петра (III, 15—16). Впрочемъ предположеніе автора, что здѣсь разумѣется именно посланіе къ Ефесянамъ, для насъ не вполнѣ убѣдительно, такъ какъ покоится главнымъ образомъ на болѣе раннемъ его предположеніи о томъ, что читателями перваго посланія св. апостола Петра были языко-христіане, ученики апостола Павла. Независимо отъ содержанія, авторъ указываетъ и на существенное различіе сравниваемыхъ посланій и по ихъ построенію (стр. 285—289), а также мимоходомъ указываетъ и на различіе посланій по языку (стр. 256). Въ концѣ этой же главы авторъ касается и вопроса о наиболѣе естественномъ дѣленіи посланія къ Ефесянамъ, что составляетъ прямой переходъ ко второй экзегетической части изслѣдованія.—Что касается нашего общаго впечатлѣнія отъ 4 главы, то она отличается богатствомъ содержанія и читается съ чрезвычайнымъ интересомъ. Но собственно для прямой задачи авторскаго изслѣдованія, быть можетъ, можно было ограничиться только тою частью ея, гдѣ сравниваются посланія по содержанію и построенію; подобную постановку мы видимъ у автора же въ рѣчи объ отношеніи посланій къ Ефесянамъ и Колоссянамъ. Говоримъ же такъ потому, что весьма трудный и интересный путь, какимъ авторъ пришелъ къ установленію датъ написанія 1 посланія св. апостола Петра, все-же заключаетъ въ себѣ слишкомъ много гадательнаго и прямо неизвѣстнаго для того, чтобы можно было надѣяться съ логическою необходимостію привести этимъ путемъ

читателя къ убѣжденію, что посланіе къ Ефесянамъ написано ранѣе 1 Петра.

Экзегетическую часть своего изслѣдованія Д. И. Богдашевскій дѣлитъ на двѣ меньшія, соотвѣтственно основному содержанію посланія къ Ефесянамъ. Первая часть посвящена обозрѣнію догматической части посланія, а вторая—по преимуществу нравоучительной. Догматическую часть посланія авторъ въ свою очередь расчленяетъ на два отдѣла: первый I, 8—23—общее раскрытіе величія христіанства, и второй отдѣлъ II, 1—III, 13—частное раскрытіе того же предмета. Нравоучительная часть посланія расчленяется авторомъ также на двѣ меньшія: общая—гл. IV, 1—16, и частная—IV, 17—VI, 9. Стихи VI, 10—24 образуютъ заключительный отдѣлъ посланія. Было бы, безспорно, интересно прослѣдить стихъ за стихомъ экзегетическую работу автора, но размѣры настоящаго отзыва не позволяютъ сдѣлать этого. Поэтому ограничимся только общими замѣчаніями съ указаніемъ лишь на нѣкоторыя наиболѣе интересныя для богословія мѣста. Экзегесисъ автора обычно имѣетъ такой видъ. Авторъ приводитъ извѣстный стихъ или отдѣльную мысль въ двухъ текстахъ славянскомъ и греческомъ. Въ примѣчаніяхъ, большею частію, къ каждому такому мѣсту авторъ указываетъ разночтенія списковъ какъ греческихъ, такъ и славянскихъ, и устанавливаетъ должное чтеніе на основаніи тщательнаго сличенія различныхъ списковъ греческаго текста и древнѣйшихъ его переводовъ. Вполнѣ естественно, что особенное значеніе въ послѣднемъ случаѣ авторъ придаетъ нашему славянскому переводу, при чемъ для выполненія своей задачи въ отношеніи изслѣдованія древне-славянскаго текста онъ пользуется богатымъ рукописнымъ матеріаломъ изъ Петербургской Публичной библіотеки, Московской Синодальной и библіотеки Московской Синодальной Конторы, Румянцевскаго Музея, библіотеки Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря и Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи. Сообщенная авторомъ постановка изученію текста по-

сланія какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ истиннымъ интересамъ науки. Съ особенною признательностію каждый русскій богословъ долженъ, конечно, привѣтствовать предпринятую профессоромъ Богдашевскимъ нелегкую работу сличенія славянскихъ переводовъ посланія къ Ефесянамъ. Въ прибавленіи къ своему труду авторъ обобщаетъ то, что было добыто имъ при экзегесисѣ посланія относительно особенностей чтеній древне-славянскихъ Апостоловъ. Эти чтенія отличаются иногда свободою, въ видѣ, напримѣръ, прибавокъ (I, 4—„всею"; II, 11—„братіе"; II, 12—„во всемъ"; II, 20 „святыхъ"), глоссъ (IV, 8—„пріялъ еси даянія"; VI, 13—„въ день брани"); встрѣчаются въ нихъ неточности (напр. IV, 11—„овы пастухи, овы учители"), пропуски (I, 3—„благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа"), просто ошибки (нерѣдко „мы" вмѣсто „вы" и наоборотъ; IV, 3—„успеніе духа" вмѣсто „единеніе духа" и т.д.). Иногда, напротивъ, эти древне-славянскіе переводы отличаются точностію, доходящей до буквализма (напр. VI, 12—„въ небесныхъ"); нерѣдко въ древне-славянскихъ переводахъ удерживаются лучшія чтенія, которыя, по мнѣнію автора, слѣдовало бы возстановить въ нашемъ теперешнемъ славянскомъ текстѣ (напр. III, 5—„Духомъ" вмѣсто „Духомъ Святымъ"; IV, 29—„къ созданію потребы", вмѣсто „къ созданію вѣры" и др.). По наблюденію автора, наибольшею неточностію отличаются Апостолы Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря, особенною же точностію переводъ св. митрополита Алексія (стр. 682). Авторъ дѣлаетъ въ этомъ же прибавленіи опытъ классификаціи по редакціямъ древне-славянскихъ Апостоловъ и высказываетъ предположеніе, что на древне-славянскихъ Апостолахъ сказалось вліяніе греческихъ аѳонскихъ списковъ (стр. 684—688). Особенно интересны для насъ критическія замѣчанія автора къ нашему славянскому тексту посланія. Нерѣдко авторъ отмѣчаетъ здѣсь неточности нашего перевода, дающія поводъ иногда къ неправильному пониманію апостольской мысли. Такъ, напр., въ I главѣ въ стихѣ 13, вмѣсто стоящаго въ на-

шемъ славянскомъ текстѣ „нашего"—ἡμῶν, авторъ предпочитаетъ, согласно съ громаднымъ большинствомъ кодексовъ и контекстомъ рѣчи, чтеніе: вашего—ὑμῶν (стр. 300). Выраженіе II, 10—ἐπὶ ἔργοις ἀγαθοῖς οἷς προητοίμασεν... авторъ передаетъ существенно иначе, чѣмъ какъ переведено оно въ нашемъ славянскомъ текстѣ („на дѣла благая, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходимъ"), сообщая слову „προητοίμασεν" значеніе: предназначилъ, предопредѣлилъ, какъ передано и въ нашемъ русскомъ переводѣ (стр. 375—378). Точно также иначе передаетъ авторъ II, 14—καὶ τὸ μεσότοιχον τοῦ λύσας τὴν ἔχθραν ἐν τῇ σαρκὶ αὐτοῦ τὸν νόμον τῶν ἐντολῶν ἐν δόγμασι καταργήσας. Въ нашемъ славянскомъ переводѣ τὴν ἔχθραν отнесено къ послѣдующему καταργήσας, тогда какъ авторъ предпочитаетъ разсматривать τὴν ἔχθραν въ качествѣ приложенія къ τὸ μεσότοιχον τοῦ φραγμοῦ: „Который разрушилъ средостѣніе ограды—вражду, упразднивъ въ плоти Своей законъ заповѣдей въ ученіяхъ" (стр. 396). Во II, 15, вмѣсто чтенія ἐν ἑαυτῷ авторъ считаетъ болѣе завѣреннымъ чтеніе: ἐν αὐτῷ, а первое уже разъясненіемъ второго (стр. 404); II, 17 авторъ читаетъ „εἰρήνην ὑμῖν τοῖς μακρὰν καὶ εἰρήνην τοῖς ἐγγύς", т. е. съ повтореніемъ слова „миръ" (стр. 410). Въ II, 14 авторъ предпочитаетъ усвоять слову τὴν προσαγωγήν значеніе непереходное: „доступъ", какъ передано оно въ русскомъ переводѣ, а не переходное—„приведеніе", какъ передано въ славянскомъ переводѣ (стр. 414). Въ 5 ст. 3 главы предпочитаетъ чтенію—ἐν ἑτέραις γεναῖς—во инѣхъ родѣхъ—чтеніе: „ἑτέραις γενεαῖς (стр. 436), IV, 6 авторъ читаетъ ἐν πᾶσιν, согласно съ лучшими кодексами и переводами, вмѣсто ἐν πᾶσιν ἡμῖν—во всѣхъ насъ, какъ передано въ славянскомъ переводѣ (стр. 510, 511). Подобныя цѣнныя указанія относительно нашего славянскаго перевода мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ изслѣдованія, напр. IV, 22 (стр. 577), IV, 29 (стр. 588); IV, 31 (стр. 591); V, 5 (стр. 600) и друг. Отмѣченная нами чрезвычайно цѣнная научно и интересная для нашего богословія работа автора по

изслѣдованію текста посланія къ Ефесянамъ является естественнымъ основаніемъ и началомъ для послѣдующаго истолкованія посланія. Самый экзегесисъ автора охарактеризованъ имъ самимъ въ предисловіи къ его труду: „экзегесисъ—говоритъ Д. И. Богдашевскій—долженъ утверждаться на филологіи, носить вездѣ критическій характеръ, отличаться возможною краткостью" (стр. I, предисл.). Этимъ требованіямъ и дѣйствительно удовлетворяетъ авторъ. Его экзегесисъ утверждается прежде всего на филологіи. Авторъ не оставляетъ почти ни одного мѣста въ посланіи безъ того, чтобы не выяснить путемъ филологическаго разбора смыслъ опредѣляющаго слова, причемъ нерѣдко для этого приходится не только разбираться въ буквальномъ значеніи извѣстнаго слова, но выяснять его истинный смыслъ на основаніи библейскаго словоупотребленія и, въ частности, въ посланіяхъ апостола Павла. Поэтому нерѣдко изъясненія авторомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ представляютъ своего рода изслѣдованія въ области филологіи (напр. 1, 7 ἡ ἀπολύτρωσις, ἡ ἄφεσις, 1, 10—ἀνακεφαλαιώσασθαι, 1, 11—ἐκληροῦσθαι; 1, 13—σφραγίζειν; 1, 14—ἀῤῥαβών, ἡ περιποίησις; 1, 22—ἡ ἐκκλησία; 1, 23—τὸ πλήρωμα; II, 1—τὸ παράπτωμα, ἡ ἁμαρτία; II. 2—ὁ αἰών, ἡ ἐξουσία; II, 3—ἡ φύσις; II, 10—ἑτοιμάζειν; II, 12—ἡ πολιτεία, ἀπολλατριοῦν; II, 15—τὸ δόγμα; II, 16—ἀποκαταλλάτειν и мн. др.). Подобное же надо сказать и относительно разъясненія конструкціи и смысла отдѣльныхъ выраженій апостольской рѣчи (напр. 1, 10—τὸ πλήρωμα τῶν καιρῶν; II, 14—τὸ μεσότοιχον τοῦ φραγμοῦ; IV, 9, 10— τὰ κατώτερα τῆς γῆς; V, 16—ἐξαγοραζόμενοι τὸν καιρόν и многія др.). Всесторонній филологическій анализъ текста, на которомъ утверждается экзегесисъ автора, въ значительной степени объясняетъ собою самый характеръ его толкованія. Послѣднее всегда отличается простотою и естественностію. Эту черту экзегесиса мы безъ всякаго колебанія должны признать необыкновенно цѣнной и отвѣчающей самому существу дѣла. Благодаря такой естественности, толкованіе автора

нигдѣ не вызываетъ недоумѣній, а напротивъ всегда производитъ впечатлѣніе полнаго согласія съ дѣйствительною мыслію Апостола. Глубина апостольской мысли при такомъ филологическомъ методѣ истолкованія выступаетъ во всей ясности и чистотѣ первоначальной формы выраженія, не прикрашенной искусственными аналогіями и незатемненной фантастическимъ аллегоризмомъ. Такой методъ по справедливости можно назвать наиболѣе отвѣчающимъ достоинству апостольскихъ посланій, такъ какъ здѣсь не только удовлетворяется собственно научное требованіе объективности, но и проявляется лучше всего дѣйствительное уваженіе къ мысли Апостола и къ самому выраженію извѣстной мысли. Особенно цѣнно это качество экзегесиса—его простота и естественность—въ отношеніи посланія св. апостола Павла къ Ефесянамъ, которое во многихъ мѣстахъ представляетъ значительныя трудности для пониманія. Не можемъ не повторить здѣсь сдѣланнаго уже однажды замѣчанія, что авторъ въ своемъ филологическомъ разборѣ выступаетъ какъ знатокъ подлиннаго языка новозавѣтныхъ писаній и особенно стиля и языка писаній св. апостола Павла.

Утверждаясь на филологіи, экзегесисъ автора всюду носитъ критическій характеръ. Это, несомнѣнно, достигается уже тѣмъ однимъ, что авторъ устанавливаетъ должное чтеніе текста посланія, о чемъ мы говорили выше и чего очень нерѣдко достаточно для установленія истиннаго смысла извѣстнаго мѣста. Но авторъ этимъ не ограничивается и подробно останавливается на разборѣ разнообразныхъ пониманій наиболѣе трудныхъ мѣстъ посланія, послѣ чего только устанавливаетъ должное ихъ пониманіе. Въ этомъ случаѣ критическое обозрѣніе толкованій многихъ мѣстъ посланія къ Ефесянамъ представляетъ громадный интересъ для богослова уже по одному тому, что это посланіе, отличаясь замѣчательнымъ богатствомъ раскрываемаго Апостоломъ догматическаго ученія, въ значительной своей части входитъ въ наши учебные курсы и въ ученыя богословскія системы. Для примѣра достаточно указать хоть

нѣкоторыя мѣста подобнаго рода, напримѣръ I, 4—5, гдѣ говорится о предвѣчномъ предназначеніи усыновленія человѣчества во Христѣ, мѣсто, къ слову сказать, нѣсколько иначе понимаемое авторомъ, чѣмъ какъ оно понимается нашимъ славянскимъ текстомъ и оттуда перешло въ наши богословскія системы (стр. 275—279; авторъ здѣсь, согласно съ св. Іоанномъ Златоустомъ, блаж. Ѳеодоритомъ и многими новѣйшими экзегетами, слово „въ любви" относитъ не къ 4, а къ 5 стиху: „въ любви прежде нарекъ насъ"...). Укажемъ еще I, 10, гдѣ говорится о возглавленіи всего во Христѣ; I, 20—23, гдѣ изъясняются слова „Того даде Главу выше всѣхъ Церкви, яже есть Тѣло Его, исполненіе Исполняющаго всяческая во всѣхъ", II, 13 и слѣд., гдѣ раскрывается Апостоломъ мысль о примиреніи во Христѣ іудеевъ и язычниковъ; IV, 8 и дал., уже упомянутое нами мѣсто о схожденіи Христа Спасителя во адъ; IV, 11—16, гдѣ говорится о возрастаніи Церкви, какъ Тѣла Христова, и о служителяхъ дѣлу этого возрастанія; V, 22 и дал. о взаимной любви мужа и жены по образу любви Христа къ Церкви... и множество подобныхъ мѣстъ, обладающихъ необыкновенною глубиною мысли, выясняются авторомъ со всею обстоятельностію. Благодаря этому настоящій трудъ профессора Д. И. Богдашевскаго окажется необходимою, можно сказать, настольною книгою для каждаго богослова. При этомъ намъ надо отмѣтить ту характерную черту въ критическихъ пріемахъ автора при экзегесисѣ посланія къ Ефесянамъ, что онъ, говоря его словами въ предисловіи, вовсе чуждъ „моднаго теперь оригинальничанія". Если и указывается иногда въ настоящемъ изслѣдованіи на нѣкоторыя неточности въ нашемъ славянскомъ переводѣ, то авторъ всегда въ подобныхъ случаяхъ утверждается на почвѣ церковнаго преданія и держится строго-научной положительной точки зрѣнія. Съ особенною ясностію это выступаетъ въ пониманіи авторомъ тѣхъ мѣстъ посланія, гдѣ апостоломъ Павломъ раскрываются глубочайшія тайны христіанскаго знанія, въ отношеніи которыхъ

многіе новѣйшіе богословы обнаруживають наклонность произвольно упрощать ихъ смыслъ (напр. пониманіе извѣстнаго мѣста IV, 8—10 не въ смыслѣ ученія Апостола о схожденіи Христа Спасителя во адъ, а воплощенія Его, сошествія Его на землю). Вообще, насколько мы можемъ судить, авторъ въ своемъ экзегесисѣ особенно близко стоитъ къ св. Іоанну Златоусту.

Наконецъ въ числѣ общихъ замѣчаній относительно экзегетической части изслѣдованія мы должны указать на краткость экзегесиса автора. Самъ онъ считаетъ такую краткость необходимымъ требованіемъ отъ научнаго истолкованія (стр. I предисловія) и, дѣйствительно, всюду строго удовлетворяетъ этому требованію. Ничего лишняго, никакихъ ненужныхъ повтореній и излишнихъ поясненій мы не встрѣчаемъ въ трудѣ профессора Д. И Богдашевскаго. Скорѣе можно, пожалуй, сказать, что авторъ черезчуръ строго преслѣдуетъ поставленную себѣ задачу—быть краткимъ при экзегесисѣ посланія, благодаря чему послѣдній, не смотря на полную ясность мысли и опредѣленность выраженія, нерѣдко поражаетъ сжатостью рѣчи, что естественно влечетъ за собою нѣкоторую трудность для читателя обнять мысли автора во всей полнотѣ. Впрочемъ, мы лично считаемъ такую сжатость совершенно необходимою для научнаго сочиненія.

Въ прибавленіяхъ къ своему труду профессоръ Д. И. Богдашевскій дѣлаетъ краткую характеристику древне-славянскихъ переводовъ посланія къ Ефесянамъ, о чемъ мы уже упоминали, и прилагаетъ указатели мѣстъ Св. Писанія и греческихъ словъ, получившихъ изъясненіе въ его изслѣдованіи.

Если въ заключеніи мы позволимъ себѣ высказать наше общее сужденіе о трудѣ профессора Д. И. Богдашевскаго, то безспорно прежде всего должны указать на богатство его содержанія, что уже не разъ попутно отмѣчалось нами. Авторомъ въ первой части его изслѣдованія разсмотрѣны всѣ суще-

ственные вопросы относительно происхожденія посланія и притомъ разсмотрѣны со всею обстоятельностію; въ экзегетической же части обнаружена такая тщательность изслѣдованія текста посланія, такое глубокое проникновеніе въ смыслъ апостольскаго ученія, когда авторъ при необыкновенной сжатости экзегесиса не оставилъ безъ вниманія самыхъ тонкихъ оттѣнковъ мысли Апостола, что только поверхностный читатель можетъ не замѣтить и, даже болѣе, не поразиться богатствомъ представляемаго авторомъ матеріала для изученія посланія къ Ефесянамъ и тщательностію обработки послѣдняго. Настоящее изслѣдованіе безспорно представляетъ результатъ многолѣтняго труда автора и притомъ труда, совершеннаго съ любовью къ дѣлу, которая живо чувствуется всюду и является источникомъ особаго наслажденія при чтеніи сочиненія Д. И. Богдашевскаго. Далѣе, въ разсматриваемомъ нами сочиненіи мы можемъ отмѣтить какъ необыкновенно цѣнную характерную его черту, что въ этомъ сочиненіи находится въ неразрывной гармоніи два существенно важныя, но къ сожалѣнію не часто встрѣчающіяся совмѣстно, качества: это полнѣйшая вѣрность церковному преданію при удовлетвореніи всѣмъ строгимъ истинно научнымъ требованіямъ отъ подобнаго рода изслѣдованій. Благодаря этому настоящій трудъ представляетъ, безъ сомнѣнія, не только выдающееся явленіе въ нашей русской богословской литературѣ, но займетъ видное мѣсто и вообще въ современной европейской наукѣ, какъ самостоятельное изслѣдованіе одного изъ новозавѣтныхъ писаній. Авторъ привлекъ для своего труда все существующее въ наукѣ по избранному имъ предмету изслѣдованія, но отъ начала до конца стоитъ на высотѣ ученой самостоятельности, нигдѣ, съ одной стороны, не преклоняясь рабски предъ мнимо научнымъ авторитетомъ, а съ другой,—не пренебрегая ни однимъ дѣйствительно цѣннымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, хотя бы оно было сдѣлано представителями отрицательно—богословскаго направленія. Это строгое безпристрастіе автора, его чрезвычайно корректное отношеніе

къ чужимъ, даже грубо ошибочнымъ, мнѣніямъ, всегда ровный и спокойный тонъ полемики производятъ самое лучшее впечатлѣніе, свидѣтельствуя въ равной мѣрѣ и о сознаніи авторомъ своей личной силы въ борьбѣ съ противникомъ и умѣніи уважать послѣдняго.—Наконецъ, и внѣшняя сторона сочиненія—его стиль и языкъ вполнѣ отвѣчаютъ существу избраннаго предмета и поставленной себѣ авторомъ цѣли и могутъ быть названы безукоризненными.

Едва ли надо и добавлять послѣ сказаннаго, что по нашему убѣжденію рассматриваемое изслѣдованіе даетъ автору его, Димитрію Ивановичу Богдашевскому, безспорное право на полученіе степени доктора богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„По обычаю, получившему свое начало еще въ древней христіанской Церкви, проф. Богдашевскій дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части—исагогическую (стр. 1—270) и экзегетическую (271—678). Въ первой онъ подробно разсматриваетъ вопросы, касающіеся мѣста и времени написанія посланія къ Ефесянамъ (гл. I, 1—42), его назначенія и повода къ написанію (гл. II, 43—126), подлинности и отношенія къ соборному посланію (1-го) ап. Петра (гл. III, 126—209. Гл. IV, 210—270). Во второй онъ изъясняетъ догматическую часть посланія (273—494) и нравоучительную (496—678), изслѣдуя при этомъ текстъ посланія и критически освѣщая варіанты его. Въ концѣ сочиненія находимъ прибавленіе, трактующее о древне-славянскихъ переводахъ посланія къ Ефесянамъ (679—688), и указатели изъясненныхъ мѣстъ Св. Писанія (689—695) и словъ, получившихъ изъясненіе (696—698), а въ самомъ началѣ—предисловіе (I—VII), въ которомъ авторъ излагаетъ свои соображенія, побудившія его взяться за составленіе настоящаго сочиненія, и отмѣчаетъ научные пріемы, примѣненные имъ къ изслѣдованію посланія къ Ефесянамъ, и свои отношенія къ источникамъ и пособіямъ. Изъ даннаго краткаго

описанія содержанія книги проф. Богдашевскаго видно, что она представляетъ собою полное и всестороннее изслѣдованіе названнаго посланія и что научныя качества ея могутъ быть опредѣлены выясненіемъ *характера* отношеній автора

а) *къ уче ой экзегетической литературѣ, касающейся посланія ап. Павла къ Ефесянамъ.* Русская экзегетическая литература могла дать автору весьма немногое по изъясненію этого посланія; несравненно большимъ въ этомъ отношеніи обладаетъ западно-европейская экзегетическая литература; во многочисленныхъ сочиненіяхъ, разсматривающихъ посланіе къ Ефесянамъ, изученъ текстъ его, тщательно отмѣчены и критически освѣщены варіанты его, изслѣдованы исагогическіе и экзегетическіе вопросы во всевозможныхъ направленіяхъ. Само собою разумѣется, что проф. Богдашевскій, пред принявшій изученіе этого посланія, долженъ былъ основательно ознакомиться съ означенною литературою и въ своемъ сочиненіи обозначить результаты изученія ея для показанія того, чѣмъ собственно его изслѣдованіе будетъ отличаться отъ западныхъ сочиненій подобнаго рода и въ чемъ оно можетъ сходствовать съ ними. И проф. Богдашевскій во всѣхъ, обсуждаемыхъ имъ, вопросахъ всегда точно выясняетъ *отношеніе* своей работы къ изслѣдованіямъ западныхъ экзегетовъ. Оно характеризуется слѣдующими чертами. Авторъ съ большимъ усердіемъ изучилъ относящуюся къ предмету его сочиненія западную экзегетическую литературу, опредѣлилъ существующія въ ней направленія—отрицательное, положительное и промежуточныя и выяснилъ значеніе ихъ. Мнѣнія западныхъ комментаторовъ по вопросамъ исагогическимъ и экзегетическимъ исчисляются весьма подробно и излагаются ясно, иногда сжато, а иногда пространно, но всегда съ точнымъ знаніемъ ихъ; авторъ знакомитъ читателя даже съ такими гипотезами, которыя западная критика признаетъ баснями (206), а самъ онъ—фантазіями (191), вовсе не заслуживающими и разбора (190). Исчисленіе и изложеніе мнѣній западныхъ комментаторовъ за-

нимаютъ значительную часть разсматриваемаго труда, — большую той, какая, по нашему разумѣнію, можетъ по праву принадлежать имъ. Но кажущееся преувеличеннымъ вниманіе автора къ мнѣніямъ, даже вздорнымъ, западныхъ экзегетовъ объясняется заслуживающимъ уваженія стремленіемъ его къ возможно полному изученію и изслѣдованію всего, относящагося къ посланію къ Ефесянамъ.

Гипотезы и сужденія, доказательства и выводы западныхъ экзегетовъ отрицательнаго направленія подвергаются авторомъ основательной, содержательной и даже остроумной критикѣ. Можно также утверждать, что критическіе этюды автора очень хороши и удаются ему гораздо лучше, чѣмъ кое-что другое. Примѣръ образцовой критики мнѣній западныхъ комментаторовъ отрицательнаго направленія заимствуемъ изъ третьей главы первой части сочиненія, гдѣ подробно изслѣдуется вопросъ о подлинности посланія къ Ефесянамъ (127—209). Представленное здѣсь обстоятельное изложеніе мнѣній западныхъ ученыхъ, отрицающихъ подлинность посланія (139 - 148), ясно показываетъ, говоритъ проф. Богдашевскій, что возраженія заимствуются изъ богословія посланія, его отношенія къ посланію къ Колоссянамъ, языка и стиля. Соотвѣтственно этимъ трoякаго рода возраженіямъ онъ предложилъ три трактаціи (149—207), въ которыхъ съ выдающейся эрудиціей, знаніемъ богословія и литературныхъ свойствъ посланій ап. Павла подробно и побѣдоносно опровергнуты всѣ доводы и проистекающіе изъ нихъ выводы представителей раціоналистической критики, отвергающей апостольское происхожденіе посланія къ Ефесянамъ. Полемическій элементъ протекаетъ широкимъ и полнымъ русломъ чрезъ все сочиненіе проф. Богдашевскаго, съуживаясь лишь къ концу его къ очевидной выгодѣ для положительнаго рѣшенія разныхъ вопросовъ, часто стѣсняемаго и затѣняемаго полемическими пересудами мелочныхъ и неимѣющихъ никакого научнаго интереса мнѣній западныхъ ученыхъ. Но таково уже направленіе современной западной и русской

экзегетики, на высотѣ котораго безъ всякаго сомнѣнія стоитъ проф. Богдашевскій.

Мнѣнія западныхъ комментаторовъ положительнаго направленія иногда усвояются авторомъ, слѣдующимъ въ такихъ случаяхъ наставленію апостола: *хорошаго держитесь*. Но принятіе подобныхъ взглядовъ, сопровождающееся переоцѣнкою научнаго аппарата, умноженіемъ и болѣе тщательною детальною разработкою доказательствъ, на которыхъ они могутъ быть утверждаемы, нисколько не умаляютъ самостоятельности автора. Ибо высказывать разныя предположенія не трудно; гораздо труднѣе создать и разработать для нихъ прочную систему доказательствъ. Примѣромъ такого отношенія автора къ „наиболѣе принятымъ въ наукѣ взглядамъ" можетъ служить его защищеніе мнѣнія, что подъ упоминаемымъ въ первомъ посланіи ап. Петра Вавилономъ нужно разумѣть Римъ (242 и дал.).

b) *Къ обоснованію положительнаго рѣшенія собственныхъ взглядовъ по вопросамъ исагогическихъ и экзегетическихъ*. Критическіе экскурсы, имѣющіе своимъ предметомъ гипотезы западныхъ комментаторовъ отрицательнаго направленія, служатъ для проф. Богдашевскаго лишь подготовленіемъ къ изслѣдованію и рѣшенію означенныхъ вопросовъ въ традиціонномъ направленіи,—расчисткою почвы для воздѣланія на ней теорій и ихъ аргументацій, имѣющихъ свое основаніе въ церковно-историческомъ преданіи. Это весьма важная задача, постановка которой дѣлаетъ честь достопочтенному профессору,—предпріятіе, знаменующее цѣлое направленіе въ разработкѣ и рѣшеніи исагогическихъ и экзегетическихъ вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудно выполнимое при современномъ состояніи русской экзегетики. Эта задача во многихъ случаяхъ выполнена авторомъ вполнѣ успѣшно: его теоріи основательны, разработанныя имъ доказательства убѣдительны, а выводы тверды и строго согласны съ духомъ церковно-историческаго преданія. Все же справедливость требуетъ замѣтить, что нѣко-

торыя гипотезы автора, по основной мысли, лежащей въ каждой изъ нихъ, и по доказательствамъ, на которыхъ онѣ утверждаются имъ, не могутъ быть признаны столь же удачными, какъ его критическіе экскурсы. Отмѣтимъ здѣсь два примѣра. Во второй главѣ 1-й части проф. Богдашевскій подвергаетъ чрезвычайно доказательной ученой критикѣ мнѣніе западныхъ экзегетовъ, что посланіе не назначалось Ефесянамъ (49—110) и что первоначально безъ словъ *„во Ефесѣ“* читался въ посланіи первый стихъ 1-ой главы: *святымъ сущимъ во Ефесѣ и вѣрнымъ*, такъ какъ при существованіи означенныхъ словъ будто бы нельзя или по крайней мѣрѣ трудно поставить въ соотношеніе предикаты: *святымъ и вѣрнымъ*. Авторъ твердо доказалъ, что слова *во Ефесѣ* всегда находились въ текстѣ посланія, и предложилъ опытъ „правильнаго пониманія соотношенія предикатовъ *святымъ и вѣрнымъ* (72 и дал.). Слово *„святой“*, говоритъ онъ, не всегда означаетъ личную святость христіанъ, но указываетъ на внѣшнюю принадлежность ихъ къ христіанской церкви; слѣдовательно, слово „святые“ употреблено вмѣсто слова „христіане“, предикатъ „вѣрные“, прилагаемый тоже къ христіанамъ, указываетъ на ихъ „внутреннюю сопринадлежность ко Христу“. „Въ первой части выдвигается объективный моментъ, а во второй субъективный“ (74). Это очень остроумный и правильно намѣченный способъ рѣшенія спорнаго вопроса въ традиціонномъ направленіи, но аргументацію лежащей въ основѣ его мысли слѣдуетъ признать слабою. Совсѣмъ непонятно, почему Апостолъ къ однимъ и тѣмъ же Ефесскимъ христіанамъ прилагаетъ предикатъ, не указывающій на ихъ духовное совершенство въ вѣрѣ и нравственной жизни, и въ тоже время придаетъ другой предикатъ, обозначающій это именно совершенство. Ясно, что авторъ извлекаетъ изъ этихъ предикатовъ аргументъ для своей мысли, благодаря неточному изъясненію значенія ихъ. Въ древней Церкви святыми назывались христіане, еще недостигшіе, но стремящіеся достигнуть совершенства, и уже достигшіе его; первые именовались святыми въ несобствен-

номъ, усвоенномъ и проф. Богдашевскимъ, смыслѣ, а вторые въ собственномъ. О такомъ двоякомъ значенiи ἅγιος свидѣтельствуетъ Оригенъ. Какъ занимающiйся философiей, говоритъ онъ, уже называется философомъ, такъ и начинающiй посвящать себя служенiю Богу называется уже святымъ, хотя можетъ еще грѣшить, пока посредствомъ упражненiя не отстанетъ отъ привычки грѣшить. По собственному значенiю предикатъ „святой" едва ли можетъ быть отличаемъ отъ предиката „вѣрный", такъ какъ тотъ и другой прилагались къ христiанамъ для обозначенiя твердости ихъ вѣры и чистоты нравственной жизни. „Кто, говоритъ Исаакъ Сиринъ, не сохранилъ заповѣдей и не шествовалъ по слѣдамъ блаженныхъ Апостоловъ, тотъ недостоинъ именоваться святымъ". Изъ сказаннаго видно, что предикаты „святой и вѣрный" въ привѣтствiи къ Ефесянамъ употребляются въ какомъ-то особомъ несобственномъ значенiи, которое и должно быть выяснено на основанiи содержанiя посланiя къ Ефесянамъ. Все содержанiе его направлено къ Ефесскимъ iудео-христiанамъ и язычко-христiанамъ; первыхъ онъ называетъ святыми, а вторыхъ вѣрными. И проф. Богдашевскiй на стр. 417—418 говоритъ въ изъясненiи 19 и 20 ст. 2-ой гл: „подъ святыми нельзя разумѣть христiанъ вообще, а разумѣются преимущественно iудео-христiане". Въ такомъ случаѣ слова ап. Павла: *святымъ, сущимъ во Ефесѣ, и вѣрнымъ*— по смыслу, усвояемому имъ Апостоломъ, должны быть передаваемы такъ: *iудео-христiанамъ, сущимъ во Ефесѣ, и язычко-христiанамъ.*—Обратимся къ другому примѣру. Въ IV главѣ (210—265) первой части своего сочиненiя авторъ изслѣдуетъ вопросъ объ отношенiи посланiя къ Ефесянамъ къ первому посланiю ап. Петра. Замѣчаемое сходство означенныхъ посланiй въ мысляхъ и выраженiяхъ служитъ для западныхъ экзегетовъ основанiемъ разрѣшать этотъ вопросъ двояко: „по мнѣнiю однихъ, посланiе къ Ефесянамъ стоитъ въ зависимости отъ перваго соборнаго посланiя ап. Петра; по мнѣнiю другихъ, наоборотъ, ап. Петръ зналъ посланiе къ Ефеся-

намъ и пользовался имъ" (210). Проф. Богдашевскій съ большой эрудиціей, съ знаніемъ апостольскихъ писаній и исторіи апостольскаго періода доказалъ, что посланіе къ Ефесянамъ, написанное раньше перваго посланія ап. Петра, не можетъ находиться въ идейной и литературной зависимости отъ послѣдняго и что составленныя западными комментаторами таблицы параллелей, долженствующія наглядно показывать значительную литературную зависимость перваго посланія ап. Петра отъ посланія къ Ефесянамъ произвольны, искусственны и ни въ какомъ случаѣ не препятствуютъ посланію ап. Петра быть „произведеніемъ совершенно оригинальнымъ". Но мнѣніе автора, что „о литературной зависимости посланія св. Петра отъ посланія къ Ефесянамъ не можетъ быть рѣчи" (261), не получило надлежащаго обоснованія. Въ первомъ посланіи есть немногія, какъ хорошо показалъ проф. Богдашевскій, мысли и выраженія, находящіяся и во второмъ; авторъ называетъ ихъ *воспоминаніями* изъ посланія къ Ефесянамъ. Это объясненіе, явно противорѣчащее намѣренію автора: ибо *воспоминанія* изъ посланія къ Ефесянамъ, или что тоже—воспроизведеніе чужихъ мыслей и выраженій служитъ признакомъ литературной зависимости. Надлежащее объясненіе *сходства* въ двухъ посланіяхъ можетъ быть найдено болѣе широкимъ изслѣдованіемъ характера сходства и условій, при которыхъ оно могло образоваться. Дѣлая замѣчанія по указаннымъ двумъ примѣрамъ, мы ни на минуту не забывали помнить о трудностяхъ, какія встрѣчались автору на пути, по которому онъ повелъ свое изслѣдованіе важнѣйшихъ исагогическихъ проблемъ; можно считать достаточнымъ сдѣланное въ этомъ отношеніи авторомъ, возвысившимся, благодаря своей эрудиціи, до созданія собственныхъ теорій и гипотезъ.

c) *Къ Св. Писанію и историческому церковному преданію.* Для рѣшенія вопросовъ полемическихъ, исагогическихъ и особенно экзегетическихъ, касающихся посланія къ Ефесянамъ, Св. Писаніе и историческое церковное преданіе

служатъ главнѣйшимъ источникомъ, изъ котораго почерпаются необходимый матеріалъ и доказательства, и критеріемъ для испытанія теорій западныхъ комментаторовъ отрицательнаго и положительнаго направленій. Множество вопросовъ, разсматриваемыхъ проф. Богдашевскимъ, требовало отъ него обширнаго знанія Св. Писаній. Такое знаніе и обнаружено имъ въ многочисленныхъ трактаціяхъ, въ которыхъ онъ изъясняетъ значеніе словъ изъ ихъ употребленія въ Св. Писаніи, опредѣляетъ понятія, ими (словами) обозначаемыя, опровергаетъ параллели, изъ разныхъ мѣстъ апостольскихъ писаній составленныя западными критиками, отрицающими подлинность посланія къ Ефесянамъ и доказывающими компилятивность его, поясняетъ догматическое и нравственное ученіе ап. Павла. Трактаціи этого рода составляютъ лучшую, наиболѣе твердую по своимъ выводамъ и наиболѣе полезную для русскихъ богослововъ часть сочиненія проф. Богдашевскаго. Могущія возникнуть возраженія противъ нѣкоторыхъ истолкованій мѣстъ Св. Писанія не могутъ вообще поколебать научное значеніе этого элемента разсматриваемаго сочиненія.

Столь же высокое научное значеніе имѣютъ аргументаціи многихъ тезисовъ автора, *построенныя на церковно-историческомъ преданіи*. Подъ симъ преданіемъ онъ разумѣетъ всегда живущее въ Церкви знаніе апостольскаго происхожденія посланія къ Ефесянамъ и творенія церковныхъ отцовъ—носителей церковнаго преданія, церковнаго разумѣнія и истолкованія его. Отцы и учители Церкви были для проф. Богдашевскаго, по его собственнымъ словамъ, всегдашними руководителями и „при внимательномъ изученіи обширной западной литературы" и „въ рѣшеніи труднѣйшихъ исагогическихъ и экзегетическихъ вопросовъ". Благодаря такому отношенію къ церковному преданію, его хранителямъ и истолкователямъ, авторъ желалъ сохранить и дѣйствительно сохранилъ „строго научную положительную точку зрѣнія, оправдываемую" этимъ преданіемъ (стр. II), достигъ выдающагося успѣха въ оцѣнкѣ

теорій западныхъ экзегетовъ; примѣры удачнаго употребленія въ ней свидѣтельствъ древнихъ церковныхъ писателей можно видѣть на стр. 43—67, 127—139 и во многихъ другихъ мѣстахъ. Столь же успѣшно авторъ пользуется сочиненіями церковныхъ писателей въ изъясненіи посланія къ Ефесянамъ, въ провѣркѣ текста и въ критикѣ варіантовъ его. Несомнѣнно также и то, что въ историческомъ церковномъ преданіи авторъ получилъ воздѣйствіе къ созданію нѣкоторыхъ собственныхъ замѣчательныхъ воззрѣній и наиболѣе удачныхъ объясненій многихъ мѣстъ посланія къ Ефесянамъ. Можно только выразить сожалѣніе, что авторъ использовалъ сравнительно назначительное количество твореній древнихъ церковныхъ отцовъ; онъ привлекъ къ своей работѣ сочиненія мужей апостольскихъ, писателей 3-го вѣка; у отцовъ 4-го вѣка взято немногое и какъ бы случайно, только толкованія I. Златоуста и бл. Θеодорита на посланіе къ Ефесянамъ использованы въ надлежащей мѣрѣ. А между тѣмъ въ твореніяхъ древнихъ церковныхъ писателей встрѣчаются и мѣста изъ посланія къ Ефесянамъ и объясненіе ихъ, могшія оказать существенное вліяніе на содержаніе предложеннаго проф. Богдашевскимъ толкованія посланія къ Ефесянамъ. Приведемъ примѣръ; на стр. 501 и 502 авторъ даетъ довольно неопредѣленное, сопровождаемое даже полемикою съ западными экзегетами, объясненіе слова πρᾳότης. Вмѣсто всего, сказаннаго по этому поводу, можно было воспользоваться слѣдующимъ замѣчаніемъ Григорія Богослова: „Спокойствіе въ отношеніи къ оскорбленію есть негнѣвливость (ἀοργησία), которую у древнихъ называли кротостію (πραότης). Здѣсь даны краткое, но точное опредѣленіе πρᾳότης и указаніе, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ объяснять это слово. Это свидѣтельство древняго ученаго мужа можно было бы предпочесть сомнительнымъ разсужденіямъ Элликота и Тренча. Впрочемъ, слѣдуетъ усматривать не малую заслугу автора уже и въ томъ, что проф. Богдашевскій выяснилъ руководственное значеніе историческаго церковнаго преданія въ экзегетикѣ, извлекъ изъ этой обшир-

нѣйшей области потребный, *по его мнѣнію*, матеріалъ и съ успѣхомъ использовалъ его.

d) *Къ изъясненію (экзегесису) посланія къ Ефесянамъ.* Выраженные авторомъ въ предисловіи взгляды на методъ и задачу истолкованія названнаго посланія нуждаются въ поясненіяхъ, безъ которыхъ высокія качества экзегетической части сочиненія проф. Богдашевскаго могутъ и не выступать въ надлежащемъ свѣтѣ. „Экзегесисъ, говоритъ авторъ, долженъ утверждаться главнымъ образомъ на филологіи, носить вездѣ критическій характеръ, отличаться возможною краткостію" и простираться „на каждое апостольское реченіе" (стр. I); задача его полагается въ обращеніи „особеннаго вниманія на изслѣдованіе текста посланія, критическое освѣщеніе разныхъ его варіантовъ" (II). Въ приведенныхъ словахъ не находимъ ни точнаго указанія на методъ экзегесиса, ни полнаго опредѣленія задачи его; но то и другое можетъ быть найдено краткимъ поясненіемъ вышеприведенныхъ сужденій автора и обозначеніемъ признаковъ экзегесиса, предложеннаго въ разсматриваемой книгѣ. Изъясненіе каждой свящ. книги опирается, соотвѣтственно содержанію ея, на многія отрасли знанія—на исторію, археологію, филологію, философію, богословіе и т. д.; посланіе къ Ефесянамъ ни въ какомъ случаѣ не составляетъ исключенія; слѣдовательно, мнѣніе проф. Богдашевскаго, что *экзегесисъ долженъ утверждаться главнымъ образомъ на филологіи*, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что онъ, авторъ, *главнымъ образомъ утверждаетъ* свое толкованіе посланія на одной опорѣ—филологіи,—что дѣйствительно и наблюдается въ его изъясненіи посланія къ Ефесянамъ. Противъ слишкомъ широкаго примѣненія этой опоры экзегесиса не возражаемъ, такъ какъ каждый авторъ воленъ разсматривать предметъ своего сочиненія съ угодной ему точки зрѣнія. Подъ филологическою же основою своего экзегесиса авторъ разумѣетъ главнымъ образомъ *грамматическій способъ* (методъ) истолкованія посланія. Признаки его, проявившіеся въ сочиненіи проф. Богдашев-

скаго: взявъ извѣстный стихъ посланія, авторъ выясняетъ грамматическую и логическую связь его съ предыдущими и послѣдующими стихами, отмѣчаетъ соподчиненность предложеній, указываетъ подлежащія и сказуемыя; зависимость и значеніе падежей именъ существительныхъ и прилагательныхъ, разъясняетъ смыслъ и употребленіе предлоговъ, нарѣчій и другихъ частицъ. При этомъ авторъ ведетъ полемику съ западными экзегетами, которые, по его мнѣнію, не всегда правильно изъясняютъ грамматически слова посланія; къ этой полемикѣ и относится, по видимому, замѣчаніе автора, что экзегесисъ долженъ „носить вездѣ критическій характеръ“, потому что критика, могущая сопровождаться не только положительными, но и отрицательными результатами, не примѣнима къ изъясненію ученія ап. Павла. Сущность употребленія этого метода состоитъ въ подведеніи реченій апостольскихъ подъ общеизвѣстныя грамматическія правила; отсюда происходитъ то, что экзегесисъ посланія къ Ефесянамъ заключаетъ въ себѣ рядъ повторныхъ курсовъ грамматики. Методъ грамматическій имѣетъ большое значеніе для экзегета: онъ способствуетъ точному уразумѣнію смысла изъясняемой книги и подготовляетъ почву для экзегесиса въ собственномъ смыслѣ. Этими выгодами грамматическаго метода въ полной мѣрѣ воспользовался проф. Богдашевскій; его изъясненіе посланія къ Ефесянамъ отличается правильнымъ пониманіемъ апостольскаго ученія и точнымъ изложеніемъ его; неумѣренное же примѣненіе этого метода можетъ быть оправдываемо господствомъ его въ западной экзегетикѣ, съ которою авторъ не могъ не считаться.

Въ тѣсной связи съ грамматическимъ методомъ изъясненія посланія къ Ефесянамъ стоитъ указаніе автора на то, что главнѣйшую задачу при изъясненіи посланія онъ полагалъ въ изслѣдованіи текста посланія, въ критическомъ освѣщеніи варіантовъ его, ибо грамматическій разборъ и критическое освѣщеніе текста посланія—работы родственныя между собою. Вполнѣ соглашаемся съ авторомъ, что это—задача трудная и даже очень

трудная; она выполнена имъ съ великимъ прилежаніемъ, а самое выполненіе ея представляетъ собою цѣнный элементъ экзегетической части его сочиненія. Но несомнѣнно то, что расширеніе этой задачи въ связи съ увлеченіемъ грамматическимъ разборомъ и полемикою съ западными грамматистами—экзегетами могло быть произведено на счетъ умаленія другой, болѣе высокой, задачи всякаго экзегесиса—изъясненія апостольскаго ученія. Сочиненія, изслѣдующія книги Св. Писанія, бываютъ разныхъ родовъ, смотря по тому, какая сторона св. книги изучается; здѣсь достаточно вспомнить о работахъ библейско-филологическихъ и экзегетическихъ. Первыя изслѣдуютъ внѣшнюю сторону св. книги—ея текстъ, а вторыя внутреннюю—ея ученіе. Изслѣдованія обоихъ видовъ могутъ такъ близко соприкасаться между собою, что матеріалъ и методъ одного вида изслѣдованія можетъ по указанію нужды, входить въ другой, занимая здѣсь подчиненное положеніе. Такое именно положеніе въ экзегетической части сочиненія профессора Богдашевскаго должно было занимать то, что онъ называетъ филологіей, долженствующей, по вѣрному замѣчанію его, служить опорою для экзегесиса, но ему не удалось установить правильно соотношеніе между экзегесисомъ и одною изъ его опоръ—филологіей: грамматическія экзерциціи и безпрестанныя полемическія схватки изъ-за нихъ вели къ оттѣсненію изъясненія апостольскаго ученія на задній планъ. Теперь становится понятнымъ изобрѣтенное авторомъ экзегетическое правило: „*экзегесисъ долженъ отличаться возможною краткостію*“. Это правило невѣрно въ самой сущности своей; ибо мѣрою изъясненія служитъ не краткость или обширность его, а степень устраненія темноты подлежащаго изъясненію выраженія; есть въ посланіи мѣста, не нуждающіяся въ объясненіи; для другихъ потребно только краткое поясненіе, а для третьихъ—обширное. Поясимъ это примѣрами изъ книги проф. Богдашевскаго; на стр. 308 (въ текстѣ и въ примѣчаніи), 412, 413 и 414 онъ объясняетъ значеніе διὰ τοῦτο, καί, ὅτι. Данныя здѣсь объясненія,

не смотря на малое, занимаемое ими мѣсто, признаемъ весьма обширными, потому что читателя, для которыхъ назначается книга, совсѣмъ не нуждаются въ нихъ. Помѣщенное на 370 стр. объясненіе χρηστότης должно считать очень краткимъ, такъ какъ въ немъ не опредѣлено даже понятіе, симъ словомъ обозначаемое; здѣсь же авторъ заявляетъ, что на раскрытіи основныхъ понятій богословія св. Павла (вѣра и дѣла, благодать и законъ) нѣтъ никакой возможности останавливаться: въ данномъ случаѣ нужно бы дать обширное объясненіе, а авторъ отрекается даже отъ краткаго объясненія; встрѣчаются страницы, на которыхъ вмѣсто экзегесиса предлагается краткій пересказъ содержанія стиховъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ заявить, что авторъ не оказался точнымъ исполнителемъ своего экзегетическаго правила: уже въ экзегесисѣ догматической части посланія встрѣчаемъ подробныя объясненія апостольскаго ученія, а въ истолкованіи нравоучительной части экзегесисъ вступаетъ въ свои полныя права, а филологіи отводится подобающее ей мѣсто; въ общемъ же получается то, что предложенное проф. Богдашевскимъ истолкованіе посланія къ Ефесянамъ не теряетъ существенныхъ признаковъ экзегетическаго изслѣдованія, нигдѣ не переходитъ ни въ догматическій или нравоучительный трактатъ преимущественно, ни въ филологическую работу исключительно, и обладаетъ качествами цѣннаго экзегетическаго труда. Находящееся въ экзегетической части сочиненія изслѣдованіе текста посланія и критическое обозрѣніе варіантовъ его имѣютъ весьма важное значеніе не только для экзегетики, но и для другихъ богословскихъ наукъ; пріятную и вмѣстѣ полную научнаго интереса новинку представляетъ привлеченіе славенскихъ переводовъ къ изученію текста посланія и освѣщенія его варіантовъ. Это—работа кропотливая, тяжелая, но въ тоже время въ высшей степени полезная; авторъ показалъ въ ней хорошій примѣръ русскимъ изслѣдователямъ Св. Писанія.

Изъ всего сказаннаго о сочиненіи проф. Д. Богдашевскаго слѣдуетъ, что оно по всесторонности изслѣдованія посланія къ Ефесянамъ, по обильной эрудиціи, обнаруженной въ немъ авторомъ, обстоятельному рѣшенію исагогическихъ и экзегетическихъ вопросовъ въ строго церковномъ традиціонномъ духѣ, критическому обозрѣнію текста посланія и его варіантовъ представляетъ собою трудъ высокой научно-богословской цѣнности, вполнѣ соотвѣтствующей цѣли, для достиженія которой онъ составленъ".

Постановили: Сочиненіе экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи, магистра богословія Димитрія Богдашевскаго, подъ заглавіемъ „Посланіе святаго Апостола Павла къ Ефесянамъ" (Кіевъ, 1904), согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени доктора богословія и просить ходатайства Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Флавіана предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи профессора Димитрія Богдашевскаго въ степени доктора богословія, на основаніи § 142 и 81 в. 6 Уст. дух. акад.

IV. Отзывы экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ въ августѣ текущаго года испытанія воспитанникамъ, явившимся для поступленія въ число студентовъ I курса Академіи:

а) Комиссіи, разсматривавшей сочиненіе богословскаго содержанія: „Сочиненіе богословскаго содержанія поступающіе въ Академію студенты писали на тему: „осуществима ли теперь въ жизни христіанская идея единства при наличности крайняго индивидуализма и націонализма". Почти всѣ писавшіе дали удовлетворительный отвѣтъ на предложенный вопросъ, указавъ на возможность дѣйствительнаго осуществленія начала единства жизни во вселенской Церкви. Существеннымъ недостаткомъ сочиненій, за очень немногими исключеніями, надо признать непониманіе писавшими термина „индивидуализмъ", когда

послѣдній опредѣляется ими какъ чисто животный эгоизмъ. Благодаря этому самая картина современной жизни, въ изображеніи писавшихъ сочиненіе, не представляетъ ничего дѣйствительно характернаго для нашего времени, а высказываются только общія положенія о грѣховности и пагубности эгоизма вообще. Но если отрѣшиться отъ этого недостатка въ содержаніи сочиненій, то послѣднія производятъ пріятное впечатлѣніе, отличаясь послѣдовательностію въ теченіи и развитіи мыслей, равно какъ вполнѣ удовлетворительною внѣшнею стороною ихъ выраженія. Сочиненій вовсе неудачныхъ почти нѣтъ, какъ нѣтъ, впрочемъ, и особо выдающихся. Въ средней оцѣнкѣ, однако, сочиненія можно признать болѣе чѣмъ удовлетворительными".

б) Комиссіи, разсматривавшей сочиненіе философскаго содержанія: „Для философскаго сочиненія явившимся въ августѣ 1904 года для поступленія въ число студентовъ Академіи воспитанникамъ предложена была слѣдующая тема: „Если философія есть исканіе истины, тогда какъ христіанинъ обладаетъ истиною, то можетъ ли философія имѣть какое либо значеніе для христіанина?" Отвѣчая на вопросъ темы, конечно, утвердительно, экзаменовавшіеся развивали общія мысли о томъ, что философія старается уяснить истину, доказать достовѣрность ея, защитить ее отъ нападеній; очень немногіе съумѣли придать кое-какую свѣжесть своимъ сужденіямъ и мыслямъ. Оттого всѣ сочиненія по набору мыслей, по плану и даже по изложенію ихъ оказались по существу очень сходными между собою,— конечно потому, что матеріалъ для своихъ экспромптныхъ сочиненій воспитанники черпали главнымъ образомъ изъ семинарскихъ руководствъ по философіи, сравнительно мало присоединяя къ этому что либо изъ читаннаго на сторонѣ. Въ общемъ сочиненія обнаружили способность экзаменовавшихся разбираться въ имѣющемся у нихъ запасѣ свѣдѣній и излагать свои мысли правильнымъ языкомъ; погрѣшностей противъ граммати-

ки замѣчено сравнительно немного. Лучшія сочиненія представлены казенными воспитанниками Кишиневской, Симбирской, Уфимской, Литовской и однимъ изъ волонтеровъ Харьковской семинаріи".

в) Комиссіи, разсматривавшей поученіе: „Всѣхъ, писавшихъ поученія, было 50 человѣкъ, изъ коихъ 44 русскихъ воспитанника духовныхъ семинарій, 1 русскій студентъ Юрьевскаго университета изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, 1 студентъ Варшавскаго ветеринарнаго института также изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, 3 діакона—сирійца и 1 румынъ. Темою для поученія былъ предложенъ евангельскій текстъ: „услышати имате брани и слышанія бранемъ. Зрите, не ужасайтеся" (Мѳ. XXIV, 6). Въ общемъ писавшіе представили удовлетворительный опытъ поученія на данный текстъ. Большинство правильно истолковало текстъ и удачно примѣнило объясненіе его къ современному событію—русско-японской войнѣ. Поученія нѣкоторыхъ изъ писавшихъ замѣтно выдѣляются изъ среды другихъ особенною назидательностію содержанія и живостію и плавностію изложенія.—Въ качествѣ выдающихся недостатковъ прочитанныхъ комиссіею поученій могутъ быть отмѣчены слѣдующіе: отвлеченность, сухость и схоластичность, показывающія въ писавшихъ недостаточное умѣніе и слабый навыкъ составлять такой родъ духовныхъ произведеній, какъ церковная проповѣдь. Поученія нѣкоторыхъ представляютъ скорѣе экзегетическіе опыты на данный текстъ или отвлеченныя школьныя разсужденія о разныхъ предметахъ, напр., о необходимости войны, о неестественности и незаконности войны, о причинахъ и слѣдствіяхъ войны, или же, наконецъ, сухія хріи, составленныя по всѣмъ правиламъ схоластики, на тему о грѣхѣ, о происхожденіи зла, о причинѣ бѣдствій, о перенесеніи скорбей, чѣмъ церковное поученіе. О таковомъ же недостаткѣ умѣнья и навыка составлять проповѣди свидѣтельствуетъ, по мнѣнію комиссіи, особенная склонность нѣкоторыхъ изъ пи-

савшихъ къ употребленію иностранныхъ словъ и ссылкамъ на свѣтскихъ писателей въ родѣ Бокля".

г) Комиссіи, производившей испытаніе по священному писанію ветхаго завѣта: „явившіеся къ пріемнымъ испытаніямъ для составленія новаго (LXI) академическаго курса студенты семинарій обнаружили въ общемъ достаточное знакомство съ курсомъ Ветхаго Завѣта по программѣ духовныхъ семинарій. На всѣ вопросы программы, главные и второстепенные, общіе и частные, комиссіею были получаемы обычно удовлетворительные, часто и болѣе чѣмъ удовлетворительные отвѣты. Существующія и употребительныя въ семинаріяхъ учебныя роководства и пособія при чтенія св. книгъ Ветхаго Завѣта, видимо, изучены и усвоены всѣми должнымъ образомъ. Не столь часто приходилось наблюдать у экзаменующихся точное и отчетливое знаніе самаго текста библейскихъ книгъ. Невозможность прочитывать полностью библейскія книги въ классномъ изученія ихъ, повидимому, не всегда восполнялась домашнимъ чтеніемъ опускаемыхъ программою и класснымъ изученіемъ отдѣловъ библейскихъ. Не всегда также умѣли экзаменующіеся сдѣлать сопоставленіе славянскаго и русскаго переводовъ того или другого библейскаго текста. Вслѣдствіе всего этого, не всегда точно и опредѣленно указывалась своеобразная или, такъ сказать, индивидуальная сущность содержанія той или иной библейской, особенно пророческой, книги; не всегда удачно опредѣлялось идейное (а частію даже и внѣшне-хронологическое) соотношеніе отдѣльныхъ священныхъ книгъ. За всѣмъ тѣмъ, существеннѣйшая часть содержанія ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ—мессіанскія прообразованія и пророчества оказывались достаточно извѣстными всѣмъ, и при томъ какъ въ отдѣльныхъ моментахъ, такъ и въ цѣломъ составѣ ветхозавѣтной мессіологіи. Замѣтную особенность настоящаго испытанія по Ветхому Завѣту образуетъ, наконецъ, характерная равность отвѣтовъ, по ихъ относительному достоинству безъ значитель-

ныхъ колебаній въ ту или иную сторону. Въ общемъ отвѣтовъ хорошихъ значительно больше чѣмъ отвѣтовъ средняго достоинства. Слабыхъ отвѣта дано было лишь два: волонтеромъ изъ румынъ и волонтеромъ же студентомъ Ставропольской семинаріи и Юрьевскаго университета".

д) Комиссіи, производившей испытаніе по священному писанію новаго завѣта: „Изъ 49 воспитанниковъ, подвергавшихся испытанію, большинство дало отвѣтъ удовлетворительный, а нѣкоторые обнаружили даже очень хорошее знаніе новозавѣтнаго текста. Какъ и въ прежніе, впрочемъ, годы замѣчалось часто слабое изъясненіе Писанія, даже классическихъ его мѣстъ: многіе ограничивались несовершеннымъ перифразомъ текста, а иногда просто только чтеніемъ его. Не ясно излагалось эсхатологическое ученіе ап Павла, равно ученіе его о законѣ, о предопредѣленіи, о судьбѣ Израиля. Обнаружено нѣкоторыми слабое знаніе кн. Дѣяній Апостольскихъ, особенно рѣчей ап. Петра, путешествій ап. Павла. Встрѣчались отвѣты, гдѣ воспитанникъ больше, видно, изучилъ учебникъ, нежели текстъ Писанія,—напр. очень хорошо говорилъ о лжеучителяхъ, обличаемыхъ въ посланіи къ Колоссянамъ, но не могъ указать ни одного почти мѣста, гдѣ находится это обличеніе, или хорошо разъяснялъ поводъ къ написанію второго посланія къ Коринѳянамъ, но не обнаружилъ знакомства даже съ первою главою этого посланія, а отъ изложенія третьей главы посланія совершенно отказался. Въ указаніи разностей евангельскихъ повѣствованій и примиренія этихъ разностей замѣчались не одинъ разъ отвѣты спутанные; допускались иногда крупныя ошибки въ церковной географіи, напр., не различали Антіохіи Сирійской отъ Антіохіи Писидійской.—Лучшіе отвѣты дали студенты семинарій: Харьковской, Холмской, Кишиневской, худшіе—Архангельской, Ставропольской, Воронежской".

е) Комиссіи, экзаменовавшей по догматическому богословію: „Комиссія, производившая пріемное испытаніе по предмету

догматическаго богословія, долгъ имѣетъ донести Совѣту Академія:

1) Къ испытанію явились 49 человѣкъ. Изъ нихъ пятеро дали отвѣты весьма хорошіе (5, 5—), двадцать три—очень хорошіе (4+, 4, 4—), остальные—удовлетворительные (3+, 3, 3—). Перевѣсъ въ сторону лучшихъ отвѣтовъ и отсутствіе отвѣтовъ неудовлетворительныхъ даютъ комиссіи основаніе къ заключенію, что преподаваніе догматическаго богословія въ семинаріяхъ стоитъ на совершенно удовлетворительномъ уровнѣ.

2) Въ лучшихъ отвѣтахъ комиссіей усмотрѣны твердое и совершенно осмысленное знаніе семинарскаго учебника по догматическому богословію, вполнѣ достаточное знакомство съ вѣроисповѣдными разностями и здравое богословское мышленіе.

3) Лучшіе отвѣты получены отъ воспитанниковъ, присланныхъ на казенный счетъ (изъ 28 высшихъ балловъ 15 приходится на долю назначенныхъ воспитанниковъ, числомъ двадцать). Высшій баллъ (5) получили воспитанники семинарій: Кишиневской, Оренбургской, Таврической, Тамбовской и Харьковской".

ж) Комиссіи, производившей испытаніе по всеобщей церковной исторіи: „По общей церковной исторіи всѣ воспитанники на пріемномъ экзаменѣ въ августѣ 1904 года отвѣчали болѣе или менѣе удовлетворительно. Большая часть экзаменующихся въ своихъ отвѣтахъ не выходила изъ предѣловъ семинарскаго учебника, но иные обнаруживали и болѣе обширныя свѣдѣнія, полученныя изъ другихъ источниковъ. Сравнительно лучшими были отвѣты воспитанниковъ, присланныхъ на казенный счетъ. Высшіе баллы получили воспитанники семинарій: Вологодской, Донской, Кіевской, Курской, Новгородской, Таврической, Тамбовской, Тульской, Харьковской и Холмской; низшіе—воспитанники Подольской, Оренбургской и Кіевской семинарій".

3) Комиссіи, экзаменовавшей по древнимъ языкамъ: „Комиссія, производившая пріемныя испытанія по древнимъ языкамъ, долгъ имѣетъ донести Совѣту Академіи о результатахъ сихъ испытаній:

α) *по греческому языку*. Изъ 27 воспитанниковъ семинарій, державшихъ экзамены по греческому языку, 16 студентовъ оказали отличные и очень хорошіе успѣхи, а 11—удовлетворительные. Недостатки, обнаруженные экзаменовавшимися, заключаются въ нетвердомъ знаніи глаголовъ второго спряженія (на μι) и такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ, соотносительныхъ мѣстоимѣній и нарѣчій, энклитическихъ частицъ, употребленія предлоговъ, въ смѣшеніи словъ, видимо сходныхъ въ произношеніи (напр. κοινός и καινός, χρηστός и χριστός и под.). Лучше другихъ отвѣчали воспитанники семинарій—Холмской (двое получили по 5), Подольской, Таврической, Симбирской и Тамбовской. Слабѣе другихъ отвѣчали волонтеры семинарій Оренбургской и Новгородской.

β) *по латинскому языку*. Повѣрочному испытанію по латинскому языку подвергались 19 воспитаниковъ духовныхъ семинарій. Познанія по латинскому языку большинства экзаменовавшихся оказались вполнѣ удовлетворительными. Болѣе или менѣе удовлетворительными оказались познанія и прочихъ изъ экзаменовавшихся воспитанниковъ семинарій. Всѣ они обнаружили въ достаточной степени знакомство съ строемъ латинской рѣчи и навыкъ къ пониманію смысла въ предлагавшихся имъ для перевода съ латинскаго языка на русскій и для грамматическаго разбора отрывкахъ изъ переводимыхъ въ духовныхъ семинаріяхъ произведеній Цицерона и Лактанція. Но въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ изъ экзаменовавшихся было замѣчено нетвердое знаніе латинской грамматики, незнаніе значенія многихъ изъ весьма употребительныхъ латинскихъ словъ, сходныхъ по произношенію или по начертанію, недостаточное вниканіе въ грамматическій строй и мысль переводимыхъ мѣстъ,

отсутствіе навыка къ точному переводу и незнакомство съ жизнію и литературною дѣятельностію тѣхъ писателей, произведенія которыхъ читаются въ духовныхъ семинаріяхъ. Наиболѣе удовлетворительные отвѣты принадлежатъ воспитанникамъ семинарій: Курской, Тамбовской, Тульской (одному изъ волонтеровъ), Холмской (волонтеру), Вологодской и Ставропольской".

Постановили: Копіи отзывовъ приложить къ представленію въ Святѣйшій Синодъ о послѣдствіяхъ пріемныхъ испытаній въ Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 октября 1904 г. Согласенъ".

1904 года 13 декабря.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ экстраординарныхъ профессоровъ—М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, и Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по домашнимъ обстоятельствамъ, экстраординарныхъ, профессоровъ—Н. Маккавейскаго, находящагося въ отпускѣ, и священника Ѳ. Титова, не бывшаго по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающагося его дѣла.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 7 ноября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 4 ноября 1904 года за № 11023: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 октября сего года

за № 1865, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи Преосвященнаго Псковскаго Арсенія въ степени доктора церковной исторіи за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви". Приказали: Магистра богословія, Преосвященнаго Арсенія, Епископа Псковскаго, удостоеннаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи за вышеозначенное сочиненіе степени доктора церковной исторіи, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Изготовить для Преосвященнаго Арсенія дипломъ на степень церковной исторіи и по изготовленіи препроводить по назначенію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 14 ноября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 ноября 1904 года за № 11166: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 30 сентября сего года за № 1841, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, кандидата богословія Павла Красина въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Государственный культъ Израильскаго (десятиколѣннаго) царства" и 2) отзывъ о названномъ сочиненіи Преосвященнаго Финляндскаго отъ 27 минувшаго октября за № 953. Приказали: Помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, кандидата богословія Павла Красина, удостоеннаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи за вышеназванное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго

Финляндскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 16 ноября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 15 ноября 1904 года за № 11469: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 минувшаго октября за № 1864, объ утвержденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ Кіевской Духовной Академіи. Приказали: Избранныхъ Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи въ званіи почетныхъ членовъ сей Академіи Преосвященныхъ Іакова, Архіепископа Ярославскаго, и Николая, Епископа Таврическаго, настоятеля русской посольской церкви въ Берлинѣ, протоіерея Алексѣя Мальцева и бывшаго экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи Өеодора Орнатскаго утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, въ означенномъ званіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ."

Постановили: Изготовить для поименованныхъ въ синодальномъ указѣ лицъ дипломы на званіе почетнаго члена Академіи и по изготовленіи препроводить по назначенію.

IV. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 20 нобря сего года за № 2259: „Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи, что экстраординарный профессоръ Кіевской Академіи М. А. Олесницкій 9-го сего ноября Совѣтомъ С.-Петербургской Духовной Академіи удостоенъ ученой степени доктора богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Изъ системы христіанскаго

нравоученія" и указомъ Св. Синода, отъ 17 сего ноября за № 11604 утвержденъ въ таковой степени, согласно представленію Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго".

Постановили: Объ утвержденіи заслуженнаго экстраординарнаго профессора Академіи Маркеллина Олесницкаго въ степени доктора богословія записать въ формулярный о службѣ его списокъ.

V. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 20 октября сего года за № 8146: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 14 октября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Корнилій Кекелидзе опредѣленъ на должность учителя географіи и ариѳметики въ Гомельское духовное училище".

б) отъ 28 октября сего года за № 8317: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 21 октября 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Ѳеодоръ Ковальскій опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Екатеринославскую духовную семинарію".

в) отъ 25 ноября сего года за № 9099: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 18 ноября 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидаты Кіевской Духовной Академіи: Корнилій Кекелидзе освобожденъ отъ даннаго ему 14 октября 1904 года назначенія въ Гомельское духовное училище и Василій Словачевскій опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Смоленскую духовную семинарію".

г) отъ 1 сего декабря за № 9280: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 25 ноября 1904 года до-

кладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Асадъ Якубъ Кассисъ опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Могилевскую духовную семинарію".

д) отъ 9 сего декабря за № 9524: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 3 декабря 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Михаилъ Бѣльскій, опредѣленный 16 августа 1904 года на должность учителя въ Ишимское духовное училище, освобожденъ, согласно прошенію, отъ даннаго ему назначенія."

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Отзывы о рукописномъ сочиненіи преподавателя Кіево-Подольскаго духовнаго училища, кандидата богословія Николая Гумилевскаго, подъ заглавіемъ: „Значеніе самосознанія для богопознанія", представленномъ для соисканія степени магистра богословія.

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Раскрывая сочиненіе г. Гумилевскаго, читатель вправѣ ожидать, что въ этомъ сочиненіи будетъ строгая, систематическая рѣчь именно о значеніи самосознанія для богопознанія; а начиная самое чтеніе перваго отдѣла сочиненія, читатель сейчасъ же замѣчаетъ, что авторъ готовится рѣшать поставленный темою вопросъ въ строгомъ философскомъ духѣ. И подготовка авторомъ своего читателя къ тому положительному рѣшенію вопроса, какое имѣется въ виду дать впослѣдствіи, очень широкая. Нить этихъ предварительныхъ разсужденій автора идетъ такимъ образомъ. Богопознаніе, по совершенно естествен-

ному разсужденію автора, отличается отъ познанія всѣхъ другихъ объектовъ не какимъ либо особеннымъ познавательнымъ процессомъ, совершающимся при этомъ, а единственно только своимъ содержаніемъ. И это даетъ поводъ автору, для опредѣленія постепеннаго хода богопознанія, предварительно разсмотрѣть общій процессъ познанія человѣческаго вообще. Работа эта занимаетъ у автора стр. 1—41 его сочиненія и состоитъ въ изложеніи ученія о познаніи представителей, съ одной стороны, эмпирическаго философскаго направленія, въ частности, между прочимъ, Локка, а съ другой стороны—философовъ направленія, такъ сказать, раціоналистическаго—изъ древнихъ Платона и Аристотеля, изъ новыхъ—Декарта, Спинозы, Лейбница, Лотце, Тейхмюллера. Разсмотрѣніе этихъ двухъ основныхъ философскихъ направленій въ рѣшеніи существенныхъ гносеологическихъ вопросовъ,—конечно естественное въ виду отсутствія въ гносеологіи положительнаго *общепризнаннаго* ученія о познаніи вообще,—отсутствія, значитъ, безспорнаго критерія, на которомъ можно было бы опереться при изслѣдованіи частныхъ видовъ познанія,—приводитъ автора къ заключенію, что источникомъ познанія служитъ сознаніе, а значитъ и источникомъ самопознанія служитъ самосознаніе,—что познаніе вообще есть активное усмотрѣніе душею съ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія взаимоотношеній между состояніями сознанія, подведеніе этихъ взаимоотношеній подъ категоріи. Установивъ такое понятіе о познаніи вообще, авторъ далѣе, на стр. 41—87, переходитъ къ частнѣйшему виду познанія—къ познанію Бога, излагая воззрѣнія на источники и на самый процессъ богопознанія эмпириковъ—Локка, Юма, затѣмъ—древняго представителя раціоналистической философіи—Аристотеля, далѣе—учителей христіанской церкви, въ частности св. Григорія Нисскаго и блаж. Августина, и наконецъ—новыхъ философовъ раціоналистическаго направленія—Декарта, Лейбница, Фихте, Шеллинга, Гегеля и проф. Несмѣлова, исходящихъ изъ того положенія, что Божественное Существо подобно нашей душѣ, и потому опи-

рающихся въ своемъ познаніи Бога на самопознанія, а слѣдовательно и на самосознаніи, какъ источникѣ его. Но такъ какъ это самосознаніе само по себѣ не можетъ еще привести насъ къ познанію Бога, какъ *дѣйствительно существующаго*, и можетъ давать основаніе нашей мысли только *признавать*, только *допускать* реальное существованіе высочайшаго Существа, то это обстоятельство возвращаетъ автора опять назадъ, опять къ познанію вообще, именно къ вопросу объ объективности познанія, который и рѣшается у него на стр. 87—139 путемъ обстоятельнаго критическаго разбора ученія о познаніи Канта. Разборъ этотъ приводитъ автора къ заключенію, что объективное познаніе вообще возможно, и что слѣдовательно мы не лишены возможности, при помощи нашего мышленія познать и Бога, если изъ какого либо источника получимъ доказательство или увѣренность въ Его реальномъ бытія. Руководясь этимъ положеніемъ, авторъ, на стр. 139—182, разбираетъ взгляды на богопознаніе представителей эмпирической и раціоналистической, а также идеалистической философіи и въ частности проф. Несмѣлова, послѣ чего приступаетъ къ своему, положительному рѣшенію указаннаго темой вопроса. Но здѣсь въ сочиненіи автора начинается довольно неожиданный съ логической стороны поворотъ: авторъ признаетъ самосознаніе недостаточнымъ для богопознанія и отыскиваетъ другой источникъ для послѣдняго, который бы неопровержимо свидѣтельствовалъ не только о самой природѣ Божественнаго Существа, но прежде всего о самомъ реальномъ бытіи Бога; источникъ этотъ онъ находитъ въ религіозномъ чувствѣ. Съ этой точки зрѣнія авторъ говоритъ объ обнаруженіяхъ религіознаго чувства въ языческихъ оргіяхъ, мистеріяхъ, въ языческомъ аскетизмѣ, о взглядѣ на него христіанскихъ мистиковъ, о религіозномъ чувствѣ у христіанскихъ подвижниковъ—аскетовъ и объ общемъ значеніи религіознаго чувства, какъ средства познанія Божества. Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ своего сочиненія (стр. 182—207) авторъ дѣлаетъ психологическій ана-

лизъ религіознаго чувства, разбираетъ различные взгляды на него и говоритъ о немъ, какъ существенномъ источникѣ и основномъ средствѣ познанія Божества. Послѣднія пять страницъ сочиненія, названныя авторомъ „послѣсловіемъ (вмѣсто предисловія)“, содержатъ въ себѣ общій планъ сочиненія.

Говоря о сочиненіи г. Гумилевскаго въ его цѣломъ, трудно отчетливо представить себѣ, какое именно рѣшеніе вопроса имѣлъ въ виду дать авторъ,—философское-ли, или обще-религіозное, или спеціально-христіанское, или разностороннее—на основаніи многихъ возможныхъ данныхъ. Повидимому, авторъ смотрѣлъ на свою тему, какъ на философскую, и пытался отвѣтить на нее философскимъ путемъ. За это говорятъ и большое обиліе въ сочиненіи философскаго матеріала, и широкая постановка рѣшенія авторомъ предварительныхъ философскихъ, гносеологическихъ вопросовъ, и такого рода, напр., замѣчанія автора: „неужели дѣйствительнаго достовѣрнаго познанія о Богѣ безъ сверхъестественнаго откровенія мы не имѣемъ?“ (стр. 147), или: „такое богопознаніе (ученіе о богопознаніи св. Григорія Нисскаго), какъ основанное на догматическихъ предпосылкахъ, философскаго значенія имѣть не можетъ“ (стр. 48), или: „такое познаніе Бога (ученіе о богопознаніи средневѣковыхъ схоластиковъ и позднѣйшихъ западныхъ богослововъ) на основаніи самосознанія философскаго значенія не имѣетъ“ (стр. 50) и проч. И послѣ этого рѣзкимъ для читателя поворотомъ являются слѣдующія замѣчанія автора: чисто философскія „познанія о душѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основывающееся на нихъ богопознаніе имѣютъ чисто формальный и отвлеченный характеръ и вслѣдствіе этого даютъ слишкомъ мало расширяющихъ умственный кругозоръ положительныхъ свѣдѣній относительно познаваемыхъ объектовъ“ (стр. 150), или: „такъ какъ само сознаніе въ тѣсномъ смыслѣ (подъ самосознаніемъ авторъ понимаетъ сознаніе себя опредѣленною личностію, единою и тожественною,—стр. 149, 150, 188, 193,—исключая изъ области самосознанія субъективныя душевныя чувствованія человѣ-

ка,—стр. 193) не даетъ основаній даже для признанія бытія Абсолютнаго Существа, ни для утвержденія Его духовности, то нужно изслѣдовать, есть-ли вообще такое основаніе въ нашей *душевной жизни*“ (стр. 151). И результатомъ этого изслѣдованія являются въ сочиненіи двѣ (четвертая и пятая) главы съ заглавіемъ: „недостаточность самосознанія для богопознанія и отысканіе другого источника для послѣдняго“ и „богопознаніе, основанное на религіозномъ чувствѣ“. Естественно ожидать, что здѣсь авторъ, отрѣшившись уже отъ чисто философскаго рѣшенія вопроса о богопознаніи, будетъ рѣшать его на основаніи человѣческаго обще-религіознаго чувства, авторъ такъ и говоритъ: „религіозное чувство“ (стр. 158); „мы разсмотримъ, какое значеніе имѣетъ религіозное чувство для богопознанія, а потомъ посредствомъ изслѣдованія содержанія этого чувства установилъ самое богопознаніе“ (стр. 159); „религіозное чувство можетъ и должно служить основаніемъ богопознанія“ (стр. 182); „увѣренность въ бытіи Божіемъ основывается не на самосознаніи, а на религіозномъ чувствѣ“ (стр. 189) и проч. Но когда дѣло доходитъ до самаго анализа религіознаго чувства, авторъ заявляетъ, что онъ „будетъ имѣть въ виду религіозное чувство въ его чистой и естественной формѣ, а не въ томъ искаженномъ и извращенномъ видѣ, въ какомъ оно проявляется въ нехристіанскихъ религіяхъ“ (стр. 185), и анализируетъ религіозное чувство на основаніи словъ Іисуса Христа, апостоловъ Павла и особенно Іоанна и на основаніи воззрѣній на него христіанскихъ подвижниковъ. Авторъ не обращаетъ вниманія на то, что религіозное чувство христіанское есть чувство человѣка искупленнаго и возрожденнаго и что смѣшивать это спеціальное религіозное чувство съ религіознымъ чувствомъ вообще никоимъ образомъ нельзя. У автора довольно далекій путь: самосознаніе, по его признанію, не можетъ привести насъ къ богопознанію,—и авторъ ищетъ другого источника—религіозное чувство; но и религіозное чувство вообще онъ не считаетъ достаточнымъ для приведенія насъ къ истинному позна-

нію о Богѣ и обращается къ спеціальному религіозному чувству—христіанскому. Какую же по существу службу сослужили автору прежде всего всѣ его философскія изысканія? При такомъ содержаніи, съ какимъ является сочиненіе г. Гумилевскаго въ его настоящемъ видѣ, строго-логическое соотвѣтствіе ему могла-бы имѣть нѣсколько иная тема, а не та, какою озаглавилъ свое сочиненіе авторъ: въ сочиненіи, правда, очень много сравнительно говорится о значеніи самосознанія для богопознанія, къ выясненію этого значенія направляются всѣ философскія изысканія автора о сознаніи и познаніи, объ объективности познанія и т. д., занимающія сравнительно очень широкое мѣсто въ сочиненіи; не исключается значеніе самосознанія и при религіозномъ чувствѣ, какъ источникѣ богопознанія. Но самое разысканіе авторомъ въ двухъ послѣднихъ главахъ самаго этого источника богопознанія переноситъ центръ изслѣдованія автора именно на этотъ вопросъ, и разсужденія автора въ этихъ главахъ о самосознаніи имѣютъ совершенно второстепенный характеръ, совершенно дополнительное значеніе. Далѣе, чисто-философскіе отдѣлы сочиненія автора представляютъ собою, безспорно, лучшія и цѣнныя части сочиненія, обнаруживающія въ авторѣ мыслителя, знакомаго съ философскими ученіями, излагающаго ихъ ясно и отчетливо, справляющагося легко съ труднѣйшими философскими понятіями; но и при той постановкѣ изслѣдованія, какую придалъ ему его авторъ, нельзя не замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ философскихъ отдѣловъ развиты въ сочиненіи сравнительно уже очень широко, такъ что эта, въ большинствѣ предуготовительная, работа автора значительно затѣняетъ собою самое рѣшеніе вопроса о богопознаніи. И самое распредѣленіе авторомъ своего матеріала по отдѣльнымъ главамъ или частямъ, а иногда и самый логическій распорядокъ сужденій автора сдѣланъ такъ, что легко можетъ вызвать противъ себя существенныя возраженія. Что касается частныхъ пунктовъ сочиненія, то и здѣсь можно найти предметы для замѣчаній. Авторъ, любящій вообще философскую мо-

тивировку, тѣмъ не менѣе иногда существенныя для его задачи положенія высказываетъ голословно. Нѣкоторые пункты сочиненія, при всѣхъ усиліяхъ автора, представлены недостаточно ясно. Можно указать совершенно излишнія мѣста въ сочиненіи. Нѣкоторыя свѣдѣнія авторъ почерпалъ только изъ вторыхъ рукъ. Эти частныя погрѣшности сочиненія можно было-бы еще не ставить въ особенную вину автору. Но отмѣченные выше существенные характерные недостатки, касающіеся всего сочиненія въ его цѣломъ, настолько ярко выдаются въ изслѣдованіи г. Гумилевскаго и настолько понижаютъ его научную цѣнность, что признать это сочиненіе достаточнымъ для *магистерской* степени я не нахожу возможности".

б) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Настоящее сочиненіе не имѣетъ ни предисловія, ни введенія, а поэтому, приступая къ ознакомленію съ нимъ, читатель предварительно не можетъ составить себѣ понятія ни о положеніи разсматриваемаго вопроса въ наукѣ, ни о той задачѣ, которую преслѣдовалъ авторъ.

Выходя изъ того положенія, что „ни одно гносеологическое изслѣдованіе не можетъ обойтись безъ предварительной установки основныхъ гносеологическихъ положеній, авторъ считаетъ необходимымъ рѣшенію вопроса о значеніи самосознанія для богопознанія предпослать разсмотрѣніе основныхъ принциповъ гносеологіи". Центральнымъ вопросомъ въ гносеологіи, какъ извѣстно, признается вопросъ объ источникахъ и происхожденіи знанія. Указавъ на два основныхъ направленія въ рѣшеніи этихъ вопросовъ—эмпиризмъ и раціонализмъ,—авторъ сначала излагаетъ основныя мысли родоначальника новаго эмпиризма Локка, а потомъ кратко останавливается на представителяхъ раціонализма, къ числу которыхъ относитъ Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Лотце и Тейхмюллера. Обзоръ мнѣній этихъ фило-

софовъ приводитъ его къ выводу, что „источникомъ познанія служитъ сознаніе“.—Къ тому же выводу приводитъ автора и „психологическій анализъ происхожденія познанія“. Анализъ этотъ начинается попыткой установить „различіе между познаніями и чувствованіями“. Различіе это опредѣляется такъ: чувствованія человѣкъ „испытываетъ, переживаетъ“, тогда какъ познанія онъ только имѣетъ“; другими словами: „чувствованія служатъ выраженіемъ душевной жизни, тогда какъ познанія— являются только результатомъ дѣятельности души“. Въ области чувствованій еще нѣтъ познанія; познаніе начинается только съ момента „усмотрѣнія душою отношеній между переживаемыми его чувствованіями, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. включая сюда и ощущенія“. „Сознаніе взаимоотношеній между чувствованіями и служитъ основой познанія. Однако это сознаніе, спѣшитъ оговориться авторъ, само по себѣ не есть еще познаніе“; оно слишкомъ непосредственно, ему недостаетъ ясности и отчетливости. „Для отчетливаго же сопоставленія и различенія элементовъ сознанія необходимо, чтобы душа опредѣлила принципы или пункты этого сопоставленія или различенія“. Такими принципами или „апріорными началами“ являются „понятія пространства и времени и категорія“, которыя авторъ перечисляетъ по Канту. Стараясь, далѣе, установить генезисъ развитія познавательныхъ способностей, авторъ утверждаетъ, что указанное усмотрѣніе душою взаимоотношеній между чувствованіями оставляетъ въ памяти извѣстный слѣдъ, который можетъ являться въ сознаніи независимо отъ вызвавшихъ его чувствованій. Накопленіе такихъ слѣдовъ образуетъ представленія, въ которыхъ, по выраженію автора, содержится „знаніе не о сущности чувствованія, которое не подлежитъ познанію, а объ отношеніяхъ его къ другимъ“ чувствованіямъ. А такъ какъ представленія составляютъ „первоначальный актъ познанія“, которымъ обусловливается вся дальнѣйшая познавательная дѣятельность и такъ какъ они, какъ сказано, составляются изъ объединенія слѣдовъ, являющихся результатомъ

усмотрѣнія душою взаимоотношеній между чувствованіями, или что то же—отдѣльными актами сознанія, то. слѣдовательно, заключаетъ авторъ, „источникомъ для всѣхъ познаній служитъ сознаніе", которое доставляетъ не только форму, но и матеріалъ для познанія.—Особую функцію въ дѣятельности сознанія составляетъ самосознаніе, которое „даетъ опредѣленный матеріалъ для познанія души" и поэтому имѣетъ существенное значеніе для богопознанія.

Таково содержаніе первой главы. Разсмотрѣнный здѣсь вопросъ, не смотря на его существенное значеніе въ развитіи темы, разработанъ авторомъ слабо и производитъ впечатлѣніе конспективнаго наброска, нуждающагося въ отдѣлкѣ даже съ внѣшней стороны. Особенно непріятно бросается въ глаза неустойчивость терминологіи и вытекающая отсюда неточность опредѣленій. Термины: душа, сознаніе, чувствованія, ощущенія — употребляются такъ, что невольно рождается сомнѣніе въ правильности соединяемыхъ съ ними авторомъ представленій. Зато вопросъ о непроходимости границы между познаніемъ и дѣйствительностью поставленъ авторомъ рѣзко и отчетливо, что потомъ, какъ увидимъ, поставитъ его въ непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою.

Разсмотрѣвъ въ первой главѣ вопросъ о сознаніи и самопознаніи вообще, во второй главѣ авторъ говоритъ объ основанномъ на самосознаніи богопознаніи. Вопросъ этотъ разсматривается путемъ анализа мнѣній Локка, Юма, Аристотеля, св. Григорія Нисскаго, блаж. Августина, Декарта, Лейбница, нѣмецкихъ идеалистовъ школы Канта, т. е. Фихте Старшаго, Шеллинга и Гегеля, и, наконецъ, проф. Несмѣлова. Анализъ этихъ мнѣній сопровождается критическими замѣчаніями, въ общемъ довольно удачными. Обзоръ мнѣній названныхъ мыслителей приводитъ къ сознанію необходимости поставить и спеціально разсмотрѣть вопросъ „объ объективности познанія вообще", такъ какъ самосознаніе человѣческой личности, взятое само по себѣ, можетъ служить аналогіей лишь для опредѣле-

нія нѣкоторыхъ, и то болѣе формальныхъ, свойствъ и качествъ Божіихъ, но оно не даетъ основанія для признанія самаго факта бытія Божія, какъ объективной реальности. Вотъ почему въ III-й главѣ настоящаго сочиненія, путемъ анализа критической философіи Канта, разсматривается вопросъ объ объективности познанія вообще. Изложивъ въ сжатомъ видѣ соотвѣтствующія положенія гносеологіи Канта, авторъ сопровождаетъ ихъ дѣльными, въ существѣ своемъ конечно не новыми, критическими замѣчаніями, въ которыхъ доказываетъ, что если наше мышленіе и не даетъ намъ знанія о вещи въ самой себѣ, то оно несомнѣнно знакомитъ насъ съ тѣми взаимоотношеніями, въ какихъ стоятъ другъ къ другу познаваемые предметы и явленія. Въ этомъ именно смыслѣ возможно и познаніе Бога посредствомъ мышленія, но подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, если бытіе Божіе предварительно будетъ доказано, такъ какъ фактъ бытія Божія путемъ логическаго мышленія доказанъ быть не можетъ.—Къ отысканію такого пути и переходитъ авторъ въ IV главѣ, которая надписывается такъ: „Недостаточность самосознанія для богопознанія и отысканіе другого источника для послѣдняго". Какъ показываетъ эта надпись, настоящая глава дѣлится на двѣ половины. Въ началѣ дѣлается критическая оцѣнка изложенныхъ во II главѣ „понятій о Богѣ раціоналистовъ и идеалистовъ" примѣнительно къ установленнымъ въ III гл. гносеологическимъ даннымъ, при чемъ особое вниманіе оказывается Гегелю и проф. Несмѣлову. Постановка вопроса у этихъ философовъ признается неудовлетворительною. Болѣе раціональное рѣшеніе вопроса о бытіи Божіемъ авторъ находитъ у покойнаго проф. В. Д. Кудрявцева, который, какъ думаетъ авторъ, указалъ новый источникъ богопознанія, именно—внутреннее чувство или разумъ, но въ своихъ изслѣдованіяхъ этимъ источникомъ онъ не воспользовался и пригодности его для данной цѣли не доказалъ. Это обстоятельство заставляетъ нашего автора самого „отыскать въ сознаніи такой фактъ, который не только давалъ бы познаніе о Богѣ, но и могъ бы

служитъ основаніемъ для доказательства бытія Бога и Его духовности". Такой фактъ онъ находитъ въ *религіозномъ чувствѣ*. Для разъясненія и обоснованія этой мысли авторъ обращается къ религіозной мистикѣ, въ проявленіи которой отмѣчаетъ двѣ формы: ненормальную, вызываемую патологическими состояніями души, и истинно-христіанскую; первая встрѣчается по преимуществу въ религіяхъ языческихъ и у нѣкоторыхъ христіанскихъ сектантовъ; образцомъ второй служатъ такіе христіанскіе подвижники, какъ Іоаннъ Кассіанъ, Исаакъ Сиріанинъ, преп. Макарій Великій, Нилъ Сорскій. Анализомъ выдержекъ изъ сочиненій этихъ подвижниковъ авторъ старается доказать, что истинно-христіанское чувство существенно отличается отъ формъ его проявленія въ болѣзненномъ мистицизмѣ, и что, во вторыхъ, будучи слѣдствіемъ просвѣтлѣнія и возвышенія всѣхъ силъ и способностей души, оно не можетъ быть объяснимо патологическимъ состояніемъ послѣдней, а должно имѣть для себя объективную причину; такою причиною можетъ быть только самъ Богъ, непосредственно воздѣйствующій на душу человѣка.

Эта глава, какъ видно изъ ея содержанія, имѣетъ своею цѣлью дать положительное рѣшеніе разсматриваемой проблемы и, слѣдовательно, составляя самую цѣнную часть сочиненія, требуетъ къ себѣ особеннаго вниманія. Чтобы оцѣнить научное значеніе выдвинутой здѣсь точки зрѣнія, необходимо прежде всего вспомнить установленныя раньше положенія гносеологіи. Признавая единственнымъ орудіемъ понятія логическую мысль, и совершенно основательно утверждая, что послѣдняя орудуетъ не живыми предметами и явленіями, а отвлеченными отъ нихъ мертвыми логическими схемами, авторъ утверждаетъ, что наше познаніе по существу своему субъективно, что оно не можетъ дать знанія объективной дѣйствительности въ точномъ смыслѣ этого слова, потому что матеріаломъ для него служитъ сознаніе, т. е. не объективный міръ явленій, а лишь состоянія души, вызываемыя воздѣйствіемъ на нее этого міра. Самое большее,

чего мы можемъ ждать отъ познанія, это только установки аналогіи между результатами познанія и объективнымъ міромъ явленій. Что сказано объ объективномъ мірѣ вообще, то же слѣдуетъ сказать и о познаніи Бога, какъ объективной реальности, о которой мы можемъ судить лишь по аналогіи съ нашимъ личнымъ „я" и то подъ тѣмъ условіемъ, если предварительно будетъ доказано, что Богъ реально существуетъ. Выходя изъ такой чисто-раціоналистической гносеологіи и оставаясь послѣдовательнымъ, авторъ, въ сущности, долженъ былъ бы оставить подъ сомнѣніемъ и бытіе внѣшняго міра явленій; но, цѣною нѣкоторой логической передержки, онъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, усумнившись лишь въ бытіи Бога, какъ бы для того, чтобы потомъ дать свое рѣшеніе этого вопроса, ради чего, повидимому, и писалось настоящее сочиненіе. Рѣшаетъ онъ его, какъ сказано было, при помощи религіознаго чувства. Для читателя, понимающаго истинный смыслъ всего сказаннаго, такая постановка вопроса является полною неожиданностью. Дѣло въ томъ, что чувство, какъ бы мы его не называли—идеальнымъ, реальнымъ, религіознымъ— все равно оно никогда не теряетъ своего специфическаго характера, въ силу котораго оно является самымъ субъективнымъ явленіемъ человѣческой души и поэтому оно можетъ знакомить насъ съ ея внутреннимъ состояніемъ, но никоимъ образомъ не съ міромъ явленій, внѣ ея находящимся. Религіозное чувство, какъ и всякое другое, не можетъ быть признано познавательною способностью въ строгомъ смыслѣ уже по тому одному, что ему недостаетъ необходимаго для этого опредѣленнаго содержанія. Религіозное чувство, конечно, не можетъ быть названо совершенно безсодержательнымъ, но свое содержаніе оно получаетъ отъ вѣры. Но тутъ мы встрѣчаемся съ другимъ грубымъ промахомъ автора. Онъ категорически заявляетъ, что „вѣра не является источникомъ религіознаго чувства" (стр. 180), которое получаетъ свое содержаніе извнѣ независимо отъ вѣры. А если такъ, то что же такое вѣра и какое значеніе она

имѣетъ въ религіозной жизни человѣка? По опредѣленію автора, вѣра „есть непосредственное *согласіе* души съ извѣстной истиной и, какъ такое, необходимо нуждается въ реальномъ основаніи, а такимъ, очевидно, можетъ быть только религіозное чувство". Изъ дальнѣйшаго развитія мысли, особенно изъ увѣренія автора, что религіозное чувство, даже сопровождающееся молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, возможно и безъ вѣры въ Бога, показываетъ, что приведенное опредѣленіе вѣры (согласіе... съ истиной) нужно понимать такъ, что вѣра есть пассивное согласіе съ истиной, основанное на довѣріи къ внѣшнему авторитету. Итакъ, та самая сила души, которая, по апостолу, можетъ горы ворочать, по нашему автору, есть механическое преклоненіе предъ чужимъ авторитетомъ. Нѣтъ, вѣра не есть лишь *согласіе* съ истиной, потому что она не есть пассивная сила души: истинная вѣра есть устремленіе къ Богу всѣхъ силъ души, т. е. мыслей, воли и чувства, и въ этомъ смыслѣ она можетъ быть названа полнотою силъ духа. То раціоналистическое направленіе, которое умудрилось вѣру отдѣлить отъ дѣлъ, можетъ опредѣлять ее, какъ „согласіе" съ истиной; но разумная богословская мысль такое расчлененіе понятій можетъ допускать только діалектически, въ интересахъ формальнаго уясненія истины, а не въ жизненномъ фактѣ. Вѣра, какъ жизненный фактъ, есть активнѣйшая сила души и какъ таковая она является очень сложнымъ актомъ, совмѣщающимъ въ себѣ и мысль, указывающую предметъ вѣры—Бога и волю и чувство, направляющія къ Нему душу и согрѣвающія ее своею теплотою. Вѣра, какъ орудіе постиженія религіозныхъ истинъ, у христіанскихъ мистиковъ называется не чувствомъ, а *созерцаніемъ*, при чемъ актъ созерцанія они нерѣдко ставятъ въ параллель съ познаніемъ внѣшнихъ предметовъ въ актѣ непосредственнаго воспріятія посредствомъ органовъ чувствъ. Эта сторона гносеологіи христіанскихъ мистиковъ уже давно обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ нашихъ мыслителей и вызвала даже попытку реформировать просящуюся на покой ста-

рую гносеологію Канта. Соглашаясь съ тѣмъ, что логической мысли, орудующей мертвыми логическими схемами, доступны лишь законы природы, а не ея живая дѣйствительность или что тоже—вещь въ самой себѣ, наши реформаторы указали на то, что живая дѣйствительность постигается нами путемъ созерцанія въ актѣ непосредственнаго воспріятія посредствомъ органовъ чувствъ, которые и по химическому составу и по геометрическому строенію однородны съ міромъ явленій и поэтому сомнѣваться въ пригодности ихъ для данной цѣли нѣтъ разумнаго основанія. Легко понять, съ какимъ успѣхомъ эта точка зрѣнія можетъ быть примѣнима въ христіанской гносеологіи: вѣру, изъ слѣпого довѣрія къ внѣшнему авторитету, она превращаетъ въ живую разумную силу, имѣющую такое же познавательное значеніе въ области духа, какое созерцаніе посредствомъ органовъ чувства имѣетъ въ дѣлѣ познанія матеріальнаго міра явленій. Подобно тому какъ посредствомъ внѣшнихъ органовъ чувствъ мы воспринимаемъ живую дѣйствительность матеріальнаго міра явленій, такъ точно посредствомъ внутренняго воспріятія въ актѣ созерцанія мы постигаемъ живую дѣйствительность духовнаго міра явленій и на челѣ его Самого Бога. Эту точку зрѣнія со всею выпуклостію отмѣтилъ ап. Павелъ, когда засвидѣтельствовалъ, что къ признанію того, что Богъ есть, человѣкъ приходитъ вѣрою. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему, несмотря на всеобщность среди людей вѣры въ Бога, послѣдняя подвергается сомнѣнію и даже полному отрицанію, какъ только она становится предметомъ анализа логической мысли: это происходитъ потому, что логической мысли живая дѣйствительность недоступна; ей доступны, какъ сказано было, законы дѣйствительной жизни, а не сама эта жизнь, которую мы постигаемъ лишь въ актѣ непосредственнаго воспріятія. Логическая мысль, предоставленная самой себѣ, потому же сомнѣвается въ бытіи Бога, почему она сомнѣвается и въ бытіи объективнаго міра явленій вообще. Чистый

раціонализмъ, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ придти къ отрицанію всякаго бытія, не исключая даже и бытія самаго отрицающаго „я“, потому что логическимъ путемъ доказать бытіе послѣдняго нельзя, и Фихте безусловно былъ правъ, когда упрекалъ Канта въ непослѣдовательности, выразившейся въ томъ, что послѣдній, при своемъ ученіи о категоріяхъ какъ апріорныхъ понятіяхъ разсудка, признавалъ существованіе объективнаго міра явленій.

Нельзя однако же утверждать, чтобы нашему автору совершенно чужда была только что указанная точка зрѣнія; онъ ее чутьемъ угадывалъ, но только это чутье недоразвилось до яснаго, отчетливаго представленія. Это видно изъ V гл. сочиненія, гдѣ авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть *содержаніе религіознаго чувства*, предупреждая предварительно, что „религіозное чувство очень трудно не только вполнѣ точно опредѣлить, каковому опредѣленію чувства вообще не поддаются, но даже и описать болѣе или менѣе понятно“... Вопреки сдѣланному въ первой главѣ увѣренію, что „чувствованія служатъ выраженіемъ душевной жизни“, что это лишь внутреннія состоянія души, которыя послѣдняя „испытываетъ, переживаетъ“ и что, слѣдовательно, они не могутъ быть относимы къ категоріи способностей познавательныхъ, здѣсь авторъ не менѣе рѣшительно религіозное чувство называетъ *основаніемъ богопознанія*: „религіозное чувство, говоритъ онъ, какъ продуктъ непосредственнаго воздѣйствія Бога на душу человѣка, можетъ и должно служить основаніемъ богопознанія, подобно тому, какъ ощущенія внѣшнихъ чувствъ лежатъ въ основѣ познанія внѣшняго чувства“. Изъ сопоставленія религіознаго чувства съ ощущеніями внѣшнихъ чувствъ можно было бы подумать, что авторъ подъ религіознымъ чувствомъ понимаетъ то внутреннее созерцаніе, о которомъ говорятъ христіанскіе мистики и которое можно назвать живою вѣрою. Въ дѣйствительности же авторъ далекъ отъ такой точки зрѣнія: „то, говоритъ онъ, что Спиноза называетъ интеллектуальною любовью къ Богу, т. е. удовлетвореніе,

получаемое отъ созерцанія и познаванія абсолютной субстанціи, или вселенной, относится, во всякомъ случаѣ къ области чувствъ интеллектуальныхъ, а не къ религіозному чувству, съ которымъ указанное удовлетвореніе ничего общаго не имѣетъ". Но если религіозное чувство не есть созерцаніе, если вообще оно не относится къ области чувствъ интеллектуальныхъ, то какимъ же образомъ оно можетъ быть признано основаніемъ богопознанія? Такъ какъ познавательная способность непремѣнно предполагаетъ присутствіе активнаго элемента, то, исключая религіозное чувство изъ категоріи чувствъ интеллектуальныхъ, нельзя-ли понимать его въ смыслѣ неяснаго, неопредѣленнаго стремленія души къ Богу. Оказывается, что нельзя. „Душѣ человѣческой, говоритъ авторъ, присуща потребность стремиться къ общенію съ Абсолютнымъ Существомъ; но эта потребность ни въ какомъ случаѣ не могла-бы создать увѣренности въ реальномъ бытіи такого существа, ни тѣмъ болѣе дать понятіе о Немъ, если-бы Оно Своимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на человѣка, идущимъ на встрѣчу указанной потребности, не вызвало въ душѣ человѣка религіознаго чувства". Выходитъ, такимъ образомъ, что душа можетъ стремиться къ Богу, не имѣя увѣренности въ Его бытіи: такую увѣренность доставляетъ религіозное чувство, которое, по словамъ автора, „служитъ выраженіемъ непосредственнаго жизненнаго общенія самой души, какъ опредѣленнаго существа, съ высшимъ Существомъ", или какъ выражается авторъ въ другомъ мѣстѣ: „религіозное чувство есть переживаніе непосредственнаго соприкосновенія съ верховнымъ Существомъ". Послѣ того, какъ авторъ выдѣлилъ изъ понятія „религіозное чувство" понятія вѣры и созерцанія, является крайне загадочнымъ, какъ понимаетъ онъ способъ непосредственнаго соприкосновенія души съ Богомъ и какое именно познаніе о Богѣ даетъ это соприкосновеніе? Изъ хода мыслей во всемъ сочиненіи видно, что въ этомъ вопросѣ и заключается сущность той проблеммы, для разрѣшенія которой писалось самое сочиненіе. Итакъ, какъ же рѣшается въ сочиненіи

эта проблемма? Очень просто: „Изъ возможности для человѣка вступить въ непосредственное общеніе съ Богомъ, каковое общеніе выражается въ религіозномъ чувствѣ, слѣдуетъ, говоритъ авторъ, что человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подобенъ Богу“. Установивъ фактъ подобія, авторъ уже считаетъ себя въ правѣ, опираясь на самосознаніе, раскрывать свойства и качества Божіи по аналогіи съ человѣкомъ, называя этотъ пріемъ „анализомъ религіознаго чувства“. Сущность этого анализа состоитъ въ слѣдующемъ. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ разсужденій, которыя для читателя, привыкшаго смотрѣть на вещи просто и прямо, кажутся ненужнымъ слово—изверженіемъ, авторъ выдвигаетъ положеніе, что „въ основѣ всѣхъ чувствованій, которыя испытываетъ человѣкъ при взаимоотношеніи съ другими существами, лежатъ двѣ великія нравственныя силы—любовь и ненависть“. Помня раньше сдѣланное обѣщаніе судить о Богѣ по аналогіи съ человѣкомъ, читатель ждетъ, что авторъ опредѣлитъ Бога, какъ существо любящее и ненавидящее; но на дѣлѣ выходитъ не такъ: ненависть почему-то, безъ всякихъ оговорокъ, замалчивается, а выдвигается одна любовь, которая трактуется какъ „необходимый элементъ въ религіозномъ чувствѣ“; а затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ, мало относящихся къ дѣлу разсужденій, авторъ приходитъ къ заключенію, что Богъ есть любовь, воображая, что эту истину онъ добылъ путемъ анализа религіознаго чувства. На серьезно мыслящаго читателя всѣ эти разсужденія производятъ впечатлѣніе упражненія не зрѣлаго школьника, который, царящій въ головѣ туманъ мысли, старается прикрыть наборомъ не менѣе туманныхъ фразъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Гумилевскій пишетъ философское изслѣдованіе по гносеологіи. Предполагается, что къ искомой истинѣ онъ долженъ идти путемъ свободнаго, широкаго, всесторонняго обслѣдованія вопроса. Въ частности, раскрывая содержаніе религіознаго чувства, онъ долженъ былъ имѣть дѣло не съ чувствомъ какой-нибудь отдѣльной группы лицъ, а съ религіознымъ чувствомъ всѣхъ людей, какъ оно проявилось въ исторіи. Спра-

шивается: можно-ли, оставаясь на почвѣ такого широкаго, объективнаго изслѣдованія, утверждать, что любовь есть необходимый и основной элементъ религіознаго чувства? Вѣдь даже въ христіанствѣ, гдѣ любовь поставлена руководящимъ началомъ жизни, она дана какъ внѣшняя заповѣдь, при чемъ она противополагается эгоизму, который, съ момента грѣхопаденія, сталъ преобладающей стихіей въ нравственной жизни естественнаго человѣка. А между тѣмъ христіанство, какъ историческій фактъ, есть явленіе сравнительно недавнее, и въ настоящее время среди полтора милліарднаго населенія земного шара поклонниковъ религіи любви сравнительно немного, не говоря уже о томъ, что и среди христіанъ любовь утверждается при помощи вѣры и сверхъестественной благодати. По прямому свидѣтельству Апостола, безъ вѣры не возможно угодить Богу. Угодить Богу это значитъ исполнить первую и наибольшую Его заповѣдь, т. е. заповѣдь любви, а этого по словамъ Апостола, не возможно достигнуть безъ вѣры. И это понятно: чтобы полюбить Бога, необходимо раньше Его опознать, а этого по словамъ Апостола, можно достигнуть только посредствомъ вѣры: *вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ.* Нашъ же авторъ держится совершенно противоположнаго мнѣнія, какъ это видно изъ раньше констатированнаго его взгляда на взаимное отношеніе между вѣрою и религіознымъ чувствомъ. Вообще нужно сказать, что обѣщаніе автора дать понятіе о Богѣ путемъ анализа религіознаго чувства сводится къ перечню нѣкоторыхъ свойствъ Божіихъ, заимствованныхъ изъ христіанскаго кетехизиса и сопровождаемыхъ не высокаго достоинства собственными разсужденіями. Читая эти разсужденія, сожалѣешь, что авторъ не вспомнилъ того мѣста своего сочиненія, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Кантомъ, доказывалъ несостоятельность доказательствъ бытія Божія, обличая ихъ авторовъ въ паралогизмахъ.

Изъ этого общаго обзора содержанія настоящаго сочиненія и сдѣланныхъ попутно критическихъ замѣчаній видно, что

трудъ г. Гумилевскаго можно раздѣлить на двѣ половины: первая половина представляетъ сжатый историко-критическій обзоръ важнѣйшихъ теорій по основнымъ гносеологическимъ вопросамъ въ ихъ примѣненіи къ вопросу о Богопознаніи; вторая, обнимающая конецъ IV главы и всю V главу, представляетъ попытку дать положительное рѣшеніе вопроса о богопознаніи. Первая половина въ общемъ можетъ быть названа удовлетворительною. Слабую сторону этой половины составляютъ: встрѣчающаяся по мѣстамъ неточность въ опредѣленіяхъ при сжатости изложенія и неполнота научнаго матеріала. Направленіе, напримѣръ, религіозно-философской мысли, основателемъ котораго считается голландецъ Гемстергюи, авторомъ почти не затронуто; а между тѣмъ представители этого направленія стоятъ приблизительно на той-же точкѣ зрѣнія, которой придерживается и нашъ авторъ. Что же касается второй половины сочиненія, составляющей существенную ея часть, то, какъ видно изъ сдѣланныхъ въ своемъ мѣстѣ замѣчаній, она должна быть признана совершенно слабою. Недостатокъ ея составляетъ несостоятельность основной точки отправленія. Несостоятельность точки отправленія положила печать на весь ходъ изслѣдованія въ этой половинѣ, которая и съ внѣшней стороны не можетъ считаться вполнѣ обработанною. Вообще же трудъ г. Гумилевскаго производитъ впечатлѣніе работы незрѣлой, мало продуманной и въ литературномъ отношеніи слабо обработанной, хотя и не лишенной нѣкоторыхъ достоинствъ".

Постановили: Соглашаясь съ мнѣніемъ рецензентовъ, признать указанное сочиненіе г. Гумилевскаго недостаточнымъ для магистерской степени, о чемъ и увѣдомить его.

VII. Прошеніе библіотекаря Кіевской Духовной Академіи Амвросія Крыловскаго, отъ 20 ноября сего года: „Представляя при семъ свое сочиненіе—„Львовское Ставропигіальное Братство (Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). Кіевъ,

1904", въ количествѣ шестидесяти экземпляровъ, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять его въ качествѣ магистерской диссертаціи".

Справка: А. Крыловскій окончилъ курсъ Кіевской Академіи въ іюнѣ 1886 года со степенью кандидата богословія. Въ кандидатскомъ дипломѣ успѣхи его въ наукахъ академическаго курса отмѣчены баллами отличными и очень хорошими, кромѣ догматическаго богословія и исторіи философіи, по которымъ успѣхи отмѣчены балломъ 3.

Постановили: Предоставить г. Крыловскому для полученія магистерской степени держать дополнительное испытаніе по догматическому богословію и исторіи философіи, послѣ чего имѣть сужденіе о самомъ сочиненіи его.

VIII. Прошеніе помощника смотрителя Маріуп льскаго духовнаго училища, кандидата богословія Михаила Скабаллановича, отъ 30 ноября сего года: „Представляя при семъ 60 экземпляровъ печатнаго сочиненія своего: „Первая глава книги пророка Іезекіиля. Опытъ изъясненія. Маріуполь 1904 г.", исправленнаго согласно указаніямъ гг. рецензентовъ, сдѣланныхъ въ ихъ отзывахъ объ этомъ сочиненіи въ его рукописномъ видѣ, покорнѣйше прошу принять его въ качествѣ диссертаціи на соисканіе степени магистра богословія и дать дѣлу дальнѣйшее движеніе".

Постановили: Сочиненіе М. Скабаллановича передать на разсмотрѣніе доценту священнику А. Глаголеву, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

IX. Донесенія:

а) Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона: „Разсмотрѣвъ программы чтеній на 1904—1905 учебный годъ

по гомилетикѣ съ исторіею проповѣдничества, по логикѣ и метафизикѣ, по догматическому богословію, по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, по новой общей гражданской исторіи и по греческому языку, нахожу ихъ отвѣчающими научнымъ требованіямъ и соотвѣтствующими требованіямъ Устава Духовныхъ Академій".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго и заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея І. Королькова: „Разсмотрѣвъ по порученію Совѣта, программы чтеній на настоящій 1904—5 учебный годъ: 1) по еврейскому языку и библейской археологіи, 2) по латинскому языку и его словесности, 3) по нѣмецкому языку, 4) по французскому языку, 5) по англійскому языку, 6) по русскому языку и словесности, мы нашли ихъ удовлетворяющими научнымъ требованіямъ".

в) Заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Н. Петрова и А. Розова: „Разсмотрѣвъ, по порученію Совѣта Кіевской Духовной Академіи, программы чтеній въ 1904—5 учебномъ году по библейской исторіи, древней общей гражданской исторіи, русской гражданской исторіи, общей церковной исторіи, исторіи русской церкви, исторіи и разбору западныхъ исповѣданій, исторіи русскаго раскола, по церковному праву, церковной археологіи и литургикѣ, честь имѣемъ донести Совѣту, что эти программы, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуютъ характеру академическаго преподаванія".

г) И. о. инспектора заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова и заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго: „Честь имѣемъ довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что разсмотрѣнныя нами программы по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, по нравственному богословію, по патристикѣ, по пастырскому богословію и педагогикѣ, по психологіи и по исторіи философіи соотвѣтствуютъ требованіямъ академическаго Устава и современному состоянію науки".

Постановили: Програмы наставниковъ Академіи по преподаваемымъ ими наукамъ, одобренныя Ректоромъ Академіи и комиссіями, утвердить.

X. Донесеніе комиссіи по изданію собранныхъ профессоромъ священникомъ Ѳ. Титовымъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ"—изъ профессоровъ протоіерея І. Королькова, К. Попова и А. Дмитріевскаго, отъ 13 сего декабря: „Комиссія, назначенная Совѣтомъ Академіи для наблюденія за печатаніемъ собранныхъ профессоромъ о. Ѳ. И. Титовымъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв." имѣетъ честь донести Совѣту Академіи, что I томъ означенныхъ памятниковъ нынѣ отпечатанъ въ трехъ книгахъ подъ общимъ названіемъ „Акты по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи въ XVII—XVIII вв." и что на изданіе ихъ произведены слѣдующія издержки изъ суммы (6000 руб.), отпущенной на этотъ предметъ Св. Синодомъ.

Уплачено: 1) *за типографскія работы:*

а) за 10¹/₄ лист. предисловія и изслѣдованія (о заграничныхъ монастыряхъ), напечатанныхъ въ 1 части, по 9 рублей за листъ . . . . . 92 р. 25 к.

б) за 2¹/₈ л. оглавленія и опечатокъ въ 1 части по 9 р. съ листа . . . . 19 р. 13 к.

в) за 2¹/₈ л. оглавленія и опечатокъ въ 2 ч. по 9 р.. . . . . 19 р. 13 к.

г) за 2¹/₈ л. оглавленія и опечатокъ въ 3 ч. по 9 р. . . . . 19 р. 13 к.

д) за 33¹/₈ л. документовъ въ 1 ч. по 10 р. за листъ . . . . 331 р. 25 к.

е) за 38¹/₈ л. документовъ во 2 ч. по 10 р. за листъ. . . . . 381 р. 25 к.

ж) за 39⁷/₈ л. документовъ въ 3 ч. по 10 р. за листъ . . . . 398 р. 75 к.

з) за 6³/₄ л. алфавитнаго указателя (въ 3 ч.) по 9 р. . . . . 56 р. 25 к.

и) за 3 обложки по 1 р. 50 к. за каждую 4 р. 50 к.

і) за гравировку, бумагу и печатаніе карты 90 р. —

к) за гравировку, бумагу и печатаніе 6 картъ 120 р. —

л) за брошюровку трехъ частей по 25 р. за каждую . . . . 75 р. —

м) за коленкоровый переплетъ съ чернымъ тисненіемъ 10 экз. каждой части . . . . . 22 р. 50 к.

н) за коленкоровый переплетъ съ золотымъ тисненіемъ 5 книгъ первой части . . . . . 18 р. 75 к.

Итого за типографскія работы уплачено . .1647 р. 89 к.

2) *за бумагу:*

На напечатаніе трехъ книгъ 1 тома въ 530 экз. куплено бумаги: а) газетной 144 ст., по 4 р. 10 к. стопа, на . . . , ... 590 р. 40 к.

б) веленевой 9¹/₂ стопъ по 10 р. за стопу . 95 р. —

" 5 стопъ по 9 р. 60 к. . . 48 р. —

в) альбомной 1 ст. 3 дести по 7 р. стопа 8 р. 5 к.

Итого . 741 р. 45 к.

Такимъ образомъ на изданіе 1 тома въ трехъ частяхъ израсходовано . . . . .2389 р. 34 к.

Къ означенному исчисленію расходовъ по изданію трехъ частей перваго тома комиссія считаетъ необходимыми слѣдующія поясненія:

1) Расходованіе бумаги такимъ образомъ произведено. Въ трехъ частяхъ 1 тома содержится 134 листа. Изъ 530 экземпляровъ 480 отпечатаны на газетной бумагѣ; на отпечатаніе каждаго листа употреблено 480 листовъ или 1 стопа (изъ 500

листовъ каждой стопы отчислялось по 20 листовъ на корректуру и бракъ), а на отпечатаніе 134 листовъ—134 стопы; остающіяся (изъ 144 стопъ) 10 стопъ находятся въ типографіи. 50 экз. отпечатано на веленевой бумагѣ; на отпечатаніе 1-го листа употреблено 50 листовъ бумаги, а на 134 л.—6700 л.+20 л. на бракъ или 14 стопъ; осталось неизрасходованной бумаги $1/2$ стопы.

2) По предварительной представленной въ Правленіе Академіи въ октябрѣ 1900 г. смѣтѣ расходовъ по изданію 1 тома памятниковъ предположено было уплатить о. Титову за корректуру по 3 р. за печатный листъ и за переписку документовъ по 4 р. за печатный листъ, а всего за 134 л. 938 р. Но о. Титовъ отъ такого вознагражденія отказался.

3) Въ дѣлѣ объ изданіи собранныхъ о. Титовымъ актовъ говорится объ изданіи ихъ въ 500 экз. Но само собою разумѣется, что для того, чтобы представить полностію означенное число экземпляровъ, необходимо увеличить это число на доставку книгъ въ цензуру и неизбѣжную порчу при брошюровкѣ и под. Поэтому 1 томъ отпечатанъ въ 530 экз.

4) Комиссія, обсуждавшая вопросъ о значимости собранныхъ о. Титовымъ актовъ, о размѣрахъ и денежной стоимости изданія ихъ (см. извлеч. изъ протоколовъ, 1899—1900 г., стр. 336—338) предполагала издать ихъ въ 6 томахъ, могущихъ содержать въ себѣ около 280 листовъ (въ среднемъ $46^2/_3$ л. въ каждомъ томѣ), но допускала возможность увеличенія матеріала (а слѣдовательно и листовъ) при детальной разработкѣ. Такое увеличеніе матеріала пало на изданный 1 томъ въ 3 книгахъ, заключающихъ въ себѣ 134 листа (въ среднемъ по $44^1/_2$ л. въ каждой книгѣ). Но это обстоятельство не можетъ значительно вліять на предположенное общее число листовъ (ок. 280) всего изданія въ 6 томахъ, такъ какъ въ каждомъ изъ послѣдующихъ томовъ будетъ заключаться (въ среднемъ) около 30—35 печатныхъ листовъ. По мнѣнію комиссіи увеличеніе матеріала можетъ

простираться до 30 листовъ сравнительно съ предположенными 280 листами.

5) По израсходованіи 2389 р. 34 коп. изъ отпущенныхъ Св. Синодомъ 6000 р. получается остатокъ въ 3610 р. 66 к., 10 стопъ газетной и ½ стопы веленевой бумаги. Комиссія полагаетъ, что этихъ денегъ достанетъ на изданіе остальныхъ томовъ Памятниковъ.

Высокія научныя качества изданнаго проф. о. Ѳ. И. Титовымъ 1 тома Памятниковъ православія и русской народности побуждаетъ комиссію выразить живѣйшее желаніе относительно продолженія печатанія этого замѣчательнаго предпріятія, отличающагося широтою задачи и талантливымъ ученымъ выполненіемъ ея. Въ самомъ дѣлѣ. Исторія православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв. совершенно не разработана. О. Титовъ поставилъ для себя задачею разыскать въ русскихъ и заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ документы, относящіеся къ православію и русской народности въ западной Россіи въ означенное время, изучить ихъ, издать главнѣйшіе и на изслѣдованіи ихъ возсоздать истинную, основанную на документахъ, исторію борьбы западной Россіи за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. и тѣмъ расчистить путь и дать богатый матеріалъ для ученыхъ, пожелающихъ трудиться на этомъ пути. Симпатичная великая и многоплодотворная по своимъ послѣдствіямъ задача! Прекраснымъ началомъ выполненія ея служитъ изданный въ трехъ книгахъ 1 томъ актовъ по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII вв. съ обширнымъ изслѣдованіемъ и картою Западной Россіи, составленною весьма подробно и обстоятельно. Настоящій томъ Памятниковъ, заключая въ себѣ 746 актовъ по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи, содержитъ самые разнообразные матеріалы: одни изъ нихъ говорятъ о происхожденіи и началѣ монастырей, другіе о внѣшней ихъ судьбѣ, иные о внутреннемъ ихъ устройствѣ, иные о значеніи монастырей и участіи ихъ въ борьбѣ Западной Россіи за вѣру

и народность, иные о церковныхъ братствахъ, находившихся при монастыряхъ, другіе содержатъ въ себѣ описаніе книжныхъ собраній, существовавшихъ въ обителяхъ, иные о земельныхъ владѣніяхъ монастырей и т. п. Означенные акты изданы въ хронологическомъ порядкѣ, снабжены подробнымъ оглавленіемъ, а въ концѣ 3 части приложенъ указатель личный, географическій и предметный для всѣхъ трехъ частей перваго тома.

Многоразличное содержаніе актовъ изслѣдуется въ обширномъ введеніи, которое о. Титовъ справедливо назвалъ изслѣдованіемъ; въ немъ авторъ съ обширной эрудиціей и ученою опытностію уясняетъ вопросы о границахъ Кіевской епархіи, объ устройствѣ и бытѣ заграничныхъ монастырей, ихъ управленіи, служебной администраціи, о церковныхъ братствахъ, о передачѣ заграничныхъ монастырей въ вѣдѣніе Бѣлорусскихъ епископовъ, о заграничныхъ протопопіяхъ и приходскихъ церквахъ Кіевской епархіи XVII—XVIII вв., о варшавскихъ капелланіяхъ и варшавскихъ капелланахъ.

Вообще изслѣдованіе о. Титова о заграничныхъ монастыряхъ можно назвать превосходною ученою диссертаціею, въ которой авторъ опытною и искусною рукою ученаго изслѣдователя начертываетъ новыя прекрасныя страницы исторіи православія и русской народности въ западной Россіи въ XVII—XVIII вв. Авторъ могъ бы, еслибы того пожелалъ, представить настоящій свой трудъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи.

Присужденіе автору высшей ученой степени, хотя отчасти, вознаградило бы его за вполнѣ безкорыстное и самоотверженное отношеніе его къ порученному ему дѣлу".

Справка: Указомъ Св. Синода отъ 27 августа 1900 года за № 5438 Совѣту Академіи поручено, по напечатаніи каждаго тома „Памятниковъ", доставлять въ Хозяйственное Управленіе подробный расчетъ издержекъ для назначенія цѣны на это изданіе, а равно соображенія о числѣ экземпляровъ, подлежащихъ передачѣ

въ распоряженіе автора изданія и высылкѣ въ Хозяйственное Управленіе.

Постановили: Донесеніе комиссіи принять къ свѣдѣнію. Отчетъ объ издержкахъ по изданію напечатаннаго перваго тома „Памятниковъ" препроводить въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ съ сообщеніемъ, что Совѣтъ Академіи находилъ бы возможнымъ передать въ распоряженіе проф. свящ. Ѳ. Титова изъ 500 экземпляровъ „Памятниковъ" 100 экземпляровъ.

XI. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи, священника Ѳеодора Титова, отъ 12 сентября: „Узнавъ отъ членовъ коммиссіи, наблюдавшей за печатаніемъ собранныхъ мною церковно-историческихъ актовъ и разсматривавшей первый печатный томъ сихъ актовъ, что они признали возможнымъ присудить мнѣ за нихъ степень доктора церковной исторіи, я, съ своей стороны, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять первый томъ, въ трехъ частяхъ, напечатанныхъ мною „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в"., содержащій въ себѣ „изслѣдованіе о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в"., съ приложеніемъ актовъ, для разсмотрѣнія въ качествѣ диссертаціи на степень доктора церковной исторіи".

Постановили: Поименованное сочиненіе проф. свящ. Ѳ. Титова передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору С. Голубеву, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

XII. Прошеніе экстраординарнаго профессора, свящ. Ѳ. Титова, отъ 7 декабря„: Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ приступить къ печатанію второго тома „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в." на отпущенныя Св. Синодомъ, по ходатайству Совѣта, деньги.

Во второмъ томѣ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в"., имѣютъ войти акты, относящіеся къ слѣдующимъ важнымъ событіямъ въ исторіи западно-русской церкви въ XVII—XVIII в.в.: а) приготовленіямъ къ заключенію и самому заключенію договора о вѣчномъ мирѣ между Россіей и Польшей въ 1686 г.; б) защитѣ русскимъ правительствомъ западно-русскаго народа, подвергшагося особенно сильному гоненію въ Польшѣ во второй половинѣ XVII в. и въ первой четверти XVIII в.; в) насильственному превращенію на унію трехъ православныхъ западно-русскихъ епархій: перемышльской, галицко-львовской и луцкой; г) дѣятельности правительства Императора Петра I въ защиту западно-русскаго православнаго народа; д) учрежденію должности русскаго коммиссара въ Польшѣ для наблюденія за тѣмъ, чтобы православныхъ жителей ея не притѣсняли въ вѣрѣ и др.

Ко второму тому „Памятниковъ" имѣютъ быть приложены: предисловіе, карта З. Руси въ XVII—XVIII в. в. съ наглядными показаніемъ православныхъ монастырей и церквей, превращенныхъ на унію въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. и указателями—именнымъ, географическимъ и предметнымъ, а если позволятъ средства, то и съ рисунками нѣкоторыхъ православно-русскихъ памятниковъ въ видѣ монастырей, храмовъ и. т. п".

Постановили: Поручить комиссіи изъ профессоровъ—протоіерея I. Королькова, К. Попова и А. Дмитріевскаго наблюденіе за печатаніемъ второго тома собранныхъ профессоромъ свящ. Θ. Титовымъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в.в".; затѣмъ финансовую сторону дѣла по изданію сихъ „Памятниковъ" передать въ Правленіе Академіи.

XIII. Письмо настоятеля Русской посольской церкви въ Берлинѣ протоіерея А. П. Мальцева, отъ 7 сего декабря, на

имя Преосвященнаго Ректора: „Получивъ увѣдомленіе Вашего Преосвященства отъ 22 ноября зъ № 2008-мъ о высокой чести избранія меня Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи отъ 12 октября с. г. почетнымъ членомъ и послѣдовавшемъ отъ 15 ноября за № 11469-мъ утвержденіи меня въ семъ званіи Святѣйшимъ Синодомъ, долгомъ своимъ почитаю принести Вамъ и высокочтимому Совѣту старѣйшаго и славнаго разсадника высшаго духовнаго образованія мою искреннюю и глубокую благодарность! Состоя съ 1898 г. въ званіи почетнаго члена Казанской Духовной Академіи, съ 1902 моей alma mater С.-Петербургской и съ 1903 г.—Московской, я имѣю нынѣ особое чувство радости въ созианіи духовнаго единенія съ самою „колыбелью“ нашего отечественнаго просвѣщенія, восходящаго своею давностію къ самому началу XVII столѣтія.

Преклоняясь мыслію и сердцемъ предъ великими духовными подвигами какъ приснопамятнаго первооснователя и устроителя Кіево-Могилянской Коллегіи, такъ и послѣдующихъ незабвенныхъ продолжателей завѣтнаго его дѣла, между коими нѣкоторые сіяютъ уже и небесною славою, какъ святители Димитрій Ростовскій, Иннокентій Иркутскій и Өеодосій Черниговскій, я отъ всей души желаю и дальнѣйшаго процвѣтанія отнынѣ близкому и родному святилищу богословской науки, вѣрной завѣтамъ и преданіямъ ея великихъ учителей! Да изыдетъ во всю землю вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ, и да сіяетъ и свѣтитъ дорогая Академія немерцающимъ свѣтомъ истиннаго богопознанія для всѣхъ грядущихъ поколѣній“.

„P. S. Одновременно съ настоящимъ письмомъ, я позволилъ себѣ препроводить на Ваше имя въ даръ академической библіотекѣ 12 томовъ моихъ переводовъ на нѣмецкій языкъ церковно-богослужебныхъ книгъ“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію. По полученіи пожертвованныхъ прот. А. П. Мальцевымъ для академической

библіотеки книгъ увѣдомить его съ выраженіемъ глубокой благодарности.

XIV. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 17 ноября сего года за № 1548: „Императорское Московское Археологическое Общество, препровождая при семъ правила XIII Археологическаго съѣзда, созываемаго въ Екатеринославѣ, съ 15 по 27 августа 1905 года, покорнѣйше проситъ Академію принять участіе въ занятіяхъ сего съѣзда, командировать въ Екатеринославъ на съѣздъ своихъ представителей, извѣстить Московское Археологическое Общество о числѣ командируемыхъ лицъ и просить послѣднихъ прислать свои заявленія въ Общество и пожаловать въ Екатеринославъ къ 14 августа 1905 года, т. е. ко дню открытія дѣятельности Совѣта съѣзда".

Постановили: Представителями отъ Академіи на XIII Археологическій съѣздъ командировать заслуж. орд. профессора Н. Петрова и орд. проф. В. Завитневича, о чемъ сообщить Московскому Археологическому Обществу. На путевые же и иные необходимые расходы по поѣздкѣ въ Екатеринославъ назначить каждому изъ командируемыхъ лицъ по 50 рублей изъ имѣющей быть ассигнованной по смѣтѣ 1905 года на расходы по усмотрѣнію Совѣта Академіи суммы.

XV. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи

въ октябрѣ 1904 года:

А) по болѣзни: а) по догматическому богословію и. д. инспектора Академіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 7 л. (6, 7, 11, 13, 14, 15 и 27 ч.); по логикѣ и метафизикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ П. Линицкимъ 3 л. (27 и 30 ч.); в) по русскому и церковно-

славянскому языку и исторіи русской литературы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Малининымъ 2 л. (26 ч.); г) по патристикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ К. Поповымъ 1 л. (13 ч.); д) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 1 л. (30 ч.); е) по священному писанію новаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ Д. Богдашевскимъ 1 л. (13 ч.); ж) по педагогикѣ экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 8 л. (2, 4, 7, 9, 14, 18, 21 и 30 ч.) и з) по древней общей гражданской исторіи доцентомъ Н. Мухинымъ 3 л. (4, 6 и 27 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: по общей церковной исторіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 3 л. (13, 20 и 28 ч.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 5 л. (15, 16, 18 и 22 ч.) и в) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 4 л. (14 и 28 ч.); В) по исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ: а) по общей церковной исторіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 2 л. (6 и 7 ч.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 4 л. (4, 8 и 9 ч.); Г) по нахожденію въ отпускѣ: а) по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ І. Корольковымъ 10 л. (7, 12, 14, 26 и 28 ч.); б) по священному писанію новаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ Д. Богдашевскимъ 3 л. (2, 6 и 8 ч.)";

въ ноябрѣ 1904 года:

„А) по болѣзни: а) по догматическому богословію и. о. инспектора Академіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 12 л. (3, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 22, 24, 25, 26 и 29 ч.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 9 л.

(5, 12, 13 и 22 ч.); в) по общей церковной исторіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 2 л. (10 и 11 ч.); г) по русскому языку и исторіи русской литературы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Малининымъ 2 л. (30 ч.); д) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 2 л. (1 и 2 ч.); е) по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ I. Корольковымъ 2 л. (30 ч.); ж) по психологіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Олесницкимъ 3 л. (9, 11 и 13 ч.); з) по библейской исторіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Ѳ. Покровскимъ 1 л. (6 ч.); и) по педагогикѣ экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 6 л. (6, 12, 22, 25, 27 и 29 ч.); і) по пастырскому богословію экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 3 л. (9, 23 и 30 ч.); к) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 4 л. (15 и 18 ч.); Б) по нахожденію въ отпускѣ: по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ I. Корольковымъ 4 л. (2 и 9 ч.); В) по вызову въ окружной судъ въ качествѣ свидѣтеля—по гомилетикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Пѣвницкимъ 1 л. (18 ч.)".

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

XVI. Докладъ секретаря Совѣта: „По 5 § Положенія о первой юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія, Совѣтъ Академіи ежегодно въ декабрьскомъ засѣданіи назначаетъ задачи къ разрѣшенію, которыя и приводятся въ общую извѣстность чрезъ объявленіе въ періодическомъ изданіи Академіи."

Постановили: Для сочиненій на соисканіе первой юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія назначить темы: 1) „Святитель Димитрій Ростовскій и его Четьи-Минеи со стороны ихъ источниковъ“; 2) „Слова и бесѣды Фотія, патріарха Константинопольскаго“; 3) „Евхологіонъ Гоара (критико-библіографическое изслѣдованіе)“; 4) „Богатство и бѣдность съ христіанской точки зрѣнія (въ виду современныхъ соціальныхъ воззрѣній на данный предметъ)“; 5) „Догматическая система преосвященнаго Иннокентія (Борисова)“; 6) „Владиміро-Волынская православная епархія. Церковно-историческое изслѣдованіе“; 7) „О заграничныхъ православныхъ монастыряхъ въ XVIII в., подчиненныхъ Кіевскому митрополиту“; 8) „Львовское Ставропигіальное Братство“; 9) „Кіевская митрополія до конца XVII в. (Историко-біографическій очеркъ)“; 10) „О боговдохновенности священнаго писанія (по ученію откровенія и церкви)“; 11) „Новозавѣтное ученіе объ Евхаристіи“; 12) „Исторія толкованія Апокалипсиса св. Іоанна Богослова (свято-отеческій періодъ)“; 13) „Православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVII и въ XVIII в. в.“, и для приведенія ихъ въ общую извѣстность напечатать въ академическомъ журналѣ.

XVII. Докладъ секретаря Совѣта: „По 6 § Положенія о преміи имени митрополита Московскаго Макарія за сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, 5 § Положенія о второй юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія, 6 § Положенія о преміи имени епископа Каневскаго Сильвестра за помѣщаемыя наставниками Академіи въ академическомъ журналѣ статьи и 7 § Положенія о преміи епископа Курскаго Михаила за сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по священному писанію,—Совѣтъ Академіи ежегодно назначаетъ комиссію изъ трехъ наставниковъ Академіи для выбора изъ годовой учено-литературной наличности

академическаго журнала и отдѣльно изданныхъ Академіей сочиненій, заслуживающихъ этихъ премій".

Постановили: Въ составъ общей комиссіи для выбора на 1905 годъ сочиненій наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, заслуживающихъ премій митрополита Макарія и епископовъ Сильвестра и Михаила, назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ А. Розова, Н. Дроздова и и. д. доцента Ѳ. Мищенко.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 декабря 1904 г. Читалъ".

1904 года 13 декабря.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ экстраординарныхъ профессоровъ М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, и Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по домашнимъ обстоятельствамъ, экстраординарныхъ профессоровъ Н. Маккавейскаго, находящагося въ отпускѣ, и священника Ѳ. Титова, не бывшаго по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающагося его дѣла.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 18 октября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 16 октября 1904 года за № 10187: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе 1) по прошенію окончившаго курсъ ученія въ Кіевской духовной семинаріи, сирійскаго уроженца Ибрагима Варвара о принятіи его въ Кіевскую Духовную Академію, съ назначе-

ніемъ на содержаніе синодальной стипендіи, 2) по ходатайству ректора названной Академіи, преосвященнаго Чигиринскаго Платона о принятіи въ ту же Академію сербскаго священника Иліи Деметровича. Приказали: Разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить къ пріемнымъ для поступленія въ Академію испытаніямъ сирійскаго уроженца Ибрагима Варвара и сербскаго священника Деметровича, съ назначеніемъ, въ случаѣ принятія ихъ въ Академію, стипендіи, Варвару—изъ остатковъ отъ доходовъ съ имѣній восточныхъ монастырей въ Бессарабіи, а священнику Деметровичу—изъ духовно-учебнаго капитала".

б) Прошенія: окончившаго Бѣлградскую богословскую школу, сербскаго уроженца, священника Иліи Деметровича, отъ 25 октября сего года, и окончившаго курсъ Кіевской духовной семинаріи, сирійскаго уроженца Ибрагима Варвара, отъ 27 того же октября, на имя Преосвященнаго Ректора, о разрѣшеніи имъ держать пріемныя испытанія для поступленія въ Академію.

в) Акты пріемныхъ испытаній поименованныхъ иностранныхъ уроженцевъ.

Постановили: Иностранныхъ уроженцевъ—священника Илію Деметровича и Ибрагима Варвара, сдавшихъ пріемныя испытанія въ Академіи, принять въ число студентовъ I курса Академіи, о чемъ на основаніи § 81 б. 1 Устава духовныхъ академій, представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

II. Представленіе профессоровъ В. Пѣвницкаго и П. Линицкаго, отъ 13 сего декабря: „Разсмотрѣвъ лучшія кандидатскія сочиненія студентовъ, окончившихъ курсъ въ настоящемъ 1904 году, мы признали заслуживающимъ преміи преосвященнаго митрополита Іосифа сочиненіе Корнилія Кеке-

лидзе на тему: „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе“.

Справка: По смѣтѣ 1904 года ассигновано на премію за лучшія кандидатскія сочиненія воспитанниковъ Академіи изъ процентовъ съ капитала митрополита Іосифа 165 р.

Постановили: Согласно съ представленіемъ профессоровъ В. Пѣвницкаго и П. Линицкаго, удостоить сочиненіе кандидата богословія Корнилія Кекелидзе „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе“ преміи митрополита Іосифа въ 165 рублей, о чемъ, примѣнительно къ § 81 б. 12. Устава дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи по принадлежности.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 декабря 1904 г. Утверждается“.

1904 года 13 декабря.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ экстраординарныхъ профессоровъ М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, и Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по домашнимъ обстоятельствамъ, экстраординарныхъ профессоровъ Н. Макавейскаго, находящагося въ отпускѣ, и священника Ѳ. Титова, не бывшаго по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающагося его дѣла.

Слушали: Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи касательно изданія „Актовъ и документовъ по исторіи Кіевской Академіи", отъ 13 декабря сего года:

„Профессоръ Н. И. Петровъ, членъ комиссіи по изданію актовъ и документовъ для исторіи Кіевской Духовной Академіи, въ своей бумагѣ, отъ 22 мая сего 1904 года, поданной въ Совѣтъ Академіи, заявляетъ, что онъ, въ виду неопредѣленности положенія комиссіи и ея денежныхъ средствъ вынужденъ воздержаться отъ дальнѣйшей работы по изданію актовъ. Подъ этою „неопредѣленностью" и по смыслу той-же бумаги, и по другимъ даннымъ, надо разумѣть недостатокъ средствъ для изданія актовъ и вопросъ о вознагражденіи членовъ комиссіи за ихъ трудъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ членами комиссіи еще въ засѣданіи Совѣта 21 марта 1902 года, но рѣшеніе его было отложено. (Отложено оно было не потому, конечно, что оно не возможно, а потому, что рѣшеніе это касается не только матеріальной, а отчасти и моральной стороны дѣла). Вотъ вкратцѣ исторія всего этого дѣла.

26 октября 1901 года высокопреосвященный Димитрій, архіепископъ Казанскій, бывшій тогда ректоромъ Кіевской Духовной Академіи, вошелъ въ собраніе Совѣта ея съ предложеніемъ о необходимости, въ виду приближенія 300-лѣтняго юбилея Академіи и неимѣнія полной исторіи ея, 1) собраніе и изданіе „Актовъ по исторіи Академіи", 2) составленіе, на основаніи ихъ, самой исторіи Академіи и 3) составленіе академическаго ученаго Синодика. Тогда-же высокопреосвященный Димитрій указалъ на профессоровъ Н. И. Петрова, Ст. Т. Голубева и священника Ѳ. И. Титова, какъ на лицъ, которые могутъ взять и которымъ слѣдовало бы взять на себя эту работу.

Вмѣстѣ съ этимъ высокопреосвященный Димитрій на означенное дѣло пожертвовалъ 3000 рублей „*пока*", „по одной тысячѣ на каждое академическое столѣтіе".

Совѣтъ Академіи, заслушавъ это предложеніе, постановилъ: „вполнѣ соглашаясь съ предложеніемъ ректора Академіи, образовать комиссію изъ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Н. Петрова и С. Голубева и доцента священника Ѳ. Титова для собиранія и изданія относящихся къ исторіи Кіевской Академіи актовъ и для послѣдующаго составленія, на основаніи ихъ, самой исторіи Академіи за три вѣка ея существованія, предоставивъ комиссіи, по ея усмотрѣнію, пригласить какъ къ совѣщаніямъ, такъ и къ самому участію въ предполагаемыхъ изданіяхъ и другихъ членовъ академической корпораціи. Означенной комиссіи поручить также составленіе и академическаго ученаго Синодика, согласно сдѣланному въ предложеніи указанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручить комиссіи представить въ Совѣтъ Академіи предварительныя соображенія касательно плана и объема предполагаемыхъ работъ. Жертвуемые преосвященнымъ ректоромъ три тысячи рублей принять и предназначить ихъ на расходы по предположеннымъ изданіямъ".

Во исполненіе постановленія Совѣта Кіевской Духовной Академіи поименованная комиссія представила въ Совѣтъ Академіи донесеніе отъ 20 марта 1902 года.

По этому донесенію, профессоръ С. Т. Голубевъ изъявилъ желаніе взять на себя трудъ собиранія актовъ по исторіи Академіи съ 1615 до 1721 года, т. е. до учрежденія Святѣйшаго Синода, съ поясненіемъ, что акты и вообще историческіе матеріалы за это время часто съ большимъ трудомъ поддаются отысканію, имѣютъ отрывочный характеръ и нуждаются въ болѣе или менѣе обширныхъ пояснительныхъ примѣчаніяхъ.

Профессоръ Н. И. Петровъ согласился взять на себя собираніе и приготовленіе къ печати актовъ Академіи съ 1721 года до царствованія Павла Петровича (1796 г.), а доцентъ священникъ Ѳ. И. Титовъ—собираніе и приготовленіе къ изданію актовъ съ царствованія Императора Павла I (съ 1796 г). Оба они находятъ возможнымъ ограничиться преди-

словіемъ къ каждому тому, научно освѣщающимъ его содержаніе, безъ подробныхъ примѣчаній къ самымъ актамъ.

По заявленію профессора С. Т. Голубева, его акты по исторіи Кіевской Академіи съ 1615 до 1721 года составятъ около7 томовъ. Предполагается, что столько-же томовъ матеріаловъ будетъ и по исторіи Кіевской Академіи съ 1721 года по 1817 годъ, съ прибавленіемъ извлеченій изъ академическаго архива за послѣдующее время.

Слѣдовательно, всѣхъ матеріаловъ по исторіи Кіевской Академіи будетъ *около 14 томовъ*.

Исторія Академіи съ 1615 по 1817 годъ могла бы быть составлена, по мнѣнію комиссіи, по изданіи этихъ актовъ, главнымъ образомъ на основаніи ученыхъ предисловій къ каждому тому актовъ, съ необходимыми поправками, дополненіями, съ приведеніемъ возможныхъ разнорѣчій во взглядахъ редакторовъ отдѣльныхъ томовъ памятниковъ къ одному общему взгляду. Что-же касается исторіи Академіи съ 1819 года и до послѣдняго времени, то это дѣло согласился взять на себя Ѳ. И. Титовъ.

На составленіе исторіи Академіи потребуется отъ 4 до 5 томовъ.

Синодикъ составитъ одинъ особый томъ изданія.

Итакъ, всѣхъ томовъ изданія, приблизительно по 30 листовъ каждый, предполагается около 20.

Общую стоимость ихъ комиссія не можетъ опредѣлить, такъ какъ она не знаетъ, въ какомъ количествѣ экземпляровъ имѣютъ печататься акты и исторія Академіи. Комиссіи неизвѣстно также, какими средствами она можетъ располагать на необходимыя поѣздки для собиранія историческихъ матеріаловъ и снятія копій—въ чемъ уже и теперь чувствуется настоятельная потребность, а также, на какое матеріальное вознагражденіе могутъ расчитывать члены комиссіи за свой трудъ. Послѣдній вопросъ является настоятельнымъ въ виду того обстоятельства, что въ Кіевѣ уже давно существуетъ „Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ“, съ достаточными матеріальными

средствами, которая можетъ подрывать и парализовать дѣйствія академической комиссіи, привлекая ея членовъ къ своимъ занятіямъ за опредѣленное нескудное вознагражденіе". Совѣтъ Академіи по поводу этого донесенія постановилъ: „Донесеніе комиссіи принять къ свѣдѣнію. На первоначальные расходы по снятію копій для изданія актовъ по исторіи Академіи отпускать необходимую сумму изъ предназначенныхъ на это изданіе денегъ, по представленіи членами комиссіи надлежащихъ заявленій. Объ остальномъ имѣть сужденіе впослѣдствіи.

При предложеніи отъ 12 мая 1902 года высокопреосвященный Димитрій къ внесеннымъ имъ „на дѣло изданія актовъ 3000 рублей" присоединилъ изъ собственныхъ средствъ еще 1000 руб., „желая содѣйствовать изданію первыхъ томовъ академическихъ актовъ въ возможно лучшемъ видѣ, на случай напримѣръ, потребуются чертежи, снимки".

Къ 1 января 1903 года сумма на изданіе актовъ составляла 4100 р. въ $^0/_0$ бумагахъ и 133 р. 90 к. въ наличныхъ даньгахъ.

Въ 1903 году употреблено изъ наличныхъ денегъ на переписку разныхъ бумагъ 136 р. 10 коп.

Въ октябрѣ 1903 года высокопреосвященный Димитрій пожертвовалъ на изданіе актовъ еще 1000 руб.

Къ 1 января 1904 года сумма на изданіе актовъ составляла 5100 р. въ $^0/_0$ бумагахъ и 157 р. 3 коп. въ наличныхъ деньгахъ.

Ожидается $^0/_0$ за 1904 годъ 193 руб. 80 коп. Возвращено проф. Н. И. Петровымъ 32 р. 41 коп.

Всего 5100 р. въ $^0/_0$ бумагахъ и 383 р. 24 коп. въ наличныхъ деньгахъ.

Изъ части, отчисленной на долю проф. Петрова, выдано по журналу Правленія отъ 4 августа 1904 года:

типографіи Чоколова за напечатаніе 1-го тома (въ 2-хъ частяхъ) актовъ и документовъ, собранныхъ проф. Н. И. Петровымъ, въ 500 экземплярахъ:

за наборъ и печать $64^1/_4$ л. по 16 р.	.	1028 р.
за бумагу	.	375 р. 86 к.
за напечатаніе обложекъ къ 1 и 2 ч.	.	3 р.
за бумагу для обложекъ . . .	.	10 р.
за брошюровку 500 экз. 1 и 2 ч. по 25 р.		50 р.
за бумагу и брошюровку 10 цензурн. экз.		10 р.
	Всего	1476 р. 80 к.

И проф. Н. И. Петрову:

за корректуру	.	200 р.
и за составленіе указателя. . .	.	100 р.
		300 р.
Всего уплачено	.	1776 р. 80 к.

Остается 3706 р. 44 коп. Въ сентябрѣ этого года высокопреосвященный Димитрій прислалъ на тотъ же предметъ еще 500 р. Значитъ, всѣхъ денегъ 4206 р. 44 коп. Но эти деньги пойдутъ на изданіе актовъ профессорами Голубевымъ и Титовымъ. Значитъ, для проф. Петрова почти нѣтъ ничего, не только на вознагражденіе его за трудъ, но и на продолженіе изданія актовъ.

Предлагая Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ изысканіи средствъ для продолженія изданія актовъ по исторіи нашей Академіи, я въ нѣсколькихъ словахъ выскажу свой взглядъ на значеніе этихъ актовъ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ или тѣмъ самымъ указать Совѣту на то, что у него есть нѣкоторая право-возможность обратиться за этими средствами въ Святѣйшій Синодъ.

Изданіе актовъ по исторіи нашей Академіи мы должны и можемъ считать *высоко важнымъ въ научномъ отношеніи и необходимымъ*, въ виду особеннаго смысла и значенія, а также и характера исторіи нашей Академіи.

Изданія актовъ не производятъ на читающую публику такого впечатлѣнія, какъ самостоятельныя, обработанныя и законченныя изслѣдованія. Но такія изслѣдованія не мыслимы безъ изданія актовъ. Когда мы заходимъ въ садъ, то обращаемъ, прежде всего, вниманіе свое на свѣжесть зелени, сочность листьевъ на деревьяхъ, на плоды. Но спросите опытнаго, преданнаго своему дѣлу, садовода: о чемъ онъ больше всего заботится, чѣмъ онъ больше дорожитъ? Онъ вамъ скажетъ, что корнями. Да и понятно. Если корни дерева здоровы, сочны, то и листья дерева будутъ зелены и плоды его будутъ прекрасны. Я позволю себѣ сравнить историческіе акты съ корнями, а историческія изслѣдованія съ листьями и плодами.

Если мы будемъ имѣть полное собраніе подлинныхъ, критически провѣренныхъ и научно изданныхъ актовъ, то тѣмъ будетъ обезпечено и составленіе подлинной исторіи нашей Академіи, какой она, конечно, заслуживаетъ и доселѣ ожидаетъ.

Высокую научную цѣнность имѣютъ самостоятельныя историческія изслѣдованія. Но, думаю, я не преувеличу, если скажу, что научное изданіе историческихъ актовъ имѣетъ если не большую, то во всякомъ случаѣ такую же научную цѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, всякое изслѣдованіе, какъ-бы оно ни было совершенно, не свободно отъ извѣстныхъ недостатковъ, свойственныхъ всѣмъ вообще произведеніямъ человѣческихъ рукъ: то въ видѣ неполноты обобщеній, то въ видѣ ошибочности выводовъ, то въ видѣ неправильнаго освѣщенія. Отсюда происходитъ то, что всякое вообще ученое изслѣдованіе, какъ-бы совершенно оно ни было, имѣетъ только временное значеніе. Не то представляютъ изданія историческихъ актовъ. Они содержатъ чистые факты. Они сохраняютъ если не вѣчное,—здѣсь на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго,—то во всякомъ случаѣ многовѣковое значеніе. Они представляютъ не личную и даже не частную, но въ полномъ смыслѣ слова общественную собственность.

Высоко цѣнятся у насъ исагогическія и экзегетическія ученыя изслѣдованія; но еще выше ихъ цѣнятся критическія изданія подлиннаго священнаго текста. Я, разумѣется, далекъ отъ мысли ставить въ одну линію изданія священнаго библейскаго текста и историческихъ актовъ. Но аналогія эта допущена мною для большаго выясненія высокой научной цѣнности и важности изданія историческихъ актовъ.

Если для другихъ областей историческаго знанія и для составленія исторіи другихъ историческихъ институтовъ предварительное изданіе историческихъ актовъ весьма важно и потому весьма желательно, то для выясненія исторіи нашей Академіи оно положительно необходимо. Къ тѣмъ соображеніямъ, которыя на этотъ счетъ такъ убѣжденно выразилъ намъ незабвенный ректоръ, мой предшественникъ, я прибавлю только слѣдующее.

Исторія Кіевской Академіи, между прочимъ, имѣетъ и должна имѣть *апологетическій* характеръ. Въ этомъ отношеніи она раздѣляетъ судьбу исторіи всей вообще Западной Руси и, въ частности, западно-русской церкви. Западная Русь въ теченіе многихъ вѣковъ служила полемъ, на которомъ встрѣчались и боролись между собою двѣ народности—русская и польская, бывшія представительницами двухъ культуръ—восточно-православной и западно-латинской. Борьба эта не прекратилась и доселѣ. Она продолжается только не на полѣ брани, не на ратномъ полѣ, а на страницахъ ученыхъ историческихъ работъ. Русскіе и польскіе ученые и нынѣ ведутъ борьбу, вооруженные не копьями и щитами, а историческими документами и актами, изъ-за тѣхъ же самыхъ полей и мѣстностей, на которыхъ нѣкогда проливали свою кровь ихъ предки. Борьба эта имѣетъ тѣснѣйшее и ближайшее отношеніе къ нашей Академіи. Желая доказать, что вся Западная Русь—достояніе польскаго народа, польской образованности, польскіе историки въ послѣднее время, какъ намъ извѣстно, объявили и нашу Академію польско-латинскою школою по духу ея и по всему внѣшнему

и внутреннему строю. Итакъ, та самая школа, которая всегда считалась и дѣйствительно была разсадницею, защитницею и оплотомъ православія и русской народности, въ глазахъ польскихъ историковъ и въ ихъ сочиненіяхъ является насадительницею и распространительницею въ Западной Руси польско-латинской культуры, посредницею между польско-латинскимъ Западомъ и православно русскимъ Востокомъ.

Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи въ наукѣ вопроса о прошломъ нашей Академіи намъ недостаточно точно написать ея исторію, намъ надо и оправдать эту исторію документами, недостаточно только сказать, что Академія Кіевская есть оплотъ православія русской народности, но и необходимо и показать это на дѣлѣ, на памятникахъ ея прошлой жизни. Я хочу сказать: *необходимо изданіе актовъ по исторіи Кіевской Академіи*. Въ виду широкаго, можно сказать, всеобъемлющаго значенія, какое имѣла наша Академія въ жизни русской церкви, русскаго народа и государства, эти акты будутъ имѣть значеніе не для однихъ только историковъ собственно нашей Академіи, но и для другихъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ другихъ областей прошедшей жизни русскаго народа. Въ нихъ будутъ имѣть источникъ для своихъ разысканій и изслѣдователи языка, филологи, и возстановители быта народнаго, и канонисты и т. д.

Изданіе актовъ необходимо. Средствъ на это дѣло у насъ нѣтъ. Академія триста лѣтъ служитъ духовнымъ интересамъ русской православной церкви и русскаго народа. Она можетъ, слѣдовательно, обратиться за этими средствами въ Святѣйшій Синодъ.

Сколько же надо этихъ средствъ?

„Средствъ потребуется не мало", говорилъ въ своемъ предложеніи высокопреосвященный Димитрій. Выходя изъ того, что на первый томъ проф. Петрова вышло 1776 руб., а всѣхъ томовъ предположено къ изданію 20, сумму эту приблизительно можно опредѣлить въ 25000 руб., кромѣ пожертвованныхъ высокопреосвященнымъ Димитріемъ. Впрочемъ, мнѣ думается,

что точно опредѣлить эту сумму сейчасъ нельзя, да и незачѣмъ. Намъ слѣдуетъ сдѣлать въ Св. Синодъ докладъ о необходимости изданія актовъ и вмѣстѣ просить Его Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ открытіи кредита на изданіе актовъ по мѣрѣ выхода въ свѣтъ напечатанныхъ томовъ этихъ актовъ и по представленіи въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ надлежащихъ по расходу на изданіе этихъ томовъ совѣтскихъ отчетовъ.

Что касается вознагражденія членовъ комиссіи за ихъ трудъ по изданію актовъ, то этотъ вопросъ, повидимому, въ полной зависимости отъ перваго. Нѣтъ средствъ на изданіе, нѣтъ ихъ и на вознагражденіе. Съ своей стороны я увѣренно могу сказать, что члены комиссіи не отвлекутся отъ порученнаго имъ дѣла ничѣмъ, даже и „нескуднымъ вознагражденіемъ" со стороны. За дѣло изданія они взялись съ „полною готовностью", и сдѣлаютъ его по мѣрѣ силъ своихъ и знанія. Главною наградою для нихъ будетъ самая эта работа для родной Академіи. На первомъ Совѣтѣ рѣчь о вознагражденіи даже и не поднималась. Почему? Бывшій ректоръ Академіи сдѣлалъ предложеніе объ изданіи актовъ и сдѣлалъ пожертвованіе на это изданіе. Думалъ-ли онъ тогда о денежномъ вознагражденіи трудящихся надъ изданіемъ актовъ? Быть можетъ, и думалъ. Но можно думать и такъ, что по своей беспредѣльной любви къ родной Академіи онъ, жертвуя средства на столь дорогое дѣло, могъ разсчитывать на то, что и другіе изъ насъ, кто можетъ, могутъ пожертвовать на это же дѣло, если не средства, то свой трудъ.

Однако трудъ этотъ много потребуетъ у членовъ комиссіи времени, а между тѣмъ они живутъ, между прочимъ, и перомъ, потребуетъ много матеріальныхъ затратъ на поѣздки, прожитье въ чужихъ городахъ, снятіе копій, переписку и т. д. Корректура—дѣло, требующее платы... Въ виду этого, вознагражденіе является уже дѣломъ и должнымъ и необходимымъ. Но какъ цѣнить на деньги такой трудъ, сколько выдавать за

него? У насъ въ Кіевѣ „Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ" выдаетъ по 33 руб. за листъ, но тогда намъ пришлось-бы испрашивать у Св. Синода бо́льшую сумму для издателей, чѣмъ на изданіе.

Но если угодно будетъ Совѣту, то у насъ есть возможность рѣшить этотъ вопросъ. У насъ есть пять Макарьевскихъ премій, въ 250 руб. каждая, выдаваемыхъ теперь наставникамъ за лучшія ихъ сочиненія, какъ помѣщенныя въ ученомъ академическомъ журналѣ, такъ и отдѣльно изданныя Академіею. Если-бы Совѣтъ постановилъ выдавать за томъ актовъ издателю его двѣ изъ указанныхъ премій, то, я думаю, вопросъ о вознагражденіи такимъ образомъ вполнѣ разрѣшился бы. Даже, если-бы въ одинъ годъ вышло два тома актовъ, то и тогда издатели ихъ могли-бы получить это свое вознагражденіе. Впрочемъ, для обсужденія этого вопроса слѣдовало-бы избрать комиссію".

Постановили: Совершенно раздѣляя взглядъ Преосвященнаго Ректора на дѣло изданія „Актовъ и документовъ по исторіи Кіевской Академіи" и соглашаясь съ изложенными въ его предложеніи основаніями, просить Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ потребной на изданіе „Актовъ и документовъ" суммы, въ размѣрѣ не болѣе 2000 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма эта отпускалась, до окончанія всего изданія, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ томовъ „Актовъ", по представленіи Совѣтомъ Академіи въ Хозяйственное Управленіе Святѣйшаго Синода надлежащихъ отчетовъ. По вопросу-же о вознагражденіи составителей „Актовъ и документовъ" и объ источникахъ его составить комиссію изъ профессоровъ П. Лашкаго, В. Малинина, А. Дмитріевскаго, А. Булгакова и Д. Богдашевскаго, поручивъ ей свои соображенія представить къ одному изъ слѣдующихъ собраній Совѣта Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 декабря 1904 года. Согласенъ".

1905 года 10 февраля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: 1) Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 14 декабря 1904 года указъ Святѣйшаго Синода отъ 11 декабря того-же года за № 12572: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 октября сего года за № 1866, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи экстраординарнаго профессора сей Академіи Димитрія Богдашевскаго въ степени доктора богословія за представленное имъ на соисканіе этой степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Посланіе Св. Апостола Павла къ Ефесянамъ. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе", и 2) отзывъ Преосвященнаго Финляндскаго, отъ 22 минувшаго ноября за № 1048, о названномъ сочиненіи. Приказали: экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи, магистра богословія, Димитрія Богдашевскаго, удостоеннаго Совѣтомъ названной Академіи за вышеозначенное сочиненіе степени доктора богословія, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Финляндскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Профессору Д. Богдашевскому выдать докторскій дипломъ и объ утвержденіи его въ степени доктора богословія записать въ формулярный о службѣ его списокъ.

II. Увѣдомленія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 15 декабря 1904 года за № 9727: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 9 декабря 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Эммануилъ Пирромаллисъ опредѣленъ на должность учителя греческаго языка въ Бѣлозерское духовное училище".

б) отъ 15 того-же декабря за № 9733: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 9 декабря 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Іеронимъ Арсенишвили опредѣленъ на должность учителя географіи и ариѳметики въ Мстиславское духовное училище".

в) отъ 23 того-же декабря за № 9968: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 16 декабря 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Евгеній Сташевскій опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Николаевскаго духовнаго училища".

г) отъ 30 того-же декабря за № 10069: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 23 декабря 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Василій Хартія опредѣленъ на должность учителя греческаго языка въ параллельные классы Кишиневскаго духовнаго училища".

д) отъ 18 января 1905 года за № 367: „По утвержденному Г. Товарищемъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора 8 января 1905 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Константинъ Яновскій

опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Литовскую духовную семинарію“.

е) отъ 27 января 1905 года за № 629: „По утвержденному Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора 20 января 1905 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Алексѣй Діанинъ опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Калужскую духовную семинарію“.

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Прошенія:

а) заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова, отъ 4 января сего года: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять къ разсмотрѣнію мою книгу „Блаженный Діадохъ и его творенія“, представляемую мною на соисканіе I-й Макарьевской юбилейной преміи“.

Справка: Требуемое § 9 Положенія о 1-й юбилейной Макарьевской преміи число экземпляровъ сочиненія профессора К. Попова роздано имъ уже всѣмъ членамъ Совѣта и другимъ преподавателямъ Академіи.

б) ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго, отъ 7 января сего года: „Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи принять книгу мою: „Ставленникъ. Руководство для священно-церковно-служителей и избранныхъ въ епископа, при ихъ хиротоніяхъ, посвященіяхъ и награжденіяхъ знаками духовныхъ отличій, съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ обрядовъ и молитвословій“ (Кіевъ, 1904 г.) на соисканіе преміи покойнаго митрополита Московскаго Макарія. Узаконенное число экземпляровъ книги имѣетъ быть представлено“.

Постановили: Представленныя сочиненія передать на разсмотрѣніе—сочиненіе профессора К. Попова заслуженному экстраординарному профессору М. Ястребову, сочиненіе профессора А. Дмитріевскаго—экстраординарному профессору Н. Маккавейскому.

IV. Письма:

а) Преосвященнаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, отъ 4 сего февраля за № 94: „Долгъ имѣю увѣдомить Совѣтъ Академіи, что дипломъ на званіе почетнаго члена Кіевской Духовной Академіи мною полученъ. Отъ всего сердца благодарю Академію за честь, сдѣланную мнѣ симъ избраніемъ".

б) Бывшаго экстраординарнаго профессора Академіи Ѳ. С. Орнатскаго, отъ 14 минувшаго января: „Прошу Совѣтъ принять отъ меня глубочайшую благодарность за удостоеніе меня званія почетнаго члена Академіи. Эту высокую честь я цѣню тѣмъ больше, что Кіевская Академія вдвойнѣ родная мнѣ, и по воспитанію, и по служенію моему въ ней, и, какъ родную, я всегда любилъ и уважалъ ее со дней своего студенчества и продолжаю любить и теперь, по выходѣ въ отставку".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отзывы о печатномъ сочиненіи преподавателя Калужской духовной семинаріи, кандидата богословія И. Четверикова, подъ заглавіемъ: „О Богѣ, какъ личномъ Существѣ", представленномъ на степень магистра богословія.

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Сочиненіе г. Четверикова, помимо введенія, заключаетъ въ себѣ пять главъ.

Во введеніи авторъ выясняетъ недостаточность существующихъ доказательствъ личности Божества, объясняющуюся, по

автору, не только тѣмъ, что этими доказательствами предполагается цѣлый рядъ гносеологическихъ и онтологическихъ предпосылокъ (онѣ указаны въ трудѣ профессора П. В. Тихомирова „Гносеологическія и метафизическія предпосылки бытія Божія“, на котораго въ данномъ случаѣ ссылается авторъ), въ свою очередь требующихъ обоснованія, но и тѣмъ (и это— главнымъ образомъ), что въ существующихъ доказательствахъ личности Божества берутся въ качествѣ исходныхъ пунктовъ то понятіе о бытіи вообще, независимо отъ того или другого распорядка составляющихъ его элементовъ, то неопредѣленное понятіе цѣлесообразности, оторванной отъ самаго бытія, то— наконецъ—нравственныя потребности человѣка, разсматриваемыя опять-таки изолированно, тогда какъ, по автору, „исходнымъ пунктомъ въ обоснованіи теизма можетъ быть только понятіе цѣлостнаго бытія, точно опредѣленнаго строго философскимъ путемъ“: разъ у насъ есть такое понятіе, вопросъ о личности Божества рѣшается уясненіемъ отношенія между понятіемъ цѣлостнаго бытія и понятіемъ Абсолютнаго Существа. Такой путь рѣшенія вопроса, въ противоположность „методу доказательствъ“, приложимому только (?) къ познанію математическому, авторъ и считаетъ единственно надежнымъ при изслѣдованіи проблемъ философскаго характера. Однако, прежде чѣмъ выяснить понятіе цѣлостнаго бытія и Абсолютнаго Существа съ цѣлію опредѣлить взаимоотношеніе между ними, надо, по автору, установить правильное понятіе о мышленіи, какъ познающей дѣятельности, потому что недостаточность существующихъ доказательствъ личности Божества зависитъ въ концѣ концовъ отъ односторонности или даже неправильности ихъ гносеологическихъ предпосылокъ.

„Итакъ,—заключаетъ авторъ,—для обоснованія теистическаго ученія о личномъ Богѣ необходимо установить основныя начала бытія и познанія: дать правильное понятіе мышленія, точно опредѣлить понятіе цѣлостнаго бытія и въ частности—цѣлесообразности, правильно указать отношеніе Бога

къ этому бытію“ (откуда же спросимъ—возьмется самое понятіе о Богѣ?), „опредѣлить его, какъ трансцендентно имманентную, творческо-промыслительную первопричину міра, установить правильное понятіе личности“ (послѣ того, какъ уже дано опредѣленіе Бога въ качествѣ трансцендентно имманентной, творческо-промыслительной первопричины міра?) „и вмѣстѣ съ этимъ подвергнуть критикѣ всѣ возраженія“ (гдѣ ручательство того, что будутъ подвергнуты критикѣ *всѣ* безъ исключенія возраженія?) „противъ ученія о реальномъ бытіи Абсолютной Личности“ (стр. 12). Такъ намѣчаются основные пункты изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, и его планъ, но авторъ, вслѣдъ за приведенными словами, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „установка основныхъ началъ бытія и познанія возможна только“ (sic!) „черезъ критику различныхъ (?) философскихъ системъ“, и этимъ замѣчаніемъ осложняетъ уясненіе плана изслѣдованія.

Какъ видно изъ только-что приведенныхъ словъ, авторъ придаетъ громадное („*только* черезъ критику“...) значеніе въ изслѣдованіи философскихъ проблемъ критическому методу, съ особенною силой убѣжденія и послѣдовательности примѣненному въ области философіи Кантомъ, но понимаетъ его не въ смыслѣ Канта, потому что Кантъ считаетъ главнымъ объектомъ философской критики не „различныя философскія системы“, которыя, при всемъ своемъ разнообразіи, могутъ оказаться не исчерпывающими всѣхъ сторонъ изслѣдуемаго предмета, а самыя познавательныя способности, хотя не уклонялся отъ попутной критики и философскихъ системъ, будетъ ли то идеализмъ Беркли или предустановленная гармонія Лейбница,— тогда какъ нашъ авторъ объектомъ критики считаетъ „различныя философскія системы“. Такая—вольная или невольная—измѣна Канту отразилась на характерѣ всего изслѣдованія и прежде всего на его планѣ, побудивъ автора распредѣлить содержаніе своей критико-аналитической работы въ трехъ главахъ, соотвѣтственно тремъ главнымъ направленіямъ въ гносео-

логія: эмпиризму, раціонализму и критицизму. Въ первой главѣ подвергаются критическому анализу воззрѣнія Канта, Милля, Тэна и Спенсера, во второй—Спинозы и Гегеля, а также панентеистовъ, пытавшихся смягчить крайности гегелевскаго панлогизма, въ третьей—главнымъ образомъ Канта. Повидимому, главной задачей при критическомъ анализѣ указанныхъ философскихъ ученій авторъ считаетъ установку гносеологическихъ предпосылокъ, необходимыхъ для обоснованія правильнаго ученія о Богѣ, какъ Абсолютной Личности. Дѣйствительно, анализируя излагаемыя воззрѣнія, авторъ съ особенною настойчивостію проводитъ ту мысль, что опытъ и умозрѣніе, взятыя въ отдѣльности, не даютъ еще знанія, равно какъ анализъ и синтезъ, обособленные другъ отъ друга, не могутъ служить надежнымъ путемъ для построенія цѣлостной, логически-стройной философской системы, но, утверждая эти положенія, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду своей спеціальной задачи—обосновать ученіе о Богѣ, какъ личномъ Существѣ, разъясняетъ, какъ понимается личность вообще и въ приложеніи къ Абсолютному Существу въ частности главнѣйшими представителями эмпиризма, раціонализма и критицизма, въ зависимости отъ ихъ гносеологическихъ предпосылокъ, и хотя авторъ не упускаетъ случая для того, чтобы установить связь между гносеологическими предпосылками и теологическими выводами изучаемыхъ имъ мыслителей, тѣмъ не менѣе содержаніе первыхъ трехъ главъ, критико-аналитическихъ, представляется читателю настолько сложнымъ и разнообразнымъ, что порою трудно бываетъ слѣдить за ходомъ мысли нашего автора, тѣмъ болѣе, что тотъ ходъ мыслей, который авторъ было намѣтилъ для своего изслѣдованія („дать правильное понятіе о *мышленіи*“ и т. д.—см. выше), вмѣстѣ съ признаніемъ безусловной необходимости подвергнуть критикѣ „различныя философскія системы“ замѣняется другимъ: теперь уже оказывается необходимымъ „*прежде всего* рѣшить вопросъ, можно ли совершенно отрицать всякую цѣлесообразность или, по крайней мѣрѣ, объ-

яснять ея происхожденіе изъ простого случая", а отъ этого вопроса надо перейти къ другому: „можно ли опредѣлять абсолютность и личность съ чисто количественной только точки зрѣнія?" (стр. 12). Почему *„прежде всего"* нужно трактовать не о значеніи мышленія въ построеніи философской системы, а о цѣлесообразности, и въ какой связи стоитъ вопросъ о цѣлесообразности съ вопросомъ о приложимости количественной точки зрѣнія къ Абсолютному—авторъ не выясняетъ, представляя это дѣло читателю. Послѣднему, впрочемъ, не трудно разъяснить недоумѣніе: авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ трактацію о цѣлесообразности и присоединяетъ къ этой трактаціи рѣшеніе вопроса о томъ, можно ли опредѣлять абсолютность и личность съ количественной точки зрѣнія, по той простой причинѣ, что съ этими именно пунктами онъ встрѣтился при изученіи эмпиризма, которому по принятому обычаю отводитъ онъ первое мѣсто при обозрѣніи главнѣйшихъ гносеологическихъ направленій. Итакъ, чѣмъ же опредѣляется планъ разсматриваемаго нами изслѣдованія—составомъ изслѣдуемой проблемы или содержаніемъ „различныхъ философскихъ системъ", подвергаемыхъ критическому анализу въ первыхъ трехъ главахъ?

Независимо отъ нѣкоторой неясности того принципа, которымъ руководился авторъ при распредѣленіи матеріала своего изслѣдованія, мы должны признать содержаніе первыхъ трехъ главъ, занимающихъ большую часть сочиненія (274 страницы изъ 343—хъ), чрезвычайно богатымъ и очень цѣннымъ въ научномъ отношеніи: обнаруживъ обстоятельное знакомство съ воззрѣніями такихъ трудныхъ для изученія мыслителей, какъ Спенсеръ, Гегель, Кантъ и др., и проявивъ незаурядную тонкость, даже—позволю себѣ такъ выразиться—въѣдчивость критическаго анализа, авторъ въ этихъ главахъ подробно и обстоятельно раскрываетъ правильное понятіе о личности, подъ которою нельзя разумѣть ни измѣненную сумму психическихъ состояній (эмпирики), ни простое соотношеніе субъекта къ са-

мому себѣ (Гегель), ни формально объединяющій принципъ по отношенію къ множественности и разнообразію душевныхъ состояній (Кантъ): личность—это реальное разумно—свободное начало духовной жизнедѣятельности, необходимо обладающее всею полнотою истины и всемогущею святою волею. Понимаемая въ этомъ смыслѣ, личность въ полной мѣрѣ приложима только къ Абсолютному—таково основное положеніе автора, раскрытое имъ съ полною обстоятельностію. Одинъ лишь пунктъ представляется намъ неяснымъ: это—въ какомъ смыслѣ можно и должно разсматривать чувство, какъ ингредіентъ въ понятіи Абсолютной Личности. Въ этихъ же главахъ подробно выясняются понятія цѣлесообразности и свободы.

Вообще, первыя три главы, при аналитико-критическомъ методѣ изложенія, отличаются такимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, что синтезъ добытыхъ анализомъ положеній представляется дѣломъ первостепенной важности. Хорошо сознавая это, авторъ такому именно синтезу посвящаетъ четвертую главу своего изслѣдованія. Къ сожалѣнію, въ синтезѣ авторъ слабѣе, чѣмъ въ анализѣ. Не говоря уже о томъ, что четвертая глава, которая, по замыслу автора, должна объединить результаты предшествовавшаго анализа, далеко не даетъ представленія о богатствѣ и цѣнности содержанія, заключающагося въ первыхъ трехъ главахъ, она сама по себѣ имѣетъ не маловажные недостатки: мы встрѣчаемся здѣсь съ совсѣмъ невыясненными или недостаточно выясненными понятіями и даже съ логическими противорѣчіями. Такъ, еще въ заключительномъ пунктѣ третьей главы, который является какъ бы введеніемъ къ содержанію четвертой главы, мы встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что при уясненіи понятія о Богѣ, какъ личномъ Существѣ, слѣдуетъ руководиться методомъ чисто философскимъ, или аналитико-синтетическимъ (эта мысль не разъ повторяется на протяженіи всего изслѣдованія), но въ чемъ состоятъ отличительныя особенности этого метода—для читателя такъ и остается неяснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли можно

вынести, въ смыслѣ уясненія значенія *анализа* въ философскомъ изслѣдованіи, изъ того утвержденія автора, что „путемъ анализа мышленіе даетъ основанія для“ синтетическихъ „построеній“, или, какъ говорится нѣсколькими строками ниже, что „анализъ только обосновываетъ синтетическія построенія мышленія“ (стр. 283)? Еще туманнѣе разсужденія автора о характерѣ и значеніи философскаго синтеза. Философскій синтезъ, по мнѣнію автора, существенно отличается отъ того синтеза, который примѣняется въ наукахъ опытныхъ и математическихъ. „Въ области философскихъ изслѣдованій, — разсуждаетъ авторъ, — мышленіе имѣетъ отвлеченный характеръ; оно не ограничивается ни опытомъ, ни созерцаніемъ“ (можно подумать, что философія не нуждается въ опытѣ, но это противорѣчитъ всему содержанію третьей главы, разъясняющей ту мысль, что знаніе есть результатъ взаимодѣйствія опыта и умозрѣнія) „и въ этомъ смыслѣ какъ бы переступаетъ всѣ границы конечнаго. Правда, и для дѣятельности отвлеченнаго мышленія должны быть основанія, и такими основаніями являются формы нашего мышленія, которыя и составляютъ необходимыя границы его дѣятельности. Но эти границы далеко не узки; субъективныя начала, или формы познанія, имѣютъ неограниченное приложеніе ко всякому данному отвнѣ содержанію; отсюда (?) на основѣ этихъ формъ возможно построеніе истинно-философскаго синтеза, имѣющаго универсальное, а не частное значеніе“ (стр. 284). Итакъ, чѣмъ же „истинно-философскій синтезъ“ отличается отъ математическаго или естественно-научнаго? Тѣмъ, что онъ производится „на основѣ“ субъективныхъ началъ, или формъ познанія, тогда какъ математическій синтезъ опирается на математическихъ построеніяхъ, а естественно-научный — на опытѣ? но если такъ, то къ чему же заявленіе автора о томъ, что „субъективныя начала, или формы познанія имѣютъ неограниченное приложеніе ко всякому данному отвнѣ содержанію“? если же „данное отвнѣ содержаніе“ не безразлично для философскаго синтеза, то чѣмъ же въ концѣ концовъ онъ

отличается отъ синтеза, примѣняемаго въ естествознаніи? Понятіе объ аналитико-синтетическомъ методѣ, какъ методѣ истинно-философскомъ, имѣетъ въ изслѣдованіи автора настолько существенное значеніе, что его нельзя было оставить безъ обстоятельнаго выясненія, какъ это мы видимъ теперь. Тѣмъ болѣе нужно было обстоятельно выяснить—въ частности—значеніе апріорныхъ *формъ* познанія для философскаго синтеза, что на страницѣ 290-ой авторъ говоритъ уже объ апріорныхъ *идеяхъ*, причемъ взаимоотношеніе между двумя терминами—идея и форма—остается неяснымъ. Въ четвертой главѣ выступаетъ извѣстная тріада—истины, добра и красоты, но понятіе красоты нигдѣ въ изслѣдованіи автора не выясняется: зачѣмъ же пользоваться невыясненнымъ понятіемъ, смыслъ котораго далеко нельзя признать установленнымъ? Въ той же главѣ авторъ привлекаетъ къ разсмотрѣнію откровенныя данныя относительно внутренней жизни Божества, но они оказываются не вполнѣ согласованными съ выводами самого автора. Такъ, на страницѣ 299-ой авторъ утверждаетъ, что „самопознаніе и свобода, внутренняя жизнь и творческая дѣятельность предполагае(ю)тъ *одинъ* центральный пунктъ въ Божествѣ, или *Я*, какъ носителя и источникъ сознательной и свободной жизни (,) или—точнѣе—предполагаетъ въ немъ личность, какъ Его основное и существенное свойство". Какъ согласить съ этимъ сказанное на предыдущей страницѣ: „Божество *необходимо* должно быть признано не только абсолютно единымъ, но и обладающимъ множественностью личностей"? На той же страницѣ говорится, что „внутренняя жизнь Божества, дѣлающая возможнымъ Его личное бытіе", заключается „въ отношеніяхъ между Лицами Пресв. Троицы", а на слѣд. страницѣ читаемъ, что „внутренняя жизнь Божества, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ его внѣшнею творческою дѣятельностью", состоитъ „въ порожденіи своихъ свойствъ изъ самого себя, какъ объединяющаго центральнаго пункта". Какъ согласить эти положенія? Требуетъ разъясненія слѣдующая мысль автора (на стр. 298): „абсолютная идея, какъ конечный пунктъ нашей мыслительной дѣятель-

ности, необходимо должна объединять въ себѣ какъ абсолютное единство (результатъ синтеза), такъ и абсолютное различіе (результатъ анализа)"—какимъ образомъ мысль о безусловномъ единствѣ абсолютной идеи можетъ быть *результатомъ* синтеза, если эта идея служитъ *основою* синтеза; дальше, если абсолютная идея, какъ безусловное единство, является результатомъ синтеза, то что же служитъ объектомъ анализа, который, по автору, долженъ дать мысль объ абсолютномъ различіи въ Абсолютномъ? Не менѣе нуждается въ разъясненіи утвержденіе, что „абсолютное различіе есть различіе личностей", высказываемое авторомъ догматически (на той же страницѣ). Поскольку, впрочемъ, авторъ въ четвертой главѣ не переступаетъ за предѣлы тѣхъ положеній, которыя раскрыты въ первыхъ трехъ главахъ, онъ свободенъ отъ упрековъ въ необоснованности и неясности.

Въ пятой главѣ авторъ оправдываетъ основные результаты своего изслѣдованія изложеніемъ церковнаго ученія о Богѣ, какъ личномъ Существѣ, поскольку оно нашло свое выраженіе въ Св. Писаніи и въ твореніяхъ церковныхъ писателей. Больше всего мѣста отводится ученію церковныхъ писателей II и III в. в.

Обобщая все сказанное доселѣ, мы должны повторить, что если синтезъ автора и не вполнѣ удовлетворяетъ читателя, то аналитико-критическая часть работы выполнена г-номъ Четвериковымъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и рѣдкою обстоятельностью; данное имъ выясненіе понятій цѣлесообразности, свободы и личности представляетъ цѣнный вкладъ въ науку. Сочиненіе свидѣтельствуетъ о незаурядной начитанности автора въ области богословско-философской литературы и о несомнѣнной способности его къ философскому анализу системъ и понятій. Та убѣжденность, съ какою авторъ отстаиваетъ теистическое ученіе о Богѣ, ставитъ его высоко, какъ православнаго богослова. Все это даетъ автору, по моему мнѣнію, полное право на полученіе ученой степени магистра богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Сочиненіе преподавателя семинаріи И. П. Четверикова очень обширное и заключаетъ въ себѣ такое изобиліе свѣдѣній изъ области философіи, что авторъ безъ сомнѣнія располагалъ матеріаломъ, болѣе чѣмъ достаточнымъ, для возможно полнаго изслѣдованія своего предмета. Однако такія стороны этого предмета недостаточно выдвинуты и освѣщены, которыя сами собою, помимо нарочитаго изученія его, представляются вниманію. Авторъ не разъясняетъ должнымъ образомъ, какъ смотрѣть на то, что понятіе личности многими признается недопустимымъ въ отношеніи къ существу неограниченному и безусловному, не задается вопросомъ о томъ, какъ понимать неограниченность Божества, по мнѣнію нѣкоторыхъ, будто бы несовмѣстимую съ понятіемъ личности, и слѣдуетъ ли считать ограниченность, условность, необходимымъ свойствомъ личности. Авторъ не остановилъ должнаго вниманія на разныхъ направленіяхъ философіи въ ученіи о Божествѣ какъ существѣ безусловномъ. Обо всемъ этомъ если и говорится, то какъ бы мимоходомъ, а главное—въ связи съ другими частными вопросами, значеніе которыхъ въ отношеніи къ предмету сочиненія авторъ оставляетъ безъ должнаго разъясненія. Не счелъ авторъ нужнымъ заняться вопросомъ о существованіи зла въ мірѣ, свидѣтельствующемъ будто о томъ, что не высочайшее и совершенное существо есть основа бытія вещей, а неразумная и безличная, безсознательная воля. При этомъ, въ изложеніи важнѣйшихъ опредѣленій и понятій, прямо относящихся къ задачѣ сочиненія, авторъ не въ мѣру краток и малословенъ, тогда какъ о матеріяхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія, неизвѣстно почему, считаетъ нужнымъ распространяться больше чѣмъ слѣдуетъ. Читая сочиненіе г. Четверикова, ясно не представляешь, въ чемъ собственно полагалъ авторъ задачу своего сочиненія, имѣлъ ли онъ въ виду—представить философское обоснованіе ученія о личности Божества, но объ

этомъ есть особая, и при томъ меньшая, глава, или же онъ хотѣлъ показать—какъ относятся къ этому ученію разныя философскія системы. Критическимъ разсмотрѣніемъ разныхъ философскихъ системъ авторъ, должно полагать, имѣлъ въ виду подготовить почву для собственнаго, по возможности полнаго и твердо обоснованнаго, рѣшенія вопроса. Но подробное обозрѣніе гносеологическихъ направленій, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано авторомъ, нельзя считать приготовленіемъ почвы къ самостоятельному и болѣе полному рѣшенію вопроса. Дѣйствительно, глава, въ которой излагается это рѣшеніе, мало имѣетъ связи съ предъидущими, а если эта связь и есть, то не касается самаго предмета сочиненія, а относится къ матеріямъ, мало имѣющимъ значенія въ рѣшеніи задачи сочиненія. Вотъ о чемъ трактуется въ трехъ главахъ, которыя слѣдуетъ считать подготовительными, хотя составляютъ двѣ трети сочиненія. Прежде всего обозрѣвается эмпиризмъ какъ направленіе философское. Здѣсь критически обозрѣвается ученіе Д. С. Милля о познаніи. Далѣе слѣдуютъ: Тэнъ и его попытки избѣжать абсолютнаго скептицизма. Критическій разборъ его гносеологіи и теологіи. Спенсеръ и отношеніе его къ Тэну, Юму и Миллю. Ученіе Спенсера объ истинахъ самоочевидныхъ. Дарвинизмъ. Понятіе абсолютнаго у Спенсера. Эмпирическое понятіе личности и критика этого понятія. Въ слѣдующей главѣ подробно обозрѣвается идеалистическая философія Спинозы и Гегеля. И еще обширнѣе въ третьей главѣ дѣлается критическое обозрѣніе философіи Канта. Если бы авторъ изъ всѣхъ этихъ главъ выдѣлилъ лишь то, что относится къ понятію о личности вообще и безусловной личности въ особенности, то изслѣдованіе автора получило бы несравненно большую ясность, не было бы загромождено въ такой степени не идущими къ дѣлу матеріями, и для самого автора было бы виднѣе—на что слѣдовало ему обратить главное вниманіе, и чего можно достигнуть въ рѣшеніи избраннаго имъ вопроса. Не разъ авторъ указываетъ на недостаточность извѣстныхъ въ школѣ

доказательствъ бытія Божія, при чемъ дѣлаетъ такое замѣчаніе, что изложеніе полнаго понятія о Богѣ, такое изложеніе, при которомъ это понятіе получило бы подобающее ему всеобъемлющее значеніе, можетъ быть представлено только въ формѣ философской системы, а не въ видѣ краткихъ отрывочныхъ и отвлеченныхъ формулъ. Замѣчаніе вѣрное. Но авторъ повидимому разумѣетъ въ этомъ случаѣ такое разсмотрѣніе вопросовъ философіи, при которомъ, въ ряду этихъ вопросовъ и въ тѣсной связи съ ними, долженъ быть поставленъ и вопросъ о Богѣ. Вмѣсто этого, означенное замѣчаніе должно имѣть тотъ смыслъ, что требуется систематическое изложеніе ученія о Богѣ, при чемъ въ это изложеніе должны войти и нѣкоторые иные вопросы философіи, но лишь по мѣрѣ надобности и только какъ средство или пособіе къ болѣе полному и тщательному изслѣдованію главнаго вопроса о Богѣ. Въ разсматриваемомъ сочиненіи дѣло поставлено такъ, какъ будто не вопросъ о Богѣ есть главный, а вопросъ о познаніи. Очевидно, авторъ нашелъ нужнымъ вести изслѣдованіе съ точки зрѣнія гносеологической какъ господствующей въ философіи нашего времени. Этимъ все таки не оправдывается обширное разсмотрѣніе разныхъ ученій о познаніи; можно было ограничиться краткимъ указаніемъ разныхъ взглядовъ по этому предмету, и во всякомъ случаѣ разсужденія объ этомъ слѣдовало поставить въ ясную и несомнительную зависимость отъ изслѣдованія самаго предмета сочиненія. Между тѣмъ, избравъ для изслѣдованія своего предмета исключительно гносеологическую точку зрѣнія, авторъ чрезъ то самое вопросу своего сочиненія сообщаетъ смыслъ, не соотвѣтствующій заглавію сочиненія. Собственно не Богъ какъ личное существо, а *идея* Божества оказывается предметомъ изслѣдованія,— т. е. мысль о *бытіи* высочайшаго существа устраняется, а остается субъективный образъ, о которомъ неизвѣстно, существуетъ ли объектъ, первотипъ этого образа. Самое важное неудобство гносеологической точки зрѣнія заключается въ томъ,

что, при рѣшеніи вопросовъ философіи съ этой точки зрѣнія, получается обыкновенно *субъективизмъ* въ разныхъ видахъ. Сверхъ того, у всѣхъ философовъ новаго времени, которые занимались изслѣдованіемъ познанія, представляется наше познаніе имѣющимъ непосредственную ближайшую связь съ реальнымъ бытіемъ лишь въ самомъ актѣ воспріятія чувственнаго. Поэтому, съ точки зрѣнія гносеологической, важнѣйшимъ критеріемъ достовѣрности познанія (не въ смыслѣ объективности, а въ смыслѣ реальности) представляется свидѣтельство чувствъ; для реальности познанія требуется, такъ сказать, непосредственное соприкосновеніе субъекта познающаго съ предметомъ;—свидѣтельствомъ или выраженіемъ этого соприкосновенія должно служить чувство, по мѣрѣ же участія въ познавательномъ процессѣ другихъ активныхъ способностей, процессъ этотъ кажется отдаляющимся отъ воздѣйствія на него реальнаго бытія. Поэтому то наши отечественные философы—интуитивисты и антропологисты (см. объ этомъ стр. 259 и д.) напоминаютъ того изъ учениковъ Христовыхъ, еще не просвѣщеннаго Духомъ Св., который просилъ Господа показать ему Отца.

Авторъ до такой степени увлеченъ гносеологической точкой зрѣнія (конечно по причинѣ господства таковой въ современной философіи), что гносеологію считаетъ основаніемъ всей философской системы даже тамъ, гдѣ наоборотъ гносеологія является лишь послѣдствіемъ онтологическаго ученія (система Спинозы, см. стр. 108).

Гносеологическая точка зрѣнія самостоятельнаго значенія не имѣетъ: она должна быть лишь пособіемъ къ точкѣ зрѣнія онтологической. Съ этой же точки зрѣнія вопросъ, изслѣдуемый авторомъ, упрощается: требуется показать, что̀ должно признать основнымъ началомъ бытія—матерію или духъ, и какъ понимать различіе между безусловнымъ и условнымъ.

Изъ сказаннаго видно, что изслѣдованіе г. Четверикова значительными философскими достоинствами не обладаетъ. Мысли, которыя могли бы имѣть большое значеніе въ изслѣдованіи ав-

тора выражены кратко, отрывочно, безъ необходимаго развитія и обоснованія. Формулировка вопросовъ неясная и неопредѣленная; аргументація неубѣдительная. Иногда трудно бываетъ понять, къ чему авторъ направляетъ свои критическія замѣчанія.

Но какъ сочиненіе ученое, трудъ г. Четверикова можно признать даже замѣчательнымъ. Обширное знакомство автора съ философской литературой свидѣтельствуетъ о великомъ терпѣніи и усердіи къ дѣлу. Начитанность автора настолько значительна, что, пожалуй, онъ не имѣлъ необходимаго досуга для того, что бы весь тотъ матеріалъ знаній, пріобрѣтеніе котораго стоило конечно большого труда и продолжительнаго времени, переработать собственнымъ мышленіемъ, тщательно обдумать свое сочиненіе и въ цѣломъ и въ частяхъ, такъ что бы все было на своемъ мѣстѣ, а главное чтобы по возможности достигнуть надлежащей ясности въ томъ трудномъ дѣлѣ какъ разработка и комбинированіе философскихъ понятій. Опытность въ дѣлѣ философскаго изслѣдованія пріобрѣтается не легко и требуется для того много времени.

Обращаетъ на себя вниманіе глава: *святоотеческое ученіе о личномъ Богѣ*, отличающаяся изложеніемъ сжатымъ, но вмѣстѣ довольно полнымъ и стройнымъ, обнимающимъ наиболѣе существенное.

Слѣдуетъ отмѣтить также, какъ наиболѣе удачный въ философскомъ отношеніи отрывокъ, критическое обсужденіе ученій о Богѣ или точнѣе о методѣ постановки этого ученія нашихъ философовъ-интуитивистовъ и антропологистовъ.

Какъ трудъ, отличающійся именно въ ученомъ отношеніи достоинствами выдающимися, сочиненіе г. Четверикова, безъ всякаго сомнѣнія, даетъ ему полное право на полученіе ученой степени магистра богословія“.

Справка: И. Четвериковъ окончилъ полный курсъ наукъ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1899 года со степенью

кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительнаго для сей степени печатнаго сочиненія и защищеніе его на коллоквіумѣ.

Постановили: Сочиненіе кандидата богословія И. Четверикова „О Богѣ, какъ личномъ Существѣ", согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, назначивъ оффиціальными оппонентами при защитѣ заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго и и. д. доцента П. Кудрявцева, время же самаго коллоквіума предоставить назначить Ректору Академіи.

VI. Актъ испытанія: „1905 года 26 января подвергнутъ былъ дополнительному для полученія степени магистра богословія испытанію библіотекарь Кіевской Духовной Академіи, кандидатъ богословія Амвросій Крыловскій и получилъ на испытаніи слѣдующіе баллы: по догматическому богословію 4 (четыре), по исторіи философіи 4 (четыре)".

Справка: Совѣтомъ Академіи 13 декабря 1904 года, по заслушаніи прошенія г. Крыловскаго о принятіи къ разсмотрѣнію на магистерскую степень его сочиненія подъ заглавіемъ „Львовское Ставропигіальное Братство" (Кіевъ, 1904), постановлено: „предоставить г. Крыловскому для полученія магистерской степени держать дополнительное испытаніе по догматическому богословію и исторіи философіи, послѣ чего имѣть сужденіе о самомъ сочиненіи его".

Постановили: Представленное библіотекаремъ Академіи А. Крыловскимъ сочиненіе его „Львовское Ставропигіальное Братство" передать на разсмотрѣніе экстраординарному профессору, священнику Ѳ. Титову, съ представленіемъ Ректору

Академія назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

VII. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи

въ декабрѣ 1904 года:

„А) по болѣзни: а) по догматическому богословію заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 8 л. (1, 2, 3, 8, 10, 15, 16 и 17 ч.); б) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Н. Петровымъ 2 л. (1 и 3 ч.); в) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 1 л. (17 ч.); г) по психологіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Олесницкимъ 2 л. (2 и 18 ч.); д) по библейской исторіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Ѳ. Покровскимъ 3 л. (15 и 18 ч.); е) по священному писанію новаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ Д. Богдашевскимъ 1 л. (3 ч.); ж) экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ по педагогикѣ 6 л. (2, 9, 11, 13, 16 и 18 ч.) и по пастырскому богословію 1 л (7 ч.); з) по нравственному богословію и. д. доцента В. Экземплярскимъ 3 л. (8, 15 и 18 ч.); и) по нѣмецкому языку лекторомъ Г. Кульманомъ 1 л. (16 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по древней общей гражданской исторіи доцентомъ Н. Мухинымъ 6 л. (3, 8, 10, 13, 15 и 17 ч.); б) по исторіи философіи и. д. доцента П. Кудрявцевымъ 1 л. (6 ч.); в) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (16 ч.)";

въ январѣ 1905 года:

„А) по болѣзни: а) заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ по исторіи и обличенію русскаго рас-

кола 4 л. (14, 17 и 22 ч.) и по общей церковной исторіи 2 л. (12 и 27 ч.); б) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 1 л. (10 ч.); в) по психологіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ М. Олесницкимъ 1 л. (31 ч.); г) экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ по педагогикѣ 1 л. (10 ч.) и по пастырскому богословію 1 л. (11 ч.); д) по церковному праву и. д. доцента Θ. Мищенко 1 л. (13 ч.); е) по нѣмецкому языку лекторомъ Г. Кульманомъ 2 л. (27 ч.); ж) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (20 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) ординарнымъ профессоромъ А. Дмитріевскимъ по литургикѣ 1 л. (27 ч.) и по церковной археологіи 1 л. (27 ч.); б) по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ, протоіереемъ І. Корольковымъ 2 л. (27 ч.); в) по педагогикѣ экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 1 л. (31 ч.); по древней общей гражданской исторіи доцентомъ Н. Мухинымъ 4 л. (24, 26, 28 и 31 ч.); В) по исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ: по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій экстраординарнымъ профессоромъ А. Булгаковымъ 4 л. (24 и 27 ч.)".

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи 8 пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

VIII. Докладъ секретаря Совѣта: „Согласно постановленію Совѣта Академіи, отъ 20 ноября 1896 года, Совѣтомъ Академіи назначается ежегодно особая комиссія изъ наставниковъ Академіи, для выбора кандидатскихъ сочиненій воспитанниковъ Академіи по русской исторіи и древностямъ, которыя могутъ быть удостоены Евгеніе-Румянцевскихъ премій, и наблюденія за редактированіемъ и печатаніемъ этихъ сочиненій".

Постановили: Въ составъ комиссіи для выбора на 1905 годъ сочиненій воспитанниковъ Академіи, заслуживающихъ Евгеніе-Румянцевскихъ премій, и наблюденія за редактированіемъ этихъ сочиненій назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ В. Пѣвницкаго и Н. Петрова.

IX. Докладъ комиссіи изъ профессоровъ П. Линицкаго, В. Малинина, А. Дмитріевскаго, А. Булгакова и Д. Богдашевскаго, отъ 20 января сего года: „Обсудивъ, по порученію Совѣта Академіи, вопросъ о вознагражденіи за редактированіе документовъ, относящихся къ исторіи нашей Академіи, вышеозначенная комиссія пришла къ слѣдующему рѣшенію вопроса.

Труды по редактированію документовъ изъ исторіи нашей Академіи могутъ быть вознаграждаемы, по надлежащей ихъ оцѣнкѣ, изъ процентовъ Евгеніе-Румянцевскаго капитала. Хотя, по утвердившейся въ нашей Академіи практикѣ, проценты этого капитала расходуются на премія за студенческія сочиненія, но эта практика произошла отъ того, что митрополиту Евгенію—одному изъ учредителей названнаго преміальнаго капитала,—угодно было назначить темы изъ русской исторіи для студенческихъ сочиненій съ тѣмъ, что бы за подобныя сочиненія было выдаваемо денежное вознагражденіе. Безъ сомнѣнія имѣлось въ виду возбудить въ нашей Академіи, по возможности тотчасъ же, интересъ къ изученію русской исторіи и приготовить на будущее время, соревнователей въ томъ дѣлѣ, которому былъ такъ преданъ самъ митрополитъ Евгеній. Но этимъ конечно не предрѣшалась на все послѣдующее время судьба преміальнаго капитала, пожертвованнаго для нашей Академіи столь извѣстнымъ ревнителемъ русскаго просвѣщенія купно съ не менѣе извѣстнымъ покровителемъ того же просвѣщенія Румянцевымъ. Къ настоящему времени капиталъ этотъ значительно возросъ, и ничто уже не препятствуетъ, нѣкоторую часть онаго, конечно большую, предназначить для вы-

дачи, изъ процентовъ таковой части, вознагражденія за труды по русской, какъ церковной такъ и гражданской исторіи, наставниковъ Академіи, безъ сомнѣнія болѣе зрѣлые и полезные въ научномъ отношеніи нежели студенческія упражненія, а къ числу таковыхъ трудовъ, по справедливости, слѣдуетъ отнести изданіе документовъ, относящихся къ исторіи нашей Академіи. Если Евгеніе-Румянцевскій капиталъ, пожертвованный для нашей Академіи извѣстными ревнителями русскаго просвѣщенія, будетъ употребляемъ на вознагражденіе за ученые труды, имѣющіе въ виду возбужденіе и углубленіе національнаго нашего самосознанія, чему должно способствовать прежде всего изученіе русской исторіи, то этимъ Академія наша конечно въ наибольшей мѣрѣ выполнитъ намѣреніе, съ какимъ былъ учрежденъ названный капиталъ".

Постановили: Такъ какъ Евгеніе-Румянцевскій капиталъ имѣетъ другое назначеніе, предложеніе комиссіи отклонить; и, соглашаясь съ предложеніемъ Ректора Академіи, Епископа Платона, сдѣланнымъ имъ въ собраніи Совѣта Академіи 13 декабря минувшаго 1904 года, о вознагражденіи за составленіе и редактированіе „Актовъ и документовъ" по исторіи нашей Академіи по Положенію о преміяхъ митрополита Московскаго Макарія, учрежденныхъ при Кіевской Академіи по предсмертному его завѣщанію, выдачей за каждый томъ „Актовъ и документовъ" составителю его двухъ наставническихъ премій, по 250 рублей каждая, примѣнительно къ § 3 сего Положенія и обычному, указанному въ Положеніи, порядку,—принять это предложеніе. Для выработки же болѣе правильнаго и цѣлесообразнаго пользованія Евгеніе-Румянцевскимъ капиталомъ образовать комиссію изъ профессоровъ Н. И. Петрова, В. З. Завитневича, священника Ѳ. И. Титова и В. П. Рыбинскаго, поручивъ ей свои соображенія на этотъ счетъ представить къ одному изъ слѣдующихъ собраній Совѣта.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 Февраля 1905 г. Читалъ".

1905 года 10 февраля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 11 декабря 1904 года указъ Святѣйшаго Синода отъ 11 того-же декабря за № 12512: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 13 сентября сего года за № 1692, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи исправляющаго должность доцента сей Академіи Василія Экземплярскаго въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Библейское и Святоотеческое ученіе о сущности священства", и 2) отзывъ Преосвященнаго Подольскаго, нынѣ Винницкаго Климента за № 297, о названномъ сочиненіи.—Авторъ помянутаго сочиненія касается, между прочимъ, вопроса о неизгладимости благодати священства. Этотъ вопросъ, по его мнѣнію, еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ въ нашемъ богословіи, но въ ученіи отцевъ и церковныхъ соборовъ находятся данныя для его разрѣшенія. Авторъ предлагаетъ попытку подобнаго рода. Послѣ ознакомленія съ данными, имѣющимися въ церковномъ ученіи по этому вопросу, онъ (авторъ) пришелъ къ выводу о неизгладимости благодати священ-

ства и указываетъ на то значеніе для практической жизни церкви, какое можетъ имѣть подобное рѣшеніе вопроса, когда даже іерархія еретическихъ обществъ можетъ быть признана, по присоединеніи къ церкви и при наличности нѣкоторыхъ условій, дѣйствительною, по силѣ своей неразрывной преемственной связи съ апостольствомъ церкви. Но, разсматривая каноническія и церковно-историческія данныя, которыя могутъ, по мнѣнію автора, послужить основаніемъ для такого или иного рѣшенія вопроса, авторъ не упоминаетъ однако-же совсѣмъ о мнѣніи по этому вопросу одного изъ авторитетныхъ нашихъ отечественныхъ богослововъ—покойнаго Митрополита Московскаго Филарета. По мысли послѣдняго, выраженіе „неизгладимый характеръ“ къ таинству священства не примѣняется. Священникъ, впавшій въ ересь или отрекшійся отъ Христа и обращающійся съ покаяніемъ, лишается священства и пріемлется церковію какъ мірянинъ (Апост. пр. 62, Петра Александр. 10). Кто лишенъ сана, тотъ уже не священникъ. А что въ Греціи знаютъ только священниковъ подъ вѣчнымъ запрещеніемъ, это латинское, перенятое учившимися въ западныхъ школахъ. Читайте апостольское правило: „священникъ, біяй вѣрнаго, или невѣрнаго, да извержется“. Что значитъ: „да извержется?“ Да изверженъ будетъ изъ сана священства, или, что тоже, да будетъ лишенъ священства и да престанетъ быть священникомъ. Въ правилахъ есть и то, что иные священники должны быть подъ всегдашнимъ запрещеніемъ служенія. Это иная, меньшая степень наказанія. Что касается бывшихъ въ русской церкви случаевъ возвращенія сана лишеннымъ онаго, то Преосвященный Митрополитъ Филаретъ, разбирая выраженія въ одной книгѣ: „Синодъ въ полномъ засѣданіи возвратилъ ему (Θеофилакту) санъ“, замѣтилъ: „по правиламъ церковнымъ, санъ, котораго кто лишенъ, не возвратимъ. Итакъ, употребленное выраженіе можетъ подать поводъ къ нареканіямъ на Святѣйшій Синодъ, что онъ въ полномъ собраніи дѣйствовалъ противъ правилъ церковныхъ. Ради достоинства Святѣйшаго Синода

нужно разобрать дѣло и раскрыть, почему лишенъ сана былъ неправильно и почему Синодъ въ полномъ собраніи объявилъ низложеніе недѣйствительнымъ и призналъ Преосвященнаго Ѳеофилакта въ санѣ". Приказали: Исправляющаго должность доцента Кіевской Духовной Академіи, кандидата богословія Василія Экземплярскаго, удостоеннаго Совѣтомъ сей Академіи за вышеозначенное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить въ таковой степени, съ тѣмъ, однако, что-бы имъ, Экземплярскимъ, въ оставшіеся не распроданными экземпляры его книги былъ вложенъ особый листъ съ изложеніемъ, въ видѣ примѣчанія къ соотвѣтствующимъ страницамъ (VII и 233) книги, мнѣнія покойнаго Митрополита Московскаго Филарета по вопросу о „неизгладимости благодати священства", а при слѣдующемъ изданіи книги сдѣлано было необходимое дополненіе въ самомъ текстѣ книги; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Исправляющему должность доцента Академіи Василію Экземплярскому выдать дипломъ на степень магистра богословія и объ удостоеніи его магистерской степени записать въ формулярный о службѣ его списокъ, объявивъ ему къ исполненію указъ Святѣйшаго Синода. Вмѣстѣ съ тѣмъ удостоить Экземплярскаго званія доцента Академіи, о чемъ, на основаніи § 81 б. 4 Уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 февраля 1905 г. Утверждается".

1905 года 10 февраля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона, отъ 9 сего февраля: „Преосвященнымъ Агаѳодоромъ, Епископомъ Ставропольскимъ и Екатеринодарскимъ, при отношеніи на мое имя отъ 15 минувшаго января за № 143, препровождены шесть тысячъ рублей, въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты за №№ 141 и 1546, съ купонами на 1-е марта сего года, на учрежденіе при Академіи стипендіи его имени. Желаніе Преосвященнаго жертвователя таковы: 1) представленный имъ капиталъ долженъ составлять неприкосновенную собственность Академіи, а на проценты съ него имѣетъ содержаться сирота или бѣднѣйшій изъ студентовъ Академіи духовнаго происхожденія, лучшій по нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ, при чемъ преимущество отдается уроженцамъ Ставропольской епархіи; 2) пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ; 3) въ случаѣ закрытія Кіевской Академіи стипендія переводится въ Казанскую или въ другую духовную православнаго вѣдомства Академію, гдѣ и распредѣляется согласно Положенію о сей стипендіи. Означенные 6000 рублей переданы мною въ Правленіе Академіи и записаны на приходъ по журналу Правленія отъ 20 января сего года".

б) Предложенный Ректоромъ Академіи проектъ Положенія о стипеніи имени Преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, при Кіевской Духовной Академіи.

§ 1.

При Кіевской Духовной Академіи учреждается стипендія имени Преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго

и Екатеринодарскаго, на проценты съ пожертвованнаго имъ въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты капитала въ шесть тысячъ рублей.

§ 2.

Капиталъ сей составляетъ неотъемлемую собственность Академіи и хранится неприкосновеннымъ въ числѣ спеціальныхъ суммъ ея.

§ 3.

Согласно желанію жертвователя, стипендія предоставляется сиротѣ или бѣднѣйшему изъ студентовъ Академіи духовнаго происхожденія, лучшему по нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ, при чемъ преимущество отдается уроженцамъ Ставропольской епархіи.

§ 4.

Ежегодная стипендія полагается въ 210 р., соотвѣтственно существующему окладу содержанія, казеннокоштныхъ студентовъ.

§ 5.

На стипендіатовъ имени Преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, не распространяется обязательство выслуги установленнаго §§ 160 и 161 Устава дух. акад. числа лѣтъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ.

§ 6.

Право выбора и принятія студента на стипендію принадлежитъ Правленію Академіи, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго.

§ 7.

Ежегодные остатки отъ стипендіи причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи на случай увеличенія оклада содержанія казеннокоштныхъ студентовъ.

§ 8.

Въ случаѣ закрытія Кіевской Духовной Академіи стипендія имени Преосвященнаго Агаѳодора, согласно его желанію, переводится въ Казанскую или другую духовную православнаго вѣдомства Академію, гдѣ и распредѣляется согласно настоящему Положенію.

Постановили: Проектъ Положенія одобрить и представить установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода вмѣстѣ съ ходатайствомъ объ учрежденіи стипендіи.

II. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона, отъ 10 сего февраля: „6 ноября сего года исполняется 50 лѣтъ доблестной, самоотверженной службы нашей Академіи, богословской наукѣ и Св. Церкви славнаго, всѣми уважаемаго и любимаго, гордости и украшенія нашей академической семьи, профессора В. Ѳ. Пѣвницкаго. Я чувствую особенное удовольствіе отъ того, что на мою долю выпала возможность вступить въ Совѣтъ съ предложеніемъ отмѣтить этотъ день въ академической жизни соотвѣтственно важности заслугъ Василія Ѳеодоровича предъ Академіей и обществомъ. Для этого я предлагаю Совѣту ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи оффиціальнаго юбилейнаго празднованія, а также избрать комиссію какъ для выработки программы празднованія, такъ и для осуществленія этой программы".

Справка: Празднованіе юбилеевъ лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, не допускается безъ предварительнаго

разрѣшенія высшаго начальства (Свод. Зак., т. III, Уст. служб. Правит. ст. 665 примѣч.).

Постановили: Ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи Академіи оффиціальнаго празднованія 6 ноября сего года юбилея 50-ти лѣтней службы въ Кіевской Духовной Академіи заслуженнаго ординарнаго профессора ея, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Θеодоровича Пѣвницкаго; для выработки-же программы юбилейнаго празднованія и для осуществленія этой программы избрать комиссію изъ профессора В. Рыбинскаго, доцента А. Песоцкаго и секретаря Академіи Н. Успенскаго, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 февраля 1905 г. Согласенъ".

1905 года 17 марта.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ А. Розова и С. Голубева, не бывшихъ по причинѣ болѣзни.

Слушали: 1. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона: „Вечеромъ 12 сего марта внезапно скончался отъ паралича сердца заслуженный экстраординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ психологіи, докторъ богословія, статскій совѣтникъ Маркеллинъ Алексѣевичъ Олесницкій и 15 того

же марта, послѣ отпѣванія въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, погребенъ на Байковомъ кладбищѣ. Предлагаю Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса о замѣщеніи преподавательской каѳедры психологіи".

Постановили: Замѣщеніе вакантной каѳедры психологіи, за отсутствіемъ въ настоящее время соотвѣтствующихъ кандидатовъ, отложить до будущаго времени.

II. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи

въ февралѣ сего года:

„А) по болѣзни: а) заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ по исторіи и обличенію русскаго раскола 4 л. (5, 12, 14 и 21 ч.) и по общей церковной исторіи 3 л. (16, 17 и 23 ч.); б) по церковному праву и. д. доцента Ѳ. Мищенко 1 л. (23 ч.); в) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (7 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по пастырскому богословію экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 1 л. (15 ч.); б) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 1 л. (21 ч.); В) по нахожденію въ отпускѣ—по нравственному богословію доцентомъ В. Экземплярскимъ 1 л. (23 ч.)".

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

III. Прошенія экстраординарнаго профессора, священника Ѳ. Титова:

а) отъ 16 сего марта: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи выписать необходимыя для моихъ научныхъ занятій слѣ-

дующія печатныя изданія типографіи Кіево-Печерской Лавры и изъ слѣдующихъ учрежденій: 1) изъ Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ: а) Часословецъ, 1617 г., въ 4-ку и б) Акаѳистъ Успенія Пресвятой Богородицы. Кіевъ, 1625 г., въ 4-ку; 2) изъ Румянцевскаго Публичнаго Музея въ Москвѣ: а) Вѣзерунокъ цнотъ превелебнаго въ Богѣ его милости господина отца Елисея Плетенецкаго, архимандрита Кіевскаго монастыря Печерскаго... 1618 г. въ 4-ку и б) Анѳологіонъ... 1619 г. въ листъ изъ коллекціи Лукашевича и 3) изъ библіотеки Софійскаго собора въ Кіевѣ: Окружная грамота Іова Борецкаго, приглашающая на Кіевскій соборъ къ 29 іюня 1629 г. для совѣщанія объ успокоеніи православной церкви. 1629 г. въ 4-ку".

б) отъ 17 сего марта: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи выписать изъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора слѣдующія, необходимыя мнѣ для моихъ научныхъ занятій, срокомъ на одинъ мѣсяцъ, рукописи, значащіяся по печатному описанію профессора Н. И. Петрова подъ №№ 186 (362), 262 (154), 430 (655) отдѣленіе III, 445 (179), 451 (435), 482 (301), 485 (311), 666 (471) и 667 (457)".

Постановили: Разрѣшить выписать необходимыя для научныхъ занятій профессора священника Ѳ. Титова, поименованныя въ его прошеніяхъ, рукописи и печатныя изданія изъ подлежащихъ учрежденій.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „26 марта 1905 года. Читалъ".

1905 года 17 марта.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ А. Розова и С. Голубева, не бывшихъ по причинѣ болѣзни.

Слушали: Росписаніе годичныхъ испытаній для студентовъ Академіи на 1904—1905 учебный годъ.

Постановили: Росписаніе испытаній одобрить и, согласно § 81. б. 2 Уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Флавіана.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „26 марта 1905 года. Утверждается".

1905 года 17 марта.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ А. Розова и С. Голубева, не бывшихъ по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Коллоквіумъ, на которомъ въ присутствіи членовъ Совѣта, доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи и служащихъ при ней лицъ, а также постороннихъ лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ Академіи на основаніи § 136 Уст. дух. акад.,—намѣстника Кіево-Печерской Лавры архимандрита Антонія, начальниковъ и наставниковъ мѣстныхъ духовно-учеб-

ныхъ заведеній, священниковъ городскихъ церквей и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія,—преподаватель Калужской духовной семинаріи, кандидатъ богословія Иванъ Четвериковъ защищалъ представленное имъ на степень магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „О Богѣ, какъ личномъ Существѣ". Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей поясненіе предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженія со стороны назначенныхъ оффиціальными оппонентами—заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго и и. д. доцента П. Кудрявцева; на сдѣланныя возраженія магистрантомъ даны были надлежащіе отвѣты или объясненія. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ Академіи призналъ удовлетворительною.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ Иваномъ Четвериковымъ сочиненія его: „О Богѣ, какъ личномъ Существѣ" и на основаніи признанной 10 февраля сего года достаточности самаго сочиненія для степени магистра богословія удостоить автора его этой степени и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи И. Четверикова въ степени магистра богословія, на основаніи § 81 в. 6. Уст. дух. акад.

II. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона, объ избраніи кандидата на освободившуюся за кончиной заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Олесницкаго штатную вакансію экстраординарнаго профессора Академіи.

Справка: I. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 29 апрѣля 1904 г. за № 4187 доценты Кіевской Духовной Академіи священникъ Ѳ. Титовъ и В. Рыбинскій удостоены были, въ видѣ изъятія изъ общихъ правилъ и не въ примѣръ другимъ, званія экстраординарныхъ профессоровъ сверхъ штата, съ присвоеннымъ сей должности содержаніемъ, съ отнесеніемъ дополни-

тельнаго по сему содержанію расхода временно, до зачисленія ихъ на штатныя вакансіи, по освобожденіи таковыхъ, на счетъ духовно-учебнаго капитала.

II. По бывшихъ разсужденіяхъ, присутствовавшими членами Совѣта въ качествѣ кандидата на освободившуюся за кончиною профессора М. Олесницкаго вакансію экстраординарнаго профессора указанъ профессоръ священникъ Ѳ. Титовъ.

Постановили. Профессора священника Ѳ. Титова опредѣлить на свободную въ настоящее время штатную вакансію экстраординарнаго профессора и, на основаніи § 81 в. 4. Устава духовныхъ академій, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи священника Ѳ. Титова въ должности штатнаго экстраординарнаго профессора со дня настоящаго собранія Совѣта, т. е. съ 17 марта 1905 года.

III. Докладъ секретаря Совѣта; „Уставомъ духовныхъ академій (§ 109 и 81. в. 1) и указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 13 мая 1870 года за № 1046 требуется не позже половины апрѣля представлять установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду о вызовѣ семинарскихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, имѣющаго образоваться въ слѣдующемъ году“.

Постановили: Вызвать въ составъ новаго академическаго курса по одному воспитаннику изъ семинарій: Архангельской, Владимірской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Калужской, Кишиневской, Кіевской, Курской, Литовской, Новгородской, Одесской, Орловской, Подольской, Полтавской, Рязанской, Симбирской, Ставропольской, Таврической, Тамбовской, Харьковской, Холмской и Черниговской, всего 25 воспитанниковъ, оставивъ 5 казеннокоштныхъ вакансій для лучшихъ изъ имѣющихъ явиться къ пріемнымъ

испытаніямъ волонтерами, о чемъ, согласно § 81 в. 1. Уст. дух. акад., представить Святѣйшему Синоду.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 марта 1905 года. Согласенъ“.

1905 года 7 апрѣля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина, не бывшаго по причинѣ болѣзни, и экстраординарнаго профессора, священника Ѳ. Титова, не бывшаго по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающагося его дѣла.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 23 марта сего года указъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 марта 1905 года за № 3017: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 февраля сего года за № 328, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи о разрѣшеніи празднованія 50-лѣтія службы въ Академіи заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи Василія Пѣвницкаго. Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства, разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи оффиціальное празднованіе, 6 ноября сего года, юбилея пятидесятилѣтія службы въ Академіи Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Пѣвницкаго; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 23 марта сего года указъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 марта 1905 года за № 3018: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 февраля сего года за № 327, объ учрежденіи въ Кіевской Духовной Академіи стипендіи имени Преосвященнаго Ставропольскаго Агаѳодора на пожертвованный имъ капиталъ въ 6000 рублей и объ утвержденіи проекта положенія о сей стипендіи. Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства, 1) учредить при Кіевской Духовной Академіи стипендію имени преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала, заключающагося въ свидѣтельствахъ государственной $4^0/_0$ ренты на сумму въ *шесть тысячъ рублей*, и 2) проектъ положенія о названной стипендіи утвердить; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ, съ приложеніемъ копіи положенія".

б) Копію утвержденнаго опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 8—20 марта 1905 года за № 1200 Положенія о стипендіи имени преосвященнаго Агаѳодора, епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, учрежденной при Кіевской Духовной Академіи:

§ 1.

При Кіевской Духовной Академіи учреждается стипендія имени преосвященнаго Агаѳодора, епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, на проценты съ пожертвованнаго имъ въ свидѣтельствахъ $4^0/_0$ государственной ренты капитала въ шесть тысячъ рублей.

§ 2.

Капиталъ сей составляетъ неотъемлемую собственность Академіи и хранится неприкосновеннымъ въ числѣ специіальныхъ суммъ ея.

§ 3.

Согласно желанію жертвователя, стипендія предоставляется сиротѣ или бѣднѣйшему изъ студентовъ Академіи духовнаго происхожденія, лучшему по нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ, при чемъ преимущество отдается уроженцамъ Ставропольской епархіи.

§ 4.

Ежегодная стипендія полагается въ 210 рублей, соотвѣтственно существующему окладу содержанія казеннокоштныхъ студентовъ.

§ 5.

На стипендіатовъ имени преосвященнаго Агаѳодора, епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, не распространяется обязательство выслуги установленнаго §§ 160 и 161 Устава дух. акад. числа лѣтъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ.

§ 6.

Право выбора и принятія студента на стипендію принадлежитъ Правленію Академіи, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго.

§ 7.

Ежегодные остатки отъ стипендіи причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи на

случай увеличенія оклада содержанія казеннокоштныхъ студентовъ.

§ 8.

Въ случаѣ закрытія Кіевской Духовной Академіи, стипендія имени преосвященнаго Агаѳодора, согласно его желанію, переводится въ Казанскую или другую духовную православнаго вѣдомства Академію, гдѣ и распредѣляется согласно настоящему положенію.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

III. Отзывы о печатномъ сочиненіи помощника смотрителя Маріупольскаго духовнаго училища, кандидата М. Скаблановича, подъ заглавіемъ: „Первая глава книги пророка Іезекіиля. Опытъ изъясненія“ (Маріуполь, 1904), представленномъ на степень магистра богословія.

а) Доцента, священника А. Глаголева:

„Чрезвычайная трудность изъясненія первой главы пророка Іезекіиля признана была уже въ древности—какъ іудейскою синагогою, такъ и христіанскою церковью въ лицѣ церковныхъ учителей—толкователей Свящ. Писанія; самымъ темнымъ мѣстомъ Ветхаго Завѣта глава эта считается и въ научно-библейской экзегетикѣ новаго времени. Трудность эта имѣетъ свое основаніе прежде всего въ самомъ существѣ предмета Іез. 1 гл.—самооткровенія Бога въ богоявленіи или видѣніи, а затѣмъ—въ чрезвычайной сложности символики именно этого видѣнія. Полное уразумѣніе состоянія пророческаго духа въ моментъ воспріятія имъ откровенія, совершенное постиженіе содержанія и образа видѣній пророческихъ не доступно обыкновенному человѣку: пророка вполнѣ можетъ понять только пророкъ же. По св. І. Златоусту,—„какъ видятъ пророки то, что видятъ, мы сказать не можемъ; потому что не-

возможно объяснить словомъ способа ихъ видѣнія; но это знаетъ ясно только тотъ, кто узналъ на опытѣ. Если часто никто не можетъ объяснить словомъ дѣйствій природы и страстныхъ состояній души, то тѣмъ болѣе способы дѣйствій Духа" („Бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія", рус. перев. СПБ. 1861, т. I, стр. 9). Въ частности же, книга пророка Іезекіиля и преимущественно первая ея глава представляетъ трудности особаго рода, какъ то: обиліе образовъ и символовъ, смыслъ которыхъ только при великомъ напряженіи мысли и всегда лишь отчасти можетъ быть раскрытъ; наличность своеобразныхъ грамматическихъ построеній, присутствіе словъ съ утеряннымъ значеніемъ, обиліе словъ и предложеній сомнительныхъ въ текстуально-критическомъ отношеніи и под.

Но, будучи чрезвычайно трудною для пониманія и истолкованія, первая глава кн. прор. Іезекіиля, при всемъ томъ, не можетъ быть совершенно неизъяснимою: послѣднее противорѣчило бы самому понятію слова Божія, какъ откровенія Бога людямъ. Самая трудность главы, обусловливаемая высотою и важностью ея предмета и содержанія, во всѣ времена побуждала богослововъ-экзегетовъ останавливать на ней свое вниманіе въ своихъ истолковательныхъ трудахъ. Опытъ толкованія Іез. I гл. даетъ и нашъ авторъ. Признавая значеніе въ истолкованія избранной главы за текстуально-критическими справками, грамматическими и филологическими экскурсами, авторъ однако считаетъ недостигающимъ цѣли и даже вреднымъ односторонне филологическое направленіе въ трудахъ нѣкоторыхъ (западныхъ) экзегетовъ о Іез. I гл. и высказываетъ собственное pium desiderium въ предлежащей ему истолковательной работѣ: „сразу войти въ душу разсказчика, уловить суть и нить его повѣствованія, и получить возможность иной разъ и предугадать его дальнѣйшее слово, дальнѣйшую частность въ разсказѣ" (стр. 8). Желаніе это можетъ показаться, пожалуй, недостаточно скромнымъ—въ виду особенныхъ трудностей толкованія пророческихъ видѣній и описаній послѣднихъ; од-

нако точка зрѣнія автора на задачу и самый процессъ своей работы едва-ли можетъ быть оспариваема. Къ работѣ своей г. С. приступилъ съ серьезною ученою подготовкою,—вооруженный солиднымъ знаніемъ языка подлинника библейскаго, его строенія, формъ и под., тщательнымъ сличеніемъ текстуальныхъ разностей въ еврейскихъ и греческихъ кодексахъ кн. прор. Іезекіиля (славянскому тексту и его разночтеніямъ авторъ, къ сожалѣнію, не посвятилъ должнаго вниманія, хотя сознаніе важнаго значенія славянскаго текста при критикѣ и установкѣ текста автору присуще, стр. 158 примѣч.), добросовѣстнымъ изученіемъ ученой литературы предмета и подобными учеными средствами, вредъ односторонняго употребленія которыхъ и пользу относительнаго, подчиненнаго, признаетъ самъ авторъ. Предложенный авторомъ экзегесисъ Іез. I гл является, въ общемъ, фактическимъ оправданіемъ высказаннаго имъ взгляда на основное требованіе истинно-плодотворнаго толкованія. Первое и существенное требованіе истинно научнаго экзегесиса особенно по отношенію къ отдѣламъ съ идейно-богословскимъ (или „библейско-богословскимъ") содержаніемъ состоитъ въ пониманіи или передачѣ ихъ въ связи съ цѣлымъ литературнымъ памятникомъ, въ которомъ они содержатся, а равно и въ связи со всѣми библейскими и не библейскими параллелями, соприкосновенными идеямъ изучаемаго отдѣла. Требованіе это, видимо, хорошо сознавалъ нашъ авторъ, какъ показываютъ уже два, предпосланные имъ экзегесису, библейско-богословскихъ очерка—о „мысли I главы кн. прор. Іезекіиля" (10—28 стр.) и о „Херувимахъ" видѣнія (стр. 29—44)—съ „миѳологическими параллелями" къ нимъ, а затѣмъ, и еще болѣе, самый методъ толкованія авторскаго, обыкновенно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выводящаго на справку все, такъ или иначе сродное изъясняемой подробности библейскаго текста (такъ, напр., при объясненіи слова „подобіе", евр. demuth ст. 5 и др.). Не всегда, конечно,

можно безъ спора принять объясненія, разсужденія и сужденія автора (для насъ, напр., сомнительно опредѣленіе у автора символическаго значенія числа 7, какъ символа будто бы „полноты времени", стр. 153 и подобн.). Можно спорить съ авторомъ и по поводу рѣшенія общихъ вопросовъ изслѣдованія.

При всемъ томъ нельзя не признать въ авторѣ особенной вдумчивости и замѣчательнаго умѣнія освѣщать изъясняемый текстъ библейскій съ новой и, можно сказать, болѣе жизненной, наиболѣе интересной стороны. Авторъ чуждъ вообще шаблонныхъ пріемовъ въ трактаціи предмета. Благодаря умѣло - сжатой и литературно-обработанной рѣчи автора, весьма содержательное сочиненіе г. Скабаллановича читается легко и съ интересомъ. Авторъ своею работою внесъ нѣчто новое въ науку по истолкованію кн. пророка Іезекіиля. Въ этомъ— основаніе для появленія сочиненія г. Скабаллановича въ свѣтъ, въ этомъ—и право автора на полученіе искомой имъ степени магистра богословія".

б) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Названное сочиненіе въ рукописномъ видѣ уже было представляемо авторомъ въ Совѣтъ Академіи на соисканіе магистерской степени. Мною, рецензировавшимъ тогда сочиненіе г. Скабаллановича, оно было признано удовлетворяющимъ своей цѣли. Высокія достоинства сочиненія были отмѣчены и другимъ рецензентомъ проф. А. А. Олесницкимъ. „Несомнѣннымъ достоинствомъ представленнаго сочиненія", писалъ проф. А. А. Олесницкій, „нужно считать самостоятельную разработку авторомъ своего вопроса, дѣлающую честь его уму и знанію Св. Писанія. Одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ всего Ветхаго Завѣта, первое видѣніе пророка Іезекіиля, авторъ считаетъ возможнымъ истолковать независимо, почти не обращаясь къ помощи другихъ истолкователей. Какъ опытъ такого толкова-

нія, сочиненіе г. Скабаллановича есть далеко не обычное явленіе и потому уже заслуживаетъ вниманія" (см. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи за $18\frac{98}{99}$ уч. годъ, стр. 114). Но вмѣстѣ съ достоинствами сочиненія проф. А. А. Олесницкій указалъ въ немъ нѣсколько слабыхъ пунктовъ, на которые совѣтовалъ автору обратить вниманіе при изданіи сочиненія. Въ виду этого указанія Совѣтомъ Академіи сочиненіе было возвращено г. Скабаллановичу для исправленія.

Разсмотрѣвъ сочиненіе г. Скабаллановича въ печатномъ видѣ, я нахожу, что авторъ воспользовался всѣми сдѣланными ему указаніями и значительно усовершенствовалъ свой трудъ. Сочиненіе, прежде всего, восполнено обширнымъ матеріаломъ, добытымъ авторомъ изъ литературы, появившейся послѣ 1898 г., когда представлена была первая редакція сочиненія. Всѣ сужденія и взгляды, поставленные въ первой редакціи не твердо и подавшіе поводъ къ возраженіямъ, авторомъ въ новой редакціи или устранены или значительно смягчены. Общій характеръ своего сочиненія авторъ измѣнилъ, и это измѣненіе, безъ сомнѣнія, послужило къ лучшему. Именно, въ рукописномъ видѣ сочиненіе г. Скабаллановича представляло собою собственно опытъ библейско-богословскаго изслѣдованія первой главы кн. Іезекіиля. Въ настоящей своей редакціи оно является уже изслѣдованіемъ исагогико-экзегетическимъ и даетъ подробный комментарій на первую главу книги Іезекіиля. Благодаря такому измѣненію характера сочиненія изъ него устранены нѣкоторые отдѣлы, которые могли подавать поводъ къ возраженіямъ и научное значеніе которыхъ могло казаться проблемматичнымъ. Но за то автору представилась возможность внести въ свое сочиненіе много новаго, несомнѣнно имѣющаго научную цѣнность матеріала, относящагося къ критикѣ крайне спорнаго текста первой главы.

Въ общемъ должно сказать, что послѣ произведенныхъ авторомъ исправленій получилась во второй редакціи сочиненія ученая, оригинальная и интересная работа. Повсюду въ ней видны основательныя филологическія знанія, знакомство съ методами и принципами библейской критики, серьезное изученіе Писанія и умѣнье владѣть перомъ. Какъ особенно цѣнное качество работы можно отмѣтить проникновеніе автора въ духъ библейскаго языка и библейскихъ образовъ, ясно свидѣтельствующее, что библейскіе вопросы являются для него вопросами не только ума, но и сердца.

Въ виду приведенныхъ данныхъ мнѣ остается только повторить свое прежнее заключеніе о томъ, что трудъ г. Скабаллановича совершенно заслуживаетъ той степени, для соисканія которой онъ представленъ".

Справка: М. Скабаллановичъ окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1896 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительнаго для сей степени печатнаго сочиненія и защищеніе его на коллоквіумѣ.

Постановили: Сочиненіе кандидата богословія М. Скабаллановича, подъ заглавіемъ: „Первая глава книги пророка Іезекіиля", согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, назначивъ оффиціальными оппонентами при защитѣ экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго и доцента, священника А. Глаголева.

IV. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи

въ мартѣ текущаго года:

„А) по болѣзни: а) заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ по общей церковной исторіи 7 л. (8, 10, 16, 17, 23, 24 и 30 ч.) и по исторіи и обличенію русскаго раскола 11 л. (7, 11, 12, 18, 19, 21, 26 и 28 ч.); б) по педагогикѣ экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 1 л. (26 ч.); в) по исторіи русской церкви экстраординарнымъ профессоромъ свящ. Θ. Титовымъ 4 л. (8, 10, 11 и 12 ч.); г) по нравственному богословію доцентомъ В. Экземплярскимъ 1 л. (12 ч.); Б) по исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ: а) по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ доцентомъ С. Песоцкимъ 2 л. (29 и 31 ч.); б) по церковному праву и. д. доцента Θ. Мищенко 2 л. (29 и 31ч.)".

Постановили: Записать въ журналъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

V. Прошеніе законоучителя Александровскаго (Екатериносл. губ.) средняго механико-техническаго училища, кандидата богословія, священника Θеодосія Иванова, отъ 7 сего апрѣля, на имя Преосвященнаго Ректора: „Покорнѣйше прошу допустить меня къ дополнительнымъ испытаніямъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ я при прохожденіи курса Кіевской Духовной Академіи не оказалъ соотвѣтствующихъ степени магистра богословія успѣховъ, такъ какъ я намѣренъ представить переработанное согласно указаніямъ рецензентовъ свое курсовое сочиненіе „Церковь въ эпоху смутнаго времени на Руси" для соисканія степени магистра богословія. Находясь на службѣ законоучителемъ въ двухъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и имѣя 28 еже-

недѣльныхъ уроковъ, я вынуждаюсь осмѣлиться указать время испытаній отъ 16 до 21 мая текущаго года и почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять, если возможно, это, при назначеніи времени моихъ испытаній, мое указаніе. Входя заранѣе съ ходатайствомъ о допущеніи къ испытаніямъ и о назначеніи для таковыхъ времени, я покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство увѣдомить меня о Вашемъ распоряженіи, чтобы я заблаговременно могъ ходатайствовать предъ своимъ учебнымъ начальствомъ объ отпускѣ и времени для него согласно распоряженію Вашего Преосвященства.

Справка: Священникъ Θ. Ивановъ окончилъ курсъ наукъ въ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1903 года со степенью кандидата и съ правомъ полученія степени магистра, послѣ выдержанія устныхъ испытаній по общей церковной исторіи, психологіи, логикѣ и метафизикѣ, исторіи философіи и еврейскому языку, по коимъ онъ не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ магистерской степени, и по представленіи переработаннаго, согласно указаніямъ рецензентовъ, написаннаго имъ курсового сочиненія.

Постановили: Разрѣшить свящ. Θ. Иванову держать дополнительное, для полученія магистерской степени, испытаніе по названнымъ въ справкѣ предметамъ въ указываемое имъ время, отъ 16 по 21 мая сего года, о чемъ и увѣдомить его.

VI. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона: „24 апрѣля сего года исполняется 25-лѣтіе службы въ должности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода члена Государственнаго Совѣта, сенатора, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Константина Петровича Побѣдоносцева. Предлагаю Совѣту обсудить вопросъ объ отношеніи Академіи къ этому юбилею“.

Постановили: Просить Преосвященнаго Ректора Академіи привѣтствовать г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода

Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника К. П. Побѣдоносцева телеграммой.

На семъ журналѣ его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ положена резолюція: „16 апрѣля 1905 г. Читалъ“.

1905 года 3 мая.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева, не бывшаго въ собраніи по домашнимъ обстоятельствамъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 27 апрѣля сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 26 того же апрѣля за № 4149: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 марта сего года за № 519, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи сверхштатнаго экстраординарнаго профессора сей Академіи священника Ѳеодора Титова въ должности штатнаго экстраординарнаго профессора, освободившейся за кончиною профессора Маркеллина Олесницкаго. Приказали: Сверхштатнаго экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи, магистра богословія, священника Ѳеодора Титова утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства въ званіи штатнаго экстраординарнаго профессора той же Академіи, со дня избранія его въ это званіе Совѣтомъ Академіи, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Объ утвержденіи священника Ѳ. Титова въ должности штатнаго экстраординарнаго профессора записать въ формулярный о службѣ его списокъ.

II. а) Сданное Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 5 минувшаго апрѣля отношеніе Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 1 того же апрѣля за № 9083, на имя Его Высокопреосвященства: „Имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Высокопреосвященству, для зависящихъ съ Вашей стороны распоряженій, выписку изъ утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ, отъ 8—20 марта 1905 года за № 1199 заключенія Хозяйственнаго Управленія по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи о пособіи на изданіе „актовъ и документовъ по исторіи названной Академіи", а также на составленіе и изданіе исторіи этой Академіи и академическаго Синодика изъ суммъ Святѣйшаго Синода".

б) Выписку изъ утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ отъ 8—20 марта сего года за № 1199 заключенія Хозяйственнаго Управленія: „Вслѣдствіе представленія Св. Синоду Высокопреосвященнаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго, отъ 25 декабря 1904 года за № 2177, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ отпускѣ на изданіе „актовъ и документовъ по исторіи Кіевской Духовной Академіи", а также на составленіе и изданіе исторіи этой Академіи и академическаго Синодика, впредь до окончанія этого труда, по 2 т. руб. въ годъ, изъ суммъ Св. Синода, Хозяйственное Управленіе, принимая во вниманіе, что, по состоянію средствъ духовно-учебнаго капитала въ настоящее время, отпускъ изъ сего капитала испрашиваемаго пособія на выполненіе означеннаго труда представляется крайне затруднительнымъ и имѣя въ виду, что въ распоряженіи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, кромѣ спеціально на означенный трудъ пожертвованнаго Преосвященнымъ Димитрі-

емъ капитала, въ суммѣ свыше 4000 рублей, имѣется еще капиталъ, пожертвованный въ давнее время разными лицами въ пользу Академіи, проценты съ котораго, какъ не имѣющаго опредѣленнаго назначенія, расходуются по усмотрѣнію академическаго Совѣта, полагало въ пособіе на выполненіе вышеозначеннаго труда по исторіи Кіевской Духовной Академіи отпускать въ теченіе 10 лѣтъ по 1000 руб. въ годъ изъ духовно-учебнаго капитала; въ виду же недостаточности этого пособія, предоставить Совѣту сей Академіи обращать на тотъ же предметъ проценты съ пожертвованнаго въ давнее время разными лицами въ пользу Академіи капитала".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Прошеніе преподавателя Екатеринославской духовной семинаріи, кандидата богословія Виктора Фаминскаго, отъ 21 минувшаго апрѣля: „Представляя при семъ свое сочиненіе на тему: „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Аннея Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству", имѣю честь просить Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи принять его для разсмотрѣнія въ качествѣ магистерской диссертаціи".

Постановили: Представленное сочиненіе передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору Н. Дроздову, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

IV. Отношеніе редакціи журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи", отъ 30 минувшаго апрѣля за № 16: „Редакція академическаго журнала имѣетъ честь препроводить при семъ въ Совѣтъ Кіевской Академіи 60 экземпляровъ магистерской диссертаціи В. Попова „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго...", напечатанной на основаніи постановленія Совѣта Кіевской Академіи отъ 12 октября 1904 года".

Справка: Сочиненіе кандидата богословія Василія Попова „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)“ въ рукописи Совѣтомъ Академіи 12 октября 1904 г. признано было удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и печаталось на счетъ особо ассигнуемой 17 ст. штата дух. акад. суммы. Представленные редакціей академическаго журнала печатные экземпляры сего сочиненія своевременно розданы были членамъ Совѣта и другимъ преподавателямъ Академіи. Въ настоящемъ собраніи присутствовавшими членами Совѣта даны одобрительные объ этомъ сочиненіи отзывы.

Постановили: Преподавателя Воронежской духовной семинаріи, кандидата богословія Василія Попова допустить къ защитѣ его сочиненія на коллоквіумѣ, назначивъ оффиціальными оппонентами при защитѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго и доцента Н. Мухина; время же самаго коллоквіума предоставить назначить Ректору Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „26 мая 1905 года. Читалъ“.

1905 года 3 мая.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева, небывшаго въ собраніи по домашнимъ обстоятельствамъ.

Слушали: Прошеніе преподавателя Обоянскаго духовнаго училища, кандидата богословія Леонида Туркевича, отъ 31 марта сего года, на имя Преосвященнаго Ректора Академіи: „Желая достигнуть въ установленномъ для сего порядкѣ степени магистра богословія, честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство о дозволеніи мнѣ писать требуемое для сей степени сочиненіе на тему: „Книга св. пророка Аввакума. Исагогико-экзегетическій опытъ".

Справка: 1. Леонидъ Туркевичъ окончилъ курсъ Кіевской Академіи въ іюнѣ 1900 года со степенью кандидата богословія съ правомъ полученія магистерской степени по выдержаніи дополнительнаго устнаго испытанія по церковной археологіи и литургикѣ и по представленіи удовлетворительнаго для сей степени печатнаго сочиненія и защищеніи его на коллоквіумѣ. Кандидатское сочиненіе г. Туркевичъ представилъ на тему: „Книга пророка Аввакума. Введеніе и экзегесисъ".

2. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюня 1905 года за № 2567 предписано, чтобы академическіе Совѣты дозволяли удостоеннымъ степени кандидата богословія передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертаціи съ большою осторожностію и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея.

3. При обсужденіи прошенія кандидата Л. Туркевича указанная имъ тема признана пригодною для магистерской диссертаціи.

Постановили: Просить Его Высокопреосвященство, Митрополита Кіевскаго Флавіана, о разрѣшеніи кандидату Л. Туркевичу переработки его кандидатскаго курсового сочиненія въ магистерскую диссертацію примѣнительно къ указанной въ его прошеніи темѣ.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „26 мая 1905 года. Утверждается".

1905 года 3 мая.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева, не бывшаго въ собраніи по домашнимъ обстоятельствамъ.

Слушали: Коллоквіумъ, на которомъ, въ присутствіи членовъ Совѣта, доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи и служащихъ при ней лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ Академіи, на основаніи 136 § Уст. дух. акад.,—преосвященнаго Агапита, Епископа Уманскаго, священниковъ кіевскихъ городскихъ церквей и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія,—помощникъ смотрителя Маріупольскаго духовнаго училища, кандидатъ богословія Михаилъ Скабаллановичъ защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „Первая глава книги пророка Іезекіиля". Оффиціальными оппонентами при защитѣ были экстраординарный профессоръ В. Рыбинскій и доцентъ священникъ А. Глаголевъ. Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей поясненіе предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженія со стороны оппонентовъ, на которыя магистрантомъ даны были надлежащіе отвѣты или объясненія. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ Академіи призналъ удовлетворительною.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ богословія Михаиломъ Скабаллановичемъ сочиненія его: „Первая глава книги пророка Іезекіиля", и на основаніи признанной 7 апрѣля сего года

удовлетворительности самаго сочиненія для степени магистра богословія, удостоить автора его этой степени и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи г. Скабаллановича въ степени магистра богословія, на основаніи § 81 в. 6 Уст. дух. акад.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „26 мая 1905 года. Согласенъ".

1905 года 27 мая.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, 14 сего мая въ Совѣтъ Академіи указъ Святѣйшаго Синода отъ 13 мая 1905 года за № 4749: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: Прошеніе окончившаго курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ съ дипломомъ 1-й степени, Александра Петропольскаго о разрѣшеніи ему принять монашество и прослушать въ теченіе двухъ лѣтъ курсъ богословскихъ наукъ въ Кіевской или другой духовной академіи, съ правомъ по истеченіи указаннаго времени представить сочиненіе для полученія степени кандидата богословія. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящее прошеніе, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи принять Александра

Петропольскаго въ число академическихъ студентовъ, съ предоставленіемъ ему права прослушать курсъ академическихъ наукъ и сдать экзаменъ по всѣмъ предметамъ этого курса, за исключеніемъ тѣхъ не богословскихъ предметовъ, которые имъ, Петропольскимъ, изучались въ Университетѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ обязательствомъ писать установленныя семестровыя сочиненія и съ правомъ подать сочиненіе на соисканіе ученой богословской степени, о чемъ, для зависящихъ распоряженій и для объявленія чрезъ Правленіе Академіи просителю, послать Вашему Преосвященству указъ, съ поясненіемъ, что разрѣшеніе постричь Петропольскаго въ монашество, по принятіи его въ Академію, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія Вашего Преосвященства".

Постановили: Принять къ исполненію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 21 сего мая указъ Святѣйшаго Синода отъ 20 мая 1905 года за № 5059: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 30 марта сего года за № 454, журналъ Учебнаго Комитета за № 140, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному Правленіемъ С.-Петербургской Духовной Академіи вопросу относительно выдачи новыхъ дипломовъ кандидатамъ богословія, снявшимъ по выходѣ изъ академіи священный санъ. Приказали: Согласно заключенію Учебнаго Комитета, разъяснить Правленію С.-Петербургской Духовной Академіи, что къ выдачѣ бывшимъ воспитанникамъ академіи, состоявшимъ въ священно-монашескомъ санѣ, послѣ сложенія ими съ себя, по окончаніи академическаго курса ученія, священнаго сана и монашества, новаго диплома съ означеніемъ новаго свѣтскаго именованія сихъ воспитанниковъ, взамѣнъ прежняго диплома, выданнаго на точномъ основаніи существующихъ

положеній, не имѣется никакихъ законныхъ основаній и таковая замѣна диплома была бы производима въ явное несоотвѣтствіе съ дѣйствующимъ порядкомъ; что же касается удостовѣренія о принадлежности академическаго диплома, выданнаго на имя лица священнаго сана и монашескаго чина, тому же лицу, имѣющему, по снятіи сана и монашества, новое именованіе, то таковая принадлежность удостовѣряется соотвѣтствующими надписями или документами о дальнѣйшихъ измѣненіяхъ въ служебномъ и гражданскомъ состояніи сего лица; о чемъ и послать Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому указъ, увѣдомивъ таковымъ же Ваше Преосвященство".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 21 сего мая указъ Святѣйшаго Синода отъ 20 мая 1905 года за № 5063: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора 1) отъ 29 марта сего года за № 2294, по сообщенному изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ прошенію румынско-подданнаго Ѳеодора Сырбу о принятіи его въ Кіевскую Духовную Академію и 2) отъ 8 апрѣля сего года за № 9815, по препровожденному изъ состоящей при названномъ Министерствѣ Комиссіи по образованію въ Россіи южныхъ славянъ прошенію болгарина Іонка Іонова о принятіи сына его Свѣтослава въ одну изъ русскихъ духовныхъ семинарій на казенный счетъ. Приказали: 1) Разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить румынско-подданнаго Ѳеодора Сырбу, окончившаго курсъ наукъ въ Ясской семинаріи „Веніаминъ“, въ установленномъ порядкѣ къ пріемнымъ испытаніямъ въ началѣ 1905—6 учебнаго года для поступленія въ число студентовъ академіи, 2) въ случаѣ принятія Сырбу въ академію назна-

чить ему на содержаніе въ академіи стипендію, съ отнесеніемъ расхода на эту стипендію по двѣсти десять рублей въ годъ на счетъ остатковъ отъ доходовъ съ имѣній молдавскихъ монастырей въ Бессарабіи и 3) въ виду маловозрастности болгарскаго уроженца Свѣтослава Іонова, имѣющаго 13 лѣтъ отъ рожденія, а также въ виду неподготовленности его къ прохожденію семинарскаго курса ученія, такъ какъ онъ обучается нынѣ во II классѣ Плевневскаго пятиклассного училища, соотвѣтствующаго по предметамъ преподаванія русскимъ городскимъ училищамъ, ходатайство о принятіи его, Іонова, въ одну изъ духовныхъ семинарій съ содержаніемъ на стипендію изъ средствъ Святѣйшаго Синода отклонить; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Допустить румынскаго подданнаго Өеодора Сырбу въ началѣ 1905—1906 учебнаго года къ пріемнымъ для поступленія въ число студентовъ Академіи испытаніямъ.

IV. Актъ испытанія: „1905 года 16 и 20 мая подвергнутъ былъ дополнительному для полученія магистерской степени испытанію по психологіи, общей церковной исторіи, еврейскому языку, логикѣ и метафизикѣ и исторіи философіи законоучитель Александровскаго средняго механико-техническаго училища, кандидатъ богословія, священникъ Өеодосій Ивановъ и получилъ на испытаніи баллы: по общей церковной исторіи 5 (пять); по еврейскому языку 4 (четыре); по психологіи 4 (четыре); по логикѣ и метафизикѣ 3—(три); по исторіи философіи (четыре)".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отзывы о рукописномъ сочиненіи преподавателя Черниговской духовной семинаріи Сергѣя Савинскаго подъ заглавіемъ „Эсхатологическая бесѣда Христа Спасителя (Мѳ. 24,

1—51; Марк. 13, 1—37; Лук. 21, 5—36)", представленном на степень магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Кромѣ предисловія, гдѣ опредѣляется задача и планъ изслѣдованія и указывается русская и иностранная литература предмета, и введенія, гдѣ говорится о важности и значеніи христіанской эсхатологіи въ системѣ христіанскаго богословія, разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей: исагогической и экзегетической.

Исагогическая часть заключаетъ три главы, изъ которыхъ каждую разсмотримъ въ отдѣльности.

Въ первой главѣ говорится о подлинности эсхатологической бесѣды. Здѣсь авторъ указываетъ, что данная бесѣда принадлежитъ именно Христу Спасителю, что ученіе о видимой славной парусіи вполнѣ согласно съ духомъ христіанства и характеромъ его божественнаго Основателя и потому совершенно невозможно разрѣшать эту парусію, какъ дѣлаютъ нѣкоторые западные ученые, въ простой историческій процессъ, или въ чисто духовное представленіе о всегдашнемъ пребываніи Христа съ вѣрующими. Далѣе г. Савинскій, въ цѣляхъ защиты подлинности эсхатологической бесѣды, рѣшаетъ вопросъ, какъ объяснить совмѣщеніе въ ней двухъ разновременныхъ событій,—разрушенія Іерусалима и второго славнаго пришествія Господа,—первоначально ли это совмѣщеніе, т. е. принадлежитъ ли оно Самому Христу Спасителю. Послѣ разбора различныхъ взглядовъ, изъ которыхъ нѣкоторые явно устарѣли, другіе же носятъ слишкомъ рѣзкій отрицательный характеръ, авторъ приходитъ къ заключенію, что Христосъ Спаситель не связывалъ непосредственно Свою парусію съ разрушеніемъ Іерусалима, а сблизилъ эти два разновременныя событія потому, что разрушеніе Іерусалима есть образъ или типъ второго пришествія на судъ Сына человѣческаго. Характерна мысль въ

этой главѣ, что Христосъ Спаситель не могъ связывать Свою парусію съ разрушеніемъ Іерусалима, такъ какъ „Евангелія позволяютъ думать, что Христосъ хорошо зналъ, какой великій періодъ времени пройдетъ, прежде чѣмъ Онъ—Мессія придетъ во славѣ своей“; парусію Христосъ отодвигалъ въ даль вѣковъ (132, ср. 135. 157). Эта мысль совершенно не библейская и напрасно г. Савинскій старается подтверждать ее нѣкоторыми мѣстами Евангелій. Въ другомъ мѣстѣ онъ совершенно справедливо пишетъ: „когда же именно—скоро или не скоро—должно наступить славное паки—пришествіе, объ этомъ Іисусъ Христосъ никогда не говорилъ ученикамъ Своимъ прямо и опредѣленно“. И ниже „не педагогично было бы... отнесеніе парусіи въ отдаленное будущее, такъ какъ это ослабило бы нравственно-практическое значеніе событія и призваніе къ бодрствованію—одна изъ цѣлей эсхатологической бесѣды Христа—осталось бы недостигнутымъ“ (стр. 160. 161).

Что Христосъ Спаситель не связывалъ непосредственно разрушенія Іерусалима съ парусіею и не училъ, что послѣдняя наступитъ еще при жизни современнаго Ему поколѣнія, это г. Савинскій выясняетъ подробнымъ разсмотрѣніемъ Матѳ. 24, 29 и 24, 34. При изъясненіи перваго мѣста онъ опирается на Лук. 21, 24, гдѣ разрушеніе Іерусалима раздѣляютъ въ парусіи „времена языкъ“. И тутъ, вопреки автору, мы должны замѣтить, что καιροὶ ἐϑνῶν не указываетъ „на значительную продолжительность этого періода посѣщенія язычниковъ, т. е. ихъ призванія чрезъ слово Евангелія“. Изъ словъ Христа: „и проповѣстся сіе евангеліе царствія по всей вселеннѣй, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ“ нельзя заключать, что эта проповѣдь предполагаетъ собою длинный періодъ времени. Искусственно г. Савинскій изъяснилъ и Матѳ. 24, 34, разумѣя подъ „родомъ симъ“—народъ Израильскій вообще, а подъ „вся сія“—все, что до сихъ поръ говорилось въ эсхатологической бесѣдѣ, въ отвѣтъ на вопросъ учениковъ о парусіи. Гораздо естественнѣе усматривать здѣсь рѣчь о разрушеніи Іерусалима, хотя

это совершенно не согласно съ раздѣленіемъ бесѣды, даннымъ авторомъ. Вообще, вопреки защитникамъ взгляда о наступленіи парусіи, по ученію Господа, въ предѣлахъ жизни современнаго Христу поколѣнія, г. Савинскій отодвинулъ парусію въ даль вѣковъ, тогда какъ Писаніе всегда говоритъ только о внезапности, неожиданности великаго дня Господня.

Въ концѣ разсматриваемой главы авторъ опять возвращается къ вопросу о сущности парусіи и доказываетъ противъ Вейфенбаха, что никакъ нельзя отожествлять парусію съ воскресеніемъ Христа, т. е. понимать ее чисто духовно, ибо въ Евангеліяхъ парусія и воскресеніе Христа ясно различаются и ученики не могли смѣшать этихъ двухъ различныхъ фактовъ. Тутъ же ведется рѣчь о благовременности и важномъ значеніи данной рѣчи Господа въ ряду другихъ Его рѣчей. Вообще въ этой главѣ есть лишнее; авторъ какъ бы забываетъ, что онъ не пишетъ трактатъ о парусіи Господа, а защищаетъ подлинность эсхатологической бесѣды.

Во второй, не менѣе обширной, главѣ (стр. 177—336) доказывается цѣлостность эсхатологической бесѣды. Что разумѣетъ авторъ подъ этою цѣлостностью? То, что форму эсхатологической бесѣды, ея образы и выраженія нужно считать принадлежащими Самому Іисусу Христу. „Не только главныя положенія эсхатологической бесѣды, но и ея частныя мысли, ихъ послѣдовательность, воплощающіе эти мысли образы, даже до извѣстной степени самыя выраженія эсхатологической бесѣды—принадлежатъ Самому Іисусу Христу..... Апостолы не внесли въ нее ничего не только своего, не сказаннаго Христомъ, но не прибавили ничего и изъ другихъ рѣчей Спасителя, равно какъ и не опустили изъ этой бесѣды ничего существеннаго“ (стран. 177). Кратко говоря, если въ первой главѣ доказывалась подлинность *содержанія* бесѣды, то здѣсь уясняется подлинность ея *формы*... Авторъ подробно опровергаетъ мнѣніе критики, что данная бесѣда есть свободная композиція са-

михъ евангелистовъ, составленная изъ разныхъ изреченій Господа, сказанныхъ въ различное время и по различнымъ поводамъ, что въ ней находятся разныя вставки, нарушающія свободное теченіе мыслей и т. п. Съ особенною подробностью онъ останавливается на разборѣ взгляда, что эсхатологическая бесѣда интерполирована іудейскими и іудео-христіанскими апокалипсисами, или, во всяккомъ случаѣ, стоитъ на почвѣ позднѣйшаго іудейства—апокрифической іудейской письменности и талмуда. Разбору фрагментарной теоріи г. Савинскій отвелъ, пожалуй, больше мѣста, нежели слѣдовало, въ виду ея полной произвольности. Болѣе плодотворнымъ является его трактатъ объ отношеніи евангельской эсхатологіи къ іудейскимъ апокрифамъ и талмуду. Главная задача автора здѣсь доказать, что эсхатологія евангельская существенно отлична отъ іудейской апокалиптики въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ понятіи о царствѣ Божіемъ, которое представляется въ іудейской апокалиптикѣ, какъ царство чувственное, земное; 2) въ изображеніи Мессіи, Который выступаетъ въ іудейской апокалиптикѣ, какъ земной Царь Израиля и 3) въ отсутствіи здѣсь ученія о двойномъ пришествіи Мессіи, такъ что это ученіе составляетъ совершенно новый пунктъ христіанской эсхатологіи. Что же касается сходства разсматриваемой бесѣды Христа съ іудейскою апокалиптикою въ указаніи знаменій пришествія Христа, то источникъ этого сходства общій и Евангелію и апокрифамъ: ветхозавѣтная пророческая письменность, главнымъ образомъ книга пр. Даніила. Можно говорить не о вліяніи іудейскихъ апокрифовъ на евангельскую эсхатологію, а, наоборотъ, о вліяніи христіанства на іудейскую апокрифическую письменность. Хорошо авторъ также разъяснилъ вліяніе эсхатологической бесѣды на Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова, въ противность изслѣдователямъ (Решъ), которые расположеніемъ эсхатологическаго матеріала въ Апокалипсисѣ провѣряютъ и на основаніи его исправляютъ текстъ эсхатологической бесѣды Господа.

Вообще поставленную въ данной главѣ задачу авторъ выполнилъ довольно успѣшно. Не можемъ однако не поставить на видъ слѣдующаго. На многихъ явно произвольныхъ соображеніяхъ западной критики можно было бы не останавливаться. Фрагментарная теорія не заслуживаетъ, повторимъ, того вниманія, какое удѣлилъ ей авторъ и разборъ ея можетъ быть значительно въ сочиненіи сокращенъ (со стран. 266 по 366). Самъ авторъ, при опроверженіи этой теоріи, выражается иногда нерѣшительно и вообще мало убѣдительно. О подлинности напр. Марк. 13, 9—13 и Лук. 21, 12—19 пишетъ: „*очень вѣроятно*, что сохраненныя въ этомъ отдѣлѣ... подробности составляли содержаніе эсхатологической бесѣды". Ниже: „чающимъ мессіанскаго царства, вопрошающимъ о времени его наступленія, думающимъ о престолахъ этого царства *весьма полезно* было открыть ожидающую ихъ чашу страданій и вмѣстѣ ободрить ихъ къ терпѣливому несенію этой чаши" (282. 283. 284). Или на стран. 291—292 авторъ говоритъ: „какое бы толкованіе мы не приняли (т. е. буквальное или метафорическое словъ: „и власъ главы вашея не погибнетъ"), самая возможность указать связь даннаго изреченія съ другими изреченіями эсхатологической бесѣды говоритъ противъ произвольной вставки его самимъ евангелистомъ, а сходство этого изреченія съ иными подобными изреченіями Спасителя (ср. Матѳ. 10, 30) ручается, думаемъ, за его подлинность". Въ критикѣ автора не мало вообще подобнаго субъективизма. Кое что изъ того, что онъ говоритъ въ опроверженіе фрагментарной теоріи, лучше было-бы помѣстить въ экзегетической части сочиненія, напр. подробное изъясненіе словъ: „егда узрите мерзость запустѣнія".

Въ третьей главѣ рѣшается прежде всего трудный вопросъ о раздѣленіи эсхатологической бесѣды. Центръ тяжести лежитъ здѣсь на опредѣленіи того, гдѣ оканчивается рѣчь о разрушеніи Іерусалима и начинается рѣчь о признакахъ втораго при-

шествія Господа. Внимательный критическій разборъ различныхъ мнѣній по данному вопросу приводитъ г. Савинскаго къ заключенію, что раздѣлительнымъ стихомъ служитъ Мат. 24, 23. Такимъ образомъ, кромѣ введенія (1—3 ст.) и заключенія (42—51), эсхатологическая бесѣда раздѣляется на двѣ части. Первая часть можетъ быть подраздѣлена па два отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ указываются явленія общія и разрушенію Іерусалима и парусіи (Мат. 24, 4—14), а во второмъ—рѣчь идетъ о разрушеніи Іерусалима (Мат. 24, 15—22). Вторая часть бесѣды также подраздѣляется на два отдѣла: въ первомъ указываются отличительныя особенности періода, предшествующаго парусіи (Мат. 24, 23—28), во второмъ—говорится о самой парусіи (Мат. 24, 29—41). Всѣ эти расчлененія бесѣды довольно остроумны, но полной убѣдительности имъ далеко не достаетъ, да этого, впрочемъ, въ данномъ вопросѣ нельзя и ожидать. Ошибка автора состоитъ въ томъ, что онъ желаетъ придать эсхатологической бесѣдѣ слишкомъ большую послѣдовательность, стройность, систематичность. По нашему мнѣнію, точнаго раздѣленія бесѣды нельзя представить. Здѣсь рѣчь о второмъ пришествіи Господа, о послѣднихъ судьбахъ міра иногда прерывается спеціально рѣчью о разрушенія Іерусалима, которое есть образъ второго пришествія Господа, такъ что по существу рѣчь является именно эсхатологическою. Вѣдь и по мнѣнію автора о разрушеніи Іерусалима говорится только собственно въ Мат. 24, 15—22. Дѣленіе, предложенное г. Савинскимъ, очень стройно, но искусственно. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что данный вопросъ авторъ изучилъ весьма основательно.

Въ этой-же главѣ говорится о времени и мѣстѣ произнесенія бесѣды: послѣдняя сказана 12 Нисана (вторникъ) на горѣ Елеонской.

Вторую часть сочиненія (стран. 405—779) составляетъ истолкованіе эсхатологической бесѣды Господа. Прежде всего

нужно замѣтить, что въ экзегетической части нѣтъ никакихъ дѣленій и подраздѣленій, тогда какъ ихъ настоятельно нужно было сдѣлать сообразно расчлененію бесѣды, данному въ третьей главѣ первой части сочиненія. Въ основу экзегесиса полагается текстъ св. Матөея, а затѣмъ привлекаются, гдѣ необходимо, другіе синоптики. Несомнѣнныя достоинства экзегесиса—ясность, отчетливость, точное указаніе связи одного стиха съ другимъ, обслѣдованіе важнѣйшихъ варіантовъ текста. Комментарій читается въ общемъ съ интересомъ, обставляется нужными историческими и археологическими свѣдѣніями. Но съ другой стороны толкованіе автора иногда слишкомъ растянуто, утомительно. Въ изъясненіи Матө. 24, 4—14 г. Савинскій не убѣдилъ читателя, что здѣсь говорится и о разрушеніи Іерусалима и о второмъ пришествіи Господа, а это настоятельно требовалось показать, въ ви у раньше даннаго имъ расчлененія эсхатологической бесѣды. При изъясненія напр. Матө. 24, 7 ст. эсхатологическій моментъ какъ будто совершенно отступаетъ: дается чисто историческій комментарій мѣста, т. е. указывается на голодъ при Клавдіи, на римскія войны и т. п. Замѣчается, что всѣ эти предсказанія сбылись въ послѣдующей исторіи, а раньше говорилось, что явленія, о которыхъ идетъ рѣчь въ данномъ стихѣ, присущи „всему новозавѣтному періоду" (стр. 494), „періоду до парусіи" (стр. 512 прим.). Этотъ „періодъ до парусіи"—весьма неясное у автора понятіе. И при изъясненіи Матө. 24, 9. 10. 11 рѣчь идетъ о какомъ-то „протяженіи вѣковъ", когда будутъ убиваемы послѣдователи Христа, ненависть разольется широкою волною по міру, явятся всякаго рода лжеучители. Гдѣ-же эсхатологія? Гдѣ рѣчь о конечныхъ судьбахъ міра, о пришествіи антихриста?... По всему видно, что здѣсь у г. Савинскаго не разграничиваются толкованіе историческое, церковно-историческое и эсхатологическое, и отсюда происходитъ неясность. Ясно все тамъ, гдѣ дается изъясненіе мѣстъ, относящихся къ разрушенію Іерусалима

(Матѳ. 24, 15—22). Но съ Матѳ. 24, 23 опять идетъ рѣчь о періодѣ языковъ,—періодѣ, предшествующемъ парусіи и о непосредственныхъ знаменіяхъ парусіи.

Въ заключеніи сочиненія (стран. 781—816) суммируются основные мысли эсхатологической бесѣды и показывается, что послѣдняя предостерегаетъ христіанина какъ отъ ложнаго оптимизма, такъ и отъ ложнаго пессимизма, ибо по ученію Христа Спасителя, неизбѣжна борьба добра со зломъ въ міровой исторіи, но въ то же время окончательная побѣда принадлежитъ добру и въ новомъ мірѣ будетъ обитать только правда. Усиленіе зла въ мірѣ не стоитъ въ противорѣчіи ни съ понятіемъ о царствѣ Божіемъ, ни съ понятіемъ прогресса всемірной исторіи, ибо полное осуществленіе царства Божія здѣсь на землѣ не достижимо и окончательно торжество добра надъ зломъ возможно только тогда, когда сила зла обнаружится во всей его наготѣ и совмѣстное существованіе добра и зла станетъ уже рѣшительно невозможнымъ.

Сочиненіе г. Савинскаго производитъ впечатлѣніе труда старательнаго, добросовѣстнаго и очень содержательнаго. Указанные его недостатки во многомъ извиняются трудностью предмета изслѣдованія. Поэтому рецензентъ считаетъ справедливымъ присудить автору искомую имъ степень. Но настоятельно необходимо, чтобы, при печатаніи своего труда, г. Савинскій произвелъ въ немъ слѣдующія улучшенія: 1) исправилъ языкъ сочиненія, который во многихъ мѣстахъ отличается шероховатостью и какою то тавтологіею; 2) улучшилъ, насколько возможно, цитацію сочиненія, страдающую часто неточностью, неопредѣленностью (ставится напр. Neander, Pfleiderer и т. п. безъ указанія, какіе имѣются въ виду труды этихъ ученыхъ; не обозначается иногда томъ, годъ изданія цитуемаго сочиненія), заимствуемую иногда безъ нужды изъ вторыхъ рукъ; 3) сократилъ разборъ фрагментарной теоріи; 4) исправилъ нѣкоторыя невѣрныя свои мысли о парусіи и внесъ вообще больше ясности въ истолкованіе Матѳ. 24, 4—14; 5) сдѣлалъ нужное расчлененіе экзегетической части и составилъ оглавленіе своего

труда. Сочиненіе должно быть печатаемо подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого автора".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Авторъ, опредѣляя задачу своего научнаго труда, назвалъ свое сочиненіе опытомъ исагогико-экзегетическаго изслѣдованія. Съ такимъ-же правомъ онъ могъ-бы его назвать и опытомъ апологетическаго изслѣдованія, такъ какъ полемика съ представителями отрицательной протестантской критики (не точно вездѣ называемой авторомъ западной критикой) по вопросу о подлинности эсхатологической бесѣды Спасителя въ ея содержаніи и внѣшнемъ цѣлостномъ видѣ пространственно занимаетъ господственное положеніе въ сочиненіи, не только заполняя собой большую часть первой, исагогической, части сочиненія,—что еще естественно,—но часто проявляясь и во второй, экзегетической, части, спеціальная задача которой—раскрытіе положительнаго содержанія эсхатологической бесѣды.

Авторъ обслѣдовалъ предметъ своего сочиненія очень полно, перейдя даже на мой взглядъ предѣлы необходимаго и полезнаго. Такъ, взгляды отрицательной критики онъ слѣдитъ и преслѣдуетъ до мельчайшихъ варіантовъ ихъ и до единоличныхъ мнѣній малоизвѣстныхъ ученыхъ. Въ экзегезисѣ онъ считаетъ нужнымъ почти всюду указать греческія слова, соотвѣтствующія словамъ славянскаго текста, нерѣдко при этомъ обозначая различныя значенія ихъ. Да и вообще филологическимъ тонкостямъ онъ отводитъ большое мѣсто въ сочиненіи, безъ большой однакожъ пользы для дѣла. При этомъ онъ обнаружилъ громадную эрудицію и еще большее трудолюбіе. Но въ виду этого обстоятельства для меня представляется непонятнымъ, почему авторъ не включилъ въ свое изслѣдованіе конца эсхатологической бесѣды Спасителя, содержащагося въ 25-й главѣ евангелія Матѳея и заключающаго въ себѣ притчи

о мудрыхъ и неразумныхъ дѣвахъ и о талантахъ и разсказъ о пакипришествіи Сына Человѣческаго и о страшномъ судѣ Его, хотя самъ-же говоритъ на страницѣ 17-й, что „существеннымъ содержаніемъ въ собственномъ смыслѣ послѣдняго дня является второе пришествіе, воскрешеніе мертвыхъ и всеобщій судъ", а притчи 25-й главы относятся къ тому же кругу идей, что и объясняемыя авторомъ притчи 24-й главы того же евангелія. И авторъ ни словомъ не обмолвился о причинахъ искусственнаго ограниченія внѣшнихъ предѣловъ своей темы концомъ 24-й главы.

Трудолюбіе автора дало ему возможность поставить свое сочиненіе со стороны фактическаго и идейнаго содержанія на значительную научную высоту. Тамъ, гдѣ авторъ вращается въ предѣлахъ темы, то есть во всемъ сочиненіи за исключеніемъ предисловія и послѣсловія, приводимые имъ факты вообще вѣрны, а проводимые взгляды здравы. Въ предисловіи же и послѣсловіи встрѣчаются и рискованныя положенія; напр.: „христіанской религіи постольку можетъ принадлежать будущность, поскольку она сама открываетъ, даетъ это будущее; или: „основная мысль эсхатологической бесѣды въ ученіи о злѣ та, что зло будетъ постепенно развиваться въ силѣ и расширяться въ объемѣ, что страданія и бѣдствія человѣчества будутъ постепенно усиливаться и умножаться"; еще: „современная наука совершенно игнорируетъ религію, считаетъ ее отжившей миѳологіей, младенческой одеждой, изъ которой человѣчество давно выросло и т. под.

Къ сожалѣнію трудолюбіе автора не отразилось должнымъ образомъ на обработкѣ сочиненія, которая не можетъ быть названа удовлетворительной. Въ распредѣленіи матеріала не авторъ оказался господиномъ, а матеріалъ. Поэтому одни и тѣ же вопросы, одни и тѣ же положенія, одни и тѣ же сюжеты встрѣчаются въ разныхъ частяхъ сочиненія, въ перемѣшку съ другими. Такъ, напр., никакъ не размежуются между собою

вопросъ о подлинности эсхатологической бесѣды и вопросъ о цѣлостности ея, иначе вопросы о подлинности содержанія и о подлинности внѣшняго вида бесѣды, хотя авторомъ и отведены тому и другому вопросу отдѣльныя главы первой части сочиненія. Не рѣдки повторенія. Встрѣчаются мѣста, гдѣ мысль автора для читателя представляется неясной. Въ переработкѣ сильно нуждается и языкъ сочиненія, въ коемъ встрѣчаемъ въ большомъ количествѣ слова и выраженія не точныя, не употребительныя, даже вульгарныя, затѣмъ иностранныя, употребляемыя авторомъ не только безъ нужды, но часто какъ бы съ преднамѣренностію, по принципу. Повидимому автору запала въ голову несчастная мысль, что частое включеніе въ рѣчь иностранныхъ словъ и выраженій, особенно же греческихъ, писанныхъ русскими и нерусскими буквами, способствуетъ раскрытію и уясненію смысла евангельскаго текста и придаетъ рѣчи пущую важность, а всему сочиненію вящую ученую солидность. Но нужно ли доказывать, что перемѣшиваніе въ ученомъ сочиненіи русскихъ и не русскихъ словъ и замѣна безъ нужды первыхъ послѣдними (напр. слово пакипришествіе словомъ парусія) только дѣлаютъ сочиненіе неудобочитаемымъ и, слѣдовательно, малополезнымъ для широкой публики? А развѣ послѣдняя не нуждается въ ближайшемъ ознакомленіи съ основными истинами христіанскаго ученія? А ученые богословы развѣ не обязаны помогать ей въ этомъ?

Въ заключеніе приходится съ прискорбіемъ сказать, что настоящее сочиненіе Сергѣя Савинскаго, хорошее по своему фактическому и идейному содержанію, тѣмъ не менѣе право на названіе удовлетворительнымъ магистерскимъ сочиненіемъ получитъ только послѣ серьезной переработки его авторомъ съ внѣшней стороны".

Постановили: Принимая во вниманіе указанные въ отзывахъ гг. рецензентовъ крупные недостатки сочиненія кан-

дидата богословія Сергѣя Савинскаго, возвратить его автору для пересмотра и исправленія.

VI. Прошеніе преподавателя Донской духовной семинаріи Николая Лысогорскаго отъ 10 сего мая: „Представляя при семъ два экземпляра своего сочиненія: „Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель", почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять означенное мое изслѣдованіе на соисканіе степени магистра богословія. Остальные 58 экземпляровъ обязуюсь выслать вскорѣ".

Справка: Н. Лысогорскій окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1895 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній чрезъ представленіе удовлетворительнаго для сей степени печатнаго сочиненія и защищеніе его на коллоквіумѣ.

Постановили: Представленное сочиненіе передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору С. Голубеву съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „3 іюня 1905 г. Читалъ".

1—3 іюня 1905 года.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ

экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Отзывы наставниковъ Академіи о сочиненіяхъ студентовъ IV курса, написанныхъ для полученія ученой степени:

1) О сочиненіи студента іеромонаха *Аполлинарія* (Кошевого) на тему: „Ученіе Тертулліана о св. Троицѣ".

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея I. Королькова:

„Принимая на себя нелегкій трудъ—изложить ученіе Тертулліана о св. Троицѣ, авторъ считаетъ необходимымъ предварительно представить исторію догмата о св. Троицѣ до Тертулліана. Сначала онъ излагаетъ ученіе объ этомъ Божественнаго Основателя религіи Іисуса Христа и его апостоловъ, затѣмъ ученіе церковныхъ отцовъ и учителей, жившихъ до Тертулліана (ученіе мужей апостольскихъ, христіанскихъ апологетовъ, писателей полемистовъ и др.). Это составляетъ первую часть изслѣдованія о. Аполлинарія.

Во второй части авторъ представляетъ внѣшнюю сторону ученія Тертулліана о св. Троицѣ, раздѣляя эту часть на двѣ главы: въ 1 главѣ излагается характеристика ученія о св. Троицѣ Праксея и его послѣдователей, противъ которыхъ полемизировалъ Тертулліанъ въ трактатѣ, „adversus Praxeam"; во 2 главѣ разсматривается и уясняется терминологія Тертулліана въ ученіи о св. Троицѣ (стр. 105—172).

Въ третьей, послѣдней, части излагается самое ученіе Тертулліана о св. Троицѣ, причемъ эта часть раздѣляется на 5 главъ. Въ 1 главѣ излагается ученіе Тертулліана о Первомъ Лицѣ св. Троицы—Богѣ Отцѣ, во 2-й—ученіе о Второмъ Лицѣ—Сынѣ Божіемъ, въ 3-й—ученіе о Третьемъ Лицѣ св. Троицы—Св. Духѣ, въ 4-й главѣ разсматривается субстанціальность

трехъ Божественныхъ Лицъ и согласіе ея съ единствомъ Божества, наконецъ въ 5-й главѣ приводятся доказательства троичности Лицъ въ Богѣ, на основаніи опроверженія Тертулліаномъ главныхъ монархіанскихъ положеній Праксея и его послѣдователей.

Въ „послѣсловіи“ авторъ, показывая вкратцѣ значеніе церковнаго ученія Тертулліана о св. Троицѣ, излагаетъ главные пункты этого ученія.

Авторъ съ большимъ усердіемъ и добросовѣстностію отнесся къ предмету своего изслѣдованія; онъ генетически, послѣдовательно изложилъ ученіе о св. Троицѣ, начиная отъ Іисуса Христа и кончая Тертулліаномъ; распредѣлилъ собранный имъ матеріалъ въ добромъ порядкѣ, языкъ сочиненія обработанный, ясный и точный, вполнѣ соотвѣтствующій высокому предмету изслѣдованія.

Для степени кандидата настоящее сочиненіе можно признать вполнѣ удовлетворительнымъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Сочиненіе о. Аполлинарія состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ въ первой (стр. 1—104) излагается исторія догмата о св. Троицѣ до Тертулліана, во второй (стр. 105—172) дается характеристика ученія Праксея и выясняется терминологія Тертулліана въ ученіи о Троицѣ, наконецъ, въ третьей (стр. 173—262) предлагается подробное изложеніе ученія Тертулліана о св. Троицѣ.

Трудъ автора заслуживаетъ полнаго одобренія. Онъ составленъ на основаніи тщательнаго и добросовѣстнаго изученія твореній Тертулліана, воспроизводитъ его воззрѣнія полно и правильно и передаетъ ихъ въ послѣдовательномъ логическомъ порядкѣ и въ хорошо обработанномъ изложеніи. Всѣ эти качества, цѣнныя и сами по себѣ, цѣнны особенно въ виду отсут-

ствія хорошаго перевода твореній Тертулліана на русскомъ языкѣ".

2) О сочиненіи студента Илларіона *Ашихмана* на тему: „Положеніе женщины у библейскихъ евреевъ".

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Задача сочиненія авторомъ его опредѣляется такъ: „опредѣленіе степени личной самостоятельности ветхозавѣтной женщины въ тѣхъ областяхъ жизни и дѣятельности, въ которыхъ она выступала или—иначе, указаніе тѣхъ ограниченій личной самоопредѣляемости женщины, которыя установило жестокосердіе еврейскаго народа" (стр. VI „Введенія"). Такая формулировка и пониманіе задачи сочиненія обязаны тому обстоятельству, что автору во введеніи къ сочиненію разсудилось предметъ послѣдняго связать съ вопросомъ женской эмансипаціи, что, разумѣется, не вызывалось сущностью предмета и даже повело къ нѣсколько одностороннему представленію его въ приведенныхъ строкахъ автора,—къ нѣкоторому какъ-бы суженію объема и содержанія темы. Впрочемъ, „женскій вопросъ" фигурируетъ у автора лишь во введеніи (умѣстнѣе было бы упомянуть о немъ въ заключительномъ резюме сочиненія); на ходъ самаго изслѣдованія автора указанное обстоятельство почти не вліяло. Сочиненіе состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) положеніе библейской женщины до брака (стр. 1—43); 2) библейская женщина въ замужествѣ (стр. 44—126); 3) положеніе разведенной и вдовы у ветхоз. евреевъ (стр. 127—139); 4) участіе библейской женщины въ религіозной и общественной жизни Израиля (стр. 139—159). Всѣ эти рубрики заполнены соотвѣтствующимъ матеріаломъ изъ библейскихъ источниковъ и отчасти—изъ іудейской традиціи—талмуда (послѣднимъ авторъ пользуется исключительно въ русскомъ переводѣ Н. Переферковича). Пользованіе источниками, а равно и литературой предмета, въ виду значительной объемистости первыхъ и богатства

послѣдней по изучаемому авторомъ вопросу, могло бы имѣть большій объемъ и болѣе полное примѣненіе, чѣмъ какъ видимъ то и другое у автора. Тогда, возможно, нѣкоторые вопросы получили бы въ сочиненіи автора иное рѣшеніе и, пожалуй, другую постановку, чѣмъ какія даны имъ теперь. Не касаясь частныхъ и, можетъ быть, случайныхъ недосмотровъ автора—дефектовъ мысли и слова, укажемъ два примѣра, гдѣ авторъ, правда, по добрымъ, благонамѣреннымъ побужденіямъ, идетъ въ разрѣзъ съ данными археологіи и исторіи библейской. Такъ, намъ кажется, напрасенъ трудъ автора—усиленно доказывать (стр. 82 и дал.) полное отсутствіе у древнихъ евреевъ обычая (въ древнѣйшую эпоху ихъ исторической жизни) покупать женъ—платить такъ наз. mohar отцу невѣсты: основанія для утвердительнаго рѣшенія этого вопроса довольно тверды. Равнымъ образомъ не историческимъ представляется намъ завѣреніе автора, будто у древнихъ евреевъ жена могла требовать развода отъ мужа (стр. 109—116); для библейскаго, по крайней мѣрѣ, періода это подлежитъ большому сомнѣнію. Въ цѣломъ, однако, работа студента Ашихмана, хотя и оставляетъ желать лучшаго, является и въ настоящемъ своемъ видѣ удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія трудомъ".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Задачею своего сочиненія авторъ ставитъ „опредѣленіе степени личной самостоятельности ветхозавѣтной женщины въ тѣхъ областяхъ жизни и дѣятельности, въ которыхъ она выступила, или иначе—указаніе тѣхъ ограниченій личной самостоятельности женщины, которыя установило жестокосердіе еврейскаго народа". Такую свою задачу авторъ выполняетъ въ четырехъ главахъ своего изслѣдованія, въ которыхъ говорится о положеніи библейской женщины: 1) до брака; 2) въ бракѣ; 3) послѣ прекращенія брачныхъ отношеній вслѣдствіе развода

древнееврейскихъ супруговъ или смерти мужа и, наконецъ, 4) объ участіи женщины въ религіозной и соціальной жизни Израиля.—Авторъ выходитъ изъ высокаго библейскаго представленія о женщинѣ, какъ нравственно свободной личности, созданной по образу Божію и потому равноправной съ мужчиною, и слѣдитъ за проявленіемъ этого взгляда и его ограниченіями на пространствѣ всей исторической жизни ветхозавѣтнаго Израиля, пользуясь главнымъ образомъ данными Библіи, но также и талмуда.

Картина положенія женщины вѣрная, довольно полная и цѣльная и написана хорошимъ языкомъ.

Для доставленія автору степени кандидата богословія сочиненіе г. Ашихмана вполнѣ удовлетворительно".

3) О сочиненіи студента Владиміра *Барвинка* на тему: „Никифоръ Влеммидъ и его богословскіе труды".

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Во введеніи къ своему сочиненію студентъ Барвинокъ излагаетъ историческія обстоятельства, среди которыхъ пришлось жить и дѣйствовать извѣстному византійскому церковному дѣятелю и писателю XIII вѣка Никифору Влеммиду, говоритъ о задачѣ своего сочиненія, важности предмета его, планѣ и литературѣ изслѣдованія. Самое сочиненіе г. Барвинокъ сообразно поставленной въ заглавіи его темѣ, раздѣляетъ на двѣ части. Первая часть говоритъ о личности Никифора Влеммида; распадается она на двѣ главы, изъ которыхъ въ первой (стр. 1—106) излагаются обстоятельства жизни и дѣятельности Никифора Влеммида, начиная съ вопроса объ имени и происхожденіи его и кончая сообщеніемъ о смерти его и о томъ ореолѣ, какимъ окружена была личность Никифора Влеммида въ глазахъ современныхъ ему и послѣдующихъ писателей; а во второй главѣ (стр. 107—

126) говорится, какъ выражается авторъ, „о принципахъ жизни и характерѣ“ Никифора Влеммида, т. е. начертывается по преимуществу его нравственный образъ. Вторая часть сочиненія говоритъ о богословскихъ трудахъ Никифора Влеммида: въ первой главѣ этой части (стр. 127—228) идетъ рѣчь о сочиненіяхъ Влеммида догматико-полемическихъ и догматическихъ, во второй (стр. 228—247)—о сочиненіяхъ нравственно-аскетическихъ, въ третьей главѣ (стр. 248—264)—о сочиненіяхъ экзегетическихъ, въ четвертой главѣ (стр. 264—272)—о произведеніяхъ церковно-поэтическихъ и въ пятой главѣ (стр. 273—294)—о разнаго рода другихъ богословскаго характера трудахъ Никифора Влеммида. Въ заключеніи сочиненія дается общая характеристика Никифора Влеммида, какъ церковнаго дѣятеля и писателя.

Авторъ отнесся къ своему дѣлу съ большимъ стараніемъ и видимымъ умѣніемъ. Матеріалъ распредѣляется имъ въ сочиненіи логически. Авторъ хорошо различаетъ существенное въ сочиненіи отъ второстепеннаго и располагаетъ то и другое въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ и надлежащимъ образомъ. При изложеніи біографіи Никифора Влеммида авторъ старается уяснить каждый, даже, повидимому, неважный фактъ изъ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ византійскаго дѣятеля и писателя XIII вѣка. При обозрѣніи же литературныхъ трудовъ Никифора Влеммида авторъ старается представить все, что можно сказать о томъ или другомъ произведеніи этого писателя: говоритъ о литературѣ, изъ которой можно почерпнуть свѣдѣнія относительно того или иного сочиненія Влеммида, о различныхъ взглядахъ на литературныя произведенія этого писателя, о подлинности извѣстнаго сочиненія Влеммида, характерѣ его, времени и обстоятельствахъ происхожденія, поводѣ, цѣли, значеніи, отношеніи къ другимъ произведеніямъ того же писателя и, само собою, о содержаніи каждаго изъ сочиненій Влеммида; если сочиненіе не появилось въ печати,—дается указаніе и на рукописи, въ которыхъ оно со-

храняется. Авторъ даже слегка расширяетъ тему своего сочиненія, въ чемъ и самъ признается, но дѣлаетъ это съ цѣлію шире и рельефнѣе оттѣнить самый образъ Никифора Влеммида и его несомнѣнно—важныя заслуги для византійской церкви и богословской науки. Въ изображеніи автора Никифоръ Влеммидъ является дѣйствительно своего рода колоссальною личностью по своему уму, по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своей церковной и литературной дѣятельности. И нужно сказать, что для всего этого автору приходилось собирать крупицы изъ множества книгъ на латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ и изъ этихъ крупицъ составлять стройное и обстоятельное изслѣдованіе. Внѣшняя сторона сочиненія нѣсколько уступаетъ внутренней: замѣтны, напр., въ изложеніи шероховатости, встрѣчаются провинціализмы, попадаются и грамматическія (этимологическія и синтаксическія) ошибки; но для общей оцѣнки сочиненія г. Барвинка, при тѣхъ несомнѣнныхъ положительныхъ качествахъ, какими обладаетъ это сочиненіе, сдѣланныя нами замѣчанія относительно внѣшней стороны сочиненія могутъ не имѣть существеннаго значенія. Въ общемъ я считаю сочиненіе г. Барвинка отлично—хорошей кандидатской диссертаціей".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Никифоръ Влеммидъ—византійскій писатель XIII в. (род. въ 1197 г., ум. въ 1272 г.), оставившій послѣ себя длинный рядъ сочиненій, посвященныхъ философіи, физикѣ, географіи, медицинѣ и богословію.

Сочиненіе автора представляетъ собою очень обстоятельную монографію о Влеммидѣ. Оно открывается введеніемъ, въ которомъ изображается эпоха, когда жилъ и дѣйствовалъ Влеммидъ, указываются задача, важность предмета и планъ изслѣдованія, литература, источники и пособія, и состоитъ, затѣмъ,

изъ двухъ частей. Первая часть, въ первой главѣ, излагаетъ жизнь и дѣятельность Влеммида, а во второй изображаетъ его нравственный характеръ. Вторая часть посвящена обстоятельному обозрѣнію литературныхъ трудовъ Влеммида, именно въ 1-й главѣ разсматриваются догматико-полемическія и чисто догматическія сочиненія, во 2-й нравственно-аскетическія, въ 3-й—экзегетическія, въ 4-й—церковно-поэтическія и, наконецъ, въ 5-й—богословскія сочиненія смѣшаннаго характера. Параллельно съ текстомъ, въ обширныхъ, идущихъ иногда на нѣсколькихъ страницахъ, подстрочныхъ примѣчаніяхъ сообщаются пояснительныя и дополнительныя свѣдѣнія къ тексту.

Сочиненіе автора свидѣтельствуетъ о превосходномъ знакомствѣ какъ съ непосредственнымъ предметомъ темы—личностью Влеммида и его богословскими трудами, такъ и съ литературой, касающейся этого предмета, написано въ логическомъ и стилистическомъ отношеніи безукоризненно и, на мой взглядъ, могло бы быть обработано для дальнѣйшихъ ученыхъ цѣлей.

Какъ кандидатская диссертація, оно вполнѣ удовлетворительно".

4) О сочиненіи студента священника Никифора *Блошенко,* на тему: „Эней Газскій, какъ философъ".

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе о. Никифора Блошенко характеризуется двумя похвальными особенностями—стремленіемъ автора къ возможно полному изученію всего, относящагося къ Энею Газскому, т. е. твореній это писателя, ихъ изданій, свидѣтельствъ о немъ и сочиненій, изучающихъ его въ разныхъ отношеніяхъ, и расположеніемъ къ уясненію или критической оцѣнкѣ изучаемаго. Но первое, получившее наибольшее примѣненіе и служащее причиною надлежащей полноты содержанія сочиненія, не всегда благопріятно отражается на второмъ, стѣсняя критическій элементъ, лишая его по мѣстамъ оригинальности и основатель-

ности, являющихся результатомъ напряженной вдумчивости. Сказанное подтверждаемъ краткимъ обозрѣніемъ содержанія разсматриваемаго сочиненія.

Въ „предисловіи" (3—6) авторъ подробно перечисляетъ изданія твореній Энея, ихъ переводы и сочиненія, трактующія о литературной и философской дѣятельности названнаго Газскаго философа: здѣсь же онъ удачно обозначаетъ задачу своего сочиненія и точки зрѣнія, съ которыхъ онъ намѣревается изучать дѣятельность Энея. О качествахъ изданій и переводовъ твореній Энея, а равно и объ ученой литературѣ, касающейся этого древняго писателя, авторъ ничего не говоритъ, оставляя такимъ образомъ читателя въ невѣдѣніи относительно отличія своего сочиненія отъ прежде появившихся изслѣдованій объ Энеѣ. Впрочемъ, этотъ пробѣлъ значительно восполняется встрѣчающимися въ сочиненіи свящ. Н. Блошенко критическими замѣчаніями о мнѣніяхъ и гипотезахъ разныхъ ученыхъ объ Энеѣ и его религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ.

Во „введеніи" (стр. 6—29) авторъ, при помощи имѣвшихся у него пособій, съ немалымъ успѣхомъ выясняетъ причины упадка христ. философіи (6—11) и усилившееся „вліяніе греческой философіи (Платоновой, Аристотелевой и неоплатонической) на христіанское ученіе" (7) въ V и VI в.в., процвѣтаніе и направленіе Газской школы, къ представителямъ которой принадлежитъ и Эней (11—21), опредѣляетъ время жизни этого философа (21—25), исчисляетъ и характеризуетъ со стороны формы и содержанія его творенія (25—29). Въ этой части сочиненія авторъ собираетъ весьма интересныя свѣдѣнія и дѣлаетъ основательныя соображенія по поводу ихъ; но здѣсь же находимъ сужденія совершенно необоснованныя, сомнительныя и неудобопріемлемыя. Приведемъ примѣры. Церковныхъ писателей, подъ вліяніемъ философіи впадавшихъ въ ереси, авторъ называетъ отцами церкви (стр. 8). Сомнительно замѣчаніе, что греческая философія превосходила христіанское ученіе богатствомъ знанія (8). Если взять во вниманіе, что

греческая философія въ V и VI в.в. находилась въ полномъ упадкѣ, то становится непонятнымъ сужденіе автора, что вслѣдствіе упадка христіанской философіи (т. е. ученія церковн. писателей) возросло вліяніе языческой философіи на христіанское ученіе; да и невѣрно сказано, что авторитетъ ученія церковныхъ отцовъ не признавался въ V и VI в.в. и что въ это время языческая философія вліяла на христіанское ученіе; тутъ, очевидно, авторъ допускаетъ смѣшеніе нѣкоторыхъ понятій и ихъ наименованій. По вопросу о времени жизни Энея авторъ приводитъ разныя мнѣнія, не показывая несостоятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ; онъ склоняется къ предположенію, что Эней жилъ въ концѣ 5-го и въ началѣ 6—го в., но оставляетъ безъ возраженія мнѣніе Баронія, что Эней принялъ крещеніе и имя отъ Газскаго епископа Энея, умершаго въ 394 или въ 395 г.

Самое изслѣдованіе раздѣляется авторомъ на три главы. Въ 1-ой онъ излагаетъ философскія воззрѣнія Энея Газскаго. Она состоитъ изъ трехъ частей: въ *первой* излагается опроверженіе философскаго ученія о предсуществованіи душъ и ихъ переселеніи, удачно систематизируется ученіе Энея о твореніи душъ при зарожденіи человѣка, о безсмертіи и числѣ душъ (стр. 30—78); во *второй* заключается ученіе Энея о происхожденіи, разрушеніи и обновленія міра (78—91), а въ *третьей*—о воскресеніи тѣла (91—111). Первая обширная по объему глава сочиненія свящ. Блошенко очень старательно обработана; въ ней точно, полно и продуманно представлены религіозно—философскія воззрѣнія Энея; приложенный къ сочиненію хорошій переводъ „Θеофраста“ Энея служитъ надежнымъ подтвержденіемъ той старательности, съ какою авторъ изучилъ воззрѣнія Энея.

Если первую главу можно назвать излагательною по преимуществу, то остальныя двѣ должно считать критическими. Во 2-й главѣ авторъ выясняетъ отношеніе Энея къ христіанству и философскимъ системамъ. Съ особенною обстоятельностію доказана здѣсь зависимость Энея отъ Платона и Плотина,

которую авторъ называетъ формальною, а не матеріальною. Въ 3-й главѣ (161—180) авторъ характеризуетъ литературную форму, въ которой Эней выражалъ свои религіозно-философскія воззрѣнія. И во 2-й и въ 3-й главѣ критическая оцѣнка воззрѣній Энея и литературной формы изложенія произведена подробно и обстоятельно, но по мѣстамъ она поверхностна и неправильна. Такъ, напр., доказывая легковѣріе Энея и замѣчаемое иногда въ его сочиненіяхъ отсутствіе философской критики, о. Н. Блошенко говоритъ (168): Эней „принимаетъ за чистую монету нѣкоторые разсказы изъ древнихъ сагъ и христіанскихъ сказаній". Извѣстно, что христіанскіе ученѣйшіе писатели, начиная со второго вѣка, въ полемикѣ съ языческими воззрѣніями и вѣрованіями доказывали, что въ нихъ есть нѣчто сходное съ христіанскими воззрѣніями и есть много нелѣпостей; первому, когда на него указываютъ христіане, язычники не вѣрятъ, а второе защищаютъ. Этого же полемическаго пріема придерживается и Эней... Что же вы, говоритъ онъ, легкомысленно усиливаетесь противъ истиннаго..., все, которое темное и нелѣпое болѣе охотно принимаете?" (94). Когда же Творецъ обѣщаетъ сотворить безсмертной душѣ безсмертное тѣло, то противъ этого вы возбуждаетесь, поднимая непримиримую войну, хотя и Платонъ тѣлесно выводитъ изъ ада къ живымъ Армонія, а Зороастръ предсказываетъ воскресеніе всѣхъ мертвыхъ (95). Гдѣ же здѣсь легковѣріе Энея?. Еще болѣе страннымъ представляется желаніе о. Н. Блошенко, чтобы разсказы о проявленіи чудесной силы въ христіанствѣ Эней принималъ за фальшивую монету. Авторъ, какъ кажется, въ приведенномъ сужденіи не выступаетъ самостоятельнымъ критикомъ. Вообще же разсмотрѣнное сочиненіе, не смотря на многіе указанные недостатки, представляетъ собою трудъ очень серьезный, въ научномъ отношеніи цѣнный, показывающій, что авторъ его старательно изучилъ источники и пособія и изученное освѣтилъ основательною критикою".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Сочиненіе о. Блошенко представляетъ въ общемъ обстоятельное и основательное изслѣдованіе предмета и свидѣтельствуетъ о внимательномъ изученіи авторомъ важнѣйшихъ изъ относящихся къ предмету сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и въ частности произведеній самого Энея, и о способности автора къ научно-литературнымъ работамъ. Въ заслугу автору слѣдуетъ также поставить сдѣланный имъ и помѣщенный въ приложеніи переводъ діалога Энея „Θеофрастъ“. Наиболѣе удачно обработана авторомъ 1-я глава сочиненія, въ которой излагается въ систематическомъ видѣ философское ученіе Энея о душѣ человѣка, о мірѣ и воскресеніи тѣла. Менѣе удачны прочія части сочиненія. Такъ, во введеніи трактатъ о состояніи духовнаго просвѣщенія и направленія умственной дѣятельности въ V вѣкѣ имѣетъ слишкомъ общій характеръ. Во 2-й главѣ, имѣющей предметомъ общій взглядъ на философскія воззрѣнія Энея и на отношеніе его къ христіанству и неоплатонизму, авторъ въ недостаточной степени обратилъ вниманіе на отношеніе философскихъ воззрѣній Энея къ христіанскому ученію и къ воззрѣніямъ предшествующихъ христіанскихъ мыслителей и не выяснилъ, въ чемъ именно Эней „уклоняется отъ христіанскихъ воззрѣній“ и какія изъ усвоенныхъ имъ философскихъ ученій были, по выраженію автора, „прямо противоположны христіанскому ученію (стр. 159)“. Онъ сосредоточиваетъ вниманіе на выясненіи отношенія Энея къ Аристотелю, Платону и въ особенности къ неоплатонизму и къ представителямъ его—Плотину, Порфирію и Іероклу; но, излагая въ частности тѣ воззрѣнія Энея, въ которыхъ, по мнѣнію автора, отразилось вліяніе неоплатонизма, авторъ не указываетъ, кто именно изъ неоплатониковъ высказывалъ подобнаго рода воззрѣнія. Этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что нѣкоторыя изъ воззрѣній, приписываемыхъ авторомъ не-

оплатонизму, высказывались также представителями другихъ философскихъ школъ или христіанскими писателями, не имѣвшими отношенія къ неоплатонизму, какъ, напр., то воззрѣніе, что „долгъ человѣка—жить сообразно съ природой (стр. 148)" и что „повсюду въ мірѣ господствуетъ порядокъ и гармонія (стр. 150)". Въ сужденіяхъ автора замѣчается иногда нѣкотораго рода шаткость или непослѣдовательность. Такъ, авторъ признаетъ тѣсную связь философскаго ученія Энея съ ученіемъ Платона и въ этомъ смыслѣ неоднократно называетъ перваго Платоникомъ (стр. 119, 127 и др.); неоплатонизму же Эней, по словамъ автора, обязанъ лишь терминологіей или внѣшнею, формальною стороною (стр. 146, 150, 156 и др.); но въ заключеніи разсматриваемой главы онъ говоритъ, что „у Энея христіанскіе и неоплатоническіе обороты рѣчи и *воззрѣнія* переплетаются" (стр. 158—159). Также изъ изложенія философскаго ученія Энея и въ особенности изъ сдѣланной авторомъ подробной характеристики вліянія неоплатонизма на воззрѣнія Энея видно, что вліяніе это не ограничивалось формальною стороною, но простиралось и на самое содержаніе ученія Энея. По мѣстамъ встрѣчаются у автора повторенія и замѣчается недостатокъ строгой логической связи. Эти недостатки въ особенности замѣчаются въ 3-ей главѣ, въ которую входятъ „замѣчанія о формальной сторонѣ изложенія". Но въ общемъ сужденія автора дѣльныя и основательныя. Языкъ сочиненія, за немногими исключеніями, гладкій и ясный. Но встрѣчаются по мѣстамъ неточныя выраженія, которыя объясняются спѣшностію работы, а отчасти, можетъ быть, кое-какими недочетами въ церковно-историческихъ, историческихъ, историко-литературныхъ и т. под. свѣдѣніяхъ автора. Такъ, напр., авторъ говоритъ, что „прелести греческой философіи еще и въ древнее время увлекали *отцевъ церкви* (?) въ ереси. Но церковь осуждала такихъ чадъ и отлучала ихъ (отцевъ церкви?) отъ своего общества (стр. 161)". Баронія и Касовбонія (sic!) онъ относитъ (стр. 161) „къ предыдущимъ десятилѣтіямъ (XIX в. ?)". Но

этими недостатками не затемняются достоинства разсматриваемаго сочиненія, которое, въ качествѣ кандидатской диссертаціи, можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительнымъ".

5) О сочиненіи студента Александра *Боброва* на тему: „Гомилетическія наставленія въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта".

а) И. д. доцента Ѳ. Мищенко:

„Сочиненіе, кромѣ введенія и заключенія, имѣетъ двѣ главы; въ первой говорится о проповѣдникѣ, во второй — о проповѣди. Въ томъ и другомъ случаѣ авторъ часто упускаетъ изъ виду гомилетическую цѣль своего изслѣдованія и сбивается то въ область пастырскаго богословія, то на путь общихъ нравственно-догматическихъ разсужденій. Особенно страдаютъ такими отклоненіями разсужденія во второй главѣ о предметѣ проповѣди, гдѣ авторъ дѣлаетъ попытку изложить по пастырскимъ посланіямъ чуть-ли не цѣлое богословское міровоззрѣніе ап. Павла. Какъ на общій недостатокъ сочиненія, можно также указать на неумѣнье автора выдвинуть на первый планъ въ своемъ изслѣдованіи текстъ Св. Писанія, вслѣдствіе чего у читателя получается впечатлѣніе, что онъ имѣетъ дѣло не съ гомилетическими наставленіями свящ. книгъ Новаго Завѣта, а съ гомилетическими разсужденіями самого автора, высказываемыми по поводу ново-завѣтныхъ текстовъ, или подкрѣпляемыми текстами.

Не смотря на указанные недостатки, на основаніи сочиненія все таки можно составить себѣ понятіе о томъ, что и какъ говорится въ Св. Писаніи относительно проповѣдническаго служенія и потому я полагалъ бы возможнымъ признать автора достойнымъ степени кандидата богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Задача автора (какъ онъ самъ ее опредѣляетъ) состояла въ томъ, чтобы представить въ возможно полномъ видѣ систему наставленій о проповѣди, находимыхъ въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта. Но авторъ, поставившій себѣ такую задачу, съузилъ ее въ своемъ исполненіи. Онъ обратилъ вниманіе только на пастырскія посланія св. апостола Павла. Между тѣмъ эти посланія, хотя и представляютъ наиболѣе богатый матеріалъ для читателя, не единственный документъ въ этомъ отношеніи. Авторъ могъ бы найти очень много важныхъ указаній, нужныхъ для выполненія его задачи, въ другихъ книгахъ священнаго писанія Новаго Завѣта, въ особенности въ словахъ и наставленіяхъ Господа Іисуса Христа, данныхъ апостоламъ.

Далѣе, автору, при построеніи системы наставленій гомилетическаго характера, заключающихся въ новозавѣтныхъ священныхъ книгахъ, исходною точкою и основаніемъ нужно бы ставить слова Писанія. Но онъ кладетъ въ основаніе своихъ построеній напередъ составленныя общія понятія, и развивая ихъ потомъ, подтверждаетъ ихъ текстами Писанія. Нельзя не замѣтить притомъ, что нѣкоторые пункты, указанные въ священномъ Писаніи, имъ оставлены безъ вниманія.

Въ сочиненіи двѣ главы. Въ одной говорится о качествахъ проповѣдника. Объ этомъ авторъ распространяется болѣе надлежащаго, часто выходя за предѣлы указанныхъ въ Писаніи наставленій, и наполняетъ главу общими разсужденіями.

Вторая глава озаглавливается: „Проповѣдникъ, какъ учитель вѣры и жизни христіанской“. Здѣсь высказано много добрыхъ сужденій. Но авторъ не даетъ надлежащей раздѣльности, при развитіи своихъ представленій, и планъ его не выработанъ съ надлежащею отчетливостію. Его многословіе, не подчинен-

ное твердому плану, причиною того, что читателю не легко изъ его разсужденій вынести вполнѣ ясное представленіе о томъ, какія указанія даются проповѣднику въ посланіяхъ св. апостола Павла.

Языкъ автора довольно исправный и выработанный. Высказанныя имъ сужденія о проповѣдническомъ дѣлѣ здравыя и основательныя.

Для степени кандидата сочиненіе удовлетворительное".

6) О сочиненіи студента Николая *Богоявленскаго* (новгородскаго) на тему: „Царская власть у Израиля и ея отношеніе къ ветхозавѣтной теократіи".

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Предметъ сочиненія—царская власть у библейскихъ евреевъ—достаточно раскрытъ даже въ нашей библейской литературѣ, по крайней мѣрѣ, со стороны историко-археологической: о первыхъ трехъ царяхъ нераздѣленнаго еврейскаго царства есть докторская диссертація проф. Я. А. Богородскаго „Еврейскіе Цари" (Казань, 1884); о бытѣ еврейскихъ царей—магистерская диссертація А. Миролюбова „Бытъ еврейскихъ царей" (Казань, 1898). Однако какъ первое, такъ и второе сочиненія не ставятъ и не рѣшаютъ нарочито принципіальнаго вопроса о взаимномъ отношеніи царской власти у библейскихъ евреевъ къ существовавшей у нихъ теократіи; еще менѣе въ нихъ говорится о значеніи царской власти для наступательнаго раскрытія мессіанской идеи въ Ветхомъ Завѣтѣ; наконецъ, и въ самой историко-археологической сторонѣ вопроса о царской власти у библейскихъ евреевъ возможны, въ частностяхъ, иныя рѣшенія по сравненію съ данными въ названныхъ работахъ. Отвѣтъ на всѣ эти запросы и пытается дать разсматриваемая курсовая работа. Первыя три главы имѣютъ характеръ по преимуществу историко-археологическій: 1) о причинахъ и обстоятельствахъ возникновенія царской власти у евреевъ; 2) о сущности

и подробностяхъ царскаго управленія у нихъ; 3) о бытѣ царей. Послѣднія двѣ главы носятъ библейско-богословскій отпечатокъ, поскольку 4-я гл. опредѣляетъ „значеніе института царской власти у Израиля для раскрытія мессіанской идеи въ Ветхомъ Завѣтѣ", а 5-я гл. критически и положительно устанавливаетъ или формулируетъ взаимное отношеніе царской власти и теократіи въ Ветхомъ Завѣтѣ. Можно замѣтить, что обратный порядокъ двухъ послѣдующихъ главъ сочиненія сообщилъ бы каждой изъ нихъ болѣе естественное по ходу изслѣдованія положеніе; у автора же получилось не вполнѣ исторически-обоснованное представленіе соотношенія древнееврейской царской власти и мессіанской идеи Ветхаго Завѣта. Не всегда также способна удовлетворить читателя авторская критика построеній западныхъ „ученыхъ теоретиковъ развитія", изыскивающихъ противорѣчія между „царскими законами" (Втор. 17 гл.) и религіозно-культовымъ устройствомъ еврейской общины по „Священническому кодексу" (—среднимъ книгамъ Пятокнижія) и между послѣднимъ и исторіею періода царей еврейскихъ. Въ общемъ однако сочиненіе студента Богоявленскаго производитъ благопріятное впечатлѣніе надлежащею освѣдомленностью автора въ библейскомъ источникѣ и ученой, русской и заграничной, литературѣ предмета и, въ большинствѣ случаевъ, твердостью и основательностью сужденій. Степени кандидата богословія авторъ сочиненія вполнѣ заслуживаетъ".

б) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Данная автору тема, очевидно, имѣла въ виду сосредоточить его вниманіе на идеѣ царской власти у израильскаго народа и на уясненіи положенія этой власти въ теократическомъ строѣ. Но авторъ нѣсколько иначе понялъ свою тему и основному вопросу ея отвелъ второстепенное мѣсто, посвятивъ ему только третью часть сочиненія. Въ боль-

шей же части сочиненія авторъ трактуетъ о происхожденіи царской власти, о правахъ царя, порядкѣ управленія, престолонаслѣдія, о бытѣ царей и ихъ доходахъ. Если разсматривать эти трактаты въ отношеніи къ данной темѣ, то многіе изъ нихъ нужно назвать или излишними совсѣмъ, или слишкомъ пространными. Если цѣнить ихъ съ точки зрѣнія задачи, поставленной себѣ самимъ авторомъ, то они оказываются очень краткими. Напр., о бытѣ царей авторъ имѣлъ подъ руками цѣлую магистерскую диссертацію и могъ этотъ пунктъ, разъ онъ считалъ себя обязаннымъ коснуться его, раскрыть много обстоятельнѣй. Прямо къ темѣ, данной автору, относятся двѣ послѣднія главы сочиненія, въ которыхъ уясняется значеніе царской власти въ раскрытіи мессіанской идеи въ Ветхомъ Завѣтѣ и отношеніе этой власти къ теократическому строю. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ главахъ поставленные вопросы были исчерпаны вполнѣ и освѣщены такъ, какъ ихъ можно бы освѣтить. Полнаго свода библейскихъ мѣстъ о царской власти и экзегесиса библейскаго текста мы здѣсь не находимъ. Достоинства сочиненія заключаются въ томъ, что авторъ хорошо разсуждаетъ, умѣетъ изъ многихъ разнообразныхъ мнѣній выбрать лучшія и излагаетъ свои мысли простой и правильной рѣчью.

Какъ кандидатская диссертація, сочиненіе г. Богоявленскаго вполнѣ удовлетворительно".

7) О сочиненіи студента Николая *Богоявленскаго* (олонецкаго) на тему: „Значеніе твореній св. Θеофила Антіохійскаго для древне-классической литературы".

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея І. Королькова:

„Св. Θеофилъ Антіохійскій въ своемъ трактатѣ къ Автолику, образованному язычнику, неоднократно ссылается на

древне-классическую (частнѣе эллинскую) религію и литературу, дѣлая свои отзывы о религіи и миѳологіи грековъ, объ ихъ поэтахъ, историкахъ и философахъ. Студентъ г. Богоявленскій поставилъ своею задачею—опредѣлить значеніе этихъ отзывовъ св. Ѳеофила для древне-славянской литературы и указать ихъ достоинства и недостатки.

Сочиненіе автора построено по такому плану. Во введеніи онъ показываетъ отношеніе язычниковъ и іудеевъ къ христіанству; нападки тѣхъ и другихъ на христіанъ и защита послѣднихъ отъ несправедливыхъ обвиненій, возводившихся на христіанскую религію. Такъ какъ апологетическіе труды писались образованными христіанами, основательно знакомыми съ писаніями и вѣрованіями языческихъ ученыхъ, то подобные труды христіанскихъ апологетовъ (частнѣе св. Ѳеофила) имѣютъ немаловажное значеніе и для древне-классической литературы.

Для опредѣленія этого значенія авторъ входитъ въ подробный разборъ сочиненій св. Ѳеофила и показываетъ—въ 1 главѣ отношеніе къ древне-классической религіи и миѳологіи, во 2 главѣ—отношеніе св. Ѳеофила къ древне-классической литературѣ вообще, въ 3 главѣ—отношеніе его въ частности къ поэзіи, исторіи и философіи. Наконецъ, въ заключеніи авторъ представляетъ общіе выводы, вытекающіе изъ разбора твореній св. Ѳеофила по отношенію къ древне-классической религіи, миѳологіи и литературѣ.

Авторъ съ большою любовью и внимательностію отнесся къ избранному имъ предмету. Онъ тщательно пересмотрѣлъ всѣ мѣста и изреченія древнихъ греческихъ писателей, находящіяся въ твореніяхъ св. Ѳеофила, сличилъ ихъ съ подлинниками, указалъ ихъ важность и значеніе и опредѣлилъ правильность ихъ чтенія у св. Ѳеофила. На основаніи отрывочныхъ фразъ у св. Ѳеофила, случайныхъ упоминаній о томъ или другомъ писателѣ, авторъ представилъ намъ цѣлую систему религіозныхъ воззрѣній древне-греческаго періода и его писателей.

Трудъ автора кропотливый, добросовѣстный, а главное самостоятельный, показывающій его основательныя познанія въ древне-греческой литературѣ. Правда, въ настоящемъ сочиненіи встрѣчаются нѣкоторыя (впрочемъ немногія) неточныя выраженія, преувеличенія, иногда недостаетъ надлежащихъ выводовъ при сужденіи о древне-греческихъ писателяхъ, бросается въ глаза незнакомство автора съ выдающимися трудами (даже русскихъ) ученыхъ (напр., проф. Корсунскаго, проф. Бѣляева). Но всѣ эти пробѣлы не умаляютъ достоинства сочиненія, которое можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительною кандидатскою диссертаціею".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Судя по сдѣланнымъ авторомъ въ введеніи къ своему труду замѣчаніямъ о значеніи христіанской апологетической литературы для науки классической древности и въ частности для исторіи древне-классической литературы, онъ имѣлъ ясное представленіе о предстоявшей ему задачѣ. Но въ своемъ изслѣдованіи, состоящемъ изъ трехъ главъ, онъ какъ бы уклоняется отъ прямой своей задачи и говоритъ собственно не о значеніи твореній св. Феофила для исторіи древне-классической литературы, а объ отношеніи его къ древне-классической религіи и миѳологіи, какъ имѣющимъ тѣсную связь съ древне-классической литературой (гл. I), объ отношеніи его къ древне классической литературѣ вообще (гл. II) и объ отношеніи его въ частности къ поэзіи, исторіи и философіи (гл. III). Но при этомъ онъ не только извлекъ изъ твореній св. Феофила, но также систематизировалъ все то, что имѣетъ отношеніе къ греческой классической литературѣ, и постарался выяснить безупречность фактической стороны въ историко-литературныхъ сообщеніяхъ св. Феофила и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрную рѣзкость и односторонность въ сужденіяхъ его о древне-классической религіи, миѳологіи и литературѣ. Онъ сличилъ большую

часть мѣстъ, приводимыхъ св. Ѳеофиломъ изъ греческихъ писателей, съ текстомъ послѣднихъ и такимъ образомъ констатировалъ точность цитацій его. Онъ отмѣтилъ также мѣста, приводимыя св. Ѳеофиломъ изъ недошедшихъ до насъ произведеній греческихъ писателей, и постарался показать, что они дѣйствительно могутъ принадлежать тѣмъ писателямъ, которымъ приписываетъ ихъ св. отецъ. Попутно авторъ дѣлаетъ иногда указанія, но лишь общаго характера, и на значеніе тѣхъ или другихъ сообщеній св. Ѳеофила въ историко-литературномъ отношеніи. Все это относится къ достоинствамъ разсматриваемаго сочиненія и имѣетъ ближайшее отношеніе къ задачѣ автора, но далеко не исчерпываетъ всѣхъ, входящихъ въ нее, вопросовъ. Такъ, авторъ старается большею частью доказать полное согласіе историко-литературнаго матеріала, заключающагося въ твореніяхъ св. Ѳеофила, съ тѣми данными, которыми располагаетъ исторія древне-классической литературы, но оставляетъ безъ надлежащаго вниманія вопросъ, что новаго въ этомъ отношеніи даютъ творенія св. отца, кромѣ своеобразныхъ сужденій его, и что встрѣчается въ нихъ такого, что можетъ служить или дѣйствительно служитъ къ восполненію, уясненію или исправленію этихъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи характерно между прочимъ то, что, отмѣчая мѣста, приводимыя св. Ѳеофиломъ изъ недошедшихъ до насъ произведеній греческихъ писателей, авторъ ничего не говоритъ о томъ, не встрѣчаются ли эти мѣста или указанія на нихъ у другихъ древнихъ писателей. Въ частности, признавая извѣстное выраженіе апостола Павла: „мы Его и родъ“ заимствованнымъ изъ приводимаго св. Ѳеофиломъ мѣста изъ Арата, онъ даже не упоминаетъ о томъ, что выраженіе это встрѣчается также въ гимнѣ Клеанѳа. Нѣкоторымъ восполненіемъ пробѣловъ сочиненія служитъ краткое „заключеніе“, гдѣ авторъ говоритъ о значеніи твореній св. Ѳеофила для исторіи древне-классической литературы; но здѣсь онъ ограничивается лишь „общими выводами“,

не входя въ детальное разсмотрѣніе вопроса. Впрочемъ, указанные пробѣлы едвали можно ставить въ вину автору. Для устраненія ихъ потребовалось бы не только основательное изученіе многочисленныхъ памятниковъ древне-классической и христіанской литературы, но и обстоятельное знакомство съ обширною ученою литературою на разныхъ языкахъ, между тѣмъ какъ авторъ располагалъ, кромѣ обычныхъ студенческихъ свѣдѣній по древне-классической христіанской литературѣ, лишь греческимъ текстомъ твореній св. Ѳеофила въ изданіи Миня, русскимъ переводомъ ихъ, принадлежащимъ прот. Преображенскому, греческимъ текстомъ классиковъ и очень ограниченнымъ числомъ пособій на русскомъ языкѣ. Изъ другихъ недостатковъ въ особенности можно указать встрѣчающіяся по мѣстамъ повторенія и недостаточно обоснованныя сужденія. Такъ, напр., авторъ, приведши выраженіе св. Ѳеофила: „нѣкоторые изъ стоиковъ утверждаютъ, что Онъ (Богъ) ни о чемъ не печется, кромѣ Себя Самого (стр. 185)", совершенно несправедливо обобщаетъ мысль, говоря, что „стоики, какъ мы уже видѣли, отвергаютъ промыслъ Божій (стр. 191)". Другой примѣръ: авторъ полагаетъ, что прот. Преображенскій сдѣлалъ свой переводъ твореній св. Ѳеофила не съ греческаго текста, а съ латинскаго. „Къ этому побуждаетъ насъ", говоритъ онъ, „то обстоятельство, что греческихъ боговъ онъ называетъ латинскими именами,—Афродиту, напр., онъ называетъ Венерой. А это во всякомъ случаѣ нельзя ничѣмъ инымъ объяснить, какъ тѣмъ, что прот. Преображенскій переводилъ съ латинскаго текста (стр. 17)". Но въ дѣйствительности прот. Преображенскій обыкновенно называетъ греческихъ боговъ, согласно съ греческимъ текстомъ, греческими именами, какъ напр. Кроноса, Зевса, Посидона, Арея и др.; имя же Афродиты онъ могъ замѣнить въ переводѣ именемъ Венеры, какъ болѣе употребительнымъ въ русскомъ языкѣ. Но, не смотря на указанные недостатки, разсматриваемое сочиненіе представляетъ трудъ весьма

почтенный, вполнѣ свидѣтельствующій о способности автора къ учено-литературнымъ работамъ. Изложено оно въ общемъ стройно и написано языкомъ легкимъ и яснымъ. Кромѣ отмѣченныхъ нами, оно отличается также многими другими достоинствами, изъ которыхъ въ особенности можно указать на то, что авторъ, пользуясь русскимъ переводомъ прот. Преображенскаго, постоянно сличалъ его съ греческимъ текстомъ по изданію Миня и постарался восполнить его собственнымъ переводомъ тѣхъ мѣстъ, которыя неточно переведены или опущены прот. Преображенскимъ. Какъ кандидатская диссертація, разсматриваемое сочиненіе можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительнымъ".

8) О сочиненіи студента Войслава *Бошняковича* на тему: „Нилъ Синайскій (біографическій очеркъ)".

а) Доцента Н. Мухина:

„Автору дается больше анализъ, чѣмъ синтезъ. Онъ болѣе или менѣе удачно анализируетъ для своихъ цѣлей тѣ или другія обстоятельства жизни св. Нила, тѣ или другія мѣста его твореній. Когда же авторъ обращается къ широкимъ обобщеніямъ, старается нарисовать цѣлую картину извѣстныхъ отношеній, тамъ перо его является слабымъ. Попытка автора представить борьбу христіанства и монашества съ отжившимъ язычествомъ и его культурою (стр. 18—20), а также борьбу православія съ ересями (стр. 21—22) потерпѣла полную неудачу. Здѣсь авторъ наговорилъ много несообразностей, свидѣтельствующихъ о значительномъ его легковѣріи. Слабую сторону сочиненія составляетъ также погоня автора за фразой, нагроможденіе однозначащихъ словъ и выраженій. Встрѣчаются въ сочиненіи невѣрныя сужденія (стр. 5, 16, 39), преувеличенія (16), а въ одномъ мѣстѣ авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою (стр. 53—54). Языкъ сочиненія не вездѣ—пра-

вильный. Но при всемъ томъ авторъ не мало потрудился надъ своимъ сочиненіемъ. Онъ болѣе или менѣе добросовѣстно изучилъ творенія св. Нила и вѣрно представилъ величавый обликъ этого святителя. Авторъ вѣрно охарактеризовалъ отношенія Нила къ различнымъ слоямъ общества и монашеству. Сочиненіе согрѣто добрымъ, теплымъ чувствомъ, а нѣкоторые отдѣлы его (введеніе и заключеніе) написаны съ искреннимъ воодушевленіемъ. Какъ кандидатская работа, сочиненіе г. Бошняковича удовлетворительно".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Сочиненіе Бошняковича заключаетъ въ себѣ, кромѣ краткихъ введенія и заключенія, три главы, изъ коихъ въ первой изображается, на фонѣ государственно-церковной жизни того времени, жизнь преп. Нила въ міру до удаленія на Синай, во второй—отшельническая жизнь пр. Нила на Синаѣ на фонѣ прошлаго и современнаго Нилу состоянія Синайскаго монашества и въ третьей—воздѣйствіе пр. Нила изъ пустыни на міръ, къ чему присоединены свѣдѣнія о послѣднихъ временахъ жизни преподобнаго и его твореніяхъ. Такой планъ сочиненія можетъ быть признанъ естественнымъ и потому заслуживающимъ одобренія.

Нѣтъ серьезнаго основанія возражать и противъ пріема автора заимствовать данныя для своего сочиненія главнымъ образомъ изъ твореній преп. Нила Синайскаго. Во первыхъ авторъ правъ, когда утверждаетъ, что посторонніе источники свѣдѣній о жизни и дѣятельности преподобнаго очень скудны. Во вторыхъ авторъ при самостоятельномъ отыскиваніи матеріаловъ для своего сочиненія не особенно счастливъ. По крайней мѣрѣ полученныя имъ такимъ образомъ свѣдѣнія оказываются подчасъ далекими отъ истины и даже странными, въ родѣ напр. слѣдующихъ: „православные епископы обнаруживали въ это время (при Θеодосіи Великомъ) по отношенію къ

язычеству свирѣпость, жестокость и даже дикость", также: „жрецы и философы погибали, храмы начали разрушать вездѣ, гдѣ только было возможно. Великіе памятники древней языческой архитектуры, созданія цѣлыхъ поколѣній, статуи, колонны—все это погибло въ огнѣ и пламени, все это стиралось съ лица земли, какъ обиталища демоновъ..." Я готовъ былъ бы одобрить и пріемъ автора при заимствованіяхъ изъ твореній пр. Нила Синайскаго, состоящій въ приведеніи цѣликомъ отрывковъ изъ нихъ по печатному русскому переводу, такъ какъ при недостаточномъ знаніи авторомъ русскаго языка эти отрывки служатъ образцами правильной русской рѣчи.

Результаты изученія авторомъ предмета своего сочиненія въ научномъ отношеніи не велики. Свѣдѣнія о внѣшнихъ событіяхъ жизни преп. Нила Синайскаго даны въ сочиненіи очень краткія и частію даже противорѣчивыя, при чемъ противорѣчіе или не замѣчается авторомъ, или разрѣшается не вполнѣ удачно. Гораздо болѣе сдѣлано для уясненія духовнаго развитія преподобнаго, для созданія психологическаго образа его, хотя авторъ иногда и сбивается при этомъ на общія фразы аскетическихъ характеристикъ.

Во внѣшней обработкѣ сочиненія обращаетъ на себя вниманіе способность автора излагать свои мысли краснорѣчиво и съ паѳосомъ, хотя при недостаточномъ знаніи авторомъ русскаго языка она и не могла сообщить сочиненію большой внѣшней красоты.

Какъ кандидатская диссертація сочиненіе Войслава Вошняковича можетъ быть признано удовлетворительнымъ".

9) О сочиненіи студента Бориса *Георгіевскаго* на тему: „Пророкъ Амосъ и его время".

а) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Авторъ настоящаго сочиненія не вполнѣ правильно понялъ свою задачу. Темой сочиненія, очевидно, требовалось изло-

жить данныя о личности пророка, освѣтить историческіе факты его времени и уяснить религіозно-нравственное состояніе еврейскаго народа эпохи Амоса. Но авторъ занимается этими вопросами только на первыхъ 30 стр. своего сочиненія и потому разсматриваетъ ихъ весьма бѣгло. Главное же вниманіе автора привлекъ къ себѣ взглядъ отрицательной критики на Амоса, какъ на новатора въ исторіи израильской религіи. Все сочиненіе, за исключеніемъ отмѣченныхъ страницъ, и посвящено изложенію, а затѣмъ опроверженію этого взгляда. Вопреки взгляду отрицательной критики г. Георгіевскій старается доказать, что уже въ древнѣйшее время у Израиля были тѣ самыя представленія объ Іеговѣ и его отношеніяхъ къ народу, какія можно находить и въ кн. Амоса. Сочиненіе, вслѣдствіе этого, мало занимается кн. Амоса и почти исключительно говоритъ о времени до Амоса, или точнѣе, собственно о воззрѣніяхъ на Іегову до пр. Амоса. Нѣкоторое отношеніе къ темѣ сочиненія эти разсужденія автора, конечно, имѣютъ. Но одними ими ограничиться авторъ не могъ, и для цѣлей его эти разсужденія нужно было иначе построить и направить.

Изъ сказаннаго видно, что свою тему авторъ недостаточно обслѣдовалъ, и не мало существенныхъ вопросовъ, входящихъ въ нее, не затронулъ даже совсѣмъ. Въ отдѣльныхъ сужденіяхъ и въ изложеніи сочиненіе также не безъ дефектовъ. Однако же, нельзя отнять у автора того, что онъ много трудился, проштудировалъ нѣсколько относящихся къ темѣ солидныхъ иностранныхъ книгъ и задачу, имъ самимъ себѣ поставленную, выполнилъ не безъ успѣха. Въ виду этого сочиненіе можно признать удовлетворительной кандидатской диссертаціей".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Сочиненіе г. Георгіевскаго состоитъ изъ введенія, четырехъ главъ изслѣдованія и заключенія. Во введеніи авторъ по-

казываетъ современный интересъ, вызываемый пророкомъ Амосомъ и зависящій отъ особенно важнаго, указываемаго новѣйшею отрицательною критикою значенія его въ исторіи израильской религіи, говоритъ о методѣ изслѣдованія и пособіяхъ. Въ первой главѣ онъ говоритъ о соціальномъ положеніи и іудейскомъ происхожденія пророка Амоса, о политическомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Израильскаго царства во время Амоса и излагаетъ религіозныя идеи пророка Амоса и взгляды на положеніе его въ исторіи израильской религіи новѣйшей отрицательной критики, сводя въ концѣ главы различіе между воззрѣніями Амоса и взглядами новѣйшей критики на израильскую до пророческую религію къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: „1) у Амоса Іегова—единый Владыка міра, по взгляду новѣйшей критики Онъ національный богъ, на ряду съ которымъ существуютъ боги другихъ народовъ, 2) у Амоса Іегова—этическое существо, дѣйствующее по началамъ справедливости,—по новѣйшей критикѣ Онъ—существо, жертвующее и нарушающее для блага своего народа всѣ этическія требованія; 3) по Амосу завѣтъ между Іеговою и Израилемъ обусловленъ извѣстными требованіями, неисполненіе которыхъ со стороны Израиля влечетъ за собою расторженіе завѣта и строгое наказаніе Израиля, его гибель; по новѣйшей критикѣ—онъ чисто физическій, неразрывный. Народъ и его богъ совершенно неотдѣлимы. Проповѣдь о томъ, что Богъ самъ уничтожитъ свой народъ, съ точки зрѣнія стоящихъ на этой ступени развитія религіозныхъ представленій оскорбленіе божества. Указанныя три положенія составляютъ предметъ изслѣдованія дальнѣйшихъ трехъ главъ. Въ слѣдующей—второй главѣ авторъ доказываетъ сначала, что попытки новѣйшей критики объяснить переходъ отъ предполагаемой ею ступени израильской религіи до Амоса, къ той ея ступени, на которой стоитъ пророкъ, не имѣетъ научнаго характера, каковымъ на первый взглядъ она обольщаетъ читателя, а основывается на предвзятомъ поло-

женіи, и затѣмъ отрицательно, путемъ разбора возраженій, и положительно, чрезъ приведеніе прямыхъ свидѣтельствъ, доказываетъ, что и до Амоса Іегова признаваемъ былъ, какъ Единый Богъ и Владыка міра, а не только, какъ національный одинъ богъ (энотеизмъ), какъ представляетъ критика. Такимъ же точно образомъ,—сначала отрицательно, а потомъ положительно, авторъ доказываетъ—въ третьей главѣ этическій характеръ Іеговы и въ четвертой главѣ расторжимость завѣта Іеговы съ Израилемъ, по вѣрованію древняго, до-амосовскаго Израиля. Въ заключеніи авторъ подводитъ итогъ своего изслѣдованія: пророкъ Амосъ—не новаторъ въ области израильскихъ вѣрованій въ той формѣ, какъ это изображаетъ новѣйшая отрицательная критика. Онъ стоитъ на почвѣ тѣхъ же основныхъ вѣрованій, какъ и истинные поклонники Іеговы до него; вѣрованія же народныя, уклоняющіяся отъ его вѣрованій,—не предшествующая ему ступень израильской религіи, какъ хочетъ представлять это отрицательная критика, а искаженіе прежнихъ истинныхъ вѣрованій.

Авторъ правильно понялъ задачу своей работы и ясно представилъ дѣйствительное положеніе пророка Амоса въ исторіи ветхозавѣтной религіи. Возраженія критики приведены полно и разобраны въ общемъ основательно, хотя иногда обще. Рѣчь автора спокойная и вѣская. Языкъ правильный и сжатый. Читается сочиненіе съ интересомъ. Какъ писанное на степень, оно должно быть признано очень хорошею кандидатскою диссертаціею".

10) О сочиненіи студента Михаила *Глаголева* на тему: „Педагогическія воззрѣнія Г. Спенсера съ христіанской точки зрѣнія".

а) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Болѣе трети сочиненія (84 стр. изъ 204) имѣетъ характеръ вступительный. Здѣсь авторъ говоритъ о значеніи „великаго

философа—эволюціоннаго принципа" въ области философіи и педагогики, излагаетъ въ общихъ чертахъ біографію его (Введеніе) и даетъ „легкое очертаніе грандіознаго зданія „Системы синтетической философіи" (гл. 1-я) съ цѣлью раскрыть въ существенныхъ чертахъ общефилософское міровоззрѣніе Спенсера. Для этого предпринимается экскурсія въ область „Основныхъ началъ" философа для выясненія его основного принципа эволюціи, а затѣмъ авторъ проходитъ и чрезъ „частную философію" его, стараясь показать выраженіе того же принципа въ „Біологіи", „Психологіи", „Соціологіи" и „Этикѣ" Спенсера. Педагогика Спенсера излагается во 2-й главѣ—по четыремъ педагогическимъ статьямъ его съ привлеченіемъ относящагося сюда матеріала и изъ другихъ сочиненій его. Въ частности, авторъ показываетъ общее отношеніе вопроса о воспитаніи къ теоріи эволюціи Спенсера, а потомъ раскрываетъ взглядъ его на современное состояніе воспитанія, на отдѣльные факторы, конечную цѣль и методъ его. 3-я глава въ сочиненіи—критическая. Авторъ беретъ основной принципъ философіи Спенсера и ставитъ вопросъ о возможности построенія на немъ нравственнаго міровоззрѣнія. Анализируя область нравственнаго сознанія съ психологической и положительной стороны, авторъ обнаруживаетъ несостоятельность эволюціонно-эвдемонистической точки зрѣнія Спенсера, не знающаго самозаконной нравственности. Не останавливаясь частнѣе, собственно на педагогикѣ Спенсера, и ограничившись лишь бѣглымъ замѣчаніемъ объ отличіи „разумно-христіанской педагогики отъ эволюціонной", авторъ, въ видѣ заключенія, коротко знакомитъ съ новой англійской школой, какъ опытомъ примѣненія педагогическихъ идей Спенсера на практикѣ.

Авторъ поставилъ широкую задачу для себя—изучить педагогическія идеи Спенсера въ связи со всей его философіей. Это потребовало большого труда—ознакомленія съ грандіозной серіей сочиненій философа. И эту часть работы авторъ выпол-

нилъ добросовѣстно, показателемъ чего служитъ 1-я глава его сочиненія. Однако въ изложеніи педагогики Спенсера, данномъ во 2-й главѣ и въ общемъ вполнѣ удачномъ, желательно было бы болѣе ясное проведеніе связи этихъ спеціально-педагогическихъ взглядовъ Спенсера съ изложеннымъ въ 1-й главѣ обще-философскимъ ученіемъ его. Такая связь прямо отмѣчена авторомъ лишь кой гдѣ, вообще же ее нужно устанавливать уже самому читателю, по даннымъ 1-й главы.

Затративъ много труда на изученіе и изложеніе философіи и педагогики Спенсера, авторъ для критической части своей работы, очевидно, не располагалъ уже достаточнымъ временемъ, почему 3-я глава его сочиненія оказалась не вполнѣ отвѣчающей цѣли. Для критическаго анализа своего онъ беретъ лишь одинъ, правда, основной принципъ философіи и педагогики Спенсера и разсматриваетъ его не въ спеціальномъ освѣщеніи христіанскимъ ученіемъ, а обще-философскимъ путемъ, ссылаясь главнымъ образомъ на Канта. Самая же педагогика Спенсера при этомъ оставляется въ сторонѣ, тогда какъ такіе основные вопросы въ ней, какъ конечная цѣль воспитанія, природа питомца и др., могли и должны были подлежать христіанско-критическому анализу автора.

Цѣня добросовѣстную, вдумчивую, основательную, во многихъ мѣстахъ вполнѣ самостоятельную работу автора въ первыхъ двухъ главахъ его сочиненія, требовавшихъ большого труда, я не считаю недочеты 3-ей главы препятствіемъ къ признанію сочиненія г. Глаголева заслуживающимъ кандидатской степени".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Студентъ Михаилъ Глаголевъ взялъ на себя лишній трудъ изложенія біографическихъ свѣдѣній о Герб. Спенсерѣ и общаго обозрѣнія его философской системы. Ибо эти свѣдѣнія и этотъ обзоръ нисколько не помогли автору въ разрѣшеніи

прямой задачи его сочиненія—охарактеризовать и оцѣнить педагогическіе взгляды и сужденія Спенсера. Задача эта выполнена слабо.

Педагогическія сужденія Спенсера стоять въ прямой связи съ общими основаніями его философіи. Но г. Глаголевъ этой связи не понялъ и не указалъ, хотя безъ нужды обозрѣваетъ всю систему Спенсера по ея составнымъ частямъ, вмѣсто того чтобы отмѣтить лишь основныя начала таковой и на эти начала обратить свое вниманіе. Если бы авторъ обратилъ вниманіе на основныя начала философіи Спенсера, то всѣ недостатки педагогическихъ сужденій Спенсера были бы для него ясны.

Главная руководящая мысль въ философіи Спенсера есть мысль объ отношеніи (ибо только относительное познаваемо), именно: объ отношеніи между индивидомъ и родомъ, а общѣе—между частнымъ и общимъ. Отношеніе это въ мірѣ живыхъ существъ представляется двойственнымъ,—то родъ (общество) преобладаетъ и господствуетъ надъ индивидомъ, то наоборотъ индивидъ стремится къ самостоятельности и достигаетъ таковой относительно рода. Отсюда, т. е. отъ такого двойственнаго представленія о взаимномъ отношеніи рода и вида, происходитъ у Спенсера двойственность и неопредѣленность въ его педагогическихъ сужденіяхъ. То общественное воспитаніе (обученіе) отрицается, а признается необходимымъ и важнымъ только частное—семейное, даже прямо индивидуальное, состоящее въ самообученіи, въ самообразованіи (восхваляются самоучки), то опять семейное, частное воспитаніе разсматривается какъ продуктъ и выраженіе общественнаго развитія и потому поставляется въ зависимость отъ общества. Съ одной стороны требуется, чтобы воспитательный процессъ былъ предоставляемъ природѣ воспитываемаго, слѣд. разсматривается этотъ процессъ какъ такое явленіе, которое съ нѣкоторою необходимостію происходитъ какъ бы само собою; съ другой же стороны дѣло воспитанія признается столь труднымъ, что возможность

настоящаго воспитанія отодвигается къ далекому будущему. Классическая система образованія характеризуется какъ система вражды,—ибо въ классическихъ произведеніяхъ изображается и восхваляется воинская доблесть, а война—выраженіе вражды, военный строй государства означаетъ собою централизацію, деспотизмъ, подавленіе индивидуальности; на этомъ основаніи классическая система образованія отвергается, а признается одно лишь реальное образованіе, основанное на изученіи природы, состоящее въ усвоеніи и примѣненіи въ жизни знаній реальныхъ, естественно-научныхъ. Любопытно, что эта система образованія называется *системою любви* (въ противоположность классической); подъ любовью разумѣется въ этомъ случаѣ то, что обычно называется солидарностію—т. е. такой союзъ между людьми, который утверждается на общности интереса—политическаго или матеріальнаго.—Понятіе о любви вполнѣ современное, ибо военному строю государства Спенсеръ противополагаетъ строй промышленный, гдѣ личность свободна (индивидуализмъ), а значеніе власти доведено до минимума, идеальное же состояніе таковаго строя въ изображеніи или пониманіи соціалистическомъ представляется именно какъ такое общественное состояніе, которое основывается на общности матеріальныхъ интересовъ по преимуществу.

Критическая часть сочиненія студ. Глаголева состоитъ изъ краткихъ замѣчаній, касающихся единственно этики Спенсера, именно основныхъ началъ этики, каковыми Спенсеръ признавалъ эгоизмъ и альтруизмъ (начало индивидуальное и родовое).

Сочиненіе студ. Глаголева—трудъ компилятивный, и потому не представляетъ никакихъ особыхъ достоинствъ, но для полученія кандидатской степени можетъ быть признано достаточнымъ.

11) О сочиненіи студента Ивана *Гладковскаго* на тему: „Сыны пророческіе или такъ называемыя пророческія школы".

а) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Задача автора настоящаго сочиненія состояла въ томъ, чтобы описать такъ назыв. пророческія школы и выяснить ихъ происхожденіе, исторію и значеніе. Задача эта не можетъ быть названа сложной, такъ какъ вопросъ о пророческихъ школахъ и не широкъ, и достаточно разработанъ въ литературѣ. Разсчитывать на какіе-либо большіе результаты своихъ изысканій авторъ не могъ. Но, повидимому, съ своей стороны авторъ приложилъ все стараніе, чтобы выполнить свою задачу надлежащимъ образомъ. Въ главную заслугу автору должно поставить то, что онъ проштудировалъ почти всѣ книги, въ которыхъ могъ имѣть надежду найти что-либо относящееся къ темѣ. По содержанію его сочиненіе поэтому соотвѣтствуетъ современному состоянію ученой литературы о пророческихъ школахъ. Изложено сочиненіе простымъ и правильнымъ языкомъ. Недостатки работы состоятъ въ привнесеніи въ сочиненіе лишняго матеріала и въ томъ, что авторъ слишкомъ щедръ на предположенія, для которыхъ нѣтъ основаній (ср. стр. 265, 274 и др.). Эти недостатки, повидимому, произошли изъ добраго стремленія трудолюбиваго автора шире поставить свою тему и изъ скудости положительныхъ свидѣтельствъ о пророческихъ школахъ.

Какъ кандидатская диссертація, сочиненіе г. Гладковскаго вполнѣ удовлетворительно".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Сочиненіе г. Гладковскаго состоитъ изъ предисловія, введенія, пяти главъ изслѣдованія и заключенія. Въ предисловіи авторъ указываетъ интересъ изслѣдуемаго имъ предмета, задачу изслѣдованія, трудность его и источники и пособія, бывшія въ его распоряженіи. Во введеніи онъ предлагаетъ краткій очеркъ

исторіи ветхозавѣтнаго пророчества отъ возникновенія его у евреевъ до вступленія на пророческую дѣятельность Самуила. Первая глава изслѣдованія посвящена изображенію состоянія евреевъ въ періодъ судей, религіозно-нравственнаго и политическаго, которое представляется бѣдственнымъ; въ концѣ главы кратко описывается благотворная дѣятельность Самуила до учрежденія имъ пророческихъ обществъ. Вторая глава содержитъ критическій разборъ различныхъ мнѣній о сущности пророческихъ обществъ, непринимаемыхъ авторомъ, и краткое изложеніе принимаемаго имъ мнѣнія большинства. Въ третьей главѣ изображаются основанныя Самуиломъ пророческія общества, ихъ внѣшняя и внутренняя организація. Въ четвертой говорится о пророческихъ обществахъ въ періодъ отъ Самуила до пророковъ Иліи и Елисея, главнымъ образомъ о состояніи израильскаго (сѣвернаго) царства во время господства первыхъ четырехъ династій. Въ пятой главѣ изображаются общества сыновъ пророческихъ или такъ называемыя пророческія школы. Въ заключеніи говорится о постепенномъ вырожденіи и уничтоженіи пророческихъ обществъ въ израильскомъ царствѣ.

Авторъ справедливо жалуется на скудость библейскихъ свѣдѣній о пророческихъ обществахъ, на происходящее отсюда разнообразіе мнѣній о нихъ и зависящую отъ того и другого трудность изслѣдованія ихъ. Этимъ объясняется то, что многія положенія автора отличаются общностью и гипотетичностью. Съ своей точки зрѣнія, съ которой въ общемъ можно согласиться, авторъ даетъ довольно полное и цѣльное представленіе о пророческихъ обществахъ какъ времени Самуила, такъ и Иліи и Елисея. По нему они явились по вызову современныхъ имъ обстоятельствъ, имѣли очень важное значеніе и прекратили свое существованіе съ измѣненіемъ обстоятельствъ. Между пророческими обществами времени Самуила и обществами сыновъ пророческихъ временъ Иліи и Елисея есть сходство, но есть и различіе, указываемое уже ихъ названіями,—

различіе это слѣдовало бы еще болѣе оттѣнить. Нуждается въ большемъ обоснованіи и положеніе автора относительно широкаго распространенія пророческихъ обществъ при Самуилѣ. Слѣдовало больше остановиться и на указываемомъ нѣкоторыми сходствѣ обществъ пророческихъ съ пророками Ваала и Астарта. Критическій разборъ существующихъ мнѣній не отличается большою обстоятельностью, но существенныя черты ихъ отмѣчены и достаточно ослаблены. Авторъ достаточно знакомъ съ литературою предмета. Написано сочиненіе хорошимъ языкомъ и читается легко.—Какъ сочиненіе на степень кандидата богословія, оно вполнѣ удовлетворительно".

12) О сочиненіи студента Василія *Гомерова* на тему: „Раскрытіе евангельскаго понятія о царствѣ Божіемъ".

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Сочиненіе свое студентъ Гомеровъ раздѣлилъ на четыре главы, изъ которыхъ въ первой (стр. 1—62) разъясняетъ вопросъ, что такое царство Божіе по своему существу, во второй (стр. 63—115) излагаетъ условія и самый процессъ созиданія царства Божія, въ третьей (стр. 117—181) говоритъ о развитіи, составѣ и строѣ царства Божія, какъ царства съ одной стороны внутренняго, съ другой—внѣшняго для человѣка, и въ четвертой главѣ (стр. 181—221) устанавливаетъ взглядъ на царство Божіе и церковь, ихъ различіе и взаимоотношенія. Матеріалъ свой авторъ развиваетъ догматически, уясняя существенныя понятія о царствѣ Божіемъ на основаніи мѣстъ писаній главнымъ образомъ новозавѣтныхъ; иногда авторъ привлекаетъ къ дѣлу мѣста изъ твореній святоотеческихъ и гораздо больше пользуется трудами новѣйшихъ русскихъ богослововъ, въ которыхъ можно найти опыты уясненія понятія о царствѣ Божіемъ въ его существѣ и развитіи; критико-апологетическаго элемента въ сочиненіи автора замѣтно немного.

Доброе качество сочиненія г. Гомерова состоитъ, конечно, въ томъ, что онъ старался разсмотрѣть (съ точки зрѣнія новозавѣтной) вопросъ о царствѣ Божіемъ по возможности со всѣхъ его сторонъ. Изображеніе существа царства Божія, условій его созиданія, его развитія и строя получило у автора достаточную выпуклость и отчетливость. Можно только пожалѣть, что иностранная литература по вопросу о царствѣ Божіемъ (какъ ортодоксальнаго, такъ и раціоналистическаго направленія),—за исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ общеизвѣстныхъ русскихъ богословскихъ сочиненій или журнальныхъ статей,—осталась совершенно невѣдомою автору; а между тѣмъ изъ нея авторъ могъ бы почерпнуть кое-что небезполезное для себя и во всякомъ случаѣ въ состояніи былъ бы значительно расширить критическія свои разсужденія и тѣмъ придать еще большую устойчивость и догматическимъ своимъ положеніямъ. Стремленіе автора ограничить число своихъ пособій выразилось даже въ томъ, что выдержки изъ твореній отцовъ и учителей церкви (Григорія Нисскаго, Кирилла Александрійскаго, блаж. Ѳеофилакта и др.) извлекаются имъ изъ тѣхъ же русскихъ сочиненій и журнальныхъ статей. Но въ общемъ для предмета сочиненія авторомъ сдѣлано достаточно, и это достаточное выполнено хорошо. Изложено сочиненіе правильнымъ языкомъ; маловажныя грамматическія ошибки или неудачныя выраженія встрѣчаются рѣдко.

Какъ диссертація на ученую степень, сочиненіе г. Гомерова во всякомъ случаѣ даетъ автору полное право на полученіе степени кандидата богословія".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Предметъ своей темы авторъ раскрываетъ въ четырехъ главахъ. Въ первой главѣ выясняется существо царства Божія

(стр. 1—62), во второй указываются условія созиданія царства Божія (стр. 63—115), въ третьей устанавливаются формы проявленія царства Божія (стр. 116—180), въ четвертой опредѣляются взаимныя отношенія царства Божія и церкви (стр. 181—221).

Авторъ становится на сторону тѣхъ богослововъ, которые отождествляють царство Божіе съ церковью, и аргументируетъ этотъ свой взглядъ съ полною основательностью. Сочиненіе его написано на основаніи тщательнаго изученія евангельскаго и научно-богословскаго матеріала темы, расчленяется на существенные логическіе пункты и изложено литературно, живо и по мѣстамъ одушевленно. Въ качествѣ кандидатской диссертаціи, оно вполнѣ удовлетворительно".

13) О сочиненіи студента Василія *Демьяновскаго* на тему: „Выясненіе вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія въ сочиненіяхъ православныхъ полемистовъ (историческій очеркъ)".

а) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Въ рѣшеніи этого вопроса авторъ усматриваетъ два періода: 1) признанія за троеперстіемъ исключительности въ отношеніи къ другимъ формамъ перстосложенія, 2) признанія законности и за другими формами перстосложенія подъ условіемъ принятія православнаго ученія. Обозрѣвъ полемику по этому вопросу, авторъ излагаетъ полемику по вопросу о времени происхожденія троеперстія. А обозрѣніе трудовъ по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія авторъ предваряетъ общимъ взглядомъ на значеніе перстосложенія для крестнаго знаменія.

Трудъ студента Демьяновскаго ведется очень безхитростно. Онъ выписываетъ довольно обширныя выдержки изъ „Скрижали" патр. Никона, „Жезла правленія".., составленнаго со-

боромъ 1666 года „Увѣта Духовнаго“, изд. отъ лица патріарха Іоакима въ 1682 г., „Изъявленія“, состав. Даніиломъ Холмогорскимъ и издан. въ 1711 году и „Пращицы“ Питирима Нижегородскаго, и анализируетъ ихъ полемику противъ старообрядцевъ. Названныя произведенія относятся къ такимъ, которыя смотрятъ на троеперстіе съ догматической точки зрѣнія, т. е. относятся къ первой группѣ и первому періоду обозрѣнія автора. Ко второй группѣ и ко второму періоду относятся авторомъ: „Розыскъ“ св. Димитрія Ростовскаго, „Обличеніе“ Өеофилакта Лопатинскаго, „Бесѣдословіе“ А. Родіонова, „Увѣщаніе“ митрополита Платона, „Отвѣты“ Никифора Өеотоки, „Бесѣды къ глаголемому старообрядцу“ митрополита Филарета. А въ заключеніи авторъ затрогиваетъ „Исторію русскаго раскола“, митрополита Макарія, сочиненіе Каптерева „Патріархъ Никонъ“ и „Бесѣду о перстосложеніи“ архіепископа Никанора.

Авторъ названной работы сдѣлалъ нужныя для его цѣлей выдержки, довольно обширныя, сопоставилъ ихъ между собою со стороны содержанія, не входя въ критическую оцѣнку ихъ достоинствъ и недостатковъ, потому что это, какъ кажется ему и не поставлено было въ задачу. Въ научномъ отношеніи его работа имѣетъ то значеніе, что даетъ возможность читателю составить себѣ представленіе о темнотѣ и полномъ отсутствіи церковно-исторической критики у церковныхъ полемистовъ допетровской Руси, когда они принимались за разрѣшеніе мелочныхъ вопросовъ,—касательно обряда; изъ ихъ произведеній читатель усматриваетъ ихъ нежеланіе или неспособность отличать существенное отъ несущественнаго и во всемъ видѣть богомерзкую ересь, усматриваетъ легковѣрное отношеніе къ извѣстіямъ и при всемъ этомъ сильный полемическій задоръ. Студентъ Демьяновскій не виноватъ въ этомъ: онъ далъ то, что нашелъ, а для того, чтобы дать, что онъ далъ, ему пришлось

потрудиться не мало, и его работу можно признать достаточною для своей цѣли".

б) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знамени въ настоящее время утратилъ свой жизненно-практическій характеръ, но въ сравнительное еще недалекое отъ нашихъ дней время онъ занималъ въ полемикѣ православныхъ съ раскольниками весьма видное мѣсто. Историку раскола и особенно полемисту канувшихъ нынѣ въ вѣчность дней было, конечно, не безполезно пересмотрѣть длинный довольно рядъ сочиненій православныхъ полемистовъ со второй половины XVII столѣтія до нашего времени и по нимъ ознакомиться и съ взглядами ихъ на крестное знаменіе, какъ на догматъ и какъ на обрядъ, въ дѣлѣ вѣры особеннаго значенія не имѣющій, а равно и съ ихъ воззрѣніями и сужденіями относительно того, какая изъ двухъ существующихъ формъ крестнаго знаменія древнѣе, а посему болѣе правильная и какая сравнительно поздняго происхожденія, а посему менѣе авторитетная въ глазахъ любителей старины. Г. Демьяновскій успѣлъ ознакомиться со всѣми выдающимися сочиненіями нашихъ полемистовъ противъ раскольниковъ по данному вопросу и изложилъ ихъ воззрѣнія на него въ своемъ сочиненіи съ полнымъ эпическимъ спокойствіемъ, безъ всякихъ съ своей стороны комментаріевъ или критическихъ замѣчаній, очевидно, не считая себя подготовленнымъ для этой работы. Изложеніе сочиненія въ литературномъ отношеніи, за немногими исключеніями, правильное и не вызываетъ особенныхъ упрековъ. Портятъ впечатлѣніе лишь частыя описки переписчика, не выправленныя со вниманіемъ авторомъ, при подачѣ сочиненія. Для степени кандидата я признаю настоящее сочиненіе вполнѣ достаточнымъ".

14) О сочиненіи студента Николая *Державина* на тему: „Теократическій элементъ въ государственныхъ воззрѣніяхъ Московской Руси сравнительно съ воззрѣніями древнихъ евреевъ“.

а) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Послѣ краткаго предисловія, авторъ во введеніи уясняетъ смыслъ понятія, обозначаемаго терминомъ „теократія“, указываетъ историческія условія, при которыхъ развивались теократическія воззрѣнія у древнихъ евреевъ и у насъ на Руси и опредѣляетъ сравнительное значеніе Библіи и византійскаго вліянія на перенесеніе къ намъ этихъ воззрѣній. Самое изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главъ и заключенія. Въ первой главѣ излагаются теократическія воззрѣнія древнихъ евреевъ; двѣ другія главы посвящены такимъ же воззрѣніямъ русскаго народа. Частнѣе: во второй главѣ идетъ рѣчь о зачаткахъ теократіи въ древнѣйшую пору нашей исторіи до половины XV в.; въ третьей главѣ говорится о торжествѣ теократическихъ воззрѣній въ позднѣйшую эпоху. Въ заключеніи дѣлается сравненіе между древне-еврейскимъ и русскимъ народомъ въ разсматриваемомъ отношеніи. Сущность вывода, къ которому пришелъ авторъ въ заключеніи, можно выразить такъ: у обоихъ народовъ верховнымъ правителемъ признавался Самъ Богъ; но степень и характеръ проявленія силы и власти Его на землѣ у того и другого народа понимались не одинаково. Іегова стоялъ къ еврейскому народу въ болѣе прямомъ, въ болѣе непосредственномъ отношеніи; ему принадлежали всѣ важнѣйшія фукціи верховной власти, т. е. законодательная, судебная и административная, почему онъ у евреевъ называется царемъ въ собственномъ смыслѣ; значеніе земного царя при такихъ условіяхъ естественно ослаблялось. Напротивъ, у насъ на Руси земной царь выдвигается на первый планъ: онъ самъ правитъ на-

родомъ непосредственно, отъ Бога же онъ получаетъ только вразумленіе. „Онъ, говоритъ авторъ, по своей власти уподобляется Богу, а личность его обожествляется; русскій царь—земной богъ". Такимъ образомъ на Руси утвердился „полнѣйшій теократическій абсолютизмъ царской власти. Идея Бога—гражданскаго правителя, — говоритъ авторъ, — не была такою ясною въ сознаніи русскихъ, какою она выступаетъ у древнихъ евреевъ; она подавлялась у русскихъ идеей земного царя—неограниченнаго намѣстника Бога, даже земного бога, почему отступала на второй планъ." Здѣсь слѣдовало бы добавить, что такъ высокопревознесенная личность царя у насъ на Руси ставилась подъ строгій контроль нравственнаго закона, за исполненіемъ котораго слѣдитъ Самъ Богъ. По древне-русскимъ воззрѣніямъ, русскій царь былъ не только самодержавнымъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ д. быть царемъ благочестивымъ, правдивымъ, кроткимъ, милостивымъ; за грѣхи царя карался не только самъ онъ, но и весь народъ. При слабомъ развитіи въ древней Руси формально юридическаго начала и при замѣнѣ его началомъ нравственнымъ, указанный фактъ въ значительной степени смягчаетъ устанавливаемый авторомъ взглядъ на теократическій абсолютизмъ царской власти у насъ.

Сообразно съ намѣченной въ темѣ задачей, г. Державинъ главное вниманіе въ своемъ изслѣдованіи долженъ былъ обратить на степень и характеръ вліянія теократическихъ воззрѣній древнихъ евреевъ на такія же воззрѣнія русскаго народа. Правильно понявъ свою задачу, онъ сравнительно кратко, хотя для данной цѣли вполнѣ достаточно, останавливается на теократіи еврейской и центръ своего вниманія переноситъ въ русскую исторію, гдѣ проявляетъ большую обстоятельность въ изученіи изслѣдуемаго предмета. Простота и естественность плана, широкое непосредственное знакомство съ источниками и литературой изучаемаго вопроса, полнаго фактическихъ данныхъ, научность пріема, хорошее изложеніе,—все это дѣлаетъ

трудъ г. Державина хорошей, достаточно обработанной, монографіей на данную тему. Если бы автору пришлось работать по источникамъ, меньше использованнымъ въ нашей исторической наукѣ, то его сочиненіе давало бы ему право на полученіе магистерской степени. При настоящихъ условіяхъ оно можетъ быть признано вполнѣ хорошей кандидатской диссертаціей".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Сочиненіе студента Державина состоитъ изъ небольшого предисловія, довольно обширнаго введенія, трехъ главъ изслѣдованія и заключенія.

Предисловіе указываетъ общую задачу и планъ изслѣдованія, распредѣленіе матеріала, въ частности оправданіе того, почему авторъ выясненію „теократіи въ государственныхъ воззрѣніяхъ евреевъ" посвящаетъ первую главу, а не третью, какъ указывается формулой темы.

Довольно обширное введеніе посвящено рѣшенію важнаго вопроса о существѣ теократіи, какъ формы государственнаго управленія, и отличіи ея отъ Промысла Божія о судьбахъ міра и народовъ. Здѣсь же кратко указываются причины развитія теократизма въ Россіи. Причины эти, по мнѣнію автора, заключаются въ особой глубинѣ религіознаго чувства у русскаго народа, въ отчужденномъ положеніи русскаго народа среди народовъ сосѣдственныхъ и особой судьбѣ Библіи и библейскихъ воззрѣній у русскаго народа и въ русской письменности.

Глава первая посвящена выясненію „теократіи въ государственныхъ воззрѣніяхъ древнихъ евреевъ". Признавая, что народамъ древнимъ и новымъ присуща мысль о божественномъ промышленіи въ судьбахъ отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, авторъ старается выяснить особенность еврейскаго понятія о теократіи. Особенность эта, по автору, заключается въ томъ, что основаніе союза Бога съ Израилемъ полагается самимъ Іеговою; а народу еврейскому представлялось только

право вступать въ договоръ съ Богомъ на условіяхъ строгаго исполненія закона Божія. Богу поэтому принадлежало исключительное право законодательства, суда и управленія. Судьи, пророки и цари, являясь избранниками и помазанниками Божіими, были только верховными посредниками между Богомъ и народомъ, при томъ при условіи строгаго исполненія принятыхъ обязательствъ въ цѣляхъ высшаго назначенія народа еврейскаго—быть хранителемъ истинной вѣры до пришествія Мессіи. Народъ еврейскій вполнѣ усвоилъ эту идею и смотрѣлъ на себя, какъ на удѣлъ Божій, на землю свою, какъ на нарочитую собственность Іеговы, за своими царями признавалъ право судить и управлять лишь по законамъ того же Іеговы, въ бѣдствіяхъ родной земли видѣлъ кару за нарушенія закона Бога Израилева, а въ благоденствіи указаніе на вѣрный путь, которымъ идутъ цари и народъ въ исполненіи своего историческаго призванія.

Глава вторая устанавливаетъ „зачатки теократіи въ государственныхъ воззрѣніяхъ древней Руси (XI—$^1/_2$ XV вв.)“. Судя по выдержкамъ, подъ государственными воззрѣніями авторъ разумѣетъ не воззрѣнія правительственныхъ лицъ или законодательныя формулы, а воззрѣнія русскихъ книжниковъ, къ числу которыхъ должны быть отнесены и русскіе первосвятители, особенно изъ грековъ. Послѣдніе являлись къ намъ съ готовыми опредѣленіями правъ и обязанностей верховной государственной власти и несомнѣнно вліяли на постепенную выработку такихъ же воззрѣній въ русскомъ обществѣ и въ средѣ самой правительственной власти. Большинство формулъ—безспорно византійскаго происхожденія. Самыя библейскія выдержки, особенно въ лѣтописяхъ, нуждаются въ точномъ опредѣленіи ихъ источника; такъ какъ византійскія формулы, выработанныя послѣдовательнымъ развитіемъ государственной власти въ Византіи, также опирались на выраженія св. Писанія. Поэтому знакомство съ такого рода воззрѣніями могло происходить какъ

путемъ непосредственнаго заимствованія изъ Библіи, такъ и чрезъ посредство византійской переводной литературы, какъ извѣстно, въ древней Руси очень обширной.

Третья глава сочиненія Державина, самая обширная и важная, преслѣдуетъ цѣль—выяснить, въ чемъ состоялъ теократическій элементъ въ государственныхъ воззрѣніяхъ Московской Руси (втор. пол. XV—XVII в. в.). Въ началѣ главы авторъ указываетъ причины выработки взгляда русскихъ людей на Россію, какъ на царство богоизбранное, призванное охранять чистоту православія, какъ основаніе благосостоянія не только русскаго государства, но и всего человѣчества. Авторъ указываетъ при этомъ на флорентійскую унію и паденіе Константинополя; слабѣе выдвинутъ политическій ростъ Россіи, сомнѣнія нѣтъ, имѣвшій весьма важное значеніе въ данномъ вопросѣ, и совсѣмъ умолчано о бракѣ Іоанна III съ Софіей Палеологъ, утвердившемъ за московскимъ царемъ право на наслѣдство Византіи. Затѣмъ слѣдуютъ выдержки изъ сочиненій писателей второй половины XV, XVI и XVII в.в., въ которыхъ ясно формулированъ взглядъ на Московское государство, какъ на богоизбранное, и на самую Москву, какъ на третій Римъ. Со стр. 222 слѣдуетъ разсмотрѣніе взгляда русскихъ книжниковъ на богоизбранность личности самого государя московскаго, сначала великаго князя, а потомъ царя, и на отправленія его власти, при чемъ съ особенною силою выдвигается обязанность охраны государемъ чистоты православія и народной нравственности, какъ основъ государственнаго и народнаго благосостоянія. При наслѣдственной власти московскихъ государей теократическій взглядъ на ихъ личность находилъ себѣ оправданіе въ томъ, что земля не участвовала въ ихъ избраніи, но разъ выработанный теократическій взглядъ повторяется представителями церкви и тогда, когда русскіе цари по обстоятельствамъ избирались, напр. при избраніи Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Михаила Θеодоровича Романова и даже Димит-

рія Самозванца. Формулируя взглядъ русскихъ книжниковъ и представителей церкви, авторъ старается въ возможныхъ случаяхъ отмѣтить, что источникомъ и основаніемъ ихъ воззрѣній служила Библія. Въ заключеніи авторъ еще разъ сопоставляетъ взглядъ на государство и главу его у евреевъ и въ русской письменности. Оказывается мало сходства и много различія, особенно въ отношеніи русскихъ вѣнценосцевъ къ церкви и дѣламъ вѣры. По признанію автора, отношеніе это—наслѣдіе Византіи. Принимая во вниманіе, что идея богоизбранности народовъ существовала и въ Византіи и отсюда несомнѣнно заносилась на Русь и путемъ письменности, и практически, чрезъ представителей русской церкви изъ грековъ, настояла нарочитая необходимость не только указать, но и доказать, что библейскія цитаты подбирались не въ подтвержденіе готовой идеи, не формулировали только эту идею, но и порождали ее. Авторомъ этого, по крайней мѣрѣ надлежащимъ образомъ, не сдѣлано.

При всемъ томъ сочиненіе студента Державина—трудъ хорошій, добросовѣстный и умѣлый. Стиль въ общемъ правильный и легкій; иностранныя слова употребляются съ возможною разборчивостію. Искомой степени кандидата богословія студентъ Державинъ вполнѣ заслуживаетъ".

15) О сочиненіи студента Ивана *Зеленкевича* на тему: „Апологіи отцовъ и учителей церкви I—III вѣка и ихъ значеніе для настоящаго времени".

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Обширное сочиненіе свое авторъ начинаетъ введеніемъ (стр. I—VIII), въ которомъ говоритъ о задачѣ своего изслѣдованія и объ интересѣ предмета его. Самое изслѣдованіе свое авторъ, сообразно поставленной въ заглавіи сочиненія темѣ, дѣлитъ на двѣ, впрочемъ весьма неравныя по своему объему части. Основнымъ предметомъ первой, обширнѣйшей части со-

чиненія служатъ вопросы объ исторіи, характерѣ и содержаніи древне-христіанскихъ апологій I—III в. Въ виду обилія матеріала, подлежавшаго изслѣдованію въ этой части, авторъ подраздѣлилъ ее на семь главъ. Въ первой, небольшой главѣ (стр. 1—11) говорится объ апологетическихъ писаніяхъ I вѣка, вѣка мужей апостольскихъ, ихъ происхожденіи, характерѣ и значеніи для своего и для послѣдующихъ временъ. Такъ какъ писанія вѣка мужей апостольскихъ по своему содержанію не могутъ быть отнесены къ разряду писаній строго-апологетическихъ, то авторъ, естественно, не останавливается на частнѣйшемъ обозрѣніи отеческой письменности этого времени и характеризуетъ главнымъ образомъ *значеніе* ея въ исторіи древне-христіанскихъ апологетическихъ произведеній. Обозрѣніе апологетическихъ твореній послѣдующаго времени (II и III в.), какъ твореній въ большинствѣ уже строго-апологетическаго характера, ведется у автора съ большею обстоятельностію. Во II-й главѣ (стр. 12—45) авторъ говоритъ объ историческихъ причинахъ происхожденія и развитія обширной апологетической письменности во II и III вв. и о значеніи этого періода въ исторіи христіанской апологетики; въ III главѣ (стр. 46—66) идетъ рѣчь о самой исторіи появленія древне-христіанскихъ апологій II и III вв.; въ IV главѣ (стр. 67—115)—объ отличительномъ характерѣ апологій восточныхъ и западныхъ, ихъ общемъ содержаніи, задачѣ и методѣ. Съ V главы начинается частнѣйшее обозрѣніе апологій II и III вв., ихъ содержанія, задачи, характера и особенностей. Въ V главѣ (стр. 116—204) обозрѣваются апологіи восточныхъ церковныхъ писателей—Іустина Мученика, Татіана, Аѳинагора, Ѳеофила Антіохійскаго, Эрмія и апологетовъ-полемистовъ—св. Иринея Ліонскаго и св. Ипполита; въ VI главѣ (стр. 205—340) идетъ рѣчь объ апологіяхъ западныхъ церковныхъ писателей—Тертулліана, Минуція Феликса, Арнобія, Лактанція; въ VII главѣ (стр. 341—417) обозрѣваются апологетическія произведенія представителей

александрійской школы III вѣка—Пантена, Климента Александрійскаго, Оригена. Предметомъ второй части сочиненія (стр. 418—481) служитъ вопросъ о значеніи для настоящаго времени древнихъ апологій, какъ историческихъ памятниковъ и главное, какъ произведеній, положившихъ во всякомъ случаѣ *основаніе*, а у александрійскихъ апологетовъ даже и *научное* основаніе для апологетическихъ трудовъ и послѣдующихъ временъ.

Какъ видно изъ этого общаго очерка содержанія сочиненія г. Зеленкевича, авторъ обозрѣлъ предметъ своего изслѣдованія широко и поставилъ его на надлежащую и устойчивую почву. Обозрѣніе матеріала ведется у автора въ общемъ исторически, положенія и выводы его обосновываются на надлежащихъ свидѣтельствахъ и иллюстрируются выдержками изъ твореній древне-христіанскихъ церковныхъ писателей, отъ чего получается не только обстоятельность изслѣдованія, но и интересъ чтенія его. Преимущественный интересъ представляетъ собою, конечно, вторая часть сочиненія, гдѣ говорится о значеніи древне-христіанскихъ апологій для настоящаго времени; и этой части авторъ постарался придать возможную обстоятельность: онъ знакомитъ читателя съ возраженіями новѣйшихъ представителей отрицательной критики (Штрауса, Ренана, Баура, Шенкеля, Гарнака и др.), чтобы показать, что и въ ихъ сочиненіяхъ есть много элементовъ еще древнихъ возраженій противъ христіанства и что и противъ новѣйшихъ враговъ Христа могутъ быть примѣнимы, слѣдовательно, тѣже доводы, какіе противопоставлялись еще древне-христіанскими апологетами противъ своихъ современниковъ—язычниковъ и іудеевъ. Авторъ, правда, имѣлъ при своей работѣ не мало хорошихъ пособій, которыми онъ пользовался въ изобиліи; но при этомъ пользованіи много времени и труда отдалъ авторъ и первоисточникамъ, сообщивъ тѣмъ своему сочиненію свою долю цѣнности. Разумѣется, можно указать въ сочиненіи нѣкоторыя

частности, которыя могли бы быть представлены въ лучшемъ видѣ; напр., во второй части сочиненія слѣдовало бы съ *большею* рельефностью провести связь между основными положеніями новѣйшей раціоналистической критики и возраженіями противъ христіанства древнѣйшихъ враговъ его; тогда и современное значеніе древне-христіанскихъ апологій представилось бы *большимъ*, чѣмъ оно оказывается на самомъ дѣлѣ у автора; съ тою же цѣлію лучше было бы нѣкоторыя частнѣйшія положенія и выводы автора, сдѣланные въ первой части его сочиненія, перенести во вторую, гдѣ они болѣе умѣстны; далѣе, авторъ привнесъ въ свое сочиненіе нѣкоторыя положенія чисто патріотическаго рода, для сочиненія по исторіи апологетики не имѣющія значенія. Но это—частности, на которыя авторъ, думаемъ, не обратилъ должнаго вниманія только по недостатку времени, имѣвшагося у него для прочтенія и приведенія въ систему того обширнаго и разнообразнаго матеріала, съ какимъ приходилось ему имѣть дѣло. Общее же впечатлѣніе отъ сочиненія г. Зеленкевича очень благопріятное: стройность плана, логическій распорядокъ матеріала, литературное изложеніе его вполнѣ располагаютъ къ себѣ читателя. Замѣченныя ошибки противъ этимологіи и синтаксиса не имѣютъ существеннаго значенія.

Въ виду указанныхъ достоинствъ сочиненія г. Зеленкевича я признаю его очень хорошей кандидатской диссертаціей".

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Студенту Зеленкевичу нужно было,—безъ сомнѣнія,—очень много положить труда, чтобы представить такое большое сочиненіе, какимъ является его произведеніе. Такой большой трудъ конечно имѣлъ бы и весьма большую научную цѣнность, если бы онъ отъ начала до конца былъ плодомъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія твореній древнихъ христіанскихъ

апологетовъ. Но у него было, по его собственному заявленію, такъ много помощниковъ, что онъ былъ смущенъ невозможностію найти интересъ къ изслѣдованію памятниковъ столь сѣдой древности, потому что не только заграницею, но и въ нашемъ отечествѣ они подвергались всестороннему изученію. Конечно, это давало возможность ему значительно облегчить свой трудъ и гораздо яснѣе опредѣлить отношеніе современнаго антихристіанства къ древнему язычеству,—именно: совпаденіе задачъ современной апологетической дѣятельности съ задачами, которыя приходилось разрѣшать и древнимъ апологетамъ. Древнія апологетическія творенія онъ обозрѣваетъ послѣдовательно: въ хронологическомъ порядкѣ: 1) вѣкъ мужей Апостольскихъ; 2) и послѣдующія времена до признанія христіанства дозволенною религіею, и, такъ сказать, въ географическомъ,—т. е. по мѣсту ихъ происхожденія (Восточныя и Западныя). Авторъ излагаетъ содержаніе твореній апологетовъ, дѣлаетъ ихъ характеристику. Все это и составляетъ большую (первую) часть его труда. Вторая часть его труда представляетъ рѣшеніе вопроса о современномъ значеніи апологій древней Церкви,—это часть болѣе самостоятельная, чѣмъ первая, и обнаруживающая въ авторѣ человѣка довольно основательно ознакомленнаго съ современными запросами, предъявляемыми апологету въ виду позднѣйшихъ нападеній на христіанство. Сочиненіе его довольно утомительно для чтенія въ виду того, что онъ недостаточно раздѣльно распредѣлялъ имѣвшійся у него матеріалъ и допускаетъ не оправдываемыя нуждою повторенія. Но, конечно, за эту свою вину онъ и наказанъ излишнею работою по выпискѣ и перепискѣ лишняго, т. е. чего можно было не писать, не переписывать безъ ущерба для дѣла. Во всякомъ случаѣ трудъ его является очень приличною кандидатскою работою".

16) О сочиненіи студента Владиміра *Зерчанинова* на тему: „Обозрѣніе русской литературы по изученію Евангелій за послѣднее десятилѣтіе".

а) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Самъ авторъ дѣлаетъ въ заключеніи своего сочиненія довольно справедливую его оцѣнку, когда здѣсь пишетъ: „Приступая къ обозрѣнію русской литературы по изученію Евангелій, первою задачею своего труда мы поставили указаніе всѣхъ относящихся сюда произведеній. Эта задача, насколько это зависѣло отъ насъ, въ общемъ нами исполнена", и исполнена—прибавимъ—весьма старательно. „Второю задачею своего труда мы поставили изложеніе содержанія подлежащихъ нашему обзору произведеній. Эта задача, какъ мы и предполагали, выполнена нами только отчасти и при томъ крайне не равномѣрно", т. е.—на однихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ авторъ останавливается довольно подробно, а другія—просто перечисляетъ, указывая только самую главную ихъ мысль. Третья задача, т. е. критическая оцѣнка обозрѣваемыхъ произведеній, „почти совсѣмъ—замѣчаетъ авторъ—нами не выполнена", и пришлось при оцѣнкѣ трудовъ или пользоваться авторитетнымъ мнѣніемъ другихъ, или ограничиваться чисто субъективнымъ моментомъ,—общимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ того или иного произведенія.

Однако въ общемъ авторъ выполнилъ свою задачу удовлетворительно. Онъ не потерялся во множествѣ прочитаннаго и просмотрѣннаго имъ матеріала, а сгруппировалъ его ясно и стройно, вѣрно отмѣтивши основныя мысли того или иного труда, правильно уловивши его основной духъ и характеръ, умѣло вообще выдѣливши существенное изъ несущественнаго. Сочиненіе не лишено и хорошихъ критическихъ замѣчаній, основывающихся иногда на сличеніи однородныхъ статей, появившихся въ разсматриваемое время, или даже на знакомствѣ съ предшествующими работами по данному вопросу. Авторъ, видно, владѣетъ перомъ и пишетъ вообще бойко. Нѣсколько непріятное впечатлѣніе производитъ его иногда слишкомъ самоувѣрен-

ный тонъ и слишкомъ большая симпатія ко всякимъ богословскимъ новинкамъ, не имѣющимъ часто никакой научной цѣнности. Авторъ, впрочемъ, высказываетъ совершенно справедливый взглядъ, когда говоритъ: „Первыя движенія новой мысли, какъ и всѣ первые шаги, шатки и иногда даже невѣрны. Критическое отношеніе и разумная помощь существенно необходимы здѣсь, хотя и отвергаются иногда съ юнымъ задоромъ новаго, не могущаго выносить никакой препоны" (стр. 296).

Для степени кандидата сочиненіе удовлетворительно".

б) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Тяжелое непріятное чувство оставляетъ въ читателѣ сочиненіе г. Зерчанинова и, нужно сознаться, что это чувство возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ его концу. По нашему крайнему разумѣнію, оно несомнѣнно является показателемъ того будирующаго настроенія, какимъ проникнута была вся русская учащаяся молодежъ въ истекшій учебный годъ. Только этимъ неуравновѣшеннымъ состояніемъ духа г. Зерчанинова мы и можемъ объяснить ту развязность сужденій и критическихъ отзывовъ о трудахъ лучшихъ нашихъ изслѣдователей Евангелія и евангельской исторіи и въ частности ближайшаго его руководителя проф. Д. И. Богдашевскаго, какую неожиданно мы встрѣтили на страницахъ настоящаго *перваго* ученаго опыта, представленнаго на ученую степень.

Г. Зерчанинову хорошо было извѣстно, что тема дана его руководителемъ проф. Д. И. Богдашевскимъ, одобрена Совѣтомъ Академіи и что въ литературѣ уже существуетъ подобный трудъ проф. Ѳ. Елеонскаго по отношенію къ трудамъ по Ветхому Завѣту (стр. 284), тѣмъ не менѣе все это нисколько не останавливаетъ его отъ напрасныхъ и легкомысленныхъ разсужденій о томъ, что нужно разумѣть подъ словомъ „обозрѣніе". Съ точки зрѣнія нашего автора, ищущаго ученой богословской степени, въ понятіи „обозрѣніе" будто бы мыслится и „легкая

публицистически-фельетонная замѣтка, скользящая по поверхности предмета" изслѣдованія или излагающая только его сущность" (стр. 1). Устанавливая затѣмъ свой взглядъ на „обозрѣніе" и его задачу, какъ на указатель, „по возможности всѣхъ произведеній, находящихся, какъ въ *періодической прессѣ*, такъ и вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ которыхъ такъ или иначе затрогивается и изучается Евангеліе" (стр. 12) и оставляя благоразумно мечту „сдѣлать какъ результатъ своего изслѣдованія какіе нибудь важные выводы, опредѣляющіе сущность, характеръ и основное направленіе изучаемой литературы" (стр. 111), г. Зерчаниновъ считаетъ себя вполнѣ довольнымъ и счастливымъ, если ему „въ концѣ концовъ удастся набросить хотя бы *замѣтные штрихи для* общей картины движенія русской богословской мысли" (тамъ же). Но прежде чѣмъ коснуться этихъ дѣйствительно „замѣтныхъ штриховъ" г. Зерчанинова, я нахожу не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о планѣ и содержаніи его сочиненія.

Планъ сочиненія, по нашему мнѣнію, говоритъ намъ, что г. Зерчаниновъ не ясно представлялъ себѣ задачу своего „обозрѣнія". Такъ, въ третьей части своего сочиненія, почему-то названной „приложеніемъ", онъ рѣшается разсматривать статьи апологетико-историческія, имѣющія отдаленное или, какъ онъ выражается „косвенное отношеніе къ Евангелію" (стр. V) или прямо относящіяся къ основному богословію. Таковы, напр., статья Павловича „Попытка естественнаго объясненія чудесъ въ нашемъ вѣкѣ", Глѣбова „Историческая достовѣрность воскресенія Господа нашего Іисуса Христа", г. К. И—на „Ренанъ предъ судомъ науки", „Въ чемъ основная ложь Ренановской жизни Іисуса", о. Буткевича „Ренанъ и его сочиненіе „Жизнь Іисуса" и др. Всѣ эти статьи, по моему мнѣнію, безъ ущерба для полноты обозрѣнія г. Зерчанинова могли бы быть и оставлены безъ разсмотрѣнія, чѣмъ безспорно онъ выигралъ бы и время, необходимое ему для обработки первыхъ двухъ

отдѣловъ сочиненія.—Нельзя одобрить вполнѣ его дѣленіе статей по изученію Евангелій на статьи общія и статьи спеціальныя, относящіяся къ изученію четвероевангелія. Такое дѣленіе мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія и не даетъ читателю яснаго представленія о томъ, въ какомъ видѣ стоитъ въ наукѣ по изученію Евангелій тотъ или иной вопросъ. Такъ напр., трудъ проф. Тарѣева „Искушенія Господа нашего Іисуса Христа" нашелъ себѣ мѣсто въ первой части сочиненія г. Зерчанинова (стр. 60), а статья проф. М. И. Богословскаго: „Искушеніе Господа нашего отъ діавола", имѣющая несомнѣнную связь съ названнымъ трудомъ по тому же вопросу проф. Тарѣева, помѣщена во второй части (стр. 138). Непонятно для насъ также, почему „академическія чтенія по Св. Писанію Новаго Завѣта" извѣстнаго экзегета покойнаго епископа курскаго Михаила не нашли себѣ подходящаго мѣста въ первыхъ двухъ частяхъ и скромно ютятся въ третьей „прибавочной" части, среди статей характера „апологетико-историческаго и біографическаго" и удостоились самыхъ общихъ поверхностныхъ замѣчаній (стр. 279) со стороны нашего автора.

Увлекшись совершенно напрасно въ сторону отъ прямой своей задачи статьями „апологетико-историческаго и біографическаго характера", а также статьями характера „беллетристическаго" (стр. 267), не научнаго (стр. 266), но которыя читаются съ интересомъ (стр. 267) и удовольствіемъ (стр. 213) или въ которыхъ онъ усматриваетъ „новую струю богословской мысли" (стр. 295), г. Зерчаниновъ, очевидно, не имѣлъ достаточно времени, чтобы лично проштудировать даже очень важные, по его мнѣнію, труды, относящіеся къ изученію Евангелія, и сдѣлать самостоятельное изложеніе ихъ основныхъ положеній въ своей работѣ. Такъ, напр., трудъ проф. Тарѣева „Искушенія Господа нашего Іисуса Христа", автора, у котораго г. Зерчаниновъ прежде всего находитъ „новую струю богословской мысли" и которымъ сильно увлекается, онъ не стѣсняется излагать почти дословно по ре-

ценвіи проф. Муретова, напечатанной въ протоколахъ Совѣта Москов. духовной Академіи за1898 г. (стр. 60—72), не останавливаясь даже предъ тѣмъ, что рецензія проф. Муретова, какъ это извѣстно и г. Зерчанинову, писана на *рукописный* трудъ проф. Тарѣева, а не на печатный (стр. 62, прим. 1). „Воскресная ночь" епископа курскаго Михаила, „въ виду малоизвѣстности труда", излагается г. Зерчаниновымъ прямо по рецензіи „лично ему извѣстнаго П. П. Кудрявцева" (стр. 152), у котораго, слѣдуетъ думать, онъ раздобылъ бы, если бы постарался, и самую книжку еп. Михаила. Очень часто мы видимъ въ работѣ г. Зерчанинова сухой перечень статей безъ всякаго содержанія ихъ, а иногда одно лишь перечисленіе главъ, составляющихъ содержаніе труда. Такимъ харатеромъ отличается изложеніе, напр., „Очерковъ изъ жизни Христа Спасителя (по Эдершейму)" свящ. Ѳивейскаго (стр. 254—257). Поэтому въ похвалу автору можно вмѣнить то, что онъ откровенно сознается въ недостаткахъ этой первой и основной своей задачи. „Эта задача, какъ мы и предполагали, говоритъ г. Зерчаниновъ, выполнена нами *только отчасти* и притомъ крайне неравно. Поработавъ нѣсколько времени, мы опытно убѣдились, что дать хотя бы въ общихъ чертахъ содержаніе всѣхъ произведеній по изученію Евангелій возможно не иначе, какъ только *пожертвовавъ самостоятельностію* (какъ будто бы теперь онъ чуждъ этого грѣха!) и относительной стройностью своего труда, расширивъ въ тоже время его объемъ до громадныхъ размѣровъ. Поэтому мы рѣшили, пишетъ, онъ *упростить* свою задачу, замѣнивъ изложеніе указаніемъ основныхъ пунктовъ произведеній, останавливаясь болѣе внимательно лишь иногда и только на нѣкоторыхъ изъ нихъ" (стр. 283—284).

Критическая или, какъ выражается авторъ, *субъективная* задача труда, по сознанію его, осталась „почти совсѣмъ не выполненною". „Чувствуя себя по многимъ вопросамъ недоста-

точно компетентными, говорить г. Зерчаниновъ и не имѣя времени изучить и разобраться по существу во всемъ разнообразіи подлежащаго нашему обозрѣнію литературнаго матеріала, мы, гдѣ имѣлась возможность, пользовались мнѣніями авторитетныхъ и свѣдующихъ лицъ, ограничиваясь въ остальныхъ случаяхъ, такъ сказать, общимъ впечатлѣніемъ извѣстнаго произведенія, логической его распланировкой, независимо отъ того или иного содержанія" (стр. 285). И это откровенное сознаніе весьма близко къ истинѣ, а поэтому страницы сочиненія г. Зерчанинова нерѣдко пестрятъ такого рода не научными критическими замѣчаніями: „книга читается съ удовольствіемъ и интересомъ" (стр. 213, 269 и др.), или „статья, не заключающая въ себѣ ничего новаго или особенно важнаго" (стр. 134), или „экзегетическаго элемента трудъ этотъ (т. е. прот. Соловьева „Законъ и Евангеліе") совершенно не заключаетъ въ себѣ, а *по спутанности и разбросанности* содержанія можетъ быть разсматриваемъ скорѣе какъ *благочестивыя размышленія или проповѣдь*, чѣмъ цѣнное въ научномъ отношеніи богословское произведеніе" (стр. 114, прим.) и т. п. Очевидно, г. Зерчаниновъ не высокаго понятія о благочестивыхъ размышленіяхъ и проповѣдяхъ, если „спутанность и разбросанность содержанія" считаетъ ихъ принадлежностію и не допускаетъ всего этого лишь „въ цѣнномъ въ научномъ отношеніи богословскомъ произведеніи"...

Теперь нѣсколько словъ „о замѣтныхъ штрихахъ для общей картины движенія русской богословской мысли". Къ такимъ „штрихамъ" прежде всего слѣдуетъ отнести цѣликомъ все „заключеніе" разсматриваемаго нами сочиненія, наводящее насъ на глубокія размышленія, но, не желая удлинять рецензіи, мы остановимъ свое вниманіе лишь на сужденіяхъ г. Зерчанинова по вопросу о полемикѣ профессоровъ Богдашевскаго и Тарѣева, имѣвшей мѣсто на страницахъ нашихъ академическихъ журналовъ въ недавнее время. Мы уже знаемъ

критическую несостоятельность г. Зерчанинова, въ вопросахъ избранной имъ специальности, по его собственному признанію. О своихъ „личныхъ отношеніяхъ къ проф. Д. И. Богдашевскому“ онъ оповѣщаетъ насъ также на страницахъ своего труда (стр. 295). Казалось бы поэтому правильнѣе и цѣлесообразнѣе ограничиться нашему автору простымъ констатированіемъ факта, не входя въ его оцѣнку по существу, но г. Зерчаниновъ „не можетъ не указать на этотъ „фактъ огромной важности и значенія“ и даже признаетъ его *„симптоматическимъ“* (стр. 295). По мнѣнію г. Зерчанинова, *„новая струя богословской мысли*, выразителемъ которой въ области экзегетики и является проф. Тарѣевъ, вызываетъ къ себѣ критическое отношеніе, которое и можетъ служить ручательствомъ за то, что русское богословіе, слишкомъ *осторожное и консервативное* въ лучшемъ смыслѣ этого слова (здѣсь прежде всего слѣдуетъ разумѣть проф. Богдашевскаго), можетъ обогатиться новымъ содержаніемъ только по тщательномъ его испытаніи и провѣркѣ (стр. 296). Г. Зерчаниновъ беретъ подъ свою защиту проф. Тарѣева, называя его вторую экзегетическую замѣтку (Бог. Вѣстн. 1904 кн. V) „болѣе солидною по своей аргументаціи“, чѣмъ, конечно, „неправильное“ объясненіе его руководителя проф. Богдашевскаго (стр. 293—294). Нашъ авторъ подыскиваетъ довольно курьезныя объясненія для своего протеже и по вопросу о тонѣ и манерѣ полемизировать съ своими противниками. *„Рѣзкость и даже грубость* полемики въ данномъ случаѣ, говоритъ г. Зерчаниновъ по адресу и въ утѣшеніе проф. Богдашевскаго, хотя, конечно, и мало желательное, но *вполнѣ естественное явленіе.* Вспомнимъ хотя бы публицистическую дѣятельность эпохи шестидесятыхъ годовъ. Но пройдетъ юный задоръ, окрѣпнетъ навыкъ критическаго отношенія къ дѣлу и, при неослабѣвающемъ интересѣ и вниманіи къ изучаемому, *двинется русское богословіе впередъ, мало-помалу уясняя и оцѣнивая то, что часто до*

сихъ поръ трактовалось вскользъ, отчасти даже съ трусостью привыкшей идти по извѣстному шаблону мысли" (стр. 297). Мечтать позволительно каждому, и мечтамъ можетъ не быть и предѣла, но какъ назвать отношеніе г. Зерчанинова къ своему руководителю проф. Д. И. Богдашевскому—это мы сдѣлать отказываемся. Что это—наивность, юношеское увлеченіе или непростительная неделикатность, или же все вмѣстѣ взятое? вотъ этого мы понять не можемъ.

Г. Зерчаниновъ несомнѣнно трудился и, какъ это можно видѣть изъ сказаннаго выше, трудился съ увлеченіемъ. Пріобрѣлъ онъ для себя не мало полезныхъ свѣдѣній въ области богословской литературы, относящейся къ изученію Новаго Завѣта или правильнѣе Евангелій. Владѣетъ онъ и бойкимъ перомъ, которому, однакоже, лучше даются газетные фельетоны, чѣмъ серьезныя научныя статьи. Поэтому я находилъ бы возможнымъ это сочиненіе и въ настоящемъ его видѣ признать достаточнымъ для полученія его авторомъ степени кандидата богословія".

17) О сочиненіи студента Михаила *Иллюминатова* на тему: „Педагогика Яна Амоса Коменскаго съ христіанской точки зрѣнія".

а) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Великій славянскій педагогъ, истинный „другъ человѣчества", послѣдній епископъ многострадальной протестантской общины Чешскихъ Братьевъ Янъ Амосъ Коменскій въ своихъ многочисленныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ оставилъ цѣльное, вполнѣ раскрытое педагогическое міровоззрѣніе, обширную педагогическую систему, обнимающую всѣ стороны воспитанія. Имѣя въ основѣ своей принципіальное рѣшеніе коренныхъ вопросовъ—о человѣкѣ и его назначеніи и вполнѣ послѣдова-

тельно вытекая изъ него, эта педагогика Коменскаго представляетъ глубокій интересъ не съ спеціальной только узко-педагогической точки зрѣнія, но и съ общей христіанской. Разсмотрѣть и оцѣнить ее именно съ этой стороны и поставилъ задачею для своего изслѣдованія г. Иллюминатовъ.

Выходя изъ того положенія, что педагогическія воззрѣнія Коменскаго стоятъ въ самой тѣсной связи съ его личностью, авторъ находитъ нужнымъ сначала познакомить читателя съ условіями воспитанія и обстоятельствами жизни и дѣятельности Коменскаго. Имѣя цѣлью только выясненіе характерныхъ чертъ личности педагога, въ ихъ генезисѣ и жизненномъ обнаруженіи, авторъ, естественно, не даетъ цѣльной біографіи Коменскаго; онъ ограничивается лишь пересказомъ, по нѣкоторымъ изъ имѣющихся у насъ работъ по этому предмету, главнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Коменскаго, попутно отмѣчая происхожденіе важнѣйшихъ педагогическихъ сочиненій его. Слѣдующая 2-я глава посвящается раскрытію принципіальныхъ воззрѣній педагога на воспитаніе и школу въ связи со взглядами его на человѣка, природу послѣдняго, земную жизнь и конечное назначеніе. Самая обширная 3-я глава излагаетъ педагогическую систему Коменскаго буквальными выдержками изъ „Великой Дидактики" и, въ общемъ, почти по ея плану. Это 1 я часть сочиненія. Вторая—критическая—раздѣляется также на три главы. Въ первой дается христіанскій анализъ педагогическихъ воззрѣній Коменскаго по вопросу о цѣли воспитанія. Во 2-ой разсматривается съ христіанской точки зрѣнія взглядъ Коменскаго на матеріалъ воспитанія, т. е. на природу человѣка. Въ 3-й заключается такая же оцѣнка средствъ воспитанія по Коменскому, причемъ подъ „средствами" воспитанія авторъ разумѣетъ здѣсь принципъ природосообразности и дисциплину, какъ поставлены они въ „Великой Дидактикѣ".

Авторъ построилъ свое изслѣдованіе по плану, способному обнять всѣ стороны разсматриваемаго имъ предмета. Однако

не всѣ части этого плана получили въ его сочиненіи достаточную разработку и надлежащее выполненіе. Такъ въ 1-ой части 3-я глава оказалась безъ нужды излишне обширной и именно по двумъ причинамъ. Во первыхъ, авторъ помѣстилъ здѣсь обильный матеріалъ изъ области методики Коменскаго, который ему послѣ, во 2 ой части, совершенно не понадобился: разсматривать съ христіанской точки зрѣнія ученіе Коменскаго объ обученіи „вѣрномъ", „легкомъ" и „основательномъ", оцѣнивать его методы наукъ, искусствъ и языковъ, раздѣленіе процесса образованія на четыре школы—автору не пришлось. Во вторыхъ излишнее расширеніе этой главы произошло и вслѣдствіе того метода, которому слѣдуетъ здѣсь, какъ во всемъ сочиненіи своемъ, авторъ. Для изложенія педагогики Коменскаго онъ избралъ легчайшій путь—говорить словами самого педагога, т. е. перенесть въ свое сочиненіе изъ „Великой Дидактики" все сколько нибудь важное, ограничивъ свой трудъ здѣсь лишь сокращеніемъ текста „Великой Дидактики". Такъ перенесены въ сочиненіе всѣ многочисленныя „Fundamenta" Коменскаго методологическаго характера, безъ всякаго различія между ними болѣе и менѣе важныхъ и не смотря на то, что въ нихъ есть много повтореній. Естественно было автору, если онъ нашелъ нужнымъ касаться этой области въ педагогикѣ Коменскаго, выдѣлить положенія существенныя и, знакомя съ ними читателя, подчеркнуть, выставить ярче и охарактеризовать главнѣйшіе изъ нихъ.

Во 2-й части сочиненія, во всѣхъ трехъ главахъ авторъ приходитъ къ выводамъ въ пользу Каменскаго, т. е. къ утвержденію истинно критическаго характера всѣхъ главнѣйшихъ педагогическихъ воззрѣній его—на цѣль воспитанія, объектъ и средства его. Но этотъ христіанскій анализъ педагогики Коменскаго и аргументація выводовъ могли быть поставлены гораздо шире. Въ частности, напр., въ вопросѣ о природѣ человѣка авторъ довольствуется указаніемъ лишь двухъ взглядовъ

на нее—Руссо и библейскаго. Въ вопросѣ о воспитаніи авторъ не достаточно уясняетъ мѣсто и значеніе природы въ этомъ дѣлѣ, склонный, какъ будто, преувеличивать силу и значеніе воспитанія (стр. 301—302). Коренной принципъ педагогики Коменскаго — принципъ природосообразности требовалъ большаго вниманія со стороны автора, болѣе подробнаго анализа и уясненія. Тогда въ своей оцѣнкѣ взгляда С. И. Миропольскаго онъ пришелъ бы къ другому заключенію. Вопросъ о дисциплинѣ, какъ поставленъ онъ у Коменскаго и въ педагогикѣ христіанской, также требовалъ болѣе подробнаго раскрытія. Не извѣстно, далѣе, почему авторъ въ своемъ трактатѣ о „средствахъ" воспитанія ограничился лишь дисциплиной, присоединивъ къ ней принципъ (не „средство") природосообразности. Педагогика Коменскаго, какъ изложена она въ 1-й части сочиненія, даетъ гораздо болѣе матеріала для этого. Литература предмета изучена авторомъ не вполнѣ.

Не смотря на указанные недочеты, я признаю сочиненіе г. Иллюминатова удовлетворительною кандидатской диссертаціей. Авторъ достаточно изучилъ личность и педагогическую теорію Коменского, сумѣлъ правильно оріентироваться въ последней, установилъ главнѣйшія принципіальныя стороны ея, подлежащія разсмотрѣнію съ христіанской точки зрѣнія и далъ соотвѣтствующую посильную оцѣнку ихъ. Сочиненіе его, если не считать расширенія 3-ей главы въ 1-ой части, написано стройно, языкомъ правильнымъ и яснымъ и даетъ въ общемъ цѣльное впечатлѣніе о характерѣ педагогики Коменскаго. По этому я и нахожу возможнымъ признать трудъ г. Иллюминатова для своей цѣли достаточнымъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Въ первой части этого сочиненія изложена педагогика Коменскаго, во второй имѣлось въ виду сдѣлать оцѣнку этой педагогики съ точки зрѣнія христіанской.

Изложеніе педагогики Коменскаго отличается крайней и совсѣмъ излишней подробностію. Обученіе должно быть плодотворнымъ, легкимъ и основательнымъ. И вотъ слѣдуютъ правила долженствующія обезпечить эти качества обученія. Плодотворность, иначе—прочность обученія можетъ быть достигнута чрезъ выполненіе девяти правилъ, легкость достигается исполненіемъ десяти правилъ; чтобы обученіе было основательнымъ, также требуется исполненіе новыхъ десяти правилъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще одиннадцать правилъ, долженствующихъ служить руководствомъ для обученія искусствамъ. Всѣ эти правила перечислены и изложены каждое порознь а между тѣмъ во многихъ правилахъ, подъ разными рубриками, повторяется одно и тоже, какъ напр., требованіе связности, постепенности. Посему, вмѣсто подробнаго изложенія педагогическихъ правилъ, автору слѣдовало обратить вниманіе на главныя и наиболѣе характерныя черты правилъ, для чего было бы не излишнимъ сопоставленіе педагогики Коменскаго съ состояніемъ обученія и воспитаніе въ тогдашнее время, чего авторъ не дѣлаетъ, а довольно подробно излагаетъ біографич. свѣдѣнія о Коменскомъ не имѣющія, можно сказать, никакого значенія для характеристики педагогики Коменскаго, кромѣ развѣ того факта, что Коменскій былъ священникомъ.

Въ части сочиненія, долженствующей представить оцѣнку педагогики Коменскаго, изложено христіанское ученіе о конечной цѣли жизни человѣческой и о природѣ человѣка, послѣ чего авторъ удовольствовался краткимъ замѣчаніемъ, что педагогика Коменскаго согласна съ этимъ ученіемъ. Такова оцѣнка педагогики Коменскаго. Авторъ не обратилъ вниманія на то, что отожествленіе цѣли воспитанія съ конечною цѣлью жизни человѣческой дѣлаетъ педагогику Коменскаго, вслѣдствіе чрезмѣрной широты ея требованій и задачъ,—неясною и неопредѣленною, ибо содержаніемъ ея являются преимущественно задачи и цѣли—вообще должное и желательное въ этой

области—а не способы и средства осуществленія таковыхъ, не какіе-либо критическіе совѣты и пріемы воспитанія и обученія.—Ознакомленіе съ педагогикою Коменскаго конечно стоило для автора не малаго труда, а равно подробное ея обозрѣніе и изложеніе; поэтому можно признать сочиненіе студента Иллюминатова о педагогикѣ Коменскаго достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія".

18) О сочиненіи студента Алаксандра *Кильчевскаго* на тему: „Церковно-богословскіе вопросы въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII вѣка".

а) И. д. доцента Ѳ. Мищенко.

„Въ первой, вводной, главѣ выясняются причины, способствовавшія возникновенію церковно-богословскихъ вопросовъ въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII в. Вторая глава, занимающая болѣе половины всего сочиненія посвящена извѣстнымъ спорамъ въ Москвѣ по вопросу о времени пресуществленія Св. Даровъ. Въ третьей излагается исторія разномыслій въ то же время по вопросу о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи, въ четвертой—исторія вопроса о томъ, сколькихъ священниковъ и діаконовъ можно поставить на одной и той же литургіи, и, наконецъ, въ пятой—излагается дѣло Діонисія Жабокрицкаго, который былъ женатъ на вдовѣ, а по разводѣ съ нею, избранъ и поставленъ на епископскую каѳедру въ Луцкѣ, и вызванная этимъ дѣломъ записка кіевскихъ богослововъ объ авторитетѣ каноновъ. Въ заключеніи авторъ характеризуетъ московскихъ богослововъ, какъ крайне нетерпимыхъ къ чужимъ мнѣніямъ, а кіевскихъ, какъ болѣе снисходительныхъ, гуманныхъ и уступчивыхъ, что объясняется большей широтой ихъ кругозора.

Сочиненіе представляетъ изъ себя трудъ попреимуществу компилятивный. Выдвинутая на первый планъ въ сочине-

нія исторія вопроса о времени пресуществленія Св. Даровъ разработана лицами, пользующимися въ ряду нашихъ отечественныхъ изслѣдователей широкой научной репутаціей; не безызвѣстны въ наукѣ и другіе разсматриваемые въ сочиненіи вопросы. Имѣющимися учеными трудами г. Кильчевскій главнымъ образомъ и воспользовался. Но, какъ компиляція, трудъ его долженъ быть признанъ весьма мастерски исполненнымъ. Сочиненіе его все сплошь читается съ большимъ интересомъ, а нѣкоторыя мѣста, особенно вторая глава о времени пресуществленія Св. Даровъ, даже съ наслажденіемъ. Лишь изрѣдка авторъ многословитъ и приводитъ излишне длинныя выдержки изъ документовъ, а въ четвертой главѣ (о ставленникахъ на литургія), вѣроятно, въ виду малочисленности свѣдѣній, прямо относящихся къ дѣлу, онъ, какъ будто даже умышленно, уклоняется въ сторону, и, имѣя подъ руками изслѣдованіе г. Каптерева, начинаетъ говорить о заботахъ потріарха Досиѳея объ искорененіи латинскаго вліянія въ южной Руси вообще и старается по возможности удлинить свою рѣчь.

Для представленной цѣли сочиненіе вполнѣ удовлетворительно.

б) Экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова:

„Въ концѣ XVII в. совершилось подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху. Въ это время соединились двѣ половины единой русской церкви, которая окончательно раздѣлилась въ половинѣ XV в. на двѣ митрополіи. Болѣе двухъ вѣковъ двѣ, можно сказать, родныя сестры—Московская и Кіевская православныя церкви—прожили раздѣльно, при весьма неодинаковыхъ историческихъ, политическихъ, экономическихъ и многихъ другихъ условіяхъ сущестованія. Само собою понятно, что въ той и другой части русской православной церкви за это время могли образоваться и, дѣйстви-

тельно, образовались нѣкоторыя, то болѣе, то менѣе важныя особенности въ богословскомъ вѣдѣніи, церковномъ устройствѣ и религіозно-нравственной жизни. Особенно эти должны были заявить о себѣ раньше или позже, но во всякомъ случаѣ скоро послѣ соединенія двухъ церквей и, конечно, вызвать взаимное обсужденіе, направленное къ устраненію разностей, и объединенію. Такъ, дѣйствительно и случилось. Вскорѣ послѣ присоединенія Кіевской митрополіи къ Московскому патріархату мы видимъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ возникновеніе и обсужденіе различныхъ церковно-богословскихъ вопросовъ, почвою для чего послужили вышеупомянутыя разности между Кіевскою и Московскою церквами.

Авторъ разсматриваемаго нами труда и излагаетъ исторію этихъ церковно-богословскихъ вопросовъ въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII в.

Сочиненіе его состоитъ изъ предисловія, пяти главъ, изъ которыхъ одна замѣняетъ введеніе, и заключенія

Въ *предисловіи* (стр. I—XIII) авторъ опредѣляетъ предметъ и задачу изслѣдованія, а также даетъ здѣсь краткую библіографію вопроса.

Въ *первой*—вступительной главѣ (стр. 1—51) выясняются причины, способствовавшія возникновенію и развитію вопросовъ церковно-богословскаго характера въ Москвѣ, въ Кіевѣ въ концѣ XVII в.

Въ послѣдующихъ четырехъ главахъ излагается исторія самыхъ церковно-богословскихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII в., а именно во *второй* главѣ (стр. 52—281)—о времени пресуществленія Св. Даровъ на литургіи, въ *третьей* (стр. 282—314)—о непорочномъ зачатіи Пресв. Богородицы, въ *четвертой* (стр. 315—350)—о поставленіи (точнѣе: посвященіи) чиновъ іерархіи на литургіи и въ *пятой* (стр. 351—377)—о возможности или невозможности примѣненія каноническихъ постановленій (но по-

воду дѣла о хиротоніи Діонисія Жабокритскаго въ санъ Луцкаго епископа).

Въ особомъ *заключеніи* (стр. 368—387) дается краткая и общая характеристика отношенія Московскихъ и Кіевскихъ іерарховъ и богослововъ вообще къ перечисленнымъ церковно-богословскимъ вопросамъ и способа рѣшенія ихъ въ Москвѣ и Кіевѣ.

Основная—историческая часть сочиненія составлена и изложена авторомъ почти безукоризненно. Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить только двѣ ошибки, или, неточности, вполнѣ извинительныя автору, какъ не спеціалисту. На стр. 231 авторъ говоритъ, что Кіевскій митрополитъ Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій былъ тестемъ гетмана Ивана Самойловича, а на самомъ дѣлѣ только его *племянникъ* кн. Юрій Святополкъ-Четвертинскій былъ женатъ на *дочери* гетмана Самойловича. На стр. 377 сказанно, что Діонисій Жабокритскій послѣ рукоположенія въ санъ епископскій оставался на Луцкой каѳедрѣ болѣе 15 лѣтъ: это выраженіе неточное и неопредѣленное, особенно въ виду того, что Діонисій Жабокритскій въ 1702 году перешелъ въ унію.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что недостатокъ времени, очевидно, помѣшалъ серьезному автору болѣе внимательно остановиться на характеристикѣ церковно-богословскаго вѣдѣнія въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII в. Этотъ вопросъ, въ виду неодинаковаго воззрѣнія на него со стороны нашихъ историковъ и богослововъ, представляетъ особенный интересъ.

Сочиненіе автора представляетъ серьезную работу, исполненную на основаніи весьма тщательнаго и усерднаго изученія имъ соотвѣтствующей литературы. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ оно представляетъ живой интересъ новизною историческихъ данныхъ и точки зрѣнія самого автора. Изложеніе почти безукоризненное.

На основаніи сказаннаго, сочиненіе студента А. Кильчевскаго, по нашему мнѣнію, можетъ быть признано весьма хорошею кандидатскою диссертаціею".

16) О сочиненіи студента Павла *Коробейникова* на тему: „Древнѣйшія апокрифическія Евангелія и ихъ значеніе".

б) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Сдѣлавши во введеніи довольно хорошій, хотя написанный какимъ то необыкновенно натянутымъ языкомъ, экскурсъ о значеніи понятія „апокрифическій", опредѣливши особенности апокрифическихъ евангелій, указавши важнѣйшія ихъ изданія, авторъ раздѣляетъ свою работу на двѣ части: въ первой части говоритъ о „Первоевангеліи Іакова" (23—126 стран.), а во второй—о „Евангеліи дѣтства (арабскомъ)", 127—136 стран.

Первая часть состоитъ изъ пяти небольшихъ главъ. Въ первой главѣ говорится о надписаніи Первоевангелія, его судьбѣ на востокѣ и западѣ, его древности, его изданіяхъ и переводахъ. Во второй главѣ излагается кратко, но очень хорошо содержаніе Первоевангелія и доказывается его апокрифическій характеръ. Предметомъ третьей главы служитъ вопросъ о писателѣ Первоевангелія, при чемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что послѣднее написано не евіонитомъ и не гностикомъ, а принадлежитъ неизвѣстному іудео-христіанину. Въ четвертой главѣ говорится о мѣстѣ и времени написанія даннаго документа: на основаніи неопредѣленности показаній апокрифа относительно іудейскаго богослуженія авторъ заключаетъ, что писатель его жилъ внѣ Палестины, по всей вѣроятности, въ Александріи, а раннія ссылки церковныхъ писателей на Первоевангеліе укрѣпляютъ его въ мысли, что оно появилось около половины 2 вѣка. Въ пятой главѣ очень сжато разъ-

ясняется значеніе даннаго апокрифа, служащаго какъ бы комментаріемъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ каноническихъ евангелій и сообщающаго иногда цѣнныя историческія свѣдѣнія, подтверждаемыя церковно-богослужебнымъ преданіемъ православной церкви.

Во второй части, состоящей всего изъ нѣсколькихъ страницъ, даются краткія свѣдѣнія о писателѣ „Евангелія дѣтства", его общемъ характерѣ и его распространеніи. Въ концѣ авторъ прибавляетъ: „Изученіе его (т. е. Евангелія дѣтства) должно начинаться, естественно, знакомствомъ, съ текстомъ даннаго апокрифическаго памятника. Такъ какъ на русскій языкъ это Евангеліе еще не было переведено, то посильную передачу его текста мы и предлагаемъ въ своей работѣ. Къ невыразимому сожалѣнію, этимъ переводомъ пока и удалось исчерпать все отношеніе свое къ этому замѣчательному произведенію христіанской древности" (стран. 136).

Авторъ самъ сожалѣетъ, что ему удалось написать очень мало, и дѣйствительно своей темы онъ далеко не исчерпалъ. Какъ бы опустивши изъ виду, что прежде всего нужно дѣлать болѣе важное и существенное, а всякія приложенія въ сочиненіи являются уже нѣкоторою роскошью, онъ занялся переводомъ „Евангелія дѣтства", потративши на него не мало драгоцѣннаго времени, которое могло бы быть употреблено далеко съ большею пользою. Тѣмъ не менѣе г. Коробейниковъ обнаружилъ въ своей работѣ большое трудолюбіе, способность писать ясно и отчетливо, умѣло справляться съ иностранными пособіями и дѣлать научные выводы очень осторожно. При оцѣнкѣ сочиненія не можетъ быть игнорируемо и приложеніе, гдѣ, за весьма немногими исключеніями, данъ очень точный переводъ „Евангелія дѣтства". По этимъ соображеніямъ сочиненіе студента Коробейникова можетъ признано удовлетворительною кандидатскою диссертаціею.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе студ. П. Коробейникова, весьма интересное по темѣ и содержанію, состоитъ изъ введенія, въ которомъ авторъ изъясняетъ значеніе слова апокрифическій, даетъ понятіе о такъ называемыхъ апокрифическихъ Евангеліяхъ и сообщаетъ свѣдѣнія о печатныхъ изданіяхъ ихъ, и изъ двухъ частей. Въ пяти краткихъ главахъ 1-ой части изслѣдуется „Первоевангеліе Іакова", въ 1-ой главѣ 2-ой части авторъ предлагаетъ очень краткія замѣчанія объ „Арабскомъ Евангеліи дѣтства Спасителя" и въ концѣ ея заявляетъ, что ему не удалось закончить свое изслѣдованіе этого памятника; 2-я глава заключаетъ въ себѣ русскій переводъ названнаго Евангелія. На всемъ сочиненіи г. Коробейникова лежитъ отпечатокъ умнаго изслѣдователя, но также видны слѣды незаконченности и несовершенства обработки его изслѣдованія. Съ большею подробностію и успѣхомъ обработаны введеніе и первая часть сочиненія, и изъ 2-ой части можетъ быть принятъ во вниманіе только русскій переводъ „Евангелія дѣтства Спасителя". Авторъ пишетъ благороднымъ, серьезнымъ ученымъ языкомъ, и однакожъ въ его сочиненіи не мало худо поставленныхъ, неправильныхъ и даже неясныхъ выраженій. Онъ обнаруживаетъ хорошее знакомство съ источниками и пособіями, удачно изъясняетъ и освѣщаетъ историческія извѣстія, отлично пользуется учеными гипотезами, одобряя наилучшія, подвергая основательной критики произвольныя и бездоказательныя и на ихъ мѣсто поставляя свои собственныя. И въ тоже время въ его сочиненіи встрѣчаются сужденія мало обоснованныя, мысли недостаточно ясныя и предположенія, неимѣющія твердыхъ доказательствъ. Чтеніе сочиненія г. Коробейникова поселяетъ въ читателѣ твердое убѣжденіе, что указанные недостатки произошли отъ той торопливости, съ которою автору приходилось обработывать свое сочиненіе и переписывать его и что они

были бы непремѣнно устранены, если бы онъ располагалъ большимъ временемъ. Такъ какъ отмѣченныхъ недостатковъ сравнительно мало, а достоинствъ очень много, то и сочиненіе г. Коробейникова признаемъ очень хорошимъ".

20) О сочиненіи студента Ивана *Левитскаго* на тему „Службы Рождества Христова и Богоявленія" (Историко-археологическій очеркъ).

а) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Сочиненіе г. Левитскаго съ внѣшней стороны имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы считаться приличною кандидатскою диссертаціею: оно состоитъ изъ предисловія и пяти главъ.

Въ весьма краткомъ предисловіи, на трехъ страничкахъ разгонистаго письма, если не принимать во вниманіе перечисленія источниковъ и пособій, авторъ успѣлъ, однакоже, довести до свѣдѣнія своего читателя, что ему „предстояла *труцная работа*—разсмотрѣть историческую судьбу службъ Рождества и Богоявленія", что вопросъ этотъ „до сихъ поръ *никѣмъ* не затрагивался въ нашей литературѣ" и даже „*совершенно* не разработанъ" и что, наконецъ „крайняя скудость источниковъ и пособій на выбранную тему въ значительной степени парализовала всю его работу" (стр. 1—11). Всѣ эти сѣтованія не мало, однакоже, не помѣшали ему здѣсь же, въ предисловіи, насчитать 22 источника и не мало не много *38 пособій*, при чемъ всѣ эти пособія оказались исключительно на родномъ россійскомъ языкѣ. И имѣй нашъ авторъ больше терпѣнія и мы увѣрены, что число этихъ пособій у него перевалило бы за цифру сорокъ, такъ какъ въ числѣ пособій мы не нашли у него указаній на статью съ „художественнымъ описаніемъ", праздника Рождества Христова на границѣ Египта и Нубіи прот. І. Андріевскаго и др.

Не смотря на то, что задача сочиненія опредѣлялась его темою и хорошо сознавалась и авторомъ, о чемъ онъ ясно говоритъ въ предисловіи, такъ какъ „разсмотрѣть историческую судьбу службъ Рождества Христова и Богоявленія" въ цѣломъ видѣ представилось ему „трудною работою", то онъ рѣшился облегчить себя елико возможно, и поставилъ слѣдующія сравнительно легкія задачи: 1) „опредѣлить время происхожденія службъ Рождества Христова и Богоявленія, 2) пѣснопѣвцевъ, принимавшихъ участіе въ составленіи этихъ службъ и 3) историческія (sic) измѣненія въ обрядахъ и чинопослѣдованіяхъ этихъ службъ со временъ древнѣйшихъ вплоть до нашихъ дней" (стр. II). Совладать съ этими задачами, при наличности даже среднихъ интеллектуальныхъ и литературныхъ талантовъ, имѣя въ виду указанныя имъ 38 пособій на русскомъ языкѣ, уже дѣло сравнительно не трудное, но г. Левитскій нерѣдко оказывался безсильнымъ и предъ этими скромными задачами и обнаружилъ, по нашему мнѣнію, отсутствіе навыка къ серьезной *самостоятельной* работѣ мысли и даже къ умѣнью свободно и послѣдовательно излагать мысли, добытыя имъ внимательнымъ изученіемъ извѣстныхъ ему пособій.

Основной существенный недостатокъ, происходящій чрезъ все сочиненіе г. Левитскаго,—это полная зависимость его отъ источниковъ и пособій и не умѣнье разобраться въ достоинствѣ послѣднихъ. Собравъ необходимый для себя матеріалъ изъ извѣстныхъ ему 38 пособій и стараясь непремѣнно использовать его весь въ своемъ сочиненіи, онъ не мало не задумывается надъ тѣмъ, что въ его пособіяхъ высказываюся мнѣнія уже устарѣвшія, наукою отвергнутыя (напр., о существованіи на Руси въ церковной практикѣ студійскаго устава, что уставъ патріарха Алексѣя въ М. Синодальной рукописи № 330—380 можно считать за памятникъ студійской практики и др.) и стоящія иногда въ прямомъ противорѣчіи съ мнѣніями новѣйшихъ послѣдователей. Дорожа каждою печатною строкою своихъ

источниковъ, онъ стремится такъ или иначе включить ее на страницы своей диссертаціи, не мало не обращая вниманія на то, что ему хорошо извѣстны новыя данныя по тому же вопросу, дающія возможность подойти къ рѣшенію вопроса его ближе и скорѣе. Такъ, въ первой главѣ своего сочиненія, трактуя о времени происхожденія праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія съ книжкою, довольно уже устарѣвшею нынѣ, бывшаго проф. нашей Академіи Ѳ. Смирнова (нынѣ епископа Христофора): „Происхожденіе и значеніе праздника Рождества Христова", онъ почти исключительно анализируетъ ее, не обращая совершенно вниманія на извѣстный ему памятникъ IV вѣка „Peregrinatio ad loca Sancta", который вопросъ этотъ можетъ освѣщать съ новой стороны, не доступной г. Ѳ. Смирнову въ свое время.

Зависимость отъ источниковъ и пособій, въ рамкахъ строго очерченныхъ предѣлами указанныхъ выше задачъ, не подсказала автору необходимости познакомиться съ памятниками, которые даютъ матеріалъ для сочиненія, всесторонне, напр., прочитать предисловіе къ моей книгѣ: „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока, т. I, Τύπικα", содержащее въ себѣ опредѣленное мнѣніе объ евергетидскомъ Типиконѣ, который онъ считаетъ и за іерусалимскій и за студійскій Типиконъ. Таже причина обременила настоящее сочиненіе излишествами, не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу. Такъ онъ много останавливается на гимнахъ пр. Ефрема Сирина (стр. 101—107) единственно лишь потому, что они сочинены св. отцемъ въ честь праздника Рождества Христова, не имѣя никакого основанія сдѣлать по отношенію къ нимъ даже и того простого предположенія, какое онъ выразилъ на страницахъ своего сочиненія, что „эти столь высокіе духовные гимны не только въ домахъ распѣвались, но и въ храмѣ при Рождественскомъ богослуженіи, пока не явились новыя „умилительныя пѣснопѣнія", вытѣснившія

первыя (стр. 107—108). По тѣмъ же основаніямъ удѣлено имъ еще болѣе мѣста „поздравительнымъ привѣтствіямъ и припѣвамъ, исполнявшимся въ древней Византіи при выходахъ царей" въ праздники Рождества Христова и Богоявленія, хотя они и, по мнѣнію нашего автора, только „почти настоящіе церковные стихи и стихиры, изображающіе самого Христа" (стр. 227), составленныя, „по всей вѣроятности какими нибудь придворными лицами, имѣвшими при этомъ въ рукахъ въ качествѣ образцовъ духовныя пѣснопѣнія св. Іоанна Дамаскина, Козьмы и другихъ" (стр. 298).

Однако эти излишества имѣютъ въ сочиненіи хотя бы и то право на появленіе здѣсь, что они или писаны на праздникъ Рождества Христова, или пѣлись во дворцѣ въ честь императора въ праздники Рождества Христова и Богоявленія, но здѣсь мы видимъ излишества, не поддающіяся никакому объясненію, напр., „частный" и по мнѣнію нашего автора, вопросъ, когда появилось и кѣмъ установлено всенощное бдѣніе" (стр. 215), свѣдѣнія объ открытіи въ свѣтъ Peregrinatio ad loca Sancta (стр. 218), объ участіи Іоанна Дамаскина въ редактированіи церковнаго устава (стр. 261—262), множество біографическихъ и библіографическихъ подробностей объ авторахъ, произведенія которыхъ, по предположенію г. Левитскаго, входили въ составъ богослуженій обоихъ разсматриваемыхъ праздниковъ „художественное описаніе", о. Андріевскимъ праздника Рождества Христова на границѣ Египта и Нубіи" и др.

Какъ далеко простираетъ свою зависимость отъ пособій г. Левитскій, яркимъ образчикомъ можетъ служить тотъ фактъ, что онъ часто говоритъ буквальными словами этихъ пособій и даже не стѣсняется выражаться ихъ *авторитетнымъ* тономъ. *„Мы разъясняемъ древнѣйшую основу обряда"*, пишетъ г. Левитскій объ обычаѣ „долѣ сѣданія" на вечернѣ въ канунъ праздника Рождества Христова, повторяя дословно проф. И. Д. Мансветова и не оскобляя этихъ мыслей кавычками,

и выдѣляемъ его изъ-подъ наслоившихся литургическихъ деталей позднѣйшаго времени" (стр. 140 сравн. Мансветова „О церковн. уставѣ" стр. 155, М. 1885). И такія выраженія нерѣдки на страницахъ даннаго сочиненія. Даже анализы нѣкоторыхъ пѣснопѣній онъ находитъ болѣе удобными для себя извлекать прямо изъ печатныхъ книжекъ. Такъ напр., анализъ Богоявленскаго канона: „Глубины открылъ есть дно" цѣликомъ взятъ имъ изъ книжки о пѣснописцахъ прот. Флоринскаго Н. И. (стр. 160—161); у Левитскаго (стр. 269—272).

Но мы были бы въ своемъ отзывѣ односторонними, если бы умолчали о самостоятельности нашего автора въ разбираемомъ нами сочиненіи. Г. Левитскій, поставившій для себя одну изъ задачъ—*опредѣлить*, между прочимъ, и имена пѣснописцевъ, принимавшихъ участіе въ составленіи службъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія (стр. П), этой своей задачѣ удѣляетъ въ своемъ изслѣдованіи мѣста болѣе, чѣмъ онъ на то имѣлъ права и выполняетъ со свойственными ему добросовѣстностію и усердіемъ, достойными, впрочемъ, лучшаго примѣненія. Упуская изъ вниманія весьма распространенную методу составленія церковныхъ пѣснопѣній—*подражательную*, при которой слабѣйшій и позднѣйшій пѣвецъ строитъ свое поэтическое произведеніе по примѣру или образцу болѣе искусному и оригинальному, подражая не только въ размѣрѣ стиховъ, въ началѣ и концѣ стихиры, но даже въ мысляхъ и оборотахъ, г. Левитскій беретъ не благодарный на себя трудъ—подыскивать автора для каждаго пѣснопѣнія, входящаго въ службы данныхъ праздниковъ, и дѣлаетъ путемъ анализа содержанія пѣснопѣній, указаній на сходства отдѣльныхъ выраженій, причемъ беретъ во вниманія даже отдѣльныя слова, въ родѣ напр., „мы же" (ἡμεῖς δὲ) (стр. 126) „тѣмъ же" (стр. 234) „верхъ" (стр. 275) и даже союзы: „бо" и „ибо" (стр. 253). Съ указанными пріемами критики изслѣдователь, не колеблясь, признаетъ ту или иную стихиру принадлежащею тому или

иному пѣснописцу (стр. 274), или утверждаетъ, что она можетъ быть приписана такому то автору (стр. 276) и др. Наиболѣе вѣрный и пока единственно возможный способъ опредѣленія составителей церковныхъ пѣснопѣній по ихъ надписаніямъ въ древнихъ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ почему-то не встрѣчаетъ симпатій у нашего автора. По поводу первыхъ трехъ стихиръ „на хвалитѣхъ“ въ службѣ Богоявленія, приписанныхъ еп. Порфиріемъ на основаніи ватопедскихъ стихирарей 1292 и 1293 годовъ св. Іоанну Дамаскину, г. Левитскій, напр., безъ обиняковъ выражается такъ: „Очевидно, здѣсь недоразумѣніе: или преосв. Порфирій *напуталъ* (sic) или же въ самомъ дѣлѣ есть *ошибка* въ Ватопедскихъ рукописныхъ стихирaряхъ“ (стр. 245—246). Нѣсколько ниже, по поводу стихиры: „Господи исполнити хотя, яже уставилъ еси отъ вѣка“. входящей въ составъ стихиръ на литіи въ праздникъ Богоявленія и надписываемой нынѣ именемъ „Іоанна монаха“, а въ Ватопедскихъ стихирaряхъ именемъ „Іосифа скевофилакса“, онъ замѣчаетъ: здѣсь, очевидно, какое-то *недоразумѣніе. Или преосв. Порфирій не разобралъ, какъ слѣдуетъ ватопедскихъ рукописныхъ стихирарей, или же ватопедскіе стихирари испорчены какими-то невѣжественными людьми*“ (стр. 248). Въ такомъ родѣ можно видѣть въ сочиненіи г. Левитскаго не мало примѣровъ, его смѣлой самостоятельной критической мысли.

Г. Левитскому принадлежитъ переводъ многихъ стихиръ и пѣснопѣній въ службахъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія съ греческаго языка, на которомъ писаны многіе бывшіе у него подъ руками источники—печатные и рукописные. О качествахъ этихъ переводовъ и о знаніи имъ этого языка можно судить хотя бы и послѣдующимъ примѣрамъ. Ἦχος βαρύς, переводимый въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, *„гласъ седьмой“* или буквально гласъ тяжелый, трудный, передается на русскій языкъ прилагательнымъ, *сильный*—

δυπατός (стр. 148, 152); ἐν τῷν εὐωπύμῳ μέρει—и стоитъ патріархъ *въ славномъ отдѣленіи* (стр. 144) вмѣсто: на лѣвой сторонѣ, противопоставляя эту сторону правой— ἐν τῷ δεξιῷ μέρει. Такимъ переводчикомъ заявилъ себя г. Левитскій и въ другихъ многихъ случаяхъ.

Не чуждъ г. Левитскій и самостоятельныхъ сужденій по нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ предметомъ его изслѣдованія. Такъ напр., безспорно ему принадлежатъ крайне сбивчивыя разсужденія о томъ, какъ и откуда проникли въ Евергетидскій типикъ часы кануновъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, и о томъ, вошли ли эти часы въ практику византійскихъ монастырей XII в. (стр. 51—52), запутанныя объясненія названія этихъ часовъ *царскими* (стр. 35 и сн. стр. 85) и проч. Никто, конечно, не рѣшится оспаривать у нашего автора его правъ на полную его самостоятельность, когда онъ утверждаетъ, что св. І. Златоустъ „составлялъ пѣснопѣнія свои и *устроялъ торжественные съ оными крестные ходы противъ армянскаго злочестія*“ (стр. 109); что „схизматики“ болгары и по нынѣ на царскихъ часахъ произносятъ похвалу патріарху (стр. 98), конечно, вселенскому, такъ какъ во главѣ болгарской церкви нынѣ стоитъ экзархъ, а не патріархъ, прервавшій съ этою церковью всякое духовное общеніе и до раздѣленія церквей греческой и болгарской, конечно, поминавшійся на многолѣтіяхъ; что турецкій султанъ— „невѣрный язычникъ“ (стр. 97) и другія въ этомъ родѣ сужденія, непостижимыя въ сочиненіи студента, прошедшаго высшую богословскую школу.

Но если гдѣ уже могъ проявить свою самодѣятельность, то прежде всего, конечно, въ изложеніи фактовъ и сужденій по вопросамъ, затронутымъ г. Левитскимъ въ его сочиненіи, но, къ глубокому сожалѣнію, и эта сторона его работы оставляетъ желать весьма многаго. Не упоминая о тавтологіяхъ въ родѣ напр., слѣдующихъ „особенности обрядовыя и *церемо-*

ніальныя“ (стр. 159), „нельзя думать, какъ нѣкоторые думаютъ“ (стр. 111) и о провинціализмахъ, такъ напр., здѣсь говорится все *про* такія явленія, *про* которыя и т. д., *про* то же самое говорится; *про* трепетъ рѣки Іордана... *про* смятеніе моря... (стр. 235). *про* явленіе Христа... (стр. 245) и т. д., мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить, какъ курьезъ, что всѣ переходы въ сочиненіи на пространствѣ 377 страницъ начинаются однимъ стереотипнымъ глаголомъ: *переходя* или теперь *переходимъ* (стр. 135, 137, 142, 153, 158, 188, 217 и т. д.). Къ удивленію нашему, авторъ ухитрился даже послѣднюю точку своего изслѣдованія начать такъ: „*Переходя, на конецъ*, къ богослуженію русской церкви въ настоящее время и т. д., заявивъ въ ней, послѣ „художественнаго описанія“ праздника Рождества Христова на границѣ Египта и Нубіи, конечно, къ полному изумленію своего читателя, что, въ качествѣ особенности въ богослуженіи ея въ день Рождества Христова, „представляется особое благодарственное молебное пѣніе по случаю избавленія церкви и державы россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними дванадесяти языковъ въ 1812 году“ (стр. 377).

Таковъ трудъ г. Левитскаго, представленный имъ для полученія степени кандидата и наводящій насъ на серьезныя глубокія размышленія. Судя безъ относительно, какъ о первомъ научномъ трудѣ цѣлаго года, его слѣдуетъ отнести къ сомнительнымъ и неудовлетворяющимъ своему назначенію студенческимъ сочиненіямъ, но если принять въ вниманіе трудолюбіе автора, его горячее желаніе обхватить весь печатный матеріалъ, такъ или иначе относящійся къ избранной имъ темѣ, напряженіе его слабо дисциплированной мысли критически установить,—конечно, понимая пріемы этой критики наивно по своему,—имена авторовъ, произведенія которыхъ вошли въ составъ службъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, его любовь къ предмету сочиненія „съ юныхъ лѣтъ“ (стр. 1) какъ церковнаго человѣка, и другія его качества, какъ сту-

дента вообще, то я позволяю взять на себя смѣлость ходатайствовать передъ Совѣтомъ Академіи—не считать сочиненіе въ настоящемъ видѣ препятствіемъ для г. Левитскаго къ полученію имъ желанной степени".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Авторъ съ кропотливою подробностію изображаетъ предметъ, избранный имъ для своего сочиненія.

Сочиненіе его состоитъ изъ пяти главъ.

Первая глава, въ которой говорится о времени происхожденія праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, имѣетъ значеніе части вводной.

Самыя службы указанныхъ праздниковъ описываются въ слѣдующихъ четырехъ главахъ. Во второй главѣ описывается чинъ царскихъ часовъ въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія, въ третьей—чинъ вечерни, соединяемой съ литургіею въ повечеріе Рождества Христова и Богоявленія, въ четвертой—говорится о крещеніи оглашенныхъ, двукратномъ богоявленскомъ водоосвященіи и о постѣ предпраздничномъ; въ послѣдней пятой главѣ описывается чинъ утренняго богослуженія и литургіи въ самые дни праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія. Въ каждой изъ четырехъ главъ, описывающихъ службы праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, говорится вопервыхъ о времени происхожденія службъ и частей, ихъ составляющихъ, вовторыхъ о пѣснопѣвцахъ, принимавшихъ участіе въ составленіи службъ, и въ третьихъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ обрядахъ и чинопослѣдованіяхъ службъ, какія происходили и допускались въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ.

Авторъ, въ началѣ своего изслѣдованія, говоритъ, что вопросъ о службахъ Рождества Христова и Богоявленія никѣмъ

не затрагивался въ нашей литературѣ, и жалуется на то, что крайняя скудость источниковъ и пособій на избранную имъ тему много затрудняла его работу. Между тѣмъ онъ указываетъ 23 источника и 38 пособій, какими онъ пользовался при своей работѣ. Всѣ эти источники и пособія онъ изучилъ очень хорошо и использовалъ изъ нихъ все, что они могли давать ему къ уясненію его предмета. Къ руководителямъ своимъ, при помощи которыхъ онъ составилъ свое изслѣдованіе, онъ относится съ подобающимъ уваженіемъ. Самостоятельностію изслѣдованія сочиненіе не отличается; но въ положеніи автора трудно было ожидать отъ него этой самостоятельности. Достаточно для него, что онъ хорошо усвоилъ и изложилъ то, что нашелъ у авторитетныхъ представителей науки.

Полной обработки сочиненіе не получило; но особенно видныхъ недостатковъ изложенія въ немъ не заключается.

Во вниманіе къ кропотливому труду автора, обилію собранныхъ имъ свѣдѣній, полнотѣ изслѣдованія предмета и доброму теплому ревностному настроенію, обнаруженному въ сочиненіи, его сочиненіе нельзя не признать удовлитворительнымъ для степени кандидата“

21) О сочиненіи студента Михаила *Мильскаго* на тему: „Характеристика западно-русской полемической литературы второй половины XVII вѣка“.

а) Экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Въ краткомъ введеніи (стр. I—X) авторъ говоритъ о томъ, съ кѣмъ и о чемъ полемизировали западно-русскіе православные писатели во второй половинѣ XVII в. Ихъ полемика, какъ справедливо разсуждаетъ авторъ, была направлена противъ латино-уніатства, еврейства, магометанства, язычества и отчасти протестантства.

Въ первой части (стр. 1—43), послѣ краткой общей характеристики положенія православія и русской народности въ западной Руси во второй половинѣ XVII в., авторъ обозрѣваетъ преимущественно со стороны содержанія латино-польскія сочиненія, явившіяся въ это время противъ православія, а именно сочиненія іезуитовъ: Н. Циховія, Боймы и Ѳ. Рутки.

Вторая часть (стр. 44—168) состоитъ изъ 5 отдѣльныхъ главъ, предваряемыхъ общимъ небольшимъ разсужденіемъ автора объ отношеніи православія къ уніи. Въ первой главѣ этой части сочиненія обозрѣвается полемическая литературная дѣятельность Лазаря Барановича, во второй—Іоанникія Голятовскаго, въ третьей—Варлаама Ясинскаго, въ четвертой—Зосимы Согнѣкевича и въ пятой—Адама Зерникова.

Въ заключеніи (стр. 169—196), послѣ краткихъ общихъ замѣчаній о богословскихъ полемическихъ курсахъ, составлявшихся и преподававшихся въ Кіевской Академіи во второй половинѣ XVII в., характеризуется полемическая западно-русская литература второй половины XVII в. со стороны цѣли, общаго содержанія и значенія ея.

Таково содержаніе сочиненія. Въ сочиненіи есть неточности и ошибки.

Такъ, напр., на стр. 4 авторъ говоритъ, будто польское правительство „впродолженіе 40 лѣтъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ казацкихъ возстаній и невозможности овладѣть мнѣніемъ массы южно-русскаго народа, должно было выносить присутствіе православныхъ святителей“.

Трудно сказать, что собственно здѣсь имѣетъ въ виду авторъ; если же онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ фактъ возстановленія западно-русской іерархіи въ 1620 году, то онъ выражается не ясно, неопредѣленно и не точно.

Выраженіе автора (на стр. 9), что Кипріанъ Жоховскій, *епископъ Бѣлорусскій*, былъ *сначала православнымъ, а потомъ присоединился* къ уніи, дважды ошибочно.

Также неправильно говоритъ авторъ на стр. 45, будто извѣстное ново-дворское собраніе представителей православныхъ западно-русскихъ братствъ было въ 1680 г., такъ какъ на самомъ дѣлѣ оно происходило въ августѣ 1681 г.

Слова автора (стр. 150), что сочиненіе Адама Зерникова о Св. Духѣ было издано въ 1676 г. въ Кенигсбергѣ м. *Самуиломъ Миславскимъ* мы считаемъ прискорбнымъ недосмотромъ со стороны автора грубой описки переписчика.

Характеристика полемической литературы второй половины XVII в. сдѣлана авторомъ хотя и вѣрно, но кратко, какъ бы бѣгло. Особенно жаль, что авторъ не отмѣтилъ реальнаго историческаго бытоваго характера въ полемикѣ.

Сочиненіе автора въ то же самое время обладаетъ и крупными достоинствами. Оно вполнѣ обнимаетъ предметъ и обнаруживаетъ въ авторѣ тщательное, внимательное и самостоятельное изученіе памятниковъ полемической литературы. Изложеніе сочиненія—вполнѣ литературное.

Вообще сочиненіе автора, по нашему мнѣнію, можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительною кадидатскою диссертаціею".

б) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Сочиненіе начинается введеніемъ, въ которомъ дѣлается нѣсколько краткихъ замѣчаній о полемическихъ сочиненіяхъ Іоанникія Голятовскаго противъ евреевъ, магометанъ, язычниковъ и протестантовъ. Центральная часть сочиненія г. Мильскаго дѣлится на двѣ части. Въ первой части идетъ рѣчь о сочиненіяхъ латинскихъ полемистовъ Н. Циховія, Боймы и Рутки; во второй части, которая подраздѣляется на пять главъ, разсматриваются сочиненія православныхъ полемистовъ: Лазаря Барановича, Іоанникія Голятовскаго, Варлаама Ясинскаго, Зосимы Согнѣкевича и Адама Зерникова. Въ заключеніи дѣлается общая оцѣнка разсматриваемой литературы.

Въ нашей западно-русской полемической литературѣ, послѣ ея пышнаго расцвѣта въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., на нѣкоторое время наступаетъ затишье, обусловленное тяжелымъ политическимъ состояніемъ страны. Съ прекращеніемъ войнъ за Малороссію съ умиротвореніемъ края замѣчается въ немъ и оживленіе просвѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возрожденіе литературой борьбы съ врагами православія, но уже при новыхъ условіяхъ, не оставшихся безслѣдными и для характера самой полемики. Прежде всего необходимо замѣтить, что такіе культурно-національные центры, какъ Львовъ, Острогъ, Вильна, служившіе раньше разсадниками просвѣщенія и оплотомъ православія и русской народности въ предѣлахъ католической Польши, мало-по-малу начинаютъ утрачивать свое прежнее значеніе и жизненный центръ переносится къ востоку, въ границы православной Москвы, подъ защитою которой культурно укрѣпляются города: Кіевъ, Черниговъ и даже Новгородъ-Сѣверскъ. Вмѣстѣ съ этимъ и характеръ литературной школы существенно измѣняется: вмѣсто реализма братскихъ школъ, выступаетъ схоластика Кіево-Могилянской Академіи, кладущая особую печать и на литературныя произведенія ея питомцевъ. Въ виду отсутствія спеціальныхъ монографій, посвященныхъ изученію литературныхъ памятниковъ этой эпохи, г. Мильскому въ его работѣ пришлось встрѣтиться съ серьезнымъ затрудненіемъ: пришлось слѣдить и за библіографіей изучаемыхъ сочиненій, число которыхъ доходитъ до полутора десятка, и за ихъ содержаніемъ, которое никѣмъ серьезно не было изучено; наконецъ, ему пришлось опредѣлить мѣсто каждаго литературнаго памятника не только среди аналогичныхъ памятниковъ современной литературы, но и въ общемъ ходѣ западно-русской полемической литературы. Авторъ приложилъ не мало труда къ своему сочиненію, и не безрезультатно.

Его сочиненіе въ общемъ даетъ довольно полное понятіе о ходѣ изучаемой имъ полемики. Жаль только, что авторъ не

воспользовался имѣвшимися въ его распоряженіи данными и не опредѣлилъ степень зависимости изучаемой имъ литературы отъ болѣе раннихъ памятниковъ западно-русской полемики, какова, напр., Палинодія З. Копыстенскаго. Не составляя новаго открытія, фактъ этотъ послужилъ бы подтвержденіемъ уже давно высказанной мысли, что выходившіе изъ Кіево-Могилянской коллегіи ученые, благодаря заѣдавшей ихъ тамъ схоластикѣ, не могли создать что нибудь подобное Палинодіи, а только, по выраженію Стебельскаго, изъ нея „iak ze zrodla zaraz liwebrali naukr". Затѣмъ автора можно упрекнуть въ не совсѣмъ правильномъ отношеніи къ той литературѣ, которою онъ пользовался, а равно въ недосмотрахъ, слѣдствіемъ которыхъ явились грубыя описки, въ родѣ, напримѣръ, увѣренія, что іезуиты вызваны были въ Польшу въ 1654 г., Іоанникій Голятовскій умеръ въ 1668 году и др. Думаю однако же, что основная часть труда, не смотря на сложность взятой г. Мильскимъ на себя задачи, исполнена настолько удовлетворительно, что даетъ ему право на полученіе кандидатской степени".

22) О сочиненіи студента Николая *Москалевича* на тему: „Нравоучительный элементъ въ кругѣ наукъ старой Кіевской Академіи (до 1763 года)".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Авторъ разсмотрѣлъ въ первой главѣ своего сочиненія школьные катихизисы, служившіе руководствами въ старой Кіевской Акедеміи; во второй—популярные курсы казуистическаго богословія; 3-ю главу авторъ посвятилъ разсмотрѣнію проэктированной въ свое время Духовнымъ Регламентомъ „книжицы" о собственныхъ всякаго чина достоинствахъ и краткимъ замѣчаніямъ о нравственной философіи Г. С. Сковороды. Въ этой послѣдней главѣ авторъ помѣщаетъ впервые имъ извлеченное изъ указовъ Св. Синода за 1745 годъ оглавленіе второй части

вышеназванной „книжицы". Отъ разсмотрѣнія обще богословскихъ и философскихъ курсовъ, преподававшихся въ Кіевской Академіи на латинскомъ языкѣ, авторъ отказался по вполнѣ уважительнымъ соображеніямъ, именно по непомѣрной трудности этого дѣла.

Сочиненіе г. Москалевича носитъ преимущественно описательный характеръ. Разсматривая извѣстную книгу, онъ указываетъ, въ какихъ частяхъ своего содержанія она заключаетъ нравоучительный элементъ и затѣмъ подробно излагаетъ это нравоученіе, лишь съ краткими и научно необоснованными указаніями на то, откуда заимствовалось содержаніе этихъ трудовъ и съ самой общей ихъ характеристикой. Только изложенію воззрѣній Сковороды авторъ предпосылаетъ рѣчь постановкѣ преподаванію философіи въ Академіи и частнѣе говоритъ объ этикѣ Г. Конисскаго.

Сочиненію г. Москалевича не можетъ быть усвояемо строго научное значеніе, такъ какъ авторъ пользуется уже опубликованными въ печати изданіями интересующихъ его трудовъ, за указаннымъ исключеніемъ, и конечно, безъ критическаго отношенія къ этимъ изданіямъ; самый же почти исключительно описательный способъ изложенія матеріала рѣшительно лишаетъ меня возможности высказать сужденія объ авторѣ сочиненія и о степени подготовленности его къ научнымъ занятіямъ. Но принимая во вниманіе то, что авторъ работалъ самостоятельно и исполнилъ прямую задачу, требуемую отъ него темою, я признаю настоящее сочиненіе удовлетворительною кандидатскою диссертаціей".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Богословіе стало преподаваться въ Кіевской Академіи съ 1689 года, по примѣру тогдашнихъ польско-католическихъ академій, но преподавалось въ ней не въ полномъ его объемѣ. Тогда какъ въ католическихъ академіяхъ параллельно велись

богословія спекулятивное, полемическое, позитивное и нравственное, — въ Кіевской Академіи преподавалось только схоластическое богословіе, съ привнесеніемъ въ него элементовъ и остальныхъ богословій, а слѣдовательно и нравоучительнаго. Но внѣ Кіевской Академіи бывшіе воспитанники ея дѣлали опыты и въ другихъ видахъ богословія и популяризировали ихъ. Задача автора и состояла въ томъ, чтобы собрать воедино и обозрѣть всѣ элементы нравоученія въ Кіевской Академіи и убывшихъ ея воспитанниковъ до введенія нравственнаго богословія, какъ особой науки, въ кругъ академическаго образованія, т. е. до 1763 г. (вѣрнѣе 1764 г.), когда эта наука впервые проэктировалась, какъ особая богословская наука. Соотвѣтственно своей задачѣ, авторъ предполагалъ искать нравоучительнаго элемента въ слѣдующихъ разрядахъ сочиненій Кіевскихъ ученыхъ: 1) школьныхъ катихизисахъ; 2) курсахъ богословія и философіи; 3) казуистическихъ или нравоучительныхъ богословіяхъ и 4) въ „книжницѣ о должностяхъ всякаго чина". Но такъ какъ отъ анализа нравоучительнаго элемента въ богословскихъ и философскихъ системахъ авторъ отказался, въ виду сложности и трудности предмета; то у него въ дѣйствительности разсматриваются въ трехъ главахъ только три, а не четыре, источника нравоученія, съ присоединеніемъ къ третьей главѣ сочиненія краткаго обзора нравоучительныхъ сочиненій Гр. С. Сковороды и отчасти Давида Нащинскаго.

Первая глава сочиненія содержитъ въ себѣ обозрѣніе школьныхъ катихизисовъ Кіевской Академіи, къ числу которыхъ у автора относятся: Православное исповѣданіе вѣры Петра Могилы, будто бы по изданіи его въ 1645 году преподававшееся въ Кіевской Академіи, краткій катихизисъ 1665 года, „Заповѣди содалистамъ" 1720—1 г. и „Видѣніе, какъ всякому о своемъ званіи вопрошающему содалесъ отвѣтствовать долженствуетъ", около 1731 года. Вмѣсто краткой характеристики каждаго изъ этихъ катихизисовъ, авторъ излагаетъ право-

учительное содержаніе каждаго изъ нихъ по схемѣ нынѣшняго православнаго богословія, показывая, впрочемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, зависимость послѣднихъ трехъ катихизисовъ отъ католическихъ катихизисовъ. Здѣсь точнѣе можно было бы указать на католическіе источники этихъ школьныхъ катихизисовъ и именно на катихизисъ католическаго богослова Беллярмина. Но указаніе на преподаваніе въ Кіевской Академіи въ XVII вѣкѣ Православнаго исповѣданія вѣры Петра Могилы болѣе чѣмъ сомнительно. По этой книжкѣ преподавался въ низшихъ классахъ Кіевской Академіи катихизисъ уже въ XVIII вѣкѣ, при Кіевскомъ митрополитѣ Арсеніи Могилянскомъ.

Во второй главѣ дѣлается обзоръ трехъ казуистическихъ или нравоучительныхъ богословій, составленныхъ Кіевскими учеными, каковы: „Миръ человѣка съ Богомъ" Иннокентія Гизеля, 1669 года; рукописная наука краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катихизическихъ" и проч., Симеона Полоцкаго, 1671 года, и „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ", обыкновенно приписываемая Парѳенію Сопковскому и впервые изданная въ 1776 году. Эти казуистическія богословія соотвѣтствуютъ нынѣшнему пастырскому богословію, съ обильнымъ нравоучительнымъ элементомъ, относящимся къ добродѣтелямъ и грѣхамъ пасомыхъ. Этотъ матеріалъ авторъ выдѣлилъ изъ казуистическихъ богословій и опять-таки распредѣлилъ его, при его обозрѣніи, по рубрикамъ современной намъ системы нравственнаго богословія. Не смотря однако на искусственность такого распредѣленія, глава эта читается съ большимъ интересомъ, благодаря новизнѣ предмета въ нашей наукѣ и жизненности самаго содержанія. При томъ же авторъ все таки съумѣлъ подмѣтить въ этихъ богословіяхъ нѣкоторую прогрессивность развитія „такъ какъ, по его взгляду, въ сочиненіяхъ Иннокентія Гизеля и Симеона Полоцкаго замѣтны слѣды схоластики и католическаго вліянія, чего не замѣтно у Парѳенія Сопковскаго". Къ сожалѣнію, авторъ не познакомился ни съ одной системой

католическаго казуистическаго богословія, чтобы показать степень зависимости нашихъ авторовъ отъ соотвѣтствующихъ католическихъ системъ. Не безъинтересно было бы также сопоставить трактаціи этихъ богословій о грѣхахъ со старорусскими эпитеміійниками, чтобы видѣть неизмѣримое превосходство первыхъ предъ послѣдними, а также отмѣтить, по имѣющимся даннымъ, и то, съ какимъ глубокимъ интересомъ читались православныя, казуистическія богословія правословными южнорусскими священниками [1]).

Въ третьей главѣ авторъ говоритъ о „Книжицѣ о должностяхъ всякаго чина“, которая проэктировалась еще Духовнымъ Регламентомъ 1721 года. Составленіе ея, между прочимъ, поручено было въ 1747 году и Кіевскимъ ученымъ, которые дѣйствительно и составили ея программу и въ значительной мѣрѣ выполнили ее, пользуясь преимущественно сочиненіемъ Иннокентія Гизеля „Миръ человѣка съ Богомъ“. Авторъ собралъ достаточно свѣдѣній объ этомъ трудѣ, преимущественно рукописныхъ,—и трудъ его въ этомъ отдѣлѣ представляетъ новинку въ нашей ученой литературѣ. Съ своей стороны мы добавимъ, что „Книжица о должностяхъ всякаго чина“ не была напечатана и въ послѣдней четверти XVIII вѣка замѣнена была книжкою „О должностяхъ человѣка и гражданина“, переведенною изъ Пуффендорфа.

Въ третьей же главѣ авторъ говоритъ о двухъ нравоучительныхъ философахъ, вышедшихъ изъ Кіевской Академіи, Гр. С. Сковородѣ и—вскользь—объ архимандритѣ Давидѣ Нащинскомъ. Трактація объ этихъ философахъ не требовалась постановкою темы у автора, имѣвшаго въ виду только богословскія науки, но онъ рѣшился коснуться ихъ для возможной полноты изслѣдованія и показанія прогрессивнаго развитія нравоученія въ Кіевской Академіи. Тогда какъ предыдущіе от-

---

[1]) См. „Кіевскую Старину“,—января 1892 г.

дѣлы нравоучительныхъ сочиненій богословскаго характера были болѣе или менѣе подражательны и зависимы отъ католическихъ образцовъ,—Сковорода и Нащинскій дѣлаютъ попытки самостоятельнаго философствованія въ нравоучительной области.

Вообще же сочиненіе автора представляетъ или, по крайней мѣрѣ, намѣчаетъ довольно полную и интересную картину развитія христіанскаго нравоученія въ старой Кіевской Академіи, до введенія особой науки нравственнаго богословія, и раскрываетъ такія живыя стороны богословской академической науки, которыя доселѣ ускользали отъ вниманія нашихъ историковъ. Широта и новость предмета съ одной стороны и незначительность времени для сочиненія—съ другой не дали автору возможности изслѣдовать предметъ всесторонне и съ желательною глубиною. Но все-таки авторъ работалъ много и вполнѣ самостоятельно и заслуживаетъ степени кандидата богословія".

23) О сочиненіи студента Евгенія *Нагорнаго* на тему: „Полемика православныхъ южноруссовъ съ раціоналистическими движеніями въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтій".

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Обширное сочиненіе студента Нагорнаго состоитъ изъ предисловія и двухъ частей изслѣдованія. Въ предисловіи авторъ излагаетъ задачу и планъ своего сочиненія. Въ главѣ первой, части первой указываются благопріятныя условія распространенія раціоналистическаго религіознаго движенія въ юго-западной Руси въ указанное время. По мнѣнію однихъ ученыхъ движеніе это подготовлено было гуситствомъ, которое нашло себѣ отголосокъ въ тѣхъ же областяхъ; по мнѣнію другихъ благопріятныя условія заключались въ крайнемъ развитіи правъ шляхты и возникавшемъ отсюда угнетеніи народныхъ массъ, въ борьбѣ шляхты съ духовенствомъ, въ невѣжествѣ

низшаго духовенства, въ обогащеніи и нравственномъ упадкѣ духовенства высшаго, въ безучастномъ отношеніи его къ судьбѣ низшаго сословія и къ религіозному его просвѣщенію. Въ главѣ второй той же части содержится обстоятельный очеркъ постепеннаго возникновенія сначала въ Польшѣ и Литвѣ, а потомъ и въ южно-русскихъ областяхъ разныхъ видовъ протестантизма: лютеранства, кальвинизма, социніанства и даже смѣшанныхъ сектъ; указывается отношеніе къ этому движенію богатыхъ шляхтичей, въ родѣ Николая Радзивилла, и вліяніе этого отношенія на необычайно быстрое распространеніе протестантизма въ предѣлахъ Польши второй половины XVI в. Въ главѣ третьей той же части рисуется тяжелая картина состоянія Южной Руси въ пору борьбы шляхты съ духовенствомъ въ соединенномъ польско-литовскомъ королевствѣ, при взаимномъ столкновеніи католицизма и протестантизма и открывшейся борьбѣ между ними, особенно со времени вызова іезуитовъ. Высшее православное духовенство, увлеченное борьбою за свои права, не сразу даже оцѣнило поддержку, которую встрѣтило со стороны братствъ въ борьбѣ православія съ католичествомъ. Рядъ ограничительныхъ мѣръ, предпринятыхъ польскимъ правительствомъ въ охрану католичества, одинаково неблагопріятно отзывается на судьбѣ протестантовъ и православныхъ. Отсюда возникаютъ попытки православныхъ и протестантовъ сплотиться для совокупной борьбы съ католичествомъ. Этотъ вынужденный и не вполнѣ искренній союзъ не могъ долго продолжаться и скоро вызвалъ полемику православныхъ противъ протестантовъ. Обзоръ этой полемики составляетъ содержаніе второй части обширнаго сочиненія студента Нагорнаго. Всего разсмотрѣно авторомъ четырнадцать полемическихъ сочиненій православныхъ противъ протестантовъ. Пріемъ автора слѣдующій: сначала излагается біографія полемиста, если она возбуждаетъ спорные вопросы и необходима для опредѣленія времени происхожденія памятника; затѣмъ представляется

библіографія самаго памятника, общее его содержаніе; далѣе слѣдуетъ подробное указаніе содержанія по частнымъ пунктамъ полемики и наконецъ дается заключительная оцѣнка памятника по достоинству доказательствъ и пріемовъ полемики. Общее различіе между полемическими сочиненіями второй половины XVII в. указывается авторомъ въ достоинствѣ школы, которую проходили и могли проходить полемисты. Преимущество школы полемистовъ XVII в. оказывается въ возможно строгой системѣ распредѣленія матеріала.

Сочиненіе студента Нагорнаго читается съ интересомъ, доказываетъ въ авторѣ трудолюбіе, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Обильная литература предмета не дала ему достаточнаго времени на равномѣрную обработку частей сочиненія. Это замѣтка и въ первой и во второй части сочинія. Стиль сочиненія въ общемъ правильный, безъ излишняго употребленія иностранныхъ словъ. Какъ диссертація на степень кандидата богословія, сочиненіе вполнѣ удовлетворительно".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Отличительную черту исторіи западно-русской церкви составляетъ, какъ извѣстно, борьба православія съ иновѣрными вѣроисповѣданіями. Борьба эта выразилась, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ полемическихъ сочиненій противъ латино-уніатовъ и протестантовъ разныхъ фракцій. Обзору сочиненій послѣдняго рода,—именно обзору полемикѣ православныхъ южно-руссовъ съ раціоналистическими движеніями въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтій,—и посвящено сочиненіе студента Нагорнаго.

Оно состоитъ изъ *двухъ* частей. Въ первой изъ нихъ сообщаются общія свѣдѣнія о протестантизмѣ въ западно-русскихъ областяхъ въ 16 и 17 столѣтіяхъ,—именно, выясняются сначала условія, благопріятствовавшія возникновенію и распространенію въ Зап. Руси реформаціонныхъ движеній (глава I);

затѣмъ кратко излагается самая исторія этихъ движеній (гл. II), и наконецъ трактуется о взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ съ состязающимися съ ними протестантами, отношеніяхъ въ общемъ мирныхъ, но неисключавшихъ необходимости полемики съ ними по вопросамъ религіознымъ (гл. III).

Во второй, обширной части сочиненія авторъ обозрѣваетъ полемику православныхъ съ протестантами по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) старецъ Артемій и его полемическія посланія; 2) князь Андрей Михайловичъ и его письма; 3) сочиненія противъ повѣсти безбожныхъ еретиковъ (сочиненія далѣе неизвѣстныя); 4) „Обличительное списаніе противъ ученія протестантовъ; 5) Предисловіе къ Острожской Библіи 1581 г.; 6) Клирикъ В. Острожскій и его протестантскія полемическія сочиненія; 7) Катехизисъ Стефана Зизанія; 8) Катехизисъ 1600; 9) Книга о Вѣрѣ; 10) Омилія Захарія Копыстенскаго; 11) Петръ Могила, какъ противопротестантскій полемистъ и его проповѣдь о Крестѣ; 12) Сильвестръ Коссовъ и его сочиненія Exegesis и Paterikon и 13) Православное исповѣданіе Петра Могилы.

Авторъ хорошо ознакомился съ пособіями на русскомъ языкѣ и умѣло ими воспользовался, обнаруживая при этомъ значительную долю самостоятельности. Но съ языкомъ польскимъ, повидимому, онъ знакомъ мало, что въ особенности обнаруживается при разсмотрѣніи имъ полемическихъ сочиненій, писанныхъ на этомъ языкѣ. Встрѣчаются и другіе дефекты. Напрасно авторъ Лжеисидровы декреталіи считаетъ произведеніемъ іезуитовъ, составленнымъ для возвеличенія папства (стр. 3). Означенный сборникъ появился за много столѣтій до образованія іезуитскаго ордена; да и составленъ онъ не въ интересахъ папства, а епископовъ. Катехизисы, въ особенности православнаго исповѣданія Петра Могилы, съ большими натяжками причисляются къ разряду сочиненій полемистовъ. Въ общемъ же, сочиненіе, свидѣтельствуя о трудолюбіи автора, значительномъ знакомствѣ его съ пред-

методъ изслѣдованія и навыкѣ къ учено-литературной работѣ, можетъ быть отнесено къ разряду хорошихъ кандидатскихъ сочиненій".

24) О сочиненіи студента іеромонаха *Назарія* (Лежавы) на тему: „Грузинская церковь отъ ея происхожденія до установленія въ ней автокефаліи".

а) Экстраординарнаго профессора, протоіерея о. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія и четырехъ главъ.

Въ краткомъ *предисловіи* (стр. 1—4) устанавливается планъ сочиненія и характеризуются источники, главнымъ изъ которыхъ авторъ признаетъ грузинскія лѣтописи.

Во *веденіи* (стр. 5—33) изображается до-христіанское состояніе Грузіи, какъ почва, на которой суждено было впослѣдствіи распространяться и утверждаться христіанской религіи въ Грузіи. Наибольшее вниманіе авторъ отводитъ съ этомъ отдѣлѣ характеристикѣ язычества, которое было первоначальною религіею обитателей Грузіи, равно какъ и различныхъ религіозныхъ вліяній на древнюю до-христіанскую Грузію.

Въ *первой главѣ* (стр. 34—133) своего сочиненія авторъ говоритъ о постепенномъ проникновеніи и распространеніи христіанства въ Грузіи и объ окончательномъ утвержденіи его здѣсь при царѣ Миріанѣ въ IV в. по Р. Хр. Главнѣйшее вниманіе здѣсь авторъ обращаетъ на анализъ и критическій разборъ различныхъ редакцій сказанія о путешествіи св. ап. Андрея Первозваннаго и житія св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Глава заканчивается характеристикою дѣятельности преемниковъ Миріана и вообще первыхъ насадителей христіанствъ въ Грузіи

Во *второй главѣ* (стр. 134—258), послѣ краткаго очерка первоначальнаго іерархическаго устройства грузинской

церкви, авторъ надолго сосредоточиваетъ все свое вниманіе на центральномъ предметѣ главы,—на вопросѣ о пріобрѣтеніи грузинскою церковію правъ автокефаліи, что совершилось—фактически въ VII в., а канонически—въ XI в. Вторая половина этой же главы посвящена разсужденіямъ объ отношеніи грузинской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ—Антіохійской, Константинопольской и армянской, объ отношеніи церкви къ государству, объ участіи грузинскихъ царей въ церковныхъ дѣлахъ, обезпеченіи духовенствъ и др. Глава заканчивается общею характеристикою организаціи грузинской церкви и біографическими свѣдѣніями о древне-грузинскихъ іерархахъ.

Въ *третьей главѣ* (стр. 259—366) авторъ говоритъ о состояніи духовнаго просвѣщенія въ Грузіи, при чемъ здѣсь сообщаются свѣдѣнія о началѣ письменности въ Грузіи, о переводахъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ на грузинскій языкъ, о житіяхъ святыхъ грузинской церкви и о распространеніи ересей, особенно несторіанства въ Грузіи.

Четвертая глава (стр. 367—473) посвящена рѣчи о религіозно-нравственномъ состояніи грузинскаго общества, причемъ здѣсь, въ частности, говорится о вліяніи христіанства на жизнь грузинскаго народа; построеніи имъ храмовъ, поставленіи крестовъ, почитаніи святыхъ, препровожденія праздниковъ, равно какъ и о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ жизни грузинскихъ христіанъ. Рѣчью о грузинскомъ монашествѣ и значеніи христіанства въ жизни Грузіи заканчивается сочиненіе.

Таково содержаніе сочиненія. Оно составлено на основаніи весьма тщательнаго изученія авторомъ источниковъ грузинской церковной исторіи. Авторъ относится всегда критически къ источникамъ и пособіямъ, какими пользуется. Въ предположеніяхъ и выводахъ своихъ онъ большею частію остороженъ. Мнѣнія другихъ, болѣе авторитетныхъ ученыхъ (стр. 273) авторъ принимаетъ не иначе, какъ только послѣ основательной провѣрки ихъ. Изложеніе сочиненія, за небольшими исключе-

ніями (стр. 174, 180, 263, 396 и 397), отличается чистотою языка.

Въ качествѣ недостатка, можетъ быть отмѣчено частое уклоненіе автора въ сторону, или же въ такое детальное разсмотрѣніе вопросовъ, какого не требовалось его спеціальною темою. Обширныя критическія экскурсіи автора въ области изученія сказанія о св. ап. Андреѣ Первозванномъ, житія св. Нины и особенно вопросъ о началѣ письменности въ Грузіи могли бы имѣть мѣсто, по нашему мнѣнію, только въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній, или даже особыхъ прибавленій къ сочиненію. Въ иныхъ мѣстахъ замѣтна слабость аргументаціи, особенно тамъ, гдѣ авторъ изображаетъ жизнь древне-грузинской церкви на основаніи позднѣйшихъ, или даже современныхъ явленій (стр. 445—451).

На основаніи сказаннаго, сочиненіе о. Назарія можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, очень хорошею кандидатскою диссертаціей".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Есть уголки въ исторіи человѣчества, куда внести свѣтъ историческаго знанія является дѣломъ чрезвычайно труднымъ, почти невозможнымъ. Таковы обыкновенно начальные отдѣлы исторіи гражданской и религіозной народовъ малыхъ, народовъ второстепеннаго историческаго значенія. Трудность эта создается скудостію историческихъ свидѣтельствъ, современныхъ событіямъ. Сами эти народы еще не успѣвали въ тѣ времена выдвинуть изъ своей среды историческихъ писателей, которые бы отобразили въ словѣ ихъ дѣянія и судьбы. Историки же современники, писавшіе среди тогдашнихъ великихъ культурныхъ народовъ, или не интересовались, или не были ознакомлены съ происходившимъ у малыхъ народовъ, а потому лишь случайно заносили на столбцы своихъ хартій краткія и отрывочныя о томъ показанія. Правда, въ послѣдствіи у означен-

ныхъ народовъ обычно приходила пора развитія письменности, являлись болѣе или менѣе плодовитые историческіе писатели живо и глубоко интересовавшіеся и настоящимъ и прошлымъ своихъ народовъ, вслѣдствіе чего первоначальная скудость историческихъ свидѣтельствъ смѣнялась большимъ подчасъ изобиліемъ ихъ. Но это изобиліе было обманчивое; это было изобиліе не точныхъ описаній дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ, а записей ходячихъ въ народѣ разсказовъ о прошломъ, или такъ называемыхъ преданій, или же собственныхъ домысловъ и предположеній, писателей; изобиліе не правды, а вѣроятностей, безъ указанія критерія для отдѣленія вѣрнаго отъ ложнаго. Для теперешняго историческаго изслѣдованія, ищущаго исторической истины, подобное обиліе позднѣйшихъ свидѣтельствъ можетъ быть бо́льшимъ зломъ, чѣмъ первоначальная скудость, такъ усиливается чрезъ то опасность принять миражи за историческіе образы и тѣмъ болѣе уклониться отъ исторической истины, для устраненія каковой опасности онъ вынуждается усугубить критическую бдительность, ничего не принимая на вѣру, и затратить массу труда для созданія такъ сказать историческихъ фактовъ путемъ выдѣленія въ своихъ источникахъ иногда малыхъ крупицъ истины отъ горъ мусора.

Все здѣсь сказанное приложимо и къ предмету ученаго труда о. Назарія. Поэтому ему, какъ историческому изслѣдователю, можно поставить въ большую заслугу предъ наукой и въ большую похвалу то, что онъ понялъ свое рискованное положеніе въ виду характера своихъ источниковъ и принялъ возможныя мѣры къ устраненію угрожавшей ему опасности. Правда, можно сказать, что историческая критика его не была достаточно рѣшительна и полна, почему иныя положенія его висятъ въ воздухѣ, но и сдѣланное имъ значительное исправляетъ существующіе въ наукѣ взгляды на отдѣльныя стороны предмета и приближаетъ насъ къ исторической истинѣ. Авторъ заслуживаетъ похвалы и за стройное логическое распредѣленіе матеріала въ сочиненіи и за хорошее изложеніе. Вообще сочи-

ненiе о. Назарiя оставляетъ въ читателѣ очень благопрiятное для себя впечатлѣнiе, но... за исключенiемъ введенiя къ первой главѣ, „уясняющаго, какая была въ Грузiи почва для принятiя христiанства", полнаго невѣрныхъ фактовъ и положенiй и потому по своему достоинству совершенно несоотвѣтствующаго цѣлому сочиненiю. Жаль также, что и переписано сочиненiе небрежно, съ пропусками словъ и выраженiй въ однихъ мѣстахъ и съ замѣной однихъ словъ и названiй иными въ другихъ, отчего мысли теряютъ въ ясности или искажаются. Какъ ученая диссертацiя, сочиненiе о. Назарiя можетъ быть названо очень хорошимъ кандидатскимъ сочиненiемъ".

25) О сочиненiи студента Александра *Никифорова* на тему: „Русское сѣверо-восточное монашество на службѣ обществу и государству со второй половины XV до конца XVII вѣка".

а) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Содержанiе объемистаго сочиненiя г. Никифорова распредѣлено по главамъ такимъ образомъ. Въ первой главѣ разсматривается колонизацiонное служенiе монашества, во второй—миссiонерское, въ третьей хозяйственно-промышленное, въ четвертой благотворительное, въ пятой—судебно-административное, въ шестой—просвѣтительное, въ седьмой—политическое. Этотъ планъ сочиненiя слѣдуетъ признать удачнымъ; выдѣленiе такого количества отдѣльныхъ рубрикъ помогло автору, во первыхъ, болѣе или менѣе всесторонне разсмотрѣть изслѣдуемый предметъ, во вторыхъ, легче разобраться въ томъ довольно разнообразномъ матерiалѣ, который подлежалъ его изученiю. Для выполненiя такого плана отъ автора потребовалось не мало труда, и г. Никифоровъ его не пожалѣлъ и вообще отнесся къ дѣлу вполнѣ добросовѣстно; достаточно указать на то, что въ сочиненiи перечислены 102 номера источниковъ и пособiй, съ

которыми пришлось имѣть дѣло автору. Къ сожалѣнію, сложность задачи, съ одной стороны, и недостатокъ времени—съ другой, не позволили автору довести его серьезную работу до надлежащей отдѣлки. Недостатокъ отдѣлки отразился прежде всего въ нагромождeнiи въ текстѣ сочиненіе сырого матеріала. Способъ излагать мысли словами памятниковъ наукой исторической признается; но нашему автору пришлось имѣть дѣло съ такими памятниками, въ которыхъ много риторической воды и пустословія. Текстами такихъ памятниковъ можно пользоваться лишь подъ условіемъ предварительнаго внимательнаго анализа ихъ и освобожденія отъ ненужнаго балласта, скрывающаго основную мысль за наборомъ словъ. Нѣкоторые отдѣлы въ сочиненіи разработаны съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ они заслуживали. Такъ вопросъ о *просвѣтительномъ* служеніи монашества сводится почти исключительно къ перечню рукописей, переписанныхъ монахами, или просто имѣющихся въ монастыряхъ. Есть въ сочиненіи также излишества. Половина обширной седьмой главы, гдѣ говорится о политическомъ служеніи монашества, наполнена выдержками изъ сочиненій тогдашнихъ книжниковъ, работавшихъ надъ обоснованіемъ идеи самодержавія. Чтобы получить право на это, авторъ предварительно долженъ былъ доказать, что пропоганда идеи самодержавія связана была съ какими-нибудь характерными особенностями тогдашней монашеской жизни, а не было общелитературнымъ явленіемъ эпохи, вытекавшимъ изъ историческихъ условій, не имѣвшихъ ничего общаго съ институтомъ монашества. Въ противномъ случаѣ монашеству пришлось бы приписывать то, въ чемъ оно со всѣмъ неповинно.—Но въ общемъ трудъ г. Никифорова представляетъ работу серьезную, въ которой онъ проявилъ много труда и умѣнья.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Избранная авторомъ тема для сочиненія—обширная. Нужно было обозрѣть русское монашество, въ извѣстныхъ отно-

шеніяхъ его жизни и съ извѣстныхъ сторонъ, на протяженіи двухъ съ половиною вѣковъ, а для этого потребовались многочисленные источники и пособія, которыхъ самъ авторъ насчитываетъ въ своемъ предисловіи до 102 №№. Притомъ же, эти источники и пособія далеко не всѣ имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ избранному предмету и нѣкоторые изъ нихъ касаются его только стороною и какъ бы невольно. Кажется, въ тѣхъ видахъ, чтобы не растераться въ обиліи и разнообразіи собраннаго и прочитаннаго матеріала, авторъ раздѣлилъ свой предметъ на извѣстные рубрики, въ которыя и заносилъ добытыя имъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія, давая имъ извѣстный порядокъ и освѣщеніе. Соотвѣтственно этимъ рубрикамъ, сочиненіе дѣлится на семь главъ: въ первой главѣ разсматривается колонизаціонное служеніе русскаго сѣверо-восточнаго монашества современному ему обществу и государству; во второй—миссіонерское его служеніе; въ третьей—хозяйственно-промышленное служеніе; въ четвертой—благотворительное; въ пятой—судебно-административное; въ шестой—просвѣтительное и въ седьмой—политико-государственное служеніе. Изъ одной уже многочисленности этихъ главъ нельзя не видѣть, что въ сочиненіи недостаетъ общаго, стройнаго плана изложенія. Тѣ рубрики или главы, на которыя раздѣлено сочиненіе, отзываются искусственностію и нерѣдко вторгаются въ область смежныхъ и даже отдаленныхъ главъ. Такъ напр., автору пришлось касаться пріобрѣтенія монастырями земельныхъ имуществъ и во второй главѣ (стр. 95 и сл.), хотя это—спеціальный предметъ первой главы. О государственномъ значеніи монастырей авторъ говоритъ собственно въ седмой главѣ, но этого предмета онъ касался и въ предыдущихъ главахъ, особенно первой. Впрочемъ, въ послѣдней главѣ сочиненія авторъ установливаетъ болѣе крупные отдѣлы своего сочиненія, когда говоритъ, что въ предыдущихъ главахъ онъ трактовалъ объ общественномъ значеніи русскаго сѣверо-восточнаго

монашества, тогда какъ въ седьмой главѣ говоритъ о государственномъ его значеніи. Но что касается отдѣльныхъ главъ сочиненія, то всѣ онѣ обработаны весьма тщательно. Каждую изъ сторонъ монастырской жизни, изображаемыхъ въ этихъ главахъ, авторъ старается представить въ историческомъ освѣщеніи, при чемъ отдѣльнымъ монастырямъ и монашествующимъ лицамъ, напр., Троице-Сергіевскому монастырю въ седмой главѣ и преп. Трифону Печенгскому во второй главѣ посвящаетъ хотя и небольшія, но округленныя изслѣдованія. При изложеніи сочиненія авторъ весьма часто пользуется словами первоисточниковъ, дѣлая изъ нихъ обильныя выписки и не рѣдко представляетъ полную и живую картину извѣстной стороны монастырской жизни того времени, какъ напр., въ первой главѣ описаніе физической природы дикаго сѣвера, а во второй—описаніе языческихъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ русскихъ инородцевъ, языкъ—вполнѣ литературный, направленіе—доброе. Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе очень удовлетворительно".

26) О сочиненіи студента Михаила *Омельяновича* подъ заглавіемъ: „Значеніе сочиненія Петра Скарги Żywoty Swiętych въ южно-русской житійной литературѣ".

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Сочиненіе студента Омельяновича состоитъ изъ краткаго предварительнаго замѣчанія, введенія и трехъ главъ изслѣдованія.

Предварительное замѣчаніе говоритъ о новизмѣ изслѣдованія источниковъ и судьбы южно-русскихъ житій святыхъ, о трудности пользованія рукописнымъ матеріаломъ, съ которымъ автору пришлось имѣть дѣло,—трудности, которая не могла не отразиться на времени обработки самого текста сочиненія.

Введеніе называетъ первоисточники, исключительно рукописные, состоящіе изъ 7 рукописей, и пособія, исключительно иноязычныя, почти исключительно польскія.

Задача изслѣдованія—указать вліяніе названнаго сочиненія Скарги на южно-русскія житія святыхъ и южно-русскую поучительную литературу.

Въ главѣ первой прежде всего представлена краткая біографія Петра Скарги, по мнѣнію автора, человѣка не только исключительнаго по своему дарованію, но даже геніальнаго. Біографія составлена единственно на основаніи польскихъ пособій, а потому носитъ строго хвалебный тонъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ указанію побужденій, вызвавшихъ написаніе Скаргою „житій святыхъ" на польскомъ языкѣ: отсутствіе этихъ житій и желаніе содѣйствовать привлеченію и возвращенію въ лоно католической церкви отщепенцевъ. Авторъ приводитъ восторженные отзывы о трудѣ Скарги польскихъ историковъ литературы, въ томъ числѣ и извѣстнаго поэта Мицкевича; говоритъ о необыкновенномъ успѣхѣ сочиненія Скарги въ польскомъ обществѣ и перечисляетъ многочисленныя его изданія, всего до 27, причемъ указываетъ годъ и особенности каждаго изданія. Самъ авторъ пользовался 12-мъ изданіемъ, 1626 г., снабженнымъ наставленіями Скарги малолѣтнему королевичу Владиславу. Житія въ этомъ изданіи занимаютъ свыше 1100 страницъ. Сочиненіе это было плодомъ 32-лѣтняго труда Скарги. Нашъ авторъ полностію приводитъ въ переводѣ на русскій языкъ обширное и краснорѣчивое введеніе, предпосланное Скаргою своему сочиненію. Цѣль этого введенія—объяснить читателю значеніе и назначеніе житій св. На бѣлорусскій языкъ сочиненіе Скарги переведено Іоанникіемъ Голятовскимъ, ректоромъ Кіевской Академіи, но неполностію, а съ пропусками.

Глава вторая содержитъ „разборъ историческихъ рукописныхъ памятниковъ южно-русской житійной и поучительной литературы". Первою рукописью, подлежащею разбору нашего

автора, служитъ рукописная южно-русская Четья-Минея XVII в., въ настоящее время хранящаяся въ Кіево-Софійской библіотекѣ подъ № 735. Рукопись содержитъ житія святыхъ съ сентября по февраль мѣсяцъ, связана была изъ разбитыхъ листовъ, а потому житія слѣдуютъ не въ порядкѣ, нѣкоторые листы утрачены. Сличеніе содержащихся здѣсь житій съ сочиненіемъ Скарги не оставляетъ сомнѣнія въ дословности перевода большинства житій изъ Скарги, въ немногихъ, рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются передѣлки, напр., житія Іоанна Милостиваго (стр. 92). Встрѣчаются интересные пропуски. Такъ напр., пропущено извѣстіе Скарги о томъ, что тѣло Св. Іоанна Златоуста покоится въ Римѣ, въ храмѣ св. Петра (стр. 95), или разсужденіе о князѣ апостоловъ св. Петрѣ въ житіи св. Климента (стр. 99).

Второй расмотрѣна рукописная южно-русская Четья-Минея второй половины XVII в., хранящаяся также въ Кіевской Софійской библіотекѣ подъ № 129. Она содержитъ житія св. съ марта мѣсяца по августъ включительно. О житіяхъ этой рукописи авторъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что большая часть ихъ дословно взята у Скарги въ переводѣ на южно-русскій языкъ. Въ житіяхъ Григорія, папы Римскаго, сдѣлано опущеніе разсужденія Скарги о церковныхъ обрядахъ, отличныхъ въ церкви римской по сравненію съ православною. Въ житіи Аѳанасія Александрійскаго опущено то мѣсто изъ Скарги, гдѣ послѣдній настойчиво распространяется о власти папы Юлія, потребовавшаго на судъ къ себѣ восточныхъ епископовъ, виновныхъ въ изложеніи св. Аѳанасія Александрійскаго (стр. 165—166). Житіе св. Ап. Петра значительно сокращено; опущены тѣ мѣста, въ которыхъ рѣчь идетъ о верховенствѣ св. Ап. Петра (190—191). Такой же передѣлкѣ подверглось и житіе св. Ап. Павла (187—198). Въ житіи Ев. Матѳея опущены мѣста, касающіяся первенства Ап. Петра среди другихъ апостоловъ (стр. 213).

Третья рукопись, изученная авторомъ, есть Лаврская Четья-Минея, № 155. конца XVII или начала XVIII в. Въ ней содержится житія святыхъ съ марта по августъ включительно, слѣдов. въ составѣ предыдущей рукописи. Сличеніе этой Четьи-Минеи съ книгою Скарги не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что текстъ ея пошелъ изъ того же источника; только заимствованія изъ Скарги сдѣланы полнѣе. Пріемъ сокращенія и пропусковъ одинъ и тотъ же, т. е. опускаются мѣста житій Скарги, составляющія проповѣдь главенства папы и необыкновеннаго величія римской церкви въ ряду другихъ христіанскихъ церквей. Самый составъ житій нѣсколько иной; сдѣланы добавленія житій, неизвѣстныхъ въ софійской рукописи.

Четвертую рукопись, изученную авторомъ, составляетъ прологъ второй половины XVII в., хранящійся въ Кіево-Софійской библіотекѣ подъ № 130. Содержитъ онъ житія святыхъ съ марта по августъ включительно. Сличеніе текста этой рукописи съ житіями Скарги привело автора къ заключенію въ дословномъ переводѣ на южно русскій языкъ большинства житій Скарги. Исключеніе составляютъ житія Кіево-Печерскихъ святыхъ. Пропуски и сокращенія текста Скарги удерживаютъ тѣ же особенности, какія отмѣчены нами и въ разсмотрѣнныхъ нами ранѣе Четьи-Минеяхъ. Нельзя однако не сдѣлать одного, какъ мы думаемъ, существеннаго замѣчанія. Кромѣ сличенія проложныхъ житій съ текстомъ Скарги, а можетъ быть и ранѣе этого, слѣдовало бы сдѣлать сличеніе текста пролога съ текстомъ указанныхъ выше Четьи-Миней. Необходимо выяснить, не явился ли текстъ проложныхъ житій черезъ воспроизведеніе текста Четьи-Миней, а не текста Скарги непосредственно.

Пятая рукопись, которою воспользовался авторъ диссертаціи, есть „наука христіанская“, рукопись Кіево-Софійской библіотеки, писанная въ концѣ XVII в. Большую часть текста составляютъ поученія на весь годичный кругъ, а въ концѣ помѣщено 18 житій святыхъ, текстъ которыхъ, по заключенію

автора, составляетъ переложеніе на разговорный южно-русскій языкъ текста житій Скарги.

Глава третья сочиненія студента Омельяновича имѣетъ задачей выяснить „значеніе Żywoty Swiętych“ и перевода этой книги въ южно-русской житейной и поучительной литературѣ“. Съ этой цѣлію авторъ сравниваетъ трудъ Скарги съ южно-русскими житіями по ихъ взаимной тенденціи. Скарга несомнѣнно руководился при составленіи своей книги пропагандой величія и превосходства римскаго католицизма въ ряду другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и церквей. Ту же цѣль явно преслѣдуютъ и составители сборниковъ житій южно-русскихъ святыхъ. Они не только систематически опускаютъ полемическія мѣста житій Скарги, но наоборотъ обстоятельно выясняютъ, что большинство святыхъ принадлежатъ вселенской церкви.

При всемъ томъ вліяніе труда Скарги на южно-русскую житійную и поучительную литературу было очень велико и простиралось на самый языкъ памятниковъ. Не говоримъ уже о языкѣ книги Іоанникія Голятовскаго, представляющей не только переводъ, сколько переписку русскими буквами польскаго текста Скарги; даже южно-русскій языкъ остальныхъ житій носитъ явные слѣды подчиненія стилю Скарги. Мы не можемъ, впрочемъ, согласиться съ авторомъ, что въ южно-русскихъ сочиненіяхъ, не стоящихъ въ генетической связи съ трудомъ Скарги, обиліе польскихъ словъ обязано вліянію того же Скарги. Дѣло происходило разумѣется проще: рѣчь южно-русскихъ книжниковъ того времени вообще пестрѣла польскими словами, какъ сѣверно-русская XVIII в. голландскими, нѣмецкими и французскими словами.

Общее наше заключеніе о сочиненіи студента Омельяновича таково: трудъ усердный, кропотливый, во 2-й и 3-й главахъ вполнѣ самостоятельный, научно-цѣнный. Стиль требуетъ

исправленія. Для полученія степени кандидата диссертація вполнѣ удовлетворительна".

б) Ординарнаго заслуженнаго профессора Н. Петрова:

Предметъ, избранный авторомъ для своего изслѣдованія, совершенно новый и неразработанный въ нашей ученой литературѣ. До послѣдняго времени вовсе неизвѣстно было даже о какомъ-либо вліяніи Żywotów Swiętych П. Скарги на южнорусскую житійную литературу XVII и XVIII вв. Автору пришлось не только изучить Żywoty Swiętych. П. Скарги въ связи съ его біографіей, но и анализировать цѣлую серію южно-русскихъ рукописныхъ сборниковъ XVII и XVIII вв., отыскивать въ нихъ слѣды вліяній помянутаго сочиненія Скарги и дѣлать заключительные выводы о размѣрахъ и глубинѣ этихъ вліяній. Соотвѣтственно этому, разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ введенія, въ которомъ указываютъ его источники, пособія и планъ работы, и трехъ главъ самаго сочиненія. Въ первой главѣ сообщаются краткія предварительныя свѣдѣнія о жизни Петра Скарги, его сочиненія Żywoty Swiętych, количествѣ его изданій, источникахъ, учено-литературномъ характерѣ и переводѣ значительной части этого сочиненія Скарги Іоанникіемъ Голятовскимъ на тогдашній южно-русскій книжный языкъ. Вторая глава заключаетъ въ себѣ „разборъ историческихъ рукописныхъ сборниковъ южно-русской житійной и поучительной литературы". Такихъ сборниковъ, независимо отъ перевода І. Голятовскаго, разсматривается здѣсь пять, а именно: одинъ списокъ Четьи-Минеи за сентябрьское полугодіе, два списка ея за мартовское полугодіе, прологъ конца XVII или начала XVIII в. и „Наука христіанская" священника Силона Тимоѳеевича, 1670 года. Каждый изъ этихъ сборниковъ авторъ разсматриваетъ подробно, сличаетъ заключающіяся въ нихъ житія съ соотвѣтствующими житіями въ сочиненіи Петра Скарги и ука-

зываетъ сходство и различіе между ними, это—самая важная, центральная—часть работы автора, весьма полезная для будущаго изслѣдователя въ этой области, но скучная для не специалиста. Третья заключительная глава носитъ такое заглавіе: „Значеніе Żywotów Swiętych и перевода этой книги въ южно-русской житійной и поучительной литературѣ". Здѣсь авторъ дѣлаетъ общіе выводы изъ тѣхъ спеціальныхъ сочиненій и вообще изслѣдованій, которымъ посвящена вторая глава сочиненія. Цѣль заимствованій составителями южно-русскихъ сборниковъ житій святыхъ изъ Скарги, по мнѣнію автора, состояла въ томъ, чтобы, въ противоположность Скаргѣ, указать обиліе святыхъ въ восточной православной церкви, при чемъ составители сборниковъ заимствовали у Скарги только житія древнихъ святыхъ, жившихъ до раздѣленія церквей, часто опускали изъ Скарги тенденціозные ультро-католическіе его взгляды и мнѣнія, мѣстами дополняли и исправляли Скаргу, на основаніи православныхъ источниковъ. Въ пяти сборникахъ, кромѣ перевода I. Голятовскаго, авторъ насчиталъ до 222 житій, заимствованныхъ изъ сочиненія Скарги. Повидимому, авторъ предполагаетъ, что всѣ эти пять сборниковъ представляютъ изъ себя различныя редакціи позаимствованій и переводовъ изъ Скарги, дѣлавшихся ими самостоятельно, независимо другъ отъ друга. Въ этомъ отношеніи авторъ пытается установить нѣкоторую прогрессивность въ развитіи народнаго южно-русскаго элемента въ этихъ редакціяхъ. По его взгляду, ниже всего стоитъ болѣе ранній переводъ изъ Скарги, сдѣланный I. Голятовскимъ, такъ какъ этотъ переводъ представляетъ только южно-русскую транскрипцію польскаго текста Скарги. По мнѣнію автора, этотъ переводъ не имѣетъ никакого значенія для другихъ южно-русскихъ житійныхъ и поучительныхъ сборниковъ XVII—XVIII вв. Послѣдніе, представляя изъ себя самостоятельныя редакціи, чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе популярно изложены тогдашнимъ книжнымъ южно-русскихъ языкомъ. Лучшимъ изъ нихъ счи-

тается сборникъ священника С. Тимоѳеевича „Наука христіанская“ 1670 года. Въ свою очередь, переводныя изъ Скарги житія оказали воздѣйствіе на переводъ и другихъ житій, заимствованныхъ не изъ Скарги, а изъ православныхъ русскихъ источниковъ, на тогдашнюю простонародную малорусскую рѣчь.

Изъ переданной схемы сочиненія нельзя не видѣть, что оно расположено въ естественномъ порядкѣ, въ связи и послѣдовательности, и обнимаетъ свой предметъ со значительною полнотою и обстоятельностію. При этомъ можно указать только нѣкоторые несущественные недостатки и опущенія. Въ первой главѣ своего сочиненія авторъ, пользуясь почти исключительно польскими источниками, въ переводѣ ихъ иногда допускаетъ полонизмы, напр., „обходитъ память“ вмѣсто совершаетъ (стр. 59), „одержали“ вмѣсто получили (стр. 61) и др. Во второй главѣ авторъ отмѣчаетъ только сходства и разности между подлинникомъ Скарги и переводами изъ него, и хотя иногда въ общихъ чертахъ указываетъ на дополненія и позаимствованія изъ мѣстныхъ православныхъ источниковъ, но точно не опредѣляетъ этихъ послѣднихъ, не считая это прямымъ своимъ дѣломъ. А между тѣмъ эти мѣстные православные источники (Четь-Минеи, прологи, отдѣльныя житія), по всей вѣроятности, служили для составителей сборниковъ коррективомъ при ихъ позаимствованіяхъ и переводахъ изъ Скарги. Едва-ли можно согласиться и съ мнѣніемъ автора о томъ, будто-бы каждый изъ обозрѣваемыхъ имъ рукописный сборникъ представляетъ изъ себя особую редакцію, а не списокъ только одной и той же редакціи. Авторъ устанавливаетъ эти редакціи только на основаніи состава или количества статей, извѣстныхъ сборниковъ; а не на основаніи текста повторяющихся въ различныхъ сборникахъ статей. Между тѣмъ, въ разныхъ сборникахъ повторяющіяся отдѣльныя житія нѣкоторыхъ святыхъ принадлежатъ, повидимому, къ одной редакціи, какъ напр., житіе Алексія, человѣка

Божія, въ обоихъ спискахъ Четьи-Минеи за мартовское полугодіе (стр. 140—230), житіе преподобной Маріи Египетской въ одномъ спискѣ Четьи-Минеи за мартовское полугодіе и въ Прологѣ (стр. 151 и 256). Въ третьей, заключительной главѣ результаты изслѣдованія изложены слишкомъ кратко и въ общихъ только чертахъ и не развиты съ надлежащею полнотою, вѣроятно по недостатку времени.

„Въ общемъ сочиненіе можетъ быть названо очень удовлетворительнымъ".

27) О сочиненіи студента Михаила *Орлова* на тему: „Клятва (и присяга) у древнихъ евреевъ въ библейское и небиблейское время".

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Небольшое по объему (128 страницъ), сочиненіе студента Орлова въ достаточной полнотѣ захватываетъ свой предметъ и трактуетъ его съ удовлетворительною обстоятельностью. Послѣ краткаго, но содержательнаго введенія о всеобщности, древности и природѣ или сущности клятвы вообще (стр. 3—18), въ первой, общей части изслѣдованія (стр. 19—63) рѣшаются общіе, принципіальные вопросы о клятвѣ собственно у евреевъ; установливается филологическій смыслъ еврейскаго термина клятвѣ—Schevuah; констатируется существенно религіозный характеръ древне-еврейской клятвы, ея общераспространенность, историческія судьбы у евреевъ; во второй, частной (стр. 64—126), дѣлается общая классификація и частное подраздѣленіе древне-ерейскихъ клятвъ, подробно разсматриваются отдѣльные виды клятвъ, описываются обряды и формулы клятвъ, особенно подробно изложенъ обрядъ „ревнованія" (Числ. 5 гл.). Въ заключительномъ резюме сжато повторяются главныя положенія изслѣдованія. Въ содержаніи сочиненія отмѣтимъ двѣ, непріятно поражающихъ читателя, неточности: 1) явно пара-

доксальное заявленіе автора (стр. 79), будто древне-еврейское судопроизводство допускаетъ свидѣтельскія показанія лишь въ пользу подсудимаго: сама собою очевидна полная несообразность этого утвержденія; 2) археологическою же неточностью является и опредѣленіе (стр. 114) кетубы какъ „нажитаго женою совмѣстно съ мужемъ имущества“: въ дѣйствительности „кетуба“ есть опись или роспись приданнаго, принесеннаго невѣстою своему мужу при бракѣ (ср. συγγραφή Тов. 7, 13).

Изложеніе—литературное. Сочиненіе читается легко и не безъ интереса. Для степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительное“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора I. Королькова:

„Авторъ въ введеніи своего сочиненія представляетъ краткій историческій очеркъ возникновенія и употребленія клятвы у древнихъ народовъ—египтянъ, арабовъ, грековъ.

Въ *первой* главѣ авторъ устанавливаетъ филологію у древнихъ евреевъ и показываетъ значеніе клятвы у древнихъ евреевъ въ различные періоды ихъ исторіи.

Во *второй* главѣ г. Орловъ разсматриваетъ два вида древнееврейской клятвы: 1) ассерторическая клятва, къ сему относится: а) судебная очистительная присяга по иску о поклажѣ, б) клятва ревнованія или судебная очистительная присяга соты (подозрѣваемой въ измѣнѣ); г) промиссорическая клятва, къ чему относится: а) свидѣтельская присяга, б) клятва вѣрности. Въ этой же главѣ авторъ разсматриваетъ священныя формулы клятвы и излагаетъ древнееврейскія клятвенныя обряды. Въ заключеніи (у автора резюме) г. Орловъ вкратцѣ повторяетъ тѣ положенія, которыя онъ развивалъ въ своемъ сочиненіи.

Авторъ представилъ довольно полный и обстоятельный очеркъ употребленія клятвы у древнееврейскаго народа. Источ-

никами для него служили священныя книги Ветхаго Завѣта, а также труды Іосифа Флавія, Филона, талмудистовъ и др. Сочиненіе автора изобилуетъ ссылками и цитатами Св. Писанія. Въ нѣкоторыхъ листахъ этими ссылками наполнены цѣлыя строки подъ рядъ, такъ что читатель долженъ самъ отыскивать извѣстныя мѣста изъ Св. Писанія или другихъ писателей христіанскихъ и языческихъ, чтобы судить,—о чемъ именно въ нихъ говорится (см. стр. 7, 8, 25, 35, 36, 42, 65, 66, 77, 94).

Полезнѣе было бы, если бы авторъ вмѣсто многихъ общихъ ссылокъ приводилъ (хотя бы подъ строкою) не многія, болѣе характерныя изреченія Св. Писанія о древне-еврейской клятвѣ. Нѣкоторыя ссылки автора на извѣстнаго писателя такъ глухи и общи, что по нимъ трудно провѣрить то или другое изреченіе о древне-еврейской клятвѣ (напр., ссылка на Августина, Амвросія, Арновія, преосв. Филарета, митрополита Московскаго, даже на Іосифа Флавія, см. стр. 109, 110 и др.).

Нельзя также не поставить на видъ автору, что онъ пользуется переводами очень архаическими, напр., цитуетъ Геродота въ переводѣ Нартова (и то, кажется, по указанію г. Мапанова), изданномъ во второй половинѣ 18 вѣка, а Іосифа Флавія, древности іудейскія въ переводѣ свящ. М. Самуилова, изданномъ также во второй половинѣ 18 вѣка, тогда какъ эти писатели изданы въ переводахъ на русскій языкъ въ концѣ 19 вѣка.

Несмотря на эти внѣшніе недочеты сочиненія, трудъ г. Орлова серьезный, кропотливый и добросовѣстный, заключающій въ себѣ множество цѣнныхъ фактовъ изъ жизни еврейскаго народа касательно употребленія клятвы. Его ссылки на Св. Писаніе и другихъ писателей (напр., Омира Иліаду и Одиссея) вполнѣ отвѣчаютъ (на сколько мы провѣрили) той мысли, въ подтвержденіе которой онѣ приводятся.

Языкъ сочиненія хотя и не чуждъ нѣкоторыхъ неровностей и шероховатостей, но въ большей части—ясный, правильный.

Степени кандидата авторъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ".

28) О сочиненіи студента Ивана *Паславскаго* на тему: „Петръ Хрисологъ, архіепископъ равеннскій и его проповѣди".

а) Доцента Н. Мухина:

„Предметъ сочиненія обслѣдованъ авторомъ въ достаточной степени. Авторъ старательно изучилъ творенія архіепископа равеннскаго Петра Хрисолога, тщательно проштудировалъ литературу своего предмета и добытый матеріалъ привелъ въ систему. При свѣтѣ данныхъ, заимствованныхъ изъ проповѣдей Хрисолога, авторъ, по силѣ возможности, освѣтилъ жизнь его и съ безпристрастіемъ объективнаго изслѣдователя оцѣнилъ проповѣдническую дѣятельность его: авторъ отмѣчаетъ достоинства проповѣдническаго слова равеннскаго святителя, *не закрываетъ также своихъ глазъ и на недостатки его*. Правда, мысль автора не глубокая и медленная въ своемъ движеніи, но зато спокойная, послѣдовательная въ своемъ развитіи, хотя къ сожалѣнію, по мѣстамъ (ср. стр. 14 и 47) не свободная отъ противорѣчій. Языкъ сочиненія носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой двойственности—въ большинствѣ случаевъ онъ отличается чистотою, правильностію, а мѣстами онъ отражаетъ на себя тяжеловѣсность конструкціи рѣчи источниковъ и пособій, съ которыми имѣлъ дѣло авторъ (ср. стр. 38, 39, 41, 106 и др).

Какъ кандидатская диссертація, сочиненіе г. Паславскаго, на нашъ взглядъ, можетъ быть признано удовлетворительнымъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Авторъ усердно занимался своимъ предметомъ, хорошо изучилъ всѣ проповѣди Хрисолога, прочиталъ всѣ, доступныя

ему сочиненія, въ которыхъ могъ найти свѣдѣнія и сужденія о проповѣдникѣ и его твореніяхъ, и, на основаніи ихъ, представилъ довольно обстоятельное изслѣдованіе о своемъ предметѣ.

Сочиненіе раздѣляется на двѣ, неравныя по объему, части, которымъ предпослано введеніе, гдѣ авторъ представилъ краткую характеристику латинской проповѣди V и VI вѣка (написанную не очень искусно), и указалъ пособія, какія были у него подъ рукою.

Въ первой части представлена біографія Петра Хрисолога. Источники, какими онъ пользовался, сообщили ему довольно скудныя біографическія свѣдѣнія о Хрисологѣ. Но онъ въ своемъ изслѣдованіи помѣстилъ все, что могъ найти въ нихъ, даже легендарныя сказанія, неимѣющія исторической достовѣрности.

Главная часть у него вторая, которая раздѣлена на четыре главы.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ о числѣ проповѣдей Хрисолога и ихъ изданіяхъ и на основаніи указаній своихъ руководителей довольно подробно перечисляетъ тѣ проповѣди, какія нужно считать не подлинными.

Вторую главу авторъ посвящаетъ разбору проповѣдей нравоучительныхъ, которыя составляютъ преобладающій рядъ твореній Хрисолога. Характеризуя эти проповѣди, онъ говоритъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе общаго характера и мало имѣютъ отношенія къ современности. Указавши главное направленіе проповѣдника, устремляющаго вниманіе своихъ слушателей отъ земнаго къ небесному, отъ тлѣннаго къ вѣчному, онъ потомъ раскрываетъ частныя мысли съ большею настойчивостію повторяемыя Хрисологомъ, при чемъ представляетъ, что изъ добродѣтелей онъ чаще всего говоритъ о милосердіи, постѣ и молитвѣ.

Въ третьей главѣ говорится о догматическихъ проповѣдяхъ Хрисолога. Авторъ говоритъ, что догматическихъ проповѣдей у Хрисолога немного, и послѣ этого замѣчанія перечи-

сляетъ тѣ пункты догматическаго ученія, какіе подвергались разъясненію въ проповѣдяхъ Хрисолога, и приводитъ при этомъ на каждый пунктъ подлинныя слова Хрисолога.

Въ послѣдующей четвертой главѣ авторъ говоритъ о внѣшней формѣ проповѣдей Хрисолога и указываетъ особенности его изложенія.

Въ сочиненіи мало самостоятельныхъ сужденій автора, и гдѣ онъ высказываетъ ихъ, такъ не обнаруживаетъ особенной силы мысли. Но задача, предстоявшая ему, выполнена съ усердіемъ, и изслѣдованіе его отличается достаточною полнотою. Для степени кандидата сочиненіе признаю удовлетворительнымъ".

29) О сочиненіи студента Алексѣя *Поповича* на тему: „Новозавѣтное ученіе объ ангелахъ".

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Во введеніи къ своему сочиненію (стр. 1—22) г. Поповичъ указываетъ на важность предмета своего изслѣдованія, какъ существеннаго пункта въ дѣлѣ уясненія новозавѣтнаго откровенія, говоритъ о связи христіанской ангелологіи съ сотеріологіей, отмѣчаетъ и разбираетъ различные взгляды на ученіе объ ангелахъ представителей западнаго раціоналистическаго богословія, начертываетъ задачу и планъ своего изслѣдованія, перечисляетъ пособія для него. Самое свое изслѣдованіе объ ангелахъ авторъ дѣлитъ на три главы. Въ первой главѣ (стр. 23—136) авторъ рѣшаетъ изъ области ангелологіи вопросы такъ сказать онтологическаго характера: онъ даетъ понятіе объ ангелахъ, говоритъ о твореніи ихъ Богомъ, о промышленіи Божіемъ о нихъ, о раздѣленіи міра ангельскаго на два царства—добрыхъ духовъ и злыхъ, о природѣ и свойствахъ ангеловъ добрыхъ и злыхъ, о числѣ и іерархическихъ степеняхъ ангеловъ добрыхъ, объ ихъ индивидуальныхъ именахъ, о числѣ и степеняхъ злыхъ

ангеловъ. Во второй главѣ (стр. 137—195) говорится о назначеніи и дѣятельности ангеловъ,—въ частности о дѣятельности добрыхъ ангеловъ, ихъ участія въ дарованіи синайскаго законодательства, ихъ служенія Іисусу Христу, ихъ покровительсвенномъ отношеніи къ апостоламъ, христіанской церкви и даже къ отдѣльнымъ членамъ этой церкви, а затѣмъ о дѣятельности въ мірѣ злыхъ ангеловъ. Въ третьей главѣ (стр. 196—214) идетъ рѣчь объ особенной дѣятельности добрыхъ ангеловъ при кончинѣ видимаго міра и объ имѣющемъ быть судѣ надъ царствомъ злыхъ духовъ.

Изъ этого перечня основныхъ пунктовъ сочиненія можно видѣть, что авторъ даетъ вообще основательное изслѣдованіе по новозавѣтной ангелологіи, отличающееся и естественностію и широтою плана. По поводу расположенія частныхъ вопросовъ въ сочиненіи можно бы сдѣлать замѣчаніе только относительно первой главы, въ которой логичнѣе было бы произвести нѣкоторыя перестановки. Что касается самого изслѣдованія авторомъ предмета своего сочиненія и всѣхъ частныхъ пунктовъ, входящихъ въ составъ его, то это изслѣдованіе нельзя не отмѣтить, какъ отличающееся вообще большою обстоятельностію: смотря на свое сочиненіе, какъ на работу экзегетическую, авторъ много прилагаетъ труда и умѣнья къ истолкованію потребныхъ ему мѣстъ новозавѣтныхъ писаній, пользуясь при этомъ толкованіями святоотеческими и трудами новѣйшихъ ученыхъ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ; толкованіе свое авторъ сопровождаетъ и критикой несогласныхъ съ нимъ воззрѣній. Похвальное качество работы автора составляетъ осторожность, какую онъ проявляетъ при своихъ экзегетическихъ опытахъ. Нельзя однако не сдѣлать существеннаго замѣчанія автору: придавая ангелологіи значеніе въ новозавѣтномъ откровеніи постольку, поскольку она связана съ сотеріологіей, авторъ долженъ былъ центръ своей работы видѣть во второй и, пожалуй, въ третьей главахъ своего сочи-

ненія и на разработку этихъ именно главъ долженъ былъ обратить преимущественное вниманіе; а между тѣмъ именно эти (вторая и третья) главы по внутреннему достоинству своему значительно уступаютъ первой главѣ и носятъ на себѣ характеръ скорѣе догматическій, чѣмъ экзегетическій; какихъ-либо объясненій этого обстоятельства въ сочиненіи не имѣется,—и основной принципъ, указаніемъ на который авторъ и начинаетъ свое сочиненіе, на которомъ (принципѣ) онъ настаиваетъ и впослѣдствіи, остается такимъ образомъ мало оправдываемымъ на дѣлѣ. Въ изложеніи встрѣчаются неудачныя выраженія; попадаются и грамматическія ошибки. Но въ общемъ трудъ г. Поповича представляетъ собою работу серьезную и долженъ быть отнесенъ къ разряду очень хорошихъ кандидатскихъ диссертацій".

б) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Сочиненіе студента Поповича кромѣ введенія, гдѣ выясняется тѣснѣйшая связь ангелологіи съ сотеріологіею и указываются важнѣйшія пособія по изслѣдуемому вопросу, состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой главѣ дается понятіе объ ангелахъ, говорится о твореніи ангеловъ Богомъ и промышленіи Его о нихъ, о раздѣленіи ангельскаго міра, о природѣ, о свойствахъ ангеловъ, о числѣ ангеловъ, о небесной іерархіи объ индивидуальныхъ именахъ ангеловъ и о царствѣ злыхъ ангеловъ. Во второй главѣ трактуется о дѣятельности ангеловъ,—сначала ангеловъ добрыхъ, какъ ихъ дѣятельность выразилась въ участіи въ дарованіи синайскаго законодательства, въ отношеніи къ Іисусу Христу и въ покровительствѣ церкви земной, а затѣмъ—о дѣятельности ангеловъ злыхъ.

Третья глава имѣетъ своимъ предметомъ дѣятельность добрыхъ ангеловъ при кончинѣ міра, судъ надъ діаволомъ и его ангелами.

Сочиненіе студента Поповича въ достаточной степени исчерпываетъ свой предметъ, хотя и раскрываетъ его иногда слишкомъ кратко, какъ бы конспективно. Видно, что авторъ не имѣлъ времени воспользоватся всѣми тѣми пособіями, которыя онъ перечисляетъ во введевіи къ своей работѣ. Сочиненіе часто имѣемъ чисто догматическій характеръ тамъ, гдѣ требовался строго научный экзегесисъ. Попытки такого экзегесиса въ работѣ, впрочемъ, находятся. Что заслуживаетъ полной похвалы въ разсматриваемомъ сочиненіи, это его необыкновенная ясность, отчетливость, строгая логичность, удачное суммированіе относящихся къ предмету мѣстъ Священнаго Писанія, точное сохраненіе вездѣ православной точки зрѣнія. По этимъ качествамъ работа студента Поповича могла бы быть даже напечатана въ студенческомъ Сборникѣ. Полагаемъ, что этотъ догматическій, иногда догматико-критическій трактатъ не былъ бы безполезенъ въ нашей бѣдной подобными работами литературѣ".

30) О сочиненіи студента Николая *Поройкова* на тему: Октоихъ Іоанна Дамаскина, какъ опытъ православной церковной догматики".

б) Доцента. Н. Мухина:

„На вопросъ, предложенной темою, авторъ даетъ обстоятельный отвѣтъ. Предметъ сочиненія обслѣдовалъ имъ съ достаточной полнотой. Авторъ выяснилъ значеніе богослужебныхъ книгъ Православной церкви, въ частности октоиха Іоанна Дамаскина, въ православной догматикѣ (введеніе), опредѣлилъ первоначальный составъ этого октоиха (I глава) и въ довольно стройной системѣ изложилъ догматическое ученіе этой богослужебной книги, поскольку она принадлежитъ Іоанну Домаскину (II глава). Мысль автора зрѣлая, основательная, послѣдовательная въ своемъ развитіи. Правда, въ сочиненіи

встрѣчается нѣсколько неправильныхъ сужденій (стр. 186, 195), но это простой недосмотръ со стороны автора. Трудъ автора не облегчался наличностію богатой литературы по предмету изслѣдованія: автору приходилось пролагать самостоятельные пути изслѣдованія. Онъ добросовѣстно изучилъ догматическій матеріалъ, заключающійся въ октоихѣ Іоанна Дамаскина, и удачно его систематизировалъ. Языкъ сочиненія чистый, правильный. Какъ кандидатская работа, сочиненіе г. Поройкова вполнѣ удовлеторительно".

б) Ординарнаго профессора А Дмитріевскаго:

„Сочиненіе состоитъ: 1) изъ предисловія, въ которомъ г. Поройковъ опредѣляетъ задачу изслѣдованія, планъ его и трудности, вытекающія изъ отсутствія пособій по предмету избранной имъ темы и въ силу краткости изложенія догматическаго ученія св. отца въ его Октоихѣ и крайней темноты перевода этой книги на славянскій языкъ; 2) изъ обширнаго введенія, не имѣющаго прямого отношенія къ дѣлу и повторяющаго избитую мысль относительно того, что богослужебныя книги и въ частности Октоихъ имѣютъ важное значеніе для православной церковной догматики, и 3) изъ двухъ главъ изслѣдованія.

Первая глава—не самостоятельна и составлена главнымъ образомъ по устарѣвшей нынѣ диссертаціи арх. Модеста „О церковномъ Октоихѣ" (Вильна, 1865) съ присоединеніемъ тѣхъ свѣдѣній, какія удалось почерпнуть г. Поройкову изъ книги Льва Алляція: „De libris ecclesiae Graeciae". Въ силу этого не вездѣ и не всегда удается нашему автору удовлетворительно разрѣшить всѣ вопросы объ авторахъ, произведенія которыхъ входятъ въ составъ нашего современнаго Октоиха. Настойчиво приводимое имъ мнѣніе относительно стихиръ на „Господи воззвахъ", называемыхъ „восточными", что онѣ принадлежатъ не патріарху константинопольскому VI в. Ана-

толію, а иноку Студійской обители IX в. того же имени (стр. 53—59), едва-ли можно считать доказаннымъ и не вызывающимъ возраженій. Едва-ли также можно признать убѣдительными вполнѣ и заключенія его относительно подлинности всѣхъ произведеній, которыя по мнѣнію г. Поройкова, безспорно принадлежатъ въ Октоихѣ св. Іоанна Дамаскину. „Навязывавшаяся“, какъ выражается онъ, мысль сравнить пѣснопѣнія Октоиха съ нѣкоторыми страницами „Точнаго изложенія православной вѣры“ того же св. отца и оставленная теперь авторомъ безъ выполненія, по нашему личному убѣжденію, была бы не излишнею въ сочиненіи и привела бы автора къ рѣшенію поставленныхъ имъ вопросовъ въ самомъ благопріятномъ и желательномъ для него смыслѣ.

Послѣдняя—вторая глава сочиненія вполнѣ оригинальна. Въ ней авторъ, на основаніи твореній, усвояемыхъ имъ св. Іоанну Дамаскину, излагаетъ догматическое ученіе сего отца о Богѣ единомъ по существу, но троичномъ въ лицахъ, о Христѣ, Сынѣ Божіемъ, воплотившемся насъ ради отъ пр. Дѣвы Маріи, о двухъ Его естествахъ въ единой ипостаси и о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, какъ Богоматери и ея божественномъ величіи. При изложеніи этого ученія, г. Поройковъ не рѣдко дѣлаетъ экскурсы филологическаго характера, съ тою цѣлью, чтобы выразить яснѣе мысль изучаемаго имъ св. отца затемненную или плохимъ переводомъ, или неправильною разстановкою знаковъ препинанія.

Въ этой послѣдней главѣ можно съ достаточною опредѣленностію судить, что г. Поройковъ обнаруживаетъ способность къ глубокой вдумчивой мысли, къ синтезу и къ стройному изложенію своихъ мыслей. Въ виду этого, не смотря на незаконченность работы, на указанные недостатки и по мѣстамъ на нѣкоторую шереховатость въ изложеніи, я признаю настоящее сочиненіе хорошею кандидатскою диссертаціею“.

31) О сочиненіи студента Александра *Проскурякова* на тему: „Отношеніе правительства къ расколу въ царствованіе императора Николая I-го".

а) И. д. доцента Ѳ. Мищенко:

„На эту тему не такъ давно (въ 1901 г.) писалось уже кандидатское сочиненіе; работа г. Проскурякова очень напоминаетъ работу его предшественника. Впрочемъ, объяснить это сходство надо не тѣмъ, что г. Проскуряковъ воспользовался предшествовавшей студенческой работы, но тѣмъ, что оба автора студента зависѣли отъ однихъ и тѣхъ литературныхъ пособій. Вопросъ объ отношеніи правительства къ расколу въ царствованіе императора Николая I-го имѣетъ довольно обширную литературу, и оба автора дальше компиляціи не пошли.

Самъ г. Проскуряковъ во введеніи высказываетъ крайне пессимистическій взглядъ на свое собственное сочиненіе: онъ называетъ его трудомъ, „почти исключительно компилятивнымъ", „крайне несовершеннымъ, далеко не полнымъ" (стр. 9, 11), написаннымъ безъ вдумчиваго и критическаго отношенія къ явленіямъ данной эпохи (стр. 12). Хотя подобная самооцѣнка и страдаетъ преувеличеніями, но все же нужно признать, что сочиненіе дѣйствительно не чуждо недостатковъ.

Въ первой главѣ авторъ даетъ краткій очеркъ правительственныхъ отношеній къ расколу за все предшествовавшее время съ Алексѣя Михайловича до Николаевской эпохи. Авторъ сознаетъ, что этого времени ему надо касаться лишь постольку, поскольку въ немъ онъ можетъ находить данныя для выясненія Николаевскихъ мѣропріятій; но при самомъ изложеніи фактовъ, онъ упускаетъ изъ виду эту точку зрѣнія и часто впадаетъ въ тонъ объективнаго повѣствованія. Впрочемъ, очеркъ изложенъ коротко и сжато.

Во второй главѣ авторъ выясняетъ принципіальный взглядъ Николаевскаго правительства на расколъ, характеризуя его главнымъ образомъ по воззрѣніямъ митрополита Филарета и отчасти императора Николая Павловича. Первая и вторая главы составлены главнымъ образомъ на основаніи чужихъ ученыхъ изслѣдованій.

Болѣе самостоятельна III, основная глава сочиненія, гдѣ обозрѣваются самыя мѣропріятія Николаевскаго правительства противъ раскола. Здѣсь авторъ имѣлъ подъ руками не только ученыя пособія, но и источники, въ видѣ разнаго рода собраній постановленій и распоряженій о расколѣ.

Планъ этой главы составленъ довольно послѣдовательно, и распоряженія по рубрикамъ распредѣлены удачно; но авторъ и здѣсь остался больше повѣтствователемъ, чѣмъ изслѣдователемъ: рубрики его большею частію представляютъ сухой перечень фактовъ и распоряженій, а не живое изображеніе историческаго прошлаго, озаренное историко-критической мыслью.

Стиль сочиненія легкій.

Для степени кандидата сочиніе удовлетворительно".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ 3-хъ главъ.

Въ первой изъ нихъ кратко говорится о правительственныхъ отношеніяхъ къ расколу въ предшествовавшія Николаевскому времени царствованія.

Въ второй главѣ выясняется принципіальный взглядъ Николаевскаго правительства на расколъ, его сущность и значеніе въ церковно-государственной жизни нашего отечества. Выразителемъ правительственныхъ воззрѣній на расколъ въ данное время былъ, какъ извѣстно, московскій митрополитъ Филаретъ. Не было почти ни одного оффиціальнаго дѣла по расколу, которое не проходило бы чрезъ руки сего знаменитаго

іерарха и не сопровождалось его авторитетнымъ мнѣніемъ. Взглядъ митрополита Филарета на расколъ былъ ясный, опредѣленный и строго-послѣдовательный. По его мнѣнію расколъ весьма вреденъ и для церкви и для государства. Онъ есть „зло, застарѣлая болѣзнь", „ужасная непрестанно распространяющаяся язва, требующая немедленнаго и притомъ самаго рѣшительнаго врачеванія". Такого взгляда на расколъ, не безъ вліянія митрополита Филарета держался и самъ государь. Взглядъ этотъ и былъ краеугольнымъ камнемъ для той системы правительственныхъ отношеній къ расколу, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ Николаевской.

Третья, самая обширная глава посвящена изложенію мѣропріятій правительства въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ расколомъ. Правительство прежде всего заботилось о болѣе близкомъ ознакомленіи съ расколомъ, такъ какъ до того времени оно находилось почти въ совершенномъ невѣдѣніи не только объ ученіи и бытѣ раскольниковъ, но даже о численности ихъ. Это ознакомленіе, при односторонней и далеко не вѣрной окраскѣ добываемыхъ свѣдѣній, приводило правительственную власть къ мысли о необходимости усиленія судебно-административнаго полицейскаго надзора за раскольниками. Сказавъ обо всемъ этомъ, авторъ трактуетъ далѣе объ отношеніяхъ правительства къ гражданской сторонѣ жизни раскола, выразившихся въ ограниченіи общественныхъ, личныхъ и семейныхъ правъ раскольниковъ, а затѣмъ объ отношеніяхъ къ религіозной сторонѣ ихъ жизни, при чемъ останавливаетъ свое вниманіе на слѣдующихъ вопросахъ: 1) отправленіе раскольническихъ богослуженій, 2) о раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ, 3) о раскольническихъ скитахъ и монастыряхъ и 4) о лицахъ совершавшихъ у раскольниковъ духовныя требы.—Затѣмъ идутъ рѣчи о заботахъ правительства остановить разнообразными мѣрами дальнѣйшій ростъ и развитіе раскола.—Сочиненіе заканчивается

краткимъ замѣчаніемъ объ отношеніи правительства къ единовѣрію.

Общій выводъ, къ которому пришелъ авторъ, таковъ: борьба съ расколомъ въ царствованіе императора Николая I (что должно сказать и о предшествовавшемъ времени) была безъ результатна. Расколъ не ослабѣвалъ.—Поставивъ вопросъ, чѣмъ обяснить это явленіе, авторъ отвѣчаетъ: „Ясно, что или борьба велась (и ведется) не такъ, какъ бы слѣдовало, неумѣло, непрактично, или силы, противъ которыхъ велась борьба, не побѣдимы въ самой своей идеѣ, или же наконецъ не слѣдовало бы вовсе вступать въ борьбу съ такими явленіями жизни, которыя въ этой самой борьбѣ не только почерпаютъ свою силу, но что всего важнѣе—становятся идеей, пріобрѣтаютъ живучесть, которая въ расколѣ не должна бы и существовать столь долго и послѣдовательно. Трудно сказать,—говоритъ авторъ,—какое изъ этихъ трехъ предположеній имѣетъ неоспоримую историческую цѣну; но событія послѣднихъ дней:—объявленіе свободы вѣроисповѣданія, распечатанія раскольническихъ часовень и молитвенныхъ домовъ, возвращеніе изъ ссылки и полное прощеніе преступниковъ, сосланныхъ и заключенныхъ за преступленія противъ вѣры,—показали, что едва-ли не болѣе основательны изъ нихъ первое и послѣднее“.

Авторъ не высокаго мнѣнія о своемъ сочиненіи. Въ предисловіи онъ называетъ свой трудъ во многихъ частяхъ компилятивнымъ, далеко не полнымъ, не вполнѣ законченнымъ, вообще „крайне несовершеннымъ“. Но авторъ слишкомъ уже сгущаетъ мрачныя краски. Правда, трудъ его не безъ дефектовъ; но во всякомъ случаѣ это трудъ добросовѣстный, обнаруживающій въ авторѣ и достаточно свѣдѣній по предмету изслѣдованія и умѣнье пользоваться ими. Изложеніе литературное. Для степени кандидата сочиненіе признаю удовлетворительнымъ“.

32) О сочиненіи студента Николая *Пузанова* на тему: „Взаимоотношеніе началъ—личности и общества въ религіозно-теократическомъ, семейно-бытовомъ и общественно-государственномъ строѣ древне-еврейской жизни."

а) Доцента, священника А. Глаголева:

„Уяснить взаимоотношеніе личности и общества во всѣхъ сторонахъ жизни еврейскаго народа,—справедливо говоритъ авторъ о предметѣ своего сочиненія,—значитъ уяснить внутреннюю, идейную сторону еврейской исторіи, самый смыслъ исторіи еврейскаго народа." Это потому, что какъ религія библейскаго Израиля съ ея ученіемъ о человѣкѣ, какъ богоподобной нравственной личности, такъ и естественый характеръ народа, одною изъ существенныхъ чертъ котораго является рѣзкое обособленіе отдѣльной личности, одинаково благопріятствовали свободному развитію личности и широкому вліянію ея на всѣ стороны жизни: религіозную, семейную и общественно-государственную. Если однако „общество" было основнымъ опредѣленіемъ жизни древнихъ евреевъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и во всѣ поры ихъ ветхозавѣтной исторіи—въ формѣ ли церкви—въ религіозной жизни, въ формѣ ли семьи или наконецъ государства, то обозрѣніе взаимоотношенія двухъ факторовъ жизни, личности и общества дѣйствительно должно пролить не малый свѣтъ на важнѣйшую интереснѣйшую и загадочную исторію библейскаго Израиля. Такое обозрѣніе исторіи и жизни Израиля подъ указаннымъ угломъ зрѣнія и предлагаетъ нашъ авторъ, располагая весь матеріалъ сочиненія по tремъ, намѣченнымъ въ темѣ рубрикамъ, или главамъ. Методъ автора въ каждомъ случаѣ историческій: онъ обозрѣваетъ явленія религіозной, семейной и общественно-государственной жизни, начиная съ древнѣйшихъ-патріархальныхъ временъ, переходя затѣмъ къ подзаконному періоду, выдѣляя въ немъ періодъ пророковъ, и оканчивая послѣдними

временами ветхозавѣтной теократіи. Методъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ существу дѣла: какъ и всѣ явленія жизни, такъ въ частности, и положеніе и взаимоотношеніе личнаго и общественнаго начала въ древнееврейской жизни, будучи санкціонировано положительнымъ, богооткровеннымъ закономъ, подвергалось, однако, нѣкоторымъ измѣненіямъ или развитію. Схему этого развитія въ религіозномъ отношеніи авторъ удачно формулируетъ такъ: „въ началѣ подзаконнаго періода... на первомъ планѣ стоитъ общество, личность цѣну имѣетъ отъ принадлежности къ обществу, она свята, потому что святъ народъ, общество; послѣднее есть освящающій центръ, первая—освящаемая периферія. Однако, и въ это время значеніе субъективной стороны отсюда не игнорируется (послѣднее подтверждается у автора ссылкою на Втор. XXX, 6. 10. 14)... Затѣмъ до конца пророческой эпохи постепенно происходятъ параллельные процессы, благодаря которымъ роли личности и общества совершенно мѣняются: въ пророческую эпоху на первомъ планѣ стоитъ уже личность, теперь *не она получаетъ святость отъ принадлежности къ обществу, а наоборотъ общество должно освятиться и обновиться черезъ личность*[1]). Первый изъ этихъ процессовъ—это постепенное выдѣленіе изъ всего общества Израилева, какъ одной большой религіозной единицы, болѣе мелкихъ религіозныхъ единицъ, т. е. небольшихъ религіозныхъ общинъ (общества праведныхъ, благочестивыхъ, боящихся Бога и борьба ихъ съ обществами нечестивыхъ)... Другой процессъ—это постепенное большое, съ дальнѣйшимъ теченіемъ израильской исторіи,

---

[1]) Курсивомъ отмѣченная нами мысль автора, безъ сомнѣнія, можетъ быть справедлива лишь въ отношеніи личности пророковъ и вообще лицъ боговдохновенныхъ, но не примѣнима въ отношеніи рядовыхъ личностей, людей обыкновенныхъ, слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что идея церкви, общества, все-же доминировала и въ Ветхомъ Завѣтѣ; даже необходима и въ Новомъ Завѣтѣ.

обращеніе вниманія на внутреннюю субъективную сторону въ ущербъ (?) внѣшней формальной (стр. 128—130). Установкою этихъ положеній вошедшихъ уже теперь въ научное сознаніе новѣйшихъ библеистовъ авторъ обязанъ въ значительной степени знакомству своему съ литературою о такъ называемомъ молящемися „я“ псалмовъ, изслѣдованію по этому вопросу у автора посвящено нѣсколько десятковъ страницъ (стр. 79—125). Изслѣдованіе это по самому существу предмета не чуждо по мѣстамъ предположительности рѣшеній: гипотетичность въ рѣшеніи вопроса о томъ, индивидуальный или коллективный характеръ имѣетъ тотъ или иной псаломъ, неизбѣжна. Однако обходить этотъ вопросъ авторъ, конечно, не имѣлъ возможности, разъ хотѣлъ стоять въ своей работѣ на современномъ уровнѣ научныхъ свѣдѣній о предметѣ.

Въ цѣломъ сочиненіи студента Пуганова—трудъ серьезный и цѣнный. При этомъ симпатичную черту его составляетъ ясное, общепонятное изложеніе.

Относясь въ настоящемъ видѣ своемъ къ роду весьма хорошихъ кандидатскихъ диссертацій, сочиненіе студента Пуганова, по нашему убѣжденію, можетъ и должно имѣть, кромѣ того, почетную будущность“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Согласно съ темою, авторъ слѣдитъ въ своемъ сочиненіи за взаимоотношеніемъ началъ личности и общества въ религіозно-теократическомъ (гл. I), семейно-бытовомъ (гл. II) и общественно-государственномъ (гл. III) строѣ древне-еврейской жизни. Послѣдняя цѣль автора доказать, что отдѣльная личность человѣка имѣла въ древне-еврейской исторіи самостоятельное значеніе. Поэтому ходъ мыслей въ изслѣдованіи такой: личность зависитъ отъ общества, но въ то же время

имѣетъ и самостоятельное значеніе и даже вліяетъ на общество. Взаимоотношеніе общества и личности въ указанныхъ отношеніяхъ изслѣдуется на пространствѣ всей древне-еврейской (ветхозавѣтной) исторіи и именно сначала въ патріархальный періодъ, а потомъ въ подзаконный. При этомъ авторъ показываетъ, что въ теченіе того и другого періода происходило нѣкоторое развитіе во взаимоотношеніи общества и личности, и именно большее возвышеніе значенія отдѣльной личности. Съ большою подробностью и обстоятельностью изслѣдуется взаимоотношеніе личности и общества въ религіозно-теократическомъ отношеніи. Здѣсь патріархальный, періодъ выдѣляется прямо въ особую часть главы; къ трактату о подзаконномъ періодѣ присоединяется обстоятельный и довольно большой трактатъ о молящемся „я" въ псалмахъ, въ которомъ (трактатѣ) авторъ путемъ анализа псалмовъ доказываетъ, что это „я" не коллективное только, но и личное, отдѣльное, что, слѣдовательно, у древнихъ евреевъ возможно было и личное отношеніе къ Богу. Въ заключеніе сочиненія авторъ указываетъ 1) исходъ древне-еврейской исторіи—высокое значеніе отдѣльной личности и паденіе національной теократіи, что составляетъ переходъ къ христіанству и 2) высокое значеніе исторіи еврейскаго народа среди исторій другихъ древнихъ народовъ и съ точки зрѣнія современныхъ началъ жизни.

Сочиненіе г Пузанова идейное сочиненіе и свидѣтельствуетъ о философско-историческомъ направленіи его мысли, недовольствующемся фактическимъ изложеніемъ исторіи, а стремящемся проникнуть въ смыслѣ историческихъ событій, понять ихъ внутреннюю суть; говоритъ оно и о строго логическомъ систематическомъ мышленіи: намѣченный планъ авторъ точно проводитъ во всемъ сочиненіи. Видно также хорошее изученіе авторомъ источника и пособій, хотя послѣднихъ, прямо относящихся къ его темѣ, у него почти не было; счастливое исключеніе составляла для него въ этомъ отношеніи

работа надъ псалмами. Языкъ сочиненія правильный. Что касается содержанія сочиненія, то утверждаемое авторомъ взаимоотношеніе общества и личности въ общемъ правильно. Можно указать только нѣкоторое преувеличеніе личнаго значенія представителей общественнаго начала—первосвященника и священниковъ, отчасти и патріарховъ. Едва-ли вѣрно въ такой общности и то, что говоритъ авторъ: „если народу кажется справедливымъ то, что дѣлаетъ царь, значитъ, послѣдній поступаетъ по волѣ Божіей".

Несмотря на эти и нѣкоторія другія, скорѣе не точности, чѣмъ ошибки, сочиненіе г. Пузанова, по моему мнѣнію, весьма хорошее".

33) О сочиненіи студента Николая *Пустошнова* на тему: „Старчество въ исторіи православнаго монашества и по ученію христіанскихъ аскетовъ".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Сочиненіе г. Пустошнова состоитъ изъ трехъ главъ, обнимающихъ исторію старчества съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Въ главѣ первой авторъ говоритъ о старчествѣ въ Египетскихъ монастыряхъ; во второй главѣ—о старчествѣ въ палестинскихъ Лаврахъ и на Аѳонѣ; въ послѣдней главѣ о старчествѣ въ жизни русскаго монастыря. Работа автора значительно облегчалась тѣмъ, что по исторіи древняго монашества у насъ имѣется довольно богатая литература, а святоотеческія творенія и древніе иноческие уставы большею частію переведены на русскій языкъ. Но при всемъ этомъ отъ г. Пустошнова потребовался большой трудъ для одного только ознакомленія съ интересовавшей его многотомной литературой, и, въ общемъ, онъ не побоялся труда и достаточно ознакомился съ предметомъ своего изслѣдованія.

Въ его сочиненіи избранъ богатый и интересный матеріалъ, относящійся ко всей исторіи православнаго монашества. Правда, изслѣдованію г. Пустошнова не достаетъ полноты, и имъ оставлены безъ вниманія цѣлыя историческія эпохи; но и требовать этого нельзя ввиду краткости времени, имѣвшагося въ распоряженіи автора, и чрезвычайнаго обилія матеріала, требующаго разработки. Главнѣйшіе же моменты въ исторіи старчества имъ отмѣчены достаточно полно и обстоятельно. Авторъ находитъ слѣды несомнѣннаго существованія старчества въ самое первое время появленія въ жизни церкви организованнаго монашества и старается доказать, что, появившись вмѣстѣ съ монашествомъ, старчество существовало во всѣ періоды исторіи послѣдняго. Вообще г. Пустошновъ поработалъ довольно и съ положительными результатами. Его сочиненіе читается легко и съ интересомъ, обнимаетъ громадный періодъ времени и даетъ такъ много по исторіи старчества, что безъ сомнѣнія должно быть признано работой содержательной. Не лишено, впрочемъ, это сочиненіе и существенныхъ недочетовъ. Главнымъ изъ нихъ, по моему мнѣнію, является недостатокъ отчетливости въ обрисовкѣ и характеристикѣ авторомъ старчества. Послѣднее разматривается имъ не только въ связи съ общимъ строемъ монашеской жизни, но не рѣдко и нераздѣльно съ нимъ, когда старчество выступаетъ только какъ подвигъ общемонашескаго руководства и послушанія. Благодаря этому, въ сочиненіи г. Пустошнова есть довольно много лишняго, касающагося вообще порядковъ древне-монашеской жизни, а характеристикѣ старчества не достаетъ строгой опредѣленности, какъ бы рельфности. Подобное же можно сказать и относительно нѣкоторыхъ выдержекъ изъ старческихъ наставленій, приводимыхъ авторомъ: и здѣсь есть кое-что лишнее, а кое-что существенное опущено. Я не хочу ставить, впрочемъ, этотъ недостатокъ въ большую вину автору: на первыхъ шагахъ своей ученой работы онъ легко могъ нѣсколько растеряться

въ громадномъ матеріалѣ и не сумѣть достаточно проницательно отдѣлить существенное и характерное отъ второстепеннаго и общемонашескаго.

Какъ сочиненіе на степень кандидата богословія трудъ г. Пустошнова можетъ быть признанъ болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ".

б) Ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Авторъ даетъ довольно широкую постановку темѣ. Задачами для своего труда онъ ставитъ 1) „опредѣлить начало этого вида монашескаго устроенія", т. е. старчества, 2) „прослѣдить исторически распространеніе его изъ его родины по всему христіанскому православному міру, а главное, 3) раскрыть съ религіозно-психологической точки зрѣнія ученіе св. отцевъ аскетовъ, древнихъ учителей подвижничества и русскихъ и другихъ аскетическихъ современныхъ писателей о старчествѣ, объ его такъ называемыхъ добродѣтеляхъ, 4) выяснить всю необходимость старчества въ жизни монашества и указать, наконецъ, 5) значеніе его для окормляемыхъ учениковъ и самого окормителя" (стр. VI—VII). Но изъ этихъ пяти задачъ авторомъ наименѣе удовлетворительно выполнена та, которую онъ признаетъ главною, то есть третья: излагая воззрѣнія аскетическихъ и другихъ писателей на старчество и на добродѣтели его, онъ не только воздерживается отъ всякихъ замѣчаній, могущихъ служить къ уясненію этихъ воззрѣній съ религіозно-психологической точки зрѣнія, но и вообще не подвергаетъ ихъ критическому анализу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ отмѣчаетъ своеобразность этихъ воззрѣній. Такъ, напр., онъ говоритъ, что „на фактѣ передачи новопоставленнаго на поруки старцу мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ основною сущностью этого факта привносится въ понятіе добродѣтели безусловнаго подчиненія волѣ Христа новое начало послушанія, также безусловнаго, волѣ

старца (стр 19—20)", однако не выясняетъ, какъ это „новое начало" можетъ быть примирено съ безусловнымъ подчиненіемъ волѣ Христа. Онъ не разъясняетъ также часто встрѣчающагося въ аскетическихъ твореніяхъ своеобразнаго пониманія текстовъ св. Писанія. Такъ, напр., онъ ссылается (стр. 22), по указаніямъ аскетическихъ писателей, въ доказательство необходимости подчиняться совѣтамъ старцевъ на текстѣ св. Писанія: „безъ совѣта ничего не твори" (Сир. XXXII, 21), но не указываетъ на обычное и, безъ сомнѣнія, болѣе правильное пониманіе, по которому въ этомъ текстѣ рѣчь идетъ не о совѣтахъ, а о томъ, что ничего не должно дѣлать безъ разсужденія. Вообще въ сочиненіи господствуетъ тонъ категорическій и большею частью хвалебный, часто переходящій въ патетическій, болѣе умѣстный въ панегирическихъ рѣчахъ, чѣмъ въ научномъ сочиненіи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и языкъ сочиненія, изобилующій выраженіями своеобразными, вычурными, фигуральными. Такъ свою характеристику византійско-аѳонскаго монашества онъ заключаетъ словами: „словомъ, византійско-аѳонскій монахъ былъ подобенъ ангелу. Не безъ основанія нѣкоторые византійскіе писатели употребляли это сравненіе въ отношеніи къ монахамъ" (стр. 181—182). Восхваляя монахинь Дивѣевскаго монастыря и въ частности скончавшуюся въ прошломъ году игуменію Марію, онъ восклицаетъ: „какіе поистинѣ райскіе цвѣты созрѣвали въ лицѣ монахинь подвижницъ Дивѣевскаго монастыря"! (стр 331). Немало слабыхъ сторонъ замѣчается и въ выполненіи другихъ задачъ, намѣченныхъ авторомъ. Такъ, авторъ говоритъ, что старчество получило начало отъ Антонія Великаго, основателя монашества (стр. VIII), но не выясняетъ въ достаточной степени отношеніе этого старчества къ тому, которое, какъ видно изъ изложенія автора (стр. VII и др.), ранѣе существовало въ Египтѣ. Говоря о распространеніи старчества въ Египтѣ, Палестинѣ, въ Византіи, на Аѳонѣ и въ Россіи, онъ останав-

ливается лишь на нѣкоторыхъ старцахъ или ограничивается общею характеристикою старчества, но не даетъ исторіи развитія его въ каждой изъ указанныхъ странъ. Этотъ недостатокъ въ особенности замѣтенъ въ отдѣлѣ о древне-русскомъ старчествѣ (до XIX в.), гдѣ авторъ ограничивается слишкомъ общими характеристиками, лишь изрѣдка дѣлая указанія на нѣкоторыхъ старцевъ, а даже не упоминаетъ о преп. Сергіи, хотя въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ о новомъ русскомъ старчествѣ (съ XIX въ) говоритъ, что „для XIX в. Паисій Величковскій былъ тѣмъ же, чѣмъ преп. Сергій для XV (стр. 272)“. Особенно много вниманія удѣляетъ авторъ выполненію 4-й и 5-й изъ намѣченныхъ имъ задачъ, но не столько говоритъ о значеніи старчества въ исторіи монашества, сколько занимается восхваленіемъ монашества и выясненіемъ благотворнаго вліянія его на мірянъ, при чемъ дѣлаетъ очень много длинныхъ, нерѣдко совершенно излишнихъ, выписокъ изъ разныхъ писателей, а иногда пускается въ не относящіяся къ темѣ разсужденія. Такъ, говоря о древне-русскомъ старчествѣ, онъ „въ намѣреніи оттѣнить вліяніе и значеніе нравственнаго облика старца для народа“, дѣлаетъ рядъ длинныхъ выдержекъ изъ твореній различныхъ церковныхъ писателей, хотя ни въ одной изъ этихъ выдержекъ ни слова не говорится о старчествѣ, и между прочимъ выписываетъ болѣе 9 страницъ изъ І. Златоустаго о жизни пустынниковъ (стр. 213—227), вѣроятно, только потому, что на послѣдней страницѣ (227) есть указаніе на то, что у пустынниковъ можно учиться добродѣтельной жизни. Говоря о вліяніи преп. Серафима на монахинь Дивѣевскаго монастыря, онъ пускается въ совершенно не идущее къ дѣлу разсужденіе о назначеніи и современномъ положеніи женщинъ (стр. 326—330). Встрѣчается не мало повтореній и замѣчается по мѣстамъ недостатокъ строгой логической связи и послѣдовательности. Но главный недостатокъ сочиненія заключается въ томъ, что авторъ хотя неоднократно останавливается на характери-

стикѣ старчества, но не даетъ точнаго и яснаго понятія о немъ,—то онъ очень узко понимаетъ старчество, то, наоборотъ, слишкомъ расширяетъ понятіе о немъ.

Но, не смотря на указанные недостатки, разсматриваемое сочиненіе можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительнымъ для присужденія автору той ученой степени, на соисканіе которой оно написано. Авторъ очень много работалъ, съ большимъ усердіемъ и любовію къ дѣлу, въ достаточной степени проявилъ способность къ усидчивому научно-литературному труду. Къ достоинствамъ сочиненія относится также внимательное изученіе авторомъ многихъ изъ аскетическихъ и другихъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ темѣ. Не въ особую заслугу автору слѣдуетъ поставить то, что онъ большею частью имѣлъ дѣло съ необработаннымъ матеріаломъ и долженъ былъ при своей работѣ итти самостоятельнымъ путемъ. Сочиненіе это представляетъ въ нашей литературѣ первый опытъ изслѣдованія о старчествѣ въ такой широкой постановкѣ, какая дана этому предмету авторомъ. И нужно отдать справедливость автору,—предметъ въ общемъ изслѣдованъ имъ удовлетворительно, хотя и не во всѣхъ частяхъ съ одинаковымъ успѣхомъ".

34) О сочиненіи студента Петра *Сербинова* на тему: „Твореніе бл. Августина De civitate Dei, какъ опытъ философіи исторіи".

а) Доцента Н. Мухина:

„Сочиненіе студента Петра Сербинова состоитъ изъ небольшого предисловія, гдѣ выясняется предметъ, задача и планъ работы, и пяти главъ. Въ I главѣ заключается краткій очеркъ философіи исторіи до бл. Августина. Во II гл. выясняются обстоятельства происхожденія творенія De civitate Dei

и излагается содержаніе этого сочиненія. Третья глава обнимаетъ характеристику религіозно-философскаго міросозерцанія бл. Августина. Въ IV главѣ излагаются общія философско-историческія идеи бл. Августина. Наконецъ, въ послѣдней — V главѣ выясняется значеніе философіи исторіи бл. Августина и ея вліяніе на послѣдующихъ философовъ-историковъ.

Уже изъ этого краткаго очерка содержанія сочиненія г. Сербинова видно, что онъ даетъ широкую постановку своему труду. Авторъ не ограничивается изложеніемъ философско-историческихъ воззрѣній бл. Августина, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ ихъ въ генетическую связь съ основными принципами его, и также уясняетъ обстоятельства, при которыхъ возникло сочиненіе De civitate Dei, чѣмъ не мало способствуетъ пониманію философско-историческихъ идей этого выдающагося церковнаго писателя. Съ спокойствіемъ объективнаго изслѣдователя, авторъ отмѣчаетъ достоинства и недостатки философско-историческаго міросозерцанія бл. Августина и отводитъ подобающее ему мѣсто въ философіи исторіи. Авторъ добросовѣсно изучилъ литературу своего предмета—иностранную и русскую, тщательно проштудировалъ самое твореніе De civitate Dei, вѣрно понялъ и оцѣнилъ философско-историческія воззрѣнія бл. Августина, не достаточно только ясно оттѣнилъ онъ вліяніе философско-историческаго міросозерцанія этого церковнаго писателя на позднѣйшихъ философовъ—историковъ. Мысль автора серьезная, послѣдовательная въ своемъ развитіи. Языкъ сочиненія, за немногими исключеніями, чистый, правильный. Все это даетъ право рецензенту относить сочиненіе г. Сербинова къ разряду очень хорошихъ кандидатскихъ диссертацій".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Авторъ настоящаго сочиненія выполнялъ свою задачу при очень счастливыхъ для себя условіяхъ. По предмету его изслѣдованія существуетъ богатая литература, въ которой

какъ самый этотъ предметъ, такъ и всѣ прикасающіеся съ нимъ сюжеты разработаны съ большою тщательностію и обстоятельностію, что конечно значительно облегчало трудъ автора. Послѣдній можетъ быть сравненъ съ человѣкомъ, получившимъ большое наслѣдство, благодаря коему онъ можетъ при небольшомъ трудѣ устроить свое благосостояніе наилучшимъ образомъ. Разумѣется, глупому и богатство, полученное отъ предковъ, не пойдетъ въ прокъ. Но авторъ оказался умнымъ наслѣдникомъ. Онъ умѣло воспользовался благопріятными обстоятельствами и создалъ сочиненіе, обладающее большими достоинствами: полнотою и обстоятельностію разработки предмета сочиненія, здравомысліемъ и солидностію научныхъ выводовъ и положеній, стройностію и логичностію структуры сочиненія и не дурнымъ внѣшнимъ изложеніемъ. Видна, правда, непривычка автора орудовать отвлеченностями и общими понятіями, выражающаяся въ неясности по мѣстамъ мыслей автора и въ неточномъ выраженіи ихъ. И фразеологія подчасъ страдаетъ растянутостію и водянистостію. Но это сравнительно мало портитъ хорошее впечатлѣніе, получаемое при чтеніи сочиненія. Вообще ученый трудъ г. Сербинова можетъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ кандидатскимъ сочиненіемъ".

35) О сочиненіи студента Петра *Симоновскаго* на тему: „Ѳ. М. Достоевскій, какъ выразитель религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества своего времени".

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Сочиненіе г. Симоновскаго очень содержательно: здѣсь мы находимъ много данныхъ, характеризующихъ и личность Достоевскаго, и его міросозерцаніе; во второй половинѣ сочиненія проходятъ предъ читателемъ тѣ типы Достоевскаго, въ которыхъ, по автору, отразилось религіозно-нравственное

состоянiе современнаго Достоевскому общества. Классификацiя типовъ—удачная, характеристики—содержательныя и мѣткiя. И тѣмъ не менѣе задача, предполагаемая темой, не выполнена во всемъ объемѣ: сосредоточивъ свое вниманiе на главныхъ герояхъ произведенiй Достоевскаго, авторъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ героевъ оставилъ въ сторонѣ, а между тѣмъ ознакомленiе съ ними важно для характеристики общества, да и при изученiи главныхъ героевъ онъ обращаетъ больше вниманiя на психологическую характеристику и этическую оцѣнку извѣстнаго типа, чѣмъ на опредѣленiе его значенiя, какъ выразителя той или другой стороны въ религiозно-нравственномъ состоянiи русскаго общества. Не мудрено, что при такой постановкѣ дѣла существенный для автора вопросъ, насколько вѣрно выразилъ Достоевскiй религiозно-нравственное состоянiе современнаго ему общества, не нашелъ рѣшенiя въ его сочиненiи. Содержательностью своего сочиненiя авторъ въ значительной степени обязанъ критической литературѣ о сочиненiи Достоевскаго, довольно полно представленной въ сборникахъ Зелинскаго („Историко-критическiй комментарiй къ сочиненiямъ Достоевскаго" и критическiе разборы романа „Бр. Карамазовы"). Впрочемъ, авторъ не считаетъ нужнымъ точно отмѣчать то, что взято имъ у другихъ авторовъ, напр., у г. Звѣрева и др.—Распредѣленiе матерiала въ разсматриваемомъ сочиненiи нельзя назвать стройнымъ: помимо введенiя и заключенiя, сочиненiе заключаетъ въ себѣ двѣ главы, изъ коихъ первая представляетъ собою характеристику Достоевскаго, какъ человѣка и писателя, а вторая содержитъ изложенiе мiросозерцанiя Достоевскаго и обзоръ главнѣйшихъ изъ созданныхъ имъ типовъ, имѣющихъ отношенiе къ темѣ. Очевидно, первая глава является какъ бы введенiемъ ко второй, центральной главѣ, и по своему содержанiю частiю примыкаетъ ко введенiю, а частiю даже и совпадаетъ съ нимъ. Очевидно, матерiалъ, распредѣленный авторомъ во введенiи и первой главѣ,

надо бы объединить, тогда какъ вторую главу, представляющую собственно изслѣдованіе поставленнаго въ темѣ вопроса, можно бы разбить на нѣсколько самостоятельныхъ главъ. Тогда сочиненіе автора получило бы болѣе стройный видъ, а главное—онъ избѣжалъ бы допущенныхъ имъ и не нужныхъ для дѣла повтореній. Стиль сочиненія неодинаковъ,—по видимому, въ зависимости отъ использованныхъ авторомъ пособій. Во второй половинѣ сочиненія онъ лучше, чѣмъ въ первой. Переписчики не всегда считались съ требованіями орѳографіи. При всемъ томъ сочиненіе г. Симоновскаго служитъ достаточнымъ показателемъ его способности овладѣвать довольно громоздкимъ матаріаломъ, а потому даетъ ему право на полученіе степени кандидата богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Настоящее сочиненіе написано, собственно говоря, не на ту тему, которая изображенна въ началѣ его, а на другую, которая была и осталась въ головѣ автора и которую можно было бы формулировать такъ: религіозно-нравственное міровоззрѣніе Ѳ. М. Достоевскаго и въ частности его взглядъ на значеніе православія въ исторической жизни русскаго народа". Какъ написанное на свою особую тему, произведеніе г. Симоновскаго пожалуй и не дурное сочиненіе. По крайней мѣрѣ матеріалъ для изображенія предмета сочиненія собранъ въ достаточномъ обиліи, распредѣленъ онъ естественно вездѣ, гдѣ авторъ могъ руководствоваться ясными внѣшними признаками связи явленій, напр. послѣдовательностію ихъ во времени и изложенъ языкомъ обычно правильнымъ. Вообще сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ недурнаго разсказчика событій и передатчика чужихъ мыслей. Но мыслитель авторъ не важный. Тамъ, гдѣ ему приходится создавать и выражать отвлеченныя представленія и болѣе общія и сложныя понятія, обычно обнаруживается у него слабосиліе мысли проникнуть въ глубину

вещей и надлежаще опредѣлить значеніе ихъ въ ряду другихъ, мысль автора является колеблющейся, не ясной и не находитъ для себя точнаго выраженія. Какъ кандидатское сочиненіе трудъ г. Симоновскаго можетъ быть названъ удовлетворительнымъ".

36) О сочиненіи студента Григорія *Скарданицкаго* на тему: „Фарисеи и Саддукеи, какъ выразители идеи религіозной жизни Іудеевъ въ вѣкъ явленія христіанства".

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Важный и интересный во многихъ отношеніяхъ вопросъ— о фарисеяхъ и саддукеяхъ, поскольку именно воззрѣнія ихъ были типичны для современной имъ эпохи въ исторіи іудейства и для іудейства времени явленія христіанства, нашелъ въ студентѣ Скарданицкомъ правоспособнаго и усерднаго изслѣдователя. Авторъ разсматриваемой диссертаціи тщательно изучилъ источники научныхъ свѣдѣній о фарисеяхъ и саддукеяхъ: свидѣтельства Іосифа Флавія, Талмуда, апокрифической іудейской письменности („Псалмы Соломона, Евангелій и нѣкоторыхъ церковныхъ учителей), равнымъ образомъ хорошо познакомился съ ученою литературою предмета, преимуществинно иностранною (особенно по трудамъ Ширера, Деренбурга, Зифферта, Гейгеру, Велльгаузена и др.) а также и русскою (работы Каценельсона, о. К. А. Чемены, о. проф. А. Смирнова и др. Не видно, къ сожалѣнію, знакомства съ трудами проф. Н. Н. Глубоковскаго, также съ книгою проф. Д. В. Поспѣхова).

Сочиненіе стостоитъ изъ двухъ главъ, при чемъ вторая глава подраздѣляется на три отдѣла. Первая глава представляетъ умѣло составленный историческій очеркъ происхожденія и судебъ фарисейства и саддукейства, при этомъ справедливо подчеркивается органическая связь этихъ партій съ національною почвою исторической жизни послѣплѣннаго іудейства.

Вторая глава 1) излагаетъ сущность фарисейства (1-й отдѣлъ); 2) даетъ характеристику саддукейскаго направленія (2-й отдѣлъ) и 2) представляетъ по пунктамъ догматическія разности въ ученіи фарисеевъ и саддукеевъ, какъ послѣдствіе неодинаковаго отношенія однихъ и другихъ къ преданію и различія духовнаго склада первыхъ и послѣднихъ: разсматриваются именно воззрѣнія фарисеевъ и саддукеевъ на отношеніе Божественнаго провидѣнія къ свободѣ человѣческой, на посмертное воздаяніе, воскресеніе мертвыхъ и жизнь загробную, ученіе о духахъ или ангелахъ. Хорошее знакомство автора съ лучшими западно-европейскими трудами даетъ ему возможность надлежаще оріентироваться въ библейскомъ и традиціонномъ—еврейскомъ источникахъ о фарисеяхъ и саддукеяхъ; авторъ, напр., вслѣдъ за западными учеными, Ширеромъ и др., справедливо отвергаетъ (стр. 136) мнѣніе, которое, по почину нѣкоторыхъ церковныхъ учителей (Оригена, бл. Іеронима), высказывалось не разъ и въ новое время,—будто саддукеи признавали только Пятокнижіе Моисеево и отвергали писанія пророческія (мнѣніе это было обязано своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, смѣшенію саддукеевъ съ самарянами). Одноко иное у западныхъ ученыхъ слѣдовало бы принимать cum grano salis: не понятно съ точки зрѣнія нашей православной церковной науки на время заключенія ветхозавѣтнаго канона принятіе западными учеными такъ называемыхъ маккавейскихъ псалмовъ, и не слѣдовало бы автору вторить западнымъ авторитетамъ, усматривающимъ въ псал. 73 описаніе сирійскихъ гоненій на вѣру іудейства (стр. 14). Или уже-ли такъ твердо стоитъ воззрѣніе западныхъ ученыхъ, будто вторая книга Маккавейская „написана въ противовѣсъ первой, вышедшей изъ Асмонейской партіи, и проникнута точкою зрѣнія фарисейства“ (стр. 25)?

Въ цѣломъ, однако, сочиненіе студента Скарданицкаго имѣетъ безспорно научный характеръ и научную цѣнность: мысль автора твердая, сужденія здравыя, какъ въ критикѣ от-

вергаемыхъ положеній, такъ и въ утвержденія и обоснованіи принимаемыхъ; манера изложенія и языкъ сочиненія вполнѣ отвѣчаютъ достоинству научной работы. Относясь къ разряду очень хорошихъ кандидатскихъ диссертацій, разматриваемое сочиненіе, по нѣкоторомъ исправленіи, могло бы быть напечатано, чѣмъ пополненъ былъ бы пробѣлъ въ библейской отечественной литературѣ, почти (за исключеніемъ журнальной статьи Каценельсона) не имѣющей спеціальной работы о фарисеяхъ и саддукеяхъ".

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Общее впечатлѣніе отъ названнаго труда таково. Авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ, не смотря, на то, что вопросъ, который ему нужно было рѣшить, мало обслѣдованъ въ русской литературѣ.

Въ своемъ трудѣ авторъ излагаетъ исторію появленія фарисейства и саддукейства (гл. 1 я) и даетъ характеристику ихъ (гл. 2-я). Авторъ для этой цѣли воспользовался весьма цѣнными указаніями древней и новой еврейской письменности и имѣлъ возможность установить правильную точку зрѣнія на фарисейство, какъ на лучшее выраженіе іудейскаго духа, ко времени пришествія Спасителя утратившаго въ значительномъ числѣ представителей свои лучшія національныя и религіозныя черты. Наоборотъ, въ саддукеяхъ онъ видитъ ту часть еврейства, которая мало по малу утрачивала чистоту національныхъ вѣрованій и особенностей подъ вліяніемъ греко-римской культуры (это аристократы іудейства).

Вообще по собранію матеріала, по его критической оцѣнкѣ, его распредѣленію и изложенію сочиненіе студента Скарданицкаго показываетъ усерднаго и вдумчиваго начинающаго писателя и даетъ ему полное право на полученіе кандидатской степени".

37) О сочиненіи студента Павла *Смирнова* на тему: „Вторая книга Ездры (Исагогическое изслѣдованіе)“.

а) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Сочиненіе г. Смирнова состоитъ изъ введенія и пяти главъ изслѣдованія. Во введеніи, по обычаю, указываются задачи работы, планъ ея, источники и пособія. Въ первой главѣ, послѣ замѣчаній о названіи книги и ея составѣ, авторъ подробно останавливается на содержаніи книги. Онъ опредѣляетъ отношеніе этого содержанія къ повѣствованію другихъ библейскихъ книгъ и обстоятельно изслѣдуетъ значеніе оригинальной части книги,—разсказа о спорѣ трехъ тѣлохранителей Дарія. Во второй главѣ идетъ рѣчь объ источникахъ книги. Признавая источниками 2 Ездры книгу Паралипоменонъ, 1 Ездры и Неемiи, авторъ ставитъ при этомъ вопросъ о томъ, какой собственно текстъ этихъ книгъ, еврейскій или греческій, перерабатывалъ писатель 2 Ездры. Путемъ разбора существующихъ мнѣній и анализа параллельныхъ мѣстъ онъ приходитъ къ заключенію, что писатель 2 Ездры пользовался еврейскимъ текстомъ своихъ источниковъ, но имѣлъ въ виду и греческій переводъ ихъ, „заимствуя изъ него то, что не противорѣчило его стремленію дать въ своемъ трудѣ болѣе легкій и изящный переводъ еврейскаго текста“. Въ третьей главѣ сочиненія дается трактатъ о первоначальномъ языкѣ 2 книги Ездры и ея древнѣйшихъ текстовъ. Первоначальнымъ языкомъ книги авторъ признаетъ греческій, а наиболѣе близкимъ къ первотексту Александрійскій текстъ. Кромѣ греческихъ текстовъ книги авторъ въ той же главѣ разсматриваетъ текстъ латинскій и славянскій. Послѣдній авторъ изучалъ не только по печатнымъ изданіямъ, но и по рукописямъ. Въ четвертой главѣ сочиненія г. Смирнова изслѣдуется вопросъ о времени написанія книги, мѣстѣ ея происхожденія, о писателѣ книги и ея неповрежденности. По мнѣнію автора, 2 Ездры

была написана въ Египтѣ. Писателемъ книги былъ неизвѣстный образованный человѣкъ, „обладавшій основательнымъ знаніемъ св. Писанія и владѣвшій искусствомъ литературнаго изложенія". Цѣлью написанія книги было желаніе представить въ своемъ произведеніи исторію храма отъ послѣдней эпохи законнаго культа до возобновленія храма и возстановленія законнаго богослуженія. Въ послѣдней (пятой) главѣ высказывается взглядъ на историческое и церковное значеніе книги.

Изъ представленнаго краткаго обзора содержанія сочиненія г. Смирнова видно, что авторъ выдвинулъ всѣ вопросы, входящія обыкновенно въ составъ исагогическихъ изслѣдованій по свящ. Писанію. Изслѣдованіе этихъ вопросовъ въ сочиненіи имѣетъ научный характеръ и отличается основательностью. Не убоявшись кропотливой и сухой работы, авторъ тщательно изучилъ 2 Ездры по различнымъ текстамъ и довольно обширную относящуюся къ ней иностранную литературу. Поэтому въ его распоряженіи было много научнаго матеріала, давшаго ему возможность широко поставить свое изслѣдованіе. Выводы автора, какъ и самъ онъ признаетъ, не вездѣ тверды и безспорны. Но, несомнѣнно, большею частью это зависитъ отъ свойства того матеріала, съ которымъ имѣетъ дѣло авторъ. Изложеніе сочиненія простое и почти вездѣ ясное. Въ качествѣ недостатковъ сочиненія можно отмѣтить невыдержанность въ нѣкоторыхъ частяхъ плана и затѣмъ обнаруженный на стр. 54 и дал. пробѣлъ въ знаніяхъ автора о періодѣ смѣны вавилонскаго царства персидскимъ. Въ цѣломъ однако это добросовѣстный и почтенный трудъ, вполнѣ удовлетворяющій своей цѣли".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Указавъ современное слишкомъ неопредѣленое положеніе вопроса о второй книгѣ Ездры, авторъ ставитъ задачею своей работы „проанализаровать взгляды и мнѣнія ученыхъ относ-

сительно этой книги, отдѣлить въ нихъ ядро истины отъ гипотетичности, установить болѣе или менѣе вѣроятные выводы и изложить въ системѣ все относящееся къ вопросу о второй книгѣ Ездры". Это и дѣлаетъ онъ въ своемъ сочиненіи. Онъ излагаетъ разнообразныя рѣшенія вопросовъ о второй книгѣ Ездры, указываетъ ихъ слабыя стороны и то, что можетъ быть признано въ нихъ истиннымъ, или по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ; его собственныя рѣшенія или точнѣе, мнѣнія, имъ принимаемыя, являются болѣе обоснованными и удобопріемлемыми. Сочиненіе свидѣтельствуетъ объ усидчивости автора и склонности его къ кропотливой работѣ, особенно о томъ и другомъ говоритъ тщательное сравненіе различныхъ текстовъ и переводовъ книги Ездры. Сочиненіе заслуживаетъ полной похвалы.

Рѣзкимъ и непріятнымъ диссонансомъ являются лишь тѣ, впрочемъ немногія, мѣста, гдѣ приводятся еврейскія слова. Цитаты эти показываютъ неумѣнье писать еврейскія буквы и въ порядкѣ отдѣльныхъ словъ крайне спутаны; чтеніе ихъ почти невозможно. Конечно виновать въ этомъ ближе всего переписчикъ, но не свободенъ отъ вины и авторъ.

Какъ сочиненіе на ученую степень, сочиненіе г. Смирнова должно быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ".

48) О сочиненіи студента Владиміра *Солнцева* на тему: „Истинный прогрессъ человѣческой жизни и исторіи съ христіанской точки зрѣнія".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Тотъ путь, которымъ авторъ намѣренъ идти къ рѣшенію вопроса, намѣчается во введеніи: это путь, говоря словами автора, „отъ односторонняго частнаго къ всеобъемлющей правдѣ общаго", иными словами,—путь отъ доказанной неудовлетворительности различныхъ теорій прогресса къ необходимости

принять христіанскій, единственно истинный отвѣтъ на вопросъ о прогрессѣ человѣческой жизни и исторіи. Соотвѣтственно этому, г. Солнцевъ въ двухъ отдѣлахъ первой главы и разсматриваетъ нѣкотрыя опредѣленія понятій прогресса и взгляды съ точки зрѣнія этихъ опредѣленій на жизнь и исторію человѣчества. Въ первомъ отдѣлѣ этой главы имъ излагаются теоріи прогресса, принадлежащія Руссо, Кондорсэ, Гердеру, Канту, Гегелю, Спенсеру и Карѣеву. Второй отдѣлъ первой главы авторъ начинаетъ указаніемъ на отношеніе всѣхъ, имъ изложенныхъ, теорій къ христіанской истинѣ. Въ общемъ онъ приходитъ къ выводу, что всѣ эти теоріи со стороны своей центральной мысли, со стороны, иначе, своего утвержденія, не находятся въ противорѣчіи съ отровенной истиной, „почти согласны“ съ нею, а ложными оказываются въ своемъ стремленіи усвоить частной, оттѣняемой ими идеѣ, универсальное значеніе, съ отрицаніемъ основной христіанской идеи Божественнаго Промысла въ судьбахъ міра и человѣка. Философія В. С. Соловьева, по мнѣнію автора, представляетъ послѣднее слово европейской, философской мысли и притомъ слово уже по существу христіанское. Изложеніемъ воззрѣній В. С. Соловьева и заканчивается первая глава. Чтеніе этой главы ясно доказываетъ, что авторъ не для краснаго слова указалъ во введеніи тѣ пособія, какими онъ пользовался при написаніи сочиненія. Вся указанная имъ литература безспорно больше, чѣмъ прочитана имъ, она имъ изучена. Благодаря этому авторъ довольно смѣло приступилъ къ выполненію задачи своей первой главы, нигдѣ не находясь въ ложной зависимости отъ своихъ пособій, но въ общемъ сознательно группируетъ матеріалъ, самостоятельно обобщая добытые выводы и оригинально освѣщая нѣкоторыя стороны предмета. Но все-же чтеніе этой главы оставляетъ впечатлѣніе большой неудовлетворительности. Для чего авторъ излагалъ всѣ эти теоріи? Во введеніи авторъ говорилъ, какъ сказано, что онъ намѣренъ отъ доказанной неудовлетвори-

тельности излагаемыхъ имъ теорій идти къ откровенной христіанской истинѣ. Но однако этого нѣтъ. Отъ критики названныхъ теорій онъ отказался, сославшись на нѣкоторыя сочиненія, гдѣ это сдѣлано; а уясненію христіанскаго ученія это изложеніе послужить не могло, такъ какъ отношеніе философской теоріи и христіанскаго ученія только намѣчено, да и то недостаточно точно. Равнымъ образомъ, и изложеніе воззрѣній В. С. Соловьева дало автору одинъ только выводъ, что единственно въ гармоніи философскаго знанія съ религіознымъ откровеніемъ истинный путь къ рѣшенію вопроса о прогрессѣ жизни. Выводъ этотъ безспорно важный, но онъ такимъ дѣлается только въ такомъ случаѣ, если признать, что В. С. Соловьевъ сказалъ дѣйствительно послѣднее слово въ философіи и что онъ вполнѣ удачно соединилъ бывшія до него въ отношеніи полной противоположности понятія прогресса философской и собственно христіанской мысли. Обѣ эти мысли авторъ утверждаетъ свидѣтельствомъ одного только лица (С. Н. Булгакова), хотя безспорно и заслуживающаго уваженія, но по своимъ философскимъ взглядамъ примыкающаго къ воззрѣніямъ Соловьева. Но и здѣсь авторъ оказался непослѣдовательнымъ. Если онъ призналъ за философіей В. С. Соловьева такое значеніе, то ему оставалось только подробно раскрыть его воззрѣнія, сопоставить ихъ съ христіанскими началами, показать ихъ существенное сходство или же оттѣнить различіе; но и этого авторъ не сдѣлалъ, такъ какъ христіанскій взглядъ на предметъ излагаетъ изолированно отъ изложенія первой главы во второй главѣ своего сочиненія. Что-же дала читателю первая глава? не болѣе какъ краткую исторію теорій прогресса въ области философской мысли, исторію, которая можетъ служить введеніемъ къ послѣдующему положительному рѣшенію вопроса, но не органически связаннымъ съ послѣдующимъ цѣлымъ, благодаря чему объ индуктивномъ методѣ рѣшенія проблемы въ собственномъ смыслѣ рѣчи быть не можетъ. Вторая

глава, какъ упомянуто, представляетъ положительное рѣшеніе вопроса о прогрессѣ человѣческой жизни и исторіи съ христіанской точки зрѣнія. Здѣсь авторъ раскрываетъ понятіе о Царствѣ Божіемъ, какъ цѣли человѣческой жизни, по аналогіи съ земнымъ царствомъ, и объ основныхъ принципахъ жизни этого царства, началахъ свободы и любви, неразрывно между собою связанныхъ. Постепенное приближеніе къ Царству Божію, „постепенное утвержденіе христіанина въ свободной любви къ Богу и ближнему" и составляетъ истинный прогрессъ личной жизни. Во второмъ отдѣлѣ главы авторъ говоритъ о томъ, какъ предъ лицемъ идеи Божьяго Царства должно понимать истинный прогрессъ исторической жизни человѣчества, опредѣленіе чего имѣетъ безусловную важность для рѣшенія вопроса о смыслѣ личной жизни. Исходнымъ пунктомъ авторъ беретъ ученіе св. апостола Павла, называемое имъ „христіанской философіей исторіи", освѣщающее смыслъ дохристіанской жизни языческаго и іудейскаго міра, и на основаніи этого ученія утверждаетъ, что основнымъ началомъ этой жизни было Божественное руководительство при полномъ сохраненіи закона человѣческой жизни—свободы. Утвердивши понятіе о цѣли дохристіанскаго домостроительства, авторъ прямо ставитъ вопросъ, должно ли признать дохристіанскую исторію прогрессивной, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно, путемъ интереснаго сравненія жизни дохристіанскаго человѣчества съ исторіей блуднаго сына въ евангельской притчѣ. „Человѣчество, опытно познавая добро и зло, идетъ на встрѣчу Божіей любви"—таковъ былъ путь дохристіанскаго человѣчества. Конечные результаты дохристіанской исторіи ясно доказали, что по существу она была прогрессивной, не будучи такою во всѣхъ частныхъ моментахъ. Что же, спрашиваетъ авторъ, служило внутренней основой этого прогресса, помимо Божественнаго Промысла? Это, по автору, начало честности въ широкомъ смыслѣ слова, начало, иначе, искренности,

убѣжденности, которая и является реальнымъ выраженіемъ разумной человѣческой свободы. Съ этимъ критеріемъ авторъ обращается и къ рѣшенію вопроса о томъ, прогрессивна-ли христіанская исторія человѣчества до нашихъ дней. Путемъ сравненія нашихъ дней съ первыми днями христіанства, путемъ характеристики современной эпохи авторъ приходитъ къ выводу, что исторія человѣчества и въ періодъ христіанскій по существу является прогрессивной, что христіанство дѣйствительно является закваскою преобразующей жизнь міра, несмотря на смѣну въ исторіи человѣчества состояній паденія и покаянія. Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ главы авторъ говоритъ о православной церкви Христовой, по сравненію ея съ католицизмомъ и протестантскими общинами, и видитъ въ благодатной жизни Церкви прямой путь въ Божіе Царство: въ единеніи съ церковію залогъ истиннаго прогресса жизни и отдѣльнаго лица и всего человѣчества. Не трудно видѣть и по краткому изложенію, что вторая глава и интересна и содержательна. Въ этой главѣ есть не мало положеній спорныхъ, многое вызываетъ недоумѣніе, но все это не болѣе, какъ доказательство жизненности содержанія этой главы. Авторъ, повидимому, намѣренно избѣгалъ избитыхъ, общепризнанныхъ, но большею частію и мало содержательныхъ общихъ фразъ, но старался поставить вопросъ со всею опредѣленностію и съ такою-же опредѣленностію на него отвѣтить. Здѣсь опять таки авторъ далъ доказательство какъ своего серьезнаго знакомства съ нашею литературою по его предмету, такъ и самостоятельности своей мысли. Авторъ располагаетъ матеріалъ по оригинальному плану, строго послѣдовательно проводитъ основную свою идею и безъ колебаній и всяческихъ уклоненій отвѣчаетъ на вопросъ опредѣленно и увѣренно. Замѣчается въ этой главѣ и характерная особенность авторскаго мышленія, наклонность къ нерѣдко поспѣшнымъ обобщеніямъ. Съ особенной ясностію это сказывается въ третьемъ отдѣлѣ главы, гдѣ авторъ гово-

ритъ о значеніи православной церкви и видитъ несомнѣнныя доказательства возвращенія въ ея лоно запада.

Прежде чѣмъ сдѣлать общее заключеніе о работѣ г. Солнцева, я считаю долгомъ напомнить, что онъ работалъ надъ вопросомъ громадной трудности, которая зависитъ не только отъ безконечно разнообразныхъ отвѣтовъ на вопросъ, существующихъ въ исторіи человѣческой мысли, но и отъ отсутствія въ нашей наукѣ строго научныхъ трудовъ, систематически изложенныхъ ученій о прогрессѣ. Нѣкоторые недостатки сочиненія не имѣли бы мѣста въ немъ, если бы авторъ захотѣлъ идти по проторенной дорогѣ въ рѣшеніи вопроса, не пытаясь дать что либо новое и жизненное; но такъ какъ безъ такихъ попытокъ трудно ожидать плодотворной работы въ области христіанской философіи, то и недостатки авторскаго труда вполнѣ заслуживаютъ извиненія. Самостоятельность-же и зрѣлость мысли, общая предуманность всей второй главы, содержательность и обработанность сочиненія, все это позволяетъ мнѣ отнести сочиненіе г. Солнцева къ числу хорошихъ кандидатскихъ работъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Содержаніе первой части этого сочиненія составляютъ относящіяся къ вопросу о прогрессѣ ученія слѣдующихъ философовъ и историковъ: Руссо, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля, Спенсера, Карѣева. Къ обозрѣнію этихъ ученій авторъ присоединилъ слѣдующее положеніе: христіанская религія заключаетъ въ себѣ всю полноту той истины о человѣческой жизни, которая по частямъ выражена въ разныхъ ученіяхъ о прогрессѣ, но онъ не воспользовался однако этимъ положеніемъ въ самомъ изложеніи и разсмотрѣніи таковыхъ ученій, а только ограничился тѣмъ, что какъ бы въ оправданіе кратко и голословно выраженнаго своего взгляда на ученіе о прогрессѣ,

привелъ выдержку изъ проповѣди преосвящ. Волынскаго Антонія.

Вторая часть не имѣетъ никакой связи съ первою, ибо есть вполнѣ самостоятельное разсужденіе, изложенное даже инымъ языкомъ, такъ что первая часть сочиненія никакого значенія не имѣетъ для послѣдующаго. Содержаніемъ второй части служитъ разсужденіе о Царствѣ Божіемъ. Царство Божіе, отождествляемое очевидно съ идеей прогресса, понимается въ духѣ современныхъ нашихъ богослововъ либеральнаго толка. Прежде всего изложено новозавѣтное ученіе о свободѣ и любви; затѣмъ эти начала разсматриваются какъ характерныя черты Царства Божія, при чемъ истолкованіе этихъ началъ, безспорно, согласно съ духомъ нашего времени, но что оно вмѣстѣ съ тѣмъ согласно и съ духомъ Евангельскаго ученія, это едва-ли возможно признать.

Въ Евангеліи свобода поставлена въ зависимость отъ усвоенія истины, и свободѣ въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ духовномъ, противополагается рабство грѣху. По толкованію же автора рабство грѣху, напротивъ, есть условіе истинной свободы. Утверждается, что только путемъ переживанья зла, всяческаго зла, человѣкъ можетъ сдѣлаться свободнымъ отъ власти зла. Иллюстраціей этой мысли должна служить притча о блудномъ сынѣ. „Старшій братъ, говоритъ авторъ, это человѣкъ гордый, капризный, жестокій, съ ужаснымъ самомнѣніемъ, упрямый; нравственное *приличіе* этого человѣка, по нашему мнѣнію, не имѣетъ ровно никакой нравственной цѣны. А вѣдь блудный сынъ, чрезъ свое паденіе, опытомъ познавши всю его горечь, сталъ на высоту идеальной святости“ стр. 144. Предполагается, что только собственный опытъ имѣетъ для человѣка значеніе, а опытъ другихъ людей хотя бы организованный, (въ видѣ преданія, ученія) значенія не имѣетъ. Съ точки зрѣнія индивидуализма, теперь господствующаго, такъ и должно быть:

каждый самъ по себѣ долженъ доходить до всего, иначе не будетъ полной свободы, а будетъ зависимость отъ другихъ. Чужой опытъ своего опыта замѣнить не можетъ. Если, положимъ, я не убилъ человѣка, то для меня душевное состояніе убійцы непонятно и невѣдомо, а потому въ отношеніи къ этому состоянію я не свободенъ; кто же это состояніе пережилъ и испыталъ его тяжесть, тотъ долженъ почувствовать въ себѣ стремленіе къ освобожденію себя отъ такого состоянія и такимъ образомъ становится дѣйствительно свободнымъ. Очевидно, раскаяніе составляетъ переходъ къ освобожденію отъ зла. Но всегда ли послѣ паденія человѣка должно слѣдовать раскаяніе? Не напрасно заповѣдано молиться: не введи насъ во искушеніе. Разъ признано дѣланіе зла, вообще всего дурного, условіемъ свободы, то затѣмъ нетрудно перейти къ признанію этого условія свободы и необходимою составною частію свободы: свободенъ тотъ, кто считаетъ для себя *все дозволеннымъ*.

Почему же отрицается значеніе чужого опыта? Опытъ другихъ людей потому намъ не указъ, что такой опытъ требуетъ вѣры, довѣрія къ другимъ, а вѣра тоже есть состояніе не свободное, связанное; потому о вѣрѣ теперь не охотно говорятъ. Ибо, кромѣ свободы, другою и притомъ важнѣйшею чертою Царства Божія признается не вѣра, а *любовь*. Ап. Павелъ говоритъ, что любовь выше вѣры, что любовь упразднитъ вѣру. Конечно такая любовь, долженствующая упразднить вѣру будетъ лишь тогда, когда истина намъ откроется лицомъ къ лицу и Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Но авторъ, очевидно, полагаетъ, что Царство Божіе должно основаться вполнѣ здѣсь, на землѣ, слѣд. теперь же вѣра должна упраздниться, а любовь возобладать; но, къ сожалѣнію, исполняется покамѣсть только первая часть этой програмы. Конечно, нельзя отрицать, что въ Евангеліи любовь къ Богу поставлена на первомъ мѣстѣ, а вѣдь любовь эта возможна только для вѣрую-

щаго, но въ апостольскомъ посланіи сказано, что кто не любитъ брата, тотъ и Бога не любитъ, и этого довольно, чтобы подъ именемъ любви разумѣть собственно и исключительно любовь къ ближнему. Впрочемъ, и любовь къ ближнему ни къ чему не обязываетъ: если кто дѣлаетъ зло другому, то не должно считать это противорѣчіемъ любви, ибо, какъ показано выше, дѣланіе зла необходимое условіе для освобожденія отъ власти зла, и слѣдовательно для того чтобы возможна была любовь къ добру. Вообще свобода личности—вотъ истинный смыслъ современнаго богословскаго ученія о Царствѣ Божіемъ. Великіе философы—Кантъ, Гегель то же признавали свободу личности высшимъ началомъ, но личность при этомъ понимали какъ органъ или носительницу общечеловѣческаго разума или мірового духа (отсюда свобода личности и свобода духа—у нихъ понятія тождественныя). Теперь же иначе понимается это начало. Нашъ авторъ наивно замѣчаетъ, что Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи шагъ далѣе. „Предшествующія (ученію г. Карѣева) теоріи, говоритъ онъ, имѣли въ виду преимущественно человѣка вообще, а не человѣческую личность; изъ человѣка, скажемъ словами проф. Карѣева, сдѣлали простое орудіе безсмысленно (sic) исполняющее планъ исторіи и философы и философствующіе историки" стр. 45. Т. е. теперь человѣкъ, каковъ онъ есть, всякій человѣкъ безразлично признается абсолютною цѣнностію. Въ концѣ сочиненія немного сказано о церкви, при чемъ руководителемъ автора въ этомъ случаѣ является Хомяковъ (преимущественно) и оттого трактатъ о Царствѣ Божіемъ въ разсматриваемомъ сочиненіи поставленъ отдѣльно отъ ученія о церкви. Черты Царства Божія—свобода и любовь, а основное свойство церкви—соборность. Слѣдовало бы связать эти начала въ одно цѣльное понятіе о христіанской жизни; впрочемъ и во взглядѣ автора на церковь сказывается современный индивидуализмъ. Соборность у автора между прочимъ такъ опредѣляется. „Если возникали въ церкви какія либо недо-

разумѣнія, то вся церковь участвовала въ ихъ разрѣшенія. Изъ всѣхъ помѣстныхъ церквей стекались представители на соборъ вселенскій... *Каждый христіанинъ* такимъ образомъ участвовалъ въ рѣшеніяхъ собора, ибо представители помѣстныхъ церквей избирались всей церков. общиной" стр. 186. Невольно эта фраза напоминаетъ тайную, всеобщую и равную подачу голосовъ. Для церкви всегда было важнымъ дѣломъ избраніе *достойнѣйшаго*, а не *равноправность* избирателей, потому то допускались въ разныя времена различные способы избранія.

Студ. Солнцевъ въ своемъ сочиненіи не проявилъ ни малѣйшей умственной самостоятельности. Конечно, если предметомъ сочиненія служатъ такого свойства вопросы, то, при рѣшеніи ихъ, приходится имѣть дѣло съ давленіемъ духа времени, то отъ студента трудно въ этомъ случаѣ требовать самостоятельности, которая оказывается едва ли достижимою и не для однихъ студентовъ. Но зачѣмъ же все-таки съ такимъ поспѣшнымъ и угодливымъ усердіемъ подчиняться довольно низменнымъ тенденціямъ времени, какъ это видно изъ того, что нашъ авторъ совсѣмъ пренебрегъ открывавшеюся ему возможностію проявить нѣкоторую самостоятельность сужденія въ избранномъ имъ дѣлѣ. Я разумѣю первую часть сочиненія, въ которой излагаются разныя ученія о прогрессѣ. Съ какою небрежностію, съ какимъ невниманіемъ отнесся авторъ къ этой самой важной и серьезной части своего труда, это видно изъ того, что ученія Руссо, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля, Спенсера изложены кратко и поспѣшно, самымъ поверхностнымъ способомъ по статьямъ А. Бѣляева, Александра Введенскаго, П. Виноградова, Н. Грота. К. Дебольскаго, прот. Свѣтлова; хотя сочиненія почти всѣхъ названныхъ философовъ есть въ русскомъ переводѣ, да и серьезныя пособія къ ознакомленію съ ними имѣются въ изобиліи. При этомъ Н. И. Карѣевъ у него поставленъ выше всѣхъ философовъ; между

ученіемъ Гегеля о прогрессѣ и ученіемъ Спенсера о томъ же предметѣ онъ не усмотрѣлъ никакой существенной разницы. Видно, что наиболѣе важная и серьезная для студента часть труда, часть собственно ученая, а не публицистическая, наименѣе интересовала нашего автора, что свидѣтельствуетъ о недостаточной его умственной зрѣлости".

39) О сочиненіи студента Павла *Стасиневича* на тему: „Религіозное заклятіе (херемъ) и церковное отлученіе (анаѳема) въ библейской древности".

а) Доцента священника А. Глагольева:

„Тема сочиненія—не сложная. Своеобразный обычай древне-еврейской жизни—херемъ выступаетъ въ Библіи съ вполнѣ опредѣленными и не многочисленными очертаніями. Выборъ, группировка и изъясненіе этихъ библейскихъ данныхъ и составляетъ задачу труда на названную тему. Обычай херема въ библейской древности испыталъ нѣкотораго рода эволюцію: послѣ плѣна обычай рилигіознаго заклятія—херема измѣнился въ обычай церковнаго отлученія—анаѳемы. И въ первой и въ послѣдней формахъ древнееврейскій херемъ имѣлъ аналогіи въ языческой древности, равно и во времена христіанскія: отсюда—умѣстность, желательность сравнительнаго элемента въ работѣ о херемѣ. Всѣ этого рода пункты нашли мѣсто въ въ работѣ студента Стасиневича, но раскрытіе ихъ у автора не отличается ни желательною широтою, ни возможною разносторонностью и глубиною. Постановка дѣла—самая упрощенная. Вообще не по количеству только, но и по качеству разсматриваемая работа представляется удовлетворяющею минимальнымъ лишь требованіямъ изъ предъявляемыхъ академическою практикою къ кандидатскимъ диссертаціямъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Задачею для своей работы г. Стасиневичъ ставитъ: „прослѣдить, какъ изъ простой формы ветхо-завѣтнаго херема *выродился* (sic!) актъ великой важности—церковное отлученіе". Но прежде, чѣмъ говорить о херемѣ или заклятіи, какъ особомъ видѣ обѣтовъ ветхозвѣтнаго Израилія, онъ считаетъ необходимымъ „для полноты выполненія работы" разсмотрѣть обѣты вообще, какъ принадлежность религіознаго культа. Затѣмъ онъ трактуетъ о заклятіи въ доплѣнный періодъ, и наконецъ рзсматриваетъ заклятіе въ послѣплѣнный періодъ, когда оно не могло примѣняться съ прежнею строгостью и превратилось въ видъ церковно-дисциплинарнаго взысканія въ формѣ церковнаго отлученія, въ которомъ талмудъ и раввины различали двѣ степени: excommunicatio major и excommunicatio minor, примѣнявшіяся и въ ново-завѣтную эпоху, въ подтвержденіе чего авторъ ссылается (стр. 80—81), но безъ надлежащихъ разъясненій, на различныя мѣста изъ Новаго Завѣта, не различая тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ указывается на іудейское (синагогальное) отлученіе, отъ тѣхъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о христіанскомъ отлученіи и не обращая вниманія на существенное отличіе перваго отъ второго. Заканчиваетъ свою работу авторъ нѣсколькими строками о христіанскомъ церковномъ отлученіи, но говоритъ о немъ слишкомъ въ общихъ чертахъ и очень неопредѣленно.

Авторъ собралъ хотя небогатый матеріалъ, однако достаточный для того, чтобы, при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу и въ особенности при болѣе тщательномъ изученіи Свящ. Писанія, вполнѣ удовлетворительно рѣшить предстоявшую ему задачу. Но не весь собранный авторомъ матеріалъ проанализированъ и обработанъ въ достаточной степени, и что въ особенности важно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживается недостаточно внимательное отношеніе автора къ библейскому

тексту не только ново-завѣтному, но и ветхо-завѣтному. Также и въ самомъ изложеніи сочиненія замѣчается немало слабыхъ сторонъ. Встрѣчаются мѣста, не имѣющія строгой логической связи, неточныя или неясныя, неопрѣдѣленныя выраженія и шереховатости языка. Неясность изложенія усугубляется тѣмъ, что авторъ не держится опредѣленной терминологіи, но не рѣдко употребляетъ различные термины, какъ херемъ, заклятіе и отлученіе, то въ одномъ смыслѣ, то въ другомъ. Но работа автора не лишена и добрыхъ качествъ. Онъ немало потрудился и, повидимому, съ усердіемъ и любовію. Въ достаточной степени онъ обнаружилъ умѣнье обращаться съ матеріаломъ и способность къ научно-литературному изложенію. Большая часть сочиненія обработана авторомъ вполнѣ удовлетворительно. Принимая во вниманіе все это и трудность предмета подлежавшаго изслѣдованію, можно, по нашему мнѣнію, признать разсматриваемую работу достаточною въ качествѣ кандидатской диссертаціи".

40) О сочиненіи студента Игнатія *Стеллецкаго* на тему: „Преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія".

а) Экстраординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе написано по слѣдующему плану. Сначала авторъ показываетъ причины, обусловившія необходимость реформы духовныхъ школъ въ 60-хъ годахъ XIX в., главною и коренною изъ тѣхъ (причинъ) онъ признаетъ неудовлетворительное состояніе дореформенной духовной школы; затѣмъ онъ подробно изображаетъ ходъ подготовительныхъ работъ по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній въ 60-хъ годахъ XIX в., и, наконецъ, говоритъ о самомъ преобразованіи духовныхъ школъ въ 1867 и 1869 г.г.

Соотвѣтственно такому плану, самое сочиненіе автора, кромѣ *предисловія*, въ которомъ онъ даетъ библіографію своего вопроса (стр. 1—XI), и *введенія*, въ которомъ содержится общая характеристика дореформенной духовной школы въ Россіи (стр. 1—20), состоитъ изъ четырехъ частей, каждая изъ которыхъ, въ свою очередь, подраздѣляется на нѣсколько главъ.

Въ десяти главахъ *первой* части (стр. 1—145) изображается состояніе русской духовной школы наканунѣ 60-хъ годовъ XIX в. со стороны отношенія свѣтской литературы къ ней (гл. 1-я), бѣдности ея (гл. 2-я), содержанія воспитанниковъ ея столомъ и одеждой (гл. 3-я), помѣщеній ея (гл. 4-я), неудовлетворительности воспитанія въ ней (гл. 5-я), матеріальной необезпеченности учителей ея (гл. 6-я), религіозно-нравственнаго состоянія (гл. 7-я), учебнаго дѣла (гл. 8-я), системы экзаменовъ (гл. 9-я) и наконецъ, общаго упадка и разложенія школы (гл. 10-я).

Въ девяти главахъ *второй* части (стр. 146—287) подробно описывается подготовительная дѣятельность по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній въ 60-хъ годахъ XIX в., при чемъ въ частности, авторъ говоритъ здѣсь о признаніи необходимости кореннаго преобразованія духовной школы въ началѣ 60-хъ годовъ представителями духовенства и свѣтскаго общества (гл. 1-я), объ учрежденіи спеціальнаго комитета для разработки вопроса подъ предсѣдательствомъ архіепископа Димитрія (Муретова) и дѣятельности его (гл. 2-я), о проэктѣ комитета касательно желательной постановки воспитательнаго дѣла въ духовной школѣ (гл. 3-я),—образованіи (гл. 4-я)—веденіи хозяйства (гл. 5-я),—административной части (гл. 6-я), объ отношеніи духовнаго и свѣтскаго общества къ трудамъ и проэкту комитета 1860 г. (гл. 7-я), о частномъ осуществленіи проэкта 1860 г. (гл. гл. 8 и 9-я).

Въ *третьей* части (стр. 311—366), состоящей изъ 3-хъ главъ, излагается исторія преобразованія духовныхъ училищъ

и семинарій въ 1867 г. и дѣлается оцѣнка произведенной реформы.

Наконецъ, въ *четвертой* главѣ (стр. 367—413) излагается исторія преобразованія духовныхъ Академій, въ 1869 г. и дается краткая характеристика академической реформы.

Таково содержаніе сочиненія. Главный недостатокъ его составляетъ крайнее резонерство автора, являющееся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ стремленія автора во что бы то ни стало все критиковать и все переоцѣнивать, какъ онъ выражается. Особенно это сказывается въ первой части сочиненія. Болѣе объективнымъ и спокойнымъ тономъ отличается вторая часть сочиненія. Въ третьей части своего сочиненія авторъ является неутомимымъ резонеромъ-критиканомъ.

Независимо отъ этого недостатка, сочиненіе автора обнаруживаетъ его усердіе, выразившееся въ тщательномъ изученіи обширной и разбросанной литературы.

Изложеніе сочиненія, за немногими исключеніями, можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

Авторъ же, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ присужденія степени кандидата богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Сочиненіе г. Стеллецкаго состоитъ изъ предисловія, введенія и четырехъ частей. Въ предисловіи указывается задача изслѣдованія, его источники, порядокъ расположенія. Во введеніи дѣлается обзоръ исторіи духовныхъ школъ въ Россіи со времени равноапостольнаго князя Владиміра до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, обзоръ—слишкомъ общій и въ большей части своей ненужный для изслѣдованія. Существенное содержаніе изслѣдованія составляютъ четыре его части. *Первая часть* гово-

ритъ о состояніи духовно-ученыхъ заведеній наканунѣ реформы 60-хъ годовъ. Эта часть состоитъ изъ 9-ти главъ и довольно полно изображаетъ дореформенное состояніе нашихъ духовно-учебныхъ заведеній предъ 60-ми годами, а именно: излагаетъ общій ходъ тогдашней обличительной литературы, направленной противъ недостатковъ духовно-учебныхъ заведеній, говоритъ о скудости наставническаго жалованья, содержанія воспитанниковъ и училищныхъ зданій, объ административныхъ злоупотребленіяхъ и произволѣ духовно-училищной власти и приниженности подчиненныхъ, о постоянномъ антагонизмѣ между учащими и учащимися, о недостаточности положительныхъ способовъ развитія и укрѣпленія нравственности въ ученикахъ, о состояніи учебной части и загроможденіи семинарской программы утилитарными знаніями, о мертвомъ формализмѣ преподаванія наукъ, о многочисленности экзаменовъ и безплодности ихъ и проч. Въ результатѣ получались совершенное разложеніе и полный упадокъ духовной школы, настоятельно требовавшіе коренной ея реформы. Во *второй части* изображается подготовительная дѣятельность въ дѣлѣ реформы духовныхъ училищъ. Здѣсь авторъ въ 9-ти главахъ говоритъ о назрѣвшей необходимости реформы духовной школы, о запискѣ профессора Ростиславова, о собираніи справокъ относительно состоянія духовныхъ школъ во Франціи и на Востокѣ, объ осмотрѣ княземъ Урусовымъ 9-ти семинарій и образованіи въ 1860 году Комитета по преобразованію духовныхъ училищъ подъ предсѣдательствомъ Херсонскаго архіепископа Димитрія Муретова. Обозрѣнію дѣятельности этого комитета и посвящена главнымъ образомъ эта часть сочиненія. Но основныя идеи проэктированной реформы, при всей ихъ оригинальности, не имѣли практическаго характера, страдали односторонностію и въ самомъ комитетѣ вызвали сильную оппозицію, вслѣдствіе чего выработанный коммиссіею проэктъ реформы духовной школы посланъ былъ на обсужденіе епархіальныхъ архіереевъ и духовныхъ академій и

семинарій. Собранный такимъ образомъ матеріалъ, при новомъ Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода Д. А. Толстомъ, порученъ былъ новому комитету о преобразованіи духовныхъ семинарій и училищъ, учрежденному въ мартѣ 1866 года подъ предсѣдательствомъ Кіевскаго митрополита Арсенія. И этотъ Комитетъ, не смотря на особое мнѣніе двухъ своихъ членовъ, архимандритовъ Филарета и Михаила, въ томъ же 1866 году выработалъ новый проэктъ устава духовныхъ семинарій и училищъ, который, по разсмотрѣніи его митрополитами Московскимъ и Кіевскимъ, Высочайше утвержденъ былъ 14 мая 1867 года. *Третья* часть сочиненія говоритъ о преобразованіи духовныхъ семинарій и училищъ по новому уставу въ административномъ и учебномъ отношеніяхъ. Въ административномъ отношеніи главною идеею новаго устава будто бы была децентрализація власти, послѣдствіемъ чего явились выборное начало (выборы ректора, инспектора, помощниковъ его и учителей) и коллегіальное управленіе въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ. Учебная часть въ этихъ заведеніяхъ новымъ уставомъ представлена короче и выразительнѣе прежнихъ программъ, особенно программы проэкта 1860 года. Изданы новыя программы и указаны новыя руководства. *Четвертая часть* сочиненія говоритъ только о преобразованіи духовныхъ академій по уставу 1869 года, проэктъ котораго составленъ былъ особо составленнымъ для сего комитетомъ 1868 года, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Макарія Булгакова, по нормѣ университетскаго устава. Но такъ какъ основныя начала этого академическаго устава, по признанію автора сочиненія, были тѣ же самыя, которыя положены въ основаніе и семинарскаго устава 1867 года, то, по нашему мнѣнію, автору слѣдовало бы соединить двѣ послѣднія части въ одну, т. е. говорить совмѣстно о преобразованіи *всѣхъ* духовно-учебныхъ заведеній по новымъ ихъ уставамъ.

Независимо отъ обработки сочиненія, оно подкупаетъ въ свою пользу уже однимъ своимъ содержаніемъ, которое живыми

нитями связано съ современнымъ положеніемъ русскихъ духовно-учебныхъ заведеній. Авторъ имѣлъ въ виду собственно сдѣлать „сводъ или собраніе матеріала“ по данному темою предмету (предисловіе, стр. XI). Въ этомъ смыслѣ авторъ работалъ много и добросовѣстно и пользовался не только печатными, но отчасти и письменными источниками. Можно упрекнуть автора только за то, что онъ не сумѣлъ найти замѣчаній Кіевской Духовной Академіи на проэктѣ устава 1860 года (стр. 267), равно какъ не обратилъ вниманія на архивныя свѣдѣнія о дѣятельности ректора Кіевской Академіи архимандрита Филарета Филаретова, который въ 60-хъ годахъ, наканунѣ преобразованій духовно—учебныхъ заведній, твердо и грозно управлялъ какъ самою Академіею, такъ и Кіевскимъ духовно-учебнымъ округомъ. Что же касается идейнаго освѣщенія собраннаго матеріала, то въ этомъ отношеніи авторъ больше отдѣлывается общими высокопарными мыслями и трескучими фразами, которыя преимущественно сосредочены у него въ предисловіи и введеніи, и не даетъ вѣрнаго освѣщенія излагаемыхъ у него фактовъ. Едва-ли можно согласиться съ авторомъ, будто бы въ основѣ устава духовныхъ семинарій и училищъ 1869 года положенъ былъ принципъ децентрализаціи (стр. 315 и 323), тогда какъ на самомъ дѣлѣ съ этимъ уставомъ усилена централизація власти въ канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ. Нельзя согласиться и съ тѣмъ положеніемъ автора, будто бы характеръ той или другой реформы духовно-учебныхъ заведеній опредѣлялся характеромъ личности извѣстныхъ историческихъ дѣятелей, какъ напр., Оберъ-Прокуроровъ Святѣйшаго Синода графовъ Протасова и Д. А. Толстого (введеніе стр. 13 и слѣд., и соч. стр. 311 и сл.), тогда какъ всѣ обозрѣваемыя авторомъ реформы духовно-учебныхъ заведеній обыкновенно шли параллельно съ подобными реформами свѣтскихъ учебныхъ заведеній, университетовъ, гимназій и проч., а слѣдо-

вательно опредѣлялись не столько отдѣльными личностями, сколько общимъ направленіемъ внутренней государственной политики.—Какъ первый ученый трудъ, и притомъ исполненный весьма старательно, сочиненіе можетъ быть признано очень хорошимъ".

41) О сочиненіи студента Дмитрія *Терзича* на тему: „Положеніе православнаго духовенства въ Босніи и Герцеговинѣ въ XIX столѣтіи и значеніе его въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви".

а) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Оттѣняя свою излюбленную, проходящую чрезъ все сочиненіе, мысль, что въ Босніи и Герцеговинѣ низшее духовенство всегда находилось въ самой тѣсной, непосредственной связи съ народомъ и что, слѣдовательно, историческая судьба его не можетъ быть разсматриваема отдѣльно отъ судьбы послѣдняго, г. Терзичъ во введеніи знакомитъ съ положеніемъ подъ властью турокъ христіанъ Балканскаго полуострова вообще, а въ первой главѣ разсматриваетъ тотъ вопросъ въ отношеніи Босніи и Герцеговины въ частности. Не возражая противъ такой постановки вопроса, можно однако же замѣтить, что для существа дѣла не было необходимости отводить такъ много вниманія этому вопросу, тѣмъ болѣе, что авторъ не сказалъ здѣсь ничего такого, о чемъ не говорили бы другіе. Въ первой главѣ авторъ особенно оттѣняетъ ту мысль, что главнымъ источникомъ всѣхъ невзгодъ, какія терпѣли христіане Босніи и Герцеговины, было не столько варварство турокъ, сколько мусульманскій фанатизмъ своей же мѣстной знати, которая, измѣнивъ христіанской вѣрѣ и славянской народности изъ корыстныхъ побужденій, была настоящимъ бичомъ для своего народа, всѣми силами противодѣйствуя реформамъ турецкаго прави-

тельства, которое только послѣ долгой борьбы осуществлены были въ 1850 году.

Для порабощенныхъ Турками славянъ Балканскаго полуострова христіанская вѣра служила знаменіемъ, подъ которымъ они боролись за свою жизнь, за свою національную самобытность и политическую независимость. Послѣ измѣны народу мѣстной аристократіи, духовенство становилось естественнымъ руководителемъ народа въ сферѣ не только религіозной, но и политической, вслѣдствіе чего и фанатизмъ мусульманъ прежде всего и больше всего обрушивался на представителей духовенства, которое выдвинуло изъ себя рядъ крупныхъ дѣятелей. Особенную извѣстность въ этомъ отношеніи получили священники изъ фамиліи Зимоничей; самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Богданъ Зимоничъ, на дѣятельности котораго авторъ останавливается съ особымъ вниманіемъ. Совсѣмъ съ иной стороны характеризуется въ сочиненіи высшая іерархія изъ грековъ фанаріотовъ, вся дѣятельность которыхъ, по выраженію автора, направлена была „къ усердному набиванію своихъ кармановъ“ и вообще—къ *обиранію* паствы. Но зато низшее духовенство, стоящее въ непосредственной связи съ народомъ и объединенное съ нимъ въ скупщинѣ, много работаетъ надъ устройствомъ Церкви, надъ сооруженіемъ храмовъ и монастырей, особенно со времени реформы 1850 года, и надъ урегулированіемъ отношенія низшаго клира къ высшей іерархіи съ одной стороны и къ паствѣ съ другой. Таковы основныя мысли, развиваемыя во второй главѣ.—Третья глава подраздѣляется на двѣ части. Въ первой части характеризуется положеніе Босніи и Герцеговины со времени оккупаціи ихъ (1878 г.) Австро-Венгріей и разсматриваются мѣропріятія новаго правительства, направленныя къ сліянію этихъ областей съ Имперіей; здѣсь авторъ особенно внимательно останавливается на неудавшейся попыткѣ австрійскаго правительства совершенно отдѣлить оккупированныя области въ церковномъ отношеніи отъ контстантино-

польскаго патріарха и на его конкордатѣ съ послѣднимъ 16 марта 1880 года, которымъ Церковь въ Босніи и Герцеговинѣ—отдается въ административномъ отношенія во власть иновѣрнаго правительства. Анализируя содержаніе этого конкордата, авторъ доказываетъ его неканоничность и вредъ для православной Церкви въ этихъ провинціяхъ. Вторая часть этой главы посвящена вопросу о состояніи просвѣщенія. Разсматривая мѣропріятія австрійскаго правительства въ этомъ отношеніи, авторъ разоблачаетъ его скрытую тенденцію, направленную къ полному сліянію этихъ областей съ Имперіей. Четвертая глава, тоже подраздѣленная на двѣ части, посвящена обзору дѣятельности въ Босніи и Герцоговинѣ католической пропоганды и борьбы съ нею духовенства въ союзѣ съ народомъ. Эта глава содержитъ много любопытныхъ данныхъ и читается съ особымъ интересомъ.

Сочиненіе г. Терзича представляетъ собою очеркъ религіознаго состоянія Босніи и Герцеговины за означенный періодъ времени сначала подъ властію Турокъ, а потомъ въ такъ называемый оккупаціонный періодъ. Собравъ добросовѣстно, насколько позволяли условія, при которыхъ онъ работалъ, относящійся къ предмету сочиненія научный матеріалъ, авторъ освятилъ его съ точки зрѣнія интересовъ православной церкви и національно-политической самобытности изученыхъ областей. Если настоящему сочиненію иногда недостаетъ холодной объективности, то въ немъ есть другое цѣнное достоинство. Трудъ г. Терзича—это плачъ горячаго патріота, глубоко скорбящаго въ виду печальнаго положенія его родины, у которой мало по малу отнимается все, что считается самымъ дорогимъ, самымъ святымъ въ жизни народа. Для полученія кандидатской степени признаю настоящее сочиненіе вполнѣ удовлетворительнымъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Предметъ сочиненія былъ очень близокъ и дорогъ сердцу г. Терзича какъ православнаго серба—патріота. Это обстоя-

тельство имѣло и выгодныя и невыгодныя стороны для автора въ его работѣ. Съ одной стороны, благодаря ему авторъ отнесся къ своему дѣлу съ особенной любовію, почему съ усердіемъ и раченіемъ собиралъ, обрабатывалъ и группировалъ матеріалы для своего сочиненія, словомъ, дѣлалъ все возможное для наилучшаго рѣшенія предлежавшей ему задачи и дѣйствительно далъ въ сочиненіи, въ отношеніи къ содержанію, обстоятельное и интересное изслѣдованіе и изображеніе своего предмета. И въ изложеніи онъ внесъ паѳосъ и увлеченіе, вызывающіе въ читателѣ симпатію къ предмету. Съ другой стороны, вслѣдствіе той же причины авторъ не могъ сохранить подобающаго въ ученой работѣ безпристрастія при оцѣнкѣ дѣйствій тѣхъ лицъ, классовъ и народовъ, которыхъ онъ считаетъ врагами своего народа, толкуя эти дѣйствія обычно въ другую сторону и всюду присоединяя къ ихъ именамъ разные не лестные эпитеты. И въ изложеніи паѳосъ выражается въ безсознательномъ, повидимому, повтореніи излюбленныхъ патетическихъ картинокъ и фразъ. Впрочемъ, эти недостатки проявляются главнымъ образомъ въ общихъ историческихъ очеркахъ и сравнительно мало въ фактическомъ изложеніи матеріала. Распредѣленіе матеріала въ сочиненіи въ общемъ логично. Языкъ не рѣдко неправильный, что довольно естественно въ нерусскомъ человѣкѣ, хотя бы и учившемся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Произведеніе г. Терзича я нахожу возможнымъ признать очень хорошимъ кандидатскимъ сочиненіемъ".

42) О сочиненіи студента Виталія *Травина* на тему: „Обозрѣніе русской литературы по ученію посланій святого Апостола Павла за послѣднее десятилѣтіе".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Въ краткомъ предисловіи авторъ не только указываетъ планъ и опредѣляетъ общую задачу своего сочиненія, но и

предлагаетъ собственную критику послѣдняго. Трудно понять это очень широко распространенное обыкновеніе авторовъ-студентовъ такъ своеобразно „облегчать" работу рецензентовъ ихъ сочиненій. Въ оправданіе г. Травина можно сказать, что онъ довольно точно отмѣтилъ недостатки своего труда, умолчавши объ его достоинствахъ. А послѣднія безспорно должно отмѣтить въ названномъ сочиненіи. Это, прежде всего,—значительный трудъ, предпринятый и исполненный авторомъ. Хотя не рѣдко слышатся жалобы на недостатокъ сочиненій, посвященныхъ изученію новозавѣтныхъ писаній, но все же за десять лѣтъ написано такъ много, что изученіе даже части этой литературы потребовало отъ автора не мало времени и труда, принимая во вниманіе число прочитанныхъ имъ книгъ и статей, а также и нѣкоторую трудность чтенія этого рода работы. Авторъ выполнилъ эту работу и представилъ, насколько могу судить, достаточно полное обозрѣніе существующей литературы, т. е. сдѣлалъ то, что непосредственно требовалось его темою. Далѣе къ числу достоинствъ сочиненія надо отнести и то, что авторъ въ краткой передачѣ прочитаннаго сумѣлъ, въ общемъ, достаточно точно передать существенное и характерное въ интерисовавшихъ его статьяхъ и изслѣдованіяхъ. Наконецъ, отсутствіе критики, которое самъ авторъ считаетъ недостаткомъ своего труда, въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть поставлено ему въ заслугу, такъ какъ поспѣшная критика солидныхъ изслѣдованій не могла быть иною, какъ неудачной.

Таковы достоинства сочиненія г. Травина, но довольно въ немъ и недостатковъ.

Самый существенный недостатокъ тотъ, что въ настоящемъ сочиненіи не видно и слѣда творческой работы самого автора, если не считать плана, весьма немудренаго. Я согласился признать, что авторъ долженъ былъ обойтись безъ послѣдовательной критики прочитаннаго; но критика—одно, а

характеристика—другое. Работать нѣсколько мѣсяцевъ въ опредѣленной области, перечитать такъ много и не высказать, хотя бы въ видѣ заключенія, общаго своего впечатлѣнія отъ прочитаннаго, не высказать своихъ пожеланій, не указать своихъ недоумѣній и т. д., не сдѣлать всего этого—значитъ обнаружить большую долю самообладанія, но уже граничащаго съ полнымъ равнодушіемъ къ прочитанному.

Далѣе, авторъ отказался отъ личной критики, а между тѣмъ всецѣло довѣряетъ отзывамъ рецензентовъ, хотя иногда мало компетентныхъ, а иногда анонимныхъ. Это своего рода скромность граничитъ съ ложнымъ самоуниженіемъ. При такомъ положеніи дѣла, чѣмъ докажетъ авторъ, что онъ дѣйствительно прочиталъ все то, содержаніе чего передаетъ въ своемъ трудѣ? Быть можетъ онъ и съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изслѣдованій познакомился только изъ рецензій? Я далекъ отъ мысли обвинять въ этомъ автора, напротивъ, лично убѣжденъ въ противномъ, но такое крайнее обезличеніе труда нахожу вовсе не соотвѣтствующимъ интересамъ научныхъ студенческихъ занятій. Наконецъ, изложеніе сочиненія также оставляетъ желать лучшаго.

Указанные недостатки значительно понижаютъ цѣнность сочиненія г. Травина, но отмѣченныя мною въ началѣ положительныя его достоинства позволяютъ мнѣ признать его удовлетворительною кандидатскою работой".

б) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Въ сочиненіи студента В. Травина различается два момента: библіографическій и критическій. Первый моментъ отличается желательною точностью и обстоятельностью: указано почти все главнѣйшее и существеннѣйшее; не опущены иногда изъ вниманія и статьи, напечатанныя въ нѣкоторыхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Что же касается второго момента, то въ общемъ онъ довольно скуденъ, что сознаетъ и самъ г. Тра-

винъ. Авторъ вообще слишкомъ объективенъ: рѣдко онъ высказываетъ свое собственное сужденіе о томъ или иномъ анализируемомъ изслѣдованіи, а всегда почти, гдѣ возможно, пользуется о немъ отзывами другихъ. Такой пріемъ автора вполнѣ понятенъ и въ скудости его критицизма часто выразился только его хорошій тактъ. Однако, критическія замѣчанія настоятельно необходимы были тамъ, гдѣ авторъ встрѣчался съ двумя совершенно противоположными взглядами, а между тѣмъ въ сочиненіи дѣло ставится иногда такъ, какъ будто принимаются оба взаимно другъ друга исключающія мнѣнія.

Сочиненіе написано по простому, совершенно естественному плану: въ первой главѣ имѣются въ виду изслѣдованія и статьи по изученію вообще богословія св. Павла; во второй главѣ анализируются труды, относящіеся къ изученію отдѣльныхъ посланій Апостола языковъ; въ третьей главѣ разсматриваются экзегетическія работы, какъ древнія—переводныя, такъ и новѣйшія, касающіеся нѣсколькихъ посланій св. Павла. Содержаніе изслѣдованій и статей излагается иногда кратко, иногда—болѣе пространно, но по большей части словами самихъ авторовъ. Характерные моменты статьи иногда опущены и вообще изложеніе часто страдаетъ блѣдностью. Въ языкѣ сочиненія есть также нѣкоторые недочеты.

Для степени кандидата сочиненіе можно признать удовлетворительнымъ".

43) О сочиненіи студента Николая *Троепольскаго* на тему: „Психологія епископа Немесія".

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Задача трудовъ, подобныхъ разсматриваемому, обыкновенно полагается въ томъ, чтобы—съ одной стороны—систематизировать воззрѣнія изслѣдуемаго писателя по извѣстному предмету, съ другой—опредѣлить ихъ историческое положеніе и зна-

ченіе. Вторая задача по отношенію къ данной темѣ труднѣе первой: систематизація психологическихъ воззрѣній Немесія значительно облегчается наличностью такихъ пособій, какъ монографіи von B. Domanski и г. Григорьева (авторъ самъ указываетъ эти пособія), да и самое сочиненіе Немесія „О природѣ человѣка“ представляетъ собою опытъ систематическаго изложенія антропологіи. Иное дѣло—вторая задача: для ея строго-научнаго выполненія требуется широкое знакомство съ исторіей философіи и христіанскаго просвѣщенія, а также рядъ кропотливыхъ изслѣдованій для выясненія тѣхъ путей, какими взгляды и понятія языческой философіи приходили въ сознаніе и творенія христіанскихъ писателей. Авторъ разсматриваемаго сочиненія далъ ясное и отчетливое изложеніе психологіи Немесія; что же касается выясненія ея историческаго положенія и значенія, то мы находимъ въ сочиненіи рядъ хотя и бѣглыхъ, но все-таки вѣрныхъ и потому цѣнныхъ сопоставленій воззрѣній Немесія съ воззрѣніями его предшественниковъ. Не представляя собою новаго шага въ изученіи психологіи Немесія, сочиненіе г. Троепольскаго тѣмъ не менѣе въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о его научно-литературной правоспособности“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе Н. Троепольскаго читается отъ начала и до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ, такъ какъ въ немъ (сочиненіи) со значительнымъ успѣхомъ изслѣдуется весьма важный, но далеко еще не разъясненный вопросъ о созданіи древне-христіанской психологіи изъ элементовъ собственно христіанскихъ и языческо-философскихъ. Первый опытъ подобной обработки представилъ, по словамъ г. Троепольскаго, Немесій, епископъ Эмесскій, въ сочиненіи „О природѣ человѣка“. Въ своемъ изслѣдованіи этого творенія со стороны заключающагося

въ немъ психологическаго элемента авторъ доказываетъ, что у Немесія собственныхъ психологическихъ воззрѣній мало и что предложенныя имъ — психологическія данныя въ большей части заимствованы у языческихъ философовъ и въ меньшей — у церковныхъ писателей, выясняетъ источники психологіи названнаго Эмесскаго епископа, его отношеніе къ нимъ и способъ приспособленія взятыхъ у древнихъ философовъ психологическихъ воззрѣній къ христіанскимъ понятіямъ, и систематически излагаетъ психологію Немесія. Такова задача сочиненія; она выполнена авторомъ вообще удачно. Однако справедливость требуетъ сказать, что аргументація выставленныхъ г. Троепольскимъ тезисовъ иногда не отличается надлежащею полнотою и точностію, а иногда она прямо ошибочна и приводитъ автора къ неправильнымъ утвержденіямъ и сомнительнымъ выводамъ. Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить слѣдующій примѣръ. Авторъ утверждаетъ (стр. 157), что до Немесія въ области психологіи „почти ничего не было сдѣлано" церковными писателями и что поэтому онъ и ограничивается ссылками на немногихъ писателей—Оригена, Аполлинарія и Евномія. Но для рѣшенія вопроса о томъ, что до Немесія было сдѣлано церковными писателями по психологіи и не повторяетъ ли этотъ мужъ того, что уже находилось въ обращеніи въ церковной литературѣ, необходимо было точнѣе выяснить время происхожденія Немесіева сочиненія „О природѣ человѣка",—чего авторъ не сдѣлалъ, ограничившись только замѣчаніемъ, что „выходъ въ свѣтъ" сочиненія Немесія „относится ко времени 4-го вѣка" (Ш) и не принявши при этомъ во вниманіе, что для защищаемаго имъ тезиса не безразлично, появилось ли сочиненіе Эмесскаго епископа въ началѣ, въ срединѣ или концѣ 4-го вѣка. Онъ справедливо замѣчаетъ, что на время появленія Немесіева творенія указываетъ находящееся въ немъ упоминаніе объ Аполлинаріѣ и Евноміѣ, но выводъ изъ этого упоминанія сдѣланъ неточный. Церковная полемика противъ Аполлинарія возникла и развивалась въ послѣднее 30-лѣтіе 4-го вѣка и далѣе;

мысль Немесія, что человѣкъ состоитъ только изъ тѣла и души, раскрыта Аѳанасіемъ Великимъ въ полемикѣ противъ Аполлинарія; еретикъ Евномій умеръ въ самомъ концѣ 4-го вѣка. Слѣдовательно, появленіе сочиненія Немесія съ большою вѣроятностію можетъ быть относимо къ концу 4-го и даже къ началу 5-го вѣка; а къ этому времени христіанская психологія была, какъ извѣстно и г. Троепольскому, уже достаточно разработана. Отсюда слѣдуетъ выводъ: мнѣніе автора, что до Немесія почти ничего не было сдѣлано по христіанской психологіи и что этотъ писатель только очень немногимъ могъ воспользоваться при составленіи своего сочиненія, должно считать недоказаннымъ. Но недостатки подобнаго рода рѣдко встрѣчаются въ сочиненіи г. Троепольскаго; большею же частію его сужденія и критическія замѣчанія утверждаются на достаточныхъ основаніяхъ. Къ достоинствамъ его сочиненія должно причислить знаніе ученой литературы, прямо или косвенно касающейся Немесія, и критическое отношеніе къ ней; языкъ сочиненія отличается добрыми литературными качествами. Вообще же сочиненіе студента Троепольскаго по содержанію, научной обработкѣ и литературнымъ качествамъ признаю очень хорошимъ".

44) О сочиненіи студента Алексѣя *Чекановскаго* на тему: „Такъ называемое „кенотическое“ ученіе о лицѣ Іисуса Христа".

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Новую богословско-догматическую теорію, разработанную протестантскими богословами второй половины 19-го вѣка („впервые начало прочному обоснованію и подробному систематическому изложенію кенотической теоріи положено было“ однимъ изъ сочиненій Томазіуса, появившимся въ 1845 году), автору нужно было не только уяснить, но и освѣтить съ точки

зрѣнія церковнаго ученія. Для выполненія этой задачи отъ автора требовалась способность овладѣвать чужою мыслію, выраженною на иностранномъ языкѣ, знакомство съ свято-отеческою письменностью, умѣнье пользоваться пріемами научной экзегетики вмѣстѣ съ твердостью богословствующей мысли и строгостью и точностью языка. Всѣ эти качества обнаружены авторомъ какъ при изложеніи кенотическихъ теорій (во 2 и 3 главахъ; первая глава представляетъ собою краткій историческій очеркъ кенотическаго ученія до второй половины 19-го вѣка), такъ и при ихъ критической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія церковнаго ученія. Въ послѣднемъ случаѣ можно бы пожелать отъ автора большей пытливости богословствующей мысли и большаго творчества, проявляющагося, при вѣрности церковному вѣросознанію, не въ перетолкованіи церковнаго ученія, какъ это произошло съ кенотиками, а въ болѣе глубокомъ проникновеніи въ жизненный смыслъ ученія, что даетъ возможность приблизить такое ученіе къ нашему жизненному пониманію. Между тѣмъ авторъ не столько выясняетъ, подъ руководствомъ отцевъ церкви, церковное ученіе о Лицѣ Іисуса Христа, сколько сводитъ воедино тѣ данныя, въ которыхъ выразилось церковное вѣросознаніе по этому пункту, такъ что, скажемъ, при уясненіи труднѣйшаго въ экзегетическомъ отношеніи и чрезвычайно важнаго въ догматическомъ мѣстѣ изъ Евангелія „о дни же томъ"... (Лук. 13, 32, ср. Мѳ. 24, 36) мы остаемся всецѣло при давнемъ положеніи, что при пониманіи этихъ словъ нужно становиться на домостроительственную точку зрѣнія. Впрочемъ, осторожность автора находитъ достаточное оправданіе въ крайности тѣхъ выводовъ, къ какимъ пришли кенотики при приближеніи „отъ вѣка утаенной тайны" къ человѣческому пониманію, а потому и авторъ за свою осторожность заслуживаетъ, можетъ быть, не только упрека, сколько похвалы. Вообще онъ стоитъ на строго-церковной точкѣ зрѣнія: для него не существуетъ ученія Св. Писанія о Лицѣ Іисуса Христа—

съ одной стороны, ученія отцевъ церкви о томъ же предметѣ—съ другой: онъ знаетъ только ученіе церкви, которое и излагаетъ, пользуясь всѣми памятниками, въ которыхъ выразилось церковное вѣросознаніе (Св. Писаніе, соборныя вѣроопредѣленія, творенія отцевъ и учителей церкви, церковно-богослужебныя книги). Къ незаурядпымъ достоинствомъ сочиненія нужно отнести и его языкъ, удачно совмѣщающій строй современной литературной рѣчи съ требующеюся отъ догматиста строгостью выраженія догматической мысли и съ церковнымъ колоритомъ, что достигается умѣлымъ введеніемъ въ рѣчь библейскихъ, свято-отеческихъ и церковно-богослужебныхъ реченій. Пріятное впечатлѣніе производитъ и внѣшняя сторона сочиненія: имѣю въ виду точность цитаціи при экономіи мѣста, указаніе во введенія плана сочиненія, приложенія къ сочиненію толково составленнаго оглавленія—конспекта.

По всѣмъ этимъ даннымъ сочиненіе г. Чекановскаго слѣдуетъ отнести къ незаурядвымъ кандидатскимъ диссертаціямъ".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Кенотическое" ученіе о лицѣ Іисуса Христа своею терминологіей обязано слову κένωσις, которое означаетъ лишеніе, умаленіе, уничиженіе (Фил. II, 7) и въ ученіи о Лицѣ Іисуса Христа указываетъ на особое, выдвинутое во второй половинѣ прошлаго вѣка протестантскимъ богословіемъ, направленіе, вводящее существенную перемѣну въ Сынѣ Божіемъ при Его воплощеніи, именно—самоотказъ, самоотреченіе отъ нѣкоторыхъ божественныхъ свойствъ, напр. божественной славы, всемогущества, всевѣдѣнія, вездѣсущія и проч.

Предмету своей темы авторъ посвящаетъ четыре главы сочиненія. Въ первой главѣ (стр. 1—51), подъ заглавіемъ

„Краткій историческій очеркъ кенотическаго ученія о Лицѣ Іисуса Христа", указываются попытки протестантскихъ богослововъ отыскать зачатки кенотической христологіи въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви,—христологическія воззрѣнія Лютера и реформатовъ,—первые слѣды кенотизма въ протестантской богословской литературѣ,—труды Томазія, какъ первые опыты систематическаго изложенія кенотической христологіи, и важнѣйшіе труды послѣдующихъ кенотиковъ. Вторая глава (стр. 52—139) излагаетъ „кенотическое ученіе о вочеловѣченіи Сына Божія", указывая утвержденіе существенной перемѣны въ Сынѣ Божіемъ при воплощеніи съ сохраненіемъ Его Божества, какъ основную мысль, характеризующую христіанское ученіе о кеносисѣ,—библейскія и спекулятивныя основанія этой мысли,—ученіе Томазія объ относительныхъ Божескихъ свойствахъ и депотенціаціи Логоса,—воззрѣнія двухъ типовъ дальнѣйшаго кенотизма—умѣреннаго и крайняго,—метаморфозу, происшедшую съ Сыномъ Божіимъ, какъ пунктъ относительно котораго согласны всѣ кенотики. Третья глава (стр. 140—194), подъ заглавіемъ „Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ съ точки зрѣнія кенотической христологіи", представляетъ объясненіе кенотиками историческаго образа Іисуса Христа—единаго богочеловѣческаго я въ Іисусѣ Христѣ, образующагося изъ органическаго единенія двухъ природъ,—Его единой богочеловѣческой жизни, съ физическимъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ развитіемъ, и особенностей Его прославленнаго состоянія; въ концѣ главы указываются выводы изъ изложеннаго кенотическаго ученія о Божествѣ, человѣчествѣ и единствѣ лица Іисуса Христа. Четвертая глава (стр. 195—318) посвящена критическому разбору кенотическаго ученія, въ частности предлагаетъ пониманіе подлиннаго евангельскаго образа Іисуса Христа, какъ критерій для оцѣнки кенотической христологіи,—подробный разборъ библейскихъ и спекулятивныхъ основаній кенотической христологіи и общую оцѣнку кенотическаго ученія

о лицѣ Іисуса Христа съ православной церковно-догматической точки зрѣнія. Сочиненіе заканчивается краткимъ заключеніемъ, въ которомъ дается общая научно-богословская оцѣнка кенотическаго направленія въ протестантскомъ богословіи.

Сочиненіе автора посвящено раскрытію одной изъ труднѣйшихъ богословско-догматическихъ темъ и разрѣшаетъ ее совершенно правильно, полно и всесторонне. Въ исторіи кенотическаго ученія онъ не опускаетъ ни одного изъ главныхъ и второстепенныхъ ея моментовъ, кромѣ развѣ только воззрѣній французскаго кенотика Бонифà, не представляющихъ, впрочемъ, чего-либо существенно отличнаго отъ воззрѣній нѣмецкихъ кенотиковъ. Равно и въ изложеніи кенотическаго ученія онъ касается всѣхъ главныхъ пунктовъ его содержанія, библейской и спекулятивной его аргументаціи. Критическій разборъ обнимаетъ всѣ стороны изложеннаго ученія, сдѣланъ на основѣ православно-догматическаго ученія, святоотеческаго толкованія текстовъ, на которые ссылаются кенотики, и правильной философской критики спекулятивныхъ основаній. Сочиненіе говоритъ о зрѣлости богословско-философскаго мышленія автора, твердости его православной точки зрѣнія, чуткости и тонкости критическаго отношенія къ критикуемой матеріи. Со стороны изложенія оно удовлетворяетъ всѣмъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ логики и стилистики. Вообще, съ своей стороны, я признаю трудъ автора выдающимся по своимъ ученымъ и литературнымъ качествамъ".

45) О сочиненіи студента Григорія *Чиннова* на тему: „Библейское и святоотеческое ученіе о постѣ".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Сочиненіе г. Чиннова состоитъ изъ трехъ главъ изслѣдованія, которымъ предшествуютъ краткія предисловіе и введеніе.

Въ первомъ авторъ опредѣляетъ задачу своего труда и указываетъ источники и пособія для послѣдняго; во введеніи говоритъ о „древности поста" и о постѣ въ нѣкоторыхъ языческихъ дохристіанскихъ религіяхъ. Въ главѣ первой г. Чинновъ излагаетъ ветхозавѣтное ученіе о постѣ: о томъ значеніи, какое ему усвоялось въ Ветхомъ Завѣтѣ, о степени воздержанія во время поста ветхозавѣтнаго вѣрующаго и о необходимой связи поста тѣлеснаго и духовнаго по пророческому ученію. Во второй главѣ излагается откровенное новозавѣтное ученіе о постѣ, его значеніи и сущности, при чемъ въ виду положенія даннаго вопроса въ нашей богословской литературѣ, авторъ вполнѣ основательно сообщилъ изложенію этой главы апологетическій характеръ. Въ главѣ третьей авторъ излагаетъ святоотеческое ученіе о постѣ въ систематическомъ порядкѣ. Сначала онъ излагаетъ святоотеческое ученіе о сущности христіанскаго поста: о качественной его сторонѣ, количественной или мѣрѣ поста, и времени поста и, наконецъ, о неразрывной связи, по воззрѣнію св. отцовъ, поста тѣлеснаго и духовнаго, съ болѣе подробнымъ выясненіемъ понятія поста духовнаго. Во второмъ отдѣлѣ третьей главы авторъ говоритъ о значеніи поста въ жизни христіанина и христіанской церкви по ученію св. отцовъ. Ученія богослужебныхъ книгъ въ этой главѣ авторъ не излагаетъ подробно, ссылаясь на недавній трудъ профессора А. А. Дмитріевскаго „Тріодь постная, какъ училище благочестія". Въ заключеніи авторъ сопоставляетъ кратко ученіе о постѣ Ветхаго Завѣта, новозавѣтнаго Откровенія св. отцовъ. Какъ видно изъ изложеннаго содержанія, сочиненіе г. Чиннова написано по широкому плану, который обнимаетъ вопросъ всесторонне. Такая всеобъемлемость воззрѣнія на предметъ необходимо, конечно, отражается нѣсколько неблагопріятно на раскрытіи частныхъ черть въ ученіи о постѣ, такъ какъ авторъ, въ силу самой широты своей задачи, не имѣлъ возможности останавливаться подробно на отдѣльныхъ сторонахъ библейскаго и свято-

отеческаго ученія о постѣ и изложить послѣднее во всей полнотѣ. Равнымъ образомъ не могъ авторъ и вполнѣ самостоятельно изучить святоотеческія творенія и, при изложеніи ученія послѣднихъ, находился въ нѣкоторой зависимости отъ имѣвшихся у него подъ руками пособій. Но это все-же не можетъ умалить и большихъ достоинствъ названнаго сочиненія. Авторъ сумѣлъ при всеобъемлемости взгляда на предметъ сообщить полную соразмѣрность всѣмъ частямъ своей работы, сохранить полное господство надъ имѣвшимся въ его распоряженіи матеріаломъ и отмѣтить въ ученіи о постѣ именно самое существенное и характерное. Его сочиненіе написано по хорошо придуманному и выдержанному плану, простымъ, но литературнымъ языкомъ и вообше обработано достаточно. Все это позволяетъ мнѣ отнести сочиненіе г. Чиннова къ числу хорошихъ кандидатскихъ работъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Лиmицкаго.

„Задача этого сочиненія „освѣтить вопросъ о постахъ на основаніи Библіи и святоотеческихъ твореній со всѣхъ главныхъ сторонъ". Посему, говоритъ авторъ, „сочиненіе наше не чисто историческаго характера, не литургическаго и не полемическаго". По своей задачѣ сочиненіе это должно быть апологетическимъ. Дѣйствительно, особенный интересъ, по словамъ автора, вопросу о постѣ придаетъ то обстоятельство, что церковное ученіе объ этомъ предметѣ подвергается жестокой критикѣ, которая сводится къ тому, что будто наша церковь въ своемъ ученіи о постахъ уклонилась отъ завѣтовъ Христа и апостоловъ и привнесла въ него много чуждаго духу христіанскаго ученія". Названной задачѣ сочиненія г. Чиннова вполнѣ соотвѣтствовалъ бы методъ систематическаго изложенія, и этотъ именно методъ вначалѣ авторъ и думалъ было избрать, но къ сожалѣнію предпочелъ затѣмъ, безъ достаточныхъ на-

учныхъ основаній, методъ историческій, и оттого доводы и объясненія, долженствующіе служить къ разъясненію вопроса о постѣ, остаются не соглашенными между собою и разрозненными, не приведенными къ единству общаго взгляда на предметъ.

Обязаность христіанина поститься—небезусловная, а условное имѣетъ значеніе, ибо постъ есть только средство для цѣли, лежащей внѣ поста,—такою цѣлью служитъ напр. воспоминаніе нѣкотораго священнаго событія, или приготовленіе къ принятію важныхъ обязанностей, т. е. запечатлѣніе въ душѣ мысли о важности предстоящей къ исполненію задачи, а въ первомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ празднованія нѣкотораго воспоминаемаго священнаго событія, постъ долженъ служить средствомъ къ тому, чтобы это воспоминаніе не было безплоднымъ для нашей души, а способствовало бы нравственному нашему улучшенію. (Потому то постъ поставляется обыкновенно рядомъ съ молитвой и милостыней).

Когда для оправданія установленія постовъ приводится соображеніе о необходимости и полезности въ разныхъ отношеніяхъ воздержанія, то очевидно постъ, оправдываемый такимъ образомъ, уже теряетъ всякое специальное значеніе, ибо воздержаніе, умѣренность, есть общая обязаность нравственная, не ограниченная никакимъ опредѣленнымъ временемъ. Не просто воздержаніе, но воздержаніе въ специальномъ смыслѣ лишенія въ продолженіе извѣстнаго времени нѣкоторыхъ вобще дозволительныхъ удовольствій, въ этомъ только особомъ значеніи, воздержаніе можетъ служить къ опредѣленію сущности поста. Между тѣмъ приводимыя авторомъ для оправданія поста разсужденія о воздержаніи имѣютъ большею частію смыслъ общій: воздержаніе разсматривается какъ средство къ тѣлесному и душевному благосостоянію и даже къ общественному благополучію (способствуя сбереженію расходуемыхъ на нужды жизни средствъ).

Оправданіе обязанности поститься тѣмъ, что вообще христіанинъ долженъ подчиняться руководительству церкви также не достигаетъ своей цѣли. Если посты надо соблюдать потому, что церковь ихъ установила, въ такомъ случаѣ всякія разсужденія о значеніи, о важности и цѣлесообразности поста излишни. Сверхъ того, и это главное, авторъ симъ считаетъ важнѣйшимъ возраженіемъ противъ установленія постовъ то положеніе, что церковь въ этомъ случаѣ отступила отъ духа ученія Христа Спасителя и апостоловъ Ясно, что этотъ аргументъ противъ установленныхъ церковью постовъ не устраняется вовсе указаніемъ на обязанность повиноваться руководительству церкви. Рядомъ съ повиновеніемъ церкви для христіанина существуетъ также обязанность слѣдовать примѣру Христа Спасителя и апостоловъ. Но Христосъ и апостолы постились съ опредѣленною цѣлью, а не ради только того, что были установлены посты, и соблюденіе ихъ требовалось долгомъ повиновенія преданіямъ старцевъ,— на что ссылались книжники и фарисеи. Такимъ образомъ нельзя сказать, что авторъ, т. е. студентъ Чинновъ, благополучно рѣшилъ поставленную имъ для себя задачу—*освѣтить вопросъ о постѣ со всѣхъ сторонъ*. Выполненію этой задачи помѣшало въ значительной степени избраніе метода историческаго. Безъ сомнѣнія г. Чинновъ остановился на этомъ методѣ не ради его преимущества въ научномъ отношеніи, а единственно ради его сравнительной легкости и нетребовательности. При этомъ методѣ, вмѣсто серьезнаго изслѣдованія вопроса, можно ограничиться простымъ изложеніемъ данныхъ относящихся къ вопросу, что и было сдѣлано въ сочиненіи студ. Чиннова. Для полученія степени кандидата признаю это сочиненіе достаточнымъ",

46) О сочиненіи студента Василія *Шаповалова* на тему: „Максимъ Грекъ, какъ представитель византійскаго просвѣщенія и выразитель византійскихъ культурно-историческихъ задачъ на Руси".

а) Экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, трехъ главъ и заключенія:

Въ *предисловіи* (стр. 9—16) авторъ опредѣляетъ предметъ своего изслѣдованія, намѣчаетъ планъ и даетъ довольно полную и обстоятельную библіографію о Максимѣ Грекѣ.

Въ *первой* главѣ (стр. 19—73) излагаются біографическія свѣдѣнія о Максимѣ Грекѣ до его прибытія въ Москву Такъ какъ точныхъ свѣдѣній о происхожденіи, воспитаніи, образованіи и дѣятельности Максима Грека до прибытія его къ намъ въ Москву очень мало, то авторъ большую часть своихъ разсужденій въ первой главѣ сочиненія посвящаетъ характеристикѣ религіозно-нравственнаго и умственнаго состоянія Византіи и Италіи во время жизни Максима Грека. Глава заканчивается разсказомъ о прибытіи Максима Грека на Аѳонъ изъ Италіи, куда онъ отправился для полученія образованія, о принятіи имъ на Аѳонѣ монашества и, наконецъ, о его жизни и трудахъ здѣсь.

Во *второй* главѣ (стр. 75—175) авторъ весьма подробно изображаетъ религіозно-нравственное состояніе русскаго (московскаго) общества, современнаго Максиму Греку, при чемъ, въ частности говоритъ: о формальномъ, внѣшнемъ и механическомъ пониманіи русскими христіанскихъ идей, низкомъ общемъ уровнѣ нравственности, приниженномъ положеніи женщины, невѣжествѣ и другихъ недостаткахъ духовенства, о широкомъ распространеніи суевѣрій среди русскаго народа, о состояніи русскаго монашества, современнаго Максиму Греку, и недостаткахъ его жизни, о состояніи просвѣщенія въ русскомъ обществѣ и о распространеніи въ немъ, подъ вліяніемъ духовенства и особенно монашества, аскетическихъ идей. Въ заключеніе второй главы своего сочиненія авторъ характеризуетъ время жизни и дѣятельности у насъ, въ Москвѣ Максима

Грека, какъ время многихъ и разныхъ нестроеній, происходившихъ частію отъ внѣшнихъ вліяній (рефомаціонныхъ идей съ запада и римско-католической пропаганды), частію отъ внутреннихъ причинъ, главною изъ которыхъ авторъ признаетъ невѣжество русскаго общества, современнаго Максиму Греку.

Третья глава (179—378) состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ коихъ въ первой авторъ даетъ краткій очеркъ византійскаго вліянія на древнюю Русь до Максима Грека, и во второй—изображаетъ дѣятельность самого Максима Грека на Руси, которую онъ разсматриваетъ съ различныхъ сторонъ, какъ а) просвѣтительно-публицистическую, б) религіозно-полемическую и в) національно-историческую.

Въ краткомъ *заключеніи* (стр. 399—402) авторъ даетъ оцѣнку личности и дѣятельности Максима Грека въ Россіи.

Таково содержаніе сочиненія. Главный недостатокъ его заключается въ томъ, что авторъ разсматриваетъ личность и дѣятельность Максима Грека въ *слишкомъ* широкой перспективѣ, при которой личность Максима Грека часто совершенно стушевывается. Большая часть характеристики въ сочиненіи автора, напр., религіозно-нравственнаго и умственнаго состоянія Византіи, Италіи и древней Руси отличается *слишкомъ* общимъ характеромъ. Есть въ сочиненіи характеристика невѣрная, положенія не обоснованныя и выраженія не точныя.

Сочиненіе даетъ полный и обстоятельный отвѣтъ на вопросы. Изложеніе его удовлетворительно. Авторъ его, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ присужденія степени кандидата богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Сочиненіе студента Шаповалова состоитъ изъ предисловія, трехъ главъ изслѣдованія и небольшаго заключенія.

Предисловіе имѣетъ цѣлію выяснить важность личности и дѣятельности Максима Грека въ исторіи русскаго просвѣщенія

и русской общественной жизни XVI вѣка и такимъ образомъ обосновать значеніе предпринятаго авторомъ изслѣдованія. Въ концѣ предисловія перечислены источники и пособія, которыми авторъ воспользовался. Перечень этотъ можно было бы существенно восполнить, но въ виду краткости времени, бывшаго въ распоряженіи автора, можно довольствоваться и перечисленнымъ, какъ обнимающимъ наиболѣе существенные вопросы изслѣдованія.

Глава первая содержитъ біографію Максима Грека до прибытія въ Москву. Представленный біографическій очеркъ имѣетъ своею задачею обосновать взглядъ автора на Максима Грека, какъ представителя византійскаго просвѣщенія на Руси въ виду особенностей школы, пройденной Максимомъ Грекомъ въ Италіи. Поэтому очеркъ отличается сравнительною сжатостію и выдержанностію въ границахъ поставленной задачи. Выдвинуты особенности просвѣщенія Италіи въ пору пребыванія здѣсь Максима Грека, отношеніе къ этому просвѣщенію самаго Максима и вліяніе на него послѣдующей жизни на Аѳонѣ, завершившей опредѣленіе его религіозно-нравственныхъ понятій и отношеніе къ православной наукѣ и письменности Византіи, которыхъ онъ является потомъ носителемъ и выразителемъ.

Довольно обширная вторая глава представляетъ разборъ религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI вв. Цѣль автора— представить ту сферу, въ которой пришлось жить и дѣйствовать Максиму Греку. Господствующими особенностями жизни русскаго общества разсматриваемаго времени было развитіе формализма въ области религіи, смѣшеніе обряда съ догматомъ, сознаніе обладанія полнотою и ненарушимостью православія въ мысли и жизни и одновременно съ этимъ крайнее невѣжество русскаго народа, не исключая и духовенства, существованіе въ обществѣ грубыхъ пороковъ, отчасти отличительныхъ въ это именно время.

Главная часть сочиненія студента Шаповалова—обширная третья глава, занятая вопросомъ о вліяніи Византіи на Русь и на русское просвѣщеніе и объ особенностяхъ дѣятельности въ той же области Максима Грека. Указывая могущественное вліяніе Византіи на просвѣщеніе Руси со времени принятія христіанства, авторъ съ тѣмъ вмѣстѣ отмѣчаетъ отсутствіе замѣтнаго вліянія на Русь науки греческой, особенно до-христіанской, которая по существу осталась намъ чуждой и мало извѣстной. Въ пору дѣятельности на Руси Максима Грека наука эта возраждается на западѣ, откуда и начинаетъ проникать на Русь. Максимъ Грекъ, свидѣтель этого возрожденія на западѣ Европы, отнесся къ ней однако отрицательно и въ этомъ смыслѣ былъ истиннымъ продолжателемъ историческаго византійскаго вліянія на Руси. Какъ дѣятель оффиціальный, Максимъ Грекъ былъ собственно переводчикъ и исправитель церковно-богослужебныхъ книгъ; какъ невольно вовлеченный въ современную ему русскую общественную и даже государственную жизнь, Максимъ Грекъ вооружается противъ недостатковъ современнаго русскаго общества какъ историческихъ, такъ и тѣхъ, которые были слѣдствіемъ завязавшихся сношеній съ западомъ Европы. Къ послѣднимъ относится увлеченіе религіознымъ вольномысліемъ Запада, астрологіей, попытки ознакомленія съ католицизмомъ чрезъ посредство посланниковъ папы и выходцевъ съ запада Европы, въ родѣ Николая Нѣмчина. Особую миссію Максима Грека на Руси составляетъ борьба съ попытками папъ подчинить Россію своему главенству, усиліе Максима поддержать на Руси авторитетъ—и вліяніе константинопольскаго патріарха и попытка подвигнуть Василія Іоанновича III на борьбу съ турками въ цѣляхъ возстановленія былого византійскаго царства.

Очень коротенькое заключеніе не представляетъ обобщенія богатаго содержанія предшествующихъ главъ.

Сочиненіе студента Шаповалова читается съ интересомъ, обнаруживаетъ въ авторѣ трудолюбивое и добросовѣстное отно-

шеніе къ дѣлу, основательное изученіе сочиненій Максима Грека. Какъ въ научномъ трудѣ начальномъ, встрѣчаются въ изслѣдованіи студента Шаповалова недомолвки, еще чаще обмолвки, неизбѣжныя при краткости времени, которымъ распологалъ авторъ; но указанные недочеты не ослабляютъ впечатлѣнія. Стиль въ общемъ довольно правильный и легкій.

Для соисканія степени кандидата богословія диссертація вполнѣ удовлетворительная".

47) О сочиненіи студента Леонтія *Яновскаго* на тему: „Геннадій массилійскій (какъ историкъ церковной письменности по преимуществу)".

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова:

„Сочиненіе студента Яновскаго состоитъ изъ введенія и пяти главъ изслѣдованія. Во введеніи авторъ намѣчаетъ задачу и планъ сочиненія, сообщаетъ краткія свѣдѣнія о внѣшней судьбѣ текста твореній Геннадія и указываетъ источники и пособія, бывшіе въ его пользованія.

Въ *первой* главѣ излагаются біографическія свѣдѣнія о Геннадіѣ и его литературной дѣятельности. Во *второй* главѣ указываются источники, какими пользовался Геннадій при составленіи своего каталога de viris illustribus. Въ *третьей* главѣ показывается отношеніе Геннадія къ писателямъ, помѣщеннымъ въ его каталогѣ, особенно же—полупелагіанамъ и ихъ сочиненіямъ, а также отношенія Геннадія къ противникамъ полупелагіанства (блаж. Августину и Просперу), къ папамъ римскимъ, къ еретикамъ и другимъ. Въ *четвертой* главѣ авторъ говоритъ о хронологіи въ катологлѣ „de viris illustribus", при чемъ высказываетъ такой взглядъ на этотъ предметъ. „Хронологическія указанія Геннадія въ большинствѣ случаевъ почти всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности, опредѣляются по времени

царствованія римскихъ императоровъ и касаются въ одинаковой степени какъ писателей запада, такъ равно и востока. Въ этомъ отношеніи ошибки встрѣчаются рѣдко; гораздо чаще погрѣшаетъ Геннадій въ очереди, отводимой имъ писателямъ (стр. 99—100)". Въ дальнѣйшемъ разсужденіи автора указываются важнѣйшія хронологическія ошибки Геннадія, встрѣчающіяся въ его каталогѣ de viris illustribus.

Въ послѣдней *пятой* главѣ авторъ показываетъ значеніе каталога Геннадія de viris illustribus историко-литературное, біографическое и библіографическое и сравниваетъ языкъ сочиненія Геннадія съ языкомъ блаж. Іеронима.

Изложенное нами вкратцѣ содержаніе сочиненія студента Яновскаго показываетъ, что авторъ стремился обнять предметъ изслѣдованія съ возможною полнотою и обстоятельностію. Но это похвальное его стремленіе не всегда увѣнчивается надлежащимъ успѣхомъ.

Такъ авторъ, разсматривая каталогъ Геннадія de viris illustribus съ разныхъ точекъ зрѣнія, указывая его достоинства, и недостатки, не перечисляетъ всѣхъ писателей, упоминаемыхъ Геннадіемъ въ его каталогѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать автору, что, какъ онъ самъ замѣчаетъ вначалѣ сочиненія, о каталогѣ Генадія de viris illustribus „въ русской богословской литературѣ нѣтъ никакихъ изслѣдованій" (стр. 3). Такой же пробѣлъ встрѣчается и въ тѣхъ мѣстахъ сочиненія г. Яновскаго, гдѣ (стр. 118, 120) онъ говоритъ о писателяхъ, встрѣчающихся въ каталогѣ Геннадія, но не перечисляетъ поименно этихъ писателей, а только дѣлаетъ голословныя ссылки на главы каталога, къ которымъ читатель долженъ самъ обращаться.

Въ концѣ сочиненія авторъ говоритъ о церковныхъ писателяхъ, подражавшихъ Геннадію въ составленіи разныхъ каталоговъ тѣхъ или другихъ сочиненій и сочинителей. Но въ чемъ состоитъ это подражаніе, авторъ не указываетъ (стр. 124). Въ

языкѣ сочиненія г. Яновскаго встрѣчаются неровности, шереховатости и выраженія, не вполнѣ удобныя въ серіозномъ богословскомъ изслѣдованіи (стр. 23, 89, 47, 53—54, 64, 66, 73, 85, 105, 120).

Къ достоинствамъ сочиненія слѣдуетъ отнести то, что оно составлено самостоятельно, по нарочно избранному плану, изложено большею частію языкомъ правильнымъ и яснымъ, по мѣстамъ живымъ и увлекательнымъ. Авторъ можетъ быть удостоенъ степени кандидата богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова".

„Разработка означенной, необширной по объему, темы произведена авторомъ по широкому, находящемуся въ полномъ согласіи съ существомъ самаго предмета, плану, соотвѣтственно которому г. Яновскій въ пяти главахъ своего сочиненія изложилъ и изслѣдовалъ біографическія свѣдѣнія о Геннадіи, и источники его сочиненія de viris illustribus, выяснилъ отношеніе этого автора къ прежнимъ церковнымъ писателямъ и современнымъ ему, опредѣлилъ хронологическія данныя, литературное и историческое значеніе названнаго сочиненія. Видно, что авторъ всесторонне изучилъ и обслѣдовалъ предметъ своего сочиненія, показавъ при этомъ хорошее знаніе источниковъ и пособій, а равно и надлежащее критическое отношеніе къ нимъ. По этимъ качествамъ разсматриваемое сочиненіе можно было бы признать очень хорошимъ, если-бы въ языкѣ и содержаніи его не встрѣчались нѣкоторые недостатки, легко, впрочемъ, устранимыя, однако не устраненные авторомъ и принижающіе достоинство его труда. Рѣчь автора отличается вообще простотою, ясностію и выразительностію; но встрѣчаются выраженія нестерпимо худыя по построенію, слова, взятыя не въ надлежащемъ значеніи или же извращенныя: напр. Сваргій вм. Евагрій (стр. 39), Фаветъ Рицкій (63) вм. Ф. Регійскій. Въ содержаніи сочиненія

находимъ критическія замѣчанія, основанныя на извращеніи общеизвѣственныхъ хронологическихъ датъ; такъ, авторъ дѣлаетъ упрекъ Геннадію за то, что онъ помѣщаетъ блаж. Августина между писателями, умершими въ началѣ 5-го вѣка, а не въ концѣ этого вѣка; но эта неудачная поправка произошла вслѣдствіе того, что г. Яповскій смерть Августина, послѣдовавшую въ 430 г., относитъ къ 480 г.

Но недостатки указанныхъ двухъ родовъ немногочисленны и ни въ какомъ случаѣ они не могутъ значительно умалять достоинство сочиненія Яновскаго, которое считаемъ удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія".

48) О сочиненіи студента Николая *Өедорова* на тему: „Способы возсоединенія еретиковъ съ Церковью въ первые 9 вѣковъ ея существованія".

а) И. д. доцента Ө. Мищенко:

„Сочиненіе, кромѣ краткаго предисловія и нѣсколькихъ строкъ послѣсловія, состоитъ изъ трехъ главъ: I гл.—о присоединеніи еретиковъ мірянъ къ церкви въ первые 3 вѣка, II гл.—о томъ же въ періодѣ вселенскихъ соборовъ и III гл.—о присоединеніи еретическихъ клириковъ въ оба эти періода.

Въ основныхъ своихъ взглядахъ авторъ, повидимому, склоняется къ строгой Кипріановской точкѣ зрѣнія, по которой всякое еретическое крещеніе признается недѣйствительнымъ, и потому нормальной формой принятія крещенныхъ внѣ единой Церкви должно быть перекрещиваніе. Значительную часть первой главы авторъ посвящаетъ доказательствамъ того, что строгая практика перекрещиванія ведетъ свое происхожденіе отъ апостоловъ, тогда какъ обычай болѣе снисходительнаго отношенія къ еретикамъ—позднѣйшаго западно-римскаго происхожденія. Такъ какъ древнѣе Тертуліана прямыхъ свидѣтельствъ въ

пользу исключительности перекрещиванія авторъ не находитъ, то доказательства его являются не вполнѣ убѣдительными, не смотря на искусство ихъ построенія. Во второй періодъ, періодъ вселенскихъ соборовъ, практика болѣе снисходительная, признававшая, при извѣстныхъ условіяхъ, силу еретическаго крещенія, возобладала надъ практикой болѣе строгой; въ этомъ авторъ видитъ уступку со стороны церкви обстоятельствамъ времени. Въ отношеніи къ клирикамъ дѣйствовали тѣ же принципы, что и въ отношеніи къ мірянамъ, и въ III гл. авторъ излагаетъ исторію вопроса о возсоединеніи клириковъ съ церковью главнымъ образомъ съ фактической стороны.

Хотя и не всѣ высказанные въ сочиненіи взгляды являются убѣдительно обоснованными, и не всѣ факты достаточно освѣщены, тѣмъ не менѣе сочиненіе производитъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе научными пріемами и постановкой изслѣдованія, изобличающими въ авторѣ человѣка серьезной школы. Особенно надо поставить въ заслугу автору его неуклонное тяготѣніе къ первоисточникамъ: свои выводы и сужденія, свое изображеніе историческихъ фактовъ онъ всегда старается обосновать не на чужихъ взглядахъ и мнѣніяхъ, а на твердомъ основаніи текста источниковъ. Правда, заявленіе его, что у него не было „надежныхъ руководствъ и пособій“ (см. послѣсловіе), должно быть принято съ большими ограниченіями: уже одно изданіе Mansi давало ему матеріалъ въ такомъ подборѣ и съ такими иногда примѣчаніями, которыя въ значительной степени облегчали ему разрѣшеніе его задачи; большую благодарность долженъ принести онъ также такому руководителю своему, какъ историкъ Hefele; обязанъ онъ кое-чѣмъ и другимъ пособіямъ, до спеціальной диссертаціи на его тему Серафимова включительно. Но, дѣйствительно пособіями своими онъ пользуется только какъ средствомъ найти доступъ къ первоисточникамъ; даже въ указаніяхъ общаго характера и на общеизвѣстные историческіе факты онъ предпочитаетъ дѣлать ссылки не

на курсы исторіи и новѣйшія изслѣдованія, а на подлинныя произведенія первоисточниковъ — Евсевія, Сократа, Созомена и др. Вообще источники все время занимаютъ центральное мѣсто въ полѣ зрѣнія автора, и на нихъ главнымъ образомъ фиксировано его вниманіе. Въ самомъ пользованіи источниками авторъ также обнаруживаетъ чисто научное къ нимъ отношеніе, стараясь всегда принять въ соображеніе свѣдѣнія касательно исторической достовѣрности и историческаго значенія источника, а также предлагая, гдѣ нужно, свои разъясненія смысла историческихъ свидѣтельствъ. Правда, не всегда съ этими разъясненіями можно согласиться, но никогда въ то же время онѣ не высказываются голословно, безъ извѣстной мотивировки.

Путемъ такого изслѣдованія матеріала въ сочиненіи г. Өедорова возсоздается фактическая исторія разсматриваемаго вопроса съ такой полнотой, съ какой доселѣ въ русской литературѣ она не представлялась.

Излагая факты, авторъ старался, конечно, уразумѣть и внутренній смыслъ ихъ, уяснить тѣ историческія, каноническія и догматическія начала, которыя опредѣляли такое именно, а не иное развитіе изслѣдуемаго имъ предмета. Многое авторомъ сдѣлано въ этомъ отношеніи, но еще больше, по нашему мнѣнію, остается сдѣлать: не всѣ факты достаточно освѣщены съ ихъ внутренней стороны, и недостаточно привлеченъ къ дѣлу и изслѣдованъ матеріалъ, могущій служить къ выясненію движущихъ принциповъ изложенной исторіи. Изслѣдователю надо было бы выяснить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, почему церковь поступила такъ, а не иначе, и для этого обратить особенное вниманіе въ источникахъ на мѣста, имѣющія характеръ мотивировки, тогда только открылась бы возможность сдѣлать твердо-обоснованныя обобщенія, и тогда авторъ точнѣе, а, быть можетъ, и нѣсколько иначе, формулировалъ бы свои выводы. Но такія требованія, конечно, можно предъявлять только какъ задачу для дальнѣйшей переработки труда, а не какъ критерій

для оцѣнки сдѣланнаго въ теченіе одного года. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важно, что авторъ сознавалъ необходимость такой постановки вопроса и по мѣрѣ того, насколько позволяло время (въ первой главѣ больше чѣмъ въ слѣдующихъ) велъ свое изслѣдованіе именно въ этомъ направленіи.

Сочиненіе и въ томъ видѣ, какъ оно есть, читается съ большимъ интересомъ, и въ качествѣ первой научной ступени къ рѣшенію поставленнаго вопроса производитъ самое благопріятное впечатлѣніе.

На случай переработки сочиненія, автору слѣдуетъ также обратить вниманіе на стиль, по мѣстамъ тяжеловатый.

Въ качествѣ кандидатской диссертаціи сочиненіе должно быть признано весьма хорошимъ".

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Въ предисловіи къ своему труду ст. Θедоровъ обозрѣваетъ и оцѣниваетъ скудную литературу по вопросу о возсоединеніи еретиковъ, себѣ самому онъ ставитъ задачу „обратить вниманіе на богатую область матеріала... сопоставить этотъ матеріалъ (читай: историческія данныя) съ данными вселенскаго канона и отсюда попытаться создать себѣ возможно наглядную картину практики до-соборнаго и соборнаго періодовъ". Для выполненія этой задачи авторъ обратился къ выходящему снова въ свѣтъ изданію Manci „Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio" и др. изданіямъ, русскому переводу „Дѣяній вселенскихъ соборовъ", а также къ историческимъ памятникамъ и твореніямъ христіанской древности, какъ въ переводахъ, такъ и въ подлинномъ текстѣ, а именно къ твореніямъ Евсевія, Сократа, Созомена, Θеодорита, Руфина, Григорія Великаго, Льва I и друг. Пособіями ему служили труды *Гефеле*, Conciliengeschichte, Штокмана, Elucidarius haeresium, schismatum... и др. Собранный въ указанныхъ древнихъ и новыхъ произведеніяхъ и

изданіяхъ историко-каноническій матеріалъ авторъ систематизировалъ и представилъ въ слѣдующихъ трехъ главахъ: 1) Возсоединительная практика Церкви первыхъ трехъ вѣковъ; 2) практика возсоединенія съ Церковію еретиковъ вообще въ періодъ Вселенскихъ соборовъ; 3) возсоединительная практика Церкви до-Вселенскаго и Вселенскаго періодовъ относительно еретическихъ клириковъ.

Студентъ Ѳедоровъ довольно удачно справился съ взятымъ на себя трудомъ, обнаруживъ во время его способность выдѣлять изъ множества данныхъ существенное и давать собранному довольно стройный научный видъ. Конечно отъ его труда и нельзя требовать широкой постановки вопроса и *вполнѣ научной* разработки въ примѣненіи къ настоящему времени и его запросамъ: матеріалъ его работы весьма обильный, трудный для усвоенія и допускающій партійныя перетолкованія почти по каждому вопросу и требующій критическаго отношенія почти къ каждому историческому извѣстію. Однако не смотря на эти трудности авторъ,—въ первый разъ выступающій съ серьезнымъ научнымъ трудомъ,—не растерялся и довелъ свою работу до конца такъ, что сочиненіе его, самостоятельно по плану, не менѣе самостоятельно и по изложенію матеріала и его критической оцѣнкѣ. На мой взглядъ студентъ Ѳедоровъ—обнаруживаетъ задатки серьезнаго церковно-историческаго изслѣдователя. Недостатки своего труда неизбѣжные въ каждомъ первомъ научномъ опытѣ, онъ самъ ясно видитъ и сожалѣетъ, что не располагалъ большимъ временемъ для ихъ устраненія.

Онъ послѣдовательно въ строго выдержанномъ планѣ обозрѣваетъ практику перекрещиванія еретиковъ и споры поэтому вопросу между Римомъ съ одной стороны и Востокомъ и Африкою съ другой, довольно убѣдительно разъясняетъ несоотвѣтствіе теоріи и практики въ вопросѣ о перекрещиваніи; обозрѣваетъ практику принятія еретиковъ чрезъ миропомазаніе, или черезъ таинственное возложеніе рукъ для низведенія св. Духа;

уясняетъ значеніе практики принятія еретиковъ чрезъ руковозложеніе въ знакъ отпущенія грѣховъ, и практики возсоединенія еретиковъ чрезъ исповѣданіе вѣры и отреченія отъ ересей, а въ послѣдней главѣ, особенно важной для настоящаго времени, излагаетъ матеріалы, говорящіе о возсоединеніи клириковъ въ періодъ Вселенскаго единства Церкви. Было бы желательно, чтобы свой трудъ, вполнѣ достойный признанія его очень хорошимъ кандидатскимъ, студентъ Ѳедоровъ не забросилъ въ архивѣ, а продолжилъ то, что начато, дополнилъ недостаточное, разъяснилъ нѣкоторыя темныя мѣста и болѣе легкимъ языкомъ изложилъ свои соображенія; его работа не осталась бы,—какъ мнѣ кажется,—безъ должной оцѣнки со стороны любителей церковно-исторической науки".

Постановили: 48 сочиненій студентовъ IV курса, на основаніи заслушанныхъ о нихъ отзывовъ, признать дающими право авторамъ ихъ на полученіе степени кандидата богословія,—именно: сочиненія студентовъ Н. Пузанова и А. Чекановскаго признать отлично-хорошими, сочиненія В. Барвинка и Н. Ѳедорова—отличными, сочиненія іеромонаха Аполлинарія (Кошевого), Н Державина, А. Кильчевскаго, Е. Нагорнаго, іеромонаха Назарія (Лежавы). А. Никифорова, М. Омельяновича, А. Поповича, П. Сербинова и Г. Скарданицкаго—весьма хорошими, сочиненія священника Н. Блошенко, Н. Богоявленскаго (Олонецкаго), Б. Георгіевскаго, В. Гомерова, И. Зеленкевича, П. Коробейникова, П. Смирнова, И. Стелецкаго, Н. Троепольскаго и В. Шаповалова—очень хорошими, сочиненія И. Ашихмана, Н Богоявленскаго (новгородскаго), И. Гладковскаго, Н. Поройкова, Н. Пустошнова, Д. Терзича и Г. Чинова—очень удовлетворительными, сочиненія В. Демьяновскаго, М. Мильскаго, Н. Москалевича, М. Орлова, А. Проскурякова, П. Симоновскаго, В. Солнцева и В. Травина—хорошими, сочиненія А. Боброва, М. Глаголева, М. Иллюминатова,

И. Левитскаго, И. Паславскаго и Л. Яновскаго—удовлетворительными, сочиненія В. Бошняковича, В. Зерчанинова и П. Стасиневича—достаточными для кадидадской степени. Отзывы эти имѣть въ виду какъ при составленіи порядковаго списка студентовъ IV курса, такъ и при удостоеніи ихъ ученой степени или званія, на основаніи § 132—133 Уст. дух. акад.

II. Докладъ секретаря Совѣта: „По 4 § Правилъ касательно изданія курсовыхъ сочиненій студентовъ Кіевской Духовной Академіи на проценты съ пожертвованнаго на этотъ предметъ капитала бывшимъ Ректоромъ Академіи преосвященнымъ Димитріемъ (Ковальницкимъ), нынѣ архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ, Совѣтъ Академіи, по выслушаніи отзывовъ о всѣхъ кандидатскихъ сочиненіяхъ, имѣетъ особое сужденіе о рекомендованныхъ наставниками къ печати студенческихъ работахъ и опредѣляетъ, какія изъ нихъ могутъ и должны быть напечатаны. О семъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Совѣта".

Справка: Къ напечатанію на проценты съ означеннаго капитала бывшими въ собраніи наставниками Академіи рекомендованы курсовыя сочиненія студентовъ А. Боброва, В. Гомерова, Н. Державина, А. Кильчевскаго, А. Поповича, Г. Скарданицкаго, Н. Поройкова и одна глава изъ сочиненія священника Н. Блошенко.

Постановили: **Разрѣшить напечатать на проценты съ капитала, пожертвованнаго на изданіе курсовыхъ студенческихъ сочиненій бывшимъ Ректоромъ Академіи, нынѣ архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ Димитріемъ курсовыя сочиненія студентовъ А. Боброва, В. Гомерова, Н. Державина, А. Кильчевскаго, А. Поповича, Г. Скарданицкаго, Н. Поройкова и одну главу изъ сочиненія священника Н. Блошенка. Если въ сборникъ по недостатку процентовъ не можетъ войти весь этотъ**

матеріалъ, то предоставить Преосвященному Ректору Академіи право по своему усмотрѣнію сдѣлать въ ономъ сокращенія.

III. Отзывы о сочиненіи библіотекаря Кіевской Духовной Академіи кандидата Амвросія Крыловскаго на тему: „Львовское Ставропигіальное Братство“ (Кіевъ, 1904), представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе г. Крыловскаго А. имѣетъ своимъ предметомъ Львовское Ставропигіальное Братство. Братство это, начало котораго скрывается въ отдаленномъ прошедшемъ, существуетъ и въ настоящее время подъ именемъ „*Ставропигіальнаго института*“, или просто „*Ставропигіи*“. Въ теченіи своей болѣе чѣмъ трехвѣковой жизни Львовское братство претерпѣло много перемѣнъ. На глазахъ исторіи оно постепенно росло, расцвѣтало, иногда какъ будто завядало, а потомъ снова оживало, цвѣло и приносило многіе и различные духовные плоды. Однимъ словомъ, Львовское ставропигіальное братство, безспорно, одно изъ важнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ западнорусскихъ братствъ, представляетъ собою настоящее органическое явленіе въ исторіи многострадальной Западной Руси.

Какъ явленіе именно историческое, подчиненное въ своей жизни законамъ органическаго развитія, Львовское братство, разумѣется, должно было имѣть въ основѣ своей корни, изъ которыхъ оно выросло, а также и почву, на которой оно могло такъ прочно привиться. Только при этихъ необходимыхъ условіяхъ, Львовское братство могло принести и тѣ богатые плоды, которыми въ свое время питалась вся Западная православная Русь и которыми доселѣ продолжаетъ пользоваться и наслаждаться русскій народъ въ Галиціи.

Такимъ образомъ, написать исторію Львовскаго ставропигіальнаго братства, по нашему мнѣнію, значить показать зарожденіе его, постепенное возрастаніе его и затѣмъ изобразить всѣ тѣ перемѣны, какія братство имѣло въ своей жизни.

Автору разсматриваемой нами монографіи, повидимому, предносилась эта именно идея исторіи Львовскаго братства, когда онъ составлялъ планъ своего сочиненія.

Книга г. Крыловскаго А., содержащая въ себѣ исторію Львовскаго братства, состоитъ собственно изъ двухъ половинъ. Вторая нѣсколько меньшая первой—половина книги занята „*приложеніями*". Въ качествѣ такихъ приложеній напечатано 89 документовъ, частію имѣющихъ отношеніе къ исторіи Львовскаго братства, частію же (напримѣръ №№ 2, 4, 8—10. 12, 21—22, 39—40, 50, 73—74 и 76—89) не имѣющихъ таковаго отношенія къ Львовскому братству, что сознаетъ и самъ авторъ (стр. 309. прим. 1). Правду сказать, мы совершенно не понимаемъ, зачѣмъ собственно и съ какою именно цѣлію эти документы приложены къ сочиненію о Львовскомъ братствѣ; самъ же авторъ объ этомъ, къ сожалѣнію, не обмолвился рѣшительно ни однимъ словомъ. И потому, такъ какъ авторъ не объясняетъ настоящаго отношенія „приложеній" къ своему сочиненію и ни одного разу не ссылается на нихъ въ своей книгѣ, и даже болѣе того: пользуясь документами, напечатанными у него въ отдѣлѣ приложеній, цитируетъ эти документы по другимъ источникамъ (см. напр., стр. 100 прим. 4 ср. Приложенія докум. № XXXV стр. 76—79), т. е какъ бы игнорируетъ самъ свои „приложенія", то и мы въ своей дальнѣйшей рѣчи не будемъ касаться ихъ, а будемъ говорить только о первой половинѣ его книги. Первая половина книги содержитъ въ себѣ собственно „опытъ церковно-историческаго изслѣдованія" о Львовскомъ ставропигіальномъ братствѣ. Она состоитъ изъ *введенія* и *шести главъ*.

Во введеніи (стр. I—XXII) авторъ говоритъ о происхожденіи братствъ, старается разъяснить сущность ихъ, изображаетъ

устройство и задачи братствъ въ первое время ихъ существованія. Здѣсь же авторъ ведетъ рѣчь о причинахъ возникновенія западно-русскихъ братствъ, ихъ развитія въ концѣ XVI в., существенныхъ задачахъ ихъ дѣятельности, каковыми онъ признаетъ религіозно-просвѣтительную и національную. Разсужденіями о причинахъ упадка западно-русскихъ братствъ и заканчивается введеніе.

Какъ видимъ, во введеніи къ своему изслѣдованію авторъ ставитъ и пытается рѣшить вопросы весьма важные, капитальные и сложные. Разумѣется, идея не только рѣшить означенные вопросы, но даже хотя бы сколько нибудь освѣтить ихъ есть идея весьма заманчивая. Неудивительно и то, если подобная идея могла возникнуть въ умѣ автора, много лѣтъ трудившагося надъ изученіемъ исторіи одного изъ важнѣйшихъ западно-русскихъ братствъ. Слово его, особенно слово самостоятельное, основанное на спеціальномъ изученіи предмета, тѣмъ болѣе должно быть цѣнно, что всѣ означенные вопросы нашими историками рѣшаются обыкновенно весьма разнорѣчиво.

Къ сожалѣнію, справедливость требуетъ сказать, что читатель напрасно будетъ искать подобнаго оригинальнаго слова у автора во введеніи къ его книгѣ. Авторъ такъ обще, такъ бѣгло и такъ поверхностно рѣшаетъ возбуждаемые имъ важные вопросы, касающіеся самого существа братскаго института, что, право, лучше было бы, если бы онъ совсѣмъ не затрагивалъ такихъ вопросовъ.

Для примѣра остановимся на разсужденіяхъ автора по вопросу о происхожденіи западно-русскихъ братствъ. Изложивъ весьма кратко мнѣнія, высказанныя въ наукѣ по этому вопросу, авторъ затѣмъ „присоединяется“ къ мнѣнію проф. С. Т. Голубева, которое называетъ сначала „замѣчательнымъ“, потомъ выдающимся, далѣе „очень убѣдительнымъ“ и, н общепринятымъ. Мнѣніе это, по словамъ автора, состоитъ въ томъ, что институтъ братствъ развился, будто бы, на

права *патронатства такъ наз. коллективнаго.* Свое „присоединеніе" къ этому мнѣнію авторъ мотивируетъ тѣмъ, что, дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, *оно наиболѣе оправдывается исторіею западно-русскихъ братствъ, переживших нѣсколько фазъ своего бытія*" (стр. IV—V).

Что-же? казалось бы чего лучше и ожидать, какъ если бы авторъ, спеціально занимавшійся изученіемъ исторіи Львовскаго братства, о которомъ онъ говоритъ, что „оно было старѣйшимъ и первымъ между всѣми православными братствами, съ постановленіями котораго эти послѣднія должны были сообразоваться, при самомъ живомъ участіи котораго совершались важнѣйшія дѣянія въ западно-русской церкви и уставъ котораго служилъ образцомъ для другихъ братствъ (стр. 308)" „оправдалъ" и освѣтилъ то мнѣніе, къ которому онъ „присоединяется", на основаніи именно исторіи Львовскаго братства. Но авторъ этого даже и не пытается сдѣлать; да и хорошо дѣлаетъ, поступая такъ, потому что ни уставъ Львовскаго братства, ни его дѣйствительная исторія, излагаемая въ книгѣ, ни мало не оправдываютъ этого „замѣчательнаго" мнѣнія. И что особенно странно, какъ это то, что авторъ ищетъ „оправданія" замѣчательнаго мнѣнія въ исторіи и порядкахъ, существовавшихъ на православномъ Востокѣ, въ единовѣрной Греціи и имѣвшихъ, какъ думаетъ авторъ, „вліяніе хотя бы то и незначительное" на устройство западно-русскихъ братствъ", (стр. V). Подобнымъ же образомъ, т. е. бѣгло, обще, поверхностно и уклончиво рѣшаетъ авторъ во введеніи къ своему изслѣдованію и всѣ другіе вопросы, касающіеся существа братскаго института. А между тѣмъ въ томъ же введеніи авторъ не даетъ читателямъ именно того, что онъ, по нашему мнѣнію, *рѣшительно обязанъ былъ дать*. Разумѣемъ въ данномъ случаѣ отсутствіе въ книгѣ обозрѣнія литературы вопроса.

Въ настоящее время признана всѣми необходимость предпосылки къ изслѣдованію хотя бы краткаго критическаго обзора

литературы предмета. Это отнюдь не шаблонный пріемъ и даже не роскошь какая-либо, а вопіющая необходимость, такъ какъ читающему изслѣдованіе важно знать, въ какомъ положеніи вопросъ, трактуемый въ книгѣ, находится въ литературѣ, что̀ для его изученія сдѣлано прежде и что̀ даетъ для этого новое изслѣдованіе.

Но если для всякаго солиднаго изслѣдователя необходимо предпосылать своему сочиненію критическій обзоръ литературы вопроса, то для автора разсматриваемой нами монографіи это было сугубо необходимо и такъ естественно, что отсутствіе всякой рѣчи во введеніи къ книгѣ объ источникахъ, какими руководствовался авторъ при написаніи своего сочиненія, мы, съ своей стороны, признаемъ результатомъ простой недогадливости, или забывчивости автора.

Дѣло въ слѣдующемъ. Ни для кого изъ насъ не тайна, что авторъ разсматриваемой монографіи прежде изданія въ свѣтъ своей книги напечаталъ акты, протоколы и другія дѣловыя бумаги, относящіеся къ исторіи Львовскаго ставропигіальнаго братства въ трехъ томахъ Архива Юго-Западной Россіи (X, XI и XII). Акты эти, довольно замѣтить, представляютъ весьма крупную научную цѣнность. Томы Архива Юго-Западной Россіи, гдѣ они напечатаны, снабжены авторомъ довольно обширными предисловіями, *изъ которыхъ почти цѣликомъ и составилась разсматриваемая нами монографія.* Намъ кажется, что одно только упоминаніе объ этомъ, съ одной стороны, значительно возвышало бы въ глазахъ читателя цѣнность и авторитетность изслѣдованія, а, съ другой стороны, и объясняло бы кое что въ характерѣ сочиненія, особенно въ методологической сторонѣ его, что теперь, къ сожалѣнію, остается не для всякаго понятнымъ.

Въ *первой* главѣ своего изслѣдованія, которую авторъ называетъ вступительною (стр. 1—28), излагаются имъ общія историческія судьбы Галицкой, или Червоной Руси, со времени

ея появленія на исторической сценѣ въ видѣ опредѣленной величины и до конца XVI в., т. е. до времени происхожденія Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Здѣсь, въ частности, авторъ излагаетъ исторію Галиціи до подчиненія ея Польшѣ, говоритъ о начавшейся послѣ этого присоединенія борьбѣ въ ней между представителями православно-русской и польско-католической культуры, о репресивныхъ мѣрахъ польскихъ королей въ отношенія къ православнымъ жителямъ Галиціи, о закрытія королемъ Ягайломъ Галицкой православной епископіи, учрежденіи въ Галиціи римско-католической архіепископіи, подчиненіи православнаго намѣстника католическому архіепископу, о возникшей вслѣдствіе этого борьбѣ православныхъ галичанъ съ католиками, о возстановленіи въ Галиціи православной епископіи и услугахъ, оказанныхъ при этомъ православнымъ галичанамъ со стороны Кіевскихъ митрополитовъ. Глава заканчивается краткими замѣчаніями автора о положеніи православія въ Галиціи послѣ возстановленія здѣсь православной епископіи до конца XVI в.

Итакъ, на 28 страницахъ авторомъ излагается церковно-политическая исторія Галицкой или Червоной Руси на протяженіи около 7 столѣтій. Понятно, что очеркъ долженъ былъ получиться весьма общимъ, бѣглымъ и поверхностнымъ. Если этотъ очеркъ былъ предназначенъ для того, чтобы приготовить читателя къ дальнѣйшему изложенію исторіи происхожденія и дѣятельности Львовскаго ставропигіальнаго братства, то справедливость требуетъ сказать, что этой послѣдней цѣли авторъ въ первой главѣ своего сочиненія мало достигаетъ.

Въ частности, предлагаемое авторомъ объясненіе мотивовъ учрежденія отдѣльной галицкой митрополіи въ XIV в. должно быть признано одностороннимъ и даже неправильнымъ. Авторъ говоритъ: „Прежнія мѣры къ совращенію православныхъ въ католицизмъ возведены были въ систему, при чемъ сдѣлана была энергичная попытка къ подрыву православія и русской

народности возобновленіемъ существовавшей прежде непродолжительное время Галицкой митрополіи"... (стр. 7). Читатель, разумѣется, рѣшительно не можетъ понять, какимъ образомъ возстановленіе православной митрополіи въ Галиціи могло служить цѣлямъ римско-католической пропаганды? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: *при этомъ имѣлось въ виду*, *говоритъ онъ*, *отдѣльностію церковнаго управленія поддержать политическую отдѣльность Галицкой Руси отъ другихъ русскихъ областей и тѣмъ прикрѣпить ее къ Польшѣ*". Но тутъ явное смѣшеніе понятій. Извѣстно, что и Кіевъ и Вильно, и Владиміръ на Клязьмѣ, и Москва, и даже Тверь, стремились къ учрежденію у себя самостоятельной митрополіи. Но можно ли сказать, что всѣ они стремились въ данномъ случаѣ, хотя бы отчасти, „къ подрыву православія въ русской народности"? Дѣло объясняется просто: сепаративныя политическія стремленія отдѣльныхъ центровъ древней Руси были одною изъ важнѣйшихъ *причинъ*, подготовившихъ у насъ образованіе въ свое время отдѣльныхъ самостоятельныхъ митрополій, въ томъ числѣ и галицкой митрополіи, а отнюдь не *цѣлію* и тѣмъ болѣе не *средствомъ* „къ подрыву православія и русской народности". Авторъ разсматриваемой монографіи и здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, попадаетъ просто въ просакъ, желая однимъ взмахомъ пера рѣшать аподиктически весьма сложные и капитальные вопросы исторіи русской церкви.

Во *второй* главѣ (стр. 29—74) авторъ начинаетъ рѣчь собственно о Львовскомъ братствѣ. Разсказавъ весьма кратко объ обстоятельствахъ происхожденія Львовскаго братства, авторъ затѣмъ излагаетъ уставъ братскій, сравниваетъ уставъ ставропигіальнаго успенскаго братства съ уставомъ другихъ галицкихъ братствъ (Львовскаго благовѣщенскаго и Вишенскаго троицкаго), говоритъ о вліяніи Львовскаго ставропигіальнаго братства на другія западно-русскія церковныя братства, въ

особенности, Виленское св. духовское. Покончивъ рѣчь съ исторіею происхожденія и окончательной организаціи Львовскаго ставропигіальнаго братства, авторъ затѣмъ описываетъ черты устройства успенскаго братства во Львовѣ. Онъ говоритъ, въ частности, о составѣ братства, правилахъ при вступленіи въ члены братства, отступленіяхъ отъ этихъ правилъ, дѣлавшихся (отступленіяхъ) для лицъ иногороднихъ и занимавшихъ высокое общественное положеніе, о такъ наз. „вступномъ", выборахъ старшихъ братчиковъ, времени выборовъ, распредѣленіи должностей, отчетахъ старшихъ братчиковъ и ихъ помощниковъ, о братскихъ собраніяхъ (сходкахъ), о братскомъ знаменіи (рисунокъ котораго напечатанъ здѣсь же), порядкѣ и правилахъ, соблюдавшихся во время братскихъ собраній, о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на братскихъ собраніяхъ, о братскихъ постановленіяхъ, способахъ ихъ примѣненія къ дѣлу, о наказаніяхъ,—употреблявшихся братствомъ, и, наконецъ, о матеріальныхъ средствахъ братства.

Вторая глава сочиненія можетъ быть, по справедливости, признана лучшею среди другихъ и весьма цѣнною. Она составлена почти исключительно на основаніи первоисточниковъ и потому изобилуетъ новизною фактовъ. Всѣ факты, сообщаемые въ ней, и всѣ основныя положенія ея авторъ обильно и умѣло иллюстрируетъ разсказами изъ жизни Львовскаго братства. Читается эта глава съ большимъ интересомъ.

Третья (стр. 75—135) и *четвертая* (стр. 136—186) главы сочиненія неразрывно связаны между собою. Въ нихъ авторъ излагаетъ исторію борьбы, какую должно было вести Львовское братство, съ одной стороны, съ латино-уніатскою партіею и вообще со внѣшними своими врагами и препятствіями (глава третья), а съ другой стороны, съ своими православными епископами (особенно Гедеономъ Балабаномъ, Іосифомъ Шумлянскимъ и отчасти митр. Петромъ Могилою), о чемъ говорится въ четвертой главѣ. Та и другая главы заканчиваются

одинаково рѣчью автора объ изнеможеніи Львовскаго братства въ борьбѣ съ своими противниками и препятствіями—вчѣшними и внутренними—и о переходѣ его въ унію. Кажется, что авторъ напрасно и безъ нужды такъ рѣзко разграничилъ рѣчь о борьбѣ Львовскаго братства съ внѣшними и внутренними препятствіями. Этимъ именно мы объясняемъ и то, что авторъ въ третьей и четвертой главахъ вынужденъ былъ повторяться, напр., въ рѣчи объ отношеніи къ братству со стороны Гедеона Балабана, Іереміи Тиссаровскаго, митр. Петра Могилы, равно какъ и въ заключительной рѣчи обѣихъ главъ о принятіи Львовскимъ братствомъ уніи въ 1708 г. (ср. стр. 74, 134 и 186). Намъ кажется, что и картина борьбы Львовскаго братства съ его противниками и неблагопріятными условіями вышла бы гораздо полнѣе и выразительнѣе, и финалъ этой борьбы въ видѣ перехода братства въ унію получился бы яснѣе и понятнѣе для читателей, если бы авлоръ свои рѣчи о внѣшней и внутренней борьбѣ братства изложилъ въ видѣ одного цѣльнаго очерка.

Авторъ, по видимому, склоненъ къ признанію главною и даже почти единственною причиною перехода Львовскаго братства въ унію считать оскудѣніе его матеріальныхъ средствъ.

Вторую главу своего сочиненія онъ заканчиваетъ, между прочимъ, слѣдующими словами: „Крайнее истощеніе кассы и подрывъ братской типографіи Іосифомъ Шумлянскимъ, посовѣтовавшимъ монахамъ Георгіевской церкви завести у себя типографію, *деморализовали* братство и оно, послѣ долгаго раздумія, вынуждено было принять ненавистную ему дотолѣ унію (1708 г.)“ (стр. 74 ср. 186). Хочется вѣрить, что авторъ допустилъ здѣсь невольный *lapsum linguae*, такъ какъ, если онъ серьезно готовъ утверждать. что переходъ Львовскаго братства въ унію былъ слѣдствіемъ „крайняго истощенія кассы и подрыва братской типографіи Іосифомъ Шумлянскимъ“, то этимъ самымъ онъ ясно покажетъ, что слишкомъ мало цѣнитъ идейныя заслуги Львовскаго братства и признаетъ весьма непрочною его преданность православной вѣрѣ и русской народности.

Въ главѣ *пятой* (стр. 187—227) авторъ сначала весьма подробно и обстоятельно излагаетъ исторію построенія Львовскимъ братствомъ Успенской каменной церкви, ея украшенія и освященія, а затѣмъ говоритъ о средствахъ религіозно-нравственнаго вліянія братства какъ на своихъ членовъ, такъ и на всѣхъ вообще православно-русскихъ жителей Галиціи и даже всей Западной Руси, а именно: о благолѣпіи богослуженія, проповѣдничествѣ въ братскомъ храмѣ, о благотворительности братства, о судѣ и наказаніяхъ, при помощи которыхъ поддерживалась чистота жизни въ сердцѣ братчиковъ.

Въ *шестой* главѣ (стр. 228—307) авторъ съ такою же обстоятельностію и весьма подробно говоритъ о просвѣтительной дѣятельности Львовскаго братства и органахъ ея въ видѣ братской школы и братской типографіи. Говоря о братской школѣ, авторъ описываетъ ея устройство и средства содержанія, составъ учениковъ, ихъ понятія и обязанности и содержаніе братскихъ учителей, при чемъ излагаетъ и біографическія свѣдѣнія замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ, характеризуетъ отношенія учителей и учениковъ къ братству, предметы обученія и учебники. Въ трактатѣ о братской типографіи авторъ описываетъ ея устройство, управленіе, заботы братства о точности и вѣрности печатанія книгъ, условія, на которыхъ книги печатались, говоритъ о продажѣ книгъ братской типографіей и о мѣстностяхъ, гдѣ они находили наибольшее распространеніе.

Послѣ изложенія судебныхъ дѣлъ братства съ другими типографами-предпринимателями, авторъ заканчиваетъ рѣчь о о братской типографіи перечисленіемъ книгъ, какія были въ ней напечатаны и извѣстны въ библіографіи.

Относительно пятой и шестой главъ монографіи должно сказать то же самое, что мы раньше говорили о второй главѣ. Пятая и шестая главы сочиненія написаны на основаніи первоисточнаго матеріала, отличаются новизною и обстоятельностію свѣдѣній и даютъ полное и ясное представленіе о тѣхъ предметахъ, какіе въ нихъ трактуются.

Вся книга заканчивается краткою общею характеристикою дѣятельности Львовскаго братства на пользу православія и русской народности (стр. 308—309).

Таково содержаніе и характеръ разсматриваемаго нами сочиненія. Авторъ изслѣдованія обнаружилъ обширную и глубокую эрудицію въ избранной имъ для себя области. Трудъ его займетъ видное мѣсто въ ряду сочиненій, посвященныхъ изученію столь важнаго въ исторіи западно-русской церкви института, какъ братства, а для ученыхъ, интересующихся исторіею собственно Львовскаго братства, онъ вмѣстѣ съ документами, изданными авторомъ, долженъ сдѣлаться настольною книгою.

Изложеніе книги отличается весьма внимательною и тщательною обработкою, которая въ иныхъ мѣстахъ даетъ себя чувствовать даже въ явный ущербъ свободному полету мысли. Во многихъ мѣстахъ своего сочиненія авторъ обнаруживаетъ замѣчательную склонность писать предложеніями безъ подлежащихъ (стр. 14, 123, 128, 180 и 226), что можетъ непріятно дѣйствовать, по крайней мѣрѣ, на строгихъ стилистовъ.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ высказать не замѣчаніе критическое, а совѣтъ автору. Мы бы совѣтовали автору, во избѣжаніе недоразумѣній, теперь же измѣнить заглавіе своей книги. Говоримъ это на основаніи слѣдующихъ соображеній. Настоящее заглавіе книги такое: „Львовское ставропигіальное братство" (Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). Мы уже упоминали, что Львовское братство и теперь существуетъ, только подъ другимъ именемъ. Еще недавно оно праздновало свой трехсотлѣтній юбилей, въ память котораго выпустило юбилейное изданіе, посвященное трехвѣковой исторіи существованія братства. Такимъ образомъ, нынѣшняя Львовская ставропигія, или ставропигійскій институтъ считаетъ себя прямымъ и законнымъ продолжателемъ древняго православнаго Львовскаго братства. Въ виду этого, всякій, прочитавъ настоящее заглавіе книги г. Крыловскаго, вправѣ разсчитывать, что онъ найдетъ

въ книгѣ полную исторію Львовскаго братства за все время его существованія до настоящаго времени. Въ этой своей мысли онъ еще болѣе укрѣпится, когда прочитаетъ введеніе къ книгѣ, гдѣ авторъ совсѣмъ ничего не говоритъ ни о задачѣ, ни о предѣлахъ своего изслѣдованія. Только уже почти въ самомъ концѣ книги, на стр. 286, по совершенно случайному поводу, авторъ говоритъ, правда, слѣдующее: „наша задача представить дѣятельность братства на пользу православной церкви и русской народности до принятія имъ уніи". Къ сожалѣнію, авторъ совершенно ничѣмъ не мотивируетъ такого ограниченія предѣловъ своего изслѣдованія. Такъ какъ рѣшительно невозможно допустить той мысли, чтобы авторъ переходъ Львовскаго братства въ унію считалъ равносильнымъ прекращенію имъ своего существованія, то остается думать, что на катастрофу съ братствомъ въ 1708 г. онъ смотритъ, какъ на конецъ его доблестнаго служенія православной вѣрѣ и русской народности. Но и съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Даже и самъ авторъ говоритъ, что „братство и по принятіи оффиціально уніи не переставало продолжать свою благотворную дѣятельность на пользу православной вѣры и русской народности, издавая по прежнему церковно-богослужебныя книги безъ всякой перемѣны и безъ всякаго препятствія со стороны уніатовъ (а само оно тогда было развѣ не уніатскимъ?) до 1722 года". Итакъ, и съ этой стороны 1708 годъ долженъ быть оставленъ, какъ такой именно, на которомъ можно было бы прекратить обозрѣніе исторіи Львовскаго братства и его служенія на пользу православія и русской народности. Что же касается служенія Львовской ставропигіи на пользу русской народности и русской культуры въ широкомъ смыслѣ этого слова, то она, по нашему мнѣнію, никогда не прекращала этого своего служенія.

Впрочемъ, мы не будемъ спорить о томъ, гдѣ, на какомъ году автору слѣдовало было остановить свое изслѣдованіе. Это его дѣло. Но разъ онъ, по такимъ или инымъ соображеніямъ,

рѣшилъ остановиться въ своемъ изслѣдованіи на 1708 году, то и долженъ былъ во 1) сказать объ этомъ въ началѣ книги и во 2-хъ) соотвѣтственнымъ образомъ озаглавить ее. Настоящее содержаніе книги давало право автору дать такое заглавіе ей: „Львовское *православное* ставропигіальное братство" (до 1708 г.).

Само собою разумѣется, что авторъ разсматриваемой нами монографіи, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ присужденія ему ученой степени магистра богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Названное сочиненіе представлено на соисканіе ученой степени магистра богословія. По выработавшемуся исторически взгляду отъ сочиненія на степень магистра требуется: 1) чтобы оно представляло трудъ самостоятельный, а не компилятивный, вносило въ науку что-либо новое, досслѣ неизвѣстное. Научная новизна можетъ состоять въ открытіи и обнародованіи новаго матеріала или въ новомъ освѣщеніи матеріала извѣстнаго, ранѣе открытаго и обнародованнаго; 2) магистерское сочиненіе должно обнаружить въ авторѣ знакомство съ научными пріемами обработки и освѣщенія даннаго матеріала, знакомство съ выработанными формами изложенія и литературной рѣчи. Не говоримъ о знакомствѣ автора съ литературой предмета, такъ какъ подобное знакомство предполагается и въ трудѣ компилятивномъ. Предъявляя указанныя требованія къ сочиненію г. Крыловскаго, находимъ: 1) что оно представляетъ собою многолѣтній трудъ, посвященный собиранію новаго матеріала по затронутому вопросу. Въ самомъ сочиненіи, заглавіе котораго мы выписали, помѣщено 88 новыхъ актовъ; но извѣстны уважаемому совѣту три большихъ тома актовъ, непосредственно и посредственно касающихся исторической судьбы Львовскаго братства. Томы эти слѣдующіе: а) часть первая X тома

Архива Югозападной Россіи. Кіевъ 1904 года, содержащая 26 стр. введенія и 814 стр. текста актовъ; б) часть первая т. XI того же архива, содержащая 158 стр. введенія и 766 стр. текста актовъ; в) часть 1 тома XII того же Архива, содержащая 123 стр. введенія и 629 стр. текста актовъ. Указанныя здѣсь введенія составляютъ текстъ разсматриваемаго нами сочиненія. Отсюда ясно, что диссертація г. Крыловскаго по своему матеріалу представляетъ трудъ самостоятельный, привносящій въ историческую науку много новаго; 2) но за обнародованный сырой матеріалъ ученыхъ степеней давать не принято. Что же представляетъ собою сочиненіе г. Крыловскаго, какъ опытъ научной обработки добытаго имъ самимъ и ранѣе извѣстнаго историческаго матеріала? По нашему взгляду, авторъ обнаружилъ достаточное знакомство съ научными пріемами обработки актовъ и пониманіе особенностей исторической эпохи, затронутой въ его сочиненіи. Сочиненіе читается съ интересомъ и неослабѣвающимъ вниманіемъ. Языкъ легкій и правильный. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ заключеніе, что сочиненіе г. Крыловскаго вполнѣ удовлетворяетъ требованія, предъявляемыя къ магистерскимъ диссертаціямъ.

О недочетахъ сочиненія умѣстнѣе побесѣдовать на диспутѣ".

Постановили: Сочиненіе кандидата богословія А. Крыловскаго, согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, назначивъ оффиціальными оппонентами при защитѣ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина и экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова, время же самаго коллоквіума предоставить назначить Ректору Академіи.

IV. Прошеніе экстраординарнаго профессора Кіевской Академіи протоіерея Ѳеодора Титова, отъ 2 іюня сего года:

„Представляя при семъ въ количествѣ 60 экземпляровъ свое сочиненіе, въ двухъ книгахъ, подъ заглавіемъ: а) „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. Томъ первый. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв., первая половина тома (1655—1725 г.) и б) „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ XVII—XVIII вв. Томъ второй. Кіевская митрополія—епархія въ XVII—XVIII вв. (1685/6—1797 г.), первая половина тома. Кіевъ. 1905 г.", покорнѣйше прошу принять его для разсмотрѣнія въ качествѣ диссертаціи на степень доктора церковной исторіи".

Постановили: Представленныя профессоромъ протоіереемъ Ѳ. Титовымъ сочиненія передать на разсмотрѣніе ординарному профессору В. Завитневичу, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить второго рецензента по своему усмотрѣнію.

V. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона: „Совѣтомъ Академіи 10 февраля сего года было передано профессору Н. Маккавейскому на разсмотрѣніе сочиненіе профессора А. Дмитріевскаго подъ заглавіемъ. „Ставленникъ", представленное А. Дмитріевскимъ на соисканіе первой юбилейной преміи митрополита Московскаго Макарія. Нынѣ профессоръ Н. Маккавейскій проситъ въ виду своей болѣзни освободить его отъ разсмотрѣнія поименованнаго сочиненія. Предлагаю Совѣту Академіи назначить другого рецензента названнаго сочиненія".

Постановили: Сочиненіе профессора А. Дмитріевскаго „Ставленникъ" передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору В. Пѣвницкому.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „15 іюня 1905 г. Читалъ".

1905 года 3 Іюня.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. а) Предложеніе Ректора Академіи: „На основаніи представленныхъ наставниками Академіи годичныхъ списковъ студентовъ I, II и IV курсовъ за истекшій учебный годъ и экзаменаціонными комиссіями списковъ тѣхъ же студентовъ съ экзаменными баллами ихъ по каждой наукѣ, а также спискокъ и. об. инспектора Академіи съ баллами по поведенію студентовъ всѣхъ курсовъ, особо назначеною Совѣтомъ комиссіею составлены для каждаго курса особыя вѣдомости, по которымъ, согласно §§ 132 и 133 Уст. дух. акад., сдѣланъ необходимый выводъ и составлены порядковые списки студентовъ, на основаніи балловъ ихъ по поведенію, сочиненіямъ и устнымъ отвѣтамъ. Означенныя вѣдомости и порядковые списки студентовъ I, II и IV курсовъ представляю Совѣту Академіи для окончательнаго опредѣленія порядка студентовъ въ общихъ спискахъ и постановленія о переводѣ въ слѣдующіе курсы однихъ и о выпускѣ изъ Академіи другихъ“.

б) Прошенія студентовъ I курса Академіи Леонида Матусевича и Евгенія Садовскаго, не державшихъ по болѣзни годичныхъ испытаній, объ оставленіи въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія на второй годъ на I курсѣ съ сохраненіемъ за ними стипендій.

в) Докладъ секретаря Совѣта: „Имѣю честь доложить Совѣту Академіи, что кромѣ студентовъ Л. Матусевича и Евгенія Садовскаго, не держали по болѣзни испытаній: студентъ I курса діаконъ Григорій Абу-Хатабъ—по всѣмъ пред-

метамъ I курса, и II курса Вячеславъ Ангельскій—по священному писанію ветхаго завѣта, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, исторіи и обличенію русскаго раскола, логикѣ и метафизикѣ, библейской археологіи, греческому и нѣмецкому языкамъ. Діаконъ Григорій Абу-Хатабъ проситъ о разрѣшеніи держать испытанія по всѣмъ предметамъ I курса въ августѣ сего года, а В. Ангельскій—въ началѣ сентября сего года.— Студентъ II курса іеромонахъ Мисаилъ (Пантеличъ) въ мартѣ сего года скончался на родинѣ. Студенты III курса, за исключеніемъ священника Василія Богородицкаго, священника Ѳ. Гаврилова, іеромонаха Нектарія (Глобы), М. Померанцева и Д. Шнуркова, не представили семестроваго сочиненія по священному писанію новаго завѣта, а также уклонились отъ экзамена по церковной археологіи, за исключеніемъ священника Василія Богородицкаго, священника Ѳ. Гаврилова и іеромонаха Нектарія (Глобы).

Справка: 1. Къ концу 1904/5 учебнаго года въ Академіи значится по спискамъ: на I курсѣ 50 студентовъ, на II курсѣ 52 студента, на III курсѣ 49 студентовъ и на IV курсѣ 48 студентовъ. Всѣ студенты I и II курсовъ, кромѣ поименованныхъ въ докладѣ, написали положенныя три сочиненія и одну проповѣдь, окончили испытанія по всѣмъ предметамъ и по поведенію имѣютъ баллы 5 и 4, почему и подлежатъ переводу въ слѣдующіе курсы.

2. Относительно студентовъ III курса, не подававшихъ семестроваго сочиненія и не державшихъ экзамена по церковной археологіи, Совѣтомъ Академіи 27 мая сего года постановлено разрѣшить имъ представить не поданныя ими своевременно семестровыя сочиненія по священному писанію новаго завѣта и подвергнуть ихъ экзамену по церковной археологіи въ концѣ августа сего года; тогда же имѣть сужденіе и о переводѣ всѣхъ студентовъ III курса на IV курсъ. Постановленіе

это утверждено Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, 3 сего іюня.

3. Всѣ студенты IV курса представили положенныя сочиненія на ученую степень, которыя Совѣтомъ Академіи признаны дающими право авторамъ ихъ на полученіе степени кандидата богословія, написали по одной проповѣди и сдали экзамены по предметамъ IV курса. За время всего четырехлѣтняго академическаго курса всѣ подлежащіе выпуску изъ Академіи студенты по устнымъ отвѣтамъ изъ каждой науки имѣютъ въ среднемъ выводѣ баллы 5, 4 и 3, т. е. удовлетворительные для полученія степени кандидата богословія.

Постановили: На основаніи балловъ по поведенію, сочиненіямъ и устнымъ отвѣтамъ, согласно § 81 а, 4 Уст. дух. академій,

А) 47 студентовъ I курса перевести въ слѣдующій II курсъ въ соотвѣтствующемъ достоинству ихъ балловъ порядкѣ:

1. Куршунжи Димитрій.
Васильевъ Александръ.
Ласточкинъ Николай.
Тихвинскій Викторъ.
5. Великославинскій Александръ.
Шебатинскій Константинъ.
Өетисовъ Николай.
Власовскій Иванъ.
Громадскій Александръ.
10. Викторовскій Григорій.
Петровъ Викторъ.
Евөимій (Сапунджіевъ) іеродіаконъ (болг.).
Митроцкій Михаилъ.
Вознесенскій Викторъ.
15. Преображенскій Василій.
Олтаржевскій Григорій.
Уловичъ Филимонъ.
Кедровъ Павелъ.
Чистяковъ Василій.
20. Снѣгиревъ Викторинъ.
Соболевъ Валеріанъ.
Каменскій Владиміръ.
Іосифъ (Николовъ іерод. (болгар.).
Колосовъ Сергѣй,
25. Варваръ Ибрагимъ (сир.).
Безобразовъ Сергѣй.
Маньковскій Николай.
Новеденскій Владиміръ.
Кудрявцевъ Сергѣй.
30. Илюхинъ Николай.
Астровъ Сергѣй.

Гладкій Александръ.
Никитскій Викторъ.
Леонидовъ Николай.
35. Павловичъ Василій.
Павловскій Григорій.
Архангеловъ Григорій.
Ефремовъ Митрофанъ.
Дмитровскій Михаилъ.
40. Никитинъ Николай.
Діомидовъ Сергѣй.
Деметровичъ Илія, свящ. (сербъ).
Ивановъ Бончо (болгар.).
Іовъ (Зуммеръ) іерод.
45. Мубайедъ Антоній діаконъ (сир.).
Сидауи Василій діак. (сир.).
47. Еня Николай (румынъ).

Студенту діакону Григорію Абу-Хатабу предоставить сдать послѣ каникулъ экзамены по всѣмъ предметамъ I курса.

Студентовъ Матусевича Леонида и Евгенія Садовскаго оставить на второй годъ на I курсѣ.

Б) 50 студентовъ II курса перевести въ III курсъ въ такомъ порядкѣ:

1. Соколовъ Василій.
Поповъ Григорій.
Варлаамъ (Новгородскій) іером.
Тріодинъ Иванъ.
5. Ивановъ Назарій.
Прилуцкій Василій.
Кустовъ Аѳиногенъ.
Фелицынъ Николай.
Пановъ Евгеній.
10. Чудновцевъ Николай свящ.
Сушицкій Ѳеоктистъ.
Амфитеатровъ Валентинъ.
Поповичъ Григорій.
Подольскій Николай.
15. Булгаковъ Георгій.
Бѣляевъ Владиміръ.
Колосовъ Николай.
Поспѣловъ Сергѣй.
Рыболовскій Александръ.
20. Рождественскій Ѳеодоръ.
Яновскій Никодимъ.
Кашинскій Михаилъ.
Соколовъ Иванъ.
Разногорскій Константинъ.
25. Филагріевскій Вячеславъ.
Кулагинъ Сергѣй.
Филиппенко Сергѣй.
Брянскихъ Петръ.
Четвериковъ Константинъ.
30. Чистяковъ Михаилъ.
Казанскій Владиміръ.

Скотынскій Іосифъ.
Буевской Василій.
Василіади Стиліанъ (грекъ).
35. Михалевичъ Леонидъ.
Романовъ Николай.
Кокаревъ Александръ.
Кудрявцевъ Леонидъ.
Аѳанасьевъ Александръ.
40. Богуславскій Евгеній.
Никитинъ Василій.
Левицкій Петръ.
Никольскій Павелъ.
Дыдевичъ Василій.
45. Казимировичъ Радованъ (сербъ).
Веніаминъ (Исуповъ) іерод.
Петровичъ Миланъ (сербъ).
Савватій (Врабецъ) іерод.
Налпанисъ Константинъ (грекъ).
50. Поповичъ Душанъ (сербъ).

Студенту Вячеславу Ангельскому предоставить сдать послѣ каникулъ экзамены по священному писанію ветхаго завѣта, по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, по исторіи и обличенію русскаго раскола, по логикѣ и метафизикѣ, по библейской археологіи, по греческому и нѣмецкому языкамъ.

Іеремонаха Мисаила (Пантелича) исключить изъ списковъ студентовъ II курса за его смертію.

В) Выслушавшихъ въ теченіе четырехъ лѣтъ полный курсъ академическихъ наукъ выпустить изъ Академіи въ слѣдующемъ, соотвѣтственно достоинству ихъ успѣховъ, порядкѣ:

1. Чекановскій Алексѣй.
Пузановъ Николай.
Коробейниковъ Павелъ.
Ѳеодоровъ Николай.
5. Поройковъ Николай.
Державинъ Николай.
Никифоровъ Александръ.
Кильчевскій Александръ.
Назарій (Лежава) іером.
10. Богоявленскій Николай (олон.).
Солнцевъ Владиміръ.
Левитскій Иванъ.
Барвинокъ Владиміръ.
Чинновъ Григорій.
15. Блошенко Никифоръ свящ.
Травинъ Виталій.
Смирновъ Павелъ.
Богоявленскій Николай (новгород.).
Аполлинарій (Кошевой) іером.

20. Москалевичъ Николай.
Сербиновъ Петръ.
Гладковскій Иванъ.
Проскуряковъ Александръ.
Поповичъ Алексѣй.
25. Скарданицкій Григорій.
Омельяновичъ Михаилъ.
Нагорный Евгеній.
Гомеровъ Василій.
Мильскій Михаилъ.
30. Троепольскій Николай.
Иллюминатовъ Михаилъ.
Пустошновъ Николай.
Георгіевскій Борисъ.
Стеллецкій Игнатій.
35. Зерчаниновъ Владиміръ.
Бобровъ Александръ.
Глаголевъ Михаилъ.
Ашихманъ Иларіонъ.
Орловъ Михаилъ.
40. Шаповаловъ Василій.
Зеленкевичъ Иванъ.
Демьяновскій Василій.
Пославскій Иванъ.
Стасиневичъ Павелъ.
45. Симоновскій Петръ.
Яновскій Леонтій.
Бошняковичъ Войславъ.
Терзичъ Димитрій.

Изъ нихъ: а) А. Чекановскаго, Н. Пузанова, П. Коробейникова, Н. Ѳедорова, Н. Поройкова, А. Никифорова, А. Кильчевскаго, іером. Назарія (Лежаву), Н. Богоявленскаго (олонец.), В. Солнцева, И. Левитскаго, Г. Чиннова и П. Смирнова удостоить степени кандидата богословія съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительныхъ для сей степени новыхъ сочиненій, согласно § 139 уст. дух. акад. и указу Св. Синода отъ 5 іюня 1895 года за № 2567;

б) Н. Державина, В. Барвинка, свящ. Н. Блошенко, В. Травина, Н. Богоявленскаго (новгород.), іером. Аполлинарія (Кошевого). Н. Москалевича, П. Сербинова, И. Гладковскаго, А. Проскурякова, А. Поповича, Г. Скарданицкаго, М. Омельяновича, Е. Нагорнаго, В. Гомерова, Н. Мильскаго, Н. Троепольскаго, М. Иллюминатова, Н. Пустошнова, Б. Георгіевскаго, И. Стеллецкаго, В. Зерчанинова, А. Боброва, М. Глаголева, И. Ашихмана, М. Орлова, В. Шаповалова, И. Зеленкевича,

В. Демьяновскаго, И. Паславскаго, П. Стасиневича, П. Симоновскаго, Л. Яновскаго, В. Бошняковича и Д. Терзича удостоить степени кандидата богословія (§ 137, уст. дух. акад.).

Настоящее постановленіе, на основаніи § 81 б, 10 уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи изготовить для окончившихъ курсъ воспитанниковъ дипломы на степень кандидата богословія.

II. Докладъ секретаря Совѣта: „На основаніи § 54 и 81. б. 5. уст. дух. акад., 9 пункта указа Св. Синода отъ 29 апрѣля 1884 года за № 4 и опредѣленія Св. Синода отъ $\frac{\text{31 Марта}}{\text{11 Апрѣля}}$ 1892 года Совѣту Академіи предоставляется оставить двухъ лучшихъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ профессорскими стипендіатами при Академіи, а объ остальныхъ выпускаемыхъ изъ нея представить Св. Синоду и рекомендовать Учебному Комитету при Св. Синодѣ къ опредѣленію на учительскія должности въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ или на должности помощниковъ инспектора семинаріи".

Постановили: Изъ 48 окончившихъ курсъ воспитанниковъ Академіи оставить первыхъ двухъ по списку—Алексѣя Чекановскаго и Николая Пузанова—профессорскими стипендіатами при Академіи на 1905—1906 учебный годъ, Святѣйшему Синоду представить и Учебному Комитету при Св. Синодѣ сообщить, вмѣстѣ съ подробною вѣдомостью объ учебныхъ успѣхахъ и поведеніи выпускаемыхъ изъ Академіи воспитанниковъ, что изъ нихъ два иностранца—сербы В. Бошняковичъ и Д. Терзичъ—имѣютъ возвратиться на родину, кандидатъ П. Симоновскій, уплатившій слѣдуемую съ него за казенное содержаніе въ Академіи сумму, отказался отъ службы по духовно-учебному вѣдомству, и затѣмъ остаются безъ назначенія 43 кандидата, изъ которыхъ П. Сербиновъ, И. Гладковскій, А. Поповичъ, Н.

Троепольскій, И. Стеллецкій, И. Зеленкевичъ и В. Демьяновскій могутъ быть рекомендованы къ опредѣленію на должности помощниковъ инспектора въ семинаріи, а остальные признаются способными къ занятію слѣдующихъ преподавательскихъ каѳедръ: П. Коробейниковъ, Н. Ѳедоровъ, Н. Поройковъ. Н. Державинъ, А. Никифоровъ, А. Кильчевскій, іеромонахъ Назарій (Лежава), Н. Богоявленскій (олон.), В. Солнцевъ, И. Левитскій, Г. Чинновъ и П. Смирновъ—по всѣмъ предметамъ въ духовныя семинаріи и училища, кромѣ не изучавшихся ими въ Академіи групповыхъ предметовъ, В. Барвинокъ и свящ. Н. Блошенко—по общей церковной исторіи, по исторіи русской церкви и по исторіи и обличенію русскаго раскола въ семинаріяхъ и по всѣмъ предметамъ (кромѣ латинскаго языка) въ училищахъ; В. Травинъ, Н. Богоявленскій (новгород.), іером. Аполлинарій (Кошевой) по исторіи русской церкви, по исторіи и обличенію русскаго раскола въ семинаріяхъ и по всѣмъ предметамъ, кромѣ не изучавшагося ими одного изъ древнихъ языковъ, въ училищахъ; Н. Москалевичъ, А. Проскуряковъ, Г. Скарданицкій, М. Омельяновичъ, Е. Нагорный, В. Гомеровъ, М. Мильскій, М. Иллюминатовъ, Н. Пустошновъ, Б. Георгіевскій, В. Зерчаниновъ, А. Бобровъ, М. Глаголевъ, И. Ашихманъ, М. Орловъ, В. Шаповаловъ, И. Паславскій. П. Стасиневичъ и Л. Яновскій—по всѣмъ предметамъ въ духовныхъ училищахъ, кромѣ не изучавшагося ими одного изъ древнихъ языковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ порядковый списокъ всѣхъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ препроводить Г. Оберъ-Прокурору Св. Синода, а въ Канцелярію Оберъ-Прокурора алфавитный списокъ ихъ съ необходимыми свѣдѣніями и адресами.

III. Отзывы:

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова о представленномъ профессорскимъ стипендіатомъ Митро-

фаномъ Инсарскимъ отчетѣ о занятіяхъ его по догматическому богословію въ 1904—1905 году:

„Стипендіату г. Инсарскому, заявившему желаніе посвятить 1904—1905 учебный годъ спеціальнымъ занятіямъ по предмету догматическаго богословія, въ началѣ года мною рекомендовано было обстоятельное ознакомленіе съ существующими на русскомъ языкѣ, а также нѣкоторыми католическими и протестантскими, догматическими системами. Представленный г. Инсарскимъ отъ 31 мая въ Совѣтъ Академіи отчетъ о занятіяхъ показываетъ, что эта задача выполнена имъ съ точностью.

Изъ русскихъ догматическихъ системъ проштудированы системы протоіерея Терновскаго, архимандрита Антонія Амфитеатрова, преосвященныхъ Макарія, Филарета, Сильвестра, и наконецъ, протоіерея Малиновскаго.

Догматика протоіерея Терновскаго, при стройности внѣшняго распорядка, еще не отличается полнотою содержанія и строгой внутренней упорядочностью; краткостью отличается и догматика Антонія, но при краткости—ясностью, точностью и содержательностью. Догматика Макарія представляетъ собою классическій трудъ по богатству содержанія, обилію матеріала, точности формулировки и раздѣльности при расчлененіи догматическаго содержанія. Затѣмъ, трудъ Филарета есть опытъ построенія такой догматики, которая позволяла бы „прямо смотрѣть“ въ глаза какъ откровенной истинѣ, такъ и научнымъ воззрѣніямъ и относилась бы съ вниманіемъ къ раціоналистическимъ мнѣніямъ. Стремленіе научно обосновать христіанскіе догматы заставляетъ преосвящ. Филарета удѣлять много мѣста экзегезису библейскаго текста и соображеніямъ разума. По своей господствующей точкѣ зрѣнія трудъ преосвященнадо Филарета составляетъ переходъ отъ указанныхъ догматическихъ системъ къ труду преосвящ. Сильвестра. Его „Опытъ православно догматическаго богословія“ выясняетъ догматъ, какъ

живую силу сознанія, главный путь къ этой цѣли—историческое изложеніе догматовъ, которые поэтому занимаютъ первое мѣсто въ системѣ преосвящ. Сильвестра и составляетъ ея болѣе характерный признакъ. Догматика протоіерея Малиновскаго стоитъ въ зависимости отъ упомянутыхъ руководствъ, стремясь синтезировать сдѣланное прежними догматистами.

Сдѣлавъ эту *общую*, совершенно вѣрную, *характеристику* избранныхъ системъ, г. Инсарскій переходитъ къ самому ихъ обозрѣнію, при чемъ это обозрѣніе ведется параллельно или сравнительно въ послѣдовательномъ порядкѣ основныхъ пунктовъ догматики, начиная съ введенія. Изъ вводныхъ вопросовъ онъ останавливается на выясненіи различія, какое существуетъ между сравниваемыми догматическими системами во взглядахъ на *методъ* и *задачу* догматическаго богословія,—различія, которое въ свою очередь объясняется различіемъ точекъ зрѣнія на положеніе догмата въ догматической наукѣ. Такихъ точекъ зрѣнія указывается двѣ: или догмату придается только *объективное* значеніе и изложеніе догматовъ направляется къ *воспринимающей формально-логической* дѣятельности разсудка; въ такомъ случаѣ догматика расчленяетъ содержаніе догматовъ, ставитъ догматы въ логическую связь и привлекаетъ къ поставленнымъ рубрикамъ весь догматическій матеріалъ, или же догматика разсматриваетъ догматы и по ихъ *субъективно-психологическому* значенію, какъ живыя истины вѣры, проникающія въ вѣрующее сознаніе и здѣсь претворяющіяся въ плоть и кровь. Первая задача съ особенной послѣдовательностью преслѣдуется и выполняется митрополитомъ Макаріемъ; она ставится также и протоіереемъ Терновскимъ, архимандритомъ Антоніемъ и протоіереемъ Малиновскимъ, а вторая выполняется главнымъ образомъ преосвящ. Сильвестромъ. Преосвящ. Филаретъ занимаетъ посредствующее положеніе, ближе однако стоитъ къ первому.

Эти характерныя черты во взглядахъ на задачу и методъ догматики отражаются прежде всего на *планѣ*. М. Макарій дѣлитъ свою догматику на 1) ученіе о Богѣ и его общемъ отношеніи къ міру и человѣку и 2) ученіе о Богѣ, какъ искупителѣ, и особенномъ отношеніи Его къ человѣческому роду; исходная его точка зрѣнія—формальная: христіанская религія, истины которой составляютъ предметъ христіанскаго богословія, есть союзъ Бога съ человѣкомъ возстановленный, ученіе о которомъ и требуется поэтому выдѣлить и оттѣнить. Преосвящ. же Сильвестръ все содержаніе науки дѣлитъ на 1) ученіе о Богѣ въ самомъ себѣ и 2) ученіе о Богѣ въ его явленіи тварямъ. Въ своемъ дѣленіи онъ руководится анализомъ нашихъ понятій и представленій о Богѣ: поэтому его исходный пунктъ покоится на психологической основѣ, именно—на той чертѣ нашихъ воззрѣній, по которой мы необходимо мыслимъ Бога въ самомъ себѣ и въ Его явленіи тварямъ.

Планъ преосвящ. Сильвестра, имѣя психологическую основу, сообщаетъ и самому изложенію догматовъ особую, такъ сказать, *психологическую цѣлостность*. Такъ, *истина бытія* Божія у м. Макарія, Антонія, Терновскаго и Малиновскаго совсѣмъ не обслѣдуется. Но преосвящ. Филаретъ и Сильвестръ имѣютъ съ ней дѣло. Преосвящ. Филаретъ приводитъ доказательства въ ихъ обычной постановкѣ, преосвящ. Сильвестръ ставитъ дѣло болѣе широко. Излагая по своему методу ученіе божественнаго откровенія и отцовъ и учителей Церкви, раскрывающее тѣ способы пріобрѣтенія увѣренности въ бытіи Божіемъ, которые извѣстны подъ именемъ доказательствъ бытія Божія, онъ даетъ цѣлую психологическую теорію религіознаго самосознанія, находящую свое фактическое подтвержденіе въ раскрываемомъ далѣе позднѣйшемъ историческомъ ходѣ богословствующей и философствующей мысли.

Съ истиной бытія Божія непосредственно связывается вопросъ о *познаваемости Бога*. Сущность его сводится къ

двумъ частнымъ вопросамъ: познаваемъ ли Богъ вообще и если познаваемъ, то каково это познаніе? Первый вопросъ всѣми догматистами рѣшается положительно. Рѣшеніе второго вопроса у нихъ формулируется въ положеніи: Богъ можетъ быть познаваемъ только отчасти. Формула безусловно вѣрная, но не опредѣленная, такъ какъ возбуждаетъ еще вопросы: есть ли это знаніе „отчасти“ —знаніе соотвѣтствующее дѣйствительности и положительное и могутъ ли источники, изъ которыхъ почерпается это знаніе, дать знаніе, такъ сказать, отражающее Бога. Никто изъ догматистовъ, за исключеніемъ преосвящ. Филарета и Сильвестра, этихъ вопросовъ не касается.

Такое же сравненіе проводится, далѣе, между обозрѣваемыми системами въ ученіи о свойствахъ Божіихъ, о Троицѣ, о твореніи, о сущности спасительнаго дѣла Христова, отношеніи благодати и свободы, о значеніи вѣры и добрыхъ дѣлъ и о Церкви.

Въ результатѣ, сдѣланное г. Инсарскимъ сравненіе русскихъ догматическихъ системъ свидѣтельствуетъ о его вдумчивомъ и вполнѣ основательномъ ихъ изученіи, о силѣ его критической мысли и ея способности разбираться въ сложныхъ логическихъ построеніяхъ.

Изъ иностранныхъ догматикъ разсмотрѣны:

1) Praelectiones theologiae, I. Perrone, изд. 1838 г. въ 5 томахъ.

2) Christliche Dogmatik, Martensen.

3) Christliche Dogmatik. von Ebrard, въ 2 томахъ, 1862 г.

4) Christliche Dogmatik, von. Biedermann, 1869, и

5) Exposé de theologie systématique par A. Gretillat, t. I. Methodologie, t. II Apologetique. Canonique, t. III Dogmatique.

О всѣхъ этихъ догматическихъ системахъ г. Инсарскій въ своемъ отчетѣ дѣлаетъ совершенно вѣрныя и обстоятельныя

критическія замѣчанія. А это показываетъ, что онѣ не бѣгло имъ прочитаны, а проштудированы, какъ и русскія, основательно.

Значительную часть отчетнаго года г. Инсарскій посвятилъ *обработкѣ* своего *кандидатскаго* сочиненія подъ заглавіемъ: „Раскрытіе мысли ап. Павла о законѣ, какъ пѣстунѣ во Христа“, въ цѣляхъ представить его въ качествѣ магистерской диссертаціи. Находя, что одно лишь раскрытіе мысли ап. Павла, какъ это было въ кандидатскомъ сочиненіи, освѣщаетъ педагогическое служеніе закона только съ одной стороны, именно со стороны, идейнаго отношенія между закономъ и спасеніемъ во Христѣ и потому не исчерпываетъ пѣстунства закона, онъ рѣшилъ восполнить содержаніе своего сочиненія, разсмотрѣвъ самый законъ и его содержаніе пѣстунства и прослѣдивъ вліяніе закона на характеръ и развитіе идеи спасенія въ ветхозавѣтной литературѣ. Это и составляло главный его трудъ по части переработки сочиненія,—трудъ, уже почти законченный“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева о представленномъ профессорскимъ стипендіатомъ іеромонахомъ Анатоліемъ (Грисюкомъ) отчетѣ о занятіяхъ его по общей церковной исторіи въ томъ же учебномъ году.

„О. Анатолій при своихъ занятіяхъ по указанному предмету имѣлъ въ виду во 1-хъ, составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о церковной исторіи, какъ наукѣ; во 2-хъ, познакомиться въ академической библіотекѣ съ курсами по этому предмету, и въ 3-хъ перечитать главнѣйшіе источники общей церковной исторіи.

Надъ уясненіемъ первой задачи о. Анатолій трудился много, ибо исторія—говоритъ онъ—есть понятіе довольно спорное: существуетъ не мало опредѣленій исторіи, какъ науки, которыя иной разъ расходятся до діаметральной противоположности. Но по отношенію къ церковной исторіи вопросъ ослож-

няется тѣмъ спеціальнымъ предметомъ, который она имѣетъ въ виду. Что такое церковь,—опредѣленіе этого понятія опять таки не легко (постоянные споры).—Для уясненія означенной задачи авторъ изучилъ довольно много трудовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ. Разсужденія автора по изслѣдуемому имъ вопросу обнаруживаютъ ясность и силу его мысли.

Перечисляя курсы по древней церковной исторіи и сочиненія объ отдѣльныхъ сторонахъ церковной жизни, которыя авторъ просмотрѣлъ (Неандеръ, Мёллеръ, Функъ, Куртцъ, Бауръ, Гарнакъ,—на русскомъ языкѣ Робертсонъ въ переводѣ Лопухина, Ф. А. Терновскій, А. П. Лебедевъ), онъ дѣлаетъ характеристики трудовъ Неандера, какъ родоначальника новѣйшей церковной исторіографіи, и Гарнака, какъ главнѣйшаго и знаменитѣйшаго современнаго церковнаго историка. Характеристики о. Анатолій дѣлаетъ краткія, но вполнѣ основательныя, обнаруживающія опытную руку.

Изъ первоисточниковъ о. Анатолій непосредственно познакомился съ писаніями мужей апостольскихъ, актами мученическими въ отрывкахъ и изложеніи ихъ у le Blontú, мартилогіами (въ изданіи Achelisu), дѣяніями вселенскихъ соборовъ въ изданіи Казанской Духовной Академіи (важнѣйшія мѣста были просмотрѣны по изд. Mansi).

Кромѣ того о. Анатоліемъ прочтены были церковныя исторіи Евсевія Кессарійскаго и труды древнихъ церковныхъ историковъ Сократа, Созомена, Θеодорита, Θеодота чтеца, Евагрія, Филостерія.

Изъ русской литературы по общей церковной исторіи о. Анатоліемъ прочтены были труды протоіерея А. В. Горскаго, Иванцова Платонова, Чельцова, М. Г. Ковальницкаго, Глубоковскаго, Розанова, Самуилова, Лепорскаго и *Болотова.* Труды послѣдняго (печатные и литографированные) были для о. Анатолія образцомъ историко-критическаго метода.

О. Анатолій, изучивъ церковно-историческую литературу, обратилъ вниманіе на отдѣлы ея: а) на исторію ученія о лицѣ Іисуса Христа, какъ имѣющую ближайшее отношеніе къ темѣ его диссертаціи; б) исторію аскетизма и монашества по причинамъ психологическаго свойства.

Разсмотрѣнный отчетъ о. Анатолія обнаруживаетъ въ немъ на ряду съ трудолюбіемъ зрѣлость мысли. Къ занятію каѳедры по общей церковной исторіи въ высшемъ учебномъ заведеніи онъ хорошо подготовленъ".

б) Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи объ избраніи профессорскаго стипендіата іеромонаха Анатолія исправляющимъ должность доцента Академіи по вакантной за перемѣщеніемъ въ 1903 году доцента І. Бродовича на службу въ Харьковскій Университетъ каѳедрѣ общей церковной исторіи.

Справка: Іеромонахъ Анатолій всѣми членами единогласно въ Совѣтѣ былъ признанъ достойнымъ таковаго избранія.

Постановили: Отзывы о занятіяхъ профессорскихъ стипендіатовъ іеромонаха Анатолія и М. Инсарскаго принять къ свѣдѣнію. На основаніи 55 § Уст. Дух. акад. опредѣлить кандидата богословія іеромонаха Анатолія на вакантную каѳедру общей церковной исторіи съ званіемъ исправляющаго должность доцента, впредь до утвержденія его въ степени магистра, и съ производствомъ ему содержанія по должности доцента съ 16 августа сего года, о чемъ, на основаніи § 53 и 81 б 4 Уст. дух. акад. представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій о производствѣ іеромонаху Анатолію съ 16 августа сего года положеннаго по должности доцента содержанія. М. Инсарскаго рекомендовать Учебному Комитету при Св. Си-

нодѣ для спредѣленія его на соотвѣтствующую его специальнымъ занятіямъ преподовательную каѳедру въ духовной семинаріи.

IV. Предложеніе Преосвященнаго Ректора: „За послѣдовавшею 12 марта сего года смертью профессора М. Олесницкаго, занимавшаяся имъ каѳедра психологіи остается свободною. Предлагаю Совѣту Академіи избрать кандидата для замѣщенія этой каѳедры.

Справка: Присутствовавшими членами Совѣта поданы голоса въ пользу окончившаго въ 1899 году курсъ наукъ Академіи, а нынѣ состоящаго преподавателемъ Калужской духовной семинаріи кандидата богословія Ивана Четверикова.

Постановили: Состоящаго нынѣ преподователемъ Калужской духовной семинаріи кандидата богословія Ивана Четверикова считать избраннымъ на каѳедру психологіи и отнестись въ Правленіе сей семинаріи съ запросомъ, нѣту ли со стороны семинарскаго начальства препятствій къ перемѣщенію г. Четверикова на службу въ Академію.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „15 іюня 1905 года. Утверждается“.

1905 года 3 іюня.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ

экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, не бывшаго въ собраніи по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Коллоквіумъ, на которомъ, въ присутствіи членовъ Совѣта, доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи и служащихъ при ней лицъ, а также постороннихъ лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ Академіи, на основаніи 136 § Уст. дух. акад.,—преосвященнаго Агапита, Епископа Уманскаго, начальниковъ и наставниковъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній, священниковъ Кіевскихъ городскихъ церквей и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія—преподаватель Воронежской духовной семинаріи, кандидатъ богословія Василій Поповъ защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)". Оффиціальными оппонентами при защитѣ были экстраординарный профессоръ Ѳ. Покровскій и доцентъ Н. Мухинъ. Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей поясненіе предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженія со стороны оппонентовъ, на которыя магистрантомъ даны были надлежащіе отвѣты или объясненія. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ Академіи призналъ удовлетворительною.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ богословія Василіемъ Поповымъ сочиненія его: „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)", и на основаніи признанной 12 октября 1904 года удовлетворительности самаго сочиненія для степени магистра богословія, удостоить автора его этой степени и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана предъ Святѣйшимъ Синодомъ

объ утвержденіи В. Попова въ степени магистра богословія на основаніи § 12 в. 6 Уст. дух. акад.

П. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона; „Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября 1904 года за № 7389 опредѣлено ежегодно одного стипендіата одной изъ Духовныхъ Академій, вмѣсто оставленія при Академіи въ теченіе одного года, командировать на это время для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ, съ добавленіемъ къ его стипендіатскому окладу въ 700 рублей изъ духовно-учебнаго капитала 800 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы сумма эта ассигновалась поочередно въ распоряженіе Академій: С.-Петербугской, Московской, Кіевской и Казанской.

Предлагаю Совѣту Академіи ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшемъ Синодомъ о разрѣшеніи нашей Академіи на слѣдующій $190\frac{5}{6}$ учебный годъ, очередной въ данномъ случаѣ для нашей Академіи годъ, командировать для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ только что избраннаго Совѣтомъ Академіи на каѳедру общей церковной исторіи іеромонаха Анатолія (Грисюка) съ тѣмъ, чтобы къ годовому доцентскому его складу въ 1200 руб. были присоединены Святѣйшимъ Синодомъ изъ духовно-учебнаго капитала 800 руб., разрѣшенные Св. Синодомъ къ ассигновкѣ на это дѣло. Занятія при Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ между прочимъ были бы весьма полезны и для самаго о. Анатолія въ смыслѣ болѣе солидной подготовки его къ чтенію лекцій по каѳедрѣ общей церковной исторіи".

Постановили: Соглашаясь вполнѣ съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи Совѣту Академіи на $190^5/_6$ учебный годъ командировать для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ избраннаго Совѣ-

томъ Академіи на каѳедру общей церковной исторіи іеромонаха Анатолія (Грисюка) съ тѣмъ, чтобы къ годовому доцентскому окладу содержанія его въ 1200 руб. были отпущены на время командировки изъ духовно-учебнаго капитала 800 рублей.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „15 іюня 1905 г. Согласенъ“.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

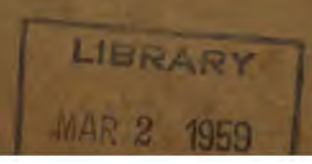
ИЗЪ

ЖУРНАЛОВЪ СОВѢТА

Кіевской Духовной Академіи

за 1905—1906 учебный годъ.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1906.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ

ЖУРНАЛОВЪ СОВѢТА

Кіевской Духовной Академіи

за 1905—1906 учебный годъ.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38.
1906.

Печатано по постановленію Совѣта Кіевской Духовной Академіи.
Ректоръ Академіи *Епископъ Платонъ.*

1905 года 17 августа.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова, ординарныхъ профессоровъ А. Дмитріевскаго, В. Завитневича и экстраординарныхъ профессоровъ Д. Богдашевскаго, Н. Маккавейскаго, не возвратившихся еще изъ каникулярнаго отпуска.

Слушали: I. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона:

„Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, снова пожертвовалъ на академическія нужды 1000 рублей, распредѣленіе которыхъ предоставилъ на мое усмотрѣніе. Сообщая о семъ Совѣту Академіи, съ чувствомъ особеннаго удовольствія предлагаю Совѣту Академіи выразить нашему Владыкѣ за его всегдашнее попечительное отношеніе къ Академіи глубокую благодарность".

Постановили: Почтительнѣйше выразить Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Кіевскому и Галицкому Флавіану, глубокую благодарность.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи, 18 іюня сего года, указъ Святѣйшаго Синода отъ 14 того же іюня за № 5977: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Пра-

вительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 26 марта сего года за № 518, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи преподавателя Калужской духовной семинаріи Ивана Четверикова въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ „О Богѣ, какъ личномъ существѣ", и 2) представленіе Преосвященнаго Владимірскаго, отъ 12 мая сего года за № 903, съ отзывомъ о названномъ сочиненіи. Приказали: Преподавателя Калужской духовной семинаріи, кандидата богословія Ивана Четверикова, удостоеннаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи за вышеозначенное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Владимірскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Выдать г. Четверикову установленный дипломъ на степень магистра богословія.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ въ Совѣтъ Академіи, 20 іюня сего года, указъ Святѣйшаго Синода отъ 7 того же іюня за № 7: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 28 мая сего года № 727, журналъ Учебнаго Комитета за № 227, съ заключеніемъ Комитета, о назначеніи въ текущемъ году въ составъ новообразуемыхъ курсовъ Духовныхъ Академій воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣтамъ Духовныхъ Академій вызвать къ надлежащему сроку изъ числа 176 семинарскихъ воспитанниковъ, рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами, въ составъ но-

ныхъ въ Академіяхъ курсовъ 88 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, изъ нихъ а) въ—С.-Петербургскую Академію—25, по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Иркутской, Калужской, Костромской, Курской, Литовской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Подольской, Полтавской, Рижской, Рязанской, Смоленской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Томской, Холмской и Черниговской; б) въ Кіевскую Академію—25, по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Владимірской, Волынской, Донской, Калужской, Кишиневской, Кіевской, Костромской, Курской, Литовской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской и Харьковской; в) въ Московскую Академію—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Виѳанской, Вологодской, Волынской, Иркутской, Могилевской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Подольской, Полтавской, Рижской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тифлисской, Томской, Тульской, Холмской и Черниговской и г) въ Казанскую Академію—18, по одному воспитаннику изъ семинарій: Астраханской, Вологодской, Вятской, Донской, Иркутской, Казанской, Курской, Литовской, Орловской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тобольской, Томской, Уфимской и Харьковской; 2) остальныя затѣмъ казеннокоштныя вакансіи въ Академіяхъ С.-Петербургской — 5, Кіевской—5, Московской—10 и Казанской—12 предоставить лучшимъ изъ имѣющихъ явиться къ пріемнымъ испытаніямъ въ качествѣ волонтеровъ; 3) поручить Совѣтамъ Духовныхъ Академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній въ Академіяхъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требующіяся синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 12 января 1849 года, съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которыя явятся на экзаменъ не по вызову и будутъ приняты въ число воспитан-

никовъ Академій, и 4) предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы при избраніи воспитанниковъ въ Академіи: а) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ какъ по способностямъ, успѣхамъ въ ученіи и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, б) на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 19 марта 1871 года за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ Академію, а по окончаніи академическаго курса ученія отъ вступленія въ духовно—учебную службу, в) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки вмѣстѣ съ другими требуемыми документами избранныхъ вопитанниковъ непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты Академій чрезъ самихъ воспитанниковъ и г) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 4 мая 1905 года за № 2228 (Цер. Вѣд. № 21). Для должныхъ распоряженій и исполненія со стороны Совѣтовъ Духовныхъ Академій, послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому, Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же прочихъ Преосвященныхъ тѣхъ епархій, изъ которыхъ предназначается вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ въ Академіи".

Справка: О предписанномъ въ указѣ сообщено Правленіямъ 25 духовныхъ семинарій отношеніями отъ 24 іюня сего года за №№ 1098—1122.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи, 7 іюня сего года, указъ Святѣйшаго Синода отъ 3 того же іюня за № 5615: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 13 мая сего года за № 11967, по ходатайству южно-славянскихъ уроженцевъ о принятіи ихъ въ русскія духовно-учебныя заведенія, съ назначеніемъ на содержаніе синодальныхъ стипендій, 2) препровожденное изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія прошеніе ученика Митровицкой гимназіи Бранка Давиловича объ опредѣленіи его въ духовную семинарію также на русскую стипендію, и 3) прошенія болгарскихъ подданныхъ Денчо Ковачева и Николая Джангарова о принятіи ихъ въ число своекоштныхъ воспитанниковъ, перваго въ III классъ Московской духовной семинаріи и второго въ Одесскую семинарію. Приказали: Чрезъ состоящую при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Комиссію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ поступили ходатайства о пріемѣ въ русскія духовно-учебныя заведенія 10 сербовъ, 7 черногорцевъ и 6 болгаръ. Кромѣ сего съ прошеніями о томъ же обратились чрезъ Министерство Народнаго Просвѣщенія 1 сербъ и непосредственно въ Святѣйшій Синодъ 2 болгарина. При переполненіи духовно-учебныхъ заведеній, особенно южныхъ, иностранными уроженцами, общее число коихъ къ концу 1904—5 учебнаго года простирается до 187 человѣкъ, пользующихся синодальными стипендіями, не представляется возможнымъ удовлетворить прошенія всѣхъ желающихъ обучаться въ сихъ заведеніяхъ иностранныхъ уроженцевъ,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ таковыхъ по ихъ возрасту и слабой учебной подготовкѣ не могутъ быть приняты въ тѣ заведенія, въ кои они хотѣли бы поступить. Въ виду сего и примѣнительно къ имѣющимъ освободиться въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ синодальнымъ стипендіямъ, за окончаніемъ стипен-

діатами курса ученія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) изъ числа помянутыхъ иностранныхъ уроженцевъ, ходатайствующихъ о принятіи ихъ въ духовно-учебныя заведенія, допустить, послѣ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія, четверыхъ къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Духовныя Академія, сербовъ Георгія Георгіевича и іеродіакона Рафаила Миленковича въ Московскую, а болгаръ Михаила Нинова и Димитрія Стоянова въ Кіевскую Академію, и троихъ въ соотвѣтствующіе ихъ познаніямъ классы духовныхъ семинарій,— серба Мираша Меденицу—Курской и черногорцевъ Радована Радуловича и Луку Бальевича—Подольской семинаріи; 2) тѣмъ изъ поименованныхъ иностранцевъ, которые по выдержаніи испытаній будутъ приняты въ названныя учебныя заведенія, назначить на содержаніе въ сихъ заведеніяхъ стипендіи въ установленномъ размѣрѣ изъ духовно-учебнаго капитала, по Отд. 1 пар. 2 специальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода и 3) ходатайства остальныхъ 19-ти иностранцевъ о принятіи ихъ въ духовно-учебныя заведенія отклонить, въ томъ числѣ Ковачевича и Джангарова, просящихъ о принятіи ихъ своекоштными воспитанниками, въ виду неодобрительной аттестаціи перваго по поведенію и успѣхамъ въ его училищномъ свидѣтельствѣ и за непредставленіемъ вовсе какихъ либо документовъ вторымъ, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Сданные Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 21 и 23 іюня сего года указы Святѣйшаго Синода:

а) отъ 17 іюня сего года за №: 6084: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 27 января сего года №: 105, журналъ Учебнаго

Комитета за № 40; съ заключеніемъ Комитета по возбужденному Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи вопросамъ относительно иностранныхъ уроженцевъ, обучающихся въ Духовныхъ Академіяхъ, а) слѣдуетъ ли таковымъ, по окончаніи академическаго курса ученія, предоставлять право службы по духовно-учебному вѣдомству въ Россійской Имперіи, б) если не слѣдуетъ, то нужно ли обозначать это въ выдаваемыхъ имъ Академіею дипломахъ и аттестатахъ и в) могутъ ли иностранные уроженцы, окончившіе курсъ въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ, быть зачисляемы въ Академіяхъ на казенныя стипендіи, когда они будутъ присылаемы въ Академіи семинарскими начальствами на казенный счетъ и выдержатъ удовлетворительно установленныя повѣрочныя испытанія. Приказали: Разсмотрѣвъ предложенные Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи вопросы въ связи съ общими узаконеніями и дѣйствующими по духовно-учебному вѣдомству постановленіями касательно обученія иностранныхъ уроженцевъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: въ разрѣшеніе означенныхъ вопросовъ, разъяснить Совѣтамъ Казанской и другихъ Духовныхъ Академій, что 1) такъ какъ главною цѣлію обученія иностранныхъ уроженцевъ въ русскихъ Духовныхъ Академіяхъ является подготовленіе ихъ къ служенію нуждамъ православной церкви и духовнаго просвѣщенія на ихъ родинѣ, куда они и обязаны возвратиться по окончаніи академическаго курса ученія, то Святѣйшій Синодъ признаетъ не соотвѣтствующимъ означенной цѣли принятіе иностранныхъ уроженцевъ на духовно-учебную службу въ Россіи, 2) въ виду того, что допущеніе иностранныхъ уроженцевъ на духовно-учебную службу въ предѣлахъ Россіи зависитъ отъ усмотрѣнія Святѣйшаго Синода, въ выдаваемыхъ академическимъ воспитанникамъ изъ таковыхъ уроженцевъ дипломахъ и аттестатахъ, если ими не принята присяга на русское подданство, не должно быть обозначаемо ихъ право быть преподавателями въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; вслѣд-

ствіе чего академическимъ начальствамъ надлежитъ выдавать иностраннымъ уроженцамъ дипломы и аттестаты по особой соотвѣтственно сему изготовленной формѣ; и 3) воспитанники духовныхъ семинарій изъ иностранныхъ уроженцевъ, какъ бы ни были хороши ихъ успѣхи въ наукахъ и ихъ поведеніе, не должны быть посылаемы въ Духовныя Академіи на казенный счетъ, въ ущербъ интересамъ русскихъ воспитанниковъ. Равнымъ образомъ и по поступленіи въ Духовныя Академіи воспитанники изъ иностранныхъ уроженцевъ содержатся въ Академіяхъ на собственныя средства или на особыя стипендіи, каждый разъ съ особаго разрѣшенія Святѣйшаго Синода, а въ число назначенныхъ по штату для каждой Академіи казеннокоштныхъ студентовъ не включаются; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

б) отъ 18 того же іюня за № 6124: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуророжъ отъ 18 декабря 1903 года за № 2395, журналъ Учебнаго Комитета за № 685, съ заключеніемъ Комитета по представленному Преосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ отчету о состояніи Московской Духовной Академіи за 1902—3 учебный годъ и по возбужденному, между прочимъ, Совѣтомъ названной Академіи вопросу касательно порядка пріема въ Академію иностранныхъ уроженцевъ. Приказали: 1) Означенный отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи принять къ свѣдѣнію. II) Совѣтъ Московской Духовной Академіи испрашиваетъ руководственныхъ указаній по вопросу о томъ, можно ли допускать къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Духовную Академію иностранныхъ уроженцевъ, а) являющихся непосредственно въ Академію безъ разрѣшительныхъ указовъ Святѣйшаго Синода, съ рекомендательными письмами отъ своихъ епископовъ, а иногда даже и безъ всякихъ рекомендацій; б) являющихся хотя и съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, но

поздно, по окончаніи пріемныхъ испытаній для воспитанниковъ русскихъ духовныхъ семинарій, и в) не имѣющихъ возможности по недостаточному знакомству съ русскимъ языкомъ давать на немъ устные отвѣты и представлять письменныя работы. Обсудивъ означенный вопросъ въ связи съ дѣйствующимъ правиломъ относительно пріема иностранныхъ уроженцевъ въ духовныя Академіи, Святѣйшій Синодъ въ цѣляхъ упорядоченія сего пріема, признаетъ необходимымъ: 1) Существующій нынѣ, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода 6 іюля—13 августа и 8—20 августа 1901 года, порядокъ принятія иностранныхъ уроженцевъ въ число студентовъ Духовныхъ Академій, съ содержаніемъ на казенный счетъ, съ разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Святѣйшаго Синода, распространить и на тѣхъ иностранцевъ, кои просятъ о принятіи ихъ въ Духовныя Академіи съ содержаніемъ на собственныя средства. Такимъ образомъ можетъ быть установлена извѣстная количественная норма въ пріемѣ иностранныхъ уроженцевъ въ Академіи, соотвѣтственно имѣющимся въ Академіяхъ студенческимъ вакансіямъ и потребностямъ православныхъ иностранныхъ церквей въ лицахъ съ высшимъ образованіемъ. Для сего всѣ иностранные уроженцы, желающіе обучаться въ русскихъ Духовныхъ Академіяхъ какъ на счетъ Святѣйшаго Синода, такъ и на собственныя средства, должны представлять прошенія о пріемѣ ихъ въ Академіи со всѣми находящимися документами и рекомендаціями мѣстныхъ духовныхъ іерарховъ въ порядкѣ, опредѣляемомъ правилами выбора и рекомендаціи славянскихъ уроженцевъ въ русскія учебныя заведенія, выработанными въ 1897 году состоящею при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Комиссіею по образованію въ Россіи южныхъ славянъ и принятыми Святѣйшимъ Синодомъ по опредѣленію 6 іюля—13 августа 1904 года за № 2208, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда іерархи православныхъ восточныхъ и южно-славянскихъ земель будутъ входить съ ходатайствами о принятіи рекомендуемыхъ ими лицъ въ

Духовныя Академіи непосредственно въ Святѣйшій Синодъ. Ежегодно составляющаяся при Святѣйшемъ Синодѣ для разсмотрѣнія прошеній иностранныхъ уроженцевъ Комиссія произведетъ выборы изъ просителей кандидатовъ какъ на синодальныя степендіи въ Духовныхъ Академіяхъ, такъ и тѣхъ, которые могли бы прибыть въ Россію для обученія въ Академіяхъ съ содержаніемъ на собственныя средства. Засимъ отъ Святѣйшаго Синода будетъ зависѣть утвержденіе избранныхъ и разрѣшеніе таковымъ прибыть къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Духовныя Академіи. Прибывшіе безъ таковаго разрѣшенія иностранные уроженцы къ поступленію въ духовно-учебныя заведенія не допускаются. 2) Съ примѣненіемъ такого порядка для иностранныхъ уроженцевъ устраняются поводы являться къ пріемнымъ испытаніямъ въ Духовныхъ Академіяхъ по прошествіи установленнаго срока для таковыхъ. Съ тою же цѣлью предупрежденія случаевъ поздняго прибытія въ Духовныя Академіи иностранцевъ, рекомендованныхъ къ поступленію въ оныя непосредственно православными восточными и южно-славянскими іерархами, признается полезнымъ просить означенныхъ іерарховъ, чтобы они входили съ ходатайствами о пріемѣ соплеменныхъ имъ молодыхъ людей заблаговременно, по крайней мѣрѣ за три мѣсяца до пріемныхъ въ Академіи испытаній, обычно начинающихся съ 16 августа, особенно если рекомендуемыя ими лица въ священномъ санѣ, въ виду сложной переписки о прибытіи таковыхъ въ Россію. 3) По установившемуся порядку всѣ иностранные уроженцы принимаются въ число студентовъ Духовныхъ Академій не иначе, какъ по сдачѣ установленныхъ повѣрочныхъ испытаній; при этомъ иностранные уроженцы, обучавшіеся уже въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ и окончившіе въ нихъ курсъ съ званіемъ студентовъ или, по крайней мѣрѣ, съ перворазрядными баллами по предметамъ семинарскаго образованія, допускаются къ означеннымъ испытаніямъ на одинаковыхъ съ рус-

скими воспитанниками основаніяхъ. Что же касается иностранныхъ уроженцевъ, пріѣзжающихъ для поступленія въ Академію непосредственно съ родины, то и таковые должны обладать не только соотвѣтствующею учебною подготовкою, но и быть знакомыми достаточно съ русскимъ языкомъ, чтобы сдавать по русски повѣрочные устные экзамены и составлять положенныя письменныя работы. 3) Сверхъ сего Святѣйшій Синодъ находитъ необходимымъ изъясненный выше въ п. I-мъ порядокъ пріема иностранныхъ уроженцевъ примѣнить и къ тѣмъ изъ нихъ, которые желаютъ поступать въ духовныя семинаріи въ качествѣ своекоштныхъ воспитанниковъ; и 4) въ виду того, что уроженцы православныхъ восточныхъ и южно-славянскихъ земель направляются въ Россію для полученія, а иногда для окончанія только богословскаго образованія, чего они не могутъ достигнуть на родинѣ, признается излишнимъ принятіе таковыхъ въ русскія духовныя училища, соотвѣтственный коимъ учебный курсъ можетъ быть проходимъ ими въ отечественныхъ школахъ безъ тѣхъ затрудненій, съ какими связано прибытіе въ Россію малолѣтнихъ дѣтей и безъ тѣхъ значительныхъ расходовъ, какіе вызываетъ содержаніе иностранцевъ въ русскихъ духовныхъ училищахъ. О вышеизложенномъ Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: послать для зависящихъ распоряженій Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

VI. а) Сданное Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ въ Совѣтъ Академіи 28 іюля сего года отношеніе, на имя Его Высокопреосвященства, Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 22 того же іюля за № 1071: „Вслѣдствіе отношенія, отъ 10 іюля сего года, имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопреосвященство, что къ перемѣщенію преподавателя Калужской духовной семинаріи Ивана Четвери-

кова на должность доцента Кіевской Духовной Академіи по каѳедрѣ психологіи со стороны Центральнаго Управленія духовно-учебнаго вѣдомства препятствій не имѣется".

б) Революція Его Высокопреосвященства на томъ же отношеніи: „Четвериковъ утверждается въ должности доцента Академіи".

в) Резолюція Его Высокопреосвященства на журналѣ Совѣта Академіи отъ 3 іюля сего года объ опредѣленіи профессорскаго стипендіата іеромонаха Анатолія на вакантную каѳедру общей церковной исторіи въ званіи исправляющаго должность доцента съ 16 августа сего года: „Утверждается".

Постановили: Объ утвержденіи магистра богословія Ивана Четверикова въ должности доцента Академіи по каѳедрѣ психологіи и кандидата богословія іеромонаха Анатолія въ званіи исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ общей церковной исторіи записать въ формулярные ихъ списки и сообщить Правленію Академіи для надлежащихъ распоряженій.

VII. Увѣдомленія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 27 минувшаго іюля за № 5447: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 22 сего іюля докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Митрофанъ Инсарскій опредѣленъ на должность преподавателя св. Писанія въ Вологодскую духовную семинарію".

б) отъ 2 сего августа за № 5658: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 28 минувшаго іюля докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидаты Кіевской Духовной Академіи Василій Гомеровъ, Алексѣй Поповичъ, Павелъ Смирновъ, Николай Богоявленскій (Новгород.

епархіи), Михаилъ Орловъ, Иванъ Паславскій, Петръ Сербиновъ и Михаилъ Омельяновичъ опредѣлены, съ 16 сего августа, помощниками инспекторовъ въ духовныя семинаріи: Гомеровъ — въ Калужскую, Поповичъ—въ Могилевскую, Смирновъ—въ Нижегородскую, Богоявленскій—въ Новгородскую, Орловъ—въ Подольскую, съ жалованьемъ изъ епархіальныхъ средствъ, Паславскій—въ Ставропольскую, съ жалованьемъ изъ епархіальныхъ средствъ, Сербиновъ—въ Тамбовскую и Омельяновичъ — въ Тифлисскую".

в) Отъ 11 сего августа за № 5816: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 4-го августа 1905 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Григорій Скарданицкій опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Челябинскаго духовнаго училища съ 16 августа 1905 года".

г) Отъ 11 сего августа за № 5835: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 4-го августа 1905 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Николай Богоявленскій (Олонецкой епархіи) опредѣленъ на должность учителя греческаго языка въ Витебское духовное училище".

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора всѣмъ поименованнымъ кандидатамъ посланы извѣщенія объ опредѣленіи ихъ на службу.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Прошеніе преподавателя Новгородской духовной семинаріи, кандидата богословія Димитрія Знаменскаго, отъ 10 сего августа: „Представляя при семъ свое рукописное сочиненіе на тему: „Ученіе св. Апостола Іоанна Богослова въ четвертомъ Евангеліи о Лицѣ Іисуса Христа", покорнѣйше прошу принять его для разсмотрѣнія въ качествѣ магистерской диссертаціи".

Постановили: Представленное кандидатомъ богословія Димитріемъ Знаменскимъ сочиненіе передать на разсмотрѣніе экстраординарному профессору Д. Богдашевскому, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

IX. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи о назначеніи на 1905/6 учебный годъ особой комиссіи для сведенія балловъ и составленія порядковыхъ списковъ послѣ пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ.

Постановили: Для сведенія балловъ и составленія порядковыхъ студенческихъ списковъ послѣ пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ образовать на 1905/6 учебный годъ комиссію изъ экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, доцента С. Песоцкаго и секретаря Совѣта Н. Успенскаго.

X. А) Отношенія Правленій 24 духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ назначенныхъ ими къ отправленію въ составъ новаго академическаго курса воспитанниковъ:

1. Витебской семинаріи—Троицкаго Петра.
2. Владимірской семинаріи—Мурашева Сергѣя.
3. Волынской семинаріи—Жадановскаго Николая.
4. Донской семинаріи—Спѣвакова Петра.
5. Калужской семинаріи—Соколова Григорія.
6. Кіевской семинаріи—Хотинскаго Якова.
7. Костромской семинаріи—Лебедева Владиміра.
8. Курской семинаріи—Горохова Димитрія.
9. Литовской семинаріи—Бѣгалловича Георгія.
10. Могилевской семинаріи—Попова Николая.
11. Нижегородской семинаріи—Никольскаго Владиміра.
12. Новгородской семинаріи—Никольскаго Василія.
13. Оренбургской семинаріи—Грачева Петра.

14. Орловской семинаріи—Богословскаго Алексѣя.
15. Полтавской семинаріи—Павловскаго Никанора.
16. Самарской семинаріи—Русанова Владиміра.
17. Саратовской семинаріи—Лопуховскаго Михаила.
18. Симбирской семинаріи—Травина Бориса.
19. Ставропольской семинаріи—Долгополова Василія.
20. Тамбовской семинаріи—Алешковскаго Павла.
21. Тверской семинаріи—Первова Ивана.
22. Тульской семинаріи—Зеленецкаго Николая.
23. Уфимской семинаріи—Зубакина Михаила.
24. Харьковской семинаріи—Юшкова Николая.

Б) Отношеніе Правленія Кишиневской духовной семинаріи отъ 12 сего августа за № 727: „Правленіе Семинаріи долгъ имѣетъ сообщить Совѣту Кіевской Духовной Академіи, что предназначенный Правленіемъ Семинаріи къ экзаменамъ для поступленія въ составъ новаго академическаго курса воспитанникъ Кишиневской Семинаріи, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не можетъ явиться въ Академію".

В) Прошенія 41 окончившихъ съ успѣхомъ семинарскій курсъ воспитанниковъ о допущеніи къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ I курса, съ приложенімъ необходимыхъ для сего документовъ:

1. Абрамкина Павла, студ. Рязанской семинаріи.
Балабаненко Николая, студ. Таврической семинаріи.
Бурковскаго Ксенофонта, студ. Кіевской семинаріи.
Бѣлевича Михаила, студ. Литовской семинаріи.
5. Волошина Ивана, студ. Курской семинаріи.
Граевскаго Ивана, студ. Кіевской семинаріи.
Гринберга Григорія, студ. Кіевской семинаріи.
Ермолова Константина, студ. Новгородской семинаріи.
Іустинова Михаила, студ. Тверской семинаріи.
10. Киселевича Вукола, студ. Черниговской семинаріи.

Колаковича Даніила (серба), воспит. сербск. Константинопольской гимназіи.

Компана Николая, студ. Кіевской семинаріи.

Коробкина Александра, студ. Курской семинаріи.

Красовитова Василія, студ. Орловской семинаріи.

15. Левицкаго Василія, студ. Волынской семинаріи.

Луича Ефрема (серба), воспит. серб. Константинопольской гимназіи.

Лященко Тимоѳея свящ., студ. Воронежской семинаріи.

Мальцева Александра, студ. Рязанской семинаріи.

Нинова Михаила (болгар.), воспит. богосл. учил. въ Софіи.

20. Осинскаго Аѳанасія, студ. Кіевской семинаріи.

Остроумова Семена, студ. Ставропольской семинаріи и Юрьевскаго университета.

Писклявскаго Михаила свящ., студ. Волынской семинаріи.

Подвысоцкаго Павла свящ., студ. Волынской семинаріи.

Пономарева Петра, студ. Ставропольской семинаріи.

25. Радченко Михаила, студ. Екатеринославской семинаріи.

Раевскаго Вячеслава, студ. Орловской семинаріи.

Райскаго Анемподиста, студ. Тульской семинаріи.

Селецкаго Іоанникія, студ. Волынской семинаріи.

Сикачинскаго Николая, студ. Кіевской семинаріи.

30. Стесенко Даніила, студ. Харьковской семинаріи.

Стоянова Димитрія (болгар.), воспит. богосл. учил. въ Софіи.

Сырбу Ѳеодора (румын.), воспит. Ясской семинаріи.

Сырнева Сергѣя, студ. Вятской семинаріи.

Трехбратскаго Георгія, студ. Одесской семинаріи.

35. Уколова Александра, студ. Ставропольской семинаріи.

Церуша Мины, студ. Кишиневской семинаріи.

Чернявскаго Григорія, студ. Витебской семинаріи.

Чиннова Петра, студ. Калужской семинаріи.
Шарапова Александра, студ. Тульской семинаріи.
40. Шумова Димитрія, студ. Тульской семинаріи.
41. Шуранова Михаила, студ. Черниговской семинаріи.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 марта 1904 года за № 3062 опредѣлено, чтобы поступающимъ въ Академію воспитанникамъ пріемныя испытанія производились въ предѣлахъ семинарскаго курса, по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, какъ двумъ отдѣльнымъ предметамъ, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до раздѣленія церквей) и по одному изъ древнихъ языковъ по выбору экзаменующихся; кромѣ того экзаменующіеся должны написать на заданныя темы сочиненія: одно по богословскимъ предмеметамъ и другое по философскимъ прдеметамъ, съ написаніемъ одного поученія.

Постановили: 65 воспитанниковъ (въ томъ числѣ 24 назначенныхъ семинарскими начальствами къ поступленію въ составъ новаго академическаго курса и 41 прибывшихъ съ тою же цѣлью по собственному желанію) допустить къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ I курса. Предварительно подвергнуть ихъ 18 сего августа медицинскому освидѣтельствованію состоянія ихъ здоровья. Пріемныя испытанія произвести съ 19 по 27 сего августа въ слѣдующемъ порядкѣ: на 19 августа назначить сочиненіе богословскаго содержанія, а для чтенія его—ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго и доцента С. Песоцкаго; на 20 августа—философскаго содержанія, поручивъ чтеніе его заслуженному ординарному профессору А. Розову и и. д. доцента П. Кудрявцеву; на 22 августа—поученіе а чтеніе его поручить заслуженному ординарному профессору В. Малинину и экстраординарному профессору, протоіерею Ѳ. Титову. Устныя испытанія произ-

вести съ 23 по 27 сего августа въ пяти одновременно дѣйствующихъ комиссіяхъ, раздѣливъ общее число экзаменующихся на пять группъ. Испытанія по священному писанію ветхаго завѣта произвести въ комиссіи изъ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго, заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго и экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго. Въ составъ комиссіи для производства испытанія по священному писанію новаго завѣта назначить заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго, экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго и доцента, священника А. Глаголева. Испытаніе по догматическому богословію произвести въ комиссіи изъ исполняющаго обязанности инспектора, заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова, экстраординарнаго профессора А. Булгакова и доцента В. Экземплярскаго. Для производства испытанія по всеобщей церковной исторіи назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Н. Петрова, С. Голубева и К. Попова. Въ составъ комиссіи для испытанія по древнимъ языкамъ назначить заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова, заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова и доцента Н. Мухина. По окончаніи же пріемныхъ испытаній имѣть сужденіе о зачисленіи экзаменовавшихся въ составъ новаго академическаго курса.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „26 августа 1905 года. Читалъ“

1905 года 1 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присут-

ствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ П. Лашкцкаго и В. Малинина, не бывшихъ по личнымъ обстоятельствамъ, и заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпуску.

Слушали: І. Отзывы о сочиненіяхъ, представленныхъ на соисканіе юбилейной Макарьевской преміи:

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова о сочиненіи профессора К. Попова подъ заглавіемъ: „Блаженный Діадохъ, епископъ Фотики и его творенія".

„Книга профессора Попова „Блаж. Діадохъ и его творенія", представленная въ настоящемъ преміальномъ году на соисканіе юбилейной преміи м. Макарія, два года тому назадъ была на разсмотрѣніи Совѣта Академіи въ качествѣ диссертаціи на степень доктора богословія. Въ своемъ оффиціальномъ отзывѣ мы рекомендовали ее тогда Совѣту, какъ книгу „въ полномъ смыслѣ слова ученую и совершенно удовлетворяющую той цѣли, съ которой она представлена въ Совѣтъ Академіи". Получивъ отъ Совѣта Академіи порученіе дать отзывъ о книгѣ проф. Попова и теперь, мы въ настоящемъ случаѣ рекомендуемъ ее, какъ книгу вполнѣ заслуживающую искомой преміи.

Но Совѣту Академіи, конечно, извѣстно, что въ концѣ первой половины текущаго года книга проф. Попова вызвала появленіе въ свѣтъ брошюры проф. Дмитріевскаго, напечатанной, какъ значится на оборотѣ выходного листа, „по распоряженію Академіи Наукъ", подъ заглавіемъ „Опытъ изданія греческихъ церковныхъ писателей древнѣйшаго времени въ русской патрологической литературѣ". Брошюра содержитъ критическое разсмотрѣніе всѣхъ отдѣловъ книги проф. Попова и по всѣмъ этимъ пунктамъ не признаетъ за ней ученаго значенія.

Полагая, что полный и обстоятельный критическій разборъ этой брошюры принадлежитъ автору книги, мы съ своей сто-

роны считаемъ совершенно достаточнымъ остановиться только на нѣкоторыхъ ея пунктахъ, въ оправданіе своего мнѣнія объ ученыхъ качествахъ книги проф. Попова.

Настоящая книга составляетъ первый томъ въ задуманномъ проф. Поповымъ изслѣдованіи о блаж. Діадохѣ и содержитъ въ себѣ творенія этого древняго писателя: его, извѣстное въ древней аскетической литературѣ и раздѣляющееся на сто главъ, твореніе подъ заглавіемъ „Аскетическое Слово" (λόγος ἀσκητικός, стр. 19—526), затѣмъ „Слово на вознесеніе Господне" (стран. 555—569) и „Слово противъ аріанъ" (стр. 572—606), которое проф. Поповъ, впрочемъ, считаетъ „сомнительнымъ въ отношеніи его принадлежности бл. Діадоху". На первомъ мѣстѣ поставлено Аскетическое Слово; при чемъ предлагаются: 1) вновь рецензированный греческій текстъ этого творенія, съ извлеченными изъ древнихъ рукописей разночтеніями къ тексту, 2) надписанія надъ его главами, 3) подстрочныя примѣчанія или схоліи и 4) параллельно съ греческимъ текстомъ идущій русскій его переводъ. Это именно твореніе и имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, проф. Дмитріевскій въ своей брошюрѣ.

I.

Находя, по нѣкоторымъ соображеніямъ, необходимымъ переизданіе греческаго текста Аскетическаго Слова, проф. Поповъ, въ цѣляхъ наиболѣе точнаго воспроизведенія этого текста въ его первоначальномъ видѣ, за лучшее счелъ обратиться къ изученію древнихъ греческихъ рукописей. Подъ руками у него были: а) московская греческая рукопись IX в., хранящаяся въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ № 145; б) вѣнскій кодексъ XI—XII в., подъ № 93; в) вѣнскій кодексъ конца XIV в., подъ № 204; г) московская греческая рукопись XV в., подъ № 307; д) московская греческая рукопись XVI в., подъ № 273, и е) вѣнскій кодексъ XV в., подъ № 274. Кромѣ того, въ отдѣлѣ разночтеній встрѣчаются еще указанія на два вѣн-

скихъ кодекса подъ №№ 88 и 192 и на кодексы лавдіанскій и баррокціанскій. Лучшею изъ всѣхъ этихъ рукописей признана проф. Поповымъ московская рукопись XV в., подъ № 307, и она именно положена въ основаніе новой редакціи греческаго текста λόγος ἀσκητικός. Дѣйствительно, эта рукопись воспроизводитъ текстъ λόγος ἀσκητικός гораздо вѣрнѣе, чѣмъ другія рукописи и печатное изданіе, имѣющееся въ греческой Филокаліи, какъ это съ очевидностью показываетъ отдѣлъ разночтеній.

Проф. Дмитріевскій, въ своей брошюрѣ, находитъ количество бывшихъ подъ руками у проф. Попова рукописей слишкомъ недостаточнымъ, „чтобы имѣть смѣлость издавать новую редакцію греческаго текста Аскетическаго Слова" (стр. 15), и полагаетъ, что „научная любознательность издателя должна была направиться въ библіотеки Аѳона, Патмоса, Синая и др., такъ какъ здѣсь скорѣе всего могли быть разысканы списки этого слова, отличающіеся древностью и орѳографическими и каллиграфическими достоинствами" и проч. (стр. 12). Глубоко сожалѣя, что ему самому „не удалось изучить этотъ памятникъ въ библіотекахъ Синая, Іерусалима и Патмоса" (стр. 16), проф. Дмитріевскій предлагаетъ „свои личныя наблюденія надъ списками λόγος ἀσκητικός по рукописямъ библіотекъ" только „Константинополя и Аѳона".

Такихъ списковъ приводится имъ шестнадцать (стр. 16—21). Самый древній изъ нихъ—списокъ IX в., хранящійся въ библіотекѣ лавры преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго подъ № 42Γ'. Затѣмъ слѣдуютъ: „превосходный по письму и въ орѳографическомъ отношеніи" списокъ въ рукописи XI в., хранящійся въ библіотекѣ Святогробскаго подворья въ Константинополѣ подъ № 45, и кодексъ Аѳоно-Ватопедской библіотеки XIII в., № 52, въ которомъ содержится, между прочимъ, и текстъ Аскетическаго Слова блаж. Діадоха, отличающійся рѣдкою правильностію и изяществомъ письма". Наконецъ, уже безъ особой аттестаціи, идутъ рукописи XII в. (одна), XIII (кромѣ

Ватопедской, еще одна), XIV (одна), XV (четыре), XVI (двѣ XVII (одна), XVIII (одна) и XIX (двѣ тетради).

Такимъ образомъ, самая древняя въ спискѣ проф. Дмитріевскаго рукопись принадлежитъ тому же IX в., къ которому относится и древнѣйшая изъ бывшихъ подъ руками проф. Попова рукопись; да и относительно этой рукописи проф. Дмитріевскій замѣчаетъ, что „особенности ея текста отмѣчены большею частію у проф. Попова подъ строкою“ (стр. 16). Затѣмъ, нѣтъ хронологической разницы и въ остальномъ рукописномъ матеріалѣ, бывшемъ подъ руками профф. Дмитріевскаго и Попова; излишне имѣющіяся въ спискѣ перваго рукописи XVIII и XIX вв., по своей юности, значенія не представляютъ.

Вопросъ теперь въ томъ, даютъ ли рукописи проф. Дмитріевскаго матеріалъ для поправокъ рецензированнаго проф. Поповымъ греческаго текста Аскетическаго Слова блаженнаго Діадоха?

Для рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ данныя въ разночтеніяхъ, которыя проф. Дмитріевскій приводитъ въ своей брошюрѣ изъ бывшихъ у него подъ руками рукописей (стр. 46—67). Остановимся на нѣкоторыхъ разночтеніяхъ изъ лучшихъ по аттестаціи проф. Дмитріевскаго рукописей подъ №№ 42Г', 45 и 52.

1) Книга проф. Попова, стрц. 43, стрк. 10: ἔκκαυσις; № 42Г': ἔκχυσις. Въ томъ мѣстѣ Аскетическаго Слова, на которое указываетъ цитата изъ книги проф. Попова, говорится, что „еще очищающимся праведнымъ свойственъ страхъ,... а очищеннымъ—совершенная любовь, ибо у нихъ нѣтъ уже больше мысли о какомъ-либо страхѣ, но постоянное пламенѣніе и прилѣпленіе души къ Богу“. Съ контекстомъ, очевидно, гармонируетъ ἔκκαυσις (зажиганіе, воспламененіе), а отнюдь не ἔκχυσις (изливаніе, высыпаніе).

Кн. проф. Попова, стрц. 50, стрк. 1: λήθης; № 42Г': λήθη. „Ибо глубина вѣры, будучи водою забвенія (ὕδωρ λήθης)

золъ"... и проч. Разночтеніе λήθη, очевидно, не ладитъ съ грамматикой.

Кн. проф. Попова, стрц. 112, стрк. 14: νεκρουμένης τῆς ζάλης; № 42Г': νικωμένη τὴν ζάλην. „Какъ море, когда оно волнуется, имѣетъ свойство уступать наливаемому въ него маслу, такъ какъ подъ вліяніемъ жидкости масла прекращается волненіе (νεκρωμένης τῆς ζάλης), такъ и"... и проч. Очевидно, разночтеніе νικωμένη τὴν ζάλην, по контексту, не ладитъ съ грамматикой.

Кн. проф. Попова, стрц. 115, стрк. 9: ἐξ ἀγνοίας; № 42Г': ὡς ἔγνων. „Если кому-нибудь изъ подвижниковъ почудится или свѣтъ, или какой-нибудь свѣтовидный призракъ, или голосъ, пусть онъ ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ подобнаго видѣнія, ибо оно—явное обольщеніе врага, которому поддавшись по невѣдѣнію (ἐξ ἀγνοίας), многіе совратились съ пути истины", и проч. Разночтеніе ὡς ἔγνων, очевидно, не ладитъ съ грамматикой.

Кн. проф. Попова, стрц. 134, стрк. 1: ἀγωνιζόμενον; № 42Г': ἐγκρατευόμενον. Слова ап. Павла изъ 1 Кор. IX, 25: δεῖ οὖν τὸν ἀγωνιζόμενον πάντα ἐγκρατεύεσθαι. Разночтеніе ἐγκρατευόμενον, очевидно, невѣрно.

Кн. проф. Попова, стрц. 209, стрк. 1: ἐξωλείας; № 42Г' ἐξ ὅλης ἀγνοίας. „А мы, недавно избѣгшіе житейской погибели (ἀπὸ τῆς τοῦ βίε... ἐξωλείας), должны чистотою своего тѣла присоединиться къ красотѣ цѣломудрія". Разночтеніе ἐξ ὅλης ἀγνοίας съ контекстомъ не ладитъ.

Кн. проф. Попова, стрц. 286, стрк. 7: ἀπαιτεῖ; № 42Г': ἀπατεῖ. „Умъ, когда мы заградимъ всѣ его исходища памятованіемъ о Богѣ, непремѣнно потребуетъ (ἀπαιτεῖ) отъ насъ дѣла, долженствующаго удовлетворять его влеченію". Разночтеніе ἀπατεῖ (отъ ἀπατάω, обманывать, обольщать, сбивать съ прямого пути) съ контекстомъ не гармонируетъ.

Кн. проф. Попова, стрц. 346, стрк. 18: ἀνεξικακοῦμεν, γινώμεθα, № 42′: ἀνεξίκακοι γινώμεθα. „Слышалъ я отъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ, утверждающихъ, что не должно допускать первымъ встрѣчнымъ расхищать то, что имѣемъ..., чтобы не сдѣлаться попустителями грѣха для обижающихъ насъ, отъ которыхъ терпимъ зло“ (ἵνα μὴ ἁμαρτίας πρόξενοι τοῖς ἀδικοῦσιν ἡμᾶς, δι᾽ ὧν ἀνεξικακοῦμεν, γινώμεθα). Разночтеніе ἀνεξίκακοι γινώμεθα, очевидно, малограмотное.

Кн. проф. Попова, стрц. 351, стрк. 13: κτίσμα· οὔτε γὰρ πρίν οὗτος ἢ ἐκεῖνος; № 42Г′: κτίσμα οὓς ὄντως εἰ ἐκεῖνος. „Ибо Богъ не перестанетъ домостроительствовать о своемъ созданіи, какъ (дѣлаетъ) отъ начала. Ибо прежде, нежели тотъ или другой подвигнутся къ милостынѣ, бѣдные не лишены бываютъ пищи и крова“ (οὔτε γὰρ πρὶν οὗτος ἢ ἐκεῖνος πρὸς τὴν ἐλεημοσύνην ἐξηγείροντο, ἐστεροῦντο τροφῆς ἢ σκεπασμάτων οἱ πτωχοί. Разночтеніе οὓς ὄντως εἰ ἐκεῖνος не что иное, какъ не имѣющій опредѣленнаго смысла наборъ словъ.

2) Кн. проф. Попова, стрц. 36, строк. 1: ἡμᾶς ἐλαττοῦσθαι; № 45: ἐμὲ ἐλαττοῦσθαι. „...И мы, какъ Іоаннъ Креститель, радуясь славѣ Господа, начнемъ говорить: Ему должно возвышаться, а намъ (ἡμᾶς) умаляться“. Съ контекстомъ болѣе гармонируетъ ἡμᾶς, чѣмъ ἐμέ.

Кн. проф. Попова, стрц. 37, стрк. 12—13: παρ᾽ ἑαυτῷ τῇ διανοίᾳ διὰ παντὸς; № 45: παρ᾽ ἑαυτῆς παντὸς τῇ ὑπονοίᾳ. . „...дабы всегда предъ самимъ собою въ мысли (παρ᾽ ἑαυτῷ τῇ διανοίᾳ διὰ παντὸς) казаться рабомъ неключимымъ“... Разночтеніе παρ᾽ ἑαυτῆς παντὸς τῇ ὑπονοίᾳ (подозрѣніе, догадка) не ладитъ ни съ контекстомъ, ни съ грамматикой.

Кн. проф. Попова, стрц. 276, стрк. 1: τέλειον ἐπαγγελλομένην; № 45: ἐπαγγελλομένης ἡμῖν. „Когда наша душа начинаетъ уже не желать земныхъ прелестей, въ нее часто закрадывается нѣкоторый унылый образъ мыслей..., уничижающій

и самое знаніе (τὴν γνῶσιν), какъ или данное уже и многимъ другимъ, или же ничего совершеннаго намъ не открывающее (ἐπαγγελλομένην). Разночтеніе ἐπαγγελλομένης не ладитъ съ грамматикой.

Кн. проф. Попова, стрц. 434; стрк. 2: σωτήριον; 45: σωτηρίου. „Посему Слово Божіе воплотилось, даровавъ намъ, какъ Богъ, собственнымъ крещеніемъ спасительную воду (ὕδωρ σωτήριον) въ возрожденіе“. Разночтеніе σωτηρίου невѣрно.

Кн. проф. Попова стрц. 443, стрк. 4: τὴν χάριν αὐτὸν ὁμιλίας ἀποσπῶσιν; № 45: χάρις αὐτονομίας ἀποσπάσωσιν. „Когда же въ умѣ сокрыта благодать, они (демоны) расползаются, какъ нѣкоторыя темныя облака, по частямъ сердца, принимая видъ грѣховныхъ страстей и многоразличныхъ возбужденій, дабы, разсѣевая память ума, отвлекать его отъ общенія съ благодатію (τῆς πρὸς τὴν χάριν αὐτὸν ὁμιλίας ἀποσπῶσιν). Разночтеніе χάρις αὐτονομίας ἀποσπάσωσιν не ладитъ ни съ контекстомъ, ни съ грамматикой.

Кн. проф Попова, стрц. 453, стрк. 13: πτερῷ δυνήθῃ; № 45: πτερῷ καταβολεῖν δυνήθῃ. „Потому-то и Апостолъ говоритъ, что діаволъ настигаетъ христоносныя души разженными стрѣлами, ибо тотъ, кто не овладѣваетъ своимъ противникомъ, пускаетъ въ ходъ противъ него всегда стрѣлы, чтобы сражающагося съ нимъ могъ издали поразить пернатою стрѣлой (ἵνα τὸν ἐκ μήκος αὐτῷ μαχόμενον τῷ πτερῷ δυνήθῃ θηρᾶσαι τῶν βελῶν). Разночтеніе πτερῷ καταβολεῖν δυνήθῃ менѣе выразительно, чѣмъ πτερῷ δυνήθῃ θηρᾶσαι.

Кн. проф. Попова, стрц. 455 стрк. 23: φρονήματος; № 45: φυράματος. Φρόνημα—мысль, благоразуміе, разумъ, вообще духовная сторона человѣческой природы; φύραμα—смѣшеніе, тѣсто, глыба, бренность, вообще сторона человѣческой природы физическая. Контекстъ: „Ибо, по праведному суду, имъ (демонамъ) попускается иногда пребывать около глубинъ тѣла даже

и у тѣхъ, которые строго подвизаются, для того, чтобы свобода (τὸ αὐτεξούσιον) человѣческой мысли... человѣческой бренности... находилась всегда подъ испытаніемъ". Что здѣсь болѣе подходитъ къ контексту—φρονήματος, или φυράματος? Не для того демонамъ попускается дѣйствовать въ тѣлѣ даже и строгаго подвижника, чтобы они держали подъ испытаніемъ бренную физическую сторону его природы, а для того, конечно, чтобы чрезъ тѣло подвергали искушенію его душу: „сатана, говорится въ той же главѣ (82-й) нѣсколько выше, скрывается въ тѣлѣ, чтобы посредствомъ легкоуступчивости тѣла обольстить душу". Думаемъ, поэтому, что принятое въ кн. проф. Попова чтеніе φρονήματος, какъ болѣе согласующееся съ контекстомъ, вѣрнѣе.

Кн. проф. Попова, стрц. 498, стрк. 13: ἐμμένωσι; № 45: ἐνέμενον. (Ἐμμένω, основаться, пребывать, быть твердую въ ч. н.; νέμω, выдѣлять, удѣлять, избирать, истреблять). „И Апостолъ немощами называетъ возстаніе враговъ креста, которыя безпрерывно случались... со святыми, чтобы они... болѣе утверждались смиреніемъ" и проч. (ἵνα... μᾶλλον ἐμμένωσι διὰ τῆς ταπεινώσεως). Разночтеніе ἐνέμενον не ладитъ ни съ контекстомъ, ни съ грамматикой (ἵνα).

3) Кн. проф. Попова, стрц. 189, стрк. 1: χρωμένους; № 52: κέχρησθαι). „Слѣдовательно, намъ пользующимся умѣренностію, должно (χρὴ οὖν τῇ συμμετρίᾳ ἡμᾶς χρωμένους) избѣгать вреда отъ излишества". Разночтеніе κέχρησθαι грамматически недопустимо.

Кн. проф. Попова, стрц. 215, стрк. 3: τὸν σκοπὸν τῆς ἐγκρατείας κατορθοῦσι, № 52: τὸν ἀσκητικὸν κατορθοῦσθαι. „Говорю это тѣмъ, которые достигаютъ цѣли воздержанія въ киновіяхъ или городахъ", и проч. (ταῦτα δὲ λέγω τοῖς ἐν κοινοβίοις ἢ ἐν πόλεσι τὸν σκοπόν τῆς ἐγκρατείας κατορθοῦσι). Разночтеніе τὸν ἀσκητικὸν κατορθοῦσθαι не ладитъ и съ контекстомъ и съ грамматикой.

Кн. проф. Попова, стрц. 225, стрк. 1: κεχρημένος; № 52: κεκτημένος. „Такой (больной пустынникъ) не чувствуетъ недостатка въ дѣйствіи вѣры, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ гдѣ и показать добродѣтель проистекающую изъ терпѣнія, пользуясь пустыней, какъ хорошею завѣсой (καλῷ τῇ ἐρημίᾳ κεχρημένος παραπετάσματι). Разночтеніе κεκτημένος (пріобрѣтенный) къ контексту не подходитъ.

Кн. проф. Попова, стрц. 292, стрк. 1: μερίμνῃ; № 52: μνήμῃ. „Кто въ глубинѣ сердца постоянно повторяетъ это святое и славное имя *(Господи Іисусе)*, тотъ можетъ нѣкогда увидѣть и свѣтъ ума своего, ибо содержимое въ мысли съ тщательною заботою (στενῇ γὰρ μερίμνῃ ὑπὸ τῆς διανοίας κρατούμενον), оно"... и проч. Разночтеніе μνήμῃ не подходитъ къ контексту.

Кн. проф. Попова, стрц. 390, стрк. 7: διενοχλεῖν; № 52: διενοχλεῖν πάθη. „Самое слово знанія учитъ насъ, что богословствующую душу безпокоятъ въ началѣ многія страсти (πολλὰ μὲν οὖν τῇ θεολόγῳ ψυχῇ τὴν ἀρχὴν διενοχλεῖν, αὐτὸς ἡμᾶς ὁ λόγος τῆς γνώσεως διδάσκει, πάθη). Διανοχλεῖν... πάθη стоитъ, какъ оказывается, и въ текстѣ проф. Попова.

Кн. проф. Попова, стрц. 460, стрк. 2: ὅτι τοῦτο; № 52: ὁ τοιοῦτος. „Если кто-нибудь, на томъ основаніи, что мы мыслимъ вмѣстѣ о добромъ и зломъ, предполагаетъ, что въ умѣ обитаютъ и Духъ Святый и діаволъ, тотъ пусть знаетъ, что это происходитъ (μανθανέτω, ὅτι τοῦτο γίνεται) отъ того, что мы еще не вкусили и не узрѣли, яко *благъ Господь*. Очевидно, разночтеніе ὁ τοιοῦτος малограмотное.

Кстати о текстѣ: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (псал. XXXIII, 9; 1 Петр. II, 3). Въ Аскетическомъ Словѣ блаж. Діадоха этотъ текстъ приводится три раза: въ глл. XXX и LXXXV (два раза). Проф. Поповъ въ своемъ греческомъ текстѣ, слѣдуя принятому въ печатныхъ изданіяхъ

библейскаго текста правописанію, ставитъ: ὅτι χρηστός ὁ Κύριος (стрц. 96, стрк. 9; стрц. 459, стрк. 23 и стр. 460, стрк. 5). Проф. Дмитріевскій въ своей брошюрѣ пишетъ: „Только легкимъ отношеніемъ къ своимъ издательскимъ обязанностямъ проф. Попова мы и объясняемъ тотъ непонятный на первый взглядъ фактъ, что въ основномъ текстѣ λόγος ἀσκητικὸς допускаются иногда прямо невѣрныя чтенія, хотя въ варіантахъ и указаны чтенія лучшія и болѣе вразумительныя" (стр. 70), и къ числу такихъ невѣрныхъ чтеній относитъ, между прочимъ, чтеніе, въ указанныхъ словахъ псалма, χρηστός, вм. Χριστός...

Кн. проф. Попова, стр. 463, стрк. 20: αὐτὴν τὴν ἐκ τοῦ Θεοῦ βοήθειαν; № 52: τὴν τὸν Θεὸν καὶ τὸν ἐξ αὐτοῦ βοήθειαν... „благодать часто только скрываетъ... отъ ума свое присутствіе, такъ что какъ бы подталкиваетъ отъ себя душу къ злобѣ демоновъ, для того, чтобы душа со всякимъ страхомъ и многимъ смиреніемъ искала помощи отъ Бога" (διὰ τὸ μετὰ παντὸς φόβου καὶ πολλῆς ταπεινώσεος ἐκζητεῖν αὐτὴν τὴν)... Въ разночтеніи τὴν τὸν Θεὸν καὶ τὸν ἐξ αὐτοῦ βοήθειαν грамматически необъяснимо, къ чему относятся стоящіе впереди и между καί и ἐξ члены τὴν и τὸν.

Этотъ, сдѣланный нами, пересмотръ разночтеній изъ лучшихъ, по аттестаціи проф. Дмитріевскаго, рукописей показываетъ съ очевидностью, что изданный проф. Поповымъ греческій текстъ Аскетическаго Слова бл. Діадоха рецензированъ имъ съ величайшею тщательностію и свободенъ отъ ошибокъ, которыхъ не чужды даже лучшія рукописи. Думаемъ, что если бы проф. Дмитріевскій, положившій столько добросовѣстнаго, истинно подвижническаго труда на выписку разночтеній, свѣрилъ ихъ потомъ съ контекстомъ, то безъ сожалѣнія самъ выбросилъ бы изъ своего списка цѣлыя ихъ сотни.

2.

Въ бывшихъ подъ руками проф. Попова спискахъ Аскетическаго Слова не оказалось надъ его главами надписаній. Имѣющіяся въ книгѣ проф. Попова греческія надписанія взяты имъ изъ анонимныхъ схолій, находящихся въ Оксфордской рукописи XII в. (codex Laudianus, № 84) и напечатанныхъ у проф. Попова въ подлинномъ греческомъ текстѣ (стр. 529—554), подъ заглавіемъ: Σχόλιον τὸ καὶ προοίμιον περὶ τοῦ ὀνόματος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ σοφωτάτου Διαδόχου, ὁμοίως καὶ περὶ τῆς τοῦ Μάρκου προσηγορίας.

Внесеніе проф. Поповымъ надписаній надъ главами Аскетическаго Слова изъ анонима проф. Дмитріевскій весьма не одобряетъ. „Попытку проф. Попова, говоритъ онъ въ своей брошюрѣ, позаимствовать надписанія надъ главами изъ Оксфордской рукописи XII в. у анонима, сомнѣвающагося даже въ существованіи Діадоха, какъ исторически опредѣленнаго лица (стр. IV и 529), нельзя ни въ какомъ случаѣ признать удачною. Отъ этихъ надписаній анонима новая редакція Аскетическаго Слова бл. Діадоха скорѣе проиграла въ своемъ научномъ достоинствѣ, чѣмъ выиграла, такъ какъ соединены въ одно цѣлое предметы не одинаковой цѣнности и научной значимости“ (стр. 26). „Какъ назвали бы, поясняетъ себя проф. Дмитріевскій въ подстрочномъ примѣчаніи, издательскій подвигъ, если бы кому-либо изъ почитателей графа Л. Н. Толстого пришла нелѣпая мысль главы обычнаго Евангелія (въ русскомъ Синодальномъ переводѣ) надписать оглавленіями изъ мнимаго евангелія этого маститаго корифея русской литературы“?

Откуда, спрашивается, видно, что анонимъ, изъ схолій котораго проф. Поповымъ взяты греческія надписанія въ главахъ Аскетическаго Слова бл. Діадоха, сомнѣвался даже „въ существованіи Діадоха, какъ исторически опредѣленнаго *лица*“? Проф. Дмитріевскій ссылается въ этомъ случаѣ на IV и 529

страницы книги проф. Попова. На IV страницѣ проф. Поповъ говоритъ вскользь, что бл. Діадохъ „совершенно неизслѣдованный и настолько неизвѣстный древне-церковный писатель, что даже самое *имя* его иногда подвергалось прежде и нынѣ подвергается сомнѣнію“, и въ подстрочномъ примѣчаніи ссылается на 529 стрц. своей книги, на Σχόλιον анонима, у котораго взято это, вкороткѣ приведенное, мнѣніе о Діадохѣ. Въ подлинникѣ свое мнѣніе о Діадохѣ анонимъ высказываетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Многіе по поводу имени блаженнаго отца нашего Діадоха ставятъ вопросъ, собственное ли это имя или же особое имя, указывающее на како-нибудь преемство напр., по ученію, начальствованію, или иному какому-нибудь благочестивому дѣлу... Думаю, что оно—имя и собственное (κυριώνυμος ἡ κλῆσις) и нарицательное (παραστατικὴ καὶ σημαντικὴ) нѣкоего преемства; такъ какъ онъ намѣревался впослѣдствіи взять главы божественнаго Марка, присоединить къ нимъ еще другія и составить одну душеполезную и спасительную книгу, за что и названъ издавна Діадохомъ“ (см. кн. проф. Попова, стрц. 529. 530). Это мнѣніе анонима воспроизведено (впрочемъ, не въ подлинныхъ выраженіяхъ) на XXII страницѣ книги проф. Попова.

Оказывается, такимъ образомъ, что анонимъ-схоліастъ и не думалъ сомнѣваться „въ существованіи Діадоха, какъ исторически опредѣленнаго *лица*“, а предлагаетъ только свои догадки на счетъ его *имени*, считая это имя и собственнымъ именемъ. Ясно, что проф. Поповъ не совершилъ никакого преступленія, воспользовавшись для своихъ цѣлей схоліями анонима, какъ ученымъ матеріаломъ.

Но проф. Дмитріевскій неодобрительно отзывается и о самыхъ, взятыхъ проф. Поповымъ у анонима-схоліаста, надписаніяхъ надъ главами Аскетическаго Слова, находя ихъ „страдающими многословіемъ, излишними повтореніями и даже, нѣкоторымъ риторизмомъ“ (стрц. 42). Въ аѳонскихъ библіо-

текахъ онъ встрѣтилъ три списка надписаній въ рукописяхъ: лавры преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго, № 40Г′, XIII в., Аѳоно-Ватопедской библіотеки, № 405, XII в. и Аѳоно-Ксенофской библіотеки XIV в. № 36. Надписанія изъ этой послѣдней онъ полностію приводитъ въ своей брошурѣ въ подлинномъ греческомъ текстѣ съ параллельнымъ русскимъ переводомъ (стрцц. 27—41), замѣчая, что эти надписанія отличаются „ясностью и опредѣленностію мысли, по изложенію большею частію кратки, а потому въ научномъ отношеніи цѣннѣе" взятыхъ проф. Поповымъ у анонима-схоліаста надписаній.

То правда, что надписанія проф. Дмитріевскаго отличаются краткостію. Но при этой краткости они страдаютъ своими весьма крупными недостатками и прежде всего именно *неясностью* и *неопредѣленностью*. Для примѣра приведемъ нѣсколько надписаній проф. Дмитріевскаго параллельно съ надписаніями проф. Попова.

У проф. Дмитріевскаго:	У проф. Попова:
Глава X.	
Каковы мы должны быть во время страстей?	О томъ, что прежде должно прекращать страсти, а потомъ приступать къ ученію.
Глава XXVII.	
Какимъ образомъ и кто будетъ познавать малое изъ своихъ прегрѣшеній?	О томъ, что немногимъ свойственно понимать собственныя преступленія.
Глава XXXVI.	
О томъ, что аскету не слѣдуетъ надѣяться видѣть чувственно нѣчто изъ небеснаго.	О томъ, что никто видимо и явно не видитъ чего-либо изъ божественнаго и что не

должно вѣрить видимымъ привидѣніямъ, хотя бы они были свѣтообразны и огневидны.

Глава LXIV.

О томъ, что подвижнику неприлично получать назадъ что-либо изъ похищенныхъ вещей.

О томъ, что намъ, предпочитающимъ жить поевангельски, должно позволять желающимъ похитить у насъ что-либо изъ имѣній.

Глава LXVIII.

Какая польза богословствующему преблаженно?

О томъ, что умъ нашъ неохотно занимается молитвой, но съ радостью отдается богословію.

Глава LXXXIV.

О томъ, что невозможно, чтобы лукавый приступалъ (къ человѣку) въ невѣдѣніи.

О томъ, что, когда въ душѣ обитаетъ благодать, сатана совсѣмъ не можетъ сопребывать съ нею.

Глава XCV.

Какъ разнообразно смиренномудріе?

О томъ, что смиренномудріе есть дѣло трудно достигаемое; приходитъ же оно къ причастникамъ божественнаго знанія или по причинѣ немощи тѣла, или по отягощенію лукавыми помыслами.

Глава XCVI.

Какимъ образомъ безумцы теряютъ свои души?	**О томъ, что неумѣренно предающіеся житейскимъ удовольствіямъ отъ помысловъ приходятъ къ согрѣшенію, а проходящіе подвижническую жизнь отъ проступковъ приходятъ къ зловреднымъ помысламъ или дѣламъ.**

Это сравненіе показываетъ съ очевидностью, что надписанія, принятыя въ книгѣ проф. Попова, ясно и опредѣленно указываютъ намъ, о чемъ будетъ идти рѣчь въ подлежащей главѣ; тогда какъ надписанія, рекомендуемыя проф. Дмитріевскимъ, не только не даютъ намъ ключа догадаться, о чемъ будетъ говорить указанная глава, но иногда и сами по себѣ представляются для нашей мысли совершенно непонятнымъ вопросомъ.

Но еще большій недостатокъ надписаній проф. Дмитріевскаго состоитъ въ томъ, что они не всегда *соотвѣтствуютъ* содержанію главъ, надъ которыми поставлены. Напр., глава XXXI надписывается: „Когда и какимъ образомъ удаляется діаволъ отъ подвижниковъ", а въ самой главѣ говорится о томъ, когда и какъ діаволъ *нападаетъ* на подвижника. Гл. XXXV имѣетъ надписаніе: „О томъ, что духовная любовь чужда всѣхъ золъ", а въ самой главѣ говорится, что душа, утучняемая благодатью, вкушаетъ сладкій покой. Гл. LX надписывается: „О томъ, что неразумно отдаваться на волю фантазіи", а въ самой главѣ говорится, что существуютъ двѣ радости — начальная или вводная, нечуждая мечтанія, и усовершающая, равносильная смиренномудрію; средину между ними занимаетъ боголюбивая печаль и дѣйственная слеза. Гл. LXXVI имѣетъ надписаніе „Какимъ образомъ воспитывается человѣкъ", а въ самой главѣ развивается мысль, что сатанѣ, за гордость ниспавшему,

подобно молніи, съ неба, не должно имѣть человѣческій умъ общимъ жилищемъ съ Богомъ.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что указанными недостатками надписанія проф. Дмитріевскаго обязаны иногда, повидимому, невѣрному *переводу* ихъ на рускій языкъ. Напр. гл. XXIV надписывается: „Какимъ образомъ *привлекается* вкусившій божественной сладости"? Куда, спрашивается, онъ можетъ еще привлекаться, если вкусилъ уже божественной сладости? Эта неопредѣленность получиласъ отъ неправильнаго перевода словъ подлинника: πῶς ἕλκεται, *какъ влечется*, или *какія влеченія* имѣетъ вкусившій божественной сладости? Въ самой главѣ говорится, дѣйствительно, что умъ такого человѣка стремится къ невидимымъ благамъ, а тѣлесныя чувства къ благамъ житейскимъ. Гл. LXII имѣетъ надписаніе: „О томъ, что самое лучшее—гнѣвъ *съ разсудкомъ*, и о томъ, что, пренебрегши *этимъ началомъ*, мы пали." Что значитъ „гнѣвъ съ разсудкомъ"? Въ подлинникѣ стоитъ ὁ μετὰ λογισμοῦ θυμός, гнѣвъ съ разсужденіемъ, разумный, благоразумный, σώφρων θυμός, какъ онъ называется въ самой главѣ. Затѣмъ, о какомъ паденіи идетъ здѣсь рѣчь? Въ подлиникѣ стоитъ—ῥαθυμήσαντες τούτȣ τὴν ἀρχὴν ἐξεπέσαμεν: τούτȣ относится къ λογισμός, а τὴν ἀρχὴν значитъ *въ началѣ*, *нѣкогда*. Все надписаніе слѣдовало бы перевести такъ: „О томъ, что наилучшее—гнѣвъ, соединенный съ благоразуміемъ, и о томъ, что пренебрегши благоразуміемъ, мы нѣкогда пали." Гл. XCVII надписывается: „О томъ, что должно молиться *обо всемъ*". „Обо всемъ", значитъ и о выѣденномъ яйцѣ? Въ подлинникѣ стоитъ—δι' ὅλȣ, т. е. χρόνȣ, во всякое время, всегда. „Желающимъ сбросить свою испорченность, говорится въ самой главѣ, не должно иногда молиться, а иногда нѣтъ, но всегда пребывать въ молитвѣ".—Есть случай, когда неправильность перевода имѣетъ отношеніе уже не къ отдѣльнымъ выраженіямъ, а къ цѣлому надписанію. Разумѣемъ надписаніе LV главы: „О томъ, что *если бы* кто не

принялъ смерти кротко, *то не считался* бы умершимъ добровольно въ доказательство чувствованій". Что значитъ „принять смерть кротко"? „считаться умершимъ въ доказательство чувствованій"? Въ подлинникѣ это надписаніе читается такъ: Ὅτι οὐκ ἂν ἡδέως τὶς τὸν θάνατον δέξοιτο, μὴ προθανὼν ἑκουσίως διὰ πίστεως τῶν αἰσθήσεων; по-русски: „О томъ, что никто не принялъ бы охотно смерти, напередъ добровольно не умерши довѣріемъ (или въ довѣріи) къ чувствамъ" (т. е. не подавивъ въ себѣ прельстительной, обаятельной силы внѣшнихъ чувствъ, какъ выясняется въ самой главѣ). Принявъ ἂν въ значеніи *если бы*, переводчикъ отъ себя, для гладкости, вставилъ не существующее въ подлинникѣ „*не считался бы*".

Подобными вставками для стиля переводъ надписаній проф. Дмитріевскаго грѣшитъ не одинъ разъ. Напр., гл. LXXXIII надписывается: „Какимъ образомъ нѣкоторые подумали, что заблужденіе случается и съ хорошимъ *человѣкомъ*"... и проч. Что заблужденіе случается и съ хорошимъ человѣкомъ, это— мысль не только нѣкоторыхъ, а и всего человѣчества; зачѣмъ же было бл. Діадоху посвящать такой аксіомѣ нарочитую главу? Діадохъ тутъ не при чемъ. Въ подлинникѣ стоитъ: Πῶς τινες ὑπενόησαν τὴν πλάνην συνεῖναι τῷ ἀγαθῷ; по-русски: „Какъ нѣкоторые дошли до мысли, что обольщеніе сопребываетъ вмѣстѣ съ добромъ" (или, какъ въ самой главѣ, грѣхъ съ благодатью). О „человѣкѣ" въ подлинникѣ не упоминается. Подобное же прибавленіе „человѣка" сдѣлано и въ переводѣ надписанія слѣдующей LXXXIV главы: „О томъ, что невозможно, чтобы лукавый приступалъ (*къ человѣку)* въ невѣдѣніи". Въ подлинникѣ это надписаніе читается такъ: Ὅτι ἀδύνατον συνεῖναι τὸν πονηρὸν τῇ ἀγνοίᾳ; по-русски: „О томъ, что невозможно, чтобы лукавый сопребывалъ съ невинностью". Но въ большій просакъ проф. Дмитріевскій попадаетъ съ надписаніемъ XLVI гл., которая читается въ его переводѣ такъ: „О томъ, что послушаніе—превосходнѣйшая добродѣтель для *вступающихъ (въ монастырь)*". Въ подлинникѣ ни о монастырѣ, ни

о вступающихъ въ него нѣтъ и помину, а читается: Ὅτι ἡ ὑπακοὴ ἀρίςη τοῖς εἰσαγωγικοῖς; по-русски: „О томъ, что послушаніе—наилучшая (добродѣтель) для начинающихъ", гдѣ бы они ни находились, въ монастырѣ ли, или въ пустынѣ, въ качествѣ учениковъ старцевъ. Можно даже думать, что, въ виду начальныхъ словъ главы: Η' ὑπακοὴ πρῶτον ἐν πάσαις ταῖς εἰσαγογικαῖς ἀρεταῖς въ надписаніи проф. Дмитріевскаго τοῖς εἰσαγωγικοῖς ошибочно поставлено вмѣсто ταῖς εἰσαγωγικαῖς. Въ такомъ случаѣ русскій переводъ надписанія долженъ бы быть такой: „О томъ, что послушаніе—наилучшая добродѣтель въ ряду вводныхъ (или начальныхъ) добродѣтелей". А что такое „вводныя добродѣтели", разъясняется въ кн. проф. Попова)стр. 129).

Въ двухъ, наконецъ, случаяхъ невѣрный переводъ проф. Дмитріевскаго зависѣлъ, повидимому, отъ того, что сдѣланъ по *худшему* варіанту. Разумѣемъ надписанія XXXI и LXXXVII глл. Первая глава, въ русскомъ переводѣ, имѣетъ надписаніе: „Когда и какимъ образомъ *удаляется* (ἀπέρχεταὶ) діаволъ отъ подвижниковъ?" Въ этомъ своемъ переводѣ, какъ мы видѣли, надписаніе не соотвѣтствуетъ содержанію главы, въ которой говорятся о томъ, когда и какъ діаволъ *нападаетъ* на подвижниковъ. Къ слову ἀπέρχεται проф. Дмитріевскій подъ страницей ставитъ варіантъ ἐπέρχεται, и если бы прочиталъ самую главу, то несомнѣнно предпочелъ бы ἐπέρχεταὶ, потому что ἐπέρχομαι значитъ именно нападать. Вторая, LXXXVII, глава надписывается въ переводѣ проф. Дмитріевскаго, такъ: „Какое попущеніе бываетъ для воспитанія и какое *для обращенія* (къ Богу); по-гречески: Τίς ἡ κατὰ παίδευσιν καί τίς ἡ κατὰ ἐπιστροφὴν παραχώρησις. Въ самой главѣ рѣчь идетъ о попущеніяхъ или дозволеніяхъ Божіихъ діаволу нападать на нашу душу. Въ такомъ случаѣ что же будетъ значитъ „попущеніе Божіе для обращенія къ Богу"? Книга проф. Попова и на этотъ разъ устраняетъ недоразумѣніе, вмѣсто κατὰ ἐπιςροφὴν ставя κατὰ ἀποςροφὴν, по отвращенію. Русское надписаніе

главы должно быть такое: „Какое попущеніе въ воспитательныхъ цѣляхъ и какое по отвращенію отъ насъ".

3.

Греческій текстъ Аскетическаго Слова проф. Поповымъ снабженъ краткими, а иногда и очень обширными подстрочными примѣчаніями, или схоліями. Въ этихъ примѣчаніяхъ, по объясненію проф. Попова, „преслѣдуются три (главнымъ образомъ) задачи: а) опредѣленіе литературной зависимости бл. Діадоха отъ своихъ предшественниковъ. Цитата, взятая имъ изъ сочиненій наиболѣе поздняго писателя, будетъ указывать на предѣлъ, раньше котораго онъ не могъ жить. б) Опредѣленіе литературной зависимости писателей отъ бл. Діадоха. Извлеченіе изъ аскетическаго сочиненія его, сдѣланное наиболѣе раннимъ писателемъ, должно опредѣлять границу, ниже которой не могъ жить бл. Діадохъ. в) Изъясненіе аскетики, терминологическихъ словъ и выраженій бл. Діадоха, кажущихся нынѣ неясными, или представляющихъ догматическій, нравственно-аскетическій, біографическій и библіографическій интересъ" (кн. проф. Попова, стр. XXX).

Проф. Дмитріевскій не придаетъ этимъ примѣчаніямъ того научнаго значенія, которое безспорно принадлежитъ имъ. Прежде всего, онъ не признаетъ за ними, въ большей ихъ части, *самостоятельности*. „Научная эрудиція, говоритъ онъ, разсѣянная въ книгѣ проф. Попова по разнообразнымъ схоліямъ и эффектная при поверхностномъ чтеніи книги, также не подкупаетъ насъ въ свою пользу. Считать ее плодомъ продолжительнаго и всесторонняго изученія древней святоотеческой и особенно аскетической письменности мы не можемъ, такъ какъ она является въ большей своей части *заимствованною изъ готовыхъ пособій,* бывшихъ подъ руками нашего издателя. Древніе аскетическіе рукописные сборники, извѣстные подъ именами „Γεροντικὰ" „Εὐεργετινὸς", „Πανδέκτη τῆς ἁγίας Γραφῆς" и т. д., подготовили для него обширный матеріалъ, кото-

рый проф. Поповъ и использовалъ въ своемъ трудѣ весьма старательно" (стр. 73).

Считая примѣчанія проф. Попова *въ большей ихъ части* заимствованными, проф. Дмитріевскій, однако, не даетъ *точнаго указанія* ни на то, *какіе* именно изъ нихъ заимствованы, ни на то, *откуда* именно заимствованы.

Да и заимствованы ли? „Въ названныхъ нами, говоритъ онъ, аскетическаго характера сборникахъ иноческія добродѣтели и пороки излагаются по такимъ рубрикамъ: περὶ τῆς ἐγκρατείας, περὶ τῆς ὑπακοῆς, περὶ της ἀνυξικακίας, περὶ τῆς ἀγάπης, и т. д. Подъ каждою изъ этихъ рубрикъ неизвѣстными составителями, согласно надписанію, собраны различныя воззрѣнія отцовъ и учителей церкви и нравоучительные примѣры изъ агіологической письменности. Вотъ для образца примѣры. Въ рукописномъ сборникѣ XII в. № 723 библ. русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ подъ рубрикою περὶ ἐγκρατείας дѣлаются слѣдующія ссылки: 1) ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίȣ Παχωμίȣ, 2) ἐν τῷ Γεροντικῷ, 3) τοῦ ἀββᾶ Ἡσαΐȣ, 4) τοῦ ἀββᾶ Μάρκȣ, 5) τοῦ Διαδόχȣ и 6) τοῦ ἀββᾶ Ἰσαὰκ; подъ рубрикой *о хожденіи въ баню*— ссылки: 1) ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίȣ Ἀντωνίȣ, 2) ἐν τῇ διηγήσει τῶν πατέρων τῶν ἐν Ῥαΐθῳ καὶ Σινᾷ, 3) ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίȣ Ἰωάννȣ, 4) τοῦ ἁγίȣ Ἐθραίμ, 5) τοῦ αββᾶ Ἡσαΐȣ, 6) τοῦ Διαδόχȣ, 7) ἐν τῷ Γεροντικῷ о Палладіи Еленопольскомъ; подъ рубрикой *о тѣлесныхъ аномаліяхъ*—ссылки: 1) Γρηγορίȣ τοῦ Διαλόγου, 2) τοῦ ἁγίȣ Διαδόχȣ, 3) ἐν τῷ βίῳ Συγκλιτικῆς, 4) τοῦ ἀββᾶ Ἡσαΐȣ, 5) ἐκ τοῦ ἁγίȣ Βαρσανȣφίȣ, 6) ἐν τῷ Γεροντικῷ, 7) τοῦ ἁγίȣ Ἐφραίμ; подъ рубрикой *о непрестанномъ пребываніи въ сердцѣ своемъ*—ссылки: 1) ἀπο τοῦ μεγάλου Θεοδοσίȣ τοῦ κοινοβιάρχου, 2) τοῦ μεγάλȣ Ἀρσενίȣ, 3) τοῦ ἁγίȣ Παύλȣ τοῦ ἐν Λάτρῳ, 4) τοῦ ἀββᾶ Ἀγάθωνος, 5) τοῦ ἁγίȣ Μάρκȣ, πρὸς Νικόλαον, 6) τοῦ τῆς Κλίμακος, 7) τοῦ ἀββᾶ Ἡσαΐȣ, 8) τοῦ ἁγίȣ Ισαὰκ τοῦ Σύρȣ и 9) Συμεὼν τȣ νέȣ θεολόγȣ. Проф. Попову, слѣдовательно, оставалось, вооружившись тер-

пѣніемъ и индексами твореній отцевъ и учителей церкви въ изданіи Миня и др., разыскать указываемыя въ сборникахъ мѣста твореній и сказаній житій святыхъ, проставить точную цитацію и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ"... (стр. 73—74).

Такъ ли, спрашивается, обстоитъ дѣло въ книгѣ проф. Попова? Въ примѣчаніи *о вздержаніи* (περὶ ἐγκρατείας, стр. 133—143) указываются слѣд. авторы: Климентъ Александрійскій (11 разъ), Василій Великій (21 разъ), Григорій Нисскій (2 раза), Кассіанъ (2 раза), Ефремъ Сиринъ (1 разъ), Нилъ Синайскій (2 раза) и Amelineau, Annales de musée Guimet. Histoire de monasteres de la Basse Egypte (1 разъ). О житіяхъ св. Пахомія и аввъ Исаіи, Марка и Исаака совсѣмъ не упоминается. Въ примѣчаніи *о хожденіи въ баню* (стр. 205—206) дѣлается ссылка на Палладія Еленопольскаго (1 разъ), Евагрія Понтійскаго (1 разъ), Григорія Назіанзина (1 разъ), Ефрема Сирина (2 раза). Житія Іоанна (Acta s.s. Maii) и Антонія (Athan. Vita s. Antonii) приводятся, но ссылки на житіе Исаіи не дѣлается. Въ примѣчаніи *о тѣлесныхъ аномаліяхъ* или разстройствахъ (стр. 226—230) приводятся авва Исаія (2 раза), Евагрій Понтійскій (1 разъ), Палладій Еленопольскій (1 разъ), Кассіанъ (1 разъ) и Нилъ Синайскій (1 разъ). О Григоріи Двоесловѣ, Сигкинтикіи, Варсонофіи и Ефремѣ вовсе не упоминается. Наконецъ, въ примѣчаніи *о непрестанномъ пребываніи въ сердцѣ своемъ* (стр. 249—264) дѣлается ссыска на Климента Александрійскаго (1 разъ), Василія Великаго (4 раза), Григорія Нисскаго (8 разъ), Григорія Назіанзина (5 разъ), Златоуста (1 разъ), Исидора Пелусіота (1 разъ), Макарія Египетскаго (4 раза) и Исихія (10 разъ). О Өеодосіи великомъ, Арсеніи великомъ, Агаөонѣ, Исаіи, Исаакѣ Сиринѣ и Симеонѣ новомъ богословѣ не упоминается.

Оказывается, что списки источниковъ въ указываемомъ проф. Дмитріевскимъ рукописномъ сборникѣ и въ книгѣ проф.

Попова совершенно не совпадаетъ. Это несовпаденіе состоитъ въ томъ, что, сравнительно съ рукописнымъ сборникомъ, въ которомъ изреченія и факты изъ церковныхъ писателей и жизнеописаній святыхъ представляются нанизанными случайно, по мѣрѣ начитанности составителя, съ единственною цѣлью дать назидательное чтеніе, на сторонѣ книги проф. Попова оказывается громадная масса *новаго* патрологическаго матеріала, систематизированнаго подъ преднамѣреннымъ угломъ зрѣнія трехъ указанныхъ выше задачъ. Можетъ ли тутъ быть какая-нибудь рѣчь о заимствованіи?

Впрочемъ, и самъ проф. Дмитріевскій признаетъ, что вышеназванные сборники аскетическаго характера не всегда объясняютъ происхожденіе въ книгѣ проф. Попова существующихъ схолій, изъ коихъ нѣкоторыя, несомнѣнно, *оригинальны*" (стр. 75). Но этого рода схоліи зато не безупречны съ другой стороны: онѣ, по словамъ проф. Дмитріевскаго, „въ большенствѣ случаевъ *не имѣютъ* почти никакого *отношенія* къ изучаемому автору, не уясняютъ смысла даннаго творенія" (ibid). Къ такимъ схоліямъ онъ относитъ примѣчанія о *псалмопѣніи* (стр. 394—399) и о *молитвѣ Іисусовой* (стр. 286—303).

Уже предательскія выраженія *„въ большинствѣ случаевъ"* и *„почти"* показываютъ, что проф. Дмитріевскій не рѣшается абсолютно отрицать умѣстность этихъ схолій въ книгѣ проф. Попова. На самомъ же дѣлѣ онѣ имѣютъ ближайшее отношеніе къ предмету книги, какъ весьма желательное поясненіе къ ея тексту. Въ Аскетическомъ Словѣ встрѣчаются выраженія, въ LXVIII гл.: „будемъ весьма часто заниматься псалмопѣніемъ" (τὰ πλεῖςα τῇ ψαλμῳδίᾳ... σχολάζωμεν) и въ LXXXIII гл.: „когда душа изобилуетъ своими естественными плодами, то и псалмопѣніе (ψαλμῳδίαν) совершаетъ очень громко (μεγαλοφωνότερον)..., а когда испытываетъ дѣйствіе Духа Святаго, то поетъ совершенно тихимъ и умиленнымъ голосомъ (ψάλλει μετὰ πάσης ἀνέσεως καί ἡδύτητος), когда же мы удру-

чены бываемъ уныніемъ, то должны пѣть нѣсколько болѣе громкимъ голосомъ“ (ὀλίγον μείζονι τῇ φωνῇ). Проф. Поповъ къ послѣдней главѣ дѣлаетъ подъ строкою пояснительное примѣчаніе, въ которомъ приводитъ свидѣтельства древнихъ подвижниковъ и, въ частности, наставленія бл. Діадоха, касающіяся времени и способа псалмопѣнія, что и составляетъ *чинъ* (ἡ τάξις) *псалмопѣнія* бл. Діадоха, свидѣтельство о существованіи котораго проф. Поповъ встрѣтилъ у Григорія Синаита. Можно ли сказать, что подобное примѣчаніе не имѣетъ отношенія къ изучаемому автору?

Нельзя сказать того же и о примѣчаніи, имѣющемъ отношеніе къ молитвѣ „Іисусовой“. И эта схолія, говоритъ проф. Дмитріевскій, прямого отношенія къ твореніямъ бл. Діадоха не имѣетъ. Проф. Поповъ, забывъ о текстѣ Аскетическаго Слова, ставитъ въ данной схоліи своею задачею собрать «наставленія и разсужденія церковныхъ писателей и подвижниковъ о молитвѣ Іисусовой» и ведетъ трактаціи по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) о названіи молитвы, 2) ея составѣ, 3) о способѣ занятія ею и 4) цѣляхъ, достигаемыхъ твореніемъ ея“ (стрц. 76). Можно подумать, что все содержаніе примѣчанія о молитвѣ Іисусовой ограничевается только сводомъ наставленій и расужденій церковныхъ писателей и подвижниковъ объ этой молитвѣ. На самомъ же дѣлѣ наставленія и расужденія церковныхъ писателей и подвижниковъ занимаютъ подъ каждою изъ указанныхъ рубрикъ только небольшую, предварительную часть; главнѣйшая же рѣчь имѣетъ отношеніе къ наставленіямъ и разсужденіямъ бл. Діадоха, которыя проф. Поповъ сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) изъ названій молитвы Іисусовой бл. Діадохъ ясно упоминаетъ только два—ἡ μνήμη τοῦ Κυρίε Ἰησοῦ и ῥῆμα или ῥητόν, 2) представляетъ ее состоящею изъ двухъ словъ—Κύριε Ἰησοῦ и 3) однимъ изъ видовъ сердечнаго дѣланія; 4) въ ученіи о способѣ занятія ею а) точно обозначаетъ моментъ, съ котораго должно первоначаль-

ному иноку заниматься этой молитвой, б) время (днемъ и ночью) и мѣсто (на всякомъ мѣстѣ), в) даетъ указанія на то, что она произносилась голосомъ и въ сердцѣ, г) довольно подробно обозначаетъ цѣли, достигаемыя непрестаннымъ занятіемъ этой молитвой. Разъясненіе этихъ положеній не только служитъ къ лучшему пониманію текста Аскетическаго Слова, но представляетъ данныя и для біографіи бл. Діадоха. По разъясненію проф. Попова, бл. Діадохъ знаетъ только первую половину молитвы Іисусовой: Κύριε Ἰησοῦ; между тѣмъ, въ полномъ своемъ составѣ: Κυριε Ἰησοῦ Χριστὲ ἐλέησον μὲ она становится извѣстною къ VI вѣку. Отсюда слѣдуетъ, что бл. Діадохъ принадлежитъ къ числу церковныхъ писателей V вѣка.

За нѣкоторыми изъ схолій проф. Дмитріевскій признаетъ даже *ученую цѣнность*, но сейчасъ же, впрочемъ, беретъ свою аттестацію назадъ. „Къ числу схолій, говоритъ онъ, въ книгѣ проф. Попова слѣдуетъ отнести также и многочисленныя выдержки подъ текстомъ изъ твореній христіанскихъ аскетовъ древнѣйшаго и даже позднѣйшаго времени... Такихъ схолій-выдержекъ въ книгѣ проф. Попова много, и онѣ несомнѣнно имѣютъ научную цѣнность, особенно въ смыслѣ установленія или редактированія основнаго текста, творенія бл. Діадоха, но имъ довѣрять можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы издатель твореній бл. Діадоха пользовался лучшими рукописями, содержащими въ себѣ тексты извѣстныхъ аскетическихъ произведеній, а не изданіями ихъ пресловутаго Миня, далеко не всегда разборчиваго въ выборѣ оригиналовъ для нихъ (страц. 77).

Эти слова проф. Дмитріевскаго имѣютъ такой смыслъ: выдержки изъ твореній христіанскихъ аскетовъ древнѣйшаго и даже позднѣйшаго времени, приведенныя въ книгѣ проф Попова, несомнѣнно имѣютъ ученую цѣнность, но онѣ не заслуживаютъ нашего довѣрія, такъ какъ проф. Поповъ пользовался не лучшими рукописями, содержащими въ себѣ тексты извѣстныхъ аскетическихъ произведеній, а изданіями пресловутаго

Миня, не всегда разборчиваго въ выборѣ оригиналовъ. Не дурная по содержанію и логикѣ аттестація!..

Какъ, однако, ни суровъ проф. Дмитріевскій въ своихъ сужденіяхъ о книгѣ проф. Попова, но у него нашлось и слово *полнаго одобренія*. „Безспорно цѣнное значеніе въ книгѣ проф. Попова, говоритъ онъ, имѣютъ, по нашему мнѣнію, лишь схоліи, въ которыхъ даются «изъясненія аскетики, терминологическихъ словъ и выраженій бл. Діадоха, кажущихся нынѣ неясными или представляющихъ догматическій, нравственно аскетическій, біографическій и библіографическій интересъ». Чтобы свести къ единству разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ твореній бл. Діадоха однородныя мысли и по нимъ представить болѣе или менѣе цѣльное воззрѣніе на тотъ или иной вопросъ христіанской аскетики, автору немало пришлось потрудиться и за эти схоліи, написанныя въ большенствѣ случаевъ самостоятельно, отъ спеціалистовъ ему воздана будетъ достодолжная признательность“ (стр. 78).

4.

Параллельно съ греческимъ текстомъ твореній бл. Діадоха въ книгѣ проф. Попова идетъ русскій его переводъ. Переводъ этотъ не блещетъ литературною щеголеватостью, а отличается тяжеловатою, подъ часъ даже неуклюжею, близостью къ подлиннику. Переводчикъ заботился, повидимому, не столько объ изяществѣ, сколько о точности своего перевода.

Находя переводъ проф. Попова вообще „неудовлетрительнымъ“ (стр. 104), проф Дмитріевскій, въ цѣляхъ подтвердить это свое мнѣніе, приводитъ три примѣра изъ перевода Слова на вознесеніе Господне проф. Попова, сопровождая его, въ качествѣ корректива, своимъ собственнымъ переводомъ (стр. 82—88).

Примѣры взяты изъ начала (1 гл.), средины (3 гл.) и конца (5 и 6 гл.) Слова на вознесеніе Господне.

Начало Слова у проф. Попова переведено такъ: „Нынѣ—ко мнѣ іудейскихъ священниковъ: ибо время побѣдныхъ словъ; сюда и ты, проповѣдникъ и вѣстникъ Христовъ, говори и живописуй мощно твоею правдивостью, какъ они уплатили воинамъ"... и проч.

Въ подлинникѣ начало Слова читается такимъ образомъ: Φέρε μοι νῦν τοὺς ἰουδαϊκοὺς ἱερεῖς... Φέρε ὧδε ἐκκλησιαστὰ καὶ Χριστοῦ κήρυξ... Проф. Дмитріевскій переводитъ: „Приведи ко мнѣ іудейскихъ священниковъ... приди сюда, церковный проповѣдникъ"... Несомнѣнно, переводъ проф. Дмитріевскаго вноситъ въ переводъ проф. Попова поправку. Но эта поправка сама нуждается въ поправкѣ: непонятно, почему одно и то же слово φέρε въ первомъ случаѣ переведено словомъ *приведи*, а во второмъ—*приди*; непонятно также, къ кому обращено слово *приведи*. Полагаемъ, что, согласно съ подлинникомъ, нужно бы было начало Слова перевести такъ: „Приведи ко мнѣ теперь іудейскихъ священниковъ, такъ какъ настало время побѣдныхъ словъ (ἐπινικίων λόγων; у проф. Дмитріевскаго невѣрно: „хвалебныхъ" словъ),—приведи *ихъ* сюда, проповѣдникъ и вѣстникъ Христовъ"... Затѣмъ, вмѣсто словъ перевода проф. Попова: „говори и живописуй мощно твоею правдивостью", проф. Дмитріевскій ставитъ: „говори и изображай громко твоимъ правдивымъ (словомъ)". „Громко твоимъ правдивымъ (словомъ)"—уже вольный переводъ. Въ подлинникѣ стоитъ: λέγε καὶ ζωγράφει τῇ σῇ δυνατῶς ἀληθείᾳ. Что значитъ τῇ σῇ δυνατῶς ἀληθείᾳ, въ именительномъ ἡ σὴ δυνατῶς ἀλήθεια? Коренное значеніе δυνατῶς—мощно, сколько можно, по возможности (отъ δύναμαι), ἡ δυνατῶς σὴ ἀλήθεια—твоя возможная правда,—правда, какая только для тебя возможна. Согласно съ подлинникомъ перевести нужно бы такъ: „говори и живописуй со всею возможностью для тебя правдою"... и проч.

Отрывокъ взятый изъ *средины* Слова, у проф. Попова читается такъ: „Ибо единородный Сынъ Божій, воскресеніемъ

Своимъ исхитивъ человѣчество изъ плѣна смерти и восшедши превыше небесъ, уготовалъ для желающихъ правды оружіе (ибо Онъ есть царь славы), разумными бронями ежедневно укрѣпляя набираемыхъ Имъ печатью смиренномудрія (ὅπλα τοῖς θέλουσι δικαιοσύνην—βασιλεύς γάρ ἐστι δόξης—ηὐτρεπίσατο, λογικοῖς θώραξι τοὺς παρ' αὐτοῦ ἐν σφραγῖδι ταπεινοφροσύνης στρατολογουμένους καθ' ἡμέραν ἀσφαλιζόμενος). Ему именно подобало *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершить хвалу* (и) окончательно отвергнуть думающихъ, что усовершаются гордостію (τοὺς τῇ οἰήσει τελεῖσθαι νομίζοντας ἀποδοκιμάσαι εἰς τέλος); ибо подлинно печать благочестія есть смиреніе. Почему именно они, отвергая обитаніе, по пророчеству, чрезъ воскресеніе Христово, во свѣтѣ живыхъ, получатъ плоды своего неразумія“ (κομιοῦνται ἀνοίας τοὺς καρποὺς).

Поправка проф. Дмитріевскаго касается трехъ мѣстъ, противъ которыхъ въ скобахъ мы поставили подлинникъ. Первое мѣсто исправлено такъ: „единородный Сынъ Божій желающимъ правды (ибо Онъ есть царь славы) уготовалъ оружіе, укрѣпляя повседневно воинствующихъ за Него словесными бронями печатью смиренномудрія“ Изъ двухъ творительныхъ первый—*словесными бронями* переводъ проф. Дмитріевскаго, повидимому, относитъ къ выраженію *воинствующихъ за Него*, а второй—печатію *смиренномудрія* къ слову *укрѣпляя*; согласно съ подлинникомъ разставить ихъ нужно бы какъ-разъ обратнымъ образомъ. Затѣмъ, τοῖς παρ' αὐτοῦ... στρατολογουμένοις ни въ какомъ случаѣ нельзя перевести чрезъ „воинствующихъ за Него“: στρατολογέω значитъ предводительствую; παρ' αὐτοῦ то же, что ὑπ' αὐτοῦ. Все это мѣсто нужно бы перевести такъ: „Сынъ Божій... для тѣхъ, которые желаютъ правды (или оправданія) уготовилъ оружіе (ибо—Онъ царь славы), духовною бронею вседневно укрѣпляя находящихся подъ Его предводительствомъ съ печатью (или съ знаменемъ) смиренно-

мудрія. Ибо Ему подобало *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершить хвалу*".

Второе мѣсто непосредственно слѣдуетъ за первымъ, отдѣляясь отъ него только текстомъ: *изъ устъ младенецъ*... У проф. Попова это мѣсто переведено съ отклоненіемъ отъ подлинника: τοὺς τῇ οἴησει τελεῖσθαι νομίζοντας по-русски будетъ не: „окончательно отвергнуть думающихъ, что они усовершаются гордостію" (кто же найдется такой, кто бы думалъ о себѣ, что усовершается гордостію"?), а: „тѣхъ же, которые въ гордости считаютъ себя совершенными, окончательно отвергнуть". Исправляя проф. Попова, проф. Дмитріевскій переводитъ: „намѣревающихся въ самомнѣніи извѣдать (sic!) совершенно привести (въ ничтожество)". Трудно объяснить, какъ изъ подлинника возникъ подобный переводъ и что онъ означаетъ...

Третье мѣсто—послѣднія три строки. У проф. Попова это мѣсто переведено совершенно правильно и согласно съ подлинникомъ: они (т. е. тѣ, которые считаютъ себя, по самомнѣнію, совершенными) получатъ плоды своего неразумія— κομιοῦνται ἀνοίας τοὺς καρπούς. Проф. Дмитріевскій усмотрѣлъ и тутъ неправильность и переводитъ: „кичатся плодами собственнаго безумія". Откуда взялось тутъ это *кичатся*? Ужъ не смѣшалъ ли проф. Дмитріевскій κομίζω съ κομάω-έω?

Изъ *конца* Слова взяты три рядомъ стоящихъ мѣста. Первое изъ нихъ, впрочемъ, у обоихъ переводчиковъ переведено согласно съ подлинникомъ, за исключеніемъ одного выраженія, оставшагося почему-то у проф. Попова противъ подлинника не переведеннымъ, что проф. Дмитріевскимъ и ставится ему въ строку (стр. 89).

Затѣмъ, второе мѣсто у проф. Попова переводится такъ: „пророки возвѣщали единаго и того-же Господа, но образа воплощенія Его они не сливали въ одно естество, какъ нынѣ учатъ нѣкоторые". Проф. Дмитріевскій вмѣсто „единаго и того-же Господа" ставитъ: „Того Единаго Господомъ", но переводъ: „Еди-

наго и того же Господа, вѣрнѣе: онъ согласенъ и съ подлинникомъ ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν Κύριον и съ обычною у церковныхъ писателей формулой для выраженія ученія о единствѣ лица и двойствѣ природъ въ Іисусѣ Христѣ.

„Но, продолжаетъ дальше переводъ проф. Попова, они избирали боголѣпно реченія, относящіяся къ божеству, а (относящіяся) къ тѣлу—человѣколѣпно, дабы научить ясно, что восшедшій, т. е. вознесенный на небеса Господь, что̀ Онъ по сущности, отъ Отца имѣетъ бытіе, а что̀ произошло отъ Дѣвы, пребываетъ человѣкомъ, будучи единымъ по виду и единымъ по ипостаси". Проф. Дмитріевскій этотъ пунктъ переводитъ такимъ образомъ: „но (они, т. е. пророки) различными словами боголѣпно выразили какъ то, что относится къ божеству Его, такъ человѣколѣпно и то, что—къ плоти Его, дабы ясно показать, что восшедшій, т. е. взятый на небеса Господь, какимъ есть, отъ Отца начинается, а какимъ былъ отъ Дѣвы, пребываетъ человѣкомъ, будучи единымъ по виду и единымъ по ипостаси".

Если оба эти перевода сличить съ подлинникомъ, то большая близость къ нему окажется не на сторонѣ перевода проф. Дмитріевскаго. Въ подлинникѣ читается: Ἀλλά τὰ μέν τῇ θεότητι αὐτοῦ διαφέροντα ῥήματα θεοπρεπῶς ἔλεγον, τὰ δέ σώματι αὐτοῦ ἀνθρωποπρεπῶς. Переводчики расходятся между собою относительно слова διαφέροντα: проф. Поповъ принимаетъ его въ значеніи причастія *относящійся* (отъ διαφέρω), а проф. Дмитріевскій—въ значеніи прилагательнаго *различный*. Думаемъ, что проф. Поповъ болѣе правъ: дательные θεότητι и σώματι показываютъ, что διαφέροντα въ текстѣ стоитъ въ значеніи причастія *относящійся*. Да откуда бы въ переводѣ и самого проф. Дмитріевскаго явилось иначе выраженіе: „какъ то, *что относится* къ божеству Его, такъ и то, что—къ плоти Его"? Приведенныя слова подлинника должны бы быть переведены такъ: „Но они (пророки) высказывали (или употребляли) изреченія, относящіяся—одни (τὰ μεν) богоприлично къ божеству, а другія (τά δέ) человѣкоприлично къ тѣлу". Дальнѣйшія

слова подлинника: ἵνα διδάξωσι σαφῶς, ὅτι... Κύριος, ὃ μὲν ἐστιν, ἐκ τοῦ Πατρὸς ὑπάρχει, ὃ δὲ γέγονεν ἐκ τῆς Παρθένου, μένει ἄνθρωπος... и проч. у переводчика и его исправителя переведены съ отклоненіемъ отъ подлинника, у исправителя—даже съ большимъ. Проф. Поповъ эти слова переводитъ такъ: „дабы научить ясно, что... Господь, что Онъ по сущности, отъ Отца имѣетъ бытіе, а что произошло отъ Дѣвы, пребываетъ человѣкомъ"... Въ исправленіи проф. Дмитріевскаго получается такой переводъ: „...Господъ, какимъ Онъ есть, отъ Отца начинается, а какимъ былъ отъ Дѣвы, пребываетъ человѣкомъ"... Въ этомъ переводѣ, прежде всего, не выдержаны neutra подлинника ὃ μὲν ἔστιν и ὃ δέ γέγονεν. Затѣмъ, нельзя было ни въ какомъ случаѣ перевести γέγονεν словомъ „былъ": по догматическому ученію, какимъ Господь былъ отъ Дѣвы, такимъ Онъ остается и доселѣ, что въ подлинникѣ и выражено чрезъ perfectum γέγονεν; нужно было поставить вм. „былъ" *сталъ*. Приведенныя слова подлинника должны бы быть переведены такъ: „дабы ясно научить, что... Господь по тому, что Онъ есть, Свое бытіе имѣетъ отъ Отца, а по тому, чѣмъ сталъ отъ Дѣвы, остается человѣкомъ". Въ остальной части второго мѣста, взятаго изъ конца Слова, въ переводахъ обоихъ переводчиковъ нѣтъ существенной разницы, если не ставить въ строку пропущенное въ переводѣ проф. Попова выраженіе σεσωματόμενον, что проф. Дмитріевскій заноситъ ему въ счетъ (стр. 89).

Въ третьемъ, взятомъ изъ конца Слова, мѣстѣ обращаетъ на себя вниманіе одинъ только пунктъ, который послужилъ преткновеніемъ и для переводчика и особенно для исправителя. У проф. Попова этотъ пунктъ переведенъ такъ: „Поэтому пусть никто не думаетъ, братіе, что плотность человѣческаго естества, коего существенно пріобщившимся познавалось святое Слово Божіе, сіяніями Его божественнаго существа измѣнялась,—истинность одного изъ двухъ (сущихъ) въ Немъ нераз-

дѣльно естествъ; ибо Славный воплотился не для того, чтобы показать призракъ свой, но чтобы общеніемъ своимъ окончательно уничтожить всѣянный въ него (въ человѣческое естество) зміемъ навыкъ"...

Первую, весьма близкую къ подлиннику, половину этого перевода проф. Дмитріевскій исправляетъ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, братіе, пусть никто не подумаетъ, что плотность человѣческаго существа, пріобщившись коего существенно, святое Слово Божіе познaлось, потерпѣла измѣненіе отъ блеска божественной и славной Его сущности, (сохраняя) истину объ(о)ихъ въ Немъ естествъ нераздѣльно". Вставленное въ скобкахъ, въ подлинникѣ для себя не имѣющее никакого основанія, слово *сохраняя* вноситъ въ переводъ проф. Дмитріевскаго логическое противорѣчіе: не должно думать, что человѣческая природа Іисуса Христа потерпѣла измѣненіе, но притомъ такъ, что сохранила истину обѣихъ Его природъ... Въ подлинникѣ нѣтъ и слѣда чего-нибудь подобнаго. Въ немъ это мѣсто читается такъ: Μηδεὶς οὖν ὑπολαμβανέτω τὴν πυκνότητα τῆς ἀνθρώπου φύσεως... ἠλλοιῶσθαι, τὴν τῶν ἑκατέρων ἐν αὐτῷ ἀχωρίστως ἀλήθειαν φύσεων. Отъ чего зависитъ винительный падежъ, въ которомъ поставлено слово ἀλήθειαν? Отъ того же, безъ сомнѣнія, отъ чего зависитъ и винительный τὴν πυκτότητα, т. е. отъ инфинитивной конструкціи. Значить, перевести это мѣсто нужно бы такимъ образомъ: „Итакъ, братіе, никто пусть не думаетъ, что плотность человѣческой природы, принявши которую въ существенное единеніе съ Собою (κοινονήσας), святое Слово Божіе стало видимымъ (ἐγνώρισται), т. е. истинность одного изъ двухъ (ἑκατέρων) нераздѣльно [соединенныхъ] въ Немъ естествъ, измѣнилась подъ лучами божественной и славной сущности".

Что касается послѣдней половины перевода проф. Попова, то въ сравненіи съ нею переводъ проф. Дмитріевскаго ближе къ подлиннику. Въ подлинникѣ читается: Οὐ γὰρ, ἵνα τὸ

ἑαυτοῦ πλάσμα φαντάσῃ, ἐσαρκώθη ὁ ἔνδοξος, ἀλλ' ἵνα τὴν ἐνσπαρεῖσαν ἐν αὐτῷ ἕξιν ἐκ τοῦ ὄφεως τῇ κοινωνίᾳ ἀναλώσῃ εἰς τέλος: проф. Дмитріевскій переводитъ: „Ибо Славный воплотился не для того, чтобы свое созданіс возвысить, но чтобы своимъ пріобщеніемъ истребить въ конецъ посѣянную въ немъ зміемъ способность (до грѣху)". Въ этомъ переводѣ πλάσμα совершенно вѣрно принято въ значеніи *созданія*, но φαντάζω не значитъ никогда *возвышать*, а изображать, представлять. Соотвѣтственно съ этимъ его значеніемъ, а также и съ идеей контекста о неизмѣнности человѣческой природы въ лицѣ Іисуса Христа переводъ долженъ бы быть такой: „Ибо Славный не для того воплотился, чтобы представлять (какъ бы на сценѣ изображать) свое твореніе, а для того, чтобы чрезъ общеніе съ Собою окончательно истребить всѣянный въ него зміемъ инстинктъ".

Это сдѣланное нами сравненіе переводовъ профф. Попова и Дмитріевскаго показываетъ, что переводъ проф. Дмитріевскаго едва-ли можетъ быть названъ исправленіемъ перевода проф. Попова: гораздо чаще онъ самъ отклоняется отъ подлинника, и даже очень отклоняется.

Представленное нами критическое разсмотрѣніе основныхъ, направленныхъ противъ книги проф. Попова, возраженій проф. Дмитріевскаго даетъ намъ, полагаемъ, полное право на заключеніе, что эта книга, фигурально выражаясь, съ полною честью выдержала строжайшій экзаменъ на аттестатъ ученой зрѣлости.

1) Предлагаемый ею греческій текстъ твореній бл. Діадоха рецензированъ на основаніи хотя и не всего, но во всякомъ случаѣ изряднаго, количества греческихъ рукописей и свободенъ отъ ошибочныхъ чтеній, которыхъ не чужды даже лучшіе списки этихъ твореній изъ библіотекъ Аѳона и Константинополя, бывшіе предметомъ „личныхъ наблюденій" проф. Дмитріевскаго.

2) Надписанія надъ главами Аскетическаго Слова взяты изъ рукописи почтенной древности XII в. и отличаются ясностію и опредѣленностью, точно обозначая предметъ изслѣдованія подлежащей главы, чего далеко нельзя сказать о надписаніяхъ, рекомендуемыхъ проф. Дмитріевскимъ и взятыхъ изъ рукописи XIV в.

3) Примѣчанія или схоліи систематизируютъ громадную, доступную только хорошо освѣдомленному въ святоотеческой письменности спеціалисту, массу патрологическаго матеріала подъ преднамѣреннымъ угломъ зрѣнія хронологической и экзегетической задачъ, и въ цѣлой своей половинѣ, экзегетической, получили одобреніе со стороны и проф. Дмитріевскаго.

4) Переводъ, не отличаясь литературнымъ изяществомъ, передаетъ мысль подлинника, за рѣдкими исключеніями, вѣрно; коррективный переводъ проф. Дмитріевскаго гораздо чаще заключаетъ въ себѣ погрѣшительныя отклоненія отъ подлинника и пестритъ вставками *отъ себя* ради красоты стиля, нерѣдко въ рѣшительный ущербъ подлиннику.

Это, повторимъ заключительныя слова своего прежняго оффиціальнаго отзыва, книга въ собственномъ смыслѣ слова ученая и, добавимъ теперь, стоившая автору многолѣтняго, разносторонняго и сложнаго труда. Думаемъ, что она станетъ настольной книгой для всякаго занимающагося вопросами аскетики и что значеніе ея въ русской богословской литературѣ будетъ сознаваться больше и больше, по мѣрѣ развитія ученой разработки христіанской аскетики, для которой она будетъ и источникомъ темъ и вмѣстѣ опытнымъ руководителемъ въ самомъ ихъ рѣшеніи.

Этой внутренней сторонѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ и внѣшняя. Книга напечатана на прекрасной бумагѣ, крупнымъ четкимъ шрифтомъ и въ корректурномъ отношеніи классически безукоризненно. Нужно думать, изданіе ея стоило немалыхъ денежныхъ затратъ.

По всѣмъ этимъ основаніямъ мы считаемъ справедливымъ рекомендовать Совѣту Академіи книгу проф. Попова, какъ книгу заслуживающую полной юбилейной преміи м. Макарія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго о сочиненіи профессора Академіи А. Дмитріевскаго подъ заглавіемъ „Ставленникъ" (Кіевъ, 1904 г.).

„Сочиненіе нашего извѣстнаго литургиста профессора Дмитріевскаго, составленное изъ статей, печатавшихся прежде въ *Руководствѣ для сельскихъ пастырей*, и вышедшее отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ „Ставленникъ",—трудъ почтенный, заслуживающій вниманія.

Авторъ указалъ задачу своего сочиненія, называя его „Руководствомъ для священно-церковно-служителей и избранныхъ во епископы, при ихъ хиротоніяхъ, посвященіяхъ, награжденіяхъ знаками духовныхъ отличій, съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ обрядовъ и молитвословій". Руководственныя указанія для рукополагаемыхъ въ священно-церковно-служительскія степени довольно подробны и обстоятельны. Этими подробными указаніями авторъ имѣетъ въ виду устранить съ одной стороны ту растерянность, какую приходится наблюдать при посвященіяхъ въ священно-церковно-служительскія степени со стороны самыхъ посвящаемыхъ, а съ другой стороны суетливость и неизвинительную небрежность со стороны лицъ, окружающихъ архіерея, и помогающихъ ему при рукоположеніяхъ.

Цѣль похвальная, и, конечно, не мало могутъ способствовать достиженію ея руководственныя указанія, данныя авторомъ книги. Но нельзя не замѣтить, что едва ли можно ожидать полнаго достиженія этой цѣли одними теоретическими указаніями. Внутреннее волненіе, какое неизбѣжно овладѣваетъ рукополагаемымъ въ минуту священнодѣйствія, надъ нимъ совершаемаго, при новости и исключительности его положенія, всегда можетъ быть причиною нѣкотораго замѣшательства съ

его стороны при исполненіи той части обрядныхъ дѣйствій, къ какимъ онъ призывается, даже въ томъ случаѣ, если эта обрядовая часть ему совершенно извѣстна. А что касается небрежности при совершеніи священнодѣйствія, со стороны второстепенныхъ членовъ клира, помогающихъ архіерею (что, по нашему мнѣнію, является очень рѣдко), то она можетъ и должна быть устраняема не правилами теоретика-литургиста, а распорядительностію архипастыря, которому они прислуживаютъ.

Авторъ подвергъ подробному разсмотрѣнію предметъ, указанный въ заголовкѣ сочиненія, обнимаемый принятымъ имъ названіемъ „Ставленникъ" потому (какъ говоритъ онъ), что въ ученіи о церковно-священническомъ служеніи, довольно раскрытомъ въ нашей пастырелогической литературѣ, ставленническій вопросъ (или то, что должно быть соблюдаемо при поставленіи въ тотъ или другой чинъ церковный) почти не затронутъ въ нашей литературѣ. Онъ впрочемъ называетъ нѣкоторыя руководства посвящаемымъ въ священно-церковно-служительскія степени („Руководство для участвующихъ въ служеніи съ архіереемъ и для готовящихся къ посвященію"—діакона Владимірской епархіи Ѳ. Соколова, имѣющее не одно изданіе „Руководство для лицъ, отправляющихъ церковныя богослуженія при участіи митрополита, епископа, всего собора и порядокъ посвященія въ священно церковно-служительскія степени",—протоіерея И. Розанова (М. 1901) и „Руководство для священно-церковно служителей при архіерейской службѣ, съ изложеніемъ порядка посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и награжденія набедренникомъ, скуфіею, камилавкою и проч. ключаря Омскаго каѳедральнаго собора священника Скальскаго". (Спб. 1902). Но нашъ литургистъ находитъ ихъ не вполнѣ удовлетворительными, и главный ихъ недостатокъ указываетъ въ томъ, что въ нихъ нѣтъ никакихъ объясненій относительно необходимости, важности и высокой значимости тѣхъ положеній, дѣйствій, возглашеній, молитвенныхъ и священныхъ облаченій.

какія входятъ въ составъ современныхъ чиновъ хиротоній и посвященій. Сочиненіе профессора Дмитріевскаго выгодно отличается отъ указанныхъ руководствъ именно тѣмъ, что въ немъ дано широкое мѣсто уясненію высокой важности въ духовно-нравственномъ отношеніи и историко-археологическаго происхожденія всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ ставленническаго вопроса. Указывая обычаи, выработавшіеся на этотъ счетъ въ нашей русской церкви, онъ сводитъ ихъ съ практикою, соблюдаемою на православномъ Востокѣ и отмѣчаетъ разности, находящіяся между нашею и греко-восточною практикою. Объясняя значеніе всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ того или другого чина, онъ широко пользуется святоотеческою письменностію, относящеюся къ истолкованію обрядовъ православной церкви, и главнымъ образомъ трудами литургиста XV вѣка— Симеона Солунскаго. Въ особую заслугу себѣ авторъ ставитъ то, что онъ *впервые,* при объясненіи смысла обрядовъ, входящихъ въ составъ хиротоній и посвященій, обратился къ древнимъ чинамъ хиротоній и посвященій, съ которыми стоятъ въ связи нынѣшніе обряды, соблюдаемые въ нашей церкви.

Всѣхъ чиновъ, разсмотрѣнныхъ въ книгѣ Дмитріевскаго, девять: I. Чинъ на поставленіе чтеца и пѣвца. II. Чинъ, бываемый на хиротонію иподіакона. III. Чинъ, бываемый на хиротонію діакона. IV. Чинъ, бываемый на произведеніе архидіакона и протодіакона. V. Чинъ бываемый на произведеніе пресвитера. VI. Чинъ послѣдованія, во еже сотворити протопресвитера (протоіерея). VII. Чинъ, бываемый на произведеніе игумена и игуменіи. VIII. Чинъ, бываемый на произведеніе архимандрита и, наконецъ, IX. Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго.

Не всѣ эти чины имѣютъ одинаковую важность и сложность. Объ иныхъ изъ этихъ чиновъ у нашего автора встрѣчаются только краткія замѣчанія,—о чинѣ на хиротонію иподіакона, архидіакона, протопресвитера, игумена и архимандрита, что условливалось меньшею значимостію и малымъ соста-

вомъ этихъ чиновъ, и эти чины, какъ чины второстепенные, могли бы быть выдѣлены въ особую рубрику и отличены отъ чиновъ главныхъ, заслуживающихъ и заслужившихъ у него болѣе подробное разсмотрѣніе.

Практическая часть труда, уясняющая, какъ нужно поступать и что нужно дѣлать, при совершеніи того или другого чина, при всей своей обстоятельности, не составляетъ главнаго интереса книги. Дѣлопроизводство, обряды, соблюдаемые при посвященіяхъ и рукоположеніяхъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны.

Гораздо важнѣе и придаетъ особенный интересъ книгѣ сторона теоретическая. Сюда входятъ историко-археологическія и таинственныя объясненія обрядовъ и молитвъ, входящихъ въ составъ разсматриваемыхъ чиновъ. Практическая сторона, при теоретическихъ разслѣдованіяхъ, занимающихъ видное мѣсто въ книгѣ, получаетъ болѣе яркое освѣщеніе, и при немъ дѣлаются болѣе понятными разныя частности, входящія въ составъ чиновъ посвященій и хиротоній.

Первый чинъ, подробно описанный авторомъ,—чинъ на поставленіе чтеца и пѣвца. Прежде чѣмъ разбирать этотъ чинъ, авторъ въ 1 § говоритъ о посвященіи въ стихарь воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, чрезъ что они, на порогѣ своей будущей практической жизни, удостоиваются первой степени церковнаго чина. Посвященный въ стихарь, воспитанникъ духовно-учебнаго заведенія (замѣчаетъ онъ) получаетъ возможность исполнять болѣе высокую обязанность будущаго своего служенія—*учить мірянъ слову Божію съ церковной каѳедры.* Но въ чинѣ посвященія въ стихарь нѣтъ никакого намека на то, чтобы посвященный въ стихарь чрезъ то получалъ право учительства въ церкви, хотя у насъ, съ благословенія епархіальнаго начальства, дается позволеніе воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній говорить въ церкви проповѣди.

Далѣе, авторъ говоритъ, что предъ посвященіемъ въ стихарь питомцы богословскихъ школъ приготовляются къ этому дѣйствію краткимъ постомъ и исповѣдію предъ духовникомъ; такъ какъ за литургіею, предъ началомъ которой совершается ихъ посвященіе въ стихарь, они *обыкновенно* пріобщаются святыхъ таинъ. Конечно, это дѣло доброе; но, сколько намъ извѣстно, оно не вездѣ исполняется. По крайней мѣрѣ, когда насъ и нашихъ товарищей посвящали въ стихари, намъ не говорили, чтобы мы, предъ посвященіемъ исповѣдались и готовились къ принятію святыхъ таинъ.

Нашъ авторъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ говоритъ о томъ, что случаи посвященія въ стихарь *по добровольному желанію* нынѣ сдѣлались весьма рѣдки. Но какъ просить этого посвященія въ стихарь, когда стихарь для простого псаломщика служитъ наградою за благонравное поведеніе и нелѣностное исполненіе прямыхъ по должности обязанностей? Приходилось бы ищущему посвященія въ стихарь хвалить самого себя и выставлять на видъ предъ начальствомъ свое достоинство.

Авторъ посвященіе въ стихарь считаетъ важнымъ церковнымъ актомъ, дающимъ посвящаемому особенныя полномочія на извѣстнаго рода церковное служеніе, чрезъ что онъ отдѣляется отъ простыхъ мірянъ; во вниманіе къ этому онъ съ строгимъ осужденіемъ относится къ укореняющемуся у насъ обычаю, по которому настоятели храмовъ не только не посвященнымъ въ стихарь псаломщикамъ, но даже простымъ мірянамъ даютъ позволеніе или благословеніе надѣвать стихари для большаго благолѣпія въ богослуженіи въ воскресные и праздничные дни. Нельзя не присоединиться къ этому мнѣнію нашего литургиста. Какъ скоро есть особый чинъ на посвященіе въ стихарь, который притомъ служитъ наградою для низшихъ служителей церкви, зачѣмъ помыкать этою наградою и, давая позволеніе пользоваться ею и не заслужившимъ ея, давать тѣмъ поводъ пренебрежительно относиться къ ней?

Изъ пяти параграфовъ, посвященныхъ описанію чина на поставленіе чтеца и пѣвца, наиболѣе интересныя указанія находятся въ § пятомъ, гдѣ даны историко-археологическія объясненія обрядовъ и молитвъ этого чина.

Въ своихъ археологическихъ замѣткахъ авторъ указываетъ на существованіе въ древней Византіи, кромѣ чина на поставленіе чтеца и пѣвца, особаго чина или молитвословія на поставленіе *денотата и свѣщеносца*, слившагося потомъ съ нынѣшнимъ чиномъ на поставленіе чтеца и пѣвца. Онъ вышелъ изъ употребленія ранѣе XV вѣка. Но слѣдъ этого чина виденъ въ словахъ молитвы нынѣшняго чина на поставленіе чтеца и пѣвца: *Самъ Господи, и раба твоего, имярекъ, предходити свѣщеносца святымъ Твоимъ таинствамъ изволившаго, украси нескверными Твоими и непорочными одеждами*". Должность денотата состояла въ томъ, что при богослуженіи въ храмахъ и внѣ его, во время крестныхъ ходовъ, онъ шелъ впереди патріарха и самой церковной процессіи и дѣлалъ свободнымъ отъ народа путь патріарху и крестному ходу. Во время литургіи денотатъ шелъ со свѣчею впереди всѣхъ, во время малаго и великаго выхода.

Одеждами денотатовъ, равно какъ чтецовъ и пѣвцовъ въ древности, по указанію нашего литургиста, были камисій и краткая фелонь.

Что такое *камисій*, и была ли это особая самостоятельная одежда, отличная отъ нынѣ употребляемыхъ,—изъ указаній нашего литургиста не видно, хотя онъ стоитъ за самостоятельное ея употребленіе для одѣяній низшихъ клириковъ. Изъ описаній этой одежды, представленныхъ въ книгѣ, видно, что это тотъ же нынѣшній стихарь; отличіе ея отъ нынѣшняго стихаря авторъ указываетъ въ томъ, что у камисія были широкіе рукава. Но не узкіе рукава и у нынѣшнихъ стихарей. Въ „дополненіяхъ и поправкахъ“ (§ 25) къ описанію чиновъ посвященій и хиротоній авторъ дѣлаетъ замѣтки, подрывающія значеніе

камисія, какъ особой самостоятельной одежды. Онъ говоритъ, что въ памятникахъ гражданскаго быта древней Византіи и въ литургическихъ памятникахъ ея древнѣйшаго времени названія στιχάριον и καμίσιον употребляются какъ названія синонимическія, обозначающія одну и туже одежду, и что стихарь, какъ церковная одежда нижнихъ клириковъ, извѣстенъ былъ въ богослужебной практикѣ византійской церкви съ весьма ранняго времени, а въ нашей русской церкви камисій вовсе не былъ извѣстенъ или очень рано вышелъ изъ употребленія.

„Ревнуя о священной важности церковнаго стихаря, составляющаго на Востокѣ исключительную принадлежность иподіаконовъ и діаконовъ, нашъ литургистъ находитъ несогласнымъ съ древнимъ обычаемъ употребленіе этой одежды низшими клириками, и, повидимому, онъ желалъ бы, чтобы для низшихъ клириковъ устрояема была особая одежда, отличная отъ стихарей. Дѣлая уступку утвердившемуся у насъ обычаю, онъ выражаетъ желаніе, чтобы стихари для низшихъ клириковъ изготовлялись изъ матерій низшаго качества, отличныхъ отъ матерій, изъ какихъ изготовляются церковныя облаченія діаконовъ, священниковъ и архіереевъ. Но при нынѣ существующемъ порядкѣ, если низшіе клирики надѣваютъ стихари, то ихъ стихари почти всегда бываютъ по качеству матерій низшаго достоинства въ сравненіи съ облаченіями діаконовъ и священниковъ, и въ соборныхъ храмахъ, гдѣ богатыя ризницы, нарочито изготовляются для низшихъ клириковъ стихари того же рисунка и цвѣта, какъ облаченія діаконовъ и священниковъ, но меньшей цѣнности.

Второю одеждою низшихъ клириковъ въ древности была *краткая фелонь*, по формѣ представлявшая родъ круглаго плаща, надѣвавшагося чрезъ голову, съ капюшономъ и безъ онаго. Нынѣ эта краткая фелонь совершенно вышла изъ употребленія, и выносится только тогда, когда кто либо подводится къ архіерею для посвященія въ стихарь, и надѣвается на посвя-

щаемаго на нѣсколько мгновеній, и уносится по одѣяніи посвящаемаго въ стихарь. Но, сколько намъ извѣстно, не вездѣ и при посвященіи въ стихарь выносится и употребляется она. По крайней мѣрѣ на насъ, при посвященіи въ стихарь (при Іустинѣ бывшемъ епископѣ владимірскомъ) краткой фелони не надѣвали, полагаю, потому, что этой одежды нынѣ нѣтъ вовсе въ употребленіи. Нужно ли давать благословеніе на ношеніе церковной одежды, которая нынѣ никогда не носится, и которой посвящаемый и видѣть не будетъ? Если нынѣ надѣвается она на посвящаемыхъ единственный разъ въ жизни, то единственно въ воспоминаніе древняго обычая.

Другой чинъ, подробно разобранный въ книгѣ Дмитріевскаго,—чинъ хиротоніи во діакона. Здѣсь авторъ прежде всего описываетъ дѣлопроизводство ищущаго мѣсто діакона въ духовной консисторіи, что собственно церковнаго значенія не имѣетъ, затѣмъ изображаетъ порядокъ церковнаго чина хиротоніи во діакона и отмѣчаетъ особенности этого чина въ греческомъ и славянскомъ архіератиконахъ и въ современной практикѣ на православномъ Востокѣ.

Между особенностями греческаго чина, отмѣченными авторомъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Во время великаго выхода рукополагаемый, исполняя обязанности иподіакона, подавши рукомойникъ для омовенія рукъ архіерею и полотенце, омокаетъ конецъ полотенца въ умывальную воду и ею обрызгиваетъ народъ. Послѣ великаго входа хиротонисуемый стоитъ внѣ алтаря предъ царскими вратами, до самаго момента посвященія. Послѣ введенія въ алтарь хиротонисуемаго берутъ за руки всѣ діаконы, участвующіе въ богослуженіи, а не одинъ протодіаконъ, и обводятъ его троекратно кругомъ престола. Послѣ троекратнаго обхожденія престола всѣ діаконы выводятъ хиротонисуемаго изъ алтаря на средину храма, и рукополагае-

мый прикладывается къ иконамъ, лежащимъ на аналояхъ, и дѣлаетъ поклонъ правому и лѣвому клиросу и народу. По возвращеніи рукополагаемаго въ алтарь, царскія двери закрываются завѣсою. Когда рукополагаемый становится на правое колѣно и кладетъ голову на руки къ престолу, предъ произнесеніемъ возглашенія: „Божественная благодать...“ всѣ священнослужители и находящіеся въ алтарѣ падаютъ ницъ, по произнесеніи этого возглашенія поднимаются съ полу и подходятъ къ хиротонисуемому со словами: „Помяни рабовъ, имярекъ“. Хиротонисуемый отвѣчаетъ: „Помяни, Господи“... По прочтеніи молитвъ рукоположительныхъ, завѣса открывается, и всѣ принадлежности діакона: орарь, поручи, рипида или Евхологіонъ, вручаемыя рукоположенному, предварительно показываются изъ царскихъ вратъ народу, съ возглашеніемъ: „Ἄξιος“.

При разсмотрѣніи чина хиротоніи во діакона нашимъ авторомъ наибольшее вниманіе удѣлено объясненію таинственнаго знаменованія разныхъ дѣйствій и молитвъ, входящихъ въ составъ этого чина (къ чему попутно присоединяетъ онъ нѣкоторыя замѣчанія касательно служенія иподіакона). Съ большою кропотливостію собирая указанія по этому вопросу въ литургической литературѣ, онъ, можно сказать, использовалъ все, что могла дать ему отеческая письменность. Иногда высказываетъ онъ разныя мнѣнія по тому или другому частному вопросу, и представляя ихъ, не отдаетъ предпочтенія ни одному изъ нихъ, а предоставляетъ самому читателю избрать то, какое покажется ему наиболѣе пригоднымъ. Напримѣръ, говоря о происхожденіи и знаменованіи ораря,—отличительнаго діаконскаго облаченія,—нашъ литургистъ дѣлаетъ такія указанія. Одни (говоритъ онъ) производятъ это названіе отъ латинскаго слова *os*, *oris*—уста и прототипъ ораря видятъ въ платкѣ, который привѣшивался къ лѣвому плечу верхней одежды для отиранія пота съ лица и устъ. Другіе производятъ это названіе отъ латинскаго глагола: orare—*просить*, *молиться*; такъ какъ ораремъ діаконы указываютъ время молитвы вѣрующимъ, находящимся въ церкви.

Третьи корень этого слова видятъ въ греческихъ словахъ: ὥρα—*часъ,* или ὅρω—*стерегу, наблюдаю, поднимаю*, желая указать на назначеніеораря при богослуженіи, который служитъ въ рукахъ діакона показателемъ времени молитвъ для вѣрующихъ и пѣснопѣній для пѣвцовъ. Симеонъ Солунскій слово орарь производитъ отъ греческаго глагола ὡραΐζειν—украшать. Орарь (пишетъ Симеонъ Солунскій) называется такъ потому, что онъ украшаетъ діакона благодатію и облекаетъ его велелѣпіемъ славы Божіей; ибо имъ, какъ бы крылами онъ закрывается..., особенно когда участвуетъ въ пріобщеніи, подражая серафимамъ, двумя крылами закрывающимъ лица свои... На рукоположеннаго, какъ получившаго ангельскій чинъ, возлагается орарь, который означаетъ духовное существо ангеловъ, и повѣшенный на плечахъ, представляетъ какъ бы крылья; на немъ бываетъ написана и трисвятая пѣснь ангеловъ.

Третій чинъ, подвергшійся тщательному разсмотрѣнію профессора Дмитріевскаго,—чинъ хиротоніи во пресвитера.

Какъ при разборѣ чина хиротоніи во діакона, такъ и здѣсь, при разсмотрѣніи чина хиротоніи во пресвитера авторъ прежде всего говоритъ о производствѣ дѣла въ консисторіи. Особенное вниманіе онъ обратилъ на ставленническій допросъ, отбираемый отъ кандидата священства въ консисторіи, который воспроизводится имъ въ полномъ видѣ, причемъ отбирается отъ ставленника особая подписка, которою онъ обязуется, по поступленіи на приходъ, имѣть непремѣнно въ своей или церковной библіотекѣ указанныя ему книги, а другія стараться пріобрѣтать, по возможности, въ церковную библіотеку, какъ книги нужныя въ пособіе ему. Подписка эта отбирается отъ ставленника, на основаніи указа Св. Синода, отъ 8 марта 1861 г., а списокъ книгъ, указанныхъ для пріобрѣтенія въ церковныя библіотеки, составленный Григоріемъ, архіепископомъ Тверскимъ,

впослѣдствіи митрополитомъ С.-Петербургскимъ, разосланъ циркулярнымъ указомъ Св. Синода отъ 15 февраля 1832 года, и до сихъ поръ остается неизмѣннымъ...—Авторъ, обсуждая списокъ книгъ, пріобрѣтать которыя обязуется подпискою священникъ, справедливо говоритъ, что этотъ списокъ не лишенъ излишествъ и анахронизмовъ, совершенно основательно высказываетъ горячее желаніе, чтобы онъ, соотвѣтственно современнымъ требованіямъ, былъ измѣненъ; такъ какъ иныхъ книгъ изъ указанныхъ въ спискѣ нынѣ нельзя найти въ продажѣ, а другія не являются существенно нужными, и могутъ быть замѣнены новыми сочиненіями. Обязательно долженъ имѣть священникъ, въ своей или церковной библіотекѣ, по указу Синода: 1) Книги священнаго писанія, 2) Догматическое богословіе преосвященнаго Антонія, 3) Пространный Катихизисъ, 4) Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ. Но догматическаго богословія преосв. Антонія нынѣ нѣтъ въ продажѣ, и оно могло бы быть замѣнено другими болѣе новыми сочиненіями. Въ спискѣ книгъ, разосланномъ при указѣ Св. Синода 1832 года, показано 38 сочиненій (три изъ нихъ значатся и въ спискѣ непремѣнно обязательныхъ для пастыря). Изъ нихъ много такихъ, которыхъ нельзя считать существенно необходимыми пособіями для священника, каковы: св. Амвросія медіоланскаго о покаяніи и нѣкоторыя поучительныя слова. Его же избранныя поучительныя слова. Св. Игнатія Богоносца посланія вѣрующимъ во Христа. Св. Іоанна Лѣствичника,—Лѣствица, возводящая на небо. Св. Іустина мученика разговоръ съ Трифономъ іудеяниномъ. Св. Діонисія ареопагита о небесной іерархіи. Его же о церковномъ священноначаліи. Преподобнаго Макарія Египетскаго слова. Его же бесѣды о христіанскомъ совершенствѣ. Блаж. Августина единобесѣдованіе души съ Богомъ. Его же святыя и душеспасительныя размышленія. Его же таинственное богословіе. Извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи.. Другихъ изъ указанныхъ сочиненій едва-ли

можно найти въ продажѣ. (Отвѣты Никифора, архіепископа славянскаго, на вопросы, предложенные ему старообрядцами, Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ...) Въ формѣ подписки, какою ставленникъ обязывается пріобрѣтать указанныя книги, значится, что „пріобрѣтеніе таковыхъ книгъ по дешевизнѣ ихъ никакъ не можетъ быть обременительно ни для меня, ни для церкви". Но этого (справедливо замѣчаетъ А. Дмитріевскій) ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать о спискѣ книгъ, составленномъ Григоріемъ. Между книгами, имъ указанными, есть нѣсколько многотомныхъ твореній (всѣ бесѣды и слова св. Іоанна Златоуста, четыре части трудовъ Василія Великаго, двѣ части поучительныхъ словъ св. Григорія Назіанзина; полное собраніе сочиненій св. Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Воронежскаго...). На пріобрѣтеніе всѣхъ книгъ, указанныхъ въ этомъ спискѣ, требуется не малая сумма. Вслѣдствіе этого обязательство пріобрѣсть книги, указанныя въ указѣ Синода 1861 и 1832 года, скрѣпленное подпискою ставленника, большею частію не выполнялось и являлось пустою формальностію. Еще Филаретъ, митрополитъ московскій, указалъ на излишества въ спискѣ,—составленномъ Григоріемъ, и на затруднительность пріобрѣтенія всѣхъ ихъ для бѣдныхъ церквей, и онъ заявлялъ, что по „взятымъ нынѣ (въ маѣ 1867), послѣ тридцати пяти лѣтъ отъ указа 1832 года, свѣдѣніямъ не только въ церквахъ селъ и уѣздныхъ городовъ, но даже и въ церквахъ московскихъ, многихъ изъ означенныхъ въ спискѣ книгъ не достаетъ, такъ что въ нѣкоторыхъ на лицо находится только 13, а недостаетъ 25 (Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго, М. 1888. т. V, стр. 971). Филаретъ составилъ новый реестръ книгъ для церковныхъ библіотекъ, признавая за лучшее обращать вниманіе не столько на умноженіе книгъ, сколько на пріобрѣтеніе хотя немногихъ, но нужнѣйшихъ, и съ этою цѣлью свой списокъ книгъ раздѣлилъ на три отдѣленія, рекомендуя на первый разъ сильнѣе настоять на пріобрѣтеніи для церкви книгъ, поставленныхъ въ

первомъ отдѣленіи, а потомъ постепенно требовать пополненія церковныхъ библіотекъ книгами другихъ отдѣленій. Всѣхъ книгъ въ спискѣ Филарета показано 31,—въ первомъ отдѣленіи 9, во второмъ 17, въ третьемъ 6. Въ этомъ спискѣ исключены нѣкоторыя книги, значащіяся въ спискѣ Григорія, но прибавлены нѣкоторыя новыя сочиненія, изъ твореній отечественныхъ писателей. Реестръ книгъ, нужныхъ для церковныхъ библіотекъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ, разосланъ циркулярнымъ указомъ Св. Синода, отъ 3 декабря 1867 года. А консисторская подписка ставленника осталась и остается до сихъ поръ въ прежней неизмѣнной формѣ, съ перечнемъ книгъ, составленныхъ въ 1832 году тверскимъ архіепископомъ Григоріемъ. Нельзя не присоединиться къ мнѣнію или желанію нашего литургиста, чтобы текстъ этой подписки былъ измѣненъ ближе къ синодальному указу 1867 года и заключалъ въ себѣ реестръ необходимыхъ для пастырской практики книгъ, разосланный при этомъ указѣ, или, что еще доступнѣе для сельскаго пастыря, сокращенный реестръ книгъ, находящійся въ примѣчаніи къ § 1 Благочиннической инструкціи"; такъ какъ выполненіе обязательства, даннаго въ нынѣшней подпискѣ, на практикѣ для сельскаго пастыря не только обременительно, но даже положительно невозможно.

Въ описаніи церковнаго порядка хиротоніи во священника, представленномъ въ книгѣ Дмитріевскаго, для русскихъ читателей наибольшій интересъ имѣютъ его замѣчанія объ особенностяхъ совершенія этого чина на православномъ Востокѣ, у насъ мало извѣстныхъ. На православномъ Востокѣ хиротонисуемый во пресвитера въ началѣ литургіи облачается не въ стихарь, какъ у насъ, а въ подрясникъ съ источниками. Далѣе, хиротонисуемый, при совершеніи литургіи, до великаго выхода исполняетъ обязанности втораго діакона и всегда непремѣнно читаетъ дневное рядовое Евангеліе. Принимаютъ его въ царскихъ дверяхъ два старшихъ пресвитера, и во время троекратнаго обхожденія вокругъ престола вмѣстѣ съ нимъ ходятъ

кругомъ и прочіе священники, участвующіе въ богослуженіи, взявши другъ друга за руки, предшествуемые протодіакономъ. При чтеніи возглашенія: „Божественная благодать“..., какъ и при рукоположеніи во діакона падаютъ ницъ всѣ находящіеся въ алтарѣ. „Вонмемъ“ возглашаетъ діаконъ, а не священникъ. По освященіи святыхъ даровъ, архіерей даетъ хиротонисанному не часть Агнца, какъ у насъ, а цѣлый второй Агнецъ, нарочито приготовленный для этого на проскомидіи. Во время причащенія священнослужитель новорукоположенный подаетъ святую чашу съ божественною кровію всѣмъ прочимъ іереямъ и діаконамъ; иногда онъ же выноситъ святую чашу съ возгласомъ: „Всегда нынѣ и присно...“, и относитъ ее на жертвенникъ.

Изъ параграфовъ, посвященныхъ разсмотрѣнію второстепенныхъ чиновъ, нельзя не остановить вниманія на § 17 „*о чинѣ награжденія протоіереевъ, священниковъ знаками отличія*“. Чинъ этотъ не сложный, но рѣчь о немъ авторъ умѣлъ сдѣлать интересною, указывая историческое происхожденіе этихъ знаковъ отличій. Отличія заслуженнымъ священникамъ давались и въ древности, соотвѣтственно апостольскому наставленію: *прилежащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи*“ (1 Тим. V, 17). Но на православномъ Востокѣ наградныхъ знаковъ отличія для духовныхъ лицъ гораздо меньше, чѣмъ у насъ въ Россіи. И у насъ бѣлому духовенству эти отличія усвоены въ сравнительно недавнее время, именно при Императорѣ Павлѣ 1, который, желая, чтобы бѣлое духовенство имѣло образъ и состояніе важности своего сана соотвѣтственные, опредѣлилъ (указомъ отъ 18 декабря 1797 года) удостоивать священниковъ за отличныя заслуги особенныхъ почестей, 1) полученія креста для ношенія на цѣпи на шеѣ, 2) употребленія бархатной фіолетовой скуфьи и камилавки и 3) для знатнѣйшихъ изъ нихъ митры, какую употребляютъ архимандриты. Св. Синодъ, послѣ введенія новыхъ знаковъ отличія для бѣлаго духовенства предписалъ епархіальнымъ

архіереямъ возлагать эти знаки отличія на удостоенныхъ при священно-служеніи. Для этого требовалось выработать особый церковный чинъ, котораго не было въ богослужебныхъ книгахъ нашей церкви. Первоначально однообразія не было въ чинѣ возложенія знаковъ отличія на священниковъ. Московскій митрополитъ Филаретъ, называвшій эти знаки отличія знаками тщеславія, на вопросъ своего викарія относительно чина возложенія наперстныхъ крестовъ на священниковъ отвѣчалъ: „на возложеніе крестовъ наперстныхъ, жалуемыхъ священникамъ, чина нѣтъ. И какъ быть чину на то, что есть отступленіе отъ древняго чина", но въ то же время замѣтилъ, что на людей особеннаго достоинства онъ возлагаетъ кресты на маломъ выходѣ, а на прочихъ въ алтарѣ, въ домовой церкви, иногда и не во время службы, полагая крестъ на престолъ и заставляя удостоеннаго положить три земныхъ поклона. Въ другихъ епархіяхъ выработалась практика возлагать знаки отличія на священнослужителей за литургіею, во время малаго выхода, по чину, еже сотворити протопресвитера, и эта практика соблюдается и нынѣ. Имѣется въ виду въ этомъ случаѣ со стороны духовной власти сдѣлать людей, награждаемыхъ знаками отличія, видимыми всѣмъ народомъ, который вмѣстѣ съ клиромъ церковнымъ могъ бы возгласить награждаемому: „Ἄξιος".

Въ греческой церкви древнѣйшимъ знакомъ отличія для заслуженныхъ іереевъ или протоіереевъ была палица или епигонатій. Это отличіе, составляющее принадлежность архіерейскаго сана, давалось по волѣ епископа почетнымъ пресвитерамъ. И у насъ палица считалась принадлежностію епископскаго сана, но подъ вліяніемъ практики православнаго Востока, первоначально на югѣ Россіи, митрополиты кіевскіе стали награждать этимъ отличіемъ подчиненныхъ имъ архимандритовъ, а въ XVI столѣтіи этотъ обычай перешелъ и въ сѣверную Россію.

Въ концѣ XVI столѣтія явилось у насъ видоизмѣненіе палицы—набедренникъ, который сдѣлался богослужебнымъ от-

личіемъ отъ архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ и многихъ изъ іереевъ. Появленіе набедренника, какъ особаго богослужебнаго отличія, вызвано было съ одной стороны желаніемъ удержать за палицею, какъ архіерейскою богослужебною принадлежностію, то важное значеніе, какое придавала ей церковь греческая, а съ другой—создать для почетнѣйшихъ лицъ изъ духовенства знакъ отличія, который бы имѣлъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ палицею. По введеніи набедренника палица получила значеніе болѣе высокой награды. Ея удостоиваются всѣ архимандриты и только почетнѣйшіе и старѣйшіе изъ протоіереевъ. Удостоенные этой награды вмѣстѣ съ палицею носятъ и набедренникъ, надѣвая палицу на правую сторону, а набедренникъ на лѣвую. Обычай этотъ совершенно неизвѣстенъ въ Греціи, и у насъ вошло въ практику ношеніе съ палицею и набедренника сравнительно въ недавнее время; не раньше XVIII вѣка архимандритамъ дозволялось служить съ палицею и набедренникомъ, а бѣлому духовенству только съ 1797 года, по указу Павла I.

Интересныя свѣдѣнія собщаетъ авторъ о скуфьѣ и камилавкѣ. Скуфья и камилавка, нынѣ составляющія знаки отличія для бѣлаго духовенства, въ греческой церкви съ древнѣйшихъ временъ составляютъ необходимую принадлежность священнаго сана и даются священнослужителямъ при хиротоніи. И у насъ въ старину скуфья, какъ головное украшеніе, въ храмѣ при богослуженіи, и внѣ храма въ обычное время, принята была не только для священниковъ, но и для діаконовъ. По опредѣленію собора 1667 года, священнической и діаконской главѣ подобаетъ всегда покровенной быти, чести ради священства, кромѣ церковнаго священнослуженія, и это опредѣленіе подтверждено соборомъ 1674 года. Камилавку начали носить вмѣсто скуфьи со второй половины XVII столѣтія, что вызвало осужденіе со стороны защитниковъ старины. Измѣненіе въ ношеніи этого головнаго украшенія произошло при Павлѣ I, по указу котораго (отъ 18 декабря 1798 года) Св.

Синодъ установилъ время и порядокъ награжденія и употребленія бархатной фіолетовой скуфьи и камилавки.

Митра на Востокѣ принадлежность исключительно архіерейскаго сана и ее не надѣваютъ даже епископы въ присутствіи митрополита или архіепископа, и митрополиты и архіепископы въ присутствіи патріарха. У насъ митра сдѣлалась отличіемъ для заслуженныхъ архимандритовъ не ранѣе XVI столѣтія и давалась лишь по особымъ царскимъ и патріаршимъ граматамъ, а принадлежностію сана архимандрита вообще она стала со времени Петра I, который, задумавъ уничтожить патріаршество, привиллегіи этого сана съ необыкновенною щедростію раздѣлялъ между архіереями и архимандритами. Бѣлому духовенству стала жаловаться митра при Екатеринѣ II, которая наградила митрою своего духовника протоіерея Іоанна Панфилова въ 1786 году, который первый изъ протоіереевъ удостоился этой награды.

Съ особенною подробностью изображаетъ авторъ чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго. Рѣчь объ этомъ чинѣ занимаетъ цѣлую половину его книги (151—299 стр). Авторъ здѣсь прежде всего подробно описываетъ нынѣ существующій „порядокъ избранія, нареченія, исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго и рукоположенія во епископы“, что составляетъ содержаніе 21 § въ его книгѣ, занимающаго 18 страницъ. Но въ трактатѣ объ этомъ чинѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ обстоятельно разсмотрѣнные авторомъ пункты 1) объ исторической судьбѣ нашего чина избранія и рукоположенія архіерейскаго (§ 23), 2) объ особенностяхъ этого чина на православномъ Востокѣ (§ 22), и 3) археологико-историческія и символическія объясненія обрядовъ, входящихъ въ составъ этого чина (§ 24).

Употребляемый нынѣ въ богослужебной практикѣ чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго изслѣдованъ и свидѣ-

тельствованъ съ древняго греческаго и славянскаго чиновниковъ, какъ заявляется въ существующемъ при немъ послѣдованіи. Это изслѣдованіе и свидѣтельствованіе сдѣлано было патріархомъ Іоакимомъ въ лѣто 7184 (1677/8)). Основу этого чина авторъ указываетъ въ греческомъ чинѣ, изданномъ въ первый разъ въ Парижѣ 1647 года Гоаромъ. Время происхожденія этого чина авторъ относитъ къ концу XV или началу XVI в. Но онъ не приводитъ твердыхъ основаній въ защиту своего мнѣнія о такомъ сравнительно позднемъ происхожденіи греческаго чина рукоположенія архіерейскаго, послужившаго основою для нашего чина. Почему не отнести составленіе этого чина къ болѣе раннему времени? Филаретъ, митрополитъ московскій, на вопросъ, обращенный къ нему, о времени греческаго чина архіерейскаго исповѣданія и обѣщанія, отвѣчалъ, что время это точно опредѣлить неудобно и затруднительно, но съ своей стороны расположенъ былъ отнести его къ вѣкамъ, близкимъ къ вселенскимъ соборамъ. Упоминаніе въ греческомъ архіерейскомъ исповѣданіи по именамъ только трехъ еретиковъ, Арія, Македонія и Несторія, указываетъ на время, близкое къ четвертому вселенскому собору (замѣчаетъ онъ), а изложеніе о двухъ естествахъ и воляхъ воплощеннаго Сына Божія и объ иконопочитаніи представляетъ время послѣ седьмаго вселенскаго собора. Если мнѣніе митрополита Филарета, выраженное въ такой нерѣшительной формѣ, не даетъ точнаго отвѣта на вопросъ, то, за недостаткомъ ясныхъ положительныхъ указаній, мы не видимъ такого точнаго отвѣта и въ мнѣніи Дмитріевскаго.

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго, существовавшій въ Іоакимовской редакціи, подвергался нѣкоторымъ измѣненіямъ и исправленіямъ три раза. Въ первый разъ, по порученію Св. Синода онъ исправляемъ былъ архимандритомъ Гавріиломъ Бужинскимъ, впослѣдствіи епископомъ рязанскимъ и муромскимъ, и разсмотрѣнный Синодомъ, въ 1725 году появился въ печати для церковнаго употребленія. Авторъ указы-

ваетъ всѣ перемѣны и исправленія, какія сдѣланы въ чинѣ избранія и рукоположенія архіерейскаго Бужинскимъ. Между прочими, довольно существенными, измѣненіями чина, Бужинскимъ включены были въ него нѣкоторыя излишества, вызывавшія въ послѣдующее время справедливое нареканіе. Таковыми излишествами служили семь пунктовъ, внесенныхъ въ исповѣданіе архіерейское предъ рукоположеніемъ. Эти семь пунктовъ сочинены, вѣроятно, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и исправленныя рукою императора Петра I, по его указанію, внесены въ чинъ обѣщанія архіерейскаго. По этимъ пунктамъ, между прочимъ, рукополагаемый обѣщался церквей свыше потребы для прихотей вновь не строить и другимъ не попускать (п. 4), смотрѣть за священниками съ прилежаніемъ, учить и запрещать, дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было, дабы не вѣдомыхъ и отъ церкви не свидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали; притворныхъ, бѣснующихся, въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ не точію наказывать, но и къ градскому суду отсылать, и прочихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ и прелестныхъ дѣлъ отъ духовнаго и мірскаго чина не принимали; дабы святыхъ иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, отъ чего противнымъ способъ дается къ поношенію на православныхъ (п. 7), въ мірскія дѣла и обряды не входить развѣ какая явная неправда показана будетъ, о томъ первѣе увѣщать, а потомъ и писать къ царскому величеству на таковыхъ (п. 7). Къ этимъ семи пунктамъ присоединены еще новые пункты, заимствованные изъ присяги для членовъ Духовной Коллегіи въ Регламентѣ.

Измѣненіе чина избранія и рукоположенія архіерейскаго въ редакціи Гавріила Бужинскаго послѣдовало въ 1856 году, по инициативѣ московскаго митрополита Филарета, предложившаго іерархамъ, собравшимся на коронацію Императора Александра II, сдѣлать въ немъ нѣкоторыя исправленія, чрезъ дополненіе напрасно, по взгляду Филарета, опущеннаго, и чрезъ

исключеніе внесенныхъ въ него излишествъ, каковое предложеніе встрѣтило сочувствіе со стороны іерарховъ русской церкви. Опредѣленіе Св. Синода по этому поводу послѣдовало 31 августа 1856 года, а изъ печати исправленный чинъ вышелъ не раньше 1857 года. Дополненіе состояло въ томъ, что въ архіерейскомъ исповѣданіи и обѣщаніи возстановлена опущенная въ чинѣ Бужинскаго „важная и содержательная статья—обстоятельное изложеніе догмата о Пресвятой Троицѣ“. А исключены и частію измѣнены пункты, внесенные въ чинъ, по указанію Петра, Бужинскимъ, которыхъ въ греческомъ чиноположеніи нѣтъ, и которые содержатъ чуждыя сему церковному акту и тяжко поражающія слухъ среди церкви изреченія, какъ напримѣръ о людяхъ въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ.

Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго, исправленный митрополитомъ Филаретомъ, подвергнутъ былъ новому пересмотру и исправленію въ 1901 году. Св. Синодъ принялъ во вниманіе, что нѣкоторыя обѣщанія, произносимыя архіереями предъ рукоположеніемъ, утратили свое значеніе, по милованіи обстоятельствъ церковной и гражданской жизни, побудившихъ церковную и правительственную власть внести въ названный чинъ эти обѣщанія, и что произносимое рукополагаемымъ исповѣданіе вѣры излагается въ упомянутомъ чинѣ по мѣстамъ съ такою подробностію, что встрѣчается излишнее повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей. Такъ удаленъ изъ чина символъ, внесенный Филаретомъ, содержащій обстоятельное изложеніе догмата о Пресвятой Троицѣ, занимавшій въ греческомъ чинѣ и чинѣ Іоакимовской редакціи второе мѣсто. Не остался безъ сокращенія и третій символъ греческаго чина, занимающій нынѣ у насъ второе мѣсто о вочеловѣченіи Ѵпостаснаго Сына и Слова Божія. Исключены нѣкоторыя обѣщанія, какъ утратившія свое значеніе,—о немедленномъ „безъ всякаго отвѣта и слова, отправленіи епископа по вызову для присутствованія въ Св. Синодѣ, о непринимании странныхъ обычаевъ

въ церковныхъ преданіяхъ и чинѣхъ, о непоставленіи на одной литургіи двухъ діаконовъ и двухъ священниковъ"...

Съ интересомъ читается параграфъ (22), изображающій чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго, нынѣ совершаемый на православномъ Востокѣ. Тамъ нѣтъ нашего нареченія,—мѣсто его занимаетъ *великое и малое извѣщеніе.* Избраніе кандидата на епископскую каѳедру происходитъ въ залѣ синодскихъ засѣданій патріархіи. Въ избраніи этомъ принимаютъ участіе, съ правомъ голоса, только члены Синода, хотя могутъ присутствовать въ засѣданіи Синода и всѣ прочіе архіереи, случайно находящіеся въ резиденціи патріарха, но безъ права голоса. По избраніи патріархъ отправляетъ къ избранному во епископа двухъ діаконовъ съ малымъ извѣщеніемъ. Одаривши двумя золотыми каждаго изъ посланныхъ, избранный во епископы вмѣстѣ съ ними отправляется въ засѣданіе синода, чтобы принести благодареніе патріарху и членамъ синода. Здѣсь ему прочитывается актъ избранія и извлеченія изъ древнихъ церковныхъ каноновъ и синодальныхъ патріаршихъ опредѣленій, регулирующихъ его отношенія къ патріарху и его обязанности по отношенію къ паствѣ. По выслушаніи акта и этихъ извлеченій избранный отправляется въ патріаршую церковь для выслушанія великаго извѣщенія о своемъ избраніи, которое происходитъ торжественно въ присутствіи явившихся туда членовъ синода и многочисленнаго собранія духовенства и народа. Послѣ молитвословія, помощникъ секретаря синода, имѣя въ рукахъ патріаршій кодексъ и возженную свѣчу, читаетъ въ слухъ всѣхъ, присутствующихъ въ храмѣ, великое извѣщеніе. Избранный во епископа въ это время становится въ царскихъ вратахъ, обратившись лицомъ на западъ, снявъ съ себя фелонь и епитрахиль, которыя были на немъ во время предшествующаго этому извѣщенію молитвословія.

По Уставу великой константинопольской церкви, церковная служба въ день, назначенный для епископской хиротоніи,

совершается по чину службы великой пятидесятницы. Изъ службы праздника пятидесятницы берутся нѣкоторыя пѣсни и стихиры, если хиротонія совершается въ день воскресный или праздничный. На литургіи, на которой совершается хиротонія, послѣ малаго выхода и возглашенія титула патріарха, всѣмъ находящимся въ храмѣ, клирикамъ и народу, раздаются свѣчи. Въ концѣ литургіи, предъ пѣніемъ: „Буди имя Господне"... патріархъ снимаетъ съ себя митру и возлагаетъ ее на главу новорукоположеннаго, предоставляя ему честь при чтеніи 33 псалма раздавать народу антидоръ.

Въ параграфѣ (24), посвященномъ историко-археологическимъ и символическимъ объясненіямъ обрядовъ и молитвословій, входящихъ въ составъ чина архіерейскаго рукоположенія, занимающемъ въ книгѣ 75 страницъ (224—299), авторъ показалъ большое знакомство съ литургическими памятниками и литургическою письменностію, касающеюся разныхъ принадлежностей означеннаго чина. Мы не считаемъ нужнымъ передавать все богатое содержаніе этого параграфа. Но не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, наибольшаго вниманія.

Первое, заслуживающее здѣсь вниманія, замѣчаніе касается порядка избранія кандидатовъ на епископскія каѳедры. Авторъ утверждаетъ, что установившійся у насъ порядокъ этого избранія ведетъ свое начало изъ глубокой древности, но въ то же время отмѣчаетъ нѣкоторыя новшества, которыя, утвердившись въ нашей практикѣ, подавали поводъ къ нареканіямъ. Это новшество состояло въ томъ, что въ періодъ патріаршества для законнаго избранія достойнаго кандидата на епископство, требовалось не только благословеніе патріарха и согласіе епископовъ избирателей, но еще соизволеніе Государя. А Петръ I въ порядокъ избранія кандидатовъ на епископство внесъ такое распоряженіе: *выбирать по двѣ персоны*, и *котораго опредѣлимъ, посвящать и опредѣлять*, и съ тѣхъ поръ окончательное утвержденіе избраннаго Св. Синодомъ въ

званіи епископа зависитъ отъ Государя Императора. Этотъ порядокъ вызываетъ упрекъ со стороны нѣкоторыхъ, будто православная церковь создаетъ въ лицѣ Императора своего папу, допуская его вмѣшательство въ дѣлѣ избранія епископовъ. Такое возраженіе и упрекъ авторъ отражаетъ историческою справкою и ссылкою на главнаго руководителя своего въ объясненіи богослужебныхъ чиновъ Симеона Солунскаго. Это возраженіе (говоритъ онъ) слышалось и прежде, въ періодъ византійскій, и по поводу его Симеонъ Солунскій представлялъ такое обстоятельное разъясненіе: „Заблуждаются тѣ нововводители, которые, по внушенію ненависти, утверждаютъ, будто царь поставляетъ патріарха. Отнюдь не царь, а здѣсь дѣйствуетъ соборъ; царь же благочестивый только содѣйствуетъ, не только потому, что онъ есть защитникъ церкви и царь помазанный, но и чтобы, помогая и содѣйствуя, защитить и дѣлать твердыми распоряженія церкви, такъ какъ и это должно соблюдаться у православныхъ для вѣры церкви... Самъ царь не совершаетъ и не даетъ избранному ничего, а только соглашается и помогаетъ въ этомъ дѣлѣ“.

Другія замѣчанія, какія можно отмѣтить, какъ особенно интересныя, касаются, архіерейскихъ одеждъ. Главною отличительною архіерейскою одеждою былъ омофоръ. Въ чинѣ Бужинскаго и въ громадномъ количествѣ литургическихъ памятниковъ болѣе древняго времени совершенно не упоминается о другихъ одеждахъ, даваемыхъ епископу въ нынѣшнее время. О саккосѣ въ рукописныхъ чинахъ и старопечатныхъ изданіяхъ не упоминается, какъ архіерейскомъ одѣяніи. Въ древнѣйшее время епископы носили фелонь, а не саккосъ, который былъ отличительною одеждою патріарховъ. Да и патріархи въ обыкновенное время при богослуженіяхъ большею частію пользовались священническою фелонью, а въ саккосъ одѣвались только въ торжественные праздники. Фелонь епископовъ, въ отличіе отъ священнической, была крещатая. Саккосъ епископы на Востокѣ начали присвоять въ первой половинѣ XVI вѣка.

Въ русской церкви въ древнѣйшее время саккосъ совершенно не употреблялся. Русскій митрополитъ одинъ носилъ крещатую фелонь. Крещатую фелонь за особенныя заслуги митрополиты давали почетнѣйшимъ изъ епископовъ. Въ XV вѣкѣ саккосъ дѣлается богослужебною одеждою и русскихъ митрополитовъ. Въ періодъ патріаршества саккосъ носили и патріархъ и митрополиты. Петръ Великій, уничтожившій на Руси патріаршество, и привилегіи и отличія патріарха свободно раздававшій всѣмъ русскимъ архіереямъ, дозволялъ носить саккосы всѣмъ епископамъ, но только въ своей епархіи.

О панагіи и митрѣ греческіе и русскіе чины хранятъ молчаніе; но въ богослужебной практикѣ, какъ на Востокѣ, такъ и на Руси, иныя отличія, нынѣ употребляемыя, несомнѣнно возлагались на епископовъ при хиротоніи. Митра сравнительно недавнее украшеніе. На Востокѣ не только въ XV, но и въ XVI и XVII столѣтіяхъ іерархи не употребляли митръ при богослуженіи, за исключеніемъ патріарховъ.

Архіерейская мантія съ источниками и скрижалями не была первоначально церковною принадлежностію высшихъ духовныхъ лицъ. Въ начальномъ своемъ происхожденіи она была одеждою императора и важнѣйшихъ византійскихъ сановниковъ. Даваемая патріарху, эта одежда служила знакомъ царскаго благоволенія и была отличіемъ его, какъ государственнаго сановника. Въ церковное употребленіе она вошла очень рано. По объясненію Симеона Солунскаго, епископъ получаетъ ее, „какъ учитель"; источники, украшающіе ее, означаютъ" благодать учительства, пребывающую въ архіереѣ и вмѣстѣ разнообразы принадлежащихъ ему высшихъ дарованій, чрезъ него на всѣхъ изливаемыхъ".

Жезлъ архипастырскій, служившій другимъ знакомъ архіерейской чести, вручался въ древности покровителемъ и защитникомъ церкви—императоромъ, который раздавалъ жезлы не только епископамъ, но и другимъ сановникамъ, пользовавшимся его довѣріемъ. Обычай этотъ перешелъ и въ нашу церковную

практику; наши цари вручали епископскій жезлъ сначала митрополитамъ, пока они стояли во главѣ русской церкви, а потомъ и патріархамъ. Въ періодъ патріаршества епископы, какъ находившіеся въ полномъ подчиненіи у патріарховъ, отъ нихъ получали жезлъ, какъ знакъ полномочія въ ввѣряемой имъ епархіи. Съ 1725 года обязанность эта Св. Синодомъ возложена на первоприсутствующаго при хиротоніи епископа.

Въ нашемъ современномъ чинѣ епископской хиротоніи упоминается о благословеніи, съ „осѣненіемъ руки", рясы архіерейской, камилавки и клобука. Это перешло изъ чина поставленія архіерейскаго патріарха Іоакима, гдѣ оно впервые явилось. Патріархъ Іоакимъ, присоединяя это благословеніе внѣшней одежды къ чину рукоположенія архіерейскаго, имѣлъ въ виду достигнуть того, чтобы епископскія внѣшнія одѣянія во всемъ соотвѣтствовали установленнымъ и принятымъ въ русской церкви правиламъ, и контролируемыя въ алтарѣ самимъ патріархомъ, дѣлались для новорукоположеннаго епископа образцовыми на всю его послѣдующую жизнь.

Изъ представленнаго нами содержанія книги профессора Дмитріевскаго, которое мы передали не вполнѣ, выбирая изъ него наиболѣе интересные пункты, видно высокое достоинство книги. Обиліе свѣдѣній, обнаруживающихъ богатое знакомство нашего литургиста съ предметомъ своей спеціальности, и ихъ документальность, полнота изображенія избраннаго предмета и вполнѣ успѣшное выполненіе задачи, въ такомъ широкомъ видѣ, можно сказать, въ первый разъ поставленной авторомъ, даютъ большую цѣнность книгѣ. Во вниманіе къ ея достоинствамъ я признаю ее заслуживающею полной преміи митрополита московскаго Макарія".

Справка: 1. По 2 § Положенія о первой преміи (Лит. А) имени преосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго, учрежденной при Кіевской Духовной Академіи въ память ея юбилея въ 1869 году, изъ суммы годовыхъ процентовъ съ

преміальнаго капитала опредѣляется ежегодная имени митрополита Макарія юбилейная премія въ 800 руб., которая можетъ быть раздѣлена на двѣ меньшія преміи, въ 400 руб каждая.

2 Преміи, по 4 § того же Положенія, назначаются за сочиненія по всѣмъ предметамъ академическаго курса, написанныя какъ въ отвѣтъ на какую либо задачу, предложенную Академіей къ разрѣшенію, такъ и на темы, избранныя самими авторами. Сочиненія на темы по собственному избранію могутъ быть представлены на Макарьевскую юбилейную премію только авторами, принадлежащими къ составу Академіи.

3. Присужденіе преміи, по 18 § того же Положенія, журналомъ Совѣта представляется на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго.

4. По 20 § того же Положенія, за разсмотрѣніе представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій рецензенты какъ удостоенныхъ, такъ и не удостоенныхъ преміи или почетнаго отзыва сочиненій вознаграждаются, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, изъ годичныхъ процентовъ на преміальный капиталъ.

5. По смѣтѣ 1905 года на выдачу юбилейныхъ Макарьевскихъ премій ассигновано 1018 р. 75 копѣекъ.

Постановили: Сочиненія проф. К. Попова „Блаженный Діадохъ, епископъ Фотики, и его творенія" и проф. А. Дмитріевскаго „Ставленникъ", согласно съ представленными о нихъ отзывами, признать заслуживающими каждое полной юбилейной Макарьевской преміи; но въ виду премированія одновременно двухъ заслуживающихъ премій сочиненій, выдать профессорамъ К. Попову и А. Дмитріевскому, на основаніи § 2 Положенія о преміи, по половинной юбилейной Макарьевской преміи въ 400 руб. каждому; профессорамъ же М. Ястребову и В. Пѣвницкому за рецензированіе означенныхъ сочиненій присудить вознагражденіе въ 109 рублей 37 коп. каждому. Настоящее постановленіе представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи

сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи и вознагражденія по принадлежности.

П. Донесеніе комиссіи изъ профессоровъ А. Розова, Н. Дроздова и и. д. доцента Ѳ. Мищенко, отъ 1 сего сентября: „Долгъ имѣемъ донести Совѣту Академіи, что, исполняя порученіе его, мы разсмотрѣли учено-богословскіе труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, какъ отдѣльно изданные Академіей, такъ помѣщенные въ нашемъ академическомъ журналѣ за 1904 годъ, и признали заслуживающими учрежденныхъ при Академіи премій:

I. по предсмертному завѣщанію Макарія, Митрополита Московскаго, для наставниковъ Академіи, по 250 рублей, ученыя работы:

1) профессора Ѳ. И. Титова,

2) П. П. Кудрявцева,

3) С. А. Песоцкаго,

и кромѣ того, двухъ премій, по 250 же руб. каждая, согласно съ постановленіемъ Совѣта Академіи отъ 10 февраля 1905 года, „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи (отдѣленіе II, томъ I, части 1 и 2, съ 1721 по 1750 г.)", собранные и обработанные профессоромъ Н. И Петровымъ.

II. Второй юбилейной преміи Макарія, митрополита Московскаго, по 200 руб., ученыя работы:

1) Профессора В. Ѳ. Пѣвницкаго,

2) П. И. Линицкаго,

3) С. Т. Голубева и

4) Н. К. Маккавейскаго.

III. По завѣщанію преосвящ. Михаила, епископа Курскаго, статьи профессора Д. И Богдашевскаго.

IV. По заявленію преосвящ. Сильвестра, епископа Каневскаго, статью доцента Н. Ѳ. Мухина.

V. По предсмертному завѣщанію Макарія, митрополита Московскаго, для воспитанниковъ Академіи, двойной преміи въ 200 р. двѣ обширныя статьи помощника инспектора Академіи М. Э. Поснова.

Въ напечатанной свящ. Ѳ. И. Титовымъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1904 годъ части обширной ученой біографіи московскаго митрополита Макарія Булгакова мы имѣемъ незаконченный очеркъ жизни и дѣятельности преосв. Макарія за время управленія имъ Литовской епархіей въ 1869—1879 годахъ. Важность труда свящ. Ѳ. И. Титова достаточно опредѣляется уже личностію митрополита Макарія, бывшаго однимъ изъ знаменитѣйшихъ пастырей нашей церкви и выдающихся представителей нашей богословской науки въ XIX вѣкѣ. Она усугубляется широкой постановкой дѣла въ изслѣдованіи, въ силу коего біографія одного лица обращается въ значительную часть исторіи русской церкви за время его жизни. Важное значеніе для исторіи Кіева и нашей Академіи имѣютъ статьи Ѳ. И. Титова: „О значеніи Кіевской Академіи“ и „Переходъ Кіева отъ Польши“, заглавіе коихъ говоритъ само за себя.

П. П. Кудрявцевъ помѣстилъ въ двухъ номерахъ журнала актовую академическую рѣчь—„Къ характеристикѣ современнаго эмпиризма“,—въ которой онъ знакомитъ читателя съ послѣдними направленіями философской мысли на западѣ, гл. обр. съ эмпиріо-критицизмомъ Маха и Авенаріуса; теоріи этихъ ученыхъ излагаются въ широкой историко-критической перспективѣ.

Доцента С. А. Песоцкаго актовая академическая рѣчь, составляющая обширную статью подъ заглавіемъ: „Идея избавленія и Избавителя у древнихъ культурныхъ языческихъ народовъ“. Здѣсь авторъ съ большою научною обстоятельностію

и основательностію разсматриваетъ оставляемый историками религій обыкновенно безъ вниманія, но имѣющій весьма важное значеніе вопросъ объ идеѣ будущаго избавленія и будущаго избавителя у индійцевъ, египтянъ, персовъ, грековъ, римлянъ и другихъ древнихъ культурныхъ языческихъ народовъ; и въ частности о происхожденіи этой идеи, о формахъ, въ которыхъ она выражалась у различныхъ языческихъ народовъ, и объ отношеніи ея къ подобнаго рода идеѣ іудеевъ. Статья эта, кромѣ важнаго научнаго значенія, имѣетъ также современный живой интересъ въ виду нерѣдко обнаруживающагося въ послѣднее время увлеченія язычествомъ и стремленія къ сліянію его съ христіанствомъ.

Профессоръ Н. И. Петровъ въ вышеозначенномъ томѣ „Актовъ и документовъ", не ограничиваясь многочисленными пояснительными предисловіями и послѣсловіями и подстрочными примѣчаніями къ отдѣльнымъ документамъ и группамъ ихъ, предпосылаетъ каждой части введеніе, знакомящее читателя съ источниками, изъ которыхъ почерпались документы, и съ характеромъ послѣднихъ, и дающее широкое научное освѣщеніе заключающемуся въ нихъ историческому матеріалу. Эти введенія въ своей исторической части представляютъ основывающіяся на всестороннемъ глубокомъ изученіи многочисленныхъ, большею частію доселѣ остававшихся не обнародованными, документовъ обширныя научныя изслѣдованія, которыя не только охватываютъ всѣ важнѣйшія стороны въ жизни нашей Академіи со времени учрежденія Св. Синода до половины XVIII вѣка, но и проливаютъ свѣтъ на многія стоящія въ связи съ исторіей Академіи, событія обще-русской исторіи и въ частности исторіи южно-русской церкви. Вообще, разсматриваемое изданіе представляетъ строго-научный высокой научной цѣнности трудъ, могъ быть по плечу лишь лицу, не только прекрасно знакомому съ высшими современными научными требованіями по отношенію къ подобнаго рода изданіямъ и обладающему широкой эрудиціей, но и искушенному многолѣтнимъ опы-

томъ въ изученіи и научномъ обслѣдованіи историческихъ документовъ. Оно служитъ однимъ изъ наилучшихъ звеньевъ въ цѣпи тѣхъ многочисленныхъ ученыхъ работъ, которыя пріобрѣли изслѣдователю почетную извѣстность. Мы тѣмъ болѣе считаемъ достойнымъ и праведнымъ присужденіе профессору Н. И. Петрову двойной премін за этотъ трудъ, что имъ были сверхъ того помѣщены въ нашемъ академическомъ журналѣ двѣ обширныхъ статьи подъ заглавіемъ: „Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины XVIII вѣка", за которыя автору, въ виду высокаго научнаго значенія ихъ, также могла бы быть присуждена премія.

Статьи В. Ѳ. Пѣвницкаго: „О содержаніи проповѣдей. Проповѣдь на современныя темы" и „О характерѣ проповѣдей" составляютъ среднія звѣнья цѣпи статей, которыя по мысли автора должны дать систематическую обработку важнѣйшей части теоріи церковнаго проповѣдничества,—вопросовъ, о чемъ нужно проповѣдывать и какъ нужно проповѣдывать въ виду требованій, предъявляемыхъ къ церковной проповѣди современною жизнію. При замѣтномъ въ настоящее время ослабленіи вліянія церковной проповѣди на мысль и жизнь общества подобное намѣреніе автора слѣдуетъ съ радостію привѣтствовать.

Проф. П. И. Линицкій подъ общимъ, продолжающимся съ прошлаго года заглавіемъ: „Значеніе философіи для богословія", напечаталъ двѣ статьи. Статьи эти, являясь органической частью одной обширной философской концепціи, каждая въ отдѣльности представляютъ совершенно—законченныя изслѣдованія и могутъ имѣть вполнѣ самостоятельное значеніе. Въ первой изъ нихъ выясняется вопросъ о вѣрѣ и знаніи въ славянофильствѣ и западничествѣ, въ современномъ естествознаніи и супранатурализмѣ, во второй—вопросы о свободѣ совѣсти и любви, какъ принципѣ христіанской жизни. Поставленные живые вопросы разрѣшаются главнымъ образомъ съ

принципіальной стороны и на почвѣ совершенно яснаго и опредѣленнаго философскаго міровоззрѣнія автора.

Профессора С. Т. Голубева а) „Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви". Здѣсь авторъ на основаніи новыхъ историческихъ данныхъ, исправляетъ и восполняетъ обращающіяся въ литературѣ свѣдѣнія о бывшихъ ректорахъ Кіевской Академіи, епископѣ Іосифѣ Кононовичѣ—Горбацкомъ († 1653) г.) и Игнатіи Оксеновичѣ-Старушевичѣ († 1651 г.) и выясняетъ малое противорѣчіе между двумя историческими указаніями на время сооруженія стараго (Мазепина) корпуса Кіевской Академіи, изъ которыхъ одно заключается въ рукописи Кіево-Софійскаго собора № 219, а другое—въ гравюрѣ—панегирикѣ, поднесенной ректору Кіево-Могилянской Коллегіи Прокопію Калачинскому.

в) „Историко-топографическія изысканія и замѣтки о древнемъ Кіевѣ". Въ этой статьѣ авторъ восполняетъ и исправляетъ, на основаніи преимущественно необнародованныхъ данныхъ, существующія въ литературѣ свѣдѣнія о древней Воздвиженской церкви въ Кіевѣ, о которой положительныхъ данныхъ сохранилось очень мало; вслѣдствіе чего изслѣдователи, касающіеся прошлаго означенной церкви, вдавались обыкновенно въ область догадокъ и предположеній, нерѣдко однѣ другимъ противорѣчащихъ. О высокомъ научномъ значеніи указанныхъ ученыхъ работъ достаточно свидѣтельствуетъ уже самое имя автора, пріобрѣвшаго почетную извѣстность своими изслѣдованіями по исторіи западно-русской церкви.

Публичная лекція Н. К. Маккавейскаго: „Изъ исторіи воспитанія въ Россіи. Педагогическія мечты Екатерины Великой и Бецкаго" есть живо и картинно изложенная глава изъ исторіи свѣтскихъ училищъ въ Россіи, которая на всегда останется памятна истиннымъ педагогамъ высоко-гуманными началами, положенными Екатериною Великою и Бецкимъ въ основу правительственныхъ мѣропріятій для распространенія просвѣщенія въ Россіи.

Профессоръ Д. И. Богдашевскій въ 1904 году, въ приложенія къ „Трудамъ К. Д. Академіи", продолжалъ и закончилъ свое капитальное изслѣдованіе: „Посланіе св. Апостола Павла къ Ефесянамъ". За изслѣдованіе это проф. Д. И. Богдашевскій удостоенъ былъ степени доктора богословія. Въ приложеніяхъ за 1904 г. напечатана значительная часть этого изслѣдованія. Кромѣ этого проф. Д. И. Богдашевскій помѣстилъ статьи: „О церкви", „Неповрежденность посланія св. ап. Павла къ Римлянамъ" и въ двухъ номерахъ—„Экзегетическія замѣтки". Статья „О церкви"—публичное чтеніе; труднѣйшій богословскій вопросъ о церкви привлекъ къ себѣ въ послѣднее время вниманіе не только духовной, но и свѣтской печати; изучивъ спеціально этотъ вопросъ при изслѣдованіи посланія къ Ефесянамъ, проф. Д. И. Богдашевскій въ публичномъ чтеніи и даетъ свой отзывъ спеціалиста на запросы современной религіозной мысли. Въ статьѣ о посланіи къ римлянамъ рѣшается чрезвычайно запутанный текстуальный вопросъ о первоначальномъ мѣстѣ доксологіи въ посланіи (XIV, 24—26) и доказывается подлинность XV и XVI главъ. Высокій научный интересъ представляютъ „Экзегетическія замѣтки"; въ нихъ проф. Д. И. Богдашевскій объясняетъ по выбору наиболѣе трудныя мѣста Св. Писанія; замѣтки эти вызвали живой обмѣнъ мнѣній между спеціалистами на страницахъ богословскихъ журналовъ.

Статья Н. Ѳ. Мухина „Голосъ Тевтона о славяно-русскомъ дѣлѣ" представляетъ собою солидно въ научномъ отношеніи поставленное опроверженіе злостныхъ антинаучныхъ нападокъ нѣмецкаго ученаго А. Бринкера на личность св. братьевъ апостоловъ славянъ Кирилла и Меѳодія, ихъ дѣятельность и значеніе послѣдней въ исторіи славянъ и столь же антинаучнаго восхваленія имъ противника св. Меѳодія и основанной имъ славянской церкви у моравамъ моравскаго князя Святополка, мужественнаго воина, но недальновиднаго и мелочнаго политика, думавшаго устранить сильно угрожавшую мора-

ванамъ съ запада опасность нѣмецкаго ига не укрѣпленіемъ національныхъ началъ въ своемъ народѣ, а представленіемъ блистательной карьеры въ своемъ княжествѣ принятымъ на службу отдѣльнымъ личностямъ изъ нѣмцевъ и раболѣпнымъ выполненіемъ ихъ политическихъ уроковъ, имѣвшихъ въ виду благо нѣмцевъ, а не славянъ.

Помощника инспектора Академіи М. Э. Поснова двѣ обширныя статьи подъ заглавіемъ: „Къ характеристикѣ внутренней жизни послѣплѣннаго іудейства". Здѣсь авторъ, на основаніи многочисленныхъ библейскихъ и другихъ источниковъ и пособій, представляетъ сначала общую характеристику внутренней жизни послѣплѣннаго іудейства, а затѣмъ въ частности останавливается на внутреннемъ состояніи іудейскаго народа со времени возвращенія изъ плѣна и кончая временемъ дѣятельности Ездры и Неемін. Статьи эти, написанныя съ научною основательностію и обстоятельностію, представляютъ особый интересъ, какъ слѣдствіе той важности, какую имѣетъ послѣплѣнная эпоха въ жизни іудейскаго народа, такъ въ виду скудости историческихъ данныхъ относительно этой эпохи, скептическаго отношенія къ нимъ со стороны многихъ изслѣдователей и происходящаго отсюда разнообразія и противорѣчія въ воззрѣніяхъ на состояніе іудеевъ въ послѣплѣнный періодъ".

Справка: 1. По § 2 Положенія о посмертныхъ преміяхъ митрополита московскаго Макарія, изъ процентовъ съ пожертвованнаго на этотъ предметъ капитала назначается ежегодно пять премій за сочиненія наставниковъ Академіи, по 250 руб. каждая, и три преміи для воспитанниковъ Академіи, по 100 р. каждая.

2. По 2 и 3 §§ Положенія о второй юбилейной преміи имени преосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго, изъ процентовъ съ капитала въ 22300 руб. назначаются четыре преміи для наставниковъ Академіи, по 200 р. каждая, за ихъ

наиболѣе выдающіяся по своему достоинству статьи, помѣщаемыя въ академическомъ журналѣ.

3. По 3 § Положенія о преміи епископа Курскаго Михаила и 4 § Положенія о преміи епископа Каневскаго Сильвестра, размѣръ ежегодныхъ имени епископовъ Михаила и Сильвестра премій опредѣляется количествомъ получаемыхъ съ того и другого преміальнаго капитала процентовъ.

4) По смѣтѣ 1905 года ассигновано на выдачу премій епископа Михаила 277 р. 40 к., а на выдачу преміи епископа Сильвестра 114 р.

5) По 8 и 9 §§ Положеній о преміяхъ митрополита Макарія и епископа Сильвестра и 2 § Положенія о преміи епископа Михаила, присужденіе преміи происходитъ въ собраніи Совѣта Академіи и представляется на утвержденіе Высокопреосвященнаго митрополита Кіевскаго.

Постановили: Согласно съ донесеніемъ коммиссіи, удостоить „Акты и документы по исторіи Кіевской Академіи", собранные и обработанные проф. Н. Петровымъ, двойной наставнической Макарьевской преміи въ 500 р., ученыя работы проф. прот. Ѳ. Титова, доцента С. Песоцкаго и и. д. доцента П. Кудрявцева—наставническихъ Макарьевскихъ премій по 250 р., статьи проф. В. Пѣвницкаго, П. Линицкаго, С. Голубева и Н. Маккавейскаго—премій имени митрополита Макарія по положенію о второй юбилейной преміи его имени по 200 руб., статьи проф. Д. Богдашевскаго—преміи епископа Курскаго Михаила въ 277 р. 40 к., статью доцента Н. Мухина—преміи епископа Каневскаго Сильвестра въ 114 р., статьи помощника инспектора Академіи М. Поснова—двойной студенческой Макарьевской преміи въ 200 р. Настоящее постановленіе представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи премій по принадлежности.

III. Представленіе заслуж. орд. проф. В. Пѣвницкаго и Н. Петрова отъ 1 сего сентября: „Въ Трудахъ Академіи за прошлый 1904 годъ (№№ 7, 8, 9, 10) и нынѣшній (№ 8) напечатано обширное изслѣдованіе В. Чеховскаго, бывшаго студента Академіи, нынѣ преподавателя Черкасскаго духовнаго училища, вышедшее отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: *Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Бануле́ско-Бодони* (*1799—1803*).

Сочиненіе Чеховскаго отличается не малыми учеными достоинствами. Авторъ очень обстоятельно изобразилъ дѣятельность митрополита Гавріила Банулеско-Бодони, за время его управленія Кіевскою епархіею, пользуясь архивными документами, изучить которые стоило ему не малаго труда. Въ этомъ учено-литературномъ опытѣ онъ показалъ себя вполнѣ подготовленнымъ къ ученой работѣ.

Находимъ возможнымъ и справедливымъ увѣнчать это сочиненіе Чеховскаго Евгеніе Румянцевскою преміею, выдаваемою за сочиненія студентовъ по вопросамъ, относящимся къ русской исторіи и археологіи, о чемъ честь имѣемъ представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи".

Справка: Совѣтомъ Академіи 29 ноября 1896 г. было постановлено: образовать изъ годичныхъ процентовъ съ Евгеніе-Румянцевскаго капитала двѣ ежегодно-выдаваемыя Евгеніе-Румянцевскія преміи, по 200 р. каждую, за кандидатскія сочиненія воспитанниковъ Академіи по русской исторіи и древностямъ, а остальную сумму отъ ежегоднаго дохода выдавать за редактированіе премируемыхъ сочиненій тѣмъ наставникамъ Академіи, къ спеціальности коихъ относятся эти сочиненія.

Постановили: Согласно съ представленіемъ проф. В. Пѣвницкаго и Н. Петрова, удостоить сочиненіе бывшаго воспитанника Академіи Владиміра Чеховскаго подъ заглавіемъ: „Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Банулеско-Бодони" Евгеніе-Румян-

цевской преміи въ 200 р., а профессору Н. Петрову за редактированіе означеннаго сочиненія при печатаніи его выдать въ вознагражденіе 100 р., о чемъ, примѣнительно къ § 81 б. 12 Уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи и вознагражденія по принадлежности.

IV. Представленные: а) штатнымъ врачемъ Академіи списокъ явившихся для поступленія въ Академію воспитанниковъ съ отмѣтками его о результатахъ произведеннаго имъ освидѣтельствованія состоянія здоровья; б) экзаменаціонными комиссіями списки съ обозначеніемъ въ нихъ балловъ, полученныхъ явившимися въ Академію лицами на повѣрочныхъ испытаніяхъ какъ устныхъ—по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, догматическому богословію, общей церковной исторіи и одному изъ древнихъ языковъ, такъ и письменныхъ на темы богословскаго и философскаго содержанія и на поученія; в) особою комиссіею общую табель сихъ балловъ, составленную ею по окончаніи пріемныхъ испытаній на основаніи экзаменныхъ списковъ.

Справка: 1. По свидѣтельству академическаго врача, всѣ явившіеся для поступленія въ Академію воспитанники оказались вообще не имѣющими физическихъ недостатковъ или болѣзней, могущихъ препятствовать или затруднять для нихъ продолженіе образованія, кромѣ студентовъ семинарій Кіевской—Якова Хотинскаго, Витебской—Петра Троицкаго, Волынской—Іоанникія Селецкаго и Одесской—Георгія Трехбратскаго, оказавшихся по медицинскому освидѣтельствованію, страдающими острыми или хроническими болѣзнями, требующими серьезнаго лѣченія и освобожденія отъ всякихъ кабинетныхъ занятій. Пріемныхъ испытаній поименованные студенты не держали.

2. Студентъ Екатеринославской духовной семинаріи Михаилъ Радченко 20 минувшаго августа вошелъ къ Преосвя-

щенному Ректору Академіи съ прошеніемъ о возвращеніи ему представленныхъ имъ въ Академію документовъ въ виду невозможности для него, въ силу стеченія обстоятельствъ, продолжать пріемныя испытанія въ Академіи.

3. Болгарскій уроженецъ Михаилъ Ниновъ къ экзамену по одному изъ древнихъ языковъ самовольно не явился.

4. Болгарскій уроженецъ Димитрій Стояновъ и румынскій уроженецъ Өеодоръ Сырбу къ пріемнымъ испытаніямъ въ Академію въ августѣ мѣсяцѣ вовсе не явились.

5. По 111 § Уст. дух. акад., желающіе поступить въ Академію принимаются въ нее не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи въ ней повѣрочнаго испытанія. По указу же Св. Синода отъ 7 апрѣля 1876 г. за № 1003, экзаменующіеся для поступленія въ число студентовъ Академіи должны имѣть удовлетворительныя отмѣтки по каждому предмету не ниже „3"; снисхожденіе можетъ быть оказано въ отношеніи къ получившимъ одинъ баллъ „2" и при томъ когда отмѣтка „2" покрывается удовлетворительнымъ балломъ по другому однородному предмету.

6. 57 воспитанниковъ, державшихъ всѣ повѣрочныя испытанія въ Академіи, по сравнительному достоинству полученныхъ ими балловъ, заняли въ спискѣ мѣста въ такомъ порядкѣ:

1. Гороховъ Димитрій, назнач. Курской семинаріи.
Соколовъ. Григорій, назнач. Калужской сем.
Волошинъ Иванъ, вол. Курской сем.
Лященко Тимоөей свящ., вол. Воронежской сем.
5. Зеленецкій Николай, назнач. Тульской сем.
Юшковъ Николай, назнач. Харьковской сем.
Спѣваковъ Петръ, назнач. Донской сем.
Красовитовъ Василій, вол. Орловской сем.
Русановъ Владиміръ, назнач. Самарской сем.
10. Никольскій Владиміръ, назнач. Нижегородской сем.

Шумовъ Димитрій, вол. Тульской сем.
Коробкинъ Александръ, вол. Курской сем.
Травинъ Борисъ, назнач. Симбирской сем.
Остроумовъ Семенъ, вол. Ставропольской сем.
15. Гринбергъ Григорій, вол. Кіевской сем.
Бѣлевичъ Михаилъ, вол. Литовской сем.
Іустиновъ Михаилъ, вол. Тверской сем.
Райскій Анемподистъ, вол. Тульской сем.
Никольскій Василій, назнач. Новгородской сем.
20. Зубакинъ Михаилъ, назнач. Уфимской сем.
Бѣгалловичъ Георгій, назнач. Литовской сем.
Мальцевъ Александръ, вол. Рязанской сем.
Киселевичъ Вуколъ, вол. Черниговской сем.
Богословскій Алексѣй, назнач. Орловской сем.
25. Грачевъ Петръ, назнач. Оренбургской сем.
Долгополовъ Василій, назнач. Ставропольской сем.
Павловскій Никаноръ, назнач. Полтавской сем.
Чиновъ Петръ, вол. Калужской сем.
Балабаненко Николай, вол. Таврической сем.
30. Мурашевъ Сергѣй, назнач. Владимірской сем.
Первовъ Иванъ, назнач. Тверской сем.
Сырцевъ Сергѣй, вол. Вятской сем.
Жадановскій Николай, назнач. Волынской сем.
Чернявскій Григорій, вол. Витебской сем.
35. Компанъ Николай, вол. Кіевской сем.
Подвысоцкій Павелъ свящ., вол. Волынской сем.
Граевскій Иванъ, вол. Кіевской сем.
Лопуховскій Михаилъ, назнач. Ставропольской сем.
Абрамкинъ Павелъ, вол. Рязанской сем.
40. Раевскій Вячеславъ, вол. Орловской сем.
Осинскій Аѳанасій, вол. Кіевской сем.
Шурановъ Михаилъ, вол. Черниговской сем.
Бурковскій Ксенофонтъ, вол. Кіевской сем.
Алешковскій Павелъ, назнач. Тамбовской сем.
45. Уколовъ Александръ, вол. Ставропольской сем.

Левицкій Василій, вол. Волынской сем.
Поповъ Николай, назнач. Могилевской сем.
Ермоловъ Константинъ, вол. Новгородской сем.
Писклявскій Михаилъ свящ., вол. Волынской сем.
50. Стесенко Даніилъ, вол. Харьковской сем.
Сикачинскій Николай, вол. Кіевской сем.
Лебедевъ Владиміръ, назнач. Костромской сем.
Шараповъ Александръ, вол. Тульской сем.
Церушъ Мина, вол. Кишиневской сем.
55. Пономаревъ Петръ, вол. Ставропольской сем.
Колаковичъ Даніилъ (сербъ), вол. Константиноп. гимн.
57. Луичъ Ефремъ (сербъ), вол. Константиноп. гимн.

Изъ нихъ Ермоловъ Константинъ, свящ. Писклявскій Михаилъ, Стесенко Даніилъ, Лебедевъ Владиміръ, Шараповъ Александръ и Пономаревъ Петръ имѣютъ по одному неудовлетворительному баллу, Сикачинскій Николай, Церушъ Мина и Колаковичъ Даніилъ—по два неудовлетворительныхъ балла, а Луичъ Ефремъ—четыре неудовлетворительныхъ балла по разнымъ предметамъ.

7. По опредѣленію Св. Синода, отъ $\frac{\text{отъ 4 мая}}{\text{3 іюня}}$ 1887 года за № 830, въ Кіевской Академіи положено 120 казеннокоштныхъ студентовъ, слѣдовательно по 30 на каждый курсъ. На казенное содержаніе, по 112 § Уст. дух. акад., зачисляются лучшіе изъ выдержавшихъ испытаніе, а остальные своекоштными, съ помѣщеніемъ, по 113 §, въ зданіи Академіи въ качествѣ пансіонеровъ; внѣ зданій Академіи дозволяется жить только у родителей.

8. Кромѣ 30 казенныхъ вакансій студентамъ I курса можетъ быть предоставлено 7 свободныхъ въ настоящее время стипендій, а именно: двѣ юбилейныхъ, одна митрополита Кіевскаго Арсенія, одна Н. П. Соколова, двѣ I. В. Рождественскаго и одна Н. А. Леопардова.

Постановили: А) Изъ допущенныхъ къ пріемнымъ испытаніямъ воспитанниковъ принять въ составъ I курса Академіи 47 воспитанниковъ, получившихъ на повѣрочныхъ испытаніяхъ всѣ удовлетворительные баллы: Д. Горохова, Г. Соколова, И. Волошина, свящ. Т. Лященко, Н. Зеленецкаго, Н. Юшкова, П. Спѣвакова, В. Красовитова, В. Русанова, Влад. Никольскаго, Д. Шумова, А. Коробкина, Б. Травина, С. Остроумова, Г. Гринберга, М. Бѣлевича, М. Іустинова, А. Райскаго, Вас. Никольскаго, М. Зубакина, Г. Бѣгалловича, А. Мальцева, В. Киселевича, А. Богословскаго, П. Грачева, В. Долгополова, Н. Павловскаго, П. Чиннова, А. Балабаненко, С. Мурашева, И. Первова, С. Сырнева, Н. Жадановскаго, Г. Чернявскаго, Н. Компана, свящ. П. Подвысоцкаго, Н. Граевскаго, М. Лопуховскаго, П. Абрамкина, В. Раевскаго, А. Осинскаго, М. Шуранова, К. Бурковскаго, П. Алешковскаго, А. Уколова, В. Левицкаго и Н. Попова. Остальнымъ воспитанникамъ отказать въ пріемѣ: Я. Хотинскому, П. Троицкому, I. Селецкому и Г. Трехбратскому—по болѣзни, М. Радченко и М. Нинову—по незаконченности пріемныхъ испытаній, К. Ермолову, свящ. М. Писклявскому, Д. Стесенко, Н. Сикачинскому, В. Лебедеву, А. Шарапову, М. Церушу, П. Пономареву, Д. Колаковичу и Е. Луичу—по неподготовленности ихъ къ прохожденію академическаго курса. Документы непринятыхъ въ Академію воспитанниковъ возвратить по принадлежности.

О Д. Стояновѣ и Ѳ. Сырбу имѣть сужденіе по прибытіи ихъ въ Академію.

Б) Изъ 47 вновь принимаемыхъ студентовъ зачислить: а) на 30 казеннокоштныхъ вакансій слѣдующихъ: Д. Горохова, Г. Соколова, И. Волошина, свящ. Т. Лященко, Н. Зеленецкаго, Н. Юшкова, П. Спѣвакова, В. Красовитова, В. Русанова, Влад. Никольскаго, Д. Шумова, А. Коробкина, Б. Травина, С. Остроумова, Г. Гринберга, М. Бѣлевича, М. Іустинова, А. Райскаго, Вас. Никольскаго, М. Зубакина, Г. Бѣгалловича,

А. Мальцева, В. Киселевича, А. Богословскаго, П. Грачева, В. Долгополова, Н. Павловскаго, П. Чаннова, Н. Балабаненко, С. Мурашева; б) на двѣ юбилейныхъ стипендіи—И. Первова и С. Сырнева; в) на стипендію митрополита Кіевскаго Арсенія—Н. Жадановскаго; г) на стипендію Н. П. Соколова—Г. Червявскаго; д) на двѣ стипендіи І. В. Рождественскаго—Н. Кояпана и свящ. П. Подвысоцкаго; е) на стипендію Н. А. Леопардова—И. Граевскаго; ж) затѣмъ М. Лопуховскому, П. Абрамкину, В. Раевскому, А. Осинскому, М. Шуранову, Е. Бурковскому, П. Алешковскому, А. Уколову, В. Левицкому и Н. Попову предоставить проходить академическій курсъ на своемъ содержаніи съ помѣщеніемъ въ зданіяхъ Академіи за установленную плату.

В) О послѣдствіяхъ пріемныхъ испытаній представить установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду съ приложеніемъ именного списка всѣхъ допущенныхъ къ пріемнымъ испытаніямъ воспитанниковъ и табели полученныхъ ими балловъ.

V. Прошеніе редактора-издателя газеты „Крымъ", окончившаго курсъ военно-юридическаго училища (съ правами высшаго учебнаго заведенія), коллежскаго ассесора Николая Балабухи отъ 5 іюля сего года: „Желая поступить въ Кіевскую Духовную Академію своекоштнымъ студентомъ, почтительнѣйше прошу о зачисленіи меня на первый курсъ безъ экзамена, на что я, какъ окончившій высшее учебное заведеніе, имѣю право.

При семъ прилагаю: 1) Аттестатъ объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія; 2) копію моего послужнаго списка (подлинный я не могу теперь представить, потому что онъ служитъ мнѣ документомъ на право жительства; таковой будетъ представленъ по прибытіи моемъ въ Академію); 3) метрическую выпись о смерти моей жены и засвидѣтельствованный полиціей мой фотографическій портретъ.

При семъ имѣю честь присовокупить, что по полученіи увѣдомленія о зачисленіи меня студентомъ, я немедленно откажусь отъ изданія и редактированія газеты „Крымъ“.

Справка: По указу Св. Синода отъ 26 ноября 1876 года за № 3781 окончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ и соотвѣтствующихъ имъ заведеніяхъ принимаются безъ повѣрочнаго экзамена, если они поступаютъ своекоштными студентами; но, если бы пожелали воспользоваться казеннымъ содержаніемъ, подвергаются испытанію.

Постановили: Коллежскаго ассесора Николая Балабуху принять въ число своекоштныхъ студентовъ I курса.

VI. Прошенія на имя Преосвященнаго Ректора Академіи:

а) священника Успенской церкви г. Лебедина, Харьковской губ., Константина Стешенко отъ 29 апрѣля сего года: „Имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство разрѣшить мнѣ поступить вольнослушателемъ въ Кіевскую Духовную Академію на 1905—1906 и слѣдующіе три учебные года.

При этомъ прилагаю копію своего формулярнаго списка за 1904 г.“.

б) священника церкви при фабрикѣ Кузнецова въ с. Будахъ, Харьковской губ., Іоанна Торанскаго отъ 24 іюня сего года: „Еще съ юныхъ лѣтъ я жаждалъ и стремился получить высшее образованіе въ Духовной Академіи. Но, окончивъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, къ великому своему сожалѣнію, по крайней бѣдности своего отца, я не имѣлъ никакой возможности осуществить своего завѣтнаго желанія,—которое, по выходѣ моемъ въ самостоятельную жизнь—на службѣ, не только не сглаживается, но все болѣе и сильнѣе возрастаетъ. Въ настоящее время, будучи исполненъ сильной жаждой къ расширенію своего умственнаго кругозора и получивъ нѣкоторую матеріальную возможность, я осмѣливаюсь почтительнѣйше просить Ваше Преосвященство о допущеніи меня

въ будущемъ 1905—1906 учебномъ году къ слушанію лекцій въ Кіевской Академіи".

Постановили: Разрѣшить священникамъ К. Стешенко и I. Торанскому слушаніе лекцій на I курсѣ и выдать имъ билеты для входа на лекціи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „12 сентября 1905 г. Утверждается".

1905 года 1 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ П. Линицкаго и В. Малинина, не бывшихъ по личнымъ обстоятельствамъ, и заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея I. Королькова, находящагося въ отпуску.

Слушали: I. Резолюцію Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, отъ 27 минувшаго августа, положенную на журналѣ Совѣта Академіи отъ 17 того же августа за № 17: „Такъ какъ нѣкоторые изъ студентовъ курса могутъ, по болѣзни или по другимъ какимъ либо причинамъ, не явиться къ экзамену по Археологіи въ назначенный Совѣтомъ срокъ и поэтому Совѣтъ вынужденъ будетъ вновь обсуждать вопросъ о переводѣ и этихъ студентовъ на IV курсъ, что уже будетъ во время лекцій, то предлагаю Совѣту условно перевесть всѣхъ студентовъ III курса на IV-й, съ тѣмъ, чтобы они выдержали экзаменъ по Археологіи предъ выходомъ изъ Академіи".

Справка: 1) Студенты III курса (кромѣ свящ. В. Богородицкаго, іеромонаховъ Ѳеофана (Гаврилова) и Нектарія (Глобы), М. Померанцева и Д. Шнуркова) въ 1904—1905 учебномъ году не представили семестроваго сочиненія по священному писанію новаго завѣта, а также уклонились отъ экзамена по церковной археологіи (кромѣ свящ. В. Богородицкаго и іеромонаховъ Ѳеофана и Нектарія). Совѣтомъ Академіи 27 мая сего года постановлено было разрѣшить имъ представить не поданныя ими своевременно сочиненія по священному писанію новаго завѣта, а экзамену по церковной археологіи подвергнуть ихъ въ концѣ августа сего года.

2) Представленныя студентами III курса семестровыя сочиненія прочитаны профессоромъ священнаго писанія новаго завѣта и выставленные имъ баллы, означающіе достоинство каждаго сочиненія, внесены въ балловую вѣдомость студентовъ III курса.

Постановили: Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, перевести студентовъ III курса условно въ IV курсъ въ слѣдующемъ, соотвѣтствующемъ достоинству ихъ успѣховъ, порядкѣ:

1. Пономаренко Кипріанъ.
Чернышевъ Серапіонъ.
Бакулинъ Ѳеодоръ.
Петровъ Александръ.
5. Побѣдоносцевъ Сергѣй.
Поройковъ Леонидъ.
Яковенковъ Александръ.
Степановъ Павелъ.
Шнурковъ Димитрій.
10. Иваницкій Викторъ.
Хмѣльковъ Александръ.
Барановскій Викторъ.
Снѣгиревъ Сергѣй.
Шишловъ Владиміръ.
15. Померанцевъ Михаилъ.
Иващенко Николай.
Флоря Ѳеодоръ.
Поповъ Александръ.
Ѳеофанъ (Гавриловъ) іером.
20. Ильинскій Поліевктъ.
Соловьевъ Леонидъ.
Ковальницкій Михаилъ.
Теодоровичъ Константинъ.
Меморскій Александръ.
25. Минченко Ѳеодоръ.
Аболенскій Николай.
Яскевичъ Александръ.
Чернявскій Василій.
Няга Ѳеодоръ.
30. Нектарій (Глоба) іером.

Кленовъ Иванъ.
Богородицкій Вас. свящ.
Ремезовъ Митрофанъ.
Смирновъ Леонтій.
35. Вертоградскій Иванъ.
Разумовскій Владиміръ.
Симоновичъ Андрей.
Ходзицкій Василій.
Сапожковъ Александръ.
40. Пахіопуло Николай.
Олесницкій Алексѣй.
Гопцусъ Павелъ.
Баржицкій Александръ.
Стерновъ Василій.
45. Кезма Тауфикъ.
Ольшевскій Платонъ.
Новиковъ Василій.
Стояднновичъ Владиміръ.
49. Алфавитовъ Сергѣй.

Объ экзаменѣ по церковной археологіи имѣть въ виду при составленіи росписанія годичныхъ испытаній студентовъ IV курса въ будущемъ 1906 году.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи, 25 минувшаго августа, указъ Святѣйшаго Синода отъ 20 того же августа за № 8147: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 26 мая сего года за № 948, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи помощника смотрителя Маріупольскаго духовнаго училища, кандидата богословія Михаила Скабаллановича въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Первая глава книги пророка Іезекіиля“ и 2) отзывъ о названномъ сочиненіи Преосвященнаго Калужскаго отъ 12 іюля сего года № 130. Приказали: Помощника смотрителя Маріупольскаго духовнаго училища, кандидата богословія Михаила Скабаллановича, удостоеннаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи за вышеназванное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить, согласно хода-

тайству Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Калужскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Изготовить для М. Скабаллановича установленный магистерскій дипломъ и по изготовленіи выслать по принадлежности.

III. Увѣдомленіе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 17 минувшаго августа за № 5889: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 11 августа 1905 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Александръ Никифоровъ опредѣленъ на должность преподавателя обличительнаго богословія, исторіи и обличенія русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ въ Минскую Духовную Семинарію.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Акты испытаній:

а) Студента II курса Вячеслава Ангельскаго по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, по священному писанію ветхаго завѣта, по исторіи русскаго раскола, по логикѣ и метафизикѣ, по библейской археологіи, по греческому языку и по нѣмецкому языку.

б) Студента I курса діакона Григорія Абу-Хатаба по свящ. писанію ветхаго завѣта, по библейской исторіи, по патристикѣ, по психологіи, по исторіи философіи, по еврейскому языку, по древней общей гражданской исторіи, по рус-

ской гражданской исторіи, по греческому языку, по французскому языку, по сочиненію по исторіи философіи.

Справка: Студенты Вячеславъ Ангельскій и діаконъ Григорій Абу-Хатабъ въ апрѣлѣ и маѣ сего года по болѣзни не держали экзаменовъ: первый—по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, свящ. писанію ветхаго завѣта, исторіи русскаго раскола, логикѣ и метафизикѣ, библейской археологіи, греческому и нѣмецкому языку, а второй—по всѣмъ предметамъ I курса и кромѣ того не представилъ семестроваго сочиненія по исторіи философіи.

Постановили: Студентовъ II курса Вячеслава Ангельскаго и I курса діакона Григорія Абу-Хатаба, сдавшихъ всѣ испытанія по предметамъ пройденныхъ ими курсовъ, перевести въ слѣдующіе курсы—Ангельскаго въ третій, а діакона Григорія Абу-Хатаба во второй курсъ.

V. Предложеніе Ректора Академіи: „Согласно § 81 а. 3 Уст. дух. акад., програмы, представляемыя ежегодно наставниками Академіи, подлежатъ утвержденію Совѣта Академіи. Предлагаю, поэтому, составить для ихъ разсмотрѣнія комиссіи, которыя имѣютъ представить свои отзывы къ одному изъ слѣдующихъ засѣданій Совѣта“.

Постановили: Програмы преподаваемыхъ въ Академіи наукъ, въ видахъ большаго удобства разсмотрѣнія ихъ, раздѣлить на группы: философско-богословскую, историческую и филологическую, а для разсмотрѣнія каждой группы образовать комиссіи изъ двухъ профессоровъ Академіи, при чемъ разсмотрѣніе программъ составляющихъ комиссіи профессоровъ предоставить Ректору Академіи. Такимъ образомъ поручить разсмотрѣніе програмъ: 1) проф. П. Лиמицкому и М. Ястребову—по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, свящ. писанію ветхаго и новаго завѣта, нравственному богословію, патристикѣ, па-

стырскому богословію съ педагогикой, психологіи, исторіи философіи, 2) проф. Н. Петрову и А. Розову—по библейской исторіи, древней общей гражданской исторіи, русской гражданской исторіи, общей церковной исторіи, исторіи русской церкви, исторіи и разбору западныхъ исповѣданій, исторіи русскаго раскола, церковному праву, церковной археологіи и литургикѣ; 3) проф. В. Пѣвницкому и прот. І. Королькову—по русскому языку и исторіи русской литературы, еврейскому языку и библейской археологіи, латинскому языку съ его словесностію, нѣмецкому, французскому и англійскому языкамъ; 4) Ректору Академіи—по логикѣ и метафизикѣ, догматическому богословію, теоріи словесности съ исторіей иностранныхъ литературъ, новой общей гражданской исторіи, гомилетикѣ съ исторіей проповѣдничества и греческому языку съ его словесностью.

VI. Росписаніе лекцій на 1905—1906 учебный годъ.

Постановили: Росписаніе лекцій на 1905—1906 учебный годъ, составленное, согласно требованіямъ §§ 118—120 Уст. дух. акад. и сообразно съ проэктомъ учебнаго плана, внесеннымъ въ Совѣтъ 14 іюня 1885 года, утвердить, по силѣ § 81 а. 2 Устава, и привести его въ извѣстность между наставниками и студентами Академіи.

VII. Докладъ и. д. секретаря Совѣта: „Согласно §§ 123—125 Уст. дух. акад., Совѣтъ Академіи назначаетъ ежегодно число и сроки семестровыхъ сочиненій и проповѣдей для студентовъ Академіи. О семъ имѣю честь доложить Совѣту для зависящихъ распоряженій“.

Постановили: Согласно съ требованіями Устава и настоящими потребностями Академіи, назначить на 1905—1906 учебный годъ:

а) на 10 октября 1905 года проповѣди студентамъ всѣхъ курсовъ Академіи одновременно; чтеніе же проповѣдей поручить—I курса экстра-ординарному профессору В. Рыбинскому, II курса—экстраординарному профессору Н. Маккавейскому, а III и IV курсовъ—заслуженному ординарному профессору В. Пѣвницкому;

б) кромѣ того сочиненія:

въ I курсѣ:

1) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ (для студентовъ литературной группы) и по древней общей гражданской исторіи (для студентовъ исторической группы) съ 10 октября по 9 декабря 1905 года;

2) по патристикѣ съ 9 декабря 1905 года по 8 февраля 1906 года;

3) по библейской исторіи съ 8 февраля по 23 марта 1906 года;

во II курсѣ:

1) по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ съ 10 октября по 9 декабря 1905 года;

2) по исторіи русскаго раскола съ 9 декабря 1905 года по 8 февраля 1906 года;

3) по логикѣ и метафизикѣ съ 8 февраля по 23 марта 1906 года;

въ III курсѣ:

1) по догматическому богословію съ 10 октября по 9 декабря 1905 года;

2) по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій съ 9 декабря 1905 года по 8 февраля 1906 года;

3) по церковной археологіи съ 8 февраля по 23 марта 1906 года.

Студентамъ IV курса назначить одно сочиненіе на ученую степень къ 23 марта 1906 года.

VIII. Отзывы о рукописномъ сочиненіи преподавателя Екатеринославской духовной семинаріи, кандидата богословія Виктора Фаминскаго, подъ заглавіемъ: Религіозно-нравственныя воззрѣнія Аннея Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству", представленномъ на степень магистра богословія.

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Сочиненіе г. Фаминскаго послѣ указанія тѣхъ источниковъ и пособій, какими пользовался авторъ, начинается довольно обширнымъ введеніемъ. Въ немъ авторъ сначала говоритъ о характерѣ и общемъ направленіи римской философіи, предшествовавшей Сенекѣ. Это, говоря словами автора,—объективный факторъ, обусловившій характеръ философіи самого Сенеки. Далѣе рѣчь о личности философа, при чемъ авторъ къ общей его характеристикѣ присоединяетъ и защиту Сенеки отъ нерѣдкихъ нападокъ изслѣдователей на чистоту его личнаго нравственнаго облика. Эта характеристика, по автору, должна служить выясненіемъ субъективныхъ основъ моральной философіи Сенеки. Заканчивается введеніе указаніемъ на общій характеръ философскихъ воззрѣній Сенеки (эклектическій стоицизмъ) и на трудность изложенія этихъ воззрѣній по перечисленнымъ авторомъ источникамъ—произведеніямъ философа. Въ первой части своего труда, въ трехъ главахъ г. Фаминскій излагаетъ послѣдовательно, въ строгой системѣ религіозно-нравственныя воззрѣнія Сенеки. Частнѣе, въ главѣ первой авторъ излагаетъ теологію философа. Здѣсь онъ говоритъ объ отношеніи Сенеки къ религіознымъ вопросамъ вообще, излагаетъ его ученіе о Богѣ, Его природѣ и свойствахъ, о Богопочитаніи, объ отношеніи Бога къ міру и человѣку, при чемъ особенное вниманіе авторъ удѣляетъ ученію Сенеки о благоденствіи порочныхъ и бѣдствіяхъ добрыхъ людей. Заканчивается

глава общей характеристикой религіозныхъ воззрѣній Сенеки. Глава вторая посвящается изложенію индивидуальной морали философа: о человѣкѣ, какъ существѣ нравственномъ; о свободѣ воли, о высшемъ благѣ, объ отношеніи человѣка къ земнымъ благамъ, о смерти и загробной жизни, о добродѣтели и порокѣ, о средствахъ нравственнаго возрожденія и о совѣсти, какъ руководящемъ началѣ нравственной жизни. Заканчивается глава рѣчью о нравственномъ идеалѣ Сенеки—стоическомъ мудрецѣ и его свойствахъ. Третья глава излагаетъ соціальныя воззрѣнія Сенеки, его ученіе объ обществѣ и объ обязанностяхъ человѣка въ отношеніи къ людямъ вообще, частнѣе къ рабамъ и врагамъ, къ государству и семьѣ. Этою главою исчерпывается обоззрѣніе авторомъ философскихъ воззрѣній Сенеки, и во второй части рѣчь идетъ объ отношенія этихъ воззрѣній и самого философа къ христіанству. Сначала авторъ излагаетъ краткую исторію этого вопроса, при чемъ оказывается, что до времени бл. Іеронима въ церковной письменности не встрѣчается указаній на знакомство Сенеки съ христіанствомъ. У этого же блаженнаго отца есть указаніе на такое знакомство и даже на переписку Сенеки съ ап. Павломъ. Послѣ бл. Іеронима и до настоящаго времени нерѣдко повторялась и защищалась мысль о знакомствѣ и даже вліяніи христіанскихъ идей на Сенеку, равно какъ, впрочемъ, многими эта мысль и отвергалась, и ученія христіанское и Сенеки разсматривались какъ самостоятельныя, другъ отъ друга независимыя по существу. Авторъ въ двухъ главахъ второй части своего труда и обосновываетъ это послѣднее предположеніе. Въ первой главѣ онъ занимается разборомъ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся защитниками мысли о вліяніи христіанскихъ идей на воззрѣніе Сенеки. Подробный разборъ приводитъ автора къ выводу, что эти данныя, въ общемъ, оказываются недостаточными для положительнаго признанія факта знакомства Сенеки съ ап. Павломъ и вообще христіанами, равно какъ и съ воззрѣніями іудейства. Равнымъ образомъ и въ самыхъ сочиненіяхъ философа нѣтъ, по автору,

данныхъ, говорящихъ въ пользу знакомства Сенеки съ христіанствомъ. Первая глава, такимъ образомъ, обосновываетъ принимаемое авторомъ утвержденіе отрицательнымъ путемъ. Вторая глава дѣлаетъ то же путемъ положительнымъ, путемъ сравненія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Сенеки съ христіанскими и указанія основъ первыхъ въ предшествовавшей Сенекѣ греко-римской философіи. Авторъ прежде всего доказываетъ принципіальное различіе воззрѣній Сенеки и христіанства: о Богѣ и человѣкѣ, объ основахъ нравственной жизни, о высшей цѣли жизни, объ отношеніи къ земнымъ благамъ, о происхожденіи зла и борьбѣ съ нимъ человѣка, о добродѣтели, о грѣховности самоубійства съ христіанской точки зрѣнія. Заканчивается отдѣлъ рѣчью о конкретномъ нравственномъ идеалѣ христіанской жизни въ Лицѣ Христа Спасителя сравнительно съ идеаломъ стоическаго мудреца Сенеки. Во второмъ отдѣлѣ главы, являющемся заключительнымъ для всего сочиненія, г. Фаминскій, отвергая теорію заимствованія древними философами своихъ воззрѣній у іудеевъ и христіанъ, въ исторіи философіи, предшествовавшей Сенекѣ, указываетъ источникъ тѣхъ высокихъ идей, которыя сближаютъ Сенеку съ христіанствомъ, и видитъ такой источникъ особенно въ воззрѣніяхъ Сократа, Платона и римскихъ мыслителей экклектическаго направленія. Окончательный выводъ, къ какому приходитъ авторъ, послѣ сравненія воззрѣній Сенеки съ идеями предшествовавшихъ мыслителей, тотъ, что въ этихъ воззрѣніяхъ „нѣтъ положительно ничего, чего нельзя бы было объяснить изъ предшествовавшей философіи“ (стр. 715).—Представленный краткій обзоръ содержанія труда г. Фаминскаго достаточно ясно говоритъ, что вопросъ авторомъ разсмотрѣнъ всесторонне. Скажемъ теперь частнѣе о томъ, насколько, по нашему мнѣнію, основательно рѣшается авторомъ его задача.

Что касается прежде всего самаго плана сочиненія, то онъ представляется мнѣ вполнѣ отвѣчающимъ интересамъ дѣла. Только въ одномъ я не согласенъ съ авторомъ. Мнѣ представ-

ляется не вполнѣ понятнымъ, почему онъ вопросъ объ отношеніи философіи Сенеки къ воззрѣніямъ предшествующихъ философовъ отнесъ на конецъ сочиненія, въ качествѣ дополненія главы объ отношеніи воззрѣній Сенеки къ христіанскимъ. Безспорно, рѣчь объ этомъ не входитъ въ спеціальную задачу авторскаго труда; но если авторъ рѣшился на это, то, мнѣ думается, лучше было бы выдѣлить рѣчь объ этомъ въ особую главу и, всего естественнѣе, непосредственно вслѣдъ за изложеніемъ воззрѣній Сенеки. Тогда эта глава получила бы болѣе самостоятельное значеніе и помогла бы какъ всестороннему освѣщенію воззрѣній самого Сенеки, такъ и уясненію ихъ отношенія къ христіанству. Теперь же получается нѣкоторая несоразмѣрность, такъ какъ рѣчью о предшествовавшей философіи авторъ подчеркиваетъ только одну частичную мысль въ рѣшеніи вопроса о независимости Сенеки отъ христіанства, а между тѣмъ этому частному вопросу посвящаетъ ровно столько мѣста, сколько и всей рѣчи о принципіальномъ различіи воззрѣній Сенеки и христіанскихъ. Быть можетъ, авторъ находилъ, что этотъ отдѣлъ его сочиненія разсматриваетъ вопросъ недостаточно всесторонне для того, чтобы быть выдѣляемымъ въ особую главу. Но прямая цѣль автора разсмотрѣть вопросъ лишь настолько, насколько это можетъ содѣйствовать уясненію главнаго предмета сочиненія, вполнѣ извинила бы возможную неполноту этой главы. Перейдемъ теперь къ самому содержанію сочиненія.

Мы уже сказали, что служитъ содержаніемъ введенія. Авторъ вполнѣ основательно ищетъ въ направленіи римской философіи и въ индивидуальныхъ особенностяхъ личности самого философа объясненія основного характера и духа его воззрѣній. Но г. Фаминскій нѣсколько расширяетъ свою задачу, когда принимаетъ на себя защиту Сенеки отъ тѣхъ обвиненій, которыя слышатся изъ глубокой древности и бросаютъ тѣнь на добропорядочность философа въ его личной жизни. По существу такая защита не является необходимой, такъ какъ очень мало даетъ для правильнаго пониманія воззрѣній философа. Что же

касается самаго исполненія авторомъ своей задачи, то можно указать на нѣкоторую недостаточность его доказательствъ въ пользу нравственной высоты личности Сенеки; особенно кажутся намъ не подходящими въ ученомъ сочиненіи доказательства, заимствованныя авторомъ изъ наблюденія нерѣдкаго несоотвѣтствія жизни и ученія христіанъ (стр. 29, 47...).

Въ первой части своего труда, какъ упомянуто, г. Фаминскій излагаетъ религіозно-нравственныя воззрѣнія Сенеки. Здѣсь автору предстояла трудная задача, такъ какъ мысли Сенеки разбросаны во многихъ его произведеніяхъ и при томъ безъ всякой системы. Авторъ долженъ былъ собрать все разбросанное и привести его въ цѣльную, стройную систему и при томъ принадлежащую дѣйствительно самому философу. Послѣднее оказалось особенно труднымъ потому, что воззрѣніямъ Сенеки недостаетъ во многихъ случаяхъ полной опредѣленности, а иногда и согласія въ высказываемыхъ взглядахъ на извѣстный предметъ. Авторъ въ этомъ случаѣ избралъ самый вѣрный путь. Онъ не старается насильно навязывать Сенекѣ одно какое либо воззрѣніе, а когда замѣчаетъ какъ бы шатаніе мысли философа, то и указываетъ откровенно на эту неопредѣленность и даже на противорѣчіе философа самому себѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ авторъ, однако, уже перешагнулъ, какъ мнѣ кажется, законную границу. Читая нѣкоторые отдѣлы его сочиненія, невольно поражаешься тѣмъ, какъ взбалмошно мыслилъ Сенека, такъ какъ его сочиненія представляются авторомъ наполненными всякихъ противорѣчій. Мнѣ думается, что авторъ въ данномъ случаѣ впалъ въ крайность, быть можетъ изъ черезчуръ строго проведеннаго желанія безпристрастно излагать воззрѣнія Сенеки. Я рѣшился бы дать автору совѣтъ не спѣшить съ такимъ серіознымъ обвиненіемъ, какъ утвержденіе, что Сенека чуть ли не на каждомъ шагу себѣ противорѣчитъ. Такое утвержденіе грозитъ возможностію двоякаго вывода: или Сенека былъ очень плохимъ мыслителемъ, или же самъ авторъ недостаточно вдумался въ его мысль и за буквою могъ опустить внутренній

смыслъ и основную объединяющую идею всѣхъ воззрѣній философа. Для примѣра укажу на ученіе Сенеки о Богѣ. Въ первой части авторъ указываетъ на противорѣчіе Сенеки самому себѣ въ этомъ ученіи, когда находитъ у философа—пантеиста иногда довольно ясно выраженную „теистическую тенденцію" (стр. 104), тогда какъ во второй части своего труда, напримѣръ на стр. 508—9, авторъ вполнѣ основательно указываетъ, что нѣкоторыя выраженія Сенеки о Богѣ, кажущіяся на первый взглядъ согласными съ теистическими воззрѣніями на природу Божества, по существу, со стороны своего внутренняго смысла вполнѣ согласны съ его пантеизмомъ. Вообще я не спорю, что у Сенеки, какъ эклектика, возможны частныя противорѣчія себѣ по буквѣ; но думаю, что это рѣдкія исключенія, а въ остальномъ не болѣе, какъ освѣщеніе одного и того же предмета съ разныхъ сторонъ. Въ общемъ, однако, надо признать, что въ этой части авторъ съ успѣхомъ справился со своею не легкой задачей систематическаго изложенія воззрѣній Сенеки. Онъ пользовался для этой цѣли и сочиненіями самого философа, и хорошими пособіями, и изложилъ эти воззрѣнія въ строгой, хорошо продуманной системѣ, съ полною опредѣленностію мысли и достаточной полнотой. Нѣсколько не гармонируетъ съ послѣдней только изложеніе авторомъ ученія Сенеки о добродѣтели (стр. 256—261), недостаточность котораго лишь отчасти восполняется въ заключительномъ отдѣлѣ главы—объ идеальномъ стоическомъ мудрецѣ.

Вторая часть сочиненія, какъ извѣстно, разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи воззрѣній Сенеки къ христіанству, при чемъ авторъ рѣшительно утверждаетъ незнакомство Сенеки съ христіанскимъ ученіемъ. Такъ какъ ни въ словѣ Божіемъ, ни въ сочиненіяхъ Сенеки, ни въ свидѣтельствахъ древности, нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы Сенека находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ христіанами и, частнѣе, ап. Павломъ, но защитники такого знакомства по необходимости должны прибѣгать къ всевозможнымъ предположеніямъ и догадкамъ, чтобы

защитить свое утвержденіе; авторъ же съ своей стороны, естественно, старается обнаружить несостоятельность всѣхъ этихъ гипотезъ. Такъ какъ въ западной литературѣ встрѣчаются представители и защитники обоихъ противоположныхъ взглядовъ на вопросъ о знакомствѣ Сенеки съ христіанствомъ, то автору значительно облегчалась его задача. Онъ по преимуществу опровергаетъ доводы Kreyher'а и, въ общемъ, вполнѣ удачно справляется со своею задачей, легко обнаруживая слишкомъ замѣтную произвольность, а иногда почти фантастичность гипотезъ Kreyher'а, направленныхъ къ утвержденію защищаемой последнимъ мысли о знакомствѣ Сенеки съ ап. Павломъ. Но не смотря на то, что авторъ опровергаетъ Kreyher'а, самъ авторъ не остался свободнымъ отъ вліянія послѣдняго: онъ невольно подражаетъ ему, когда въ противовѣсъ гипотезамъ Kreyher'а создаетъ собственныя, противоположныя первымъ. Не берусь рѣшительно утверждать, чьи гипотезы болѣе правдоподобны, но думаю, что г. Фаминскій легко могъ обойтись безъ привлеченія въ текстъ своего сочиненія новыхъ гипотезъ, ограничившись доказательствомъ несостоятельности или недостаточности соображеній Kreyher'а. Когда послѣдній создавалъ свои гипотезы, то, независимо отъ ихъ состоятельности, онъ имѣлъ опредѣленную цѣль: доказать знакомство Сенеки съ христіанами. Авторъ же вовсе не предполагаетъ да и не можетъ доказывать, что Сенека не зналъ вовсе христіанъ и христіанскаго ученія, а слѣдовательно и прибѣгать къ очень произвольнымъ гипотезамъ и бездоказательнымъ разсужденіямъ (напр. на стр. 416, 424, 425, 427...) автору не было серіозныхъ побужденій.

Во второй главѣ авторъ, по его словамъ, „выходитъ уже изъ области предположеній и ступаетъ на твердую почву“ при рѣшеніи вопроса объ отношеніи воззрѣній Сенеки къ христіанству. Въ этой главѣ, именно, г. Фаминскій указываетъ принципіальное различіе воззрѣній Сенеки и христіанскихъ. Долженъ сознаться, что къ чтенію этого отдѣла я приступалъ съ особеннымъ интересомъ. Не смотря на то, что и въ нашей рус-

ской и иностранной литературѣ не разъ останавливались надъ вопросомъ о сходствѣ и различіи по существу воззрѣній стоицизма и христіанства, самый этотъ вопросъ на столько сложный и широкій, что еще многое остается не выясненнымъ. Я думалъ, что авторъ въ своемъ сочиненіи, какъ въ трудѣ, представленномъ на богословскую ученую степень, отведетъ этому вопросу центральное мѣсто и черезъ это въ равной мѣрѣ послужитъ какъ интересамъ уясненія философскихъ воззрѣній Сенеки, такъ и нашего христіанскаго правоученія. Къ сожалѣнію, авторъ этого не сдѣлалъ и сразу сталъ, по моему мнѣнію, на ложный путь въ изложеніи вопроса. Самое заглавіе отдѣла главы ясно говоритъ, какъ понималъ свою задачу авторъ. Глава надписывается такъ: „принципіальное различіе воззрѣній Сенеки и христіанства, какъ неоспоримое доказательство незнакомства Сенеки съ послѣднимъ". Итакъ, вся задача этого отдѣла, по автору, въ томъ, чтобы подтвердить все одну и ту же частную мысль. Соотвѣтственно этому, авторъ и отводитъ данному отдѣлу невыдающееся мѣсто въ своемъ сочиненіи (лишь часть одной главы, стр. 499—611) и сопоставляетъ ученіе Сенеки съ христіанскимъ не во всей полнотѣ. Такую постановку дѣла я назвалъ ложной по существу, даже независимо отъ интересовъ разработки православно-христіанскаго ученія. Дѣло въ томъ, что изъ принципіальнаго различія воззрѣній Сенеки и христіанства рѣшительно не слѣдуетъ, будто это несогласіе является „неоспоримымъ доказательствомъ незнакомства Сенеки съ христіанствомъ", какъ думаетъ авторъ. Объ этомъ скорѣе говоритъ тотъ простой фактъ, что Сенека нигдѣ не упоминаетъ о христіанахъ и христіанскомъ ученіи. Но изъ того, что его ученіе несогласно съ христіанскимъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ и не зналъ христіанства. Предполагать, что если бы Сенека зналъ христіанское ученіе, то не могъ бы и не принять его, какъ это утверждаетъ авторъ (стр. 427), конечно, слишкомъ рискованно, и въ самыхъ апостольскихъ писаніяхъ твердо засвидѣтельствовано,

что эллинская мудрость нерѣдко оставалась глухою къ проповѣди Евангельскаго юродства. Такимъ образомъ и прямой, поставленной себѣ авторомъ, цѣли онъ не достигаетъ въ этомъ отдѣлѣ. Мнѣ думается, впрочемъ, что все таки авторъ понималъ свою задачу шире, чѣмъ неоднократно ее опредѣляетъ. Если бы авторъ въ этомъ отдѣлѣ хотѣлъ только оттѣнить принципіальное различіе христіанскихъ воззрѣній съ ученіемъ Сенеки, то онъ могъ это сдѣлать на нѣсколькихъ страницахъ, безъ той тщательности и, въ общемъ, основательности, какія онъ привнесъ въ обработкѣ этого отдѣла главы. Авторъ остановился какъ бы на половинѣ пути: для указанной авторомъ цѣли этотъ отдѣлъ слишкомъ обширенъ и серіозенъ; для самостоятельной главы, а тѣмъ болѣе для центральной части сочиненія, какъ этого хотѣлось бы мнѣ, отдѣлъ этотъ недостаточно полонъ и обстоятеленъ, что признаетъ и самъ г. Фаминскій (стр. 584). Правда, этотъ отдѣлъ не представляетъ данныхъ, для упрека автора въ неправильномъ пониманіи христіанскаго ученія, но за то и даетъ очень мало интереснаго и характернаго въ сравненіи этихъ ученій.

Что же касается, наконецъ, заключительнаго отдѣла главы, то о немъ уже я сдѣлалъ замѣчаніе, когда говорилъ о планѣ сочиненія. Остается сказать о внѣшней сторонѣ сочиненія г. Фаминскаго. Въ общемъ, съ этой стороны его сочиненіе не заслуживаетъ упрековъ. Только имѣя въ виду, что сочиненіе его представлено въ рукописи, я позволю себѣ указать небольшіе недочеты его внѣшней обработки. Авторъ владѣетъ легкимъ перомъ, его мысль течетъ свободно. Но отчасти, вѣроятно, благодаря этому, авторъ недостаточно заботился о выработкѣ формы, и нѣкоторыя его выраженія носятъ ясные слѣды поспѣшности обработки сочиненія. Затѣмъ авторъ любитъ иногда употреблять вычурныя выраженія и съ этою цѣлію болѣе часто, чѣмъ это необходимо, прибѣгаетъ къ иностраннымъ терминамъ, употребляя ихъ не всегда точно и почти всегда безъ нужды („фигурируютъ причины“, „плеяда преступленій“, волноваться коллизіями“,

„преступные міазмы", „адепты силы" „volens-nolens", conditio sine qua non" и мн. др.). Наконецъ, при печатаніи автору не мѣшало бы провѣрить цитацію, особенно библейскихъ текстовъ, приводимыхъ изрѣдка неточно.

Если послѣ частныхъ замѣчаній мы сдѣлаемъ общее заключеніе о сочиненіи г. Фаминскаго, то должны будемъ признать это сочиненіе обладающимъ безспорными и серіозными достоинствами, дѣлающими трудъ автора цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей небогатой богословско-философской литературы. Хотя собственно богословскій элементъ представленъ въ сочиненіи г. Фаминскаго далеко не достаточно, но принимая во вниманіе большой интересъ и значеніе для богословской науки знакомства съ воззрѣніями древнихъ языческихъ мыслителей, въ особенности съ воззрѣніями Сенеки, я нахожу справедливымъ признать настоящій трудъ преподавателя Екатеринославской духовной семинаріи Виктора Фаминскаго вполнѣ достаточнымъ для полученія авторомъ его магистерской степени".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Прежде, чѣмъ говорить о религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ Сенеки и отношеніи ихъ къ христіанству, г. Фаминскій считаетъ нужнымъ выяснить тѣ объективныя и субъективныя условія, которыми опредѣляется характеръ философіи Сенеки вообще и религіозно-нравственныхъ воззрѣній его въ частности. Поэтому онъ предпосылаетъ своему обширному изслѣдованію—введеніе, въ которомъ сначала останавливается на объективныхъ условіяхъ, заключающихся въ общемъ ходѣ и направленіи предшествующей философіи въ Римѣ и въ характерѣ современной Сенекѣ эпохи, а затѣмъ, съ цѣлью выясненія субъективныхъ условій, говоритъ о личности Сенеки, излагаетъ важнѣйшіе моменты жизни и дѣятельности его и даетъ характеристику нравственнаго образа его. Заканчивается введеніе рѣчью объ общемъ характерѣ философіи Сенеки, объ источникахъ для

ознакомленія съ религіозно-нравственными воззрѣніями Сенеки и о трудности изложенія ихъ.

Самое изслѣдованіе г. Фаминскаго состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая заключаетъ три главы. Въ первой главѣ, имѣющей своимъ предметомъ теологію, авторъ сначала говоритъ вообще объ отношеніи Сенеки къ религіи и затѣмъ въ частности излагаетъ ученіе Сенеки о Богѣ, Его природѣ и свойствахъ, объ отношеніи Его къ міру и человѣку; равно какъ объ отношеніи человѣка къ Богу или о богопочитаніи, при чемъ въ особенности останавливается на ученіи Сенеки о провидѣніи и на рѣшеніи имъ вопроса о благоденствіи порочныхъ людей и о бѣдствіяхъ людей добрыхъ. Предметомъ второй главы служитъ индивидуальная мораль. Здѣсь авторъ, изложивъ предварительно общія антропологическія воззрѣнія Сенеки (ученіе о человѣкѣ,—какъ моральномъ существѣ,—объ его природѣ и духовныхъ силахъ, дѣлающихъ его нравственнымъ существомъ, и въ частности о свободной волѣ), останавливается на ученіи его о высшемъ благѣ, какъ высшей цѣли жизни человѣка, о внѣшнихъ благахъ, о злѣ и въ частности о смерти и на связанныхъ съ мыслью о послѣдней вопросахъ о загробной жизни и самоубійствѣ, которое служитъ, по воззрѣнію Сенеки, выраженіемъ высшей свободы и ученіе о которомъ имѣетъ весьма важное значеніе въ нравоученіи этого философа. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ ученіе Сенеки о добродѣтели и порокѣ и воззрѣнія его на всеобщую порочность и развращенность человѣчества и на средства нравственнаго возрожденія и исцѣленія, при чемъ въ особенности останавливается на ученіи Сенеки о совѣсти и значеніи ея въ нравственной жизни и дѣятельности человѣка и о свойствахъ и качествахъ стоическаго мудреца, служащаго нравственнымъ идеаломъ Сенеки. Въ третьей главѣ, предметомъ которой служитъ соціальная мораль, разсматриваются воззрѣнія Сенеки на обязанности человѣка по отношенію къ обществу, подъ которымъ Сенека разумѣетъ весь родъ человѣческій, и къ от-

дѣльнымъ членамъ его, и въ частности ученіе Сенеки о всеобщей любви и равенствѣ всѣхъ людей, о благотворительности, о гуманномъ отношеніи человѣка къ своему государству и семьѣ. Въ заключеніе этой части авторъ дѣлаетъ общіе выводы изъ всего, изложеннаго въ предшествующихъ трехъ главахъ, при чемъ констатируетъ фактъ высоты, чистоты и близости къ христіанству многихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній Сенеки, откуда естественно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ язычникъ, не знавшій истинной религіи, могъ проповѣдывать такія высокія и чистыя идеи? Хотя многія изъ этихъ идей, если не всѣ, встрѣчаются въ предшествующей греко-римской философіи и могутъ быть объяснены изъ нея; но такъ какъ жизнь Сенеки падаетъ на то именно время, когда голосъ божественнаго Учителя изъ Назарета раздался надъ погрязшимъ въ безднѣ невѣрія и безнравственности язычествомъ и когда ревностные ученики Его уже побѣдоносно распространяли свѣтъ Христова ученія по землѣ, не исключая и столицы міра, и такъ какъ, далѣе, самыя обстоятельства, сопровождавшія проповѣдь апостола Павла въ Римѣ, равно какъ и многія другія обстоятельства даютъ поводъ предполагать, не слышалъ ли Сенека апостола Павла или ближайшихъ учениковъ его, или, по крайней мѣрѣ, не былъ ли онъ въ состояніи познакомиться съ великими идеями христіанства, то является вопросъ: не лучше ли изъ этого прямого источника объяснить высокія идеи римскаго философа, чѣмъ искать ихъ по крупицамъ въ предшествующей философіи? И дѣйствительно, многіе изслѣдователи рѣшаютъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ,—въ смыслѣ знакомства Сенеки съ христіанствомъ, относя все лучшее, что есть въ воззрѣніяхъ Сенеки, на счетъ этого источника, а на долю Сенеки оставляя лишь сухіе догматы стоицизма. Другіе изслѣдователи утверждаютъ, наоборотъ, что не Сенека заимствовалъ свои воззрѣнія у христіанства, а евангелисты и въ особенности апостолъ Павелъ знали Сенеку и подражали ему. Среди этихъ двухъ крайнихъ теорій находитъ

свое мѣсто третья, которая имѣетъ на своей сторонѣ большинство изслѣдователей и по которой христіанство и ученіе Сенеки, какъ и вообще стоицизмъ, суть два совершенно самостоятельныя, другъ отъ друга не зависящія явленія. Одно—продуктъ работы естественныхъ силъ человѣка, а другое—дѣло откровенія. Авторъ принимаетъ эту, послѣднюю теорію и ставитъ своею задачею обосновать ее. Эту задачу онъ выполняетъ во второй части своего изслѣдованія, состоящей изъ предварительнаго краткаго очерка исторіи вопроса объ отношеніи Сенеки къ христіанству и изъ двухъ главъ, сначала (въ первой главѣ) отрицательнымъ путемъ, именно чрезъ выясненіе отчасти несостоятельности, а отчасти недостаточности тѣхъ доводовъ, на которыхъ основывается мнѣніе о знакомствѣ Сенеки съ христіанствомъ, а затѣмъ (во второй главѣ) положительнымъ путемъ,—чрезъ показаніе принципіальнаго различія между религіозно-нравственной доктриной Сенеки и христіанствомъ и чрезъ выясненіе связи воззрѣній Сенеки съ воззрѣніями предшествующихъ философовъ и въ особенности Сократа, Платона и римскихъ стоиковъ—эклектиковъ: Панетія, Посидонія и Гекатона. Отсюда авторъ приходитъ къ заключенію, что „въ воззрѣніяхъ Сенеки нѣтъ положительно ничего, чего нельзя бы было объяснить изъ предшествующей философіи, чему, по крайней мѣрѣ, нельзя бы было указать соотвѣтственныхъ примѣровъ въ ней и для чего нужно было бы искать новаго источника происхожденія (стр. 715)". Заслуга Сенеки заключается, по мнѣнію автора, въ томъ, что онъ „собралъ разсѣянныя во всѣхъ философскихъ системахъ по крупицамъ зерна истины и, низведши ихъ съ метафизической высоты, сдѣлалъ удобоприложимыми къ жизни, далъ имъ то назначеніе, которое они должны были имѣть по самому существу дѣла, но котораго они доселѣ не имѣли. Къ его чести будетъ всегда принадлежать то, что онъ выдвинулъ эти высокія и чистыя идеи тогда именно, когда общество, потерявшее вѣру въ своихъ боговъ, находившееся подъ вліяніемъ другъ друга исклю-

чавшихъ разнообразныхъ философскихъ системъ, всего сильнѣе нуждалось въ истинѣ и въ руководительствѣ къ ней. Сенека подмѣтилъ эту жажду, тѣмъ болѣе что самъ въ своей груди ощущалъ мучительность ея, и, нося тогу стоическаго философа, среди стоическихъ плевелъ онъ поднесъ измученному духовнымъ голодомъ язычеству и зерна полновѣсной пшеницы, которыхъ само оно, можетъ быть, и не замѣчало. Конечно, эти крупицы удовлетворить всецѣло духовнаго голода язычниковъ не могли; напротивъ, удовлетворяя только нѣсколько, они сильнѣе возбуждали, а чрезъ то дѣлали язычниковъ, жаждущихъ истины, способными къ принятію „Истиннаго Хлѣба, сшедшаго съ небесе", и вступленію въ царство Христово, уже фактически, а не въ идеѣ явившееся тогда на землѣ. Вотъ развѣ о какомъ отношеніи къ христіанству въ концѣ концовъ и можно говорить, имѣя въ виду философа Сенеку и его религіозно-нравственныя воззрѣнія (стр. 720—721)".

Изъ представленнаго нами краткаго обзора содержанія разсматриваемаго сочиненія видно, что г. Фаминскій изслѣдовалъ свой предметъ съ замѣчательною полнотою, весьма основательно и строго-научно. Въ своемъ трудѣ онъ обнаруживаетъ тщательное изученіе литературы предмета и въ особенности сочиненій Сенеки, полное знаніе дѣла, зрѣлость мысли и здравый критическій тактъ. Сочиненіе изложено въ стройной, строго-логической формѣ, написано легкимъ литературнымъ языкомъ и читается съ живымъ интересомъ. Въ особенности глубокій интересъ представляетъ первая часть сочиненія. Хотя существуетъ много изслѣдованій о Сенекѣ, его сочиненіяхъ и воззрѣніяхъ, но не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ нѣтъ ни одного такого изслѣдованія, въ которомъ религіозно-нравственныя воззрѣнія Сенеки разсматривались бы съ такою полнотою и основательностію, какъ въ сочиненіи г. Фаминскаго. Въ особую заслугу автору слѣдуетъ поставить то, что онъ привелъ въ систематическій видъ разсѣянныя въ различныхъ мѣстахъ сочиненій Сенеки, лишенныя большею частью

логическаго развитія и нерѣдко противорѣчивыя сужденія его по вопросамъ религіи и нравственности, установилъ основныя воззрѣнія Сенеки и выяснилъ уклоненія его отъ послѣднихъ. Весьма интересна и вторая часть. Вопросъ объ отношеніи Сенеки къ христіанству многократно, обстоятельно и съ различныхъ точекъ зрѣнія обсуждался въ иностранной и отчасти даже въ русской литературѣ. Главная заслуга автора въ этой части изслѣдованія состоитъ въ томъ, что онъ тщательно изучилъ и критически провѣрилъ то, что было сдѣлано по разсматриваемымъ въ ней вопросамъ предшествующими изслѣдователями, избралъ наиболѣе цѣлесообразный путь изслѣдованія, установилъ наиболѣе правильную точку зрѣнія на предметъ и для обоснованія ея присоединилъ немало новыхъ соображеній къ тѣмъ, которыми пользовались другіе изслѣдователи. Встрѣчаются въ разсматриваемомъ сочиненіи также кое-какіе недочеты и недосмотры, но мы считаемъ излишнимъ указывать ихъ въ виду какъ крупныхъ достоинствъ сочиненія, такъ трудности или проблематичности многихъ изъ разсматриваемыхъ въ немъ вопросовъ, тѣмъ болѣе что недостатки эти могутъ быть устранены авторомъ при пересмотрѣ сочиненія предъ печатаніемъ. Въ заключеніи считаемъ нужнымъ отмѣтить, что разсматриваемый трудъ г. Фаминскаго представляетъ переработку его кандидатскаго сочиненія. Такъ какъ въ послѣднемъ, по справедливому замѣчанію одного изъ оффиціальныхъ рецензентовъ, покойнаго глубокочтимаго коллеги нашего М. А. Олесницкаго, авторъ „изложилъ результаты своего изслѣдованія въ рѣдкой по складности, послѣдовательности и логичности формѣ“, то онъ оставилъ какъ въ общемъ, такъ въ частностяхъ прежній планъ сочиненія безъ измѣненія. Но на каждой почти страницѣ сочиненія онъ сдѣлалъ поправки или дополненія, переходящія иногда въ цѣлые экскурсы. Въ особенности значительной переработкѣ и восполненію подверглась послѣдняя глава сочиненія благодаря главнымъ образомъ болѣе тщательному изученію авторомъ эклектическаго стоицизма. Само собою разумѣется, что при

этой переработкѣ авторъ хотя остался при прежнихъ своихъ взглядахъ на важнѣйшіе изъ затрогиваемыхъ имъ въ сочиненіи вопросовъ, но относительно нѣкоторыхъ менѣе важныхъ пунктовъ онъ измѣнилъ или, вѣрнѣе, исправилъ свои мнѣнія. Такъ, теперь онъ уже не утверждаетъ, что Цицеронъ въ особенности популяризовалъ идеи Платона и что Сенека былъ прямымъ ученикомъ Цицерона, но болѣе правильно опредѣляетъ отношеніе Цицерона къ Платону, Новой Академіи и стоицизму и объясняетъ сходство между многими воззрѣніями Цицерона и Сенеки тѣмъ, что оба они пользовались однимъ общимъ источникомъ, именно сочиненіями стоиковъ-эклектиковъ II—I в. до Р. Хр. и въ особенности Панетія и Посидонія. Благодаря многочисленнымъ исправленіямъ и дополненіямъ достоинство прежней кандидатской работы г. Фаминскаго значительно возвысилось какъ въ научномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, вслѣдствіе чего она, по нашему мнѣнію, можетъ быть признана весьма хорошею магистерскою диссертаціей, дающею автору полное право на полученіе той ученой степени, для соисканія которой она представлена въ Совѣтъ Академіи.

Справка: Викторъ Фаминскій окончилъ курсъ наукъ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1903 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній по переработкѣ написаннаго имъ курсового сочиненія.

Постановили: Рукописное сочиненіе преподавателя Екатеринославской духовной семинаріи, кандидата богословія, Виктора Фаминскаго „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Аннея Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству“, согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и, на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 27 іюля 1884 года за № 2482, напечатать его на счетъ особо ассигнуемой 17 ст. штата дух. акад.

суммы, а по напечатаніи означеннаго сочиненія и заслушаніи въ Совѣтѣ одобрительныхъ со стороны членовъ Совѣта отзывовъ, допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, послѣ чего имѣть окончательное сужденіе объ удостоеніи его магистерской степени, на основаніи § 136 Устава духовныхъ Академій.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „12 сентября 1905 года. Читалъ".

1905 года 15 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея I. Королькова, находящагося въ отпуску.

Слушали: I. Коллоквіумъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, въ присутствіи членовъ Совѣта, доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи и служащихъ при ней лицъ, а также постороннихъ лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ Академіи на основаніи 136 § Уст. дух. акад.,—преосвященнаго Агапита, Епископа Уманскаго, начальниковъ и наставниковъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній, священниковъ Кіевскихъ городскихъ церквей и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія,—библіотекарь Кіевской Духовной Академіи, кандидатъ богословія Амвросій Крыловскій, защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія печатное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Львов-

ское Ставропигіальное Братство." Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей пояснение предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженія со стороны назначенныхъ Совѣтомъ оффиціальныхъ оппонентовъ—заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина и экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова; на сдѣланныя возраженія магистрантомъ даны были надлежащіе отвѣты или объясненія. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ Академіи призналъ удовлетворительною.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ богословія А. Крыловскимъ сочиненія его: „Львовское Ставропигіальное Братство" и на основаніи признанной 3 іюня 1905 года удовлетворительности самаго сочиненія для степени магистра богословія удостоить автора его этой степени и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи А. Крыловскаго въ степени магистра богословія, на основаніи § 81 в. 6 Уст. дух. акад.

II. Отзывы о сочиненіи экстраординарнаго профессора Академіи, магистра богословія, протоіерея Ѳ. Титова подъ заглавіемъ: „Русская Православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.в. Томъ первый: Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. Томъ второй. Кіевская митрополія—епархія въ XVII—XVIII в.в." (Кіевъ, 1905 г.), представленномъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи.

а) Ректора Академіи, Епископа Платона:

„Когда читалъ я эти книги, то знакомился и съ религіозно-церковною жизнію западно-русскаго народа за XVII—XVIII в. в. и попутно съ историческими трудами другихъ ученыхъ, которые занимались разработкою вопроса, занявшаго теперь

исключительное вниманіе нашего историка проф. о. Титова. Изъ трудовъ проф. о. Титова я узналъ, что религіозно-церковная жизнь западно-русскаго народа за указанный періодъ времени была чрезвычайно богата весьма свѣтлыми явленіями и событіями, представляющими собою обильнѣйшій и полный научнаго интереса историческій матеріалъ, а въ трудахъ другихъ ученыхъ, касавшихся того же предмета, я увидѣлъ сравнительную скудость историческихъ данныхъ, скудость данныхъ изъ той области, гдѣ что ни столпъ, поставленный православно-русскимъ человѣкомъ, то драгоцѣнный памятникъ русской старины, что ни церковь, то исторія. Мнѣ видно стало, что новаго далъ нашей церковно-исторической наукѣ проф. о. Титовъ въ своихъ трудахъ, содержанію которыхъ чуждъ элементъ вымысла, фантазіи, элементъ непровѣреннаго или недостовѣрнаго. Все проф. о. Титовъ критически провѣряетъ и все подвергаетъ строгой оцѣнкѣ. У него совсѣмъ нѣтъ, какъ то замѣтно у другихъ, склонности, граничащей съ слабостью, къ свидѣтельствамъ польскихъ историковъ, довѣрять которымъ не во всемъ можно или во многомъ положительно нельзя. Ниже будетъ указано то несомнѣнно новое и несомнѣнно важное для науки, что даетъ въ своихъ трудахъ проф. о. Титовъ, а теперь я скажу только, что, когда читаешь эти труды проф. о. Титова, то видишь, что онъ, не задаваясь широкимъ планомъ представить полную и всестороннюю картину религіозно-церковной жизни западно-русскаго народа, все таки почти, можно сказать, приближается къ этой цѣли. Такъ усердно искать, такъ кропотливо изучать историческіе памятники того времени, что бы прослѣдить по нимъ и представить въ цѣльной картинѣ жизнь, напр., монастырей и дѣятельность братствъ въ западно-русскомъ краѣ, бывшемъ подъ гнетомъ польщизны и латинства, не значитъ-ли, написать большую половину исторіи тоговременнаго православія этого края? Не полностью-ли рисуется картина русско-церковной жизни западно-русскаго народа указанныхъ двухъ вѣковъ, когда монастыри и церкви представляются

проф. о. Титовымъ живыми узлами нервовъ тогдашняго общества, около которыхъ сосредоточивался и отъ которыхъ разливался жизненный токъ во всѣ части общества и стороны жизни его, когда монастыри и церкви представляются центрами, вокругъ которыхъ группируются русскій умъ, русская душа, русское чувство, русская дѣятельность. Вы тутъ видите и эти православныя братства—могучій двигатель народной жизни, тутъ же разрѣшаются церковно-общественные и соціальные вопросы, а также и вопросы личной жизни. Предъ вами полная жизненной реальности картина церковной жизни, предъ вами сама жизнь, не часть ея, не эскизный набросокъ съ натуры, а сама натура ея. Безъ шума и ненужныхъ эффектовъ, безъ этой предварительной рекламы, на которую такъ падки многіе изъ ученыхъ, скромно выставилъ въ прошломъ году на судъ ученаго міра проф. о. Титовъ свой громадный трудъ, названный имъ: „Памятники православія и русской народности въ западной Россіи въ XVII—XVIII в.в.", и вслѣдъ за этимъ даритъ наукѣ, основанный на „Памятникахъ", и представленный теперь къ соисканію ученой степени доктора церковной исторіи, въ двухъ томахъ опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Такъ что научную цѣнность послѣдняго историческаго „опыта" проф. о. Титова слѣдуетъ разсматривать не иначе, какъ въ связи съ „Памятниками", его базою. Вообще нужно сказать, что всѣ труды проф. о. Титова объединяются предметомъ и цѣлію въ одинъ церковно-историческій трудъ, давно уже дающій своему автору полное право на полученіе степени доктора церковной исторіи. Полученіе это скромностью нашего историка отодвинуто до настоящаго времени.

Я, поэтому, долженъ начать рѣчь свою не съ книгъ, которыя подалъ проф. о. Титовъ къ соисканію докторской степени, а долженъ ab ovo выставить научныя достоинства всего церковно-историческаго труда проф. о. Титова, чтобы тѣмъ отмѣтить выдающіяся заслуги проф. о. Титова предъ историче-

ской наукой и несомнѣнныя права его на искомую ученую степень.

I.

Учено литературная дѣятельность проф. о. Титова, посвященная научной разработкѣ исторіи русской церкви, притомъ на основаніи, преимущественно и даже почти исключительно, первоисточниковъ, слѣдовательно, разработкѣ оригинальной и самобытной, начинается тотчасъ же по окончаніи имъ обязательной учено-богословской работы—магистерской диссертаціи съ 1893 года и продолжается съ неистощимой энергіей и рѣдкой неутомимостью до настоящаго дня, т. е. въ теченіи болѣе 12 лѣтъ. Дѣятельность эта и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи оказалась въ высшей степени продуктивною и въ полномъ смыслѣ слова замѣчательною. Она выразилась въ слѣдующихъ литературныхъ трудахъ, при обозрѣніи которыхъ я буду, въ видахъ совершенной объективности и безпристрастія ссылаться на отзывы выдающихся нашихъ и самыхъ компетентныхъ ученыхъ богослововъ и церковныхъ историковъ.

Въ 1894 г. проф. о. Титовъ издалъ монографію, предварительно напечатанную въ академическомъ журналѣ (Труды Кіев. Дух. Акад. 1904 г. №№ 1 и 2), подъ заглавіемъ „*Өеоктистъ Мочульскій, архіепископъ Курскій*“. Монографія эта посвящена описанію жизни и дѣятельности (особенно ученолитературной) одного изъ замѣчательныхъ русскихъ іерарховъ конца XVIII в. и начала XIX в. изъ числа учениковъ Кіевской Академіи. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ церковныхъ историковъ, притомъ спеціалистъ въ области изученія церковной жизни Курскаго и Харьковскаго края, профессоръ Харьковскаго Императорскаго Университета по церковной исторіи А. С. Лебедевъ дѣлаетъ слѣдующій отзывъ объ этомъ первомъ церковно-историческомъ трудѣ проф. о. Титова: „Авторъ очерка“, говоритъ онъ, „справедливо относитъ архіепископа Өеоктиста

къ числу самыхъ выдающихся іерарховъ русской церкви конца прошлаго и начала настоящаго вѣка (отзывъ писался еще въ 1894 г.), не безъ основанія сравниваетъ его, относительно просвѣтительной дѣятельности, съ знаменитымъ современникомъ его Московскимъ митрополитомъ Платономъ Левшинымъ и, сѣтуя, что, не смотря на такое значеніе архіепископа Өеоктиста, личность и дѣятельность его остаются почти никому неизвѣстными, задается цѣлію „познакомить читателей хотя въ общихъ чертахъ съ достопамятною личностью и дѣятельностью одного изъ забытыхъ доблестныхъ тружениковъ на поприщѣ духовнаго просвѣщенія и миссіонерскаго служенія". Для этой цѣли авторъ заботливо и съ любовію собралъ всѣ свѣдѣнія о Өеоктистѣ Мочульскомъ, разсѣянныя въ разныхъ печатныхъ произведеніяхъ и журнальныхъ статьяхъ (онѣ у автора и указываются), и, на основаніи ихъ, *далъ прекрасный біографическій очеркъ*, какой только можно было составить по находившемуся въ его распоряженіи матеріалу, очеркъ, который дѣйствительно *заполняетъ важный пробѣлъ въ исторіи россійскихъ іерарховъ*". (См. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, т. 9. Харьк. 1897 г., стр. 1, ср. сочиненіе того же проф. А. С. Лебедева: Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. Харьк. 1902 г. Стр. 226 примѣч.).

2) Въ слѣдующемъ 1895 г. свящ. Ө. Титовъ издалъ свой капитальный трудъ подъ заглавіемъ: „Духовныя школы Курско-Бѣлградской епархіи" въ двухъ первыхъ выпускахъ, обнимающихъ (на 544 стр.) исторію духовныхъ школъ Курской епархіи въ періодъ до-реформенный (1722—1817) г.) и въ эпоху подчиненія ихъ Коммиссіи духовныхъ училищъ (1817—1839 г.). Въ 1896 г. проф. о. Титовъ напечаталъ и третій выпускъ того же сочиненія, обнимающій (на 579 стр.) исторію семинаріи и низшихъ духовныхъ училищъ Курско-Бѣлградской епархіи въ эпоху протасовскихъ реформъ (1839—1867 г.). Духовныя школы Курско-Бѣлградской епархіи представляютъ собою

истинно-научную работу, имѣющую солидныя достоинства. Въ этомъ трудѣ рельефно обнаружились выдающіяся черты учено-литературной дѣятельности проф. о. Титова, характеризующія и всѣ послѣдующія его работы. Разумѣю замѣчательное умѣніе его систематизировать сложный и обширный матеріалъ въ одно стройное цѣлое, а также прекрасное увлекательное изложеніе. Но особенно важное достоинство этого труда составляетъ то, чѣмъ отличаются всѣ изслѣдованія проф. о. Титова,—это полная самостоятельность работы, основанной исключительно на архивныхъ матеріалахъ. Благодаря всѣмъ такимъ достоинствамъ, изслѣдованіе проф. о. Титова о „Духовныхъ школахъ Курско-Бѣлоградской епархіи“ справедливо было признано со стороны современныхъ историковъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго духовнаго просвѣщенія въ XVIII—XIX в.в. Книга его, составляющая теперь уже библіографическую рѣдкость, является и должна являться настольною книгою у всякаго спеціалиста, занимающагося изученіемъ исторіи нашихъ духовныхъ школъ и духовнаго просвѣщенія въ XVIII—XIX в.в.

Еще съ майской книжки 1894 г. нашего академическаго журнала начался печатаніемъ непрерывный рядъ статей свящ. Ѳ. Титова подъ заглавіемъ: „Макарій Булгаковъ, Митрополитъ Московскій“. Статьи эти скоро привлекли къ себѣ вниманіе и симпатіи богословски образованнаго русскаго общества и вызвали еще въ то время, когда онѣ печатались въ журналѣ, восторженно-похвальные отзывы въ русской духовной періодической печати.

Въ 1895 г. проф. о. Титовъ издалъ эти свои статьи отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Макарій (Булгаковъ) митрополитъ Московскій и Коломенскій. Т. I. Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы 1816—1857 г.*). 11 октября 1896 г. заслуженный профессоръ нашей Академіи В. Ѳ. Пѣвницкій, который ближе другихъ, по должности редактора академическаго журнала, могъ знать и оцѣнить достоинства новой работы проф. о. Титова, вошелъ въ

Совѣтъ нашей Академіи съ слѣдующимъ примѣчательнымъ заявленіемъ. „Долгомъ справедливости поставляю", писалъ В. Ѳ. Пѣвницкій, „обратить вниманіе Совѣта на учено-литературные труды усерднѣйшаго дѣятеля изъ среды нашей,—священника Ѳеодора Титова и прошу Совѣтъ удостоить его Макарьевской преміи, вполнѣ имъ заслуженной. Въ особенности я рекомендую Совѣту его монографію, *заслужившую общее одобреніе*, посвященную имени и памяти того митрополита Макарія, деньгами котораго мы пользуемся, присуждая своимъ сослуживцамъ за ученые труды денежныя преміи. *Онъ не проситъ себѣ преміи, но это только дѣлаетъ честь его скромности.* Я позволяю себѣ говорить здѣсь не только какъ членъ Совѣта, но и какъ редакторъ академическаго журнала. Какъ редакторъ, *я нахожу въ немъ самаго полезнаго и усерднаго сотрудника*, всегда готоваго исполнить мою просьбу, съ какою мнѣ приходилось обращаться къ нему по дѣламъ журнала, *и онъ всегда оставался вѣренъ своему знамени и не перебѣгалъ въ чужой лагерь, хотя бы тамъ предлагался ему бóльшій гонораръ, чѣмъ какимъ оплачиваются статьи въ нашемъ журналѣ.* Я полагалъ-бы, что преміальныя деньги, находящіяся въ распоряженіи Совѣта, первѣе всего должны идти на поощреніе и вознагражденіе тѣхъ тружениковъ, которые изъявляютъ готовность и усердіе по мѣрѣ силъ поддерживать своими трудами достоинство и честь академическаго изданія". (См. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи за 1896—97 учебн. годъ, стр. 45—46). Я позволилъ себѣ привести здѣсь полностью замѣчательное въ лѣтописяхъ нашей Академіи заявленіе старѣйшаго и всѣми нами и далеко даже за предѣлами нашей Академіи уважаемаго В. Ѳ. Пѣвницкаго, между прочимъ, и потому, что онъ вноситъ въ характеристику учено-литературной дѣятельности проф. о. Титова ту особенную черту, которая всецѣло сохранилась и во всей послѣдующей его учено-литературной дѣятельности до сего дня.

Назначенный Совѣтомъ Академіи оффиціальный рецензентъ профессоръ протоіерей І. Н. Корольковъ, весьма внимательно и подробно разсмотрѣвъ монографію проф. о. Титова, призналъ ее „заслуживающею полнаго вниманія и искренняго уваженія церковно-историческаго изслѣдователя“ и въ заключеніе далъ о трудѣ проф. о. Титова слѣдующій отзывъ. „Многосодержательно и разнообразно“, пишетъ онъ, „сочиненіе проф. о. Ѳ. И. Титова о нашемъ выдающемся богословѣ и церковномъ историкѣ митрополитѣ Макаріи. Дѣятельность этого святителя, начиная отъ первыхъ дней его рожденія и до назначенія на самостоятельную каѳедру епископскую, разсмотрѣна авторомъ съ возможною полностью и обстоятельностью. *Особое достоинство настоящаго труда состоитъ въ томъ, что авторъ большую часть своихъ свѣдѣній основываетъ на документальныхъ данныхъ, заимствованныхъ имъ изъ архивовъ не только Кіевской Академіи, но и Петербургской, а также Курской духовной семинаріи.* Эти свѣдѣнія доставались имъ нерѣдко съ большимъ трудомъ и не малыми препятствіями. *Только особенная любовь автора къ историческимъ изысканіямъ и твердое желаніе его быть возможно точнымъ не останавливали его на пути изслѣдованія и заставляли разыскивать документы, касающіеся его предмета, по разнымъ, часто отдаленнымъ мѣстамъ*... Авторъ въ настоящемъ трудѣ преслѣдуетъ цѣль не только біографическую, но и библіографическую... Онъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе сочиненій м. Макарія, причемъ знакомитъ насъ съ отзывами и рецензіями современныхъ Макарію ученыхъ и литераторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, такъ что желающій ознакомиться съ тѣмъ или другимъ сочиненіемъ м. Макарія, *по необходимости, долженъ будетъ обращаться къ книгѣ о. Титова за разными справочными свѣдѣніями.* Напр., говоря о проповѣдническихъ трудахъ м. Макарія, авторъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе того, когда и гдѣ была сказана извѣстная проповѣдь, была ли она

напечатана и гдѣ? Въ этомъ случаѣ онъ доходитъ до такой обстоятельности, *что дѣлаетъ поправки въ такомъ трудѣ, какъ трудъ профессора Московской духовной Академіи В. Ѳ. Кипарисова о проповѣднической дѣятельности м. Макарія.* Такимъ образомъ настоящее сочиненіе о. Титова представляетъ собою главнымъ образомъ подробное и всестороннее изслѣдованіе жизни и дѣятельности, а также сочиненій м. Макарія. Но такъ какъ личность м. Макарія разсматривается авторомъ въ ближайшей связи съ временемъ, въ которое онъ подвизался, и въ соотношеніи съ лицами, среди которыхъ онъ жилъ, учился и училъ, *то сочиненіе о. Титова имѣетъ не маловажное значеніе для исторіи нашихъ духовныхъ школъ, въ частности, для исторіи Кіевской, а особенно Петербургской Академіи...* Что касается литературной стороны настоящаго сочиненія, то оно написано *слогомъ яснымъ, живымъ и увлекательнымъ, а потому читается съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ.* Всѣ эти прекрасныя стороны труда о. Ѳ. И. Титова, говоритъ въ заключеніе прот. І. Н. Корольковъ, *уже отмѣчены нашею литературою—духовною и свѣтскою и заслужили ему достойную похвалу*" (Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской Дух. Академіи за 1897—8 учебн. годъ, стр. 47—49).

Съ своей стороны могу замѣтить только то, что въ 1903 г. вышло продолженіе того же самаго труда, второй томъ біографіи м. Макарія (стр. 6+11+376+11), посвященный памяти профессора нашей Академіи И. И. Малышевскаго и встрѣтившій весьма сочувственный пріемъ въ духовной и свѣтской критикѣ. Въ настоящее время авторомъ напечатано уже болѣе 10 листовъ и третьяго тома тойже монографіи, обѣщающаго быть еще болѣе важнымъ и интереснымъ, такъ какъ въ немъ найдутъ себѣ мѣсто очерки, посвященные замѣчательнымъ событіямъ въ исторіи русской церкви 60—70-хъ годовъ XIX в. (преобразованіе Академій, духовно судебная реформа, реформа духовной цензуры, законодательство о расколѣ, греко-болгарская схизма

и др.), въ которыхъ принималъ ближайшее участіе м. Макарій.

Въ томъ же 1903 году издана въ свѣтъ проф. о. Титовымъ монографія подъ заглавіемъ: *„Кириллъ Наумовъ, епископъ Мелитопольскій, бывшій начальникъ русской миссіи въ Іерусалимѣ. Очеркъ изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ* (стр. X+459).

Еще въ то время, когда этотъ трудъ проф. о. Титова печатался въ академическомъ журналѣ, комиссія изъ профессоровъ А. А. Дмитріевскаго, В. Н. Малинина и Д. И. Богдашевскаго рекомендовала его вниманію Совѣта. „Настоящій безпристрастный очеркъ жизни и дѣятельности епископа Кирилла Наумова, *составленный авторомъ на основаніи рукописныхъ документовъ, собранныхъ авторомъ съ рѣдкой настойчивостью и высокопохвальною ревностью въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Св. Синода по канцеляріи оберъ-прокурора и въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, а равно и у частныхъ владѣльцевъ, заслуживаетъ“*, по мнѣнію комиссіи, *„со стороны читателей и критики полной похвалы и одобренія. Добросовѣстный историкъ* о. Титовъ представилъ эту дѣятельность въ широкомъ историческомъ освѣщеніи, благодаря которому его читатели превосходно могутъ познакомиться съ состояніемъ въ данное время православія и духовнаго просвѣщенія на Востокѣ вообще, съ его насущными нуждами и запросами, а также съ тѣми задачами и цѣлями, какія ставили себѣ здѣсь и потомъ всѣми силами старались осуществить въ своей дѣятельности наши приснопамятные начальники духовной миссіи въ Іерусалимѣ—епископы Порфирій Успенскій и Кириллъ Наумовъ и архимандритъ Антоній Капустинъ и какія завѣщаны ими нашему Императорскому Палестинскому Обществу. Нисколько, поэтому, неудивительно, писала комиссія, что біографическій очеркъ жизни и дѣятельности епископа

Кирилла Наумова, *написанный Титовымъ живо и увлекательно въ литературномъ отношеніи, весьма богатый новыми, неоткрытыми еще, документальными данными изъ исторіи нашихъ сношеній съ Востокомъ, успѣлъ обратить на себя вниманіе не только русскихъ, но даже и иностранныхъ ученыхъ, живо интересующихся вообще нашими успѣхами на Востокѣ"* (см. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевск. Дух. Академіи за 1899—1900 учебн. г., стр. 320—322).

Подобнымъ образомъ и заслуженный экстраординарный профессоръ Кіевской Академіи Θ. Я. Покровскій въ заключеніи своего подробнаго отзыва призналъ сочиненіе проф. о. Титова о Кириллѣ Наумовѣ, какъ составленное почти исключительно по сырымъ, необработаннымъ и даже неизданнымъ документамъ, хранящимся въ архивахъ Св. Синода и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ церковно археологическомъ музеѣ при Кіевской Духовной Академіи, *трудомъ самостоятельнымъ, имѣющимъ характеръ полной исторической достовѣрности и вообще „весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу по палестиновѣдѣнію вообще и, въ частности, по изученію сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ и, частнѣе, съ Сиріей и Палестиной"* (см. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской Дух. Академіи за 1903—4 учебный годъ, стран. 28—65).

Къ голосу четырехъ профессоровъ Кіевской Академіи присоединилъ свой вѣскій одобрительный голосъ и авторитетнѣйшій изъ современныхъ нашихъ церковныхъ историковъ профессоръ сначала Московской Академіи, а нынѣ Московскаго Университета А. П. Лебедевъ. Использовавъ трудъ проф. о. Титова о Кириллѣ Наумовѣ въ своемъ капитальномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *„Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ отъ паденія Константинополя (1453 г.) до настоящаго времени"* (СПБ., изд. 2-е 1904 г.), особенно

въ послѣдней главѣ его (стр. 759—849, краткія свѣдѣнія объ Александрійскомъ, Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ патріархатахъ), проф. Лебедевъ характеризуетъ трудъ проф. о. Титова о Кириллѣ Наумовѣ, какъ „превосходное сочиненіе, восполняющее то, что можно находить новаго и свѣжаго въ изданіяхъ палестинскаго Общества по вопросу о положеніи восточной церкви" (см. стр. 848 примѣч. 2).

Какъ смотрѣть на этотъ отзывъ проф. А. П. Лебедева о сочиненіи о. Титова? Не есть ли онъ простая случайная похвала сочиненію, одна изъ тѣхъ, какія нерѣдко встрѣчаются въ нашей литературѣ, какъ дань риторической любезности во взаимныхъ сношеніяхъ между учеными? Нѣтъ; наоборотъ, я склоненъ думать, что столь лестный отзывъ авторитетнаго историка о трудѣ проф. о. Титова есть плодъ невольнаго уваженія, основаннаго на основательномъ знакомствѣ проф. Лебедева съ трудомъ проф. о. Титова. За это говоритъ всѣмъ извѣстный серьезный тонъ всѣхъ сочиненій проф. Лебедева. А съ другой стороны, достаточно прочитать вышеуказанную главу въ сочиненіи проф. Лебедева, содержащую въ себѣ свѣдѣнія объ антіохійскихъ и іерусалимскихъ патріархатахъ въ XIX в., чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ. Весьма интересныя свѣдѣнія о состояніи вѣры и нравственности въ народѣ, населяющемъ названные патріархаты, о положеніи въ нихъ духовенства, объ отношеніи высшаго (греческаго) духовенства къ низшему (арабскому), о состояніи просвѣщенія, объ отношеніи жителей названныхъ патріархатовъ къ Россіи и т. п.,—все это проф. А. П. Лебедевъ описываетъ по книгѣ проф. о. Титова о Кириллѣ Наумовѣ.

Профессоръ С.-Петербургской Академіи, спеціалистъ по исторіи византійской церковной исторіи И. И. Соколовъ съ похвалою отозвался о сочиненіи о Кириллѣ Наумовѣ и помѣстилъ въ Историческомъ Вѣстникѣ статью, составленную на основаніи этого сочиненія (см. Истор. Вѣстн. 1903 г., январь,

стр. 239—306) подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ въ XIX вѣкѣ". Описывая дѣятельность одного изъ первыхъ піонеровъ русской идеи на греческомъ Востокѣ", говорится въ этой статьѣ, *„проф. о. Титовъ яркими чертами изображаетъ въ своей книгѣ и современное состояніе восточной церкви, ея нужды и запросы по отношенію къ единовѣрной Россіи, намѣчаетъ задачи русскаго дѣла въ Палестинѣ и вообще обстоятельно раскрываетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи сношеній нашего отечества съ православнымъ Востокомъ. Особую цѣнность придаетъ книгѣ о. Титова то обстоятельство, что она составлена на основаніи архивныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ ученымъ авторомъ изъ рукописныхъ хранилищъ Святѣйшаго Синода и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Написанная къ тому же прекраснымъ литературнымъ языкомъ книга проф. о. Титова вполнѣ заслуживаетъ вниманія нашихъ читателей"* (стр. 294). Такіе лестные отзывы о сочиненіяхъ духовныхъ писателей весьма не часто встрѣчаются въ нашей свѣтской критикѣ.

Начальство миссіонерскихъ курсовъ при Казанской Духовной Академіи переиздало, въ краткомъ изложеніи, сочиненіе проф. о. Титова о Кириллѣ Наумовѣ, причемъ авторъ переложенія (архим. Андрей) отозвался объ этомъ сочиненіи, какъ о „прекрасной книгѣ, читающейся съ большимъ интересомъ, а объ авторѣ ея, какъ о человѣкѣ глубоко-церковномъ, обладающемъ широкимъ кругозоромъ" въ области церковной науки (см. Памяти преосвященнаго Кирилла, епископа Мелитопольскаго, К. 1904 г., стр. 1).

Духовно-учебный Комитетъ при Св. Синодѣ, съ своей стороны, далъ авторитетную рекомендацію сочиненію проф. о. Титова о Кириллѣ Наумовѣ, одобривъ его къ пріобрѣтенію въ библіотеки духовныхъ семинарій.

Въ томъ же 1903 г. проф. о. Титовъ издалъ третье свое сочиненіе подъ заглавіемъ: *„Русское духовенство въ Галиціи. Церковно-историческій очеркъ“* (стр. IV+132). Сочиненіе это представляетъ извлеченіе изъ отчета проф. о. Титова о заграничной командировкѣ его, совершенной имъ въ 1901 году, съ разрѣшенія Св. Синода.

Въ шести главахъ этого труда сообщаются весьма интересныя и цѣнныя свѣдѣнія объ исторіи Галиціи и отношеніи ея къ Россіи, о введеніи и современномъ состояніи уніи въ ней, образованіи галицко-русскаго уніатскаго духовенства, о Львовской генеральной семинаріи и ея устройствѣ, богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета, о галицко-русскомъ уніатскомъ богослуженіи, проповѣди, церковныхъ братствахъ въ Галиціи, о зависимости галицко-русской уніатской церкви отъ папы и конгрегаціи de propaganda fide, о высшей іерархіи и устройствѣ галицко-русской церкви, о монашествѣ и монастыряхъ русскихъ въ Галиціи.

Сочиненіе проф. о. Титова о „Русскомъ духовенствѣ въ Галиціи“ встрѣчено было самыми благопріятными и сочувственными отзывами критики не только духовной, но и свѣтской, и не только нашей русской, но и заграничной.

Сочиненіе о „Русскомъ духовенствѣ въ Галиціи“ заслужило одобреніе и Духовно-Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, рекомендовавшаго его для библіотекъ духовныхъ семинарій.

Въ прошломъ году проф. о. Титовъ закончилъ печатаніемъ три обширныхъ книги подъ заглавіемъ: *„Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в.в. Томъ первый. Акты по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи“ въ трехъ частяхъ* (стр. CLXIV+XCVIII+1771+CXIX) съ изслѣдованіемъ, картою Западной Руси въ XVII—XVIII в.в., рисунками монастырей и указателемъ личнымъ, географическимъ и предметнымъ.

Хотя проф. о. Титовъ выпустилъ въ свѣтъ „Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в.,“ какъ изданіе Кіевской Духовной Академіи“, но долгъ справедливости требуетъ сказать, что это колоссальное, по общему признанію, изданіе есть всецѣло трудъ редактора, какъ авторъ изъ присущей ему осторожности и скромности назвалъ себя. Это изданіе потребовало самаго усиленнаго, напряженнаго и самоотверженнаго труда въ теченіи семи лѣтъ непрерывно. Лѣтніе каникулярные мѣсяцы 1897—1903 годовъ, когда труженики науки пользуются обыкновенно заслуженнымъ отдыхомъ, проф. о. Титовъ проводилъ въ разысканіи актовъ въ разныхъ русскихъ (Кіевскихъ, Петербургскихъ, Московскихъ, Варшавскихъ, Виленскихъ, Могилевскихъ) и заграничныхъ (Львовскихъ, Краковскихъ, Вѣнскихъ и Дрезденскихъ) архивахъ, библіотекахъ и вообще книгохранилищахъ. Все свободное время въ теченіе учебнаго академическаго года имъ употреблялось на систематизированіе, оцѣнку и критическую провѣрку собранныхъ имъ документовъ, а въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ (1900—1904 г.г.), кромѣ того, и на печатаніе ихъ. Достойно замѣчанія, что проф. о. Титовъ не просилъ и не получалъ ни одной копѣйки на расходы по поѣздкамъ, на переписку и корректуру документовъ, равно какъ отказался, по желанію ректора Академіи, отъ предложенія Археографической Комиссіи напечатать эти акты за довольно значительную плату, которая съ излишкомъ могла бы покрыть всѣ означенные расходы... И нынѣ за этотъ трудъ, дѣйствительно, великій трудъ, онъ не ищетъ денежной да и вообще никакой награды.

Первый томъ памятниковъ „православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.“ состоитъ изъ двухъ половинъ. Первая—большая—половина содержитъ въ себѣ собственно „акты по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи въ XVII—XVIII вв.“, всего 746 актовъ.

О высокой цѣнности и научной важности этихъ актовъ давали свои отзывы уже двѣ комиссіи изъ профессоровъ Кіевской Дух. Академіи. Такъ, комиссія изъ профессоровъ-спеціалистовъ по русской исторіи—Н. И. Петрова, С. Т. Голубева и В. З. Завитневича, разсматривавшая акты по порученію Совѣта Академіи отъ 27 апрѣля 1900 года, еще въ рукописномъ ихъ видѣ, въ своемъ донесеніи отъ 16 мая того же года сдѣлала такой отзывъ, что акты эти „вводятъ изслѣдователя и вообще читателя въ самый процессъ исторической жизни Западной Россіи XVII—XVIII вв. и обнимаютъ собою такую полноту архивныхъ источниковъ для исторіи православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв., какой доселѣ не видно было ни у одного спеціалиста по этому предмету (см. Извлеченіе изъ протоколовъ Кіевской Дух. Академіи за 1899—1900 учебный годъ, стр. 336—337).

Другая комиссія изъ профессоровъ К. Д. Попова, А. А. Дмитріевскаго и прот. І. Н. Королькова, наблюдавшая, по порученію Совѣта Академіи, за печатаніемъ актовъ и нарочито разсматривавшая ихъ уже въ печатномъ видѣ, свидѣтельствуетъ, что авторъ могъ-бы, если-бы того пожелалъ, представить свой этотъ трудъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи. Присужденіе автору высшей ученой степени, *хотя отчасти*, по мнѣнію комиссіи, вознаградило бы проф. о. Титова за вполнѣ безкорыстное и самоотверженное отношеніе его къ порученному ему дѣлу.

Съ своей стороны, и я, какъ внимательно слѣдившій за печатаніемъ актовъ и цензуровавшій печатавшіеся „Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.“, составившіе первый томъ въ болѣе чѣмъ 2000 страницъ, могу и даже долженъ засвидѣтельствовать, что это изданіе представляетъ, дѣйствительно, научную цѣнность высокаго качества. Правда, при первомъ поверхностномъ взглядѣ на акты они не производятъ того видимаго, внѣшняго, бле-

стящаго впечатлѣнія, какое мы получаемъ, напримѣръ, отъ научнаго изслѣдованія. Но за то въ другихъ отношеніяхъ „Памятники" безмѣрно превосходятъ всякое, даже самое блестящее изслѣдованіе. Всякое вообще изслѣдованіе, какъ бы оно ни было научно и совершенно, не можетъ быть свободно отъ недостатковъ въ видѣ-ли неполноты заключенія, или въ видѣ ошибочности обобщеній, или, наконецъ, въ видѣ такого или иного одностороннаго обобщенія фактовъ. Съ другой стороны, всякое изслѣдованіе представляетъ уже болѣе или менѣе завершившійся процессъ, который отходитъ въ область исторіи съ самаго момента своего появленія на свѣтъ. Нѣчто иное представляютъ акты. Эти послѣдніе сообщаютъ намъ одни только чистые факты, свободные отъ всякихъ односторонностей, тенденціозныхъ, или прямо ошибочныхъ выводовъ. Какъ таковые они открываютъ широкое поле для изслѣдованія той области историческаго знанія, къ какой они относятся. Акты составляютъ не единичное, или частное, но общественное достояніе. Акты въ противоположность законченнымъ изслѣдованіямъ, представляютъ, если и не вѣчное, ибо подъ небомъ нѣтъ ничего вѣчнаго, то во всякомъ случаѣ вѣковое явленіе. Справедливо цѣнятся исагогическія и экзегетическія изслѣдованія, посвященныя правильному изъясненію текста Св. Писанія; но несравненно выше ставятся въ наукѣ древнѣйшія и подлинныя изданія самаго священнаго текста. Я, разумѣется, далекъ отъ мысли ставить на одну линію и библейскій текстъ и историческіе акты. Но приведенная аналогія имѣетъ цѣлію показать яснѣе глубоковажное научное значеніе изданія историческихъ актовъ. Я позволю себѣ привести еще одно сравненіе съ тою же цѣлію. О красотѣ и вообще качествѣ дерева мы судимъ по виду, степени свѣжести и зелени листьевъ; а о плодовыхъ деревьяхъ—по плодамъ ихъ. Но, вѣдь, листья дерева могутъ быть зелеными, сочными и вообще прекрасными и плоды его могутъ быть вкусными и пріятными только тогда,

когда корни у дерева здоровы и не попорчены. Тѣмъ самымъ, чѣмъ для дерева, его листьевъ и плодовъ служатъ корни, тѣмъ самымъ для историческихъ изслѣдованій являются акты. Какъ отъ полныхъ, здоровыхъ и не испорченныхъ корней выростаютъ добрые плоды, такъ точно только на основаніи вполнѣ собранныхъ, критически провѣренныхъ и научно изданныхъ актовъ могутъ быть составлены вполнѣ научныя историческія изслѣдованія.

Такая высокая научная цѣнность историческихъ актовъ давно уже сознана спеціалистами и не только нашими, но и заграничными. Мы имѣемъ уже цѣлый рядъ печатныхъ историческихъ актовъ, изданныхъ и цѣлыми учеными учрежденіями (Историческіе акты, Акты археографической экспедиціи) и частными лицами. Но, быть можетъ, ни одна область исторіи не нуждается въ такой степени въ изданіи и обнародованіи подлинныхъ историческихъ актовъ, какъ исторія нашей Западной Руси и, въ частности, западно-русской церкви. Западная Русь въ теченіи многихъ вѣковъ служила ареною, на которой боролись между собою двѣ народности—русская и польская, представительницы двухъ различныхъ образованностей (культуръ) восточно-православной и западно-латинской. Эта борьба продолжается и нынѣ, хотя и не на полѣ брани, а на страницахъ историческихъ изслѣдованій. Русскіе и польскіе историки съ фоліантами, хрониками и актами въ рукахъ оспариваютъ другъ у друга тѣ самыя поля и мѣстности, на которыхъ сражались съ копьями и щитами въ рукахъ и проливали кровь свою ихъ предки. И въ этой научно-исторической борьбѣ недостаточно еще просто сказать, что Западная Русь есть исконное достояніе Россіи, но нужно еще и показать, и не только показать, но и сдѣлать такъ, чтобы этотъ указываемый фактъ могли прочитать и провѣрить и другіе. Поэтому здѣсь, въ исторіи Западной Руси и, въ частности, западно русской церкви недостаточно ссылаться на архивный документъ, извѣстный историку, но желательно, и даже иногда рѣшительно необходимо показать его всѣмъ, желающимъ провѣрить слова историка.

Такой апологетическій характеръ исторіи западно-русской вообще и, въ частности, западно-русской церкви сознанъ уже давно и у насъ и за границей. Во Львовѣ, Краковѣ и даже Парижѣ существуютъ общества ученыя, занимающіяся изданіемъ документовъ, которые оправдываютъ польскую точку зрѣнія на исторію Западной Руси вообще и, въ частности, западно-русской церкви. И у насъ въ Вильнѣ, Варшавѣ, Кіевѣ и др. городахъ существуютъ также ученыя общества, занимающіяся изданіемъ актовъ, подтверждающихъ и доказывающихъ истинно русскій характеръ Западной Руси и нераздѣльность ея съ Россіею.

Той-же самой цѣли, только еще въ болѣе спеціальной области, именно церковно-исторической, посвященъ и колоссальный трудъ проф. о. Титова. Изданные имъ акты суть именно „Памятники православія и русской народности Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.“. Оставаясь вѣрнымъ себѣ до конца, желая быть во всемъ совершенно самостоятельнымъ, онъ избралъ для своего спеціальнаго изслѣдованія конецъ XVII в. и XVIII вѣкъ, какъ таковой періодъ времени въ исторіи западно-русской церкви, который наиболѣе нуждается въ изученіи, такъ какъ его не касались почти совершенно наши прежніе изслѣдователи.

Такимъ образомъ уже одни акты, составляющіе большую половину труда проф. о. Титова, имѣютъ высокую научную цѣнность. Но къ актамъ профессоръ присоединилъ „Изслѣдованіе о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII вв.“, составляющее другую—меньшую половину труда его. „Изслѣдованіе о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII вв.“, представляющее весьма цѣнный вкладъ въ науку исторіи западно-русской церкви, столь мало разработанной у насъ особенно за XVII—XVIII вв., посвящено весьма важному и доселѣ бывшему совершенно неизвѣстнымъ даже для спеціалистовъ предмету.

Въ 1686 г. послѣ двухвѣкового раздѣльнаго существованія сѣверо-восточной и западно-русской половинъ нашей церкви, Кіевская митрополія присоединилась къ Московскому патріарха-

ту, а Кіевскій митрополитъ, бывшій дотолѣ подъ властью вселенскаго патріарха, подчинился Московскому патріарху и вмѣстѣ съ Кіевомъ, который только въ это время окончательно сдѣлался русскимъ городомъ, перешелъ въ предѣлы Россіи. Но многіе православные монастыри (всего до 50 монастырей), бывшіе подъ властью Кіевскаго митрополита, остались послѣ 1686 года въ предѣлахъ Польши. Они то и получили названіе „заграничныхъ“ монастырей. Такъ образовался весьма оригинальный, исключительный въ исторіи нашей церкви и весьма замѣчательный по своей исторіи церковный институтъ. Постепенно опредѣлился составъ, равно какъ и устройство заграничныхъ монастырей. Разсѣянные по всему пространству обширной Западной Руси—отъ Кіева до Варшавы и Вильны и отъ Брестъ-Литовска до Витебска и Могилева они объединились и составили единое цѣлое, какъ бы особенное духовное царство, особый міръ въ польско-литовскомъ государствѣ. Зависимость отъ Кіевскаго митрополита, съ одной стороны, гнетъ, стѣсненія и открытыя преслѣдованія католиками и уніатами, съ другой стороны, содѣйствовали объединенію и возможно большей сплоченности заграничныхъ монастырей. Преслѣдованія этихъ враговъ, продолжавшіяся вѣками, закалили иноковъ этихъ обителей и закрѣпили величайшую преданность ихъ православію и русской народности. Они образовали какъ бы гранитную скалу, неприступную крѣпость, о которую разбивались всѣ усилія враговъ западно-русскаго православнаго народа, направленныя къ совершенному подавленію его, какъ бы духовный свѣточъ, озарявшій хотя и слабымъ, но никогда не угасавшимъ свѣтомъ православія Западную Русь XVII—XVIII вв., какъ бы малую закваску, при посредствѣ которой во второй половинѣ XVIII в. начался и совершился замѣчательный въ исторіи нашей церкви процессъ возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ, иначе возрожденія западно-русской православной народности.

Вотъ этого то замѣчательнаго института общія историческія судьбы проф. о. Титовъ и излагаетъ въ своемъ „Изслѣдо-

ваніи о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII вв.". Здѣсь онъ знакомитъ читателей съ исторіей присоединенія и образованія института заграничныхъ монастырей, съ составомъ его, съ раздѣленіемъ монастырей на группы, говоритъ объ устройствѣ—внѣшнемъ и внутреннемъ, отношеніи къ Кіевскому митрополиту, къ Россіи, о значеніи ихъ въ исторіи борьбы Западной Руси за вѣру и народность. Здѣсь же онъ излагаетъ и исторію западно-русскихъ православныхъ церквей, находившихся въ вѣдѣніи монастырей—Слуцкаго и Пинскаго, равно какъ и Варшавской капелланіи, которая также имѣла свою замѣчательную судьбу и значеніе въ исторіи борьбы Западной Россіи за вѣру и народность.

Къ „Изслѣдованію о заграничныхъ монастыряхъ" приложена и карта Западной Руси XVII—XVIII вв., составленная проф. о. Титовымъ. Составленіе этой карты, съ одной стороны, потребовало несомнѣнно отъ автора большихъ усилій, а съ другой стороны краснорѣчиво обнаруживаетъ его прекрасное и детальное знакомство съ краемъ, историческія судьбы котораго онъ изучаетъ.

Все это даетъ основаніе полное для убѣжденія, что проф. о. Титовъ и въ будущемъ будетъ обогащать науку исторіи западно русской церкви капитальными изслѣдованіями. Эту общую нашу увѣренность, основанную на свыше 12-лѣтней непрерывной и неутомимой учено литературной, церковно-исторической дѣятельности, проф. о. Титовъ уже блестяще оправдалъ, успѣвъ, въ теченіи полугода, пока мы разсматривали „Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи XVII—XVIII вв.", напечатать еще два капитальныхъ ученыхъ изслѣдованія, основанныхъ на этихъ „Памятникахъ" и служащихъ, въ свою очередь, только добрымъ началомъ весьма важнаго широко задуманнаго ученаго труда по исторіи западно-русской церкви. Эти изслѣдованія поданы проф. о. Титовымъ въ Совѣтъ для соисканія ученой степени доктора церковной исторіи.

II.

Первый изъ новыхъ трудовъ проф. о. Титова озаглавливается такъ: „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.в. Первый томъ. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. Первая половина тома (1654—1725 г.)". Кіевъ. 1905 г. стр. 400, съ картою западной Руси въ XVII—XVIII в.в.

Этотъ трудъ проф. о. Титова посвященъ весьма важному и весьма любопытному предмету въ исторіи западно-русской православной церкви. Главнѣйшую особеность этой исторіи во всѣ времена ея составляла, между прочимъ, борьба православной западно-русской церкви и всего вообще народа за свои основныя и драгоцѣннѣйшія сокровища, т. е. за вѣру и народность. Со второй половины XVII в. эта борьба Западной Руси за вѣру и народность начинаетъ замѣтно принимать особенный характеръ, позволяющій ученому изслѣдователю считать время со второй половины XVII в. до конца XVIII в. совершенно особеннымъ періодомъ въ исторіи западно-русской церкви. Къ началу второй половины XVII в. Западная Русь значительно сократилась и, потому, ослабѣла въ своей вѣковой борьбѣ за вѣру и народность. Главная слабость ея заключалась въ томъ, что она, благодаря мѣрамъ, принятымъ латино-уніатами, лишилась средствъ, какими прежде она съ такимъ успѣхомъ пользовалась въ защитѣ своихъ правъ и своего достоянія отъ противниковъ. Постепенно она почти совсѣмъ лишилась знатнаго и вліятельнаго дворянства, которое въ громадномъ большинствѣ своемъ перешло въ католичество, а также и школъ, которыя прежде служили такимъ могущественнымъ орудіемъ для борьбы съ латино-уніатами. Теперь главную опору православія и русской народности составляли, съ одной стороны, самыя массы русскаго народа, глубоко преданнаго своей вѣрѣ и объединявшагося въ видахъ защиты ея въ церковныя братства, а съ другой стороны, покровительство и помощь со

стороны единовѣрной Россіи. Такъ какъ народъ и братства составляли теперь главнѣйшую силу православія и русской народности въ Западной Руси, то на нихъ преимущественно сосредоточивали и латино-уніаты свою вражду и свои преслѣдованія. Выразительными моментами въ систематическомъ преслѣдованіи православія и русской народности латино-уніатами въ данное время является, съ одной стороны, постановленіе польскаго сейма 1676 г., которымъ запрещались западно-русскимъ православнымъ братствамъ всякія сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя братства подчинялись епархіальнымъ архіереямъ, а съ другой стороны, фанатичный іезуитскій проэктъ уничтоженія русской вѣры и народности въ Западной Руси, представлявшійся сейму 1717 г.

Но по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ сейчасъ указанныхъ и многихъ другихъ мѣръ стѣсненія, ограниченія и преслѣдованія, православіе и русская народность въ Западной Руси съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сокращались, возрастало могущество Россіи, которая съ теченіемъ времени стала оказывать все большее и большее вліяніе на свою ослабѣвшую сосѣдку— Польшу. Войны царя Алексѣя Михайловича, переговоры московскихъ дипломатовъ временъ Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича съ польскимъ правительствомъ, заключеніе договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею въ 1686 г. и, наконецъ, заступничество императора Петра I были главнѣйшими и выдающимися моментами въ исторіи покровительства и защиты Россіи въ отношеніи православнаго населенія Польши.

Вотъ та историческая сцена, на которой происходила непрерывная и упорная борьба Западной Руси за вѣру и народность отъ 1654 г. до 1725 г., описываемая проф. Ѳ. Титовымъ въ его новомъ изслѣдованіи. Борьба Западной Руси за вѣру и народность была именно борьбою двухъ противниковъ, изъ коихъ латино-уніаты были нападающею, а православные защищающеюся стороной. Соотвѣтственно этому и проф. ѳ. Титовъ

въ своей книгѣ разсматриваетъ борьбу Западной Руси за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. съ двухъ сторонъ: во 1) со стороны тѣхъ средствъ и мѣръ, какія употребляли латино-уніаты для подавленія и даже, по возможности, для уничтоженія русской народности въ Польшѣ, и во 2) со стороны тѣхъ средствъ и мѣръ, какія употребляли православные западно-руссы для защиты своей вѣры и народности. Поэтому, первую половину каждой изъ двухъ обширныхъ частей свой книги авторъ посвящаетъ описанію преслѣдованій, какимъ подвергалась Западная Русь со стороны латино-уніатовъ, а вторую—изложенію средствъ и мѣръ, какими защищались православные западно-руссы. А такъ какъ заключеніе договора о мирѣ вѣчномъ между Россіею и Польшею въ 1686 г. было важнѣйшимъ моментомъ въ исторіи борьбы за вѣру и народность Западной Руси въ XVII—XVIII в.в., то проф. о Титовъ естественно дѣлитъ свою книгу на двѣ части, причемъ въ первой разсматриваетъ борьбу Западной Руси за вѣру и народность 1654—1686 г.; а во второй—1686—1725 г., до кончины императора Петра I, бывшаго убѣжденнымъ и могущественнымъ защитникомъ и покровителемъ Западной Руси.

Въ частности, въ первой части своей книги, въ 14 ея главахъ, проф. о. Титовъ говоритъ: 1) о присоединеніи Малороссіи къ Россіи 1654 г. (стр. 3—5); 2) о составѣ и общемъ характерѣ положенія православной церкви въ русскомъ народѣ, оставшемся въ Польшѣ послѣ присоединенія Малороссія къ Россіи (стр. 5—8); 3) о польскихъ узаконеніяхъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, направленныхъ противъ православія и русскаго народа (стр. 9-19); 4) о притѣсненіяхъ польскимъ правительствомъ православныхъ митрополитовъ и архіереевъ и привлеченіи ихъ на унію (стр. 19—26); 5) о новой попыткѣ введенія уніи въ Западной Руси и Люблинскомъ съѣздѣ 1680 г. (стр. 26—31); 6) о тайномъ преслѣдованіи православныхъ западно-руссовъ съ цѣлью обращенія ихъ въ унію (стр. 31—38); 7) о литературной борьбѣ противъ православія и русской

народности въ Западной Руси (обзоръ содержанія и критическая оцѣнка полемическихъ сочиненій противъ православія (стр. 38—40); 8) о войнахъ Россіи съ Польшею за свободу вѣры и права западно-русскаго народа (стр. 40—48); 9) о переговорахъ между русскимъ и польскимъ правительствами по поводу предоставленія западно-русскому народу свободы вѣроисповѣданія и одинаковыхъ съ другими польскими гражданами правъ (стр. 48—74); 10) объ участіи западно-русскихъ православныхъ братствъ въ борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность (стр. 74—80); 11) объ участіи Кіевской Академіи въ борьбѣ западной Россіи за вѣру и народность (стр. 81—87); 12) объ особенно замѣчательныхъ дѣятеляхъ, принимавшихъ участіе въ борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность (стр. 87—95); 13) о присоединеніи Кіевской митрополіи къ Московскому патріархату (стр. 96—102) и 14) о заключеніи вѣчнаго мира между Россіею и Польшею въ 1686 г. и окончательномъ переходѣ Кіева отъ Польши къ Россіи (стр. 102—110).

Во второй—большей—части своей книги авторъ изображаетъ борьбу Западной Руси за вѣру и народность отъ времени заключенія договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею до конца царствованія императора Петра I, т. е. 1686—1725 г. Въ 27 главахъ ея, послѣ общей характеристики положенія православно-русскаго населенія Польши отъ времени заключенія вѣчнаго мира между Россіею и Польшею до конца царствованія императора Петра I (стр. 111—115), говорится, въ частности, во 1) о неутвержденіи договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польскимъ правительствомъ и отказомъ внести его въ сеймовыя конституціи, безъ чего онъ терялъ силу обязательнаго государственнаго закона (стр. 115—127), во 2) о преслѣдованіяхъ православныхъ западно-руссовъ польскимъ правительствомъ, именно: польскихъ узаконеніяхъ и правительственныхъ постановленіяхъ, направленныхъ противъ православія и русской народности (стр. 127—132), въ 3) о проэктѣ окончательнаго уничтоженія русской вѣры и народности въ Польшѣ

(132—145), въ 5) о потеряхъ православной Западной Руси, бывшихъ слѣдствіемъ примѣненія къ православной вѣрѣ и народности русской ограничительныхъ постановленій правительства и проэкта 1717 г. (стр. 145—147), въ 6) о насильственномъ превращеніи Перемышльской епархіи на унію (стр. 147—154), 7) о насильственномъ превращеніи Галицко-Львовской православной епархіи на унію (стр. 155—173), 8) о насильственномъ превращеніи Луцкой православной епархіи на унію (стр. 173—192), 9) о преслѣдованіяхъ православныхъ въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ (стр. 192—196), 10) о преслѣдованіяхъ православныхъ въ Минскѣ (196—200), 11) о преслѣдованіяхъ православныхъ въ Брестѣ Литовскомъ и Бѣлостокѣ (стр. 200—203), 12) о преслѣдованіяхъ православныхъ въ Слуцкѣ и Слуцкомъ княжествѣ (стр. 203—207), 13) о преслѣдованіи православныхъ въ Пинскѣ (стр. 207—212), 14) о преслѣдованіяхъ православныхъ на Волыни и Подоліи (стр. 212—227), 15) о литературной борьбѣ противъ православія и русской народности въ Западной Руси (стр. 227—233), гдѣ критически разбирается сочиненіе іезуита Кулеша подъ заглавіемъ „Православная вѣра", 16) о замойскомъ соборѣ и окатоличеніи западно-русскихъ уніатовъ (стр. 234—238).

Съ 17 главы начинается описаніе тѣхъ средствъ и мѣръ, какія употребляли православные западно-руссы для защиты своей вѣры и народности отъ преслѣдованій со стороны латино-уніатовъ, а именно здѣсь говорится 17) о заступничествѣ русскаго правительства за православныхъ западно-руссовъ, подвергавшихся гоненію въ Польшѣ, путемъ переговоровъ русскаго правительства съ польскимъ по вопросу о предоставленіи православнымъ западно-руссамъ свободы вѣроисповѣданія и одинаковыхъ съ другими польскими гражданами правъ (стр. 238—250), 18) о заступничествѣ императора Петра I за гонимыхъ православныхъ западно-руссовъ (250—256), 19) о дѣятельности русскаго коммисара Игнатія Рудаковскаго на пользу православія и русской народности въ Западной Руси

(стр. 257—263), 20) о дѣятельности Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, митрополита Кіевскаго, на пользу православія и русской народности въ Западной Руси (263—270), 21) объ участіи Варлаама Ясинскаго, митрополита Кіевскаго, въ борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность (270—286), 22) о дѣятельности Іоасафа Кроковскаго, митрополита Кіевскаго, на пользу православія и русской народности въ Западной Руси (стр. 286—288), 23) о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи и ихъ значеніи въ борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность (стр. 288—301), 24) объ участіи православныхъ братствъ въ борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность (стр. 301—312), 25) о значеніи Кіевской Академіи въ исторіи борьбы Западной Руси за вѣру и народность (312—317), 26) о возстановленіи Бѣлорусской (Могилевской) епархіи (стр. 317—323) и, наконецъ, о дѣятельности Бѣлорусскаго епископа Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго на пользу православія и русской народности въ Западной Руси.

Таково въ общемъ содержаніе новаго труда проф. о. Титова. Книга его снабжена научными критическими примѣчаніями (544 числомъ), въ которыхъ указывается литература предмета, дѣлаются обширныя и обстоятельныя разъясненія и оправданія положеній, высказываемыхъ авторомъ, и, наконецъ, исправляются ошибки и неточности, допущенныя другими учеными, касавшимися тѣхъ предметовъ и вопросовъ, о́ которыхъ разсуждаетъ авторъ. Къ книгѣ приложены еще 1) указатели лицъ, мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ авторомъ, и 2) карта Западной Руси, составленная авторомъ и служащая прекрасной иллюстраціей для разсказовъ, содержащихся въ книгѣ.

Новый трудъ проф. о. Титова представляетъ совершенно самостоятельное изслѣдованіе, составленное почти исключительно на основаніи имъ самимъ разысканныхъ и собранныхъ актовъ, частію вошедшихъ въ первый томъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи XVII—XVIII в. в.,“ частію же имѣющихъ войти въ послѣ-

дующіе томы того же изданія. Всѣ положенія, высказываемыя авторомъ въ его книгѣ, прочны и вполнѣ научно обставлены. Сужденія автора отличаются научною объективностью и полнымъ безпристрастіемъ. Нѣтъ ни малѣйшихъ попытокъ къ преувеличенію и неестественному освѣщенію фактовъ. Изложеніе отличается легкостью и чистотою отдѣлки. Книга читается съ полнымъ интересомъ. Нельзя не отмѣтить еще одного свойства книги: общедоступность языка, который въ одинаковой степени понятенъ и образованному и простому читателю.

Посмотримъ на цѣнность этой книги и съ другой стороны. Цѣнность научнаго труда вообще, помимо внутреннихъ и внѣшнихъ качествъ его самого, о чемъ сказано сейчасъ, въ значительной степени опредѣляется еще тѣмъ, что именно и насколько новаго даетъ тотъ или другой трудъ для науки. Попытаемся оцѣнить эту книгу проф. о. Титова съ данной именно точки зрѣнія.

Безспорно, что борьба западно-русскаго народа въ Польшѣ составляла положительно доминирующій моментъ во всей исторической жизни его. Эта борьба на протяженіи XV, XVI, XVII и XVIII в. в. являлась тѣмъ фокусомъ, въ которомъ сливались высшія и лучшія силы, стремленія и запросы западно-русскаго народа. Само собою разумѣется, что исторія этой борьбы должна привлекать къ себѣ вниманіе историковъ, отъ которыхъ общество вправѣ ожидать истиннаго, точнаго и безпристрастнаго изображенія и освѣщенія исторіи столь важнаго момента въ жизни Западной Руси. Такъ, дѣйствительно, и смотрятъ на дѣло историки, напр., польскіе. Польская историческая литература изобилуетъ сочиненіями, въ которыхъ изображается и оцѣнивается историческая и культурная жизнь и дѣятельность западно-русскаго населенія. Къ сожалѣнію, большинство авторовъ этихъ сочиненій крайне тенденціозно относится къ вопросу о положеніи русскаго народа въ Польшѣ и о значеніи его въ культурной исторіи народовъ. Достаточно

указать на сочиненіе А. Яблоновскаго, посвященное исторіи Кіевской Академіи и крайне тенденціозно и односторонне оцѣнивающее заслуги Академіи нашей въ исторіи Западной Руси, что обстоятельно выяснено проф. о. Титовымъ въ его рефератахъ, читанныхъ и въ нашемъ Церковно-историческомъ и археологическомъ обществѣ и въ ученомъ Обществѣ при Кіевскомъ Университетѣ. Такое отношеніе польскихъ историковъ къ важному вопросу тѣмъ болѣе, по нашему мнѣнію, обязываетъ и нашихъ историковъ пересмотрѣть этотъ вопросъ и рѣшить его въ точномъ соотвѣтствіи съ положительными историческими документами. Нельзя сказать, чтобы и наши русскіе историки оставались равнодушными къ данному вопросу. Не говоря уже о трудѣ м. Макарія, девятый томъ исторіи русской церкви котораго посвященъ спеціально изображенію историческихъ судебъ западно-русской церкви въ Польшѣ въ XV—XVI в. в., а въ X, XI и XII томахъ того же труда его сообщаются болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія о томъ же предметѣ за XVII в. до половины его. Извѣстное освѣщеніе вопроса о положеніи западно-русскаго народа въ Польшѣ мы имѣемъ въ трудахъ профессоровъ М. Кояловича, И. Чистовича, В. З. Завитневича и др. Кромѣ того мы имѣемъ и спеціальное сочиненіе, посвященное вопросу о „борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность.“ Разумѣемъ трудъ покойнаго профессора нашей Академіи И. И. Малышевскаго.

Этотъ трудъ, по нашему мнѣнію, оказалъ свое извѣстное вліяніе и на разсматриваемую нами книгу проф. о. Титова. Дробленіе на части, которое не всегда можетъ быть одобрено, и легкій, изящный, общедоступный языкъ, пересыпанный удачными выдержками изъ современныхъ описываемымъ событіямъ памятниковъ,—вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, выразилось вліяніе труда И. И. Малышевскаго на это изслѣдованіе проф. о. Титова. Да другого, такъ сказать, матеріальнаго вліянія въ данномъ случаѣ и не могло быть, такъ какъ сочиненіе И. И. Малышевскаго подъ заглавіемъ „Западная Русь въ борьбѣ за

вѣру и народность“ (С. П. Б. 1897) доведено имъ только до половины XVII в., т. е. до того самаго пункта, съ какого начинаетъ свое изслѣдованіе проф. о. Титовъ. Чѣмъ же могъ пользоваться этотъ послѣдній въ наличной русской церковно-исторической печатной литературѣ, при составленіи своего труда, и могъ ли онъ чѣмъ—либо пользоваться вообще? Вся наличность научной литературы по вопросу о борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность въ XVII—XVIII в. в. съ 1654 г. до 1795 г. исчерпывается: 1) краткими, общими, преимущественно біографическими свѣдѣніями, содержащимися въ сочиненіи И. Чистовича: „Очеркъ исторіи западно-русской церкви,“ во второй части его (С. П. Б. 1884 г.); 2) еще болѣе краткими и общими, представляющими отрывочныя выдержки изъ документовъ, свѣдѣніями, заключающимися въ книгѣ Н. Бантышъ—Каменскаго подъ заглавіемъ: „Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи“ (Москва, 1805 г.); 8) весьма краткими и часто случайными замѣчаніями, разсѣянными въ сочиненіи исторіографа С. М. Соловьева „Исторія Россіи...“ Только уже за конецъ XVIII в. свѣдѣнія о борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность становятся болѣе полными и обстоятельными, благодаря сочиненію проф. М. Кояловича о „возсоединеніи старыхъ уніатовъ.“

Итакъ, въ нашей русской исторической литературѣ до послѣдняго времени отсутствовали не только спеціальныя изслѣдованія по важному вопросу о борьбѣ западной Руси за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. (1654—1795 г.), но даже и такіе труды, которые бы могли дать болѣе или менѣе достаточный матеріалъ для ознакомленія съ даннымъ вопросомъ. Этотъ пробѣлъ въ русской церковно-исторической научной литературѣ, за время 1654—1725 г., и восполняетъ своею книгою проф. о. Титовъ.

Само собою понятно, что книга его при отсутствіи печатныхъ источниковъ и пособій, составлена почти исключительно на основаніи рукописнаго архивнаго матеріала, или же такого

печатнаго первоисточнаго матеріала, какой прежними историками не употреблялся въ дѣло, или же, если и употреблялся, то не въ такой полной мѣрѣ, какъ это мы видимъ въ книгѣ проф. о Титова. Исторія отношеній польскаго правительства, польскаго римско-католическаго и уніатскаго духовенства, и, наконецъ, всего вообще польскаго общества къ западно-русскому православному населенію Польши охарактеризованы авторомъ на основаніи польскихъ сеймовыхъ конституцій (Volumina legum), полемическихъ сочиненій (особенно подробно разсмотрѣна малоизвѣстная въ нашей литературѣ книга іезуита А. Кулеша подъ заглавіемъ „Wiara prawosławna“ и соборныхъ постановленій (напр., Замойскаго уніатскаго собора 1820 г.) и произведеній частныхъ лицъ разнообразнаго характера (напр., проэкта 1717 г. объ окончательномъ уничтоженіи русской вѣры и народности въ польско-литовскомъ государствѣ). Исторія-же дѣйствительнаго положенія западно-русскаго народа въ Польшѣ за время 1654—1725 г.г. и особенно исторія защиты имъ своихъ религіозныхъ правъ и національнаго достоянія весьма полно, рельефно и подробно изображена авторомъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ имъ въ русскихъ архивахъ, особенно извлеченныхъ изъ польскихъ статейныхъ списковъ и польскихъ малороссійскихъ дѣлъ, хранящихся въ Московскихъ архивахъ—Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Министерства Юстиціи.

Такимъ образомъ, это сочиненіе проф. о. Титова, разсмотрѣнное нами сейчасъ, представляетъ собою трудъ въ полномъ смыслѣ слова новый, самостоятельный и цѣнный.

Второй трудъ проф. о. Титова озаглавливается такъ: „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.в. Томъ второй. Кіевская митрополія-епархія въ XVII—XVIII в.в. Первая половина. Кіевъ. 1905 г.“

Проф. о. Титовъ отводитъ особый томъ своего обширнаго труда спеціально для исторіи Кіевской митрополіи-епархіи въ XVII—XVIII в.в. потому, что Кіевская митрополія-епархія имѣла

глубоко важное значеніе въ исторіи Западной Руси XVII—XVIII в.в. вообще. На основаніи девятой статьи договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею 1686 года Кіевскій митрополитъ былъ главнымъ начальственнымъ архипастыремъ всей православной русской церкви, существовавшей тогда въ Польшѣ. У него должны были получать посвященіе всѣ западно-русскіе епископы, къ нему имѣли право обращаться въ духовныхъ дѣлахъ всѣ православные западно-руссы духовные и мірскіе, монастыри и братства; наконецъ, въ непосредственномъ подчиненіи ему въ Западной Руси была довольно значительная т. н. заграничная часть его епархіи. Благодаря всему этому, Кіевскіе митрополиты въ XVII—XVIII в.в. оказали могущественное воздѣйствіе на православно-русское населеніе Польши, и авторитетъ Кіевскаго православнаго митрополита въ Польшѣ до самаго конца ея существованія стоялъ высоко. А это, въ свою очередь, было достаточнымъ основаніемъ для проф. о. Титова къ выдѣленію въ особую книгу изслѣдованія о Кіевской митрополіи-епархіи въ XVII—XVIII в.в., при чемъ исторія этой послѣдней разсматривается имъ преимущественно со стороны отношеній Кіевской митрополіи и Кіевскихъ митрополитовъ къ западнорусской православной церкви, существовавшей въ Польшѣ.

Книга состоитъ изъ двухъ частей, каждая изъ коихъ, въ свою очередь, раздѣляется на нѣсколько главъ.

Въ первой части—двѣ главы. Глава первая, называемая авторомъ вступительною, посвящена изложенію историческихъ обстоятельствъ образованія Кіевской епархіи. Въ десяти отдѣлахъ главы излагается окончательное образованіе Кіевской епархіи въ 1685—6 г. (стр. 1—2), дѣлается краткій обзоръ исторіи Кіевской епархіи до 1685—6 г., съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на территоріальный составъ и границы ея (стр. 1—8), излагается исторія возсоединенія западно-русской церкви съ сѣверо-восточною (московскимъ патріархатомъ (стр. 8—15), избраніе Луцкаго епископа Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго Кіевскимъ митрополитомъ (стр. 15—22), протестъ

малороссійскаго духовенства противъ подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху (стр. 22—26), посвященіе Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго въ санъ Кіевскаго митрополита въ Москвѣ (стр. 26—30), возвращеніе м. Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго въ Кіевъ и грамоты, данныя ему московскими царями и патріархомъ (стр. 30—35), изъявленіе константинопольскимъ патріархомъ своего согласія на подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху (стр. 35—42), заключеніе вѣчнаго мира между Россіею и Польшею въ 1686 г. и образованіе заграничной части Кіевской епархіи (стр. 42—49) и, наконецъ, кратко описываются права Кіевскаго митрополита въ XVII—XVIII в.в. въ отношеніи къ православной церкви, оставшейся въ Польшѣ послѣ заключенія вѣчнаго мира 1686 г. (стр. 49—51).

Во второй главѣ первой части книги говорится о составѣ и границахъ Кіевской епархіи въ 1685—6 г. до конца XVIII в. Здѣсь послѣ общихъ разсужденій о раздѣленіи Кіевской епархіи въ XVII—XVIII в.в. на епархію—собственную и заграничную (стр. 52—53) и о способѣ опредѣленія границъ собственной Кіевской епархіи въ концѣ XVII и въ XVIII в. в. (стр. 53—54) авторъ очень подробно и внимательно слѣдитъ за перемѣнами, происходившими въ составѣ и границахъ собственной Кіевской епархіи въ теченіе XVII—XVIII в.в. (стр. 54—77).

Вторая—большая—половина разсматриваемой главы (стр. 77—202) посвящена спеціальному описанію границъ и состава, т. н. заграничной части Кіевской епархіи въ XVII—XVIII в.в., т. е. тѣхъ православныхъ монастырей и приходскихъ церквей, которые находились въ Польшѣ и были въ непосредственномъ подчиненіи у Кіевскихъ митрополитовъ.

Во второй части книги излагается исторія іерархіи Кіевской митрополіи—епархіи XVII—XVIII в. в. Въ первой половинѣ второго тома своего труда авторъ напечаталъ пока очерки трехъ Кіевскихъ митрополитовъ, управлявшихъ Кіевскою митрополіею—епархіею въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.,

а именно: 1) Гедеона Святополкъ Четвертинскаго; Варлаама Ясинскаго и 3) Іоасафа Кроковскаго. Авторъ изложеніе кіевской іерархіи прерываетъ въ первой половинѣ второго тома своего обширнаго труда, посвященнаго историческимъ судьбамъ русской православной церкви въ Польшѣ и Литвѣ, на біографіи Іоасафа Кроковскаго потому, что и положеніе Кіевскихъ архипастырей и, въ частности, ихъ отношенія къ православно-русской церкви въ Польшѣ существенно измѣнились послѣ смерти м. Іоасафа Кроковскаго († 1 Іюля 1718 г.), съ учрежденіемъ Св. Синода.

Біографіи Кіевскихъ митрополитовъ: Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, Варлаама Ясинскаго, Іоасафа Кроковскаго излагаются въ книгѣ проф. о. Титова весьма подробно, обстоятельно и вполнѣ научно, при чемъ особенное вниманіе обращается авторомъ на отношенія Кіевскихъ іерарховъ православно—русской церкви въ Польшѣ.

Такъ, напр., біографическій очеркъ Гедеона Святополкъ Четвертинскаго (1685—1690) занимаетъ въ книгѣ около 100 страницъ и представляетъ собою небольшое, но прекрасно составленное изслѣдованіе о жизни и дѣятельности этого іерарха, бывшаго доблестнымъ борцомъ за православіе и русскую народность въ Польшѣ и первымъ устроителемъ Кіевской митрополіи—епархіи, образовавшейся въ 1685—6 г. г. (стр. 213—305).

Въ частности, проф. о. Титовъ говоритъ здѣсь о происхожденіи м. Гедеона Святополкъ Четвертинскаго (стр. 213—214), о жизни его до избранія его на Луцкую архіерейскую каѳедру (стр. 215—216), о дѣятельности его, какъ епископа, Луцкаго, и участіи въ борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность (стр. 221—226), о дѣятельности Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго, епископа Луцкаго, съ того времени, когда онъ сдѣлался единственнымъ „правовѣрнымъ" епископомъ въ Польшѣ и главнымъ руководителемъ Западной Руси въ ея борьбѣ за вѣру и народность (стр. 226—235), о дѣятельности

его, какъ духовнаго главы всего православнаго русскаго населенія въ Польшѣ (стр. 235—239), о сношеніяхъ Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, какъ Луцкаго епископа, съ русскимъ правительствомъ по дѣлу о защитѣ православія и русской народности, подвергавшихся преслѣдованію въ Польшѣ (стр. 239—247), о преслѣдованіяхъ Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, епископа Луцкаго, съ цѣлью принудить его къ переходу въ унію и бѣгствѣ его въ Россію (стр. 247—252), о жизни преосв. Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, епископа Луцкаго, въ Малороссіи до избранія его въ санъ Кіевскаго митрополита (стр. 253—256), о сношеніяхъ его съ Московскимъ правительствомъ во время пребыванія его въ Батуринѣ (стр. 257—263).

Сдѣлавъ потомъ ссылку на прежде изложенную исторію избранія и посвященія Гедеона Святополкъ Четвертинскаго (въ рѣчи объ окончательномъ образованіи Кіевской митрополіи—епархіи), авторъ продолжаетъ дальнѣйшее изображеніе жизнедѣятельности Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, какъ Кіевскаго митрополита. Здѣсь онъ говоритъ о заботахъ преосв. Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, какъ митрополита Кіевскаго, о православныхъ въ Польшѣ (стр. 263—270), о сношеніяхъ его съ Московскимъ патріархомъ Іоакимомъ, по случаю жалобъ на него со стороны Іосифа Шумлянскаго, епископа Львовскаго (стр. 270—274), о заботахъ его касательно благоустройства Кіево-Софійскаго каѳедральнаго монастыря, другихъ кіевскихъ храмовъ и всей вообще кіевской митрополіи—епархіи (стр. 274—281), объ ограниченіи нѣкоторыхъ правъ м. Гедеона Святополкъ Четвертинскаго и общемъ характерѣ его архипастырско-административной дѣятельности (стр. 281—285), объ освобожденіи Кіево-Печерской Лавры и Черниговской архіепископіи изъ подъ власти Кіевскаго митрополита (стр. 286—291), о сношеніяхъ Гедеона Святополкъ Четвертинскаго съ Московскимъ патріархомъ Іоакимомъ по церковно-богословскимъ вопросамъ (о Флорентійскомъ соборѣ и времени пресуще-

ствленія Св. даровъ, стр. 291—296), о кончинѣ, погребеніи и завѣщаніи м. Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго (стр. 296—299). Очеркъ заканчивается общей характеристикой Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, какъ человѣка и архипастыря (стр. 299—305).

Такимъ же обиліемъ содержанія, полнотою и строго-научностію обозрѣнія отличаются и другіе два біографическіе очерка, содержащіеся въ книгѣ, митрополитовъ: Варлаама Ясинскаго (1690—1707 г.) и Іоасафа Кроковскаго (1707—1708 г.).

Такъ, напр., послѣ изложенія жизни и дѣятельности Варлаама Ясинскаго въ годы его ученія и первоначальной преподавательской дѣятельности (стр. 306—308), Варлаамъ Ясинскій изображается у автора, какъ ректоръ Кіевской Коллегіи (стр. 309—317), какъ проповѣдникъ, типографъ и намѣстникъ Кіево-Печерской Лавры и игуменъ Кіево-Никольскаго Пустыннаго монастыря (стр. 317—321,) какъ архимандритъ Кіево-Печерской Лавры (стр. 321—230). Сказавъ, далѣе, подробно объ обстоятельствахъ избранія (стр. 330—340) и посвященія Варлаама Ясинскаго въ Кіевскіе митрополиты, авторъ затѣмъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на изображеніи дѣятельности м. Варлаама Ясинскаго, выразившейся въ его отношеніяхъ къ западно-русской православной церкви въ Польшѣ и заботахъ о ней. Здѣсь именно авторъ изображаетъ заботы м. Варлаама Ясинскаго о православной церкви въ Польшѣ и, въ частности, объ установленіи прочныхъ сношеній его съ заграничною паствою Кіевскаго митрополита, при чемъ излагается содержаніе окружнаго посланія м. Варлаама Ясинскаго „ко всѣмъ сынамъ православной русской церкви въ Польшѣ“ отъ 15 марта 1691 г. (стр. 347—352), говоритъ о чрезвычайныхъ ревизіяхъ Виленскаго Св. Духовскаго и Могилевскаго Богоявленскаго заграничныхъ братствъ, по иниціативѣ м. Варлаама Ясинскаго (стр. 352—365), объ участіи м. Варлаама Ясинскаго въ послѣднихъ судьбахъ Луцкой заграничной православной епархіи (стр. 365—382), о возстановленіи Бѣлорусской (Могилевской)

православной епархіи, при дѣятельномъ участіи м. Варлаама Ясинскаго (стр. 382—389).

Переходя затѣмъ къ изображенію архипастырской дѣятельности м. Варлаама Ясинскаго по управленію т. н. собственною Кіевскою епархіею, авторъ говоритъ о недостаткахъ и безпорядкахъ во внутренней жизни и управленіи собственной Кіевской митрополіи-епархіи при м. Варлаамѣ Ясинскомъ (стр. 389—399), о церковныхъ соборахъ въ Кіевѣ при м. Варлаамѣ Ясинскомъ и о постановленіяхъ ихъ, какъ мѣрѣ для предупрежденія безпорядковъ и для устраненія недостатковъ въ жизни и управленіи Кіевской митрополіи-епархіи (стр. 400—412), о борьбѣ съ выборнымъ началомъ и о жалобахъ кіевлянъ на м. Варлаама Ясинскаго Московскому патріарху Адріану по этому и другимъ поводамъ (стр. 412—422), описываетъ заботы м. Варлаама Ясинскаго о благоустройствѣ Кіево Могилянской коллегіи (Академіи), Кіево-Софійскаго каѳедральнаго монастыря и другихъ Кіевскихъ святынь (стр. 422—441), весьма подробно и весьма обстоятельно характеризуетъ учено-литературную дѣятельность м. Варлаама Ясинскаго, при чемъ разсматриваетъ многочисленныя сочиненія его со стороны ихъ подлинности, содержанія и внѣшней формы; тутъ же говорится объ участи м. Варлаама Ясинскаго въ обсужденіи кіевскими учеными вопроса о времени пресуществленія Св. даровъ на литургіи и др.

Въ послѣднихъ двухъ отдѣлахъ второй главы авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни м. Варлаама Ясинскаго, о назначеніи ему коадъютора и кончинѣ его (стр. 450—452) и даетъ общую характеристику личности и дѣятельности м. Варлаама Ясинскаго (стр. 452—455).

Въ третьей главѣ второй части излагается біографія м. Іоасафа Кроковскаго (1708—1718 г.). Въ виду того, что м. Іоасафъ Кроковскій былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ, довѣренныхъ и дѣятельныхъ сподвижниковъ м. Варлаама Ясинскаго, а съ другой стороны многія событія его жизни, напр.,

избраніе его въ митрополиты, путешествіе въ Москву для посвященія въ митрополиты, пріемъ въ Москвѣ и самый актъ посвященія и др. представляли значительную аналогію, или даже повтореніе того, что авторомъ было изложено въ біографіи м. Варлаама Ясинскаго (стр. 456—458), то проф. о. Титовъ, въ избѣжаніе повторенія, говоритъ обо всемъ этомъ кратко, отчего и самый біографическій очеркъ жизнедѣятельности м. Іоасафа Кроковскаго вышелъ короче предыдущихъ двухъ. Изложивъ общія біографическія свѣдѣнія объ Іоасафѣ Кроковскомъ до избранія и посвященія его въ Кіевскіе митрополиты, въ частности о профессорской и ректорской дѣятельности его въ Кіевской Академіи, равно какъ и о служеніи его въ должности архимандрита Кіево-Печерской Лавры (стр. 458—464), авторъ затѣмъ описываетъ дѣятельность м. Іоасафа Кроковскаго на пользу православія и русской народности въ Западной Руси (стр. 464—465) и послѣдніе дни жизни м. Іоасафа Кроковскаго и обстоятельства кончины его (стр. 465—467). Заканчивается глава и вмѣстѣ книга характеристикою личности и архипастырской дѣятельности м. Іоасафа Кроковскаго (стр. 468—470).

Таково въ общемъ содержаніе другого новаго труда проф. о. Титова. Второй томъ исторіи православно русской церкви въ Польшѣ XVII—XVIII в.в. представляетъ такую же капитальную и солидную работу, какъ и первый томъ того же труда. Исторія Кіевской митрополіи-епархіи XVII—XVIII в.в. написана основательно, обстоятельно въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями истинно научныхъ трудовъ, при томъ на основаніи перво-источниковъ въ видѣ актовъ, самимъ авторомъ собранныхъ и частію уже напечатанныхъ имъ въ первомъ томѣ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Руси въ XVII—XVIII в в.“, частію же имѣющихъ войти въ дальнѣйшіе томы того же изданія. Кромѣ того, въ настоящемъ своемъ трудѣ по исторіи Кіевской митрополіи-епархіи XVII—XVIII в.в. авторъ весьма широко и съ великою пользою для дѣла

пользуется документами мѣстныхъ Кіевскихъ архивовъ, особенно архива Кіевской духовной Консисторіи и библіотеки Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора. Изслѣдованіе автора снабжено весьма многочисленными критическими примѣчаніями, обнаруживающими обширную эрудицію автора.

Для того, что бы еще яснѣе представить цѣнность книги, попытаемся рѣшить вопросъ о томъ, что и сколько новаго даетъ второй томъ сочиненія „Русская православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.в.", посвященный спеціально исторіи Кіевской митрополіи-епархіи въ XVII—XVIII в.в.

По этому вопросу, насколько успѣли мы познакомиться съ нимъ, кромѣ самыхъ общихъ и, положительно можно сказать, совершенно устарѣвшихъ для настоящаго времени свѣдѣній, содержащихся въ общеизвѣстномъ трудѣ Амвросія Орнатскаго подъ заглавіемъ: „Исторія русской іерархіи", мы имѣемъ еще спеціальное сочиненіе, принадлежащее перу бывшаго Кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. Разумѣемъ книгу его: „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи, съ присовокупленіемъ разныхъ граммать и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ и фасадовъ Константинопольской и Кіевской Софійской церквей и Ярославова надгробія" (Кіевъ. 1825 г.). Такъ какъ послѣ изданія сейчасъ названной книги въ печати появились только отрывочные матеріалы по исторіи Кіевской митрополіи-епархіи въ XVIII в. (проф. Ѳ. А. Терновскаго, прот. П. Г. Лебединцева и др.), или отдѣльныя статьи по частнымъ вопросамъ (печатались преимущественно въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, Кіевской Старинѣ и принадлежатъ перу почти исключительно профессоровъ нашей Академіи, напр. Крыжановскаго, Малышевскаго, Петрова и др), то трудъ м. Евгенія Болховитинова о Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіевской іерархіи до самаго послѣдняго времени оставался единственнымъ систе-

матическимъ трудомъ по исторіи Кіевской митрополія-епархіи и единственною настольною книгою для ученыхъ, желавшихъ познакомиться съ прошлою исторіею Кіевской митрополіи-епархіи. Съ этимъ трудомъ мы и сравнимъ теперь разсматриваемое сочиненіе проф. о. Титова для того, что бы опредѣлить, что именно и сколько новаго въ немъ дано наукѣ.

Въ сочиненіи Евгенія Болховитинова, кромѣ приложеній (числомъ 51), занимающихъ 266 страницъ и сохранившихъ полную научную цѣнность до настоящаго времени, собственно исторіи Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи удѣляется 291 страница. Такъ какъ м. Евгеній судьбы древней Кіевской іерархіи разсматриваетъ въ связи съ общею исторіею русской Церкви, то собственно на обозрѣніе исторіи Кіевской митрополіи-епархіи въ XVII—XVIII в.в., т. е. за то время, какое изучаетъ проф. о. Титовъ, въ книгѣ м. Евгенія Болховитинова отведено не большое мѣсто (100 стр.). Понятно, что очерки исторіи Кіевской митрополіи-епархіи въ XVII—XVIII в.в. и біографіи Кіевскихъ митрополитовъ того времени въ книгѣ м. Евгенія должны быть краткими. Краткость ихъ обусловливается въ значительной степени еще и тѣмъ, что м. Евгенію были неизвѣстны весьма многіе и весьма цѣнные матеріалы, сдѣлавшіеся достояніемъ науки послѣ Евгенія Болховитинова, благодаря разысканіямъ разныхъ ученыхъ.

Сравнивъ тщательно содержаніе новаго труда проф. о. Титова съ книгою м. Евгенія Болховитинова, мы пришли къ заключенію, что трудъ перваго содержитъ массу новыхъ и цѣнныхъ данныхъ. Такъ, совершенно новыми въ книгѣ проф. о. Титова являются: во 1) историческія обстоятельства происхожденія и образованія Кіевской митрополіи, какъ епархіи въ 168⁵/₆ г.г. Доселѣ начало исторіи Кіевской митрополіи, какъ епархіи, относили къ 1797 г., когда опредѣлился собственно нынѣшній территоріальный составъ ея; но проф. о. Титовъ обстоятельно и мотивированно доказалъ въ своемъ сочиненіи, что начало Кіевской митрополіи въ видѣ епархіальнаго инсти-

тута относится къ $168^{5}/_{6}$ г.г.; во 2-хъ, строгое разграниченіе между собственно Кіевскою митрополіею епархіею XVII—XVIII в.в. и т. н. заграничною частію ея, имѣющее весьма важное значеніе для науки; въ 3-хъ, возможно точное опредѣленіе границъ собственно Кіевской епархіи въ XVII—XVIII в.в., которыя за это время весьма часто и значительно измѣнялись; опредѣленіе границъ, впервые сдѣланное проф. о. Титовымъ, потребовало отъ него большихъ и напряженныхъ трудовъ; достигнутое такимъ путемъ опредѣленіе границъ и территоріальнаго состава Кіевской митрополіи-епархіи въ XVII—XVIII в.в. иллюстрировано авторомъ на приложенной къ книгѣ картѣ XVIII в.; въ 4-хъ, такое же опредѣленіе состава заграничной половины Кіевской митрополіи-епархіи въ XVII—XVIII в.в., сопровождаемое общимъ описаніемъ исторіи и быта заграничныхъ монастырей, протопопій, приходскихъ церквей Кіевской митрополіи-епархіи въ XVII—XVIII в.в. и т. п.

Такими же новыми свѣдѣніями и выводами изобилуетъ и вторая часть книги проф. о. Титова, которая, въ трехъ главахъ, содержитъ біографіи Кіевскихъ митрополитовъ: Гедеона Святополкъ Четвертинскаго, Варлаама Ясинскаго и Іоасафа Кроковскаго. Въ книгѣ м. Евгенія Болховитинова біографія, напр., Варлаама Ясинскаго вмѣщается на 4 страницахъ (стр. 208—212), а въ сочиненіи проф. о. Титова ей отведено около 10 печатныхъ листовъ (стр. 306—455) и т. д. Присутствіе весьма многихъ и весьма цѣнныхъ данныхъ въ біографическихъ очеркахъ указанныхъ Кіевскихъ митрополитовъ, содержащихся (данныхъ) въ книгѣ проф. о. Титова, объясняется всецѣло тѣмъ, что онъ, кромѣ того, что тщательно изучилъ всю печатную литературу по данному вопросу, воспользовавшись всѣми свѣдѣніями и выводами, имѣющимися въ новыхъ изслѣдованіяхъ ученыхъ, преимущественно профессоровъ нашей Академіи: Малышевскаго, Петрова и Голубева, и съ своей стороны привнесъ массу новаго матеріала, имъ самимъ найденнаго въ архивахъ.

Къ книгѣ приложена карта Западной Руси XVII—XVIII в. в., на которой тщательно и удачно изображены всѣ перемѣны въ границахъ и территоріальномъ составѣ собственной Кіевской митрополіи—епархіи, равно какъ и территорія заграничной части Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. Такимъ образомъ карта служитъ прекрасною иллюстраціею для текста книги.

Всякая карта, хорошо, т. е. правильно, точно и подробно составленная, представляетъ весьма цѣнное приложеніе къ книгѣ, и особенно къ такой исторической книгѣ, которая содержитъ въ себѣ такіе или иные экскурсы въ область географіи, или территоріи. Такая карта иная замѣняетъ собою цѣлыя главы, посвященныя описанію той или иной территоріи. Съ другой стороны, цѣнность карты зависитъ въ значительной степени еще отъ ея древности: чѣмъ ни древнѣе карта, тѣмъ она цѣннѣе, уже по одному тому, что она—рѣдкость, трудно доступная.

Такъ какъ въ сочиненіи проф. о. Титова вся почти первая часть его посвящена установленію границъ и территоріальнаго состава Кіевской митрополіи-епархіи, то понятно желаніе его иллюстрировать свою рѣчь объ этомъ предметѣ приложеніемъ карты.

Карта, приложенная къ книгѣ проф. о. Титова, представляетъ собою точную (фотографическую) копію съ оригинальной „карты польско-литовскаго государства съ смежными странами, изображающей Западную Русь въ XVII—XVIII вв.". Оригиналъ карты, сочиненной въ 1769 году при Академіи Наукъ, хранится въ архивѣ Св. Синода. Эта карта избрана авторомъ изъ множества другихъ, разсмотрѣнныхъ имъ, потому, какъ самъ онъ объясняетъ въ предисловіи къ первому тому „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.", что она, при возможной точности, отличается полнотою въ показаніи городовъ, мѣстечекъ и поселеній Западной Руси XVIII в. Съ своей стороны, авторъ, нисколько не измѣняя ничего существеннаго въ оригиналѣ карты, дополнилъ нѣ-

которыя поселенія, гдѣ находились въ XVII—XVIII вв. православные монастыри и церкви, и снабдилъ карту знаками, показывающими мѣста нахожденія этихъ послѣднихъ, границы Кіевской митрополіи—епархіи и т. п.

Я внимательно сличалъ карту, приложенную къ книгѣ проф. о. Титова, во 1-хъ, съ картою „Литовско-Русскаго государства конца XV и начала XVI вѣка", приложенною къ сочиненію профессора Московскаго университета М. Любовскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута" (Москва, 1892 г.); во 2-хъ, съ картою Польши 1772 г., приложенною къ сочиненію М. Бобржинскаго: „Очеркъ исторіи Польши" въ русскомъ переводѣ подъ редакціей Н. Карѣева, т. II (СПБ. 1891 г.) и, въ 3-хъ, съ современными картами западно-русскихъ губерній, изд. Ильина. На основаніи этого сличенія я пришелъ къ такому заключенію, что карта, приложенная къ книгѣ проф. о. Титова, отличается, во 1-хъ, возможно-большею полнотою въ обозначеніи мѣстностей, представляющихъ интересъ для церковнаго историка; во 2-хъ, сравнительною точностью, хотя въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы и нѣкоторыя возраженія противъ карты, приложенной къ книгѣ проф. о. Титова; такъ, напр., Яблоченскій Св. Онуфріевскій монастырь заграничный долженъ стоять по рѣкѣ Бугу южнѣе города Бреста Литовскаго, тогда какъ теперь онъ поставленъ выше этого послѣдняго; Холмъ въ дѣйствительности отстоитъ отъ рѣки Буга дальше, чѣмъ показано на картѣ; соотношеніе городовъ Вильны, Слуцка, Луцка, Львова, Перемышля и др. не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному ихъ состоянію; наконецъ, въ 3-хъ, особенно цѣннымъ и важнымъ отличіемъ карты, приложенной къ книгѣ проф. о. Титова, я признаю попытку его установить и обозначить границы Кіевской митрополіи—епархіи XVII—XVIII вв., за что ему, безъ сомнѣнія, скажетъ спасибо впослѣдствіи тотъ историкъ, который будетъ зани-

маться изслѣдованіемъ границъ нашихъ епархій и особенно западно-русскихъ епархій.

Изложеніе книги проф. о. Титова отличается тщательностью обработки, спокойствіемъ тона и языка. Послѣднія качества придаютъ книгѣ своего рода публицистическій характеръ. Этотъ послѣдній выражается, между прочимъ, въ томъ, что не только меньшіе по объему церковно-историческіе этюды его, но даже и наиболѣе крупныя изслѣдованія его въ области русской церковно-исторической науки отвѣчаютъ запросамъ времени, имѣютъ цѣлію своею научное освѣщеніе вопросовъ, которые занимали въ то или другое время вниманіе нашего общества.

Такъ, напр., возбужденіе вопроса въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія о реформѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній вызвало обширную ученую справку проф. о. Титова въ видѣ двухъ книгъ его о духовныхъ школахъ Курско-Бѣлоградской епархіи, гдѣ отведено весьма широкое мѣсто исторіи и разсужденіямъ о бывшихъ преобразованіяхъ духовныхъ школъ вообще.

Или, напр., оживившійся въ сознаніи русскаго общества въ началѣ тѣхъ-же 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія глубокій интересъ къ эпохѣ 60-хъ годовъ XIX в. съ ея замѣчательными реформами въ разныхъ областяхъ жизни русскаго народа, между прочимъ, и въ церковной жизни его былъ однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ, побудившимъ проф. о. Титова къ изученію жизни и дѣятельности митроп. Макарія Булгакова въ связи съ обстоятельствами времени его жизни, при чемъ въ двухъ книгахъ монографіи его о митроп. Макаріи освѣщаются почти всѣ важнѣйшія церковныя реформы 60—70-хъ годовъ XIX вѣка, въ которыхъ митроп. Макарій принималъ посредственное или даже непосредственное дѣятельное участіе, при чемъ нерѣдко и современное положеніе дѣлъ оцѣнивается съ точки зрѣнія общихъ основъ каноническаго строя Церкви и прошедшей исторіи жизни ея.

Совершившееся 25 марта 1898 г. возсоединеніе Сиро-Халдейскихъ несторіанъ съ русскою православною церковью побудило проф. о. Титова дать научное освѣщеніе этому факту на основаніи исторіи и, въ частности, прежде бывшихъ сношеній сиро-халдейскихъ несторіанъ съ русскою церковію, что мы и видимъ въ одиннадцатой главѣ его монографіи о Кириллѣ Наумовѣ (стр. 306—368). Глава эта, напечатанная предварительно въ нашемъ академическомъ журналѣ, привлекла къ себѣ самое серьезное вниманіе русскаго просвѣщеннаго общества.

Наконецъ, и самыя послѣднія ученыя изслѣдованія проф. о. Титова, подлежащія нынѣ нашему ближайшему разсмотрѣнію, отвѣчаютъ животрепещущимъ вопросамъ нашего времени. Сочиненіе о борьбѣ Западной Руси „за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв.“ является какъ нельзя болѣе ко времени, когда на нашихъ глазахъ возобновляется борьба разныхъ народностей и вѣроисповѣданій въ Западной Руси, когда у многихъ русскихъ, или считающихъ себя русскими, людей пришла въ забвеніе судьба русскаго народа въ борьбѣ за вѣру и народность. Не могу умолчать здѣсь о томъ впечатлѣніи, какое я самъ испытывалъ при чтеніи книги проф. о. Титова—„Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв.“. Чтеніе этой книги дало мнѣ возможность понять и во всей рельефности представить тѣ многочисленныя сообщенія о начавшейся въ Западной Руси усиленной римско-католической пропаганды на счетъ православія, какія стали весьма часто появляться въ нашихъ русскихъ и заграничныхъ churіодическихъ изданіяхъ въ недавнее время. Послѣ чтенія книги проф. о. Титова мнѣ представляется совершенно непонятнымъ источникъ, мотивы и цѣли, какія лежатъ въ основаніи новѣйшей борьбы между православіемъ и римско-католичествомъ,—эта борьба во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ ту борьбу, какая имѣла мѣсто въ XVII—XVIII вв. и какая описана въ книгѣ проф. о. Титова. Думаю и даже убѣжденъ, что книга проф. о. Титова, написанная документально и спокойно, раскроетъ глаза не

одному русскому человѣку и дастъ ему возможность понять истинный глубокій смыслъ событій, происходящихъ нынѣ на нашихъ глазахъ. Безъ сомнѣнія, въ виду именно этого первое изданіе данной книги уже разошлось и потребовалось второе.

Вотъ въ чемъ выразился публицистическій характеръ сочиненій проф. о Титова, дѣлающихъ ихъ не только доступными, но даже и интересными для широкой образованной русской публики. Я здѣсь ставлю вопросъ: позволительна ли такая публицистика въ ученыхъ изслѣдованіяхъ?

Я полагаю, что публицистика не только возможна и позволительна, но даже и въ высшей степени желательна въ ученыхъ изслѣдованіяхъ вообще и, въ частности, въ историческихъ ученыхъ трудахъ.

Извѣстно, что нашу богословскую науку обвиняютъ въ схоластичности, отвлеченности, сухости, мертвенности. Эти обвиненія раздаются не только среди свѣтскаго, но даже иногда и среди духовнаго общества. Въ общемъ эти обвиненія преувеличены, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что строгая наука должна быть сама по себѣ, а популяризація ея сама по себѣ. Одинъ ученый изслѣдователь, открывающій новый законъ, или новый элементъ, въ сущности въ одинъ часъ дѣлаетъ для науки больше, чѣмъ сотни популяризаторовъ въ цѣлые вѣка. Но тѣмъ не менѣе представители науки, по нашему мнѣнію, должны быть внимательны къ желаніямъ и стремленіямъ общества и отъ времени до времени должны дѣлиться съ этимъ послѣднимъ результатами своихъ кабинетныхъ занятій. Если это желательно видѣть у всѣхъ вообще представителей богословской науки, то у историковъ эта отзывчивость на нужды, запросы и желанія общества положительно необходима.

Исторіи недаромъ усвояется высокое имя учительницы жизни. Исторія своими свѣдѣніями о томъ, какъ люди жили и дѣйствовали прежде, можетъ и должна учить, какъ и мы въ подобныхъ случаяхъ должны жить и дѣйствовать. Въ настоящее время, напр., всѣми сознана необходимость преобразованія формъ управленія и устройства нашей церковной жизни. Во

всѣхъ сужденіяхъ по этому вопросу высказывается настойчивое желаніе видѣть обновленіе церковнаго устройства въ согласіи и на основаніи древнихъ церковныхъ каноновъ, возстановленіе институтовъ, напр., прихода и др. въ томъ самомъ видѣ какъ они существовали въ древней вселенской и нашей русской церкви. Вотъ здѣсь, по нашему мнѣнію, и можетъ оказаться во всей силѣ помощь ученаго спеціалиста русскому обществу, которому онъ своими авторитетными, основанными на точномъ знаніи, разъясненіями можетъ и даже долженъ помочь разобраться въ трудныхъ, сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ. Да и во всякое другое время интересно и полезно выслушать слово ученаго историка, не облеченное въ формы строгой принятой у насъ учености, со множествомъ ссылокъ, разборовъ мнѣній pro и contra и тому под. по тому или другому вопросу. Такая публицистика не только не роняетъ ученаго историка, но еще болѣе возвышаетъ его и науку его въ глазахъ образованнаго общества. Необходимо только, что-бы ученый во всѣхъ подобныхъ случаяхъ руководился требованіями и соображеніями исключительно только чистой и свободной науки, не считаясь ни съ настроеніемъ общества, ни съ другими подобными случайными обстоятельствами. Не могу не привести здѣсь слѣдующихъ золотыхъ, по моему мнѣнію, словъ нашего приснопамятнаго профессора И. И. Малышевскаго изъ его рецензіи на исторію проф. Голубинскаго: „отнимать право публициста у историка было-бы не только несправедливо, но и прискорбно“, говоритъ И. И. Малышевскій. „Это значило бы подрывать значеніе самой исторіи, призванной вести насъ къ самопознанію. Публицистика въ историкѣ роняетъ свою цѣну тогда, когда она выступаетъ въ немъ не какъ непосредственный выводъ изъ самостоятельнаго изображенія явленій прошлаго, а какъ предвзятое наученіе, формулируемое на искусственномъ подборѣ фактовъ и примѣровъ изъ прошлаго. Совершенно иного рода публицистика нашего историка“, т. е. проф. Голубинскаго. „Коренясь исходными мотивами въ высшихъ идеалахъ

жизни, предпосылавшихся мысли историка, она твердо опирается на научно опредѣляемыя отношенія изображаемой прошлой жизни къ этимъ идеаламъ и къ современной дѣйствительности, составляющей наслѣдіе прошлаго. Такъ поставленная она составляетъ несомнѣнное достоинство въ историкѣ" (стр. 166—167). Подобныя же черты присущи и публицистикѣ всѣхъ вообще изслѣдованій проф. о. Титова и въ особенности разбираемыхъ нами его трудовъ, а потому я и считаю ее важнымъ достоинствомъ и заслугою автора.

Мы разсмотрѣли содержаніе новыхъ трудовъ проф. о. Титова, составленныхъ на основаніи изданныхъ имъ въ концѣ прошлаго года „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.". Разобранныя нами ученыя работы проф. о. Титова могутъ служить самою лучшею и краснорѣчивою реальною рекомендаціею, между прочимъ, и высокой научной цѣнности изданныхъ имъ и теперь использованныхъ (отчасти) актовъ. По плодамъ, сказано, познавайте дерево; плоды мы видимъ прекрасные, слѣдовательно, также прекрасно и дерево, на которомъ они выросли и созрѣли.

Суммируя все сказанное нами выше о двѣнадцатилѣтней непрерывной научно-литературной дѣятельности проф. о. Титова, охарактеризованной и одобрительно засвидѣтельствованной лучшими нашими церковными историками, думается намъ, мы имѣемъ полное право сдѣлать слѣдующее заключеніе.

Во 1-хъ, проф. о. Титовъ въ теченіе послѣднихъ 12-ти лѣтъ своей службы въ Кіевской Духовной Академіи обнаружилъ изумительную работоспособность и плодотворность своей научно-литературной дѣятельности, направленной всецѣло къ научной разработкѣ исторіи русской церкви. Кромѣ вышеуказанныхъ и разобранныхъ нами капитальныхъ трудовъ, имъ за это время написано множество другихъ болѣе мелкихъ, но въ своемъ родѣ весьма цѣнныхъ сочиненій. Особенное вниманіе въ ученомъ мірѣ обратили на себя выпускаемые имъ періодически „Критико-библіографическіе обзоры но-

вѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви". Такихъ „обзоровъ" выпущено доселѣ проф. о. Титовымъ 4 книжки. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ глубоко научный интересъ и высокую цѣнность, напр., критическіе разборы такихъ сочиненій, какъ второй томъ исторіи русской церкви академика Е. Е. Голубинскаго, или изслѣдованіе старокатолическаго священника, проф. Боннскаго университета К. Л. Гетца о нашемъ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, или изслѣдованіе проф. А. С. Лебедева „о Бѣлгородскихъ архіереяхъ и средѣ ихъ архипастырской дѣятельности". Всѣ вообще выпуски „Критико-библіографическихъ обзоровъ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви" обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ сильную критическую мысль и весьма внимательное отношеніе его къ литературѣ науки, преподаваемой имъ въ Академіи.

Во 2-хъ, всѣ многочисленные ученые труды проф. о. Титова отличаются безспорно одною выдающеюся особенностью, дѣлающею ихъ особенно цѣннымъ достояніемъ научной церковно-исторической литературы, именно: всѣ его труды имѣютъ несомнѣнный и безспорный характеръ совершенно самостоятельныхъ, оригинальныхъ и самобытныхъ работъ. Видно, что авторъ не любитъ идти по проторенной другими дорогѣ, но ищетъ новыхъ путей, не желаетъ, или не признаетъ цѣлесообразнымъ и полезнымъ для науки пользоваться результатами, какіе добыты другими, но одушевляется желаніемъ создавать новые труды, притомъ такіе, которые могли бы быть полезными для широкаго круга дѣятелей науки.

Въ 3-хъ, общепризнанную и несомнѣнную особенность неутомимой и многолѣтней учено-литературной дѣятельности проф. о. Титова составляетъ его выдающаяся и счастливая способность къ широкой систематизаціи, на основаніи неразработаннаго и первоисточнаго матеріала. Эта способность его ярко обозначилась еще въ первыхъ его ученыхъ трудахъ, давъ ему возможность, въ такихъ, напр., повидимому узко—спеціальныхъ монографіяхъ, какъ „Макарій Булгаковъ, митрополитъ

Московскій", и „Кириллъ Наумовъ" представить ученому міру опытъ широкаго освѣщенія такихъ выдающихся явленій въ исторіи русской церкви, какъ, напр., 50-е и 60-е годы минувшаго столѣтія съ ихъ замѣчательными преобразованіями въ области церковнаго управленія и духовнаго просвѣщенія, или, какъ, напр., сношенія русской церкви съ православнымъ Востокомъ на протяженіи девяти вѣковъ и особенно въ XIX столѣтіи. Еще ярче эта счастливая способность проф. о. Титова къ широкой концепціи исторической изслѣдовательности обнаружилась въ его этихъ двухъ новѣйшихъ трудахъ подъ заглавіемъ: „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв., томы первый и второй". И если средоточіемъ многолѣтней, непрерывной, неутомимой и весьма плодотворной учено-литературной дѣятельности проф. о. Титова надо признать изданіе имъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.", томъ первый въ трехъ частяхъ, съ изслѣдованіемъ „О заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII вв.", то поданныя имъ въ Совѣтъ Академіи къ соисканію степени доктора церковной исторіи двѣ книги о русской православной церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. являются блестящимъ украшеніемъ или рельефомъ „Памятниковъ". Эти книги говорятъ намъ, что если доселѣ проф. о. Титовъ отдавалъ свои богатыя силы ума и энергичной воли ученому разслѣдованію отдѣльныхъ, сравнительно не широкихъ, эпизодовъ въ исторіи русской церкви, то теперь онъ безспорно сосредоточилъ все свое вниманіе исключительно на изученіи исторіи западно-русской православной церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. Область эта въ ученой церковно-исторической литературѣ, по признанію спеціалистовъ, остается въ буквальномъ смыслѣ слова terra incognita". Своими изслѣдованіями проф. о. Титовъ уже пролилъ обильный свѣтъ на эту область.

На основаніи этихъ, разсмотрѣнныхъ и разобранныхъ нами, ученыхъ работъ проф. о. Титова въ этой области, мы можемъ имѣть и имѣемъ полнѣйшую увѣренность, что эта бывшая доселѣ темною область исторіи русской церкви будетъ совершенно разъяснена нашимъ академическимъ историкомъ, обѣщающимъ подарить науку еще и новыми трудами.

Такія важныя заслуги профессора протоіерея Ѳ. И. Титова предъ церковно-историческою наукою даютъ ему полное право быть докторомъ церковной исторіи".

б) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Хотя двѣ названныя книги носятъ различное названіе, тѣмъ не менѣе, въ виду сдѣланнаго авторомъ въ предисловіи прямого заявленія, но вопреки принятому въ наукѣ обычаю, мы должны считать ихъ за два тома одного и того же сочиненія. Послѣднее обстоятельство придется вспомнить при оцѣнкѣ одной странности, которая встрѣтится при сравненіи содержанія этихъ книгъ.

Въ первой половинѣ перваго тома настоящаго сочиненія, какъ показываетъ его заглавіе, авторъ поставилъ себѣ задачею представить исторію борьбы Западной Руси за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв. Читатель, знакомый съ ходомъ этой борьбы, съ взаимною послѣдовательностью и причинной связью отдѣльныхъ ея моментовъ, ожидаетъ, что разсматриваемое сочиненіе начнется обзоромъ событій не только начала XVII в., но и конца XVI в., когда завязанъ былъ узелъ, изъ котораго разматывалась нить историческихъ событій, характеризующихъ фактъ борьбы Западно-русской православной церкви за свою самобытность во все послѣдующее время вплоть до окончательнаго раздѣла Польши. На дѣлѣ же мы встрѣчаемъ нѣчто другое. Разсматриваемая книга начинается изложеніемъ событій только съ половины XVII в., частнѣе—съ момента возсоедине-

нія Малороссіи съ Московскою Русью въ 1654 г., хотя это событіе является лишь слѣдствіемъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ причинъ, безъ сопоставленія съ которыми оно не можетъ быть понято. Эта неожиданность, неразъясненная самимъ авторомъ, легко можетъ быть объяснена путемъ сопоставленія настоящей книги проф. о. Титова съ аналогичной работой покойнаго проф. И. И. Малышевскаго, изданной въ 1897 г. подъ такимъ же заглавіемъ, какое носитъ и разсматриваемая книга проф. о. Титова. Уважаемый авторъ, очевидно, не нашелъ нужнымъ повторять то, что хорошо сдѣлано было его предшественникомъ, и началъ свою работу съ того именно момента, на которомъ остановился послѣдній.

Нашъ авторъ начинаетъ свой трудъ общимъ напоминаніемъ того, какъ безправное положеніе западно-русскаго православнаго народа подъ властью католической Польши, со всѣми вытекавшими отсюда послѣдствіями, вызвало движеніе казачества, а потомъ и рѣшенія Малороссіи перейти въ подданство Московскаго государя. Но ни то, ни другое, какъ извѣстно, не образумило Поляковъ, а поэтому и не улучшило положенія православно-русскаго населенія въ государствѣ. Особенно тяжелымъ это положеніе становится со времени вступленія на престолъ Яна Казиміра (1648 г.) и при послѣдующихъ короляхъ — Михаилѣ Вишневецкомъ и Янѣ Собѣсскомъ. Выгодныя для православныхъ условія Гадячскаго договора (1658 г.) позднѣйшими прямыми и косвенными правительственными распоряженіями были уничтожены. Особеннаго вниманія въ этомъ случаѣ заслуживаетъ сеймовое постановленіе 1676 года, которымъ православнымъ запрещалось сношеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ, а всѣ братства подчинялись юрисдикціи мѣстныхъ владыкъ, независимо отъ того, оставались-ли послѣдніе вѣрными православію или нѣтъ. Одновременно съ этимъ идетъ систематическое гоненіе на представителей высшей іерархіи; въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напримѣръ, Бѣлорусской и Луцкой, оно

не имѣло рѣшительныхъ результатовъ; за то во Львовѣ и Перемышлѣ система насильственныхъ мѣропріятій окончилась полнымъ успѣхомъ. Двигателемъ дѣла уніи здѣсь явился Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, принявшій позднѣе (1681 г.), негласно, съ своими единомышленниками унію; теперь же пока онъ выступилъ съ проектомъ постепенной, скрытной борьбы съ православіемъ. Послѣ неудачной попытки разрѣшить этотъ вопросъ путемъ созыва смѣшаннаго Люблинскаго съѣзда, проектъ Шумлянскаго принятъ былъ польскимъ правительствомъ и сталъ постепенно осуществляться. „Подъ защитой правительства и подъ покровомъ тайны, говоритъ проф. Титовъ, католики и уніаты начинаютъ производить самыя возмутительныя и беззаконныя насилія надъ православными". Эту свою мысль авторъ старается подтвердить фактами; но почти всѣ приводимые имъ факты относятся къ болѣе раннему времени, такъ что устанавливаемая имъ причинная связь между сопоставляемыми явленіями остается фактически необоснованною.—Свой насильственный образъ дѣйствій враги православія и русской народности старались оправдать посредствомъ печатныхъ сочиненій, которымъ, впрочемъ, нашъ авторъ отводитъ немного вниманія.

Не располагая достаточными средствами для отстаиванія своихъ постоянно нарушаемыхъ правъ, православно-русское населеніе постоянно обращается съ просьбою о защитѣ къ Московскому правительству. Въ отвѣтъ на эти просьбы послѣднее пытается произвести воздѣйствіе на Польшу частію путемъ открытой войны, каковы двѣ войны за Малороссію при Алексѣѣ Михайловичѣ, частію путемъ многочисленныхъ дипломатическихъ посольствъ и переговоровъ, которые кратко излагаются въ сочиненіи по первоисточникамъ. Не ограничиваясь этимъ, православные обращались и къ другимъ мѣропріятіямъ для отстаиванія своихъ интересовъ: братства устраивали съѣзды своихъ представителей, на которыхъ принимали соотвѣтствую-

щія рѣшенія, Кіевская Академія выпускала изъ своихъ стѣнъ образованныхъ дѣятелей, которые то писали и печатали полемическія сочиненія, то поучали народъ устнымъ словомъ; много отдѣльныхъ частныхъ лицъ изъ духовенства и мірянъ, въ той или другой формѣ, по мѣрѣ своихъ силъ, работали на пользу того же для всѣхъ одинаково дорогого дѣла.

Важное значеніе въ судьбѣ западно-русской церкви имѣлъ фактъ подчиненія Кіевской митрополіи (1685 г.) подъ власть Московскаго патріарха и условія вѣчнаго мира (1686 г.), по которому, между прочимъ, Кіевъ на вѣчныя времена отходилъ къ Москвѣ, и въ то же время, по 9-ой статьѣ договора, Кіевскій митрополитъ удерживалъ своя права по отношенію къ той части церкви, которая оставалась въ предѣлахъ польско-литовскаго государства и которой предоставлялась гарантія отъ нарушенія ея правъ и привиллегій. Постановленіе это, однако, не смотря на постоянныя напоминанія московскаго правительства, внесено было въ собраніе сеймовыхъ конституцій только въ 1710 г., что, впрочемъ, не мѣшало польскому правительству и послѣ этого издавать новыя, противоположныя ему, постановленія; таково, напримѣръ, постановленіе 1717 г., направленное противъ свободы общественнаго богослуженія всѣхъ вообще диссидентовъ. — Частная иниціатива въ этомъ отношеніи нерѣдко шла дальше правительственныхъ мѣропріятій; характернымъ примѣромъ въ этомъ родѣ можетъ служить проэктъ неизвѣстнаго лица того же 1717 г., имѣвшій цѣлію окончательное уничтоженіе въ Польшѣ православной вѣры и русской народности и представляющій любопытный примѣръ того политическаго разврата, до котораго іезуиты довели польское общественное сознаніе.

Этотъ дружный натискъ со стороны польскаго правительства и общества, не смотря на поддержку со стороны Москвы, скоро проявился въ рядѣ крупныхъ фактовъ, отразившихся весьма печальными послѣдствіями на жизни православной церкви въ Польшѣ. Рѣчь идетъ о переходѣ въ унію трехъ

православныхъ епископовъ: перемышльскаго Иннокентія Винницкаго, Галицко Львовскаго Іосифа Шумлянскаго и Луцкаго Діонисія Жабокрицкаго. Изображеніе авторомъ характера дѣятельности ихъ, особенно двухъ послѣднихъ, вызываетъ въ читателѣ живой интересъ. Обнародованный самимъ проф. Титовымъ и здѣсь привлекаемый архивный матеріалъ особенно обиленъ данными, свидѣтельствующими объ удивительномъ фанатизмѣ, проявлявшемся въ самыхъ разныхъ формахъ грабежа и насилія со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ корпорацій по отношенію къ православному населенію въ краѣ—въ Вильнѣ, Минскѣ, Брестѣ, Бѣлостокѣ, Слуцкѣ, Пинскѣ и особенно въ предѣлахъ Волынско-Галицкой области, гдѣ произволъ польскихъ пановъ не имѣлъ удержу.—Насильственныя мѣропріятія враги православія старались подкрѣпить болѣе раціональными способами воздѣйствія, каковы, напримѣръ, полемическія сочиненія. Нашъ авторъ знакомитъ насъ съ основной тенденціей одного изъ такихъ сочиненій, именно Wiar'ой Prawosławn'ой, 1704 г., Кулеша.

Одновременно съ этимъ папнсты принимаютъ мѣры къ окатоличенію уніатовъ; крѣпнѣйшею изъ этихъ мѣръ является уніатскій Замойскій соборъ 1720 года, созванный по иниціативѣ уніатскаго митрополита Льва Кишки. Въ такомъ положеніи православное населеніе Польши, не найдя защиты у своего правительства, постоянно обращается съ просьбой о заступничествѣ все къ тому же русскому правительству. Послѣднее, опираясь на IX статью договора Вѣчнаго мира, пытается воздѣйствовать на Польшу чрезъ польскихъ резидентовъ въ Россіи, чрезъ своихъ резидентовъ въ Варшавѣ и путемъ непосредственнаго обращенія русскихъ государей къ польскимъ королямъ. Особенное вниманіе къ интересамъ своихъ единовѣрцевъ оказывалъ Петръ В., состоявшій въ союзѣ съ королемъ Августомъ II. Трехлѣтняя дѣятельность его комиссара Игнатія Рудаковскаго въ двадцатыхъ годахъ XVIII ст. имѣла большое зна-

ченіе для гонимыхъ Бѣлоруссовъ. Первые Кіевскіе митрополиты, послѣ подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріархату, Гедеонъ Святополкъ—Четвертинскій, Варлаамъ Ясинскій и Іосафъ Кроковскій, были тоже искренними радѣтелями о благѣ западно-русской церкви. Въ разсказѣ о Варлаамѣ Ясинскомъ авторъ довольно обстоятельно останавливается на посольствѣ въ Польшу во главѣ съ Іосафомъ Кроковскимъ, бывшимъ тогда игуменомъ Никольскаго монастыря и ректоромъ Кіевской Коллегіи.

Весьма важное значеніе въ смыслѣ положительнаго воздѣйствія на жизнь Западно-Русской церкви имѣли монастырскія обители, извѣстныя въ разсматриваемое время подъ названіемъ заграничныхъ монастырей. Давая резюме своего спеціальнаго изслѣдованія о заграничныхъ монастыряхъ, авторъ говоритъ объ ихъ широкомъ религіозно-нравственномъ вліяніи на жизнь народа, на ихъ связь съ Кіевскими митрополитами и Московскою Русью, къ государямъ которой они постоянно и не напрасно обращались за матеріальной и политической поддержкой.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., какъ и раньше, видную роль въ дѣлѣ отстаиванія интересовъ Церкви играли братства. Пользуясь по преимуществу трудами гг. Папкова и Крыловскаго, авторъ, кромѣ общаго сужденія о значеніи братствъ, кратко останавливается на дѣятельности слѣдующихъ братствъ: Львовскаго Успенскаго, Виленскаго Святодуховскаго, Минскаго Богоявленскаго и Слуцкаго Преображенскаго.

Точно также теперь, какъ и прежде, продолжала служить интересамъ Западно-Русской Церкви и Кіевская Академія. Говоря объ ея общемъ просвѣтительномъ значеніи, авторъ, сообразно съ своей ближайшей задачей, особенно подчеркиваетъ ту сторону ея дѣятельности, которою она вліяла на духовную жизнь заграничной части Кіевской митрополіи. Въ виду того, что къ концу XVII вѣка въ Западной Руси осталась только одна Бѣлорусская епархія съ епископской каѳедрой въ Могилевѣ, авторъ

конецъ разсматриваемой книги посвящаетъ возстановленію при Серапіонѣ Полховскомъ этой епархіи и на ея дальнѣйшей судьбѣ, при чемъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на непрекращавшихся притѣсненіяхъ и гоненіяхъ со стороны католиковъ и уніатовъ и на стремленіи епископа Сильвестра Святополкъ-Четвертинскаго, опиравшагося на Московскаго комиссара въ Могилевѣ Рудаковскаго, отстоять права Православной Церкви, дарованныя ей Вѣчнымъ миромъ 1686 г.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемой книги. Переходя теперь къ оцѣнкѣ ея научнаго достоинства, необходимо прежде всего замѣтить, что по языку и по изложенію она должна быть признана популярною въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Расчитанная на широкую публику, она освобождена отъ критическаго элемента и поэтому не имѣетъ внѣшнихъ признаковъ научнаго изслѣдованія. Но это замѣчаніе вѣрно только по отношенію къ тексту сочиненія. Иное получается впечатлѣніе, когда читатель отъ текста перейдетъ къ примѣчаніямъ. Оказывается, что проф. Титовъ, сумѣвшій придать своему сочиненію популярную форму, для его написанія продѣлалъ большую научную работу, въ которой не только обнаружилъ широкое знакомство съ литературой предмета и изданными первоисточниками, но и привлекъ не мало сырого архивнаго матеріала, имъ самимъ открытаго, частію напечатаннаго, частію еще не изданнаго. Его архивныя разысканія, результатомъ которыхъ явились, между прочимъ, уже изданныя три части перваго тома „Памятниковъ Православія и Русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.", оказали ему въ этомъ случаѣ большую услугу. Иначе и быть не могло. Прослѣдить систематически исторію Западно-Русской церкви въ половинѣ XVII и за начало XVIII ст. съ той стороны и такъ, съ какой и какъ сдѣлалъ это авторъ, онъ не могъ безъ предварительныхъ архивныхъ разысканій, доставившихъ ему новыя данныя. Но проф. Титовъ, какъ сказано, широко воспользовался трудами и другихъ ученыхъ въ этой области, благодаря

чему онъ и могъ дать живую картину страданій Западно Русской церкви за разсмотрѣнный періодъ. Само собою разумѣется, что взятая на себя авторомъ задача дать общій очеркъ исторіи Западно-Русской церкви съ разсмотрѣнной стороны лишило его возможности углубиться въ изслѣдованіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ; но иное отношеніе къ дѣлу было невозможно безъ нарушенія стройности плана.

Второй томъ разсматриваемаго сочиненія проф. Титова представленъ пока только въ первой его половинѣ. Предметъ этой половины тома—исторія Кіевской митрополіи—епархіи въ XVII—XVIII в.в., разсматриваемой со стороны территоріальнаго состава, іерархіи и внутренняго устройства.

Въ первой главѣ, которую авторъ совершенно вѣрно называетъ вступительною, дается самый краткій историческій обзоръ Кіевской митрополіи до перехода ея въ 1685—86 г. подъ благословеніе Московскаго патріарха и затѣмъ довольно обстоятельно разсматривается самый фактъ перехода со всѣми сопровождавшими его обстоятельствами.

Вторая глава посвящена вопросу о составѣ и границахъ Кіевской епархіи съ 168⁵|₆ г. до конца XVIII в. Такъ какъ церковная область, подлежавшая вѣдѣнію Кіевскаго владыки, подраздѣлялась на двѣ половины въ зависимости отъ того, находилась ли она въ предѣлахъ русскаго или польскаго государства, то и авторъ обѣ эти половины разсматриваетъ отдѣльно. Объемъ территоріи собственно русской половины въ теченіи разсматриваемаго времени много разъ измѣнялся и чаще всего въ зависимости отъ измѣненія гражданскаго управленія края. Нашъ авторъ, внимательно слѣдя за всѣми этими измѣненіями, перечисляетъ число протопопій, духовныхъ правленій, монастырей и приходскихъ церквей, входившихъ въ разное время въ составъ Кіевской епархіи. Сухія цифровыя данныя, привлеченіе которыхъ къ дѣлу потребовало отъ автора не мало кропотливаго труда, гдѣ это возможно, сопровождаются указаніемъ

и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходила перемѣна границъ Кіевской епархіи.

Заграничную половину Кіевской епархіи составляли монастыри и приходскія церкви, находившіеся въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства. Заграничныхъ монастырей въ разсматриваемое время авторъ насчитываетъ 36. Кромѣ обителей, непосредственно входившихъ въ составъ Кіевской епархіи, въ составъ института заграничныхъ монастырей входили также монастыри ставропигіальные, находившіеся въ XVI и XVII в. въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха и Кіевскаго митрополита. Въ территоріальномъ, а частію и въ административномъ отношеніи они дѣлились на слѣдующія группы: 1) литовскіе, 2) слуцкіе, 3) бѣлорусскіе, 4) подлясскіе, 5) полѣсскіе и 6) украинскіе. Большинство этихъ монастырей, при маломъ составѣ братіи, отличались большою бѣдностью.—Въ интересахъ управленія братія выдѣляла изъ своего состава слѣдующихъ высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ: намѣстникъ, духовникъ, экклисіархъ, уставникъ, проповѣдникъ, экономъ и низшія должностныя лица: палатный, трапезный и кухарь. Авторъ особенно внимательно останавливается на избраніи и утвержденіи намѣстниковъ, на ихъ правахъ и обязанностяхъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, именно—въ Виленскомъ Свято-Духовскомъ и Слуцкомъ Свято-Троицкомъ, намѣстники носили названіе архимандритовъ, а въ остальныхъ обителяхъ—игуменовъ.—Въ рѣчи о должности проповѣдника авторъ говоритъ о состояніи просвѣщенія въ монастыряхъ и о степени просвѣтительнаго воздѣйствія на окружавшую ихъ среду.—При монастыряхъ кромѣ того существовали церковныя братства. Сказавъ кратко о происхожденіи братствъ и сдѣлавъ ихъ общую характеристику, авторъ отмѣчаетъ фактъ ослабленія въ XVIII в. ихъ прежняго значенія въ зависимости отъ многихъ неблагопріятныхъ условій ихъ тогдашняго существованія.

Въ заключеніе трактата о монастыряхъ дается общее опредѣленіе ихъ значенія въ жизни Западно-Русской церкви. Говоря вообще, значеніе это состояло въ томъ, что въ трудной борьбѣ Западной Руси за свою вѣру и народность, монастыри, по выраженію автора „служили истинными оплотами, около которыхъ сосредоточивалась эта борьба, несокрушимыми столпами, о мощь которыхъ разбивалась сила, съ какою католичество и унія напирали на православіе и русскую народность (стр. 170). Развивая свою мысль частнѣе, авторъ намѣчаетъ пять слѣдующихъ положеній. Заграничные монастыри а) въ нѣкоторыхъ случаяхъ выполняли функціи приходскихъ храмовъ, въ которыхъ часто чувствовался недостатокъ, б) они служили лучшими и почти единственными центрами русской культуры въ краѣ, в) они были училищами благочестія для окрестнаго православно-русскаго населенія, г) они имѣли болѣе прочное юридическое существованіе, чѣмъ приходскіе храмы, что придавало имъ сравнительно большую устойчивость въ борьбѣ съ врагами православія, д) они, находясь подъ покровительствомъ Кіевскаго митрополита, пользовались поддержкой русскаго правительства.

Со всѣми этими положеніями проф. о. Титова можно согласиться; но нельзя сказать, что бы они съ логическою принудительностью вытекали изъ его изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что въ своемъ изслѣдованіи авторъ больше останавливается на внѣшней сторонѣ монастырской жизни, чѣмъ на внутреннихъ подвигахъ обитателей монастырей. Скажемъ больше. Послѣ прочтенія настоящаго трактата получается такое впечатлѣніе, что иноки Западно-Русскихъ монастырей больше думали о своихъ фундушахъ, о своихъ юридическихъ правахъ и привиллегіяхъ, чѣмъ о томъ христіанскомъ идеалѣ, для осуществленія котораго они отрекались отъ міра, въ самой же внутренней жизни ихъ, повидимому, больше преобладали отрицательныя, чѣмъ положительныя стороны. Вотъ почему не совсѣмъ ясно, откуда у нихъ бралась та нравственная сила, которую они, по

увѣренію автора, проявляли въ окружающей ихъ средѣ. Спѣшимъ замѣтить, что причина указаннаго обстоятельства скрывается не столько въ отношеніи изслѣдователя къ дѣлу, сколько въ состояніи источниковъ.—Можно сдѣлать нѣсколько и другихъ замѣчаній по отношенію къ разсматриваемому трактату. Стараясь представить монастырское богослуженіе въ болѣе выгодномъ свѣтѣ сравнительно съ богослуженіемъ въ приходскихъ храмахъ и отмѣчая „неимовѣрную бѣдность“ послѣднихъ, авторъ замѣчаетъ: „богослуженіе, совершавшееся въ такихъ храмахъ, посреди самой убогой обстановки, какую только можно себѣ представить, къ тому же при совершенномъ отсутствіи въ православныхъ храмахъ діаконовъ, не могло производить на православныхъ богомольцевъ того дѣйствія, въ какомъ они такъ нуждались, не назидало, не возвышало и не укрѣпляло духъ, истомленный, удрученный и разбитый въ неравной борьбѣ за вѣру и народность“ (стр. 172). Мы не думаемъ отрицать вліянія обстановки богослуженія на молитвенное настроеніе христіанской души; но въ тоже время полагаемъ, что авторъ сказалъ слишкомъ сильно, когда выразился, что бѣдность обстановки и отсутствіе діаконовъ въ приходскихъ храмахъ вело къ тому, что богослуженіе въ этихъ храмахъ „не назидало, не возвышало и не укрѣпляло духъ“ молящихся. Душевное настроеніе молящагося человѣка опредѣляется болѣе глубокими мотивами, чѣмъ тѣ, которые предполагаются въ приведенныхъ строкахъ: есть люди, которые могутъ искренно молиться только при скромной обстановкѣ. Указанная тенденція ставитъ иногда автора въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, на стр. 91 онъ говорилъ: „Бѣдность заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII в., опять таки за небольшими исключеніями, была *весьма велика*“. Но на стр. 173, гдѣ автору нужно было монастырское богослуженіе представить въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, онъ говоритъ нѣчто другое: „заграничные монастыри, за весьма рѣдкими исключеніями, владѣли *благолѣпными* храмами, имѣли достаточную, а иногда

и *богатую* церковную утварь". Если бѣдность монастырей, за небольшими исключеніями, была *весьма велика*, то откуда же у нихъ могли появиться *благолѣпные* храмы и *богатая* церковная утварь? Или: если въ монастыряхъ были благолѣпные храмы и богатая утварь, то ихъ уже нельзя назвать *весьма бѣдными*.

Кромѣ монастырей, заграничную часть Кіевской епархіи составляли еще приходскія церкви. Въ отношеніи управленія послѣднія дѣлились на протопопіи, изъ которыхъ нѣкоторыя подчинены были монастырямъ, что положительно можно утверждать только относительно Слуцкаго Свято-Троицкаго и Пинскаго Богоявленскаго; но настоятели монастырей въ этомъ случаѣ были лишь органами митрополичьей власти. Авторъ останавливается далѣе на полномочіяхъ настоятелей, какъ органовъ епархіальнаго управленія, на случаяхъ превышенія ими власти и на институтѣ протопопій.

Въ заключеніе этой части разсматриваемой книги авторъ останавливается на такъ называемой Варшавской капелланіи. Должность варшавскаго капеллана (съ 1720 г.) развилась изъ должности домоваго священника при русскомъ резидентѣ въ Варшавѣ (съ 1674 г.). Со времени перваго въ этомъ званіи и, можно сказать, самаго блестящаго по своей дѣятельности капеллана Сильвестра Коховскаго, варшавскій капелланъ является при русскомъ резидентѣ, а потомъ—послѣ выразителемъ и блюстителемъ интересовъ русскаго православнаго населенія въ Польшѣ и ходатаемъ за него предъ Кіевскимъ митрополитомъ и русскимъ правительствомъ. Останавливаясь на дѣятельности нѣкоторыхъ изъ лучшихъ варшавскихъ капеллановъ, каковы, напримѣръ, названный Сильвестръ Коховскій, Викторъ Садковскій, Гавріилъ Строевскій, авторъ знакомитъ съ ихъ незавиднымъ положеніемъ въ польской столицѣ, говоритъ попутно о состояніи варшавской посольской церкви и въ заключеніе даетъ перечень всѣхъ варшавскихъ капеллановъ XVIII в.

Вторая часть настоящаго сочиненія дѣлится на три главы, посвященныя жизни и дѣятельности трехъ слѣдующихъ Кіевскихъ митрополитовъ: Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго, Варлаама Ясинскаго и Іосафа Кроковскаго. Изображенію жизни этихъ владыкъ придана біографическая форма, при чемъ дѣятельность каждаго изъ нихъ разсматривается въ связи съ обзоромъ событій современной имъ церковной жизни и оканчивается общей характеристикой изображаемаго лица и его заслугъ, такъ что каждая изъ главъ носитъ характеръ небольшой монографіи о данномъ лицѣ.

Здѣсь мы должны указать ту странность, намекъ на которую сдѣлали въ началѣ отзыва. Именно, въ разсматриваемой книгѣ, въ главѣ о Варлаамѣ Ясинскомъ, цѣлые десятки страницъ (съ 353—389) представляютъ дословную перепечатку изъ первой книги (ср. т. I стр. 174—190, 273—286, 317—324). Если на двѣ разсмотрѣнныя книги смотрѣть какъ на два тома одного и того же сочиненія, то придется признать, что авторъ, приступая къ написанію своего труда, не имѣлъ опредѣленнаго плана и не зналъ, о чемъ онъ въ какой книгѣ будетъ говорить; это пришлось бы допустить въ виду того, что научная этика не допускаетъ на страницахъ одного и того же сочиненія воспроизводить по нѣсколько разъ одинъ и тотъ же текстъ въ такомъ значительномъ объемѣ. Ничего подобнаго, конечно, допускать не нужно. Дѣло объясняется тѣмъ, что авторъ два отдѣльныхъ сочиненія, искусственно и совершенно безъ нужды, соединилъ въ одно, обозначивъ двѣ различныя книги первымъ и вторымъ томами одного сочиненія. Отсюда получилось два неудобства: два тома якобы одного и того же сочиненія получили разное заглавіе и кромѣ того, на страницахъ двухъ книжекъ, выдаваемыхъ за одно сочиненіе, одинъ и тотъ же текстъ перепечатанъ двукратно.

Это, конечно, мелочь, которая относится къ внѣшней сторонѣ изданія, но существа дѣла не касается. Разсмотрѣнный со стороны своего внутренняго достоинства, настоящій

трудъ проф. о. Титова, какъ это видно изъ представленнаго здѣсь конспективнаго изложенія его содержанія, имѣетъ цѣнное научное значеніе. Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, восполнивъ ихъ новыми научными данными, извлеченными изъ архивнаго матеріала, имъ самимъ открытаго, авторъ далъ намъ систематическое обслѣдованіе исторіи Западно-Русской церкви за данный періодъ времени съ той стороны, съ какой она въ такомъ полномъ видѣ никѣмъ не разсматривалась. Кромѣ того къ сочиненію приложена имѣющая цѣнное научное достоинство географическая карта и сверхъ того первая книга снабжена указателемъ личнымъ, географическимъ и предметнымъ.

Настоящій трудъ проф. о. Титова даетъ ему полное право на полученіе искомой степени."

Постановили: Сочиненіе экстраординарнаго профессора Академіи, магистра богословія, протоіерея Θеодора Титова подъ заглавіемъ: „Русская Православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.в. Томъ первый: Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII в. в. Томъ второй: Кіевская митрополія—епархія въ XVII—XVIII в. в." (Кіевъ, 1905 г.), согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени доктора церковной исторіи и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи протоіерея Θеодора Титова въ степени доктора церковной исторіи, на основаніи §§ 142 и 81 в. 6 Уст. дух. акад.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „23 сентября 1905 года. Согласенъ".

1905 года 15 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпуску.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи, 5 сего сентября, указъ Святѣйшаго Синода отъ 1 сего сентября за № 8622: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 15 іюня сего года за № 999, въ коемъ ходатайствуете объ утвержденіи преподавателя Воронежской духовной семинаріи Василія Попова въ степени магистра богословія за представленное на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ „Возвращеніе евреевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ“, и 2) рапортъ Преосвященнаго Калужскаго, отъ 5 минувшаго августа за № 205, съ отзывомъ о названномъ сочиненіи. Приказали: Преподавателя Воронежской духовной семинаріи, кандидата богословія Василія Попова, удостоеннаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи за вышеозначенное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Калужскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Изготовить для В. Попова установленный магистерскій дипломъ и по изготовленіи выслать по принадлежности.

II. Сданное Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ въ Совѣтъ Академіи, 4 сего сентября,

отношеніе, на имя Его Высокопреосвященства, Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 26 минувшаго августа за № 19375: „Вслѣдствіе ходатайства Вашего Высокопреосвященства отъ 15 іюня сего года за № 1000, о разрѣшеніи Совѣту Кіевской Духовной Академіи командировать на 190⁵|₆ учебный годъ для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ и. д. доцента сей Академіи іеромонаха Анатолія (Грисюка) и о назначеніи на содержаніе его 800 р. въ дополненіе къ доцентскому содержанію, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, что Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ ³|₈ сего августа за № 3832, разрѣшилъ Совѣту Кіевской Духовной Академіи командировать на 190⁵|₆ учебный годъ для ученыхъ занятій при вышеозначенномъ Институтѣ іеромонаха Анатолія, съ тѣмъ, что бы онъ представилъ отчетъ о занятіяхъ въ Константинополѣ въ Совѣтъ Академіи, и назначилъ на содержаніе іеромонаха Анатолія, въ дополненіе къ доцентскому содержанію, *восемьсотъ рублей* изъ суммъ духовно-учебнаго капитала".

Постановили: **О командированіи и. д. доцента Академіи іеромонаха Анатолія для ученыхъ занятій въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ въ теченіе 190⁵|₆ учебнаго года записать въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.**

III. Заявленія профессорскихъ стипендіатовъ Академіи:

а) Алексѣя Чекановскаго, отъ 5 сего сентября: „Честь имѣю заявить Совѣту Академіи, что предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій въ стипендіатскомъ 1905—1906 учебномъ году я избираю догматическое богословіе."

б) Николая Пузанова, отъ 12 сентября: „Честь имѣю заявить, что предметомъ своихъ занятій въ 1905—1906 учебномъ году я избираю библейскую исторію."

Постановили: Сдѣланный профессорскими стипендіатами А. Чекановскимъ и Н. Пузановымъ выборъ предметовъ для спеціальнаго изученія одобрить, а руководство ихъ въ занятіяхъ поручить—перваго заслуженному экстраординарному профессору М. Ястребову, а втораго—заслуженному экстраординарному профессору Ѳ. Покровскому.

IV. Прошеніе студента III курса Академіи Ивана Тріодина отъ 6 сего сентября: „Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ пребыванія моего въ Кіевской Духовной Академіи я изучалъ подъ руководствомъ профессора только одинъ нѣмецкій языкъ. Тѣмъ не менѣе я прилежно занимался самостоятельно и изученіемъ двухъ другихъ новыхъ языковъ—французскаго и англійскаго. Я не имѣлъ тогда возможности посѣщать лекцій по этимъ языкамъ. Теперь же я обращаюсь къ Вамъ, Ваше Преосвященство, съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ посѣщать лекціи французскаго и англійскаго языковъ совмѣстно не съ первымъ, а со вторымъ курсомъ, съ правомъ держать вмѣстѣ со студентами второго курса въ маѣ мѣсяцѣ сего учебнаго года испытанія по означеннымъ предметамъ".

Постановили: Разрѣшить студенту Ивану Тріодину посѣщать лекціи II курса по французскому и англійскому языкамъ и при окончаніи текущаго учебнаго года подвергнуть его экзамену по этимъ языкамъ вмѣстѣ со студентами II курса.

V. Докладъ и. д. секретаря Совѣта: „Въ 100 § Уст. дух. акад. поименовано 11 наукъ, обязательно изучаемыхъ всѣми студентами, а изъ прочихъ предметовъ академическаго курса въ 101 § составлены двѣ параллельныхъ группы—литературная и историческая, предоставленныя выбору студентовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ одного изъ двухъ древнихъ и одного изъ трехъ новыхъ языковъ. Вслѣдствіе сего канцеляріей Академіи сданы были особые листы для собственноручной записи студентовъ I курса на одну изъ двухъ параллельныхъ группъ наукъ

съ обозначеніемъ также избираемаго для изученія одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

По группамъ наукъ студенты I курса распредѣлялись таким образомъ:

На *первой* или литературной группѣ 22 студента: Абрамкинъ Павелъ, Алешковскій Павелъ, Балабаненко Николай, Богословскій Алексѣй, Бѣлевичъ Михаилъ, Граевскій Иванъ, Гринбергъ Григорій, Зубакинъ Михаилъ, Іустиновъ Михаилъ, Киселевичъ Вуколъ, Коробкинъ Александръ, Левицкій Василій, Лопуховскій Михаилъ, Мальцевъ Александръ, Матусевичъ Леонидъ, Никольскій Василій, Осинскій Аѳанасій, Остроумовъ Семенъ, Первовъ Иванъ, Поповъ Николай, Садовскій Евгеній и Спѣваковъ Петръ.

На *второй* или исторической группѣ 27 студентовъ: Бурковскій Ксенофонтъ, Бѣгалловичъ Георгій, Волошинъ Иванъ, Гороховъ Димитрій, Грачевъ Петръ, Долгополовъ Василій, Жадановскій Николай, Зеленецкій Николай, Компанъ Николай, Красовитовъ Василій, Лященко Тимоѳей свящ., Мурашевъ Сергѣй, Никольскій Владиміръ, Павловскій Никаноръ, Подвысоцкій Павелъ свящ., Раевскій Вячеславъ, Райскій Анемподистъ, Русановъ Владиміръ, Соколовъ Григорій, Сырневъ Сергѣй, Травинъ Борисъ, Уколовъ Александръ, Чернявскій Григорій, Чинновъ Петръ, Шумовъ Димитрій, Шурановъ Михаилъ и Юшковъ Николай.

По классамъ древнихъ языковъ расположились такъ:

а) на *греческій языкъ* записалось 14 студентовъ: Абрамкинъ Павелъ, Богословскій Алексѣй, Бурковскій Ксенофонтъ, Волошинъ Иванъ, Граевскій Иванъ, Іустиновъ Михаилъ, Красовитовъ Василій, Лященко Тимоѳей свящ., Мальцевъ Александръ, Никольскій Владиміръ, Остроумовъ Семенъ, Раевскій Вячеславъ, Садовскій Евгеній и Травинъ Борисъ.

б) на *латинскій языкъ* 35 студентовъ: Алешковскій Павелъ, Балабаненко Николай, Бѣгалловичъ Георгій, Бѣлевичъ Михаилъ, Гороховъ Димитрій, Грачевъ Петръ, Гринбергъ Григорій, Долгополовъ Василій, Жадановскій Николай, Зеленецкій Николай, Зубакинъ Михаилъ, Киселевичъ Вуколъ, Компанъ Николай, Коробкинъ Александръ, Левицкій Василій, Лопуховскій Михаилъ, Матусевичъ Леонидъ, Мурашевъ Сергѣй, Никольскій Василій, Осинскій Аѳанасій, Павловскій Никаноръ, Первовъ Иванъ, Подвысоцкій Павелъ свящ., Поповъ Николай, Райскій Анемподистъ, Русановъ Владиміръ, Соколовъ Григорій, Спѣваковъ Петръ, Сырневъ Сергѣй, Уколовъ Александръ, Чернявскій Григорій, Чинновъ Петръ, Шумовъ Димитрій, Шурановъ Михаилъ и Юшковъ Николай.

На классы новыхъ языковъ записались:

а) на *нѣмецкій языкъ* 38 студентовъ: Абрамкинъ Павелъ, Балабаненко Николай, Бурковскій Ксенофонтъ, Бѣгалловичъ Георгій, Бѣлевичъ Михаилъ, Волошинъ Иванъ, Гороховъ Димитрій, Граевскій Иванъ, Грачевъ Петръ, Гринбергъ Григорій, Долгополовъ Василій, Зеленецкій Николай, Зубакинъ Михаилъ, Киселевичъ Вуколъ, Компанъ Николай, Коробкинъ Александръ, Левицкій Василій, Лопуховскій Михаилъ, Лященко Тимоѳей свящ., Мальцевъ Александръ, Матусевичъ Леонидъ, Мурашевъ Сергѣй, Никольскій Василій, Никольскій Владиміръ, Осинскій Аѳанасій, Остроумовъ Семенъ, Первовъ Иванъ, Поповъ Николай, Русановъ Владиміръ, Соколовъ Григорій, Спѣваковъ Петръ, Сырневъ Сергѣй, Уколовъ Александръ, Чернявскій Григорій, Чинновъ Петръ, Шумовъ Димитрій, Шурановъ Михаилъ и Юшковъ Николай.

б на *французскій языкъ* 11 студентовъ: Алешковскій Павелъ, Богословскій Алексѣй, Жадановскій Николай, Іустиновъ Михаилъ, Красовитовъ Василій, Павловскій Никаноръ,

Подвысоцкій Павелъ свящ., Раевскій Вячеславъ, Райскій Анемподистъ, Садовскій Евгеній и Травинъ Борисъ.

в) на *англійскій языкъ* 17 студентовъ: Богословскій Алексѣй, Волошинъ Иванъ, Гороховъ Димитрій, Грачевъ Петръ, Долгополовъ Василій, Жадановскій Николай, Іустиновъ Михаилъ, Коробкинъ Александръ, Красовитовъ Василій, Лопуховскій Михаилъ, Мурашевъ Сергѣй, Никольскій Василій, Остроумовъ Семенъ, Павловскій Никаноръ, Первовъ Иванъ, Подвысоцкій Павелъ и Соколовъ Григорій.

Постановили: Подписные листы пріобщить къ дѣламъ, сдѣлавъ предварительно соотвѣтствующія отмѣтки въ общемъ алфавитномъ спискѣ студентовъ I курса. Затѣмъ таковой списокъ отпечатать въ потребномъ количествѣ для г. г. наставниковъ, для экзаменныхъ комиссій и для разныхъ потребностей инспекціи и канцеляріи Академіи на четыре учебныхъ года.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „23 сентября 1905 г. Читалъ".

1905 года 26 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея I. Королькова, находящагося въ отпуску.

Слушали: I Предложеніе Ректора Академіи: „Сегодня отъ $12^1|_2$ до 2 часовъ дня въ актовомъ залѣ Академіи состоялось торжественное собраніе личнаго состава ея, подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Флавіана, въ присутствіи высокопреосвя-

щеннаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, преосвященнаго Агапита, Епископа Уманскаго, Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора, генералъ-адъютанта Н. В. Клейгельса, профессора Фрейбургскаго университета, ксендза, принца Макса Саксонскаго, попечителя Варшавскаго учебнаго округа В. И. Бѣляева, помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа П. А. Адріанова, начальника Кіево-Подольскаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ Г. А. Чуйкевича, городского головы В. Н. Проценко и другихъ представителей разныхъ учрежденій въ Кіевѣ и многихъ любителей духовнаго просвѣщенія. Въ этомъ собраніи экстраординарный профессоръ В. Рыбинскій прочелъ составленную доцентомъ В. Экземплярскимъ рѣчь: „Къ вопросу о взаимномъ отношеніи нравственности и политики", а заслуженный ординарный профессоръ Н. Петровъ прочелъ извлеченіе изъ отчета о состояніи Академіи за 1904—1905 учебный годъ".

Постановили: О состоявшемся въ установленномъ порядкѣ годичномъ актѣ записать въ протоколъ настоящаго собранія. Рѣчь и Отчетъ напечатать для общаго свѣдѣнія въ академическомъ журналѣ, по напечатаніи же представить отчетъ на основаніи 90 § уст. дух. акад. въ Святѣйшій Синодъ.

II. Докладъ и. д. секретаря Совѣта: „По 91 § Уст. дух. акад. Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія Академіи, въ которомъ читается извлеченіе изъ отчета, составленнаго однимъ изъ членовъ Совѣта и Правленія, и произносится однимъ изъ наставниковъ Академіи рѣчь. О семъ имѣю честь доложить Совѣту для назначенія дня торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1906 году и для избранія лицъ, на которыхъ возложено будетъ составленіе къ тому времени актовой рѣчи и отчета о состояніи Академіи за текущій учебный годъ".

Постановили: Для торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1906 году назначить 26 сентября. Составленіе къ этому времени годичнаго отчета возложить на члена Совѣта и Правленія П. Линицкаго, а составленіе рѣчи поручить ординарному профессору В. Малинину, которому и сообщить о семъ, съ поясненіемъ, что онъ какъ тему, которую изберетъ для своей рѣчи, такъ и самую рѣчь по изготовленіи ея, заблаговременно долженъ представить Ректору Академіи.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи, 16 сего сентября, указъ Святѣйшаго Синода отъ 12 сего сентября за № 9041: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о разрѣшеніи болгарскому уроженцу Димитрію Стоянову, допущенному къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Кіевскую Духовную Академію, по не имѣвшему возможности явиться къ таковымъ за неполученіемъ надлежащаго увѣдомленія, держать испытанія для поступленія въ С-Петербургскую Духовную Академію. И, по справкѣ, Приказали: 1) Разрѣшить Совѣту С.-Петербургской Духовной Академіи допустить болгарскаго уроженца Дмитрія Стоянова, послѣ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія, къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Академіи, и 2) въ случаѣ принятія Стоянова въ Академію, назначить ему на содержаніе въ оной стипендію въ установленномъ размѣрѣ изъ синодальныхъ суммъ съ отнесеніемъ расхода на эту стипендію на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. I пар. 2 спеціальной смѣты Святѣйшаго Синода; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Отношеніе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 15 сего сентября за № 6129: „Училищный Совѣтъ

при Святѣйшемъ Синодѣ имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Кіевской Академіи, что окончившій въ текущемъ году курсъ Академіи, кандидатъ богословія священникъ Никифоръ Блошенко, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 31 августа—7 сентября сего года за № 4247, назначенъ на должность завѣдующаго Шамовской церковно-учительской школой, Херсонской епархіи".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Прошеніе преподавателя Черкасскаго духовнаго училища Владиміра Чеховскаго отъ 17 сего сентября: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи допустить меня къ дополнительному экзамену на полученіе права искать степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія".

Справка: Владиміръ Чеховскій окончилъ полный курсъ Академіи въ іюнѣ 1900 года со степенью кандидата богословія. Въ академическомъ дипломѣ успѣхи его въ наукахъ академическаго курса отмѣчены отличными и очень хорошими баллами, кромѣ нравственнаго богословія и древней общей гражданской исторіи, успѣхи въ которыхъ отмѣчены балломъ „3".

Постановили: Допустить кандидата богословія Владиміра Чеховскаго, согласно его прошенію, къ сдачѣ устныхъ испытаній по нравственному богословію и древней общей гражданской исторіи.

VI. Прошеніе студента III курса Академіи Сергѣя Филиппенко, на имя Ректора Академіи, отъ 19 сего сентября: „Честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство разрѣшить мнѣ въ предстоящемъ $190^5|_6$ учебномъ году слушаніе лекцій по англійскому и нѣмецкому языкамъ съ тѣмъ, чтобы въ концѣ этого учебнаго года мнѣ дозволено было держать экзаменъ за два курса чтенія лекцій по этимъ языкамъ".

Постановили: Разрѣшить студенту Сергѣю Филиппенко слушать лекціи II курса по англійскому и нѣмецкому языкамъ и при окончаніи текущаго учебнаго года подвергнуть его экзамену по этимъ языкамъ вмѣстѣ со студентами II курса.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „10 октября 1905 г. Читалъ".

1905 года 26 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея I. Королькова, находящагося въ отпуску.

Слушали: Предложеніе Ректора Академіи: „Нахожу болѣе цѣлесообразнымъ предложить чтеніе лекцій по общей церковной исторіи студентамъ III курса въ настоящемъ учебномъ году, такъ какъ въ будущемъ году у нихъ, какъ студентовъ IV курса, будетъ менѣе свободнаго времени, которое должно посвящаться на слушаніе лекцій. Въ виду этого предлагаю Совѣту Академіи постановить, чтобы профессоръ С. Т. Голубевъ велъ чтеніе лекцій студентамъ III курса по общей церковной исторіи и въ настоящемъ году.

Постановили: Поручить профессору С. Голубеву чтеніе лекцій по общей церковной исторіи студентамъ III курса и въ

настоящемъ учебномъ году, о чемъ и представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „10 октября 1905 г. Утверждается".

1905 года 26 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея I. Королькова, находящагося въ отпуску.

Слушали: I. Предложеніе Ректора Академіи объ избраніи въ почетные члены Академіи высокопреосвященнѣйшаго Николая, Экзарха Грузіи, Архіепископа Карталинскаго и Кахетинскаго, высокопреосвященнѣйшаго Никандра, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, во вниманіе къ ихъ полезной дѣятельности на пользу духовнаго просвѣщенія и къ ихъ плодотворному архипастырскому служенію церкви, преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, во вниманіе къ его полезному архипастырскому служенію церкви и къ его сочувственному отношенію къ нуждамъ учащагося въ Академіи юношества, выразившемуся въ пожертвованіи Кіевской Академіи капитала на учрежденіе студенческой стипендіи, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Евгенія Евсигніевича Голубинскаго и заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Алексѣя Петровича Лебедева во вниманіе къ ихъ капитальнымъ уче-

нымъ трудамъ по исторіи церкви, и бывшаго старшаго помощника наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Павла Акимовича Игнатовича во вниманіе къ его полезному служенію дѣлу народнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви.

Постановили: Соглашаясь съ сдѣланнымъ предложеніемъ, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи высокопреосвященнаго Экзарха Грузіи Николая, Архіепископа Карталинскаго и Кахетинскаго, высокопреосвященнаго Никандра, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Евгенія Евсигніевича Голубинскаго, заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Алексѣя Петровича Лебедева и бывшаго старшаго помощника наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Павла Акимовича Игнатовича въ званіи почетныхъ членовъ Кіевской Духовной Академіи.

II. Отзывы экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ въ августѣ текущаго года испытанія воспитанникамъ, явившимся для поступленія въ число студентовъ I курса.

а) Комиссіи, разсматривавшей сочиненіе богословскаго содержанія:

„Для богословскаго сочиненія воспитанникамъ, явившимся для поступленія въ число студентовъ Академіи, предложена была тема: „Совпадаютъ ли въ своихъ границахъ вѣротерпимость и свобода совѣсти?“ Предполагалось, что воспитанники, давая отвѣтъ на этотъ вопросъ, поставятъ его въ связь съ нынѣшними весьма важными вопросами, выдвинутыми самою жизнію нашей церкви и нашего народа, съ вопросомъ, напр., о той „вѣротерпимости“, какую усматриваютъ въ Высочайшемъ указѣ 17 апрѣля сего года, и съ тѣмъ своеобразнымъ пониманіемъ ея, какое проявляется на нѣкоторыхъ въ особенности

окраинахъ нашего отечества; ожидалось, что воспитанники покажутъ свое знакомство съ этими очень рельефными явленіями нашей религіозно-общественной жизни и дадутъ такую или иную оцѣнку ихъ. Надежда эта далеко не оправдалась: очень немногіе воспитанники обнаружили кое какое знаніе той особенной въ религіозныхъ вопросахъ исключительности, какую отмѣчаетъ наше время; большинство же воспитанниковъ ограничилось самимъ общимъ, шаблоннымъ отвѣтомъ на вопросъ темы, даже не намекая, что тема эта по существу имѣетъ очень важное современное значеніе. Широты взгляда и основательности сужденій у писавшихъ замѣтно очень немного. Нельзя не отмѣтить отсутствія въ сочиненіяхъ и прочности взгляда: многіе изъ писавшихъ сильно колеблются въ своихъ разсужденіяхъ и особенно оказываются въ нерѣшительности въ заключительныхъ выводахъ сочиненія, не зная, должно ли на вопросъ темы дать положительный отвѣтъ или отрицательный. А нѣкоторыя сочиненія изобилуютъ сужденіями положительно невѣрными. Вообще немногіе воспитанники оказались въ состояніи надлежащимъ образомъ оріентироваться въ такихъ отвлеченныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о вѣротерпимости или о свободѣ совѣсти, и высказать о нихъ хотя краткія, но точныя и отчетливыя сужденія. Встрѣчаются, впрочемъ, грубыя погрѣшности и въ вопросахъ болѣе конкретнаго характера: одинъ изъ писавшихъ (вол. курск.) ставитъ, напр., армянъ рядомъ со старообрядцами, штундистовъ рядомъ со скопцами, при чемъ о штундистахъ замѣчаетъ, что по указу 17 апрѣля они не получили „свободы совѣсти". Съ логической и грамматической стороны сочиненія производятъ болѣе благопріятное впечатлѣніе. Замѣтно въ большинствѣ случаевъ желаніе вникнуть въ предметъ темы и обосновать отвѣтъ на нее достаточными данными Изложеніе сочиненій, за немногими исключеніями, въ общемъ правильное; неправильныхъ выраженій,—въ родѣ: „можно звать свободою" (вол. ряз.), или—„антисвободное распространеніе",—замѣчено мало. Въ большемъ количествѣ попадаются

разнаго рода неудачныя выраженія и обороты, напр.: „заселить землю только правдою Божіею", „церковь Христова твердо идетъ къ святости" (вол. ставроп.), „вѣротерпимость, какъ государственное установленіе" (вол. орлов.), „Россія по различію вѣроисповѣданій представляетъ пестрый коверъ" (назн. самар.), „совѣсть — индивидуальная инстанція" (вол. кiев.), австрійскій расколъ—это „секта", скопцы себя „нравственно растлѣваютъ", „неотразимо вліяя на чувственнаго по большей части человѣка", „вѣротерпимость прибѣгаетъ къ репрессивнымъ мѣрамъ" (назнач. орлов.) и др. Встрѣчаются въ сочиненіяхъ и модныя газетныя выраженія, напр. „бюрократическій режимъ", „возрожденная Россія", „сердцемъ болѣть при прежнихъ мѣрахъ насилія и произвола" по отношенію къ расколу (вол. витебск.). Грубыхъ грамматическихъ ошибокъ замѣчено сравнительно немного (у назн. ставроп., вол. волынск.). Лучшія сочиненія написаны казенными воспитанниками изъ семинарій Курской, Калужской, Самарской, Донской, Харьковской, худшія—казеннымъ воспитанникомъ Костромской семинаріи и волонтерами изъ семинарій Таврической, Кіевской, Харьковской, Кишиневской, Тульской и въ особенности двумя воспитанниками сербами".

б) Той же комиссіи отзывъ о сочиненіи студента Костромской духовной семинаріи Владиміра Лебедева: „Комиссіей, разсматривавшей богословское сочиненіе явившихся въ августѣ 1905 года для поступленія въ Академію воспитанниковъ, въ числѣ худшихъ сочиненій, представленныхъ экзаменовавшимися воспитанниками, отмѣчено сочиненіе назначеннаго Правленіемъ Костромской духовной семинаріи воспитанника Владиміра Лебедева. Такъ какъ сочиненіе это очень невелико по объему, то комиссія, для характеристики его, считаетъ лучшимъ изложить содержаніе сочиненія Лебедева, пользуясь выдержками изъ самаго сочиненія.

Приступая къ отвѣту на вопросъ темы—„совпадаютъ ли въ своихъ границахъ вѣротерпимость и свобода совѣсти?",—

Владиміръ Лебедевъ естественно начинаетъ съ уясненія понятій о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти. По его опредѣленію, вѣротерпимость есть „свободное отношеніе къ религіознымъ убѣжденіямъ извѣстнаго лица или народа, безъ всякаго рода насилій и преслѣдованій". Но вѣротерпимость, продолжаетъ авторъ, „имѣетъ свои ограниченія. Въ силу вѣротерпимости человѣкъ, обладающій свободою вѣроисповѣданія, не имѣетъ права пропагандировать, проповѣдывать свое ученіе другимъ. Кромѣ того человѣкъ, пользующійся свободою вѣроисповѣданія, необходимо долженъ принадлежать къ какой нибудь религіи, признанной государствомъ. Далѣе, соціальныя убѣжденія онъ долженъ имѣть такими, какими онѣ существуютъ въ государствѣ; ничего новаго, соотвѣтствующаго его убѣжденіямъ, но противнаго государственнымъ законамъ, онъ не долженъ проповѣдывать". Покончивъ на этомъ съ вопросомъ о вѣротерпимости, авторъ приступаетъ къ опредѣленію понятія о свободѣ совѣсти. Свобода совѣсти, по его выраженію, „требуетъ признанія за человѣкомъ всякаго рода убѣжденій, и религіозныхъ и соціальныхъ и права проповѣди ихъ. Она не можетъ быть чѣмъ либо ограничена. Если человѣкъ будетъ итти противъ совѣсти, то она въ состояніи произвесть въ душѣ его такую тревогу, что онъ можетъ лишить себя жизни". И для подтвержденія этого положенія авторъ какимъ то непостижимымъ образомъ вздумалъ привести слова Каина: „всякій встрѣчный умертвитъ меня". „По внушеніямъ совѣсти, заканчиваетъ авторъ, человѣкъ будетъ проповѣдывать какую угодно идею, лишь бы не подвергнуться укорамъ ея". „Такимъ образомъ, получается въ итогѣ у автора, понятіе вѣротерпимости входитъ въ понятіе свободы совѣсти, какъ часть въ цѣлое".

Вотъ вся пятичасовая работа Лебедева. Какъ видно, авторъ не имѣетъ представленія ни о вѣротерпимости, ни о свободѣ совѣсти, ни даже вообще о совѣсти; онъ не умѣетъ выразить кое-какихъ свѣдѣній, имѣющихся у него; для разъясненія извѣстной своей мысли онъ приводитъ такія данныя, которыя

говорятъ совершенно о другомъ; онъ постоянно путается, сбивается; логической нити въ разсужденіяхъ его не видно; авторъ смѣшиваетъ кое-что такое, что совершенно различно по существу. Комиссія въ силу всего этого не могла признать сочиненія Владиміра Лебедева достаточнымъ показателемъ умственной зрѣлости автора его и оцѣнило это сочиненіе неудовлетворительнымъ балломъ".

в) Комиссіи, разсматривавшей сочиненіе философскаго содержанія:

„Для философскаго сочиненія экзаменовавшимся была дана такая тема: „Если личность человѣка имѣетъ безусловную нравственную цѣнность, то какъ тогда понимать христіанское самоотверженіе?" Предполагалось, что авторы подойдутъ къ рѣшенію вопроса путемъ уясненія понятій, входящихъ въ содержаніе темы; ожидалось, что авторамъ поможетъ въ этомъ дѣлѣ знакомство съ этикой Канта, а знакомство съ современными индивидуалистическими воззрѣніями придастъ изложенію жизненность. Всѣ эти ожиданія и предположенія оправдались лишь въ очень незначительной степени: нѣсколько авторовъ оказались въ достаточной мѣрѣ освѣдомленными относительно современнаго индивидуализма; два—три автора ссылаются на Канта, но только ссылаются: при уясненіи понятія о безусловной цѣнности личности Кантъ имъ услуги не оказываетъ; большинство совершенно воздерживаются отъ уясненія понятій, входящихъ въ первую половину темы, ограничиваясь изложеніемъ болѣе или менѣе содержательныхъ, болѣе или менѣе благочестивыхъ размышленій на тему о высотѣ подвига христіанскаго самоотверженія. Такимъ образомъ тема осталась у большинства авторовъ не раскрытой. Литературная сторона сочиненій въ общемъ удовлетворительна. Лучшія сочиненія принадлежатъ воспитанникамъ Курской семинаріи (казенному и волонтеру). Изъ слабыхъ сочиненій не малая часть написана воспитанниками, присланными на казенный счетъ".

г) Комиссіи, разсматривавшей поученіе: „Экзаменовавшіеся писали поученія на предложенный имъ текстъ изъ посланія св. ап. Павла къ Евреямъ гл. XIII ст. 17: „повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе, нѣсть бо полезно вамъ сіе". Всѣ экзаменовавшіеся написали въ общемъ удовлетворительное поученіе на тему о почитаніи наставниковъ, подъ которыми одни разумѣли пастырей церкви, а другіе—учителей школы. Въ качествѣ главныхъ недостатковъ, оказавшихся въ представленныхъ поученіяхъ, должны быть отмѣчены, по мнѣнію комиссіи, слѣдующія. Большинство поученій страдаетъ излишнею отвлеченностію, сухостію и безжизненностію. Очень многіе изъ числа экзаменовавшихся представили собственно не столько поученія, составленныя по правиламъ и требованіямъ современной гомилетики, сколько школьныя разсужденія о необходимости или пользѣ послушанія и повиновенія вообще и, въ частности, послушанія и повиновенія наставникамъ. Есть среди поученій упражненія болѣе экзегетическаго, нежели гомилетическаго характера. Есть, впрочемъ, нѣсколько поученій, рѣзко выдѣляющихся изъ числа другихъ особеннымъ стремленіемъ авторовъ написать проповѣдь на современныя темы. Такъ, напр., одинъ ухитрился представить въ качествѣ проповѣди на данный текстъ разсужденіе о свободѣ совѣсти. Наставленіе апостола, содержащееся въ Евр. XIII, 17, разсуждаетъ онъ, должно помнить особенно теперь, когда часто высказываются сужденія о томъ, что въ церкви незамѣтно высокаго начала свободы совѣсти и когда выражаются желанія, чтобы каждому было предоставлено право содержать ту или другую вѣру, по указанію совѣсти. Но что такое свобода совѣсти и вѣрно ли понимаютъ ее тѣ, которые, на основаніи ея, требуютъ свободы отъ пастырскихъ наставленій? На эту послѣднюю тему и написано все дальнѣйшее разсужденіе—отвлеченное и съ гомилетической точки зрѣнія составленное совсѣмъ неумѣло. Поученія нѣкоторыхъ изъ числа

экзаменовавшихся представляютъ нравоученіе однимъ наставникамъ и разсужденіе о ихъ долгѣ, а поученія другихъ—совершенно неумѣстную попытку оправданія „Зазорнаго", по выраженію автора (ставропол. сем.) духовенства, поученія третьихъ (черниго. сем.)—наставленія юношамъ, непочитающимъ своихъ наставниковъ и устрояющимъ въ школахъ такъ наз. забастовки. Весьма непріятное впечатлѣніе производитъ также склонность многихъ изъ числа экзаменовавшихся употреблять и при томъ совершенно безъ всякой нужды иностранныя слова и выраженія въ проповѣдяхъ. Вообще, по мнѣнію комиссіи, наши семинаріи духовныя не даютъ вполнѣ достаточной подготовки своимъ питомцамъ для предстоящей имъ церковно-проповѣднической дѣятельности".

д) Комиссіи, производившей испытаніе по священному писанію ветхаго завѣта: „Комиссія, производившая испытаніе явившихся для поступленія въ Академію воспитанниковъ семинарій по священному писанію ветхаго завѣта, не усматриваетъ во отвѣтахъ ихъ никакихъ особенностей сравнительно съ предшествующими годами. Экзаменовавшіеся обнаружили знакомство съ буквой текста Библіи и съ помѣщенными въ семинарскихъ учебникахъ предварительными свѣдѣніями о библейскихъ ветховавѣтныхъ книгахъ. Общее впечатлѣніе отъ отвѣтовъ экзаменовавшихся, однако-же, то, что результаты изученія ветхаго завѣта въ семинаріяхъ не соотвѣтствуютъ затрачиваемому на это изученіе времени и труду. Въ частности экзаменовавшіеся обнаружили, какъ и въ прежніе годы, крупные пробѣлы въ знаніяхъ по библейской исторіи и отсутствіе навыка къ хорошему экзегесису".

е) Комиссіи, экзаменовавшей по священному писанію новаго завѣта: „Поступавшими въ Академію обнаружено достаточное знаніе священнаго текста новаго завѣта. Но, какъ и въ прежніе годы, часто замѣчалось, что это знаніе имѣло довольно внѣшній, механическій характеръ. Къ изъясненію текста, къ синтетическому объединенію заключающихся въ немъ

мыслей, къ свободному обращенію съ новозавѣтными параллелями, воспитанники, видно, мало пріучены, и въ толкованіи по прежнему преобладалъ аллегоризмъ и моральныя разсужденія. Ученія ап. Павла о правдѣ Божіей, о законѣ, о христіанской свободѣ, о превосходствѣ новозавѣтнаго служенія предъ служеніемъ ветхозавѣтнымъ, объ антихристѣ и т. п.—все это нуждается въ большемъ уясненіи. Правильно излагалось ученіе св. Апостола Павла о духовныхъ дарованіяхъ, но не могли выяснить, что такое „слово премудрости“ и „слово разума“; вѣрно переданы главныя мысли 1-ой гл. посланія къ Евреямъ, но смыслъ словъ: „творяй ангелы своя духи и слуги своя огнь палящъ“, видно, экзаменующемуся совершенно неизвѣстенъ; камнемъ претккновенія служило для всѣхъ изъясненіе словъ: „правда бо Божія въ немъ является отъ вѣры въ вѣру“. По обыкновенію разностей въ повѣствованіи евангелистовъ не могли указывать; обращеніе къ греческому тексту въ трудныхъ мѣстахъ замѣчалось весьма рѣдко.

Качества отвѣтовъ воспитанниковъ много, конечно, зависятъ отъ качества учебниковъ. Комиссія полагаетъ, что лучшимъ руководствомъ при изученіи Евангелій является книга г. Боголѣпова, а при разсмотрѣніи посланій Апостольскихъ—руководство г. Иванова. И сущность дѣла, и экономія времени требуютъ изучать евангельскую исторію по схемѣ хронологической, хотя эта схема и не можетъ быть въ семинарскомъ преподаваніи научно обоснована“.

ж) Комиссіи, производившей испытаніе по догматическому богословію: „Комиссія, производившая пріемныя испытанія по догматическому богословію, долгъ имѣетъ донести Совѣту Академіи о результатахъ испытанія:

1) къ испытанію явилось 58 человѣкъ;

2) изъ нихъ тринадцать дали отвѣты отлично хорошіе, двадцать шесть—очень хорошіе и остальные девятнадцать—удовлетворительные.

3) Въ лучшихъ отвѣтахъ усмотрѣны основательное и сознательное знаніе семинарскаго учебника по догматикѣ и достаточное знакомство съ крупными вѣроисповѣдными разностями, ихъ аргументаціей и опроверженіемъ.

4) Высшимъ балломъ оцѣнены отвѣты воспитанниковъ семинарій Воронежской (священникъ), Курской, Нижегородской, Калужской, Рязанской, Тамбовской и Уфимской".

в) Комиссіи, экзаменовавшей по общей церковной исторіи: „Изъ 55 лицъ, державшихъ вступительный экзаменъ, 52 было семинарскихъ воспитанника и изъ нихъ 22 присланныхъ на казенный счетъ и 30 волонтеровъ. Всѣ они отвѣчали по общей церковной исторіи удовлетворительно, а именно: шесть дали отвѣты весьма хорошіе, тридцать четыре—очень хорошіе и двѣнадцать—хорошіе. Лучшіе отвѣты получены отъ воспитанниковъ семинарій: Донской, Кіевской, Курской, Полтавской, Ставропольской и Тульской; а низшіе баллы по отвѣтамъ получили воспитанники семинарій: Волынской, Кіевской, Кишиневской и Рязанской. Но судить по этимъ отвѣтамъ о состояніи данной науки въ той или другой духовной семинаріи невозможно, такъ какъ воспитанники нѣкоторыхъ семинарій получили и высшіе и низшіе баллы".

г) Комиссіи, экзаменовавшей по древнимъ языкамъ: „Комиссія, производившая пріемныя испытанія по древнимъ языкамъ новопоступающимъ студентамъ Академіи, долгъ имѣетъ донести Совѣту Академіи о результатахъ сихъ испытаній слѣдующее: А) *По греческому языку.* Изъ 56 воспитанниковъ семинарій, экзаменовавшихся по древнимъ языкамъ, 25 изъявили желаніе экзаменоваться по греческому языку. Отвѣчавшіе по этому предмету оказались въ среднемъ выводѣ знающими греческій языкъ очень хорошо; большая половина воспитанниковъ (16 изъ 25) получили отличные и очень хорошіе баллы. Лучшіе отвѣты принадлежатъ студентамъ семинарій—Полтавской, Курской, Литовской, Симбирской, а также Орловской, Кіевской

и Тверской. Слабѣе другихъ отвѣчали волонтеръ изъ Вятской семинаріи и два иностранца (сербскіе уроженцы).

Недостатки, замѣченные въ отвѣтахъ экзаменовавшихся, почти тѣ же, какіе замѣчались и на прежнихъ пріемныхъ испытаніяхъ. Воспитанники иногда смѣшивали значеніе словъ созвучныхъ или сходныхъ по произношенію (Χριστός и Χρηστός), (οἴσω и ἴζω), не отчетливо знали о соотносительныхъ мѣстоимѣніяхъ и нарѣчіяхъ, нѣкоторые смѣшивали формы такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ и глаголовъ второго спряженія (на μι), не ясно представляли себѣ синтаксическія правила, даже общеупотребительныя, и не показали даже поверхностнаго знакомства съ содержаніемъ писателей, переводимыхъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

Б) *По латинскому языку*. Изъ 56 воспитанниковъ духовныхъ семинарій, подлежавшихъ испытанію по древнимъ языкамъ, большинство (именно 31) заявили желаніе экзаменоваться по латинскому языку. Но познанія ихъ по этому языку хотя въ общемъ оказались удовлетворительными, однако болѣе слабыми, нежели въ предшествующіе годы. Главными недостатками въ отвѣтахъ были, какъ и прежде, неточность перевода текста латинскихъ писателей, зависящая отчасти отъ недостаточности грамматическихъ и лексическихъ знаній, а отчасти отъ недостаточнаго вниканія въ грамматическій строй и въ мысль переводимыхъ мѣстъ, и недостаточность историко-литературныхъ свѣдѣній. Нѣкоторые изъ экзаменовавшихся не только не могли изложить, даже въ самомъ общемъ видѣ, содержаніе тѣхъ произведеній латинскихъ писателей, которыя читались ими въ семинаріяхъ, но и назвать имена авторовъ или заглавія этихъ произведеній. Наиболѣе удовлетворительные отвѣты принадлежатъ воспитанникамъ, присланнымъ на казенный счетъ изъ семинарій Калужской, Курской и Оренбургской и одному волонтеру изъ Черниговской семинаріи“.

Постановили: Копіи отзывовъ приложить къ представленію въ Святѣйшій Синодъ о послѣдствіяхъ пріемныхъ испытаній въ Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „10 октября 1905 г. Согласенъ".

19—21 октября 1905 года.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ профессора протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпуску.

Слушали: Сданную Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи телеграмму Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита С.-Петербургскаго Антонія отъ 14 сего октября, слѣдующаго содержанія: „Примѣненіе началъ автономіи несовмѣстимо съ назначеніемъ Академіи. Студенты, прекратившіе занятія, нарушили основныя начала порядка и законности. Синодъ постановилъ: студентовъ, если къ первому ноября не начнутъ занятій, распустить и Академію закрыть до будущаго учебнаго года. Поручите Совѣту объявить о семъ студентамъ".

По заслушаніи означенной телеграммы, Совѣтъ Академіи поручилъ исполняющему обязанности инспектора Академіи объявить содержаніе ея студентамъ Академіи. Послѣдніе категорически отказались возобновить занятія въ указанный въ телеграммѣ срокъ.

Постановили: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода привесть въ исполненіе: студентовъ распустить и Академію закрыть до будущаго учебнаго года. Сдѣлать представленіе объ этомъ Святѣйшему Синоду.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „22 октября 1905 г. Согласенъ“.

1905 года 5—6 ноября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, а также доценты, приглашенные на основаніи примѣчанія къ 79 § устава прав. дух. акад.

Слушали: I. Сданную Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 3 сего ноября телеграмму Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 3 того же ноября: „Съ благословенія Святѣйшаго Синода прошу Ваше Высокопреосвященство предложить Совѣту Академіи въ составѣ, указанномъ параграфомъ семьдесятъ девятымъ устава, избрать трехъ лицъ для участія въ совѣщаніи подъ моимъ предсѣдательствомъ о мѣропріятіяхъ къ возстановленію нормальнаго академическаго порядка. Этихъ лицъ благоволите командировать въ Петербургъ къ 11 ноября“.

Справка: Въ собраніи Совѣта Академіи 5 ноября для участія въ совѣщаніи о мѣропріятіяхъ къ возстановленію нормальнаго академическаго порядка избраны были заслуженный

ординарный профессоръ Н. Дроздовъ, ординарный профессоръ В. Завитневичъ и экстраординарный профессоръ В. Рыбинскій. За послѣдовавшимъ 6 ноября отказомъ профессора Н. Дроздова Совѣтомъ Академіи 6 же ноября вмѣсто профессора Н. Дроздова назначенъ экстраординарный профессоръ Д. Богдашевскій.

Постановили: Для участія въ совѣщаніи о мѣропріятіяхъ къ возстановленію нормальнаго академическаго порядка, подъ предсѣдательствомъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, командировать ординарнаго профессора В. Завитневича и экстраординарныхъ профессоровъ Д. Богдашевскаго и В. Рыбинскаго. На путевые и иные необходимые расходы выдать каждому изъ нихъ по 100 руб. изъ суммы, ассигнованной по смѣтѣ 1905 года на расходы по усмотрѣнію Совѣта Академіи.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 26 октября „къ должному исполненію" указъ Святѣйшаго Синода отъ 15 октября 1905 года за № 10309: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленія Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, отъ 11 сего октября за №№ 1968—8134 и 1982—8135; по ходатайству Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи о временномъ пріостановленіи чтенія академическихъ лекцій вслѣдствіе нежеланія студентовъ при существующемъ учебно-воспитательномъ строѣ академій посѣщать таковыя и о необходимости распространенія на Духовныя Академіи Высочайше утвержденныхъ въ 27 день августа 1905 года временныхъ правилъ объ управленіи высшими учебными заведеніями вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, и 2) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 7 того же октября за № 773, по постановленію Правленія Кіевской Духовной Академіи, состоявшемуся по заявленію академическихъ студентовъ о прекращеніи ими учебныхъ занятій до введенія въ Духов-

ныхъ Академіяхъ автономіи. И, по справкѣ, Приказали: Православныя Духовныя Академіи являются высшими богословскими учебными заведеніями и имѣютъ одной изъ своихъ цѣлей воспитаніе академическаго юношества на строгихъ началахъ законности и порядка, необходимыхъ для достойнаго прохожденія пастырскаго просвѣтительнаго въ духѣ Православія служенія. Стоя во главѣ всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеній —Академіи должны служить примѣромъ для всѣхъ прочихъ духовно-учебныхъ заведеній въ строгомъ охраненіи существующаго въ Академіяхъ порядка, не подлежащаго ни въ какомъ случаѣ нарушенію впредь до измѣненія его законною высшею церковною властію. Академіямъ не безъизвѣстны подготовительные труды объ усовершеніи духовной школы. Вопросъ этотъ стоитъ на ближайшей очереди и можетъ быть разрѣшенъ только на предстоящемъ помѣстномъ Соборѣ. Такимъ образомъ примѣненіе въ Духовныхъ Академіяхъ началъ данной высшимъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ автономіи, и тѣмъ болѣе участіе учащихся въ рѣшеніи учебно-воспитательныхъ вопросахъ представляются совершенно несовмѣстимыми съ прямымъ назначеніемъ Духовныхъ Академій и ни въ какомъ случаѣ рѣшеніемъ Святѣйшаго Синода разрѣшены быть не могутъ. Студенты Духовныхъ Академій, объявившіе свое нежеланіе продолжать занятія при существующемъ академическомъ строѣ, нарушили основныя начала порядка и законности высшаго учебнаго заведенія и тѣмъ вынуждаютъ Святѣйшій Синодъ постановить слѣдующее: если къ 1-му числу наступающаго ноября не установится въ Академіяхъ нормальное теченіе жизни и не начнутся обычныя занятія, то а) студентовъ распустить по домамъ и б) Академію закрыть до начала будущаго учебнаго года. О таковомъ своемъ постановленіи Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ предоставить Вашему Преосвященству объявить Совѣту Академіи и о послѣдующемъ донести Синоду; для чего и послать Вамъ указъ.“

Справка: Означенное постановленіе Святѣйшаго Синода, переданное телеграфомъ чрезъ Его Высокопреосвященство, было заслушано Совѣтомъ Кіевской Академіи въ собраніи 19—21 октября сего года.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Сданные Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 26 октября сего года „къ должному исполненію" указы Святѣйшаго Синода:

а) отъ 13 октября 1905 года за № 10275: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 23 сентября сего года за № 2121, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи экстраординарнаго профессора сей Академіи протоіерея Θеодора Титова въ степени доктора церковной исторіи. Приказали: экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи русской церкви, магистра богословія, протоіерея Θеодора Титова, удостоеннаго Совѣтомъ названной Академіи степени доктора церковной исторіи за представленное на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Русская Православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.в. Томъ первый: Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. Томъ II: Кіевская митрополія-епархія въ XVII—XVIII в.в.", утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства, въ означенной степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

б) отъ того же 13 октября за № 10274: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25 сентября сего года за № 6709, по ходатайству Вашего Преосвященства о назначеніи экстраординарнаго профес-

сора Кіевской Духовной Академіи протоіерея Θеодора Титова ординарнымъ профессоромъ сверхъ штата, съ присвоеннымъ этой должности окладомъ жалованья. Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства, удостоить доктора церковной исторіи протоіерея Θеодора Титова званія ординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи сверхъ штата, съ назначеніемъ дополнительнаго по этой должности содержанія изъ духовно-учебнаго капитала и съ тѣмъ, чтобы таковое содержаніе производилось ему временно, до зачисленія его на штатную вакансію ординарнаго профессора, по освобожденіи таковой; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Профессору протоіерею Θ. Титову выдать дипломъ на степень доктора церковной исторіи и объ утвержденіи его въ сей степени и въ званіи ординарнаго профессора Академіи сверхъ штата, съ назначеніемъ дополнительнаго по этой должности содержанія, записать въ его формулярный списокъ, а также сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 26 октября сего года „къ должному исполненію" указъ Святѣйшаго Синода отъ 17 октября сего года за № 10359: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 23 сентября сего года за № 2122, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи библіотекаря сей Академіи Амвросія Крыловскаго въ степени магистра богословія. Приказали: Библіотекаря Кіевской Духовной Академіи кандидата богословія Амвросія Крыловскаго, удостоеннаго Совѣтомъ названной Академіи степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ:

„Львовское Ставропигіальное Братство", утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства, въ означенной степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Библіотекарю А. Крыловскому выдать дипломъ на степень магистра богословія и объ утвержденіи его въ сей степени записать въ формулярный списокъ.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 7 октября сего года „къ должному исполненію" указъ Святѣйшаго Синода отъ 30 сентября 1905 года за № 9812: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о доставленіи въ Святѣйшій Синодъ начальствами Духовныхъ Академій свѣдѣній объ оканчивающихъ академическій курсъ ученія духовныхъ лицахъ. И, по справкѣ, Приказали: Принимая во вниманіе, что при назначеніи окончившихъ академическій курсъ ученія лицъ въ священномъ санѣ на духовно-учебную службу, на законоучительскія должности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ составъ нашихъ внутреннихъ и заграничныхъ миссій необходимо имѣть подробныя свѣдѣнія о степени подготовки и правоспособности сихъ лицъ къ достойному прохожденію того или иного служенія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить Вашему Преосвященству сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ Святѣйшій Синодъ, вмѣстѣ съ списками окончившихъ въ Духовныхъ Академіяхъ курсъ ученія лицъ въ священномъ санѣ, подробныхъ свѣдѣній какъ объ ихъ личныхъ нравственныхъ качествахъ, такъ и о склонности и степени подготовки къ тому или другому служенію на поприщѣ духовно-учебномъ, законоучительскомъ или миссіонерскомъ; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VI. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 31 октября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 27 октября 1905 года за № 10702: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 сентября сего года за № 21663, по сообщенному Товарищемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ ходатайству окончившаго богословскій факультетъ Бухарестскаго университета румынскаго подданнаго Людвига Козмы о предоставленіи ему стипендіи для изученія богословскихъ наукъ при Кіевской Духовной Академіи съ цѣлію пріобрѣтенія званія доктора богословія. Приказали: 1) Разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи принять окончившаго богословскій факультетъ Бухарестскаго университета румынскаго подданнаго Людвига Козму въ Академію, и 2) назначить на содержаніе его въ Академіи стипендію изъ синодальныхъ средствъ, съ отнесеніемъ расхода на эту стипендію, съ начала 1905—6 учебнаго года, въ размѣрѣ двухсотъ десяти рублей въ годъ, на счетъ остатковъ отъ доходовъ съ имѣній молдавскихъ монастырей въ Бессарабіи; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Объявить румынскому подданному Людвигу Козмѣ о томъ, что Академія Святѣйшимъ Синодомъ закрыта до начала слѣдующаго учебнаго года.

VII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 1 сего ноября указъ Святѣйшаго Синода отъ 29 октября 1905 года за №: 10748: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о замѣщеніи должности преподавателя греческаго языка въ Житомірскомъ духовномъ училищѣ. Приказали: Назначить кандидата Кіевской Духовной Академіи, выпуска 1905 года, іеромонаха

Аполлинарія (Кошевого) преподавателемъ греческаго языка въ Житомірское духовное училище; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ",

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Прошеніе окончившаго курсъ Кіевской Духовной Академіи, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, іеромонаха Павла (Вильковскаго), отъ 8 октября сего года: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи одобрить слѣдующую тему, въ качествѣ пригодной для написанія на нее кандидатской диссертаціи: „Патріархъ Константинопольскій Іеремія II й. Историческій очеркъ его жизни и трудовъ въ служеніи св. церкви" съ тѣмъ, чтобы по окончаніи составляемаго мною на эту тему сочиненія оно могло быть представлено для сужденія по его качествамъ объ удостоеніи меня степени кандидата богословія".

Постановили: Разрѣшить іеромонаху Павлу представить кандидатское сочиненіе на означенную въ его прошеніи тему.

IX. Прошеніе учителя Черкасскаго духовнаго училища кандидата богословія Владиміра Чеховскаго, отъ 27 октября сего года: „Представляя въ Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи 60 экземпляровъ книги: „Кіевскій Митрополитъ Гавріилъ Банулеско-Бодони (1799—1803 г.г.)", покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять мое изслѣдованіе, какъ диссертацію на соисканіе магистерской степени".

Справка: На дополнительномъ, для полученія магистерской степени, испытаніи, 24 октября сего года, по нравственному богословію и по древней общей гражданской исторіи В. Чеховскій получилъ баллы: 5 и 5.

Постановили: Представленное кандидатомъ В. Чеховскимъ сочиненіе передать на разсмотрѣніе заслуженному орди-

нарному профессору Н. Петрову и ординарному профессору протоіерею Ѳ. Титову.

X. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о лекціяхъ, опущенныхъ наставниками Академіи:

въ сентябрѣ текущаго года:

„А) по болѣзни: а) по священному писанію новаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ Д. Богдашевскимъ 1 л. (17 ч.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 3 л. (12 и 30 ч.); в) по педагогикѣ экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 1 л (29 ч.); г) по русскому и церковно-славянскому языку и исторіи русской литературы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Малининымъ 2 л. (20 ч.); д) по психологіи доцентомъ И. Четвериковымъ 5 л. (13, 15, 17, 22 и 27 ч.); е) по церковному праву и. д. доцента Ѳ. Мищенко 3 л. (27, 28 и29 ч.); ж) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (22 ч.); Б) по нахожденію въ отпускѣ—по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіеремъ І. Корольковымъ 14 л. (6, 13, 15, 20, 22, 27 и 29 ч.); В) по домашнимъ обстоятельствамъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Пѣвницкимъ 1 л. (20 ч.)“;

въ октябрѣ сего года:

„А) по болѣзни: а) по пастырскому богословію экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 1 л. (4 ч.); б) по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ доцентомъ С. Песоцкимъ 1 л. (4 ч.); в) по нѣмецкому языку лекторомъ Г. Кульманомъ 2 л. (3 ч.); Б) по нахожденію въ отпускѣ—по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ І. Корольковымъ 2 л. (4 ч.)“.

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „14 ноября 1905 г. Читалъ“.

1905 года 5 ноября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры.

Слушали: I. Представленіе заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ В. Пѣвницкаго, Н. Петрова и П. Линицкаго, отъ 27 октября сего года: „Разсмотрѣвъ лучшія кандидатскія сочиненія студентовъ, окончившихъ курсъ въ настоящемъ 190⁴|₅ учебномъ году мы признали заслуживающимъ преміи преосвященнаго митрополита Литовскаго Іосифа сочиненіе Николая Пузанова на тему: „Взаимоотношеніе началъ личности и общества въ религіозно-теократическомъ, семейно-бытовомъ и общественно-государственномъ строѣ древне-еврейской жизни“.

Справка: По смѣтѣ 1905 года ассигновано на премію за лучшія кандидатскія сочиненія воспитанниковъ Академіи изъ процентовъ съ капитала митрополита Литовскаго Іосифа 165 рублей.

Постановили: Согласно съ представленіемъ профессоровъ В. Пѣвницкаго, Н. Петрова и П. Линицкаго, удостоить

сочиненіе кандидата богословія Николая Пузанова: „Взаимоотношеніе началъ личности и общества въ религіозно-теократическомъ, семейно-бытовомъ и общественно-государственномъ строѣ древне-еврейской жизни“ преміи митрополита Іосифа въ 165 рублей, о чемъ, примѣнительно къ § 81 б. 12 уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи по принадлежности.

II. Представленіе заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ В. Пѣвницкаго и Н. Петрова, отъ 27 октября сего года: „Въ Трудахъ Академіи за прошлый 1904 (№№ 10 и 11) и нынѣшній годъ (№ 9) напечатано сочиненіе бывшаго студента Академіи Аѳанасія Ельчукова, подъ заглавіемъ: „Ѳеофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи императора Александра I“, вышедшее нынѣ отдѣльною брошюрою.

Въ сочиненіи Ельчукова личность и дѣятельность этого знаменитаго іерарха изображены довольно полно и обстоятельно. Для составленія своего біографическаго очерка, написаннаго чистымъ литературнымъ языкомъ, авторъ постарался собрать всѣ свѣдѣнія, разсѣянныя въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ и журнальныхъ статьяхъ, и, пользуясь ими, онъ отнесся къ нимъ критически, указывая неточности и неправильное освѣщеніе фактовъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Кромѣ печатныхъ свѣдѣній, онъ принялъ во вниманіе многія частныя, случайныя сообщенія о Ѳеофилактѣ, и при изображеніи его дѣятельности какъ экзарха Грузіи, онъ основывался на документахъ изъ дѣлъ архива Грузино-Имеретинской Конторы, лично имъ изслѣдованныхъ.

Не найдетъ ли Совѣтъ Академіи возможнымъ и справедливымъ увѣнчать это сочиненіе Евгеніе-Румянцевскою преміею, выдаваемою за сочиненія студентовъ Академіи по предметамъ русской церковной исторіи и археологіи“?

Справка: Совѣтомъ Академіи 29 ноября 1896 года было постановлено образовать изъ годичныхъ процентовъ съ Евгеніе-Румянцевскаго капитала двѣ ежегодно выдаваемыя Евгеніе-Румянцевскія преміи, по 200 рублей каждую, за кандидатскія сочиненія воспитанниковъ Академіи по русской исторіи и древностямъ, а остальную сумму, отъ ежегоднаго дохода, выдавать за редактированіе премируемыхъ сочиненій тѣмъ наставникамъ Академіи, къ спеціальностямъ коихъ относятся эти сочиненія.

Постановили: Согласно съ представленіемъ профессоровъ В. Пѣвницкаго и Н. Петрова, удостоить сочиненіе бывшаго воспитанника Академіи Аѳанасія Ельчукова „Ѳеофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи Императора Александра I" Евгеніе-Румянцевской преміи въ 200 рублей, а профессору В. Пѣвницкому за редактированіе означеннаго сочиненія при печатаніи его выдать въ вознагражденіе 100 рублей, о чемъ, примѣнительно къ § 81 б. 12 уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи и вознагражденія по принадлежности.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „14 ноября 1905 года. Утверждается".

1905 года 7 декабря.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры Академіи, а также доценты, приглашенные на основаніи примѣчанія къ

79 § уст. прав. дух. акад. Не былъ въ собраніи заслуженный ординарный профессоръ Н. Дроздовъ по болѣзни.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 28 ноября сего года „къ должному исполненію“ указъ Святѣйшаго Синода отъ 15 ноября 1905 года за № 11444: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 10 октября сего года за № 2151, объ утвержденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ Кіевской Духовной Академіи. Приказали: Избранныхъ Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи въ званіе почетныхъ членовъ сей Академіи—преосвященныхъ Экзарха Грузіи Николая, Архіепископа Литовскаго Никандра и Епископа Ставропольскаго Агаѳодора, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Евгенія Голубинскаго, заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета Алексѣя Лебедева и бывшаго старшаго помощника наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Павла Игнатовича утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, въ означенномъ званіи, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Изготовить для поименованныхъ лицъ дипломы на званіе почетныхъ членовъ и по изготовленіи препроводить по назначенію.

II. Отношеніе Редакціи академическаго журнала отъ 7 сего декабря за № 43: „Редакція академическаго журнала имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи выдать ей суммы: 1) % съ капитала на изданіе брошюръ въ духѣ православной вѣры и церкви 646 р. 80 к.; 2) % на изданіе сочиненій по предметамъ преподаваемыхъ въ Академіи наукъ 116 р. 70 к.; 3) % на изданіе сочиненій по церковно-историческому отдѣле-

нію 48 р. 90 к.; 4) % съ капитала, расходуемаго по усмотрѣнію Совѣта, 857 р. 1 к.; 5) остатковъ отъ премій митрополита Макарія за 1905 годъ 136 р. 30 к.,—всего тысячу восемьсотъ пять рублей семьдесятъ одну копейку."

Справка: I. Съ означенныхъ въ отношеніи Редакціи капиталовъ имѣется въ распоряженіи Совѣта Академіи процентовъ: 1) съ капитала митрополита Московскаго Макарія на премія за лучшія сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Кіевской Академіи 136 р. 30 к., оставшихся послѣ присужденія премій въ текущемъ 1905 году; 2) съ капитала на изданіе книгъ и брошюръ въ духѣ православной вѣры и церкви 646 р. 80 к.; 3) съ капитала на изданіе сочиненій по предметамъ преподаваемыхъ въ Академіи наукъ—116 р. 70 к.; 4) съ капитала на изданіе сочиненій воспитанниковъ Академіи по церковно-историческому отдѣленію—48 р. 90 к.; 5) съ капитала на расходы по усмотрѣнію Совѣта Академіи 857 р. 1 к.

Справка: II. По § 10 Положенія о преміяхъ имени преосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго, за лучшія сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи „могущіе образоваться ежегодно послѣ присужденія преміи остатки отъ процентовъ съ преміальнаго капитала обращаются на покрытіе расходовъ по изданію въ академическомъ журналѣ какъ премируемыхъ по настоящему Положенію, такъ и другихъ ученыхъ сочиненій наставниковъ и воспитанниковъ Академіи".

Постановили: Предназначить къ выдачѣ Редакціи „Труды Кіевской Духовной Академіи", на удовлетвореніе нуждъ ея, проценты: а) съ капитала митрополита Московскаго Макарія напреміи за лучшія сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Кіевской Академіи 136 р. 30 к., оставшихся послѣ присужденія премій въ текущемъ 1905 году; б) съ капитала на изданіе книгъ и брошюръ въ духѣ православной вѣры и

церкви—646 р. 80 к.; в) съ капитала на изданіе сочиненій воспитанниковъ Академіи по церковно-историческому отдѣленію—48 р. 90 к.; д) съ капитала на расходы по усмотрѣнію Совѣта Академіи—857 р. 1 к. О выдачѣ означенныхъ денегъ по принадлежности сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

IV. Протоколы бывшихъ въ Петербургѣ съ 11 по 19 минувшаго ноября засѣданій комиссіи уполномоченныхъ отъ профессорскихъ корпорацій Духовныхъ Академій о мѣропріятіяхъ къ возстановленію нормальнаго порядка въ Духовныхъ Академіяхъ.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „21 декабря 1905 г. Читалъ“.

1905 года 7 декабря.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры Академіи, а также доценты, приглашенные на основаніи примѣчанія къ 79 § уст. прав. дух. акад. Не былъ въ собраніи заслуженный ординарный профессоръ Н. Дроздовъ по болѣзни.

Слушали: Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, 1 декабря сего года въ Со-

вѣтъ Академіи „къ должному исполненію“ указъ Святѣйшаго Синода отъ 30 ноября 1905 года за № 12052: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по вопросу о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ строѣ Духовныхъ Академій съ цѣлію согласованія существующаго порядка академическаго управленія съ современными задачами православной церкви и богословской науки, а равно и возстановленія правильнаго теченія академической жизни. Приказали: По выслушаніи приглашенныхъ для обсужденія означеннаго вопроса бывшихъ ректоровъ Духовныхъ Академій — преосвященныхъ Сергія, Архіепископа Финляндскаго, и Арсенія, Епископа Псковскаго, а равно уполномоченныхъ отъ профессорскихъ корпорацій Духовныхъ Академій, Святѣйшій Синодъ, въ заботахъ объ устроеніи духовнаго просвѣщенія и въ виду предстоящаго пересмотра нынѣ дѣйствующаго устава Духовныхъ Академій, признаетъ цѣлесообразнымъ установить нынѣ же главныя основанія, которыя должны быть при семъ приняты къ руководству. Основанія сіи заключаются въ нижеслѣдующемъ: 1) Духовныя Академіи находятся въ подчиненіи высшей церковной власти въ лицѣ Святѣйшаго Синода и состоятъ подъ попечительнымъ наблюденіемъ мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго; 2) ректоръ и инспекторъ Академіи избираются академическою корпораціею и утверждаются въ должности Святѣйшимъ Синодомъ. Ректоръ Академіи состоитъ въ духовномъ санѣ и долженъ имѣть ученую степень не ниже магистра богословія. Если бы оказалась необходимость временно допустить къ исправленію должности ректора лицо, не имѣющее духовнаго сана, то таковое временное исполненіе обязанностей ректора не можетъ продолжаться долѣе 6 мѣсяцевъ; 3) въ составъ академическаго Совѣта должны входить всѣ ординарные и экстраординарные профессора и доценты, а въ случаѣ признанной Совѣтомъ необходимости принимаютъ участіе въ собраніи Совѣта и прочіе преподаватели Академіи;

4) Совѣту должно быть предоставлено окончательное утвержденіе въ ученыхъ академическихъ степеняхъ и самостоятельное въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, разрѣшеніе учебныхъ и воспитательныхъ вопросовъ. На указанныхъ въ вышеприведенныхъ пунктахъ началахъ Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ поручить Совѣтамъ Духовныхъ Академій выработать предположенія объ измѣненіи академическаго устава, кои и представить не позже 1 февраля 1906 года; впредь же до измѣненія сего устава и не дожидаясь указаннаго срока, Святѣйшій Синодъ предположилъ примѣнить означенныя начала къ академической жизни, по испрошеніи на сіе Высочайшаго соизволенія, если правильный порядокъ учебныхъ занятій въ Академіяхъ будетъ возстановленъ, причемъ изображенный въ п. 2 порядокъ избранія ректора и инспектора Академіи можетъ быть осуществленъ лишь по освобожденіи вакансій на сихъ мѣстахъ, послѣ лицъ, нынѣ ихъ занимающихъ. Давая о семъ знать, Святѣйшій Синодъ поручаетъ епархіальнымъ преосвященнымъ пригласить учащихся въ Духовныхъ Академіяхъ спокойно продолжать свои занятія ко благу Церкви Христовой и нашего дорогого отечества съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому попеченію церковной власти и къ руководительству своихъ академическихъ наставниковъ, на коихъ отнынѣ лежитъ особливая забота о правильномъ теченіи академической жизни; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Постановили: Объявить настоящій указъ Святѣйшаго Синода студентамъ Академіи и пригласить ихъ явиться въ Академію для продолженія своихъ занятій 10 января 1906 года. Для выработки же на началахъ вышеприведеннаго синодальнаго указа предположеній объ измѣненіи академическаго устава составить комиссію изъ профессоровъ Н. Дроздова, А. Дмитріевскаго, В. Завитневича, протоіерея Ѳ. Титова, Д. Богдашевскаго, В. Рыбинскаго, доцента В. Экземплярскаго и и. д. до-

цента П. Кудрявцева съ тѣмъ, чтобы работы по измѣненію академическаго устава въ непродолжительномъ времени ею были представлены въ Совѣтъ Академіи для разсмотрѣнія ихъ въ засѣданіяхъ Совѣта.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „21 декабря 1905 г. Утверждается“.

1905 года 15 декабря.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры Академіи, а также доценты, приглашенные на основаніи примѣчанія къ 79 § устава прав. дух. акад.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи, 12 минувшаго ноября указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 ноября 1905 года за № 11181: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный бывшимъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 8 минувшаго октября за № 1847, журналъ Учебнаго Комитета за № 578, съ заключеніемъ Комитета, о замѣщеніи должности преподавателя гомилетики съ соединенными предметами въ Волынской Духовной Семинаріи. Приказали: Согласно заключенію Учебнаго Комитета, назначить кандидата Кіевской Духовной Академіи, выпуска 1905 года, іеромонаха Назарія (Лежаву) на должность преподавателя гомиле-

тики съ соединенными предметами въ Волынскую Духовную Семинарію; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора іеромонаху Назарію дано знать о состоявшемся назначеніи его на службу.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Докладъ секретаря Совѣта: „По 5 § Положенія о первой юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія, Совѣтъ Академіи ежегодно въ декабрьскомъ засѣданіи назначаетъ задачи къ разрѣшенію, которыя и приводятся въ общую извѣстность чрезъ объявленіе въ періодическомъ изданіи Академіи".

Постановили: Для сочиненій на соисканіе первой юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія назначить темы: 1) „Святитель Димитрій Ростовскій и его Четьи-Минеи со стороны ихъ источниковъ"; 2) „Слова и бесѣды Фотія, патріарха Константинопольскаго"; 3) „Евхологіонъ Гоара (критико-библіографическое изслѣдованіе)"; 4) „Богатство и бѣдность съ христіанской точки зрѣнія (въ виду современныхъ соціальныхъ воззрѣній на данный предметъ)"; 5) „Догматическая система преосвященнаго Иннокентія (Борисова)"; 6) „Владиміро-Волынская православная епархія. Церковно-историческое изслѣдованіе"; 7) „О заграничныхъ православныхъ монастыряхъ въ XVIII в., подчиненныхъ Кіевскому митрополиту"; 8) „Львовское Ставропигіальное Братство"; 9) „Кіевская митрополія до конца XVII в. (Историко-біографическій очеркъ)"; 10) „О богодохновенности священнаго писанія (по ученію откровенія и церкви)"; 11) „Новозавѣтное ученіе объ Евхаристіи"; 12) „Исторія толкованія Апокалипсиса св. Іоанна Богослова (свято-отеческій періодъ)"; 13) „Православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVII и XVIII вв."; 14) „Толкова-

ніе Матѳ. XVI, 16—19 въ восточной и западной христіанской письменности", и для приведенія ихъ въ общую извѣстность напечатать въ академическомъ журналѣ.

III. Докладъ секретаря Совѣта: „По 6 § Положенія о преміи имени митрополита Московскаго Макарія за сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, 5 § Положенія о второй юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія, 6 § Положенія о преміи имени епископа Каневскаго Сильвестра за помѣщаемыя наставниками Академіи въ академическомъ журналѣ статьи и 7 § Положенія о преміи епископа Курскаго Михаила за сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по священному писанію,—Совѣтъ Академіи ежегодно назначаетъ комиссію изъ трехъ наставниковъ Академіи для выбора изъ годовой учено-литературной наличности академическаго журнала и отдѣльно изданныхъ Академіей сочиненій, заслуживающихъ этихъ премій".

Постановили: Въ составъ общей комиссіи для выбора на 1906 годъ сочиненій наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, заслуживающихъ преміи митрополита Макарія и епископовъ Сильвестра и Михаила, назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ А. Розова, С. Голубева и К. Попова.

IV. Докладъ секретаря Совѣта: „Согласно постановленію Совѣта Академіи, отъ 20 ноября 1896 года, Совѣтомъ Академіи назначается ежегодно особая комиссія изъ наставниковъ Академіи, для выбора кандидатскихъ сочиненій воспитанниковъ Академіи по русской исторіи и древностямъ, которыя могутъ быть удостоены Евгеніе-Румянцевскихъ премій, и наблюденія за редактированіемъ и печатаніемъ этихъ сочиненій".

Постановили: Въ составъ комиссіи для выбора на 1906 годъ сочиненій воспитанниковъ Академіи, заслуживающихъ Евгеніе-Румянцевскихъ премій, и наблюденія за редактирова-

ніемъ этихъ сочиненій назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Н. Петрова и С. Голубева.

V. Прошеніе комиссіи по составленію проекта новаго устава духовныхъ академій, отъ 14 сего декабря: „Комиссія покорнѣйше проситъ Совѣтъ Академіи выписать на 2-недѣльный срокъ крайне необходимое для нея дѣло синодальнаго архива о преобразованіи духовныхъ академій и составленіи новаго проекта устава сихъ заведеній, начавшееся 24 января 1867 года и окончившееся 22 декабря 1869 года (архивъ Святѣйшаго Синода по канцеляріи оберъ-прокурора, отд. 1 ст. 2, д. № 7)“.

Постановили: Разрѣшить выписку означеннаго дѣла изъ синодальнаго архива.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „28 декабря 1905 г. Читалъ.“

1905 года 15 декабря.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры.

Слушали: Отзывы о сочиненіи іеромонаха Павла (Вильковскаго), подъ заглавіемъ: „Патріархъ Константинопольскій Іеремія II. Историческій очеркъ его жизни и трудовъ на пользу св. церкви“, представленномъ на степень кандидата богословія:

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Представленная іеромонахомъ Павломъ (Вильковскимъ) на соисканіе степени кандидата богословія первая часть его историческаго очерка жизни и дѣятельности патріарха Константинопольскаго Іереміи II раздѣляется на введеніе и восемь главъ. Во введеніи (стр. 1—39) авторъ говоритъ въ общихъ чертахъ о положеніи константинопольской церкви со времени подчиненія Константинополя турецкому владычеству, о задачахъ дѣятельности константинопольскихъ патріарховъ и въ частности о значеніи Іереміи II въ исторіи константинопольской церкви; затѣмъ указываетъ задачу и границы своего сочиненія, критически обозрѣваетъ литературу предмета, указываетъ источники и пособія для него. Въ первой главѣ (стр. 45—61) излагаются біографическія свѣдѣнія объ Іереміи II до избранія его на патріаршій престолъ, во второй (стр. 61—76)—обстоятельства избранія и вступленія Іереміи на престолъ константинопольской церкви въ связи съ общимъ очеркомъ состоянія къ тому времени этой церкви и патріархіи; въ третьей главѣ (стр. 76—91) передается о борьбѣ патріарха Іереміи II главнымъ образомъ противъ господствующаго и крайне распространеннаго въ это время въ константинопольской церкви порока—симоніи, и о стремленіи его искоренить другія нестроенія церковной жизни; въ четвертой главѣ (стр. 91—109) излагается дѣятельность Іереміи, направленная къ поднятію внѣшняго благосостоянія константинопольской патріархіи; въ пятой главѣ (стр. 109—124)—дѣятельность, направленная къ возвышенію внутренняго благосостоянія патріархіи; въ шестой главѣ (стр. 124—143) указывается на значеніе этой дѣятельности патріарха Іереміи, какъ условія, способствовавшаго съ одной стороны поднятію въ церкви авторитета патріаршей власти вообще и въ частности усиленію власти константинопольскаго патріаршаго престола, а съ другой стороны—какъ условія, способствовавшаго вліянію личности патріарха Іереміи II въ дѣлахъ восточной церкви; въ

седьмой главѣ (стр. 143—166) говорится о церковно-устроительной дѣятельности Іереміи, какъ вселенскаго патріарха; а въ восьмой (стр. 166—229)—о борьбѣ его съ церковнымъ нестроеніемъ въ своей собственной патріаршей области.

Авторъ разсматриваетъ въ представленномъ имъ очеркѣ дѣятельность патріарха Іереміи II только за *первый* періодъ его патріаршества (1572—1579 г.) и притомъ главнымъ образомъ дѣятельность этого патріарха въ *его* патріаршей области. Вотъ почему вопросъ о значеніи этой дѣятельности въ исторіи церкви константинопольской и церкви вообще восточной не получилъ въ сочиненіи той рельефности, какая вообще была бы желательна. Но для своей цѣли авторъ сдѣлалъ очень достаточно. Онъ овладѣлъ не малымъ количествомъ пособій и пользуется ими критически, чего нельзя не поставить ему въ большую заслугу. Хорошее знаніе новогреческаго языка даетъ ему возможность вносить даже нѣкоторыя поправки въ существующія ученыя изслѣдованія о времени патріарха Іереміи II. Вообще сочиненіе о. Павла (Вильковскаго) обнаруживаетъ въ авторѣ зрѣлую мысль, основательность сужденій, знаніе предмета своего сочиненія, умѣніе изложить свои выводы хорошимъ литературнымъ языкомъ. Всѣ эти качества даютъ полное право автору сочиненія на полученіе степени кандидата богословія".

б) Ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и восьми главъ.

Во введеніи (стр. 1—39) дается краткая характеристика времени, когда жилъ и дѣйствовалъ константинопольскій патріархъ Іеремія II, и общій обзоръ литературы предмета. О литературѣ избраннаго предмета авторъ даетъ крайне отрицательный отзывъ. Напр., о трудахъ профессоровъ И. И. Малышевскаго и А. П. Лебедева авторъ пишетъ слѣдующее: „у обоихъ авторовъ пользованіе греческими источниками составляетъ до

невѣроятности слабую сторону. Даже превосходная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ книга: „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ" теряетъ вслѣдствіе этого значительную долю своихъ достоинствъ, не говоря уже объ „Исторіи" проф. А. Лебедева, отличающейся, кромѣ того, крайне одностороннимъ направленіемъ и невысокими литературными качествами... Оба автора переводятъ ихъ, т. е. слова новогреческія, просто *на-обумъ*. Отсюда у нихъ поразительное количество ошибокъ, иногда неважныхъ, иногда только путающихъ дѣло, а весьма часто и такихъ, которыми положительно извращается характеръ историческихъ лицъ и событій"..... (стр. 16—17). Подобными безапелляціонными отзывами авторъ, кромѣ чрезмѣрной самоувѣренности и излишняго критицизма, показываетъ еще и не совершенное свое знакомство съ критикуемыми трудами. Авторъ даетъ понять, что онъ, какъ свободно владѣющій разговорнымъ греческимъ языкомъ, исправитъ отмѣченные недочеты въ существующей русской литературѣ о патріархѣ Іереміи II. Къ сожалѣнію, онъ не обнаруживаетъ полнаго знакомства съ наличною русскою литературою по избранному предмету, особенно новѣйшею.

Въ восьми главахъ своего сочиненія авторъ описываетъ жизнь и дѣятельность патріарха Іереміи II исключительно на православномъ Востокѣ, не касаясь исторіи сношеній его съ христіанскимъ западомъ и русскою церковью. Въ частности, *въ первой главѣ* (стр. 45—61) излагаются первоначальныя біографическія свѣдѣнія о п. Іереміи и нѣкоторыя извѣстія о дѣятельности его, какъ Ларисскаго митрополита, *во второй главѣ* (стр. 61—76)—обстоятельства избранія и вступленія Іереміи на патріаршій престолъ, въ связи съ печальнымъ состояніемъ константинопольской церкви при его предшественникѣ п. Митрофанѣ, *въ главахъ—третьей* (стр. 76—91), *четвертой* (стр. 91—108) и *пятой* (стр. 109—123) изображается дѣятельность п. Іереміи II, направлявшаяся къ внутреннему и внѣшнему благоустройству константинопольской

церкви, въ главѣ *шестой* (стр. 124—142) описываются заботы п. Іереміи II объ усиленіи патріаршей власти въ церкви, въ главѣ *седьмой* (стр. 143—165) характеризуется церковно-устроительная дѣятельность п. Іереміи II, какъ вселенскаго патріарха, и, наконецъ, *въ восьмой главѣ* (стр. 166—229) описывается борьба Іереміи II съ различными нестроеніями въ его собственной патріаршей области.

Изъ обозрѣнія содержанія труда автора видно, что сочиненіе написано по хорошо обдуманному плану. Источниками и пособіями авторъ пользуется самостоятельно и умѣло. Сочиненіе изложено безукоризненнымъ языкомъ.

Авторъ сочиненія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ присужденія ему степени кандидата богословія".

Справка: Іеромонахъ Павелъ (Вильковскій) окончилъ полный курсъ наукъ въ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1895 года съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ полученія степени кандидата по представленіи удовлетворительнаго для этой степени сочиненія.

Постановили: Сочиненіе іеромонаха Павла (Вильковскаго), согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для кандидатской степени и какъ за это сочиненіе, такъ и за оказанные имъ въ теченіе академическаго курса успѣхи и поведеніе, удостоить его степени кандидата богословія, о чемъ, на основаніи § 81 б. 10 устава прав. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи выдать о. Павлу кандидатскій дипломъ съ извѣщеніемъ о семъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

II. Прошеніе помощника инспектора Казанской духовной семинаріи Николая Смирнова, отъ 14 минувшаго ноября: „Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи

разрѣшить мнѣ переработать свою кандидатскую диссертацію „Сочиненіе Филона De vita contemplativa“ въ магистерскую, подъ заглавіемъ: „Терапевты и сочиненіе Филона іудея „О жизни созерцательной (Περὶ βίου θεωρητικοῦ)“.

Справка: 1. Н. Смирновъ окончилъ курсъ Кіевской Академіи въ іюнѣ 1904 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ полученія магистерской степени по выдержаніи дополнительнаго устнаго испытанія по церковной археологіи и литургикѣ и по представленіи удовлетворительнаго для сей степени печатнаго сочиненія и защищеніи его на коллоквіумѣ.

2. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюня 1905 года за №: 2567 предписано, что бы академическіе Совѣты дозволяли удостоеннымъ степени кандидата богословія передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертаціи съ большою осторожностію и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея.

2. При обсужденіи прошенія Н. Смирнова указанная имъ тема признана пригодною для магистерской диссертаціи.

Постановили: Просить Его Высокопреосвященство, Митрополита Кіевскаго Флавіана, о разрѣшеніи кандидату Н. Смирнову переработки его кандидатскаго курсового сочиненія въ магистерскую диссертацію примѣнительно къ указанной въ его прошеніи темѣ.

III. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „По 89 § Уст. дух. акад., журналы Совѣта по дѣламъ, относящимся до ученой дѣятельности Академіи, могутъ быть печатаемы, вполнѣ или въ извлеченіи, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго. По 17 ст. штата дух. акад. назначена особая сумма на печатаніе журналовъ Совѣта. Въ настоящее время извлеченіе изъ журналовъ Совѣта за 1904—1905 учебный годъ окончено печатаніемъ и канцеляріей Академіи приготовляется къ печати

извлеченіе изъ журналовъ за 1905—1906 учебный годъ. О семъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи".

Постановили: Просить Его Высокопреосвященство о разрѣшеніи печатанія журналовъ Совѣта Академіи за 1905—1906 учебный годъ.

На семъ журналѣ его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „28 декабря 1905 г. Утверждается".

1906 года 17 января.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго, экстраординарныхъ профессоровъ священника Ѳ. Покровскаго и А. Булгакова, не бывшихъ по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи „къ должному исполненію" указъ Святѣйшаго Синода отъ 13 декабря 1906 года за № 12537: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) прошеніе семейнаго священника г. Кіева Саввы Петрунѣвича, состоящаго вольнослушателемъ Кіевской Духовной Академіи, о разрѣшеніи ему подавать семестровыя сочиненія и держать вмѣстѣ съ академическими студентами экзамены и о допущеніи къ соисканію ученой богословской степени, и 2) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 28 іюля сего года за № 1307, съ отзывомъ по содержанію сего прошенія. Приказали: Не

усматривая основаній къ удовлетворенію изъясненной просьбы священника Саввы Петрунѣвича, желающаго пользоваться всѣми, присвоенными студентамъ Духовной Академіи, правами безъ сдачи установленныхъ для поступленія въ число академическихъ студентовъ испытаній, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ предоставить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить названнаго священника къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ I курса Академіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Предоставить священнику Саввѣ Петрунѣвичу держать пріемныя испытанія, для поступленія въ число студентовъ Академіи, въ текущемъ январѣ мѣсяцѣ.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи „къ должному исполненію" указъ Святѣйшаго Синода отъ 12 января 1906 года за № 349: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, отъ 31 декабря 1905 года за № 10502, при коемъ представляетъ прошеніе наблюдателя церковныхъ школъ Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской епархіи, священника Александра Тюменева о принятіи его въ число студентовъ III курса Кіевской Духовной Академіи. Приказали: Предоставить Совѣту Кіевской Духовной Академіи принять священника Александра Тюменева въ число студентовъ III курса Академіи, не считая къ тому препятствіемъ семейное его положеніе; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

б) Прошеніе священника Волынской епархіи Александра Тюменева, отъ 15 сего января: „Имѣя ревностное желаніе закончить академическое образованіе, всепокорнѣйше прошу Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи о принятіи меня въ число

студентовъ III курса, изъ каковаго я выбылъ по семейнымъ обстоятельствамъ въ 1902 году."

Справка: Священникъ А. Тюменевъ въ августѣ 1900 года былъ принятъ въ число студентовъ I курса Кіевской Духовной Академіи, въ теченіе 1900—1901 и 1901—1902 учебныхъ годовъ прошелъ первые два курса Академіи и въ іюнѣ 1902 года постановленіемъ Совѣта Академіи былъ переведенъ въ III курсъ; постановленіемъ же Правленія Академіи отъ 9 іюля 1902 года, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, 18 того же іюля, онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ изъ числа студентовъ Академіи.

Постановили: Принять священника Александра Тюменева въ число студентовъ III курса Академіи.

III. Прошеніе священника Варшавской епархіи Александра Никольскаго, отъ 14 сего января: „Въ 1901 году, декабря 21 дня, я, къ моему самому горькому прискорбію, уволился изъ Академіи и поступилъ на епархіальную службу. Поступокъ мой былъ вызванъ очень многими причинами, изъ которыхъ укажу на главнѣйшія. Кропотливое занятіе кандидатской работой, которой я придалъ самый широкій планъ, и усердное, неотлучное пребываніе съ пѣвчими мальчиками академическаго хора, при не вполнѣ гигіеническомъ помѣщеніи, сильно подорвали мое здоровье, а тяжелыя бѣдствія, всею своею силою обрушившіяся на семью моихъ родныхъ, за судьбу которыхъ я считалъ себя морально отвѣтственнымъ, подѣйствовали на мою впечатлительную натуру самымъ неблагопріятнымъ образомъ. По совѣту врачей (напр., Яновскаго) я долженъ былъ прекратить научныя занятія и ѣхать на отдыхъ. Ѣхать было некуда, а родные ждали отъ меня немедленной помощи. Отдавая себя въ волю Промысла Божія, я поступилъ во священники.

Въ виду того, что я усердно занимался науками въ продолженіе всего академическаго курса, выслушалъ на IV курсѣ болѣе половины лекцій и окончилъ свою кандидатскую работу еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, что можетъ засвидѣтельствовать Преосвященнѣйшій о. Ректоръ Академіи, на предложенную которымъ тему я писалъ свое сочиненіе, я усерднѣйше и смиреннѣйше прошу Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ, по выдержаніи экзаменовъ по предметамъ IV курса, подать на соисканіе степени кандидата богословія свое сочиненіе на тему „Молитва и ея значеніе въ жизни христіанина".

Справка: Священникъ А. Никольскій въ августѣ 1898 г. былъ принятъ въ число студентовъ I курса Кіевской Духовной Академіи, въ теченіе 1898—1899, 1899—1900 и 1900—1901 учебныхъ годовъ прошелъ первые три курса Академіи и въ іюлѣ 1901 года постановленіемъ Совѣта Академіи былъ переведенъ въ IV курсъ; постановленіемъ же Правленія Академіи отъ 21 декабря 1901 года, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, 28 того же декабря, онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ изъ числа студентовъ Академіи.

Постановили: Разрѣшить священнику А. Никольскому для полученія степени кандидата богословія держать экзамены по предметамъ IV курса Академіи и представить сочиненіе на указанную въ его прошеніи тему.

IV. Прошеніе библіотекаря Академіи А. Крыловскаго, отъ 4 ноября 1905 года: „Представляя при семъ свой трудъ подъ заглавіемъ: „Львовское Ставропигіальное Братство" и три тома „Архива Юго-Западной Россіи" (часть первая, томы X, XI и XII), честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи включить его въ число сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи (первой юбилейной) Высокопреосвященнаго Митрополита Макарія".

.редставленное сочиненіе передать на
‚ному профессору протоіерею Ѳ. Титову.

‿урналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митро-
‚кимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „28 ян-
. Читалъ".

1906 года 3, 4, 6, 7, 8 февраля.

ъ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ
‚ дательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присут-
‚али ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и
ц. доцента Академіи.

Слушали: а) Представленіе Комиссіи по составленію про-
‚кта новаго академическаго устава изъ профессоровъ Н. Дроз-
дова, А. Дмитріевскаго, В. Завитневича, протоіерея Ѳ. Титова, Д. Богдашевскаго, В. Рыбинскаго, доцента В. Экземплярскаго и и. д. доцента П. Кудрявцева: „Въ основу представляемаго Комиссіей „проекта" академическаго устава положены тѣ соображенія о реформѣ академій, которыя высказаны въ извѣстной Совѣту объяснительной запискѣ, приложенной къ разсмотрѣнному 5-го ноября 1905 г. „проекту наиболѣе необходимыхъ временныхъ измѣненій устава православныхъ духовныхъ академій". Въ дополненіе къ соображеніямъ названной записки Комиссія въ настоящій разъ считаетъ своимъ долгомъ указать и на слѣдующее:

I) Въ своемъ проектѣ академическаго устава Комиссія исходитъ изъ убѣжденія, что академія должна быть не только учебнымъ учрежденіемъ, но и ученымъ. Служеніе развитію православной богословской науки Комиссія считаетъ первой и главной цѣлью духовной академіи. Что богословская наука составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ сторонъ церковной жиз-

ни и основу ея—это несомнѣнно, и противъ этого никто не будетъ спорить. Но если такъ, то Церковь не можетъ не имѣть учрежденій, которыя бы ставили своей прямой задачей совершенствованіе богословской науки и весь строй которыхъ направлялся-бы именно къ наиболѣе успѣшному выполненію этой задачи. Для развитія свѣтскихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ существуютъ не только университеты и разнаго рода институты, но и спеціальная „академія наукъ". Богословію должны служить по крайней мѣрѣ духовныя академіи.

Но, являясь учрежденіемъ ученымъ, академія, по прежнему, остается и учебнымъ заведеніемъ. Въ настоящее время раздаются довольно настойчивые голоса, требующіе съуженія учебныхъ задачъ духовныхъ академій и превращенія ихъ въ профессіональныя пастырскія школы для приготовленія кандидатовъ священства. Что такія школы быть должны, это, повидимому, несомнѣнно. Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что Церковь не выполнила бы своихъ культурныхъ задачъ, если-бы на ряду съ школами чисто профессіональными она не имѣла бы и такихъ, въ которыя былъ бы открытъ доступъ всѣмъ ищущимъ богословскаго знанія. Богословскими науками могутъ интересоваться и такіе люди, которые вовсе не намѣреваются быть священниками или монахами. Церковь не можетъ ихъ оттолкнуть. Церковь можетъ только желать, чтобы свѣтъ ея ученія распространился возможно шире, чтобы духомъ этого ученія были обвѣяны не только непосредственные служители церковнаго дѣла, но и люди, трудящіеся на другихъ поприщахъ общественной жизни. Не о стѣсненіи доступа въ академіи путемъ превращенія ихъ въ спеціальныя пастырскія школы должно думать въ наше время, а о томъ, чтобы академіи широко открывали свои двери всякому, кто вѣруетъ въ силу Православной Церкви, кому дорога Христова истина. Въ частности, для Кіевской академіи превращеніе ея въ профессіональную школу было-бы равносильно отреченію отъ ея славнаго вѣковаго прошлаго, въ которомъ она являлась не только школой для пастырей, а и

православно-христіанскимъ культурнымъ центромъ для юго-запада и всей Россіи.

II) Въ представляемомъ Совѣту проектѣ предположено замѣнить нынѣшнее оффиціальное названіе академіи *духовная академія* названіемъ: *православная богословская академія*. Побужденіемъ къ этому для Комиссіи послужило то, что терминъ *духовный* имѣетъ въ нашемъ языкѣ смыслъ многоразличный, и потому задача и характеръ академій имъ не опредѣляются ясно. Существующія въ другихъ странахъ учрежденія, параллельныя по своимъ задачамъ нашимъ академіямъ, называются обыкновенно „богословскими и церковными“ (ecclesiasticus, theologisch), но не духовными (πνευματικός, spirituel, geistlich). Измѣненіе нынѣшняго оффиціальнаго названія академій Комиссіи представляется тѣмъ болѣе легкимъ, что оно существуетъ сравнительно недавно, и напр. наша Кіевская академія болѣе двухъ столѣтій существовала безъ этого названія.

III) Въ главѣ о ректорѣ академіи (гл. III) Комиссія, основываясь на синодальномъ указѣ 26 ноября 1905 г., принимаетъ начало *выборности*, и именно выборности на опредѣленный срокъ. Въ синодальномъ указѣ о срокѣ, на который долженъ избираться ректоръ, упоминанія нѣтъ. Но это, безъ сомнѣнія, сдѣлано въ виду временнаго характера намѣчаемыхъ названнымъ указомъ правилъ. Вообще же выборное начало, по мнѣнію Комиссіи, только въ томъ случаѣ имѣетъ дѣйствительную цѣнность, когда выборы ограничиваются опредѣленнымъ не продолжительнымъ срокомъ. Два главныхъ соображенія могутъ быть указаны въ пользу этого мнѣнія: 1) установленіе опредѣленнаго срока для выборовъ даетъ возможность корректировать выборы, если по какимъ-либо обстоятельствамъ (errare humanum est) допущена ошибка; 2) безсрочные выборы кореннымъ образомъ противорѣчатъ самой цѣли введенія выборнаго начала въ академическую жизнь. Цѣль выборовъ—дать возмож-

ность имѣть корпораціи во главѣ академіи близкаго по духу, довѣреннаго, излюбленнаго, а потому и авторитетнаго человѣка. Но всякое выборное лицо является таковымъ для *даннаго* времени и для *даннаго* состава корпораціи. По истеченіи извѣстнаго періода могутъ измѣниться и внѣшнія обстоятельства, и составъ корпораціи. Вслѣдствіе этого, тотъ, кто былъ самымъ пригоднымъ для должности ректора человѣкомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можетъ въ извѣстный моментъ оказаться не отвѣчающимъ лежащимъ на немъ задачамъ, чуждымъ по духу измѣнившемуся составу корпораціи,—вообще перестать быть довѣреннымъ и излюбленнымъ лицомъ. Очевидно, если принципъ выборности имѣетъ цѣнность и долженъ быть проведенъ въ жизнь, то съ непремѣннымъ условіемъ срочности выборовъ. Комиссіи предносились тѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы и дѣлаются противъ срочныхъ выборовъ. Возраженія эти слѣдующія: 1) система срочныхъ выборовъ можетъ повести къ частой смѣнѣ ректоровъ и связанному съ этимъ частому измѣненію курса академической жизни, т. е. закрѣпитъ тотъ недостатокъ академическаго строя, который существовалъ доселѣ; 2) срочность выборовъ, создавая неувѣренность за будущее, можетъ ослаблять энергію избраннаго лица въ дѣлѣ служенія интересамъ академіи; 3) при обязательности для ректора духовнаго сана многіе не согласятся принять ректорскую должность, если выборы будутъ ограничены опредѣленнымъ непродолжительнымъ срокомъ. Эти возраженія Комиссія не считаетъ сильными. Прежде всего, нѣтъ основаній опасаться, что срочность выборовъ поведетъ къ частой смѣнѣ завѣдующихъ академіей лицъ. Опытъ показываетъ, что служба по выборамъ обыкновенно бываетъ болѣе продолжительна, чѣмъ служба по назначенію. Затѣмъ, срокъ для выборовъ, назначаемый въ проектѣ, довольно значителенъ. Если даже предположить, что каждый ректоръ будетъ служить только одно пятилѣтіе, то все таки это будетъ срокъ, котораго громадное большинство ректоровъ по назначенію не выслуживало. Но самое главное, можно быть

увѣреннымъ, что и при срочности выборовъ энергичный, преданный всею душею академическому дѣлу ректоръ превратится въ постояннаго, такъ-какъ академическимъ корпораціямъ небудетъ никакого смысла мѣнять извѣстнаго человѣка на неизвѣстнаго. Въ такомъ случаѣ, переизбраніе для ректора будетъ служить только выраженіемъ довѣрія и уваженія корпораціи, а вслѣдствіе этого и побужденіемъ къ болѣе энергической дѣятельности. Возможно, конечно, что для нѣкоторыхъ неувѣренность въ будущемъ избраніи послужитъ причиной, ослабляющей ревность объ академическомъ дѣлѣ. Но за то для такихъ людей и безсрочные выборы, несмѣняемость, также послужатъ поводомъ къ теплохладности.

Что касается выставляемой нѣкоторыми затруднительности принимать духовный санъ (въ случаѣ его обязательности) при выборахъ на срокъ, то объ этомъ должно сказать слѣдующее. Во-первыхъ, кто принимаетъ духовный санъ, тотъ принимаетъ его, надо полагать, не ради только ректорства, а и ради самаго сана. Для такого человѣка возможность лишенія ректорства отнюдь не послужитъ препятствіемъ къ принятію священнаго сана. Во-вторыхъ, по проекту, ректоръ долженъ быть и профессоромъ академіи. Слѣдовательно, въ случаѣ забаллотированія на должность ректора онъ продолжаетъ оставаться въ составѣ корпораціи и, такимъ образомъ, особенно большихъ измѣненій въ его положеніи не происходитъ. Въ университетахъ, какъ извѣстно, не рѣдко случается, что бывшій ректоръ превращается въ рядового профессора, и тамъ это никого не смущаетъ.

Въ синодальномъ указѣ отъ 26 ноября 1905 г., имѣвшемъ руководственное значеніе для Комиссіи при составленіи проекта, вмѣстѣ съ признаніемъ выборности ректора устанавливается положеніе, что ректоръ долженъ имѣть ученую богословскую степень не ниже магистра и состоять въ духовномъ санѣ. Комиссія полагаетъ, что этимъ положеніемъ указа не отнимается у Совѣта академіи право представить на благовоззрѣніе Св. Си-

нода свои соображенія о необходимости расширенія отмѣченнаго принципа. Поэтому Комиссія позволяетъ себѣ въ ст. 15-й проекта отступленіе отъ *буквы* указа, предполагая а) необходимость для кандидата на должность ректора академіи высшей ученой степени доктора богословія и б) возможность, за неимѣніемъ достойныхъ кандидатовъ среди лицъ, состоящихъ въ духовномъ санѣ или готовыхъ принять его, избирать въ ректоры академіи лицъ свѣтскихъ, хотя бы съ званіемъ „исправляющихъ должность ректора". Въ своихъ предположеніяхъ Комиссія основывается въ данномъ случаѣ на слѣдующихъ соображеніяхъ.

А) *Относительно требованія докторской степени:* 1) Какъ стоящій во главѣ высшаго ученаго и учебнаго учрежденія, ректоръ долженъ обладать и наиболѣе высокимъ авторитетомъ, въ особенности необходимымъ въ наше время, и не только нравственнымъ, но и ученымъ. Неимѣніе высшей ученой степени ректоромъ могло-бы ронять авторитетъ не только ректора, но и самой академіи: а) среди студентовъ академіи, б) среди членовъ профессорской корпораціи, поставленныхъ по уставу (§ 3, 22, 23, 26, 27) подъ ближайшее наблюденіе и руководство ректора, в) во внѣ-академическомъ обществѣ и, въ частности, г) среди другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, для ректоровъ и директоровъ которыхъ обязательна ученая степень доктора. 2) Даже уставъ духовныхъ академій 1814 г. въ числѣ требованій отъ кандидата на должность ректора академіи на первомъ мѣстѣ ставитъ ученую степень доктора богословія (§ 12) и замѣчаетъ, что „званіе доктора богословія даетъ преимущественное право быть ректоромъ предъ всѣми другими званіями и должностями" (§ 13). Также по уставу 1869 г. и по проекту устава 1884 г. отъ ректора академіи требовалась степень доктора богословія. Но если сто лѣтъ тому назадъ главнымъ требованіемъ отъ кандидата на должность ректора академіи было обладаніе высшею ученою богословскою степенью, и если такой же взглядъ настойчиво проводился при по-

слѣдующихъ преобразованіяхъ академій, то въ настоящее время, когда православно-богословская наука получила въ нашемъ отечествѣ несравненно болѣе высокое развитіе и когда контингентъ лицъ, обладающихъ высшею ученою богословскою степенью, очень расширился, едва-ли можно отказаться отъ названнаго требованія. Такой отказъ былъ бы молчаливымъ признаніемъ того, что въ теченіе столѣтія уровень богословской науки у насъ понизился и кругъ ученыхъ лицъ, изъ которыхъ можно дѣлать выборъ, оскудѣлъ.

Б) *Относительно возможности избранія на должность ректора и лицъ свѣтскихъ.* Комиссіи въ достаточной мѣрѣ понятно желаніе поставить во главѣ академіи, какъ школы, приготовляющей не только богословски образованныхъ людей, но и пастырей церкви, лицо, облеченное духовнымъ саномъ. Можно имѣть увѣренность, что академіи примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы найти такое лицо. Но нельзя не предвидѣть и слѣдующаго. Ректоръ академіи, чтобы быть дѣйствительно авторитетнымъ руководителемъ академической корпораціи, долженъ обладать такими качествами, которыя рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ. Академическимъ корпораціямъ вообще не легко будетъ находить достойнаго ректора. Если же кругъ подлежащихъ выбору лицъ безусловно ограничить имѣющими духовный санъ или готовыми принять его, то выборъ будетъ затрудненъ до крайности. Можно опасаться, что на практикѣ, въ такомъ случаѣ, придется жертвовать въ пользу сана авторитетомъ личности, т. е. жертвовать самымъ существеннымъ для академическаго дѣла преимуществомъ выборнаго начала. Въ видахъ предупрежденія этого Комиссія считаетъ необходимымъ предоставленіе академическимъ Совѣтамъ права избирать на должность ректора и лицъ свѣтскихъ, не ограничивая этого избранія шестимѣсячнымъ срокомъ. По мнѣнію Комиссіи, противъ возможности такой практики нельзя возразить *по существу*. Древняя церковь допускала міранъ не только къ

учительству въ высшихъ богословскихъ школахъ, но и къ руководству ими, какъ это было, напр., въ Александріи. Задачами академіи, какъ опредѣляются онѣ въ дѣйствующемъ уставѣ и въ проектируемомъ, вовсе не требуется, чтобы во главѣ академіи всегда и неизмѣнно было лицо духовное, такъ какъ академія никогда не была и не должна быть профессіональной пастырской школой. По составленному Комиссіей проекту, главной цѣлью академіи является служеніе развитію православной богословской науки. Естественно, и отъ ректора прежде всего требуется авторитетъ ученый, который, конечно, не привязывается исключительно къ священному сану. Наконецъ, нынѣ допускаются въ академіяхъ свѣтскія лица къ преподаванію такихъ спеціально-богословскихъ и даже церковно-практическихъ предметовъ, какъ гомилетика, литургика и пастырское богословіе. Опытъ показываетъ, что возлагаемыя въ этомъ случаѣ задачи на свѣтскихъ лицъ исполняются ими не съ меньшей преданностію православной церкви и не съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ какихъ можно ожидать и отъ лицъ духовныхъ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого можетъ служить та высокая оцѣнка, которая дана всей церковной Россіей пятидесятилѣтней дѣятельности свѣтскаго профессора гомилетики и пастырскаго богословія В. Ѳ. Пѣвницкаго въ день его юбилея. Но, если православно-церковный характеръ цѣлаго ряда академическихъ наукъ не страдаетъ отъ того, что онѣ преподаются свѣтскими лицами, то трудно понять, почему можно противиться допущенію подобныхъ лицъ и къ общему руководству академическою жизнью. Одно изъ двухъ: или свѣтскія лица совсѣмъ не могутъ быть въ числѣ академическихъ преподавателей, или же, если допустить ихъ, то нужно допустить не съ меньшими правами и не съ меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ лицъ духовныхъ. По этимъ соображеніямъ Комиссія считаетъ справедливымъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи Совѣтамъ академій, въ случаѣ неимѣнія достойнаго кандидата изъ

лицъ духовныхъ, выбирать на должность ректора и лицъ свѣтскихъ.

IV). Въ статьяхъ проекта, относящихся къ учено-учебной части, Комиссія исходила изъ того убѣжденія, что въ академическомъ курсѣ по прежнему должны быть не только богословскія науки, но и свѣтскія, поскольку послѣднія могутъ содѣйствовать болѣе широкой разработкѣ богословія. По мнѣнію Комиссіи проектируемое нѣкоторыми устраненіе свѣтскихъ наукъ изъ академіи отразилось-бы неблагопріятнымъ образомъ на состояніи богословія, привело-бы къ пониженію уровня богословскихъ знаній и къ съуженію богословскаго міровоззрѣнія.

Въ самой постановкѣ академическаго обученія Комиссія нашла необходимымъ отступить отъ нынѣ дѣйствующаго устава. Недостатки этого устава въ разсматриваемомъ отношеніи, повидимому, признаны довольно единодушно. Требуя отъ каждаго студента изученія 25 предметовъ, нынѣшній уставъ вводитъ такую многопредметность, при которой невозможно основательное усвоеніе академическаго курса со стороны студентовъ и вполнѣ научное веденіе его со стороны профессоровъ. Комиссія, поэтому, нашла безусловно необходимымъ ввести спеціализацію изученія наукъ и раздѣлить преподаваемые въ академіи предметы на группы. Комиссіи предносились въ этомъ случаѣ различныя комбинаціи. Выяснилось, однако-же, что нельзя представить такого дѣленія академическихъ предметовъ на группы, противъ котораго невозможно было-бы возражать, и что вообще твердыхъ принциповъ для такого дѣленія указать нельзя. Наиболѣе цѣлесообразнымъ въ этомъ случаѣ Комиссіи представляется возвращеніе къ уставу 1869 г. Предлагаемой въ проектѣ схемой отдѣленій въ достаточной мѣрѣ достигаются слѣдующія цѣли: а) устраненіе многопредметности академическаго курса; б) объединеніе въ цѣльныя группы наиболѣе близкихъ наукъ и в) возможная равномѣрность группъ въ количественномъ отношеніи. При этомъ, въ отличіе отъ устава

1869 г., Комиссія полагаетъ необходимымъ количество предметовъ общеобязательныхъ значительно увеличить, потому-что безъ знанія основныхъ богословскихъ предметовъ, какъ это допускалось уставомъ 1869 г., никто не можетъ быть названъ ученымъ богословомъ.

Исходя изъ взгляда на академію, какъ на учрежденіе не только учебное, но и ученое, Комиссія предвидитъ въ будущемъ расширеніе круга преподаваемыхъ въ академіи наукъ и § 117—мъ допускаетъ возможность открытія въ академіи со временемъ новыхъ каѳедръ. Число этихъ каѳедръ и постановка ихъ наилучшимъ образомъ опредѣлятся практикой. Въ настоящемъ же проектѣ Комиссія нашла желательнымъ восполнить нынѣшній академическій курсъ учрежденіемъ слѣдующихъ новыхъ каѳедръ: 1) исторіи восточныхъ церквей послѣ раздѣленія церкви, 2) исторіи западно-русской церкви, 3) основныхъ началъ законовѣдѣнія и 4) началъ сравнительнаго языкознанія.

1). Необходимость научнаго изученія въ академіяхъ православнаго востока и особенно, конечно, Византіи, — вполнѣ понятна. Наше прошлое тѣснѣйшимъ образомъ связано съ судьбами православнаго востока, и многое въ нашей гражданской и церковной исторіи не можетъ быть уяснено безъ надлежащаго знанія исторіи Византіи. Поэтому въ академіяхъ давно уже возникла мысль объ учрежденіи самостоятельной каѳедры по исторіи восточныхъ церквей. Эта мысль нашла одобреніе и высшей церковной власти, съ разрѣшенія которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ при Петербургской духовной академіи учреждена уже каѳедра византологіи. Учрежденіе этой каѳедры желательно и для другихъ академій.

2). Потребность въ учрежденіи при Кіевской академіи самостоятельной каѳедры по исторіи юго-западной русской церкви также, какъ хорошо это извѣстно членамъ Совѣта, давно уже можно считать назрѣвшей. Учрежденіе этой каѳедры вызывается: а) весьма важнымъ значеніемъ исторіи западнорусской церкви и ея отличіемъ отъ исторіи церкви восточно-

русской, б) чрезвычайнымъ обиліемъ матеріала для этой исторіи и вытекающей отсюда невозможностью исчерпать его надлежащимъ образомъ въ общемъ курсѣ церковной исторіи и в), наконецъ, неразработанностію исторіи западно-русской церкви въ нашей наукѣ. Если признать необходимость особой каѳедры по исторіи западно-русской церкви, то, само собой понятно, каѳедра эта должна быть учреждена именно при Кіевской академіи. Обязанность научнаго изслѣдованія судебъ православія въ юго-западной Руси возлагается на нашу alma mater и ея прошлымъ трехвѣковымъ служеніемъ, и ея настоящимъ положеніемъ, дающимъ въ ея распоряженіе наиболѣе обильныя средства для научной разработки исторіи юго-западнаго края.

3). Каѳедра законовѣдѣнія проектируется Комиссіей въ качествѣ вспомогательной къ одной изъ важнѣйшихъ академическихъ наукъ, именно къ церковному праву. Въ настоящее время каноника занимаетъ въ кругѣ академическихъ предметовъ особое мѣсто. Тогда какъ систематическое богословіе имѣетъ для себя соотвѣтствующую науку въ философіи, историческое—въ гражданской исторіи, каноника стоитъ въ академіи одиноко и изолированно. Исторически церковное право возникло на почвѣ общаго права. Поэтому для надлежащаго пониманія каноники весьма важно ознакомленіе съ общими юридическими понятіями и съ общей исторіей права. Проектируемая каѳедра законовѣдѣнія и служила-бы, по мнѣнію Комиссіи, этой цѣли, способствуя, кромѣ того, и вообще расширенію кругозора учащихся.

4). Каѳедра сравнительнаго языкознанія по проекту соединяется съ каѳедрой русскаго языка, причемъ послѣдняя отдѣляется отъ исторіи русской литературы. Предлагая учрежденіе названной новой каѳедры, Комиссія руководится тѣмъ соображеніемъ, что филологія служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ пособій для богословія и потому нуждается въ академіяхъ въ болѣе широкой постановкѣ, чѣмъ какая давалась ей доселѣ (см: раскрытіе этой мысли въ Христ. Чтеніи 1905 г. № 11, стр. 613—624)

Кромѣ введенія новыхъ каѳедръ въ проектѣ предполагается еще раздѣленіе каѳедры литургики и церковной археологіи на двѣ самостоятельныхъ. Въ этомъ случаѣ Комиссія имѣла въ виду существенное различіе названныхъ предметовъ. Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что спеціализація въ обоихъ этихъ важныхъ предметахъ богословія для одного лица невозможна. Поэтому фактически профессоры этихъ наукъ спеціализуются въ одной какой-либо изъ нихъ, оставаясь болѣе или менѣе равнодушными къ другой. По мнѣнію Комиссіи, признаніе самостоятельности за каждой изъ этихъ наукъ могло-бы содѣйствовать болѣе успѣшной ихъ разработкѣ".

б) Составленный Комиссіею проектъ новаго академическаго устава.

Справка: 1. При обсужденіи проекта были заслушаны особыя мнѣнія:

а) Заслуж. ордин. профессора В. Пѣвницкаго:

„Крайне сожалѣю, что въ проектѣ Устава духовныхъ академій, составленномъ нашею Комиссіею, проповѣдничество не поставлено въ числѣ общеобязательныхъ предметовъ. Въ экономіи церковной жизни это предметъ первостепенной важности. По нему, по его успѣхамъ оцѣнивается зрѣлость религіознаго общества, выставляющаго дѣятелей на дѣло церковнаго служенія, узнается богатство средствъ и талантовъ, каковыми оно располагаетъ къ нравственному обновленію и усовершенствованію народа. Хорошее веденіе дѣла проповѣдническаго для церковно-общественной жизни гораздо важнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ богатое знаніе той или другой теоретической науки. Потому на западѣ въ церковно-учебныхъ институтахъ на проповѣдничество обращаютъ очень большое вниманіе, какого, къ сожалѣнію, у насъ донынѣ не было. А новый проектъ Устава грозитъ ему полнымъ униженіемъ. Въ римско-католическихъ и протестантскихъ учебныхъ институтахъ, приготовляющихъ дѣятелей для служенія церкви, не мыслимо подобное пренебреженіе къ проповѣдничеству, служащему продолженіемъ дѣла,

заповѣданнаго Господомъ Іисусомъ апостоламъ и ихъ преемникамъ, какое заявили составители новаго проекта Устава духовныхъ академій.

Проектируется устройство или переустройство высшихъ духовно-учебныхъ заведеній, называемыхъ въ проектѣ богословскими академіями, и если прежняя программа наукъ, преподаемыхъ въ академіи, страдала многопредметностію, затруднявшею хорошее ихъ усвоеніе, то нужно было сосредоточить вниманіе на главномъ и существенномъ въ дѣлѣ богословскаго образованія. А проектъ загромождаетъ программу многими новыми науками, и неимѣющими непосредственнаго отношенія къ дѣлу богословскаго образованія. Къ чему обрывки юридическихъ знаній, вводимыхъ въ академію, подъ фирмою несуществующей науки: „Основныя начала законовѣдѣнія"? Къ чему „начала сравнительнаго языкознанія"? Едва ли можно ожидать пріобрѣтенія точныхъ свѣдѣній, юридическихъ или филологическихъ, изъ обрывковъ, какіе будутъ предлагаться на этихъ новыхъ каѳедрахъ. Говорятъ, что полезны тѣ знанія, какія можно почерпать изъ этихъ проектируемыхъ наукъ. Но мало-ли полезныхъ знаній? Естествознаніе, можетъ быть, болѣе полезно для христіанской апологетики, чѣмъ эти новыя науки. Но нельзя же все комкать въ одну кучу и предписывать для академіи какую-то энциклопедію наукъ, не только богословскихъ, но и юридическихъ, и филологическихъ и историческихъ.

Оставьте въ проектѣ главное и существенное, именно науки богословскія и сдѣлайте ихъ, по мѣрѣ возможности, общеобязательными, а науки характера не богословскаго могутъ быть совершенно исключены изъ программы, предначертываемой для высшаго учебнаго *богословскаго* института, если признано будетъ, что многопредметность однихъ богословскихъ наукъ отяготитъ и усложнитъ программу наукъ, необходимыхъ для академіи.

Судя по настроенію Совѣта Академіи, я знаю, что мое мнѣніе не будетъ принято, но я, какъ присяжный представи-

тель науки о проповѣдничествѣ, собирающійся оставить свою каѳедру, считаю долгомъ совѣсти заявить предъ Совѣтомъ свое мнѣніе, побуждаемый къ тому съ одной стороны сознаніемъ высокой важности проповѣдничества, а съ другой стороны свято хранимыми мною традиціями Кіевской Академіи, въ которой каѳедра гомилетики, со времени знаменитаго Иннокентія Борисова всегда пользовалась особымъ почетомъ и вниманіемъ. Меня обвинили-бы мои преемники по каѳедрѣ, обвинила бы и Академія, при перемѣнѣ господствующаго въ ней нынѣ настроенія, если бы я, при выходѣ изъ Академіи, не поднялъ голоса въ защиту своей каѳедры, мною такъ высоко цѣнимой, а проектомъ такъ унижаемой".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

Проэктъ преобразованія учебной части въ духовныхъ академіяхъ.

„Никто не станетъ спорить противъ того, что принципъ единства въ христіанствѣ имѣетъ важнѣйшее значеніе: *едина* вѣра, *едино* крещеніе, *едина* церковь, *единъ* Богъ и Отецъ всѣхъ, *единъ* Христосъ; отъ христіанъ требуется исповѣдывать свою вѣру въ *единомысліи*. Поэтому и образованіе или просвѣщеніе христіанское должно быть проникнуто единымъ духомъ, слѣдовательно, должно быть свободно отъ раздробленности и безсвязности. Какъ же этого достигнуть? Необходимо, очевидно, въ системѣ богословскаго образованія между другими богословскими науками, должна быть такая наука, которая, занимая центральное положеніе, объединяла бы ихъ и сообщала бы имъ единство духа. Требованія отъ такой науки велики, и положеніе ея чрезвычайно отвѣтственное. Поэтому изученіе философіи въ отношеніи къ ней должно служить необходимою подготовительною ступенью въ дѣлѣ высшаго духовнаго просвѣщенія; вслѣдствіе сего въ содержаніи самой проэктируемой науки богословской не должно быть мѣста ни для какихъ философскихъ вопросовъ, ученій и изслѣдованій. Наука эта должна быть всецѣло богословской, въ ней должна быть заключена вся

сущность христіанскаго Богословія. Какая же это наука? Существовала прежде наука, которая называлась *Основнымъ* Богословіемъ. По названію своему наука эта долженствовала быть важнѣйшею, какъ содержащая въ себѣ основанія для всѣхъ другихъ наукъ. Но затѣмъ явилось вотъ какое сомнѣніе: какимъ образомъ Основное Богословіе можно считать основоположительною наукою, когда извѣстно, что истинныя основанія Богословія, т. е. христіанскаго знанія заключаются въ Св. Писаніи и въ твореніяхъ отцевъ церкви (Преданіе), а другіе возражали, что и Писаніе и Преданіе даютъ только матеріалъ для науки, но сами не составляютъ науки, а потому и самыя науки о Свящ. Писаніи (введеніе) и Преданіи (патрологія) нуждаются въ основаніяхъ для себя, которыя и заимствуютъ изъ церковнаго вѣроученія. Послѣ этого Основное Богословіе получило названіе *Введенія* въ кругъ богословскихъ наукъ, слѣдовательно, это наука, только служащая приготовленіемъ къ изученію Богословія, но не есть еще само Богословіе. Догматическое Богословіе излагаетъ ученіе вѣры, но вѣдь вѣра безъ дѣлъ мертва, посему христіанство требуетъ единства вѣры и жизни, или иначе—вѣры, свидѣтельствуемой и проявляемой жизнью, слѣдовательно, истинно основоположительною и потому важнѣйшею богословскою наукою надо признать науку о *христіанской жизни по вѣрѣ.* Наука эта называется *Нравственнымъ* Богословіемъ. Ясно, что наука эта должна быть поставлена соотвѣтственно своему назначенію служить средоточіемъ, объединяющимъ весь кругъ богословскихъ наукъ, а это значитъ, что въ нее должны войти всѣ понятія и положенія, спеціально и враздробь разрабатываемыя другими науками; здѣсь же эти понятія и положенія должны быть представлены въ систематической связи. Вѣра возможна безъ соотвѣтственной жизни (и бѣсы вѣруютъ), но невозможна жизнь христіанская безъ вѣры. Посему наука о жизни христіанской должна обнимать и основы таковой жизни, т. е. включать въ себѣ опредѣленіе и разсмотрѣніе этихъ основъ,—конечно не спеціальное, а общее.

Таковыхъ основъ христіанской жизни двѣ: a) *вѣроученіе*,— основаніе теоретическое, внутреннее; b) церковь и *церковность*. Это основаніе практическое, по преимуществу внѣшнее. Жизнь христіанская есть: a) жизнь *по вѣрѣ* и b) жизнь *по обычаю* (согласная съ установленіями церковными и религіозными обычаями,—выработанными жизнью народною).—Посему примѣрная программа Нравственнаго Богословія можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:

Введеніе. О положеніи среди другихъ богословскихъ наукъ и назначеніи Нравственнаго Богословія. Христіанская мораль и философская этика. Предметомъ послѣдней служатъ начала нравственности общечеловѣческой. Христіанская нравственность также есть общечеловѣческая, но въ какомъ смыслѣ и чѣмъ различается въ этомъ отношеніи отъ нравственности, составляющей предметъ философской этики.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вѣра и вѣроученіе въ качествѣ внутренняго основанія христіанской жизни.

Отдѣлъ первый. Ученіе о Богѣ какъ Духѣ и о поклоненіи Богу духомъ и истиною. Іисусъ Христосъ,—какъ *предвѣчное* Слово. Какъ предвѣчное, Слово проявляло себя и въ ветхозавѣтной исторіи, и вообще въ исторіи человѣчества, а потому на начало христіанской жизни не должно смотрѣть какъ на совершенный перерывъ въ исторіи (революція), но какъ на преобразованіе и усовершеніе прежнихъ понятій о нравственности (пришелъ исполнить, а не разорить законъ). О Духѣ Святомъ и дарахъ Св Духа (понятія о благодати и свободѣ).

Отдѣлъ второй. Нравоученіе, содержащееся въ нагорной проповѣди. Христіанскій аскетизмъ и мистицизмъ. Христіанская жизнь, какъ царство не отъ міра сего, какъ область духа. Различіе понятій о душѣ и духѣ. Психологическій анализъ

проявленій нравственной жизни исходитъ изъ понятія о душѣ, а разсмотрѣніе нормъ нравственной жизни имѣетъ въ основаніи своемъ понятіе о духѣ. Духъ и плоть какъ обозначенія различныхъ отправленій воли въ области нравственной. О возрожденіи и спасеніи, о добродѣтели и грѣхѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ученіе о Церкви какъ внѣшнемъ основаніи (авторитетъ) христіанской жизни.

Отдѣлъ первый. Понятіе о христіанской жизни, какъ *благочестіи.* Іисусъ Христосъ, какъ *воплощенное* Слово, какъ основатель церкви. Церковь христіанская—явленіе новое (древніе христіане отличали себя и отъ язычниковъ, среди которыхъ жили, и отъ іудеевъ) въ исторіи человѣчества. Въ древности—высшею формою общественной жизни было государство. Въ новомъ мірѣ таковыхъ формы двѣ: *церковь* [гдѣ церковь сохранила свое бытіе (т. е. устройство) въ неприкосновенности] и *государство.* Вопросъ объ отношеніи между церковью и государствомъ. Различныя стороны жизни церковной: a) *ученіе* (о Свящ. Писаніи и Преданіи, о богословскихъ наукахъ и просвѣщеніи церковномъ), b) *священнодѣйствіе* (о священномъ богослуженіи и храмахъ, о праздничныхъ дняхъ, о различіи между христіанскими вѣроисповѣданіями—православіе, католичество, протестантство,—имѣющемъ главное свое основаніе въ характерѣ богослужебныхъ обрядовъ), c) *церковное управленіе.* (Объ іерархіи, о соборахъ, о приходской жизни). Взаимная связь означенныхъ сторонъ церковной жизни. Христіанское воспитаніе на почвѣ церковной жизни.

Отдѣлъ второй. Обрядовѣріе—благочестіе, понимаемое чисто внѣшнимъ образомъ. О народныхъ обычаяхъ и церковныхъ установленіяхъ, образовавшихся въ народномъ духѣ. Отношеніе къ обществу и жизни общественной. О благотворительности (любовь къ ближнему ради любви къ Богу).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Единство внѣшняго благочестія и внутренней настроенности.

Отдѣлъ первый. Мистицизмъ и обрядовѣріе какъ крайности (секты и расколъ). Истинное благочестіе. Евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ. Понятія объ откровеніи, какъ внутренней внѣвременной основѣ церковной жизни, и преданіи, какъ основаніи историческомъ, заключающемся во времени. Единство вѣчнаго и временнаго. Спасеніе души какъ конечная цѣль и вѣра въ жизнь вѣчную. Судъ совѣсти и судъ церкви. О вѣчномъ мученіи и вѣчномъ блаженствѣ.

Отдѣлъ второй. Идеалъ и дѣйствительность. Осуществленіе христіанскаго идеала въ исторіи. Значеніе общества и отдѣльной личности въ дѣлѣ осуществленія христіанскаго идеала. Что такое такъ называемый христіанскій соціализмъ? О святыхъ, чтимыхъ церковью, и частныхъ церквахъ. Вѣра какъ внутренняя настроенность и какъ долгъ (свобода личности и авторитетъ церкви).

Само собою разумѣется, что программою этою имѣлось въ виду лишь яснѣе представить идею Нравственнаго Богословія какъ науки центральной въ системѣ богословскаго образованія.

Для преподаванія Нравственнаго Богословія въ изъясненномъ смыслѣ необходимъ человѣкъ съ умомъ, преисполненнымъ духа и жизни, приготовленный къ своему дѣлу основательнымъ философскимъ образованіемъ. Понятно, что вопросъ о выборѣ наставника, которому поручается преподаваніе такой науки, долженъ быть рѣшаемъ съ особою осмотрительностію и тщательностію. Пусть лучше такая каѳедра будетъ оставаться не занятою, хотя бы и продолжительное время, нежели замѣщать ее кѣмъ случится... Это необходимо тѣмъ болѣе, что Нравственное Богословіе, надлежаще поставленное, должно оказывать вліяніе не только на другія богословскія науки, но и на самую

жизнь школы, ибо нельзя изучать такой предметъ какъ христіанская жизнь (въ ея идеѣ и дѣйствительности) и не испытывать воздѣйствія отъ представленій о томъ, какова въ истинѣ должна быть эта жизнь, а слѣдовательно, невозможно, чтобы человѣкъ, проникаясь духомъ истинно христіанской жизни, правильно и широко понятой, не стремился проводить вліяніе этого духа въ окружающую его среду. Несомнѣнно, что въ высшей богословской школѣ, отъ которой зависимы и другія низшія школы, должно быть единство духа. Но, конечно, невозможно достигнуть этого никакими внѣшними дисциплинарными мѣрами. Необходимо установить единство образованія. Единство же это можно осуществить только такимъ образомъ, чтобы для всѣхъ учащихся общеобязательною была признана лишь одна наука (вмѣсто цѣлаго ряда наукъ, раздробляющихъ вниманіе и силы и усвояемыхъ обыкновенно хуже даже, нежели науки такъ называемыя спеціальныя, свободно избираемыя), но за то это должна быть такая наука, которая, совмѣщая въ себѣ всѣ существенныя основныя идеи богословскаго образованія, оказывала бы просвѣщающее, т. е. очищающее и возвышающее воздѣйствіе на духъ *учащихся*. Такою наукою и должно быть Нравственное Богословіе въ связи съ изученіемъ философіи; послѣднее должно служить почвою для усвоенія затѣмъ христіанскаго міросозерцанія, предложеннаго съ надлежащими высотой и глубиной. Всѣ науки остальныя должны быть вспомогательными, свободно избираемыми для изученія. Конечно, невозможно ожидать и требовать, чтобы всѣ учащіеся могли усвоить вполнѣ (чрезъ изученіе Нравственнаго Богословія) духъ христіанскаго просвѣщенія, но пусть немногіе достигнутъ этой цѣли, остальные будутъ находиться подъ ихъ вліяніемъ (что видимъ и теперь, къ сожалѣнію, только не въ хорошемъ, а дурномъ смыслѣ). Толкуютъ о научной свободѣ, объ авторитетѣ и независимости ученыхъ академическихъ корпорацій, о довѣріи къ таковымъ. Но довѣріе надо заслужить, а авторитетъ не связанъ съ положеніемъ лица, такъ чтобы, не взирая на свойства лица,

занимающаго извѣстное положеніе, въ силу самаго этого положенія, признавать таковое лицо авторитетнымъ. Такого рода притязанія безсмысленны и неосновательны. Пусть наши ученыя богословскія корпораціи заботятся прежде всего о томъ, чтобы просвѣщеніе богословское поднять на должную высоту, и вмѣсто того, чтобы дѣлиться на партіи изъ за мелкихъ интересовъ, соединить свои силы на разрѣшеніи важнѣйшей задачи школы, именно—понять и уяснить себѣ прежде всего, въ чемъ состоитъ сущность христіанской жизни, и затѣмъ, далѣе, достигнутое общими усиліями пониманіе христіанскаго духа проводить въ общее сознаніе, т. е. сдѣлаться представителями христіанскаго просвѣщенія по *убѣжденію*, а не только по *положенію*; тогда и авторитетъ и довѣріе сами собою явятся. Это такія блага, которыхъ не можетъ дать никакой уставъ, ибо добываются они собственнымъ трудомъ, а не постороннимъ благоволеніемъ.

Что касается раздѣленія другихъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, по группамъ, то въ значеніи основанія для раздѣленія обыкновенно берутся во вниманіе свойства содержанія каждой изъ наукъ въ связи съ главною задачею ихъ изученія. Наша задача—просвѣщеніе, т. е. воздѣйствіе на характеръ человѣка, на его настроенность чрезъ посредство ума, какъ дѣятельности познавательной. По различію такого воздѣйствія и по свойству содержанія, науки, преподаваемыя въ академіи, можно раздѣлить на слѣдующія группы.

1. *Науки учительныя* (излагающія ученіе или ученія). Исторія философскихъ ученій, психологическія ученія, догматическое Богословіе, исторія и разборъ западныхъ вѣроисповѣданій, исторія и разборъ раскола и разныхъ сектъ.

2. *Науки дисциплинарныя* (въ которыхъ разсматриваются правила и установленія). Каноническое право, литургика, педагогика, пастырское богословіе и гомилетика. Послѣднія три могутъ быть сведены въ одну науку. Въ настоящее время нѣкоторымъ преподавателямъ поручается чтеніе двухъ наукъ, причемъ эти науки и преподаются порознь какъ двѣ различныя

науки, потому ли, что между ними дѣйствительно нѣтъ необходимой научной связи, какъ напр., между литургикой и церковной археологіей, или почему иному. Но желательно совмѣщеніе въ лицѣ одного преподавателя лишь такихъ наукъ, изъ коихъ возможно образовать одну науку. Таковы выше названныя три науки: педагогика, пастырское богословіе и гомилетика. Ихъ можно соединить въ одну примѣрно по такой программѣ: общечеловѣческія основы воспитанія; христіанскія начала воспитанія, національный характеръ воспитанія. Педагогика и дидактика. Воспитательный характеръ обученія (методы). Пастырь какъ учитель и воспитатель (въ школѣ и обществѣ) и какъ проповѣдникъ. О проповѣдничествѣ. Теорія проповѣдничества и образцы проповѣдничества (изъ исторіи проповѣдничества).—Русскій языкъ, славянскія нарѣчія и словесность (объ устройствѣ языка и объ употребленіи его какъ органа литературнаго искусства).

3. *Науки эстетико-образовательныя.* Исторія литературы иностранной и русской. Археологія библейская и церковная. Исторія библейская. Исторія церкви всеобщей и русской. На историческую науку оказываетъ теперь сильное вліяніе соціологія, т. е. философія исторіи преимущественно матеріалистическаго направленія. Философія исторіи пользуется исторіей какъ матеріаломъ для иллюстраціи своихъ общихъ положеній. Съ точки зрѣнія философской исторія такимъ образомъ лишается самостоятельнаго значенія. Такое значеніе она можетъ имѣть лишь съ точки зрѣнія эстетико-образовательной, требующей цѣльности и правдивости, т. е. безпристрастія въ изображеніи характеровъ отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ событій, эпохъ и всего хода историческихъ перемѣнъ и явленій. Субъективизмъ при этомъ неизбѣженъ, но это долженъ быть субъективизмъ высшаго порядка—благородная и добросовѣстная настроенность какъ въ смыслѣ церковномъ, такъ и въ смыслѣ гражданскомъ.

Языки древніе и новые распредѣляются между названными группами.

Въ ряду богословскихъ наукъ *наука о Св. Писаніи* и *наука о Преданіи* (патрологія), по свойству предметовъ этихъ наукъ, совмѣщаютъ въ себѣ всѣ означенныя черты, по коимъ сдѣлано намѣченное выше раздѣленіе наукъ,—и ученіе, и дисциплину и эстетико-образовательный элементъ. По этому столь обширному и много-различному значенію своему, а главное—какъ науки, заключающія въ себѣ основанія для всѣхъ богословскихъ наукъ, должны бы и Св. Писаніе и Патрологія быть признаны общеобязательными. Но если допустить предположенную постановку Нравственнаго Богословія, то въ составъ этой науки должно войти все важнѣйшее и существенное, что могутъ дать науки о Св. Писаніи и писаніяхъ отцевъ церкви, такъ что затѣмъ оставалось бы только спеціальное изученіе Св. Писанія и святоотеческихъ твореній подъ условіемъ распредѣленія и книгъ Св. Писанія и твореній отцевъ по намѣченнымъ группамъ (учительной, дисциплинарной, историко и эстетико образовательной), или же причисленія тѣхъ и другихъ къ одной группѣ, важнѣйшей, напр., учительной. Можно, наконецъ, и науку о Св. Писаніи и Патрологію сдѣлать общеобразовательными богословскими науками, но въ такомъ случаѣ, для избѣжанія повтореній, пришлось бы значительно съузить рамки Нравственнаго Богословія.

Примѣчанія:

1. Могутъ упрекнуть изложенный взглядъ на преподаваніе наукъ въ духовной академіи въ томъ, что онъ отличается крайнимъ идеализмомъ и отсутствіемъ практичности. Но это не наша вина, винить въ томъ надо духъ христіанства, а академія, какъ высшая богословская школа, предназначена быть выразительницею этого духа.

2. Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ университетахъ теперь болѣе чѣмъ равнодушно относятся къ философіи по причинѣ общаго утилитарнаго строя современнаго свѣтскаго образованія,

какъ опирающагося на естествознаніи по преимуществу. Философія же доселѣ развивалась и разрабатывалась въ духѣ христіанскомъ и въ теснѣйшей связи съ нимъ. У насъ теперь свѣтскіе богословствующіе писатели желали бы и христіанство преобразовать въ духѣ утилитаризма и реализма, доводимаго иногда до крайности, съ которою никакое пониманіе христіанства мириться не можетъ. Какъ мало теперь въ духовныхъ академіяхъ разумѣнія своего назначенія и какъ недостаточно выполняется заповѣдь—*испытайте духи*, видно изъ того, что многіе представители нашей духовной науки ищутъ какого то приспособленія христіанства ко вкусамъ современной такъ называемой интеллигенціи.

3. Основной принципъ католичества—дисциплина (въ примѣненіи вѣры къ жизни), протестантство довольствуется научнымъ изслѣдованіемъ и въ области вѣры, а духъ православія требуетъ, чтобы дѣятельность въ религіозной области исходила изъ убѣжденія. Тѣмъ болѣе это необходимо теперь при свободѣ вѣроисповѣданія. Само по себѣ чисто объективное преподаваніе и усвоеніе научныхъ знаній не можетъ сдѣлать человѣка убѣжденнымъ. Въ убѣжденіи кромѣ объективнаго элемента знанія есть субъективный элементъ—настроеніе. Для воздѣлыванія этой стороны очень важно философское образованіе. Посему изученіе философіи, какъ уже сказано, должно быть общеобязательнымъ. Для духовной школы необходима разработка философіи: есть значительные труды въ этой области. Авторъ этихъ замѣтокъ также приготовляетъ къ печати систему философіи. Изученіе спеціальныхъ наукъ богословскихъ и свѣтскихъ можетъ дать разнородныя свѣдѣнія, но *просвѣщеніе*, т. е. разумное пониманіе своего дѣла и назначенія своего учащимся въ академіи духовной, можетъ быть пріобрѣтено только чрезъ систематическое изученіе философіи и Нравственнаго Богословія при постановкѣ послѣдняго въ томъ видѣ, какъ выше представлено. Подъ названіемъ философіи, какъ общеобязательной науки,

разумѣется здѣсь не исторія философіи и не психологія, а *метафизика и логика*. Изученіе философіи должно служить необходимою подготовительною ступенью для пріобрѣтенія собственно религіознаго просвѣщенія, а самое это просвѣщеніе ограничиваемъ изученіемъ Нравственнаго Богословія потому, что внѣшнимъ основаніемъ христіанскаго поведенія служитъ жизнь и авторитетъ церкви, а внутреннимъ основаніемъ—христіанское вѣроученіе. Нравоученіе христіанское, нераздѣльное съ жизнью, очевидно имѣетъ значеніе центра, укрѣпившись въ которомъ легко можно обозрѣвать и внѣшнія и внутреннія основы и отношенія этой жизни, а это даетъ возможность пріобрѣсти истинное разумѣніе христіанской религіи. Христіанскимъ нравоученіемъ объемлются всѣ стороны христіанскаго вѣдѣнія, а въ соединеніи съ изученіемъ философіи изученіе христіанскаго нравоученія и жизни христіанской представляло бы собою познаніе вещей божескихъ и человѣческихъ. Словомъ, учебное дѣло должно быть такъ организовано въ духовныхъ академіяхъ, чтобы могли выходить оттуда люди убѣжденные, а не просто свѣдущіе".

в) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Ознакомившись съ „Проектомъ устава православныхъ богословскихъ Академій", выработаннымъ Комиссіею изъ профессоровъ Н. М. Дроздова, А. А. Дмитріевскаго, В. З. Завитневича, Ѳ. И. Титова, Д. И. Богдашевскаго, В. П. Рыбинскаго и доцентовъ В. И. Экземплярскаго и П. П. Кудрявцева, съ объяснительными записками къ сему проекту (октябрьскою—напечатанною и январскою, читанною въ Совѣтѣ Академіи), а также со статьею одного изъ членовъ Комиссіи („Изъ Академической жизни"), помѣщенною въ январской книжкѣ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ авторъ, между прочимъ, подвергаетъ критикѣ записку волынскаго преосвященнаго Антонія

о духовныхъ школахъ, какъ въ основныхъ чертахъ несогласную съ поименованнымъ проектомъ, и защищаетъ послѣдній,—мы позволяемъ себѣ высказать нижеслѣдующее мнѣніе.

Мы вполнѣ согласны съ авторомъ статьи „Изъ Академической жизни", что члены нашей Комиссіи были одушевлены самыми добрыми чувствами при составленіи новаго академическаго устава, именно стремились „сдѣлать служеніе Академій для православной церкви *наиболѣе плодотворнымъ*". Но мы полагаемъ, что при своей работѣ Комиссіею допущена была слѣдующая капитальная ошибка: она подмѣтила недуги нашихъ Академій *второстепенные*, даже *третьестепенные*, и упустила изъ вида *недугъ ихъ главный*. Отсюда и сдѣланныя Комиссіею измѣненія въ академическомъ строѣ, минуя *главное и существенное*, не достигаютъ намѣченной ею цѣли, а иногда даже и *отдаляютъ отъ нея*.

Войдемъ по данному вопросу въ нѣкоторыя подробности.

По мнѣнію Комиссіи къ недугамъ Академій, препятствующимъ ихъ процвѣтанію, должно отнести:

1) „Недовѣріе Св. Синода къ коллегіи профессоровъ, простирающееся даже на область разработки послѣдними богословскихъ наукъ", каковое недовѣріе можетъ приводить означенныя науки „въ состояніе застоя и не позволитъ имъ выйти *на путь широко-свободнаго объективнаго изслѣдованія, безъ чего они не въ состояніи удовлетворить требованіямъ вѣчно прогрессирующей мысли*".

2) Замкнутость Академій и преслѣдованіе ими узко-спеціальныхъ цѣлей. „Не трудно замѣтить (читаемъ въ октябрьской объяснительной запискѣ), что высшее учебное заведеніе, которое въ опредѣленіи своей цѣли не идетъ дальше приготовленія лицъ для служенія на извѣстныхъ опредѣленныхъ поприщахъ дѣятельности, кромѣ объекта профессіи, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ всѣхъ другихъ узко-профессіональныхъ школъ. Между тѣмъ изучаемыя въ духовныхъ Академіяхъ науки, при-

глубоко-гуманитарной основѣ, преслѣдуютъ самыя широкія по истинѣ универсально-образовательныя задачи и, какъ таковыя, онѣ могутъ интересовать всякаго человѣка независимо отъ поприща его дѣятельности".

Имѣя въ виду устранить эти недуги современныхъ Академій, Комиссія въ цѣляхъ „успѣшнаго выполненія научно-учебныхъ задачъ считаетъ необходимымъ предоставленіе академическимъ корпораціямъ *внутренняго самоуправленія* (непосредственное подчиненіе Св. Синоду, съ предоставленіемъ епархіальному Преосвященному только *почетнаго* попечительства, расширеніе выборныхъ правъ Совѣта, причемъ въ ректоры съ званіемъ исправляющихъ должность могутъ быть выбираемы и *свѣтскія* лица, увеличеніе до крайнихъ предѣловъ состава Совѣта чрезъ включеніе въ него, кромѣ профессоровъ, доцентовъ и даже исправляющихъ должность доцента и т. п.).

Для нашей цѣли нѣтъ надобности входить въ детальное разсмотрѣніе проекта новаго академическаго устава, въ основу котораго положены указанныя начала „внутренняго самоуправленія". Мы имѣемъ въ виду только отмѣтить, какой главный недугъ нашихъ Академій упущенъ изъ вида составителями проекта и показать, дѣйствительно-ли, *при существованіи этого недуга*, новый академическій уставъ можетъ *сдѣлать „служеніе Академій для православной церкви наиболѣе плодотворнымъ"*.

Объ этомъ недугѣ много говорится въ докладной запискѣ о духовныхъ школахъ волынскаго преосв. Антонія. Самой записки, изданной на правахъ рукописи, мы не имѣемъ подъ руками и ознакомились съ нею по упомянутой статьѣ, помѣщенной въ январской книжкѣ нашего академическаго журнала. Преосв. Антоній—человѣкъ близко знакомый съ *тремя* духовными Академіями: въ Петербургской получилъ образованіе и былъ въ ней инспекторомъ, въ Московской и Казанской по нѣскольку лѣтъ ректорствовалъ; къ тому же человѣкъ онъ ученый и безусловно честный. Его сужденія о современномъ строѣ

академической жизни имѣютъ всю силу авторитета. Не смотря на это, не хочется вѣрить тѣмъ темнымъ обвиненіямъ, которыя онъ возводитъ *на нѣкоторыхъ* академическихъ профессоровъ. Не введенъ-ли былъ преосвященный въ заблужденіе слухами темными, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ достовѣрными? Какъ-бы то ни было и къ нашей Академіи отзывъ преосвященнаго о профессорахъ не приложимъ (не приложимъ въ чертахъ существенныхъ). Тѣмъ не менѣе, въ основѣ сужденій преосвященнаго Антонія есть не мало правды, даже по отношенію къ нашей Академіи. Правда эта—замѣчаемая *шаткость религіозныхъ началъ православной церкви.*

Обвиненій—говоритъ авторъ статьи „Изъ Академической жизни“ по адресу преосв. Антонія—недостаточно. *Нужны твердые, строго провѣренные факты.*

Совершенно справедливо; равно какъ справедливо и то, что факты не должны быть *замалчиваемы*, въ особенности если дѣло касается такого важнаго предмета, какъ будущее дорогихъ для насъ учрежденій.

Въ подтвержденіе сказаннаго (объ упомянутой шаткости) мы позволимъ себѣ привести слѣдующій, хорошо извѣстный большинству членовъ Совѣта, фактъ.

Одинъ изъ студентовъ нашей Академіи подалъ въ качествѣ кандидатской диссертаціи сочиненіе подъ заглавіемъ: „Обличеніе штундизма“. Сочиненіе оказалось очень хорошимъ. Я далъ о немъ высокопохвальный отзывъ и рекомендовалъ его къ печати. Совсѣмъ иной отзывъ данъ былъ другимъ профессоромъ [1]), онъ забраковалъ сочиненіе и не призналъ его заслуживающимъ степени кандидата *потому, что оно* якобы не православно. Почему не православно? Да потому, что авторъ источниками православнаго вѣроученія признаетъ не только Св. Писаніе, но

---

[1]) М. А. Олесницкій († 12 марта 1905 г.).

и Св. Преданіе!!... Фактъ поистинѣ удивительный, но вполнѣ достовѣрный. Спрашивается, сколько почтенный профессоръ долженъ былъ выпить воды „отъ чуждыхъ студенецъ", чтобы довести свою голову до забвенія азбучныхъ истинъ православнаго вѣроученія, и какъ такое потемнѣніе должно было отражаться на его ученой и въ особенности преподавательской дѣятельности?!!... (Разумѣется, студентъ кандидатскую степень получилъ, и сочиненіе его было напечатано. Профессоръ долженъ былъ переписать свою рецензію).

Подобную неустойчивость (относительно истинъ, содержимыхъ православною церковію) въ сочиненіяхъ профессоровъ Академіи (собственно диссертаціяхъ) составители объяснительной записки къ октябрьскому проекту академическаго устава предусматриваютъ, но ею не особенно смущаются; ибо—говорятъ они—„ученая диссертація не есть церковная символическая книга, которая, являясь какъ бы голосомъ всей церкви, должна содержать въ себѣ непогрѣшимое ученіе... Ученая богословская диссертація есть лишь опытъ исканія истины *частнымъ лицомъ*; поэтому оно требуетъ, съ одной стороны—*полной свободы изслѣдованія*, съ другой стороны—полнаго уваженія и терпимости ко *всякому мнѣнію*, если, конечно, оно явилось плодомъ добросовѣстной работы, удовлетворяющей требованіямъ строго научнаго метода".

Съ этимъ мы не согласны.

Духовныя Академіи, какъ высшія православныя школы, чтобы стоять на высотѣ своего положенія, должны быть свѣдущи въ области своей спеціальности, и хотя совершенно справедливо, что наши ученыя диссертаціи не суть символическія книги и въ нихъ могутъ быть погрѣшности, но онѣ суть сочиненія, *аппробируемыя Академіями православными* и потому не должны стоять въ противорѣчіи съ ученіемъ *православной* церкви, научное уясненіе котораго составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ задачъ сихъ Академій. И ошибочно ду-

мають составители объяснительной записки, что академическія диссертація для полученія богословскихъ ученыхъ степеней суть опытъ исканія истины *частными лицами* и потому де въ нихъ допустимы *всякія мнѣнія*. Нѣтъ, означенныя диссертаціи суть произведенія лицъ профессіональныхъ, получившихъ образованіе въ школахъ *православныхъ* (притомъ *высшихъ*), слѣдовательно, такія произведенія, которыя должны служить свѣточами для православнаго общества. Въ противномъ случаѣ: *аще соль обуяетъ, чимъ осолится?*

Разумѣется, безъ свободы изслѣдованія немыслимо быстрое, поступательное развитіе науки. И мы отнюдь не враги такой свободы. Но какъ изучающіе свѣтскія науки, напр., математическія, имѣютъ уже готовыя аксіомы ($2\times2=4$) и при своихъ изслѣдованіяхъ пользуются ими въ качествѣ непоколебимыхъ устоевъ; такъ съ таковыми же аксіомами, непоколебимыми устоями, имѣютъ дѣло и профессора духовныхъ Академій, разрабатывающіе православную богословскую науку, и касаться дерзновенною рукою сихъ устоевъ (какъ *святого святыхъ*) не могутъ.

Существенное различіе между системами научными и православно-богословскими заключается въ томъ, что первыя основываются *на опытѣ*, а вторыя на вѣрѣ. Отсюда вытекаетъ существенное различіе и въ оцѣнкѣ изслѣдованій научно-свѣтскихъ и научно-богословскихъ.

Свобода первыхъ въ выводахъ ничѣмъ не связана; послѣднія при всей свободѣ изслѣдованія, ограничены въ конечныхъ выводахъ *послушаніемъ вѣрѣ*.

Это *послушаніе вѣрѣ* для лицъ, глубоко вѣрующихъ, всецѣло преданныхъ интересамъ православія, не есть *иго тяжкое*. Такіе люди, при самой широкой свободѣ изслѣдованія, не коснутся дерзновенно того, что неизгладимо начертано на ихъ сердцахъ. Но это иго становится *неудобоносимымъ* для лицъ

въ вѣрѣ (православіи) не столь твердыхъ, колеблющихся, и они при всякомъ удобномъ случаѣ будутъ стараться отъ него освободиться и при томъ путями самыми разнообразными, не столько прямыми, *сколько окольными*.

Выводъ изъ сказаннаго ясенъ. Если мнѣніе о нѣкоторой замѣчаемой въ Академіяхъ шатости религіозныхъ началъ православной церкви вѣрно (а справедливость этого мнѣнія, въ особенности по отношенію къ *религіозно-нравственнымъ* устоямъ, можетъ быть уяснена чрезъ просмотръ довольно многочисленныхъ статей нѣкоторыхъ академическихъ профессоровъ за послѣдніе мѣсяцы), то *главная забота высшей церковной власти при реформѣ Академій должна быть направлена къ тому, чтобы создать въ нихъ такое положеніе дѣлъ (такую религіозно-православную атмосферу), при которомъ указанный недугъ не могъ-бы имѣть мѣста*.

Обращаемся къ второму важному пункту новаго академическаго устава (разъясненному въ объяснительной запискѣ). Осудивъ теперешнія Академіи за ихъ замкнутость и преслѣдованіе ими узко-профессіональныхъ цѣлей,—составители проекта новаго устава открываютъ широкій доступъ въ Академію для всѣхъ лицъ, желающихъ слушать богословскія науки. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать къ этому пункту такое добавленіе ограничительнаго характера: „для всѣхъ лицъ, надлежаще къ тому подготовленныхъ и *чувствующихъ призваніе* къ пастырской и преподавательской, преимущественно въ *духовныхъ школахъ*, дѣятельности, а также къ просвѣщенному служенію церкви на другихъ поприщахъ по *духовному вѣдомству*. Добавленіе это вызывается, во 1-хъ, соображеніями чисто практическими. Академій у насъ только *четыре*. Насущная же потребность въ просвѣщенныхъ пастыряхъ, наставникахъ духовныхъ школъ и другихъ, въ духѣ православія воспитанныхъ, дѣятеляхъ по духовному вѣдомству большая. Удовлетвореніе этой насущной потребности и должно стоять *на первомъ планѣ*. Во 2-хъ —

и это главное,—чрезвычайно важно, чтобы лица, поступающія въ православныя духовныя Академіи были *родственны* имъ по своему міросозерцанію и нравственному облику. Одна изъ главныхъ причинъ начавшагося разложенія Академіи именно и заключается въ томъ, что нѣкоторые воспитанники семинарій вслѣдствіе закрытія имъ доступа въ высшія свѣтскія учебныя заведенія) устремлялись въ духовныя Академіи не по призванію и сочувствію къ православной богословской наукѣ, а исключительно *по нуждѣ*. Такія лица, насильственно загнанныя въ духовныя школы, всегда чувствовали себя здѣсь какъ бы въ чуждой средѣ, крайне неохотно подчинялись здѣшнимъ порядкамъ и вносили въ академическую жизнь *вѣянія крайне нежелательныя*. Если такія лица, по окончаніи курса, и поступали (тоже по нуждѣ) по духовному вѣдомству, то изъ нихъ выходили (съ точки зрѣнія православія) *плохіе пастыри, плохіе наставники*. Новый академическій уставъ, по которому студентамъ предоставляется гораздо большая свобода, чѣмъ въ настоящее время, не прекратитъ доступа въ Академію лицамъ поименованныхъ категорій даже по соображеніямъ практическимъ (даровое содержаніе, *права, предоставляемыя оканчивающимъ Академію при отнятіи таковыхъ у университетскихъ питомцевъ)*. Прекратить доступъ въ Академіи поименованнымъ лицамъ можетъ только академическій уставъ, въ которомъ ясно и опредѣленно были-бы обозначены профессіональныя задачи Академіи,—именно сообщать (лицамъ, желающимъ посвятить свои силы на служеніе церкви) высшее богословское образованіе въ духѣ *строго православномъ, на началахъ христіанской нравственности, любви и преданности Царю и Отечеству*,—задачи въ самомъ уставѣ *опредѣленно регламентированныя*. Такая академическая атмосфера была-бы для лицъ извѣстныхъ воззрѣній слишкомъ не понутру,—и Академіи отъ такихъ лицъ освободились-бы. А

если-бы какая ласточка случайно и залетѣла въ нихъ, то едва-ли удалось бы ей расправить здѣсь свои крылья.

Указаніе составителей записки на то, что въ прежнее время Кіевская Академія открывала широкій доступъ для лицъ всѣхъ сословій, притомъ для такихъ, которые не имѣли никакого призванія къ духовному званію, совершенно справедливо. Но это было въ то время, когда нашъ Академія была *единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ цѣломъ краѣ.*

Мы не менѣе составителей проекта желаемъ, чтобы просвѣтительное значеніе нашей Академіи увеличивалось. Но этого можно достигнуть и не поступаясь насущными интересами церкви,—наприм., посредствомъ открытія научно-популярныхъ чтеній для публики по вечерамъ въ конгрегаціонной залѣ. Къ участію въ таковыхъ чтеніяхъ могли бы быть привлекаемы и студенты старшихъ курсовъ.

Мы сказали, что не будемъ входить въ детальное разсмотрѣніе проекта академическаго устава. Это излишне,—и вотъ почему. Реформа Академій можетъ быть совершена въ двухъ направленіяхъ: или въ духѣ разсматриваемаго проекта или на началахъ, нами намѣченныхъ.

Въ первомъ случаѣ, всякіе споры, напр., о томъ, какой ректоръ для Академіи желательнѣе—духовный или свѣтскій—совершенно излишни (разумѣется, свѣтскій). Не можетъ быть рѣчи и о томъ, съ какимъ разборомъ принимать въ Академію студентовъ и вольнослушателей. Проектъ устава Московской Академіи, допускающій въ число вольнослушателей лицъ *обоего пола*, притомъ *безъ различія вѣроисповѣданія*, не есть какой либо абсурдъ, а есть *одинъ изъ логическихъ выводовъ, основанныхъ на духѣ, проникающемъ новые академическіе уставы.*

Если же при реформѣ Академій въ основу положены будутъ иныя начала,—то, разумѣется, многія положенія разсматриваемаго проекта *должны пасть неминуемо* (напр., о ректорѣ; объ отношеніи къ епархіальному преосвященному и тому под.).

Уклонившись по указанной причинѣ отъ детальнаго разсмотрѣнія проекта новаго академическаго устава,—тѣмъ не менѣе мы не можемъ не отмѣтить здѣсь одного глубокаго противорѣчія въ немъ, прямо бросающагося въ глаза.

По уставу ректоромъ можетъ быть лицо, непремѣнно имѣющее *степень доктора богословскихъ наукъ*. Мотивируется это *авторитетностію* означенной должности. Прекрасно. Но вѣдь авторитетъ Совѣта, по новому уставу, выше авторитета ректора, послѣдній есть primus inter pares. Между тѣмъ въ составъ Совѣта включаются всѣ преподаватели, даже исправляющіе должность доцента. Замѣчательно, что всѣ, положительно всѣ университеты, новосоставляемыми автономными уставами которыхъ составители проекта иногда пользовались, исключили изъ состава Совѣта младшихъ преподавателей и штатныхъ доцентовъ и исключили именно по тому, чтобы охранить авторитетность Совѣта.

Можетъ быть, наша Комиссія включила доцентовъ и исправляющихъ должность доцентовъ въ составъ Совѣта, желая поднять авторитетъ *именно ихъ?*

Но послѣднее можетъ быть достигнуто инымъ и при томъ болѣе дѣйствительнымъ путемъ.

Однимъ изъ больныхъ мѣстъ нашихъ Академій—это отсутствіе у насъ магистерскихъ экзаменовъ. Извѣстно, какую важную роль играютъ означенные экзамены въ жизни университетовъ. Къ нимъ готовятся по три, четыре и болѣе лѣтъ. За то и лица, ихъ выдержавшія, при поступленіи на каѳедры,

въ значительной степени находятся въ курсѣ избраннаго ими дѣла. А у насъ, при отсутствіи магистерскихъ экзаменовъ (т. е. при отсутствіи надлежащей подготовки) молодые преподаватели очень долгое время должны еще входить въ этотъ курсъ, что— разумѣется - нельзя не признать явленіемъ анормальнымъ.

Поэтому введеніе въ Академіяхъ магистерскихъ экзаменовъ мы считаемъ потребностію, давно уже назрѣвшею.

Еще одно послѣднее замѣчаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просьба къ высшей церковной власти.

Въ настоящее время опять поднятъ давній вопросъ объ открытіи при университетахъ богословскихъ факультетовъ и присоединенія къ нимъ (слитіи съ ними) духовныхъ Академій. Наши Академіи—говорятъ защитники этого проекта—совершенно обанкрутились, въ нихъ царитъ схоластика, преподаваніе безжизненное, отсутствуетъ полная научная свобода,—и „нѣтъ основанія ожидать, что положеніе Академій скоро и коренным образомъ измѣнится съ реформою духовныхъ Академій *даже на началѣ самой широкой автономіи*". Словомъ, спасеніе Академій возможно только при слитіи ихъ съ предполагаемыми богословскими факультетами.

Мы не противъ открытія при университетахъ богословскихъ факультетовъ съ предоставленіемъ имъ самой широкой свободы изслѣдованія (безъ послушанія вѣрѣ). Пусть появляются на такихъ факультетахъ Ренаны и Гарнаки. Они не страшны для православныхъ Академій. Они могутъ быть съ извѣстной точки зрѣнія даже полезны, усиливая продуктивную дѣятельность академическихъ профессоровъ и направляя ее на защиту и охраненіе православія. Но мы противъ слитія съ богословскими факультетами Академій, ибо (мы убѣждены), что эти факультеты не сдѣлаются учрежденіями, на которыя бы и церковныя власти и общество, и пастыри и пасомые, могли смотрѣть съ рав-

нымъ довѣріемъ. А въ этомъ и суть дѣла. Но если—паче чаянія—мысль о такомъ слитіи признана будетъ осуществимою, что не противорѣчитъ духу новаго академическаго устава, мы усерднѣйше просили бы оставить нашу Академію statu quo. Припомнимъ, что даже въ то время (въ концѣ 60 и началѣ 70 г.г. прошлаго вѣка), когда мысль о соединеніи духовныхъ Академій съ университетами сдѣлалась почти общею, *для Кіевской Академіи во имя ея прошлаго дѣлалось исключеніе*. „Мы знаемъ—говоритъ одинъ изъ защитниковъ означеннаго соединенія—мы знаемъ только одну Академію, которая съ полнымъ правомъ можетъ сослаться на свое историческое прошлое въ защиту своего самобытнаго, отдѣльнаго существованія. Это Академія—Кіевская. Она есть дѣйствительно старѣйшее средоточіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Она одна, указавъ на длинный списокъ своихъ занесенныхъ въ исторію заслугъ и дѣлу православія, и дѣлу русскаго просвѣщенія, можетъ, сказать, что не ей подобаетъ присоединиться къ университету, а скорѣе университету слѣдуетъ примкнуть къ ней".

Это славное, почти трехвѣковое прошлое нашей Almae Matris даетъ намъ дерзновеніе обратиться къ высшей церковной власти съ просьбою, чтобы при реформѣ Академій для Кіевской Академіи сдѣлано было исключеніе, предоставлено было право выработать свой собственный уставъ, который находился бы въ согласіи съ ея вѣковыми традиціями и тѣми началами, которыя съ основанія неизгладимыми буквами начертаны на ея стѣнахъ, и наша дорогая Alma Mater могла бы явиться на свой трехвѣковой юбилей въ собственномъ своемъ, а не чуждомъ ей одѣяніи".

Къ этому мнѣнію присоединились профессоры: В. Пѣвницкій, К. Поповъ и М. Ястребовъ.

г) профессоровъ: А. Дмитріевскаго, А. Булгакова и и. д. доцента Ѳ. Мищенко:

„По уставу дух. Академій 1814 года, въ Академіи полагалось читать лекціи *объ устройствѣ гражданскихъ*

обществъ и основаніяхъ правъ и законовъ". Въ объяснительной запискѣ къ проекту нынѣ дѣйствующаго устава (1884 г.) также указывается на необходимость преподаванія въ Академіи „философіи права": „въ настоящее время, говорится въ запискѣ, являются предметомъ споровъ самыя коренныя начала, на которыхъ держатся семейныя и общественныя связи, и превратныя о нихъ теоріи колеблютъ тишину гражданской нашей жизни и даже церковной. Ихъ разборъ и *положительное знаніе основныхъ принциповъ юриспруденціи составляютъ потребность и для образованія богословскаго"*.

Но по уставу 1814 г., преподаваніе „основаній правъ и законовъ" возложено было на профессора морали, а по уставу 1884 г., преподаваніе „основныхъ принциповъ юриспруденціи" возлагается на профессоровъ философіи. Само собою понятно, что ни профессора морали, ни профессора философіи, имѣя каждый свои обширныя дисциплины, не могли посвящать времени ни изученію, ни изложенію принциповъ общественнаго строя и юриспруденціи", и потому указанія составителей уставовъ 1814 и 1884 г. на „потребность" такой науки въ Академіи фактически оставались неисполненными. Потребность эта, какъ показалъ опытъ, можетъ быть удовлетворена только открытіемъ каѳедры для преподаванія этой науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, потребность эта, сознававшаяся составителями прежнихъ уставовъ, является положительно существенной необходимостью. Отсутствіе такой дисциплины въ духовныхъ школахъ сопровождалось многими невыгодными послѣдствіями, какъ въ отношеніи богословскаго образованія, такъ и богословской науки (въ частности каноники) и даже церковно-практической дѣятельности. Весь обширный циклъ общеобразовательныхъ наукъ въ многолѣтнемъ курсѣ духовныхъ школъ составленъ гл. обр. изъ дисциплинъ историко-филологическаго характера, и нѣтъ въ этомъ курсѣ ни одной науки, которая выясняла бы столь близкую всякому жизненно сферу, какъ область общественнаго порядка и

права. Такія основныя понятія обществовѣдѣнія и юриспруденціи, какъ напр., ученіе о правѣ,—о его природѣ, связи съ правдой и справедливостью, основныя теоріи о происхожденіи и развитіи права, объ отношеніи права къ морали и принужденію,—ученіе объ обществѣ какъ сферѣ образованія права, начиная съ простѣйшей формы общенія—семьи и постепенно восходя къ болѣе сложнымъ и высшимъ формамъ (теоріи о природѣ и основныхъ принципахъ общественныхъ организацій, о происхожденіи общества, объ отношеніи общества къ личности, о формахъ общенія и т. д.) ученіе о государствѣ, какъ наиболѣе сложной формѣ общенія,—понятія о государствѣ, общіе принципы, виды и формы государственнаго строя, ученіе о власти, объ основаніяхъ государственнаго властвованія (суверенитетъ), объ отношеніяхъ власти къ праву, объ основныхъ органахъ государственной власти—судебныхъ, правительственныхъ и т. д., ученіе о положительномъ правѣ и источникахъ его—о законодательствѣ и юридическомъ обычаѣ и т. д., т. д., вся юридическая терминологія,—все это—terra incognita для воспитанника современной духовной школы. Благодаря этому, лица богословскаго образованія въ настоящее время часто оказываются недостаточно подготовленными къ тому, чтобы понимать явленія окружающей жизни со стороны ихъ общественно-правового значенія; наше образованіе развиваетъ у насъ склонность оцѣнивать и освѣщать все исключительно съ точки зрѣнія идеологическаго ученія о личности. Живымъ примѣромъ этому могутъ служить недавніе споры о свободѣ совѣсти, когда богословы и свѣтскіе люди говорили положительно на разныхъ языкахъ, не понимая другъ друга. Отсутствіе навыка къ соціально-юридической постановкѣ вопросовъ отмѣчается даже въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ работахъ по церковному праву, писанныхъ богословами; а живая практическая потребность въ такомъ навыкѣ ясно сознавалась богословами, участниками недавно бывшихъ подготовительныхъ комиссій къ предстоящему собору, гдѣ многіе затруднялись оперировать съ основными

элементами, напр., имущественнаго права, суда, процесса и т. д. Въ частности, въ Академіи отсутствіе каѳедры, знакомящей съ основами свѣтскаго права, ставитъ въ затруднительное положеніе преподавателя церковнаго права: онъ вынужденъ—или вводить въ свои чтенія, въ ущербъ собственной спеціальности, экскурсы изъ области общаго правовѣдѣнія, или, отдавая все вниманіе исключительно своей спеціальности, неизбѣжно встрѣтиться съ недостаточно яснымъ пониманіемъ со стороны юридической стороны ея. Церковь развивала свое право не изолированно, а въ значительной связи съ общей правовой жизнію народовъ (сперва особенно въ связи съ классическимъ правомъ римскимъ, а потомъ вообще національнымъ правомъ каждаго народа); для всѣхъ, или почти для всѣхъ богословскихъ наукъ въ Академіи введены свѣтскія параллели—для богословій теоретическихъ—философія, для церковной исторіи—гражданская исторія и т. д.; почему же столь важная, жизненная и существенная наука, какъ церковное право, не имѣетъ для себя соотвѣтствующей параллели? Исторія не можетъ быть такою параллелью, ибо она имѣетъ дѣло гл. обр. съ *фактами* общественной жизни и причинной связью этихъ фактовъ, а не съ нормами общественнаго порядка; историкъ—не юристъ, это ясно.—Древнее церковное образованіе было чуждо современной односторонности; всѣ выдающіеся отцы и учители Церкви (свв. І. Златоустъ, Василій В., Григорій Неокес., Амвросій Медіоланскій, Амфилохій Иконійскій, Тертулліанъ, Кипріанъ Кареаг. и др. др.) были людьми философско-юридическаго образованія. Правовѣдѣніе и богословіе въ то время вообще были въ тѣсномъ союзѣ и почетное юридическое званіе „схоластикъ" сохраняли лица, достигавшія даже патріаршаго трона (напр., Іоаннъ Схоластикъ, Фотій и др.). Возвратиться къ примѣру древней церкви слѣдовало бы и въ наше время. Указанный древній періодъ былъ временемъ цвѣтущаго развитія богословской науки и церковнаго управленія.

Въ Совѣтѣ Академіи высказаны были нѣкоторыя замѣчанія по частнымъ вопросамъ о положеніи указанной науки въ отношеніи къ проектируемымъ группамъ академическаго курса и о названіи ея. Нѣкоторые высказывали, что такая наука должна явиться исключительно пропедевтикой церковнаго права. Однако взглядъ на науку объ основаніяхъ права, какъ на исключительно пропедевтическую, не вполнѣ вѣренъ. Наука эта наиболѣе преслѣдуетъ пропедевтическія цѣли въ той постановкѣ своей, какая именуется энциклопедіей права; однако даже и объ энциклопедіи права авторъ весьма распространеннаго, напр., курса энциклопедіи проф. Н. Ренненкампфъ говоритъ, что пропедевтическія задачи энциклопедія „поставляетъ на второмъ планѣ“, а „занимается по преимуществу уясненіемъ принциповъ права и построеніемъ на нихъ общей системы права“ (Очерки Энцикл., стр. 6). Въ основныхъ началахъ правовѣдѣнія пропедевтическій элементъ находится отнюдь не въ большемъ количествѣ, какъ, напр., и въ основномъ богословіи, и поэтому, если не вызываетъ возраженій отнесеніе основного богословія къ спеціальной богословско-философской группѣ, то въ такой же мѣрѣ не должно вызывать возраженій отнесеніе къ спеціальной группѣ и основъ законовѣдѣнія. Основы правовѣдѣнія не пропедевтика, а самостоятельная наука, могущая служить весьма полезной параллелью къ церковному праву, какъ, напр., основное богословіе къ догматикѣ. Впрочемъ, если бы возможно было избѣжать многопредметности, то отнесеніе этой науки къ числу общеобязательныхъ было бы весьма желательно.

Въ Совѣтѣ было заявлено, что наука объ основахъ правовѣдѣнія несуществующая наука. Здѣсь—какое-то явное недоразумѣніе: наука, почтенный возрастъ которой измѣряется столѣтіями, наука, каѳедры которой существуютъ на всѣхъ юридическихъ факультетахъ Западной Европы, Англіи и Россіи,— несуществующая наука! Думаемъ, что здѣсь рѣчь о названіи, а не о наукѣ. Но и съ этой стороны недоразумѣніе не вполнѣ

устраняется. Правда, наука, о которой идетъ рѣчь, какъ дисциплина живая, развивалась въ исторіи и, сохраняя неизмѣннымъ основной свой предметъ, мѣнялась въ постановкѣ и мѣняла свои названія,—ее именовали: то энциклопедіей права, то философіей права, то общей теоріей права, то теоріей законовъ, то, наконецъ, основами правовѣдѣнія, основами законовѣдѣнія. И всѣ эти названія не только несуществующія, а даже очень старыя,—уже въ 1816 году на русскомъ языкѣ былъ изданъ курсъ Цвѣтаева „Теорія законовъ". Названіе „основы права" (Rechtsgründe), между прочимъ, рекомендуется, какъ лучшее, извѣстнымъ западнымъ правовѣдомъ Мюллеромъ; извѣстный курсъ Поста озаглавленъ: „Основы общей юриспруденціи" (Bausteine für eine algemeine Rechtswissenschaft), Меркеля— „Элементы общаго ученія о правѣ" (Elemente der algemeine Rechtslehre) и т. п. Знали о существованіи науки „объ основаніяхъ правъ и законовъ", или „объ основныхъ принципахъ юриспруденціи" и составители уставовъ 1814 и 1884 г. Составители нынѣ предлагаемаго проекта, давая названіе наукѣ, слѣдуютъ объяснительной запискѣ къ уставу 1884 года и только замѣняютъ иностранныя слова русскими, именно, вмѣсто—„основныхъ принциповъ юриспруденціи" говорятъ объ основныхъ началахъ законовѣдѣнія". Можно бы назвать науку „основами права (какъ у Мюллера), или „Общей теоріей права" (какъ у проф. Н. Коркунова)".

д) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Вопросъ о духовной реформѣ нашей школы, ставшій такою неотложною „злобою дня" въ настоящій моментъ, вы двигался и назрѣвалъ постепенно. Причиною для этого служила неудовлетворительная постановка нашего школьнаго дѣла—во всѣхъ частяхъ его. Недовольство имъ въ послѣдніе годы возрастало съ необыкновенною интенсивностью, выражаясь въ печати многочисленными нападками на школу и проектами реформы ея, а на практикѣ, въ самой жизни школы, бурными

эксцессами крайне печальнаго характера. Въ результатѣ—тотъ переходный моментъ въ этомъ сложномъ и важномъ вопросѣ, какой переживаемъ мы сейчасъ, уже наканунѣ коренныхъ реформъ.

Не вдаваясь въ обозрѣніе и оцѣнку всѣхъ причинъ неудовлетворительной постановки духовной школы, считаемъ долгомъ указать на одну изъ нихъ, вліяніе которой должно быть признано весьма значительнымъ и устраненіе которой могло бы зависѣть отъ Духовныхъ Академій, составляя прямую задачу ихъ. Разумѣемъ слабую подготовленность оканчивающихъ Духовныя Академіи къ тому дѣлу, которому они въ громадномъ большинствѣ посвящаютъ себя.

Дѣло это принято называть „учительствомъ", „преподавательствомъ". т. е. ограничивать содержаніе и характеръ его только наученіемъ извѣстнымъ дисциплинамъ, сообщеніемъ знаній, входящихъ въ курсъ предметовъ данной школы. Даже при такомъ узкомъ пониманіи задачъ учителя школы, Духовная Академія, посылая на это дѣло питомцевъ своихъ, должна снабдить ихъ всѣми средствами для надлежащаго выполненія его. Она должна дать имъ не только *знаніе* тѣхъ предметовъ, преподавателями которыхъ они могутъ оказаться въ низшей или средней школѣ, но и основы *умѣнья* преподавать ихъ; она должна познакомить ихъ съ принципами и законами обученія вообще и съ приложеніемъ таковыхъ къ отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ въ частности. Безъ такого *дидактическаго* образованія, никакое, даже самое обстоятельное изученіе предметовъ программы низшей и средней школы еще не можетъ считаться достаточнымъ ручательствомъ за успѣшное, вполнѣ цѣлесообразное преподаваніе ихъ. Послѣднее въ такихъ случаяхъ въ средствахъ, методахъ, способахъ и пріемахъ своихъ было бы всецѣло предоставлено лишь таланту самого преподавателя, т. е. обречено въ жертву случайности. Опыта начинающій преподаватель, конечно, никакого еще не имѣетъ, а такъ называемый „здравый смыслъ", наблюдательность, сообразительность и

прочее, на что обыкновенно разсчитывають здѣсь, далеко не надежные помощники въ этомъ дѣлѣ. Даже въ лучшемъслучаѣ,—при наличности любви къ избранному предмету, горячей энергіи и особой природной способности правильно оріентироваться во всѣхъ деталяхъ своей работы и умѣнья распорядиться своими средствами,—все же потребуется продолжительное время, пока преподаватель „войдетъ" въ свое дѣло и самъ, собственными силами, проложитъ пути, вѣрнѣе ведущіе къ цѣли. За это время нѣсколько курсовъ учениковъ, сотни ихъ, по необходимости окажутся въ положеніи лишь матерьяла для экспериментовъ преподавателя, еще только ощупью, наугадъ избирающаго для себя дорогу. Это неизбѣжно даже для лучшихъ талантливыхъ преподавателей. Но на такіе лучшіе случаи можно ли много разсчитывать? На учительское дѣло, въ силу особыхъ причинъ, идутъ у насъ далеко не всегда (можетъ быть, даже не часто) по призванію, т. е. съ любовью къ нему и съ необходимыми спеціальными силами и дарованіями. Что же дѣлать обыкновеннымъ преподавателямъ, вся педагогическая правоспособность которыхъ исчерпывается лишь нѣкоторыми знаніями въ той области, обучать которой они берутся въ школѣ? Какъ и на чемъ могутъ основать они свои эксперименты? Долго ли таковые будутъ продолжаться и къ какимъ послѣдствіямъ приведутъ учениковъ и самихъ преподавателей? Думаемъ, что нисколько не погрѣшимъ, если напередъ съ увѣренностью скажемъ, что дѣло ихъ въ большинствѣ случаевъ поставлено будетъ далеко не удовлетворительно, что результатами его окажутся—недовольство въ средѣ учениковъ безжизненностью, „сухостью" преподаванія, а отсюда и самимъ предметомъ, слабыя знанія въ немъ и, наконецъ, что особенно печально, столь гибельное для дѣла полное разочарованіе въ немъ у самихъ преподавателей. Не такъ ли и стоитъ это дѣло „учительства", „преподавательства"—въ нашихъ школахъ. И одною изъ причинъ этого крайне печальнаго факта является отсут-

ствіе надлежащей *дидактической* подготовки къ дѣлу у оканчивающихъ наши Духовныя Академіи.

Однако это лишь одна изъ причинъ, далеко не объясняющая факта во всемъ его объемѣ. Мы взяли только одну сторону дѣла, ставъ на точку зрѣнія довольно распространеннаго узкаго пониманія его. Между тѣмъ, имѣемъ ли мы право такъ суживать его, ограничивать его задачи лишь сообщеніемъ извѣстныхъ знаній? Напротивъ, есть всѣ основанія смотрѣть на него иначе,—считать его дѣломъ „педагогическимъ," воспитательнымъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Во-первыхъ, какой бы предметъ обученія мы ни взяли, мы не можемъ отрицать общевоспитательнаго значенія его, какъ не можемъ отрицать самой тѣсной связи между всѣми силами и способностями человѣческой души, гдѣ мысль вліяетъ и на чувство, и на волю, сама въ свою очередь подчиняясь ихъ вліяніямъ. Поэтому, сообщая тѣ или другія знанія, учитель долженъ быть увѣренъ, что они не останутся достояніемъ только ума его ученика, а непремѣнно, такъ или иначе отразятся и въ общемъ укладѣ душевной жизни его. Такимъ образомъ, широко—воспитательное вліяніе несомнѣнно должно исходить отъ самихъ наукъ, входящихъ въ программу школьнаго обученія, отъ самаго содержанія ихъ. Однѣ изъ нихъ болѣе и непосредственно, другія менѣе и не такъ прямо, но всѣ безъ исключенія участвуютъ въ общемъ педагогическомъ дѣлѣ—въ воспитаніи личности ученика, въ образованіи такого или иного склада его характера. Но этого мало. Помимо содержанія наукъ, воспитательный элементъ заключается въ самомъ процессѣ изученія ихъ: и здѣсь много моментовъ, вліяющихъ не на умъ только, но и на другія душевныя способности ученика. Наконецъ, можно ли не признавать того глубокаго воспитательнаго значенія, какое принадлежитъ самой личности преподавателя? „Въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніяхъ учителя къ ученику" допускаетъ возможность воспитательныхъ воздѣйствій со стороны

учителя даже Л. Н. Толстой, достаточно извѣстный своими крайне отрицательными воззрѣніями по данному вопросу [1]). Всѣ личныя черты характера преподавателя, насколько проявляются онѣ предъ учениками, въ частности—въ отношеніи его къ своему дѣлу и еще болѣе въ отношеніяхъ его къ самимъ ученикамъ,—цѣлая сложная тонкая сѣть этихъ отношеній, сплетающаяся постепенно, изо дня въ день, на урокахъ и внѣ ихъ,—это такіе живые и могучіе токи воспитательнаго вліянія, которые дѣйствуютъ, хотя, къ сожалѣнію, очень часто незамѣтно для самого преподавателя, тѣмъ не менѣе всегда чрезвычайно глубоко. Это тотъ психологическій законъ непремѣннаго вліянія одной живой души на другую, взрослой на юную, которому придавалъ такое огромное значеніе К. Д. Ушинскій, когда говорилъ: „дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно только подъ прямымъ вліяніемъ человѣческой личности, и никакими формами, никакой дисциплиной, никакими уставами.... невозможно искусственно замѣнить его. Это плодотворный лучъ солнца для молодой души, котораго ничѣмъ замѣнить невозможно" [2]).

Итакъ, въ какую бы школу судьба ни занесла окончившаго курсъ Духовной Академіи, какая бы роль ни досталась ему, все равно:—его ждетъ здѣсь одно дѣло—*педагогическое*. Трудясь въ средней или низшей школѣ, занимая мѣсто ректора семинаріи или надзирателя духовнаго училища, преподавая священное писаніе или ариѳметику, имѣя предъ собою юношей или дѣтей, вездѣ онъ одинаково будетъ участвовать въ одномъ великомъ и святомъ дѣлѣ—воспитанія молодого поколѣнія, т. е., посильной помощи правильному росту добрыхъ христіански-человѣческихъ началъ въ юной развивающейся душѣ на благо общее, для возрастанія царствія Божія на землѣ.

---

[1]) Сочиненія, ч. IV, изд. 1887 г., стр. 157.

[2]) Собраніе пед. соч. С. П. В. 1875, стр. 305.

Въ такомъ широкомъ пониманіи задачъ скромнаго педагогическаго дѣла великій смыслъ его: въ немъ спасительное возвышающее начало для самого учителя-педагога; въ немъ же источникъ силы благотворности, успѣха и всей дѣятельности его. Каждый педагогъ, который смотритъ на себя и на свое, съ виду иногда такое маленькое, дѣло именно съ этой точки зрѣнія, въ ней найдетъ великія нравственныя силы для своего нелегкаго труда. Безъ этого же, не согрѣваемая такимъ идеальнымъ пониманіемъ своего значенія, высокое дѣло педагога весьма скоро (особенно преподавательское) обращается въ трудъ поденнаго ремесленника, иногда болѣе тяжкій, чѣмъ самое тяжелое ремесло. Впрочемъ, это чувство тяжести чаще всего уступаетъ мѣсто еще болѣе жалкому состоянію тупого равнодушія, когда и умъ и воля нѣкогда живого и даровитаго человѣка, усыпленные однообразіемъ безсодержательнаго надоѣвшаго дѣла, становятся уже прямо недоступными ни для какихъ высшихъ интеллигентныхъ интересовъ... Состояніе, къ глубокому прискорбію, хорошо извѣстное педагогамъ нашихъ особенно провинціальныхъ захолустныхъ школъ. А при такомъ состояніи ихъ можно ли говорить объ успѣхѣ дѣла, о „хорошей постановкѣ" преподаванія, о добрыхъ результатахъ въ воспитательномъ отношеніи, о достиженіи всего того, что входитъ въ задачи школы? Одно здѣсь такъ тѣсно связано съ другимъ: безъ педагоговъ можетъ-ли быть хорошая школа?

Но гдѣ же ихъ взять, этихъ столь желательныхъ и такъ нужныхъ школѣ педагоговъ? Отвѣтъ на вопросъ можетъ быть только одинъ: необходимо поднять уровень *педагогическаго* развитія тѣхъ, кто готовится къ этому дѣлу, внушить имъ высокое *педагогическое пониманіе* этого дѣла, расширить *педагогическій кругозоръ* ихъ. Само собою понятно, что все это можетъ быть достигнуто только путемъ наилучшей постановки педагогической науки въ тѣхъ высшихъ школахъ, которыя берутъ на себя задачу приготовить преподавателей среднихъ и

низшихъ школъ, въ нашемъ вѣдомствѣ—въ Духовныхъ Академіяхъ. Подготовка эта не можетъ ограничиться областью дидактики: необходимо *педагогическое* образованіе въ широкомъ смыслѣ слова. Нужно изучить человѣческое существо въ процессѣ развитія его, добрыя и дурныя стороны въ немъ, возможные, наиболѣе установившіеся типы проявленія ихъ, законы этого развитія, болѣе общія условія, способствующія и препятствующія нормальному процессу его, и т. д.; нужно изучить, далѣе, вытекающіе отсюда законы, пути, средства и пріемы *такого* вліянія на этотъ естественный процессъ, которое, не насилуя данной индивидуальной человѣческой природы, не внося никакого элемента чуждаго ей, способствовало бы свободному и наиболѣе широкому раскрытію всѣхъ лучшихъ сторонъ ея, съ гармоническимъ объединеніемъ ихъ въ одной цѣльной христіанской личности. Это и есть цѣлая обширная область „*педагогики*", включающая въ своемъ объемѣ и дидактику, провѣряющая и обосновывающая свои выводы и широкимъ историческимъ обозрѣніемъ развитія и примѣненія педагогическихъ идей. Область эта имѣетъ общеобразовательный характеръ, относится къ числу тѣхъ знаній, которыя необходимы каждому развитому человѣку: недаромъ Г. Спенсеръ такъ зло вышучиваетъ обычный дефектъ въ этомъ отношеніи [1]). Не знать же этой области тѣмъ, кто готовитъ себя на служеніе школѣ, т. е., дѣлу педагогическому, это значитъ итти на дѣло съ закрытыми глазами, напередъ предоставляя его случайностямъ и отказываясь отъ всѣхъ средствъ, могущихъ сдѣлать его успѣшнымъ.

Какъ ни странно это, но такъ и стоитъ этотъ вопросъ до сихъ поръ у насъ, въ нашей русской школѣ—и въ духовной и свѣтской. Сколько жалобъ, нареканій, негодующихъ протестовъ по адресу нашей свѣтской школы, во всѣхъ видахъ ея и во

---

[1]) Воспитаніе умств., нравств. и физич. Переводъ Сысоевой. С. П. Б. 1889, стр. 30.

всѣхъ функціяхъ ея дѣятельности, занесено на страницы нашей печати особенно за послѣднее время! Если бы собрать всю эту удивительную специальную „педагогическую“ литературу, получился бы обвинительный актъ поразительныхъ размѣровъ и чрезвычайно оригинальнаго содержанія. А рядомъ съ этими жалобами и обвиненіями, шли въ свою очередь многочисленные совѣты, какъ помочь горю, проекты—грандіозные, съ идеями коренныхъ реформъ, новыхъ типовъ школы, и частичные, съ рецептами для излеченія отдѣльныхъ недуговъ больной школы. Такъ шло дѣло до самыхъ послѣднихъ дней, до нынѣшнихъ циркуляровъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, открывшихъ, наконецъ, новый источникъ силъ и средствъ къ упорядоченію школьнаго вопроса и наилучшаго рѣшенія его—въ „родительскихъ собраніяхъ“ съ „родительскими комитетами“. Въ расшатанную, сбитую съ пути, совершенно растерявшуюся школу нашу призываются теперь родители обучающихся въ ней дѣтей съ неопредѣленно широкими полномочіями, устанавливаемыми, регламентируемыми самими же родительскими комитетами. Отнынѣ всѣ стороны школьнаго дѣла должны быть открыты для этихъ новыхъ родительскихъ вліяній, способныхъ влить новыя „живыя струи“ въ „затхлое“, „рутинное“, „омертвѣвшее“ учрежденіе... Дай Богъ, чтобы эти дѣйствительно совершенно новыя, еще нигдѣ не испытанныя „педагогическія“ средства оправдали возлагаемыя, повидимому, на нихъ широкія надежды и не раздѣлили жалкой участи очень многихъ подобныхъ предпріятій нашего Министерства, такъ неожиданно нарождавшихся и столь же быстро угасавшихъ въ послѣднее время. Но очень жаль, что и теперь вопросъ этотъ все еще рѣшается у насъ не во всемъ своемъ объемѣ, что всѣ проекты реформъ и измѣненій направляются по прежнему только на одну часть сложнаго школьнаго организма, почти совершенно не затрагивая другой. Между тѣмъ, школа—это именно цѣльный организмъ, гдѣ всѣ отдѣльныя части тѣсно связаны одна съ другой, и гдѣ

поэтому жизнь и дѣятельность во всѣхъ функціяхъ своихъ зависитъ отъ крѣпости, здоровья и энергіи всѣхъ органовъ, а не отдѣльныхъ только, нѣкоторыхъ изъ нихъ. Наши проекты школьной реформы до сихъ поръ весьма мало касались одной стороны этого организма, играющей въ то же время важную роль здѣсь: разумѣемъ весь институтъ преподавателей и воспитателей въ школѣ. Что сдѣлано у насъ за все время для правильнаго рѣшенія столь важнаго вопроса о надлежащей подготовкѣ къ педагогическому дѣлу всѣхъ, кто призывается къ нему? Гдѣ разсадники столь необходимаго для этого дѣла широкаго „педагогическаго" образованія? Какими средствами достигается оно у насъ? Къ стыду нашему, приходится констатировать, что вопросъ этотъ и до сихъ поръ не получилъ у насъ ни широкой теоретической разработки, ни тѣмъ болѣе надлежащаго практическаго рѣшенія. Казалось бы, въ основѣ всякой школьной реформы должна лежать такая простая истина: нельзя предъявлять высокихъ педагогическихъ требованій къ тѣмъ, кому мы не дали никакой педагогической подготовки. Между тѣмъ элементарная истина эта весьма туго проникаетъ въ наше общественное сознаніе и, въ частности, въ тѣ сферы, откуда идутъ всѣ наши школьныя реформы. Впрочемъ, уже есть признаки и благопріятные въ этомъ отношеніи: въ университетахъ вводится каѳедра педагогики, хотя пока еще и съ неопредѣленнымъ содержаніемъ. Конечно, это лишь слабое начало, только первый шагъ. До осуществленія завѣтныхъ желаній Ушинскаго, чтобы при университетахъ нашихъ были открыты цѣлые педагогическіе факультеты, конечно, еще очень далеко. Однако нельзя не привѣтствовать и этотъ первый робкій шагъ, сдѣланный на встрѣчу все болѣе раскрывающейся нуждѣ въ спеціальномъ педагогическомъ образованіи для всѣхъ, призванныхъ служить школѣ. Очередь и за нашими Духовными Академіями.

Въ Духовныхъ Академіяхъ это дѣло обстоитъ, казалось бы, лучше. Здѣсь давно существуетъ каѳедра педагогики и,

слѣдовательно, благіе результаты отъ этого должны бы обнаружиться. Между тѣмъ, этого далеко нѣтъ, и наша духовная школа въ настоящее время находится въ положеніи не лучшемъ, нежели школа свѣтская. Что же дѣлала академическая педагогика? Почему оказалась она, повидимому, безсильною помочь нашему школьному дѣлу? На этотъ неизбѣжный вопросъ долгомъ считаю дать такой отвѣтъ. Во-первыхъ, причины такого или иного состоянія школьнаго дѣла такъ же сложны, какъ и самое это дѣло; сосредоточивать всѣ ихъ въ одномъ вопросѣ—о педагогической подготовкѣ преподавателей школы—было бы также странно, какъ и совершенно игнорировать этотъ вопросъ. Какъ мы и сказали въ началѣ, здѣсь, въ слабой педагогической подготовкѣ оканчивающихъ Духовныя Академіи, только *одна* изъ причинъ современнаго неудовлетворительнаго состоянія нашей низшей и средней духовной школы. Во-вторыхъ, признавая несомнѣнное значеніе и силу за этою причиною, мы считаемъ необходимымъ найти средства къ устраненію ея и видимъ ихъ въ расширеніи нынѣшней каѳедры педагогики въ Духовныхъ Академіяхъ.

Каѳедра эта, по дѣйствующему уставу, обнимаетъ два предмета—пастырское богословіе и педагогику. Придавая обоимъ надлежащее важное значеніе въ курсѣ академическихъ наукъ [1]), уставъ тѣмъ не менѣе, связалъ ихъ въ одну каѳедру, что неизбѣжно должно было отразиться неблагопріятнымъ образомъ на обоихъ предметахъ. Прежде всего, вслѣдствіе такой постановки дѣла, преподаватель не можетъ удѣлить каждому изъ этихъ предметовъ, при одинаковомъ отношеніи къ нимъ, больше двухъ лекцій въ недѣлю; результаты же этого ясны. Что можетъ прочесть онъ студентамъ за это время по педагогикѣ? Предъ нимъ обширнѣйшая область „исторіи педагогики",

---

[1]) „Объяснит. Записка" къ уставу 1884 г., стр. 18 и 20.

зачеркнуть которую онъ не считаетъ за собою никакого права, въ виду необходимости научной, академической постановки своихъ чтеній. Предъ нимъ, далѣе, цѣлая система принципіальныхъ вопросовъ „общей педагогики“, съ неизбѣжнымъ психологическимъ и христіански-этическимъ обоснованіемъ ихъ. Наконецъ, онъ долженъ познакомить своихъ слушателей и съ основами „дидактики“, въ виду прямого практическаго интереса ея для будущихъ преподавателей школы. Мы уже не говоримъ о частностяхъ—о методикѣ съ развѣтвленіями ея. Что же преподается подъ именемъ педагогики въ Дух. Академіяхъ? Обнять *всѣ* стороны предмета *нѣтъ никакой возможности*; поэтому остается или избрать какую нибудь одну часть его, или же предлагать студентамъ лишь эпизодическіе отрывки изъ всѣхъ ихъ.

Естественно, что вслѣдствіе этого и результаты такихъ академическихъ чтеній по педагогикѣ должны получиться слабые, неопредѣленные и, во всякомъ случаѣ, далеко недостаточные для того, чтобы возлагать на нихъ большія надежды, считать ихъ тою педагогическою подготовкою, какая нужна будущимъ учителямъ школы. Какъ бы ревностно ни относился къ своему дѣлу профессоръ, много сдѣлать, при такой постановкѣ каѳедры, онъ не можетъ. Благо ему уже и за то, если горячею проповѣдью любви къ педагогическому дѣлу и къ живому матеріалу его—юной развивающейся душѣ, призывомъ къ гуманности, чуждой узкаго педагогическаго фанатизма, яркими картинами высокой педагогической дѣятельности въ лицѣ свѣтлыхъ корифеевъ ея,—Коменскаго, Песталоцци и др. ему удастся заронить въ души слушателей своихъ хоть слабую искру того идеализма, который такъ нуженъ труженику школы и такъ благотворенъ для всего цѣла его. Малая искра эта можетъ спасти его отъ многихъ ошибокъ, а при благопріятныхъ условіяхъ—принести большую пользу ему и ученикамъ его. Но, къ сожалѣнію, даже и на это мы не всегда можемъ разсчитывать при нынѣшней постановкѣ каѳедры педагогики. Дѣло въ

томъ, что изъ двухъ предметовъ можетъ оказаться близкимъ симпатіямъ преподавателя одинъ изъ нихъ, и тогда для другого у него не найдется ни живого интереса, ни надлежащей энергіи. Если при этомъ принять во вниманіе, что предметы эти, имѣющіе связь принципіальную во всемъ остальномъ (въ источникахъ, пособіяхъ, во всей литературѣ) не имѣютъ ничего общаго между собою, то для насъ станетъ ясно, что результаты преподаванія этого другого предмета, менѣе интересующаго профессора, окажутся въ такомъ случаѣ весьма слабыми.

Итакъ, въ прямыхъ интересахъ дѣла и для блага нашей духовной школы мы считаемъ настоятельною необходимостью *выдѣлить педагогику въ отдѣльную самостоятельную каѳедру* и тѣмъ дать возможность болѣе широкой постановкѣ ея, сосредоточивъ весь интересъ преподавателя и всѣ силы его на одной области. Вопросъ о необходимости педагогической подготовки для преподавателей школы, несомнѣнно, скоро займетъ подобающее ему мѣсто въ мѣропріятіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Смѣемъ надѣяться, что и наше духовное вѣдомство, такъ горячо интересующееся въ настоящій моментъ всѣми вопросами, касающимися нашего школьнаго дѣла, изыскивая возможные пути и средства къ наилучшей реформѣ его, обратитъ вниманіе и на этотъ частный, но весьма важный вопросъ—о лучшей организаціи въ Духовныхъ Академіяхъ средствъ для подготовки будущихъ преподавателей нашей низшей и средней школы".

Справка: 2. Въ собраніи 8 февраля, по обсужденіи всего проекта новаго академическаго устава, большинствомъ присутствовавшихъ въ собраніи членовъ Совѣта сдѣлано было предложеніе возбудить установленнымъ порядкомъ ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ о вызовѣ избранныхъ отъ всѣхъ Духовныхъ Академій делегатовъ для участія въ разсмотрѣніи и согласова-

чія выработанныхъ Совѣтами этихъ Академій проектовъ новаго академическаго устава.

По этому вопросу членъ Совѣта заслуж. ордин. проф. С. Голубевъ остался при особомъ мнѣніи:

„По поводу постановленія Совѣта Академіи ходатайствовать (чрезъ Высокопреосвященнаго Митрополита) предъ Св. Синодомъ о вызовѣ избранныхъ отъ всѣхъ Академій делегатовъ для участія въ разсмотрѣніи и согласованіи представляемыхъ Совѣтами этихъ Академій проектовъ академическаго устава,—я позволяю себѣ высказать свое особое мнѣніе.

Въ основу этого мнѣнія я полагаю не мое отношеніе къ проекту новаго академическаго устава (отношеніе, извѣстное изъ особаго мнѣнія, поддержаннаго нѣкоторыми членами Совѣта и имѣющаго быть представленнымъ въ Св. Синодъ), но общіе, внѣпартійные принципы.

Общая точка зрѣнія Совѣта по данному вопросу такова. Хотя делегаты отъ Академій, бывшіе въ Петербургѣ, установили главныя начала, которыя должны быть положены въ основу новаго академическаго устава, тѣмъ не менѣе при составленіи проектовъ комиссіи въ частностяхъ значительно разошлись между собою (какъ это видно изъ проекта устава, выработаннаго комиссіею Совѣта Московской Духовной Академіи). Отсюда-- потребность въ согласованіи проектовъ. Но вѣдь для того, чтобы это согласованіе было дѣломъ *обще-совѣтскимъ*, нужно, чтобы у Совѣта были подъ руками проекты *всѣхъ Академій*, отмѣчены были *всѣ разногласія въ нихъ* и эти разногласія подвергнуты *всестороннему обсужденію*. Безъ этой предварительной работы, безъ подлежащихъ *инструкцій* Совѣта делегатамъ, согласованіе проектовъ будетъ дѣломъ профессоровъ и преподавателей (делегатовъ), *не освѣдомленныхъ* съ мнѣніемъ большинства членовъ Совѣта,—дѣломъ не *общесовѣтскимъ*, *а ихъ частнымъ*..

А что при согласованіи проектовъ возможны большія разногласія и что, слѣдовательно, является настоятельная необходимость *во всестороннемъ*, обще-совѣтскомъ обсужденіи означенныхъ разногласій, это можно иллюстрировать примѣрами.

Въ проектѣ устава дух. академій, выработанномъ коммиссіею Совѣта Московской Духовной Академіи, между прочимъ, говорится: „Къ занятіямъ въ Академію могутъ быть допускаемы въ качествѣ вольнослушателей лица *безъ различія пола и исповѣданія*" (§ 91). Этого новшества въ проектѣ нашего устава нѣтъ. Является существенный вопросъ: допускать-ли это новшество въ нашу Академію и въ случаѣ упорства москвичей остаться при своемъ мнѣніи, не слѣдуетъ-ли ходатайствовать предъ высшею церковною властію о дарованіи нашей Академіи особаго устава?

Другой примѣръ. Въ проектѣ академическаго устава, составленномъ нашею комиссіею, въ отдѣлѣ „объ учащихся", между прочимъ, говорится: „Въ образѣ жизни и поведенія студенты руководствуются требованіями христіанской нравственности и общаго благоприличія, слѣдують уставамъ и обычаямъ православной церкви и неуклонно исполняютъ установленныя для нихъ въ академіи правила и объявляемыя имъ начальственныя распоряженія" (статья 165). Эта статья проекта новаго устава замѣнила собою, между прочимъ, слѣдующія статьи устава 1884 года:

Ст. 147. „Студенты обязаны соблюдать посты, установленные православною церковію, а въ первую и страстную седмицу великаго поста говѣть и пріобщаться Святыхъ Таинъ".

Ст. 148. „Въ дни воскресные и праздничные студенты должны неопустительно присутствовать при богослуженіи всенощномъ или утреннемъ и литургіи и участвовать въ богослу-

жебномъ чтеніи и пѣніи. Начальствующіе и учащіе подаютъ въ семъ отношеніи назидательный примѣръ".

Ст. 149. „Предъ началомъ лекцій и по окончаніи оныхъ, однимъ изъ студентовъ читается молитва; кромѣ того, ежедневно въ положенные часы студентами по очереди читаются молитвы утреннія и вечернія, равно и передъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ".

По настойчивому заявленію преосвященнаго ректора и нѣкоторыхъ членовъ Совѣта, послѣ горячихъ дебатовъ, означенныя статьи устава 1884 года (за исключеніемъ слова— *неопустительно* въ статьѣ 148) Совѣтомъ были включены въ проектъ новаго устава взамѣнъ упомянутой статьи 165-й.

Но если въ нашемъ проектѣ академическаго устава, составленномъ комиссіею, статья 165 недостаточно опредѣленно регламентировала религіозныя обязанности студентовъ, то въ проектѣ Московской Академіи объ этихъ обязанностяхъ трактуется *непроглядно туманно*, именно въ такихъ выраженіяхъ: „Правила, касающіяся общежительной дисциплины и частной жизни студентовъ, вырабатываются самими студентами подъ руководствомъ проректора и утверждаются Совѣтомъ" (§ 110).

Опять является вопросъ, до какихъ предѣловъ возможны при указанномъ разногласіи уступки москвичамъ, и вообще возможны-ли здѣсь уступки?

Далѣе. Новые академическіе уставы представляютъ собою послѣдовательное развитіе положенныхъ въ ихъ основу автономныхъ началъ. При составленіи сихъ уставовъ одни комиссіи (наша) шли шагами осторожными, другіе (московская) болѣе смѣлыми. При дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ делегатовъ возможны новые логическіе выводы, непосредственно вытекающіе изъ тѣхъ или иныхъ положеній, а отсюда и новыя статьи въ уставахъ, новыя положенія. Для примѣра укажу на параграфъ 120 московскаго проекта, гдѣ говорится: „Студенты имѣютъ свою организацію, *своихъ представителей для сношеній съ Правле-*

нiемъ и Совѣтомъ, имѣютъ право сходокъ, и т. д.—Логическiй выводъ отсюда можетъ быть (о чемъ уже въ „освободительныхъ" газетахъ и пишутъ) такой: не слѣдуетъ-ли въ совѣтскiя засѣданiя приглашать съ правомъ голоса студентовъ?

Опять является вопросъ: могутъ-ли делегаты вносить въ уже разсмотрѣнный Совѣтомъ проектъ устава новыя статьи?

Изъ сказаннаго явствуетъ, что посылка делегатовъ для согласованiя проектовъ академическаго устава *до ознакомленiя со всѣми этими проектами и всесторонняго обсужденiя ихъ Совѣтомъ* (посылка *безъ инструкцiи*) не можетъ быть признана цѣлесообразною.

Но я иду далѣе. Я думаю, что и по ознакомленiи Совѣта съ проектами академическаго устава посылка делегатовъ съ указанною цѣлiю есть дѣло совершенно излишнее,—и вотъ почему.

Совѣтъ опасается, что проекты академическаго устава Св. Синодомъ будутъ сданы въ канцелярiю и окончательною выработкою устава займутся чиновники. *Опасенiе, не имѣющее ни малѣйшаго основанiя*. Всѣмъ хорошо извѣстно, что въ настоящее время при Св. Синодѣ образовано особое присутствiе для всесторонней оцѣнки матерiаловъ, относящихся къ проектируемымъ церковнымъ преобразованiямъ и улучшенiямъ (между прочимъ, и по вопросу о реформѣ духовныхъ школъ). Въ составъ этого присутствiя входитъ большое число лицъ, прекрасно знакомыхъ съ нашею академическою жизнiю и ея насущными потребностями: бывшiе ректоры Академiй петербургской, кiевской, московской и казанской; по нѣскольку профессоровъ тоже отъ каждой изъ Академiй. Разумѣется, всѣ эти профессора принимали участiе въ обсужденiи проектовъ академическаго устава. Между этими профессорами есть такiе, которые участвовали въ комиссiяхъ, занимавшихся выработкою проектовъ означеннаго устава; есть и такiе, которые были делегатами отъ Академiй на извѣстномъ съѣздѣ въ Петербургѣ. Неужели этого

сонма вполнѣ свѣдущихъ лицъ недостаточно для оцѣнки новаго академическаго устава?! Правда, не всѣ означенныя лица могутъ оказаться единомышленными между собою по данному вопросу. Но вѣдь это должно послужить только къ вящшей пользѣ. Для того чтобы предметъ хорошо былъ видимъ, нужно всестороннее освѣщеніе.—Въ частности, что касается нашей Академіи, то изъ числа четырехъ, вызываемыхъ изъ нея въ Св. Синодъ профессоровъ, двое—В. З. Завитневичъ и Ѳ. И. Титовъ участвовали къ комиссіяхъ, выработавшихъ проектъ новаго академическаго устава, а первый изъ нихъ кромѣ того былъ и делегатомъ отъ Академіи на Петербургскомъ академическомъ съѣздѣ. Не могу не отмѣтить здѣсь и того обстоятельства, что въ число членовъ упомянутаго особаго присутствія при Св. Синодѣ вызванъ и Высокопреосвященный Димитрій (Ковальницкій), бывшій много лѣтъ профессоромъ въ нашей Академіи, затѣмъ инспекторомъ и ректоромъ въ ней,—человѣкъ сердцемъ и душею сроднившійся съ нашею Академіею, всецѣло ей преданный, осыпавшій и осыпающій ея своими щедротами и прекрасно знающій ея насущныя потребности. Голосъ такого человѣка относительно академической реформы имѣетъ *особый авторитетъ*—стоитъ нѣсколькихъ голосовъ (я не поклонникъ „всеобщей, равной“ и пр.). Правда, теперь въ ходу крылатыя слова: *переоцѣнка цѣнностей*. Но я полагаю, что благородные металлы никогда не могутъ потерять своей цѣнности.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе чисто практическаго свойства.

Нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей, особенно настаивавшіе на посылкѣ съ указанною цѣлію делегатовъ, заявили, что делегаты не будутъ просить у Св. Синода денегъ на поѣздку, отправятся на свои средства. Это похвально; но кромѣ денегъ нужно принять во вниманіе (и это важнѣе) еще слѣдующее. Въ нашей Академіи былъ большой перерывъ въ занятіяхъ. Нужно наверстывать потерянное, и—безъ сомнѣнія—

только настоятельная необходимость побудила Св. Синодъ вызвать въ учебное время, не безъ значительнаго ущерба въ академическомъ преподаваніи, нѣкоторыхъ профессоровъ. Еще болѣе ослаблять научную продуктивность Академій едва-ли умѣстно,—да и для какой цѣли?

Вообще я полагаю, что предполагаемая посылка делегатовъ для согласованія проектовъ академическаго устава есть затѣя праздная. Дѣятельность по выработкѣ академическаго устава комиссій, Совѣтовъ и делегатовъ должно считать законченною. Приспѣло время для всесторонней и безпристрастной оцѣнки этой дѣятельности".

Постановили: Выработанный въ собраніяхъ Совѣта Академіи проектъ новаго академическаго устава представить чрезъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Флавіана, въ Святѣйшій Синодъ и просить Его Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о вызовѣ избранныхъ отъ всѣхъ Духовныхъ Академій делегатовъ для участія въ разсмотрѣніи и согласованіи выработанныхъ Совѣтами этихъ Академій проектовъ новаго академическаго устава.

Выработанный въ собраніяхъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи 3, 4, 6, 7 и 8 февраля 1906 года проектъ устава православныхъ богословскихъ Академій.

Глава I. Общія положенія.

Ст. 1. Православная богословская академія есть высшее учено-учебное заведеніе, имѣющее цѣлію служить развитію православной богословской науки и доставлять высшее богослов-

ское образованіе для просвѣщеннаго служенія Церкви на пастырскомъ, учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности (1) [1].

Ст. 2. Академія состоитъ изъ трехъ отдѣленій: богословско-философскаго, богословско-историческаго и богословско-словеснаго.

Ст. 3. Академія, находясь въ непосредственномъ подчиненіи высшей церковной власти въ лицѣ Св. Синода, состоитъ подъ попечительнымъ наблюденіемъ мѣстнаго епархіальнаго Преосвященнаго; въ цѣляхъ же успѣшнаго выполненія научно-учебныхъ задачъ академіямъ предоставляется внутреннее самоуправленіе. Содержится академія на средства, имѣющіяся въ распоряженіи Св. Синода (2).

Ст. 4. Управленіе академіею, при ближайшемъ наблюденіи и руководствѣ ректора, сосредоточивается въ Совѣтѣ и Правленіи академіи (3).

Ст. 5. Въ академіи, кромѣ ректора, состоятъ: деканы отдѣленій, проректоръ, профессоры и другіе преподаватели, помощники проректора, секретарь и его помощникъ, библіотекарь и два его помощника, врачъ и экономъ (4).

Ст. 6. Въ студенты академіи принимаются лица всѣхъ сословій, православнаго исповѣданія, удовлетворяющіе требованіямъ, изложеннымъ въ ст. 128 сего устава (=5).

Ст. 7. Въ академіи полагается опредѣленное число казеннокоштныхъ студентовъ (=6).

Ст. 8. Въ академію кромѣ того допускаются своекоштные студенты и вольнослушатели (7).

Ст. 9. Академія предоставляетъ ученыя степени кандидата, магистра и доктора по правиламъ сего устава (=8).

---

[1]) Въ скобахъ подъ статьями указываются соотвѣтствующіе параграфы устава правосл. духов. академій 1884 г. Знакомъ (=) отмѣчены параграфы устава, внесенные въ проектъ безъ измѣненія.

Ст. 10. Сверхъ сего академія имѣетъ право избирать въ званіе своихъ почетныхъ членовъ, на основаніи устава (=9).

Ст. 11. Святѣйшій Синодъ, въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности, назначаетъ ревизію академіи (10).

Глава II. Объ отношеніи епархіальнаго Преосвященнаго къ академіи.

Ст. 12. Епархіальный Преосвященный состоитъ почетнымъ попечителемъ академіи. Всѣ журналы Совѣта и Правленія академіи представляются ему для свѣдѣнія. Но если постановленіями Совѣта затрогивается область епархіальной жизни и ея порядковъ, то такого рода постановленія, предварительно приведенія ихъ въ исполненіе, представляются на благоусмотрѣніе епархіальнаго Преосвященнаго (11).

Ст. 13. Епархіальный Преосвященный, когда признаетъ нужнымъ, посѣщаетъ академію, присутствуетъ на лекціяхъ, въ ученыхъ или торжественныхъ собраніяхъ академіи и на испытаніяхъ. Въ ученыхъ и торжественныхъ собраніяхъ академіи епархіальному Преосвященному предоставляется почетное предсѣдательство (12).

Ст. 14. Епархіальный Преосвященный можетъ дѣлать Совѣту и Правленію академіи, смотря по надобности, письменныя предложенія для обсужденія (15).

Глава III. О ректорѣ академіи.

Ст. 15. Ректоръ избирается Совѣтомъ на пять лѣтъ изъ наличнаго состава профессоровъ академіи, имѣющихъ степень доктора богословскихъ наукъ и утверждается въ должности Святѣйшимъ Синодомъ. Ректоръ состоитъ въ духовномъ санѣ. Если же не окажется кандидата, удовлетворяющаго требованіямъ ректорской должности и желающаго занять ее, среди лицъ, состоящихъ въ духовномъ санѣ или готовыхъ принять его, то Совѣту предоставляется избрать въ ректоры свѣтское

лицо и ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи его съ званіемъ исправляющаго должность ректора (20).

Примѣч. Если на должность ректора будетъ избранъ изъ монашествующихъ, не имѣющій сана архимандрита, а изъ бѣлаго духовенства священникъ, то первый возводится въ санъ архимандрита, а послѣдній въ санъ протоіерея (20).

Ст. 16. Избраніе ректора, равно какъ и прочихъ должностныхъ лицъ академіи, кромѣ преподавателей, производится въ нижеслѣдующемъ порядкѣ. Каждый изъ членовъ Совѣта, присутствующихъ въ засѣданіи, закрытою запискою предлагаетъ одного или нѣсколькихъ кандидатовъ. Подсчетъ предварительныхъ записокъ производится двумя членами собранія, выбранными по жребію, и академическимъ секретаремъ. Всѣ намѣченные кандидаты, независимо отъ числа полученныхъ ими голосовъ, ставятся на баллотировку, за исключеніемъ тѣхъ, которые заявятъ о своемъ нежеланіи баллотироваться. Избраннымъ считается кандидатъ, получившій абсолютное большинство голосовъ присутствующихъ въ засѣданіи членовъ. Если избранными окажутся нѣсколько лицъ, то на утвержденіе представляется кандидатъ, имѣющій наибольшее число избирательныхъ шаровъ. При равенствѣ голосовъ производится вторичное баллотированіе. Отказъ отъ избранія допускается лишь до начала баллотировки. Если избранный Совѣтомъ кандидатъ не будетъ утвержденъ, то производятся новые выборы въ указанномъ порядкѣ.

Ст. 17. Ректоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоръ въ той же академіи, но не можетъ занимать никакой должности внѣ академіи (21).

Примѣч. По истеченіи пятилѣтняго срока службы, ректоръ можетъ быть избираемъ на ту же должность на послѣдующія пятилѣтія.

Ст. 18. Ректоръ является въ академіи и внѣ оной представителемъ ея и сносится по академическимъ дѣламъ съ разными лицами и учрежденіями (22).

Ст. 19. Ректоръ наблюдаетъ за исполненіемъ всѣми должностными лицами и учрежденіями академіи обязанностей ихъ (27).

Ст. 20. Ректоръ наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ преподаванія въ академіи и можетъ посѣщать лекціи преподавателей (23).

Ст. 21. Ректоръ имѣетъ главное наблюденіе также за исполненіемъ обязанностей студентами и слушателями академіи (24).

Ст. 22. Подчиненнымъ чиновникамъ, а также студентамъ и постороннимъ слушателямъ ректоръ, въ случаѣ надобности, дѣлаетъ замѣчанія и выговоры, при недѣйствительности же этихъ мѣръ сообщаетъ Совѣту; о неисправности или неправильныхъ дѣйствіяхъ профессоровъ и прочихъ преподавателей академіи онъ также сообщаетъ Совѣту (27).

Ст. 23. Ректоръ назначаетъ, открываетъ и закрываетъ засѣданія Совѣта и Правленія, предсѣдательствуетъ въ сихъ учрежденіяхъ и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ оныхъ (25).

Ст. 24. Ректоръ, въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности, можетъ участвовать въ собраніяхъ отдѣленій и въ избранныхъ Совѣтомъ и Правленіемъ комиссіяхъ.

Ст. 25. Ректоръ даетъ профессорамъ и другимъ служащимъ въ академіи лицамъ отпуски какъ на вакаціонное время, такъ и на время, не свыше 29 дней, въ теченіе учебнаго времени собственною властію, на болѣе же продолжительные сроки—съ разрѣшенія Совѣта (17 и 26).

Ст. 26. Ректору предоставляется ходатайствовать, совмѣстно съ деканами отдѣленій, предъ Святѣйшимъ Синодомъ о награжденіи преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при академіи (29).

Ст. 27. Ректоръ входитъ представленіями въ Святѣйшій Синодъ, а съ посторонними учрежденіями и лицами сносится сообщеніями, хранитъ большую академическую печать и вскрываетъ бумаги, поступающія въ академію (30).

Ст. 28. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія ректора академіи должность его исправляетъ старшій изъ декановъ отдѣленій (33).

Глава IV. О проректорѣ и его помощникахъ.

Ст. 29. Проректоръ избирается Совѣтомъ изъ наличнаго состава профессоровъ академіи срокомъ на четыре года и утверждается въ должности Святѣйшимъ Синодомъ (32).

Ст. 30. Проректоръ остается вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоромъ въ той же академіи, но не можетъ занимать никакой должности внѣ академіи.

Ст. 31. Проректоръ завѣдуетъ воспитательно-дисциплинарною частью и дѣйствуетъ по данной ему отъ Совѣта инструкціи.

Ст. 32 Проректору принадлежитъ ближайшее наблюденіе въ академіи за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для студентовъ и слушателей, и за соблюденіемъ внѣшняго порядка въ академіи (34).

Ст. 33. Проректоръ выслушиваетъ частныя просьбы и заявленія студентовъ, дѣлаетъ по нимъ зависящія отъ него распоряженія, а въ случаяхъ важныхъ немедленно обращается къ ректору (35).

Ст. 34. Проректоръ, имѣя общее наблюденіе за чистотою и опрятностію студенческихъ помѣщеній, а также за надлежащимъ содержаніемъ студентовъ пищею и одеждою, на усмотрѣнные въ семъ отношеніи недостатки обращаетъ вниманіе эконома, въ случаѣ же надобности доводитъ о нихъ до свѣдѣнія ректора (36).

Ст. 35. Проректоръ даетъ студентамъ отпуски на вакаціонное время, въ случаяхъ же экстренныхъ въ дни, несвободные отъ занятій, увольняетъ ихъ въ отпускъ съ разрѣшенія ректора (37).

Ст. 36. По окончаніи года, проректоръ представляетъ въ Совѣтъ отчетъ о состояніи ввѣренной ему воспитательно-дисциплинарной части (38).

Ст. 37. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія проректора, временное исполненіе обязанностей его возлагается Совѣтомъ на одного изъ профессоровъ (39).

Ст. 38. Въ помощь проректору назначаются Совѣтомъ академіи два помощника изъ лицъ съ академическимъ образованіемъ (40 и 41).

Ст. 39. Подробнѣе обязанности помощниковъ проректора опредѣляются инструкціею, составляемою Совѣтомъ академіи (43).

Глава V. О преподавателяхъ.

Ст. 40. Преподавателями академіи состоятъ: профессоры ординарные и экстраординарные, доценты, исправляющіе должность доцента, приватъ-доценты и лекторы. Преподавателями могутъ быть только лица православнаго исповѣданія; исключеніе изъ сего допускается только въ отношеніи лекторовъ новыхъ языковъ (44).

Ст. 41. Ординарные профессоры академіи должны имѣть степень доктора (=45).

Ст. 42. Экстраординарными профессорами могутъ быть и имѣющіе степень магистра (=46).

Ст. 43. Получившій степень доктора или магистра въ одномъ изъ русскихъ университетовъ можетъ быть избираемъ на каѳедру въ академіи соотвѣтственно его спеціальности и ученой степени (47).

Ст. 44. Сверхъ означенныхъ условій для полученія званія профессора необходимо доказать способность къ преподаванію чтеніемъ лекцій въ продолженіе не менѣе трехъ лѣтъ въ должности доцента академіи или въ званіи приватъ-доцента или преподавателя другого высшаго учебнаго заведенія.

Ст. 45. Для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра (=48).

Ст. 46. Каждый доцентъ, зарекомендовавшій себя въ теченіе трехъ лѣтъ успѣшнымъ преподаваніемъ въ академіи, избирается Совѣтомъ въ экстраординарные профессоры.

Ст. 47. Приватъ-доцентами могутъ быть и кандидаты, представившіе въ печатномъ или рукописномъ видѣ диссертацію (pro venia legendi) по тому предмету, который они намѣрены преподавать, и защитившіе оную въ присутствіи Совѣта.

Ст. 48. Лекторы новыхъ языковъ опредѣляются по предварительномъ удостовѣреніи Совѣта въ ихъ свѣдѣніяхъ и способностяхъ къ преподаванію посредствомъ двухъ пробныхъ лекцій (49).

Примѣч. Въ случаѣ нужды Совѣтъ можетъ допустить къ преподаванію новыхъ языковъ и наличныхъ преподавателей академіи (49).

Ст. 49. При открывшейся вакансіи профессора и вообще преподавателя, подлежащее отдѣленіе академіи обсуждаетъ и рекомендуетъ Совѣту необходимыя мѣры къ временному обезпеченію преподаванія по соотвѣтственному предмету. Оно же избираетъ и рекомендуетъ Совѣту одного или нѣсколькихъ кандидатовъ для замѣщенія вакантной каѳедры постояннымъ преподавателемъ, при чемъ и каждый членъ Совѣта можетъ предложить своего кандидата, представляя въ пользу послѣдняго мотивированное мнѣніе. Всѣ предложенные кандидаты подвергаются въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта, по обсужденіи ученыхъ и преподавательскихъ достоинствъ каждаго изъ нихъ, баллотированію въ вышеуказанномъ (ст. 16) порядкѣ. Получившій большинство голосовъ считается избраннымъ (51).

Ст. 50. Если никто изъ кандидатовъ не получитъ абсолютнаго большинства или если Совѣтъ не имѣетъ вовсе въ виду кандидата, достойнаго занять открывшееся мѣсто преподавателя, то объявляется конкурсъ по программѣ, особо на сей предметъ составляемой въ подлежащемъ отдѣленіи академіи и утверждаемой Совѣтомъ. Совѣтъ объявляетъ о вакантной каѳедрѣ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы желающіе явиться кандидатами на

нее могли заявить о томъ Совѣту. Срокъ для такихъ заявленій полагается трехмѣсячный со времени объявленія объ открывшейся вакансіи (52).

Ст. 51. Ищущіе званія профессора, доцента или приватъ-доцента, но неизвѣстные Совѣту своими преподавательскими способностями, сверхъ вышеуказанныхъ условій, должны прочесть, въ присутствіи Совѣта, двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію соотвѣтственнаго отдѣленія. Лицо, избранное Совѣтомъ на вакантную каѳедру безъ чтенія пробныхъ лекцій, должно прочитать вступительную лекцію въ присутствіи Совѣта (50).

Ст. 52. Профессоры и доценты утверждаются въ должности Святѣйшимъ Синодомъ, а исправляющіе должность доцента и лекторы допускаются къ преподаванію Совѣтомъ академіи (53).

Ст. 53. Совѣтомъ допускаются также къ преподаванію въ академіи, въ званіи приватъ-доцентовъ, лица, удовлетворительно выполнившія требованія, изложенныя въ ст. 47 и 51.

Ст. 54. Приватъ-доцентамъ предоставляется: а) выборъ предметовъ для чтеній, по опредѣленнымъ программамъ, въ видѣ спеціальныхъ курсовъ по тѣмъ или другимъ отдѣламъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ или въ видѣ общихъ курсовъ такихъ наукъ, которыя хотя не преподаются въ академіи, но имѣютъ тѣсную связь съ преподаваемыми въ ней; б) пользованіе библіотекою и другими учебными пособіями академіи и в) участіе, если Совѣтъ или отдѣленія признаютъ нужнымъ, въ испытаніяхъ.

Ст. 55. Обязательность или необязательность для студентовъ чтеній приватъ-доцентовъ и прочихъ не штатныхъ преподавателей опредѣляется Совѣтомъ академіи.

Ст. 56. Приватъ-доцентамъ не полагается опредѣленнаго содержанія, но они вознаграждаются изъ общей, обозначенной въ штатѣ, суммы въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ Совѣтомъ академіи.

Ст. 57. Приватъ-доцентъ можетъ, по желанію, прекратить чтеніе своихъ лекцій, но предварительно долженъ письменно заявить о семъ ректору академіи.

Ст. 58. Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ академіи Совѣту предоставляется оставлять при оной на одинъ или на два года наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ (54).

Примѣч. Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на каждаго (=54).

Ст. 59. По истеченіи года, они представляютъ отчетъ Совѣту въ своихъ занятіяхъ и могутъ быть допускаемы Совѣтомъ на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя каѳедры, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента по удовлетворительномъ выполненіи требованій, изложенныхъ въ ст. 47 и 51 (65). Срокъ для полученія ими степени магистра назначается пятилѣтній со дня поступленія на должность.

Ст. 60. Если приготовлявшійся къ преподавательской должности въ академіи по какимъ-либо обстоятельствамъ не займетъ оную, то установленнымъ порядкомъ назначается на соотвѣтствующую предмету его занятій преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій (=56).

Примѣч. Въ случаѣ перехода такого лица на службу въ другое вѣдомство ранѣе выслуги обязательнаго по духовно учебному или вообще духовному вѣдомству срока, оно обязано, сверхъ денегъ, слѣдующихъ съ него по ст. 169 сего устава, возвратить въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ сумму, полученную имъ въ теченіе времени приготовленія къ занятію преподавательской должности въ академіи (56).

Ст. 61. Къ занятію вакантныхъ каѳедръ могутъ допускаться Совѣтомъ, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента, также лица, не приготовлявшіяся къ занятію преподавательской должности въ академіи и имѣющія степень кандидата.

Ст. 62. Время, употребленное вышеозначенными лицами для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ академіи, равно какъ время преподаванія исправляющихъ должность доцента и приватъ-доцентовъ въ академіи засчитывается этимъ лицамъ въ случаѣ поступленія ихъ на штатныя должности въ академіи или внѣ ея, въ дѣйствительную службу и въ выслугу срока на пенсію.

Ст. 63. Профессоръ, ординарный или экстраординарный по выслугѣ 25 лѣтъ въ должности штатнаго преподавателя въ академіи, удостоивается званія заслуженнаго ординарнаго или экстраординарнаго профессора, сохраняя это званіе и по выходѣ въ отставку. Званіе заслуженнаго профессора даетъ послѣднему право сохранить также свою пенсію сверхъ жалованья при службѣ внѣ академіи (57).

Ст. 64. По истеченіи 30 лѣтъ учебной службы, профессоръ не включается болѣе въ число штатныхъ профессоровъ, и его каѳедра считается вакантною; но онъ сохраняетъ званіе профессора, имѣетъ право читать, по соглашенію съ Совѣтомъ, лекціи и пользоваться учебно-вспомогательными учрежденіями академіи. Такой внѣштатный профессоръ, читающій лекціи, состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Совѣта и можетъ быть избираемъ на всѣ должности въ академіи. Совѣтъ академіи можетъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи такому профессору вознагражденія за чтеніе лекцій въ размѣрѣ 1200 рублей. Вознагражденіе это производится независимо отъ выслуженной профессоромъ пенсіи и получаемаго имъ вознагражденія или жалованья за исполненіе какой-либо должности по академіи.

Ст. 65. Профессоры и прочіе преподаватели академіи обязываются вести чтеніе лекцій согласно программамъ, утвержденнымъ Совѣтомъ, и представлять отчетъ о своемъ преподаваніи въ Совѣтъ черезъ ректора академіи, принимать участіе въ испытаніяхъ и исполнять находящіяся въ связи съ ихъ учеными занятіями порученія Совѣта (58).

Ст. 66. Кромѣ изложенія общихъ курсовъ наукъ, преподавателямъ предоставляется разрабатывать и излагать въ лекціяхъ особые отдѣлы преподаваемыхъ наукъ, посвящая своихъ слушателей вмѣстѣ съ тѣмъ въ самые методы научнаго изслѣдованія, равно какъ устраивать практическія занятія въ спеціально организованныхъ для того семинаріяхъ.

Ст. 67. Профессоры и прочіе преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета столько часовъ въ недѣлю, сколько назначено будетъ Совѣтомъ (=59).

Ст. 68. Одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ каѳедръ, кромѣ крайнихъ случаевъ, и никакъ не долѣе одного года. За исполненіе должности преподавателя по вакантной каѳедрѣ онъ получаетъ, по усмотрѣнію Совѣта, вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ жалованья доцента (60).

Ст. 69. Просьбы профессоровъ и прочихъ преподавателей объ увольненіи отъ службы вносятся въ Совѣтъ ректоромъ (=61).

Глава VI. О прочихъ должностныхъ лицахъ.

Ст. 70. Прочія должностныя лица академіи: секретарь Совѣта и Правленія и помощникъ секретаря, библіотекарь и два его помощника, врачъ и экономъ опредѣляются Совѣтомъ (62).

Ст. 71. Секретарь Совѣта и Правленія избирается изъ лицъ съ академическимъ или университетскимъ образованіемъ.

Ст. 72. Къ обязанностямъ секретаря относится: изготовлять къ докладу поступающія въ Совѣтъ и Правленіе дѣла, докладывать оныя, составлять журналы и исполненія по нимъ, приготовлять, совмѣстно съ экономомъ, экономическіе отчеты, вести переписку по части ректора и вообще исполнять все, что до дѣлопроизводства касается (=63).

Ст. 73. Секретаремъ нанимаются, съ вѣдома ректора, писцы, получающіе содержаніе по его назначенію, утверждаемому Правленіемъ академіи (64).

Ст. 74. Второстепенныя занятія по дѣлопроизводству Совѣта и Правленія возлагаются на помощника секретаря, кото-

рый, въ случаѣ болѣзни или отсутствія секретаря, исправляетъ его должность (65).

Ст. 75. Библіотекарь избирается изъ лицъ, имѣющихъ академическое или университетское образованіе и нужные для исполненія этой должности опытъ и свѣдѣнія (66).

Ст. 76. Обязанности библіотекаря и его помощниковъ, по храненію библіотеки и управленію оною, опредѣляются инструкціею отъ Совѣта академіи (67).

Ст. 77. Врачъ обязанъ лѣчить какъ студентовъ, такъ и всѣхъ служащихъ при академіи; подробнѣе обязанности его въ отношеніи къ академіи опредѣляются Совѣтомъ (68).

Ст. 78. На эконома возлагаются исполнительныя распоряженія по хозяйственной части (=70).

Ст. 79. Экономъ выбираетъ служителей, назначаетъ имъ, съ утвержденія Правленія, жалованье, распредѣляетъ между ними занятія и заботится о немедленномъ замѣщеніи выбывающихъ (=71).

Ст. 80. Экономъ долженъ смотрѣть за исправнымъ состояніемъ академическихъ зданій, надлежащимъ ихъ отопленіемъ и освѣщеніемъ, чистотою и опрятностію, а также за пищею и одеждою студентовъ (=72).

Ст. 81. На его обязанности лежитъ соблюденіе всѣхъ по дому полицейскихъ правилъ (=73).

Ст. 82. Ближайшія, на разные случаи, указанія по всѣмъ этимъ обязанностямъ экономъ получаетъ отъ проректора, ректора, или Правленія академіи (74).

Ст. 83. Экономъ ведетъ приходорасходныя книги и, по окончаніи каждаго мѣсяца, представляетъ Правленію вѣдомости: одну о суммѣ на расходы, ему выданной, а другую о о приходѣ, расходѣ и остаткѣ всѣхъ матеріаловъ и припасовъ (=75).

Глава VII. О Совѣтѣ академіи.

Ст. 84. Совѣтъ академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ всѣ профессоры академіи, доценты и исправ-

ляющіе должность доцента, а въ случаѣ надобности приглашаются въ собраніе Совѣта также прочіе преподаватели академіи, которымъ предоставляется въ такомъ случаѣ право голоса, наравнѣ со всѣми членами Совѣта, по всѣмъ вопросамъ, по которымъ Совѣтъ признаетъ нужнымъ ознакомиться съ ихъ мнѣніями и объясненіями (79).

Ст. 85. Предметы занятій Совѣта (81):

а) Окончательно рѣшаемые самимъ Совѣтомъ:

1. Назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при пріемѣ въ академію.

2. Назначеніе времени и порядка производства испытаній въ академіи.

3. Зачисленіе въ студенты академіи и на казенное содержаніе.

4. Допущеніе вольнослушателей.

5. Разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся учебныхъ занятій студентовъ и слушателей.

6. Присужденіе наградъ студентамъ.

7. Переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ.

8. Разсмотрѣніе дѣлъ по просьбамъ студентовъ.

9. Разсмотрѣніе отчета проректора по воспитательно-дисциплинарной части и дѣлъ по проступкамъ студентовъ.

10. Увольненіе студентовъ изъ академіи.

11. Оставленіе при академіи окончившихъ курсъ студентовъ для приготовленія къ занятію преподавательскихъ каѳедръ въ оной и назначеніе имъ содержанія.

12. Распредѣленіе предметовъ ученія и порядка ихъ преподаванія во всѣхъ отдѣленіяхъ академіи.

13. Утвержденіе программъ преподаванія.

14. Мѣры и средства, ведущія къ усиленію ученой и учебной дѣятельности въ академіи.

7. Представленія собраній отдѣленій о кандидатахъ на должности декановъ.

8. Увольненіе должностныхъ лицъ, въ двухъ предшествующихъ пунктахъ поименованныхъ.

Ст. 86. Къ предметамъ занятій Совѣта относятся также а) обсужденіе предложеній епархіальнаго Преосвященнаго, ректора академіи и членовъ Совѣта; б) разсмотрѣніе и утвержденіе или представленіе въ Св. Синодъ на утвержденіе соображеній и заключеній, представляемыхъ собраніями отдѣленій, или особо образованными Совѣтомъ комиссіями изъ преподавателей академіи; в) дѣла, представляемыя Правленіемъ академіи.

87. Собранія Совѣта должны происходить по мѣрѣ надобности, но не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, по распоряженію ректора, или по желанію, заявленному письменно ректору не менѣе, какъ семью членами Совѣта (82).

Ст. 88. Во время вакацій обыкновенныхъ собраній Совѣта не полагается, но могутъ быть только экстренныя собранія и лишь по дѣламъ, не терпящимъ отсрочки; но баллотировки на должности въ это время не могутъ быть производимы.

Ст. 89. Предъ каждымъ засѣданіемъ Совѣта за три дня разсылаются къ членамъ, отъ имени ректора, повѣстки, съ обозначеніемъ въ нихъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію въ этомъ засѣданіи. Въ теченіе этого срока членамъ Совѣта предоставляется возможность ближайшаго ознакомленія съ подлежащими обсужденію дѣлами и съ относящимися къ нимъ документами (83).

Ст. 90. Всѣ члены Совѣта обязаны присутствовать въ его засѣданіяхъ. Въ случаѣ невозможности, они извѣщаютъ ректора о причинахъ своего отсутствія, о чемъ и вносится въ журналъ (84).

Ст. 91. Отсутствовавшіе члены не могутъ требовать перерѣшенія постановленій, безъ нихъ состоявшихся; равнымъ образомъ не дозволяется члену, въ случаѣ отсутствія, передать другому свой голосъ или шаръ для баллотированія (85).

Ст. 92. Въ учебное время года Совѣтъ приступаетъ къ разсмотрѣнію подлежащихъ дѣлъ только тогда, когда въ засѣданіи присутствуетъ не менѣе половины членовъ Совѣта. Для законности же выборовъ должностныхъ лицъ необходимо присутствіе не менѣе двухъ третей состава членовъ Совѣта. Во время вакацій собраніе Совѣта признается законно состоявшимся и при меньшемъ числѣ присутствующихъ членовъ (86).

Ст. 93. Каждому члену Совѣта предоставляется дѣлать, съ разрѣшенія предсѣдателя, предложенія и возбуждать вопросы по предметамъ, относящимся къ вѣдѣнію Совѣта. Обсужденіе такихъ предложеній и вопросовъ можетъ быть отлагаемо до слѣдующаго засѣданія.

Ст. 94. Дѣла въ собраніяхъ Совѣта рѣшаются большинствомъ голосовъ, собираемыхъ ректоромъ, начиная съ младшихъ членовъ Совѣта; при равенствѣ голосовъ перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя. Къ дѣламъ Совѣта, восходящимъ на утвержденіе Св. Синода, могутъ быть прилагаемы мнѣнія меньшинства членовъ Совѣта и отдѣльныя мнѣнія ихъ, если они пожелаютъ того (87).

Ст. 95. Баллотированіе, или закрытая подача голосовъ употребляется а) при избраніи всѣхъ лицъ, выборъ коихъ предоставленъ Совѣту; б) при всѣхъ вопросахъ, рѣшенія которыхъ баллотировкою потребуютъ, по крайней мѣрѣ, семь членовъ Совѣта.

Ст. 96. Всѣ журналы Совѣта представляются предсѣдателемъ епархіальному Преосвященному для свѣдѣнія; журналы же по дѣламъ, означаемымъ въ ст. 88 подъ буквою *б*, представляются въ Св. Синодъ (88).

Ст. 97. Журналы Совѣта могутъ быть печатаемы вполнѣ или въ извлеченіи, по постановленію Совѣта (89).

Ст. 98. По истеченіи года, Совѣтъ, чрезъ одного изъ своихъ членовъ, составляетъ отчетъ о состояніи академіи. Отчетъ этотъ представляется чрезъ ректора академіи Святѣйшему Синоду и печатается во всеобщее свѣдѣніе (90).

Ст. 99. Совѣтъ ежегодно назначаетъ день для торжественнаго собранія академіи, въ которомъ, сверхъ чтенія отчета, предоставляется преподавателямъ произносить рѣчи (91).

Ст. 100. Для разсмотрѣнія и устраненія недоразумѣній и столкновеній, возникающихъ въ взаимныхъ отношеніяхъ между студентами академіи, равно какъ проступковъ, несовмѣстимыхъ съ честью и достоинствомъ студента академіи или могущихъ ронять честь академіи и т. под., учреждается судъ чести изъ студентовъ академіи подъ руководствомъ и предсѣдательствомъ избираемаго самими студентами одного изъ преподавателей академіи, но безъ участія его въ голосованіи. Правила для студенческаго суда составляются, подъ руководствомъ проректора, самими студентами и утверждаются Совѣтомъ.

Ст. 101. Въ видахъ объединенія дѣятельности академій и для болѣе основательнаго обсужденія различныхъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію академическихъ Совѣтовъ, академіямъ предоставляется право устраивать, по мѣрѣ надобности, въ академическихъ городахъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, съѣзды свободно избираемыхъ депутатовъ.

Глава VIII. О Правленіи.

Ст. 102. Правленіе, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ: деканы отдѣленій, проректоръ и экономъ (92).

Ст. 103. Правленіе имѣетъ слѣдующіе предметы занятій (94):

а) Окончательно рѣшаемые самимъ Правленіемъ и представляемые въ Совѣтъ для свѣдѣнія:

1. Производство расходовъ въ границахъ смѣтнаго на каждый предметъ назначенія и сверхсмѣтные, изъ остаточныхъ суммъ, расходы до 300 рублей въ годъ.

2. Заключеніе контрактовъ на подряды и поставки до 2000 рублей.

3. Назначеніе квартиръ лицамъ, имѣющимъ право на оныя.

4. Выдача потребныхъ шнуровыхъ книгъ.

5. Взиманіе платы съ пансіонеровъ.

б) Представляемые на утвержденіе Совѣта:

1. Разрѣшеніе сверхсмѣтныхъ, изъ остаточныхъ суммъ, расходовъ до 1000 рублей въ годъ.

2. Заключеніе контрактовъ на подряды и поставки до 10000 рублей.

3. Предположенія, касающіяся улучшенія по хозяйственной части.

4. Разсмотрѣніе экономическихъ отчетовъ.

в) Представляемые чрезъ Совѣтъ на утвержденіе Св. Синода:

1. Составленіе смѣтъ по содержанію академіи.

2. Разрѣшеніе сверхсмѣтныхъ расходовъ свыше 1000 р.

3. Заключеніе контрактовъ на подряды и поставки свыше 10000 рублей.

4. Дѣла о назначеніи пенсій и пособій служащимъ при академіи.

Примѣч. По дѣламъ о назначеніи пенсій и пособій служащимъ въ академіи, равно и касающимся до отбыванія воинской повинности студентовъ академіи, Правленіе входитъ, чрезъ ректора академіи, въ надлежащія сношенія съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода.

Ст. 104. Правленіе получаетъ всѣ, поступающія въ академію, суммы, хранитъ и расходуетъ ихъ согласно съ штатомъ и смѣтою или отдѣльными предписаніями, наблюдая въ отношеніи какъ расходованія суммъ, такъ и отчетности въ оныхъ, порядокъ, установленный общими законами и распоряженіями по духовному вѣдомству (95).

Ст. 105. Правленіе имѣетъ въ главномъ своемъ завѣдываніи академическую собственность, ведетъ все хозяйство по академіи, наблюдаетъ за порядкомъ въ зданіяхъ академіи, за содержаніемъ ихъ въ чистотѣ и исправности и за предохраненіемъ отъ порчи и пожара (=96).

Ст. 106. Правленіе имѣетъ засѣданія, по крайней мѣрѣ, однажды въ недѣлю (=97).

Примѣч. Для законности засѣданія Правленія необходимо присутствіе не менѣе половины всего состава членовъ его, не считая эконома.

Ст. 107. Всѣ журналы Правленія представляются епархіальному Преосвященному для свѣдѣнія (98).

Глава IX. О наукахъ, преподаваемыхъ въ академіи, и отдѣленіяхъ академіи.

Ст. 108. Изъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, однѣ изучаются всѣми студентами, а другія, распредѣляясь по отдѣленіямъ, представляются выбору студентовъ (99).

Ст. 109. Къ предметамъ *общеобязательнымъ*, изучаемымъ всѣми студентами, относятся (100):

1. Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта.
2. Патрологія.
3. Догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ.
4. Нравственное богословіе.
5. Общая церковная исторія (до раздѣленія церкви).
6. Исторія русской церкви.
7. Церковное право.
8. Исторія философіи.
9. Одинъ изъ древнихъ языковъ (греческій или латинскій) и его словесность.
10. Еврейскій языкъ.
11. Одинъ изъ новыхъ языковъ (французскій, нѣмецкій или англійскій).

Ст. 110. Прочіе предметы академическаго курса распредѣляются по тремъ отдѣленіямъ. (101).

Ст. 111. Къ предметамъ *богословско-философскаго* отдѣленія относятся:

1. Основное богословіе.

2. Библейское ветхозавѣтное богословіе съ библейской исторіей.

3. Педагогика и пастырское богословіе.

4. Основы права.

5. Психологія.

6. Логика и метафизика.

7. Библейская археологія.

Ст. 112. Къ предметамъ *богословско-историческаго* отдѣленія относятся:

1. Исторія православнаго богослуженія.

2. Исторія восточныхъ церквей послѣ раздѣленія церкви.

3. Исторія западныхъ вѣроисповѣданій.

4. Исторія западно-русской церкви.

5. Общая гражданская исторія (древняя и новая).

6. Русская гражданская исторія.

7. Исторія русскаго сектанства и старообрядчества.

Ст. 113. Къ предметамъ *богословско-словеснаго* отдѣленія относятся:

1. Исторія церковнаго проповѣдничества и гомилетика.

2. Начала сравнительнаго языкознанія, русскій и церковнославянскій языкъ.

3. Исторія русской литературы.

4. Теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ.

5. Исторія христіанскаго искусства.

6. Одинъ изъ древнихъ языковъ, не изучаемый студентомъ этого отдѣленія въ числѣ общеобязательныхъ предметовъ.

Ст. 114. Съ разрѣшенія Св. Синода, по усмотрѣнію нужды, могутъ быть вводимы и новые предметы сверхъ поименованныхъ, а также вообще дѣлаемы измѣненія въ учебной части академіи (=104).

Ст. 115. При отдѣленіяхъ, кромѣ преподавателей спеціальныхъ предметовъ, состоятъ преподаватели тѣхъ общеобязательныхъ предметовъ, которые имѣютъ сродство съ тѣмъ или другимъ отдѣленіемъ по принадлежности, именно: преподаватели Священнаго Писанія, патрологіи, догматическаго богословія, нравственнаго богословія, церковнаго права и исторіи философіи состоятъ при богословско-философскомъ отдѣленіи, преподаватели общей церковной исторіи и исторіи русской церкви — при богословско-историческомъ, а преподаватели древнихъ и новыхъ языковъ — при богословско-словесномъ.

Ст. 116. Преподаваніе наукъ, входящихъ въ составъ академическаго курса, распредѣляется между преподавателями по штату, которыхъ полагается 15 ординарныхъ и 16 экстраординарныхъ профессоровъ и, для преподаванія новыхъ языковъ, три лектора. Кромѣ того полагается неограниченное количество сверхштатныхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ. Къ числу штатныхъ преподавателей относятся также доценты, которыми могутъ быть замѣщаемы вакантныя каѳедры, при отсутствіи кандидатовъ, имѣющихъ право на званіе профессора (105).

Примѣч. Предметы академическаго курса распредѣляются между преподавателями на основаніи таблицы, при семъ прилагаемой.

Распредѣленіе предметовъ академическаго курса между преподавателями академіи.

1.	Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта .	2	препод.
2.	Патрологія	1	„
3.	Основное богословіе	1	„
4.	Догматическое богословіе.	1	„
5.	Нравственное богословіе.	1	„
6.	Библейское ветхозавѣтное богословіе съ библейской исторіей.	1	„
7.	Общая церковная исторія (до раздѣленія церкви)	1	„
8.	Исторія проповѣдничества и гомилетика . .	1	„

9.	Педагогика и пастырское богословіе	1	„
10.	Церковное право	1	„
11.	Исторія православнаго богослуженія и христіанскаго искусства	2	„
12.	Исторія восточныхъ церквей	1	„
13.	Исторія русской церкви	1	„
14.	Исторія западныхъ вѣроисповѣданій	1	„
15.	Исторія западно-русской церкви	1	„
16.	Исторія русскаго сектанства и старообрядчества	1	„
17.	Исторія философіи	1	„
18,	Логика и метафизика	1	„
19.	Психологія	1	„
20.	Основы права	1	„
21.	Общая гражданская исторія	2	„
22.	Русская гражданская исторія	1	„
23.	Начала сравнительнаго языкознанія, русскій и церковно-славянскій языкъ	1	„
24.	Исторія русской литературы	1	„
25.	Теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ	1	„
26.	Греческій языкъ и его словесность	1	„
27.	Латинскій языкъ и его словесность	1	„
28.	Еврейскій языкъ и библейская археологія	1	„
29.	Французскій языкъ	1	„
30.	Нѣмецкій языкъ	1	„
31.	Англійскій языкъ	1	„
	Итого	34	препод.

Ст. 117. Во главѣ отдѣленія стоитъ деканъ.

Ст. 118. Деканы избираются изъ ординарныхъ профессоровъ отдѣленія на 3 года въ собраніяхъ своихъ отдѣленій, но въ присутствіи Совѣта, и утверждаются Святѣйшимъ Синодомъ. Если выборъ не состоится въ собраніи отдѣленія, то деканъ избирается Совѣтомъ.

Примѣч. Если ни собраніемъ отдѣленія, ни Совѣтомъ никто изъ ординарныхъ профессоровъ не будетъ избранъ въ деканы, то послѣдній можетъ быть избранъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ съ званіемъ исправляющаго должность декана.

Ст. 119. Каждое отдѣленіе имѣетъ свои собранія, состоящія, подъ предсѣдательствомъ декана, изъ профессоровъ, доцентовъ и исправляющихъ должность доцента отдѣленія. Въ отсутствіе декана предсѣдательствуетъ старшій въ профессорскомъ званіи изъ наличныхъ членовъ отдѣленія. Производство по дѣламъ отдѣленія возлагается на секретаря отдѣленія, который избирается изъ профессоровъ и доцентовъ въ собраніи отдѣленія на 1 годъ и утверждается въ должности Совѣтомъ.

Ст. 120. Въ эти собранія, созываемыя деканами отдѣленій, могутъ быть приглашаемы, съ правомъ рѣшающаго голоса, также приватъ-доценты и лекторы при рѣшеніи вопросовъ, касающихся преподаваемыхъ ими предметовъ и при испытаніяхъ изъ оныхъ. Въ случаѣ надобности, могутъ быть приглашаемы и члены другихъ отдѣленій.

Ст. 121. Предметы занятій собраній каждаго отдѣленія:

1. Избраніе декана и секретаря отдѣленія.

2. Разсмотрѣніе программъ преподаванія.

3. Предположенія о мѣрахъ къ временному и постоянному замѣщенію открывшихся по отдѣленію профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій, о распредѣленіи курсовъ или отдѣловъ наукъ между двумя наличными преподавателями и объ открытіи новыхъ каѳедръ.

4. Программы на конкурсы для занятія вакантныхъ каѳедръ.

5. Соображенія о лучшей постановкѣ предметовъ преподаванія, относящихся къ отдѣленію

6. Разсмотрѣніе диссертацій на ученыя степени.

7. Разсмотрѣніе сочиненій, представляемыхъ на преміи, а также издаваемыхъ отъ имени академіи или на ея счетъ.

8. Назначеніе темъ для студенческихъ семестровыхъ сочиненій по предметамъ отдѣленія и для сочиненій на степень кандидата и разсмотрѣніе самыхъ сочиненій.

9. Испытанія по предметамъ отдѣленій.

10. Предположенія о мѣрахъ къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ.

11. Рекомендованіе студентовъ, ищущихъ стипендій, находящихся въ распоряженіи академіи, или оставляемыхъ при академіи для приготовленія къ занятію преподавательскихъ каѳедръ въ оной.

12. Возбужденіе ходатайствъ а) о командированіи преподавателей и другихъ лицъ, состоящихъ при академіи, съ ученою цѣлью за границу или въ отечественныя высшія ученыя и учебныя учрежденія, и б) о возведеніи лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность своими научными трудами въ степень почетнаго доктора.

13. Выборъ книгъ и періодическихъ изданій для выписки въ академическую библіотеку.

14. Соображенія и заключенія по дѣламъ, предлагаемымъ Совѣтомъ на предварительное обсужденіе собраній отдѣленій.

Ст. 122. Дѣла, разсматриваемыя въ собраніяхъ отдѣленій, представляются въ Совѣтъ для окончательнаго разсмотрѣнія и для утвержденія или для представленія въ Святѣйшій Синодъ.

Ст. 123. Собранія отдѣленій не приступаютъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, если въ собраніи не находится по крайней мѣрѣ двухъ третей наличныхъ членовъ.

Ст. 124. Каждому члену отдѣленія предоставляется право представлять въ собранія онаго предложенія по ученымъ и учебнымъ предметамъ, относящимся къ отдѣленію.

Глава X. О пріемѣ учащихся въ академію.

Ст. 125. Пріемъ учащихся въ академію бываетъ одинъ разъ въ году по окончаніи лѣтнихъ вакацій (=108).

Ст. 126. Совѣтъ академіи, предъ началомъ академическаго года, по расчисленіи, сколько предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ воспитанниковъ семинарій въ составъ новаго академическаго курса на казенный счетъ, представляетъ, въ опредѣленномъ по ст. 85 порядкѣ, Святѣйшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть пріемѣ въ академію для желающихъ поступить въ оную (109).

Ст. 127. Порядокъ подачи прошеній и соблюденіе требуемыхъ при семъ условій опредѣляются особыми правилами (=110).

Ст. 128. Желающіе поступить въ академію допускаются къ повѣрочному испытанію, если представятъ установленный аттестатъ или свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса духовной семинаріи, гимназіи или другого соотвѣтствующаго имъ учебнаго заведенія, и принимаются не иначе, какъ по удовлетворительномъ выдержаніи означеннаго испытанія, предметы котораго опредѣляются Совѣтомъ академіи (111).

Ст. 129. Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по вызову, такъ и по прошеніямъ: выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются лучшіе—казеннокоштными студентами, а остальные—своекоштными (=112).

Ст. 130. Своекоштные студенты допускаются въ академическое общежитіе въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ; число ихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій (113).

Примѣч. Внѣ зданій академіи какъ своекоштнымъ, такъ и казеннокоштнымъ студентамъ дозволяется жить съ разрѣшенія Совѣта, съ выдачею послѣднимъ на руки казеннаго содержанія. (113).

Ст. 131. Переходъ студентовъ изъ одной академіи въ другую, равно какъ изъ одного отдѣленія въ другое той же академіи, производится на основаніи особыхъ правилъ (114).

Ст. 132. Сверхъ студентовъ могутъ быть допускаемы къ слушанію академическихъ лекцій и посторонніе слушатели по особымъ правиламъ, составляемымъ Совѣтомъ (115).

Примѣч. Въ число студентовъ и слушателей могутъ быть допускаемы Совѣтомъ и женатыя лица.

Глава XI. Объ учебномъ курсѣ въ академіи, занятіяхъ студентовъ, испытаніяхъ и ученыхъ степеняхъ.

Ст. 133. Полный курсъ академическаго преподаванія распредѣляется на четыре года (=116).

Ст. 134. Академическій годъ продолжается отъ 15 августа до 5 іюня (117).

Ст. 135. Для чтенія наукъ академическаго курса составляется Совѣтомъ академіи особое расписаніе (=118).

Ст. 136. Въ теченіе академическаго курса занятія студентовъ состоятъ а) въ слушаніи лекцій, б) въ письменныхъ работахъ, в) въ практическихъ занятіяхъ по изучаемымъ предметамъ подъ руководствомъ профессоровъ (121).

Ст. 137. Въ теченіе года въ первыхъ трехъ курсахъ студентамъ назначается не менѣе трехъ сочиненій. Кромѣ того, студентами составляются проповѣди въ томъ количествѣ, какое будетъ опредѣлено Совѣтомъ академіи (123).

Ст. 138. Письменныя работы могутъ быть назначаемы по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ академіи (124).

Ст. 139. Студенты IV курса, для полученія ученой степени, пишутъ одно особое сочиненіе по одной изъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи (125).

Ст. 140. Темы какъ для семестровыхъ сочиненій, такъ для диссертацій на ученую степень по предметамъ отдѣленій предлагаются преподавателями и, по разсмотрѣніи въ соотвѣтствующихъ отдѣленіяхъ, первыя утверждаются самими отдѣленіями, а вторыя—Совѣтомъ (126).

Ст. 141. Студенты пользуются книгами изъ академической библіотеки согласно съ инструкціей Совѣта академіи для библіотекаря (128).

Ст. 142. Въ академіи дозволяется имѣть и особую студенческую библіотеку, наблюденіе за которой принадлежитъ проректору (129).

Ст. 143. При академіи могутъ быть учреждаемы, подъ руководствомъ профессоровъ и съ разрѣшенія Совѣта, студенческіе научные кружки и общества.

Ст. 144. Въ концѣ каждаго учебнаго года производятся испытанія студентовъ въ знаніи преподаваемыхъ имъ наукъ (=130).

Ст. 145. Испытанія производятся посредствомъ комиссій, особо назначаемыхъ для того Совѣтомъ изъ преподавателей академіи, по установленнымъ Совѣтомъ правиламъ (131).

Ст. 146. По болѣзни студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но не болѣе двухъ разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса (134).

Ст. 147. При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента (=135).

Ст. 148. Степени кандидата удостоиваются студенты, оказавшіе удовлетворительные успѣхи по всѣмъ предметамъ четырехлѣтняго академическаго курса и представившіе удовлетворительное сочиненіе (137).

Ст. 149. Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго академическаго курса неудовлетворительные успѣхи не болѣе, какъ по двумъ предметамъ, а также студенты, представившіе неудовлетворительное сочиненіе на степень кандидата, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента (138).

Ст. 150. Кандидаты богословія, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ весьма хорошіе и очень хорошіе успѣхи, имѣютъ

право представить въ Совѣтъ печатную диссертацію на соисканіе магистерской степени безъ новаго устнаго испытанія и удостоиваются сей степени, по признаніи диссертаціи Совѣтомъ удовлетворительною и послѣ публичной удовлетворительной защиты ея (136).

Примѣч. Лучшія изъ кандидатскихъ диссертацій могутъ быть представляемы, въ исправленномъ и переработанномъ видѣ, на соисканіе степени магистра, при чемъ диссертаціи, представляемыя авторами въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ по окончаніи академическаго курса, могутъ быть принимаемы Совѣтомъ въ рукописномъ видѣ и печатаются на счетъ особыхъ, имѣющихся въ распоряженіи академіи суммъ.

Ст. 151. Кандидаты богословія, не оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго академическаго курса по нѣкоторымъ предметамъ успѣховъ, соотвѣтсвующихъ магистерской степени, при соисканіи послѣдней должны, прежде представленія диссертаціи, выдержать новыя устныя испытанія по этимъ предметамъ (139).

Ст. 152. Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата (=140).

Ст. 153. Имѣющіе академическую магистерскую степень удостоиваются степени доктора безъ устнаго испытанія, по представленіи печатной диссертаціи и ея публичной защитѣ (142).

Ст. 154. Получающіе въ академіи кандидатскую степень именуются кандидатами богословія, удостоенные же магистерской или докторской степени носятъ наименованіе магистра или доктора богословія, церковной исторіи, церковнаго права или философіи соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ или представленной и публично защищенной диссертаціи (141).

Ст. 155. Академія имѣетъ право присуждать степень доктора honoris causa тѣмъ изъ лицъ, не входящихъ въ составъ

ея копораціи, которыя пріобрѣли извѣстность отличными по своимъ достоинствамъ учеными трудами (143),

Ст. 156. Подробныя правила испытаній на ученыя степени опредѣляются особымъ положеніемъ, составляемымъ Совѣтомъ академіи (144).

Глава XII. Объ учащихся.

Ст. 157. Студенты обязаны посѣщать лекціи, представлять сочиненія на даваемыя въ теченіе года преподавателями темы и сдавать экзамены (145).

Ст. 158. Студенты по всѣмъ учебнымъ дѣламъ обращаются къ деканамъ отдѣленій, а по остальнымъ дѣламъ къ проректору (146).

Ст. 159. Въ образѣ жизни и поведенія студенты руководствуются требованіями христіанской нравственности и общаго благоприличія, слѣдуютъ уставамъ и обычаямъ православной церкви и неуклонно исполняютъ установленныя для нихъ въ академіи правила и объявляемыя имъ начальственныя распоряженія (145, 147—149).

Ст. 160. Студенты обязаны соблюдать посты, установленные православною церковію, а въ первую и страстную седьмицы великаго поста говѣть и пріобщаться Святыхъ Таинъ. (=147).

Ст. 161. Въ дни воскресные и праздничные студенты должны присутствовать при богослуженіи всенощномъ или утреннемъ и литургіи и участвовать въ богослужебномъ чтеніи и пѣніи. Начальствующіе и учащіе подаютъ въ семъ отношеніи назидательный примѣръ (148).

Ст. 162. Предъ началомъ лекцій и по окончаніи оныхъ, однимъ изъ студентовъ читается молитва; кромѣ того, ежедневно въ положенные часы студентами по очереди читаются молитвы утреннія и вечернія, равно и предъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ.

Ст. 163. Казенокоштные студенты пользуются отъ академіи полнымъ содержаніемъ. Своекоштные студенты принимаются на таковое же содержаніе пансіонерами.

Примѣч. Плата съ пансіонеровъ взимается въ размѣрѣ отпускаемаго на казеннокоштнаго студента (=150).

164. Пансіонеры вносятъ годичную плату въ два въ сентябрѣ и январѣ; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца должны оставить академическое общежитіе (151).

Ст. 165. Въ случаѣ оставленія пансіонеромъ академіи въ теченіе учебнаго года, внесенныя имъ деньги не возвращаются (=152).

Глава XIII. О помѣщеніи и содержаніи студентовъ въ академіи.

Ст. 166. Правила о помѣщеніи и содержаніи студентовъ въ академія опредѣляются Правленіемъ академіи и утверждаются Совѣтомъ.

Глава XIV. Объ окончившихъ курсъ въ академіи.

Ст. 167. Казеннокоштные студенты, по окончаніи академическаго курса, или поступаютъ на духовно-учебную службу, или принимаютъ священный санъ (159).

Примѣч. 1. Казеннокоштные студенты, по окончаніи курса обращаемые въ вѣдѣніе Центрмльнаго Управленія духовно-учебнаго вѣдомства, могутъ быть опредѣляемы на священнослужительскія мѣста по предварительномъ сношеніи мѣстнаго епархіальнаго Преосвященнаго съ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

Примѣч. 2. Своекоштные студенты, въ случаѣ заявленія или желанія поступить на духовно-учебную службу, опредѣляются на оную и на священнослужительскія мѣста на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и казеннокоштные (159).

Ст. 168. Казеннокоштные студенты обязаны за каждый годъ содержанія въ академіи прослужить полтора года на духовно-учебной службѣ или вообще на службѣ по духовному вѣдомству, куда бы они ни были назначены начальствомъ (160).

Ст. 169. Казеннокоштные студенты, въ случаѣ выхода изъ духовно-учебнаго или вообще изъ духовнаго вѣдомства до окончанія учебнаго курса или послѣ онаго до истеченія установленнаго обязательнаго срока службы, должны возвратить въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ сумму, употребленную на нихъ содержаніе въ академіи, по разсчету проведеннаго въ академіи или не дослуженнаго времени (161).

Примѣч. По болѣзни увольняемые изъ академіи студенты освобождаются отъ службы за казенное содержаніе.

Глава XV. О средствахъ къ совершенствованію и распространенію богословскихъ знаній.

Ст. 170. Каждой академіи предоставляется предлагать къ рѣшенію задачи, предметомъ которыхъ должны быть новые вопросы, относящіеся къ той или другой изъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ, и выдавать за рѣшеніе сихъ задачъ преміи, какія могутъ быть установлены (162).

Ст. 171. Равнымъ образомъ академіи предоставляется право открывать публичныя лекціи, учреждать ученыя общества, предметами дѣятельности которыхъ могутъ быть: разработка и изданіе источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и вообще матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію Церкви, обзоръ произведеній отечественной и иностранной богословской литературы, изысканіе способовъ къ возвышенію уровня всѣхъ отраслей богословскихъ наукъ, а равно и прочихъ наукъ съ тѣхъ сторонъ, которыми онѣ соприкасаются съ христіанствомъ и богословскою ученостію, и т. под. (=163).

Ст. 172. Уставы учебныхъ обществъ при академіи утверждаются Святѣйшимъ Синодомъ (=164).

Глава XVI. О правахъ и преимуществахъ академіи и лицъ, принадлежащихъ къ нимъ.

Ст. 173. Богословскія академіи имѣютъ собственныя печати, большую и малую съ изображеніемъ государствен-

наго герба и съ подписью: „*такой-то* богословской академіи“ (165).

Ст. 174. Академіи входятъ представленіями только въ Святѣйшій Синодъ, ко всѣмъ же прочимъ мѣстамъ и лицамъ обращаются отношеніями (166).

Ст. 175. Академіи свободны отъ платежа вѣсовыхъ денегъ за отправляемыя по дѣламъ ихъ письма и посылки, когда послѣднія вѣсомъ не болѣе пуда (=167).

Ст. 176. Академіямъ предоставляется право пріобрѣтать, на правѣ полной собственности, движимыя и недвижимыя имущества.

Ст. 177. Академіи свободны отъ гербоваго сбора и отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ по совершаемымъ отъ имени ихъ актамъ (=168).

Ст. 178. Зданія академіи освобождаются отъ квартирной повинности какъ постоемъ, такъ и деньгами, а равно отъ государственнаго квартирнаго налога и отъ денежныхъ въ пользу города сборовъ. Правило сіе не распространяется на тѣ изъ принадлежащихъ академіямъ зданія, которыя приносятъ доходъ посредствомъ отдачи ихъ въ наемъ (169).

Ст. 179. Академіи могутъ издавать періодическіе труды ученаго содержанія, имѣть собственныя типографіи и книжныя лавки, на общемъ основаніи (=170).

Ст. 180. Академіямъ предоставляется право свободно и безпошлинно выписывать изъ за границы всякаго рода учебныя пособія, на одинаковыхъ основаніяхъ съ Императорскими россійскими университетами (=171).

Ст. 181. Книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя академіями и преподавателями оныхъ изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры (172).

Ст. 182. Изданія, печатаемыя на счетъ академіи, а равно выходящія отъ имени академіи или съ ея одобренія, какъ-то: издаваемые при академіи журналы, актовыя рѣчи, диссертаціи

на ученыя степени, сочиненія на учрежденныя при академіи преміи, лекціи или конспекты преподавателей и разнаго рода пособія по преподаваемымъ ими предметамъ и т. под. не подлежатъ вѣдѣнію общихъ цензурныхъ установленій. Соотвѣтственное разрѣшеніе въ потребныхъ случаяхъ дается Совѣтомъ и, по уполномочію его, ректоромъ или однимъ изъ членовъ Совѣта (173).

Примѣч. Литографированіе лекцій, конспектовъ и другихъ пособій, предназначенныхъ для употребленія студентовъ, производится подъ отвѣтственностію самихъ преподавателей.

Ст. 183. Права и преимущества какъ служащихъ при академіи лицъ, такъ и получающихъ отъ оной ученыя степени, опредѣляются особымъ положеніемъ (=174).

Ст. 184. Окончившіе курсъ въ академіяхъ, при отправленіи ихъ къ должностямъ по духовно-учебному вѣдомству, получаютъ прогонныя деньги и не въ зачетъ жалованье въ установленномъ размѣрѣ (=175).

Ст. 185. Кандидатамъ, магистрамъ и докторамъ богословскихъ академій, какъ имѣющимъ духовный санъ, такъ и свѣтскимъ, предоставляется носить особо установленные кресты и знаки соотвѣтствующихъ ученыхъ степеней (176—177).

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „18 февраля 1906 года. Согласенъ".

1906 года 7 февраля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутство.

ординарные и экстраординарные профессоры, доценты и и.
нты Академіи.

чали: Актъ пріемныхъ испытаній вольнослушателя священника г. Кіева Саввы Петруневича.

Справка 1. Указомъ Св. Синода отъ 13 декабря 1905 года предоставлено было Совѣту Академіи допустить вольнослушателя Академіи, свящ. г. Кіева Савву Петруневича къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ 1 курса Академіи.

2. По 111 § Уст. дух. акад., желающіе поступить въ Академію принимаются въ нее не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи въ ней повѣрочнаго испытанія. По указу же Святѣйшаго Синода отъ 7 апрѣля 1876 года за № 1003, экзаменующіеся для поступленія въ число студентовъ Академіи должны имѣть удовлетворительныя отмѣтки по каждому предмету не ниже „3“, снисхожденіе же можетъ быть оказано въ отношеніи къ получившимъ одинъ баллъ „2“ и при томъ когда отмѣтка „2“ прикрывается удовлетворительнымъ балломъ по другому однородному предмету.

Постановили: Священника г. Кіева Савву Петруневича принять въ число студентовъ 1 курса Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „1 марта 1906 г. Утверждается“.

1906 г. 3, 6, 7, 8 февраля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи.

Слушали: *1.* Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 28 минувшаго января указъ Св. Синода отъ 27 января 1906 года за № 938: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21 января сего года за № 547, коимъ объявляетъ, что Его Императорскому Величеству, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 20-й день текущаго января, благоугодно было Высочайше соизволить на предоставленіе Святѣйшему Синоду права изъясненныя въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 26 ноября 1905 года за № 6081, предположенія примѣнять къ академической жизни, въ видѣ временныхъ мѣръ, до созыва Церковнаго Собора, въ зависимости отъ хода дѣлъ въ духовныхъ академіяхъ, безъ испрошенія на сіе особаго Высочайшаго соизволенія. Справка: Въ заботахъ объ устроеніи духовнаго просвѣщенія и въ виду предстоящаго пересмотра нынѣ дѣйствующаго устава духовныхъ академій, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію, отъ 26 ноября 1905 г. за № 6081, призналъ цѣлесообразнымъ установить тамъ же главныя основанія, которыя должны быть при семъ приняты къ руководству. Основанія сіи заключаются въ нижеслѣдующемъ: 1) Духовныя академіи находятся въ подчиненіи высшей церковной власти въ лицѣ Святѣйшаго Синода и состоятъ подъ попечительнымъ наблюденіемъ мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго; 2) ректоръ и инспекторъ академіи избираются академическою корпораціею

— ... —

профессоръ доцент...

...

...питани вольнослушателя,
...Петрушевичъ.

... отъ 1[...] декабр. 190...
...отстутствія ...
...

..... Ректоръ
...ть ученую
...залась не-
...жности рек-
...ое времен-
...родолжаться
...вѣта должны
...эссора и до-
...ости прини-
...даватели Ака-
...окончательное
...хъ и самостоя-
...въ, разрѣшеніе
...енныя правила
...ъ академической
...Императорскаго
...орядокъ учебныхъ
...прерванныхъ, бу-
...аженный въ п. 2
...кадемій былъ осу-
...й на сихъ мѣстахъ,
...риказали: Нынѣ, съ
...Митрополитовъ: С.-Пе-
...реосвященства и Архіепи-
...о года учебныя занятія въ
...сь и продолжаютъ идти въ
...этотъ добрый примѣръ для
...ій къ добровольному подчиненію
...сти какъ преподавателей, такъ и
...вской наукѣ, Святѣйшій Синодъ
...ныя въ Синодальномъ постановленіи,
...за № 6081, основныя начала устрой-
...ѣ же привести въ дѣйствіе въ

видѣ временной мѣры до созыва Помѣстнаго Собора, и 2) поручить Учебному Комитету, сообразно съ вышеизложеннымъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, произвести въ нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ духовныхъ академій необходимыя согласованія, о чемъ и представить Святѣйшему Синоду. Объ изложенномъ послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Принять къ исполненію.

II. Прошеніе настоятеля Кутаисскаго Архангельскаго собора, кандидата Кіевской Духовной Академіи, протоіерея Корнилія Кекелидзе, отъ 12 января сего года: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ переработать, согласно указаніямъ рецензентовъ, мое кандидатское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе"—въ магистерскую диссертацію".

Постановили: Разрѣшить протоіерею К. Кекелидзе переработку кандидатскаго его сочиненія „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе" въ магистерскую диссертацію.

III. Отношеніе Богоявленскаго при Кіевской Духовной Академіи Братства для вспомоществованія служащимъ въ Академіи и студентамъ ея, отъ 20 минувшаго января за № 15: „Въ общемъ собраніи Богоявленскаго при Кіевской Духовной Академіи Братства 31 декабря 1905 года былъ заслушанъ отчетъ о состояніи суммъ и о дѣятельности Братства за 1905 годъ. Составленный объ этомъ журналъ общаго собранія членовъ Братства, за № 32, представленъ былъ на утвержденіе Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Флавіана. Нынѣ, по утвержденіи означеннаго журнала Его Высокопреосвященствомъ, Совѣтъ Братства честь имѣетъ,

на основаніи § 58 устава, представить отчетъ о состояніи суммъ и о дѣятельности Братства въ Совѣтъ Академіи".

Постановили: Отчетъ Богоявленскаго Братства за 1905 годъ принять къ свѣдѣнію и напечатать при протоколахъ Совѣта Академіи на счетъ ассигнованной 17 ст. штата духов. академіи суммы на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій.

IV. Докладъ секретаря Совѣта: „Резолюціями Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Флавіана, отъ 19 и 30 минувшаго января, разрѣшено слушаніе лекцій въ Кіевской Академіи, въ качествѣ вольнослушателей, заштатному священнику Кіевской епархіи Стефану Синявскому и студенту Кіевской духовной семинаріи Николаю Сикачинскому. О семъ имѣю честь доложить Совѣту Академіи".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Прошеніе вольнослушателей Академіи священниковъ: Стефана Синявскаго, Константина Стешенко и Іоанна Торанскаго, отъ 7 и 8 сего февраля, о разрѣшеніи имъ держать въ текущемъ учебномъ году пріемныя испытанія для поступленія въ студенты Академіи.

Постановили: Просьбу священниковъ С. Синявскаго, К. Стешенко и І. Торанскаго отклонить.

VI. Прошеніе студента 1 курса Академіи С. Мурашева, отъ 6 сего февраля, объ освобожденіи его отъ занятій по англійскому языку.

Справка: Студентъ С. Мурашевъ въ сентябрѣ 1905 года записался на нѣмецкій и англійскій языки.

Постановили: Освободить студента С. Мурашева отъ занятій по англійскому языку.

VIII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 31 октября 1905 г. указъ Св. Синода отъ 27 того же октября за № 10702: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 сентября сего года за № 21.663, по сообщенному Товарищемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ ходатайству окончившаго богословскій факультетъ Бухарестскаго университета румынско-подданнаго Людвига Козмы о предоставленіи ему стипендіи для изученія богословскихъ наукъ при Кіевской Духовной Академіи съ цѣлію пріобрѣтенія званія доктора богословія. Приказали: 1) Разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи принять окончившаго богословскій факультетъ Бухарестскаго университета румынско-подданнаго Людвига Козму въ Академію, и 2) назначить на содержаніе его въ Академіи стипендію изъ синодальныхъ средствъ, съ отнесеніемъ расхода на эту стипендію, съ начала 1905—6 учебнаго года въ размѣрѣ двухсотъ десяти рублей въ годъ, на счетъ остатковъ отъ доходовъ съ имѣній молдавскихъ монастырей въ Бессарабіи; о семъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Окончившаго богословскій факультетъ Бухарестскаго университета румынско-подданнаго Людвига Козму принять въ число студентовъ 1 курса Академіи.

На семъ журналѣ его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „1 марта 1906 г. Читалъ".

1906 года 24 февраля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ордин. проф. П. Лиицкаго, орд. проф. А. Дмитріевскаго, экстр. проф. Н. Маккавейскаго, доцента И. Четверикова, не бывшихъ по причинѣ болѣзни, заслуж. экстр. проф. прот. І. Королькова, не бывшаго по исполненію служебныхъ обязанностей, заслуж. экстр. проф. прот. Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по семейнымъ обстоятельствамъ, орд. проф. прот. Ѳ. Титова и доцента Н. Мухина, не бывшихъ по нахожденію въ отпускѣ.

Слушали: I Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона: „Студенты первыхъ трехъ курсовъ Академіи сообщили мнѣ, что они съ 19 минувшаго января, со дня заданія имъ темъ для семестроваго сочиненія, весьма мало успѣли сдѣлать по написанію его и затрудняются и даже положительно не могутъ представить это сочиненіе въ вполнѣ законченномъ и обработанномъ видѣ въ назначенное имъ время—1 марта сего года, въ виду чего они покорнѣйше просили перенести имъ срокъ подачи сочиненія на 24 марта мѣсяца. Вмѣстѣ съ этимъ они указали, что время послѣ Пасхи до экзаменовъ имъ необходимо будетъ использовать въ цѣляхъ усвоенія пройденныхъ курсовъ наукъ и приготовленія къ экзаменамъ, почему они также просили освободить ихъ отъ подачи второго семестроваго сочиненія, которое назначено имъ на 1 мая сего года. Предлагаю Совѣту Академіи обсудить эти вопросы".

Постановили: Срокъ подачи перваго семестроваго сочиненія перенести съ 1 на 23 марта сего года и освободить студентовъ первыхъ трехъ курсовъ отъ подачи второго семестроваго сочиненія, назначеннаго на 1 мая сего года.

II. Письмо заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета А. П. Лебедева, отъ 13 сего февраля: „Ваше Преосвященство и достопочтеннѣйшіе члены Совѣта Кіевской Духовной Академіи!

Польщенный Вашимъ выборомъ въ почетные члены Академіи, осмѣливаюсь изъявить Вамъ мою глубокую благодарность. Съ именемъ ученой коллегіи Кіевской Академіи въ моей мысли всегда соединялось представленіе, какъ объ одномъ изъ очаговъ нашего духовнаго просвѣщенія, ни на минуту не терявшемъ своего яркаго свѣта и плодотворной энергіи. Поэтому сблизиться съ такою коллегіею, въ качествѣ ея почетнаго члена, считаю для себя исключительною честію.

Пользуясь этимъ случаемъ, чтобы повѣдать, какъ кажется не лишенный любопытства, эпизодъ изъ моей біографіи, думаю,—мало кому извѣстный изъ высокоуважаемыхъ членовъ Совѣта Академіи и по крайней мѣрѣ достодолжно ими забытый.

Въ протоколахъ Московской дух. Академіи отъ 24 сентября 1870 г. значится:

„Слушали отношеніе Совѣта Кіевской Духовной Академіи, которымъ, увѣдомляя Совѣтъ здѣшней Академіи о томъ, что окончившій полный курсъ воспитанникъ здѣшней Академіи Алексѣй Лебедевъ предложенъ кандидатомъ на вакансію наставника въ Кіевской Академіи, по каѳедрѣ логики и метафизики, проситъ сообщить нужныя свѣдѣнія для дальнѣйшаго движенія этого дѣла. Опредѣлили: увѣдомить Совѣтъ Кіевской Академіи, что воспитанникъ Лебедевъ, по произведенному въ Совѣтѣ баллотированію, предназначается для занятія наставнической вакансіи въ здѣшней (т. е. Московской) Академіи“.

Поименованный въ этомъ протоколѣ воспитанникъ Лебедевъ, это именно я, нижеподписавшійся. Отсюда видно, что назадъ 35 лѣтъ мнѣ открывалась пріятная перспектива сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ корпораціи Кіевской Академіи. Но судьбѣ неугодно было, чтобы совершилось это событіе. Пред-

назначеніе не осуществилось. Тѣмъ отраднѣе для меня, что если нѣкогда сближеніе мое съ достопочтенной Академіей не пришло въ исполненіе, то теперь, хотя и въ другой формѣ оно стало дѣйствительнымъ фактомъ. Судьба смиловалась надо мною.

Но вотъ вопросъ: сожалѣть ли о томъ, что я не вошелъ въ Кіевскую Академію въ свое время, съ очень отвѣтственною ролью, и что только уже на склонѣ лѣтъ приближенъ къ ней, въ качествѣ ея сателлита? Думаю, что сожалѣть объ этомъ едва ли можно. Философскаго таланта я у себя не замѣчаю, даже не чувствую большой склонности къ умозрѣніямъ вообще, какой же изъ меня вышелъ бы философъ? Не на благо ли Кіевской Академіи случилось то, что я не сдѣлался въ ней преподавателемъ логики и метафизики?

Я могъ бы сказать при этомъ, что избранная мною иная спеціальность оказалась мнѣ болѣе по плечу, и въ доказательство сослался бы на слова, находящіяся въ присланномъ мнѣ отъ Совѣта Кіевской Академіи дипломѣ, въ которыхъ говорится „о моихъ капитальныхъ ученыхъ трудахъ", если бы я не зналъ, какая большая мѣра снисходительности должна быть приложена при оцѣнкѣ моихъ работъ для признанія ихъ даже только не совсѣмъ лишними.

Во всякомъ случаѣ, по истинѣ счастливъ, что мое сближеніе съ Кіевскою Академіею, не осуществившееся назадъ тому много лѣтъ, теперь произошло.

Отъ всей души пожелаю Кіевской Академіи и достойнѣйшимъ членамъ ея ученой коллегіи новаго блеска и новыхъ великихъ успѣховъ на поприщѣ науки, и увѣренъ, что такъ это и будетъ, ибо автономная Академія, какою она стала, дастъ для ея ученой дѣятельности такой просторъ, о которомъ еще мѣсяцъ тому назадъ приходилось только мечтать."

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. а) Отношеніе Правленія Волынской духовной семинаріи, отъ 11 ноября 1905 года за № 2993: „Въ составѣ фундаментальной библіотеки Волынской семинаріи имѣется не малое число книгъ на польскомъ и итальянскомъ языкахъ. Правленіе семинаріи, полагая, что означенныя книги могутъ быть полезны для научныхъ работъ, представляло на благоусмотрѣніе Преосвященнаго Антонія, Епископа Волынскаго и Житомірскаго, о желательности обмѣна этихъ книгъ на такія изданія, которыя полезны для педагогическихъ нуждъ семинаріи; при чемъ Правленіе семинаріи остановилось на мысли о передачѣ польскихъ и итальянскихъ книгъ въ Кіевскую Академію. Правленіе Волынской семинаріи выработало слѣдующія условія желательнаго для него обмѣна книгъ.

1) Библіотеки передаются въ Академію полностью по каталогамъ, за исключеніемъ слѣдующихъ №№ польской библіотеки: 2, 3, 6, 942 и 1152, какъ существенно необходимыхъ при семинаріи для справокъ; послѣднія два изданія съ этою спеціальною цѣлью и пріобрѣтены въ библіотеку въ недавнее время на средства семинаріи.

2) Книги пересылаются въ Академію упакованными въ ящики въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ прибыли изъ г. Кременца въ г. Житоміръ (за неимѣніемъ шкаповъ ящики еще не раскупорены).

3) Расходы по переупаковкѣ нѣкоторыхъ ящиковъ (плохихъ) и перевозкѣ ихъ Академія принимаетъ на свой счетъ.

4) Въ обмѣнъ на библіотеки польскую и итальянскую Кіевская Духовная Академія даетъ Волынской духовной семинаріи по одному экземпляру всѣхъ своихъ изданій, за исключеніемъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ до 1905 года включительно.

5) Кромѣ того, Кіевская Духовная Академія высылаетъ въ фундаментальную библіотеку Волынской духовной семинаріи издаваемый ею журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ на все дальнѣйшее время изданія его безплатно. Изложенныя

условія, представленныя Преосвященному Антонію при журнальномъ опредѣленіи Педагогическаго Собранія Правленія Семинаріи,—утверждены Его Преосвященствомъ 2-го сего ноября, при чемъ собраніе полагало,—по воспослѣдованіи разрѣшенія Его Преосвященства, предложить Академіи обмѣнъ книгъ на изложенныхъ условіяхъ.

Препровождая при семъ по почтѣ казенной посылкой: 1) каталогъ книгъ на польскомъ языкѣ (въ одномъ томѣ) и 2) итальянскій каталогъ (въ пяти тетрадяхъ),—Правленіе Волынской духовной семинаріи имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской Академіи войти въ обсужденіе означенныхъ условій обмѣна книгъ и о послѣдующемъ не оставить увѣдомленіемъ".

б) Донесеніе библіотекаря Академіи А. Крыловскаго, отъ 6 сего февраля: „Честь имѣю почтительнѣйше донести Правленію Академіи, что въ разсмотрѣнныхъ мною каталогахъ книгъ, присланныхъ въ Академію Правленіемъ Волынской дух. семинаріи въ виду желаемаго послѣднимъ обмѣна значащихся въ этихъ каталогахъ сочиненій на академическія изданія, значительное большинство коихъ (сочиненій) не имѣется въ академической библіотекѣ, другія-же, хотя являются дублетами, но не теряютъ вслѣдствіе этого, по моему мнѣнію, своей научной цѣнности, ибо составляютъ изданія рѣдкія, нынѣ съ большимъ трудомъ пріобрѣтаемыя и часто требуемыя при научныхъ занятіяхъ".

Постановили: Увѣдомить Правленіе Волынской дух. семинаріи, что Совѣтъ Академіи находитъ условія передачи книгъ семинарской фундаментальной библіотеки на польскомъ и итальянскомъ языкахъ вполнѣ пріемлемыми для Академіи и, выражая глубокую благодарность за предлагаемую передачу книгъ, проситъ доставить ихъ въ Академію; редакціи академическаго журнала сообщить о доставленіи въ фундаментальную библіотеку Волынской дух. семинаріи по одному экземпляру всѣхъ, имѣющихся въ редакціонномъ складѣ, академическихъ изданій, кромѣ „Трудовъ" Академіи до 1905 г. включительно,

и о высылкѣ туда же „Трудовъ“ Академіи съ текущаго года безплатно.

II. Прошеніе студента I курса Академіи Георгія Бѣгалловича, отъ 13 сего февраля, объ оставленіи его, по болѣзни, на повторительный курсъ съ сохраненіемъ занимаемой имъ казенной стипендіи.

Постановили: Студента Г. Бѣгалловича оставить на второй годъ на I курсѣ съ сохраненіемъ казенной стипендіи.

V. Прошенія:

а) студента I курса Московской Духовной Академіи іеромонаха Палладія, отъ 21 сего февраля, на имя Преосвященнаго Ректора: „1906 года февраля 17 дня мною подано Ректору Московской Духовной Академіи заявленіе, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства академическаго врача, о томъ, что сѣверный климатъ для меня, какъ южанина, очень вредно отзывается на моемъ здоровьи. Такъ какъ г. Кіевъ обладаетъ болѣе мягкимъ климатомъ, я покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять меня въ число студентовъ ввѣренной Вамъ Академіи на I курсъ“,

б) студента III курса Казанской Духовной Академіи Петра Будрина, отъ 10 сего февраля: „Симъ прошу Васъ, Ваше Преосвященство, и Совѣтъ Академіи принять меня въ число студентовъ III курса Кіевской Академіи. Препятствій къ моему переводу со стороны Казанской академической администраціи не имѣется. Причина, побудившая меня перемѣнить мѣстопребываніе—разстроенное здоровье“.

Постановили: Предоставить поименованнымъ студентамъ съ просьбами о переводѣ ихъ въ Кіевскую Академію обратиться въ началѣ слѣдующаго, 1906/7 учебнаго года.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „6 марта 1905 г. Читалъ“.

1906 года 24 февраля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ордин. проф. П. Лиицкаго, ордин. проф. А. Дмитріевскаго, экстр. проф. Н. Маккавейскаго, доцента И. Четверикова, не бывшихъ по причинѣ болѣзни, заслуж. экстр. проф. прот. І. Королькова, не бывшаго по исполненію служебныхъ обязанностей, заслуж. экстр. проф. прот. Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по семейнымъ обстоятельствамъ, ордин. проф. прот. Ѳ. Титова, и доцента Н. Мухина, не бывшихъ по нахожденію въ отпускѣ.

Слушали: Прошенія студента I курса Академіи Николая Балабухи:

а) отъ 15 сего февраля: „основываясь на примѣрахъ прошлыхъ лѣтъ относительно льготнаго прохожденія академическаго курса студентами, окончившими высшія учебныя заведенія, я обращаюсь къ Вашему Преосвященству и Совѣту Академіи съ нижеслѣдующими ходатайствами:

1) Прошу разрѣшить мнѣ въ настоящемъ году не держать экзамена по древне-еврейскому языку, а перенести его на одинъ изъ слѣдующихъ годовъ. Потерявъ не по своей винѣ половину учебнаго года, я откровенно сознаюсь, что не могу въ три мѣсяца изучить совершенно для меня незнакомый языкъ; форсированное же занятіе будетъ вдвойнѣ безполезно: во-первыхъ,

форсированное изученіе не можетъ дать настоящаго знанія, а во-вторыхъ, отниметъ время, необходимое для другихъ болѣе плодотворныхъ занятій; между тѣмъ въ каникулярное время я могу восполнить свободно дефекты въ знаніи еврейскаго языка.

II) Прошу разрѣшить въ настоящемъ году кромѣ предметовъ, входящихъ въ программу перваго курса, держать экзаменъ еще по новой гражданской исторіи и по исторіи и обличенію раскола, а такъ какъ студентамъ второго курса задава тема по послѣднему предмету, то если Совѣтъ найдетъ необходимымъ, то я согласенъ въ настоящемъ году написать помимо первокурсныхъ сочиненій еще и сочиненіе на тему по исторіи Раскола.

III) Прошу въ будущемъ году зачислить меня въ виду вышеизложеннаго, студентомъ третьяго курса, чтобы я имѣлъ возможность тогда представить сочиненія на темы сего курса съ тѣмъ, чтобы я выдержалъ экзаменъ одновременно съ предметами третьяго курса и по предметамъ второго курса, кромѣ тѣхъ, которые я выдержу въ нынѣшнемъ году.

Такимъ образомъ я буду имѣть возможность пройти академическій курсъ вмѣсто четырехъ лѣтъ въ три года".

б) отъ 23 того же февраля: „Въ дополненіе къ ранѣе поданному прошенію ходатайствую о разрѣшеніи держать экзамены по латинскому и нѣмецкому языкамъ въ размѣрѣ перваго и второго курсовъ.

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь присовокупить, что я подалъ уже семестровое сочиненіе перваго курса и такимъ образомъ имѣю время для написанія второкурснаго сочиненія, о разрѣшеніи чего я просилъ въ раннѣе поданномъ прошеніи; кромѣ того, я своевременно (въ октябрѣ) представилъ семестровую проповѣдь, не представленную другими студентами, а слѣдовательно, если моя просьба о зачисленіи меня въ слѣдующемъ году на третій курсъ будетъ удовлетворена, то по количеству представленныхъ письменныхъ работъ, я буду равенъ со студентами, нормально проходящими курсъ".

Справка: Студентъ Н. Балабуха, до своего поступленія въ число студентовъ Академіи, окончилъ въ 1877 году полный курсъ Военно-Юридическаго Училища, воспитанникамъ коего предоставлены права высшихъ учебныхъ заведеній.

Постановили: Соглашаясь удовлетворить просьбу студ. Н. Балабухи о разрѣшеніи ему пройти указаннымъ имъ способомъ академическій курсъ въ три года, обратиться чрезъ Его Высокопреосвященство въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ студенту Н. Балабухѣ пройти въ теченіе трехъ лѣтъ полный академическій четырехлѣтній курсъ.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „6 марта 1906 года. Согласенъ“.

1906 года 13 марта.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. орд. проф. К. Попова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, заслуж. ордин. проф. В. Пѣвницкаго, С. Голубева, ординарныхъ профессоровъ В. Завитневича и прот. Ѳ. Титова, находящихся въ составѣ Особаго Присутствія при Св. Синодѣ для разработки и подготовки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на Помѣстномъ Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи

23 февраля сего года указъ Св. Синода отъ 22 того же февраля за № 2234: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 20 сего февраля, журналъ Учебнаго Комитета за № 65, съ проектомъ временныхъ измѣненій въ дѣйствующемъ уставѣ духовныхъ Академій. Приказали: Впредь до составленія новаго устава Духовныхъ Академій и утвержденія онаго въ установленномъ порядкѣ, ввести въ дѣйствіе слѣдующія измѣненія въ параграфахъ академическаго устава: § 2: „Духовная Академія, находясь въ подчиненіи Святѣйшему Синоду, состоитъ подъ попечительнымъ наблюденіемъ мѣстнаго Епархіальнаго Преосвященнаго и содержится на средства, имѣющіяся въ распоряженіи Святѣйшаго Синода"; § 11: „Епархіальному Преосвященному принадлежитъ попечительное наблюденіе за Академіей"; §§ 13, 14, 16 и 19 устава опустить"; § 15: „Епархіальный Преосвященный можетъ дѣлать Совѣту Академіи письменныя предложенія къ обсужденію"; § 20: „Ректоръ Академіи избирается Совѣтомъ Академіи и утверждается въ должности Святѣйшимъ Синодомъ. Ректоръ Академіи состоитъ въ духовномъ санѣ и долженъ имѣть ученую степень не ниже магистра богословія. Еслибы оказалась необходимость временно допустить къ исправленію должности лицо, не имѣющее духовнаго сана, то такое временное исполненіе обязанностей ректора не можетъ продолжаться долѣе 6 мѣсяцевъ" § 24: Вмѣсто словъ „вносить на разсмотрѣніе Правленія" поставить: „вносить на разсмотрѣніе Совѣта"; § 27 и примѣчаніе: „Ректоръ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ всѣми должностными лицами Академіи ихъ обязаностей"; § 32: „Инспекторъ Академіи избирается Совѣтомъ Академіи и утверждается въ должности Святѣйшимъ Синодомъ;" въ § 38 слова „въ Правленіе" замѣнить словами „въ Совѣтъ"; § 39: „Въ случаѣ болѣзни или отсутствія инспектора, исполненіе его обязанностей возлагается Совѣтомъ на одного изъ своихъ членовъ, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго"; § 40: Помощ-

ники инспектора, которыхъ полагается два, избираются Совѣтомъ, по рекомендаціи инспектора и представленію ректора, и утверждаются Епархіальнымъ Преосвященнымъ;" § 43: „Подробныя обязанности помощника инспектора опредѣляются инструкціею, составляемою инспекторомъ и утверждаемою Совѣтомъ"; §§ 51 и 52 опустить; § 79: „Совѣтомъ Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ: инспекторъ, всѣ профессоры и доценты; въ случаѣ надобности могутъ быть приглашаемы въ собраніе Совѣта съ правомъ голоса и прочіе преподаватели для слушанія по всѣмъ вопросамъ, по которымъ Совѣтъ сочтетъ нужнымъ ознакомиться съ ихъ мнѣніемъ и объясненіями"; § 81, литера б. п. п. 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10 и 12 включить въ разрядъ дѣлъ, „окончательно рѣшаемыхъ академическимъ Совѣтомъ"; пунктъ 6 подъ лит. в. отнести къ дѣламъ, окончательно рѣшаемымъ Совѣтомъ; § 8: „Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда журналы Совѣта предоставляются на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго или Святѣйшаго Синода, прилагаются и мнѣнія меньшинства"; § 89: „Журналы по дѣламъ, относящимся до ученой дѣятельности Академіи, могутъ быть печатаемы, вполнѣ или въ извлечніи, съ разрѣшенія ректора, на основаніи постановленія Совѣта"; § 94 литера а. п. п. 1 и 2 и литера б. п. п. 1 и 2 перенести въ число дѣлъ „окончательно рѣшаемыхъ Совѣтомъ Академіи"; въ § 115 вмѣсто: „по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго" поставить: „по усмотрѣнію Совѣта„; въ § 157 выраженіе: „ Съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго"—опустить. Объ изложенномъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Принять къ руководству и исполненію.

П. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 22 февраля сего года указъ Св. Синода отъ 21 того же февраля за №: 2169:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ отъ 29 января сего года за № 167, журналъ Учебнаго Комитета за № 52, съ заключеніемъ Комитета, по представленному Вашимъ Преосвященствомъ ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Академіи Димитрія Богдашевскаго въ званіи ординарнаго профессора и объ удостоеніи доцента той же Академіи Николая Мухина званія экстраординарнаго профессора—сверхъ штата, съ присвоенными симъ должностямъ содержаніемъ. Приказали: 1) Утвердить экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи, доктора богословія, Димитрія Богдашевскаго въ должности ординарнаго профессора сверхъ штата, но съ присвоеннымъ сей должности содержаніемъ, со дня избранія его въ это званіе Совѣтомъ Академіи, т. е. съ 7 декабря 1905 года, II) доцента той же Академіи, магистра богословія Николая Мухина удостоить званія экстраординарнаго профессора также сверхъ штата, съ присвоеннымъ сей должности содержаніемъ, съ того же 7 декабря 1905 года; и III) расходъ на дополнительное жалованье Богдашевскому по званію ординарнаго профессора по 1000 руб. и Мухину по званію экстраординарнаго профессора по 800 руб., а всего по тысячѣ восемьсотъ рублей въ годъ, отнести, согласно заключенію Хозяйственнаго Управленія, на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. 1 пар. I ст. 2 спеціальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы это жалованье производилось временно, до зачисленія Богдашевскаго и Мухина на штатныя вакансіи ординарнаго и экстраординарнаго профессора, о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: Объ утвержденіи профессора Д. Богдашевскаго въ должности ординарнаго профессора сверхъ штата, съ присвоеннымъ сей должности содержаніемъ, и объ удостоеніи доцента Н. Мухина званія экстраординарнаго профессора также

сверхъ штата, съ присвоеннымъ сей должности содержаніемъ, записать въ формулярный о службѣ ихъ списокъ и сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

III. Циркулярное отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 3 сего марта за № 409: „Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 8 февраля 1906 года за № 675, поручено Учебному Комитету снестись съ Совѣтами Духовныхъ Академій по вопросу объ освобожденіи отъ испытаній окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинарій, вызываемыхъ въ Духовныя Академіи на казенно-коштныя вакансіи Центральнымъ духовно-учебнымъ Управленіемъ, по рекомендаціямъ мѣстныхъ семинарскихъ Правленій, и о допущеніи къ конкурснымъ испытаніямъ для поступленія въ Академіи окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ не только по первому разряду, но и по второму.

Во исполненіе изложеннаго Синодальнаго опредѣленія, Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи сообщить Комитету свое заключеніе по указаннымъ выше вопросамъ.

Постановили: Сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ, что Совѣтъ Академіи, признавая необходимымъ подвергать пріемнымъ испытаніямъ всѣхъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, являющихся, какъ по назначенію семинарскихъ Правленій на казенно-коштныя вакансіи, такъ и волонтерами, находитъ желательнымъ допущеніе къ конкурснымъ испытаніямъ для поступленія въ Академіи окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ не только по первому разряду но и по второму. Къ этому Совѣтъ Академіи присовокупляетъ свое желаніе, чтобы было разрѣшено поступленіе въ Академіи лицамъ женатымъ, а также дозволено своекоштнымъ студентамъ Академій жить внѣ зданій Академій, съ разрѣшенія Совѣта, независимо отъ того, имѣютъ ли желающіе жить на квартирахъ своекоштные студенты въ данномъ академическомъ городѣ родителей или нѣтъ.

IV. Отношеніе Преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ сего 6 марта за № 958 на имя Преосвященнаго Ректора Академіи: „При отношеніи, отъ 10 января сего года за № 22 Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи препроводилъ мнѣ дипломъ на званіе почетнаго члена Академіи, въ число коихъ я избранъ Совѣтомъ за сдѣланное мною пожертвованіе. Глубоко тронутый благосклоннымъ вниманіемъ Совѣта къ моей жертвѣ, за сіе весьма лестное для меня выраженіе вниманія, приношу Вашему Преосвященству и Совѣту Академіи свою сердечную благодарность.

Постанавили: Принять къ свѣдѣнію.

I. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона, отъ 13 сего марта: „Студенты нашей Академіи не разъ и въ прошлыхъ годахъ и въ этомъ обращались ко мнѣ съ просьбою упростить для нихъ операцію полученія книгъ изъ библіотеки и вообще пользованія ими. На дняхъ съ этою цѣлію являлись ко мнѣ студенты и просили разрѣшить имъ оказать помощь академическому библіотекарю въ составленіи систематическаго каталога по наукамъ, въ систематическій каталогъ доселѣ не вошедшимъ. Я отослалъ ихъ къ академическому библіотекарю. Академическій библіотекарь нашелъ этотъ видъ помощи со стороны студентовъ не только неудобнымъ, но и неосуществимымъ; другое-же предложеніе студентовъ о введеніи въ нашей библіотекѣ карточной системы, которая значительно упрощаетъ наведеніе справокъ о книгахъ, находящихся въ библіотекѣ или внѣ ея, нашъ библіотекарь охотно принялъ и являлся ко мнѣ съ просьбою разрѣшить ему купить картонки и приступить къ осуществленію этого дѣла. Въ виду важности и серьезности этого дѣла, я отъ себя лично разрѣшенія не далъ, рѣшивъ представить эти вопросы на обсужденіе Совѣта Академіи и при этомъ съ своей стороны сказать нѣсколько словъ о системати-

заціи или регистраціи книгъ въ нашей фундаментальной библіотекѣ, какъ эта систематизація мнѣ представляется.

Книги нашей библіотеки раздѣляются на внесенныя въ систематическій каталогъ и не внесенныя. Первыя имѣютъ два библіотечныхъ значка: одинъ (новый) для отысканія книги на мѣстѣ, другой (старый) для записи этихъ книгъ при полученіи и для наведенія справокъ объ этихъ же книгахъ, если онѣ кѣмъ-либо взяты изъ библіотеки. Книги, не внесенныя въ систематическій каталогъ и подлежащія внесенію, имѣютъ одинъ библіотечный значекъ, подъ которымъ записываются при поступленіи въ библіотеку, при чемъ записываются онѣ подъ рядъ по мѣрѣ поступленія и безотносительно къ содержанію, не раздѣляясь по наукамъ. Мнѣ представляется, что регистрація книгъ съ новыми и старыми значками служитъ сильнымъ тормазомъ для библіотечнаго дѣла. Старыхъ значковъ у насъ масса, книги приливаютъ почти каждый день, значки растутъ все, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ,—ибо дѣло помощника библіотекаря вписывать ихъ и вписывать безъ конца. Теперь уже для регистраціи книгъ, при ихъ поступленіи, потребовались двойные буквы aa, bb, cc... а далѣе придется утроять эти буквы и т. д. Такая система имѣетъ тотъ несомнѣнный для каждаго существенный недостатокъ, что при ней всегда будетъ двойственность въ регистраціи книгъ: внесенныя въ печатный каталогъ съ 2 значками и не внесенныя съ 1 значкомъ. Уничтожить старые значки библіотекарь нашъ не сможетъ, какъ бы не напрягалъ онъ силы свои, потому что книги постоянно приливаютъ въ библіотеку. Такъ что, если не будетъ введена карточная система для справокъ о книгахъ, существующіе теперь справочники должны будутъ обратиться въ громадные фоліанты съ разнообразнѣйшими значками, въ которыхъ и библіотекарь нашъ можетъ запутаться. Уже и теперь приходится слышать грозные оклики библіотекаря на прислугу, дающую ему камень вмѣсто хлѣба; приходится наблюдать иногда нахмуренную физіономію библіотекаря, ищущаго ключъ къ

уразумѣнію зачеркнутыхъ и перечеркнутыхъ значковъ на книгѣ. Бывали случаи, по словамъ самого-же библіотекаря, что считалась затерянною книга, которая только была переставлена на другое мѣсто, вслѣдствіе всей той же крайней сложности и многочисленности значковъ. Нашъ библіотекарь весьма, поэтому, не любитъ, когда другіе, кромѣ него и свиты его, „роются въ библіотечныхъ шкапахъ“.

Не подумать-ли намъ объ упращеніи настоящей системы? Нельзя-ли вмѣсто сложныхъ значковъ печатнаго каталога съ обозначеніемъ комнаты, шкапа, полки и № книги ограничиться для книгъ, внесенныхъ въ печатный каталогъ, однимъ цифровымъ нумеромъ, обозначеннымъ въ печатномъ каталогѣ передъ каждой книгой. Въ библіотекѣ можно по полкамъ четко наклеить напечатанные ярлыки съ обозначеніемъ цифръ черезъ тысячу, напр.—такъ что пріискивать будетъ весьма легко,—а на самыя книги наклеить при помощи студентовъ новые цифровые номера. Я это видѣлъ въ библіотекѣ Московской Академіи и мнѣ это пришлось по сердцу.

Для книгъ-же, въ печатный каталогъ не внесенныхъ, ввести значки съ обозначеніемъ дробью двухъ цифръ—полки и номера книги,—при чемъ полку не нужно ограничивать длинною шкапа, полку можно растянуть такъ, чтобы на ней можно было поставить до 1000 помѣченныхъ книгъ. Цифровыя обозначенія полокъ напечатать четко, приклеивъ по полкамъ.

Тогда получилось бы однообразіе въ обозначеніи книгъ. Если ввести карточную систему на всю—вписанную къ систематическіе катологи и не вписанную библіотеку, тогда быть можетъ, и не потребуется никакихъ переворотовъ въ библіотекѣ, тогда только уничтожатся эти справочники, замедляющіе операцію въ выдачѣ книгъ и обращеніе съ ними.

Предлагаю на обсужденіе Совѣта этотъ весьма важный вопросъ. Я лично детально не знакомился съ библіотечнымъ дѣломъ и представилъ его сейчасъ такъ, какъ оно представляется мнѣ, 15 лѣтъ пользовавшемуся книгами библіотеки и не

разъ, въ особенности въ студенческіе годы, испытывавшему нѣкоторыя затрудненія въ полученіи книгъ и съ боязнью взиравшему на справочникъ и на библіотекаря, который, по моему тогдашнему представленію, одинъ только могъ разобраться въ паутинѣ значковъ. Я знаю нѣкоторыхъ товарищей своихъ по Академіи, которые изъ за значковъ не брали совсѣмъ книгъ изъ библіотеки.

Быть можетъ, Совѣтъ найдетъ нужнымъ для всесторонняго обсужденія этого вопроса избрать комиссію, въ которую долженъ быть включенъ и библіотекарь Академіи. Комиссія снеслась бы съ библіотеками другихъ Академій, узнала бы про тамошнія операціи, взвѣсила ихъ и потомъ доложила Совѣту. Скажутъ, трудно дѣлать перемѣны въ такомъ сложномъ дѣлѣ,— это правда, но и теперь уже трудно оперировать въ библіотекѣ, а дальше еще труднѣе будетъ. Долженъ сказать, что на матеріальныя затраты, которыя необходимо при этомъ будетъ сдѣлать, имѣется уже 500 рублей".

Постановили: Соглашаясь съ изложеннымъ въ предложеніи Преосвященнаго Ректора Академіи, для всесторонняго обсужденія библіотечнаго вопроса составить комиссію изъ наставниковъ Академіи: А. Дмитріевскаго, А. Булгакова, В. Рыбинскаго, П. Кудрявцева и библіотекаря А. Крыловскаго.

VI. Прошеніе законоучителя Одесской 2 мужской гимназіи, священника Стефана Лобачевскаго: „Представляя въ Канцелярію Кіевской Духовной Академіи въ исправленномъ видѣ свое печатное сочиненіе на тему: „Св. Антоній Великій (его жизнь, писанія и нравственно-подвижническое ученіе)", почтительнѣйше прошу Совѣтъ профессоровъ Академіи принять его къ разсмотрѣнію въ качествѣ диссертаціи на соисканіе степени магистра богословія".

Справка: Свящ. С. Лобачевскій окончилъ полный курсъ наукъ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1898 года со сте-

пенію кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительнаго для сей степени печатнаго сочиненія и защищеніе его на коллоквіумѣ.

Постановили: Представленное сочиненіе передать на разсмотрѣніе профессору К. Попову и доценту. В. Экземплярскому.

VII. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи.

въ январѣ и февралѣ 1906 года:

А) по болѣзни: а) по логикѣ и метафизикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ П. Линицкимъ 2 л. (18 и 21 янв.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 6 л. (23 и 30 янв), 3 и 4 февр.); в) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 1 л. (28 февр.); г) по исторіи русской церкви ординарнымъ профоссоромъ протоіереемъ Ѳ. Титовымъ 4 л. (21. 23, 25 и 28 февр.); д) по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій экстраординарнымъ профессоромъ А. Булгаковымъ 1 л. (23 янв.); е) экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ по педагогикѣ 3 л. (30 янв. 10 и 23 февр.) и по пастырскому богословію 2 л. (31 янв. и 21 февр); ж) по психологіи доцентомъ И. Четвериковымъ 2 л. (4 и 20 Февр.) и з) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 6 л. (16, 23 янв. и 23 февр); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по догматическому богословію заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 2 л. (19 и 20 янв.) и б) по библейской исторіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ Ѳ. Покровскимъ 2 л. (18 янв.); В) по нахожденію въ отпускѣ по

древней общей гражданской исторіи экстраординарнымъ профессоромъ Н. Мухинымъ 4 л. (20, 22, 24 и 27 февр.)".

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

VIII. Докладъ секретаря Совѣта о томъ, что уставомъ духовныхъ академій (§§ 106 и 81 а 1) предъ началомъ академическаго года трубуется отъ Совѣта Академіи назначать предметы повѣрочныхъ испытаній при пріемѣ воспитанниковъ въ Академію.

Постановили: Предметами повѣрочныхъ испытаній, при предстоящемъ въ августѣ сего года пріемѣ воспитанниковъ въ въ Академію, назначить: 1) священное писаніе новаго завѣта 2) общую церковную исторію (до раздѣленія церквей), 3) психологію, 4) одинъ изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменующихся), 5) одно сочиненіе на тему богословскаго содержанія, 6) одно сочиненіе на тему философскаго содержанія и 7) одно сочиненіе на тему историческаго содержанія.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „29 марта 1906 г. Читалъ".

1906 года 13 марта

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные экстраординарные профессоры, доценты

и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ордин. проф. В. Пѣвницкаго, С. Голубева, ординарныхъ профессоровъ В. Завитневича и прот. Ѳ. Титова, находящихся въ составѣ Общаго Присутствія при Св. Синодѣ для разработки и подготовки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ.

Слушали: Докладъ секретаря Совѣта: „Уставомъ духовныхъ академій (§ 109 и 81. в. 1) требуется представлять установленнымъ порядкомъ Св. Синоду о вызовѣ семинарскихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, имѣющаго образоваться въ слѣдующемъ учебномъ году".

Постановили: Вызвать въ составъ новаго академическаго курса 20 воспитаниковъ духовныхъ семинарій, оставивъ 10 казенокоштныхъ вакансій для лучшихъ изъ имѣющихъ явиться къ пріемнымъ испытаніямъ волонтеровъ, о чемъ, согласно § 81 б. 1 Уст. дух. акад., представить Святѣйшему Синоду.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „29 марта 1906 г. Согласенъ".

1906 года 14 апрѣля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ордин. проф. П. Линицкаго, экстр. проф. Н. Маккавейскаго, не бывшихъ по причинѣ

болѣзни, заслуж. ордин. проф. В. Пѣвницкаго и С. Голубева, ординарныхъ профессоровъ В. Завитневича и прот. Ѳ. Титова, находящихся въ составѣ Высочайше утвержденнаго Особаго Присутствія при Св. Синодѣ для разработки и подготовки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ.

Слушали: . Сданный Его Высокопреосвященствомъ Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 30 марта сего года указъ Св. Синода отъ 29 марта 1906 года за № 3798: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали донесеніе Преосвященнаго Донского, отъ 21 февраля сего года за № 3919, съ представленіемъ свѣдѣній о семейномъ священникѣ Донской епархіи Митрофанѣ Прокопьевѣ, подавшемъ прошеніе о допущеніи его къ поступленію въ Духовную Академію. И по справкѣ, Приказали: Въ виду одобрительнаго отзыва Преосвященнаго Донского о священникѣ Митрофанѣ Прокопьевѣ, разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустять названнаго священника, не смотря на его семейное положеніе, къ пріемнымъ испытаніямъ въ 1906—7 учебномъ году для поступленія въ Кіевскую Академію, съ дозволеніемъ ему, въ случаѣ поступленія въ Академію, жить внѣ академическаго зданія о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Допустить священника М. Прокопьева въ августѣ сего года къ пріемнымъ для поступленія въ число студентовъ 1 курса испытаніямъ.

II. а) Отношеніе Предсѣдателя Высочайше утвержденной при Св. Синодѣ Комиссіи описанія синодальнаго архива, отъ 17 марта сего года за № 118 „По распоряженію Его Сіятельства, Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, имѣю честь препрово-

дить при семъ въ Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи экземпляръ принятаго Комиссіею и предлагаемаго для руководства по вѣдомству православнаго исповѣданія проекта правилъ пересылки рукописей и книгъ изъ одного учрежденія въ другое съ покорнѣйшею просьбою не оставить въ возможной скорости отзывомъ по вопросу о примѣненіи ихъ".

б) Проектъ правилъ пересылки рукописей, книгъ и документовъ изъ одного учрежденія въ другое: „Уже давно книгохранилища вѣдомства Св. Синода находятся въ общеніи какъ между собою, такъ и съ книгохранилищами другихъ вѣдомствъ, доставляя другъ другу для пользованія рукописи, печатныя книги, архивныя дѣла, документы, рисунки, фотографическіе снимки и т. п.

Но до сихъ поръ не выработано правилъ для упаковки, пересылки, страхованія и храненія предметовъ, что ведетъ иногда къ жалобамъ, взаимнымъ обвиненіямъ книгохранилищъ и ограниченію общенія.

Нижеслѣдующій проектъ имѣетъ цѣлью упорядочить сношенія между собою книгохранилищъ и обезпечить ихъ интересы.

1) Книгохранилища вѣдомства Св. Синода разныхъ наименованій (Архивъ Св. Синода, Московская Синодальная Библіотека, Библіотека Московской Синодальной Типографіи, библіотеки Духовныхъ Академій, Духовныхъ семинарій и монастырей, Епархіальныя библіотеки и древлехранилища консисторій и т. п.) доставляютъ другъ другу и книгохранилищамъ другихъ вѣдомствъ всѣ требуемыя отъ нихъ рукописи, печатныя книги, архивныя дѣла, документы и пр., которыя въ нихъ имѣются.

2) Отказъ въ доставленіи можетъ послѣдовать отъ книгохранилища лишь въ исключительныхъ случаяхъ а) если требуемый предметъ представляетъ чрезвычайную цѣнность по древности (какъ Святославовъ Сборникъ 1073 года) или по матеріалу (какъ книги въ драгоцѣнныхъ окладахъ) и б) если состояніе требуемаго предмета таково, что онъ легко можетъ

пострадать даже при самой тщательной упаковкѣ (ветхость и т. п.).

3) Книгохранилище-заемщикъ обязано сохранять вытребованный предметъ въ полной безопасности отъ огня и другихъ случайностей

4) Оно отвѣчаетъ за всякій ущербъ, который можетъ быть причиненъ предоставленному въ его пользованіе предмету, и въ случаѣ утраты, должно возмѣстить его стоимость, какъ таковая опредѣлена книгохранилищемъ—собственникомъ при отправкѣ.

5) Книгохранилище-заемщикъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы вытребованный предметъ былъ возвращенъ въ книгохранилище-собственникъ въ той же упаковкѣ, которая была признана необходимою при отправкѣ предмета книгохранилищемъ-собственникомъ (холстъ, кожа, ящикъ и т. п.) и въ срокъ, опредѣленный этимъ послѣднимъ.

6) Въ случаѣ требованія, книгохранилище-заемщикъ обязано принять на себя всѣ расходы книгохранилища-собственника по упаковкѣ, страхованію и пересылкѣ предмета.

7) Книгохранилище-собственникъ, отправляя предметъ, обязано доставить книгохранилищу-заемщику описаніе этого предмета (число листовъ рукописи или дѣла, число миніатюръ въ иллюстрированной рукописи, полное названіе и число томовъ печатной книги, присутствіе или отсутствіе переплета и т. п.) съ указаніемъ главныхъ поврежденій (если таковыя имѣются).

8) Книгохранилище-собственикъ имѣетъ право: 1) опредѣлить стоимость отправляемаго предмета, 2) застраховать этотъ предметъ по собственной оцѣнкѣ на почтѣ, въ страховомъ обществѣ, транспортной конторѣ и т. п., 3) воспользоваться для отправки почтою, желѣзною дорогою, транспортною конторою и т. п. по своему усмотрѣнію.

9) Книгохранилище-собственникъ имѣетъ право поставить книгохранилищу-заемщику, какія найдетъ нужнымъ условія пользованія предметомъ (чтобы предметъ не былъ выносимъ изъ стѣнъ книгохранилища-заемщика, чтобы предметъ былъ предоставленъ въ пользованіе только извѣстному лицу и т. п.)".

Постановили: Увѣдомить Предсѣдателя указанной Комиссіи, что Совѣтъ Академіи вполнѣ согласенъ съ принятымъ Комиссіей и предлагаемымъ для руководства по вѣдомству православнаго исповѣданія проектомъ правилъ пересылки рукописей и книгъ.

III. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи.

въ мартѣ сего года:

А) по болѣзни: а) по русскому и церковно-славянскому языку заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Малининымъ 2 л. (21 ч.); б) по догматическому богословію заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 1 л. (15 ч.); в) по древней общей гражданской исторіи экстраординарнымъ профессоромъ Н. Мухинымъ 1 л. (20 ч.); г) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (13 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по священному писанію новаго завѣта ординарнымъ профессоромъ Д. Богдашевскимъ 2 л. (20 и 22 ч.); б) по патристикѣ ординарнымъ профессоромъ К. Поповымъ 3 л. (3, 20 и 22 ч.); в) по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій экстраординарнымъ профессоромъ А. Булгаковымъ 2 л. (20 ч.); г) по священному писанію ветхаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ В. Рыбинскимъ 2 л. (10 ч.) и по англійскому языку имъ же 1 л. (10 ч.); В) по нахожденію въ отпускѣ: а) по гомилетикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Пѣвницкимъ 11 л. (6, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 17, 20, 23 и 24 ч.); б) по исторіи и обличенію

русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 10 л. (4, 6, 10, 11, 13, 17, 20 и 24 ч.) и по по общей церковной исторіи имъ же 6 л. (8, 9, 15, 16, 22 и 23 ч.); в) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 12 л. (2, 4, 6, 7, 7, 11, 13, 14, 16, 20, 21 и 23 ч.); г) по исторіи русской церкви ординарнымъ профессоромъ протоіереемъ Ѳ. Титовымъ 13 л. 2, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 14, 16, 18, 21, 23 и 24 ч.)".

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго Собранія Совѣта Академіи, для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

IV. Прошеніе кандидата богословія Владиміра Барвинка, отъ 8 апрѣля сего года: „Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Никифоръ Влеммидъ и его богословскіе труды" въ магистерскую диссертацію, измѣнивъ наименованіе его: „Никифоръ Влеммидъ и его сочиненія", и вмѣстѣ съ этимъ допустить меня въ началѣ будущаго учебнаго года къ экзамену по предметамъ: метафизикѣ, исторіи философіи, греческому и еврейскому языкамъ, отмѣченнымъ въ моемъ дипломѣ балломъ, не удовлетворяющимъ требованіямъ для соисканія магистерской степени".

Постановили: Разрѣшить кандидату В. Барвинку переработку кандидатскаго его сочиненія въ магистерскую диссертацію примѣнительно къ указанной въ его прошеніи темѣ, а также допустить его въ началѣ 190⁶/₇ уч. года къ дополнительнымъ для полученія степени магистра испытаніямъ по указаннымъ имъ предметамъ.

V. Прошеніе бывшаго студента III курса Академіи Сергѣя Поспѣлова, отъ 6 сего апрѣля о принятіи его въ число студентовъ 3 курса Академіи.

Справка: С. Поспѣловъ, по окончаніи полнаго курса въ Университетѣ Св. Владиміра, въ августѣ 1903 года поступилъ въ число студентовъ 1 курса Академіи, въ теченіе 190³/₄, 190⁴/₅ уч. годовъ прошелъ первые два курса и въ іюнѣ 1905 года постановленіемъ Совѣта Академіи былъ переведенъ на 3 курсъ; постановленіемъ же Правленія Академіи, согласно прошенію, въ ноябрѣ 1905 года былъ уволенъ изъ Академіи.

Постановили: Принять С. Поспѣлова въ число студентовъ 3 курса Академіи.

VI. Отношенія:

а) Организаціоннаго Комитета по устройству 13-го Областного Археологическаго Съѣзда въ г.г. Владимірѣ, отъ 5 сего апрѣля за № 5; „Несостоявшійся въ прошломъ году Третій Областной Историко-Археологическій Съѣздъ вновь назначенъ на 20 по 30 іюня сего 1906 года въ гор. Владимірѣ, по той же программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 26 ноября 1903 г. Во время Съѣзда предполагаются экскурсы для осмотра древностей въ гор. Суздаль и другія, заслуживающія вниманія въ археологическомъ отношеніи, мѣстности Владимірской губерніи. Для всѣхъ иногороднихъ членовъ и депутатовъ, которые сообщатъ заблаговременно о своемъ намѣреніи прибыть на Съѣздъ, будутъ въ гор. Владимірѣ приготовлены безплатныя помѣщенія.

Сообщая объ этомъ, Организаціонной Комитетъ по устройству Областного Съѣзда имѣетъ честь покорнѣйше просить Кіевскую Духовную Академію принять въ немъ участіе въ лицѣ своихъ представителей, о назначеніи коихъ съ указаніемъ ихъ адресовъ заблаговременно извѣстить Организаціонный Комитетъ“.

б) Лабораторіи Экспериментальной педагогической психологіи въ С.-Петербургѣ, отъ 29 минувшаго марта: „Временная Комиссія по организаціи перваго всероссійскаго съѣзда по педагогической психологіи (въ іюнѣ 1906 года, въ С,-Петербургѣ) имѣетъ честь покорнѣйше просить почтить предстоящій съѣздъ назначеніемъ своего делегата“.

Постановили: Представителемъ отъ Академіи на 3 Областной Археологическій Съѣздъ въ г.г. Владимірѣ командировать ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго, на съѣздъ же по педагогической психологіи командировать экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго и доцента И. Четверикова, о чемъ и извѣстить подлежащія учрежденія по устройству сихъ съѣздовъ. На путевые же и другіе необходимые расходы по поѣздкѣ назначить каждому изъ командируемыхъ лицъ по 50 руб. изъ ассигнованной по смѣтѣ 1906 года суммы на расходы по усмотрѣнію Совѣта Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „1 мая 1906 г. Читалъ“.

1906 года 14 апрѣля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ординарнаго профессора П. Линицкаго, экстр. проф. Н. Маккавейскаго, небывшихъ по причинѣ болѣзни, заслуж. ордин. проф. В. Пѣвницкаго и С. Голубева, ординарныхъ профессоровъ В. Завит-

невича и прот. Ѳ. Титова, находящихся въ составѣ Высочайше утвержденнаго Особаго Присутствія при Св. Синодѣ для разработки и подготовки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ Всероссійскомъ Церковномъ соборѣ.

Слушали: Прошеніе доцента Академіи Ивана Четверикова, отъ 12 сего апрѣля: „Вступивъ на каѳедру психологіи безъ предварительной спеціальной подготовки по этому предмету, я вынужденъ былъ одновременно и изучать свой предметъ, и составлять лекціи для студентовъ. Но мои годичныя занятія убѣдили меня, что ознакомиться со всѣми существующими психологическими школами, оріентироваться въ громадной психологической литературѣ чисто книжнымъ путемъ, работая, такъ сказать, ощупью, безъ всякаго руководства со стороны опытнаго спеціалиста, можно не скоро, для этого требуются многіе годы упорной работы. Нѣкоторые же отдѣлы психологіи и не могутъ быть изучены чисто теоретическимъ путемъ; для изученія ихъ требуются спеціальныя практическія работы. Между тѣмъ на мнѣ лежитъ обязанность теперь-же знакомить своихъ слушателей съ современнымъ состояніемъ науки во всѣхъ ея спеціальныхъ отрасляхъ. Сознавая лежащую на мнѣ отвѣтственность, я желалъ-бы слѣдующій академическій годъ посвятить ознакомленію съ современнымъ состояніемъ психологіи и постановкою преподаванія этого предмета въ Германіи.

Быстрому росту психологіи за послѣдніе годы, выразившемуся въ созданіи новыхъ психологическихъ школъ и въ выдѣленіи изъ общей психологіи нѣкоторыхъ ея отдѣловъ въ качествѣ самостоятельныхъ научныхъ дисциплинъ (напр., индивидуальная, или, по терминологіи Штерна, дифференціальная психологія), соотвѣтствуетъ и широкая постановка преподаванія этой науки въ германскихъ университетахъ. Тамъ не только существуютъ самостоятельныя каѳедры психологіи, чего нѣтъ

въ русскихъ университетахъ, но въ большинствѣ случаевъ они представлены нѣсколькими преподавателями, спеціально знакомящими своихъ служителей съ отдѣльными отраслями психологіи. Но особенно этой широкой постановки преподаванія психологіи способствуютъ практическія занятія, давно уже организованныя при германскихъ университетахъ. Значёніе ихъ несомнѣнно. Присутствуя на нихъ, каждый изучающій психологію непосредственно наблюдаетъ и даже принимаеть отчасти активное участіе въ рѣшеніи психологическихъ проблемъ. Этимъ дается полная возможность не теоретически только ознакомиться съ современнымъ состояніемъ науки, съ методами ея разработки, но и войти въ духъ науки, практически ознакомиться со всѣми психологическими методами и способами ихъ примѣненія, а вмѣстѣ съ этимъ вполнѣ подготовиться къ самостоятельнымъ психологическимъ работамъ. Особенно важно значеніе этихъ практическихъ занятій благодаря примѣненію въ психологіи экспериментальныхъ методовъ. Экспериментъ въ настоящее время не противополагается интроспекціи, а опредѣляется какъ усовершенствованное самонаблюденіе (Martius, Ueber die Ziele und Ergebnisse der experimentellen Psychologia, S, 6, Münsterberg, Ueber Aufgaben und Methodem d. Psychologie; Külpe, Gründriss der Psychologie, S. 10—11 и мн. др.). Имъ пользуются теперь не только психофизіологи, но и психологи спиритуалисты: къ нему прибѣгаютъ при изслѣдованіи проблемъ не только психофизики, но общей психологіи (напр., проблемы памяти, вниманія, внушенія и т. д.). Ни одинъ психологъ въ настоящее время, хотя бы онъ принадлежалъ къ школѣ спиритуалистовъ, не можетъ обойтисъ безъ знанія экспериментальныхъ методовъ, которые становятся все разнообразнѣе и все богаче. Ознакомиться-же съ нимъ возможно только путемъ практическихъ занятій. Въ виду такого громаднаго значенія практическихъ работъ по психологіи широко поставленныхъ при германскихъ университетахъ, онѣ введены теперь въ университетахъ Франціи, Америки и другихъ странъ; въ самое

послѣднее время сдѣланы попытки ихъ организаціи и у насъ въ Россіи. Желательны, конечно, эти практическія занятія и при нашей академіи; но они могутъ быть организованны и руководимы только тѣмъ, кто опытно ознакомился съ ихъ образцовой организаціей при германскихъ университетахъ.

Желая, съ одной стороны, ближе ознакомиться съ современнымъ состояніемъ психологіи, съ широкой постановкой преподаванія этой науки въ германскихъ университетахъ и, съ другой стороны, изучить организацію практическихъ занятій, необходимыхъ при преподаваніи психологіи, я покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о командировкѣ на 190⁶/₇ уч. годъ для научныхъ занятій въ германскихъ университетахъ.

Вмѣстѣ съ этимъ покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о назначеніи мнѣ денежнаго пособія на проѣздъ и жизнь за границей".

Постановили: Признавая съ одной стороны пользу и цѣлесообразность командировки доцента по каѳедрѣ психологіи Ивана Четверикова въ указанныя имъ заграничныя мѣста, а съ другой стороны недостаточность для сей цѣли получаемаго имъ доцентскаго содержанія, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи г. Четверикову таковой командировки на одинъ учебный годъ до 1 сентября 1907 года и объ ассигнованіи ему для сего прибавки къ годовому по должности содержанію въ размѣрѣ 800 руб.

На семъ жуналѣ его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Флавіаномъ, положена резолюція „1 мая 1906. Согласенъ".

1906 года 20 апрѣля:

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ председательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ордин. проф. П. Лининцкаго, не бывшаго по причинѣ болѣзни, заслуж. экстр. проф. прот. Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по служебнымъ обстоятельствамъ, заслуж. ордин. проф. В. Пѣвницкаго, С. Голубева, ордин. проф. В. Завитневича и прот. Ѳ. Титова, находящихся въ составѣ Высочайше утвержденнаго Особаго Присутствія при Св. Синодѣ для выработки и подготовки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ.

Слушали: Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 12 сего апрѣля указъ Святѣйшаго Синода отъ 7 апрѣля 1905 года за № 3888: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали прошенія состоящихъ вольнослушателями Кіевской Духовной Академіи семейныхъ священниковъ Константина Стешенко и Іоанна Торанскаго о разрѣшеніи имъ держать въ текущемъ учебномъ году пріемныя испытанія для поступленія въ число студентовъ названной Академіи и, по выдержаніи этихъ испытаній, подвергнуться курсовому экзамену вмѣстѣ съ студентами 1 курса. И, по справкѣ, Приказали: Разсмотрѣвъ настоящія прошенія, Святѣшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить священниковъ Стешенко и Торанскаго, въ видѣ изъятія, въ настоящемъ учебномъ году къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Академіи и, по выдержаніи этихъ испытаній, къ сдачѣ курсового экзамена вмѣстѣ со студентами I курса, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Допустить священниковъ К. Стешенко и І. Торанскаго въ текущемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ къ пріемнымъ для поступленія въ число студентовъ Академіи испытаніямъ.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „10 мая 1906 г. Читалъ“.

1906 года 24 апрѣля:

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго, А. Розова, экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, доцента И. Четверикова, не бывшихъ по причинѣ болѣзни, заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова и заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова, не бывшихъ по причинѣ присутствія на выборахъ гласныхъ въ Кіевскую Городскую Думу, заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго и С. Голубева, ординарныхъ профессоровъ В. Завитневича и протоіерея Ѳ. Титова, находящихся въ составѣ Высочайше утвержденнаго Особаго Присутствія при Св. Синодѣ для разработки и подготовки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ.

Слушали: II. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона: „Предлагаю Совѣту установить росписаніе годичныхъ испытаній для студентовъ Академій въ текущемъ учебномъ году. При этомъ долгъ имѣю доложить Совѣту, что проф.

П. Линицкій прислалъ заявленіе, что по болѣзни онъ не можетъ участвовать въ производствѣ экзаменовъ; проф. В. Завитневичъ и прот. Ѳ. Титовъ, находящіеся въ С.-Петербургѣ въ составѣ Особаго Присутствія при Св. Синодѣ, просили испытаній по преподаваемымъ ими предметамъ въ текущемъ году не производить, отложивъ ихъ на слѣдующій учебный годъ; проф. В. Пѣвницкій и С. Голубевъ, также состоящіе членами Особого Присутствія при Св. Синодѣ, заявили, что они могутъ явиться въ концѣ мая или началѣ іюня для производства испытаній по своимъ предметамъ; К. Поповъ только что назначенъ членомъ означеннаго Присутствія и на дняхъ выѣзжаетъ въ Петербургъ. При установленіи росписанія экзаменовъ нужно имѣть въ виду назначеніе испытанія по церковной археологіи для студентовъ IV курса, котораго они, за исключеніемъ трехъ студентовъ, будучи на 3 курсѣ, не держали въ минувшемъ учебномъ году".

Справка: Присутствовавшими членами Совѣта было установлено росписаніе испытаній, которое при семъ прилагается.

Постановили: Росписаніе испытаній для студентовъ Академіи на текущій учебный годъ, при семъ прилагаемое, считать окончательно выработаннымъ и напечатать его въ достаточномъ количествѣ для раздачи наставникамъ Академіи и студентамъ ея.

III. Прошеніе преподавателя Екатеринославской духовной семинаріи кандидата богословія Виктора Фаминскаго, отъ 24 сего апрѣля: „Представляя при семъ шестьдесятъ (60) экземпляровъ моего печатнаго сочиненія на тему: „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. А. Сенеки-философа и ихъ отношеніе къ христіанству", представленнаго мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1905 года въ Совѣтъ Академіи въ качествѣ магистерской диссертаціи, честь имѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи дать дѣлу дальнѣйшее движеніе".

Справка: Сочиненіе преподавателя В. Фаминскаго подъ заглавіемъ: „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. А. Сенеки-философа и ихъ отношеніе къ христіанству“ въ рукописи Совѣтомъ Академіи 1 сентября 1905 года признано было удовлетворительнымъ для степени магистра богословія. Представленные В. Фаминскимъ печатные экземпляры его розданы членамъ Совѣта и другимъ преподавателямъ Академіи. Въ настоящемъ собраніи присутствовавшими членами Совѣта даны одобрительныя объ этомъ сочиненіи отзывы.

Постановили: Преподавателя Екатеринославской духовной семинаріи, кандидата богословія Виктора Фаминскаго допустить къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, назначивъ оффиціальными оппонентами при защитѣ заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова и доцента В. Экземплярскаго, время же самаго коллоквіума предоставить назначить Ректору Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „10 мая 1906 г. Читалъ“.

1906 года 27 апрѣля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. орднн. проф. П. Линицкаго, В. Малинина, экстраорд. проф. Н. Маккавейскаго, не бывшихъ по причинѣ болѣзни, заслуж. ордин. профессоровъ В. Пѣвницкаго, С. Голубева и К. Попова, ордин. проф. В. Завитневича и прот. Ѳ. Титова, находящихся въ составѣ

Высочайше утвержденнаго Особаго Присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ, для разработки и подготовки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ.

Слушали: Актъ пріемныхъ испытаній для поступленія въ число студентовъ Академіи вольнослушателей Академіи священниковъ Константина Стешенко и Іоанна Торанскаго.

Постановили: Священникамъ К. Стешенко и I. Торанскому отказать въ пріемъ по неподготовленности ихъ къ прохожденію академическаго курса,

---

На семъ журналѣ его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „10 мая 1906 г. Читалъ“.

1906 года 23 мая.

Съ собранія Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ председательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ордин. проф. В. Пѣвницкаго, С. Голубева и К. Попова, ордин. проф. В. Завитневича и прот. Ѳ. Титова, состоящихъ членами Предсоборнаго Присутствія при Св. Синодѣ, заслуж. ордин. проф. П. Линицкаго, В. Малинина, заслуж. экстр. проф. М. Ястребова, экстр. проф. Н. Маккавейскаго, доцента Н. Мухина, не бывшихъ по причинѣ болѣзни, заслуж. ордин. проф. Розова, не бывшаго по причинѣ выборовъ гласныхъ въ Городскую Думу, заслуж. экстр. проф. прот. Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по служебнымъ обязанностямъ.

Слушали: I. Коллоквіумъ, въ которомъ, въ присутствіи членовъ Совѣта и служащихъ при Академіи лицъ, а также постороннихъ лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ Академіи на основаніи 136 § Уст. дух. акад.—настоятеля Кіево-Выдубицкаго монастыря архимандрита Евлогія, каѳедральнаго протоіерея П. Преображенскаго, начальниковъ и наставниковъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній, священниковъ Кіевскихъ городскихъ церквей и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія, преподаватель Екатеринославской духовной семинаріи, кандидатъ богословія Викторъ Фаминскій защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Люція Аннея Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству“. Оффиціальными оппонентами при защитѣ были: заслуженный ординарный профессоръ Н. Дроздовъ и доцентъ В. Экземплярскій. Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей поясненіе предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженія со стороны оффиціальныхъ оппонентовъ и неоффиціально возражавшаго магистранту и. д. доцента П. Кудрявцева, на которые магистрантомъ даны надлежащіе отвѣты или объясненія. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ Академіи единогласно призналъ удовлетворительною, а магистранта заслуживающимъ степени магистра богословія.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ В. Фаминскимъ сочиненія его „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Аннея Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству“, и на основаніи признанной 1 сентября 1905 года удовлетворительности самаго сочиненія для степени магистра богословія, согласно 136 § уст. прав. дух. акад., и указу Св. Синода отъ 22 февраля сего года за № 2234, удостоить автора его этой степени и выдать ему магистерскій дипломъ.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ въ Совѣтъ Академіи 12 сего мая указъ Св. Синода отъ 12 того же мая за № 5098: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе священника Кіевской епархіи Θеодора Синькевича, окончившаго курсъ ученія по историко-филологическому факультету въ Кіевскомъ Университетѣ Св. Владиміра, о разрѣшеніи ему поступить съ начала 1906—7 учебнаго года въ Кіевскую Духовную Академію. Приказали: Предоставить Совѣту Кіевской Духовной Академіи принять священника Θеодора Синькевича, въ видѣ изъятія, въ число академическихъ студентовъ, не считая къ тому препятствіемъ семейное его положеніе; о чемъ для зависящихъ распоряженій послать Вашему Преосвященству указъ".

Постановили: О священникѣ Θ. Синькевичѣ имѣть сужденіе по представленіи имъ въ Совѣтъ Академіи документовъ.

III. Отношеніе высокопреосвященнаго Никандра, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, отъ 29 минувшаго апрѣля за № 703: „Присланный при отношеніи Совѣта отъ 10 января текущаго года за № 20 дипломъ на званіе почетнаго члена Кіевской Духовной Академіи мною полученъ.

Увѣдомляя о семъ Совѣтъ Академіи, приношу ему искреннюю глубокую благодарность за оказанную мнѣ честь. Въ знакъ признательности покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять отъ меня въ даръ для академической фундаментальной библіотеки нѣсколько древне-греческихъ рукописей, имѣющихъ научное значеніе, которыя будутъ высланы особо нѣсколько позднѣе".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Прошеніе инспектора классовъ Тифлисскаго Іоанникіевскаго епархіальнаго женскаго училища протоіерея Корнилія Кекелидзе, отъ 10 сего мая: „Представляя при семъ

рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе“, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи принять его къ разсмотрѣнію въ качествѣ диссертаціи на соисканіе мною ученой степени магистра богословія.

Справка: К. Кекелидзе окончилъ полный курсъ наукъ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1904 года со степенью кандидита богословія и съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительнаго для сей степени сочиненія и защищеніе его на коллоквіумѣ.

Постановили: Предоставленное прот. К. Кекелидзе сочиненіе передать на разсмотрѣніе ордин. проф. А. Дмитріевскому, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить второго рецензента по своему усмотрѣнію.

V. Прошеніе свящ. Подольской епархіи Алексѣя Оппокова, отъ 3 сего мая, на имя Преосвященнаго Ректора: „Двадцать три года тому назадъ, именно въ 1883-мъ году, я окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Состоя на третьемъ курсѣ, согласно дѣйствовавшаго тогда устава, я написалъ кандидатское сочиненіе (на тему: „Опытъ обозрѣнія посланія св. ап. Павла къ Галатамъ“) и это мое сочиненіе, по рецензіи покойнаго профессора Академіи Ст. Мих. Сольскаго, удостоено кандидатской степени (прот. Сов. Акад. 188²/₃ г., стр. 248—249). Въ томъ же 1883 мъ году, по прошенію, я былъ опредѣленъ на должность законоучителя мужской шестиклассной прогимназіи въ г. Глуховѣ, Черниг. губ., и 21 ноября того же года рукоположенъ въ санъ священника. Въ м. январѣ 1886 г., по моему ходатайству, состоялось мое перемѣщеніе на таковую же должность въ Каменецъ-Подольскую мужскую гимназію, отъ каковой должности, по совѣту врачей, я испросилъ увольненіе въ

м. іюнѣ 1891 г. Съ этого времени и по нынѣ я состою сельскимъ священникомъ и въ продолженіи пятнадцатилѣтняго моего пребыванія въ селѣ, мнѣ приходилось нести разныя административныя должности. Всѣ эти двадцать три года мысль о томъ, что я—не кандидатъ богословія,—что я не окончилъ курсъ Академіи, какъ другіе,—что я удовлетворительно написалъ кандидатское сочиненіе, но кандидатской степени не получилъ и т. п.,—такія мысли, такія думы не оставляли меня никогда. На первыхъ порахъ по выбытіи изъ Академіи я думалъ было искать кандидатской степени путемъ сдачи устныхъ испытаній, служебныя обязанности не давали мнѣ возможности серьезно заняться необходимой подготовкой. Въ 1884 году въ Академіяхъ былъ введенъ въ дѣйствія новый уставъ, разстроившій мое благое намѣреніе. Потомъ пошла семья, перемѣна по службѣ, многосложныя по ней обязанности и пр. и пр. Все это дальше и дальше удаляло меня отъ моего намѣренія, хотя самое это намѣреніе продолжало во мнѣ существовать. Быть можетъ, Господь судитъ этому моему намѣренію исполниться въ настоящемъ году, если только будетъ на это воля Совѣта Кіевской Духовной Академіи и Вашего Преосвященства.

Въ м. ноябрѣ прошлаго года я овдовѣлъ. Нынѣ я весьма желалъ бы быть принятымъ, безъ особаго испытанія на 4-й курсъ въ Кіевскую Духовную Академію, дабы, пробывши здѣсь наступающій учебный годъ, получать степень кандидата богословія. Если сія моя просьба будетъ уважена, то будучи зачисленъ студентомъ Академіи, я намѣренъ принять монашество. Мнѣ было-бы желательно жить при Академіи или же при монастырѣ. Что же касается моей не малой семьи, состоящей изъ семерыхъ дѣтей разнаго возраста, то всѣ они будутъ пристроены на мои средства".

Справка: А. Оппоковъ поступивъ въ число студентовъ Академіи 28 августа 1880 года, прослушалъ въ ней трехлѣтній курсъ общеобязательныхъ и специальныхъ наукъ по Богослов-

скому отдѣленію, на 3 курсѣ представилъ кандидатское сочиненіе, признанное удовлетворительнымъ для сей степени, и, какъ неудовлетворявшій условіямъ для перевода въ IV курсъ по балламъ, на основаніи дѣйствовавшаго въ то время устава и правилъ объ испытаніяхъ на ученыя степени, въ іюнѣ 1883 года выпущенъ былъ изъ Академіи съ аттестатомъ на званіе дѣйствительнаго студента.

2. По указу Св. Синода отъ 29 апрѣля 1884 г. за № 4 студенты, прошедшіе въ 1884 году первые три курса богословскаго отдѣленія Академіи, на 4 курсѣ, въ замѣнъ занятій по уставу 1869 года, согласно новому уставу 1884 года, должны были выслушать для полученія ученой степени или званія: библейскую исторію, гомилетику и исторію проповѣдничества, пастырское богословіе, церковное право, церковную археологію и литургику, церковную исторію—общую и русскую.

Постановили: Свящ. А. Оппокова зачислить съ начала будущаго 1906—7 учебнаго года въ студенты 4 курса Академіи съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого года имъ были выслушаны указанныя во 2 справкѣ науки и исторія и обличеніе русскаго раскола и сданы испытанія по нимъ, о чемъ и увѣдомить его.

VI. Прошеніе студента Академіи румынскаго подданнаго Людовика Космы, отъ 8 сего мая: „По окончаніи существующаго при Букурештскомъ румынскомъ Университетѣ богословскаго факультета и по удовлетвореніи Россійскимъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ моей просьбы о принятіи меня въ Кіевскую Духовную Академію, я пріѣхалъ сюда съ цѣлью, во 1-хъ познакомиться съ религіозно-литературнымъ движеніемъ въ Россіи, во 2-хъ по истеченіи двухъ—трехъ лѣтъ и по усвоеніи мною русскаго языка, съ цѣлью соисканія степени магистра богословія Кіевской Духовной Академіи. Для достиженія этой цѣли, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство ходатайствовать предъ Совѣтомъ Академіи объ удовлетво-

реніи слѣдующей моей просьбы: 1) признать представленный мною въ Правленіе Академіи дипломъ лиценціата богословія за № 3532 равнымъ выдаваемымъ Кіевской Духовной Академіей кандидатскимъ дипломамъ, безъ предварительной экзаменовки по какимъ-либо предметамъ, такъ какъ программа Букурештскаго богословскаго факультета, какъ видно изъ прилагаемаго къ моему диплому устава этого факультета, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, требуемыхъ мѣстными условіями, различій,—почти тождественна съ программой Кіевской Духовной Академіи, во вторыхъ,—предоставить мнѣ право, въ свое время, представить въ Совѣтъ Академіи, для соисканія степени магистра, надлежащее сочиненіе, и опять безъ предварительныхъ дополнительныхъ экзаменовъ, такъ какъ заключающіяся въ моемъ дипломѣ отмѣтки, 9 и 10, соотвѣтствуютъ $4^1/_2$ и 5-ти балламъ академической пяти-бальной системы".

Справка: Л. Косма, на основаніи указа Св. Синода отъ 27 октября 1905 года за № 10702, принятъ былъ въ началѣ текущаго года въ число студентовъ 1 курса Академіи.

Постановили: Объявить Л. Космѣ, что для полученія кандидатской степени онъ долженъ пройти полный академическій курсъ наравнѣ со студентами Академіи.

VII. Прошенія студентовъ Академіи:

IV курса Митрофана Ремезова, отъ 3 сего мая, на имя Преосвященнаго Ректора: „Въ началѣ сего 1906 года мною прислано было заявленіе, а также и медицинское свидѣтельство о моей болѣзни. Не имѣя возможности въ оставшійся довольно краткій срокъ подготовиться къ экзаменамъ и написать кандидатское сочиненіе и при томъ чувствуя себя еще и теперь крайне слабымъ, я покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Преосвященство, ходатайствовать за меня предъ Совѣтомъ Академіи объ оставленіи меня на второй годъ и сохраненіи за мной казеннаго содержанія.

скому отдѣленію, на 3 ку... отъ 11 сего мая: „Болѣзнь
ніе, признанное удовл... ...ся своевременно въ Академію для
неудовлетворявші... мнѣ представляется избрать одно изъ
ламъ, на осно... ...мены одновременно со своими товари-
вилъ объ ис... ...летнихъ каникулъ, если Совѣтъ Академіи най-
выпущен... разрѣшить мнѣ это, или же 2) просить Со-
тельна... ...Академіи оставить меня на повторительный курсъ, не
...у меня числящейся за мною стипендіи.

С... Если Совѣтъ Академіи не найдетъ возможнымъ разрѣшить мнѣ держать экзамены по всѣмъ или по части предметовъ 3-го курса весной, то я почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи допустить меня къ экзаменамъ въ началѣ будущаго 1906—7 учебнаго года.

Въ виду того, что въ истекающемъ учебномъ году былъ читанъ сокращенный курсъ лекцій, три лѣтнихъ мѣсяца даютъ мнѣ полную возможность въ достаточной мѣрѣ ознакомиться съ пройденнымъ моими товарищами курсомъ лекцій и продолжать учебныя занятія въ будущемъ учебномъ году наравнѣ съ ними. Прошу Совѣтъ Академіи не отказать мнѣ въ разрѣшеніи воспользоваться этой возможностью.

Семестровое сочиненіе (по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій), по вышеуказанной причинѣ, мною не написано. Я могу представить его, съ разрѣшенія Совѣта Академіи, въ началѣ будущаго учебнаго года или, въ крайнемъ случаѣ, въ концѣ истекшаго года по окончаніи годичныхъ испытаній".

Постановили: Студента М. Ремезова оставить на второй годъ на IV курсѣ, а студента П. Левицкаго на III курсѣ, съ сохраненіемъ за ними занимаемыхъ ими казенныхъ стипендій.

VIII. Прошеніе студента III курса С. Поспѣлова, отъ 11 сего мая, на имя Преосвященнаго Ректора: „Неблагопріятно сложившіяся обстоятельства заставили меня въ текущемъ учеб-

году прервать начатое богословское образованіе и посту-
а государственную службу въ Черниговскій Окружной
чимая штатную отвѣтственную должность и не имѣя
у права подъ опасеніемъ уголовной отвѣтственности
вилять таковую впредъ до сдачи ея своему преемнику, я
лишенъ возможности явиться въ Академію къ экзаменамъ въ назначенный срокъ. Въ виду этого я почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство разрѣшить мнѣ тѣ экзамены, къ которымъ я не являюсь по указанной причинѣ, держать послѣ лѣтнихъ каникулъ. Удостовѣреніе предсѣдателя суда при семъ прилагаю. Прошеніемъ запоздалъ потому, что только сейчасъ освободился отъ возложеннаго на меня спеціальнаго порученія".

Справка: Свидѣтельство Предсѣдателя Черниговскаго Окружного Суда; отъ 4 сего мая за № 828: „Выдано настоящее свидѣтельство Предсѣдателемъ Черниговскаго Окружнаго Суда младшему кандидату на должности по судебному вѣдомству при семъ Судѣ Сергѣю Михайловичу Поспѣлову, согласно его просьбѣ, заявленной въ концѣ апрѣля сего года, для представленія въ Кіевскую Духовную Академію, въ томъ, что онъ можетъ быть освобожденъ отъ занятій по службѣ въ Окружномъ Судѣ не раньше 25 сего мая 1906 года".

Постановили: Просьбу студента С. Поспѣлова удовлетворить.

IX. Прошеніе студента II курса В. Павловича, отъ 16 сего мая, о разрѣшеніи ему, въ силу неожиданно сложившихся домашнихъ обстоятельствъ, выѣхать на родину 23 сего мая, а экзаменъ по исторіи и обличенію русскаго раскола, назначенный по росписанію на 30 мая, отложить на слѣдующій учебный годъ.

Постановили: Разрѣшить студенту В. Павловичу отпускъ на родину съ 23 сего мая, представивъ ему держать

III курса Петр ... ю русскаго раскола въ слѣдую-
воспрепятствов...
слушанія ...
двухъ: 1 ... ъ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдо-
щами ... ущенныхъ наставниками Академіи.
дет...
в...

Въ апрѣлѣ текущаго года:

...по болѣзни: а) по логикѣ и метафизикѣ заслуженнымъ ...динарнымъ профессоромъ П. Линицкимъ 10 л. (12, 15, 18, 19, 22, 25 и 26 ч.): б) по догматическому богословію заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 2 л. (14 и 19 ч.); в) по психологіи доцентомъ И. Четвериковымъ 2 л. (15 и 22 ч.), а) по нѣмецкому языку лекторомъ Г. Кульманомъ 3 л. (10 и 17 ч.); Б) по нахожденію въ отпускѣ: а) по гомилетикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Пѣвницкимъ 10 л. (10, 11, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 24 и 25 ч.); б) по общей церковной исторіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 5 л. (12, 13, 19, 20 и 26 ч.) и по исторіи и обличенію русскаго раскола 9 л. (10, 14, 15, 17, 21, 22 и 24 ч.); в) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 9 л. (10, 11, 13, 15, 17, 18, 20, 22 и 24 ч.); по исторіи русской церкви ординарнымъ профессоромъ протоіереемъ Ѳ. Титовымъ 10 л. (11, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22 и 25 ч.); В) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по патристикѣ ординарнымъ профессоромъ К. Поповымъ 1 л. (17 ч.); б) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (10 ч.)".

Постановили: Записать въ журналъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „5 іюня 6 г. Читалъ“.

1906 года 30 мая.

Въ Собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ордин. проф. В. Пѣвницкаго, С. Голубева, К. Попова, ордин. проф. В. Завитневича и прот. Ѳ. Титова, состоящихъ членами Предсоборнаго Присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ, заслуж. ордин. проф. П. Линицкаго, заслуж. экстраорд. проф. М. Ястребова, экстраорд. проф. Н. Макавейскаго, не бывшихъ по причинѣ болѣзни, и доцента И. Четверикова, не бывшаго по причинѣ нахожденія въ отпуску.

Слушали: Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона: „Исполняющій обязанности инспектора Академіи заслуженный экстраординарный профессоръ М. Ястребовъ, чувствуя полное разстройство и упадокъ физическихъ силъ, подалъ прошеніе объ исходатайствованіи ему увольненія отъ службы въ Академіи. Предлагаю Совѣту рѣшить вопросъ о временномъ замѣщеніи должности инспектора Академіи до утвержденія отставки М. Ястребова“.

Справка: 1) По § 39 уст. дух. акад. и указу Св. Синода отъ 22 февраля сего года за № 2234, въ случаѣ болѣзни или отсутствія инспектора исполненіе его обязанностей возлагается Совѣтомъ на одного изъ своихъ членовъ съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго.

2) Большинство присутствовавшихъ въ собраніи членовъ Совѣта высказалось за временное возложеніе исполненія обязанностей инспектора, согласно § 39 уст. дух. акад. и указу Св. Синода отъ 22 февраля сего года за № 2234. Исполняющимъ обязанности инспектора впредь до избранія инспектора, по увольненіи М. Ястребова отъ должности, указанъ проф. В. Рыбинскій, который изъявилъ согласіе принять на себя исполненіе обязанностей инспектора.

Постановили: Возложить временное исполненіе обязанностей инспектора Академіи на экстраординарнаго профессора Академіи Владиміра Рыбинскаго, о чемъ, согласно § 39 уст. дух. акад. и указу Св. Синода отъ 22 февраля сего года за № 2234, представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго".

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: 8 іюня 1906 г. Утверждается".

1906 года 30 мая.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные, экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуж. ордин. проф. В. Пѣвницкаго, С. Голубева, К. Попова, ордин. профессоровъ В. Завитневича и прот. Ѳ. Титова, состоящихъ членами Предсоборнаго Присутствія при Св. Синодѣ, заслуж. ордин. проф. П Линицкаго, заслуж. экстраорд. проф. М. Ястребова, экстраорд. проф.

Н. Маккавейскаго, не бывшихъ по причинѣ болѣзни и доцента И. Четверикова, не бывшаго по причинѣ нахожденія въ отпуску.

Слушали: 1. Прошеніе исполняющаго обязанности инспектора Академіи, заслуженнаго экстраординарнаго профессора Митрофана Ястребова, отъ 27 сего мая: „Прослуживъ въ Академіи въ качествѣ наставника 35 лѣтъ и исправляющаго обязанности инспектора четыре года и чувствуя полное разстройство и упадокъ физическихъ силъ, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ службы при Академіи и усиленную за исполненіе инспекторской обязанности пенсію".

Постановили: На основаніи § 81 b. 5 уст. дух. акад., ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи исполняющаго обязанности инспектора заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова отъ службы при Академіи. Дѣло объ исходатайствованіи профессору Ястребову пенсіи, на основаніи § 94. b. 5. Уст. дух. акад., передать въ Правленіе Академіи.

II. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона, объ избраніи кандидата на имѣющую освободиться по увольненіи заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова штатную вакансію экстраординарнаго профессора Академіи.

Слушали: 1) Указами Св. Синода отъ 29 апрѣля 1904 года за № 4187 и отъ 20 февраля 1906 г. за № 2169 доценты Академіи В. Рыбинскій и Н. Мухинъ удостоены были званія экстраординарныхъ профессоровъ сверхъ штата, съ присвоеннымъ сей должности содержаніемъ, съ отнесеніемъ дополнительнаго по сему содержанію расхода временно, до зачисленія ихъ на штатныя вакансіи, по освобожденіи таковыхъ, на счетъ духовно-учебнаго капитала.

2) [illegible] разсужденіяхъ, присутствовавшими членами Со[illegible] въ качествѣ кандидата на имѣющую освободиться за увольненіемъ профессора М. Ястребова вакансію экстраординарнаго профессора указанъ проф. В. Рыбинскій.

Постановили: Профессора В. Рыбинскаго опредѣлить на имѣющую освободиться за увольненіемъ проф. М. Ястребова штатную вакансію экстраординарнаго профессора и, на основаніи § 81 b. 4 устава прав. дух. акад., ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи профессора В. Рыбинскаго въ должности штатнаго экстраординарнаго профессора со дня имѣющаго послѣдовать увольненія проф. М. Ястребова.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „8 іюня 1906 г. Согласенъ.

1906 года 13, 14, 15, іюня.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ С. Голубева, К. Попова, ординарныхъ профессоровъ В. Завитневича и протоіерея Ѳ. Титова, состоящихъ членами особаго Предсоборнаго Присутствія при Св. Синодѣ.

Слушали: I. Отзывы наставниковъ Академіи о сочиненіяхъ студентовъ IV курса, написанныхъ для полученія ученой степени:

1) О сочиненіи студента Сергѣя *Алфавитова* на тему: „Страданія и смерть Іисуса Христа по пѣснопѣніямъ страстной седмицы".

а) Ординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Первый рецензентъ разсматриваемаго сочиненія, проф. А. А. Дмитріевскій, на поляхъ сочиненія документально и съ великою точностью показалъ, что вся первая вступительная часть работы студента Алфавитова, трактующая о важности церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній въ догматическомъ отношеніи, списана съ двухъ русскихъ статей,—списана или цѣликомъ, или съ нѣкоторою незначительною передѣлкою, или просто перестановкою страницъ. Это совершенно ясная, не могущая быть оспариваемою, квалификація первой части работы студента Алфавитова.

Болѣе самостоятельною является вторая часть работы, гдѣ находимый въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ догматическій матеріалъ, касающійся дѣла искупленія Христомъ Спасителемъ человѣчества, авторъ нѣсколько перерабатываетъ и приспособляетъ къ своимъ цѣлямъ. Въ каждой небольшой главѣ этой части различаются два отдѣла: съ одной стороны чисто догматическія разсужденія о причинѣ страданій и смерти Христа (гл. 1), образѣ страданій Христа (гл. 2), способѣ искупленія людей страданіями и смертію Христа (гл. 3), слѣдствіяхъ искупительнаго подвига Спасителя (гл. 4) и т. п., а съ другой стороны—подтвержденіе этихъ догматическихъ разсужденій буквальными выписками изъ церковныхъ пѣснопѣній страстной седмицы, гдѣ заключается именно изложенное догматическое ученіе о страданіяхъ и смерти Господа. Такимъ образомъ, авторъ не разъясняетъ собственно съ догматической точки зрѣнія церковныхъ пѣснопѣній, не идетъ внутреннимъ генетическимъ путемъ, а чисто внѣшнимъ образомъ укладываетъ ихъ въ обычную схему, заимствованную изъ догматики митроп. Макарія. Самыя выдержки иногда не вполнѣ соотвѣтствуютъ утвер-

ждаемой догматической истинѣ. Не оказывается иногда гармоніи между догматическою трактаціею и слѣдующими за нею выписками изъ постной Тріоди. Въ первой, напримѣръ, главѣ много говорится о томъ, что смертью Христа удовлетворена правда Божія, что безъ такого удовлетворенія наши грѣхи не могли бы быть прощены, что въ смерти Христа „правда и милость срѣтостася", а въ приводимыхъ затѣмъ выдержкахъ изъ церковныхъ пѣснопѣній страстной седмицы яснаго подтвержденія этихъ догматическихъ мыслей не находимъ, а разъясняется только, что Христосъ есть наша пасха, что Онъ смирилъ Себя, что солнце ужасается и трепещетъ земля, при видѣ Его страданій. Ради одного какого нибудь догматическаго понятія, напр., что Христосъ избавилъ насъ отъ смерти, даровалъ намъ жизнь вѣчную, нетлѣнный вѣнецъ и т. п., приводятся безъ нужды длинныя выписки изъ богослуженія страстной седмицы и даже не отмѣчаются курсивомъ нужныя выраженія. Необходимъ былъ анализъ церковныхъ пѣснопѣній, часто даже въ своемъ родѣ экзегетическій, гдѣ авторъ встрѣчается съ трудными мѣстами, а отсюда уже—догматическій выводъ. Только такой методъ могъ бы быть, по нашему мнѣнію, полезнымъ. Удивительно, что авторъ нигдѣ не ставитъ спеціальнымъ догматическимъ пунктомъ сошествіе Христа Спасителя во адъ, а между тѣмъ церковныя пѣснопѣнія даютъ здѣсь много такого матеріала, который весьма важенъ и для экзегета. Въ необходимыхъ случаяхъ авторъ для полноты долженъ бы привлечь и другія богослужебныя книги, чего онъ нигдѣ не дѣлаетъ. Какъ представляется адъ, куда сошелъ Господь, въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, это вопросъ весьма интересный.

Въ заслугу автора нужно поставить то, что выдержки изъ церковныхъ пѣснопѣній страстной седмицы онъ перевелъ на русскій языкъ, исправилъ иногда неточности и неясности славянскаго перевода чрезъ сличеніе его съ греческимъ текстомъ. Это работа кропотливая, заслуживающая одобренія. Но самый переводъ автора далеко не вездѣ соотвѣтствуетъ величію цер-

ковныхъ пѣсней. Таковы напр. выраженія: „грѣшная жена побѣжала за міромъ“ (стран. 115), „выпросилъ Іосифъ“ (стран. 119), „заперъ всѣ кладовыя смерти“ (стран. 131) и т. п. Вм. „волосы“ лучше, конечно, употреблять въ переводѣ богослужебныхъ пѣсней: „власы“,—слово каждому понятное; „голова“—„глава“, вм. „пощечины“—„біенія“ или „удары“, вм. „опочивальни“—слав. „чертогъ“, вм. „друзья“—„други“. Иногда переводъ не выражаетъ точно мысли греческаго текста. Напр. ἀδιόριστος въ отношеніи ко Христу переводится: „неопредѣленный“, и получается, что Христосъ имѣетъ природу „неограниченную и неопредѣленную“ (стран. 131). Σπεύδοντι въ отношеніи къ Спасителю передается: „постаравшимся“, т. е. все претерпѣть. Παγγέλαστος въ примѣненіи къ аду переводится: „смѣшной“ и получается: „смѣшной адъ“, тогда какъ нужно было перевести хотя бы такъ: „исполненный всецѣло смѣха“ (видя страданія Христа),—„убояся“, когда Христосъ сходилъ во адъ,—смѣхъ замѣнился трепетомъ.

Свою тему авторъ понялъ очень односторонне, и этой односторонности, быть можетъ, содѣйствовала та самая статья, помѣщенная въ Христ. Чтеніи за 1851 г. о значеніи церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній въ догматическомъ отношеніи, которою онъ такъ безцеремонно воспользовался. Не нужно было игнорировать чисто историческаго момента, содержащагося въ пѣснопѣніяхъ страстной седмицы. Какъ было бы интересно, если бы на основаніи данныхъ пѣснопѣній аторъ изобразилъ тайную вечерю Господа, сказалъ объ Іудѣ предателѣ, о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ, о сошествіи Его во адъ и т. п.

Самое искупленіе авторъ понимаетъ односторонне, именно исключительно съ юридической точки зрѣнія.

По всему сказанному сочиненіе студента Алфавитова не можетъ быть признано заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Сочиненіе студента Алфавитова, въ 157 страницъ чрезмѣрно разгонистаго письма и съ полями въ большинствѣ случаевъ въ полстраницу, съ внѣшней стороны повидимому имѣетъ всѣ признаки обычнаго курсоваго сочиненія. Въ немъ на лицо *часть первая* вступительная и *часть вторая*, содержащая въ себѣ раскрытіе догмата объ искупительныхъ страданіяхъ и смерти Храста [1]) въ пѣснопѣніяхъ страстной седмицы. Послѣдняя часть разбита авторомъ на шесть главъ: 1) о причинѣ крестныхъ страданій и смерти Христа, 2) образъ страданій Христа по пѣснопѣніямъ страстной седмицы, 3) раскрытіе *способа искупленія* (sic) страданіями и смертью Христа, 4) о слѣдствіяхъ страданій и смерти Христа, 5) *Обширность* (sic) искупительныхъ страданій и смерти Христа, 6) о побужденіяхъ къ искупленію насъ *со стороны* (sic) Христа своими страданіями и смертью съ присоединеніемъ въ нѣсколько строкъ заключенія. „Если кто изъ вѣрующихъ пожелаетъ узнать церковное ученіе объ искупительныхъ страданіяхъ и смерти Христа, то, по словамъ Алфавитова въ этомъ заключеніи, долженъ обратиться къ пѣснопѣніямъ Церкви именно этой (страстной) седмицы" (стр. 158). Но, если отъ этихъ внѣшнихъ данныхъ сочиненія, мы обратимся къ его содержанію, то оно производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе и не только не можетъ претендовать, по нашему мнѣнію, на это наименованіе, какое ему усвояетъ авторъ, но даже не можетъ быть признано удовлетворительною семестровою работою.

Въ первой части г. Алфавитовъ на 58 страницахъ, что составляетъ нѣсколько даже болѣе трети его сочиненія, ведетъ

---

[1]) Авторъ почему-то избѣгаетъ къ имени Христа прибавлять *Іисуса*.

безполезный для дѣла и прямо не относящійся къ его темѣ трактатъ о важности церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній въ догматическомъ отношеніи вообще и затрагиваетъ по пути множество пѣснопѣній, не имѣющихъ никакого отношенія къ нашей Постной Тріоди или къ службамъ страстной седмицы. О Постной Тріоди, или вѣрнѣе *Цвѣтной*, къ которой относятся пѣснопѣнія страстной седмицы, у автора въ этой первой части нѣтъ и помина, какъ будто вопросъ о составѣ этой книги и объ авторахъ, пѣснопѣнія коихъ составляютъ предметъ его сочиненія, для него не представляетъ никакого интереса. По нашему же мнѣнію, съ этого вопроса и должно было начинаться изслѣдованіе даннаго вопроса. Но еще можно было бы кое-какъ примириться и съ представленнымъ намъ трактатомъ, если бы онъ былъ плодомъ его собственной вдумчивой мысли, а то онъ почти во всемъ своемъ объемѣ является дословно *компиляціею* изъ статей протоіерея Н. И. Флоринскаго, проф. Долоцкаго В. И. и др. Какъ курьезъ отмѣчу, что самыя первыя строки сочиненія и даже подстрочныя примѣчанія безъ стыда и совѣсти берутся прямо изъ названныхъ пособій.

Шесть главъ второй части безспорно лучше было бы соединить въ одну, ибо для нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., для шестой главы, едва набралось у него пѣснопѣній лишь на одну страницу съ небольшимъ его не экономнаго письма, во второй и третьей главахъ выписано не мало пѣснопѣній, къ надписанію надъ этими главами неимѣющихъ, по моему, никакого отношенія и представляющихъ излишній балластъ въ сочиненіи.

Попытка автора приводить тексты пѣснопѣній страстной седмицы въ русскомъ переводѣ быть можетъ и дала бы положительные результаты въ сочиненіи, если бы авторъ обладалъ литературнымъ вкусомъ и знаніемъ греческаго языка, но ни того ни другого у г. Алфавитова мы не находимъ. Вотъ для образца, какъ переводитъ онъ тропарь 9 пѣсни въ канонѣ великой пятницы:

Въ нашей Тріоди.

„Обыдоша яко псы мнози (πολλοί) и удариша, царю, ланиту твою заушеніемъ, вопрошаху Тя и т. д.“

У Алфавитова.

Окружили Тебя (Христосъ), *какъ сильные* псы, *рукоплескали*, царь, по щекѣ Твоей (здѣсь имѣется и греческій текстъ ἐκρότισαν σιαγόνα σὴν ῥαπισμῷ), спрашивали Тебя и т. д.

или стихиру на стиховнѣ въ чинѣ вечерни великаго пятка:

„Егда во гробѣ новѣ за всѣхъ положился еси, Избавителю (ὁ Λυτρωτὴς τοῦ παντός) всѣхъ, адъ *всесмѣхливый* видѣвъ Тя ужасеся, вереи сокрушишася, сломишася врата, гроби отверзошася, мертвіи восташа, тогда Адамъ *благодарственно* (εὐχαρίστως χαίρων) вопіяше Тебѣ и т. д.

Когда въ новомъ гробѣ Ты, *Христосъ*, за всю тварь (ὑπὲρ τοῦ παντός этотъ переводъ желателенъ г. Алфавитову, что-бы данную стихиру включить въ 5 главу) *Искупитель* всего (по гречески ἐξαγοράζω выкупаю) то *смѣшной* (παγγέλαστος) (sic!) *адъ*, увидя Тебя, убоялся, запоры (μοχλοί) разбились, ворота раздробились (ἐθλάσθησαν), гробы открылись, мертвые возстали, Адамъ *пріятно радуясь* воззвалъ къ Тебѣ и т. д.

Объ умѣньѣ автора излагать свои мысли литературно и о навыкѣ выражать богословскія понятія свойственнымъ и установившимся въ наукѣ языкомъ могутъ краснорѣчиво свидѣтельствовать даже и тѣ шероховатости, которыя мы отмѣтили выше въ надписаніяхъ главъ.

По всѣмъ этимъ даннымъ настоящее сочиненіе слѣдуетъ отнести къ числу весьма слабыхъ и совершенно неудовлетворяющихъ своему назначенію“.

2) О сочиненіи студента Θеодора *Бакулина* на тему: *„Гуго Гроцій, какъ экзегетъ"*.

а) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго.

„Послѣ краткаго предисловія, въ которомъ идетъ рѣчь о значеніи личности Гуго Гроція и задачахъ изслѣдованія, авторъ даетъ во *введеніи* къ сочиненію краткую біографію Гроція и общія свѣдѣнія объ его трудахъ.

Въ *первой* главѣ, въ видахъ уясненія почвы, на который создалась экзегетика Гроція, г. Бакулинъ даетъ очеркъ религіознаго состоянія Голландіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., останавливаясь главнымъ образомъ на происходившихъ тогда богословскихъ спорахъ между кальвинистами и арминіанами. Во *второй* главѣ излагается исагогика Гуго Гроція,—въ частности, его взглядъ на происхожденіе и достоинство свящ. письменности, сужденія о богодухновенности, о древности, подлинности и неповрежденности библейскихъ книгъ, о канонѣ и текстѣ ихъ. *Третья* глава сочиненія знакомитъ съ экзегетикой Гроція,—съ его методами толкованія. Въ *четвертой* излагаются экзегетическія выводы Гроція или главнѣйшіе пункты его толкованія. Преимущественно авторъ останавливается здѣсь на толкованіи у Гроція Ветхаго Завѣта и, въ частности, разсматриваетъ взглядъ Гроція на отношеніе Ветхаго Завѣта къ Новому, а также толкованіе мессіанскихъ мѣстъ и пророчествъ. Въ краткомъ *заключеніи* устанавливается значеніе Гроція, какъ экзегета.

Сочиненіе г. Бакулина даетъ довольно сжатый, но въ то же время полный очеркъ экзегетики Гроція. Этотъ очеркъ составленъ послѣ тщательнаго знакомства съ важнѣйшими трудами Гроція и обнаруживаетъ основательное знаніе предмета. Непосредственное знакомство съ сочиненіями Гроція дало возможность г. Бакулину внести нѣсколько существенныхъ поправокъ въ тѣ сужденія о Гроціи, которыя издавна обращаются

въ библіологической литературѣ и безъ провѣрки переходятъ изъ одного курса Свящ. Писанія въ другой. При содержательности очеркъ г. Бакулина отличается стройностью построенія и изложенъ простымъ, правильнымъ языкомъ. Во введеніи къ сочиненію г. Бакулинъ, оправдывая свой выборъ сухой исторической темы, между прочимъ, говоритъ: „авторъ, претендующій на соисканіе ученой степени, долженъ показать, насколько онъ способенъ быть представителемъ чистой науки среди всѣхъ неудобствъ окружающей его дѣйствительности, влекущей его вниманіе. Предлагаемая работа пусть и будетъ показателемъ этой способности автора". Оцѣнивъ сочиненіе въ цѣломъ, можно сказать, что оно является весьма хорошимъ показателемъ способности г. Бакулина къ научной работѣ и вполнѣ заслуживаетъ искомой ученой степени".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Покровкаго:

„Послѣ предисловія, въ которомъ рѣчь о важномъ значеніи Гуго Гроція и планѣ сочиненія, авторъ представляетъ жизнеописаніе Гуго Гроція и дѣлаетъ замѣчаніе объ его экзегетическихъ трудахъ (Введеніе), изображаетъ религіозное состояніе Голландіи (родины Гуго Гроція) въ концѣ XVI и началѣ XVII в.в. (гл. I), говоритъ объ исагогикѣ Гуго Гроція и предметахъ въ нее входящихъ (гл. II), очерчиваетъ экзегетику его со стороны методовъ историко-грамматическаго и аллегорическаго (гл. III), указываетъ главнѣйшіе пункты толкованій его. Всѣ входящіе въ сочиненіе, предметы разсмотрѣны авторомъ обстоятельно. Написано сочиненіе хорошимъ языкомъ и проникнуто любовію автора къ избранному имъ предмету.

Какъ сочиненіе на ученую богословскую степень, оно весьма хорошее."

3) О сочиненіи студента Виктора *Барановскаго* на тему: „Христіанскій бракъ и его религіозно-нравственное значеніе".

а) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Тѣсно связанный съ вопросами о свободѣ личности женщины и значеніи женщины въ общественной жизни; осложненный вопросами: о такъ называемой эмансипаціи женщины отъ тяжкаго ея положенія особенно въ низшихъ классахъ общества,—въ силу брачныхъ связей,—и о равноправіи женщины съ мужчиною, вопросъ о бракѣ въ послѣднее время сдѣлался предметомъ живѣйшаго обсужденія: о немъ говорятъ въ европейскихъ парламентахъ, ему посвящаютъ публичныя чтенія, онъ находитъ мѣсто въ обширныхъ журнальныхъ статьяхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; ему посвящаютъ свои труды и психологи, и философы, и публицисты, и богословы; онъ же является предметомъ многихъ беллетристическихъ произведеній въ литературѣ всѣхъ народовъ. Такое вниманіе бракъ и брачная жизнь привлекаетъ къ себѣ въ силу многосторонняго значенія во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни: бракъ есть,—говоря безъ преувеличенія,—зародышъ, изъ котораго постепенно развивается человѣчество, и отъ качествъ его зависятъ качества какъ общественной, такъ и государственной жизни людей; отъ характера брачной жизни зависятъ судьбы общества и государства; постановка брака опредѣляетъ характеръ новыхъ поколѣній общественныхъ и государственныхъ дѣятелей.—Трудъ студента Барановскаго и былъ предпринятъ съ цѣлію опредѣлить характеръ христіанскаго брака, раскрыть нравственно-догматическія основы его и показать неизмѣримое превосходство его предъ браками другихъ не истинно-христіанскихъ или совсѣмъ нехристіанскихъ народовъ,—его какъ главнаго фактора христіанской культуры. Планъ сочиннія такой. Въ первой главѣ авторъ говоритъ о первоначальномъ установленіи брака Богомъ и о потемнѣніи его идеи, его богоустановленнаго внутренняго содержанія въ дохристіанскомъ мірѣ. Во второй главѣ излагается христіанское ученіе о бракѣ, о его сущности, его цѣли и его свойствахъ; третья глава посвящена доказательству того,

что бракъ есть таинство; въ главѣ четвертой опредѣляется сравнительное значеніе брака и безбрачія (дѣвства); пятая глава посвящена доказательству нерасторжимости брака согласно его основной идеальной чертѣ; здѣсь же разсматривается ученіе о разводѣ, осуждается съ идеальной стороны второбрачіе и рѣшительно отрицается такъ называемый гражданскій бракъ. Во введеніи авторъ указываетъ важное значеніе вопроса о бракѣ, характеризуетъ литературу предмета и отмѣчаетъ противоположныя теченія въ рѣшеніи брачныхъ вопросовъ (Возраженія противъ Толстого и „новопутейцевъ"). Поставленные вопросы авторъ рѣшаетъ категорически, основательно. Видно, что онъ серьезно продумалъ ихъ; не увлекся онъ идеями безпочвеннаго либерализма, чтобы допустить ляксизмъ въ брачной жизни; но не прельстили его и манихейскія буддизмо-дуалистическія воззрѣнія на бракъ. Стоя твердо на почвѣ Писанія и твореній учителей Церкви авторъ видитъ въ бракѣ божественное учрежденіе; а въ правильной постановкѣ брачной жизни залогъ прогресса человѣчества. Съ этой стороны его сочиненіе не только заслуживаетъ кандидатской степени, но и можетъ быть рекомендовано для возможно широкаго распространенія въ печати".

б) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Г. Барановскій съ любовію и интересомъ къ предмету своей диссертаціи писалъ курсовое сочиненіе, обнаружилъ основательное знакомство съ литературою даннаго вопроса и съ существующими воззрѣніями въ ней на христіанскій бракъ и вытекающія изъ него условія современной семейной жизни. Видна серьезная критическая мысль, вдумчивость и умѣнье объективно и спокойно относиться къ мнѣніямъ самыхъ разнообразныхъ по убѣжденіямъ и воззрѣніямъ мыслителей. Личное воззрѣніе автора на данный вопросъ весьма симпатичное и вполнѣ отвѣчаетъ духу и воззрѣніямъ Церкви православной, а посему невольно подкупаетъ читателя въ его пользу. Къ со-

жалѣнію, сочиненіе г. Барановскаго представляетъ изъ себя цѣльную монографію, разбитую на пять главъ, и не имѣетъ принятаго въ ученыхъ диссертаціяхъ предисловія съ перечисленіемъ бывшихъ у него подъ руками источниковъ и пособій. Указаніе на эти источники, съ краткою характеристикою ихъ научнаго значенія, прямо вводило-бы читателя въ процессъ работы автора и опредѣляло-бы его научную самостоятельность. Читатель диссертаціи Барановскаго поражается начитанностію въ Священномъ Писаніи, въ писаніяхъ отцовъ и учителей Церкви и даже греческихъ и латинскихъ классикахъ и т. п., но вся эта эрудиція становится понятною, если мы ближе присмотримся къ бывшимъ подъ руками автора пособіямъ, о которыхъ, къ слову сказать, г. Барановскій не считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія своего читателя. Такъ напр., статья В. А. Пляшкевича „О бракѣ, какъ таинствѣ въ древне-христіанской церкви", напечатанная въ Прав. Обозрѣніи за 1883 г., несомнѣнно хорошо извѣстна г. Барановскому и оказалась для него во многихъ отношеніяхъ весьма полезною, но въ сочиненіи объ этой статьѣ онъ не упомянулъ ни одного раза, хотя и цитуетъ сочиненія, написанныя подъ сильнымъ вліяніемъ этой статьи (Н. Страхова, Христіанское ученіе о бракѣ). Найдутся по всей вѣроятности и другія статьи подобнаго рода, которыя были у автора подъ рукою и использованы имъ добросовѣстно въ его работѣ, а посему благодарное упоминаніе о нихъ хотя бы и въ нѣсколькихъ словахъ было бы и прилично и нисколько не портило-бы сочиненія. Какъ намъ кажется, вліяніемъ этихъ пособіи слѣдуетъ объяснить въ сочиненіи множество крайне неопредѣленныхъ и даже не всегда понятныхъ для насъ цитатахъ, въ родѣ напр., слѣдующихъ: Блаженный Августинъ о градѣ Божіемъ XIV, 26 (стр. 23). Xpnoph Oecon. c. III, Polit. c. I, A V (стр. 34, 57), De natura deorum lib I e. II (68), Тертулліана Ad Uxorem lib. II, c. 2 A. 3 (119), Августина De bono conjugale c. XXIV (121), постан. апостольскія VI *р. п.* 206, 207 стр. (129) и т. д. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ

случаяхъ эта неточность оговаривается авторомъ такъ: Ad uxorem lib. II c. IX см. *у проф. Катанскаю* 318—319 стр. (стр. 1); Pans. X c. 38 p. 634 см. Schmidt La Cociete civile dans... p. 37 (стр. 138).

Въ стилистическомъ отношеніи сочиненіе не лишено шероховатостей. Но какъ кандидатское сочиненіе, я признаю его вполнѣ удовлетворяющимъ своему назначенію".

4) О сочиненіи студента Александра *Баржицкаго* на тему: „Положеніе раскольниковъ при Николаѣ I".

а) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Сочиненіе студента г. Баржицкаго, кромѣ перечня источниковъ и краткаго предисловія, состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой разсматривается отношеніе къ раскольникамъ правительства, во второй отношеніе духовной власти и въ третьей послѣдствія *строгихъ* отношеній.

Это сравнительно небольшое по объему сочиненіе, всего въ 219 страницъ весьма разгонистаго письма, можетъ служить довольно любопытнымъ образчикомъ того неспокойнаго настроенія умовъ нашей учащейся молодежи, какое овладѣло ею въ переживаемое нами тревожное время всякихъ реформъ и свободъ. Благородная величавая личность рыцаря—императора Николая I-го и его твердая рѣшительная политика не пользуется симпатіями въ нашей либеральной печати, не встѣтили они сочувствія и даже безпристрастія, что было необходимо для выполненія поставленной задачи, и у студента Баржицкаго. Послѣдній къ такъ называемой „николаевской эпохѣ" относиеся съ полнымъ отрицаніемъ (стр. 169), подвергаетъ все въ ней суровой безпощадной критикѣ и не желаетъ видѣть и замѣчать имѣвшихъ мѣсто въ ней весьма свѣтлыхъ явленій, „Съ 30 годовъ, пишетъ г. Баржицкій, отношенія къ расколу принимаютъ уже строгій характеръ, въ распоряженіяхъ правительства зву-

·приклонность и твердость; *сами распоряженія бьютъ* *'ому мѣсту* (sic!). Видно, что правительство рѣши- ·ся не на жизнь, а на смерть, *мобилизовало всѣ* ´стр. 36). „Всѣ правительственныя постановленія ъ домахъ, часовняхъ и исторія закрытія молен- аснорѣчиво говорятъ намъ, по заявленію Бар- о *кольцомъ* стѣсненій правительство постоянно существованіе моленныхъ, какой массой (sic!) самыхъ ..ообразныхъ обстоятельствъ оно пользовалось для приведенія въ дѣйствительность своихъ предначертаній. *Это была страшная петля затягивающаяся* (sic) *все уже и уже*". (стр. 56). „Правительство, конечно, всей душой желало, утверждаетъ нашъ авторъ, уничтожить всѣ мѣста для богослуженій раскольниковъ, но не могло этого сдѣлать изъ опасенія, „что раскольники почтутъ сіе за гоненіе" (стр. 49). Краткій обзоръ мѣръ правительства по отношенію къ сектантамъ и раскольникамъ дѣлается г. Баржицкимъ съ единственною цѣлью, чтобы рельефнѣе оттѣнить строгости правительственныхъ мѣръ, поставившихъ на *одинъ эшафотъ* (sic!) и эти секты и расколъ старообрядчества.

Но оправдываются ли въ дѣйствительности всѣ эти „ужасныя" заявленія и фразы хотя бы даже тѣми фактами, которые были подъ руками нашего автора и приводятся имъ въ первой главѣ его сочиненія и другихъ? Цитуя, напр., указъ отъ 14 марта 1835 года относительно закрытія раскольническихъ школъ Рогожскаго кладбища, въ подстрочномъ примѣчаніи г. Баржицкій приводитъ слѣдующую знаменательную резолюцію императора Николая Павловича: „Исполнить сіе *съ должною осмотрительностію и безъ всякаго вида насилія*" (стр 37—38, прим. 33). Другая подобная резолюція Государя извѣстна нашему автору по поводу закрытія въ 1840 г. въ домѣ купца Анарова молельни и богадѣльни ѳедосѣевскаго согласія и гласитъ слѣдующее: „Исполнить, но по особой важности сего предмета *нужна крайняя осторожность при исполненіи*, тѣмъ бо-

лѣе, что домъ 3-й адмиралтейской части, среди самаго многолюднаго стеченія народа. Прежде приступленія къ закрытію молельной Беккендорфу условиться съ военнымъ губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ исполненія *и предупрежденія всякихъ при томъ безпорядковъ*“ (стр. 44). „Во всякомъ случаѣ, говорится въ указѣ отъ 5 мая 1839 года по поводу запечатанія раскольническихъ моленъ, между запечатаніемъ часовни и совершеннымъ ея уничтоженіемъ *должно произойти значительное время дабы послѣ нѣкоторой привычки видѣть ее въ бездѣйствіи менѣе сильно было бы впечатлѣніе уничтоженія*“ (стр. 50). Вышеупомянутая молельня Пиккіева, по высочайшему повелѣнію, закрывается лишь „по избраніи удобнаго времени и тогда, когда будетъ *благовидный* къ тому поводъ“ (стр. 54). Правительственныя лица дѣйствовали по отношенію раскола тоже мѣрами осторожными и чуждыми всякихъ насилій. Такъ автору извѣстно, что сенаторъ Барановъ, ревизовавшій въ 1828 году Олонецкую губернію, находилъ необходимымъ учредить для дѣтей раскольниковъ духовныя училища съ тою цѣлью, чтобы эти дѣти, „воспитываясь въ оныхъ приносили съ собою священныя чувства православнаго христіанскаго ученія въ свои семейства“ (стр. 38). Несомнѣнно подъ вліяніемъ этихъ пожеланій правительство въ 1836 году и рекомендовало духовенству не только принимать дѣтей раскольниковъ въ духовныя училища, но и обучать ихъ здѣсь „по книгамъ старопечатнымъ, изданнымъ въ единовѣрческой типографіи“ (стр. 39). Въ концѣ концовъ, забывъ о репрессіяхъ и эшафотахъ по отношенію къ раскольникамъ, г. Баржицкій позволяетъ себѣ такъ выразиться хотя и не складно въ литературномъ отношеніи: „Вообще нужно замѣтить, что *хорошія сами по себѣ* мѣропріятія правительства по отношенію къ раскольникамъ не выдерживали до конца, *если такъ можно сказать*, своей роли“ (стр. 77).

Относясь съ полнымъ отрицаніемъ къ „ужасной атмосферѣ общественной жизни“ николаевскаго времени, г. Бар-

жицкій не могъ подыскать или подмѣтить свѣтлыхъ сторонъ въ дѣятельности и нашего духовенства по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ за этотъ періодъ русской исторіи. „У народа, по словамъ Баржицкаго, не было такого духовенства, которое могло бы успокоить совѣсть угнетенныхъ, влить въ нихъ надежду и теплую вѣру въ лучшее будущее, что вмѣсто духовныхъ наставниковъ, народъ видѣлъ часто въ духовенствѣ невѣжество, корыстолюбіе, развратъ, пьянство и полную рабскую подчиненность епархіальному начальству, помѣщику, *полиціи*, и т. д. (стр. 169—170). Чтобы „наполнить *свою истерзанную душу и чѣмъ нибудь занять свой отуманенный умъ*" народъ русскій по словамъ автора, въ „глухихъ уголочкахъ Россіи" при молитвословіяхъ „ѣздили верхомъ на кочергахъ, били въ сковороды и т. п." (стр. 171). Вся дѣятельность Св. Синода противъ раскола „якобы ограничивалась разрѣшеніемъ частныхъ вопросовъ о совершеніи браковъ раскольниковъ съ православными, объ отвѣтственности бѣглыхъ священниковъ, распоряжался (sic) *заточеніемъ* для увѣщанія раскольниковъ, посылаемыхъ свѣтскою властью" (стр 106). „Епархіальные архіереи николаевскаго времени, пишетъ г. Баржицкій, въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ мало чѣмъ отличались отъ гражданскихъ администраторовъ, лозунгомъ которыхъ было „приведеніе раскольниковъ къ одному знаменателю". Строгое *враждебное* отношеніе къ раскольникамъ, требованіе ограниченій, *репрессій* для нихъ, нежеланіе знать истинной причины роста раскола, игнорированіе того обстоятельства, что въ такомъ явленіи какъ расколъ, нужны исключительно однѣ мѣры духовнаго воздѣйствія, растворенныя христіанской любовью—*вотъ ихъ архипастырское credo*" (стр. 117). Въ частности „репрессіи, предпринятыя правительствомъ по отношенію къ преображенскому кладбищу были очень по сердцу митрополиту Филарету" (стр. 159—160) и т. д.

И опять въ этомъ же сочиненіи рядомъ съ этимъ подробно анализируется замѣчательный секретный указъ 1845 года,

въ которомъ Св. Синодъ рекомендуетъ епархіальнымъ архіереямъ внушать православному духовенству „краткій, благоразумный и осторожный образъ сношеній съ раскольниками“ „обращаться съ ними не презрительно и невраждебно, а кротко и миролюбиво и, наблюдая во всемъ благоразумную умѣренность и осторожность, *ни въ чемъ не раздражать ихъ ни въ рѣчахъ ни въ дѣйствіяхъ*“, дѣйствовать на нихъ примѣромъ „старой неукоризненной жизни“, „исполненной духа теплой, безкорыстной любви“, для обращенія раскольниковъ „ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ инымъ средствамъ, кромѣ указуемыхъ *достоподражательнымъ примѣромъ святыхъ ревнителей о спасеніи душъ, т. е. духовнаго увѣщанія, растворенного любовію, кротостію* и долготерпѣніемъ“, „ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться въ ихъ раскольническія требы, *ниже въ какія либо полицейскія распоряженія о противозаконныхъ дѣйствіяхъ, преслѣдованіе коихъ не есть дѣло духовенства* и ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращаться *съ требованіями или доносами къ свѣтскимъ властямъ*, но доводить до свѣдѣнія своего епархіальнаго архіерея“ и, наконецъ, „строго наблюдать“, чтобы духовенство ни въ какомъ случаѣ не выходило изъ круга чисто духовныхъ дѣйствій“ (стр. 111—115). Извѣстны нашему автору и „особыя постановленія священнику относительно заблуждающихся отъ истинъ вѣры“, изданныя Св. Синодомъ въ 1835 г. (стр. 144). Въ частности приснопамятный Московскій митрополитъ Филаретъ, которому репрессіи правительственныя были „очень по сердцу“, какъ это видно изъ собственныхъ словъ этого архипастыря, приводимыхъ въ сочиненіи, убѣждаетъ и предписываетъ своему духовенству дѣйствовать на раскольниковъ „словомъ убѣжденія“ и „вооружается (sic) противъ „употребленія въ отношеніи къ нимъ власти и суда, которое должно быть дѣломъ правительства и подчиненныхъ гражданскихъ начальствъ“ (стр. 147). Вотъ какими противорѣчіями переполнено настоящее сочиненіе, написанное авторомъ намѣренно, съ цѣлью сгустить

мрачныя краски и выставить „николаевскую эпоху“ по отношенію къ мѣрамъ нашего правительства къ раскольникамъ и сектантамъ въ самомъ непривлекательномъ и даже „ужасномъ“ свѣтѣ.

Сочиненіе г. Баржицкаго заслуживаетъ вниманія и въ другомъ отношеніи, авторъ видимо спѣшилъ сбыть съ рукъ этотъ первый опытъ своей научной мысли и даже не потрудился перечесть его послѣ переписки. Отсюда въ сочиненіи множество неправильныхъ переносовъ, грамматическихъ описокъ и ошибокъ, не имѣется на лицо указаній на страницы пособій в источниковъ, отсутствуютъ примѣчанія, обозначенныя въ текстѣ цифрами (стр. 76, 106 и др.), нѣкоторыя примѣчанія остались недописанными (стр. 207) и т. п. Въ стилистическомъ отношеніи сочиненіе также весьма не безупречно; встрѣчаются и довольно часто неудачныя выраженія (стр. 40, 56, 77, 92, 94, 166, 217 и т. д.), неправильности грамматическихъ формъ (стр. 123, 131), провинціализмы (стр. 108, 121, 123 и 154) и т. п.

На основаніи всего этого я нахожу невозможнымъ признать настоящее сочиненіе достаточнымъ для той цѣли, съ которой оно написано авторомъ“.

б] Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Сочиненіе начинается, съ одной стороны, дефирамбомъ свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія, а съ другой—суровымъ порицаніемъ насильниковъ оной. Здѣсь же въ общихъ чертахъ изображается состояніе раскола при предшественникѣ Николая I-го императорѣ Александрѣ I-мъ.

Самое изслѣдованіе раздѣляется на три главы.

Въ первой авторъ трактуетъ объ отношеніи къ раскольникамъ гражданскаго правительства, во второй—объ отношеніяхъ къ нимъ духовной власти; въ третьей—выясняетъ послѣдствія, происшедшія отъ означенныхъ отношеній, въ общемъ очень строгихъ.

Авторъ имѣетъ достаточное знакомство съ предметомъ изслѣдованія: фактовъ имъ собрано довольно много. Но при изложеніи этихъ фактовъ онъ не обнаружилъ достодолжнаго спокойствія. По мѣстамъ сочиненіе его представляетъ не ученый трактатъ, а бранчивый задоръ. Авторъ не сознаетъ, какъ много это вредитъ его изслѣдованію, въ общемъ (принимая во вниманіе фактическую сторону) довольно хорошему. Сочиненіе это можно признать удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата".

5) О сочиненіи студента Павла *Гоцуса* на тему: „Народно-просвѣтительная дѣятельность Общества имени М. Качковскаго въ Галицкой Руси".

а) Доцента, священника А. Глаголева:

„Авторъ избралъ предметомъ своего курсового сочиненія Общество имени М. А. Качковскаго Въ Галицкой Руси—предметъ весьма близкій сердцу автора, какъ уроженца Галицкой Руси, связанного притомъ узами признательности и любви съ покойнымъ основателемъ Общества—извѣстнымъ Галицко-русскимъ дѣятелемъ прот. І. А. Наумовичемъ.

Обстоятельство это благотворно отразилось на работѣ автора, положивъ на нее печать искренняго одушевленія, проистекающаго изъ горячой любви автора къ многострадальной родинѣ своей. Движимый этими естественными и благородными чувствами, авторъ достаточно изучилъ народно-просвѣтительную дѣятельность общества Качковскаго—какъ въ многочисленныхъ изданіяхъ общества, такъ и подъ руководствомъ относящейся сюда, не весьма обширной, впрочемъ ученой литературы,—и на основаніи этого: 1) далъ вѣрную историческую перспективу дѣятельности общества, указавъ въ прошломъ Галицкой Руси причины возникновенія и мотивы дѣятельности общества; 2) сообщилъ необходимыя біографическія свѣдѣнія о двухъ главныхъ дѣятеляхъ національнаго возрожденія русскихъ Гали-

чанъ: М. А. Качковскомъ, имени котораго посвящено было упомянутое народно-просвѣтительное общество, и о. прот. І. Г. Наумовичѣ, основателѣ общества; 3) очертилъ внѣшнюю организацію общества и подробно и разносторонне изобразилъ самую дѣятельность Общества—въ соотвѣтствіи съ девизомъ общества, начертаннымъ на его знамени: „молись, учись, трудись, трезвись"—со стороны религіозно-нравственной и съ церковно-богослужебной, просвѣтительной или образовательной, со стороны заботы общества о благосостояніи русинъ и ихъ моральномъ побъемъ. Въ концѣ сочиненія даны два приложенія: I) Статуты общества и II) рѣчи галиційскихъ крестьянъ, какъ документы народно-просвѣтительной дѣятельности общества.

Сужденія автора въ цѣломъ здравы, правильны и обоснованны. Усмотрѣна нами лишь слѣдующая богословская неточность. Авторъ объявляетъ церковное преданіе объ обстоятельствахъ обрученія Пресвятой Дѣвы Маріи Іосифу и о жизни при храмѣ—преданіемъ католическимъ (стр. 89–91). Въ дѣйствительности оно со всѣми его частными чертами встрѣчается въ Четьи Минеи Св. Димитрія Ростовскаго (Мартъ, 25). Изложеніе и языкъ сочиненія, за исключеніемъ немногихъ неудачныхъ построеній рѣчи, вообще правильные и литературные.

Сопоставляя невольно настоящую курсовую работу автора съ читаннымъ нами два года назадъ семестровымъ его сочиненіемъ, не можемъ не отмѣтить—съ чувствами удовлетворенія—значительнаго прогресса писательства автора.

Степени кандидата богословія авторъ сочиненія заслуживаетъ".

б) Экстраординарнаго профессора Н. Мухина:

„Сочиненіе г. Гопцуса состоитъ изъ введенія, двухъ главъ и приложеній. Во введеніи выясняется задача и планъ работы. Изложивъ вкратцѣ исторію печальнаго прошлаго Галицкой Руси, оторванной отъ общаго русскаго дерева и подпавшей еврейско-польско-нѣмецкому вліянію, авторъ въ первой главѣ вы-

ясняетъ обстоятельства, при которыхъ возникло въ Галиціи Общество имени М. Качковскаго, поставившее своею задачею возрожденіе галицкаго народа на почвѣ его историческихъ традицій, въ тѣсномъ единеніи съ русскимъ народомъ. Заканчивается эта глава краткимъ очеркомъ жизни М. Качковскаго, именемъ котораго названо Общество, и протоіерея Наумовича, главнаго иниціатора и основателя Общества. Во второй главѣ, коснувшись вначалѣ вопроса о внѣшней организаціи Общества, авторъ переходитъ къ детальному изображенію народно-просвѣтительной дѣятельности этого общества. Въ частности же соотвѣтственно девизу, начертанному на знамени Общества: „молися, учися, трудися, трезвися", авторъ въ особыхъ отдѣлахъ этой главы изображаетъ намъ, что сдѣлано Обществомъ имени М. Качковскаго для поднятія уровня а) религіи и нравственности, б) просвѣщенія, в) экономическаго благосостоянія и г) трезвости среди Галичанъ. Въ заключительномъ отдѣлѣ этой главы авторъ помѣстилъ библіографическій обзоръ изданій Общества, съ краткими замѣчаніями о нихъ и съ приведеніемъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ о просвѣтительномъ вліяніи ихъ на народъ. Въ приложеніи помѣщены: а) уставъ Общества и б) двѣ рѣчи крестьянъ на общихъ собраніяхъ Общества.

На вопросъ, поставленный темою сочиненія, авторъ даетъ вполнѣ обстоятельный отвѣтъ. Онъ всесторонне освѣщаетъ народо-просвѣтительную дѣятельность Общества имени М. Качковскаго въ Галицкой Руси и по достоинству оцѣниваетъ значеніе этого Общества для обездоленной Галиціи. Сочиненіе согрѣто теплымъ сочувствіемъ къ страданіямъ родственнаго намъ по крови народа и тѣмъ подкупаетъ къ себѣ читателя. Авторъ добросовѣстно изучилъ литературу предмета, тщательно собралъ и относящійся къ дѣлу матеріалъ и расположилъ его по вполнѣ естественному, вытекающему изъ существа дѣла, плану. Единственнымъ диссонансомъ въ гармоніи этого плана является заключительный отдѣлъ второй главы сочиненія, гдѣ авторъ представляетъ библіографическій перечень изданій Обще-

ства съ краткою характеристикою ихъ. На нашъ взглядъ, не было необходимости посвящать этому вопросу особаго отдѣла. Издательская дѣятельность Общества относится къ области просвѣтительной дѣятельности Общества, выясненію которой авторъ посвящаетъ третій отдѣлъ второй главы. Въ этомъ отдѣлѣ автору и слѣдовало бы исчерпать въ должныхъ границахъ тотъ матеріалъ, обслѣдованію котораго у него удѣляется особое мѣсто во второй главѣ сочиненія. При такой постановкѣ дѣла, автору не пришлось бы повторяться, какъ онъ это дѣлаетъ въ заключительномъ отдѣлѣ указанной главы своего сочиненія, и оно выиграло бы въ стройности своего плана. Излишними также кажутся намъ тѣ приложенія, которыми авторъ снабдилъ свое сочиненіе. Уставъ Общества имени Качковскаго отпечатанъ, и для цѣлей автора достаточно было ссылокъ на него или приведенія выдержекъ изъ него. Что касается рѣчей крестьянъ, то—насколько мы поняли—онѣ приведены авторомъ въ приложеніи, въ качествѣ доказательства плодотворной дѣятельности Общества на пользу народную. Для цѣлей автора—опять таки—достаточно было ссылокъ на эти рѣчи, или выдержекъ изъ нихъ. Языкъ сочиненія, въ общемъ чистый, вполнѣ литературный, по мѣстамъ (стр. 85, 87, 88) не свободенъ отъ вульгарныхъ выраженій. Указанные нами недостатки сочиненія не могутъ служить препятствіемъ къ присужденію автору его искомой имъ степени кандидата богословія. Авторъ не мало потрудился надъ своимъ сочиненіемъ, и оно должно быть отнесено къ числу удовлетворительныхъ кандидатскихъ диссертацій".

6) О сочиненіи студента Виктора *Иваницкаго* на тему: „Филонъ Александрійскій. (Его жизнь и обзоръ литературной дѣятельности)".

а) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Задачу своего сочиненія Г. Иваницкій опредѣляетъ въ предисловіи. „До сихъ поръ", говоритъ онъ, мы не имѣемъ

полнаго очерка жизни и литературной дѣятельности Филона. Общее представленіе о жизни и трудахъ Филона приходится почерпать главнымъ образомъ изъ курсовъ исторіи еврейскаго народа. А здѣсь біографіи Филона почти не дается, сочиненія его совершенно не разсматриваются со стороны содержанія, и излагаются только, часто очень кратко, его религіозные и философскіе взгляды. Восполнить этотъ пробѣлъ, обозрѣть жизнь и литературную дѣятельность Филона въ ея цѣломъ и является задачею нашего труда" (стр. 7). Соотвѣтственно этой задачѣ г. Иваницкій въ первой главѣ своего изслѣдованія даетъ біографическія свѣдѣнія о Филонѣ,—во второй характеризуетъ Филона, какъ писателя, при чемъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о сочиненіяхъ Филона; третья глава представляетъ изложеніе содержанія сочиненій Филона и, наконецъ, четвертая— краткій очеркъ религіозно-философскихъ воззрѣній Филона.

Авторъ настоящаго изслѣдованія взялъ на себя задачу весьма трудную и требующую для исполненія ея гораздо большаго времени, чѣмъ какое было въ распоряженіи г. Иваницкаго. Поэтому и не ожидалось, что бы г. Иваницкій успѣлъ представить въ качествѣ кандидатской диссертаціи вполнѣ законченное изслѣдованіе о Филонѣ. Недостатокъ времени отразился на работѣ автора довольно замѣтно, что хорошо сознаетъ, впрочемъ, и самъ онъ. На счетъ этого недостатка времени нужно, безъ сомнѣнія, отнести неполноту послѣдней главы, не совсѣмъ надлежащее положеніе второй главы и, наконецъ, снесеніе въ примѣчанія большого количества того матеріала, который, повидимому, имѣлъ право на помѣщеніе въ текстѣ. То, что авторъ не додѣлалъ по недостатку времени, едвали можно вмѣнить ему въ вину. Тоже, что имъ сдѣлано, заслуживаетъ полнаго одобренія и рекомендуетъ автора съ наилучшей стороны. Сочиненіе свидѣтельствуетъ о научной любознательности и настойчивости автора, не убоявшагося трудностей работы и усердно изучившаго значительную часть многочисленныхъ произведеній Филона. Достоинство сочиненія состоитъ и въ томъ, что авторъ

не уклоняется отъ изслѣдованія спорныхъ вопросовъ и не старается съ этою цѣлью укрываться подъ защиту какого-либо авторитетнаго имени. Отдѣльныя сужденія автора всегда основательны и выражены ясно. Въ литературномъ отношеніи сочиненіе весьма хорошо. Въ общемъ можно сказать, трудъ г. Иваницкаго вполнѣ заслуживаетъ искомой степени и, послѣ не особенно большой переработки, изъ него получится хорошая и полезная магистерская диссертація".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Покровскаго:

„Обширный предметъ вызвалъ и обширное сочиненіе и при всемъ томъ авторъ жалѣетъ о томъ, что онъ не сдѣлалъ въ сочиненіи своемъ всего того, что намѣревался и что считалъ нужнымъ сдѣлать. Въ своемъ настоящемъ видѣ сочиненіе г. Иваницкаго состоитъ изъ предисловія и четырехъ главъ изслѣдованія. Въ предисловіи рѣчь о высокомъ значеніи Филона, о недостаточной разработкѣ его сочиненій, планъ сочиненія и списокъ источниковъ и пособій безъ всякаго порядка. Въ первой главѣ дается краткая (по винѣ пособій) біографія Филона, при чемъ большое вниманіе обращается на опредѣленіе года рожденія Филона. Во второй главѣ—рѣчь о Филонѣ, какъ писателѣ, объ его научныхъ пріемахъ, объ изданіяхъ его сочиненій, ихъ языкѣ, распредѣленіи по времени, содержанію и т. п. Въ третьей главѣ дѣлается анализъ содержанія его сочиненій съ обширными примѣчаніями разнаго рода. Въ четвертой главѣ дается очеркъ ученія Филона о Богѣ и божественныхъ силахъ, объ ангелахъ и Логосѣ, о мірѣ и человѣкѣ.

Сочиненіе свидѣтельствуетъ о трудолюбіи автора, склонности его къ кропотливой, усидчивой работѣ, о хорошемъ знакомствѣ его съ сочиненіями Филона и относящейся къ нимъ литературою. Разнообразныя мнѣнія не подавляютъ автора, напротивъ онъ свободно обращается среди нихъ и устанавливаетъ

свое или же принимаетъ и чужое, но послѣ его обоснованія. Написано сочиненіе хорошимъ языкомъ.

Какъ сочиненіе на богословскую степень, оно весьма хорошее".

7) О сочиненіи студента Николая *Иващенко* на тему: „Сужденія латинскихъ писателей четвертаго вѣка объ отношеніи свѣтской власти къ духовной".

а) Экстраординарнаго профессора Н. Мухина:

„Небольшое по своему объему (151 стр.), сочиненіе г. Иващенко состоитъ изъ введенія, двухъ главъ и заключенія. Во введеніи авторъ говоритъ о важности, интересѣ и трудности рѣшенія вопроса объ отношеніи церкви и государства и, на основаніи сочиненій нашихъ канонистовъ, предлагаетъ рѣшеніе этого вопроса. Въ первой главѣ изображается дѣятельность императора Констанція въ отношеніи къ церкви, послужившая поводомъ къ литературной борьбѣ съ нимъ западныхъ писателей IV вѣка,—борцевъ за независимость духовной власти отъ свѣтской. Во второй главѣ излагаются сужденія церковныхъ писателей этого вѣка—Люцифера Каларійскаго, Осіи Кордубскаго и Иларія Пиктавійскаго объ отношеніи свѣтской власти къ духовной. Заключеніе представляетъ собою краткое резюме сужденій этихъ писателей по указанному вопросу.

Авторъ поступилъ вполнѣ цѣлесообразно, предпославъ разсмотрѣнію намѣченнаго темою предмета болѣе или менѣе обстоятельное рѣшеніе вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Безъ этой предварительной работы автору не возможно было приступить къ оцѣнкѣ сужденій латинскихъ писателей объ отношеніи свѣтской власти къ духовной. Правильное разрѣшеніе указаннаго вопроса должно было служить для автора свѣточемъ при оцѣнкѣ сужденій этихъ писателей. Поэтому мы не можемъ не признать совершенно безосновательными опасеній автора, какъ бы рецензентъ не поставилъ ему въ вину того,

что онъ предварительно входитъ въ болѣе или менѣе обстоятельное разрѣшеніе вопроса объ отношеніи церкви къ государству (стр. 36). Напротивъ, рецензентъ испыталъ бы чувство неудовлетворенія, если бы авторъ приступилъ непосредственно къ анализу сужденій церковныхъ писателей объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, не подготовивъ предварительно почвы для правильной оцѣнки этихъ сужденій. Авторъ добросовѣстно изучилъ сочиненія нашихъ канонистовъ по вопросу объ отношеніи церкви къ государству, основательно проштудировалъ творенія трехъ указанныхъ западныхъ писателей и изложилъ сужденія ихъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной. Планъ сочиненія естественный. Мысль автора послѣдовательная, хотя вялая, медленная въ своемъ поступательномъ движеніи, отклоняющаяся порою въ сторону отъ главнаго предмета изслѣдованія (стр. 70, 75). Желательна большая полнота обслѣдованія предмета и болѣе тщательная обработка языка сочиненія, отражающая на себѣ по мѣстамъ тяжеловѣсность конструкціи рѣчи писателей, анализъ сужденій которыхъ составляетъ главную задачу автора. Направленіе сочиненія доброе. Какъ кандидатская диссертація, сочиненіе г. Иващенко можетъ быть признано удовлетворительнымъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе студ. Н. Иващенко, излагающее и оцѣнивающее сужденія латинскихъ (церковныхъ) писателей по вопросу объ отношеніи мірской власти къ церковной, читается съ большимъ интересомъ, возбуждаемымъ не только содержаніемъ его (сочиненія), но и тѣмъ обстоятельствомъ, что рѣшеніе того-же самаго вопроса и нынѣ стоитъ на ближайшей очереди. Авторъ разсматриваемаго сочиненія совершенно вѣрно разсуждалъ, что для правильной оцѣнки сужденій латинскихъ церковныхъ писателей 4-го вѣка по вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ церковной необходимо указать на существующія ученыя теоріи

по этому вопросу и выяснить обстоятельства, побудившія названныхъ церковныхъ писателей останавливать свое вниманіе на этомъ предметѣ. Обстоятельное изложеніе теорій такого рода авторъ представилъ въ обширномъ введеніи къ своему сочиненію (стр. 5—39), а въ первой главѣ (40—65) далъ не менѣе же обстоятельное изслѣдованіе о насильственныхъ (по отношенію къ церкви) дѣйствіяхъ аріанствующаго имп. Констанція, вторгавшагося въ дѣла вѣры, внутренняго церковнаго управленія и суда, подлежавшія вѣдѣнію только церкви. Во второй главѣ (стр. 66—144) авторъ излагаетъ и опредѣляетъ значеніе сужденій Люцифера Каларійскаго (66—101), Осія Кордубскаго (102—121) и Иларія Пиктавійскаго (121—144) по вопросу объ отношеніи церкви къ государству. Выводы, вытекающіе изъ всего сказаннаго въ сочиненіи, представлены авторомъ въ „заключеніи“ (стр. 144—151).

Въ своемъ сочиненіи г. Иващенко обнаружилъ вполнѣ достаточное знакомство съ ученою литературою, относящеюся къ изслѣдуемому предмету, а его основательное знаніе латинскаго языка дало ему возможность изучить подлежавшій его изслѣдованію матеріалъ въ первоисточникахъ и сообщить своему труду характеръ самостоятельнаго изслѣдованія. Считаю сочиненіе студ. Н. Иващенко очень хорошимъ изслѣдованіемъ“.

8) О сочиненіи студента Тауфика *Кезмы* на тему: „Положеніе раскольниковъ при Екатеринѣ II“.

а) Доцента И. Четверикова:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія, содержащаго краткій обзоръ положенія раскольниковъ со времени Петра I до Екатерины II, и двухъ частей. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь подраздѣляется на нѣсколько главъ. Содержаніе ихъ такое. Въ первой части идетъ рѣчь о внѣшнемъ положеніи раскола въ царствованіе Екатерины II; частнѣе,—объ отношеніи гражданской и церковной власти къ расколу и расколь-

никамъ (гл. 1), о матеріальномъ благосостояніи раскольниковъ (гл. II), о распространеніи раскола и возникновеніи новыхъ раскольническихъ центровъ (гл. III). Во второй части говорится о внутреннемъ положеніи раскольниковъ, объ ихъ семейной жизни (гл. I), объ исканіи ими законнаго архіерейства и зарожденіи единовѣрія (гл. II). Этотъ краткій обзоръ содержанія сочиненія показываетъ, что авторъ выработалъ естественный вполнѣ удовлетворительный планъ. Однако нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ выполненіе этого плана. Главный недостатокъ работы—въ отсутствіи историко-критическаго анализа излагаемыхъ фактовъ. Авторъ не углубляется въ изслѣдованіе причинъ излагаемыхъ событій, а довольствуется простымъ фактическимъ описаніемъ ихъ. Правда, иногда (но очень рѣдко) авторъ пытается указывать причины тѣхъ или другихъ явленій въ жизни раскола, но попытки эти не серьезны и не останавливаютъ на себѣ особаго вниманія автора. Такъ, указавъ на распространеніе раскола при Екатеринѣ II, онъ заявляетъ, что причина этого—въ невѣжествѣ русскаго народа, хотя самъ же разсматриваетъ расколъ какъ глубокоисторическое явленіе въ русской жизни, которое не можетъ быть выведено изъ одного только невѣжества. Также поверхностно объясненіе причинъ паденія Стародубья и возвышеніе Иргиза. Мало останавливается онъ и на уясненіи причинъ возникновенія движенія среди раскольниковъ въ пользу единовѣрія, объясняя это движеніе тѣмъ, что среди раскольниковъ нашелся умный человѣкъ (208). Благодаря этому отсутствію историко-критическаго анализа сочиненіе производитъ впечатлѣніе не первой ученой работы, а фельетонной статьи, тѣмъ болѣе, что изложеніе у автора постоянно прерывается его лирическими изліяніями. „Если за все предыдущее время, пишетъ, напр., авторъ, описывая отношеніе церковной власти къ раскольникамъ, мы не только не произнесли ни одного слова похвалы по ея адресу, но, нерѣдко, позволяли себѣ употреблять по отношенію къ ней рѣзкія сужденія и, нѣчто даже

въ родѣ порицанія, за то здѣсь мы не можемъ не воздать ей должной хвалы за такую исключительную личность, какъ Платонъ"... (29) и т. д. Это впечатлѣніе фельетонной работы еще болѣе усиливается благодаря языку автора, постоянно пестрящему такими выраженіями, какъ „вольготное положеніе" (38) и т. д.

Работа можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительной для степени кандидата".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Сочиненіе начинается *введеніемъ*, гдѣ въ краткихъ, но довольно выпуклыхъ чертахъ характеризуется положеніе старообрядцевъ со времени возникновенія раскола до воцаренія Екатерины II-й.

О положеніи раскольниковъ при Екатеринѣ II-й трактуется въ двухъ частяхъ сочиненія по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) отношеніе гражданской и церковной власти къ расколу и раскольникамъ; 2) матеріальное благосостояніе раскольниковъ и поддержаніе ими своихъ прежде существовавшихъ учрежденій; 3) раскольническіе центры, возникшіе при Екатеринѣ II-й. Это составляетъ первую часть сочиненія. Во второй части говорится о семейной жизни раскольниковъ, исканіи ими законнаго архіерейства и возникновеніи единовѣрія.

Сочиненіе заканчивается коротенькимъ „заключеніемъ", гдѣ авторъ въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ о значеніи Высочайшаго манифеста о вѣротерпимости отъ 17 апрѣля 1905 г.

Авторъ довольно хорошо ознакомился съ пособіями и отчасти источниками, относящимися къ предмету изслѣдованія. Дефекты сочиненія—недостаточное выясненіе взглядовъ Екатерины II на расколъ въ связи съ современными теченіями государственной жизни. Въ дѣйствіяхъ императрицы къ расколу усматривается мудрая постепенность. Затѣмъ въ сочиненіи, по мѣстамъ, замѣчается пользованіе литографированными лекціями покойнаго профессора Нильскаго, кое-гдѣ, пожалуй, переступающее границы дозволеннаго. Впрочемъ, такихъ мѣстъ немного.

Въ общемъ разсматриваемое сочиненіе свидѣтельствуетъ объ усердномъ отношеніи автора къ предмету изслѣдованія. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ".

9) О сочиненіи студента Михаила *Ковальницкаго* на тему: „Отношеніе Минуція Феликса и Тертулліана къ античной культурѣ".

а) Экстраординарнаго профессора Н. Мухина:

„Авторъ старается освѣтить поставленный темою вопросъ и послѣдовательно раскрываетъ отношеніе Минуція Феликса и Тертулліана къ религія античнаго міра (глава I), античному искусству (гл. II), античной литературѣ, въ частности, къ исторіи и поэзіи (гл. III) и къ античной философіи (гл. IV и V). Къ сожалѣнію, не всѣ главы сочиненія разработаны съ надлежащей обстоятельностію. Надлежащей полнотой обслѣдованія отличаются послѣднія двѣ главы, трактующія объ отношеніи Минуція Феликса и Тертулліана къ античной философіи. Первыя же двѣ главы производятъ впечатлѣніе бѣгло составленныхъ очерковъ. Авторъ признаетъ очень важное значеніе религіи въ жизни античныхъ народовъ, и ему необходимо было болѣе обстоятельно, чѣмъ это у него сдѣлано въ I главѣ, выяснить отношеніе Минуція Феликса и Тертулліана къ этой сторонѣ античной культуры. Во II главѣ говорится собственно объ отношеніи Тертулліана къ античному искусству, Минуцію же Феликсу посвящено всего лишь нѣсколько строкъ. Авторъ высказываетъ колеблющійся, граничащій съ противорѣчіемъ, взглядъ на отношеніе Тертулліана къ Минуцію Феликсу (стр. 7—8). Авторъ обнаруживаетъ невѣрныя представленія о римскомъ писателѣ (стр. 43) и римской поэзіи (стр. 74). Но отмѣченные нами недостатки сочиненія въ полной мѣрѣ искупаются достоинствами его—объективностію изслѣдованія, хорошимъ знакомствомъ автора съ литературой предмета, стройностію плана,

чистотою, правильностію языка. Какъ кандидатская диссертація, сочиненіе г. Ковальницкаго можетъ быть признано удовлетворительнымъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Задачу своего труда авторъ полагаетъ въ томъ, чтобы во всей подробности изобразить отношеніе Минуція Феликса и Тертулліана къ античной культурѣ и въ частности языческой религіи, античному искусству, литературѣ и философіи. Рѣшенію этой задачи авторъ посвящаетъ пять главъ своего сочиненія, въ которыхъ развиваетъ слѣдующія положенія. Къ языческой религіи и миѳологіи Минуцій Феликсъ и Тертулліанъ относились отрицательно, но въ критикѣ ея не могли проявить особой самостоятельности, повторя, только съ большою рѣшительностію, отрицательные взгляды языческихъ писателей, и внесли лишь мысль о вліяніи демоновъ на языческую религію и миѳологію. Тертулліанъ весьма рѣзко выступаетъ также противъ всего того, что имѣетъ отношеніе къ языческой религіи и миѳологіи, но Минуцій Феликсъ менѣе рѣзокъ въ этомъ отношеніи. Оба апологета отрицательно относились также къ античному искусству; но Минуцій, критикуя недостатки античнаго искусства, не доходилъ до того ригоризма, какой замѣчается у Тертулліана. Что касается античной литературы, то оба апологета обнаруживаютъ глубокое знаніе ея и широкое пользованіе ею. Даже Тертулліанъ, не смотря на свое непріязненное отношеніе ко всему античному, не могъ отрѣшиться отъ ея вліянія и обнаруживаетъ какъ въ внѣшнемъ строѣ мысли, такъ даже въ языкѣ свою зависимость отъ классическихъ писателей. И хотя онъ предостерегаетъ отъ увлеченія языческой литературой и старается представить ее, и въ особенности поэзію, опасною для чистоты религіозныхъ убѣжденій, однако признаетъ необходимымъ для христіанъ свѣтское научное образованіе. Особенно снисходительное отношеніе онъ обнаруживаетъ къ историкамъ. Минуцій же относится съ глубокимъ сочувствіемъ къ античной

литературѣ, и хотя не отрицаетъ недостатковъ античной поэзіи, но не отвергаетъ ее совершенно подобно Тертулліану, а видимо желаетъ сохранить ее для христіанства, особенно въ лучшихъ ея проявленіяхъ. Оба апологета обнаруживаютъ также глубокое знаніе философіи и широко пользуются ею, но различно относятся къ ней. Хотя Минуцій Феликсъ называетъ Сократа шутомъ (scurra) аѳинскимъ, а о всѣхъ вообще философахъ говоритъ, что они преданы были тѣмъ же порокамъ, которые старались искоренить у другихъ, но въ общемъ онъ относится съ глубокимъ сочувствіемъ къ философіи и старается показать, что христіанство вполнѣ можетъ мириться съ философіей и что христіане не только не чуждаются философіи, но и обосновываютъ свое ученіе на философахъ. Отсюда вполнѣ естественнымъ является преобладаніе философскаго элемента въ Октавіи Минуція Феликса и отраженіе въ немъ вліянія различныхъ философскихъ ученій и въ частности стоицизма. Но въ особенности обнаруживается въ этомъ сочиненіи зависимость отъ принципа Цицерона „De natura deorum". Тертулліанъ нерѣдко обнаруживаетъ крайне враждебное отношеніе къ философіи, какъ служащей источникомъ ересей, и въ пылу полемики противъ ерѣсей доходитъ до полнаго отрицанія значенія и пользы философіи, тѣмъ не менѣе онъ не былъ фактически врагомъ ея и признавалъ за нею даже способность къ познанію истины. Въ воззрѣніяхъ Тертулліана и въ раскрытіи имъ многихъ христіанскихъ истинъ ясно замѣчается зависимость отъ философскихъ ученій и въ частности отъ стоицизма. Зависимость отъ послѣдняго въ особенности обнаруживается въ ученіи Тертулліана объ общемъ принципѣ всего существующаго (corpus), въ ученіи о познаніи, въ ученіи о душѣ, въ ученіи о Богѣ и Логосѣ и въ нравственномъ ученіи. Такимъ образомъ, хотя Тертулліана нельзя считать „полнымъ врагомъ" античной культуры, тѣмъ не менѣе онъ часто проявляетъ рѣзкость и нетерпимость къ ней, что объясняется стремленіемъ его вырвать язычество со всѣми корнями его и вмѣсто него насадить христіанство.

Онъ находится, по выраженію автора, „въ большой противоположности къ Минуцію Феликсу, который является полнымъ другомъ античной культуры (212)".

Но нѣкоторыя изъ изложенныхъ общихъ положеній автора не вполнѣ согласуются съ отдѣльными сужденіями его. И вообще мысль автора не отличается глубиною, твердостію и строго логическою послѣдовательностію. Также и сужденія автора не всѣ можно признать достаточно обоснованными и правильными, что объясняется отчасти недостаточно внимательнымъ изученіемъ текста произведеній Минуція Феликса и Тертулліана, а отчасти недостаточнымъ количествомъ пособій, находившихся въ распоряженіи автора. Не чуждо недостатковъ и самое изложеніе. Въ этомъ отношеніи въ особенности можно указать на обиліе повтореній и на замѣчаемую по мѣстамъ неточность и недостаточную выглаженность языка. Но авторъ въ достаточной степени проявилъ въ своемъ трудѣ способность къ научно-литературнымъ работамъ и разработалъ свою тему въ общемъ съ достаточною полнотою и основательностію. Поэтому разсматриваемое сочиненіе можетъ быть признано, по моему мнѣнію, удовлетворительнымъ для степени кандидата".

10) О сочиненіи студента Александра *Меморскаго* на тему: „Религіозный индифферентизмъ и религіозное вольнодумство и ихъ основы по сочиненіямъ Достоевскаго".

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Вопросъ, надъ которымъ работалъ авторъ, въ высшей степени интересенъ; не менѣе интересенъ и матеріалъ, включенный авторомъ въ свое сочиненіе: это—старательно извлеченныя изъ сочиненій Достоевскаго и расположенныя въ восьми главахъ воззрѣнія этого писателя по вопросу о тѣхъ факторахъ, которыми опредѣляется духовный складъ какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго общества данной эпохи. И тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Меморскаго, взятое въ цѣломъ, не вполнѣ

удовлетворяетъ читателя: излагая воззрѣнія Д-го по вопросу о факторахъ воспитанія (въ широкомъ смыслѣ этого слова), авторъ какъ бы забываетъ о своей основной задачѣ—выяснить основы религіознаго индифферентизма и религіознаго вольнодумства. Достаточно просмотрѣть, напр., обширную и очень интересную IV-ю главу, гдѣ говорится о семьѣ, какъ факторѣ воспитанія, чтобы убѣдиться въ этомъ. Авторъ какъ бы даже и не задумывается надъ тѣмъ, какое отношеніе къ происхожденію индифферентизма или вольнодумства имѣетъ тотъ или другой факторъ; такъ, говоря на стр. 180—182 о сладострастьи, какъ нравственномъ порокѣ, а на стр. 186 и д. о вліяніи бѣдности на складъ духовной жизни въ человѣкѣ, авторъ оставляетъ безъ всякаго вниманія то—очень важное для него—обстоятельство, что у героевъ Д-го склонность къ сладострастью, равно какъ бѣдность часто соединяются съ религіозностью (Дмитрій, Алеша Карамазовы—съ одной стороны, Мармеладовъ и его дочь Соня—съ другой),—можно ли послѣ этого безъ всякихъ оговорокъ включить склонность къ сладострастію и бѣдность въ число факторовъ, обусловливающихъ происхожденіе индифферентизма и вольнодумства?! Равнымъ образомъ трудно объяснить, почему авторъ совершенно не коснулся того круга идей Д-го, который, будучи чрезвычайно характеренъ для этого писателя, имѣетъ существеннѣйшее значеніе для разрѣшенія вопроса, изслѣдуемаго авторомъ: разумѣю мысли Достоевскаго о томъ, что коренная причина безрелигіозности нашей интеллигенціи—въ ея оторванности отъ родной почвы, отъ народа и что—потому—она можетъ найти Бога лишь въ общеніи съ народомъ: „Кто не вѣритъ въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ; кто же увѣровалъ въ народъ Божій, тотъ узритъ и святыню его, хотя бы и самъ не вѣрилъ въ нее до того вовсе“,—говоритъ старецъ Зосима въ „Бр. Карамазовыхъ“, Эти идеи требовали отъ автора самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Да и самый индифферентизмъ, равно какъ и вольнодумство охарактеризованы авторомъ (въ 1-ой главѣ) блѣдновато,

въ чемъ вина автора, а не Д-го, у котораго много данныхъ для такой характеристики. Авторъ это знаетъ, но онъ не воспользовался всѣмъ богатствомъ относящагося сюда матеріала, можетъ быть, потому, что поставилъ своею задачею дать опредѣленіе, а не характеристику разсматриваемыхъ понятій. Не рѣдко онъ ограничивается простымъ изложеніемъ тамъ, гдѣ требовался бы, сверхъ того, комментарій. Критическій элементъ представленъ въ его сочиненіи еще слабѣе.

Что касается формальной стороны сочиненія, то и она имѣетъ свои недочеты. Особенно бросается въ глаза неясность того критерія, какимъ авторъ пользуется при распредѣленіи собраннаго имъ матеріала по отдѣльнымъ главамъ, равно какъ и въ предѣлахъ одной и той же главы. Отъ этого въ свою очередь зависитъ внѣшній характеръ нѣкоторыхъ переходовъ отъ одной мысли къ другой. Такъ, покончивъ (въ главѣ V-ой), съ вопросомъ о вліяніи школы на человѣка, авторъ совершенно неожиданно дѣлаетъ такой переходъ: „Считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о значеніи привычекъ въ жизни человѣка". Почему трактатъ о значеніи привычекъ вошелъ въ составъ сочиненія, почему онъ занялъ мѣсто въ концѣ главы, трактующей о школѣ, въ какой связи стоитъ онъ съ предыдущимъ—все это для читателя остается совершенно неяснымъ.

При всемъ томъ сочиненіе автора должно быть признано дающимъ ему полное право на полученіе кандидатской степени: оно есть плодъ тщательнаго и притомъ самостоятельнаго изученія произведеній Д-го, свидѣтельствующаго о способности автора къ научно-литературнымъ работамъ. Отъ начала до конца сочиненіе читается съ неослабѣвающимъ интересомъ и это естественно, потому что г. Меморскій не повторяетъ другихъ авторовъ, писавшихъ о Достоевскомъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Въ небольшомъ предисловіи авторъ указываетъ интересъ, который вызываютъ въ изслѣдователѣ сочиненія такого геніаль-

наго знатока человѣческой души, какимъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ скорбитъ только о томъ, что краткость времени (отчасти исключительная) лишила его возможности разработать затронутый вопросъ съ надлежащею полнотою, а добытое путемъ настойчивой работы изложить съ надлежащею тщательностію.

За предисловіемъ слѣдуютъ восемь главъ изслѣдованія. Въ первой главѣ, самой существенной, подъ неточнымъ нѣсколько оглавленіемъ, авторъ устанавливаетъ понятіе о религіозномъ индифферентизмѣ и вольнодумствѣ, говоритъ обстоятельно о проявленіи одного и другого въ интеллигенціи и простомъ народѣ. Рѣчь автора всегда обоснована на точныхъ ссылкахъ на сочиненія Достоевскаго по изданію Маркса и чаще всего выражена собственными словами великаго писателя. Такой способъ изложенія взглядовъ Достоевскаго всего лучше ограждаетъ начинающаго автора отъ возможности перетолкованія изучаемаго подлинника. Нельзя, конечно, сказать, чтобы студентъ Меморскій исчерпалъ весь матеріалъ, относящійся къ затронутому предмету, но сдѣланное и сказанное отличаются выразительностію и отчетливостію мысли.

Слѣдующія семь главъ посвящены изслѣдованію „основъ“ религіознаго индифферентизма и вольнодумства, подъ каковыми основами авторъ разумѣетъ условія и причины возникновенія и развитія религіознаго индифферентизма и вольнодумства. Такимъ образомъ во второй главѣ разсматриваются „наслѣдственность, темпераментъ, рѣзкія уклоненія отъ нормы въ области физіологическихъ отправленій“; въ третьей главѣ—„сфера внѣшнихъ вліяній“: климата, внѣшней культуры и т. п., „вліяніе среды съ внутренней стороны“; въ главѣ четвертой—„вліяніе семьи и воспитанія“; въ пятой—„вліяніе школы“; въ шестой—„состояніе церковной жизни“, въ седьмой—„политическій и соціально-экономическій строй“, въ восьмой—духъ времени“. Каждое изъ указанныхъ вліяній разсматривается авторомъ въ непремѣнной связи со взглядами Ѳ. М. Достоевскаго и на основаніи его

сочиненій, аргументируется по возможности словами подлинника: поэтому у читателя возникаетъ болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, какъ Ѳ. М. Достоевскій понималъ сущность религіознаго индифферентизма и вольнодумства, условія и причины возникновенія ихъ. Самыя „основы" этихъ явленій, источники и обоснованіе ихъ авторомъ также не обойдены, а разсматриваются попутно въ разныхъ главахъ, въ особенности въ главахъ VII и VIII. Въ заключеніе авторъ (въ гл. IX) дѣлаетъ общее замѣчаніе о „средѣ", которое казалось ему необходимымъ въ виду взглядовъ Ѳ. М. Достоевскаго на личное самосовершенствованіе, какъ на основу созданія общественнаго благоустройства и благосостоянія.

Сочиненіе читается съ интересомъ; написано въ общемъ хорошимъ слогомъ; построеніе ясное и естественное. Конечно, кое-что можно и должно восполнить, но и въ своемъ настоящемъ видѣ сочиненіе студента Меморскаго можетъ быть признано очень хорошею кандидатскою диссертаціею".

11) О сочиненіи студента Ѳеодора *Минченко* на тему: „Возможенъ-ли прогрессъ человѣчества безъ признанія догматовъ, лежащихъ въ основѣ христіанства"?

а) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Взятый для изслѣдованія, по мнѣнію автора, чрезвычайно обширный, сложный и трудный вопросъ" разсматривается имъ въ небольшомъ, занимающемъ только 158 стр. сочиненія. Во введеніи на 14 стр. трактуется „о міровой исторіи человѣчества и о роли въ ней христіанства". Слѣдующія 40 стр., составляющія первую главу сочиненія, посвящены изложенію и разбору взглядовъ на прогрессъ Гердера, Кондорсэ, Канта, Гегеля, Конта, Спенсера и представителей соціализма. Во второй главѣ идетъ рѣчь „о современномъ положеніи въ жизни христіанства" и указываются противорѣчія современной дѣйствительности христіанскимъ идеаламъ. Наконецъ, третья глава

сочиненія, по мысли автора, даетъ положительный отвѣтъ на вопросъ темы и имѣетъ въ виду установить ту истину, что единственно прогрессивнымъ началомъ въ жизни и въ исторіи должно быть признано христіанство.

Изъ представленнаго краткаго обзора сочиненія г. Минченко видно, что прямого и яснаго отвѣта на вопросъ темы въ немъ нѣтъ. Нельзя сказать, чтобы и въ тѣхъ границахъ, которыя поставилъ себѣ авторъ, онъ работалъ съ большимъ успѣхомъ. Едва-ли можно сколько-нибудь удовлетворительно обозрѣть на 14 стр. „міровую исторію человѣчества и роль въ ней христіанства". Трудно также сколько-нибудь понятно изложить и разобрать на 40 стр. и Канта, и Гегеля, и Гердера, и Кондорсэ и представителей соціализма. Не особенно богатое содержаніемъ сочиненіе г. Минченко и въ литературномъ отношеніи, къ сожалѣнію, не можетъ заслужить похвалы. Говорю *къ сожалѣнію* потому, что авторъ, повидимому, усердно обрабатывалъ свою рѣчь. Только его понятія о красотѣ стиля едва ли правильны.

Но, принимая во вниманіе, что авторъ всетаки значительно потрудился надъ темой и нѣкоторые пункты ея достаточно уяснилъ, (а также въ виду краткости времени, бывшаго въ распоряженіи автора), я считаю справедливымъ и при отмѣченныхъ недостаткахъ признать его сочиненіе удовлетворительной кандидатской работой".

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ студ. Ѳ. Минченко представилъ свой трудъ въ такомъ видѣ: 1) въ сравнительно небольшомъ „введеніи" говоритъ о міровой исторіи человѣчества и о томъ значеніи („Роли"), которое имѣетъ въ ней христіанство. 2) Слѣдующія затѣмъ три главы даютъ читателю: а) изложеніе взглядовъ по вопросу о прогрессѣ позднѣйшихъ, почти современныхъ намъ мыслителей Европы: Гердера, Кондорсэ, Канта, Гегеля, Конта, Спенсера съ краткими критиче-

скими замѣчаніями не по поводу ихъ,—а по поводу современнаго соціализма; b) далѣе рѣчь автора посвящена новому теченію мысли въ рѣшеніи вопроса о прогрессѣ (мысли Л. Н. Толстаго, В. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого); не полемизируя съ ними, авторъ отмѣчаетъ только то, что русскіе мыслители въ рѣшеніи вопроса о прогрессѣ стоятъ на болѣе правильной точкѣ зрѣнія и правильномъ пути въ рѣшеніи интересующаго насъ вопроса. Далѣе авторъ говоритъ о современномъ положеніи христіанства въ жизни и оцѣниваетъ историческую дѣйствительность съ точки зрѣнія основныхъ христіанскихъ идей (любви и свободы); c) третья и послѣдняя глава сочиненія студ. Минченко посвящена переоцѣнкѣ того, что считается признаками прогрессивнаго движенія человѣчества, и авторъ приходитъ къ тому заключенію, что истинный прогрессъ человѣчества можетъ осуществляться только на основахъ и подъ руководствомъ христіанства, что мыслители и историки не достаточно ясно представляютъ себѣ сущность человѣческой природы и ея потрясеніе, происшедшее въ теченіе вѣковъ. Усматривая только ея внѣшнюю сторону, они полагаютъ и сущность прогресса въ развитіи и совершенствованіи внѣшней жизни, забывая объ источникѣ зла въ жизни. Въ виду того, что источникъ этотъ лежитъ внутри природы человѣческой, и въ виду того, что правильное познаніе о человѣкѣ, его природѣ и силахъ дается только христіанскимъ ученіемъ, само собою слѣдуетъ, что только съ точки зрѣнія христіанскихъ догматовъ можетъ быть по достоинству оцѣнена исторія въ ея движеніи, „только съ точки зрѣнія, напр., воскресенія Христова", понятна, напр., идея развитія и прогресса. Таковъ взглядъ автора. Но это только одна сторона дѣла. Христіанство въ дѣлѣ прогресса важно не только, какъ сумма идей для познанія природы и жизни человѣчества; еще важнѣе его внутренняя движущая сила. И эта сторона христіанства оцѣнена авторомъ по достоинству. Христіанство, какъ жизнь по Богѣ, признается единственнымъ средствомъ для прогресса всего рода человѣческаго; безъ христіанства прогрессъ

невозможенъ. Однако авторъ слабо оттѣнилъ значеніе христіанскихъ дагматовъ, какъ основъ въ опредѣленіи цѣли и смысла жизни, и въ своемъ сочиненіи не отмѣтилъ значеніе тѣхъ доктринъ, которыя построяютъ ученіе о жизни человѣка на основахъ только нравственныхъ (адогматизмъ) и которыя разсматриваютъ христіанскіе догматы, какъ отжившія свое время и совершенно не нужныя уже въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія человѣчества идеи.—Во всякомъ случаѣ трудъ студента Ѳ. Минченко можетъ быть признано достаточнымъ для признанія автора его кандидатомъ богословія. На этомъ сочиненіи видны слѣды поспѣшной работы, въ чемъ авторъ и самъ искренно сознается. Ему приходилось многое перечитать и передумать, а для этого у него было, какъ у всѣхъ другихъ, сравнительно мало времени".

12) О сочиненіи студента іеромонаха *Нектарія* (*Глобы*) на тему: „Св. Макарій Великій и его бесѣды".

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова:

„Сочиненіе о. Нектарія состоитъ изъ введенія, двухъ частей изслѣдованія и заключенія,

Во введеніи авторъ даетъ краткую характеристику церковнаго учительства въ IV вѣкѣ, излагаетъ планъ и задачу сочиненія и указываетъ источники и пособія, какими онъ пользовался.

Задача настоящаго изслѣдованія состоитъ (по словамъ автора) въ томъ, чтобы „съ одной стороны представить житіе препод. Макарія и начертать его нравственный обликъ, какъ типичнаго аскета-мистика, съ другой, по возможности, полно изложить его нравственное міровоззрѣніе на основаніи подлинныхъ его твореній—бесѣдъ, указать отличительныя особенности его церковнаго учительства и дать краткую характеристику его, какъ проповѣдника и моралиста" (стр. VIII).

Согласно такой задачѣ, настоящее сочиненіе распадается на двѣ части. Въ первой авторъ излагаетъ житіе и нравственный образъ препод. Макарія. При составленіи этой части авторъ пользовался превосходнымъ и весьма обстоятельнымъ трудомъ профессора С.-Петерб. Академіи А. А. Бронзова (Преп. Макарій египетскій, Спб. 1899 г.), но также руководился и самыми твореніями св. отца и извлекалъ изъ нихъ весьма цѣнныя свѣдѣнія касательно жизнедѣятельности св. Макарія.

Вторая часть сочиненія раздѣляется на три главы, изъ коихъ въ первой авторъ говоритъ о подлинности бесѣдъ преп. Макарія, ихъ числѣ, изданіяхъ и переводахъ; во 2-й главѣ излагаетъ довольно подробно содержаніе бесѣдъ св. Макарія, въ 3-й главѣ разсуждаетъ о внѣшнихъ пріемахъ проповѣдничества св. Макарія.

Въ заключеніе своего изслѣдованія авторъ даетъ краткую характеристику преп. Макарія, какъ проповѣдника и моралиста.

Настоящее сочиненіе составлено, какъ показываетъ и самъ авторъ (стр. X—XII), на основаніи пособій и руководствъ, существующихъ о св. Макаріи въ русской литературѣ. Въ ряду такихъ пособій значатся капитальные труды и изслѣдованія (вышеупомянутое сочиненіе проф. А. А. Бронзова, проф. И. В. Попова „Мистическое оправданіе аскетизма въ твореніяхъ преп. Макарія, 1905 г., проф. А. Л. Катанскаго „Ученіе о благодати Божіей“, 1901 г. и др.). Изъ этихъ трудовъ авторъ извлекъ не мало цѣннаго матеріала касательно предмета своего изслѣдованія. Но при изложеніи содержанія бесѣдъ преп. Макарія авторъ обнаружилъ значительную долю самостоятельности; онъ обстоятельно изучилъ бесѣды св. отца, изложилъ содержаніе ихъ въ добромъ порядкѣ и весьма правильною русскою рѣчью, чуждою иностранныхъ словъ и выраженій.

Для степени кандидата настоящее сочиненіе можетъ быть признано очень хорошимъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Сочиненіе іеромонаха Нектарія небольшое по объему, но въ достаточной мѣрѣ знакомящее съ предметомъ изслѣдованія.

Оно состоитъ изъ введенія и двухъ главъ.

Въ введеніи представлена краткая характеристика церковнаго учительства въ IV вѣкѣ (не совсѣмъ отчетливая), указанъ планъ сочиненія и перечислены источники и пособія, какими пользовался авторъ при составленіи своего сочиненія.

Въ первой части авторъ излагаетъ біографическія свѣдѣнія о св. Макаріи Великомъ и изображаетъ нравственный характеръ святого отца. Свѣдѣнія, здѣсь сообщаемыя, собраны изъ разныхъ сочиненій и, сообщая ихъ, авторъ не отличаетъ истинно-историческаго отъ апокриѳическаго.

Вторая часть — самая большая и главная въ сочиненіи. Она раздѣлена на три главы. Въ первой главѣ изложены внѣшнія біографическія свѣдѣнія о бесѣдахъ св. Макарія Великаго, — ихъ числѣ, подлинности, изданіяхъ и переводахъ. Во второй главѣ довольно подробно представлено ихъ содержаніе, а въ третьей охарактеризованы внѣшніе пріемы проповѣдническаго изложенія въ бесѣдахъ св. Макарія.

Въ заключеніе дана краткая характеристика св. Макарія Великаго, какъ проповѣдника и моралиста. Авторъ, въ заключительной части своего сочиненія, называетъ свое изслѣдованіе самостоятельнымъ (стр. 158). Въ полномъ смыслѣ самостоятельнымъ сочиненія іеромонаха Нектарія нельзя признать. Авторъ работалъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ пособій, какія указаны въ введеніи къ его изслѣдованію, въ особенности сочиненія профессора Бронзова „Жизнь и творенія преп. Макарія Египетскаго", которое онъ называетъ капитальнѣйшимъ трудомъ (стр. 158). Но авторъ не слѣдуетъ слѣпо своимъ руководителямъ. Къ чести его нужно сказать, что онъ изъ многихъ сочиненій позаботился собрать потребный для него матеріалъ и изложить его въ сочиненіи, отличающемся логическою стройностію

плана и доброю ясною мыслію. Самыя бесѣды преподобнаго Макарія Великаго, какъ видно изъ сочиненія, тщательно имъ были изучаемы.

Для степени кандидата сочиненіе удовлетворительное".

13) О сочиненіи студент· Василія *Новикова* на тему: „Историческій процессъ развитія принциповъ противораскольнической полемики".

а) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Авторъ понялъ свою задачу, по моему мнѣнію, не вполнѣ правильно. „Мы, говоритъ онъ, въ данный моментъ беремся посильно разобрать только *первоначальный* и самый интересный (по нашему мнѣнію) періодъ изъ исторіи всей противораскольнической полемики, періодъ продолжавшейся цѣлое столѣтіе борьбы національнаго и вселенскаго православія" (стр. 3). Такое ограниченіе своей задачи темою сочиненія не можетъ быть оправдано. Автору пришлось къ тому же еще высказывать сожалѣніе и сѣтовать „на недостатокъ времени и обширность матеріала", побудившихъ его, по откровенному признанію, *слишкомъ ограничить* и безъ того *скромную* работу (стр. 2). И дѣйствительно, г. Новиковъ ограничился разсмотрѣніемъ полемическихъ пріемовъ лишь въ слѣдующихъ противораскольническихъ сочиненіяхъ: въ Жезлѣ Правленія Симеона Полоцкаго, въ Пращицѣ духовной арх. Питирима, въ Розыскѣ о брынской вѣрѣ Димитрія Ростовскаго, въ Обличеніи неправды раскольническія Ѳеофилакта Лопатинскаго и въ Увѣщаніи митрополита Платона. Но можно было бы принять въ уваженіе смягчающія вину автора обстоятельства и признать его „скромную работу" достаточною, еслибы и здѣсь, въ предѣлахъ намѣченной задачи, онъ оставался вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ. Къ глубокому сожалѣнію, на пути выполненія и этой „скромной" задачи у него стояли, какъ это видно изъ сочиненія и даже откровеннаго собственнаго признанія, трудности

непреодолимыя, справиться съ которыми онъ оказался не въ силахъ. „Существующая уже литература по данному вопросу, удѣляющая свои страницы разбору отдѣльныхъ полемическихъ сочиненій даннаго періода, *значительно сокращаютъ нашъ трудъ*" (стр. 4), заявляетъ нашъ авторъ въ предисловіи. *Сокращеніе* это г. Новиковъ и понялъ въ томъ смыслѣ, что статьи А. А. Опоцкаго „Преосвященный Питиримъ, епископъ Нижегородскій, *какъ дѣятель противъ раскола*" (Христ. Чтен., 1874), Д. Ягодина „Семеонъ Полоцкій, *какъ полемистъ противъ раскола*" (Странн. 1880, т. 3), В. Ѳ. Пѣвницкаго „Симеонъ Полоцкій" (Прав. Обозр. 1860, т. 3) и др. принялся почти дословно переписывать съ выдержками изъ вышеуказанныхъ полемическихъ сочиненій „первоначальнаго и самаго интереснаго періода". Намъ приходится усумниться теперь даже въ томъ, читалъ ли авторъ въ подлинникѣ разбираемыя имъ сочиненія полемистовъ XVII—XVIII столѣтій. Не можемъ не поставить автору въ похвалу, что трудъ „сокращенія" своихъ пособій веденъ былъ имъ съ рѣдкою добросовѣстностію, путемъ карандашныхъ отмѣтокъ по страницамъ журналовъ, изъ коихъ имъ заимствовались необходимыя мысли. Конечно, трудъ провѣрки авторской самостоятельности чрезъ это для насъ упростился, за что мы и приносимъ ему нашу благодарность, но книги академической библіотеки оказались на мѣстѣ въ *испачканномъ грязномъ видѣ*...

Если судить по самостоятельнымъ страницамъ даннаго сочиненія, напр., въ предисловіи, въ заключеніи и въ центральныхъ частяхъ его, для перехода и связи заимствуемыхъ имъ фразъ и періодовъ изъ печатныхъ источниковъ, то можно заключить, что г. Новиковъ фразеръ и писака не высокой пробы. У него встрѣчаются довольно часто такія, напр., туманныя фразы: „процессъ христіанской идеи русскаго человѣка" (стр. 2), „темный сфинксъ роковой ошибки русской церкви половины XVII столѣтія" (стр. 14), „по этой дорогѣ (указанной соборомъ 1866. 67 г.г.), какъ по проложеннымъ

рельсамъ, *покатились первые цвѣты полемическаго сада* стр. 20); м. Платонъ повернулъ *„руль кормила“* (sic) духовнаго *правленія* въ другую сторону (стр. 109), окинувъ *взоромъ только что очерченную эволюцію* основныхъ принциповъ всей нашей полемики (стр. 121) и т. д. и т. д.

Міросозерцаніе нашего автора и его пристрастіе къ словоизвитію характеризуются въ довольно яркой степени тирадою на стр. 14, очерченною мною карандашемъ съ помѣткою: „буесловіе и велерѣчіе“, и заключительными словами сочиненія: „Хочется вѣрить, пишетъ авторъ, что *новая* (sic) *заря* пробужденія свободной мысли и религіознаго сознанія, уже запылавшая такъ ярко на *востокѣ русской церкви* (?), приблизитъ насъ къ истинному духу евангелія и зажжетъ въ нашихъ сердцахъ Христово *чувство* любви, братства и всепрощенія“ (стр. 126).

Желая предоставить автору возможность имѣть въ своемъ распоряженіи больше времени, на недостатокъ котораго онъ горько жалуется, съ цѣлью возможно основательнѣе познакомиться со всѣмъ „обширнымъ матеріаломъ“, такъ или иначе относящимся къ предмету его сочиненія, мы полагаемъ весьма не безполезнымъ возвратить настоящее сочиненіе *для переработки*, при чемъ рекомендовали бы, отбросивъ всякую „скромность“ и напрасныя „ограниченія“, исчерпать тему съ надлежащею полнотою и обстоятельностію. Если наше пожеланіе будетъ принято авторомъ во вниманіе, то, быть можетъ, тогда не будетъ служить поводомъ къ „значительному сокращенію“ его труда и „существующая литература“ по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ вопросамъ. Послѣднее пожеланіе мы готовы измѣнить на совѣтъ автору избрать для сочиненія на степень кандидата новую тему, менѣе разработанную въ „существующей литературѣ“, чтобы снова не очутиться въ неловкой зависимости отъ нея“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Отъ студента Новикова я ожидалъ хорошаго сочиненія. Означенная тема дана была по его просьбѣ. Авторъ заявлялъ, что тема эта очень интересуетъ его и онъ уже много поработалъ для ея уясненія. Къ сожалѣнію, надежды мои совершенно не оправдались.

Предисловіе, введеніе и заключеніе къ сочиненію по мѣстамъ отличаются велерѣчіемъ и хлесткими фразами, напоминающими газетныя статейки извѣстнаго пошиба. Самое же изслѣдованіе, состоящее изъ шести маленькихъ главъ, представляетъ собою бѣглый обзоръ полемическихъ сочиненій, при томъ далеко не всѣхъ (авторъ совершенно не касается полемики 19-го стол.). Да и этотъ обзоръ отличается компилятивностію, далеко переступающею за границы допустимаго.

Въ виду сказаннаго я затрудняюсь признать сочиненіе г. Новикова заслуживающимъ степени кандидата богословія".

14) О сочиненіи студента Θеодора *Няги* на тему: „Религія и религіозное воспитаніе по Ж. Ж. Руссо".

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Сочиненіе г. Няги состоитъ изъ трехъ главъ.

Въ первой главѣ, написанной на основаніи существующихъ (главнымъ образомъ на русскомъ языкѣ) пособій, выясняются тѣ вліянія, подъ которыми складывалось религіозное міросозерцаніе Руссо. Хотя глава и не отличается исчерпывающею полнотою (совершенно отсутствуетъ указаніе на вліяніе картезіанскихъ традицій и воззрѣній самого Декарта), однако въ общемъ она достигаетъ своей цѣли.

Во второй главѣ излагаются а) религіозное міросозерцаніе (по сочиненію „Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія") и б) педагогическія воззрѣнія (по соч. „Эмиль") Руссо. Глава

даетъ ясное представленіе о своемъ предметѣ. Это—лучшая часть сочиненія.

Въ третьей главѣ авторъ подвергаетъ критикѣ взгляды Руссо, изложенные въ предыдущей главѣ. Хотя основныя идеи автора правильны и критическія замѣчанія въ общемъ вѣрны, тѣмъ не менѣе эта глава производитъ сравнительно даже съ первой худшее впечатлѣніе: философскія, богословскія и психологическія основоположенія автора не отличаются ясностью (напр., авторъ не уяснилъ себѣ отношенія между естественнымъ и сверхъестественнымъ откровеніемъ, откуда у него получается такое сужденіе: „откровеніе для каждаго вѣрующаго единственный источникъ религіознаго познанія", или, напр., на страницахъ 227—233, доказывая ту мысль, что дѣти способны къ усвоенію религіозныхъ понятій и представленій, авторъ настаиваетъ на томъ, что дѣтямъ присущи какъ „склонность къ абстракціи" и въ связи съ этимъ „стремленіе къ отвлеченнымъ религіознымъ вопросамъ", такъ и „пылкое воображеніе", въ силу чего „для юной души мысль улетѣть на небо не заключаетъ въ себѣ ничего нелѣпаго"; въ какомъ отношеніи эти способности находятся другъ къ другу, какое значеніе каждая изъ нихъ имѣетъ въ дѣлѣ религіознаго познанія—для читателя остается неяснымъ, тѣмъ болѣе, что тамъ же говорится о воспріимчивости дѣтскаго сердца, какъ главномъ условіи усвоенія дѣтьми религіозныхъ представленій: „дѣтское сердце съ благодарною воспріимчивостью, легко и безъ труда можетъ достигнуть того, къ чему такъ долго и безуспѣшно стремится разумъ взрослаго",—къ чему жъ тогда склонность дитяти къ абстракціи?!); опредѣленія понятій не отличаются ни ясностью, ни точностью, вслѣдствіе чего и терминологія—также неточная и неустойчивая (напр., „религія есть единая, сама въ себѣ таинственная идея, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разлагаема на категоріи мысли"; въ другомъ мѣстѣ: „религія живетъ въ человѣкѣ, какъ фактъ убѣжденія, дѣйствуетъ, какъ интеллигентная сила "), рѣчь изобилуетъ неправильными,

неясными и даже неудобопонятными выраженіями. Тѣ же недостатки, хотя въ меньшей мѣрѣ, встрѣчаются и въ первыхъ двухъ главахъ. Все это показываетъ, что авторъ—мыслитель не сильный—да и писатель далеко еще не установившійся. Тѣмъ не менѣе сочиненіе его слѣдуетъ признать вполнѣ достаточнымъ для полученія кандидатской степени: какъ сказано выше, оно даетъ ясное представленіе о религіозномъ міросозерцаніи Руссо, равно какъ объ условіяхъ его происхожденія, и заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ критическихъ замѣчаній на воззрѣнія этого мыслителя,—въ общемъ, значитъ, сочиненіе содержательное".

б) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Поставивъ задачею для себя уясненіе и оцѣнку религіозныхъ и нѣкоторыхъ, связанныхъ съ ними, педагогическихъ воззрѣній Руссо, авторъ выполнилъ ее съ достаточнымъ успѣхомъ.

Первая глава разсматриваемаго сочиненія, имѣющая характеръ введенія, изображаетъ условія, среди которыхъ сложилось религіозное міросозерцаніе Руссо. Въ качествѣ факторовъ, вліявшихъ въ этомъ направленіи, отличаются нѣкоторыя обстоятельства личной жизни знаменитаго „женевскаго гражданина" и—главнымъ образомъ—идеи передовыхъ философовъ Франціи того времени, въ отношеніи ихъ въ вопросамъ религіи и церкви. Во второй главѣ по „Profession de foi du vikaire savoyard" излагаются въ послѣдовательномъ порядкѣ религіозно-философскія воззрѣнія Руссо, съ постулятами естественной религіи его, съ основными положеніями его этики и, какъ выводъ отсюда, взглядъ его на откровеніе вообще и христіанскую религію въ частности. Въ качествѣ приложенія, во второй половинѣ этой главы дается краткій очеркъ педагогическихъ постулятовъ Руссо, выставленныхъ имъ при рѣшеніи вопроса о религіозномъ воспитаніи Эмиля и Софіи. Наконецъ, въ по-

слѣдней третьей главѣ изложенныя воззрѣнія Руссо на религію и религіозное воспитаніе подвергаются авторомъ критическому анализу, съ уясненіемъ односторонности ихъ, несостоятельности въ отдѣльныхъ пунктахъ и общаго значенія.

Главный недочетъ въ разсматриваемой работѣ студента Ѳ. Няги—отсутствіе столь желательной въ ней полноты и обстоятельности изслѣдованія всѣхъ сторонъ взятаго предмета. Такъ, въ первой главѣ тѣ біографическія данныя, какія нужно было привлечь автору для уясненія поставленнаго здѣсь вопроса о процессѣ развитія религіознаго міровоззрѣнія Руссо, сообщены имъ весьма скудно. Почти тоже нужно сказать и относительно нарисованной имъ общей картины философскаго просвѣтительнаго движенія Франціи той эпохи въ отношеніи этого движенія къ личности Руссо и религіознымъ идеямъ его. Во второй главѣ, при изложеніи естественной религіи Руссо и педагогическихъ указаній его относительно религіознаго воспитанія, авторъ лишь попутно и уже послѣ сдѣланнаго очерка обмолвился объ источникѣ, изъ котораго беретъ онъ свой матеріалъ. Между тѣмъ вопросъ объ „Эмилѣ" и соціальномъ религіозно-философскомъ трактатѣ въ немъ заслуживалъ бо́льшаго вниманія со стороны своего происхожденія, отношенія къ нему современной Франціи и Швейцаріи, дальнѣйшей судьбы и пр. Этотъ вопросъ съ полнымъ правомъ долженъ былъ занять мѣсто въ сочиненіи на данную тему и удобнѣе всего, конечно, во вступительной части его. При изложеніи религіозно-философскихъ и педагогическихъ идей Руссо авторъ напрасно такъ скупится на буквальныя выдержки изъ сочиненій философа: такія иллюстраціи, сдѣланныя умѣло и къ мѣсту, придали бы бо́льшую обстоятельность и, главное, бо́льшую яркость излагаемой исторіи. Въ особенности это нужно сказать относительно второй половины второй главы, посвященной „педагогикѣ" Руссо: данный здѣсь эскизъ представляется намъ краткимъ, сухимъ и блѣднымъ. Авторъ могъ оживить и шире поставить

его путемъ экскурсовъ въ другія части „Эмиля“, сопоставленій и сравненій данныхъ положеній Руссо съ разсужденіями его въ другихъ мѣстахъ, буквальныхъ иллюстрацій къ нимъ и пр. Въ третьей главѣ разсматриваемаго сочиненія, критической, проанализированы и оцѣнены далеко не всѣ религіозно-философскія и педагогическія положенія Руссо, изложенныя во второй главѣ.

Кромѣ указаннаго недочета—желательности бо́льшей обстоятельности и полноты изслѣдованія, разсматриваемое сочиненіе имѣетъ и другіе, болѣе частные недостатки—и въ положительной и въ критической частяхъ своихъ. Нѣкоторыя данныя касательно развитія личности Руссо, взятыя у Шаумана, приведены неправильно (стр. 6, 9—10). Нѣкоторыя мѣста въ воззрѣніяхъ Руссо переданы недостаточно или не вполнѣ ясно. Въ критической части авторъ напрасно обвиняетъ Руссо и въ томъ, въ чемъ тотъ, повидимому, неповиненъ, напр., въ отрицаніи имъ личности Божества (стр. 195; противъ этого положенія сравн. стр. 78), въ непризнаніи имъ жизненнаго, нравственно-практическаго значенія за религіей (стр. 194, сравн., напротивъ, стр. 134—135). При уясненіи положительныхъ сторонъ теоріи Руссо желательна была бы болѣе широкая оцѣнка значенія ея, не съ положительной только (по существу), но и съ исторической точки зрѣнія. Есть у автора отдѣльныя мысли и разсужденія общаго характера, или не вполнѣ ясно и точно формулированныя или неправильныя, напр., о задачѣ „педагогики“ по отношенію къ религіозному воспитанію (стр. 207), объ отношеніи между воспитаніемъ и обученіемъ (стр. 217) и н. др. Въ стилистическомъ отношеніи менѣе удачна вторая половина второй главы и по мѣстамъ третья глава.

Но указанные недостатки отнюдь не лишаютъ разсматриваемое сочиненіе по праву принадлежащаго ему достоинства работы цѣльной, прямо и ясно отвѣчающей на свой вопросъ, дающей живое представленіе объ изслѣдуемомъ предметѣ и

интересной. Недочеты въ разсматриваемомъ сочиненіи, частью, составляютъ довольно обычное явленіе въ студенческихъ кандидатскихъ работахъ, представляющихъ первый опытъ научнаго труда, частью объясняются и спеціальными трудностями нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ данной темы. Напр., вопросъ о способности ранняго дѣтскаго возраста къ воспріятію началъ религіознаго воспитанія могъ бы быть рѣшенъ съ достаточною полнотою и убѣдительностью только на почвѣ относящихся сюда данныхъ спеціальной психологіи этого возраста. Но послѣдняя, представляя область, вообще далеко еще неразработанную съ надлежащею полнотою, въ частности по данному спеціальному вопросу (о *религіозной* воспріимчивости дѣтской души) крайне скудна категорическими положеніями. Поэтому нельзя не оцѣнить и того, что сдѣлано авторомъ, не уклонившимся все же отъ посильнаго отвѣта и на этотъ вопросъ.

Итакъ, отмѣчая недостатки въ разсматриваемомъ сочиненіи, мы не можемъ не оцѣнить въ немъ работы, ясно свидѣтельствующей о способности автора быстро оріентироваться въ данномъ большомъ вопросѣ, избрать въ немъ для изслѣдованія главнѣйшіе существенные пункты и представить результаты такого изслѣдованія въ цѣльной, стройной и ясной формѣ. Наличность же такой способности къ научной работѣ, по моему мнѣнію, даетъ автору полное право на полученіе за данное сочиненіе искомой имъ степени кандидата богословія".

15) О сочиненіи студента Платона *Ольшевскаго* на тему: „Іерусалимъ. Исторія, топографія, археологія и религіозное значеніе святаго града".

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Сочиненію предпослано небольшое „Предисловіе" съ указаніемъ состава и раздѣленія работы (то и другое указано, впрочемъ, въ самой темѣ) и перечнемъ бывшей подъ руками у автора литературы объ Іерусалимѣ. Самое сочиненіе состоитъ

изъ четырехъ частей: ч. I: исторія святаго града въ библейскій и христіанскій періоды (стр. 1—224); ч. II: топографія Іерусалима и его окрестностей (стр. 225—292); ч. III: археологическіе памятники Іерусалима, библейскаго и христіанскаго (стр. 293—412) и ч. IV—„религіозное значеніе Іерусалима—для іудеевъ и христіанъ" (стр. 413—494).

Изъ безконечно обширной литературы объ Іерусалимѣ,—ученой паломнической и иной,—авторъ отмежевалъ себѣ сравнительно небольшое поле литературы главнымъ образомъ русской, но использовалъ ее въ сравнительно достаточной для цѣли степени. Авторъ усердно изучилъ существенное въ ученомъ изслѣдованіи Іерусалима съ указанныхъ выше сторонъ. Данныя библейскія и содержащіяся въ сочиненіяхъ Іосифа Флавія объ Іерусалимѣ приведены авторомъ въ достаточной мѣрѣ и сгруппированы, вмѣстѣ съ поясняющими ихъ свѣдѣніями изъ ученой литературы предмета, въ связномъ и не лишенномъ интереса разсказѣ. Сочиненіе содержательное и даетъ опредѣленное и разностороннее понятіе о предметѣ.

Конечно, если отъ этой матеріальной—описательно повѣствовательной стороны работы Ольшевскаго обратимся собственно къ научно-технической оцѣнкѣ ея, то здѣсь должны будемъ констатировать наличность въ сочиненіи немаловажныхъ дефектовъ, проистекающихъ изъ недостаточно критическаго, строгонаучнаго отношенія автора къ черпаемымъ имъ изъ доступной ему литературы свѣдѣніямъ. Авторъ иногда не различаетъ существенное и безспорное отъ второстепеннаго и сомнительнаго, соединяя въ общую картину данныя совершенно неодинаковой цѣнности (примѣры этого рода можно находить особенно въ авторской „исторіи" Іерусалима); иногда высказываетъ аподиктическое сужденіе тамъ, гдѣ—по состоянію научныхъ знаній—можно говорить лишь проблематически (напр., относительно топографіи Іерусалима). Заимствованія автора, хотя, въ общемъ, не переходятъ положенныхъ границъ законности и литератур-

наго приличія, все-же иногда слишкомъ длинны и утомительны („археологія“). Собственная мысль автора,—коль скоро она не опирается на готовыя данныя,—развивается не всегда свободно и послѣдовательно.

Все это, однако, хотя и понижаетъ достоинство разсматриваемаго сочиненія, но все же не препятствуетъ отнести его къ числу удовлетворительныхъ кандидатскихъ диссертацій. Авторъ, безъ сомнѣнія, не мало потрудился надъ избранною темою, степени кандидата за свое сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Въ самой формулировкѣ темы авторъ беретъ планъ для своего изслѣдованія. Сочиненіе его состоитъ изъ четырехъ частей: 1) исторія Іерусалима, 2) топографія его, 3) археологія и 4) религіозное значеніе. Каждая часть распадается на двѣ главы, причемъ въ первой, третьей и четвертой частяхъ разсматриваются особо Іерусалимъ ветхозавѣтный и христіанскій, а во второй части отъ топографіи города отдѣляется въ особую главу топографія его окрестностей. Авторъ напрасно стремится къ такой внѣшней симметричности плана своего сочиненія. Если можно и удобно разсматривать исторію и археологію Іерусалима библейскаго отдѣльно отъ города христіанскаго, то выдѣлять въ особыя главы топографію окрестностей Іерусалима и религіозное значеніе св. города для христіанъ не было никакой необходимости; на практикѣ же это оказалось и очень неудобнымъ, такъ какъ матеріалъ для этихъ главъ занялъ всего нѣсколько страницъ.

Что сказать о содержаніи сочиненія?

На такую огромную тему, снабженную притомъ неизмѣримо обширною литературою—на всѣхъ языкахъ, всѣхъ жанровъ, отъ капитальныхъ ученыхъ изслѣдованій до бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ, естественно ожидать большого сочиненія. И г. Ольшевскій представилъ объемистый томъ въ 500 страницъ, ко-

нечно, все же далеко не исчерпывающій своей области во всей ея широтѣ. Съ другой стороны, при такомъ характерѣ темы, автору весьма трудно было бы дать въ своей работѣ изслѣдованіе самостоятельное. Трудъ его по необходимости долженъ отличаться характеромъ компилятивнымъ. Задачею его было разобраться въ той литературѣ, какая была у него подъ руками по данному обширному вопросу, и умѣло воспользоваться ею. Нечего и говорить, что рѣшеніе и такой огромной задачи потребовало отъ автора большого труда, о чемъ свидѣтельствуетъ все сочиненіе его. Правда, онъ не стоитъ въ курсѣ самыхъ новѣйшихъ открытій, выводовъ и предположеній въ области топографіи и археологіи древняго Іерусалима. Нельзя не отмѣтить, далѣе, и той излишней довѣрчивости, съ какою авторъ относится къ свидѣтельствамъ, иногда далеко не безупречной научной цѣнности. Но думается, что обширность программы съ одной стороны и краткость времени для ея выполненія съ другой служатъ достаточнымъ извиненіемъ для автора. Обширный трудъ его, снабженный 4 планами г. Іерусалима и планомъ „Храма", достаточно свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, съ какимъ отнесся авторъ къ своей темѣ, о большой работоспособности его и умѣньи справляться съ обширными задачами. Отъ начала и до конца онъ написанъ языкомъ правильнымъ и легкимъ. Кандидатской степени сочиненіе студента П. Ольшевскаго вполнѣ заслуживаетъ".

16) О сочиненіи студента Николая *Пахіопуло* на тему: „Евстратій, митрополитъ Никейскій, и его полемическія сочиненія".

а) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Студентъ Пахіопуло поставилъ себѣ задачею выяснить личность Евстратія Никейскаго, полемиста XI—XII вѣка, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ и сочиненій Евстратія,

сохранившихся до нашего времени. Евстратій, какъ полемистъ, трудился въ защитѣ православія противъ латинянъ, противъ иконоборцевъ и монофизитовъ. Противъ первыхъ онъ писалъ по вопросу о Filioque и объ опрѣснокахъ.—Сочиненія его мало изслѣдованы; до нашего времени жизнь Евстратія тоже затронута только мимоходомъ въ общихъ трактатахъ о полемической письменности XI—XII вѣка. Поэтому сочиненіе студ. Пахіопуло является болѣе или менѣе цѣльною монографіею о личности и трудахъ Евстратія Никейскаго.—Послѣ указанія греческой, латинской, нѣмецкой и русской литературы, въ которыхъ даются свѣдѣнія объ Евстратіи Никейскомъ, авторъ по крупицамъ собираетъ свѣдѣнія о его личности и его церковной дѣятельности въ концѣ XI и началѣ XII вв. (гл. I) и о его сочиненіяхъ. Въ главѣ II-й разбираетъ сочиненія Евстратія о св. Духѣ (два слова и „изложеніе спора съ латиняниномъ П. Хризоланомъ" по тому же вопросу) и даетъ ихъ характеристику въ отношеніи къ трактату—посланію патр. Фотія. Въ третьей главѣ излагается и оцѣнивается краткая исторія споровъ объ опрѣснокахъ въ таинствѣ Евхаристіи и разрыва Рима съ Константинополемъ. Здѣсь авторъ анализируетъ и даетъ оцѣнку двухъ сочиненій Евстратія объ опрѣснокахъ. Въ четвертой главѣ излагается содержаніе діалога объ иконопочитаніи; а также по нашему мнѣнію тѣсно связаннаго съ этимъ діалогомъ вопроса о двухъ естествахъ въ лицѣ Господа Іисуса Христа. Въ заключеніе авторъ характеризуетъ полемику Евстратія.—Сочиненіе студ. Пахіопуло представляетъ трудъ усердный, съ любовію написанный въ память знаменитаго соотечественника, борца за православіе. Въ авторѣ замѣтна способность къ научному анализу собраннаго матеріала и умѣнье располагать его въ надлежащемъ порядкѣ. Трактатъ студ. Пахіопуло цѣненъ въ томъ отношеніи, что не каждому доступенъ матеріалъ, бывшій въ его распоряженіи. Трудъ этотъ даетъ полное право автору его на полученіе кандидатской степени".

б) Ординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Въ своемъ сочиненіи авторъ подвергаетъ анализу восемь трактатовъ Евстратія, касающихся слѣдующихъ вопросовъ: 1) вопроса о Filioque; 2) вопроса объ употребленіи латинянами опрѣсноковъ; 3) вопроса объ иконопочитаніи и 4) вопроса о соединеніи во Христѣ двухъ природъ—божеской и человѣческой. Достоинство анализа то, что онъ всегда ведется по подлиннику, съ которымъ г. Пахіопуло легко было познакомиться. Анализъ кромѣ того обнаруживаетъ и хорошіе научные пріемы, именно авторъ не только излагаетъ содержаніе полемическихъ сочиненій Евстратія, но желаетъ уяснить отношеніе его полемики къ предшествующимъ полемическимъ трудамъ и дать этой полемикѣ необходимое историческое освѣщеніе. Впрочемъ, послѣдняя историко-критическая сторона получила въ сочиненіи сравнительно недостаточное развитіе, напр. полемику Евстратія противъ опрѣсноковъ нужно было внимательно сравнить съ полемикою Никиты Стифата и др., для какого сравненія можно было найти матеріалъ въ трудѣ г. Чельцова: „Полемика объ опрѣснокахъ". Однако, общій взглядъ автора на полемическіе трактаты Евстратія представляется намъ вполнѣ вѣрнымъ; есть въ сочиненіи и нѣкоторыя историческія поправки чужихъ взглядовъ (Чельцова, Ѳ. И. Успенскаго), сдѣланныя, по нашему мнѣнію, основательно.

Анализъ трактатовъ Евстратія ведется почти вездѣ буквальными выдержками изъ этихъ трактатовъ. Не всѣ главы сочиненія одинаково обработаны. Лучшею по изложенію является четвертая глава, и, наоборотъ, въ переводѣ полемическихъ сочиненій Евстратія о Filioque не мало встрѣчается неясности и неточности. Неполнотою и неточностью страдаетъ и цитація, которая заимствуется не одинъ разъ изъ вторыхъ рукъ. Мало авторъ остановился и на біографіи Евстратія, разъяснивши собственно одинъ только важный эпизодъ изъ его жизни, именно временное уклоненіе его въ неправославіе, что выразилось въ

признаніи Евстратіемъ рабскаго отношенія человѣческой природы во Христѣ къ природѣ божественной, отъ какого заблужденія самъ Евстратій въ своемъ исповѣданіи отказался. Непріятное впечатлѣніе производитъ и частое игнорированіе переписчикомъ знаковъ препинанія.

Сочиненіе въ достаточной степени исчерпываетъ свой предметъ. Авторъ хотя и кратко, но вѣрно отмѣтилъ характерныя черты личности Евстратія и его трудовъ и вездѣ относится къ этому церковному писателю съ великимъ уваженіемъ.

Степени кандидата сочиненіе заслуживаетъ".

17) О сочиненіи студента Александра *Петрова* на тему: „Христіанство и оптимизмъ въ ученіи о цѣли и смыслѣ жизни".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Во введеніи г. Петровъ намѣчаетъ путь, избранный имъ для рѣшенія вопроса. Послѣ замѣчаній общаго характера, авторъ характеризуетъ оптимизмъ въ его главнѣйшихъ направленіяхъ и указываетъ тѣ системы, которыя онъ предполагаетъ разсмотрѣть въ своемъ сочиненіи. Первая глава посвящена „индивидуальному оптимизму", при чемъ авторъ критически излагаетъ въ первомъ отдѣлѣ главы гедонистическую этику Гар. Гефдинга, а во второмъ отдѣлѣ—эволюціонную мораль Гюйо. Во второй главѣ авторъ говоритъ о „соціальномъ оптимизмѣ" и сначала критически разсматриваетъ соціальныя теоріи Маркса и Энгельса, а во второмъ отдѣлѣ главы—эволюціонную этику Спенсера. Глава третья посвящена раскрытію положительнаго христіанскаго ученія о цѣли жизни и выясненію того отношенія, въ какомъ находится это ученіе къ оптимистической гипотезѣ. Въ частности, въ первомъ отдѣлѣ главы авторъ дѣлаетъ общую заключительную оцѣнку оптимизма и, отмѣчая недостаточность его отвѣта для испытующей мысли, переходитъ во второмъ от

дѣлѣ главы къ изложенію христіанскаго ученія о цѣли и смыслѣ жизни, конспективно обозрѣвая судьбы человѣческой жизни въ исторіи отношенія человѣка къ Богу и устанавливая христіанскій взглядъ на зло и на истинную жизнь, какъ вѣчную жизнь въ общеніи любви съ Богомъ и ближними въ Божіемъ Царствѣ. Такъ какъ послѣднее созидается не только божественною благодатію, но и усиліями человѣка, то соработничество Богу въ дѣлѣ созиданія Его Царства и сообщаетъ высшій смыслъ человѣческой жизни. Въ послѣднемъ отдѣлѣ главы авторъ говоритъ объ отношеніи христіанскаго отвѣта на вопросъ къ отвѣту оптимистической доктрины. Онъ, на основаніи раскрытаго ранѣе ученія оптимизма и христіанства, показываетъ несравненное превосходство послѣдняго, отмѣчая и тѣ справедливыя стороны оптимистическаго взгляда на жизнь, какъ въ гедонизмѣ, такъ и въ эволюціонизмѣ, которыя находятъ мѣсто и въ христіанствѣ, но въ иномъ, вышеземномъ освѣщеніи свѣтомъ вѣчной истины.

Я указалъ только общій ходъ мысли г. Петрова, не излагая подробно содержанія его труда. Послѣдній, не смотря на свой большой объемъ, отличается такою сжатостію изложенія, при богатствѣ мысли, что изложить подробно содержаніе сочиненія представляется невозможнымъ въ настоящей рецензіи. Уже самый планъ работы, избранный г. Петровымъ, достаточно опредѣленно говоритъ, что мы имѣемъ дѣло съ трудомъ самостоятельнымъ и серьезнымъ. Г. Петровъ, по моему мнѣнію, умѣло сдѣлалъ выборъ подходящихъ для обзора въ студенческой диссертаціи философскихъ системъ; не менѣе умѣло онъ передалъ ихъ содержаніе и сдѣлалъ на эти системы свои критическія замѣчанія. Совершенно несомнѣнно для меня, что г. Петровъ лично изучилъ излагаемыя имъ системы, а если для критической части и имѣлъ подъ руками хорошія пособія, то въ отношеніи ихъ обнаружилъ полную независимость и господство надъ матеріаломъ. Какъ изложеніе философскихъ си-

стемъ, такъ и критическій разборъ ихъ сдѣланы г. Петровымъ полно и основательно, не смотря на сжатость въ изложеніи. Тоже можно сказать и относительно положительнаго рѣшенія вопроса авторомъ въ третьей главѣ. Если эта глава отличается сравнительною краткостію, доходящей иногда до конспективности въ изложеніи христіанскаго ученія, то однако такая краткость не мѣшаетъ полнотѣ содержанія и, думается мнѣ, есть результатъ сознательнаго желанія автора не расплываться въ изложеніи твердо установленныхъ принциповъ христіанской этики.

Вообще—сочиненіе г. Петрова должно быть признано трудомъ содержательнымъ, обнаруживающимъ мысль сильную, а образъ мыслей симпатичный. Это трудъ большой и добросовѣстный, отличающійся при этомъ рѣдкою внѣшнею обработанностію. Было бы очень желательно, если бы авторъ продолжилъ свою работу, сдѣлавши въ ней необходимыя дополненія и давши строго научную постановку самому рѣшенію вопроса. Въ настоящемъ же видѣ я признаю сочиненіе г. Петрова прекрасной кандидатской диссертаціей".

б) Ординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Сочиненіе студента Александра Петрова—работа весьма серьезная. Авторъ одинаково хорошо и съ большимъ умѣньемъ и излагаетъ, и подвергаетъ разбору современныя моральныя и соціальныя теоріи по разсматриваемому вопросу, присоединяя къ этому въ послѣдней главѣ христіанское освѣщеніе вопроса о цѣли и смыслѣ жизни. Изложеніе вездѣ ясное, отчетливое, послѣдовательное, стройное, и можно отмѣтить въ немъ одинъ только существенный недостатокъ: авторъ слишкомъ часто пользуется буквальными выписками изъ анализируемыхъ имъ сочиненій современныхъ моралистовъ и соціологовъ, и было бы гораздо лучше, если бы ихъ воззрѣнія онъ изложилъ болѣе самостоятельно, перевелъ, такъ сказать, на языкъ своей соб-

ственной мысли. Не меньшею ясностью и стройностью отличается и критика автора, которая въ большинствѣ случаевъ точна, убѣдительна, иногда даже остроумна, касается всѣхъ пунктовъ разбираемаго ученія, такъ что ничего почти не остается неразъясненнымъ. Только критика моральнаго ученія Гефдинга показалась намъ довольно общею, потому что представляетъ обычное разъясненіе несостоятельности эвдемонизма и утилитаризма; кромѣ того, нѣсколько отрывочной характеръ носитъ разборъ соціальной теоріи Спенсера, при чемъ ученіе послѣдняго объ отношеніи эгоизма къ альтруизму почему то оставлено безъ разсмотрѣнія.

Работа автора значительно облегчалась тѣмъ, что всѣ анализируемыя имъ сочиненія—Гюйо, Гефдинга, Маркса, Энгельса и Спенсера переведены на русскій языкъ. Иностранными пособіями авторъ нигдѣ почти не пользовался, да и съ тѣми трудами названныхъ моралистовъ—психологовъ и соціологовъ—экономистовъ, которые не переведены на русскій языкъ, онъ знакомился изъ вторыхъ рукъ. Были у него нѣкоторыя хорошія критическія статьи на русскомъ языкѣ о марксизмѣ и эволюціонизмѣ, но вездѣ въ сочиненіи видна собственная авторская мысль, все комбинирующая самостоятельно,—мысль гибкая, подвижная, энергичная.

Небольшая собственно тема разрослась подъ перомъ автора до весьма значительныхъ размѣровъ (410 стр. довольно убористаго письма). Объясняется это тѣмъ, что студентъ Петровъ понялъ свою задачу очень широко; занимаясь вопросомъ о цѣли и смыслѣ жизни у того или другого современнаго моралиста или соціолога, онъ для выясненія этого вопроса, стоящаго безъ сомнѣнія въ тѣснѣйшей связи съ другими пунктами ученія, излагаетъ почти всю моральную или соціальную систему даннаго философа или соціолога экономиста. Противъ такого пріема, конечно, ничего нельзя возражать,—тѣмъ болѣе, что авторъ нигдѣ не разбрасывается, нигдѣ не теряетъ изъ виду

главной своей цѣли и изложеніе отличается полною концентрированностью. Но яснѣе было бы, если бы авторъ писалъ на такую тему: „Христіанство и современныя моральныя и соціально-экономическія системы въ ученіи о цѣли и смыслѣ жизни“. И мы сильно сомнѣваемся, чтобы Гефдинга, Гюйо и Спенсера можно было назвать въ точномъ смыслѣ слова оптимистами: они скорѣе просто защитники идеи прогресса. А что касается Маркса и Энгельса, то ихъ теорія не столько оптимистическая, сколько утопическая. И дѣленіе системъ на „гедонистическія и эволюціонныя“ едва ли также выдерживаетъ точную критику, потому что у эволюціониста Спенсера есть не мало „гедонизма“. Лучше при дѣленіи имѣть въ виду этику индивидуальную и этику соціальную.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи трудно найти мысль, которая была бы мало продумана. Но есть нѣкоторыя богословскія неточности языка. Такъ, жизнь Христа не называютъ жизнью „многострадальною“ (стран. 360); подвигъ Христа не есть подвигъ „мученичества“ (стран. 360), а подвигъ самоуничиженія. Едва ли также можно согласиться съ тою философіею, что „на основаніи своихъ творческихъ отношеній къ міру Онъ (т. е. Богъ) во всѣхъ преступленіяхъ грѣшнаго міра благоволилъ обвинять Себя Самого, какъ Творца всего міра“ (стр. 364). Дѣло искупленія есть исключительно дѣло милости и любви Божіей; о какой нибудь обязательности здѣсь не можетъ быть рѣчи.

Разсматриваемое сочиненіе—работа, повторимъ, весьма серьезная, написанная умѣло; прочитать ее все равно, что прочитать хорошую книгу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно не вполнѣ обработано, не достаетъ иногда нужныхъ цитатъ, но это мало понижаетъ его достоинство. Авторъ—человѣкъ трудолюбивѣйшій и сочиненіе его вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата“.

18) О сочиненіи студента Сергѣя *Побѣдоносцева* на тему: „Христіанскій оптимизмъ, его основа и значеніе".

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Разумѣется, авторъ смотритъ на христіанское религіозное міровоззрѣніе, какъ на единственно-истинное, всеобъемлющее, удовлетворяющее всѣмъ запросамъ человѣческаго разума и сердца, уясняющее и освѣщающее для человѣка такіе существенно важные и неотвязные вопросы, какъ вопросъ о цѣнности, цѣли и смыслѣ самой человѣческой жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и оптимизмъ авторъ считаетъ столь органически связаннымъ со всею системою христіанскаго религіознаго ученія, столь рельефно выдѣляющимся въ немъ, что истинный послѣдователь Христа Спасителя немыслимъ безъ свѣтлаго, радостнаго настроенія, проникающаго всѣ шаги его жизни и выступающаго при всѣхъ даже самыхъ скорбныхъ обстоятельствахъ. Въ основѣ этого христіанскаго оптимизма авторъ полагаетъ именно вѣроученіе христіанское, устанавливающее нормальное отношеніе наше къ жизни, какъ благу, несмотря даже иногда на темныя ея стороны. Чтобы рельефнѣе выдѣлить это представленіе о жизни, какъ благѣ, а съ другой стороны чтобы указать на высокое и исключительное достоинство въ этомъ отношеніи христіанскаго вѣроученія, авторъ считается съ противоположными христіанству воззрѣніями, полагающими человѣческое существованіе за зло и сообразно съ этимъ устанавливающими совершенно иное отношеніе человѣка къ жизни. Такого рода пессимистическія воззрѣнія проводились въ нѣкоторыхъ и религіозныхъ и философскихъ системахъ. Изъ нихъ авторъ выбираетъ болѣе рельефныя и болѣе извѣстныя—изъ религіозныхъ системъ буддизмъ, а изъ философскихъ—міросозерцаніе Гартмана. Критическій разборъ этихъ двухъ міровоззрѣній даетъ возможность автору сказать, что всѣ попытки представить христіанство религіей

скорби и отчаянія, отожествить его напр. съ буддійскимъ пессимизмомъ—не имѣютъ надъ собою почвы.

Планъ и методъ работы автора естественный. Во введеніи къ своему сочиненію (стр. V—XV) авторъ указываетъ предметъ своего изслѣдованія и намѣчаетъ задачу его; въ первой главѣ (стр. 1—56) излагаетъ и критически оцѣниваетъ сущность буддійскаго міровоззрѣнія въ его отношеніи къ вопросу о цѣнности, цѣли и смыслѣ человѣческой жизни, во второй главѣ (стр. 51—141) занимается уясненіемъ и разборомъ въ этомъ же отношеніи философской системы Гартмана, а въ третьей главѣ, въ двухъ отдѣлахъ ея (стр. 142—205; 205—235) обстоятельно излагаетъ свѣтлое христіанское ученіе о цѣли и смыслѣ жизни и говоритъ о самомъ значеніи христіанскаго оптимизма. Обслѣдованіе всѣхъ этихъ вопросовъ отличается у автора основательностію. Авторъ беретъ предметъ въ самомъ его корнѣ, разсматриваетъ всѣ развѣтвленія его, разбираетъ частности и оцѣниваетъ съ логической и нравственной точки зрѣнія. Нить мыслей автора ведется стройно и послѣдовательно; критика его имѣетъ правильность и силу; авторъ привлекаетъ къ дѣлу много данныхъ, могущихъ служить намѣченной имъ цѣли; оттого разсужденія и выводы автора отличаются вообще большою убѣдительностію. При написаніи своего сочиненія авторъ имѣлъ подъ руками много пособій и руководящихъ статей (на русскомъ языкѣ), какъ положительнаго, такъ и критическаго содержанія, и пользовался ими въ изобиліи; этимъ, разумѣется, значительно облегчалась его личная работа, но несомнѣнную заслугу автора нужно признать въ томъ, что онъ свелъ къ единству значительное количество имѣвшагося у него матеріала, использовалъ его въ достаточной полнотѣ, размѣстилъ въ стройномъ порядкѣ и изложилъ хорошимъ литературнымъ языкомъ. Можно сдѣлать упрекъ автору въ томъ, что пользованіе первоисточниками въ критическихъ отдѣлахъ его сочиненія низведено имъ до минимума; можно замѣтить ему,

что и самыя границы своего сочиненія онъ нѣсколько съузилъ, не коснувшись напр. нѣкоторыхъ другихъ пессимистическихъ религіозныхъ и философскихъ воззрѣній, съ которыми можно было бы считаться, или не сопоставивъ основъ христіанскаго вѣроученія съ принципами хотя бы философскаго оптимизма, съ цѣлію возвысить христіанство, какъ богооткровенный свѣтильникъ человѣку, надъ естественнымъ оптимизмомъ разума человѣческаго; можно отмѣтить, что и въ самой рѣчи своей о христіанствѣ, при всей ея обстоятельности, авторъ не затронулъ нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ его цѣли. Можно указать иногда и на нѣкоторую расплывчатость разсужденій автора, заставляющую его иногда повторяться. Но всѣ эти замѣчанія мы дѣлаемъ не затѣмъ, чтобы ослабить положительное достоинство сочиненія: авторъ несомнѣнно работалъ усидчиво и усердно; сочиненіе его и въ настоящемъ своемъ видѣ производитъ очень пріятное впечатлѣніе и даетъ автору полное право на полученіе степени кандидата богословія".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Задачею своего труда авторъ ставитъ изложить сущность христіанскаго ученія о злѣ и страданіяхъ въ мірѣ и вообще о цѣли и смыслѣ человѣческой жизни и указать значеніе этого ученія въ земной жизни человѣка, въ частности же отмѣтить именно оптимистическій характеръ христіанскаго міровоззрѣнія, показать, что христіанство, выставляя предъ каждымъ человѣкомъ истинную цѣль жизни, цѣнность ея, тѣмъ самымъ прививаетъ человѣку настоящій, разумный оптимизмъ, указываетъ на нормальное, должное отношеніе его къ жизни, ко всѣмъ ея и добрымъ, и худымъ сторонамъ. Но чтобы представить христіанское ученіе во всей его истинности, убѣдительности и превосходствѣ, авторъ считаетъ нужнымъ предварительно выяснить ложность и несостоятельность какъ рели-

гіознаго пессимизма, такъ философскаго. И такъ какъ характернымъ представителемъ религіознаго пессимизма служитъ буддизмъ, а философскій пессимизмъ наиболѣе ясное, послѣдовательное и рельефное выраженіе нашелъ себѣ въ пессимистической философіи Гартмана, то авторъ бóльшую часть сочиненія (141 стр. изъ 235), именно первыя двѣ главы, посвящаетъ изложенію и критическому разбору буддійскаго міровоззрѣнія и системы Гартмана. Послѣдняя, III глава сочиненія состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ въ первомъ излагается христіанское ученіе о цѣли и смыслѣ жизни, какъ основа христіанскаго оптимизма, а во второмъ говорится о значеніи христіанскаго оптимизма. Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ сочиненіи болѣе говорится о пессимизмѣ, нежели о христіанскомъ оптимизмѣ. Оно много выиграло бы въ достоинствѣ, еслибы авторъ сократилъ первыя двѣ главы и если бы вмѣсто очень длинной и растянутой характеристики двухъ отдѣльныхъ, хотя и наиболѣе характерныхъ, моментовъ изъ исторіи пессимизма, сдѣлалъ краткую, но болѣе цѣльную и связную характеристику пессимизма, причемъ пессимистическую философію Гартмана поставилъ бы въ связи съ философіей Шопенгауэра. Автору слѣдовало бы также принять во вниманіе, что кромѣ оптимизма, основывающагося на христіанскомъ ученіи, есть еще другой оптимизмъ, который оставленъ въ сочиненіи безъ надлежащаго вниманія, но сопоставленіе котораго съ христіанскимъ оптимизмомъ было бы ближе къ темѣ, нежели разсмотрѣніе пессимизма. Но то, что сдѣлано авторомъ, сдѣлано въ общемъ хорошо и свидѣтельствуетъ о серіозномъ, вдумчивомъ отношеніи его къ дѣлу и способности его къ научно-литературнымъ работамъ. Не со всѣми сужденіями автора можно согласиться, но нельзя не признать въ общемъ здравости и зрѣлости ихъ. Предметъ разсмотрѣнъ авторомъ съ достаточною полнотою и основательностію. Изложено сочиненіе, за весьма рѣдкими исключеніями, хорошимъ ли-

тературнымъ языкомъ. Въ качествѣ кандидатской диссертаціи оно можетъ быть признано, по моему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительнымъ".

19) О сочиненіи студента Михаила *Померанцева* на тему: „Касающіяся церковнаго устройства постановленія вселенскихъ соборовъ и значеніе этихъ постановленій для послѣдующей жизни церкви".

а) И. д. доцента Ѳ. Мищенко:

„Авторъ поставилъ себѣ задачею изобразить церковное устройство по постановленіямъ вселенскихъ соборовъ. Кажется, лучше было бы, если бы онъ въ своемъ изслѣдованіи пошелъ путемъ анализа, а не синтеза—избралъ предметомъ изслѣдованія прямо вселенскіе каноны, а не церковное устройство по канонамъ. Постановленія вселенскихъ соборовъ случайны и отрывочны и не даютъ достаточнаго матеріала, чтобы по нимъ однимъ начертать цѣльный и законченный образъ церковнаго устройства. Самъ авторъ, очевидно, сознаетъ неудобства занятаго имъ положенія и въ предисловіи прямо оговаривается: „работа наша не блещетъ систематичностью изложенія", такъ какъ „матеріалъ даетъ лишь отдѣльные штрихи церковнаго устройства, а не воспроизводитъ полную картину его". Дѣйствительно, въ расположеніи матеріала своего авторъ, имѣя въ виду цѣльный образъ церковнаго устройства, хотѣлъ слѣдовать плану, принятому въ нѣкоторыхъ курсахъ церковнаго права и гл. обр. въ курсѣ проф. А. С. Павлова, но, при своемъ ограниченномъ матеріалѣ, онъ естественно не имѣлъ возможности послѣдовательно выполнить всѣ части обширнаго плана и въ структурѣ сочиненія не оказалось надлежащей цѣльности и связности. Послѣ краткаго обычнаго введенія, авторъ въ первой главѣ говоритъ объ условіяхъ церковной правоспособности, по-

лемизируя здѣсь съ проф. Н. К. Соколовымъ, признающимъ такимъ условіемъ крещеніе, и предлагая свое, нельзя сказать чтобы юридически опредѣленное, понятіе о „вѣрности преданію", какъ условіи церковной правоспособности. Во второй главѣ говорится объ условіяхъ іерархической правоспособности (о хиротоніи) и вообще о клирѣ; въ третьей о монашествѣ; въ четвертой о епархіальномъ устройствѣ; въ пятой—о соборахъ, и наконецъ въ шестой—объ авторитетѣ вселенскихъ каноновъ.

Не имѣя въ виду анализа вселенскихъ каноновъ и ограничиваясь въ большинствѣ случаевъ только цифровыми ссылками на нихъ, авторъ не всегда съ достаточнымъ вниманіемъ относится къ тексту соборныхъ постановленій, а подъ часъ и прямо ошибочно пользуется ими. Такъ, напр., на стр. 32 въ числѣ условій, препятствующихъ хиротоніи во епископа, онъ упоминаетъ „отпаденіе отъ церкви", ссылаясь при этомъ на I вс. 10. Но въ I, 10 рѣчь идетъ не объ отпаденіи отъ церкви, а о „падшихъ"; на стр 78 говорится, будто въ хорепископы не хиротонисали, а производили, и дѣлается ссылка на IV, 2, но въ IV, 2 утверждается какъ разъ обратное, и т. п.

Лучшую часть сочиненія представляетъ отдѣлъ объ избраніи епископовъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Здѣсь авторъ отступилъ отъ строго принятаго имъ принципа—держаться только почвы соборныхъ постановленій—и привлекъ „въ качествѣ комментарія" къ постановленіямъ соборныя дѣянія. Въ результатѣ отъ такого расширенія матеріала дѣло не только не проиграло, а даже выиграло,—получился довольно связный и цѣльный очеркъ епископскихъ выборовъ. Вообще, при той постановкѣ, какую далъ своему изслѣдованію авторъ, расширеніе круга источниковъ и привлеченіе ихъ „въ качествѣ комментарія" къ матеріалу, прямо указываемому темой, могло только содѣйствовать, а не мѣшать успѣшному разрѣшенію задачи.

Стиль—легкій и правильный.

Для кандидатской степени сочиненіе удовлетворительное".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе г. Померанцева состоитъ изъ введенія и шести главъ (1—154). Въ краткомъ введеніи авторъ справедливо замѣчаетъ, что предметъ его сочиненія имѣетъ важное значеніе „для нашихъ дней“. Дѣйствительно, предпринятая нынѣ выработка законопроектовъ церковной реформы должна утверждаться на божественныхъ и церковныхъ канонахъ, чтобы устройство и управленіе русской церкви ни въ чемъ существенномъ не уклонялись отъ каноническихъ основъ, коими руководствовалась и руководствуется вселенская православная церковь. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣютъ постановленія вселенскихъ соборовъ касательно церковнаго устройства и управленія и оцѣнка ихъ со стороны возможнаго примѣненія ихъ къ современнымъ церковнымъ потребностямъ. Ясно сознаваемое значеніе этихъ постановленій побудило г. Померанцева изучить съ свойственными ему прилежаніемъ и напряженною вдумчивостію въ изслѣдуемый матеріалъ. Изученіе названныхъ правилъ вселенскихъ соборовъ выразилось въ сочиненіи Померанцева въ слѣдующемъ: 1) онъ тщательно изслѣдуетъ смыслъ каждаго правила и освѣщаетъ его съ церковно-исторической и канонической точекъ зрѣнія; 2) изучаетъ толкованія постановленій вселенскихъ соборовъ, данныя учеными канонистами и не безуспѣшно исправляетъ мнѣнія послѣднихъ; 3) показываетъ возможныя примѣненія этихъ каноновъ къ современнымъ потребностямъ. Въ сочиненіи г. Померанцева преобладаетъ строго-церковное направленіе. Въ литературномъ отношеніи сочиненіе безукоризненно. По указаннымъ ученымъ и литературнымъ качествамъ сочиненіе студ. Померанцева признаю очень хорошимъ“.

20) О сочиненіи студента Александра *Попова* на тему: „Сравнительное значеніе личнаго совершенствованія человѣка и внѣшнихъ условій его дѣятельности въ устроеніи Царства Божія на землѣ: опытъ оцѣнки, съ христіанской точки зрѣнія,

литературнаго спора между Гоголемъ и Бѣлинскимъ, Достоевскимъ и Градовскимъ по данному вопросу".

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Разсматриваемое сочиненіе представляетъ собою скорѣе очеркъ, нежели изслѣдованіе даннаго вопроса, но очеркъ, отличающійся значительными достоинствами: широтою захвата, выдержанностью основной точки зрѣнія, стройностью плана, литературностью изложенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что хотя автору приходится имѣть дѣло съ свѣтскими писателями, тѣмъ не менѣе онъ ни на минуту не упускаетъ при ихъ оцѣнкѣ богословско-христіанской точки зрѣнія: для него Царство Божіе не сводится къ идеалу земного благополучія, значеніе личнаго совершенствованія не принижается, и если все таки признается большое значеніе за внѣшними условіями дѣятельности человѣка, то это постольку, поскольку отъ нихъ въ той или другой степени зависитъ его нравственное совершенствованіе. Тонъ сочиненія въ общемъ спокойный, объективный, соотвѣтствующій достоинству предмета. Главнымъ недостаткомъ сочиненія является неполнота въ обслѣдованіи понятій и фактовъ, входящихъ въ составъ сочиненія, и прежде всего—понятія Царства Божія. По мѣстамъ встрѣчаются рискованныя сужденія и неудачныя обозначенія; такъ, слѣдуетъ признать неудачными часто встрѣчающіяся у автора обозначенія разбираемыхъ имъ воззрѣній: „теорія личнаго совершенствованія" и „теорія внѣшнихъ условій". Въ общемъ сочиненіе съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о научно-литературной и богословской правоспособности автора, который по тому самому заслуживаетъ степени кандидата богословія".

б) Ординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Сочиненіе студента Александра Попова написано не по плану ученой работы, а по пріемамъ публицистической статьи и публицистикою проникнуто все сочиненіе. Оно производитъ

впечатлѣніе простого очерка, составленнаго ясно, отчетливо, послѣдовательно, написаннаго съ одушевленіемъ, хотя по мѣстамъ довольно фразисто. „Литературный споръ", которымъ занимается авторъ, сказался тѣмъ, что вся его очень небольшая работа (119 стран.) носитъ преимущественно литературный характеръ. Есть, правда, и богословскій элементъ, особенно въ первыхъ отдѣлахъ, но онъ имѣетъ популярный характеръ и производитъ иногда впечатлѣніе не богословской вдумчивости, а богословскаго резонерства. Не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ богословскихъ сужденіяхъ автора. Опредѣленіе Царства Божія, какъ исполненія воли Божіей во всей земной дѣйствительности, является безусловно одностороннимъ, и самъ авторъ выдвигаетъ эсхатологическій моментъ въ данномъ понятіи. Неяснымъ представляется усвоенное авторомъ воззрѣніе В. С. Соловьева на Царство Божіе, по которому созиданіе этого царства есть „процессъ богочеловѣческій",--ибо богочеловѣчество понимается то какъ богочеловѣчество Христа, то какъ вообще всепроникающее воздѣйствіе безконечнаго на человѣческое въ исторіи человѣчества. Не знаемъ, какой смыслъ соединяется у автора съ высказываемою имъ мыслью, что при началѣ христіанства политико-экономическія отношенія были благопріятны его распространенію. Если тутъ слышится отзвукъ воззрѣній Энгельса и Каутскаго о римскомъ пауперизмѣ, то эти воззрѣнія совершенно невѣрны. Церковь почему то называется *мистическимъ* тѣломъ Христа; говорится о какихъ то разногласіяхъ между Апостолами Петромъ и Павломъ. Объ апостольскомъ Іерусалимскомъ соборѣ авторъ пишетъ: „въ Іерусалимѣ составляется соборъ представителей христіанской *общины, которая не признаетъ одну себя компетентною, говоря въ рѣшеніи собора:* „изволися Святому Духу" (15 стран.); объ Іисусѣ Христѣ говоритъ, что Онъ „былъ убитъ толпой, свѣтскимъ и духовнымъ правительствомъ" (стр. 93). Такъ богословы не выражаются и подобной богословской вульгарности слѣдуетъ избѣгать.

Поставленный вопросъ авторъ, можно сказать, рѣшилъ однимъ взмахомъ, —съ первыхъ же страницъ сочиненія, такъ что интересъ къ чтенію дальнѣйшей работы этимъ самымъ значительно ослабляется. Уже стало сразу яснымъ, какъ авторъ разберется въ спорахъ о значеніи личности и учрежденій,— ясно, что онъ будетъ выдвигать факторъ личный и факторъ общественный. Въ сочиненіи не мало повтореній и возвращеній назадъ: одна и таже мысль о зависимости человѣка отъ внѣшнихъ условій варіируется на безконечные лады. Всѣ симпатіи автора, видимо, на сторонѣ Бѣлинскаго и Градовскаго и, наоборотъ, къ Гоголю и Достоевскому онъ относится часто не справедливо, обвиняя ихъ во всякихъ непониманіяхъ. Мы думаемъ, что свое собственное непониманіе, или тенденціозное пониманіе, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго и Градовскаго, воззрѣній Гоголя и Достоевскаго авторъ выдаетъ за недостаточное проникновеніе этихъ писателей евангельскими началами. Обвиненіе тяжелое и несправедливое... И какихъ „небылицъ“ не говоритъ авторъ о Достоевскомъ? Онъ обвиняетъ его даже въ томъ, будто онъ живетъ въ какомъ то пустомъ пространствѣ, отбрасываетъ внѣшнія обнаруженія живого человѣческаго духа (стран. 77). Гоголя онъ не преминулъ лягнуть за то, будто онъ желалъ „обычнымъ бюрократическимъ путемъ положить начало (?) Царствія Божія у насъ на Руси“ (стр. 36).

Авторъ вездѣ утверждается на Евангеліи и въ основу своей работы положилъ молитву Господню. Но для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что великіе наши писатели—Гоголь и Достоевскій лучше знали и понимали духъ Евангелія, чѣмъ ихъ смѣлый критикъ.—Когда Достоевскій противопоставляетъ, какъ это дѣлаютъ вообще славянофилы, народъ и интеллигенцію и говоритъ, что послѣдняя должна учиться у народа, который „просвѣтился давно“, то кто можетъ согласиться съ авторомъ, что Достоевскій тѣмъ самымъ освящаетъ невѣжество, безграмотность и забитость личности? Какое тенденціозное пониманіе!... Пусть

авторъ, опирающійся на Евангеліи, вспомнитъ слова Господа: „исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ",—людямъ простымъ, необразованнымъ, немудрымъ и не книжнымъ. Неужели авторъ убѣжденъ, что чтеніе тѣхъ „книжонокъ, издаваемыхъ для народа европейскими человѣколюбцами", противъ какихъ книжонокъ вооружался Гоголь, можетъ быть полезнымъ и будетъ содѣйствовать распространенію Царства Божія на землѣ, какое распространеніе должно, конечно, имѣть характеръ постепенности. Тенденція автора понимать такія притчи Господа, какъ притча о сѣятелѣ, преимущественно въ соціальномъ смыслѣ также не выдерживаетъ критики. Авторъ какъ бы забываетъ, что „Царствіе Божіе нудится", что Христосъ Спаситель не ставилъ никогда своею прямою цѣлью измѣненіе внѣшнихъ условій жизни человѣка и христіанство нельзя превращать въ соціологію. Что есть такое внѣшнее положеніе, безъ измѣненія котораго человѣкъ не можетъ достигнуть своего назначенія (стр. 100), эта мысль автора, увлекающагося „реформаціею" внѣшнихъ условій, не можетъ быть оправдана на основаніи новозавѣтнаго откровенія.

Однако предшествующимъ мы не имѣемъ въ виду сказать, что авторъ не понялъ своей темы, или далъ невѣрное рѣшеніе поставленнаго вопроса. Нѣтъ, это рѣшеніе въ общемъ нужно признать правильнымъ: личность вліяетъ на учрежденія, а учрежденія оказываютъ воспитывающее вліяніе на личность,— такова основная мысль сочиненія.

Есть въ работѣ сужденія, выраженныя довольно рѣзко (стр. 5); есть и неосторожныя сужденія (стр. 25, 26). Языкъ сочиненія въ общемъ хорошій, но встрѣчается иногда неправильное построеніе рѣчи (стр. 14, 28, 71, 99). Есть и такія выраженія: „крѣпостное право, центральное мѣсто прежняго времени и спора между Гоголемъ и Бѣлинскимъ" (стр. 49), или: „самая существенная часть теоріи личнаго совершенствованія

безъ измѣненія внѣшнихъ условій есть и самая слабая сторона ея" (стр. 78).

Разсматриваемое сочиненіе, какъ рѣшающее поставленный вопросъ въ общемъ вѣрно, написанное складно, обличающее способность автора къ самостоятельной работѣ, можно признать удовлетворительнымъ для степени кандидата".

21) О сочиненіи студента Леонида *Поройкова* на тему: „Національно-культурное пробужденіе южной и западной Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. (до 1630-хъ годовъ)".

а) И. д. доцента Ѳ. Мищенко:

„Въ предисловіи авторъ намѣчаетъ предметъ, задачу и планъ сочиненія. Предметомъ сочиненія является эпоха отъ брестской уніи 1596 года до 1630 годовъ. Въ брестской уніи волна польскаго вліянія въ Литвѣ и юго-западной Руси достигла высшей точки своего развитія и вслѣдъ за тѣмъ началось обратное теченіе: пробудившееся русское самосознаніе дало отпоръ полонизму и впослѣдствіи само могучей волной хлынуло на западъ. Время отъ брестской уніи до 30-хъ годовъ XVII вѣка представляетъ изъ себя поворотную, переходную эпоху, время пробужденія русскаго самосознанія и рѣшительной и успѣшной борьбы его съ слишкомъ далеко зашедшимъ уже польскимъ вліяніемъ. Въ борьбѣ Польши и Россіи вообще авторъ видитъ не только борьбу православія и католицизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбу двухъ культуръ,—западной, романо-германской и восточной славяно-русской, или греко-славянской. Представительницей первой культуры авторъ считаетъ, хотя и славянскую по національности, но романо-германскую по историческому воспитанію, Польшу; представительницей второй онъ считаетъ Россію. Выяснить въ самой борьбѣ, въ идеалахъ и пріемахъ борцовъ, выступившихъ на защиту православія, русско-національныя черты и составляетъ задачу изслѣдованія.

Послѣ предисловія во введеніи въ общемъ, но довольно обстоятельномъ очеркѣ авторъ изображаетъ положеніе православія и національно русскаго вопроса въ юго-западной Руси до брестской уніи 1596 г. Здѣсь онъ довольно убѣдительно доказываетъ, что не только южная Русь, но и Литва до XIV вѣка были русскими по своей культурѣ (по литературному и государственному языку, по управленію, по религіи и пр.). Съ XIV в. начинается польское вліяніе. Въ исторіи этого вліянія авторъ особенно отмѣчаетъ три момента 1386, 1569 и 1596 годы—бракъ Ягайло съ Ядвигой—личная унія, люблинскій съѣздъ—политическая унія и брестскій соборъ—церковная унія. Эти три момента—три основныхъ этапа въ исторіи поступательнаго движенія польской культуры въ юго-западной Руси.

Далѣе, основная часть сочиненія распадается на три главы: о проявленіи національно-русскихъ чертъ а) въ церковной жизни, б) въ просвѣщеніи и в) въ правѣ юго-западной Руси послѣ брестской уніи. Въ церковной жизни національно-русскій духъ, по мнѣнію автора, сказался: въ развитіи ученія о церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ, въ противовѣсъ католическому ученію о ней, какъ обществѣ, управляемомъ іерархіей;—въ широкомъ примѣненіи начала соборности и, наконецъ, въ живомъ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Въ явленіяхъ этихъ авторъ видитъ характерное обнаруженіе русскаго духа, утверждая, что славяне вообще склонны къ демократизму, и доказывая свою мысль ссылками на предшествующую исторію (удѣльно-вѣчевой періодъ), на сужденія лицъ изслѣдуемой имъ эпохи и, наконецъ, на отраженіе указанныхъ чертъ позднѣе въ ученіи славянофиловъ.

Въ слѣдующей, II главѣ говорится о просвѣщеніи—о школахъ и наукѣ. Въ самой постановкѣ школьнаго дѣла авторъ находитъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, національно-русскіе „демократическіе" элементы, какихъ не встрѣчается въ іезуитскихъ школахъ того времени. Говоря о наукѣ, авторъ много оста-

навливается на методологіи, доказывая, что русскіе изслѣдуемаго имъ времени питали склонность къ реально историческому методу и не терпѣли западно-схоластической діалектики. Разсужденія свои о методологіи онъ заключаетъ выводомъ: „анализъ методологіи западно-русскихъ полемическихъ сочиненій, появившихся послѣ брестской уніи, говоритъ за то, что всѣ эти произведенія были продуктомъ русскаго національнаго духа" (стр. 277).

Съ половины второй главы, авторъ, ссылаясь на недостатокъ времени, ведетъ свою работу уже замѣтно ускореннымъ и сокращеннымъ темпомъ.

Въ третьей, послѣдней главѣ, онъ говоритъ о сеймовой борьбѣ православнаго дворянства и о возстаніяхъ казачества, поскольку въ нихъ проявилось соціально-юридическое самосознаніе русиновъ.

Не со всѣмъ въ сочиненіи Л. Поройкова можно согласиться, можно усматривать въ изслѣдованіи его односторонности и натяжки, но нельзя не признать работу его трудомъ глубоко вдумчивымъ, серьезнымъ, подчасъ весьма оригинальнымъ. Къ тому же, вводя философскую концепцію въ свое изложеніе, авторъ не заслоняетъ этой концепціей историко-фактической стороны изслѣдованія, такъ что и читатель, не раздѣляющій взглядовъ автора, можетъ найти для себя интересъ въ его сочиненіи въ обзорѣ фактической стороны событій.

Какъ кандидатская работа, сочиненіе Л. Поройкова весьма хорошее".

б) Ординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія и трехъ главъ.

Въ *предисловіи* (стр. I—VI) показывается значеніе эпохи конца XVI и начала XVII в. для выясненія внутреннихъ основъ жизни юго-западной Руси и намѣчается планъ изслѣдованія.

Въ довольно пространномъ *введеніи* (стр. 1—76) характеризуется состояніе русскаго народа и русской культуры въ польско-литовскомъ государствѣ къ концу XVI в. Здѣсь авторъ удачно и вѣрно изображаетъ постепенный прогрессъ вліянія польско-латинской народности и культуры на православную русскую народность и культуру, необходимою реакціей противъ чего и явилось національно-культурное пробужденіе южной и западной Руси съ конца XVI в.

Въ трехъ главахъ сочиненія и описывается подробно это самое національно-культурное пробужденіе южной и западной Руси съ конца XVI в. до 1630-хъ годовъ.

Въ частности, въ *первой* главѣ (стр. 77—209) характеризуется религіозная жизнь юго-западной Руси, проникнутая глубокимъ сознаніемъ идей—церкви, какъ тѣла Христова, соборности и дѣятельнаго участія всѣхъ членовъ церкви въ жизни этой послѣдней.

Въ главѣ *второй* (стр. 211—310) изображается умственное пробужденіе южной и западной Руси на національной основѣ.

Наконецъ, въ *третьей* главѣ (стр. 311—348) кратко описываются проявленія пробудившагося въ юго-западной Руси соціально-юридическаго самосознанія, выразившіяся особенно въ сеймовой борьбѣ православнаго русскаго дворянства и въ движеніи казачества на защиту своей вѣры и народности.

Сочиненіе г. Л. Поройкова имѣетъ слѣдующія выдающіяся въ кандидатской диссертаціи, писанной притомъ въ теченіе краткаго срока времени, достоинства: 1) полную самостоятельность автора въ сужденіяхъ и выводахъ; 2) обстоятельное знакомство его съ литературою предмета; 3) серьезность и строгую послѣдовательность мыслей; 4) спокойный тонъ рѣчи и 5) весьма хорошее литературное изложеніе.

По моему мнѣнію сочиненіе студента Л. Поройкова можетъ быть признано отлично-хорошею кандидатскою диссерта-

ціею и авторъ ея вполнѣ достойнымъ степени кандидата богословія".

22) О сочиненіи студента Владиміра *Разумовскаго* на тему: „Національность и общечеловѣческія задачи исторіи съ христіанской точки зрѣнія".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Въ первой главѣ своего труда г. Разумовскій раскрываетъ понятіе истиннаго прогресса человѣческой жизни, опредѣляя послѣдній, какъ постепенное водвореніе въ жизни личности и общества законовъ Божьяго Царства; говоритъ, далѣе, о необходимыхъ условіяхъ правильнаго развитія или совершенствованія жизни во взаимодѣйствіи личности и общества и въ различныхъ видахъ общечеловѣческой культуры. Опредѣливъ, т. о., въ первой главѣ общечеловѣческія задачи исторіи, г. Разумовскій въ слѣдующей главѣ обращается къ вопросу объ отношеніи къ этимъ задачамъ начала дѣленія человѣчества по національностямъ. Авторъ кратко излагаетъ существующіе въ исторіи и наукѣ взгляды на принципъ національности и обрисовываетъ два крайнія воззрѣнія на предметъ: узкій національзмъ и космополитизмъ. Умѣло показываетъ далѣе авторъ научную шаткость обоихъ крайнихъ направленій въ рѣшеніи вопроса и въ послѣдней, третьей главѣ выясняетъ плодотворное значеніе для личнаго и общечеловѣческаго развитія принципа національности, конечно, чуждаго крайности въ смыслѣ эгоизма и замкнутости народа.

Г. Разумовскій выполнилъ, по моему мнѣнію, поставленную имъ себѣ задачу. Въ его сочиненіи нѣтъ ничего лишняго, мысль его течетъ строго, послѣдовательно, отвѣты предлагаются имъ ясные и дѣльные. Можно поставить отчасти въ вину автору то, что онъ не выяснилъ отношенія къ національности собственно источниковъ христіанскаго вѣроученія и самой

жизни церкви, а говорить о значеніи національности въ дѣлѣ общественнаго развитія, утверждаясь только на основѣ раскрытаго имъ христіанскаго взгляда на истинный прогрессъ жизни. Но все же, и такой существенный пробѣлъ не мѣшаетъ мнѣ признать сочиненіе г. Разумовскаго очень удовлетворительной кандидатской диссертаціей".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Задачу своего труда г. Разумовскій опредѣлилъ въ концѣ предисловія такъ: „Задачей нашего труда мы и намѣтили разрѣшеніе вопроса о томъ: имѣетъ ли національность право на существованіе, какъ начало, повидимому, препятствующее осуществленію общечеловѣческаго идеала, и въ какомъ вообще отношеніи находятся понятія „общечеловѣческое и національное"? Такимъ опредѣленіемъ задачи своего труда г. Разумовскій значительно уклонился отъ смысла своей темы: съ одной стороны онъ одному изъ многихъ частныхъ вопросовъ, заключающихся въ темѣ, придалъ чрезмѣрное, доминирующее значеніе, съ другой стороны онъ умолчалъ и какъ бы забылъ объ указанныхъ въ темѣ фактической почвѣ для обнаруженія дѣйствій національнаго и общечеловѣческаго началъ (исторической жизни народовъ) и о точкѣ зрѣнія, съ какой эти дѣйствія должны быть оцѣнены (христіанской). Но при выполненіи задачи онъ значительно исправилъ дефекты ея опредѣленія и сочиненіе его оказалось по содержанію соотвѣтствующимъ своей темѣ; неудачная же формулировка задачи оказалась недоразумѣніемъ со стороны автора.

Авторъ много потрудился надъ уясненіемъ себѣ и читателямъ предмета своего сочиненія, какъ въ его цѣломъ объемѣ, такъ и въ частныхъ пунктахъ, усердно собирая, классифицируя и критикуя высказанные учеными взгляды и теоріи на его счетъ. И его усилія увѣнчались значительнымъ успѣхомъ, для новичка въ обсужденіи общихъ соціологическихъ во-

просовъ даже весьма большимъ. Конечно, иные приводимые имъ факты имѣютъ не то значеніе, какое онъ придаетъ имъ, а иные взгляды представляютъ изъ себя неточныя обобщенія или софизмы. Но эти дефекты при обсужденіи вопросовъ, составляющихъ предметъ сочиненія автора, встрѣчаются иногда и въ сужденіяхъ извѣстныхъ ученыхъ. Во всякомъ случаѣ общій выводъ автора, что „общечеловѣческое и національное при правильномъ пониманіи того и другого не исключаютъ взаимно другъ друга" вѣренъ и принятое имъ общее основаніе для исторической оцѣнки дѣйствій того и другого начала—содѣйствіе или противодѣйствіе ихъ „полному осуществленію христіанскаго идеала—торжества правды и добра въ Царствѣ Божіемъ" правильное. Слогъ сочиненія по мѣстамъ страдаетъ неопредѣленностію и неточностію

Сочиненіе г. Разумовскаго можетъ быть названо удовлетворительнымъ кандидатскимъ сочиненіемъ".

23) О сочиненіи студента Александра *Сапожкова* на тему: „Митрополитъ Филаретъ (Амфитеатровъ), какъ проповѣдникъ".

а) Доцента И. Четверикова:

„Сочиненіе Александра Сапожкова состоитъ изъ предисловія, 6 главъ и заключенія.

Въ предисловіи авторъ указываетъ источники, которыми онъ пользовался въ своей работѣ, задачу и планъ сочиненія. Указавъ на то, что въ проповѣди, какъ и во всякомъ литературномъ произведеніи, отражается вся духовная личность писателя, авторъ вполнѣ основательно считаетъ необходимымъ „разсматривать проповѣдь (въ связи?) первѣе всего съ личностью его (ея?) творца (и) здѣсь искать ключъ къ ея уясненію" (VII стр.). Но на проповѣди, какъ и на всякомъ литературномъ произведеніи, отражается не только личность писателя, но и духъ времени, въ которое создавалась эта проповѣдь. Считая необхо-

димымъ подробно говорить о личности митрополита Филарета, авторъ однако совершенно неосновательно считаетъ излишнимъ давать характеристику эпохи, въ которую жилъ разсматриваемый имъ проповѣдникъ. „М. Филаретъ, такъ аргументируетъ авторъ свою мысль, не принадлежитъ къ числу тѣхъ проповѣдниковъ, которые живутъ по преимуществу мыслями времени и часто погрѣшаютъ противъ святости идеала въ стремленіи согласить его съ наклонностями и расположеніями, замѣчаемыми въ жизни... Всегда идеально настроенный и занятый предметами божественными онъ болѣе расположенъ былъ дѣлиться со слушателями тѣми небесными мыслями и чувствами, которыми полна была его благочестивая душа, чѣмъ спускаться въ водоворотъ мірской жизни“ (VIII—IX). Такими соображеніями доказываетъ авторъ ту мысль, что проповѣдь митр. Филарета не отражала на себѣ духа его времени. Но не говоря о всей шаткости подобной аргументаціи, она опровергается самимъ же авторомъ. На стр. 87 онъ говоритъ, что охарактеризованное имъ направленіе догматической части проповѣди м. Филарета было не только выраженіемъ его личнаго характера, но „вызывалось еще до нѣкоторой степени и потребностями его времени“ (87 стр.). Здѣсь авторъ вынужденъ былъ признать, что характеръ эпохи отразился на догматической сторонѣ проповѣдей м. Филарета. Но если бы авторъ съ большимъ вниманіемъ отнесся къ анализу этической стороны разсматриваемыхъ имъ проповѣдей, то убѣдился бы, что онѣ и въ этомъ отношеніи вовсе не стоятъ внѣ пространства и внѣ времени. Отсутствіе характеристики эпохи м. Филарета составляетъ существенный пробѣлъ въ сочиненіи автора.

1-я глава посвящена уясненію личности м. Филарета. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе подраздѣленія этой главы. Въ § 1 говорится о жизни м. Филарета, во 2-й — о годахъ первоначальнаго обученія, въ 3-й о его настроеніи и въ 4-—о его характерѣ. Но еще болѣе странное впечатлѣніе

производитъ содержаніе этихъ параграфовъ. Въ отдѣлѣ о жизни перечисляются всѣ должности, которыя занималъ м. Филаретъ, и дается подробный перечень полученныхъ имъ орденовъ и наградъ. Этимъ и исчерпывается *жизнь* митр. Филарета! Во 2 § начавъ съ осужденія настоящаго времени, слишкомъ богатаго педагогическими теоріями, производящими только путаницу въ умахъ родителей, и съ похвалы „доброму старому времени", чуждому всякихъ теорій, но умѣвшему хорошо воспитывать, авторъ говоритъ, далѣе, не столько объ обученіи, сколько о первоначальномъ воспитаніи митр. Филарета. Этимъ и заканчиваются всѣ біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ. Впрочемъ, въ послѣдующихъ отдѣлахъ, особенно въ отдѣлѣ о характерѣ, авторъ снова, хотя и не вполнѣ умѣстно, возвращается къ біографіи м. Филарета. Вообще вся эта глава написана слишкомъ невнимательно и требовала бы коренной переработки.

Вторая глава, занимающая при самомъ разгонистомъ письмѣ всего только 4 четверки, посвящена перечню памятниковъ проповѣдничества митр. Филарета. Совершенно непонятно, почему авторъ, перечисливъ уже эти памятники въ предисловіи, снова перечисляетъ ихъ и, главное, выдѣляетъ этотъ перечень въ самостоятельную главу. Въ крайнемъ случаѣ эта глава могла бы быть соединена съ 3 и 4 главами.

Въ 3-й главѣ излагается содержаніе догматической части проповѣди м. Филарета. Начавъ съ бездоказательнаго заявленія, будто бы м. Филаретъ считалъ грѣхомъ даже синтезирующую дѣятельность разума въ области вѣры (70), будто бы „у него, какъ догматиста главная работающая сила— благочестивое воображеніе, руководимое покорною вѣрою" (81), авторъ переходитъ къ изложенію догматическихъ воззрѣній м. Филарета. Изложеніе это слишкомъ сжато и слишкомъ безцвѣтно; оно не даетъ строго опредѣленнаго представленія о религіозномъ міросозерцаніи м. Филарета.

Въ 4-й главѣ дается изложеніе нравоученія митр. Филарета. Это изложеніе страдаетъ крайней несистематичностью: автору приходится постоянно повторяться, устанавливать искусственную, чисто внѣшнюю связь между различными отдѣлами этой главы.

Послѣднія двѣ главы о внутренней (V) и внѣшней (VI) сторонѣ проповѣдей митр. Филарета съ удобствами могли бы быть соединены въ одну главу.

Помимо указанныхъ внутреннихъ недостатковъ въ сочиненіи г. Сапожкова много недостатковъ и стилистическаго характера. Изложеніе автора иногда туманно, особенно благодаря часто встрѣчающимся нелитературнымъ выраженіямъ и словамъ. Въ качествѣ иллюстраціи приведу отрывокъ. На стр. 9 читаемъ: „родители, если и являются при этомъ (воспитаніи) дѣятелями, то не столько самостоятельными, сколько почти рабски обязанными выполнителями часто неприложимыхъ къ положенію дѣтей и ихъ самихъ требованій и условій, а многими даже едва ли и сознаваемыми, какъ должно“. Особенно часты такія выраженія, какъ „пропагандическія стремленія“, „своемысленныя сектантскія ученія“(45), „мысли, проторгающіяся въ рѣчахъ“ (125), догматическія начала, „завитыя въ проповѣдническомъ ученіи“ (78) и т. п.

Непріятное впечатлѣніе производитъ масса грамматическихъ ошибокъ. Авторъ, видимо, мало потрудившійся надъ своей работой, не счелъ нужнымъ и внимательно прочесть ее послѣ переписки.

При снисходительной оцѣнкѣ сочиненіе г. Сапожкова можно было бы признать удовлетворительнымъ для степени кандидата“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Сочиненіе студента А. Сапожкова состоитъ изъ предисловія, трехъ главъ изслѣдованія и заключенія.

Въ предисловіи авторъ кратко знакомитъ съ литературою предмета, съ постановкой работы и задачей. Онъ старается доказать, что для уясненія особенностей проповѣднаго слова митроп. Филарета важно ознакомиться съ личными особенностями проповѣдника, но нѣтъ надобности знакомиться съ особенностями современной ему эпохи, такъ какъ послѣдняя на проповѣдникѣ ничѣмъ не отразилась. Свою рискованную постановку дѣла онъ дѣйствительно осуществляетъ въ первой главѣ своего изслѣдованія.

Глава вторая указываетъ размѣръ проповѣдническихъ трудовъ митроп. Филарета, при чемъ основательно доказывается, что извѣстное въ печати далеко не исчерпываетъ всего дѣйствительно сказаннаго митроп. Филаретомъ съ церковной каѳедры.

Главы третья и четвертая представляютъ анализъ догматическихъ и нравоучительныхъ поученій митроп. Филарета. Въ подтвержденіе выводовъ автора приводятся выдержки изъ многихъ проповѣдей. Если принять во вниманіе, что количество проповѣдей митроп. Филарета не особенно значительно, то представленный анализъ долженъ быть признанъ достаточнымъ. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не обмолвился ни однимъ словомъ, насколько митроп. Филаретъ, какъ проповѣдникъ, былъ самостоятеленъ въ содержаніи своего проповѣднаго слова.

Глава пятая говоритъ „о внутренней сторонѣ проповѣди митроп. Филарета", къ каковой отнесены: искренность, сила и глубина благочестиваго чувства, въ частности скорбное чувство сердечнаго сокрушенія, горячая любовь къ паствѣ и забота объ ея спасеніи. Глава шестая говоритъ „о внѣшней сторонѣ проповѣдей митроп. Филарета", къ каковой отнесены: простота, безыскусственность, библеизмъ. Мѣстами встрѣчается и „художественность" построенія и выраженія, къ которой авторъ относитъ сравненія и обращенія.

Въ заключеніе авторъ говоритъ, что митрополитъ Филаретъ, какъ проповѣдникъ, занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

Имѣя въ виду номногочисленность матеріала, который предстояло автору изучить, и постановку работы, необходимо сказать, что авторъ выполнилъ свою задачу вполнѣ удовлетворительно. Вопроса объ источникахъ проповѣди митроп. Филарета, положеніи его въ ряду другихъ проповѣдниковъ, предшествующихъ и современныхъ, авторъ не затронулъ; но все же читатель выноситъ изъ работы студента Сапожкова опредѣленный взглядъ на содержаніе и свойство проповѣдей митроп. Филарета.—Стиль сочиненія правильный и легкій".

24) О сочиненіи студента Андрея *Симоновича* на тему: „Гедеонъ Криновскій и его проповѣди".

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея I. Королькова:

„Настоящее сочиненіе состоитъ—а) изъ краткаго предисловія, б) введенія, в) изслѣдованія.

Во *введеніи* авторъ, „исходя изъ того соображенія, что Криновскій отвѣчалъ своими проповѣдями на религіозные и нравственные запросы своего времени", дѣлаетъ критическую характеристику религіозно-нравственнаго состоянія современнаго проповѣднику общества. Эта характеристика представлена авторомъ, на основаніи трудовъ нашихъ историковъ и изслѣдователей (С. М. Соловьева, П. В. Знаменскаго, П. Щебальскаго, Пыпина, Петровскаго и др.), довольно вѣрно, живо и увлекательно.

Изслѣдованіе состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ 1 главѣ авторъ, послѣ характеристики тогдашняго проповѣдничества вообще и придворнаго въ частности, излагаетъ біографическія черты изъ жизни Гедеона, причемъ излагаетъ его взгляды на атеизмъ и пользованіе благами міра сего. „По своимъ нрав-

ственнымъ убѣжденіямъ, Гедеонъ, говоритъ авторъ, былъ далеко не аскетъ. Это былъ монахъ эмансипированный (!), притомъ же придворный, всѣмъ обязанный мірской власти". Поэтому и въ проповѣдяхъ своихъ Гедеонъ „призывалъ своихъ слушателей не оставлять міръ, а сдѣлаться дѣятельными участниками его жизни и честно исполнять всѣ обязанности, которыя на каждаго возлагаются" (стр. 69). Монашество же Криновскій „оставлялъ въ удѣлъ лишь отдѣльнымъ натурамъ, которымъ дана отъ Бога особая благодать и къ которымъ онъ относится съ особымъ уваженіемъ".

Во *2 главѣ* излагается анализъ проповѣдей Г. Криновскаго догматическаго содержанія, причемъ авторъ сначала устанавливаетъ взглядъ проповѣдника на вѣру и отношеніе ея къ разуму, а затѣмъ передаетъ содержаніе проповѣдей, въ которыхъ Криновскій говоритъ о свойствахъ Божіихъ, о значеніи пришествія на землю І. Христа, о ниспосланіи Имъ Духа Святаго, о церкви и значеніи ея въ дѣлѣ спасенія нашего, о воскресеніи мертвыхъ и состояніи душъ праведныхъ и грѣшныхъ, послѣ второго пришествія на землю Сына Божія. Такъ какъ Г. Криновскій въ своихъ проповѣдяхъ нерѣдко обличалъ современниковъ въ ихъ неправоученіи („обличенія его направлены противъ атеистовъ, деистовъ, масоновъ, вольнодумцевъ и раскольниковъ"), то нашъ авторъ отмѣчаетъ ихъ проповѣди, въ которыхъ содержатся означенныя обличенія неправыхъ ученій.

Въ *3 главѣ* излагается содержаніе проповѣдей Г. Криновскаго нравственнаго характера. „Авторъ словами проповѣдника передаетъ о тѣхъ обязанностяхъ, какія христіанинъ долженъ обнаруживать по отношенію къ Богу (слѣдованіе за Іисусомъ) и ближнимъ (милость, благотворительность и др.). Въ виду легкомысленнаго отношенія современниковъ къ слушанію слова Божія и поученій въ храмахъ Божіихъ, непочитанія дней воскресныхъ и праздничныхъ, Г. Криновскій нерѣдко говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ о значеніи слова Божія и важности

посѣщенія храмовъ въ дни, посвященные воспоминанію того или другого священнаго событія. Кромѣ того, нашъ проповѣдникъ возвышалъ голосъ и противъ пороковъ, которые особенно проявлялись въ тогдашнемъ обществѣ (гордости, зависти, угодничества и др.). Въ своихъ обличительныхъ проповѣдяхъ Г. Криновскій касается и современныхъ ему пастырей церкви, которыхъ онъ упрекаетъ въ невѣжествѣ и нерадѣніи въ проповѣданіи слова Божія. Въ концѣ этой главы авторъ характеризуетъ Г. Криновскаго, какъ придворнаго проповѣдника.

Въ *4 главѣ* авторъ представляетъ характеристику внѣшней стороны проповѣдей Гед. Криновскаго, при чемъ обращаетъ вниманіе на составъ проповѣдей, расположеніе частей ихъ, употребленіе молитвы въ началѣ или концѣ проповѣди, указываетъ источники, коими Криновскій пользовался при составленіи проповѣдей (св. писаніе, св. преданіе, церковная исторія общая и русская, гражданская исторія, басни и пословицы) и, наконецъ, говоритъ о языкѣ и слово-выраженіяхъ, встрѣчающихся у этого проповѣдника.

Сочиненіе студ. Симоновича—трудъ серьезный, добросовѣстный и хорошо обработанный. Авторъ основательно изучилъ проповѣди Гед. Криновскаго и сдѣлалъ изъ нихъ весьма много извлеченій въ подтвержденіе своихъ разсужденій о проповѣдникѣ.

Стиль автора, за немногими исключеніями (стр. 65, 68, 136, 141, 142, 216), ясный, незатемняемый иностранными словами и выраженіями.

Для степени кандидата настоящее сочиненіе можно, по моему мнѣнію, признать очень удовлетворительнымъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Сочиненіе состоитъ изъ пяти частей: введенія и четырехъ главъ.

Введеніе мало направлено къ темѣ сочиненія. Въ немъ представлена характеристика религіозно-нравственнаго состоянія

современниковъ Гедеона Криновскаго. Но эта характеристика не поставлена ни въ какой связи съ проповѣдями Криновскаго, и не имѣетъ близкаго отношенія къ послѣдующимъ его разсужденіямъ, и потому могла бы быть выпущена безъ всякаго ущерба для полноты изслѣдованія.

Собственно съ первой главы начинается рѣчь, прямо относящаяся къ предмету изслѣдованія. Упомянувъ въ началѣ о придворныхъ проповѣдникахъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, авторъ излагаетъ историко-біографическія свѣдѣнія о Гедеонѣ Криновскомъ, говоритъ о значеніи его, какъ проповѣдника, и перечисляетъ изданія его проповѣдей. Глава эта написана хорошо и читается съ интересомъ.

Во второй главѣ авторъ приступаетъ къ изложенію содержанія проповѣдей Криновскаго. Сказавши, что преобладающій характеръ проповѣдей Криновскаго нравоучительный, и что догматическихъ проповѣдей у него сравнительно немного, авторъ тѣмъ не менѣе всю вторую главу посвящаетъ подробному изложенію догматическаго ученія, какое можно извлечь изъ проповѣдей Криновскаго, при чемъ приводятся длинныя цитаты изъ этихъ проповѣдей, не въ строгомъ систематическомъ порядкѣ христіанскаго вѣроученія.

Въ третьей главѣ подробно изложено нравоученіе Гедеона Криновскаго, раскрытое въ его проповѣдяхъ. Нѣтъ нужды перечислять всѣ матеріи, какихъ касается проповѣдникъ. Онъ касается слишкомъ большаго количества пунктовъ христіанскаго нравоученія, такъ что изъ его проповѣдей можно составить довольно полную систему нравственнаго богословія. Нашъ авторъ постарался свести обиліе нравоучительныхъ уроковъ, раскрытыхъ въ разныхъ проповѣдяхъ Криновскаго, въ одно цѣлое. Въ изложеніи автора эти уроки являются довольно общими и малохарактерными. Но работа его очень кропотливая, и она свидѣтельствуетъ о тщательномъ изученіи проповѣдей Криновскаго.

Четвертая глава посвящена изображенію внѣшней стороны проповѣдей Гедеона Криновскаго, и здѣсь такая же кропот-

ливая работа, какъ и въ предыдущихъ главахъ. Здѣсь сначала разбирается логическій строй проповѣдей Криновскаго: потомъ указываются источники, какими онъ пользовался, при составленіи проповѣдей; далѣе говорится объ особенностяхъ его изложенія и объ ораторскихъ его пріемахъ, о тонѣ и языкѣ его проповѣдей. При томъ каждое положеніе автора подтверждается и разъясняется примѣрами, приводимыми изъ проповѣдей Криновскаго.

Авторъ посвятилъ много труда изученію проповѣдей Гедеона Криновскаго и вполнѣ овладѣлъ своимъ предметомъ. Изслѣдованіе, имъ представленное, обладаетъ не малыми достоинствами, свидѣтельствующими о его способности къ ученымъ работамъ. Языкъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями, чистый и исправный.

Степени кандидата сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ".

25) О сочиненіи студента Леонтія *Смирнова* на тему: „Русская палестинологія въ прошломъ вѣкѣ. Опытъ обозрѣнія отечественной литературы по палестиновѣдѣнію въ XIX вѣкѣ съ указаніемъ важнѣйшихъ моментовъ и основныхъ итоговъ русскаго изученія Св. Земли".

а) Доцента, священника А. Глаголева:

„Область литературы о Палестинѣ, захватываемая нашей работой,—говоритъ авторъ въ „Предисловіи"—,слишкомъ громадна: въ содержаніе ея должно было входить все, что составляетъ предметъ библейской и церковной исторіи, библейской и церковной археологіи, паломническая литература и литература о Палестинѣ въ XIX столѣтіи. Въ виду неисполнимости такой работы для отдѣльнаго человѣка, мы своей задачей поставили обозрѣть русскую литературу о Палестинѣ за XIX столѣтіе, основанную на непосредственномъ знакомствѣ, и изученіе ея". Въ этихъ рамкахъ авторъ, послѣ введенія съ сжатымъ очеркомъ развитія и результатовъ палестиновѣдѣнія въ XIX в. на западѣ, пред-

лагаетъ: I глава—обозрѣніе русской литературы по палестиновѣдѣнію отъ начала русскаго паломничества до XIX столѣтія, съ краткимъ очеркомъ условій, такъ или иначе вліявшихъ на развитіе литературы этого періода; гл. II: указаніе условій сношеній русскихъ съ Палестиною отъ начала XIX в. до учрежденія консульства (1839) и первой духовной миссіи въ Іерусалимѣ (1847); возникновеніе Прав. Палест. Общества (1882); гл. III: обозрѣніе литературы за XIX в. до научной дѣятельности П. П. Общества; гл. IV: разработка русскаго палестиновѣдѣнія по инициативѣ П. П. Общества; русская литература о Св. Землѣ, явившаяся параллельно дѣятельности П. П. Общества и независимо отъ него; работы евреевъ—сіонистовъ; библіографическія работы по русскому палестиновѣдѣнію въ XIX в. Въ заключеніи (стр. 253—261) авторъ снова подчеркиваетъ свою основную точку зрѣнія на предметъ сочиненія и даетъ общую характеристику разсмотрѣнныхъ имъ въ изслѣдованіи русскихъ трудовъ по палестиновѣдѣнію, устанавливаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое этой научной области и подводитъ итоги ея до нашего времени.

Полная состоятельность принятой авторомъ точки зрѣнія въ обозрѣніи трудовъ по палестиновѣдѣнію можетъ быть оспариваема: въ интересахъ полноты указаній строго-научныхъ пріобрѣтеній въ сокровищницѣ русской литературы по палестиновѣдѣнію было бы необходимо включить въ обозрѣніе и такія капитальныя, хотя бы и переводныя работы, какъ „Библейская Археологія“ Фридр. Кейля, перевед. студентами Кіевской Академіи подъ редакціею проф. А. А. Олесницкаго, или-же многія журнальныя статьи: о Моавитской надписи Меши, о надписи Силоамской и др. Но относительная правда, безспорно, должна быть признана за постановкою дѣла у автора: при необозримости литературы необходимо сдѣлать извѣстный отборъ, и принятый авторомъ критерій этого отбора имѣетъ свое оправданіе.

Что же сдѣлано авторомъ въ очерченныхъ имъ самимъ границахъ главнаго предмета сочиненія? Въ первой главѣ авторъ

перечисляетъ и разсматриваетъ описанія паломничествъ до XIX в., поскольку по литературной обработкѣ они принадлежатъ послѣднему: паломничества игумена Даніила, іеродіакона Зосимы, Трифона Коробейникова, Проскинитарій Арсенія Суханова, путешествіе Григоровича—Барскаго, инока Серапіона, лейтенанта Плещеева и др., и дѣлаетъ общую оцѣнку характера и значенія этихъ безыскусственныхъ произведеній. Во второй главѣ обозрѣнію литературы по палестиновѣдѣнію до утвержденія Палестинскаго Общества авторъ предпосылаетъ обстоятельную справку объ измѣнившихся на канунѣ и въ началѣ XIX в. условіяхъ сношеній Россіи въ православнымъ Востокомъ, вслѣдствіе дипломатическихъ побѣдъ Россіи надъ Турціею (договоры 1774 и 1833 г. г.), и особенно послѣ учрежденія русскихъ консульствъ въ Бейрутѣ (1839) и послѣ въ Іерусалимѣ (1858) и духовной миссіи въ Іерусалимѣ (1847). Въ третьей главѣ анализируются и оцѣниваются труды: А. Н. Муравьева („Путешествіе къ святымъ мѣстамъ въ 1830 г." и „Письма съ Востока въ 1849—1850 г.г."), К. Базили („Сирія и Палестина подъ турецкимъ владычествомъ"), А. С. Норова („Путешествіе по Св. Землѣ въ 1835 г.", „Іерусалимъ и Синай" и друг.) и нѣкоторые другіе, явившіеся въ свѣтъ до учрежденія миссіи. Въ отношеніи русскаго палестиновѣдѣнія „учрежденіе миссіи и консульства въ Св. Землѣ,—справедливо замѣчаетъ авторъ (стр. 115),—важно чисто съ формально-внѣшней стороны, какъ факторъ, положившій начало ряду русскихъ вспомогательныхъ учрежденій, при посредствѣ которыхъ русское палестиновѣдѣніе стало пріобрѣтать научныя формы". Во второй половинѣ главы авторъ подробно разсматриваетъ—съ точки зрѣнія своей главной задачи—труды преосвящ. Порфирія и двухъ другихъ начальниковъ русской Іерусалимской миссіи: архим. Леонида и архим. Антонина, а также сочиненіе Б. П. Мансурова „Православные поклонники въ Палестинѣ", С. И. Пономарева („По святой землѣ. Изъ Палестинскихъ впечатлѣній 1873—1874 г."), В. Н. Хитрово („Недѣля въ Палестинѣ"), Д. Л. Мордовцева

(„Поѣздка въ Іерусалимъ“). Въ концѣ главы данъ сравнительно подробный отчетъ объ изслѣдованіяхъ по палестиновѣдѣнію проф. А. А. Олесницкаго: „Святая Земля“, т. I и II; „Судьбы древнихъ памятниковъ Св. Земли“, „Гробница Аарона на горѣ Оръ“ (только названо и др.); при этомъ справедливо отмѣчается новая фаза въ развитіи палестиновѣдѣнія, связанная съ учеными трудами проф. Олесницкаго. Въ четвертой главѣ довольно подробно и обстоятельно изображается учено-литературная производительность Прав. Палестинскаго Общества, а также дается достаточный перечень и характеристика др. работъ по палестиновѣдѣнію, явившихся параллельно дѣятельности Общества и независимо отъ него (болѣе обстоятельный анализъ сдѣланъ, напр., книгѣ проф. А. А. Олесницкаго „Мегалитическіе памятники Св. Земли“; проф. А. А. Дмитріевскаго „Путешествіе по Востоку и его научные результаты“; проф. о. Ѳ. Я. Покровскаго „Путешествіе въ Св. Землю 1886 г.; „Святая Земля и Библія“ Гейки; „Палестина“ Суворина), отмѣчена и достаточно охарактеризована и литература русскихъ евреевъ (особенно сіонистовъ) о Палестинѣ.

Изъ представленнаго нами обозрѣнія сочиненія студента Смирнова можно уже видѣть, что авторъ много и съ пользою поработалъ надъ избранною имъ темою. Задачу, опредѣляемую послѣднею, онъ выполнилъ въ достаточной мѣрѣ, судя по имѣвшемуся въ его распоряженіи не смотря на нѣкоторую неупорядоченность плана времени и матеріалу. Сочиненіе читается съ интересомъ. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова:

„Авторъ настоящаго сочиненія одушевленъ былъ самымъ горячимъ и искреннимъ желаніемъ представить литературу по палестиновѣдѣнію въ возможно полномъ и обстоятельномъ видѣ. Вслѣдствіе этого, онъ не ограничился только разсмотрѣніемъ

трудовъ, касающихся Св. Земли и появившихся въ 19 вѣкѣ. Послѣ короткаго обозрѣнія сочиненій по палестиновѣдѣнію въ западно-европейской литературѣ, авторъ разсматриваетъ труды нашихъ поломниковъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, именно съ трудовъ игумена Даніила. Такое расширеніе задачи настоящаго сочиненія придало ему возможную полноту, цѣлостность и систематическую послѣдовательность. Но съ другой стороны вслѣдствіе краткости времени, бывшаго въ распоряженіи автора, такая широкая постановка разсматриваемаго труда отразилась (какъ и слѣдовало ожидать!) неблагопріятнымъ образомъ на полнотѣ и обстоятельности сочиненія по палестиновѣдѣнію, появившихся какъ до 19, такъ и въ 19 вѣкѣ. При самомъ бѣгломъ просмотрѣ изслѣдованія г. Смирнова можно указать не мало пробѣловъ, недочетовъ и упущеній, допущенныхъ авторомъ. Такъ, о трудахъ нашихъ древнихъ паломниковъ (игумена Даніила, діакона Игнатія, іеродіакона Зосимы, Василія, гостя Московскаго, Трифона Коробейникова, и др.) авторъ представляетъ самыя краткія и общія свѣдѣнія. Повидимому, автору неизвѣстны изслѣдованія о нашихъ древнихъ паломникахъ, появившіяся въ нашей литературѣ, напр., о Григоровичѣ-Барскомъ, Арсеніи Сухановѣ. О послѣднемъ у автора мы находимъ всего полторы страницы (¹/₂ 47—48).

Мы не встрѣчаемъ у автора знакомства съ капитальнымъ сочиненіемъ нашего покойнаго академика А. Пыпина (исторія русской литературы), у котораго есть не мало мѣткихъ и довольно цѣнныхъ (хотя иногда и пристрастныхъ) характеристикъ трудовъ нашихъ древнихъ паломниковъ.

Подобныя же упущенія мы встрѣчаемъ и при разсмотрѣніи литературы по описанію Св. Земли, появившейся въ 19 вѣкѣ, на что, конечно, автору слѣдовало бы обратить преимущественное вниманіе. Напр., о сочиненіи Базили „Сирія и Палестина“, которому авторъ придаетъ особенное значеніе, сказано всего на двухъ страницахъ (103—105; ни годъ, ни мѣсто изданія книги Базили не означены); о сочиненіи извѣстнаго пу-

тешественника А. С. Норова—Іерусалимъ и Синай (стр. 111) у автора ничего не сказано.

Мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о полемическихъ трудахъ—Уманца (поѣздка изъ Іерусалима въ монастырь св. Саввы), А. Лебединцева (гласъ церкви іерусалимскія), Бронникова (путешествіе къ св. мѣстамъ) и друг. (стр. 111—112), а также о трудахъ позднѣйшихъ путешественниковъ (прот. К. Ѳоменко, Селиванова, прот. А. Ковальницкаго, прот. А. Коровицкаго и др., стр. 244—245). Объ изданія Палестинскаго Общества „Сообщенія этого Общества“, заключающемъ въ себѣ не мало статей по палестиновѣдѣнію, у автора тоже ничего не сказано (стр. 203), кромѣ простого упоминанія объ этомъ изданіи. Разсмотрѣнію капитальнѣйшихъ трудовъ А. А. Олесницкаго авторъ удѣляетъ очень мало мѣста (изложенію содержанія двухъ томовъ „Св. Земля“ посвящено 5 страницъ (157—161), а ветховав. храма въ Іерусалимѣ—1½ страницы (191—192). Автору, повидимому, неизвѣстны подробные отзывы о сочиненіи А. А. Олесницкаго—архим. (нынѣ епископа) Сильвестра и С. М. Сольскаго, напечатанные въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи.

Дѣлая настоящія замѣчанія о трудѣ студ. Смирнова, мы не думаемъ умалять достоинства его сочиненія, а имѣемъ въ виду предупредить его на случай, еслибы онъ вздумалъ печатать свое интересное изслѣдованіе, которое по богатству собраннаго матеріала, хорошему отношенію и религіозному одушевленію, можетъ быть признано очень хорошею кандидатскою диссертаціею“.

26) О сочиненіи студента Сергѣя *Снѣгирева* на тему: „Отношеніе правительства Елизаветы Петровны къ дѣламъ русской церкви и духовенству“.

а) Доцента И. Четверикова:

„Сочиненіе студента С. Снѣгирева состоитъ изъ краткаго предисловія и трехъ главъ.

Авторъ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что со времени Петра I (по нашему—гораздо раньше) правительство оказываетъ существенное вліяніе даже на внутреннюю жизнь церкви, что смѣна правительства влечетъ за собой и измѣненіе указаній и распоряженій для церковной жизни, что характеръ правительства поэтому неизбѣжно отражается на его отношеніи къ церкви, а вмѣстѣ и на самой жизни церкви. Отсюда понятна вся важность точной и всесторонней характеристики какъ личности самой императрицы Елизаветы, такъ и окружающихъ ее лицъ для уясненія отношенія правительства Елизаветы къ церковнымъ дѣламъ. Вполнѣ основательно по этому авторъ удѣляетъ этому вопросу самостоятельную главу (1-я глава). Однако данная авторомъ характеристика не отличается достаточною опредѣленностью и полнотою. Характеризуя личность императрицы, авторъ даетъ о ней различные отзывы. То, съ его точки зрѣнія, это—вдумчивая, самостоятельная личность, которая только „по недостатку систематическаго образованія“ (?) вынуждена была прибѣгать къ совѣту окружающихъ лицъ, но которая „не отдавала свою власть министрамъ, а сама рѣшала дѣла“ (27 стр). При ней „не было временщиковъ, никто изъ приближенныхъ ея не могъ похвастаться особенно сильнымъ вліяніемъ на нее“ (25 стр.). Своему канцлеру Воронцову она „оставила, такъ сказать, секретарскія обязанности, а дѣлами завѣдывала сама“ (27 стр). Но наряду съ этими отзывами на тѣхъ же страницахъ можно встрѣчать и отзывы противоположнаго характера. „Правленіе Елизаветы Петровны, пишетъ авторъ, можно назвать управленіемъ важнѣйшихъ сановниковъ“ (46 стр). Если Воронцовъ и былъ секретаремъ императрицы, то, оказывается, только благодаря своей неопытности и необразованности. Сама же императрица, заявляетъ авторъ, отличается „отчасти слабостью и невнимательностью къ дѣламъ“ (147 стр.).

Данная авторомъ характеристика не только неопредѣленна, но и одностороння. Характеризуя личность императрицы, онъ

главнымъ образомъ подчеркиваетъ ея религіозность, пытаясь изъ этой только черты ея характера выяснить все ея отношеніе къ церковнымъ дѣламъ. Даже правительство, по его мнѣнію, относится съ должнымъ уваженіемъ и вниманіемъ къ церковнымъ интересамъ подъ вліяніемъ религіозности императрицы (71—72 стр). Однако этотъ односторонній взглядъ автора опровергается имъ же самимъ приводимыми фактами, которые свидѣтельствуютъ о стремленіи частію императрицы, а главнымъ образомъ ея правительства всецѣло подчинить себѣ церковь (оберъ-прокуратура Шувалова) и извлечь изъ нея государственную пользу (вызовъ лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ школъ на службу государству; принужденіе монастырей содержать инвалидовъ и даже „въ умѣ поврежденныхъ" и т. п.).

Впрочемъ авторъ не удѣляетъ особаго вниманія уясненію внутреннихъ причинъ тѣхъ или другихъ распоряженій правительства относительно церковной жизни. Во второй главѣ, составляющей большую половину сочиненія, авторъ говоритъ объ отношеніи правительства Елизаветы Петровны къ Св. Синоду, къ „дѣламъ вѣры", къ духовному просвѣщенію. Но на основаніи имѣвшихся у него подъ руками печатныхъ матеріаловъ онъ излагаетъ собственно только внѣшнюю, фактическую сторону этихъ отношеній, не углубляясь въ ихъ внутренній смыслъ, не вскрывая тѣ внутреннія причины, которыя побуждали правительство къ тому или иному отношенію къ церковнымъ дѣламъ. Не всегда рельефно и подробно излагаетъ авторъ и эту фактическую сторону отношенія. У читателя поэтому часто возникаютъ вопросы, недоумѣнія, которые остаются не разрѣшенными.

Въ третьей главѣ авторъ говоритъ объ отношеніи правительства къ бѣлому духовенству и монашеству, замѣчая, что правительство не сдѣлало здѣсь ничего существеннаго, что по его терминологіи „посвѣтлѣлъ общій колоритъ" этихъ отношеній. И здѣсь авторъ ограничивается сухимъ перечнемъ фак-

тическаго матеріала, не углубляясь въ историко-критическое изслѣдованіе его.

Сочиненіе читается легко, хотя и съ этой стороны встрѣчаются нѣкоторые недостатки. Стараясь документально обосновывать свои мысли, авторъ часто доходитъ до крайностей въ этомъ отношеніи. Высказавъ, напр., то положеніе, что императрица сама слѣдитъ за дѣятельностію синода и сносится съ нимъ черезъ его же членовъ, авторъ въ подтвержденіе этого приводитъ утомительно длинный перечень указовъ императрицы синоду, занявшій десять страницъ сравнительно убористаго письма (93—103 стр.).

Иногда въ сочиненіи автора встрѣчается неожиданная послѣдовательность мыслей. Разсказавъ, напр., о тѣхъ, чисто внѣшнихъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгало правительство при распространеніи христіанства среди татаръ, авторъ къ недоумѣнію читателя дѣлаетъ отсюда такой выводъ: „результатомъ такого, пишетъ онъ, пожалуй, невнимательнаго отношенія является и то, что во многихъ мѣстахъ новокрещенные стали терпѣть даже (?) отъ некрещенныхъ обиды“ (205 стр.).

Во всякомъ случаѣ авторъ видимо не мало потрудился надъ разработкой своей темы, ознакомился съ обширнымъ печатнымъ матеріаломъ, относящимся къ его вопросу, изложилъ его вполнѣ литературнымъ языкомъ и потому его сочиненіе можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительной кандидатской работой“.

б) Ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія и трехъ главъ.

Въ *предисловіи* (стр. 1—XXV) кратко разсматривается положеніе вопроса объ отношеніи между церковью и государствомъ въ Россіи со времени Петра I и, въ частности, при Елизаветѣ Петровнѣ, намѣчается планъ сочиненія и перечисляются главнѣйшіе источники, какими пользовался авторъ.

Въ *первой главѣ* (стр. 1—72) характеризуется императрица Елизавета Петровна и ея правительство въ отношеніи къ церкви и духовенству. Должно замѣтить, что насколько удачно и вѣрно сдѣлана авторомъ характеристика самой императрицы Елизаветы, настолько не приспособлена къ главному предмету сочиненія его рѣчь о правительствѣ Елизаветы Петровны. Авторъ говоритъ здѣсь иногда о такихъ лицахъ, окружавшихъ императрицу, которые, по его же словамъ, не имѣли почти никакого отношенія къ церкви и духовенству.

Во *второй главѣ* (стр. 75—266) авторъ разсматриваетъ отношенія Елизаветы Петровны и ея правительства къ Св. Синоду, вопросамъ вѣры и къ духовному просвѣщенію.

Въ *третьей главѣ* (стр. 269—328) изображаются отношенія императрицы Елизаветы и ея правительства къ духовенству—бѣлому и монашествующему.

Главный недостатокъ сочиненія составляютъ неотдѣланность языка и неполнота разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ, напр., объ отношеніи императрицы Елизаветы и ея правительства къ православнымъ западно-руссамъ (во второй главѣ).

Независимо отъ этого авторъ обнаружилъ въ своемъ сочиненіи хорошее знакомство съ литературою предмета, любовь къ дѣлу и навыкъ къ серьезной умственной работѣ.

Сочиненіе студента С. Снѣгирева можетъ быть признано, по моему мнѣнію, очень хорошею кандидатскою диссертаціею и авторъ его достойнымъ степени кандидата богословія".

27) О сочиненіи студента Леонида *Соловьева* на тему: „Секуляризація духовныхъ имѣній въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II".

а) И. д. доцента Ѳ. Мищенко:

„Вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имѣній при Екатеринѣ II авторъ изучаетъ съ трехъ сторонъ—политической, экономической и правовой, чему и соотвѣтствуютъ три главы сочиненія.

Въ первой главѣ излагается исторія мѣропріятій правительства по осуществленію секуляризаціонной реформы и выясняются мотивы, руководившіе дѣйствіями правительства. Такими мотивеми для екатерининскаго правительства, по мнѣнію автора, были не заботы о благополучіи духовенства и церкви,—что постоянно выставлялось на видъ въ правительственныхъ указахъ,—а нужда въ деньгахъ, вызванная широкими тратами екатерининской эпохи.

Во второй, самой большой, главѣ сочиненія дается довольно точный и подробный подсчетъ секуляризованныхъ имѣній и подробно излагается исторія данныхъ церкви взамѣнъ имѣній штатовъ и, наконецъ,—штатовъ, не имѣющихъ отношенія къ церкви, но учрежденныхъ за счетъ церковныхъ имѣній. Глава эта подраздѣляется на шесть отдѣловъ: имущества и штаты— а) Синода, б) епархіальныхъ учрежденій, в) монастырей, г) соборовъ и приходскихъ церквей, д) духовныхъ школъ и е) штаты не церковныхъ учрежденій. По расчетамъ автора, штаты возвращали церкви никакъ ни болѣе 1/3 или даже 1/5 части доходовъ съ утраченнаго имущества.

Въ третьей, сравнительно небольшой, главѣ авторъ старается выяснить, повидимому, отношеніе екатерининской реформы къ историческимъ принципамъ русскаго положительнаго церковно-имущественнаго права, и находитъ, что реформа эта лишь отчасти отвѣчаетъ историческому развитію велико-русскаго церковно-имущественнаго права, для Малороссіи же она была юридическимъ новшествомъ. Глава эта не отличается ясностью; здѣсь автору или не далось точное изложеніе, или самъ онъ недаетъ себѣ вполнѣ яснаго отчета въ тѣхъ юридическихъ понятіяхъ, съ какими оперируетъ. Изложеніе у Л. Соловьева вообще не отличается точностью; фразы его всегда надо брать въ самомъ широкомъ контекстѣ, иначе—сочиненіе можетъ показаться переполненнымъ противорѣчіями. На самомъ же дѣлѣ, если взять сочиненіе все цѣликомъ, взгляды автора представляются довольно послѣдовательными.

Что касается окончательныхъ выводовъ, то на Екатерининскую реформу авторъ смотритъ отрицательно, считая ее вообще несправедливой и въ частности для церкви убыточной, а для государства непроизводительной. Въ церковной жизни, даже въ жизни монашества, реформа не устранила тѣхъ недостатковъ, противъ которыхъ была направлена, напротивъ, разрушивъ самостоятельные финансы церкви, она убила многія церковныя благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія. Государству она не дала почти ничего, ибо за покрытіемъ (недостаточнымъ) того, что и раньше покрывалось изъ церковныхъ средствъ, остатокъ уплылъ въ карманы екатерининскихъ фаворитовъ.

Лучшую, наиболѣе точную, часть сочиненія представляетъ вторая глава. Первая глава, какъ и послѣдняя, а также и введеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызываютъ возраженія.

Вопросъ, изслѣдуемый Л. Соловьевымъ, имѣетъ обширную спеціально ему посвященную литературу, есть даже изслѣдованіе (Завьялова) прямо о церковно-имущественномъ вопросѣ въ Екатерининское время. Л. Соловьевъ хорошо изучилъ относящуюся къ его предмету литературу. Можно только пожалѣть, что онъ не имѣлъ возможности познакомиться съ прекрасной работой проф. А. С. Павлова по исторіи секуляризаціи; работа эта могла бы быть для него очень полезной при составленіи III-й главы.

Какъ кандидатская работа, сочиненіе Л. Соловьева очень хорошее".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія, трехъ главъ и заключенія.

Во введеніи, указавъ на важность вопроса о матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства, какъ важномъ средствѣ для достиженія процвѣтанія православной церкви и вѣры, авторъ намѣчаетъ два періода въ исторіи

этого вопроса въ Россіи: періодъ самостоятельнаго, независимаго обезпеченія церкви и періодъ обезпеченія ея казеннымъ жалованьемъ. Гранью между ними служитъ секуляризація духовныхъ имѣній въ Россіи при Екатеринѣ II, составляющая главный предметъ изслѣдованія. Основаніемъ для секуляризаціи служило то, что духовныя имѣнія, принадлежа церкви и духовенству, вмѣстѣ съ тѣмъ составляли и часть государства и подлежали его юридическимъ опредѣленіямъ. Начатки секуляризаціи духовныхъ имѣній относятся еще ко времени Петра I, но Екатерина II провела ее послѣдовательнѣе и полнѣе. Переходя затѣмъ къ самой секуляризаціи, авторъ говоритъ въ первой главѣ о внутренней, подготовительной дѣятельности Екатерины II и учрежденной ею Коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, во второй—о самой секуляризаціи и въ третьей—объ историко-юридическомъ значеніи секуляризаціи духовныхъ вотчинъ при Екатеринѣ II.

Въ первой главѣ авторъ слѣдитъ развитіе идей и плановъ Екатерины II относительно секуляризаціи духовныхъ имѣній. Мысль объ обезпеченіи русскаго духовенства она высказала рано, еще 31-го іюля 1762 года. Толчкомъ къ мѣропріятіямъ Екатерины II относительно духовныхъ вотчинъ были волненія церковныхъ крестьянъ, послѣдовавшія послѣ передачи ихъ при Петрѣ III въ свѣтское вѣдомство. Вслѣдствіе этихъ волненій, Екатерина II вновь передала церковныхъ крестьянъ въ вѣдомство духовенства, но передала временно, пока не разсудитъ о нихъ особо назначенная въ ноябрѣ 1762 года Коммиссія о духовныхъ имѣніяхъ. Въ основу сужденій Коммиссіи положена была та мысль, что духовныя имѣнія должны быть употребляемы „во славу Божію, къ укрѣпленію православія, обезпеченію духовнаго чина и на дѣла благоугодныя“, между тѣмъ какъ доселѣ духовенство злоупотребляло своими богатствами и не приносило пользы ни себѣ, ни государству. Отсюда необходимо вытекала мысль о правительственной опекѣ надъ духовными

вотчинами, отобраніи ихъ въ казну и замѣнѣ ихъ казеннымъ жалованьемъ для владѣвшаго вотчинами духовенства. Отобраніе духовныхъ вотчинъ въ казну послѣдовало на сѣверѣ Россіи въ 1764 году, а въ Малороссіи—въ 1786 году.

Во второй главѣ сочиненія излагается ходъ секуляризаціи духовныхъ имѣній въ Великороссіи и въ Малороссіи. Это—центральная часть сочиненія. Соотвѣтственно задачамъ учрежденной о духовныхъ имѣніяхъ Коммиссіи, здѣсь авторъ раздѣльно говоритъ о каждой изъ этихъ задачъ, а именно объ отобраніи духовныхъ имѣній и учреждении штатовъ по синодальному управленію, по епархіальнымъ духовно административнымъ учрежденіямъ, по управленію монастырями, а также церковными землями, принадлежавшими соборамъ и приходскимъ церквамъ, о содержаніи духовно-учебныхъ заведеній, о государственныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, о такъ называемыхъ непрямыхъ назначеніяхъ и проч. Каждый изъ этихъ пунктовъ программы дѣятельности Коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ сопровождается у автора обстоятельными историческими справками, вслѣдствіе чего о каждомъ пунктѣ получаются отчетливыя представленія въ ихъ историческомъ развитіи. Въ итогѣ оказывается, что для удовлетворенія поставленныхъ Коммиссіею задачъ далеко не исчерпаны были ею всѣ доходы съ духовныхъ вотчинъ, и что львиная доля этихъ доходовъ досталась государству.

Въ третьей главѣ показывается историко-юридическое значеніе секуляризаціи духовныхъ вотчинъ при Екатеринѣ II. Эта глава представляетъ какъ бы общій выходъ изъ предыдущихъ частныхъ изслѣдованій и вмѣстѣ съ тѣмъ общій ретроспективный взглядъ на предметъ изслѣдованія. Здѣсь авторъ излагаетъ общій процессъ развитія духовно-вотчиннаго владѣнія въ Россіи съ исторической и юридической или правовой точки зрѣнія. Исторію духовныхъ вотчинъ въ Россіи авторъ дѣлитъ на три періода: первый періодъ отъ начала христіанства въ

Россіи до Іоанна III или до собора 1503 года,—періодъ образованія и развитія духовныхъ вотчинъ и фактическаго владѣнія ими, безъ юридическихъ опредѣленій; второй періодъ со времени собора 1503 года и до Петра I, когда послѣдовали государственныя ограниченія въ пріобрѣтеніи духовныхъ вотчинъ, а эти послѣднія санкціонированы были государственнымъ законодательствомъ, на правахъ частной собственности духовенства; и третій періодъ со времени Петра I, когда духовныя вотчины считаются какъ-бы пожалованными отъ государства, и дѣлаются попытки замѣны ихъ денежнымъ жалованьемъ или введенія духовныхъ штатовъ. Это завершено было Екатериною II.

Въ заключеніи авторъ говоритъ о нецѣлесообразномъ употребленіи Екатериною II денежныхъ средствъ, полученныхъ отъ секуляризаціи духовныхъ имѣній, и малоплодности этой мѣры для самого государства.

Изъ представленнаго обзора разсматриваемаго сочиненія видно, что оно составлено съ надлежащею полнотою. Авторъ собралъ много матеріала, относящагося къ его предмету, и разрабатывалъ его съ любовію и тщательностію. Тонъ сочиненія—спокойный, объективный, можно сказать, строго юридическій; изложеніе плавное, языкъ хорошій. Планъ сочиненія можно признать естественнымъ, но, по нашему мнѣнію, онъ страдаетъ нѣкоторою неотчетливостію мыслей или, по крайней мѣрѣ, неотчетливымъ распредѣленіемъ ихъ по разнымъ частямъ сочиненія и несоразмѣрностію этихъ частей. То, что у автора помѣщено въ третьей главѣ, составляющей какъ бы приложеніе къ сочиненію, съ одинаковымъ правомъ могло бы быть помѣщено, въ сокращеніи, и во введеніи къ сочиненію, излагающемъ иногда тѣ же мысли, но въ болѣе общихъ чертахъ. Вторая глава, составляющая, впрочемъ, центръ тяжести всего сочиненія, развита несоразмѣрно съ остальными главами сочиненія и разбита на частные отдѣлы механическимъ образомъ. Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе весьма удовлетворительно".

28) О сочиненіи студента Павла *Степанова* на тему: „О значеніи догматическаго элемента въ христіанскомъ ученіи“.

а) Ординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Значеніе догматическаго элемента въ христіанствѣ авторъ разъясняетъ преимущественно отрицательнымъ путемъ, т. е. разборомъ такъ называемаго адогматизма,—какъ западнаго, такъ и нашего русскаго, и при томъ онъ вездѣ стоитъ на принципіальной точкѣ зрѣнія, не имѣя возможности, по его словамъ, вслѣдствіе краткости времени, остановиться на уясненіи значенія отдѣльныхъ христіанскихъ догматовъ.

Поставленную задачу авторъ выполняетъ въ четырехъ главахъ. Имѣя въ виду, что адогматизмъ выходитъ изъ ложныхъ гносеологическихъ предпосылокъ, ведущихъ къ неправильнымъ выводамъ, авторъ въ первой главѣ останавливается на уясненіи сущности и характера метода богословія. Такимъ методомъ долженъ быть не методъ умозрительный, тѣмъ болѣе не методъ чисто опытный, эмпирическій, которымъ пользуются и догматисты, отвергающіе познаніе сверхчувственнаго, а методъ спекулятивно-опытный, при чемъ подъ опытомъ разумѣется какъ опытъ внѣшній (историческій), такъ и опытъ внутренній. Отсюда христіанскій гносисъ есть синтезъ религіознаго опыта съ научно-философскимъ теоретическимъ знаніемъ,—взглядъ, находимый у отцевъ и учителей церкви.

Христіанское познаніе, при правильномъ методѣ, невозможно безъ извѣстныхъ осново-положеній или нормирующихъ началъ. Послѣдними являются христіанскіе догматы, что разъясняется во второй главѣ. Догматы—это, по выраженію автора, „формы общецерковнаго коллективнаго сознанія вѣрующихъ, предохраняющія вѣрующаго отъ излишняго субъективизма. Вопреки Гарнаку, взглядъ котораго на догматы здѣсь довольно подробно излагается, и нашимъ адогматистамъ, воззрѣніямъ которыхъ удѣляется также сравнительно достаточно мѣста, авторъ со всею рѣшительностью доказываетъ значеніе догматико-

теоретическаго элемента въ христіанствѣ. Не практическая, а теоретическая сторона въ религіи является основоположною. Догматы—это „нормативные принципы, исходныя руководительныя начала, которыми долженъ руководиться христіанинъ въ своей религіозной жизни“ (стр. 168). Христіанство враждебно не догматамъ, а догматизму и схоластицизму, убивающему жизненную силу христіанства, и насколько адогматизмъ вооружается противъ излишняго догматизма, отличающаго школьное богословіе, онъ имѣетъ правоту. Но необходимо всегда имѣть въ виду, что не церковное ученіе страдаетъ излишнимъ догматизмомъ и схоластицизмомъ, а недостатокъ этотъ присущъ богословію, и потому несовершенства послѣдняго нельзя переносить на самое православное ученіе.

Отъ содержанія догматовъ авторъ въ третьей главѣ переходитъ къ формулировкѣ догматовъ. Вопреки тѣмъ же адогматистамъ, утверждающимъ, что церковные символы и вѣроопредѣленія имѣютъ временное значеніе и потому необязательны для всѣхъ, что въ нихъ истина христіанская вложена въ формы уже устарѣвшія, непригодныя для нашего времени, авторъ доказываетъ настоятельную необходимость для религіознаго сознанія точной формулировки нормъ нашей вѣры. Тутъ же касается вопроса, постижимы ли или непостижимы догматы, и приводитъ мнѣнія отцевъ церкви о догматахъ.

Такъ какъ адогматисты, говоря вообще, принимаютъ только моральную сторону христіанства, то въ четвертой, заключительной, главѣ разъясняется этическое значеніе христіанскихъ догматовъ и неотдѣлимость въ христіанствѣ догматическаго и нравственнаго момента. А ложный мистицизмъ нашихъ адогматистовъ побуждаетъ автора выяснить истинный характеръ христіанской мистики.

Кромѣ указанныхъ четырехъ главъ сочиненію предшествуетъ предисловіе и введеніе. Въ предисловіи выясняется сущность адогматизма, причины его распространенія, намѣчается планъ и методъ работы. Во введеніи же, замѣняющемъ, по

мысли автора, первую часть сочиненія, представленъ краткій очеркъ адогматизма, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая нашими русскими адогматистами (Л. Толстой, Розановъ, Мережковскій и др.).

Какъ видно, разсматриваемое сочиненіе въ достаточной мѣрѣ исчерпываетъ свой предметъ и отличается въ общемъ большою стройностью. Авторъ пишетъ по тому вопросу, который его глубоко интересуетъ и волнуетъ, на каждой страницѣ его сочиненія чувствуется, что онъ переживаетъ написанное. Человѣкъ онъ глубоко вѣрующій и глубоко религіозный, склонный даже къ мистикѣ, хотя мистикѣ всегда умѣряемой разумнымъ теоретическимъ моментомъ. Есть въ сочиненіи нѣкоторыя увлеченія, есть довольно странная смѣсь писательскаго смиренія съ великимъ писательскимъ апломбомъ, но все это недостатки легко извиняемые. Важно, что основная, избранная авторомъ точка зрѣнія, отличается вѣрностью и въ сочиненіи въ общемъ строго выдержана. Нѣкоторыя неясности работы объясняются тѣмъ, что сами наши русскіе адогматисты своихъ воззрѣній не умѣютъ выразить отчетливо. По каждому почти вопросу, затрогиваемому авторомъ, въ нашей русской литературѣ достаточно написано, но все-таки автору пришлось собирать свой матеріалъ по крупицамъ и одухотворить его своею собственною идеею. Обнаружено значительное знакомство съ русскою богословско-философскою литературою.

Пишетъ авторъ легко, свободно. Рѣчь его не одинъ разъ принимаетъ тонъ публицистическій, или гомилетическій, вообще тонъ приподнятый. Мысль часто слишкомъ стремительна и не получаетъ полной обработки.

Въ сочиненіи есть нѣкоторыя повторенія и довольно случайное расположеніе матеріала, напр. мнѣнія отцевъ церкви о догматахъ могли быть помѣщены и во второй главѣ. Иногда авторъ какъ бы двоится: то онъ слишкомъ строгъ, настаивая на нынѣшней формулировкѣ догматовъ, то, наоборотъ, слишкомъ уже снисходителенъ, допуская въ формулировкѣ догматовъ

нѣкоторыя поправки и урѣзки (236, 257, ср. 228). Нѣкоторыя мысли въ сочиненіи мало развиты. Замѣтно увлеченіе воззрѣніями В. С. Соловьева, особенно въ трактаціи о „мистическомъ воспріятіи", „мистическомъ вселенскомъ преданіи".

Студентъ Степановъ, какъ видно изъ его сочиненія, человѣкъ способный. Работалъ онъ съ увлеченіемъ надъ очень сложными и трудными вопросами и сочиненіе его вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Приведенное заглавіе далеко не опредѣляетъ предмета довольно обширной и интересной работы студента Степанова. Значеніе догматовъ въ христіанствѣ, какъ принято думать, совершенно безспорное и очевидное, авторъ беретъ въ связи съ отрицаніемъ догматической стороны христіанства въ богословскихъ системахъ Ричля и Гарнака, очень вліятельныхъ не только на западѣ Европы, но и у насъ. Отсюда совершенно естественно опредѣлялись задача и планъ сочиненія молодого автора. Сначала онъ старается прослѣдить возникновеніе такъ называемаго „адогматизма" въ исторіи христіанства, участіе въ его происхожденіи философіи, особенно Канта; обстоятельно знакомитъ съ богословской системой Ричля и его послѣдователя Гарнака, со взглядомъ Ричля на процессъ познанія вообще и въ частности познанія религіознаго, откуда послѣдовательно вытекало у Ричля признаніе христіанской нравственности, какъ единственно доступнаго человѣку содержанія ученія Христа Спасителя. Изъ послѣдователей Ричля и Гарнака въ Россіи авторъ называетъ Л. Толстого, Розанова, Мережковскаго, Яковлева, Минскаго и кратко знакомитъ съ ихъ религіозными воззрѣніями. Въ опроверженіе „адогматизма" авторъ обстоятельно разсматриваетъ и доказываетъ необходимость догматовъ въ системѣ христіанства вообще и въ частности въ системѣ христіанской нравственности.

Сочиненіе читается съ большимъ интересомъ. Доказательства автора, добытыя вдумчивымъ изученіемъ литературы предмета, не лишены силы и значенія. Обширность работы, предпринятой авторомъ, лишила его возможности въ достаточной мѣрѣ заняться обработкою стиля, мѣстами шероховатаго и неточнаго. Можно было бы сократить и самый объемъ сочиненія. Но и при указанныхъ недостаткахъ своихъ сочиненіе студента Степанова представляетъ очень хорошую кандидатскую диссертацію".

29) О сочиненіи студента Василія *Стернова* на тему: „Архимандритъ Софроній Грибовскій и его извѣстія о Пекинской православной миссіи и о Китайскомъ государствѣ".

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея I. Королькова:

„Архимандритъ Софроній Грибовскій, питомецъ Кіевской Духовной Академіи, оставилъ послѣ себя весьма интересныя, особенно для его современниковъ, записки о Китайскомъ государствѣ, въ которомъ находятся свѣдѣнія какъ о Китаѣ вообще, такъ и о Пекинской духовной миссіи въ частности. Хотя эти записки арх. Софронія и были напечатаны отчасти въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей за 1861 годъ, но такъ какъ онѣ напечатаны не въ полномъ видѣ, то не утратили своего значенія до послѣдняго времени (до 1906 г.) и авторъ избралъ ихъ предметомъ своего изслѣдованія.

Планъ настоящаго сочиненія простой и не сложный. Авторъ сначала сообщаетъ біографическія свѣдѣнія объ арх. Софроніи и дѣлаетъ краткія замѣчанія о его запискахъ, затѣмъ излагаетъ содержаніе этихъ записокъ въ двухъ главахъ. Въ первой главѣ онъ предлагаетъ свѣдѣнія, находящіяся въ запискахъ архим. Софронія, о Китайскомъ государствѣ, частнѣе о составѣ манджуро-китайскаго государства, главномъ его на-

селенія, религіи, образѣ правленія, нравахъ и обычаяхъ китайцевъ (напр., при бракахъ, погребеніи и т. п.)

Во второй главѣ авторъ сообщаетъ извѣстія о Пекинской духовной миссіи съ древнѣйшихъ временъ, при чемъ обращаетъ вниманіе на распространеніе православной вѣры въ китайскомъ государствѣ русскими звѣроловами, построеніе ими крѣпости Албазина и столкновенія съ сосѣдними народами.

Съ невыгодной стороны авторъ изображаетъ нашихъ миссіонеровъ въ Китаѣ, представляя ихъ людьми, стоявшими не на высотѣ своего призванія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.

Авторъ внимательно изучилъ предметъ своего изслѣдованія, старательно собралъ свѣдѣнія, хотя не всегда обильныя, о нашихъ первыхъ миссіонерахъ въ Китаѣ. Записки архим. Софронія онъ изложилъ въ добромъ порядкѣ, языкомъ яснымъ и точнымъ (за немногими исключеніями).

Для степени кандидата настоящее сочиненіе можно признать удовлетворительнымъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Архимандритъ Софроній Грибовскій, бывшій въ 1794—1808 годахъ начальникомъ русской миссіи въ Пекинѣ, оставилъ послѣ себя нѣсколько рукописныхъ сочиненій о Китаѣ и о русской православной миссіи въ Пекинѣ, изъ коихъ нѣкоторыя напечатаны были только впослѣдствіи, а иныя не только не были доселѣ изданы, но и считались потерянными. Между тѣмъ послѣднія оказались въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора. Такимъ образомъ, г. Стерновъ имѣлъ возможность ознакомиться со всѣмъ кругомъ сочиненій, принадлежащихъ Софронію Грибовскому. Имѣя дѣло съ авторомъ, сочиненія котораго частію вовсе не были изданы до послѣдняго времени, частію разбросаны въ разныхъ изданіяхъ, г. Стерновъ естественно долженъ былъ бы сдѣлать историко-библіографическій обзоръ сочиненіямъ Софронія Грибовскаго. А между тѣмъ онъ не толь-

ко не сдѣлалъ такого обзора, но даже не указалъ мѣстонахожденія тѣхъ рукописей, которыя доселѣ считались потерянными, и времени и мѣста изданія главнѣйшихъ печатныхъ пособій (Н. Адорацкаго). Мало того, имѣя дѣло непосредственно съ автографами Софронія Грибовскаго, авторъ не сдѣлалъ подробнаго сличенія этихъ автографовъ съ соотвѣтствующими печатными изданіями и не указалъ особенностей этихъ автографовъ. А эти особенности весьма значительны и существенно могли бы восполнить то, чего изъ сочиненій Грибовскаго недоставало или недостаетъ въ печати. Авторъ задался простою задачею познакомить читателя съ біографіей и содержаніемъ важнѣйшихъ сочиненій Софронія Грибовскаго, и сдѣлалъ это кратко и сжато. Въ началѣ своего сочиненія г. Стерновъ излагаетъ біографію Софронія Грибовскаго на основаніи его же собственныхъ сочиненій и дѣлаетъ библіографическое замѣчаніе только объ однѣхъ запискахъ Софронія Грибовскаго о Китайскомъ государствѣ. Въ самомъ сочиненіи въ первой главѣ авторъ излагаетъ извлеченныя изъ записокъ С. Грибовскаго свѣдѣнія о Китайскомъ государствѣ, а во второй главѣ—извѣстія о Пекинской православной духовной миссіи, извлеченныя изъ исторической записки того же С. Грибовскаго объ этой миссіи. Такъ какъ авторъ пользовался и неизданными сочиненіями С. Грибовскаго, то его обзоръ сочиненій С. Грибовскаго отличается такою полнотою и округленностію, какой доселѣ не бывало въ печати по данному предмету. Правда, въ текущемъ гражданскомъ году профессоромъ Н. И. Веселовскимъ изданы „Матеріалы для исторіи Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ", въ которыхъ издана и копія исторической записки С. Грибовскаго о русской православной миссіи въ Пекинѣ, чѣмъ г. Стерновъ не могъ воспользоваться въ свое время; но, во первыхъ, въ этихъ „матеріалахъ" изданъ только сырой матеріалъ; во вторыхъ, матеріалы эти по своему достоинству ниже имѣвшихся у г. Стернова автографовъ и, въ третьихъ, не сопровождаются общимъ обзоромъ содержанія всѣхъ сочиненій С. Гри-

бовскаго. Поэтому трудъ нашего автора все-таки остается пока незамѣнимымъ. Если прибавить къ этому, что трудъ автора, работавшаго въ значительной мѣрѣ по неизданнымъ матеріаламъ, вполнѣ самостоятельный; то сочиненіе его слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія".

30) О сочиненіи студента Владиміра *Стоядиновича* на тему: „Митрополитъ Петаръ Іовановичъ, какъ реорганизаторъ церкви княжества Сербіи въ XIX вѣкѣ".

а) Экстраординарнаго профессора Н. Мухина:

„Сочиненіе г. Стоядиновича состоитъ изъ предисловія, введенія и двухъ главъ. Въ предисловіи выясняется предметъ и задача изслѣдованія, а также перечисляются источники и пособія, которыми пользовался авторъ. Во введеніи изображается состояніе сербской церкви подъ управленіемъ турокъ. Первая глава обнимаетъ собою біографію митрополита Петра. Вторая глава посвящена выясненію дѣятельности м. Петра, какъ реорганизатора сербской церкви. Частнѣе, въ первомъ отдѣлѣ этой главы авторъ изображаетъ дѣятельность м. Петра, какъ законодателя,—во второмъ, какъ администратора, въ третьемъ,—какъ устроителя духовныхъ школъ.

Авторъ всесторонне обслѣдуетъ намѣченный темою вопросъ и привлекаетъ къ дѣлу массу цѣннаго матеріала. Авторъ съ успѣхомъ работалъ въ бѣлградскомъ государственномъ архивѣ и извлекъ изъ него не мало драгоцѣнныхъ для освѣщенія дѣятельности м. Петра свѣдѣній. Собранный матеріалъ авторъ расположилъ по хорошо продуманному плану. Къ сожалѣнію, авторъ не всегда находится на высотѣ своей задачи. Мысль автора не всегда послѣдовательна въ своемъ развитіи. Въ сочиненіи встрѣчается не мало отступленій въ сторону отъ предмета изслѣдованія. Авторъ нерѣдко повторяется и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Встрѣчаются въ сочи-

ненія невѣрныя освѣщенія фактовъ. Языкъ сочиненія обличаетъ иностранное происхожденіе автора и оставляетъ желать многаго. Какъ кандидатская диссертація, сочиненіе г. Стоядиновича можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, удовлетворительнымъ".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія и двухъ основныхъ главъ.

Въ предисловіи излагается общій взглядъ на дѣятельность митрополита Петра Іовановича, опредѣляется планъ сочиненія и дѣлается указаніе на источники и пособія для него.

Введеніе посвящено обзору исторіи сербской церкви подъ управленіемъ турокъ, т. е. съ 1482 года и до возстановленія Сербіи въ началѣ XIX вѣка. Послѣ двукратнаго переселенія сербовъ въ Австрію при Пекскихъ патріархахъ Арсеніи III въ 1690 и Арсеніи IV въ 1738 годахъ, турки стали допускать на Пекскую патріархію грековъ-фанаріотовъ, а въ 1766 году и совершенно подчинили ее константинопольскому патріарху. Такимъ образомъ Сербія находилась подъ двойнымъ игомъ, съ одной стороны, турокъ, а съ другой—грековъ-фанаріотовъ, до возстанія сербовъ противъ турокъ подъ предводительствомъ Кара-Георгія въ 1804 году и до освобожденія Сербіи отъ турокъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ въ 1815 году. Послѣдній постарался освободить сербскую церковь и отъ грековъ-фанаріотовъ и въ 1830 году исходатайствовалъ султанскій хаттишерифъ о свободѣ избранія сербскихъ митрополитовъ и епископовъ изъ самихъ сербовъ, а въ 1832 году, въ подтвержденіе этого хаттишерифа, заключилъ конкордатъ съ константинопольскимъ патріархомъ. Первымъ сербскимъ митрополитомъ по заключеніи этого конкордата и былъ Петръ Іовановичъ.

Біографія его излагается въ первой главѣ сочиненія. Родился онъ въ 1800 году. Происходя изъ австрійскихъ сербовъ, Петръ, въ мірѣ Павелъ Іовановичъ, учился въ разныхъ австрійскихъ школахъ и закончилъ образованіе въ Сегединскомъ лицеѣ и Карловацкой семинаріи, въ 1819—1829 годахъ былъ учителемъ Карловацкой гимназіи, въ 1829 году перешелъ въ княжество Сербію, былъ здѣсь секретаремъ общенароднаго суда, а съ 13 ноября 1832 года секретаремъ „Княжеской Канцеляріи"; въ 1833 году рекомендованъ Карловацкимъ патріархомъ Стефаномъ Статимировичемъ въ митрополита Сербіи и хиротонисанъ 6 декабря 1833 года въ Константинополѣ. Какъ единственный человѣкъ въ Сербіи, получившій законченное, и при томъ богословское образованіе, митрополитъ Петръ Іовановичъ оказался на высотѣ своего призванія и положилъ прочныя основы благоустройству сербской національной церкви. Онъ управлялъ этою церковію при князьяхъ Милошѣ и Михаилѣ Обреновичахъ до 1842 года и при князѣ Александрѣ Карагеоргіевѣ до 1859 года. По возстановленіи Милоша Обреновича на сербскомъ престолѣ въ 1858 году, митрополитъ Петръ Іовановичъ обвиненъ былъ скупштиною въ приверженности къ Кара-Георгіевичу, подалъ въ отставку, уѣхалъ въ Сремъ, занялъ каѳедру Горнео-Карловацкую въ Славоніи и умеръ 14 сентября 1864 года.

Во второй главѣ сочиненія обозрѣвается дѣятельность митрополита Петра Іовановича, какъ реорганизатора сербской церкви. Это—болѣе систематическое и подробное обозрѣніе того, что намѣчено было авторомъ въ біографіи митрополита Петра (стр. 95—97). Предпринявъ реорганизацію сербской церкви, митрополитъ Петръ, по словамъ автора, „знакомится съ церковнымъ строемъ и жизнію во всѣхъ православныхъ церквахъ Русской, Греческой и Карловацкой, при чемъ изъ каждой беретъ то, что больше всего подходило къ условіямъ общественной жизни въ Сербіи и потребностямъ сербской церкви,

сохраняя во всемъ духъ православный и церковно-каноническій" (стр. 122). Его реорганизаторская дѣятельность разсматривается авторомъ въ трехъ отношеніяхъ: въ отношеніи церковнаго законодательства, администраціи и духовнаго просвѣщенія. Въ отношеніи церковнаго законодательства разсматриваются главнымъ образомъ два акта: „Начертаніе Консисторіи" 1836 г. и „Устроеніе духовной власти княжества Сербіи" 1847 года, которыми проектировались: епархіальныя консисторіи, архиконсисторія или аппелляторская консисторія и синодъ или архіерейскій соборъ. Въ отдѣлѣ объ административной дѣятельности митрополита Петра авторъ говоритъ собственно о дѣятельности тѣхъ учрежденій, о которыхъ говорилось въ первомъ отдѣлѣ этой главы, съ прибавленіемъ трактаціи о низшихъ органахъ церковнаго управленія протопопахъ и намѣстникахъ, о приходѣ, о составѣ и правахъ причта, объ улучшеніи быта духовенства путемъ сокращенія числа приходовъ, повышеніемъ таксы за требы, надѣленіемъ членовъ причта землею, и проч. Въ отношеніи духовнаго просвѣщенія митрополитъ Петръ открылъ въ 1836 году въ Бѣлградѣ „Богословію" (богословскую школу), пригласивъ учителей для нея изъ Австріи и Россіи и пославъ въ послѣднюю своихъ воспитанниковъ для приготовленія къ учительству, заботился объ открытіи школъ грамотности при приходскихъ церквахъ и учредилъ типографію для печатанія книгъ церковныхъ, школьныхъ и духовнаго содержанія.

Въ общемъ планъ сочиненія построенъ правильно. Можно замѣтить только, что общій взглядъ на дѣятельность митрополита Петра въ предисловіи не даетъ читателю никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о предметѣ и скорѣе умѣстенъ и понятенъ былъ бы въ концѣ сочиненія, какъ его заключеніе, а во введеніи авторъ слишкомъ далеко захватываетъ предшествовавшую эпохѣ митрополита Петра исторію сербской церкви. Матеріалы для сочиненія собраны съ тщательностію: авторъ воспользовался не только печатными источниками и пособіями, но и архив-

ными свѣдѣніями изъ государственнаго архива Сербіи и устными свидѣтельствами старожиловъ. Авторъ старается критически относиться къ источникамъ и пособіямъ, провѣряетъ и поправляетъ ихъ на основаніи фактическихъ данныхъ, хотя иногда критика нѣкоторыхъ, чужихъ мнѣній имѣетъ у автора предвзятую цѣль обѣлить во что бы то ни стало главнаго героя своего сочиненія и возвеличить его. Изложеніе предмета довольно полное и стройное. Но языкъ сочиненія—крайне неправильный и тяжелый, свидѣтельствующій, впрочемъ, о самостоятельности труда автора—серба. Значительно уменьшаютъ достоинство сочиненія многочисленныя описки (напр., на стр. 103 „служенія" вмѣсто „сверженія") и недописки переписчика, подъ которыми иногда могутъ скрываться и дѣйствительныя ошибки самого автора. Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно".

31) О сочиненіи студента Константина *Теодоровича* на тему: „Слуцкое Преображенское братство".

а) Ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія и трехъ главъ; кромѣ того, имѣются два небольшія дополненія ко второй и третьей главамъ.

Въ *предисловіи* (стр. I—II) кратко опредѣляются предметъ и планъ сочиненія, равно какъ указываются и главнѣйшіе источники, какими пользовался авторъ.

Въ главѣ *первой* (стр. 1—51) рѣшается вопросъ о происхожденіи церковныхъ братствъ вообще и западно-русскихъ церковныхъ братствъ въ частности. Вопросъ этотъ разсматривается авторомъ не столько прямо и непосредственно, сколько описательно, путемъ *обзора* существующихъ въ литературѣ

мнѣній по этому вопросу. Указавъ важнѣйшіе моменты въ жизни Слуцка до происхожденія въ немъ преображенскаго братства и послѣ прекращенія его дѣятельности здѣсь, что составляетъ какъ бы введеніе ко второй главѣ (стр. 52—55), авторъ затѣмъ во *второй* главѣ (стр. 56—276) изображаетъ внѣшнюю судьбу Слуцкаго братства. Исторія Слуцкаго братства излагается имъ въ тѣснѣйшей связи съ исторіею всей вообще западнорусской православной церкви и, въ частности, въ связи съ исторіей Слуцкой троицкой архимандріи. Это—самая цѣнная глава въ сочиненіи. Она составлена авторомъ на основаніи первоисточниковъ и потому содержитъ въ себѣ не мало новыхъ фактовъ.

Въ *третьей* главѣ (стр. 280—313) изображается внутреннее состояніе Слуцкаго преображенскаго братства, въ частности, его устройство и служеніе на пользу православія и русской народности.

Послѣднія (314—321) страницы сочиненія посвящены краткому очерку печальной судьбы мѣста, на которомъ находился храмъ Слуцкаго братства. Это послѣсловіе имѣетъ мало отношенія къ предмету сочиненія. Главные недостатки сочиненія слѣдующіе: 1) необработанность языка, выражающаяся въ тавтологіи (стр. 2), нескладныхъ (стр. 2, 5, 19), неоконченныхъ (стр. 46) и непонятныхъ выраженіяхъ (стр. 62); 2) неполнота внутренней отдѣлки сочиненія, выражающаяся въ томъ, что авторъ очень бѣгло и поверхностно обозрѣваетъ мнѣнія ученыхъ по вопросу о происхожденіи братствъ (въ первой главѣ), чрезмѣрно пользуется сырымъ матеріаломъ особенно во второй главѣ (стр. 114--122) и неотчетливо изображаетъ внутренній видъ Слуцкаго братства (въ третьей главѣ). Есть, кромѣ того, небольшія историческія погрѣшности, напр., въ указаніи времени, когда Слуцкая троицкая архимандрія получила свои права, въ характеристикѣ отношеній архим. Павла Волчанскаго къ Слуцкому братству и т. п.

Сочиненіе даетъ полный и законченный отвѣтъ на вопросъ. По моему мнѣнію, оно можетъ быть признано, какъ кандидатская диссертація, хорошимъ и авторъ его достойнымъ кандидатской степени".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Сочиненіе раздѣлено на три главы, весьма неравныя по объему. Изъ нихъ первая, имѣющая характеръ введенія, трактуетъ о „происхожденіи православныхъ церковныхъ братствъ. Вторая, наибольшая глава, занимающая собою болѣе двухъ третей сочиненія, излагаетъ „внѣшнее положеніе Слуцкаго Преображенскаго братства", иначе—внѣшнюю исторію братства. Третья, наименьшая изъ главъ, носитъ заглавіе: „внутреннее положеніе Слуцкаго Преображенскаго братства", подъ каковымъ положеніемъ авторъ разумѣлъ устройство братства, задачи его дѣятельности, источники доходовъ и тому подобное. Кромѣ того второй главѣ предпосланы „важнѣйшіе моменты изъ жизни города Слуцка до основанія въ немъ Преображенскаго братства и послѣ прекращенія дѣятельности послѣдняго", по краткости и отрывочности приведенныхъ фактовъ ничего не говорящіе ни уму ни сердцу; а въ концѣ сочиненія помѣщена любопытная, но къ темѣ не имѣющая прямого отношенія справка о „печальной судьбѣ мѣста, на которомъ воздвигло свой монастырскій храмъ Слуцкое Преображенское братство".

Авторъ сочиненія, не смотря на краткость времени, бывшаго въ его распоряженіи, успѣлъ собрать достаточно-обильный матеріалъ, чтобы составить хотя и краткій, но цѣлостный очеркъ исторіи Слуцкаго Преображенскаго братства отъ начала и до конца его существованія. Собранные факты онъ излагаетъ въ стройномъ порядкѣ; освѣщеніе и объясненіе фактамъ даетъ вообще здравое; пишетъ языкомъ, не свободнымъ отъ неправильныхъ и не свойственныхъ духу русскаго языка оборотовъ рѣчи и выраженій, но достаточно чистымъ и хорошимъ. Какъ

кандидатская диссертація, сочиненіе г. Теодоровича несомнѣнно удовлетворительно".

32) О сочиненіи студента Θеодора *Флори* на тему: „Богочеловѣчество, какъ фактъ совершенства религіи".

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Самый характеръ темы требовалъ отъ автора особой вдумчивости, особенно искуснаго анализа понятій, съ какими приходилось обращаться, правильныхъ и вѣрныхъ логическихъ выводовъ изъ нихъ. Много здѣсь по существу зависѣло отъ того или иного плана сочиненія, отъ подбора матеріала и т. д. Авторъ съумѣлъ овладѣть своимъ предметомъ, насколько, разумѣется, позволило ему время, съумѣлъ выбрать вѣскія данныя для доказательства своихъ положеній и развилъ свои разсужденія стройно—логически. Содержаніе сочиненія автора можно представить въ такомъ видѣ. Во введеніи (стр. 1—20) идутъ общія разсужденія о богочеловѣчествѣ, кокъ существенномъ элементѣ христіанской религіи, отмѣчается отношеніе къ этому вопросу различныхъ христіанскихъ исповѣданій и въ частности протестантскаго раціонализма, говорится объ интересѣ и важности вопроса о богочеловѣчествѣ и намѣчаются границы изслѣдованія. Первую главу (стр. 21—65) авторъ озаглавливаетъ: „богочеловѣчество, какъ фактъ—идеалъ религіи". Установивъ понятіе о религіи, какъ очень важномъ факторѣ въ жизни человѣческой, авторъ останавливается на вопросѣ о сущности и цѣли религіи; эту сущность и цѣль религіи онъ полагаетъ въ личномъ, разумно-нравственномъ единеніи Бога и человѣка и идеаломъ религіи считаетъ именно богочеловѣчество. Смотря съ этой точки зрѣнія на различныя существующія въ мірѣ религіи, авторъ только христіанскую религію считаетъ истинною, какъ обоснованную на вѣрѣ въ Богочеловѣка—Христа. Здѣсь же рѣшается вопросъ о причинѣ реальнаго явленія на землѣ Бого

человѣка. Вторая глава (стр. 66—142) надписывается у автора: „богочеловѣчество какъ фактъ совершенства религіи—чаяніе языковъ“. Эта глава имѣетъ по преимуществу историческій характеръ. Указывая на то, что у послѣдователей такъ называемыхъ естественныхъ религій не было ни яснаго представленія о Верховномъ Существѣ, ни нравственной чистоты, соотвѣтствующей самой идеѣ религіознаго союза съ Божествомъ, авторъ говоритъ, что при всемъ томъ у нихъ было ясное ожиданіе необходимости Божественной помощи человѣку, ясное представленіе самой идеи богочеловѣчества, какъ идеала религіи; объ этомъ говорятъ и преданія язычествующаго человѣчества о золотомъ вѣкѣ, и сознаніе язычниками своего отчужденія отъ Бога, и чувство страха предъ нимъ, и стремленіе умилостивить Его жертвоприношеніями; объ этомъ говорятъ ясныя ожиданія язычниками особаго избавителя; объ этомъ говорятъ и самые образы, въ какихъ религіозное сознаніе язычниковъ воплотило эту идею будущаго избавленія; при всемъ разнообразіи избавитель человѣчества представлялся и ожидался язычниками въ образѣ Бого человѣка; тѣмъ болѣе существовала эта идея Богочеловѣка—Мессіи и занимала очень видное мѣсто въ религіи ветхозавѣтной. Глава третья (стр. 143—205) надписывается: „необходимость богочеловѣчества, какъ факта совершенства религіи“. Здѣсь авторъ переходитъ опять на почву философско-богословскую и рѣшаетъ вопросъ, дѣйствительно ли человѣкъ самъ себя избавить отъ нравственнаго зла не можетъ, дѣйствительно ли это можетъ быть произведено только божественною силою; авторъ исходитъ изъ факта грѣхопаденія прародителей, расторженія союза человѣка съ Богомъ и порчи нравственной природы человѣческой, и выводитъ, *что* именно нужно было для возстановленія этого союза, для исправленія нравственной порчи въ человѣкѣ; для этого требовалось нѣчто такое, что можетъ сдѣлать только Творецъ человѣческой природы; но и Творецъ долженъ былъ явиться въ человѣческомъ образѣ, чтобы въ лицѣ своемъ указать человѣку путь къ Богу, чтобы въ себѣ во-

плотить для него религіозный и нравственный идеалъ. Конечно, только религія христіанская, какъ религія, основанная на вѣрѣ въ Богочеловѣка—Спасителя, есть, по заключенію автора, религія идеальная, истинная.

Если прибавить, что авторъ не ограничивается логическимъ развитіемъ основной своей мысли, но по пути разбираетъ и даетъ надлежащую оцѣнку разнаго рода несогласнымъ съ нимъ воззрѣніямъ и теоріямъ, если прибавить, что въ историческихъ частяхъ своей работы авторъ подтверждаетъ свои положенія и выводы многими фактическими данными изъ исторіи религіозныхъ воззрѣній различныхъ народовъ, то будетъ видно, что авторъ старается укрѣпить подъ собою почву и дать основательное изслѣдованіе вопроса. Анализъ понятій, съ какими приходилось имѣть дѣло, у автора искусный; выводы, дѣлаемые имъ, логичны и послѣдовательны. Нельзя не замѣтить только, что иногда (въ очень немногихъ, впрочемъ, случаяхъ) авторъ нѣсколько односторонне выясняетъ понятіе (напр. понятіе о религіи); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ дѣлаетъ выводы нѣсколько поспѣшные, отчего убѣдительность разсужденій автора въ этихъ мѣстахъ не такъ сильна. Можно указать и на то, что иногда авторъ не пользуется реальными примѣрами тамъ, гдѣ они были бы очень полезны. Можно отмѣтить нѣкоторые пункты въ сочиненіи, которые слѣдовало бы поставить не на томъ мѣстѣ, какое они занимаютъ у автора. Пользованіе пособіями у автора добросовѣстное; иллюстрація, даваемая имъ своимъ основнымъ положеніямъ, отличается живостію; хотя источниками своими авторъ пользуется только изъ вторыхъ рукъ. Но въ общемъ сочиненіе г. Флори выдается своею основательностію и обстоятельностію и должно быть отнесено къ числу очень хорошихъ кандидатскихъ диссертацій".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Покровскаго:

„Въ трехъ главахъ своего сочиненія авторъ доказываетъ три главныхъ положенія: 1) Богочеловѣчество, какъ фактъ—

идеалъ религіи; 2) богочеловѣчество, какъ фактъ совершенства религіи—„чаяніе языковъ", и 3) богочеловѣчество, какъ фактъ совершенства религіи—необходимо. Первое положеніе доказывается анализомъ понятія—религія; второе—исторіей религіи; третье—безсиліемъ человѣка павшаго возстановить себя въ невинное состояніе. Каждое изъ этихъ положеній доказывается въ виду и съ рѣшеніемъ возраженій. Мысль автора твердая. Сужденія основательныя. Языкъ хорошій. Какъ диссертація на степень, сочиненіе очень хорошее".

33) О сочиненіи студента Александра *Хмѣлькова* на тему: „Идея Царства Божія въ пониманіи русской богословско-философской мысли".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Въ началѣ своего сочиненія г. Хмѣльковъ отмѣчаетъ то центральное положеніе, которое принадлежитъ идеѣ Божьяго Царства въ христіанскомъ міровоззрѣніи, раскрываетъ самое понятіе Божьяго Царства, съ той стороны, съ какой это царство можетъ найти свое выраженіе въ области человѣческой жизни, и, соотвѣтственно этому, опредѣляетъ общую задачу своего труда. Авторъ, именно, указываетъ „три главные момента въ нравственномъ пониманіи человѣка". Это, прежде всего, идеально нравственная сущность человѣческой личности—образъ Божій, дѣлающій человѣка центромъ Царства Божія на землѣ. Далѣе, эта сокровенная сущность вынаруживается во—внѣ, являя въ своей дѣятельности подобіе Божіе. И, наконецъ, такъ какъ личность не остается самозаключенной, то третьимъ моментомъ въ понятіи Царства Божія является жизнь общества, какъ духовнаго организма, возглавляемаго Христомъ Спасителемъ. Соотвѣтственно указаннымъ чертамъ въ пониманіи авторомъ Царства Божія, онъ излагаетъ и взглядъ на предметъ представителей русской богословско-философской мысли, при

чемъ наилучшее раскрытіе перваго момента признаетъ въ сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскаго; второго—въ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстого; третьяго—у В. С. Соловьева. Этими тремя писателями и ограничилъ свой выборъ авторъ. Въ первой части своего сочиненія онъ излагаетъ воззрѣнія Достоевскаго въ нѣсколькихъ главахъ. Хотя авторъ изучилъ сочиненіе Достоевскаго не во всей полнотѣ, но въ этой главѣ представилъ оригинальное освѣщеніе его воззрѣній, обнаруживши значительную силу и смѣлость мысли. Жаль только, что авторъ, занятый выясненіемъ идеи Царства Божія, слишкомъ поверхностно отнесся къ раскрываемому Ѳ. М. Достоевскимъ ученію о Церкви вселенской и, въ частности, греко-восточной православной, не уяснивъ того отношенія, въ какомъ мыслилъ Достоевскій понятія Царства Божія и Церкви.—Во второй главѣ г. Хмѣльковъ излагаетъ ученіе о Божьемъ Царствѣ гр. Толстого съ критическимъ разборомъ этого ученія. Этотъ разборъ представляется и серіознымъ и интереснымъ, но существеннымъ недостаткомъ его, какъ и вообще этой части сочиненія, является неполнота ея. Авторъ изложилъ ученіе гр. Толстого лишь по немногимъ его сочиненіямъ, а потому и представилъ его односторонне, особенно когда характеризуетъ мораль гр. Толстого какъ безрелигіозную по существу, не обосновывая подробно этого спорнаго пункта. Третья часть сочиненія посвящена авторомъ В. С. Соловьеву. И здѣсь также авторъ ограничился однимъ третьимъ томомъ, хотя изложилъ взглядъ Соловьева, безъ сомнѣнія, лично продуманно. Какихъ либо критическихъ замѣчаній по поводу воззрѣній В. С. Соловьева авторъ не сдѣлалъ, несомнѣнно признавъ этимъ самымъ воззрѣнія Соловьева чуждыми односторонности.

Таково вкратцѣ содержаніе сочиненія г. Хмѣлькова. Надо сознаться, что сдѣлать общую оцѣнку его дѣло не легкое. Г. Хмѣльковъ пишетъ своеобразно, на что я обратилъ еще вниманіе при чтеніи его семестроваго сочиненія, и эта своеобразность не позволяетъ приложить къ г. Хмѣлькову обычную

мѣрку при оцѣнкѣ курсовыхъ работъ. Со стороны содержанія сочиненіе автора отличается самостоятельностію, но нѣсколько оригинальною: онъ почти совершенно игнорируетъ то, что писали до него объ избранныхъ имъ представителяхъ русской мысли. Это крайне неблагопріятно отражается на содержаніи сочиненія, сообщая одностороннее освѣщеніе раскрываемымъ имъ взглядамъ названныхъ писателей. Со стороны изложенія сочиненіе г. Хмѣлькова также оставляетъ желать многаго. Онъ хочетъ выражать свои мысли какъ можно точнѣе и для этой цѣли создаетъ нерѣдко собственныя выраженія, пригодность которыхъ, однако, можетъ считаться еще спорной; да и вообще авторъ пишетъ языкомъ тяжелымъ. Эта особенность изложенія имѣетъ очень любопытное слѣдствіе: сочиненіе г. Хмѣлькова представляется болѣе интереснымъ и цѣннымъ послѣ вторичнаго его прочтенія. Таковы, по моему мнѣнію, наиболѣе существенные недостатки сочиненія. Но въ немъ есть и серіозныя достоинства. Я сказалъ, что авторъ пишетъ самостоятельно. Это позволяетъ ему проявить личное творчество и оттѣнить нѣкоторыя такія стороны излагаемыхъ имъ воззрѣній, которыя оставлялись въ сторонѣ другими критиками; говорю это собственно о первой части сочиненія. Затѣмъ, хотя авторъ очень ограничилъ свою задачу тремя только представителями русской мысли и при томъ обозрѣваетъ ихъ сочиненія далеко не во всей полнотѣ, но то, что онъ излагаетъ и разбираетъ, дѣйствительно изучено имъ, и даже болѣе того, продумано, пережито. Это сообщаетъ его сочиненію характеръ убѣжденности и иногда особую внутреннюю привлекательность. Невольно кажется, что если бы авторъ писалъ проще, то его сочиненіе значительно выиграло бы. Вообще же я нахожу, что настоящая работа свидѣтельствуетъ о способности г. Хмѣлькова къ серіознымъ занятіямъ въ области философско-богословской мысли, и признаю это сочиненіе совершенно удовлетворительной кандидатской диссертаціей".

б) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Идею Царства Божія въ пониманіи русской богословско-философской мысли мы разсматривали, говоритъ авторъ, подъ угломъ зрѣнія... центральнаго значенія человѣка въ понятіи о Царствѣ Божіемъ. Иначе говоря, своею прямою цѣлью мы поставили выяснить идею Царства Божія съ точки зрѣнія человѣка и человѣчности“ (стр. VIII). Намѣтивъ три главные момента въ такомъ пониманіи идеи Царства Божія и находя наилучшее выраженіе ихъ въ произведеніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго, Л. Н. Толстого и Вл. С. Соловьева, авторъ, соотвѣтственно этому, и свое изслѣдованіе дѣлитъ на три части.

Въ первой изъ нихъ, посвященной Достоевскому, разсматриваются коренные вопросы относящагося сюда міровоззрѣнія его: о „личности въ себѣ“, о „высшей гармоніи“ и всепрощеніи, о значеніи зла въ мірѣ, о Христѣ въ отношеніи Его къ Царству Божію, объ отношеніи личной нравственности къ общественной. Вторая глава разсматриваетъ ученіе о Царствѣ Божіемъ Толстого: его центральную идею чистой, безрелигіозной нравственности съ необходимыми выводами изъ нея—ученіемъ о непротивленіи злу, отрицаніемъ церкви и государства и пр. Послѣднюю главу авторъ посвящаетъ Соловьеву, излагая глубоко-философское ученіе его о Царствѣ Божіемъ, основанномъ на идеально-нравственномъ законѣ „всеединства“—съ его генезисомъ въ мірѣ идей, съ идеальнымъ выраженіемъ его въ Богочеловѣческой личности І. Христа и съ реальнымъ осуществленіемъ въ церкви и государствѣ.

Ничего не имѣя противъ такого отвѣта автора на вопросъ, поставленный темою,—хотя вопросъ этотъ естественно понимать гораздо шире, не въ перспективѣ воззрѣній *только трехъ* нашихъ писателей,—мы желали бы однако видѣть отвѣтъ этотъ 1) болѣе обстоятельнымъ, 2) въ болѣе критической формѣ и 3) болѣе яснымъ.

1) Нѣкоторыя отдѣльныя стороны въ міровоззрѣніяхъ, разсматриваемыхъ авторомъ, изложены имъ очень кратко или даже съ пробѣлами. Это нужно сказать особенно о трактатахъ его о Толстомъ и Соловьевѣ. Отрицательныя воззрѣнія 1-го представлены бѣгло: въ тѣхъ произведеніяхъ Толстого, на которыя ссылается нашъ авторъ, съ прибавленіемъ къ нимъ и многихъ другихъ, заключается богатый матеріалъ, рельефно выражающій отрицательные тезисы религіознаго міровоззрѣнія Толстого. Соловьева же излагаетъ авторъ только по третьему тому сочиненій его. Впрочемъ, такая недостаточная полнота изслѣдованія можетъ объясняться и недостаткомъ времени, находившагося въ распоряженіи автора.

2) Идеальнымъ отвѣтомъ на данный вопросъ мы считали бы такой, въ которомъ авторъ, вполнѣ усвоивъ и уяснивъ себѣ разсматриваемыя имъ міровоззрѣнія, сумѣлъ-бы подняться до свободнаго критическаго отношенія къ нимъ. Авторъ идетъ путемъ главнымъ образомъ изложенія, скупясь на критику и комментаріи. Впрочемъ, характеръ сочиненія въ этомъ отношеніи не одинаковъ: въ главѣ о Соловьевѣ критическій элементъ совершенно отсутствуетъ, въ рѣчи о Достоевскомъ почти отсутствуетъ, Толстому же удѣляется въ наибольшей степени. Отмѣчая желательность болѣе критическаго отношенія автора къ излагаемымъ имъ религіозно-философскимъ ученіямъ, мы отнюдь не разумѣемъ здѣсь непремѣннаго „закритиковыванія“ ихъ: желательна большая обстоятельность въ указаніи не отрицательныхъ только, но и положительныхъ сторонъ въ нихъ. Равнымъ образомъ желательно болѣе рельефное уясненіе сходства и различія между ними—именно въ тѣхъ идеяхъ, въ которыхъ они наиболѣе близко соприкасаются между собою.

3) Наконецъ, какъ вполнѣ законное desiderium, мы предъявляемъ къ разсматриваемому сочиненію и требованіе большей ясности. Въ этомъ отношеніи ему недостаетъ многаго. Рѣчь автора во многихъ мѣстахъ страдаетъ туманностью, изобилуя терминами, часто своеобразными, эпитетами, нагроможденными

одинъ на другой, далеко не съ пользой для ясности раскрываемой ими мысли. И это особенно нужно сказать о тѣхъ главахъ сочиненія, въ которыхъ авторъ излагаетъ метафизическую сторону даннаго міровоззрѣнія: о личности въ себѣ у Достоевскаго, ученіе Толстого о личности въ ея сущности, метафизическія основы религіознаго міровоззрѣнія Соловьева и н. др.

До извѣстной степени авторъ, можетъ быть, избѣжалъ бы указываемыхъ недостатковъ, если бы онъ привлекъ въ своей работѣ въ качествѣ пособія ту литературу, какая имѣется у насъ по предмету его изслѣдованія. Онъ этого не дѣлаетъ. Читая данное сочиненіе, можно, пожалуй, подумать, что автору совершенно невѣдомы опыты критическаго разбора излагаемыхъ имъ воззрѣній по вопросу о Царствѣ Божіемъ. Между тѣмъ утверждать, что это такъ, было бы рискованно. Не знать, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ не могъ. Почему же поступилъ такъ авторъ?

Изучая идею о Царствѣ Божіемъ, какъ выразилась она въ пониманіи трехъ мыслителей, авторъ, по мѣрѣ ознакомленія съ ними, складывалъ идеи ихъ въ одно цѣлое, дѣлая ихъ какъ бы только частями одного міровоззрѣнія, лишь тремя моментами въ развитіи его. Соотвѣтственно этому онъ поставилъ конечною цѣлью для себя—представить идею Царства Божія въ ея постепенномъ раскрытіи въ ученіяхъ трехъ выдающихся писателей нашихъ, такъ сказать, пройти чрезъ стадіи этой идеи однимъ органическимъ процессомъ мысли—отъ Достоевскаго чрезъ Толстого къ Соловьеву. При этомъ въ выполненіи такой задачи авторъ, очевидно, хотѣлъ быть самостоятельнымъ: онъ вынашивалъ идеи трехъ мыслителей въ своемъ умѣ какъ свои собственныя и затѣмъ захотѣлъ изложить ихъ въ такой формѣ, которая позволила бы ему не отдѣлять ихъ рѣзко отъ своихъ мыслей о нихъ, не разграничивать механически изложенія ихъ отъ критики. Такъ онъ и сдѣлалъ. Какъ уже сказано, результатъ получился небезупречный; но тѣмъ не менѣе, какъ опытъ

такого самостоятельнаго синтеза, данная работа не лишена своего интереса и значенія.

Прочитавъ сочиненіе, нельзя не признать, что авторъ имѣетъ склонность къ отвлеченному мышленію, работаетъ въ этой области съ интересомъ и увлеченіемъ. Нельзя не пожелать, чтобы онъ выработалъ въ себѣ и способность возможной популяризаціи философской мысли, т. е. наиболѣе яснаго изложенія ея.

Кандидатской степени сочиненіе студента А. Хмѣлькова вполнѣ заслуживаетъ".

34) О сочиненіи студента Василія *Ходзицкаго* на тему: „Буддійское ученіе о человѣкѣ и его отношеніе къ христіанскому ученію о томъ же".

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Во введеніи къ своему сочиненію (стр. I—XVIII) авторъ въ общихъ чертахъ говоритъ о томъ высокомъ уваженіи, съ какимъ многіе относятся къ буддизму, какъ религіозной системѣ, указываетъ центръ буддійскаго міровоззрѣнія (ученіе о человѣкѣ) и намѣчаетъ планъ своей работы. Такъ какъ, по замѣчанію автора, каждый послѣдователь Будды въ своей жизни долженъ идти тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ самъ Будда Сакья-Муни, то авторъ въ первой, очень небольшой главѣ (стр. 1—27) начертываетъ, какъ онъ говоритъ, нравственный обликъ основателя буддизма,—вѣрнѣе—изображаетъ психологію превращенія Будды Сакья-Муни въ анахорета и его религіозно-реформаторской дѣятельности. Центръ тяжести сочиненія г. Ходзицкаго— во второй и третьей главахъ, дающихъ прямой отвѣтъ на тему и притомъ же сравнительно обширныхъ по объему. Вторая глава содержитъ положительное изложеніе буддійскаго ученія о человѣкѣ. Подраздѣляется она на шесть отдѣловъ, въ которыхъ излагается: 1) общее сужденіе буддизма о мірѣ и въ частности

о человѣкѣ (стр. 27—43); 2) ученіе буддизма о сущности, логическомъ и нравственномъ смыслѣ и цѣнности земной жизни человѣческой и о возрожденіяхъ человѣка послѣ смерти (стр. 43—77); 3) ученіе о жизни, какъ страданіи (стр. 78—88); 4) ученіе о сущности и пути къ освобожденію отъ этихъ страданій (стр. 89—98); 5) о нирванѣ, какъ высочайшемъ благѣ буддизма (стр. 99—125); 6) о такъ называемомъ архатствѣ, какъ нравственномъ идеалѣ буддизма (стр. 126—146). Третья часть сочиненія г. Ходзицкаго—критическаго характера; здѣсь сопоставляется буддійское ученіе о человѣкѣ въ цѣломъ и частностяхъ съ ученіемъ о томъ же христіанства; въ четырехъ отдѣлахъ этой главы авторъ указываетъ: 1) на цѣль и смыслъ существованія человѣка по ученію христіанскому и буддійскому (стр. 147—169); 2) на сущность спасенія человѣка (объективнаго и субъективнаго) въ христіанствѣ и буддизмѣ (стр. 170—188); 3) на основной принципъ нравственной жизни по ученію христіанства и буддизма (стр. 189—210); 4) на нравственную свободу христіанина сравнительно съ пассивностію буддиста (стр. 210—217). Въ качествѣ заключенія (стр. 217—220) авторъ говоритъ, что только послѣдователь христіанства есть человѣкъ жизни, развитія, прогресса, что только христіанство есть религія будущаго, между тѣмъ какъ идеалъ буддизма—это угасаніе, самоумерщвленіе.

Какъ видно, авторъ ставитъ вопросъ на логическую почву и старается обосновать его достаточными данными. Сужденія его основательны и теченіе мыслей стройное. Литература по предмету темы сочиненія,—даже на русскомъ языкѣ,—не отличается скудостію, и авторъ имѣлъ подъ руками хорошія пособія и руководящія статьи, впрочемъ, авторъ не ограничился одною русскою литературою, а пользовался нѣкоторыми лучшими изслѣдованіями и на французскомъ языкѣ. Пособіями своими авторъ пользуется умѣло, извлекаетъ изъ нихъ много разнообразныхъ данныхъ и хорошо иллюстрируетъ свое сочине-

ніе, придавая ему не только обстоятельность, но и интересъ. Нельзя, впрочемъ, не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній автору. При всей своей обстоятельности, онъ, напр., упустилъ изъ вниманія нѣкоторые немаловажные пункты буддійскаго ученія, напр., о будущей судьбѣ человѣческаго существа; а между тѣмъ эти именно пункты, можетъ быть, прояснили бы ему вопросъ о положеніи въ буддизмѣ такого важнаго ученія, какъ ученіе о безсмертіи души человѣческой, каковой вопросъ въ настоящее время въ сочиненіи автора остается неяснымъ. Затѣмъ, иногда авторъ въ изслѣдованіи своемъ сильно поддается своимъ руководителямъ и потому оказывается не строго-объективнымъ; иногда онъ безъ всякой нужды обращается къ чужимъ авторитетамъ и ссылается на чужія мнѣнія въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, въ области которыхъ совершенно компетентенъ былъ бы и самъ авторъ—богословъ. Можно было бы дать въ нѣкоторыхъ частяхъ иное распредѣленіе на отдѣлы и болѣе подходящее расположеніе отдѣльныхъ пунктовъ сочиненія. Но всѣ эти замѣчанія не роняютъ положительныхъ достоинствъ сочиненія: авторъ многое прочиталъ и осмыслилъ, составилъ себѣ вѣрный въ общемъ взглядъ на сущность буддизма, проводитъ хорошую оцѣнку его; изложеніе сочиненія литературное. По всему этому сочиненіе г. Ходзицкаго можно отнести къ числу очень хорошихъ кандидатскихъ диссертацій".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Еще недавно христіанскіе мыслители и богословы считали буддизмъ явленіемъ экзотическимъ, далекимъ отъ современныхъ христіанскихъ народовъ и пространственно и по времени, чуждымъ и безразличнымъ для практическихъ задачъ и интересовъ жизни христіанскаго культурнаго міра. Но это время прошло. Враги и ненавистники Христова ученія между христіанами въ поискахъ религіозныхъ системъ, кои можно было бы противопоставить христіанству, какъ куль-

турной основѣ исторической жизни христіанскихъ народовъ, обратили свое вниманіе и на буддизмъ, какъ на орудіе для подрыва авторитета и жизненной силы Христова ученія. Появились и сочиненія, восхвалявшія буддизмъ въ осужденіе христіанству; стали образовываться и общества людей, противополагавшія себя христіанской церкви и отнимавшія у Христова ученія его исповѣдниковъ. Послѣ этого христіанскіе мыслители и богословы должны были волей неволей обратить серьезное вниманіе на буддизмъ и приняться за тщательное изученіе его въ его происхожденіи, содержаніи, особенно же въ его значеніи для жизни человѣка и человѣчества.

Но переставши быть экзотическимъ явленіемъ въ смыслѣ отсутствія связи его съ практическими задачами и интересами жизни христіанскаго культурнаго міра, буддизмъ все же остался экзотическимъ явленіемъ, какъ міровоззрѣніе очень далекое отъ привычнаго намъ круга религіозныхъ и философскихъ идей, съ трудомъ укладывающееся въ рамки нашего мышленія и совмѣщающееся съ нашимъ складомъ мышленія, почему и не легко уясняемое нами себѣ въ его характерныхъ и существенныхъ пунктахъ. Поэтому-то и первоклассные ученые, авторитеты и знатоки буддизма радикально расходятся между собой въ пониманіи такихъ существенныхъ предметовъ буддійскаго вѣроученія, какъ ученіе о Богѣ и о посмертномъ существованіи человѣка, при чемъ обоснованіе тѣми или иными учеными своего пониманія естественно является неопредѣленнымъ, нетвердымъ и малоубѣдительнымъ.

Тѣмъ неизбѣжнѣе должны были оказаться подобные дефекты въ разсужденіяхъ нашего автора, малоопытнаго въ разборѣ и оцѣнкѣ религіозно-философскихъ системъ, тѣмъ болѣе, что и то пониманіе буддизма, какъ религіи будто бы безъ Бога и безъ духа, на сторону коего склонился нашъ авторъ, само по себѣ совсѣмъ невѣроятно и не согласуется съ иными фактами, указываемыми самимъ авторомъ.

Авторъ также недостаточно выяснилъ причину глубокаго различія буддійскаго ученія о человѣкѣ отъ христіанскаго, коренящуюся въ радикально различающихся другъ отъ друга буддійскихъ и христіанскихъ воззрѣніяхъ на природу Божества, но самое различіе это и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходство христіанскаго ученія надъ буддійскимъ указаны и развиты имъ въ сочиненіи ясно и отчетливо. И вообще сравненіе ученія о человѣкѣ въ той и другой религіи сдѣлано основательно, давая читателю и достаточно полное и достаточно ясное и правильное представленіе о предметѣ.

Композиція сочиненія логичная, слогъ же не вездѣ правильный. Какъ кандидатская диссертація, сочиненіе Ходзицкаго можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ".

35) О сочиненіи студента Василія *Чернявскаго* на тему: „Конфуціанство и оцѣнка его съ общерелигіозной и въ частности съ христіанской точки зрѣнія".

а) Доцента С. Песоцкаго:

„По содержанію своему сочиненіе г. Чернявскаго распадается на двѣ существенныя части—положительную и критическую; первая часть заключаетъ въ себѣ, кромѣ введенія, первыя три главы, а вторая часть обнимаетъ оба отдѣла четвертой главы. Указавъ въ предисловіи (стр. 1—2) на интересъ, возбужденный въ немъ самимъ своеобразнымъ міромъ китайцевъ, авторъ приступаетъ къ изложенію конфуціанскихъ религіозно-философскихъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ всего склада историческаго быта китайцевъ. Но такъ какъ Конфуцій не создавалъ новой религіи въ Китаѣ, а только, по его собственному признанію, „старался возстановить ученіе предковъ въ его первоначальной чистотѣ, ничего къ нему не прибавляя и ничего не опуская", то естественно г. Чернявскій дол-

женъ былъ сказать и о древнѣйшихъ, доконфуціанскихъ національныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ китайцевъ; это онъ и дѣлаетъ во введеніи къ своему сочиненію (стр. 4—44), говоря о верховномъ божествѣ древнихъ китайцевъ, почитаніи ими духовъ и предковъ, объ ихъ обрядахъ. Переходя къ ученію Конфуція, авторъ прежде всего останавливается на личности этого религіознаго реформатора китайцевъ,—говоритъ объ историческихъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ религіозную реформу въ Китаѣ, о жизни самого Конфуція, объ обаяніи, производимомъ имъ на современниковъ и послѣдующія поколѣнія китайскаго народа, о сущности религіозно-реформаторской дѣятельности Конфуція, о причинахъ такой, а не иной, формы ея, о значеніи реформы Конфуція въ исторіи религіи и вообще политическаго и соціальнаго быта китайцевъ (первая глава, стр. 44—78). Во второй главѣ (стр. 79—175) излагается сущность метафизики Конфуція: говорится объ абсолютномъ, какъ оно представляется въ конфуціанствѣ, о бытіи міра, о духахъ, о человѣкѣ, его происхожденіи, нравственной природѣ, о свободѣ воли, о злѣ, о безсмертіи, объ отношеніи Божества къ человѣку. Въ третьей главѣ (стр. 176—235) говорится объ этикѣ конфуціанства, ея основныхъ принципахъ, общемъ характерѣ, о конфуціанской этикѣ индивидуальной и соціальной. Вторая часть (четвертая глава, стр. 236—277; 278—312) сочиненія г. Чернявскаго—критическаго содержанія: здѣсь дается оцѣнка конфуціанства во первыхъ—съ общерелигіозной, а во вторыхъ—въ частности съ христіанской точки зрѣнія. Авторъ устанавливаетъ понятіе о религіи, ея существѣ, ея характеристическихъ признакахъ и составныхъ элементахъ, и сопоставляетъ съ такимъ представленіемъ религію Конфуція въ ея общемъ и въ частностяхъ; а во второмъ отдѣлѣ указывается сущность христіанства и отмѣчается все отличіе и превосходство его предъ конфуціанствомъ.

Изъ этого общаго очерка содержанія сочиненія г. Чернявскаго видно, что авторъ серьезно отнесся къ своему пред-

мету и подвергъ его изслѣдованію со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ частностяхъ. Авторъ хорошо знакомъ съ общей системой конфуціанства и умѣло разбирается въ отдѣльныхъ его пунктахъ. При изложеніи положительной части своего изслѣдованія авторъ привлекаетъ къ дѣлу много данныхъ, уясняющихъ для насъ конфуціанство не только въ его перво-источникѣ, но и въ его исторіи. Въ критической части своей работы авторъ тоже старается воспользоваться многимъ, могущимъ освѣтить конфуціанство съ точки зрѣнія, такъ сказать, идеала религіи и въ частности—религіи христіанской. Нельзя, однако, не замѣтить автору, что въ этой, критической части своей работы онъ, привлекая многое, не все однако существенное принялъ во вниманіе, чтобы оттѣнить всю разницу между религіей истинной, въ частности христіанской и конфуціанствомъ: нѣкоторыя черты, входящія въ существо религіи, и особенно религіи христіанской, имъ совершенно замолчаны, другія упомянуты только вскользь, оттого критическая часть работы автора не получила той рельефности, какой по существу дѣла можно было бы ожидать. Иногда и распредѣленіе отдѣльныхъ пунктовъ сочиненія можетъ вызывать противъ себя возраженіе. Но въ общемъ сочиненіе г. Чернявскаго представляетъ собой работу очень основательную и обстоятельную, написанную по иностраннымъ и русскимъ источникамъ я руководящимъ пособіямъ, проникнутую любовію къ дѣлу, логически стройную и послѣдовательную и изложенную очень хорошимъ литературнымъ языкомъ. Всѣ эти качества даютъ основаніе признать сочиненіе г. Чернявскаго весьма хорошей кандидатской диссертаціей".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Конфуціанство, составляющее главный предметъ ученаго изслѣдованія г. Чернявскаго, представляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій всемірной исторіи, будучи въ теченіе тысячелѣтій культурной основой исторической жизни чуть не трети всего

человѣчества. Не смотря на то и не смотря на трехвѣковое сосѣдство съ Россiей Китая, родины и мѣста культурной дѣятельности конфуцiанства, послѣднее въ нашей литературѣ является почти что terra incognita, предметомъ малоизвѣстнымъ и ученымъ и широкой публикѣ. Послѣдняя съ трудомъ можетъ почерпнуть изъ книгъ свѣдѣнiя о содержанiи конфуцiанства, какъ религiозно-философской системы; оцѣнку же его съ обще-религiозной и съ христiанской точекъ зрѣнiя каждый знакомящiйся съ конфуцiанствомъ положительно долженъ составлять самъ, безъ чьей либо помощи. Понятно, что при такихъ условiяхъ ученой работы надъ конфуцiанствомъ, изученiе его является дѣломъ особенно труднымъ, почему всякiй успѣхъ изучающаго заслуживаетъ особаго вниманiя и почтенiя.

Авторъ настоящаго сочиненiя не только выполнилъ такое трудное дѣло, но и достигнулъ значительнаго успѣха. Ученiе Конфуцiя и его учениковъ онъ изложилъ съ большою обстоятельностiю и съ детальными подробностями, такъ что далъ своему читателю полную возможность ознакомиться съ содержанiемъ конфуцiанства. Достаточно выяснилъ онъ и отношенiе частныхъ его положенiй другъ къ другу, равно и отношенiе конфуцiанства къ исконной нацiональной религiи Китая. Причемъ только о немногихъ сравнительно пунктахъ конфуцiанскаго ученiя онъ высказался неопредѣленно и неувѣренно; напр. о личности Божества по Конфуцiю. Оцѣнка конфуцiанства съ общерелигiозной и христiанской точекъ зрѣнiя также можетъ быть признана достаточно солидной, хотя утвержденiе автора, будто христiанство отъ всѣхъ другихъ религiй отличается ученiемъ о вочеловѣченiи Божества, исторически невѣрно.

Кромѣ того авторъ обнаружилъ большую логичность въ композицiи сочиненiя и расположенiи его частей, большую ясность и точность въ изложенiи своихъ мыслей и большое мастерство словоыраженiя. Въ виду всего этого сочиненiе г. Чернявскаго можетъ быть признано очень хорошимъ и дающимъ ему полное право на полученiе искомой ученой степени".

36) О сочиненіи студента Димитрія *Шнуркова* на тему: „Истинно нравственное значеніе и величіе христіанской кротости и смиренія".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Сочиненіе г. Шнуркова состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ изслѣдованія. Во введеніи авторъ указываетъ на то, что въ современной научной мысли и въ самой жизни обезцѣниваются основныя христіанскія добродѣтели—смиреніе и кротость. Въ виду этого г. Шнурковъ ставитъ цѣлію своего изслѣдованія раскрыть истинное величіе и значеніе въ дѣлѣ нравственнаго развитія личности указанныхъ добродѣтелей. Осуществляетъ авторъ поставленную имъ себѣ задачу такъ. Въ главѣ первой онъ говоритъ о взглядѣ на смиреніе дохристіанскихъ языческихъ и ветхозавѣтной религій. Послѣдовательно авторъ излагаетъ воззрѣнія на предметъ китайцевъ, индійцевъ, египтянъ, персовъ, грековъ, римлянъ и, наконецъ, іудеевъ. Хотя главѣ этой недостаетъ научности въ собственномъ смыслѣ слова, но въ качествѣ введенія въ изслѣдуемую область она имѣетъ достаточный интересъ и не представляется излишней. Только ветхозавѣтное ученіе, по моему мнѣнію, представлено авторомъ и недостаточно полно и въ значительной степени односторонне. Вторая глава—центральная для всего сочиненія. Въ ней излагается ученіе о смиреніи Христа Спасителя, святыхъ апостоловъ, отцовъ и учителей Церкви. Въ этой же главѣ г. Шнурковъ предлагаетъ и психологическій анализъ добродѣтели смиренія, поставляя его въ органическую связь съ христіанскою любовью. Въ этой главѣ авторъ собралъ достаточно матеріала, но распорядился имъ не вполнѣ умѣло: главѣ этой недостаетъ систематичности въ изложеніи библейско-церковнаго ученія, благодаря чему не удается читателю получить вполнѣ отчетливое представленіе о смиреніи на основаніи первоисточниковъ христіанскаго ученія.—Въ главѣ третьей авторъ отли-

чаетъ отрицательное вообще отношеніе къ смиренію со стороны представителей философской мысли, при чемъ особенно подробно излагаетъ ученіе Фр. Ницше. Въ четвертой же главѣ авторъ частію дополняетъ изложеніе ницшеанскихъ воззрѣній, а частію указываетъ ихъ односторонность и неправильный взглядъ на истинную природу христіанскаго смиренія. Эти двѣ главы читаются съ интересомъ; авторъ въ нихъ умѣло оттѣнялъ нѣкоторыя существенныя стороны въ христіанскомъ ученіи о смиреніи и достаточно выяснилъ несостоятельность ницшеанской критики христіанства. Нѣкоторымъ недостаткомъ этой главы служитъ также отсутствіе строгой систематичности въ изложеніи, а сверхъ этого и то, что воззрѣнія Ницше авторомъ изложены въ слишкомъ широкой перспективѣ, въ сравненіи съ чѣмъ выясненіе положительнаго христіанскаго взгляда на кротость и смиреніе представляется нѣсколько блѣднымъ.

Вообще г. Шнурковъ свою прямую задачу выполнилъ, хотя и не безъ замѣтныхъ недочетовъ, и его сочиненіе можно признать вполнѣ удовлетворительной кандидатской работой".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Авторъ даетъ довольно широкую постановку темѣ. Сочиненіе начинается введеніемъ, гдѣ дѣлается характеристика, нѣсколько, впрочемъ, односторонняя, современной жизни, лозунгомъ которой являются, по автору, гордость, себялюбіе и эгоизмъ, въ которой кротость и смиреніе, „эти двѣ, можно сказать, основныя христіанскія добродѣтели", не только не осуществляются, но даже совершенно игнорируются, обезцѣниваются и низводятся на степень если не порока, то ненужнаго балласта, тормозящаго прогрессивный ходъ жизни. Въ современной наукѣ *твердо установился* (?) эволюціонистическій взглядъ на происхожденіе человѣка, принадлежащій Геккелю, по которому, многочисленные химическіе процессы постепенно привели простѣйшую монеру отъ своей первоначальной одно-

клѣтной формы къ гориллѣ и наконецъ къ человѣку, который является Богомъ для самого себя и самъ по своему соображенію устанавливаетъ свои законы собственной нравственной жизни. Такой взглядъ въ самомъ корнѣ уничтожаетъ существованіе смиренія. Но авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о взглядѣ представителей нашей православной богословской науки на кротость и смиреніе и въ частности ничего не сказалъ о томъ, признаютъ ли они, подобно автору, эти двѣ добродѣтели „положенными въ основу христіанской этики". Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что авторъ считаетъ нужнымъ указывать даже на взгляды, совершенно не имѣющіе научнаго значенія, какъ напр. на взглядъ поэта Гейне, который не стѣсняется называть смиреніе собачьею добродѣтелью.—За введеніемъ слѣдуетъ 4 главы, изъ которыхъ въ первой развивается мысль, что древній, дохристіанскій міръ не зналъ истиннаго смиренія и что если въ языческомъ мірѣ было нѣчто подобное смиренію, то лишь какъ тупая покорность. Въ доказательство этой мысли авторъ дѣлаетъ очеркъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній китайцевъ, индійцевъ—браминистовъ, буддистовъ, египтянъ, персовъ, грековъ и римлянъ. Но, очеркъ этотъ, говоритъ авторъ, былъ бы не полонъ, если бы мы обошли молчаніемъ стоиковъ, моральная система которыхъ внѣшнею стороною близко подходитъ къ христіанской. Поэтому далѣе авторъ говоритъ о стоицизмѣ. Заканчивается эта глава очеркомъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній евреевъ, которые хотя обладали божественнымъ откровеніемъ, тѣмъ не менѣе не знали истинныхъ добродѣтелей кротости и смиренія и понимали послѣднее, какъ покорность, основанную на боязливости. Въ доказательство отсутствія у евреевъ истиннаго смиренія авторъ указываетъ между прочимъ на Моисея, хотя въ одной изъ послѣдующихъ главъ (IV) онъ указываетъ на Моисея, какъ на представляющаго примѣръ „истиннаго высокаго смиренія". Но, не смотря на сдѣланное авторомъ дополненіе о стоицизмѣ, разсматриваемый

очеркъ не можетъ быть признанъ не только полнымъ, но и дающимъ вполнѣ точное представленіе о трактуемомъ въ немъ предметѣ. Такъ, авторъ совершенно оставилъ безъ вниманія ассиро-вавилонянъ, хотя вавилонянамъ, какъ видно изъ литературныхъ памятниковъ ихъ, не было чуждо понятіе о добродѣтели смиренія. Совершенно несправедливо авторъ отожествляетъ религію грековъ и римлянъ и утверждаетъ, что религія римлянъ, какъ и грековъ, была антропотеистическою и что древній грекъ и римлянинъ, видя въ богахъ тѣ же самые пороки, какіе замѣчалъ въ себѣ, не смирялся, а, наоборотъ, гордился, что онъ похожъ на боговъ, и эту гордость полагалъ въ основу всей своей дѣятельности. Отсюда авторъ заключаетъ, что смиренія и кротости, какъ добродѣтелей, у грековъ и римлянъ не было и быть не могло и въ подтвержденіе этого разсматриваетъ три греческихъ слова и одно латинское (humilitas), которыя въ дохристіанскій періодъ могли бы обозначать эти добродѣтели, однако совсѣмъ не обозначали ихъ. Но при этомъ авторъ не принялъ во вниманіе того, что эти добродѣтели могли обозначаться другими словами или сочетаніями словъ, не обратилъ вниманія даже на столь близкое къ humilitas слово, какъ humilis, которое древне-римскими писателями нерѣдко употребляется для обозначенія именно смиренія предъ богами, и совершенно игнорировалъ, какъ капитальные труды по греко-римской религіи, такъ богатую греческую и римскую литературу, откуда можно было бы получить болѣе правильное понятіе о религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ грековъ и римлянъ и убѣдиться, что понятіе о смиреніи, какъ добродѣтели, было не чуждо какъ грекамъ, такъ въ особенности римлянамъ, по убѣжденію которыхъ именно смиреніе предъ богами было одною изъ главныхъ причинъ достиженія Римомъ политическаго могущества, какъ это видно, напр., изъ извѣстной 6 оды III книги Горація.— Во II главѣ, составляющей основную часть сочиненія, авторъ сначала говоритъ о христіанской любви, какъ источникѣ кро-

тости и смиренія, и затѣмъ старается выяснить путемъ психологическаго анализа и чрезъ ученіе евангелистовъ, апостоловъ, отцовъ и учителей церкви истинно-нравственное значеніе и величіе двухъ послѣднихъ добродѣтелей. Но психологическій анализъ не отличается большою глубиною и не вполнѣ выясняетъ нравственное значеніе и величіе этихъ добродѣтелей, даже самое понятіе о нихъ дается авторомъ не вполнѣ устойчивое.—Въ III главѣ идетъ рѣчь о противникахъ кротости и смиренія и между прочимъ о Ла-Рошфуко замѣчается, что онъ „со злобой обрушивается на смиреніе". Но, судя по сдѣланнымъ авторомъ выдержкамъ, Ла-Рошфуко „обрушивается" лишь на „притворное" смиреніе и признаетъ значеніе дѣйствительнаго смиренія, которое, по его словамъ, „есть истинное доказательство христіанскихъ добродѣтелей" и безъ котораго „мы остаемся во власти нашихъ недостатковъ". Въ особенности много мѣста въ этой главѣ отведено философіи Ницше, въ которой христіанское смиреніе подвергается злой критикѣ и при изложеніи которой авторъ входитъ даже въ излишнія подробности, но оставляетъ ее здѣсь безъ критическаго разбора, если не считать двухъ подстрочныхъ примѣчаній критическаго характера.—Послѣдняя, IV глава, въ которой авторъ имѣетъ цѣлью „указать достоинства мысли Ницше, но вмѣстѣ съ тѣмъ остановить вниманіе и на слабыхъ сторонахъ его философіи", служитъ собственно лишь дополненіемъ къ III главѣ и также не чужда излишнихъ подробностей. Лучше было бы, если бы авторъ сократилъ эту главу и соединилъ ее съ предшествующею главою.

Но отмѣченныя нами слабыя стороны разсматриваемаго сочиненія съ избыткомъ вознаграждаются многими несомнѣнными достоинствами его. Въ общемъ трудъ автора весьма почтенный. Онъ представляетъ основательное и обстоятельное изслѣдованіе предмета и свидѣтельствуетъ о серіозномъ, вдумчивомъ отношеніи автора къ дѣлу и полной научно-литера-

турной правоспособности его. Въ качествѣ кандидатской диссертаціи разсматриваемое сочиненіе можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительнымъ".

37) О сочиненіи студента Александра *Яковенко* на тему: „Христіанская любовь и аскетическое начало нравственной жизни".

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Во введеніи къ своему сочиненію г. Яковенко указываетъ на постоянный интересъ богословской мысли къ рѣшенію вопроса о взаимномъ отношеніи принциповъ любви и аскетизма и отмѣчаетъ нѣкоторыя рѣшенія этого вопроса въ нашей русской богословско-философской литературѣ. Въ главѣ первой авторъ раскрываетъ мысль о любви, какъ руководящемъ началѣ христіанской жизни. Во второй главѣ онъ говоритъ о христіанскомъ аскетизмѣ, при чемъ сначала излагаетъ краткую исторію аскетизма, а затѣмъ раскрываетъ христіанскій взглядъ на сущность аскетическихъ подвиговъ, указывая основу, цѣль и средства христіанскаго аскетизма. Въ послѣдней же, третьей, главѣ говоритъ о взаимоотношеніи христіанской любви и аскетическаго начала нравственной жизни, доказывая не только полную совмѣстимость въ христіанской жизни любви и аскетизма, но и необходимость послѣдняго для совершенной христіанской любви.

Сочиненіе г. Яковенко написано по хорошему плану, читается легко и съ интересомъ. Наибольшей обработанностію отличаются двѣ первыя главы, въ послѣдней же недостаетъ критической оцѣнки тѣхъ различныхъ въ рѣшеніи вопроса взглядовъ, которые были отмѣчены авторомъ во введеніи.

Вообще сочиненіе г. Яковенко, хотя и не можетъ претендовать на самостоятельность и на научную цѣнность, но должно быть признано хорошей кандидатской диссертаціей".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Покровскаго:

„Во введеніи къ сочиненію авторъ даетъ краткую исторію вопроса объ отношеніи аскетическаго принципа нравственности къ ея основному началу любви, опредѣляетъ задачу и намѣчаетъ планъ сочиненія. Въ *первой* главѣ сочиненія говорится о христіанской любви, какъ главномъ началѣ нравственной жизни. Во *второй* главѣ сначала дается краткій очеркъ исторіи аскетизма вообще и христіанскаго въ частности, а потомъ говорится о томъ, что такое христіанскій аскетизмъ, каковы— его основа, цѣль и средства. Въ *третьей* главѣ устанавливается взаимоотношеніе христіанской любви, какъ главнаго начала христіанской нравственности, и аскетическаго начала нравственной жизни, какъ средства для нравственнаго усовершенствованія.

Сочиненіе написано по хорошему плану, ясно, опредѣленно и правильно устанавливаетъ, на основаніи священнаго писанія и святоотеческой письменности, значеніе любви и аскетизма въ христіанской нравственности и ихъ взаимоотношеніе. Написано хорошимъ языкомъ. Какъ сочиненіе на богословскую степень, оно очень хорошее“.

38) О сочиненіи студента Александра *Яскевича* на тему: „Витебскій Марковскій Св. Троицкій монастырь“.

а) Экстраординарнаго профессора Н. Мухина:

„Сочиненіе г. Яскевича состоитъ изъ введенія, четырехъ главъ и приложенія. Во введеніи авторъ выясняетъ значеніе монастыря въ его прошлой исторіи, какъ оплота за вѣру и народность въ борьбѣ съ латино-польской пропагандой въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи. Первая глава трактуетъ объ основателяхъ и времени основанія обители. Во второй главѣ изображается внѣшняя судьба монастыря съ его основанія до

настоящаго времени. Третья глава посвящена уясненію внутренней жизни монастыря. Въ четвертой главѣ говорится о современномъ состояніи обители. Въ приложеніи помѣщены четыре документа, относящіеся къ первоначальной исторіи монастыря, извлеченныя авторомъ изъ архива того монастыря.

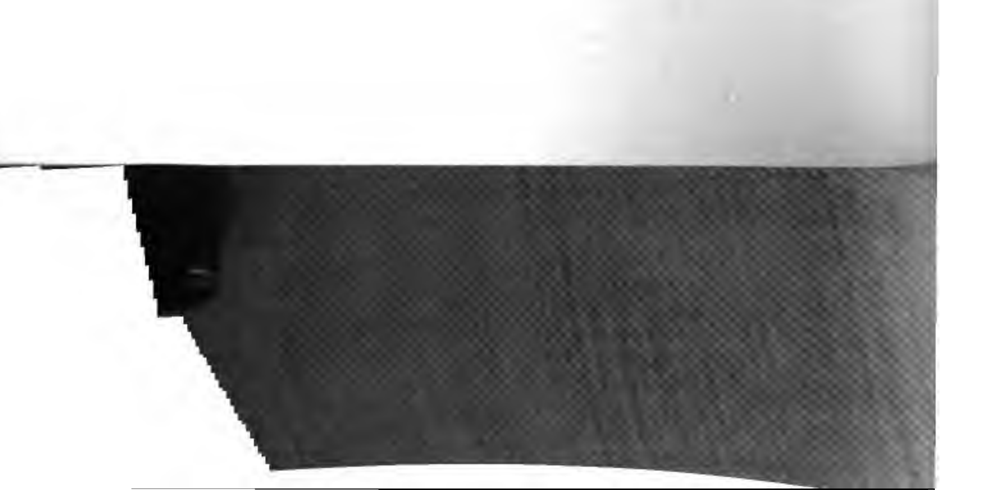
Авторъ даетъ обстоятельный очеркъ жизни монастыря и изображаетъ прошлую судьбу на фонѣ общей картины исторіи сѣверо-западнаго края Россіи. Историческія судьбы этого монастыря, не мало послужившаго защитѣ интересовъ православія и русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, увлекають нашего автора, и онъ съ любовію отдается своему дѣлу. Сочиненіе запечатлѣно искреннимъ, добрымъ чувствомъ, располагающимъ къ себѣ читателя. Авторъ привлекаетъ къ дѣлу, помимо печатныхъ пособій, массу архивнаго, неиспользованнаго еще никѣмъ, матеріала, извлеченіе котораго требовало отъ него не мало труда и энергіи. Мысль автора основательная, послѣдовательная въ своемъ развитіи, способная къ обработкѣ сложныхъ историческихъ сюжетовъ. Языкъ сочиненія чистый, вполнѣ литературный, хотя по мѣстамъ не свободный отъ выраженій, неумѣстныхъ въ серіозномъ научномъ трудѣ (стр. 96, 118 и др.). По своимъ достоинствамъ, сочиненіе г. Яскевича должно быть отнесено къ числу очень хорошихъ кандидатскихъ диссертацій".

б) Ординарнаго профессора протоіерея Θ. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ.

Во *введеніи* (стр. 1—16) кратко обозрѣваются судьбы православія въ Полоцкомъ краѣ послѣ введенія въ Западной Руси Брестской церковной уніи и показывается значеніе Витебскаго Марковскаго св. Троицкаго монастыря для сохраненія православія и русской народности въ этомъ краѣ.

Въ *первой главѣ* (стр. 17—37) сообщаются свѣдѣнія объ основателяхъ и времени происхожденія Марковскаго монастыря.

Во *второй главѣ* (стр. 38—183) излагается исторія монастыря отъ начала его существованія до настоящаго времени.

Въ *третьей главѣ* (стр. 184—223) описывается внутреннее устройство и состояніе обители.

Въ *четвертой главѣ* (стр. 224—240) содержится краткое описаніе современнаго состоянія Витебскаго Марковскаго монастыря.

Въ приложеніи къ сочиненію (стр. 1—31) помѣщены 4 оригинальныхъ документа, относящихся къ исторіи Марковскаго монастыря, а въ началѣ сочиненія находится фотографическое изображеніе этого послѣдняго.

Въ качествѣ недостатковъ сочиненія необходимо отмѣтить излишнее пользованіе сырымъ матеріаломъ въ видѣ выдержекъ изъ оригинальныхъ документовъ, трудно читаемыхъ и потому могущихъ производить на неподготовленнаго читателя неблагопріятное впечатлѣніе, а также нѣкоторую развязность языка, выражающуюся въ употребленіи фельетонныхъ выраженій (стр. 96, 118 и др.).

Сочиненіе составлено преимущественно по первоисточникамъ, отличается полною самостоятельностію и содержитъ въ себѣ много новыхъ фактовъ.

На основаніи сказаннаго сочиненіе студента А. Яскевича можетъ быть признано, по моему мнѣнію, очень хорошимъ и самъ авторъ вполнѣ заслуживающимъ кандидатской степени".

39) О сочиненіи студента іеромонаха *Θеофана (Гаврилова)* на тему: „Выборное начало въ духовенствѣ въ древней Руси (до Петра Великаго)".

а) И. д. доцента Θ. Мищенко:

„Планъ сочиненія о. Θеофана таковъ: во введеніи говорится о выборномъ началѣ въ первые три вѣка и въ періодъ вселенскихъ соборовъ; въ I-й главѣ—объ условіяхъ, способ-

ствовавшихъ и противодѣйствовавшихъ развитію выборнаго начала въ духовенствѣ древней Руси; во II-й—объ избраніи митрополитовъ; въ III-й—епископовъ; въ IV-й—настоятелей монастырей; V-й—приходскаго духовенства и въ VI-й—о выборномъ началѣ въ духовенствѣ юго-западной Руси. Планъ, какъ видимъ, простой, естественный, обнимаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Самое изслѣдованіе въ каждой главѣ ведется кратко, но строго послѣдовательно, просто, ясно, съ здравой русской логикой, безъ уклоненій въ сторону. Нѣкоторыя отступленія отъ прямой задачи можно отмѣтить только въ главѣ о выборахъ приходскаго духовенства, гдѣ авторъ, подъ вліяніемъ Папкова, останавливается нѣсколько больше, чѣмъ слѣдовало-бы по масштабу его сочиненія, на изображеніи устройства и быта древне-русскаго прихода. Нѣкоторую незаконченность и неполноту представляютъ введеніе и послѣдняя глава о юго-западной церкви. Но вообще, сочиненіе, какъ цѣльный и систематическій очеркъ лишь по частямъ и отрывочно разработаннаго въ нашей литературѣ вопроса, могло бы явиться весьма интересной научно-популярной статьей, если-бы въ немъ былъ устраненъ одинъ недостатокъ. Авторъ совершенно не знакомитъ читателя съ положеніемъ изслѣдуемаго имъ вопроса въ наукѣ и не выясняетъ надлежащей цитаціей своей зависимости отъ трудовъ предшественниковъ. Если онъ иногда и ссылается на работы ученыхъ, то дѣлаетъ это лишь вскользь, по маловажнымъ случаямъ, главнымъ-же образомъ цитируетъ первоисточники, такъ что у читателя, незнакомаго съ литературой предмета, можетъ получиться впечатлѣніе, будто вопросъ впервые возникаетъ въ наукѣ и разрабатывается авторомъ вполнѣ оригинально по первоисточникамъ. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ далеко не такъ: многіе отдѣлы сочиненія составлены несомнѣнно подъ вліяніемъ чужихъ работъ. Если бы авторъ пожелалъ печатать свою работу, то онъ долженъ снабдить ее точной цитаціей, а также исправить нѣкоторыя, явно несураз-

ныя ссылки на первоисточники (наприм. на 2 Тим. IV, 24 (?—всего 17 ст.)—въ доказательство того, что Тимоѳей былъ епископомъ Ефесскимъ; на Тит. I, 7—въ доказательство того, что Титъ былъ епископомъ Крита; на Евс. (Церк. Ист. ?) III, 4 и д.—въ доказательство того, о чемъ отчасти совсѣмъ не говорится въ Исторіи Евс., а отчасти говорится въ другихъ мѣстахъ и т. п.). Нужно также исправить нѣсколько (весьма, впрочемъ, немного) не вполнѣ правильныхъ стилистически фразъ.

Какъ кандидатская работа, сочиненіе весьма хорошее".

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Добросовѣстный и довольно обширный трудъ о. Ѳеофана касается, какъ видимъ, очень важнаго вопроса церковной исторіи и каноническаго права. Работалъ авторъ съ видимымъ интересомъ, который невольно передается читателю.

Планъ сочиненія довольно обширенъ: сначала рѣчь идетъ о выборномъ началѣ въ апостольское время и въ древней вселенской церкви (введеніе); далѣе говорится объ условіяхъ возникновенія и развитія выборнаго начала въ духовенствѣ на Руси (глава первая); потомъ послѣдовательно разсматривается избраніе митрополитовъ (глава вторая), епископовъ (глава третья), настоятелей монастырей (глава четвертая), приходскаго духовенства (глава пятая) и, наконецъ, говорится объ избраніи духовенства въ юго-западной Руси (глава шестая и послѣдняя). Такимъ образомъ дана полная картина примѣненія выборнаго начала въ русскомъ духовенствѣ въ допетровскій періодъ. Какъ и можно было ожидать, авторъ пользуется трудами историковъ, церковныхъ и гражданскихъ, русскихъ канонистовъ, но мѣстами видна работа по первоисточникамъ. Стиль въ общемъ правильный и хорошо выработанный. Поэтому, какъ диссертація, сочиненіе о. Ѳеофана заслуживаетъ полнаго одобренія.

Но встрѣчаются сужденія, съ которыми согласиться довольно трудно. Такъ авторъ говоритъ, что Русь съ принятіемъ

христіанства восприняла отъ Греціи всѣ церковныя учрежденія. Нужно было ожидать, что оттуда онъ поведетъ и выборное начало въ русскомъ духовенствѣ; по его изображенію въ Греціи ко времени принятія христіанства русскими выборное начало почти повсемѣстно было подавлено. Автору такимъ образомъ предстояла трудная задача указать происхожденіе выборнаго начала въ русской церкви изъ особенностей русскаго быта. Этою особенностію по автору былъ общинно-земскій бытъ, который ко времени принятія христіанства сталъ брать перевѣсъ надъ военной организаціей пришлой дружины. Дѣлаются обычныя ссылки на развитіе этого начала въ Новгородѣ, Псковѣ и „во всей южной полосѣ русскаго славянства". Что авторъ разумѣетъ подъ послѣдней, не ясно; если Галицко-Волынское княжество, то не слѣдовало бы оставить безъ объясненія, почему здѣсь, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, вѣчевое начало нашло наибольшее развитіе; между тѣмъ въ дальнѣйшемъ объясненіи выборнаго начала среди духовенства главныя данныя взяты изъ исторіи Новгорода. Трудно согласиться съ авторомъ и тогда, когда онъ утверждаетъ, что татарское нашествіе „положило начало новому строю государственной жизни русскаго народа". Здѣсь онъ разумѣетъ послѣдующее объединеніе сѣверо-восточной Руси около Москвы. Можно подумать, что по взгляду автора объединеніе Руси не совершилось бы безъ татарскаго порабощенія. Не ясно и то, почему авторъ усвояетъ русской церкви со времени того же погрома „правительственный характеръ", и въ чемъ онъ видитъ пропаганду „правительственныхъ плановъ и идей въ массу народа" со стороны митрополитовъ. Если здѣсь рѣчь идетъ объ идеализаціи личности московскаго князя и выработкѣ формулы для идеи московскаго царства, то пропаганда эта шла первоначально независимо отъ правительственнаго почина и очень слабо со стороны именно митрополитовъ.—Относительно Кіево-Печерскаго монастыря утверждается, что онъ „устроенъ людьми, вышедшими изъ народной среды",

а потому и жизнь въ немъ съ самаго основанія „приняла характеръ народный, и внутреннее его управленіе сложилось по образцу народнаго выборнаго самоуправленія". Откуда авторъ заимствовалъ этотъ взглядъ, не извѣстно. Уставъ монастыря былъ заимствованъ преп. Θеодосіемъ съ греческаго востока; оттуда же, конечно, пошло и выборное начало игумена. Уваженіе къ уставу заставило преп. Θеодосія отказываться отъ назначенія игумена собственною властію, помимо выбора братіи.— Не ясно также намъ недоумѣніе автора, когда онъ говоритъ о переходѣ монастырей сѣверо-восточной Руси подъ покровительство вел. князя московскаго. Если бы онъ прочиталъ хотя житія преп. Іосифа Волоцкаго и его учителя преп. Пафнутія Боровскаго, то ему стало бы все это вполнѣ ясно.

Можно было бы сдѣлать не мало и другихъ замѣчаній, но всѣ они нисколько не умаляютъ достоинства диссертаціи о. Θеофана, какъ работы усердной, толковой и полезной въ научномъ отношеніи".

Справка: Изъ 49 студентовъ IV курса не представили курсовыхъ сочиненій: Иванъ Кленовъ, Владиміръ Шишловъ, по болѣзни состоящіе въ отпуску, Митрофанъ Ремезовъ, по болѣзни неявившійся въ Академію и оставленный постановленіемъ Совѣта Академіи отъ 23 минувшаго мая на второй годъ на IV курсѣ; Николай Аболенскій, свящ. Василій Богородицкій, Иванъ Вертоградскій, Поліевктъ Ильинскій, Алексѣй Олесницкій, Кипріанъ Пономаренко и Серапіонъ Чернышевъ.

Постановили: 37 сочиненій студентовъ IV курса, на основаніи заслушанныхъ о нихъ отзывовъ, признать дающими право авторамъ ихъ на полученіе степени кандидата богословія,—именно: сочиненія студентовъ В. Иваницкаго и А. Петрова признать отлично-хорошими, сочиненія Л. Поройкова и В. Чернявскаго—отличными, сочиненія Θ. Бакулина, В. Барановскаго, Л. Соловьева, П. Степанова, Θ. Флори и іеромонаха

Өеофана (Гаврилова)—весьма хорошими, сочиненія А. Меморскаго, С. Побѣдоносцева, А. Симоновича, С. Снѣгирева, А. Хмѣлькова, В. Ходзицкаго, А. Яковенко и А. Яскевича—очень хорошими, сочиненія П. Гопцуса, Н. Иващенко, Ө. Няги, П. Ольшевскаго, Н. Пахіопуло, М. Померанцева, В. Разумовскаго, Л. Смирнова и Д. Шнуркова—очень удовлетворительными, сочиненія Т. Кезмы, М. Ковальницкаго, іером. Нектарія (Глобы), А. Попова и К. Теодоровича—хорошими, сочиненія А. Сапожкова, В. Стернова и В. Стоядиновича—удовлетворительными, сочиненія А. Баржицкаго и Ө. Минченко—достаточными для кандидатской степени. Сочиненія же С. Алфавитова и В. Новикова признать неудовлетворительными для этой степени. Отзывы эти имѣть въ виду при удостоеніи ихъ ученой степени или званія.

II. Докладъ секретаря Совѣта: „По 4 § Правилъ касательно изданія курсовыхъ сочиненій студентовъ Кіевской Духовной Академіи на проценты съ пожертвованнаго на этотъ предметъ капитала бывшимъ Ректоромъ Академіи Высокопреосвященнымъ Димитріемъ (Ковальницкимъ), архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ, Совѣтъ Академіи, по выслушаніи отзывовъ о всѣхъ кандидатскихъ сочиненіяхъ, имѣетъ особое сужденіе о рекомендованныхъ наставниками къ печати студенческихъ работахъ и опредѣляетъ, какія изъ нихъ могутъ и должны быть напечатаны. О семъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Совѣта“.

Справка: Къ напечатанію на проценты съ означеннаго капитала наставниками рекомендованы были курсовыя сочиненія студентовъ: В. Барановскаго, П. Степанова, Ө. Флори, А. Яковенко, іером. Өеофана (Гаврилова) и одна глава изъ сочиненія Л. Соловьева.

Постановили: Разрѣшить напечатать на проценты съ капитала, пожертвованнаго на изданіе курсовыхъ студенче-

скихъ сочиненій бывшимъ Ректоромъ Академіи, нынѣ архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ Димитріемъ, курсовыя сочиненія студентовъ В. Барановскаго, П. Степанова, Ѳ. Флори, А. Яковенко, іером. Ѳеофана (Гаврилова) и одну главу изъ сочиненія Л. Соловьева. Если въ сборникъ по недостатку процентовъ не можетъ войти весь этотъ матеріалъ, то предоставить Преосвященному Ректору Академіи право по своему усмотрѣнію сдѣлать въ ономъ сокращенія.

III. а) Предложеніе Ректора Академіи: „На основаніи представленныхъ наставниками Академіи годичныхъ списковъ студентовъ I, II, III и IV курсовъ за истекшій учебный годъ и экзаменаціонными комиссіями списковъ тѣхъ же студентовъ съ экзаменными баллами ихъ по каждой наукѣ, а также списковъ и. об. инспектора Академіи съ баллами по поведенію студентовъ всѣхъ курсовъ, особо назначенною Совѣтомъ комиссіею составлены для каждаго курса особыя вѣдомости, по которымъ, согласно §§ 132 и 133 Уст. дух. акад., сдѣланъ необходимый выводъ и составлены порядковые списки студентовъ, на основаніи балловъ ихъ по поведенію, сочиненіямъ и устнымъ отвѣтамъ. Означенныя вѣдомости и порядковые списки студентовъ I, II и III курсовъ представляю Совѣту Академіи для окончательнаго опредѣленія порядка студентовъ въ общихъ спискахъ и постановленія о переводѣ въ слѣдующіе курсы однихъ и о выпускѣ изъ Академіи другихъ".

в) Прошеніе студента III курса іерод. Іосифа (Николова), отъ 31 минувшаго мая, на имя Преосвященнаго Ректора: „Согласно рѣшенію Совѣта Кіевской Духовной Академіи, для перехода на третій курсъ я долженъ подвергнуться экзаменамъ въ августѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ условія, въ которыхъ находится въ настоящее время наша родина, не позволяютъ имѣть у себя пособій для приготовленія къ экзаменамъ, я долженъ бы пріѣхать въ Кіевъ въ началѣ августа и тамъ готовить-

ся къ экзаменамъ. Между тѣмъ по совѣту врачей мое здоровье требуетъ остаться на родинѣ по возможности больше.

Въ виду этого покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство разрѣшить мнѣ держать экзамены въ продолженіе сентября мѣсяца".

г) Докладъ секретаря Совѣта: „Имѣю честь доложить Совѣту Академіи, что кромѣ іерод. Іосифа слѣдующіе студенты не держали экзаменовъ по всѣмъ предметамъ: I курса—Г. Бѣгалловичъ, М. Зубакинъ и Л. Косма; II курса—діаконъ Василій Сидауи; III курса—П. Левицкій; IV курса—И. Кленовъ, М. Ремезовъ и В. Шишловъ. Студентъ III курса С. Поспѣловъ не держалъ испытаній по свящ. писанію новаго завѣта, по догматическому богословію, нравственному богословію, церковной археологіи, по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій. Студенты Г. Бѣгалловичъ, М. Зубакинъ, П. Левицкій и М. Ремезовъ оставлены постановленіями Совѣта Академіи на второй годъ на своихъ курсахъ съ будущаго $190^6/_7$ уч. года. Студенту С. Поспѣлову разрѣшено постановленіемъ Совѣта отъ 23 минувшаго мая держать испытанія по указаннымъ выше предметамъ въ августѣ текущаго года".

Справка: 1. Къ концу $190^5/_6$ учебнаго года въ Академіи значится по спискамъ: на I курсѣ 50 студентовъ, на II курсѣ 48 студентовъ, на III курсѣ 51 студентъ и на IV курсѣ 49 студентовъ. Всѣ студенты первыхъ трехъ курсовъ, кромѣ поименованныхъ въ докладѣ, написали одно сочиненіе и по поведенію имѣютъ баллъ 5, почему и подлежатъ переводу въ слѣдующіе курсы.

2. Всѣ студенты IV курса, кромѣ указанныхъ въ докладѣ, сдали экзамены по предметамъ этого курса. За время всего четырехлѣтняго академическаго курса всѣ подлежащіе выпуску изъ Академіи студенты по устнымъ отвѣтамъ изъ каждой науки имѣютъ въ среднемъ выводѣ баллы 5, 4 и 3, т. е. удовлетворительные для полученія степени кандидата богословія, кромѣ

студентовъ: Поліевкта Ильинскаго, Платона Ольшевскаго, имѣющихъ два неудовлетворительныхъ для кандидатской степени балла, Василія Стернова, имѣющаго одинъ неудовлетворительный баллъ. Кромѣ того 39 студентовъ IV курса представили положенныя сочиненія на ученую степень, изъ которыхъ 37 сочиненій признаны удовлетворительными для кандидатской степени, а 2 сочиненія—неудовлетворительными. Студентъ Александръ Поповъ присутствовавшими въ собраніи членами Совѣта признанъ неокончившимъ испытаній, при чемъ члены Совѣта высказались за уменьшеніе ему балла по поведенію до 4.

3. По указу Св. Синода отъ 17 іюня 1905 г. за № 6084, въ выдаваемыхъ академическимъ воспитанникамъ изъ иностранныхъ уроженцевъ дипломахъ и аттестатахъ, если ими не принята присяга на русское подданство, не должно быть обозначаемо ихъ право быть преподавателями въ русскихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ.

Постановили: На основаніи балловъ по поведенію, сочиненіямъ и устнымъ отвѣтамъ, согласно § 81 а. 4 уст. дух. акад.,

А) 47 студентовъ I курса перевести въ слѣдующій II курсъ въ соотвѣтствующемъ достоинству ихъ балловъ порядкѣ: 1) Гороховъ Димитрій. Лященко Тимоѳей свящ. Никольскій Владидиміръ. Іустиновъ Михаилъ. 5) Осинскій Аѳанасій. Зеленецкій Николай. Остроумовъ Семенъ. Долгополовъ Василій. Волошинъ Иванъ. 10) Коробкинъ Александръ. Спѣваковъ Петръ. Подвысоцкій Павелъ свящ. Балабуха Николай Райскій Анемподистъ. 15) Мурашевъ Сергѣй. Соколовъ Григорій. Первовъ Иванъ. Чинновъ Петръ. Красовитовъ Василій. 20) Жадановскій Николай. Шумовъ Димитрій. Балабаненко Николай. Юшковъ Николай. Левицкій Василій. 25) Русановъ Владиміръ. Гринбергъ Григорій. Раевскій Вячеславъ. Петрунѣвичъ Савва свящ. Богословскій Алексѣй. 30) Чернявскій Григорій. Никольскій

Василій. Мальцевъ Александръ. Грачевъ Петръ. Алешковскій Павелъ. 35) Лопуховскій Михаилъ. Сырпевъ Сергѣй. Травинъ Борисъ. Бѣлевичъ Михаилъ. Бурковскій Ксенофонтъ. 40) Абрамкинъ Павелъ. Киселевичъ Вуколъ. Поповъ Николай. Граевскій Иванъ. Матусевичъ Леонидъ. 45) Павловскій Никаноръ. Компанъ Николай. 47) Садовскій Евгеній.

О Людвигѣ Космѣ имѣть сужденіе въ августѣ мѣсяцѣ.

Б) 46 студентовъ II курса перевести въ III курсъ въ такомъ порядкѣ:

1) Фетисовъ Николай. Куршунжи Димитрій. Васильевъ Александръ. Тихвинскій Викторъ. 5) Громадскій Александръ. Евѳимій (Сапунджіевъ) іерод. Митроцкій Михаилъ. Олтаржевскій Григорій. Ласточкинъ Николай. 10) Каменскій Владиміръ. Безобразовъ Сергѣй. Власовскій Иванъ. Кудрявцевъ Сергѣй. Маньковскій Николай. 15) Илюхинъ Николай. Варваръ Ибрагимъ. Великославичскій Александръ. Гладкій Александръ. Іовъ Зуммеръ іерод. 20) Леонидовъ Николай. Деметровичъ Илія свящ. Новоденскій Владиміръ. Вознесенскій Викторъ. Никитскій Викторъ. 25) Снѣгиревъ Викторинъ. Чистяковъ Василій. Дмитровскій Михаилъ. Павловскій Григорій. Астровъ Сергѣй. 30) Петровъ Викторъ. Архангеловъ Григорій. Преображенскій Василій. Соболевъ Валеріанъ. Никитинъ Николай. 35) Колосовъ Сергѣй. Павловичъ Василій. Шебатинскій Константинъ. Викторовскій Григорій. Уловичъ Филимонъ. 40) Ивановъ Бончо. Кедровъ Павелъ. Ефремовъ Митрофанъ. Абу-Хатабъ Григорій, діаконъ. Діомидовъ Сергѣй. Мубайедъ Антоній, діаконъ. 46) Еня Николай.

Студентовъ іерод. Іосифа (Николова) и діакона Василія Сидауи допустить къ сдачѣ послѣ каникулъ экзаменовъ по всѣмъ предметамъ II курса.

В) 49 студентовъ III курса перевести въ IV курсъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Соколовъ Василій. Поповъ Григорій. Фелицынъ Николай. Разногорскій Константинъ. 5) Колосовъ Николай.

Тріодинъ Иванъ. Филиппенко Сергѣй. Прилуцкій Василій. Варлаамъ (Новгородскій) іером. 10) Чудновцевъ Николай свящ. Рождественскій Θеодоръ. Брянскихъ Петръ. Кустовъ Аѳиногенъ. Поповичъ Григорій. 15) Булгаковъ Георгій. Казанскій Владиміръ. Бѣляевъ Владиміръ. Подольскій Николай. Чистяковъ Михаилъ. 20) Ангельскій Вячеславъ. Пановъ Евгеній. Буевской Василій. Ивановъ Назарій. Филагріевскій Вячеславъ. 25) Амфитеатровъ Валентинъ. Сушицкій Θеоктистъ. Яновскій Никодимъ. Рыболовскій Александръ. Кудрявцевъ Леонидъ. 30) Романовъ Николай. Михалевичъ Леонидъ. Кашинскій Михаилъ. Кулагинъ Сергѣй. Тюменевъ Александръ свящ. 35) Скотынскій Іосифъ. Соколовъ Иванъ. Кокоревъ Александръ. Четвериковъ Константинъ. Василіади Стиліанъ. 40) Аѳанасьевъ Александръ. Никитинъ Василій. Богуславскій Евгеній. Дыдевичъ Василій. Петровичъ Миланъ. 45) Налпанисъ Константинъ. Казиміровичъ Радованъ. Савватій (Врабецъ) іерод. Поповичъ Душанъ. 49) Веніаминъ (Исуповъ) іерод.

Студента С. Поспѣлова допустить къ сдачѣ послѣ каникулъ экзаменовъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ онъ не держалъ таковыхъ.

Г) Выслушавшихъ въ теченіе четырехъ лѣтъ полный курсъ академическихъ наукъ:

а) Θ. Бакулина, В. Барановскаго, В. Иваницкаго, А. Петрова, С. Побѣдоносцева, Л. Поройкова, С. Снѣгирева, Л. Соловьева, П. Степанова, В. Чернявскаго, Д. Шнуркова, А. Яковенко и іером. Θеофана (Гаврилова) удостоить степени кандидата богословія съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительныхъ для сей степени новыхъ сочиненій, согласно § 139 уст. дух. акад. и указовъ Св. Синода отъ 27 января и 22 февраля 1906 года за №№ 938 и 2234.

б) А. Баржицкаго, П. Гоппуса, Н. Иващенко, Т. Кезму, М. Ковальницкаго, А. Меморскаго, Θ. Минченко, іером. Нектарія (Глобу), Θ. Нягу, Н. Пахіопуло, М. Померанцева, В. Ра-

зумовскаго, А. Сапожкова, А. Симоновича, Л. Смирнова, Вл. Стоядиновича, К. Теодоровича, Ѳ. Флорю, А. Хмѣлькова, В. Ходзицкаго и А. Яскевича удостоить степени кандидата богословія, на основаніи § 137 уст. дух. акад. и указовъ Св. Синода отъ 27 января и 22 февраля 1906 года за №№ 938 и 2234.

А. Попову, какъ не окончившему испытаній, выдать свидѣтельство о томъ, что онъ состоялъ съ начала 1902—1903 и до конца текущаго учебнаго года студентомъ Академіи и на IV курсѣ не окончилъ испытаній для полученія ученой степени или званія, при чемъ поведеніе его отмѣтить балломъ 4 (четыре).

О студентахъ Н. Аболенскомъ, свящ. В. Богородицкомъ, Ив. Вертоградскомъ, П. Ильинскомъ, А. Олесницкомъ, К. Пономаренко и С. Чернышевѣ, не представившихъ курсового сочиненія, имѣть сужденіе въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Тогда-же составить порядковый списокъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ и имѣть сужденіе объ оставленіи двухъ лучшихъ изъ нихъ профессорскими стипендіатами при Академіи на 1906—1907 учебный годъ.

Кромѣ того, иностранцевъ Т. Кезму, Н. Пахіопуло и В. Стоядиновича, на основаніи указа Св. Синода отъ 17 іюня 1905 г. за № 6084, выпустить изъ Академіи безъ правъ духовно учебной службы въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Студента И. Кленова и В. Шиплова оставить на второй годъ на IV курсѣ съ сохраненіемъ за послѣднимъ занимаемой имъ казенной стипендіи.

IV. Отзывы:

а) Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона, о представленномъ профессорскимъ стипендіатомъ А. Чекановскимъ отчетѣ о занятіяхъ его по догматическому богословію въ 1905—1906 учебномъ году.

„Предметомъ спеціальныхъ занятій профессорскаго стипендіата А. Чекановскаго въ истекшемъ 1905—1906 учебномъ

году былъ вопросъ о Лицѣ Господа Іисуса Христа, или та часть догматики, которая называется христологіей. Частнѣе, за это время стип. Чекановскій опредѣлялъ себѣ задачу христологіи и выяснялъ исторію раскрытія и методъ или путь научной разработки этого вопроса. Судя по отчету, г. Чекановскій не только весьма трудолюбивъ, но и весьма трудоспособенъ. Только любовью къ труду и къ предмету занятій можно объяснить то, что за стипендіатскій срокъ могла быть затрачена имъ такая масса энергіи на изученіе христологіи вообще и свято-отеческой въ частности. Я лично ни за что не посовѣтовалъ бы ему въ такое короткое время, какое было въ его распоряженіи, изучать, читать, просматривать и штудировать, какъ онъ выражается, такую громадную литературу предмета. Гораздо лучше и для дѣла полезнѣе было бы основательно познакомиться даже съ десятой или только двадцатой частью ея, если-бы, впрочемъ, и это было возможно. Не сомнѣваюсь, что такого взгляда держится и руководитель г. Чекановскаго и что сверхсмѣтное, такъ сказать, изъ сдѣланнаго г. Чекановскимъ сдѣлано имъ по его личному влеченію и усмотрѣнію; вслѣдствіе этого г. Чекановскій не выигралъ, а проигралъ въ смыслѣ спеціальнаго усовершенствованія своего въ догматической области. Впрочемъ, общую почву для своего роста въ догматикѣ г. Чекановскій хорошо подготовилъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ него выйдетъ серьезный ученый догматистъ".

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Покровскаго о представленномъ профессорскимъ стипендіатомъ Н. Пузановымъ отчетѣ о занятіяхъ его по библейской исторіи въ томъ же учебномъ году:

„При своихъ занятіяхъ по библейской исторіи г. Пузановъ поставилъ своею задачею, какъ видно изъ его отчета, познакомиться съ источниками и пособіями. При этомъ знакомствѣ онъ имѣлъ въ виду не только библейскую исторію вооб-

ще, но и частнѣе тему своего курсового сочиненія. Поэтому при изученіи священнаго писанія онъ обратилъ вниманіе на тѣ части его, въ которыхъ говорится о молящемся „я“ (псалмы) и о „рабѣ Іеговы“ (кн. пророка Исаіи). Послѣ свящ. писанія онъ изучалъ сочиненія Іосифа Флавія и имѣющее отношеніе къ нимъ сочиненіе іеромонаха Іосифа: „Исторія Іудейскаго народа по Археологіи Іосифа Флавія“ (Св. Тр. Лавра. 1903). Пособія къ изученію библейской исторіи онъ подводитъ подъ два главныхъ направленія: ортодоксальное и отрицательное, характеризуя каждое изъ нихъ въ общихъ чертахъ. Изъ сочиненій ортодоксальнаго направленія онъ изучилъ сочиненія Буддея: Historia ecclesiastica veteris Testamenti; Куртца: Geschichte des Alten Bundes и Келера: Lehrbuch der Biblischen Geschichte. Изъ сочиненій отрицательнаго направленія онъ изучилъ—Эвальда Geschichte des Volkes Israel, Вельгаузена—Prolegomena zur Geschichte Israels и Штаде Geschichte des Volkes Israel. Для своей спеціальной цѣли онъ изучилъ Элера Theologie des Alten Testaments и Леви „La famille dans l'antiquite israelite, Paris, 1905. Въ отчетѣ дается общій анализъ содержанія всѣхъ указанныхъ сочиненій. Не оставилъ онъ безъ вниманія и русской библейской литературы, въ которой онъ указываетъ тѣ же два направленія—ортодоксальное и отрицательное; перечень изученныхъ сочиненій дается въ отчетѣ. Самъ г. Пузановъ сторонникъ ортодоксальнаго направленія и въ концѣ своего отчета опредѣляетъ задачу, объемъ и методъ библейской исторіи и защищаетъ ея самостоятельность въ ряду другихъ библейскихъ наукъ.

Г. Пузановъ не изучилъ источниковъ и пособій по библейской исторіи во всей ихъ полнотѣ и широтѣ. Изъ отчета не видно даже, знаетъ ли онъ о существованіи египетскихъ и ассировавилонскихъ надписей, которыя въ настоящее время составляютъ важный источникъ для библейской исторіи. Тѣмъ не менѣе и сдѣлано имъ достаточно. И изъ сдѣланнаго видно,

что онъ имѣетъ опредѣленное и правильное представленіе о библейской исторіи—ея задачѣ, объемѣ и методѣ. Видно также, что онъ владѣетъ и научными средствами для успѣшной разработки библейской исторіи".

Постановили: Отзывы о занятіяхъ профессорскихъ стипендіатовъ Алексѣя Чекановскаго и Николая Пузанова принять къ свѣдѣнію; названныхъ же стипендіатовъ рекомендовать Учебному Комитету при Св. Синодѣ для опредѣленія ихъ на соотвѣтствующія ихъ спеціальнымъ занятіямъ преподавательскія каѳедры въ духовныхъ семинаріяхъ.

V. Отзывы о рукописномъ сочиненіи кандидата богословія Виктора *Родникова* подъ заглавіемъ: „Первая книга Маккавеевъ (Исагогическое изслѣдованіе)", представленномъ на степень магистра богословія.

а) Доцента Н. Мухина:

„Сочиненіе г. Родникова состоитъ изъ предисловія, пяти главъ и приложеній. Въ предисловіи авторъ говоритъ о важности предмета изслѣдованія, дѣлаетъ краткій обзоръ литературы предмета, разъясняетъ методъ и планъ своей работы и приводитъ перечень источниковъ и пособій, которыми пользовался при написаніи сочиненія. Первая глава посвящена изложенію содержанія 1 Маккавейской книги. Во II гл. говорится о происхожденіи книги. Частнѣе, въ I отдѣлѣ этой главы выясняется, кто былъ писателемъ этой книги, когда и гдѣ она написана, каковы цѣль и названія ея. Во II отдѣлѣ авторъ указываетъ источники, которыми пользовался писатель 1 Макк. книги, доказываетъ единство книги. Третій отдѣлъ этой-же главы посвященъ выясненію вопроса о первоначальномъ текстѣ книги и критикѣ новооткрытыхъ фрагментовъ еврейскаго текста ея. Въ III главѣ излагается исторія текста книги, говорится о переводахъ ея—греческомъ, латинскомъ, сирскомъ, славянскомъ и русскомъ. Въ IV главѣ выясняется историческій характеръ

книги. Наконецъ, въ V гл. говорится о церковномъ значеніи книги. Въ приложеніи помѣщены: 1) отрывки греческаго и латинскаго текстовъ 1 Макк. книги у древнихъ церковныхъ писателей, 2) таблица варіантовъ въ кодексахъ александрійскомъ, синайскомъ, венеціанскомъ (23) и латинскомъ переводѣ, 3) таблица варіантовъ въ различныхъ редакціяхъ славянскаго перевода книги и 4) карта Палестины.

Уже изъ представленнаго краткаго изложенія содержанія сочиненія г. Родникова видно, что онъ даетъ широкую постановку своему труду. Онъ выдвигаетъ всѣ существенные вопросы, необходимые для освѣщенія предмета изслѣдованія, и даетъ имъ строго научное рѣшеніе. Авторъ привлекаетъ къ дѣлу богатую литературу—иностранную и русскую и обнаруживаетъ большія и основательныя познанія въ области ветхозавѣтной библіологіи. Выдвигая для рѣшенія тотъ или другой вопросъ, авторъ старается дойти до послѣднихъ основаній его, не оставляя безъ разсмотрѣнія ни малѣйшихъ деталей его. Авторъ не ограничивается положительнымъ рѣшеніемъ вопроса и на протяженіи всего сочиненія полемизируетъ съ воззрѣніями раціоналистовъ, отрицающихъ историческую достовѣрность разсматриваемой имъ ветхозавѣтной книги. Стоя на высотѣ научныхъ знаній по обслѣдуемому имъ предмету, авторъ основательно разоблачаетъ притязанія раціоналистовъ и тѣмъ доказываетъ, что предложенное имъ рѣшеніе вопроса является единственно возможнымъ. Проходящая черезъ все сочиненіе полемика съ раціонализмомъ ведется авторомъ умѣло. Увѣренный въ правотѣ своего дѣла, авторъ спокойно ниспровергаетъ мудрствованія лжеименнаго знанія и даетъ торжество истинѣ надъ заблужденіемъ. Мысль автора основательная, глубокая, послѣдовательная въ своемъ развитіи. Самая притязательная критика не можетъ сдѣлать автору упрека въ отклоненіи въ сторону отъ предмета изслѣдованія. Авторъ высказываетъ несомнѣнную способность къ научно-литературному труду. Мысль его зрѣлая, способная къ тонкому анализу и широтѣ обобщеній. Авторъ об-

наруживаетъ глубокое пониманіе той эпохи изъ жизни еврейскаго народа, къ которой относится написаніе обслѣдуемой имъ книги, и умѣетъ завладѣть вниманіемъ читателя, заставляя его слѣдить съ неослабнымъ напряженіемъ за ходомъ своей мысли. Написанное безукоризненно чистымъ, литературнымъ языкомъ, сочиненіе читается съ большимъ интересомъ отъ начала до конца.

Цѣня высоко работу г. Родникова, мы все же не можемъ обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ дефектовъ ея. Авторъ доказываетъ, что писателемъ I Макк. книги былъ саддукей. Правда, въ этой книгѣ есть данныя, которыя, при извѣстномъ освѣщеніи, могутъ говорить о саддукейскихъ воззрѣніяхъ писателя ея, но въ ней заключаются и такія данныя, которыя могутъ служить основаніемъ для иныхъ выводовъ. Во всякомъ случаѣ, саддукейство писателя 1 Макк. книги—не больше, какъ предположеніе автора. Такъ онъ и смотритъ на свои сужденія по данному вопросу во II главѣ своего изслѣдованія. Между тѣмъ въ IV главѣ, гдѣ авторъ доказываетъ историческій характеръ 1 Макк. книги, онъ усвояетъ указанному предположенію силу неоспоримаго положенія и на этомъ, въ сущности шаткомъ, основаніи строитъ дальнѣйшіе доводы своего изслѣдованія, придавая имъ опять таки значеніе доказанныхъ положеній: на основаніи саддукейскихъ тенденцій писателя книги, дѣлаетъ заключеніе о современномъ написанію ея духовномъ развитіи іудейства. Вытекая изъ данныхъ гипотетическаго свойства, выводы эти, на нашъ взглядъ, имѣютъ относительную степень достовѣрности. Далѣе. Не принимая, вообще, ничего безъ достаточныхъ основаній, авторъ нѣкоторыя положенія, безспорно, нуждающіяся въ обоснованіи, почему то находитъ возможнымъ принимать на вѣру. Онъ возбуждаетъ очень важный для него вопросъ объ отношеніи I и II Маккавейскихъ книгъ другъ къ другу (стр. 294—295), но отъ рѣшенія его отказывается, такъ какъ ссылка его на установившееся будто бы въ наукѣ мнѣніе о независимости этихъ книгъ другъ отъ друга (стр. 295) для читателя

является не убѣдительной. Нужно было бы войти въ обстоятельное рѣшеніе этого вопроса. Равнымъ образомъ авторъ оставляетъ безъ разбора теорію Низе (стр. 297—299) объ исторической достовѣрности и сравнительной цѣнности I и II Макк. книгъ, сославшись на Леви, который будто бы основательно опровергъ теорію Низе (стр. 299—300). Возбуждаемое однимъ изслѣдователемъ (Низе) сомнѣніе въ исторической достовѣрности 1 Макк. книги авторъ надѣется разсѣять довѣріемъ къ авторитету другого изслѣдователя (Леви). Слѣдовало бы самымъ дѣломъ показать несостоятельность теоріи Низе.

Но отмѣченные нами дефекты легко могутъ быть устранены при печатаніи сочиненія и, во всякомъ случаѣ, нисколько не ослабляютъ выгоднаго впечатлѣнія, производимаго сочиненіемъ на читателя. Какъ плодъ добросовѣстнаго и умѣлаго труда, разсмотрѣнное сочиненіе займетъ видное мѣсто въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ нашей ветхозавѣтной библіологіи и даетъ автору его неоспоримое право на полученіе искомой имъ степени магистра богословія".

б) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Сочиненіе г. Родникова состоитъ изъ предисловія, пяти главъ изслѣдованія и четырехъ приложеній. Въ предисловіи дѣлаются замѣчанія о значеніи маккавейской эпохи, указывается литература предмета и намѣчается планъ работы. Глава первая представляетъ изложеніе содержанія изслѣдуемой авторомъ библейской книги и ея религіозныхъ воззрѣній. Во второй главѣ разсматривается вопросъ о происхожденіи 1 кн. Маккавеевъ. Въ частности, здѣсь идетъ рѣчь объ авторѣ книги, времени, мѣстѣ и цѣли ея написанія, а также на основаніи данныхъ, относящихся къ происхожденію книги, уясняется ея назначеніе. Въ той же главѣ опредѣляются источники, которыми пользовался писатель, и рѣшается вопросъ о первоначальномъ текстѣ книги. Съ цѣлью выясненія этого вопроса

г. Родниковъ обстоятельно разсматриваетъ открытые въ недавнее время фрагменты еврейскаго текста I Макк. книги и устанавливаетъ ихъ значеніе. Третья глава изслѣдованія излагаетъ исторію 1 Макк. книги по текстамъ ея греческому, латинскому, сирскому, славянскому и русскому. Въ главѣ четвертой устанавливается взглядъ на историческій характеръ 1 Макк. книги путемъ тщательнаго разбора тѣхъ недоразумѣній и погрѣшностей, которыя указываются въ книгѣ новѣйшими учеными. Наконецъ, пятая глава трактуетъ о каноническомъ достоинствѣ книги. Въ приложеніи къ сочиненію авторъ даетъ 1) отрывки греческаго и латинскаго текстовъ 1 Макк. кн. у древнихъ церковныхъ авторовъ, 2) таблицу варіантовъ въ кодексахъ Александрійскомъ, Синайскомъ, Венеціанскомъ (23) и латинскомъ переводѣ; 3) таблицу варіантовъ въ различныхъ редакціяхъ славянскаго перевода и 4) карту Палестины.

Представленная г. Родниковымъ диссертація является обработкой его кандидатскаго сочиненія, писаннаго на ту же тему и въ свое время признаннаго весьма хорошимъ. Обработка произведена авторомъ очень значительная. Она состоитъ главнымъ образомъ въ восполненіи сочиненія тѣмъ матеріаломъ, которымъ не успѣлъ авторъ воспользоваться при написаніи кандидатскаго сочиненія, а также новымъ матеріаломъ, появившимся уже послѣ составленія упомянутаго сочиненія. Кромѣ восполненія г. Родниковъ произвелъ и нѣкоторыя измѣненія въ распорядкѣ сочиненія и въ постановкѣ отдѣльныхъ пунктовъ. Разсматриваемая въ своемъ настоящемъ видѣ диссертація г. Родникова вполнѣ удовлетворяетъ той цѣли, для которой она представлена. Диссертація стоитъ на уровнѣ современной науки и не опускаетъ ничего сколько нибудь существеннаго. Выводы автора въ общемъ хорошо продуманы и достаточно твердо обоснованы. Изложено сочиненіе простою и правильною рѣчью. Въ упрекъ автору можно поставить то, что по мѣстамъ онъ склоненъ упрощать дѣло и считать яснымъ то, что, повидимому, требуетъ разъясненія. Цитація автора обильна и точна, но

читатель по ней не всегда съумѣетъ отличить важныя сочиненія о 1 Макк. книгѣ отъ такихъ, которыя можно бы и не упоминать. Въ общемъ сочиненіе г. Родникова трудъ почтенный и по напечатаніи составитъ полезное пріобрѣтеніе для нашей богословской литературы, въ которой доселѣ спеціальнаго изслѣдованія о 1 Макк. книгѣ не имѣется".

Справка: В. Родниковъ окончилъ курсъ наукъ Кіевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1903 года со степенью кандидата богословія съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, по переработкѣ, согласно указаніямъ рецензентовъ, написаннаго имъ курсового сочиненія.

Постановили: Рукописное сочиненіе кандидата В. Родникова „Первая книга Маккавеевъ (исагогическое изслѣдованіе)", согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и, на основаніи указа Св. Синода отъ 27 іюля 1883 года за № 2482, напечатать его на счетъ особо ассигнуемой 17 ст. штата дух. акад. суммы, съ тѣмъ, чтобы при печатаніи онъ исправилъ свое сочиненіе согласно съ сдѣланными въ отзывахъ замѣчаніями. По напечатаніи означеннаго сочиненія и заслушаніи въ собраніи Совѣта одобрительныхъ со стороны членовъ Совѣта отзывовъ допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквіумѣ, послѣ чего имѣть окончательное сужденіе объ удостоеніи его магистерской степени.

VI. Сданные Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 28 мая и 9 іюня сего года указы Св. Синода:

а) отъ 26 мая 1906 года за № 5724: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 16 апрѣля сего года № 649, журналъ Учебнаго Комитета за № 172, съ заключеніемъ Комитета, по представленному Вашимъ Преосвященствомъ ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи о разрѣшеніи студенту I курса

сей академіи Николаю Балабухѣ, какъ окончившему уже курсъ высшаго учебнаго заведенія, пройти академическій курсъ ученія не въ четыре, а въ три года. Приказали: Въ виду значительнаго времени, прошедшаго со времени окончанія Николаемъ Балабухой курса ученія въ Военно-юридическомъ училищѣ (въ 1877 г.), когда курсъ общеобразовательныхъ предметовъ, кои Балабухой были изучаемы въ училищѣ, могъ быть далеко не такой, какой нынѣ полагается по симъ предметамъ въ духовныхъ академіяхъ, Святѣйшій Синодъ, не признавая возможнымъ удовлетворить изъясненное ходатайство, опредѣляетъ: ходатайство это отклонить; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

б) отъ 8 іюня 1906 года за №: 6216: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 14 минувшаго мая №: 830, журналъ Учебнаго Комитета за №: 221, съ заключеніемъ Комитета, по прошенію священника Донской епархіи Митрофана Прокопьева, получившаго разрѣшеніе держать испытанія для поступленія въ Кіевскую Духовную Академію, о принятіи его въ число студентовъ академіи, безъ пріемныхъ испытаній. И, по справкѣ, Приказали: Принимая во вниманіе, что, по § 111 устава духовныхъ академій, желающіе поступить въ духовную академію принимаются не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи повѣрочнаго испытанія, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: просьбу священника Донской епархіи Митрофана Прокопьева о разрѣшеніи принять его въ число студентовъ перваго курса Кіевской Духовной Академіи въ 1906—1907 учебномъ году безъ повѣрочнаго испытанія отклонить; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 12 сего іюня

указъ Св. Синода отъ 9 того же іюня за № 5: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 1 сего іюля № 939, журналъ Учебнаго Комитета за № 242, съ заключеніемъ Комитета, о назначеніи въ текущемъ году въ составъ новообразуемыхъ курсовъ духовныхъ академій воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣтамъ духовныхъ академій вызвать къ подлежащему сроку изъ числа 146 семинарскихъ воспитанниковъ, рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами, въ составъ новыхъ въ академіяхъ курсовъ 83 воспитанника, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, изъ нихъ а) въ С.-Петербургскую академію—25, по одному воспитаннику изъ семинарій: Архангельской, Витебской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Калужской, Кишиневской, Курской, Литовской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Орловской, Новгородской, Подольской, Полтавской, Рижской, Рязанской, Саратовской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской, Холмской и Черниговской; б) въ Кіевскую академію—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Владимірской, Волынской, Донской, Кишиневской, Кіевской, Костромской, Курской, Литовской, Могилевской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Самарской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской и Холмской; в) въ Московскую академію—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Виѳанской, Волынской, Воронежской, Иркутской, Калужской, Кишиневской, Костромской, Курской, Московской, Одесской, Подольской, Полтавской, Рижской, Тамбовской, Тульской и по два изъ Владимірской и Черниговской и г) въ Казанскую академію—18, по одному воспитаннику изъ семинарій: Александровской-миссіонерской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Донской, Иркутской, Костромской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской,

Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Ставропольской, Тамбовской и двоихъ изъ Уфимской; 2) остальныя затѣмъ казеннокоштныя вакансіи въ академіяхъ С.-Петербургской — 5, Кіевской — 10, Московской—10 и Казанской—12 предоставить лучшимъ изъ имѣющихъ явиться къ пріемнымъ испытаніямъ въ качествѣ волонтеровъ; 3) поручить Совѣтамъ духовныхъ академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній въ академіяхъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требующіяся синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 12 января 1849 года, съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которыя явятся на экзаменъ не по вызову и будутъ приняты въ число воспитанниковъ академій, и 4) предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы при избраніи воспитанниковъ въ академіи: а) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ какъ по способностямъ, успѣхамъ въ ученія и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, б) на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 19 марта 1871 года за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія отъ вступленія въ духовно-учебную службу, в) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки вмѣстѣ съ другими требуемыми документами избранныхъ воспитанниковъ непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академій чрезъ самихъ воспитанниковъ, и г) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 4 мая 1905 года за № 2228 (Церк. Вѣд. № 21). Для должныхъ распоряженій и исполненія со стороны Совѣтовъ духовныхъ академій, послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Москов-

скому, Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же прочихъ Преосвященныхъ тѣхъ епархій, изъ которыхъ предназначается вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ въ академіи".

Постановили: О предписанномъ въ указѣ сообщить Правленіямъ 20 духовныхъ семинарій.

VIII. А) Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона: „Утромъ 12 сего іюня скончался послѣ тяжкой болѣзни заслуженный ординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ логики и метафизики докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Петръ Ивановичъ Линицкій. За смертію его, а также за имѣющимъ состояться увольненіемъ отъ службы профессоровъ В. Ѳ. Пѣвницкаго и М. Ф. Ястребова, вслѣдствіе прошеній ихъ о семъ, освобождаются преподавательскія каѳедры логики и метафизики, гомилетики и догматическаго богословія. Предлагаю Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса о замѣщеніи этихъ каѳедръ".

Б) Заявленія наставниковъ Академіи, отъ 15 сего іюня:

а) А. Розова, В. Малинина, Н. Мухина, священника А. Глаголева, В. Экземплярскаго, И. Четверикова и П. Кудрявцева: „За смертію Петра Ивановича Линицкаго въ нашей Академіи освободилась каѳедра логики и метафизики, замѣщеніе которой представляетъ особаго рода трудности, потому что для этой каѳедры требуется лицо не только съ философскимъ складомъ мышленія, но и съ болѣе или менѣе сложившимся міросозерцаніемъ, и мы видимъ, что какъ для покойнаго нашего учителя, такъ и для профессора метафизики въ Московской Духовной Академіи Алексѣя Ив. Введенскаго ступенью къ занятію этой каѳедры служило преподаваніе исторіи философіи (Петръ Ивановичъ преподавалъ эту науку въ теченіе двадцати лѣтъ). При такихъ условіяхъ каѳедра метафизики замѣщалась

лицомъ дѣйствительно правоспособнымъ. Въ противномъ случаѣ (при замѣщеніи означенной каѳедры лицомъ только-что окончившимъ академическій курсъ) всегда есть рискъ нѣкоторой ошибки въ опредѣленіи умственнаго склада, научной правоспособности и преподавательской пригодности избираемаго, не говоря уже о томъ, что каѳедра не на одинъ годъ обрекается на печальное существованіе,—все это въ зависимости отъ особаго характера метафизики.

Вотъ почему мы полагаемъ, что въ высшей степени желательно замѣщеніе освободившейся у насъ каѳедры метафизики лицомъ зрѣлымъ и достаточно опредѣлившимся въ научно-философскомъ смыслѣ. Обращаясь къ воспитанникамъ нашей Академіи, мы не находимъ среди нихъ такого лица, которое явилось бы вполнѣ правоспособнымъ и безспорнымъ кандидатомъ на каѳедру метафизики. Между тѣмъ намъ извѣстно, что профессоръ исторіи философіи въ Московской Духовной Академіи Павелъ Васильевичъ Тихомировъ, по обстоятельствамъ чисто личнаго свойства, ни къ изучаемой имъ наукѣ, ни къ занимаемой имъ каѳедрѣ отношенія не имѣющимъ, подалъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи прошеніе объ увольненіи его отъ службы при этой Академіи, и хотя Совѣтъ, „высоко цѣня выдающуюся талантливость, ученые труды, испытанную преподавательскую дѣятельность“ г-на Тихомирова, равно какъ „достоинства“ его „нравственнаго характера, преданность интересамъ воспитавшей“ его „Академіи и трудность для Совѣта замѣнить“ его „на столь сродной“ его „духу каѳедрѣ исторіи философіи“, въ собраніи своемъ 21 февраля 1906 года единогласно постановилъ просить г-на Тихомирова „остаться на академической службѣ“, послѣдній—при всей своей преданности воспитавшей его Академіи—не могъ этого сдѣлать, и теперь приглашенъ на каѳедру философіи въ С.-Петербургскій Александровскій лицей.

Г-нъ Тихомировъ заявилъ себя выдающимися научными трудами, преимущественно въ области философіи. Помимо его

магистерской диссертація „Пророкъ Малахія", отмѣтимъ слѣдующіе его труды:

1. *Православная догматика и религіозно-философское умозрѣніе*. Харьк. 1899. Стр. 38. Намѣтивъ точку зрѣнія въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи вѣры къ знанію, г. Тихомировъ рѣшаетъ здѣсь вопросы о характерѣ богопознанія сравнительно съ міропознаніемъ, указываетъ источники естественнаго богопознанія, его составъ и методъ. Здѣсь заслуживаетъ вниманія между прочимъ высокая оцѣнка, данная авторомъ трактату о естественномъ богопознаніи, находящемуся въ „Опытѣ догматическаго богословія" Преосвященнаго Сильвестра.

2. *Имманентная критика раціональнаго богословія*. Харьк. 1899, стр. 77. Здѣсь данъ очень полный логическій анализъ извѣстныхъ въ исторіи доказательствъ бытія Божія. Этотъ трудъ служитъ лучшимъ показателемъ правоспособности автора къ научному изложенію логики.

3. *Исторія философіи, какъ процессъ постепенной выработки научно обоснованнаго и истиннаго міровоззрѣнія*. Тр.-Серг. Лавра. 1899. Стр. 37.

4. *Типы гносеологическихъ ученій*. Стр. 34. Это—самая классификація гносеологическихъ направленій, замѣчательная по своей полнотѣ и логической стройности, хотя, можетъ быть, и излишне дробная.

5. *Проблема и методъ Кантовой критики познанія* (стр. 51)—одна изъ лучшихъ монографій о Кантѣ, отличающаяся научною документальностью и чрезвычайною ясностью изложенія.

6. *Вѣчный миръ въ философскомъ проектѣ Канта*. Серг. Лавра. 1899, стр. 56. Это—изложеніе и комментарій сочиненія Канта „о вѣчномъ мирѣ".

7. *Гносеологія Риля* (58 стр.)—образцовая монографія объ этомъ философѣ.

8. *Научное и философское значеніе эволюціонной теоріи*. Стр. 15.

9. *Возможна ли метафизика ума?* (М. 1893, стр. 38)—критическій разборъ сочиненія Н. Г. Дебольскаго „Философія феноменальнаго формализма".

10. *Философія В. Д. Кудрявцева.* М. 1894. Стр. 45.

11. *Литературный споръ П. А. Каленова и проф. А. И. Введенскаго по вопросу о вѣрѣ и знаніи.* Стр. 49.

12. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на книгу Чичерина: „Основанія логики и метафизики". Стр. 24.

13. *Дедуктивная и индуктивная логика В. Минто.* Критико-біографическая замѣтка. Стр. 13.

14. *О природѣ экзистенціальныхъ сужденій*—небольшой трактатъ, составляющій ядро приготовляющейся къ печати докторской диссертаціи г. Тихомирова.

Уже и этотъ—далеко не полный—перечень печатныхъ трудовъ г. Тихомирова показываетъ, что мы имѣемъ въ его лицѣ преданнаго работника въ области философіи, по преимуществу посвящавшаго свои силы разработкѣ раціональнаго богословія, исторіи философіи и логики. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что г. Тихомировъ въ теченіе одного года находился въ заграничной командировкѣ.

Все сказанное даетъ намъ основаніе предложить г. Тихомирова вниманію Совѣта въ качествѣ кандидата на каѳедру логики и метафизики въ нашей Академіи. Полагаемъ, что препятствій къ избранію г. Тихомирова на означенную каѳедру не можетъ служить то обстоятельство, что онъ получилъ высшее образованіе не въ нашей Академіи, во первыхъ, потому, что въ настоящее время, какъ мы уже говорили, среди питомцевъ нашей Академіи не усматривается лица, подготовленнаго къ преподаванію логики и метафизики (если бы такое лицо было у насъ на примѣтѣ, мы, разумѣется, не затруднились бы отдать ему предпочтеніе передъ другими кандидатами, при равныхъ условіяхъ), а во вторыхъ, потому, что въ нашей Академіи были уже опыты замѣщенія каѳедръ лицами, учившимися въ другихъ Академіяхъ. Не говоря о находящихся въ

данное время въ составѣ нашей корпораціи лицахъ, напомнимъ покойнаго Ѳ. Ѳ. Гусева, который былъ питомцемъ С.-Петербургской Академіи. Въ свое время, какъ извѣстно, каѳедра метафизики предлагалась А. П. Лебедеву, состоящему въ настоящее время профессоромъ церковной исторіи въ Московскомъ Университетѣ".

б) Н. Петрова, А. Розова, Н. Дроздова, протоіерея І. Королькова и А. Булгакова: „Въ качествѣ кандидата на открывающуюся въ нашей Академіи за выходомъ въ отставку В. Ѳ. Пѣвницкаго вакантную каѳедру гомилетики и исторіи проповѣдничества имѣемъ честь предложить вниманію Совѣта Академіи преподавателя Екатеринославской Духовной Семинаріи, магистра богословія Виктора Фаминскаго.

Г. Фаминскій въ 1899 году былъ первымъ принятъ въ число студентовъ нашей Академіи. Во время прохожденія академическаго курса онъ зарекомендовалъ себя съ наилучшей стороны какъ своими дарованіями, такъ успѣхами по всѣмъ предметамъ академическаго курса и первымъ окончилъ курсъ Академіи въ 1903 году. Кандидатское сочиненіе Совѣтомъ Академіи было признано наилучшимъ изъ всѣхъ сочиненій студентовъ его курса, отмѣчено балломъ 5 и удостоено преміи. По окончаніи курса онъ былъ оставленъ при Академіи на 1 годъ для приготовленія къ занятію профессорской каѳедры и спеціально изучалъ гомилетику и исторію проповѣдничества подъ руководствомъ В. Ѳ. Пѣвницкаго, при чемъ занимался также переработкою своего кандидатскаго сочиненія для представленія его въ качествѣ магистерской диссертаціи, хотя одинъ изъ оффиціальныхъ рецензентовъ проф. М. А. Олесницкій былъ столь высокаго мнѣнія объ этомъ сочиненіи, что рекомендовалъ автору ограничиться лишь исправленіемъ нѣкоторыхъ неудачныхъ выраженій. Послѣ того г. Фаминскій поступилъ на должность преподавателя гомилетики, литургики и практическаго руководства для пастырей въ Екатеринославской Духовной Семинаріи, при чемъ велъ также практическія занятія по

проповѣдничеству съ воспитанниками семинаріи, произносилъ проповѣди въ Екатеринославскихъ и отчасти въ Кіевскихъ церквахъ и принималъ участіе въ миссіонерскихъ бесѣдахъ съ старообрядцами и сектантами. Онъ извѣстенъ также своими рѣчами въ залѣ Кіевскаго Религіозно-Просвѣтительнаго Общества: „Цѣль и смыслъ жизни съ христіанской точки зрѣнія“ и „Мораль языческаго философа Сенеки и современное отношеніе къ вопросамъ нравственности“, которыя изданы отдѣльными брошюрами. 23 мая настоящаго года онъ съ полнымъ успѣхомъ защитилъ на коллоквіумѣ въ нашей Академіи свое сочиненіе „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству“ въ качествѣ магистерской диссертаціи и удостоенъ Совѣтомъ Академіи степени магистра богословія. Сочиненіе это принадлежитъ къ числу наилучшихъ магистерскихъ диссертацій. Столь компетентный ученый въ данномъ случаѣ, какъ почетный членъ нашей Академіи профессоръ В. И. Модестовъ, въ письмѣ, полученномъ отъ него на этихъ дняхъ, дѣлаетъ очень лестный отзывъ объ этомъ сочиненіи, ставитъ трудъ этотъ „въ несомнѣнную заслугу предъ русской наукой и рекомендуетъ автору представить это сочиненіе на соисканіе Макарьевской преміи“.

На основаніи вышеизложеннаго полагаемъ, что г. Фаминскаго можно признать вполнѣ подготовленнымъ какъ теоретически, такъ практически къ преподаванію гомилетики и исторіи проповѣдничества въ Академіи и могущимъ съ пользою для науки и православной Церкви и съ честью для нашей Академіи занимать эту каѳедру“.

в) В. Малинина, А. Дмитріевскаго, протоіерея I. Королькова, А. Булгакова, Н. Маккавейскаго, Н. Мухина, В. Экземплярскаго и П. Кудрявцева: „Въ ряду памятныхъ хорошо Совѣту Академіи профессорскихъ стипендіатовъ священникъ Николай Степановичъ Гроссу, преподаватель Кіевской Духовной Семинаріи, по нашему мнѣнію, можетъ быть признанъ весьма солиднымъ кандидатомъ на свободную каѳедру гомилетики въ

нашей Академіи, какъ человѣкъ, заявившій себя незауряднымъ проповѣдникомъ, плодовитымъ работникомъ на литературномъ поприщѣ и, насколько намъ извѣстно, заканчивающимъ уже свое сочиненіе на степень магистра на тему „Св. Өеодоръ Студитъ и его творенія".

г) А. Розова, Н. Дроздова, А. Дмитріевскаго, Д. Богдашевскаго, протоіерея І. Королькова, А. Булгакова, Н. Маккавейскаго, В. Рыбинскаго, Н. Мухина, священника А. Глаголева и В. Экземплярскаго: „На вакантную въ настоящее время въ нашей Академіи каѳедру догматическаго богословія мы, нижепоименованные члены Совѣта, считали бы правоспособнымъ и желательнымъ кандидатомъ помощника инспектора нашей Академіи, магистра богословія М. Е. Поснова по слѣдующимъ даннымъ.

Учено-литературная производительность г. Поснова выразилась доселѣ въ довольно многочисленныхъ, количественно и качественно цѣнныхъ работахъ библейско-богословскаго и библейско-догматическаго характера.

1. „Идея завѣта Бога съ Израильскимъ народомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ" 1902 г.—сочиненіе, доставившее автору его отъ Совѣта нашей Академіи степень магистра богословія и кромѣ того премированное на основаніи отзывовъ спеціальной коммиссіи, а отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ удостоившееся одобренія и рекомендаціи.

2. „Два фактора—божественный и человѣческій въ исторіи Израильскаго народа" (Тр. Кіев. Д. Акад. 1903)—статья, имѣющая связь съ предыдущею работою автора и дающая, такъ сказать, философію исторіи Израильскаго народа въ библейскій періодъ его существованія.

3. Рядъ статей по вопросамъ внутренней жизни послѣплѣннаго Іудейства, преимущественно по вопросамъ вѣроучительнаго характера (напр. о мессіанскихъ ожиданіяхъ Іудеевъ послѣ плѣна Вавилонскаго). Статьи эти, по напечатаніи ихъ въ нашемъ академическомъ журналѣ (за 1904, 1905 и 1906-й г.г.),

изданы авторомъ въ видѣ отдѣльной книги подъ общимъ заглавіемъ „Іудейство“ (Кіевъ. 1906 г.).

4. Въ „Богословской Энциклопедіи“ (т. VI), редактируемой проф. Н. Н. Глубоковскимъ, авторомъ помѣщены библейскія статьи: „Іеремія“ (пророкъ), „Ковчегъ завѣта“, „Книжники“.

5. Въ издававшемся „Православно-русскомъ Словарѣ“ (1905, V) авторъ напечаталъ статью: „Что ожидаетъ еврейскій народъ въ будущемъ“.

Кромѣ этихъ библейско-догматическихъ и библейско-историческихъ этюдовъ, перу г. Поснова принадлежатъ нѣсколько статей собственно догматическаго и обще-богословскаго содержанія. Сюда принадлежитъ, напр., статья въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ (1904) подъ заглавіемъ: „Происхожденіе церкви и созиданіе ея въ вѣкъ апостольскій“. Г. Поснову принадлежитъ, наконецъ, рядъ критико-библіографическихъ замѣтокъ (Христ. Чтен. 1905, IX. 1906, II), журнальныхъ обозрѣній по вопросамъ богословія, церкви и церковно-общественной жизни („Труд. Кіев. Дух. Акад.“ 1906; „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ 1906).

Не входя въ подробную оцѣнку всѣхъ перечисленныхъ работъ г. Поснова, мы можемъ однако сказать не обинуясь: научно-богословская значимость этихъ работъ не можетъ быть серьезно оспариваема. Къ этому мы позволимъ присоединить, что, по нашему убѣжденію,—основанному какъ на знакомствѣ съ учеными работами г. Поснова, такъ и на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ по тѣмъ или инымъ богословскимъ вопросамъ, г. Посновъ обладаетъ всѣми условіями, благопріятными и необходимыми для академическаго преподавателя догматическаго богословія въ Академіи. Сюда мы относимъ незаурядныя способности и дарованія г. Поснова, неослабѣвающій интересъ его къ научно-богословскимъ вопросамъ и научнымъ теченіямъ въ области богословія, хорошее знаніе классическихъ языковъ и трехъ главныхъ европейскихъ языковъ—знаніе, дающее ему возможность разрабатывать богословскіе вопросы по первоисточникамъ и наилучшимъ пріобрѣтеніямъ

европейской богословской мысли,—наконецъ, его удивительную работоспособность и настойчивость въ трудѣ научномъ.

На основаніи сказаннаго мы полагали-бы, что г. Посновъ имѣетъ неоспоримое право быть баллотированнымъ на каѳедру догматическаго богословія".

Справка: Кромѣ поименованныхъ въ заявленіяхъ присутствовавшими въ собраніи членами Совѣта были указаны кандидаты: а) на каѳедру логики и метафизики—и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи П. Кудрявцевъ, кандидатъ Кіевской Академіи (выпуска 1901 года) Леонидъ Крыловъ; б) на каѳедру догматическаго богословія кандидаты Кіевской Академіи М. Инсарскій (выпуска 1904 года), А. Чекановскій (выпуска 1905 года).

Постановили: Замѣщеніе каѳедръ логики и метафизики, гомилетики и догматическаго богословія отложить до начала слѣдующаго учебнаго года.

IX. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона: „Постановленіемъ Совѣта Академіи отъ 26 сентября 1905 года на профессора П. Линицкаго было возложено составленіе годичнаго отчета ко дню торжественнаго собранія Академіи 26 сентября текущаго года. Профессоръ П. Линицкій умеръ. Предлагаю Совѣту Академіи поручить это дѣло другому лицу".

Постановили: Составленіе отчета о состояніи Академіи за текущій учебный годъ ко дню торжественнаго собранія Академіи 26 сентября сего года возложить на и. об. инспектора Академіи экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго.

X. Докладъ секретаря Совѣта: „Совѣтъ Академіи въ собраніи своемъ 23 минувшаго мая, заслушавъ указъ Св. Синода отъ 12 мая сего года за № 5098, по которому предоставлено Совѣту принять въ число академическихъ студентовъ священника Ѳ. Синькевича, окончившаго курсъ ученія по историко-

филологическому факультету въ Кіевскомъ Университетѣ Св. Владиміра, постановилъ имѣть сужденіе по вопросу о принятіи свящ. Синькевича въ Академію по представленіи имъ документовъ его. Нынѣ священникъ Ѳ. Синькевичъ представилъ свидѣтельство отъ историко-филологическаго факультета Университета Св. Владиміра, о чемъ имѣю честь доложить Совѣту Академіи".

Постановили: Свящ. Ѳ. Синькевича принять въ число академическихъ студентовъ въ началѣ 1906—1907 учебн. года.

XI. Прошенія кандидатовъ богословія:

а) смотрителя Каменецкаго духовнаго училища Аѳанасія Неселовскаго, отъ 1 сего іюня: „Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи удостоить меня степени магистра богословія за мое изслѣдованіе о чинахъ хиротесій и хиротоній, шестьдесятъ экземпляровъ котораго при семъ представляю".

б) помощника инспектора Казанской духовной семинаріи Николая Смирнова, отъ 31 минувшаго мая: „Представляя въ Совѣтъ Академіи свою работу подъ заглавіемъ: „Терапевты и сочиненія Филона Іудея о жизни созерцательной (De Vita Contemplativa)", почтительнѣйше прошу принять ее въ качествѣ магистерской диссертаціи".

Постановили: Представленныя сочиненія передать на разсмотрѣніе—Неселовскаго профессору А. Дмитріевскому, а Смирнова профессору В. Рыбинскому, предоставивъ Преосвященному Ректору Академіи назначить вторыхъ рецензентовъ по своему усмотрѣнію.

XII. Прошеніе студента I курса Михаила Шуранова, отъ 11 сего іюня, на имя Преосвященнаго Ректора: „Желая для полученія высшаго образованія поступить въ Университетъ, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство уволить меня изъ ввѣренной Вамъ Академіи и разрѣшить мнѣ взять свои документы изъ канцеляріи.

Уплату денегъ, которая слѣдуетъ съ меня за содержаніе въ Академіи, покорнѣйше прошу отложить на неопредѣленное время, пока я буду въ состояніи сдѣлать эту уплату".

Постановили: Студента М. Шуранова уволить изъ Академіи, выдавъ ему на руки документы, отмѣтивъ на его семинарскомъ аттестатѣ объ обязательствѣ его уплатить Академіи причитающуюся съ него сумму за содержаніе въ ней въ количествѣ 210 рублей.

XIII. Прошенія окончившихъ курсъ Академіи А. Меморскаго и А. Петрова о выдачѣ имъ курсовыхъ сочиненій для обработки ихъ.

Справка: Правленіемъ Академіи 1 іюня 1898 года постановлено было выдачу курсовыхъ сочиненій на руки авторамъ ихъ прекратить, предоставивъ имъ снимать копіи съ ихъ сочиненій въ канцеляріи Академіи.

Постановили: Оставить въ силѣ приведенное постановленіе Правленія Академіи.

XIV. Прошеніе студента В. Преображенскаго, отъ 1 сего іюня, о разрѣшеніи ему снять копіи съ документовъ его.

Постановили: Просьбу студента В. Преображенскаго отклонить.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „1 іюля 1906 года. Читалъ".

1906 года 15 іюня.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присут-

ствовали ординарные и экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ С. Голубева, К. Попова, ординарныхъ профессоровъ В. Завитневича и протоіерея Ѳ. Титова, состоящихъ членами Предсоборнаго Присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Слушали: Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона, объ избраніи членовъ Правленія—одного вмѣсто скончавшагося профессора П. Линицкаго и другого вмѣсто профессора В. Пѣвницкаго, въ виду имѣющаго состояться увольненія его отъ службы при Академіи, вслѣдствіе поданнаго имъ прошенія о семъ.

Справка: Большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ въ собраніи членовъ Совѣта избранными оказались заслуженный ординарный профессоръ Н. Дроздовъ и ординарный профессоръ В. Завитневичъ.

Постановили: На освободившуюся за смертью профессора П. Линицкаго должность члена Правленія считать избраннымъ заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова, а на имѣющую освободиться, по увольненіи профессора В. Пѣвницкаго отъ службы, должность члена Правленія считать избраннымъ ординарнаго профессора В. Завитневича, о чемъ, на основаніи § 93 и 81 б. 4. уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Флавіана.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „1 іюля 1906 г. Утверждается“.

1906 года 15 іюня.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры, доценты и и. д. доцента Академіи, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ С. Голубева и К. Попова, ординарныхъ профессоровъ В. Завитневича и протоіерея Ѳ. Титова, состоящихъ членами Предсоборнаго Присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Слушали: 1. а) Прошеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи В. Пѣвницкаго отъ 23 минувшаго мая: „Прослуживъ въ Академіи съ посильнымъ усердіемъ свыше пятидесяти лѣтъ, и желая предоставить занимаемую мною каѳедру въ обновляющейся Академіи болѣе свѣжимъ силамъ, прошу Совѣтъ Академіи исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ службы при Академіи и узаконенную за службу мою пенсію".

б) Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона, объ избраніи заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи В. Ѳ. Пѣвницкаго въ званіе почетнаго члена Академіи во вниманіе къ его выдающейся по своимъ добрымъ результатамъ самоотверженной свыше 50-лѣтней службѣ въ Академіи.

Справка: Предложеніе объ избраніи профессора В. Пѣвницкаго въ почетные члены Академіи принято всѣми присутствовавшими членами Совѣта единогласно.

Постановили: На основаніи § 81 в. 3. и 5. уст. дух. акад., ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго отъ службы при Академіи и объ утвержденіи его въ званіи почетнаго члена Академіи. Дѣло объ

исходатайствованіи профессору Пѣвницкому пенсіи, на основаніи § 94 в. 5. уст. дух. акад., передать въ Правленіе Академіи.

II. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона, объ избраніи кандидатовъ—на освободившуюся за кончиною заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго и на имѣющуюся освободиться по увольненіи заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго штатныя вакансіи ординарныхъ профессоровъ Академіи и объ избраніи, по замѣщеніи двухъ штатныхъ ординарныхъ вакансій, кандидатовъ на двѣ штатныя вакансіи экстраординарныхъ профессоровъ.

Справка: 1. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 29 апрѣля 1904 года за № 4187 экстраординарные профессоры Кіевской Духовной Академіи К. Поповъ и В. Завитневичъ удостоены были званія ординарныхъ профессоровъ, а указомъ Святѣйшаго Синода отъ 20 февраля сего года за № 2169 доцентъ Академіи Н. Мухинъ удостоенъ былъ званія экстраординарнаго профессора, всѣ—сверхъ штата, но съ присвоеннымъ симъ должностямъ содержаніемъ, съ отнесеніемъ дополнительнаго по сему содержанію расхода временно, до зачисленія ихъ на штатныя вакансіи, по освобожденіи таковыхъ, на счетъ духовно-учебнаго капитала.

2. Присутствовавшими членами Совѣта въ качествѣ кандидатовъ на освободившуюся за кончиною заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго вакансію ординарнаго профессора указанъ заслуженный ординарный профессоръ К. Поповъ, а на имѣющую освободиться по увольненіи отъ службы при Академіи заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго вакансію ординарнаго профессора—ординарный профессоръ В. Завитневичъ, на освобождающіяся же послѣ сего вакансіи штатныхъ экстраординарныхъ профессоровъ—на первую указанъ профессоръ Н. Мухинъ и на вторую большинствомъ голосовъ избранъ доцентъ священникъ А. Глаголевъ.

Постановили: Профессора К. Попова опредѣлить на свободную въ настоящее время штатную вакансію ординарнаго профессора, а на освобождающуюся послѣ сего штатную вакансію экстраординарнаго профессора опредѣлить профессора Н. Мухина, на имѣющую же освободиться по увольненіи профессора В. Пѣвницкаго штатную вакансію ординарнаго профессора опредѣлить ординарнаго профессора В. Завитневича, а на освобождающуюся послѣ сего штатную вакансію экстраординарнаго профессора считать избраннымъ доцента священника А. Глаголева и, на основаніи § 81 в. 4. устава дух. акад., ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи профессора К. Попова въ должности штатнаго ординарнаго профессора, профессора Н. Мухина въ должности штатнаго экстраординарнаго профессора со дня настоящаго собранія Совѣта, т. е. съ 15 іюня сего года, профессора В. Завитневича въ должности штатнаго ординарнаго профессора и доцента свящ. А. Глаголева въ должности штатнаго экстраординарнаго профессора—со дня увольненія профессора В. Пѣвницкаго отъ службы при Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „1 іюля 1906 г. Согласенъ“.

